

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К°, Пименовская улица, д. Кушнеровой.

1886.

Printed in 1886
Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
И. С. АКСАКОВЪ † 27 января 1886 года.	
I. СОЖЖЕННАЯ МОСКВА. Историческій романъ. Часть II, гл. XXV—XLVII. <i>Окончаніе</i> . —Г. П. Данилевскаго.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ. —П. А. Козлова	111
III. ВЪ ДАЛЕКІЕ КРАЯ. Путевые наброски и картинки. Гл. IV. <i>Продолженіе</i> . —Л. Нельмина (псевдонимъ).	112
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ. —Л. И. Пальмина	127
V. РОМАНЪ ХОРОШАГО ЧЕЛОВѢКА. —Эдмонда Абу. Переводъ съ французскаго. Гл. IV—VI. <i>Продолженіе</i>	129
VI. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ. Повѣсть. Гл. I—IV. —А. И. Эртеля.	157
VII. КЛИТІЯ. Историческая повѣсть изъ временъ реформаци. —Тейлора (проф. Гаусрата). Переводъ съ нѣмецкаго. Гл. VI—VIII. <i>Продолженіе</i>	105
VIII. П. И. ЧАЙКОВСКІЙ. (Очеркъ музыкальной дѣятельности). Гл. I.—В. С. Баснина	237
IX. ПРАКТИЧЕСКІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ. —Н. А. Наблюнова	1
X. СМУТНОЕ ВРЕМЯ АНАБАПТИЗМА. Гл. V—VII. <i>Продолженіе</i> . —А. Михайлова (А. К. Шелдеръ)	17
XI. ЧЕТВЕРТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ. (По даннымъ рязанской статистики). —Н. М. П-ва	43
XII. ОТЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО ДО ГОНКОНГА. Путевые наброски. Гл. I—IV. —В. Верещагина	60
XIII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УНИЧТОЖЕНІЯ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.	81
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Борьба съ вредными насѣкомыми. —И. М. Красильщика	97

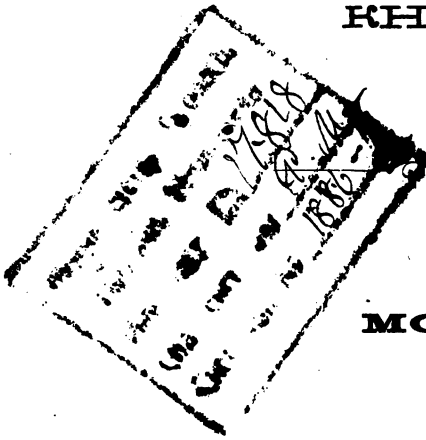
РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1886.

Редація и главная контора: Леонтьевскій, 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ—при конт. Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя
линіи, и при книжн. магазинѣ А. А. Карцева, Фурьасовскій
пер., д. Обидиной.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW order 3129/84

AP50
R 875
V. 7:2
MAIN

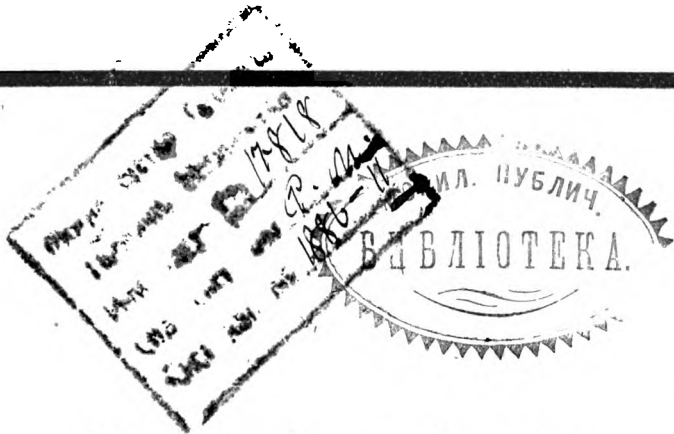
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

852152

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
И. С. АКСАКОВЪ † 27 января 1886 года.	
I. СОЖЖЕННАЯ МОСКВА. Историческій романъ. Часть II, гл. XXV—XLVII. <i>Окончаніе</i> .—Г. П. Данилевскаго.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЕ.—П. А. Козлова	111
III. ВЪ ДАЛЕКІЕ КРАЯ. Путевые наброски и картинки. Гл. IV. <i>Продолженіе</i> .—Л. Нельмина (псевдонимъ).	112
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. И. Пальмина	127
V. РОМАНЪ ХОРОШАГО ЧЕЛОВѢКА.—Эдмонда Абу. Переводъ съ французскаго. Гл. IV—VI. <i>Продолженіе</i>	129
VI. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ. Повѣсть. Гл. I—IV.—А. И. Эртеля.	157
VII. КЛИТІЯ. Историческая повѣсть изъ временъ реформаціи.—Тейлора (проф. Гаусрата). Переводъ съ нѣмецкаго. Гл. VI—VIII. <i>Продолженіе</i>	105
VIII. П. И. ЧАЙКОВСКІЙ. (Очеркъ музыкальной дѣятельности). Гл. I.—В. С. Басмина	237
IX. ПРАКТИЧЕСКІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ.—Н. А. Каблунова.	1
X. СМУТНОЕ ВРЕМЯ АНАБАПТИЗМА. Гл. V—VII. <i>Продолженіе</i> .—А. Михайлова (А. К. Шеллеръ)	17
XI. ЧЕТВЕРТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ. (По даннымъ рязанской статистики).—Н. М. П-ва.	43
XII. ОТЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО ДО ГОНКОНГА. Путевые наброски. Гл. I—IV.—В. Верещагина.	60
XIII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УНИЧТОЖЕНІЯ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.	81
XIV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Борьба съ вредными насѣкомыми.—И. М. Красильщика	97

XV. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.—Н. Ш.	132
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: 19 февраля 1861—1886 гг. . .	150
XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: А. Т. Рубинштейнъ и его историческіе концерты	177
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Философія.—Исторія.—Статистика и политическая экономія.—Юридическія книги.—Публицистика.—Языкознаніе.—Естествознаніе и медицина.—Педагогика, учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Сельское хозяйство.—Лубочная литература.—Плоды книгопродавческой спекуляціи. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», январь.—«Сѣверный Вѣстникъ», январь.—«Русскій Вѣстникъ», январь. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Объявленія	1

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

† 27 января 1886 года.

Смерть Ивана Сергѣевича Аксакова составляетъ тяжелую и незамѣнимую утрату. Въ теченіе всей своей жизни покойный страстно и настойчиво боролся съ тѣми узко-бюрократическими началами, которыя такъ долго и много тормазили правильное развитіе русскаго народа. Величайшею заслугой знаменитаго публициста мы считаемъ его энергическую защиту свободы совѣсти и печати. Самому Ивану Сергѣевичу пришлось немало потерпѣть отъ неправильной оцѣнки его взглядовъ на истинные интересы и національное достоинство Россіи. Сильно и рѣзко нападая на противниковъ, Аксаковъ никогда не унижался до требованія заставить этихъ противниковъ замолчать. Иванъ Сергѣевичъ былъ искренній и честный публицистъ, онъ беззавѣтно любилъ Россію, земскую Русь, на старый до-петровскій ладъ. Много было въ его воззрѣніяхъ неяснаго и, на нашъ взглядъ, неправильнаго, но такого, какъ онъ, противника нельзя было не уважать глубоко. Со смертию Ивана Сергѣевича Аксакова смолкаетъ честный, громкій и авторитетный голосъ и русская печать лишается одного изъ достой-

нѣйшихъ своихъ представителей. Эта потеря почувствуется во всемъ русскомъ обществѣ.

Вѣчная память и чистая слава публицисту, вся дѣятельность, вся жизнь котораго были посвящены защитѣ простой и великой мысли, что «духа единственный мечъ—свободное слово».

Ред.

СОЖЖЁННАЯ МОСКВА *).

Историческій романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

„И придетъ на ты пагуба, и не увѣси“.

Исаія.

XXV.

Черезъ два дня послѣ проводовъ жениной бабки и Авроры, Илья Борисовичъ Тропининъ, надѣвъ плащъ и шляпу, отправился въ сенатъ, гдѣ, по слухамъ, была получена какая-то бумага изъ Петербурга. Онъ хотѣлъ провѣдать, послѣдовало ли наконецъ разрѣшеніе сенатскимъ, а равно и театральнымъ чиновникамъ, также оставить Москву. Въ то утро онъ узналъ отъ бывшаго астраханскаго губернатора, Повалишина, что ихъ общій знакомый, старикъ-купецъ миллионеръ Иванъ Семеновичъ Живовъ, убѣдившись въ приближеніи французовъ, заперъ въ Гостиномъ дворѣ свой складъ и, перекрестясь, сказалъ приказчику: «Бѣду; чуть они покажутся, слышишь, чтобъ ничего имъ не досталось; зажигай лавку, домъ и все!» Едва Илья въѣхалъ въ Кремль и вошелъ въ сенатъ, началось вступленіе французовъ въ Москву, былъ ими произведенъ извѣстный выстрѣлъ картечью въ Боровицкія ворота и французы заняли Кремль.

Тропининъ бросился было обратно въ Спасскія ворота. Онъ полагалъ спуститься къ Москворѣцкому мосту и уйти съ толпою, бѣжавшею по Замоскворѣчью. «Скорѣе, скорѣе!» — торопилъ онъ извозчика. У Лобнаго мѣста его окружила и остановила гуча французскихъ солдатъ, съ криками, уже грабившая Гостиный дворъ. Посадивъ на тротуаръ этого длин-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

наго, близорукаго и смѣшнаго, въ синемъ плащѣ, челоуѣка, французы со смѣхомъ, прежде всего, стащили съ его ногъ сапоги. Потомъ, весело заглядывая ему въ лицо и какъ бы спрашивая: «что? удивленъ?»—они сняли съ него плащъ и шляпу. Огромнаго роста, въ рыжихъ бакенахъ и веснушкахъ, унтеръ-офицеръ, свая бѣлые, смѣющіеся зубы, спокойно отстегнулъ съ камзола Илья золотую цѣпочку съ часами, и принялся было за обручальное кольцо на его пальцѣ. Обезпамятѣвшій Илья очнулся. Онъ бѣшено, съ силой, оттолкнулъ грабителя и, задыхаясь, съ пѣной у рта, крикнулъ нѣсколько отборныхъ французскихъ ругательствъ.

— Каково! онъ говоритъ, какъ истый французъ! (*Tiens, il parle comme un vrai français!*)—удивился унтеръ-офицеръ.

Илью окружили и ввели подъ аркады Гостиного двора, такъ какъ въ близкомъ сосѣдствѣ уже прорывалось пламя пожара надъ москательными лавками. Плѣннику предлагали множество вопросовъ о томъ, гдѣ въ Москвѣ лучшіе магазины и погреба, какъ пройти къ лавкамъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, къ складамъ винъ и къ лучшимъ моднымъ трактирамъ. Пользуясь суетой, Илья въ одномъ изъ темныхъ проходовъ Гостиного двора бросился въ сторону, выбѣжалъ къ Варварѣ и скрылся въ подвалѣ какого-то опустѣлаго барскаго дома. Когда стемнѣло, онъ переулками добрался до Тверскаго бульвара, отыскалъ знакомый ему обширный садъ богача Асташѣвскаго и здѣсь въ дальней бесѣдкѣ, рѣшилъ провести ночь. Забившись въ уголокъ бесѣдки, онъ отъ усталости почти мгновенно заснулъ. Его разбудилъ дымъ, валившій клубами, черезъ деревья, изъ загорѣвшагося смежнаго двора. Не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ, и задыхаясь отъ дыма, онъ выскочилъ изъ бесѣдки.

Начиналось утро. Съ разныхъ сторонъ поднимались густыя облака дыма, съ пламенемъ. Горѣли сосѣднія Тверская, Никитская и Арбатъ. Тропининъ, вспомнивъ приказъ Живова о сожженіи его собственнаго дома, оглядывался въ ужасѣ. Его томилъ голодъ; разутыя ноги околѣбли отъ холода. Куда идти? Домъ жениной бабки, гдѣ, какъ онъ зналъ, вчера на рукахъ дворника осталось еще не мало невывезенныхъ припасовъ, былъ невдали. Илья, перелѣзая съ забора черезъ заборъ, вышелъ на Бронную. Отсюда было уже близко до Патриаршихъ прудовъ. Полуодѣтый, безъ шляпы и въ однихъ испачканныхъ носкахъ, онъ, быстро шагая длинными ногами, скоро миновалъ смежные, теперь почти

пустые переулки. Уже виднѣлась знакомая крыша дома княгини Шелешпанской.

Тропинину преградила дорогу кучка солдатъ, несшая какіе-то кули и тюки. Сопровождавшій ихъ офицеръ остановилъ Илью и приказалъ ему взять на плечи ношу одного изъ солдатъ, котораго тутъ же куда-то услалъ. Ноша была въ нѣсколько пудовъ. Тропининъ молча покорился такому насилию, соображая, что этому будетъ же вскорѣ конецъ. Онъ донесъ куль до Кремля. Оттуда его отправили съ другими солдатами за сѣномъ, а вечеромъ, давъ ему поѣсть, объявили, что онъ будетъ при конюшнѣ главнаго штаба. Въ теченіи пяти дней Илья чистилъ, кормилъ и поилъ порученныхъ ему лошадей, выгребалъ навозъ изъ конюшни и рубилъ для офицерской кухни дрова. Посланный съ товарищемъ въ депò за овсомъ, онъ нагрузилъ подводу, замѣтилъ на обратномъ пути, что пригнѣздившійся на подводѣ усталый товарищъ уснулъ, далъ лошади идти, а самъ безъ оглядки бросился въ смежный переулокъ. Мѣсто его втораго побѣга было близъ Садовой. Онъ издали узналъ церковь Ермолая и, опасаясь погони, бросился въ ту сторону.

Мимо дымившихся и пылавшихъ улицъ, Тропининъ снова достигъ Патріаршихъ прудовъ и теперь ихъ не узналъ. Сколько онъ ни отыскивалъ глазами зеленой крыши и бельведера на домѣ княгини, онъ ихъ не видѣлъ. Всѣ окрестные деревянные и каменные дома сгорѣли или догорали. Улицы и переулки, вокругъ занесенныхъ пепломъ и головнями прудовъ, представляли одну сплошную, покрытую дымомъ, площадь, на которой, среди тлѣвшихъ развалинъ, лишь кое-гдѣ еще торчали неупавшія печныя трубы и другія части догоравшихъ зданій. Илья съ ужасомъ убѣдился, что домъ княгини Шелешпанской также сгорѣлъ. «Боже! неужели это не во снѣ?» — думалъ онъ, оглядываясь. Слезы катились изъ его глазъ.

Безпомощно переходя отъ раскаленныхъ пепелищъ къ пепелищамъ, Тропининъ близорукими, подслѣповатыми глазами усиливался отыскать слѣдъ этого дома и не находилъ. Долго неуклюжею, длинною тѣнью онъ бродилъ здѣсь, прислушиваясь къ паденію кровель и стѣнъ и едва дыша отъ дыма и пепла. Въ одномъ мѣстѣ, у церкви Спиридонія, его охватило нахлынувшимъ пламенемъ. Онъ бросился къ какому-то каменному забору и перелѣзъ черезъ него. Соскакивая въ сосѣдній садъ, онъ сильно ушибъ себѣ ногу и сперва не обратилъ на это вни-

манія. Нога однако разболѣлась. «Что же я теперь, если охро-мѣю, буду дѣлать?»—думалъ Илья, бродя по саду и разминая ногу. Вдругъ онъ услышалъ, что его назвали по имени. Тропининъ вздрогнулъ. Между липъ полуобгорѣлаго сада, онъ уви-дѣлъ сѣдую голову, глядѣвшую на него изъ травы, а подойдя ближе узналъ блѣдное, въ пѣгихъ пятнахъ, лицо княгинина дворника Карпа. Тотъ выглядывалъ изъ ямы.

— Ты какъ здѣсь?

— Третьи сутки спасаюсь.

— Чье это мѣсто?

— Неужто не узнаете? Наше....

Дворъ былъ въ развалинахъ, деревья обгорѣли. Карпъ по-могъ измученному голодомъ и ходьбой Ильѣ спуститься въ яму, вырытую имъ въ саду, принесъ изъ пруда воды, далъ ему умыться, накормилъ его какими-то лепешками и уложилъ от-дохнуть.

— Все погорѣло, какъ видите, домъ, людскія и кладовая, — объявилъ, всхлиывая Карпъ:—и тѣ злодѣи до пожара все раз-грабили; не помогла и стѣнка, дорылись и до ямы; Телешовскій Прошка съ пьяну навелъ сюда и указалъ; а вы - то, вы... Господи!

Карпъ ушелъ изъ подвала и подъ полой откуда-то прита-щилъ старенькій калмыцкій тулупъ, мужичьи сапоги и такую же баранью шапку.

— Одѣньтесь, батюшка, Илья Борисычъ, — сказалъ онъ:—здѣсь въ западнѣ сыро. Какъ васъ нехристи-то обидѣли!... въ на-шемъ холопскомъ нарядѣ они васъ тутъ, хоть и увидятъ, ско-рѣе не тронуть. А что же это, и нога у васъ болитъ?

Тропининъ сообщилъ о своемъ ушибѣ.

— Перебудьте, сударь, здѣсь; авось наша-то армія вернется и выгонитъ злодѣевъ. На ночь мы прикроемъ подвалъ досками; я на нихъ и землицы присыплю. Наказалъ насъ Господь... ко-нецъ свѣту!

Илья одѣлся въ принесенные тулупъ и шапку, свернулся на соломѣ, въ углу подвала, и подъ причитанія Карпа заснулъ. Утромъ слѣдующаго дня Карпъ объявилъ ему, что наканунѣ приходили какіе-то солдаты, шныряли тутъ, перевертывая тлѣв-шія бревна, и тесаками чего-то все искали, а въ садъ и къ пруду все еще не подходили.

Илья не покидалъ подвала двое сутокъ. Онъ оттуда, съвозъ

обгорѣлыя деревья, видѣлъ, какъ пожаръ въ ближнихъ дворахъ мало-по-малу угасалъ. Изрѣдка, за сосѣдними заборами, показывались непріятельскіе отряды, слышались французскіе и нѣмецкіе овлики. Дозорныя команды, преслѣдуя чужихъ и своихъ поджигателей и грабителей, захватывали подозрительныхъ прохожихъ. Въ одну изъ ночей, въ ближнемъ закоулкѣ, произошла даже вооруженная стычка. Тропининъ изъ подвала явственно слышалъ, какъ начальникъ дозора командовалъ солдатамъ: «*En avant, mes enfants! ferme, feu de peloton! visez bien!*» (впередъ, ребята, пали! цѣльтесь лучше!) Раздался залпъ преслѣдующихъ; изъ-за печей и трубъ затрещали отвѣтные выстрѣлы. Нѣскольکو вооруженныхъ солдатъ, ругаясь по-нѣмецки и роняя по пути добычу, перелѣзли черезъ заборъ и пробѣжали въ пяти шагахъ отъ ямы, гдѣ скрывался Илья. Слышались возгласы: «*Du, lieber Gott! Schwernots Kerl von Bonapart!*» Карпъ подобралъ нѣскольکو хлѣбовъ, липовку съ медомъ и узелъ съ женскими нарядами. Хлѣбъ и медъ были очень кстати, такъ какъ съѣстные припасы въ подвалѣ подходили уже къ концу.

Черезъ недѣлю Карпъ объявилъ, что всѣ припасы вышли и что онъ рѣшился пойти къ церкви св. Ермолая, провѣдать, не уцѣлѣло ли тамъ, въ церковномъ дворѣ, чего съѣстнаго и что дѣется въ другихъ мѣстахъ Москвы. Онъ возвратился измученный, недовольный.

— Врагъ-то... выбралъ начальство надъ городомъ, изъ нашихъ же!—сказалъ онъ, спускаясь въ подвалъ.

— Кого выбралъ?

— Ермолаевскій дьякъ сказывалъ... онъ тоже въ погребу тамъ, подъ церковью, сидитъ и знаетъ вашу милость; при нашемъ вѣнцѣ въ церкви служилъ.

— Что же онъ говорилъ?

— Нашимъ прѣсенскимъ приставомъ злодѣи поставили магазинчика, съ Бузнецкаго моста,—Марка, городскимъ головою—купца первой гильдіи Находкина, а подпомощникомъ ему—его-же сына, Павлушку. На Покровкѣ ихъ расправа... Служать, безстыжіе, антихристу! креста на нихъ нѣтъ...

Тропининъ вспомнилъ, что онъ кое-гдѣ встрѣчался съ кутилою и вѣчнымъ посѣтителемъ цыганокъ и игорныхъ домовъ, Павломъ Находкинымъ, и что однажды онъ даже выручилъ его изъ какой-то исторіи, на гуляньи подъ Новинскимъ.

Илья въ раздумьи покачалъ головой.

— Да что, сударь, — произнесъ Карпъ: — то бы еще ничего; кощунство какое! Не токма въ церквахъ, въ соборахъ треклятые міродеры завели нечисть и всякій срамъ. Выкинули на полъ мощи святителей Алексѣя и Филиппа. Въ Архангельскомъ наставили себѣ кровати, а въ Чудовомъ, надъ святою гробницей, приладили столярный верстагъ. Ходятъ въ ризахъ, антѣминсами подпоясываются. Еще дьячекъ сказывалъ, что видѣлъ самого Наполеона. Намедни онъ тутъ по Садовой, мимо ихъ, злодѣй, проѣхалъ; сѣрый на немъ балахончикъ, треуголочка такая, — самъ жирный, да престолицый, изъ себя смуглый; то, сказываютъ, и есть самъ Бонапартій.

Илья вспомнилъ, какъ Наполеона еще недавно обожалъ Перовскій.

— Чего же Бонапартъ забрался въ Садовую? — спросилъ онъ.

— Ушелъ за городъ; его, слышно, подожгли въ Кремлѣ. Да и бьютъ же ихъ, озорниковъ, а то втихомолку и просто топятъ.

— Какъ такъ?

— Нонѣ, сударь, слышно, изъ каждаго пруда вытянешь либо карася, либо молодца. А Кольникѹръ ихній ничего — добрый... Намедни тоже мимо Ермолая ѣхалъ, сынка тамошней просвирни подозвалъ и далъ ему бѣлый крендель. Вотъ и я вамъ, батюшка, картошекъ оттуда принесъ... черноваты только, простите, въ золѣ печени и безъ соли.

Илья съ удовольствіемъ утолилъ голодъ обугленными картошками.

XXVI.

Еще прошло нѣсколько дней. Припасы окончательно истощились. Карпъ пошелъ опять на развѣдки. Тропининъ тоже подъ вечеръ вышелъ изъ подвала — прогуляться между пустырей. Онъ замѣтилъ въ чьемъ-то недалнемъ огородѣ, у колодезя, яблоку, на которой виднѣлись полуиспеченныя отъ сосѣдняго пожара яблоки. Сорвавъ ихъ нѣсколько штукъ, онъ началъ жадно ихъ ѣсть. Его грубо окрикнулъ проходившій мимо пьяный французскій солдатъ. Подойдя молча къ Ильѣ, солдатъ уставился въ него, взявъ съ его ладони яблоко, пожевалъ его и, съ ругательствомъ, бросилъ остатки Ильѣ въ лицо. Илья вспыхнулъ. Въ

его глазахъ все загрузилось. Онъ съ бѣшенствомъ ухватилъ обидчика за шею. Началась борьба. Хмѣльной солдатъ ловко наносилъ кулаками удары Тропинину и чуть не сбилъ его съ ногъ. Илья устоялъ, обхватилъ солдата и, протаскивъ его подъ деревьями, швырнулъ въ колодезь. Не помня себя и задыхаясь отъ волненія, онъ едва дошелъ обратно до подвала. Искаженное страхомъ лицо и взмахнувшіе по воздуху бапшачёнки Француза, брошеннаго имъ въ колодезь, не выходили у него изъ головы. Карпъ возвратился съ пустыми руками. Опасаясь возмездія со стороны неприятелей, Илья объявилъ ему, что ихъ мѣсто не безопасно, что надо бросить его, и рѣшилъ съ нимъ на утро отправиться къ новому городскому головѣ. Ночь Тропининъ провелъ въ бессонницѣ и въ лихорадочномъ бреду. Ему грезились въ сосѣдномъ огородѣ обгорѣлыя яблони и между ними черный, покрытый плѣсенью, срубъ заброшеннаго колодезя. Ночь онъ видѣлъ иную, теплую; странный, багровый мѣсяцъ освѣщалъ вершины обгорѣлыхъ липъ и берёзъ, между которыми шла съ лукошкомъ, полнымъ спѣлыхъ яблокъ, Ксенія. Коля, уже мальчикъ лѣтъ пяти, бѣжалъ по травѣ впереди ея. Вдругъ изъ глубины колодезя поднялся и, хватаясь за срубъ руками, сталъ вылѣзать блѣдный, покрытый зеленою тиной, утопленникъ. Не успѣлъ Илья броситься на помощь женѣ, какъ утопленникъ, шлепая мокрыми ногами, добѣжалъ и впился зубами въ обезпамятѣвшаго Колю. Тропининъ въ ужасѣ проснулся... Крышка надъ подваломъ была приподнята. Кто-то вылѣзалъ изъ ямы. Илья узналъ Карпа. «Куда это онъ?»—подумалъ Илья и также поднялся наверхъ. Карпъ пробирался къ ближнему двору, уцѣлѣвшему отъ пожара. Изъ-за липъ, отъ подвала было видно, какъ онъ бережно подкрался къ крайнему флигелю, стоявшему среди сараевъ, и присѣлъ. «Что онъ тамъ дѣлаетъ?»—мыслилъ Илья. У флигеля сверкнули искры. Карпъ, очевидно, кресалъ огонь. Еще прошла минута; уголь ветхой крыши ближняго сарая освѣтился. Послышались опять шаги. Карпъ проворно бѣжалъ оттуда; подожженное зданіе вспыхнуло. — «И этотъ, какъ купецъ Живовъ!—подумалъ Илья, торопясь спуститься въ подвалъ, чтобы его не увидѣлъ Карпъ: — знаю теперь, кто поджигаетъ Москву». Онъ радовался и вмѣстѣ боялся смутить поджигателя тѣмъ, что видѣлъ его тайный подвигъ.

Тропининъ, съ Карпомъ, утромъ отправился въ домъ новаго городского головы. На стѣнѣ дома была надпись: «Secours aux

indigents» («помощь нуждающимся»). На фронтоиѣ подъѣзда красовалась новая, лоснившаяся вывѣска: «Гороцкой голова». Доложивъ о себѣ Находкину-сыну, Илья поднялся въ верхній этажъ; Барпъ остался у подъѣзда.

Павелъ Находкинъ, въ модномъ сѣромъ фракѣ, съ бѣлымъ шарфомъ черезъ плечо, сидѣлъ за столомъ, въ пріемной, спрашивая какихъ-то бродягъ, приведенныхъ сюда, для справокъ, отъ завѣдывавшаго французскими лазутчиками, генерала Сокольниковца. Мужичій нарядъ и небритое, оброставшее бородою лицо Тропинина не дали Находкину возможности сразу его узнать. Илья назвалъ себя. Краска залила моложавое лицо и толстый затылокъ Находкина. Онъ, вода перомъ по бумагѣ, подождалъ, пока жандармы увели арестантовъ, оправилъ на себѣ шарфъ и всталъ.

— Тэкъ-съ, — сказалъ онъ, не глядя на Тропинина:— что же-съ... узнаёмъ-съ... Что угодно? и какъ изволили, въ такое время, остаться въ здѣшнихъ мѣстахъ?

Илья передалъ ему о своемъ плѣнѣ и ушибѣ ноги и просилъ содѣйствія къ разрѣшенію ему и дворнику княгини оставить Москву.

Находкинъ не поднималъ глазъ.

— Но какъ-же? какимъ, то-есть, манеромъ?— произнесъ онъ:— мы вамъ, съ тятенькой, сказать, очень благодарны-съ... тогда на гуляньи гусары... и вы вступились... Но теперь тутъ совсѣмъ иные, иноземные порядки, не наши-съ... притомъ мы не одни...

Павелъ подумалъ.

— Развѣ вотъ что-съ,— сказалъ онъ:— начальникъ ихнихъ шпионовъ, генералъ Сокольниковъ, опять же и главный ихъ интендантъ, генералъ Лесенсъ, нуждаются въ знающихъ господахъ... Не окажете ли, сударь, сперва услуги нашимъ побѣдителямъ? Было бы кстати-съ...

— Какой услуги?

— Вы при кіятерѣ служили и, кажись, надзирали за размаевкою декораций... сами рисуете.

— Такъ что же?

— Его величество, значить, ихній,— произнесъ Находкинъ:— а пока, такъ сказать, по здѣшнимъ мѣстамъ, и нашъ анпираторъ Наполеонъ затѣялъ, видите ли, для ради своей, то-есть, публики, кіятеръ, на Никитской. Изводите знать домъ Познякова? Еще возлѣ, тамъ, Марья Львовна жила...

— Какая Марья Львовна?

— Ну, Машенька-актрисса,—продолжалъ Павелъ:—ужели не помните? дѣло прошлое... Такъ вотъ-съ, возлѣ ея фатеры, этотъ самый кѣтеръ и устраиваютъ... Тамъ давно и прежде шли представления; большущій залъ, съ ложами, при немъ зимній садъ. Обгорѣла только сцена, декораціи и занавѣсы.

— Гдѣ же вы возьмете новыя?—спросилъ Илья: нашъ казенный театръ, слышно, совсѣмъ сгорѣлъ...

— Отыскались на это у нихъ мастера; занавѣсъ будетъ вовсе новый, парчевый, изъ ризъ, а замѣсто люстры—паникадило.

Тропининъ ушамъ своимъ не вѣрилъ.—«Что онъ? раскольникъ, что ли?—подумалъ онъ:—да нѣтъ, тѣ еще болѣе почтительны къ вѣрѣ».

— И вы, какъ рисовальщикъ,—продолжалъ Находкинъ:—притомъ же, зная ихъ языкъ, могли бы имъ помочь. Васъ, въ такомъ разѣ, одѣнуть, накормятъ; ну, смилуются, а то и вовсе выпустятъ. Мы же съ тятенькой тоже постараемся, и за-всегда.

Тропининъ, поборая въ себѣ злобу и негодованіе, молча мыслилъ: «Неужели же этотъ муниципаль и въ самомъ дѣлѣ поможетъ мнѣ освободиться?»

— Согласны, баринъ?—спросилъ Находкинъ.

— На что?

— Помочь въ декораціяхъ и въ прочемъ.

— Согласенъ,—отвѣтилъ со вздохомъ Илья.

— И дѣло-съ. Очень радъ! А таперича, значить, по порядку, мы васъ отправимъ къ Григорію Никитичу.

— Кто это?

— На Мясницкой, книгопродавецъ Кольчугинъ. Онъ нынѣ, по милости анпиратора Бонапарта, покровителя, такъ сказать, наукъ-съ, тутъ назначенъ главнымъ квартирмистромъ, для прирѣнія неимущихъ и плѣнныхъ. Тамъ и Сокольницкій... Тятенька, вы здѣсь?—крикнулъ Павелъ въ сосѣдную комнату.

— Здѣсь, что-те?—отозвался оттуда голосъ.

Павелъ скрылся за дверью и, минуты черезъ двѣ, вышелъ оттуда, съ отцомъ. Петръ Ивановичъ Находкинъ, невысокій, рябой и лысый старикъ, съ узкою, клиномъ, бородою, былъ въ купеческомъ кафтанѣ до пятъ, въ высокихъ бутылками сапогахъ и также съ бѣлымъ шарфомъ черезъ плечо.

— Поступаете?—спросилъ онъ, взглядывая на Илью маленькими, зоркими глазами.

— Вашъ сынъ предлагаетъ.

— Павелъ говоритъ дѣло,—произнесъ старикъ: всё мы подъ Богомъ; не знаемъ, какъ и что. Въ этотъ кѣтеръ уже поступили, изъ нашихъ арестованныхъ, скрипачъ Поляковъ и вилончелистъ Татариновъ. Не опасайтесь, не останетесь... а мы добро помнимъ-съ...

Тропининъ и Карпъ, съ запиской сына Находкина и съ жандармомъ, были отведены на Мясницкую. Здѣсь у подъѣзда длиннаго каменнаго дома, гдѣ помѣщался завѣдывавшій частью секретныхъ свѣдѣній—генераль Сокольниковъ, стоялъ караулъ изъ конныхъ латниковъ. Илью и его спутника ввели въ большую присутственную комнату. Нѣсколько военныхъ и штатскихъ писцовъ сидѣли здѣсь надъ бумагами у столовъ. За перегородкой, у двери, переминаясь и охая, стояла кучка просителей—бабы, нищѣ, пропойцы и калѣки. Илья сквозь рѣшетку узналъ Кольчугина, у котораго не разъ, еще будучи студентомъ, онъ покупалъ книги. Онъ ему протянулъ письмо Находкина. Стриженный въ скобку и безъ бороды, Григорій Никитичъ, заложивъ руки за спину, стоялъ невдали отъ перегородки, у стола, за которымъ горбоносый, блѣдный и густо-напомаженный французскій офицеръ, съ досадой тыкая пальцемъ по плану города, спрашивалъ его, черезъ переводчика, о нѣкоторыхъ домахъ и мѣстностяхъ Москвы. Учитель математики—переводчикъ, плохо понимавшій и еще хуже говорившій по-французски, выводилъ офицера изъ терпѣнія. На Илью долго никто не обращалъ вниманія. У него отъ ходьбы разболѣлась нога и онъ съ трудомъ могъ стоять. Кольчугинъ, наконецъ, взялъ у него письмо.

— Вы знаете по ихнему?—радно спросилъ онъ, прочтя письмо:—и отлично-съ; сами объясните имъ свое дѣло, а пока вотъ помогите,—этому офицеру нужно указать на картѣ, гдѣ домъ Пашкова? Главный изъ нихъ сгорѣлъ, а въ боковыхъ они хотятъ ладить новый госпиталь и богадѣльню... Удивляетесь, что я при ихъ службѣ?—заключилъ, оглядываясь, Кольчугинъ:—что, сударь, дѣлать? Крестъ несемъ... силкомъ запрягли.

XXVII.

Тропининъ, войдя за перегородку, далъ нужныя объясненія офицеру и затѣмъ сообщилъ ему о предложеніи Находкина.

Сперва офицеръ слушалъ его сухо; но едва узналъ, что Илья владѣеть кистью, мгновенно измѣнился.

— Вы хотя и въ грубой одеждѣ,—сказалъ онъ, не скрывая своего удовольствія:—видно, что образованный, высшаго общества человекъ. Садитесь... Не думайте, чтобы мы были только завоевателями. Вы увидите, какъ мы оживимъ и воскресимъ вашу страну. О! театръ—лучшая пища для души... Я самъ, по призванію, что хотите,—пѣвецъ, стихотворецъ, актеръ,—словомъ, артистъ.

На Илью были устремлены ласковые черные глаза; печальная улыбка не сходила съ блѣднаго лица офицера.

— Да,—продолжалъ послѣдній:—я въ молодости, въ нашей collège, въ Бордо, игралъ не только Мольера, но и Расина... Далекія, счастливыя времена! Но и здѣсь, между вашими актерами, увѣряю васъ, есть истинные таланты; не всё бѣжали. О! мы уже пригласили изрядныхъ комиговъ.

Офицеръ назвалъ имена нѣсколькихъ магазинчиковъ, аптекаря и двухъ парикмахеровъ съ Кузнецкаго моста.

— А вашъ балетмейстеръ Ламираль, вотъ дарованіе! Онъ вызвался быть у насъ режиссеромъ и ставить даже танцы... Потомъ, какъ его, какъ? очень милый господинъ... мы съ нимъ обѣдали надняхъ въ его премилой семьѣ... Онъ взялъ подрядъ поставить театральную утварь... вспомнилъ!—торговецъ сукнами Данквартъ... еще у него на вывѣскѣ гербъ императора Александра.

— Все ваши соотечественники, французы,—сказалъ Илья.

— Вы этимъ хотите сказать, — произнесъ офицеръ: — что вамъ, какъ русскому, хотя такъ превосходно говорящему по французски, неприлично участвовать въ нашихъ удовольствіяхъ? Не такъ ли?

— Да,—отвѣтилъ Илья.

— Полноте, помогите намъ.

— Но чѣмъ же?

— Вы рисуете красками?

— Да...

— Это все, что намъ нужно. И если вы согласны, скажите, чѣмъ, въ свой чередъ, и я могу вамъ служить? Шарль Дрозъ—къ вашимъ услугамъ,—заключилъ, вѣжливо кланаясь, офицеръ:—капитанъ семнадцатаго полка и адъютантъ штаба... а въ свободные часы—любитель всего изящнаго и въ особенности театра.

— Я голодень, мосье Дрозъ!—мрачно произнесъ Илья:—со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

— Боже мой, а я-то, извините... прошу васъ ко мнѣ!—сказалъ, вставая, капитанъ:—мы оба артисты... Что дѣлать? жребій войны... Я здѣсь недалеко, тутъ-же во дворѣ; только кончу дѣло... А вы, мосье Никичъ,—обратился онъ, черезъ переводчика, къ Кольчугину:—снабдите господина... господина Тропинъ... не такъ ли? приличною одеждою и обувью изъ нашего склада... я самъ о томъ доложу генералу...

Тропинина провели въ какую-то каморку, полную разнаго хлама, одѣли во французскую военную шинель и фуражку и въ новые, еще ненадѣванные сапоги, повидимому, добытые въ какой-либо ограбленной лавкѣ обуви. Выйдя изъ каморки, онъ встрѣтилъ Карпа.

— А меня-то, батюшка Илья Борисовичъ, отпустите?—спросилъ тотъ, едва узнавъ Илью въ новомъ нарядѣ.

— Куда ты?

— Землячка тутъ нашель, пойдѣмъ — бураки и картошку копать.

— Гдѣ копать? знаю я, куда ты и зачѣмъ... смотри, не попадись...

— Убей Богъ, въ казенныхъ огородахъ, возлѣ казармъ. Накопаемъ имъ, аспидамъ, да авось и уйдемъ.

Освободившись отъ занятій, капитанъ Дрозъ провелъ Илью внутренними комнатами въ обширный, барскій, почти нетронутый огнемъ, дворъ, въ заднихъ флигеляхъ котораго размѣщались адъютанты начальника розыскной полиціи, чины его канцеляріи и конные и пѣшіе разсылные. Въ помѣщеніи капитана, въ проходной тѣсной комнаткѣ, у окна, съ перомъ въ рукѣ и въ большихъ очкахъ на носу, сидѣлъ сѣденькій, въ военной курткѣ, писецъ.

— Пора, Пьеръ, кончать, темно! портишь глаза! — ласково сказалъ Дрозъ писцу, идя съ Ильей мимо него.

— Нельзя, капитанъ,—отвѣтилъ, не отрываясь отъ бумаги, писецъ:—машина станеть! списки герцога Эмбюльскаго... только что принесли...

— О, въ такомъ случаѣ, кончай,—объявилъ Дрозъ.

— Въ чемъ эта работа, осмѣливаюсь узнать? — спросилъ Илья, когда капитанъ потребовалъ ему отъ своего денщика закусить и усадилъ его за блюдо холодной телятины.

— Да, mon bon monsieur, горька доля воюющихъ!—со вздохомъ отвѣтилъ капитанъ:—часто я проклиналъ судьбу, что изъ артиста сталъ солдатомъ... а теперь меня наряжаютъ для разныхъ слѣдствій... въ эти же списки вносятся имена плѣнныхъ маршала Даву.

Дрозъ досталъ изъ шкафа бутылку и налилъ гостю стаканъ вина.

— Что же дѣлаютъ потомъ съ этими списками?—спросилъ Илья.

— Ихъ пересылаютъ, къ свѣдѣнію, въ главный штабъ и сюда.

— И только?

— Нѣтъ, канцелярія маршала дѣлитъ вносимыхъ въ эти списки на двѣ части. Въ одну вносятся менѣе опасныя, заурядныя лица; въ другую—особенно подозрительныя.

— Что же ожидаетъ первыхъ и вторыхъ?

— Противъ имени первыхъ—канцелярія обыкновенно дѣлаетъ отмѣтки: подѣ арестъ, или на работы; противъ вторыхъ же самъ маршалъ ставитъ собственноручныя резолюціи: къ повѣшенію или къ разстрѣлянію... Печальныя бываютъ развязки. Война не шутитъ. У меня на этотъ предметъ есть стихи. Не хотите ли, я вамъ ихъ прочту?—спросилъ онъ, покраснѣвъ:—мои собственные стихи о войнѣ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Дрозъ всталъ, протянулъ руку и, съ грустью глядя на гостя, какъ бы призывая его въ судьи своей тоски и одиночества, нѣжнымъ, пѣвучимъ теноромъ продекламировалъ элегію о разорѣнномъ гнѣздѣ малиновки и о коршунѣ, похитившемъ ея птенцовъ. Онъ самъ съ напояженнымъ хохолкомъ напоминалъ малиновку.

Голосъ и стихи Дроза тронули Илью. Его щеки отъ этого чтенія и вкусной ѣды, запитой виномъ, раскраснѣлись. Красивый, съ горбомъ, носъ капитана, между тѣмъ, сталъ еще блѣднѣе, а глаза печальнѣе. Онъ, въ раздумьи, молча глядѣлъ въ пространство. Въ это время старичекъ-писецъ принесъ переписанныя бумаги. Капитанъ повертѣлъ ихъ въ рукахъ и вздохнулъ.

— Да, — сказалъ онъ:— отличный почеркъ, но на какое дѣло! Есть ли у васъ, въ Россіи, такіе искусники?

Онъ показалъ гостю копіи, бережно положилъ ихъ на окно и объявилъ, что самъ отнесетъ ихъ къ генералу, а подлинники велѣлъ отправить въ канцелярію главнаго штаба, въ Кремль.

— Стаканчикъ! знаешь, той? — обратился онъ къ писцу,

добродушно подмигивая ему на кубышку перцовки въ шкафу: — такимъ почеркомъ переписывать только Шеньё, Бомаршэ...

Дрозъ налилъ изъ кубышки, которую онъ называлъ «bouche de fer» — «огненнымъ томъ».

— Капитанъ! — восторженно произнесъ писецъ, отставя руку и глядя на поданный ему стаканъ перцовки: — вѣдь не забуду вашихъ ласкъ и доброты!

Онъ медленно выпилъ стаканъ, отеръ рукавомъ усы и крикнулъ.

— Это напитокъ боговъ! Исполненіе желаній вашихъ, господа, и дорогихъ вашему сердцу! — сказалъ онъ, уходя: — хотя послѣднія теперь, очевидно, далеко.

Капитанъ, уныло сгорбившись, молчалъ.

— Дорогія нашему сердцу! — произнесъ онъ, отгоняя тяжелыя мысли: — моя семья далеко; ваша же, собратъ по музамъ? вы женаты?... гдѣ ваша семья?

— Ничего не знаю, — отвѣтилъ Тропининъ: — я женатъ, но моя жена бѣжала отсюда, за два дня до моего плѣна... и что съ нею, жива ли она, убита ли, Господь вѣдаетъ...

— Бѣжала и она! но зачѣмъ же? — искренно удивился капитанъ.

— А эти ваши списки? — произнесъ Илья, указывая на принесенныя писцомъ бумаги: — что, если бы она попала въ эти красиво переписанныя бумаги, да еще въ первый разрядъ? вѣдь вашъ грозный маршалъ, сами вы говорите, не любитъ шутить; а онъ и женщину могъ бы счесть за опасную...

Капитанъ покраснѣлъ до ушей.

— Что за мысль! полноте! — возразилъ онъ: — мы не индѣйцы и не жители Огненной земли; можете быть спокойны, женщины у насъ неприкосновенны. И ни одной, ручаюсь въ томъ, вы не найдете въ этихъ спискахъ. Да, мое поприще — искусство, пластика. Даже самъ я и мои формы, не правда ли, пластичны? — произнесъ капитанъ, вставая и передъ зеркаломъ протягивая свои руки и выпячивая грудь и плечи: — это не мускулы, мраморъ, не правда ли, и сталь? И такъ, завтра я вамъ дамъ письмо къ Ламираю и вы украсите вашу кистью нашъ театръ. Артистовъ у насъ, повторяю, довольно. Кромѣ найденныхъ здѣсь, прелестной Луизы Фюзі, Бюрсе и замѣчательнаго комика Санвэ, явились и другіе охотники. Сверхъ того, какъ вѣроятно и вы уже знаете, захваченъ цѣлый балетъ танцовщицъ одного вашего

графа... comte Cheremète... А теперь, полагаю, и на покой!... Вотъ вамъ кровать, я улягусь на этомъ сундукѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, — отвѣтилъ Илья: — но это уже черезчуръ, съ какой же стати?

— Безъ возраженій, коллега; мы оба — слуги музъ и вы мой гость... Устраивайтесь, а мнѣ надо нести бумаги къ генералу, — но прежде я загляну въ канцелярію; знаете, народъ нынче ненадежный, особенно здѣсь, — чрезъ мѣру поживились военною добычею и не совсѣмъ исправно себя ведутъ.

XXVIII.

Офицеръ вышелъ. Илья прислушался у двери къ его шагамъ и бросился къ бумагамъ, лежавшимъ на огнѣ. «Имѣю ли я право прочесть? — подумалъ онъ: — вѣдь это вѣроломство, нарушение правъ гостеприимства. А они? а эта война?» — Тропининъ поднесъ бумаги къ свѣчѣ, пробѣжалъ заголовки и началъ на-скоро просматривать списки. Были короткіе и длинныя. Одинъ изъ списковъ, набросанный нѣсколько дней назадъ, особенно занялъ его. Въ немъ было занесено много арестованныхъ, съ отмѣтками: «поджигатель», «грабитель», «шпіонъ». Тропининъ просмотрѣлъ первую страницу, перевернулъ листъ, прочелъ еще столбецъ именъ и обмеръ. Протеревъ глаза, онъ снова заглянулъ въ прочитанное. Въ перечнѣ именъ «особенно-подозрительныхъ» («très suspects») онъ прочелъ явственно написанное: «lieutenant Perosski». Рядомъ съ этимъ именемъ стояла отмѣтка: «le déserteur de Smolensk», а сбоку, разомъ очеркивая нѣсколько именъ, было, очевидно старческою рукою маршала Даву, приписано: «разстрѣлять» («fusiller»).

Кровь бросилась въ голову Тропинина. Онъ выронилъ бумаги на окно и нѣсколько мгновений не могъ опомниться. Комната, съ горѣвшею свѣчей, столъ, съ неубранными тарелками, сундукъ и предложенная ему кровать капитана вертѣлись передъ нимъ и самъ онъ едва стоялъ на ногахъ. — «Пердсскій, очевидно — онъ, Базиль Перовскій! — въ ужасѣ думалъ Илья: — но какимъ образомъ онъ могъ быть схваченъ въ Смоленскѣ и стать дезертиромъ, когда писалъ намъ уже послѣ Вязьмы и ни единымъ словомъ не намекнулъ на подобный случай? очевидно, роковая, вопіющая ошибка!» — Илья ломалъ себѣ руки, не зная, на что рѣшиться и что предпринять? Сказать капитану, что онъ

просматривалъ его секретныя бумаги? Но тогда тотъ справедливо можетъ обидѣться, а то и еще хуже—донесеть на него.

Дрозъ возвратился.

— А вы еще не спите?—спросилъ онъ:—ложитесь, иначе вы меня обидите...

Не подозрѣвая особой причины смущенія Ильи, онъ настоялъ, чтобы тотъ легъ на его кровати, а самъ, раздѣвшись и подмостивъ себѣ подъ голову шинель, улегся на сундукъ и погасилъ свѣчу.

Прошло съ полчаса. Приятный запахъ розовой помады разносился по комнатѣ.

— Скажите, капитанъ,—обратился къ нему Илья, видя, что офицеръ еще не спитъ:—случается ли, чтобы страшныя резолюціи маршала иногда отмѣнялись или почему-либо не приводились въ исполненіе?

Капитанъ, медленно повернувшись къ стѣнѣ, тяжело вздохнулъ.

— Увы!—отвѣтилъ онъ, помолчавъ:—у герцога Экмюльскаго этого не можетъ быть; рѣшенія при допросахъ онъ пишетъ самъ, а кто ослушается его приказаній? Вы, хотя и русскій, я полагаю, знаете, да это и не тайна, — прибавилъ въ полголоса Дрозъ:—Даву не человекъ, а между нами сказать, тигръ...

— Но не всё же наконецъ рѣшенія вашего герцога-тигра исполняются мгновенно, безъ провѣрки и суда?—произнесъ Илья, хватаясь за тѣнь надежды:—рѣшено, положимъ, утромъ; неужели же не откладываютъ, для справокъ, хотя бы до вечера?

— Въ чемъ дѣло? не понимаю васъ,—спросилъ Дрозъ.

— Вотъ въ чемъ,—проговорилъ Илья:—здѣсь въ Москвѣ, какъ я узналъ, былъ схваченъ и заподозрѣнъ въ побѣгъ одинъ мой соотечественникъ. Онъ, клянусь вамъ, не виновенъ въ томъ, въ чемъ его подозрѣваютъ.

— Когда онъ схваченъ и въ чемъ обвиняется?

Илья подумалъ.

— Времени его ареста не знаю,—отвѣтилъ онъ:—а по слухамъ, винятъ его въ томъ, будто онъ дезертиръ... ну, какъ вамъ объяснить? что, будучи взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, оттуда бѣжалъ... Это клевета. Я въ точности знаю, что онъ вплоть до Бородина нигдѣ не былъ въ плѣну. Ради Бога, молю васъ, это мой товарищъ и другъ; если онъ живъ еще, попросите за него.

— Но кого просить?

— Герцога, самого императора.

— Мало же вы знаете герцога и нашего императора!—сказалъ, обернувшись отъ стѣны, капитанъ: — прибѣгать съ такою просьбою къ герцогу — все равно, что молить у гieny пощадy животному, которое она держитъ въ окровавленныхъ зубахъ... а императоръ... да знаете ли вы его? — прошепталъ капитанъ, даже привставъ въ потьмахъ и садясь на сундукъ:—насъ тутъ не слышать, вы понимаете, и я, между нами, могу это сказать... Недавно онъ, при докладѣ Бертье о нуждахъ солдатъ, выразился: лучше, князь, вмѣсто солдатъ, поговоримъ о ихъ лошадяхъ! Станетъ онъ думать объ экзекуціяхъ Даву... У него на умѣ другое...

Капитанъ замолчалъ.

— А жаль!—проговорилъ онъ черезъ минуту:— не ему ли было бы лучше остаться во Франціи, покровительствовать искусствамъ, литературѣ? Боязнь покоя, критики, вотъ что увлекаетъ его въ новыя и новыя предпріятія... Впрочемъ, не намъ, мелкимъ, судить великаго человѣка. А пока онъ успокоится, мы сами, дорогой собратъ, не правда ли, займемся театромъ! И такъ до завтра!—заклучилъ, опять ложась, капитанъ: — дадимъ великой арміи отдохнуть и вспомнить, хотя здѣсь, въ вашей Скуоія, наши былия, лучшія, тихія времена.

— Но я бы васъ, все-таки, просилъ,—сказалъ Илья:—если будетъ случай и это васъ не затруднитъ, справьтесь о моемъ другѣ, чѣмъ кончилась его судьба?

— Какъ его имя?

Тропининъ назвалъ.

— Попытаюсь, мой дорогой,—произнесъ капитанъ:—только, знаете, въ эти смутные дни въ нашихъ штабахъ столько возни и хлопотъ. Не обо всемъ оставляютъ слѣдъ въ бумагахъ.

Сказавъ это, Дрозъ окончательно смолкъ. Въ комнатѣ раздался его сперва тихій, потомъ громкій и, повидимому, совершенно счастливый храпъ. Онъ видѣлъ во снѣ Францію, маленькій провинціальный театръ, гдѣ онъ игралъ на сценѣ и мечталъ о будущности Тальма, не подозрѣвая, что, благодаря конскрипціи Наполеона, изъ актера онъ станетъ воиномъ, а затѣмъ попадетъ въ штабъ «завѣдывающего секретными свѣдѣніями».

«Несчастный Базиль! — мыслилъ тѣмъ временемъ Тропининъ: — дѣло, очевидно, кончено! Вотъ чѣмъ оплатилъ тебѣ твой любимый идолъ, герой! Сынъ магната, министра... Погиб-

нуть—въ числѣ подозрѣваемыхъ въ поджогахъ и грабежахъ! И никто объ этомъ не знаетъ, никто не защититъ... Бѣдная Аврора... предчувствуетъ ли она, что постигло ея жениха?...»

Ильѣ вспомнилась его жена, недавній тихій семейный кругъ. Слезы подступали къ его горлу и онъ ломалъ голову, какъ ему самому уйти изъ пѣна и избѣгнуть участи, постигшей его друга.

Проснувшись утромъ, онъ увидѣлъ, что капитанъ уже всталъ и что-то пишетъ.

— Вотъ вамъ письмо,—сказалъ озабоченно Дрозъ:—отнесите его къ Ламиралю и желаю вамъ всякаго успѣха и благополучія. Меня же, къ сожалѣнiю, сейчасъ вызывали къ генералу; онъ посылаетъ меня на слѣдствiе въ другое мѣсто. До свиданiя.

— А узнали ли вы что-нибудь о моемъ товарищѣ Перовскомъ?—спросилъ Ильѣ.

— Справлялся,—отвѣтилъ сухо Дрозъ:—по бумагамъ ничего не видно, хотя я рылся немало; дѣлъ теперь столько, столько...

Капитанъ ушелъ. Тропининъ, при помощи его деньщика, умылся, побрился и пошелъ на Никитскую, въ домъ Позднякова.

Бывшiй на-веселѣ съ утра, режиссеръ Ламираль не долго съ нимъ говорилъ. Онъ провелъ Илью за кулисы и безъ дальнихъ словъ предложилъ ему заняться изображенiемъ декораціи какой-то итальянской виллы. Краски и кисти были готовы. Ильѣ надѣлъ фартукъ, взялъ палитру и принялся за работу. Онъ трудился, не разгибая спины, весь день. Вечеромъ его позвали обѣдать въ сосѣдній домъ, гдѣ помѣщались, изучали роли и продовольствовались набранные для театра актеры и актрисы. Такъ прошло нѣсколько дней. Ильѣ пытался въ это время заговорить съ своими новыми сожителями объ участи пѣнныхъ вообще и тѣхъ, которые попадали на Дѣвичье поле, къ маршалу Даву. Веселые и беззаботные артисты, при такихъ вопросахъ, вмигъ смолкали и, поднимая глаза къ небу, смущенно говорили:

— Ужасъ! Разстрѣливаютъ и вѣшаютъ ежедневно, безъ суда.

Дрозъ раза два еще навѣщалъ работы Ильи и сильно его хвалилъ, потомъ окончательно исчезъ. Его на долго прикомандировали къ какой-то комиссiи, въ другой части города, у Сухаревой башни. Холсты для декораціи, между тѣмъ, были почти готовы. Ламираль готовилъ веселыя и, какъ говорили, любимыя Наполеономъ пастушескія оперетки, съ переодѣваньями, въ которыхъ остановка была только за декораціями. То были пьесы:

Martin et Frontin, Les folies amoureuses и Guerre ouverte. Онъ съ важностью объявилъ Ильѣ, что весьма доволенъ его работою. За опереттой Ламираль затѣялъ даже поставить нѣчто въ родѣ небольшого балета. Потребовались новыя декорации, за которыми Илья просидѣлъ опять довольно долго. Подъ видомъ наблюденія за театромъ, сюда, полюбезничать съ плѣнными танцовщицами, заѣзжали разныя французскія власти, въ томъ числѣ и самъ король Мюратъ. Бѣ Ильѣ привыкли и ему довѣряли. Онъ рѣшилъ этимъ воспользоваться, и однажды отпросился у режиссера — провѣдать Дроза. Ламираль къ послѣднему имѣлъ, кстати, одно неконченное дѣло по театру. Онъ далъ Ильѣ къ нему письмо, а для свободнаго прохода къ Сухаревой башнѣ досталъ ему отъ коменданта охранный листъ. Это было вечеромъ, въ концѣ сентября. Въ этотъ день артистовъ снова навѣстилъ Мюратъ и Илья былъ личнымъ свидѣтелемъ его ухаживанья за черноглазую, статною танцовщицей Лизой. На всѣ любезности вѣнчаннаго селадона, неуступчивая плясунья, бѣшено сжимая кулаки и плача, отвѣчала:

— Сгинь ты, тѣфу, чортъ пучеглазый! пусти душеньку на покаяніе!

Король, не понимая ея, милостиво улыбался.

Погода стояла прохладная. Тропининъ, не вдали отъ Сухаревой башни, на Садовой, обогналъ французскаго молодаго рекрута изъ эльзасцевъ. Нѣмецъ солдатикъ шелъ, съ сумкой и съ ружьемъ на плечѣ, устало посматривая по сторонамъ и какъ бы ища дороги. Илья заговорилъ съ нимъ и узналъ, что рекрутъ былъ посланъ изъ Кремля, съ бумагами въ Лефортово, гдѣ во дворцѣ былъ устроенъ главный французскій госпиталь.

— А вы куда?—спросилъ Илью румяный, съ ямочками на щекахъ, бѣлокурый эльзасецъ.

— И мнѣ туда же,—подумавъ, объявилъ Тропининъ.

— Отлично, господинъ, веселѣе будетъ, идемъ... А я, какъ видите, сбился въ сторону и таки порядочно притомился... Не совсѣмъ ладно; лошадидохнуть, какъ мухи осенью, и теперь все приходится пѣшкомъ... Вы, не правда ли, штабной?

— Да, разсылный, какъ и вы.

— Но у васъ сапоги будутъ поновѣе.

— Дали въ награду.

— Отлично, и мы заслужимъ, вмѣсто этого тряпья,—произнесъ солдатъ, поглядывая на свои худые, обвязанные веревочками, сапожки.

Новые знакомцы, бесѣдуя, миновали Басманную и, черезъ Нѣмецкую улицу, вышли за Яузу. Окончательно стемнѣло. Тропининъ въ сумракѣ указалъ спутнику на освѣщенные окна лефортовскихъ зданій. За дворцовымъ садомъ и церковь Петра и Павла, у ручья Синички, какъ онъ зналъ, было загородное введенское кладбище. Илья помнилъ эти мѣста, такъ какъ, во время студенчества, не разъ навѣщалъ въ этихъ мѣстахъ одного товарища.

— Что, другъ, не зайдете ли и вы со мной въ госпиталь?—спросилъ, отирая лицо, солдатъ:—тамъ обѣщали меня угостить бульономъ выздоравливающихъ и ихъ виномъ... говорить, прелесть... особенно, уставши...

— Нѣтъ, лучше вы меня проводите вонъ до той церкви,—сказалъ, осматриваясь, Илья:—поздновато; я хоть и штабной, но безъ оружія; съ вами будетъ покойнѣе... здѣсь, слышно, пошаливаютъ мародёры...

— Охотно. Но странно,—замѣтилъ солдатъ:—я уже однажды былъ здѣсь и даже вотъ у этой церкви; тамъ еще стояла надняхъ артиллерія. Теперь же кругомъ такъ тихо, точно иду здѣсь впервые; спасибо, что вы провели; я, знаете ли, близорукъ и плохо помню мѣста.

— Миѣ къ командиру этой артиллеріи,—спокойно сказалъ Илья.

— Отлично, пойдёмъ.

Солдатъ и Илья направились къ церкви Петра и Павла. Невдали отъ нея, ихъ обликнулъ часовой ночной цѣпи. Путники отвѣтили, что идутъ по службѣ.

— Куда?

— Въ церковный домъ,—отвѣтилъ Илья.

— Кой чортъ, въ такую пору!—проворчалъ конный гренадеръ, наскакивая на нихъ въ потьмахъ и приглядываясь къ нимъ съ сѣдла:—куда лѣзете? въ этой глуши шныряютъ казаки; еще отнимутъ ружье и ограбятъ васъ, если не будетъ и хуже того.

— Будь спокоенъ, другъ, насъ двое!—смѣло проговорилъ Илья, шлепая далѣе по липкому и скользкому переулку, у сада:—не на такихъ нападутъ...

— Помните, тамъ уже конецъ ведётовъ.

XXIX.

Миновавъ госпиталь и часть поля, путники дошли до церковной ограды. Кругомъ было мертвенно-пустынно. Вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ березъ, окружавшихъ ограду.

— Ну, дорогой мой, идите обратно, я васъ догоню или найду въ госпиталь, — сказалъ Илья солдату, между тѣмъ, мысля: — «Не вырвать ли у него ружье и не приколоть ли его здѣсь, наединѣ, чтобъ убѣжать успѣшиѣ?»

— Да къ кому же это вы? — спросилъ Илью солдатъ, съ удивленіемъ убѣдившись, что ни возлѣ церкви, ни за нею не было признаковъ артиллеріи, стоявшей здѣсь надняхъ: — или, — засмѣялся онъ: — ваше порученіе къ покойникамъ?

«Приколоть?... — опять пробѣжало въ мысляхъ Ильи: — что, какъ онъ догадался, и дастъ знать часовымъ цѣпи?»

Солдатъ въ это время положилъ ружье и оправлялъ на нотахъ веревочки. Илья помедлилъ.

«Нѣтъ, — рѣшилъ онъ: — иди себѣ съ миромъ, добрый, бѣлугурый нѣмчигъ; ты противъ воли попалъ въ полчища этого злодѣя; Богъ съ тобой!»

— Неужели вы не видите? — спокойно сказалъ онъ: — вонъ домишко, между деревьями; огни погашены; командиръ, очевидно, спитъ, но не спятъ часовые; ихъ отсюда не видно... Я разбужу, кого мнѣ надо, отдамъ бумаги и васъ еще догоню.

— До свиданія; и то правда! я такъ близорукъ, что иной разъ думаю: ну, зачѣмъ взяли въ рекруты такую слѣпую курицу? Кстати, разузнайте у вашихъ артиллеристовъ, скоро ли, наконецъ, отпустятъ насъ съ вами домой? Можетъ быть, они знаютъ; да берегитесь, не подстрѣлили бы васъ какой часовой.

— Спрошу непременно и буду беречься.

Солдатъ пошелъ обратно. Илья прислушался къ его шагамъ, бережно миновалъ церковь, прилегъ за оградой и снова сталъ слушать. Вѣтеръ то затихалъ, то опять шумѣлъ, качая верхи деревьевъ. Вправо и влѣво отсюда раздавались оклики сторожевой цѣпи, вплоть до берега Синички. Сзади, надъ городомъ стояло зарево. Широкимъ пламенемъ загоралась мѣстность, къ сторонѣ Басманной, гдѣ онъ такъ недавно прошелъ.

«Неужели я проскользну за вражескую черту? — съ лихорадочною дрожью подумалъ Илья: — и въ самомъ ли дѣлѣ мнѣ удасться это затѣянное, безумное бѣгство? Нѣтъ, солдата могутъ оста-

повить и спросить, куда дѣлся его недавній спутникъ; часовые поймутъ, что ихъ обманули, и бросятся меня искать... Скорѣе, скорѣе далѣе...»

Тропиницъ вскочилъ на ноги. Онъ, нагнувшись, поползъ, потомъ побѣжалъ, самъ не зная, куда. Спотыкаясь въ потьмахъ о рывины и попадая въ лужи, онъ опомнился, когда увязъ по колѣно въ какихъ-то кочкахъ. То былъ берегъ Синички. Илья заподзъ въ высокую траву, выбралъ болѣе сухое мѣсто и рѣшился здѣсь ждать утра. Его нога опять разболѣлась.

«Да, не уйти мнѣ,—мыслилъ онъ:—напрасная мечта! поймаютъ, захватятъ и отведутъ обратно; а тамъ, можетъ быть, откроется и дѣло о колодцѣ... Боже! дай силы, дай мнѣ жить, на счастье осиротѣлой семьи, въ прославленіе Твое!»

Прошло болѣе часа. Ночь, въ отблескѣ дальнихъ пожарищъ, казалась еще мрачнѣе. Тропиницъ забылся въ лихорадочной дремотѣ. Вправо за кустами какъ бы что-то поблѣгло.

«Неужели разсвѣтъ?» — подумалъ онъ, приподнимаясь въ травѣ.

Кругомъ было еще темно. Только плесо ручья и часть ближней рощи были освѣщены вышедшимъ изъ-за облаковъ мѣсяцемъ. Илья зналъ, что къ рощѣ, за ручьемъ, примыкало введенское кладбище, а далѣе шли овраги, сплошной лѣсъ и поля.

— «Пора, пора!» — сказалъ онъ себѣ, раздѣлся, придерживая надъ головой одежду и обувь, вошелъ въ воду и, медленно ощупывая ногами болотное дно, направился къ другому берегу. Онъ нѣсколько разъ скользилъ, оступался и чуть не выронилъ платья. На срединѣ ручья, холодная, какъ ледъ, вода была ему по горло. Ручей сталъ мельче. Илья еще подался и, дрожа всѣмъ тѣломъ, вышелъ на ту сторону. Обтершись кое-какъ травой, онъ одѣлся, обулся и ползкомъ направился къ кладбищу. Мѣсяцъ скрылся. Долго пробирался Илья; наконецъ, невдали, онъ примѣтилъ деревья и кресты кладбища. Запыхавшись и согрѣвшись отъ движенія, онъ забрался между могилъ и сталъ обдумывать, что ему дѣлать далѣе? Такъ лежалъ онъ долго. Окликовъ часовыхъ здѣсь уже не было слышно. Снова стало виднѣе.

— Нѣтъ, надо уйти до разсвѣта, — сказалъ себѣ Илья: — заберусь хоть въ ближній лѣсъ.

Онъ всталъ и бережно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Вправо, между могилъ, послышался шорохъ. Илья вздрогнулъ и въ ужасѣ сталъ присматриваться.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, полусвѣщенный мѣсяцемъ, обрисовался высокій, бородатый, въ истрепанномъ подрясникѣ, человѣкъ. Незнакомецъ былъ, очевидно, также смущенъ. При видѣ французской военной шинели и такой же фуражки Илья, онъ долго не могъ выговорить ни слова.

— Врагъ ты, или другъ? (*Utrum hostis, an amicus es?*)— проговорилъ по латыни густымъ, дрожащимъ басомъ незнакомецъ:—взгляни и пощади! (*respice et parce!*)— жалобно прибавилъ онъ, указывая на ребенка, лежавшаго у его ногъ, въ травѣ.

«Вѣроятно, кладбищенскій священникъ!—радно подумалъ Илья:—принимаетъ меня за француза».

— Успокойтесь, батюшка, я самъ русскій, — отвѣтилъ Илья:—и такой же несчастный, какъ, очевидно, и вы! мое имя—Илья Тропининъ.

— Я же дьяконъ, Савва Скворцовъ, изъ Будрина, а это мой племянёкъ!—сказалъ незнакомецъ:—что испыталъ, страшно и передать. Грабители, охъ, Господи, сожгли домъ!—это бы еще ничего; отняли все имущество—и это преходящее дѣло; нагъ родился, нагъ и остался. Но они, въ мое отсутствіе, увели мою жену... Поля, Подличка, гдѣ ты?—тихо проговорилъ, всхлипывая, дьяконъ.

Онъ, ухватясь за голову, опустился на могильную плиту. Его плечи вздрагивали. Проснувшійся племянникъ испуганно глядѣлъ на дядю и стоявшаго передъ нимъ Илью.

— Какъ завидѣлъ васъ,—проговорилъ дьяконъ:—ну, думаю, поискъ, ихній патруль, онять въ ихъ рукахъ, конечно... а тутъ вы встали, да прямо на меня... Душа подчасъ, какъ видите, брэнна, хоть тѣломъ я и Самсонъ... и за всѣ ихъ злодѣйства, вотъ такъ бы, хоть и слуга алтаря, съ ножомъ пошелъ бы на нихъ.

Тропининъ разсказалъ о своемъ плѣнѣ.

— Не подобаетъ мнѣ клястись, ваше благородіе,—произнесъ дьяконъ Савва:—самъ вижу! только я поклонился... Искалъ я жену вездѣ въ ихъ вертепахъ, ходилъ, подавалъ просьбы ихъ начальству и маршаламъ,—еще и смѣются. Взялъ я тогда этого, препорученнаго мнѣ сироту, вышелъ сегодня огородами, думалъ на Андроніевъ монастырь, да заблудился,—попалъ сюда. Дай Господи дотянуть до своихъ, сдать племянника. Попомнятъ, изверги, Савву.

— Вамъ, отецъ дьяконъ, куда?

— На Коломну.

— И мнѣ туда же, на Рязань; моя семья въ Моршанскомъ уѣздѣ.

— Не будемъ же, сударь, терять времени,—сказалъ дьяконъ:—коли угодно, вмѣстѣ двинемся съ Богомъ въ путь; кажись, разсвѣтаетъ.

Путники миновали поляну и вошли въ лѣсъ. Долго они пробирались чащей деревъ и кустами. Утро ихъ засталó у прогалины, на которой стояла пустая, лѣсная сторожка. Они ее обошли и рѣшили отдохнуть у озера, въ гущинѣ лѣса. У дьякона оказалось нѣсколько сухарей. Они закусили, напились и, остерегаясь встрѣчи съ врагами, просидѣли здѣсь до заката солнца. Савва разсказалъ Ильѣ, что онъ кончилъ ученіе въ семинаріи, былъ нѣсколько лѣтъ пѣвчимъ въ Чудовѣ, женился только весною и, въ ожиданіи священническаго мѣста, пока былъ поставленъ въ дьяконы. Его горю, при воспоминаніи о женѣ, не было границъ. Онъ твердилъ, что, едва сдастъ роднымъ племянника, готовъ взять оружіе и идти на враговъ; авось примутъ въ ополченіе. Вечеромъ путники двинулись снова въ дорогу, шли всю ночь и, утромъ слѣдующаго дня, радостно слышали собачій лай. Невдали передъ ними за лѣсомъ сталъ видѣнъ поселекъ. Кто въ немъ? Свои или чужіе? Они вышли на владимірскую дорогу.

XXX.

Стоя на грозномъ допросѣ передъ маршаломъ Даву, Перовскій, наконецъ, разобралъ и понялъ то важное и роковое, что о немъ говорилъ адъютантъ герцога, Оливье.

— Этотъ господинъ, — почтительно сказалъ Оливье:—я отчетливо и хорошо это помню, — моложе и ниже ростомъ того плѣннаго, о которомъ ваша свѣтлость спрашиваете.

Точно снопы солнечныхъ лучей блеснулъ въ глаза Перовскому; полное ужаса, гнетущее бремя скатилось съ его груди. Онъ съ усиленіемъ перевелъ дыханіе, стараясь не проронить ни слова изъ того, что далѣе говорилъ передъ нимъ его нежданый защитникъ.

Лицо маршала, къ удивленію Базиля, также прояснѣло. Въ немъ явилось нѣчто, менѣе угрюмое и жесткое.

— Но вы опять мямлите, — сказалъ адъютанту герцога, будто не желая поддаться осбнившему его доброму впечатлбнiю: — у васъ вбчно, чортъ возьми, точно недофденная каша во рту...

— Тотъ плбнный, ваша свбтлость, — также почтительно и мягко проговорилъ Оливье: — былъ головою выше этого господина... я, какъ теперь, его вижу... Онъ былъ въ морщинахъ и съ родимымъ пятномъ на щекб... ходилъ, переваливаясь. И если бы вамъ, — продолжалъ дрогнувшимъ голосомъ и поблбднбвъ Оливье: — не угодно было мнб повбрить, я готовъ раздблить съ этимъ плбннымъ ожидающую его судьбу.

— Довольно!... — рбзко перебилъ Даву: — въ вашемъ великодушii не нуждаются; а вы, обратился онъ къ Перовскому: — какъ видите, спасены по милости этого моего подчиненнаго... Можете теперь идти къ прочимъ вашимъ товарищамъ.

Перовскiй неподвижно постоялъ нбсколько мгновений, взглядываясь въ Даву, который, очевидно, былъ доволенъ и своимъ рбшенiемъ, и растерянностью своего плбннаго. Не кланаясь и не произнеся ни слова, Базиль обернулся и, пошатываясь, направился къ двери. Какъ его затбмъ провели на крыльцо, указали ему калитку въ садъ и сдали на руки стражи, оберегавшей жилище плбнныхъ, онъ едва сознавалъ.

Арестанты маршала помбщались въ недостроенномъ, деревянномъ флигелб, покрытомъ черепицей, но бывшемъ еще безъ половъ и печей.

Не доходя до этого зданiя, Базиль услышалъ пбние и гулъ голосовъ тбхъ, кто въ немъ помбщался. Здбсь были захваченные на улицахъ и при выходб изъ Москвы торговцы, господскiе слуги, подозрбваемые въ грабежб и въ поджогахъ чернорабочiе, два-три чиновника и нбсколько военныхъ и духовныхъ лицъ. Между послбдними Перовскiй разглядблъ и толстяка, Баташбвскаго дворецкаго, Максима; тотъ, увидя его, заплакалъ. Люди изъ протонародiя коротали свои досуги мелкими работами на французовъ и добыванiемъ для себя харчей, а выпросивъ у французовъ водки и подвыпивъ, — заунывными пбснями. Дворянскiй, духовный и купеческiй отдблъ флигеля былъ благообразнбе и тише. Большинство здбсь заключенныхъ сидбли молча и мрачно, понурившись или въ полголоса бесбдуя о томъ, скоро ли конецъ войны и ихъ плбна. Здбсь Базиль узналъ, что Наполеонъ, съ цблью поднятiя раскольниковъ, посбтилъ преображенскiй скитъ, а надняхъ призывалъ къ себб, во дворецъ продавщицу дамскихъ

нарядовъ съ Дмитровки, Оберъ-Шальмэ, и что эта «оберъ-шэльма», какъ её звали москвичи, толковала съ нимъ объ объявленіи воли крестьянамъ.

Перовскій увидѣлъ, что во флигелѣ, въ отведенномъ ему углу, ему приходило спать на голой землѣ. Тутъ къ нему съ услугами обратился румяный, рослый и постоянно веселый малый, котораго звали Сенька Кудинычъ. Съ рыжеватыми, кудрявыми волосами, сѣрыми, смѣющимися глазами, этотъ, какъ узналъ Базиль, лакей какой-то графини, обиталъ на половинѣ чернорабочихъ, гдѣ особенно голосисто запѣвалъ хоровыя пѣсни. Онъ, добродушно поглядывая на Базиля, безъ его просьбы, наносилъ ему изъ сада сухихъ листьевъ, нарвалъ травы и живо изъ этихъ припасовъ устроилъ ему постель. Скала бѣлые, точно выточенные изъ слоновой кости, зубы и приговаривая: «вотъ такъ будоваръ! только шлафрока, да туфельковъ нѣту; заснете, ваша милость, какъ на пуховичкѣ!» онъ даже подмелъ вокругъ этой постели и посыпалъ пескомъ. Разговаривая съ нимъ, Базиль узналъ, что у Кудиныча была зазноба, горничная его графини, Глаша, и, по его просьбѣ, написалъ ей, отъ его имени, письмо. «Но какъ же ты ей перешлешь письмо?» — спросилъ онъ его. Сенька отвѣтилъ: «не вѣкъ тутъ будемъ сидѣть; уловъ не уловъ, а обрыбиться надо!» — и спряталъ письмо за голенище.

Въ первые дни своего пребыванія въ садовомъ флигелѣ, Перовскій, какъ и прочіе плѣнные, ходилъ, въ сопровожденіи конвоя, въ окрестные огороды и сады, на Москвѣ-рѣкѣ, собирать картофель, капусту и другіе, тогда еще нерасхищенные овощи. Плѣнныхъ отпускали также въ мясное депò, т.-е. на бойню, устроенную невдали, въ переулкѣ, на Прѣснѣ, гдѣ они помогали французамъ въ убиваніи и свѣжеваніи приводимыхъ фуражирями великой арміи коровъ, быковъ и негодныхъ для службы лошадей, причемъ на долю плѣннымъ доставались разные мясные отбросы и требуха. Кудинычъ въ такія командировки особенно всѣхъ потѣшалъ своими пѣснями и шутковскими выходками. Вскорѣ, однако, эта фуражировка прекратилась. Припасы у французовъ сильно истощились. Плѣнныхъ стали кормить только сухарями и крупой.

Однажды, — это было недѣли черезъ двѣ послѣ водворенія въ садовомъ флигелѣ милюковской фабрики, — Перовскій замѣтилъ особое оживленіе и суету у квартиры Даву. Онъ понялъ, что у французовъ готовилось нѣчто особенное. Изъ сада было видно,

какъ у дома, занимаемаго маршаломъ, сновали адъютанты, по двору бѣгали ординарцы и куда-то скакали верховые. «Походъ, походъ! — радостно говорили другъ другу арестованные: — насъ, очевидно, рѣшили размѣнять и отправить на аванпосты».

Было утро 17-го сентября. Русскихъ плѣнныхъ вывели изъ ихъ жилья, сдѣлали имъ переключку и повели, но не въ Рогожскую или Серпуховскую заставу, а въ Дорогомиловскую. Здѣсь они увидѣли еще нѣсколько сотъ другихъ плѣнныхъ, содержавшихся до тѣхъ поръ въ иныхъ мѣстахъ Москвы. «Васъ куда?» — спрашивали товарищей плѣнные герцога Даву. — «Не знаемъ...» Подѣхалъ верхомъ толстый, озабоченный генералъ. Онъ бѣгло осмотрѣлъ плѣнныхъ и далъ знакъ. Прогрѣмѣлъ барабанъ; часть конвоя стала впереди отряда, другая — сзади его. Раздалась команда и всѣ двинулись по пути къ старой смоленской дорогѣ. «Да, вѣдь, это опять къ Можайску, — толковали плѣнные: — неужели французы отступаютъ?» Одни радовались, другіе молча вздыхали.

Отрядъ прошелъ верстъ десять. Перовскій разглядывалъ пеструю, двигавшуюся рядомъ съ нимъ и впереди его толпу. Двое изъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, въ этомъ отрядѣ, еще ѣхали въ собственной коляскѣ одного изъ нихъ, приглашая въ нее отстававшихъ на пути товарищей. При этомъ нѣсколько переходовъ и Базилю довелось проѣхаться съ ними. Онъ радовался и удивлялся этой льготѣ, видя, что и другіе плѣнные, слуги и торговцы, которыхъ по бородѣ считали за переодѣтыхъ казаковъ, были также не лишены разныхъ снисхожденій отъ своихъ надсмотрщиковъ. У купцовъ оказалась запасная провизія и даже чайникъ для сбитня. Дворовые же разныхъ баръ, въ томъ числѣ баташевскій Максимъ и Сенька Будиничъ, шли еще въ собственныхъ фракахъ, ливреяхъ, ботфортахъ и даже въ шляпахъ, съ галуномъ и плюмажами. Льготы вскорѣ, однако прекратились. Передъ однимъ изъ приваловъ, высокій, рябой и плоскогрудый, съ женскою мантилей на плечахъ, начальникъ конвоя, подойдя къ офицерамъ, ѣхавшимъ въ коляскѣ, молча взялъ одного изъ нихъ за руку, вывелъ его въ дверцы, потомъ другаго и, спокойно помѣстившись съ своимъ помощникомъ въ экипажъ, болѣе туда уже не допускалъ его хозяевъ.

Прошли еще нѣсколько верстъ. Къ ночи пошелъ дождь и подулъ рѣзкій, студеный вѣтеръ. На привалѣ всѣ сильно продрогли. Разбуженный на зарѣ, Базиль увидѣлъ, какъ медленно,

въ туманномъ разсвѣтѣ, поднимался и строился къ дальнѣйшему походу отрядъ. Ливрей и шляпъ на плѣнныхъ лакеяхъ уже не было, и они, въ большинствѣ, поплелись по грязи полураздѣтые и босикомъ. Мелкій, холодный дождь не прекращался. Базиль прозябъ, хотя надѣялся отъ движенія согрѣться. Но, едва отрядъ двинулся къ какому-то мосту, конвойный фельдфебель остановилъ Базиля у входа на этотъ мостъ и, предложивъ ему сѣсть у дороги, вѣжливо снялъ съ него крѣпкіе его сапоги и, похлопывая по нимъ рукою и похваливая ихъ, бережно надѣлъ на себя, а ему далъ свои опорки. Базиль, опасаясь болѣе наглыхъ насилій, рѣшилъ до времени это снести. Онъ пошелъ далѣе, обернувъ полученные опорки какими-то тряпками. Баташевскій дворецкій, въ первый день плѣна такъ радушно угощавшій Базиля, шелъ также въ однѣхъ портянкахъ.

— И съ тебя сняли сапоги?—спросилъ его Перовскій.

— Сняли,—безучастно отвѣтилъ Максимъ.

— А скажи, такъ, откровенно, между нами: ты тогда, помнишь, какъ стоялъ у васъ Мюратъ, поджѣгъ вашъ дворъ?

Дворецкій оглянулся и подумалъ.

— Я,—отвѣтилъ онъ, вздохнувъ.

— Кто же тебя надоумилъ?

Максимъ поднялъ руку.

— Вотъ кто,—сказалъ онъ, указывая на небо:—да графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ; онъ призывалъ кое-кого изъ насъ и по тайности сказалъ: какъ войдутъ злодѣи, понимаете, ребята? начинайте съ моего собственнаго дома на Лубянкѣ. Мы и жгли...

Дождь вскорѣ смѣнился морозомъ. Дорога покрылась глыбами оледенѣлой грязи. Изнеможенные, голодные, съ израненными, босыми ногами, плѣнные стали отставать и падать по дорогѣ. Ихъ поднимали прикладами. Привалы замедлялись. Конвойные офицеры выходили изъ себя. Тогда начались извѣстныя, безобразныя сцены молчаливаго пристрѣливанія больныхъ и отсталыхъ. Это, какъ замѣтилъ Перовскій, начали совершать, большею частью, при подъемѣ отряда съ ночлега, въ-потьмахъ. Впервые слыша рѣзкіе одиночные выстрѣлы сзади поднятаго и снова двигавшагося отряда, Перовскій спросилъ одного изъ шедшихъ близъ него конвойныхъ, что это такое? Солдатъ, мрачно хмурясь и пожимая плечами, отвѣтилъ: «Ночная похлебка вашихъ собратій!» («Soupe de minuit de vos confrères!»)

Содрогаясь при повтореніи этихъ звуковъ, Перовскій со страхомъ сталъ поглядывать на свои боссы, обернутыя тряпьемъ, ступни. «Боже! — думалъ онъ: — долго ли разболѣться и моимъ бѣднымъ, усталымъ ногамъ? эта участь, эта ночная похлебка ждетъ и меня!» Онъ, въ такія мгновенія, вынималъ съ груди образокъ, данный Авророй, и горячо на него молился.

На одномъ изъ приваловъ Базиль, увидѣвъ вспыхнушіе въ темнотѣ одиночныя огни и услышавъ эти знакомыя, роковыя выстрѣлы, не утерпѣлъ и съ укоризной обратился къ начальнику конвоя.

— Какъ можете вы, капитанъ, допускать такое безчеловѣчіе? — сказалъ онъ: — у моихъ товарищей отняли экипажъ, у меня сняли сапоги; это еще понятно, — право сильнаго... но неужели вамъ предписаны эти убійства?

— Воля императора, — сурово отвѣтилъ конвойный офицеръ.

— Но чѣмъ можетъ быть оправдано такое звѣрство? и чѣмъ, извините, это лучше возмездія индѣйскихъ каннибаловъ, съѣдающихъ своихъ незащитныхъ плѣнныхъ?

Офицеръ, оправляя на себѣ воротникъ, жавшій ему щеки, покосился на жалкую обувь Перовскаго.

— Послушайте! вы непозволительно - рѣзко выражаетесь, — строго отвѣтилъ онъ: — берегитесь! тѣмъ болѣе, что всякъ изъ васъ, въ томъ числѣ и вы, можетъ подвергнуться тому же.

Онъ помолчалъ.

— Вы насъ укоряете, наконецъ, въ насиліяхъ, — заключилъ онъ: — но сами же вы во всемъ виноваты; вы безразсудно сожгли собственныя села и города; госпиталей и аптекъ у васъ нѣтъ. Куда же, скажите, дѣвать намъ вашихъ же немощныхъ и больныхъ? сдавать вашимъ партизанамъ? слуга покорный! Вы отлично поймете, что отсталые и больные оправятся, а оправясь, нанесутъ намъ неисчислимый вредъ. Необходимость каждой войны... а вы ея зачинщики...

Лежа въ бурю и стужу на мерзлой землѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще, слыша ужасныя, каждый день повторявшіеся выстрѣлы, Перовскій съ ужасомъ увидѣлъ, что его ноги разболѣлись и стали пухнуть. Онъ опасался заснуть, чтобы во снѣ не отморозить ногъ. Забываясь краткою, тревожною дремотой, онъ вскакивалъ въ испугѣ и начиналъ ходить, стараясь себя размять и отогрѣть.

Отрядъ съ плѣнными миновалъ Можайскъ и подошелъ къ Борфдину. Здѣсь, пятьдесятъ два дня назадъ, въ присутствіи Перовскаго, гремѣло столько орудій и пало столько мертвыхъ и раненыхъ. Невдали же отсюда, изъ Новоселовки, три съ половиною мѣсяца назадъ, Базиль уѣзжалъ въ армію, такой счастливый и съ такими свѣтлыми надеждами. Стало таять.

Былъ вѣтряный, холодный вечеръ. Начиналъ опять наврывать дождь. Ооченьблые отъ стужи плѣнные и ихъ провожатые обрадовались привалу, прилегли въ обгорѣлыхъ остаткахъ какой-то деревушки, невали отъ обширнаго холма, по бокамъ и у подошвы котораго во множествѣ еще валялись небранныя тѣла людей и лошадей.—«Боже мой!—сказалъ плѣнный русскій офицеръ, у котораго отняли коляску:—смотрите, я узналъ... вѣдь это курганная батарея Раевскаго!» Базиль вспомнилъ Наполеона, скакавшаго сюда со свитой на бѣломъ конѣ.

Едва плѣнные прилегли, между ними неожиданно раздалась захватская, плясовая пѣсня. Иные встрѣтили ее дружнымъ хохотомъ. Пѣлъ веселый верзило Сенька Кудінычъ. Онъ, вскидывая руки вверхъ и глядя на свои ноги, плясалъ и приговаривалъ:

Сидитъ сова на печи,
Крылышками треплючи;
Ноженьками топъ, топъ,
Оченьками лопъ, лопъ.

Сенька, очевидно, продѣлывалъ ногами и глазами то, о чемъ пѣлъ, такъ какъ смѣхъ слушателей не прекращался.

Перовскій, съ содроганіемъ, слушалъ это лакейское шутство. Онъ размоталъ тряпки на своихъ ступняхъ, приподнял ихъ и увидѣлъ, что его ноги, отъ колѣнъ до подошвъ, были покрыты ссадинами, а кое-гдѣ даже и ранами. Въ тотъ день онъ былъ очень голоденъ и сильно обрадовался полугнилой луковицѣ, найденной въ сору деревушки, гдѣ остановили плѣнныхъ. «Погибъ я, погибъ!»—думалъ онъ, безучастно, глядя на французскихъ солдатъ, которые тѣмъ временемъ пустились рыться въ пепѣ и сорѣ деревушки, также отыскивая тамъ жалкіе остатки съѣдомаго. Рослый фельдфебель, снявшій съ Базіля сапоги и въ послѣднее время ходившій въ заячьей женской душегрѣйкѣ и въ бѣлой, гдѣ-то добытой шелковой муфтѣ, взялъ часть конвойныхъ и съ топоромъ повелъ ихъ къ редуту.

Въ сумеркахъ вечера оттуда слышались странные звуки, точно тамъ, на безлѣсномъ холмѣ, рубили дрова.

— Рубить ноги мертвецамъ! — усмѣхнулся, подсаживаясь къ Перовскому, Будинычъ: — сапоги сымаютъ.

— Ну, такъ что же, — отвѣтилъ, заплетая себѣ ноги, Базиль: — мертвому все равно...

— А какъ ѣнъ еще живъ?

— Кто? — удивился Базиль.

Будинычъ опять оскалилъ зубы.

— Да мертвецъ-то, — сказалъ онъ.

— Полно, Семень, почти два мѣсяца прошло.

— Не вѣрите, баринъ? Давеча Прошка, Архаровыхъ буфетчикъ, набрелъ въ партіи, у Татарина, что ли, на одного такого же убитаго, ткнулъ его, этакъ-то на ходу, ступней, а ѣнъ и охнулъ... живъ! Мы къ нему: чѣмъ ты, сердечный, жилъ столько дѣнъ? Я, говорить, ребяташки, лазилъ ночью, вынималъ изъ сумоги у настоящихъ мертвыхъ сухари и ѣлъ.

— Куда же вы его? — спросилъ Базиль.

— Кого?

— Да этого-то живаго?

— А куда же! — отвѣтилъ Будинычъ: — ѣнъ все просилъ, — прекратите вы меня, ради Христа; выходить, — добейте; ну, куда? не всѣ наши разбѣжались, авось его найдутъ и сберегутъ.

XXXI.

Отрядъ плѣнныхъ достигъ Краснаго. Невдали отъ него, Перовскій убѣдился, что силы окончательно ему измѣняются. Онъ уже едва тащился, не помня и не сознавая, какъ и гдѣ онъ шелъ. То онъ видѣлъ себя впереди отряда, то чуть не сзади всѣхъ. Его била лихорадка, попеременно бросая его въ холодъ и жаръ. Онъ пришелъ къ ясному и безповоротному убѣжденію, что его конецъ близокъ. Въ тотъ день французы пристрѣлили еще нѣсколько отсталыхъ. Смеркалось.

Перовскій, въ бреду, въ полузабытѣ, шагаль изъ послѣднихъ силъ. Онъ, замирая, вглядывался въ придорожныя, безлистья вербы, къ которымъ приблизился отрядъ, и съ болѣзненнымъ трепетомъ соображалъ, у какой же именно изъ этихъ вербъ онъ окончательно пристанеть, упадетъ и его безжалостно пристрѣлятъ?

— Баринъ,—раздался возлѣ него знакомый голосъ Кудіныча. Перовскій испуганно обернулся.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ.

— Тише, баринъ,—проговорилъ въ полголоса Кудінычъ:—вижу, вы измаялись; моченьки нѣту и моей... замыслилъ я, сударь, бѣжать; такъ мнѣ все теперь равно, возьмите мои лапти.

— Какъ лапти? а тебѣ?—возразилъ, не останавливаясь, Перовскій:—опомнись, гдѣ тутъ думать о побѣгѣ? поймають, убьють...

— Одна, ваше благородіе, смерть!—отвѣтилъ Кудінычъ:—впередъ ея наживайся,—прійдетъ, не посторонишься; сподобитъ Господь, уйду и въ подвѣрткахъ! а это—снаружи только лапти, а снутри валенки... очень удобно! Вотъ и привалъ...

Отрядъ въ это время подошелъ къ опушкѣ лѣса и остановился. Кудінычъ проворно сѣлъ на землю и снялъ съ себя валенки.

— Извольте принять Сеньгину память,—сказалъ онъ.

— Одумайся, Семень,—отвѣтилъ Базиль:—у тебя, навѣрное, есть мать, отецъ; когда-нибудь, да увидѣлся бы съ ними, а такъ...

— Голякъ я, сударь, и сирота, какъ есть... а что затѣялъ—исполню!

— Одумайся,—говорю тебѣ,—слѣдятъ за нами въ глазъ; поймають...

— Оно точно, налетаетъ топоръ и на сукъ; только те,—отвѣтилъ, загадочно куда-то посматривая, Кудінычъ:—ленки же, сударь, мнѣ Глаша про запасъ къ осени поднесла; уѣзжала изъ Москвы съ господами; сапоги отняли франц въ этихъ дошелъ,—дойдете и вы.

Перовскій не возражалъ. Сенька помогъ ему переодеться. Ощущая невыразимую отраду отъ надѣтыхъ, просторныхъ лыкъ и оплетенныхъ сверху лыками, валенокъ, Базиль дошелъ къ общему котлу, а прилегъ въ затишьѣ оврага отъ вѣтра попрыгали болѣе измороженные плѣнные, и крѣпче вужь.—«И у Сеньки своя зазноба!»—думалъ, засыпая, Базиль. Хмурый вечеръ, редутъ съ мертвыми тѣлами, конвойные и оврагъ все исчезло. Передъ нимъ снова было лѣтнее небо, а на небушки. Базиль представилось, что онъ съ Авророй шелъ по кавказской зеленой, чудно-пахучей полянѣ. Голубые и розовые цвѣты съ застилали травяной коверъ. Съ небесной синевы неслись и

жаворонковъ. Надъ поляной порхали бабочки, роились мухи и жучки. — «А молишься ли ты Покрову Божьей Матери?» —спросила Перовскаго Аврора. Онъ разстегнулъ мундиръ, сталъ искать иконку, которою, какъ онъ помнилъ, она благословила его на прощаньи, и не находилъ. Его пальцы судорожно бѣгали по груди, опускались въ карманы жилета и истрепанной, порванной его шинели. Онъ, смѣшавшись и не глядя на Аврору, думалъ: «Боже мой! да гдѣ же образокъ? неужели я его потерялъ?.. и гдѣ, гдѣ?» — Аврора, пристально глядя на него, ожидала.

Кто-то сильно толкнулъ Перовскаго. Надъ его ухомъ раздался громкій, суровый окликъ. Онъ открылъ глаза. Надъ нимъ стоялъ, въ женской мѣховой кофтѣ и съ бѣлою муфтой на перевязи, фельдфебель. Начинаясь разсвѣтъ. Кругомъ опять моросилъ дождь.

— Въ дорогу, пора! экой соня! — твердилъ, теребя Перовскаго, фельдфебель.

Базиль быстро всталъ, оглянулся. Отрядъ уже былъ выстроенъ надъ окраиной оврага и готовился выступить. Но едва передовая часть плѣнныхъ двинулась и, волнуясь, вошла въ опушку лѣса, раздался выстрѣлъ, потомъ еще нѣсколько. Базиль вздрогнулъ, удивляясь, что знакомые ему выстрѣлы необычно слышались впереди, а не сзади отряда. Въ блѣдныхъ сумеркахъ утра, передъ опушкой лѣса, что-то суетилось. Базиль, пройдя еще нѣсколько шаговъ, разглядѣлъ, что часть конвоя, отдѣляясь отъ отряда, гналась за кѣмъ-то по лѣсу. Другіе осматривали что-то неподвижное и темное, лежавшее навзничь у дорожной канавы. Раздавались тревожные крики. Отрядъ сучился, остановился. Пошли толки. Всѣ спрашивали и никто не могъ дать точнаго отвѣта.

Вскорѣ оказалось, что одинъ изъ плѣнныхъ, — именно Будиничъ, — при входѣ въ лѣсъ, неожиданно выхватилъ у ближайшаго конвойнаго ружье и, отмахиваясь его прикладомъ, бросился въ кусты. Будившій Перовскаго длинный фельдфебель, въ кофтѣ и съ бѣлою муфтой, первый опомнился и скомандовалъ стрѣлять по бѣглецу, достигшему уже чащи деревъ. Выстрѣлы затрещали. Сенька обернулся, прицѣлился изъ-за вѣтвистаго дерева и уложилъ фельдфебеля на мѣстѣ. Пока остальные спохватились и, со штыками на перевѣсъ, по вязкой, желтой грязи, погнались за нимъ, — этотъ сильный, рослый человѣкъ, мелькая обернутыми въ тряпки ногами, какъ легкій степной заяцъ, перемахнулъ

черезъ ближніе кусты и поляну, бросился въ гущину, достигъ небольшого ручья, кинулся въ воду, переплылъ на другой берегъ и скрылся въ темной чащѣ, безъ слѣда. Погоня снова стрѣляла по немъ, уже наугадъ, потомъ оставила его, рѣшивъ, что однимъ изъ выстрѣловъ бѣглець, перебѣгая поляну, былъ раненъ и, по всей вѣроятности, опасно. Это было передъ Вязьмой.

Все уменьшаясь въ количествѣ, отрядъ плѣнныхъ дошелъ до Смоленска и направился къ Витебску. Выпалъ снѣгъ. Путь становился непроходимъ. Вынося тяжкія, нечеловѣческія страданія, первые отряды плѣнныхъ миновали русскую границу въ страшную метель и при двадцати-градусномъ морозѣ.

Перовскій, благодаря валенкамъ Сеньки, болѣе терпѣливо перенесъ тягости пути.—«Будінычъ, Будінычъ!—мыслилъ онъ, вспоминая его:—ты спасъ меня, добрая, русская душа; но живъ ли, уцѣлѣлъ ли ты самъ? И, если дѣйствительно, какъ увѣряютъ, ты раненъ погоней, спаси тебя Богъ и вознагради за то, что ты мнѣ, молодому, жаждущему жизни, далъ средство еще пожить, далъ возможность бороться, страдать и надѣяться. Не вѣчно же надъ нами будетъ длиться эта пытка цивилизованныхъ палачей. Рано ли, поздно ли, авось возвратится то, что было мнѣ такъ близко и что я, повидимому, навсегда потерялъ».

Въ Польшѣ плѣнныхъ взяли на подводы. Пруссію они миновали, хотя сильно голодая, въ крытыхъ экипажахъ. Перовскій въ Пруссіи заболѣлъ; лихорадка смѣнилась горячкой и онъ пролежалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ госпиталѣ. Здоровье Базиля возвратилось съ весной. Сердобольная жена и дочь лѣчившаго его врача, когда онъ сталъ оправляться, принесли ему букетъ весеннихъ цвѣтовъ. Увидѣвъ цвѣты, онъ разрыдался.—«Аврора, Аврора!—мысленно повторялъ онъ, глядя на солнце и цвѣты:—гдѣ ты? увидимся ли съ тобой?»

XXXII.

Бнягиня Анна Аркадьевна Шелешпанская, оставивъ Москву, за два дня до вступленія туда французовъ, изнемогла дорогою отъ огорченій и суеты и, съ остановками, то разбивая палатку у дороги, то заѣзжая на постоянные дворы, успѣла добраться только до своего коломенскаго помѣстья, сельца Ярцева, черезъ которое обыкновенно лежалъ ея дальнѣйшій путь, въ ея тамбовскую вотчину, село Паншино. При малѣйшемъ оврагѣ или хол-

мѣ, княгиня кричала:—«стой, стой, не могу!»—и выходила изъ экипажа. Въ Паншинѣ издавна была болѣе устроенная усадьба и теперь, съ начала августа, тамъ, въ ожиданіи бабки и сестры, проживала съ сыномъ Ксенія Валерьяновна Тропинина. Ярцево было въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ девяносто отъ Москвы и около двадцати верстъ—не доѣзжая Коломны.

На второй день пути, поздно вечеромъ, уже въ виду Ярцева, странники примѣтили за собою сильное зарево.

— Ахъ, бабушка, вѣдь это горитъ Москва!—первая вскрикнула ѣхавшая въ каретѣ съ бабкой Аврора.

Экипажъ остановился. Кучеръ и слуги, разглядывая зарево, дѣлали разные предположенія. Сомнѣнія не было: французы заняли и зажгли Москву. Отъ такой новости княгиня еще болѣе смутилась и расхворалась. Съ трудомъ доѣхавъ до Ярцева, она объявила, что далѣе двинуться не въ силахъ и должна нѣкоторое время перебыть здѣсь. Кстати въ Ярцевѣ она застала свой московской обозъ, съ Маремьяшей, новоселовскою Ефимовою и прочею прислугою.

— Французы воротились отъ Бронницъ,—говорила княгиня:—я теперь покойна; до нихъ отсюда далеко, да ихъ и сторожить Кутузовъ.

Съ помощью Авроры и Маремьяши, ярцевскій домъ былъ наскоро приведенъ въ порядокъ и все въ обиходѣ княгини, по возможности, было налажено. Въ полупустѣлой Коломнѣ накупили провизіи, нашли и договорили врача,—навѣщать больную,—а въ запущенномъ флигелѣ и дворовыхъ избахъ кое-какъ размѣстили прибывшую съ княгиней и при обозѣ ея многочисленную московскую дворню, слугъ, буфетчиковъ, поваровъ, парикмахеровъ и горничныхъ. Разобравъ сундуки и ящики, Аврора нашла даже кровать княгини на стеклянныхъ ножкахъ, съ шелковыми подушками и одѣяломъ, и въ видахъ спасенія отъ грозы, какъ въ Москвѣ, снабдила ими спальню бабки. Княгиня, завидѣвъ при этомъ шелковый портретъ Наполеона, вышла изъ себя и велѣла привѣсить его въ залѣ, съ надписью: «Assassin et scélérat»— («убійца и злодѣй»).

Въ Ярцевѣ кое-какъ устроилась жизнь, похожая на ту, которую Анна Аргадьевна обыкновенно вела въ Москвѣ. Утро проходило въ одѣваньи княгини и въ ея жалобахъ на здоровье и въ кормленіи собачекъ Лимки, Тимки и Тўтига; потомъ Аврора, въ ея спальнѣ или въ гостиной, если туда выходила княгиня,

читала ей что-нибудь вслухъ. Княгиню обрадовалъ урожай плодовъ въ ярцевскомъ саду; ей на блюдѣ были принесены ея любимыя яблоки — звонокъ и мѣрдочка. Вечеромъ, у чайнаго стола, либо опять было чтеніе, либо Маремьяша и Ефимовна, поочередно, съ чулками въ рукахъ, рассказывали о томъ, что слышали въ тотъ день отъ старосты и дворовыхъ о мѣстныхъ и иныхъ новостяхъ, а княгиня подѣ ихъ толки раскладывала пассьянсъ. Лакеи играли въ передней въ носки. Горничныя, хоромъ въ дѣвичьей пѣли пѣсни, причемъ имъ подтягивали густымъ басомъ Власъ и нѣжнымъ баритономъ арапченокъ Варлашка. Ложились спать послѣ ранняго ужина.

Въ этомъ селѣ и въ его окрестностяхъ было, впрочемъ, полное отсутствіе новостей съ недалекаго театра войны. И, если бы не уѣздный врачъ и коломенскій предводитель дворянства, изрѣдка заѣзжавшіе къ княгинѣ, съ отсталыми газетными и словесными слухами о русской арміи, оставившей Москву, можно было бы, глядя на эти мирныя поля и обычно-копошившихся по нимъ крестьянъ, предполагать, что грозная, упавшая на Россію, война происходила гдѣ-либо, не въ восьмидесяти верстахъ оттуда, а за тридцать земель и въ иномъ, тридесятою государствѣ. Это возмущало и выводило изъ себя Аврору столько же, какъ и балетъ и опера, шедшіе въ Москвѣ чуть не въ самый день вступленія туда французовъ.

Погода съ половины и до конца сентября стояла теплая, свѣтлая и сухая. Листья на деревьяхъ, въ саду и въ окольныхъ березовыхъ лѣсахъ, еще были свѣжи и почти не осыпались. Ихъ зелень только кое-гдѣ была живописно тронута золотомъ, лиловыми и красными тѣнями. Сельскія работы шли своимъ чередомъ. Ярцевскіе и сосѣдніе мужики, посѣявъ рожь, пахали, двоили пахоть подѣ яровые хлѣба, убирали огороды, чинили свои избы и дѣры и ѣздили на ярмарки и въ лѣса. Старики и бабы, по вечерамъ и въ праздники, являлись къ давно невиданной ими княгинѣ, поднося ей куръ, яйца и грибы и обращаясь къ ней съ разными нуждами и просьбами.

Свои и чужіе мужики просили старую барыню о дозволеніи — нарубить хворосту въ заповѣдной господской рошѣ, занять въ барскомъ амбарѣ овсеца или крупъ, либо предлагали княгинѣ — купить у нихъ собственнаго издѣлія суконъ и холста. Были и такіе, что просили Анну Аркадьевну разобрать ссору, изъ-за гусей или поросѣнка, какой-нибудь бабушки Маланьи съ падче-

рицей, либо тетки Устиньи въ деверемъ. Аврора смотрѣла на эту муравьиную копотню, слушала просьбы, приносимыя княгинѣ, и удивлялась, какъ могутъ кого-либо теперь занимать такіе пустяки? Мучимая сомнѣніями объ исходѣ войны и объ участи жениха, Аврора искала отдыха въ уединеніи. Она была рада, что въ Ярцево, съ обозомъ, привели ея верховаго коня. Садясь на Барса, она вечеромъ уѣзжала въ окрестныя поля и лѣса и носилась тамъ до поздней ночи.

Вѣсти о дѣйствіяхъ русской арміи, о Бородинѣ, о ранѣ и смерти Багратіона и о другихъ тяжкихъ событіяхъ, къ изумленію Авроры, не производили особаго смущенія въ Ярцевѣ и ближнихъ деревняхъ. Газетныя вѣсти опаздывали невѣроятно. *Московскія Вѣдомости* прекратились 31 августа и снова начали выходить уже гораздо позже, — только 23 ноября. Прибавленія къ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* и къ *Сѣверной Почтѣ*, помѣщавшія донесенія Кутузова черезъ двѣ и три недѣли по ихъ отправленіи, получались въ Зарайскомъ уѣздѣ черезъ недѣлю и болѣе по ихъ выходѣ въ Петербургъ.

Одно, что непрестанно напоминало о войнѣ, было страшное, не потухавшее зарево день и ночь горѣвшей Москвы. Аврора, съ содроганіемъ, проводя ночи безъ сна, разглядывала изъ своей комнаты это зарево, думая о томъ, что выражало оно и сколько страданій, сколько гибели срывалось за нимъ. Но и ужасающія подробности пожара и гибели Москвы, донесясь сюда, съ послѣдними московскими бѣглецами, не особенно и не надолго заняли досуги мѣстныхъ жителей. Ихъ вскорѣ смѣнили толки о другихъ событіяхъ.

Ярцевскій староста сперва Маремьяшѣ, потомъ Аврорѣ сообщилъ, что крестьяне окольныхъ и болѣе дальнихъ деревень, прослышавъ о какихъ-то французскихъ печатныхъ листахъ, стали сперва втихомолку, потомъ громко увѣрять, будто скоро всѣмъ откуда-то объявится полная воля, что государя Александра Павловича ждуть во Владимірѣ, а затѣмъ почему-то и въ самую Коломну, и что однихъ изъ господъ государь ушлетъ куда-то на Кавказъ, другихъ по русскимъ городамъ — «писать бумаги», — а господскія земли, лѣса, усадьбы и прочія угодыя раздастъ крестьянамъ. Мужики, вслѣдствіе этихъ слуховъ, начали грубить приказчикамъ и старостамъ и отказываться отъ обычныхъ работъ на барщинѣ, а иные, и вовсе наконецъ выйдя изъ повиновенія властямъ, стали грабить имущество владѣльцевъ и уходить за Вол-

гу и въ сосѣдніе лѣса. Кое-гдѣ начались и поджоги помѣщичьихъ усадебъ. — «Я поговорю съ крестьянами, зови ихъ! — смѣло объявила Аврора: — они не понимаютъ, ихъ очевидно мутятъ злые люди». — «Что вы, что вы, барышня, — отвѣтилъ староста: — наши покойны; еще наведете ихъ на какое баловство и грѣхъ; оставьте ихъ, набрешутся и перестанутъ».

Аврора нашла нужнымъ предупредить о томъ бабуку. Недомогавшая княгиня еще болѣе разстроилась и, уже начавъ было оправляться, вовсе слегла въ постель. Аврора послала нарочнаго гонца въ Паншино къ сестрѣ. — «Навѣрное, и Илья Борисовичъ уже тамъ, — мыслила она: — онъ пріѣдетъ и всему дастъ настоящей толкъ и ладъ». Но изъ Паншина пріѣхала одна Ксенія съ ребенкомъ. Она была непохожа на себя и, вмѣсто утѣшенія, привезла въ Ярцево новое горе: о ея мужѣ также не было никакихъ извѣстій. Онъ, очевидно, не успѣлъ выѣхать изъ Москвы и попалъ въ плѣнъ. Сестры обмѣнялись мыслями, наплакались и общими силами рѣшили успокоить бабуку. Княгиня была безутѣшна.

— Боже, и за что я такая несчастная! — говорила она, вздыхая: — только бремя для себя и для всѣхъ васъ! Вонъ опять и кашель, и такія все мысли... Скорѣе бы въ Паншино, подалѣе отъ этихъ мѣстъ...

— И не думайте, бабушка, — возражала Ксенія: — да вы и понятія не имѣете... тамъ еще хуже; я измучилась... Здѣсь хоть по близости городъ, доктора, все-таки кое-что къ намъ доходитъ и о недалекой Москвѣ... Тамъ же дичь и глушь и также волнуются мужики; но какая разница? здѣсь невдали войско, цѣлая армія, а тамъ кто защититъ? солдатъ вывели, и во всемъ уѣздѣ одинъ, съ инвалидами, исправникъ!

Аврора поддержала сестру. Княгиня покорилась ихъ совѣту. Терпѣливо раскладывая пассьянсъ, она думала: «Не можетъ же дѣло долго длиться; надняхъ безъ сомнѣнія будетъ новое генеральное сраженіе, — кто кого побьетъ, неизвѣстно, — но затѣмъ, разумѣется, вскорѣ объявится миръ и мы вернемся въ Москву. Ну, кое-что тамъ и ограбили, да мы все почти главное вывезли, а домъ навѣрное цѣлъ». Такъ прошло нѣсколько дней. Но какъ-то вечеромъ Аврору вызвали на крыльцо. Тамъ стояла въ слезахъ Ефимовна. Она, всхлипывая, объявила, что пришелъ новоселовскій староста Климычъ.

— Откуда онъ?—спросила Аврора, вспомнивъ, что Новоселовка сторѣла.

— Его и другихъ нашихъ мужиковъ, — отвѣтила Арина:— французы гоняли въ Москву возить своихъ раненыхъ; онъ только что оттуда убѣжалъ.

— Зови, няня, зови его!—сказала Аврора.

— Да вотъ онъ,—отвѣтила Арина, указывая съ крыльца.

Изъ темноты выдвинулся оборванный, босой и съ подвязанною головой, староста. За нимъ стояла, то же плачущая, Маремьяша.

— Долго ты былъ въ Москвѣ?—спросила Аврора.

— Все это время, барышня, почитай, мѣсяць; запрягли насъ, природы, въ работу; мы на себѣ таскали имъ всякую всячину, рубили дрова, копали картошку, носили воду и мололи ручными жерновами муку.

— Бонапартовы за то подданные стали!—замѣтила, злобно плюнувъ, Ефимовна.

— А про Василя Алексѣевича... Перовскаго... что-нибудь слышалъ?—спросила Аврора.

— Гдѣ, матушка-барышня, было слышать! Надругался надъ нами врагъ, истомилъ, истиранилъ, а кого и прямо за ослушаніе извелъ. Мнѣ привелось уйти...

— Былъ же ты, Климушка, на Патриаршихъ прудахъ? —спросила Аврора:—видѣлъ нашъ домъ?

— Посылали насъ злодѣи въ Разумовское и на Прѣсню, проходили мы и въ тѣхъ мѣстахъ; только ни Бронной, ни возлѣ прудовъ, ни Микитской и Арбата, какъ есть, уже не нашли... все погорѣло,—все Господь прибралъ.

Аврора взглянула на Маремьяшу; та утирала слезы.

— А бабушкинъ домъ?—спросила Аврора.

— Все стало пусто, одинъ пепель,—отвѣтилъ Климычъ:—тутъ мы съ ребятами и рѣшили на утекъ.

— Ушли благополучно?

— Какое! сцапали насъ на Орловомъ лугу эти французы,—отвѣтилъ Климычъ:—и стали уже держать въ заперти; посылали на работу не иначе, какъ съ конвоемъ. Да и тутъ намъ помогъ Господь. Пошли мы разъ, съ заступами и ведрами, къ графскому чьему-то колодезю; вода тамъ прелестная. Велѣно было набрать воды и окопать колодезь. Ужъ больно тамъ намѣсили грязи, не подойти. Конвойныхъ было четверо, а насъ,

плѣнныхъ, съ десятокъ, и всё-то мы хворые, голоднешеньки, едва ноги волочимъ. Солнце сѣло, мѣсто было глухое, а французы такіе веселые, передъ тѣмъ гдѣ-то, видно, выпили. Мы и сговорились, — первый надоумилъ Борнюшка, что терпѣть? — переглянулись у колодца, кинулись разомъ, да всёхъ, какъ есть, французовъ, съ ихъ ружьями, и побросали въ глубь; засыпали ихъ тутъ же землей и ушли огородами въ лѣсъ, а ночью и далѣе.

— Живыхъ засыпали? — съ ужасомъ спросила Аврора.

— А то какъ же? — отвѣтилъ Климъ: — они талалакали, талалакали, по своему, пока ребята заступами кидали на нихъ землю, а тамъ и стихли... Господь ихъ простилъ! — заключилъ Климъ, взглянувъ на небо и набожно крестясь: — и такіе все были красивые... а одинъ унтеръ, должно быть изъ дворянъ, нарядный, да бѣлолицый такой, въ сторонкѣ держался, да все весело что-то напѣвалъ.

XXXIII.

Сестры не рѣшились сообщить бабкѣ тяжелую вѣсть о сожженіи ея московскаго дома. Онѣ отправили Клима въ Паншино. «Пусть бабушка надѣется, что ея домъ уцѣлѣлъ! — думали онѣ: — а тѣмъ временемъ какъ-нибудь еѣ подготовимъ». — Онѣ день и ночь горячо молились, прося у Бога — одна мужу, другая жениху — здоровья и силъ, для перенесенія тяжкихъ испытаній, посланныхъ имъ Провидѣніемъ. Но живы ли они? объ этомъ онѣ страшились и думать. Разъ только Аврора, какъ бы нечаянно, сказала: «А если Базиля нѣтъ болѣе на свѣтѣ»... Она хотѣла продолжать и не могла. — «О, если это такъ, — съ ужасомъ досказала она себѣ: — тогда все кончено... я знаю, что мнѣ тогда остается предпринять...»

Однажды, въ празднигъ, Аврора съ Ксеніей поѣхали въ сосѣднее село Иванчиныхъ-Писаревыхъ, Челыгино, въ церковь, и во время обѣдни выслушали полученное здѣсь, запоздавшее воззваніе Св. Синода о защитѣ отечества и православной вѣры отъ нашествія новаго Малекіила, Бонапарта. Старикъ-священникъ съ чувствомъ прочелъ это воззваніе. Въ немъ русскій народъ побуждался къ непримиримой борьбѣ съ галлами, причемъ Россія уподоблялась богобоязненному и смиренному Давиду, а Наполеонъ — дерзкому и безбожному Голиафу.

— «Гдѣ же въ сущности этотъ избавитель Давидъ?» — спрашивала себя въ слезахъ Аврора, поглядывая въ церкви на понурившихся и молча вздыхавшихъ крестьянъ, которые на ея глазахъ такъ мало принимали къ сердцу общее всѣмъ горе войны, а, напротивъ, какъ она узнала, толковали объ этой войнѣ, какъ о чемъ-то, что, по ихъ мнѣнію, должно было имъ принести новое и невиданное счастье на землѣ. — «Давидъ и пастухомъ былъ въ душѣ поэтъ, — мыслила Аврора: — только возвышенной, одаренной благами просвѣщенія, природѣ доступны высокіе, сознательные порывы любви къ родинѣ и отищенія за ея честь. Базиль въ плѣну, быть можетъ, погибъ, какъ гибнуть тысячи другихъ, истинныхъ героевъ. Кто же за нихъ призоветъ утѣснителя къ суду? Кто отомститъ за ихъ страданія, ихъ гибель и смерть?»

Священникъ, прочтя воззваніе, сказалъ простую и трогательную проповѣдь, на слова пророка Исаи: «И прииде на тя пагуба, и не увѣси» — а послѣ службы, за отсутствіемъ помѣщиковъ своего села, подойдя въ церкви къ плакавшимъ Аврорѣ и Ксеніи, пригласилъ ихъ къ себѣ на чай. Съ его женой, навѣщавшей княгиню, онѣ познакомились ранѣе и охотно пошли въ его домъ. За чаемъ разговорились. Священникъ старался успокоить сестеръ. Онъ имъ передалъ слухъ, что Бонапартъ, по всей вѣроятности, вскорѣ попроситъ мира, а при этомъ несомнѣнно произойдетъ и размѣнъ плѣнныхъ.

— Гдѣ же теперь Бонапартъ? — спросила Ксенія.

— Пагуба придетъ равно и на него, — отвѣтилъ священникъ: — онъ это чувствуетъ и, аки левъ, ходитъ назадъ и впередъ по своей клѣткѣ. Не дождались грабители выгоды... Наше войско цѣло и у себя дома, а ихъ армія, аки воскъ предъ лицомъ огня, таетъ и убываетъ съ каждымъ днемъ.

Сестры съ жадностью слушали эти радостныя слова.

— А сколько горя и убытковъ! — сказала старуха-попадья: — одни Разумовскіе, да графъ Бутурлинъ, слышно, отъ пожара понесли убытку по миллиону. Плѣнныхъ мучать работами, истязаютъ...

— Ну, не всѣхъ обижаютъ и тѣснятъ, — перебилъ священникъ, знаками останавливая жену: — многіе спаслись. Зарайскій мельникъ наедни передавалъ, что князь Дмитрій Голицынъ, можно сказать, на собственныхъ рукахъ вынесъ ночью изъ Москвы больного Соколина, когда въ городъ уже вступили французы. Негдѣ было достать лошадей; спасавшіеся сначала шли

пѣшкомъ, а у заставы князь прямо поднялъ себѣ на плечи друга, истомленнаго хворобой и ходьбой, да и пронесъ его пустыремъ къ нашему аррьергарду. Много было истинно-славныхъ подвиговъ. Растопчинъ лично поджёгъ въ Вороновѣ свой домъ и на его воротахъ прибилъ бумагу: «Жгу, чтобъ ни единый французъ не переступилъ моего порога».

— Вѣдь это сосѣдь нашего дяди Петра, — обратилась Ксенія къ сестрѣ.

— Такъ у васъ есть дядюшка? — спросилъ священникъ.

— Петръ Андреевичъ Крамалинъ, мы по отцу Крамалины.

— Что же вамъ писать дядюшка? Отъ Серпухова вѣдь вблизи вся наша армія.

— Онъ часто хвораетъ, — отвѣтила Ксенія: — и рѣдко пишетъ. Последнее письмо писалъ намъ въ Паншино.

«Да, — разсуждала Аврора, слушая этотъ разговоръ: — изъ Москвы могли спастись тѣ, кто туда дошелъ или захваченъ тамъ... а Базиль? Остался ли онъ живъ послѣ Бородина? И найдется ли для него, какъ для Соковнина, спаситель-другъ?»

Въ душѣ Авроры, несмотря на ея сомнѣнія, теплилась какая-то смутная, ей самой непонятная надежда касательно судьбы жениха. — «Онъ спасенъ, — думала она: — и я его когда-нибудь, можетъ быть, даже скоро, увижу! Не можетъ погибнуть такая молодая жизнь!»

Простясь съ священникомъ, сестры собрались обратно домой. Ксенія, любуясь погодой и желая развлечь опять загрустившую Аврору, предложила ей пройтись нѣсколько пѣшкомъ. Попадья проводила ихъ за околицу Чеплыгина. Отсюда до Ярцева было версты четыре, не болѣе. Дорога шла, въ перемежку, холмами, лѣсомъ и полями. Сестры, распустивъ зонтики, пошли кратчайшимъ проселкомъ. Сперва ихъ сопровождала коляска. Но, чтобъ остаться вполнѣ наединѣ, онѣ, простясь съ попадѣй и пройдя версты двѣ, велѣли кучеру ѣхать впередъ, а сами пошли еще прямѣе, боковую межей.

День былъ превосходный. Въ прозрачной и свѣтлой синевѣ неба кучились кудрявые барашки легкихъ, бѣлыхъ облаковъ. Вороны и галки, лѣниво варкая, перелетали съ одной лѣсной заросли на другую. Аврора и Ксенія, спустясь въ лоцину и, опять поднявшись на косогоръ, зеленѣвшій всходами молодой ржи, толковали о посланномъ въ Коломну за покупками нарочномъ, который къ ночи долженъ былъ привезти давно ожидаемую, новую почту. Кругомъ была полная тишина. Въ без-

вѣтренномъ, теплою и пахучею отъ сосѣдняго лѣса воздухъ тянулись нити бродячей паутины.

Уже видѣлась старая ярцевская роща и слышался лай собаки скрытой за рощею деревни. Аврора увидѣла, что изъ рощи показалась какая-то дѣвочка, бѣжавшая въ кустахъ, вдоль опушки.

— Смотри,—сказала она, хватая за руку сестру.

— Ну, что-жь,—отвѣтила Ксенія, сама вспыхнувъ отъ непонятной тревоги:—дѣвочка... рвала въ рощѣ ягоды или грибы, увидѣла лѣсника и прячется въ кусты...

— Нѣтъ, нѣтъ, Ксаня! да смотри же, вонъ!—продолжала, остановившись, Аврора:—она подемъ, сюда... прямо къ намъ... неужели не видишь?

— Какая ты, право, смѣшная, — отвѣтила Ксенія, продолжая идти и усиливаясь казаться спокойною:— во всемъ ты видишь необычное.

— Стой! она машетъ!—проговорила Аврора.

Ксенія также остановилась. Дѣвочка, маша руками, дѣйствительно бѣжала отъ рощи къ косогору, по которому шли сестры. Спустилась въ ложбинку, гдѣ, среди конопляниковъ, былъ мостикъ черезъ ручей, она снова показалась на пригоркѣ. Скоро на межнѣ, между ближнихъ зеленей, послышался бѣгъ проворныхъ, босыхъ ножекъ дѣвочки.

— Да это Оеня, племянница Ефимовны!—радостно сказала Ксенія:—навѣрное что-нибудь важное.

Аврора, блѣдная, какъ мѣлъ, молча впивалась глазами въ подбѣгавшую дѣвочку.

— Это ко мнѣ!—не вытерпѣвъ, вскрикнула она и, путаясь ногами въ платъ, бѣгомъ бросилась на встрѣчу Оени.

«Но почему же именно къ ней?—съ завистью подумала, идя послѣшно за нею, Ксенія:— неужели ей, счастливицѣ, удастся ранѣе меня? Нѣтъ, какая же я завистница! Богъ съ ней...»

— Дьяконъ, дьяконъ!—радостно крикнула Аврора подходившей и растерянно на нее смотрѣвшей сестрѣ.

— Какой дьяконъ?—спросила, запыхавшись, Ксенія.

— Изъ Москвы бѣжалъ!... вдвоемъ, вдвоемъ!—какъ безумная, кричала Аврора, то обнимая сестру, то тормоша и цѣлуя растрепанную, повраснѣвшую отъ бѣга Оеню.

— Гдѣ дьяконъ и съ кѣмъ бѣжалъ?—спросила, едва помня себя, Ксенія.

— У насъ въ Ярцевѣ! — отвѣтила, ломая руки, сибясь и плача Аврора:— его подвезли съ поля мужики; Ефимовна первая догадалась къ намъ Оению... а тотъ еще въ городѣ...

— Да кто въ городѣ, кто?—обратилась Ксенія къ дѣвочкѣ.

— Баринъ.

— Какой?

— Не знаю...

XXXIV.

Сестры безъ памяти бросились домой, миновали роцу, деревню и, едва перевода дыханіе, прошли чернымъ ходомъ въ домъ.

— Гдѣ онъ? гдѣ дьяконъ?—спросила Ксенія, бурей пробѣгая черезъ дѣвичью.

— Тамотко, — отвѣтила сіяющая Ефимовна, указывая на спальню княгини.

Ксенія, ухватясь за сердце, остановилась у двери, сзади Авроры. Силы ей измѣняли, кровь стыла въ жилахъ. Она была готова упасть.

«Кто же этотъ дьяконъ? — мыслила Аврора, съ тревогой берясь за скобу двери:—ужели, и впрямь, Господь помогъ и съ дьякономъ возвратился Базиль?»

Дверь отворилась. Аврора вошла и остолбенѣла. У кровати княгини, рядомъ съ человѣкомъ въ рясѣ, сидѣлъ кто-то, обросшій бородою, въ дубленкѣ и высокихъ сапогахъ. Аврора сперва не узнала его. Въ комнатѣ, гдѣ такъ скоро еще не ждали сестеръ, вдругъ какъ-то странно стихло. — «Что же они всѣ молчатъ и смотрятъ на меня? — подумала, цѣпенѣя, Ксенія:—очевидно, привезена страшная вѣсть и они собираются меня къ ней приготовить... Ильюша убить, его нѣтъ болѣе на свѣтѣ!» — Мгновенно вспомнилось ей тайное рѣшеніе, принятое ею наканунѣ: если ея мужъ убить, броситься въ омутъ за садомъ. Ея мыслямъ представилась знакомая дорожка въ саду, крутизна и подъ нею рѣка, съ шумомъ бѣгущая къ мельницѣ. — «И что же иное мнѣ остается безъ него?»—рѣшительно подумала она.

Вдругъ кто-то тронулъ Ксенію за плечо. Она вздрогнула, подняла голову и замерла.

Передъ нею, съ ребенкомъ на рукахъ, стояла кормилица. Только-что проснувшійся Коля, въ чепчикѣ, сбившемся съ лысой головы на румяное, заспанное лицо, съ миловидною ро-

динкой, протягивалъ къ ней сжатые, пухлые кулачки. Но всё смотрять не на Колю. За нимъ виднѣлось чье-то другое, полузнакомое и какъ бы гдѣ-то Ксеніей видѣнное лицо, съ добрыми и счастливо улыбающимися глазами. — «Да что же это, что?» — подумала Ксенія, радостно и беспомощно простирая передъ собою руки.

— Онъ!... Ильюша! — въ безумномъ восторгѣ вскрикнула она, бросаясь въ объятія мужа и цѣлуя его блѣдное, бородатое лицо.

Всѣ радостно плакали.

— Ахъ, Ксанька, Ксаня! — твердила, отирая слезы, Аврора: — счастливица ты и достойна своего счастья.

Тропининъ, какъ показалось Аврорѣ, съ грустью смотрѣлъ на нее. — «Онъ что-то знаетъ тяжелое, роковое! — подумала она: и очевидно таитъ отъ меня, не рѣшается сказать».

Общая бесѣда въ спальнѣ княгини, съ безконечными разспросами, воспоминаніями и предположеніями, длилась до поздней ночи. Здѣсь странниковъ накормили обѣдомъ, здѣсь они пили чай. Княгиня вспомнила о банѣ и велѣла ее готовить гостямъ. Илья въ баню ушелъ съ Власомъ. Дьяконъ отказался.

— Гдѣ думать о скудельной плоти, — сказалъ онъ: — когда душа поетъ и разрывается.

Онъ, по желанію княгини, подробнѣе передалъ о своемъ горѣ и о бѣгствѣ изъ Москвы.

Странники пѣшкомъ и на ямскихъ добрались въ Паншино и, узнавъ отъ Клима, что семья княгини въ Ярцевѣ, направились сюда. Тарантасъ, въ которомъ они ѣхали, обломался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ярцева и они сюда были подвезены сосѣдними мужиками. Аврора подсѣла къ дьякону.

— Гдѣ же спасенный вами, вашъ племянникъ? — спросила она.

— Оставилъ въ Коломнѣ; тамъ въ пѣвчихъ его крестный.

— Вы тоже оттуда родомъ?

— Нѣтъ, я изъ Серпухова; отецъ и мать давно померли; но тамъ, въ подгородномъ селѣ, братъ моей жены держитъ постоянный, и я до времени ѣду къ нему. Это — не доѣзжая Серпухова, за Каширой.

— Ну, пора странникамъ и на покой, — сказала княгиня, когда возвратился Илья.

Всѣ стали расходиться. Аврора, выйдя въ залу, обратилась къ свояку.

— А Базиль? что же вы ничего не говорите о немъ?—спросила она:—быть не можетъ, вы что-нибудь знаете.

— Гдѣ же, сестра, мнѣ знать?—отвѣтилъ Илья:—я былъ схваченъ въ самомъ началѣ, а плѣнныхъ держать не въ одномъ мѣстѣ. Успокойтесь; я убѣжденъ, что Базиль спасенъ и что вы его скоро увидите.

XXXV.

«Нѣтъ, онъ навѣрное что-нибудь знаетъ и держитъ въ тайнѣ отъ меня и отъ всѣхъ! — шептала Аврорѣ внутренней голосъ:—сестрѣ возвращенъ любимый человѣкъ, а ихъ ребенку отецъ. Они вмѣстѣ, и я не смѣю имъ завидовать. Но я-то, я? что будетъ со мной?»—Сонъ бѣжалъ отъ Авроры. Мысли одна мрачнѣе другой роились въ ея головѣ. Простясь со всѣми, она вошла въ свою комнату, сѣла къ окну и задумалась. Въ домѣ, послѣ необычной суеты, все наконецъ затихло. Въ окно глядѣла теплая, безлунная, но свѣтлая ночь. Звѣзды ярко мерцали на небѣ.

Аврора набросила на голову платокъ и вышла въ садъ. Ее мучило сознание, что она точно лишняя на свѣтѣ, что все идетъ мимо ея и что она ни въ чемъ, что совершается вокругъ, не принимаетъ и не можетъ принять близкаго участія. Три обстоятельства, бывшія особенно для нея важными въ жизни, пришли ей въ голову: смерть матери, разлука съ отцовскимъ домомъ и отъѣздъ жениха въ армию. И противъ всего этого, упавшаго на нее такъ неожиданно и негаданно, она оказалась безпомощною.— «Да иначе и быть не могло! — разсуждала Аврора, бродя по саду:—я, нѣтъ сомнѣнія, обречена на одни страданія; такъ мнѣ опредѣлено сурою и злою судьбой!» Ей вспомнился ея дѣтскій ужасъ и слезы у гроба матери, ея крики:—«мама, встань, оживи!» Она представляла себѣ отца, когда онъ везъ ее и Ксенію въ институтъ, и она, какъ теперь помнила, почему-то тогда предчувствовала, что разстанется съ нимъ навсегда. Ей вспоминалась до мелочей минувшая весна, знакомство съ Перовскимъ, ея помолвка, послѣднія съ нимъ свиданія и его отъѣздъ изъ Москвы. «Сколько съ тѣхъ поръ событий! сколько новаго горя! — сказала она себѣ, глядя съ верхней, садовой поляны за рѣку, надъ которою все еще свѣтился отблескъ московскаго зарева:— онъ тогда, на прогулкѣ, —мыслила она:—сравнилъ вечерній видъ

Москвы съ моремъ огня, а церкви и колокольни съ мачтами пылающихъ кораблей... Его сравненіе пророчески сбылось»...

Аврора спустилась въ нижній садъ: Нагибаясь въ темнотѣ отъ нависшихъ, знакомыхъ вѣтвей, она шла береговою дорожкой. Вверху послышалось ржаніе лошади.—«Барсъ!—подумала Аврора:—это отзывается онъ; я сегодня въ суетѣ не покормила его и онъ окликаетъ меня». Ей вспомнился дядя Петръ, его деревенька, верховой конь Кокò и поѣздки съ дядей на охоту. О, какъ бы она теперь желала видѣть дядю! Снизу, сквозь деревья, проглянулъ на пригоркѣ очеркъ дома. Въ одномъ изъ его оконъ мерцалъ слабый свѣтъ.—«Лампадка въ дѣтской, надъ изголовьемъ Коли,—сказала себѣ Аврора:—всѣ спать, пора и мнѣ». Но ей не хотѣлось еще уходить. Ночь была такъ обаятельно тиха. За рѣкою паслось «въ ночномъ» крестьянское стадо. Оттуда, при всякомъ шорохѣ на лугу, доносилось блеяніе овецъ и лай собакъ. Вспомнивъ о скамьѣ подъ липами, у рѣки, гдѣ въ послѣднее время она такъ часто сидѣла, глядя къ сторонѣ Москвы, Аврора направилась туда.—«Посижу, еще притомлюсь,—рѣшила она:—сонъ прійдетъ скорѣе»...

Аврора подошла къ липамъ. За ними она услышала голоса. «Кто бы это?»—подумала она, замедливъ шаги.

За деревьями разговаривали двое. Аврора узнала ихъ. То были Ксенія и ея мужъ.

— Вотъ безуміе,—говорилъ Тропининъ:—и неужели ты, такая христіанка и нѣжная, любящая мать, рѣшилась бы?

— Это мнѣ пришло въ голову вдругъ и неожиданно для меня самой,—отвѣтила Ксенія:—и если бы ты не возвратился, если бы тебя не стало на свѣтѣ, клянусь, я бросилась бы съ этой крутизны и новымъ покойникомъ въ нашей семьѣ было бы болѣе...

Лай за рѣкой заглушилъ слова Ксеніи.—«Новый покойникъ въ семьѣ!—вздогнувъ, подумала Аврора:—умеръ Митя Усовъ; теперь-же это о комъ?»

Она, напрягая слухъ, стояла неподвижно, чувствуя, какъ холодъ бѣжалъ по ней, охватывая ея члены.

— Онъ не былъ еще женатъ,—проговорилъ Тропининъ:—но какая роковая, потрясающая драма; я всегда говорилъ...

Дружное блеяніе испугавшихся чего-то овецъ помѣшало Аврорѣ слышать далѣе.

— И это ты навѣрное знаешь? — донеслись до нея опять слова Ксеніи.

— Видѣлъ списки, а чѣмъ завершилось — не могъ узнать. Ко-нецъ, впрочемъ, обычный...

— Но неужели этотъ маршалъ... безъ справокъ, безъ суда?

Далѣе, хотя все стихло за рѣкой, Аврора ничего не слышала. Ухватясь за сердце, она медленно отошла, поднялась въ верхній садъ и безъ памяти бросилась къ дому. Пройдя ощупью въ свою комнату, она упала лицомъ въ подушку, и долго въ темной комнатѣ раздавались ея заглушенныя, отчаянныя рыданія. — «И что я? куда теперь? — мыслила она: — ужели обычная колея, — трауръ? явится новый женихъ, добрый, обыкновенный человѣкъ и я, кисейная, скромная барышня, выйду за него?... Прощайте, несбыточные грѣзы и чувства, прощай, мой завѣтный, дорогой!»

Давно разсвѣло. Настало утро. Домъ пробудился. Готовили чай. Комната Авроры не растворялась. Горничная Стеша въ щелку двери видѣла, что барышня еще не встаетъ, и, полагая, что она съ ночи, по обычаю, долго читала, не рѣшалась ее будить.

— Пусть ее поспитъ, — сказала Ксенія, выйдя съ мужемъ къ чаю: — тяжело ей бѣдной...

Къ чаю въ залу вышла и княгиня. — «Ильюша возвратился, возвратится и женихъ Авроры», — мыслила она и была въ духѣ. Тропининъ прочелъ вслухъ изъ полученныхъ съ почты писемъ и газетъ послѣднія извѣстія объ арміи. Аврора явилась въ концѣ чтенія. Ея лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, губы сжаты, глаза свѣтились рѣшимостью. Это былъ уже другой человѣкъ. Она слушала, спрашивала, говорила; но ея глаза были устремлены куда-то вдаль и она точно не видѣла и не слышала окружающихъ ее.

Дьяконъ разсказалъ княгинѣ, что Троице-Сергіевскую лавру отстоялъ Господь. Французы трижды туда подходили, съ цѣлью ограбить святыню, и трижды ее заслонялъ густой туманъ.

— Наши охраняютъ путь къ Калугѣ? — спросила Аврора Илью, когда онъ, послѣ разсказа дьякона, прочелъ вслухъ какое-то письмо.

— Да, — отвѣтилъ Тропининъ: — Наполеонъ изъ Москвы посылалъ къ свѣтлѣйшему, — съ переговорами о мирѣ; князь, ска-

зываютъ, прикинулся дряхлымъ, немощнымъ, плакалъ и говорилъ: «видите мои слезы? вся надежда моя на Наполеона!» — а въ концѣ прибавилъ: «впрочемъ, нечего думать о мирѣ, война только начинается».

Аврора заботливо помогла сестрѣ убрать чашки. Когда же Есенія съ мужемъ удалилась на свою половину, а дьяконъ пошелъ готовиться въ дальнѣйшій путь, она предложила княгинѣ дочитать вслухъ начатый романъ *Адель и Теодоръ* и до вечера, какъ и весь слѣдующій день, базалась совершенно спокойною.

— Удивительная Аврора! — сказала Есенія мужу: — сколько въ ней нравственной силы, какъ переносить горе! Но что, если бы она все узнала?

Утромъ слѣдующаго дня дьяконъ Савва пришелъ поблагодарить княгиню за гостепріимство. Его щедро снабдили деньгами и провизіей и дали ему лошадей до Каширы. Оттуда въ Серпуховъ онъ рассчитывалъ добраться съ какимъ-либо попутчикомъ. Когда его кибитка уже стояла у крыльца, Аврора, черезъ Ефимовну, позвала его въ свою комнату.

— Вы, отецъ дьяконъ, будете въ Каширѣ? — спросила она.

— Какъ-же, сударыня, — не миновать.

— Сдайте тамъ на почту эти два письма.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Савва, просматривая надписи на пакетахъ: — одно вашему дядюшкѣ, а это... министру? вотъ къ какой особѣ!

— Мой женихъ, Перовскій, — сказала Аврора: — питомецъ этого министра; Илья Борисовичъ вамъ, безъ сомнѣнія, о немъ говорилъ. Графъ, пожалуй, не знаетъ о его судьбѣ, а могъ бы оказать помощь своимъ вліяніемъ и связями... притомъ же...

Хлынувшія слезы помѣшали Аврорѣ договорить.

— Успокойтесь, сударыня, — произнесъ Савва: — я бережно сдамъ на почту оба письма.

— Не все, не все еще, — проговорила Аврора, отирая слезы: — какъ честный человекъ, скажете ли мнѣ истину на мой вопросъ?

— По всей моей совѣсти.

— Вы обо многомъ говорили по пути съ моимъ зятемъ; скажите, живъ ли Перовскій?

Савва смущенно молчалъ.

— Я вамъ облегчу вопросъ, — произнесла Аврора: — Перов-

скій попалъ въ плѣнъ и внесенъ въ списокъ приговоренныхъ къ смерти. Все это я знаю... Отвѣтите одно: живъ ли онъ, или погибъ?

— Если вамъ, сударыня, все извѣстно, — отвѣтилъ дьяконъ: — что же я, малый, скудоумный, могу прибавить къ тому? Богомъ Вседержителемъ клянусь, ничего болѣе не знаю.

Аврора сидѣла неподвижно. Слезы бѣжали по ея лицу.

— Погибъ, погибъ! — сказала она, поднявъ глаза на образъ: — все кончено... остается одно... Дядя невдали отъ Серпухова, заѣзжайте къ нему, вручите письмо лично.

— Будьте спокойны.

— Да отвѣтъ... попросите дядю скорѣе отвѣтить.

Прошло около недѣли. Былъ конецъ сентября, княгиня оправилась и однажды утромъ, кликнувъ Маремьяну, объявила ей, что теперь, когда возвратился Илья Борисовичъ и пока еще стоитъ такая хорошая погода, ничто болѣе не удержитъ ее отъ отъѣзда въ Паншино. Аврорѣ и Ксеніи она прибавила, что французы, двинувшись отъ Москвы, могутъ, пожалуй, снова направиться въ эту сторону, а потому медлить было нечего. Сестры не возражали, тѣмъ болѣе, что рѣшенія княгини обыкновенно были безповоротны. Начались сборы въ путь. Ксенія, съ прислугой, принялась за уборку и укладку вещей. Аврора также усердно помогала всѣмъ въ общихъ хлопотахъ, возилась съ ящиками, узлами и чемоданами, и была, повидимому, совершенно покойна.

Она зашла какъ-то въ комнату сестры. Былъ вечеръ. Ксенія, въ кофтѣ и юбкѣ, засучивъ рукава, мыла на лежанкѣ, въ корытцѣ, Колю. Аврора, присѣвъ возлѣ, съ любовью смотрѣла, какъ раскраснѣвшаяся, счастливая сестра мылила и терла мочалкой розовую спинку и смѣющееся личико Коли. Обнаженная, нѣжная шея сестры, съ золотистыми завитками волосъ у подобранной на гребень густой косы, точно дымилась отъ пара, поднимавшагося съ корытца, гдѣ весело плескался ея ребенокъ.

— Вотъ удивительно, — сказала Ксенія: — мужъ говорить, что Коля болѣе похожъ на тебя, чѣмъ на меня; такой же черноглазый, красавчикъ и ласковый. Теперь чередъ за тобой...

Аврора подняла на сестру глаза.

— Не понимаешь? — улыбулась Ксенія: — надо, чтобъ твой будущій сынъ походилъ не на тебя, а на меня.

— Ахъ, Ксаня! за что такая жестокость?

— Но почему же, почему?

Аврора встала, закрыла рукой глаза и молча вышла из комнаты сестры.

В тот же вечеръ, она встрѣтилась съ сестрой въ полутемномъ корридорѣ. Ксенія несла связку какихъ-то вещей.

— Послушай, Ксаня,—сказала, остановивъ се, Аврора: — странные вы люди; скрываете, а я все знаю...

— Что же ты знаешь?—смущенно спросила Ксенія.

— Ну, да ужь Богъ съ вами!

Сказавъ это, Аврора прошла далѣе въ гостиную.

— Дьяконъ проговорился!—рѣшилъ Тропининъ, когда ему, послѣ ужина, объ этомъ сказала жена:—вотъ я его!

— Нѣтъ, Ильюша,—отвѣтила Ксенія: — сегодня съ почты привезли Аврорѣ какое-то письмо и она долго надъ нимъ у себя сидѣла.

XXXVI.

Наканунъ отъѣзда княгини, Тропининъ навѣстилъ сосѣда—предводителя. Онъ ѣздилъ къ нему съ цѣлью поблагодарить его за вниманіе къ княгинѣ и просить о защитѣ покидаемаго ею имѣнія. Аврора также выразила желаніе проститься съ женою чеплыгинскаго священника. Чтобы не томить упряжныхъ лошадей, она поѣхала верхомъ на Барсѣ. Наступилъ вечеръ. За чаемъ сказали, что Аврора обратно прислала коня и передала черезъ его провожатаго, что къ попадѣ пріѣхали коломенскіе знакомые и она осталась, чтобъ дослушать привезенные ими рассказы, а возвратится позднѣе, на лошадяхъ священника. День кончился въ суетѣ послѣдней укладки. Истомленная прислуга едва двигалась. Подали ужинъ. Аврора не возвращалась.

— Экая темень! тучи нашли, не быть бы завтра дождю!—замѣтила Ксенія, глянувъ въ окно:—Аврору, вѣрно, не пустили, оставили тамъ переночевать.

— И хорошо сдѣлали,—сказала княгиня:—послать бы къ ней Маремьяшу, или Ефимовну.

— Арина Ефимовна тоже тамъ-съ, — объявилъ Власъ, все время въ Ярцевѣ бывшій какъ-то въ тѣни, а теперь, въ ожиданіи новой дороги, опять принявшій важный и внушительный видъ.

— Зачѣмъ Арина въ Чеплыгинѣ?

— Барышня, Аврора Валерьяновна приказали накидку теплую доставить, а тамъ всенощная, завтра канунъ Покрова Бо-

городицы, и Арину Ефимовну наши ярцевскіе мужики туда повезли.

Настало утро. Главныя дорожныя вещи были окончательно укупорены и уложены въ экипажи. Дормезь, коляска и двѣ троченныя гибитки стояли, запряженныя у конюшни. Но туда, то и дѣло, еще носили разные ящики, корзины и узлы. Не видя Авроры, Тропининъ позвалъ Власа и велѣлъ ему ѣхать за нею въ коляскѣ. Тѣмъ временемъ, въ залѣ готовили дорожный завтракъ. Отдавая послѣднія приказанія наблюдавшему за сборами приказчику, Илья вышелъ на крыльцо и увидѣлъ наконецъ коляску, въѣзжавшую въ ворота. Она внутри была пуста.

— А барышня?—спросилъ Илья Власа, когда тотъ подѣхалъ къ крыльцу и, мрачно насупивъ сѣдыя брови, слѣзъ съ козелъ.

Власъ вынулъ изъ-за пазухи письмо и молча подаль его Тропинину.

— Отъ кого это?

— Отъ барышни, Авроры Валерьяновны.

— Да гдѣ же она? что все это значить?

— Барышня съ вечера написала и приказала вамъ это передать, когда опять за ними пришлютъ.

Тропининъ вскрылъ пакетъ.

«Не ищите меня,—писала зятю Аврора:— и не старайтесь догнать меня и остано­вить. Я, по долгомъ обсужденіи, окончательно рѣшилась и ѣду къ дядѣ Петру Андреевичу. Онъ нездоровъ и на мою просьбу прислалъ за мною экипажъ и лошадей. Въ Каширѣ пробуду не болѣе двухъ-трехъ часовъ. Навѣщу дядю и, при его содѣйствіи и совѣтахъ, проберусь далѣе въ штабъ арміи. Не пугайтесь, квартира Бутузова недалеко отъ Серпухова. Я располагаю явиться лично къ свѣтлѣйшему и просить его о справкахъ. Силъ моихъ нѣтъ, я истомилась. Авось что-либо вѣрное узнаю о судьбѣ Базиля. Прошу дорогую бабушку меня простить за этотъ самовольный отъѣздъ и не беспокоиться; я ѣду съ Ефимовной, а всѣхъ, и тебя, милая Ксана, прошу—не поминайте меня лихомъ. Мое предпріятіе, можетъ быть, неосуществимо, безумно; но я не отступаю. Вскорѣ узнаете все. Постараюсь подробнѣе написать изъ Серпухова и изъ другихъ мѣстъ, куда меня занесетъ судьба. Прощайте, дорогіе, до свиданія, если буду жива. Но если намъ, въ это страшное время, не суждено болѣе видѣться, помолитесь, прошу, за всѣхъ

тѣхъ истинныхъ патриотовъ, кто искренно любитъ и чтить нашу, поруганную теперь родину, за которую столько пролито крови. Другаго выхода нѣтъ, я не въ силахъ долѣе бороться съ собой. Ваша—Аврора».

Тропининъ прочелъ это письмо, еще разъ пробѣжалъ его и спросилъ Власа, когда, какъ и въ чемъ уѣхала барышня. Власъ отвѣтилъ, что была прислана бричка отъ Петра Андреевича Крамалина, что священникъ и Ефимовна останавливали барышню, но та отвѣтила, что отлучится не надолго, догонитъ бабушку, и уѣхала. Тропининъ бросился къ женѣ.—«Вотъ онѣ, женщины!—думалъ онъ:—средины нѣтъ; либо кроткій ангелъ, либо демонъ скрытыхъ и сильныхъ страстей».

Илья и Ксенія долго не рѣшались передать этой вѣсти княгинѣ; наконецъ, кое-какъ, при помощи Маремьяши и Ефимовны, они приготовили Анну Аркадьевну и все ей сообщили. Княгиня сперва всполошилась, крикнула приказчика, людей, и велѣла скакать въ погоню за Авророй. Илья ее остановилъ. Время было упущено, и Аврора, уѣхавшая въ ночь на тройкѣ дяди, въ Каширѣ могла взять свѣжихъ ямскихъ и теперь, по всей вѣроятности, уже подѣзжала къ дядѣ, который, безъ сомнѣнія, ей дастъ совѣтъ—скорѣе возвратиться домой.

Княгиня раскрыла ридикюль, вынула и понюхала спирту и спросила, который часъ? Тропининъ отвѣтилъ, что скоро полдень.

— Пригажи, Ильюша, подавать завтракъ, и ѣдемъ, — сказала Анна Аркадьевна:—коляску же, мой хорошій, оставь и, едва Аврора возвратится, вели приказчику, лично проводить ее въ Паншино... Такова непосѣда была и ея мать; все дѣлала по своему и не спросясь... Впрочемъ, Арина баба разумная, сбережетъ ее... А этому старому сумасброду, Петру Андреевичу, я, какъ пріѣдемъ, сама напишу. Вѣкъ чуфарился и насъ обходилъ, пренапущенный. И гдѣ ему давать совѣты о штабѣ? Это не гонянье съ борзыми! Оба они, съ покойнымъ братомъ, только умѣли заглядывать въ чужіе цвѣтники, а теперь, видно, застрялъ въ своей трущобѣ и труситъ выглянуть, какъ мышь.

Аврора съ Ефимовной благополучно прибыли въ Дѣдиново, имѣніе дяди. Старикъ Петръ Андреевичъ, разбитый параличемъ, былъ неузнаваемъ. Онъ, сильно обрадовавшись Аврорѣ, плакалъ, какъ дитя, осыпалъ ее ласками, спрашивалъ о ней и о ея горѣ, жаловался, что брестяне его не слушаютъ и почти бро-

силы. Безпомощный, съдой и исхудалый, онъ теперь особенно напоминалъ Аврорѣ ея покойнаго отца. — «Тѣ же добрые, внимательные глаза и тотъ же ласковый голосъ» — думала она, глядя на него.

— Эхъ, не будь я пригованъ, да будь помоложе! — сказалъ старикъ: — съѣлъ бы на чубараго и тебѣ нашелъ бы скакуна, и полетѣли бы мы съ тобою въ штабъ свѣтлѣйшаго — искать твоего сокола-молодца!

Пробывъ съ дядей дня три, Аврора, съ его денежною помощью и благословеніемъ, отправилась въ Серпуховъ.

По мѣрѣ удаленія отъ Дѣдинова и съ приближеніемъ къ Серпухову, странницы встрѣчали болѣе и болѣе общей растерянности и суеты. Нѣкоторыя селенія на пути были уже совершенно безлюдны, такъ что на Арину напалъ сильный страхъ и она все охала. Покормить лошадей было негдѣ и Аврора всю дорогу ѣхала на притомленной тройкѣ дяди, не кормя. Въ Серпуховъ она пріѣхала днемъ. Онъ поразилъ ее своею пустынною. Половина его жителей, особенно позажиточнѣе, давно бѣжала въ Тулу, Орелъ и Черниговъ. По городу виднѣлись только военные, двигались полковыя фуры, пушки и обозы съ продовольствіемъ для арміи. Аврора остановилась въ лучшемъ заѣзжемъ трактирѣ и послала отыскивать дьякона.

— На что онъ тебѣ? — спросила Ефимовна: — что еще затѣяла? и гдѣ его тутъ найти?

— Нуженъ онъ мнѣ, знаетъ эти мѣста; его родичъ здѣсь подь городомъ держитъ постоялый.

— Ну, справляйся, матушка, въ своихъ дѣлахъ, да и домой!.. Эка въ какую даль заѣхали; все военные, да пушки... Ужъ достанется намъ отъ бабушки!

— Она добрая, простить, — отвѣтила Аврора: — а я поговорю съ дьякономъ, завтра повидаюсь съ городничимъ и съ военнымъ начальствомъ и, даю тебѣ слово — немедленно домой.

Отца Савву розыскали. Крайне удивленный появленіемъ Авроры, онъ радостно поспѣшилъ къ ней. Она ему сообщила, что намѣрена ѣхать въ Леташевку, гдѣ была квартира главнокомандующаго, и просила его разыскать для нея лошадей и подводу, чтобъ пробраться туда. Дьяконъ ушелъ и возвратился только вечеромъ. Онъ былъ сильно не въ духѣ. Оставшіеся въ городѣ, вольные ямщики заломили непомятную цѣну: сто рублей за два перегона.

— Давайте имъ, что потребуютъ,—сказала Аврора.

— Но какъ же вы пойдете туда? Ужели однѣ?

— Возьму няню, хотя не желала бы подвергать ее опасностямъ.

Дьяконъ задумался. Онъ, повидавшись съ шуриномъ, втайнѣ рѣшилъ: снять рясу и поступить въ ополченіе.—«Отплачу врагамъ за жену,—мыслилъ онъ:—не одного злодѣя положу за нее!» Теперь былъ случай и ему ѣхать до Леташёвки и онъ думалъ предложить себя въ провозатые Аврорѣ, но не рѣшался.

Ефимовна внесла самоваръ и стала готовить чай. Изъ общей залы трактира давно несся шумъ голосовъ и звонъ посуды. Тамъ пировали какіе-то военные.—«Экіе озорники!—подумалъ Савва:—такъ поздно; не сообразятъ, что здѣсь дѣвица!» Онъ вышелъ, поговорилъ съ половымъ и навѣдался въ залу; веселые крики въ послѣдней нѣскольکو стихли.

— Кто тамъ?—спросила Аврора, когда онъ возвратился.

— Проѣзжіе гусары и между ними партизанъ, подполковникъ Сеславинъ,—отвѣтилъ дьяконъ:—лихой, да ласковый такой, меня угостилъ ромомъ.

— Что это за партизаны?—спросила Аврора, наливая дьякону чай.

— Охотники проявились за эти дни. Они составляютъ добротные отряды; слѣдятъ за врагомъ и бросаются кучей и въ одиночку въ самыя опасныя мѣста. Ихъ немало теперь, — Сеславинъ, князь Кудашевъ, и о нихъ много говорятъ.

— Что же о нихъ говорятъ?

— Не только офицеры, мужики съ дрекольемъ идутъ на злодѣевъ, стерегутъ ихъ, поднимаютъ на вилы, топятъ въ колодцахъ и прудахъ. Прошка Зернинъ подъ Вязьмой, сотскій Блючкинъ... а старостиха Василиса въ Сычѣвкахъ? Чѣмъ не героиня? Суцая, можно сказать, Марѳа Посадница, а по храбрости, амазонка или даже, по своему подвигу, библейская Юдиѣя...

— Какой подвигъ?—съ жаднымъ любопытствомъ спросила Аврора, кутая въ мантилью дрожавшія отъ волненія плечи.

— А какъ же-съ. Эта старостиха собрала сычѣвскихъ мужиковъ, съ косами, топорами и съ чѣмъ попало, сѣла верхомъ на лошадь и во главѣ ихъ пошла...

— Баба-то?—не стерпѣвъ, отозвалась отъ двери Ефимовна:—и охота тебѣ, отче дьяконъ, молоть такое несуразное?

— Право-слово, бабушка, вотъ-те Христось.

— Куда же она пошла?—спросила Аврора.

— На французовъ... наскочила на нихъ врасплохъ, убила косою по головѣ ихъ офицера, а мужики уложили съ десятокъ солдатъ, и вся ихъ партія была разбита и бѣжала. Потомъ, слышно, Василиса пошла лѣсомъ къ ихъ лагерю.

— Боже Господи!—воскликнула, крестясь, Ефимовна: — и страха на нихъ нѣтъ! Зачѣмъ же къ лагерю-то?.. Вѣдь тамъ, чай, ихъ стража, часовые, туда не проберешься.

— Вездѣ, бабушка, коли захочешь, пройдешь.

— Да зачѣмъ же такъ-то прямо, на смерть?

— Сказываютъ, видѣла сонъ въ ноці и рѣшила, подкравшись изъ-за дерева, убить какого-нибудь важнаго генерала, не то и повыше. И какъ не идти? злодѣи насильничаютъ надъ всѣми; у помѣщика Волкова, подъ Смоленскомъ, двухъ красавиць дочекъ силою увезли. Я самъ недоумѣваю, охъ, не итти-ли въ охотники?

Разсказъ дьякона о партизанахъ поразилъ Аврору. Она молча соображала то, что онъ ей говорилъ. Савва сталъ прощаться.

— Такъ постарайтесь же, отецъ дьяконъ,—сказала Аврора:—что ни потребуютъ, давайте, лишь бы завтра, съ утра, я могла уѣхать.

Дьяконъ ушелъ. Утромъ Аврора написала нѣсколько писемъ и вынулась груди ладонку, въ которой былъ вложенъ пукъ крупныхъ ассигнацій. То былъ подарокъ, полученный ею на разставаніи отъ дяди. Она отложила и подала Ефимовнѣ одну изъ ассигнацій.

— Вотъ, няня,—сказала она:—пока я схожу здѣсь по дѣламъ, ты все уложи и приготовься.

— Да зачѣмъ же мнѣ деньги-то?—удивилась Арина.

— Сама же ты говорила, что мелкихъ нѣту; размѣний, понадобятся; вѣни провизію намъ и для вучера дяди, также овса лошадямъ. Возвращусь, сейчасъ уѣдемъ.

Едва Ефимовна ушла, Аврора упала на колѣни передъ образомъ, помолилась, придѣлась и, позвавъ трактирнаго слугу, послала его къ подполковнику Сеслаину, спросить его, не навѣститъ ли онъ, по нужному дѣлу, постоялицу, дѣвицу Брамалицу? Къ ней, черезъ четверть часа, охорашиваясь, вошелъ невысокій черноволосый и курчавый партизанъ Сеславинъ.

Когда Ефимовна съ узломъ провизіи, запыхавшись, возвратилась въ трактиръ, ее встрѣтилъ смущенный Савва.

— Я добылъ, матушка, крытую кибитку и добрыхъ коней,—сказалъ онъ:—но нашей барышни, о, Господи, и слѣдъ простылъ.

— Гдѣ же она?—спросила, всплеснувъ руками, Ефимовна.

— Оставила вотъ эти письма роднымъ, а сама укатила съ гусарами.

Арина остолбенѣла. Она, не помня себя, бросилась въ комнату Авроры. Комната была пуста.

XXXVII.

Въ началѣ октября, незадолго до битвы подъ Тарутинимъ, главныя русскія силы, при которыхъ находился Кутузовъ, стояли въ окрестностяхъ села Летащѣвки.

Съ утра шелъ мелкій, непрерывный дождь. По небу неслись плочковатая, мутно-сѣрая облака. Къ вечеру дождь, разогнанный налетѣвшимъ вѣтромъ, на нѣкоторое время прекратился. Грязь по улицамъ Летащѣвки стояла невылазная. Квартира свѣтлѣйшаго находилась вблизи Тарутина, на окраинѣ села Летащѣвки, у церкви, въ болѣе чистой и помѣстительной избѣ священника. Начальникъ главнаго штаба, генералъ Ермоловъ, съ адъютантами, квартировалъ на другомъ концѣ деревни, въ служительской избѣ брошенной помѣщицъей мызы.

Быль одиннадцатый часъ ночи. Ермоловъ, кончивъ обычный, вечерній докладъ свѣтлѣйшему, возвратился домой пѣшкомъ, чуть не по колѣни увязая въ жидкой и скользкой грязи, сопровождаемый вѣстовымъ, который несъ передъ нимъ фонарь. Въ непроглядной тьмѣ, отъ надвигавшагося свѣта фонаря, направо и налево по улицѣ выдѣлялись то полусломанные плетни и сарайки дворовъ, то почернѣлыя отъ дождя, соломенные крыши избъ, съ которыхъ еще струилась вода.

Сердитый, въ намокшей шинели и въ сплюснутой фуражкѣ, едва прикрывавшей копну отросшихъ за войну, кудрявыхъ и взъерошенныхъ волосъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ сильнымъ взмахомъ ноги ступилъ на мокрое крыльцо и оттуда въ сѣни своей избы. У дверей передъ нимъ, въ темнотѣ, посторонился ожидавшій его адъютантъ, бывший съ кѣмъ-то другимъ, какъ бы постороннимъ.

— Кто это еще съ вами?—недовольно спросилъ Ермоловъ, войдя въ освѣщенную комнату, куда денщикъ уже вносилъ приготовленный для генерала ужинъ.

— Не говорить своего имени; въ простомъ, мѣщанскомъ нарядѣ, но повидимому свѣтскій и образованный человекъ.

— Что же ему?

— Имѣть весьма спѣшное и важное дѣло къ свѣтлѣйшему.

— Какъ? къ князю? и въ эту пору?—изумился Ермоловъ, сердито вытряхивая объ полъ мокрую фуражку.

— Говорить, что дѣло первой, государственной важности и безъ отлагательства.

— Ну, у нихъ все государственныя дѣла,—съ досадою произнесъ Ермоловъ, искоса глянувъ на столъ, отъ котораго уже доносился пріятный запахъ чего-то, жаренаго въ маслѣ, съ лукомъ, и гдѣ стояла бутылка шабли, присланная въ тотъ день Алексѣю Петровичу, въ презентъ, отъ штабнаго маркитанта, общаго любимца и мага по добыванію тонкихъ пійтъ.

Надо было опять возиться съ неожиданнымъ дѣломъ. Хрипъ невольной досады послышался изъ широкой, богатырской груди Ермолова.

— Гдѣ этотъ непрошенный гость? зовите его!—сказалъ онъ адъютанту, садясь на скамью.

Изъ сѣней вошелъ мѣшковатый, высокаго роста, человекъ, лѣтъ тридцати пяти, круглолицый, съ приплюснутымъ носомъ и большими, на выкатъ, сѣрыми глазами. Въ его лицѣ было что-то бабье; рыжеватые волосы спадали на лобъ и на уши, какъ у чухонцевъ, прямыми космами; широко-разошедшіяся брови и крупныя, сжатыя губы придавали этому лицу выраженіе недовольства и какъ-бы испуга.—«Баба!» подумалъ бы всякій, впервые взглянувъ на него, если бы не жиденькіе бакенбарды, шедшіе по этому лицу отъ ушей до подбородка. Незнакомецъ былъ одѣтъ въ бараній, крытый сѣрымъ сукномъ тулупчикъ; и въ высокіе мѣщанскіе сапоги; въ рукахъ онъ держалъ мѣховой, съ козырькомъ, картузь.

— Кто вы?—спросилъ Ермоловъ.

Вошедшій молча оглянулся на адъютанта. Тотъ, по знаку Ермолова, вышелъ.

— Имя ваше, званіе?—спросилъ Ермоловъ.

— Отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи, Александръ Самойловъ Фигнеръ,—негромко произнесъ незнакомецъ.

— Что же вамъ нужно?—спросилъ Алексѣй Петровичъ, досадливо сопя носомъ и своими сокольими карими глазами вглядываясь въ сѣрые, вяло на него смотрѣвшіе глаза гостя, имя котораго онъ уже встрѣчалъ въ реляціяхъ.

— Могу увѣрить, иначе бы не посмѣлъ,—дѣло первой важ-

ности и экстренное! — не торопясь и старательно выговаривая слова, отвѣтилъ Фигнеръ:—и обратите вниманіе, генералъ,—то, что нынѣ еще возможно и доступно, при медленности можетъ стать недоступнымъ и невозможнымъ. Кромѣ вашего превосходительства, да свѣтлѣйшаго, объ этомъ пока никто не долженъ знать.

— Безъ предисловія, излагайте скорѣе, — произнесъ Ермоловъ, сѣвъ на скамью и, съ понуренной головой, приготовившись слушать:—мы здѣсь одни,—въ чемъ ваше дѣло?

— Я служилъ въ третьей легкой ротѣ одиннадцатой артиллерійской бригады; а въ послѣднее время состоялъ въ Тамбовской губерніи городничимъ,—началь Фигнеръ:—движимый чувствомъ патриотизма и удручаемый всѣмъ, что случилось, я бросилъ службу и семью, обращался въ августѣ къ графу Раstopчину и къ другимъ, а этими днями снова проникалъ, переряженный, въ Москву...

— Вы были въ Москвѣ?—спросилъ Ермоловъ.

— Такъ точно-съ... блуждалъ, то въ мундирѣ французскаго или итальянскаго офицера, то въ крестьянской одеждѣ, по пожарищу, пробирался и въ дома, занятые врагами, все высмотрѣлъ и нашелъ, что легко и возможно разомъ положить чело-вѣческій предѣлъ не только занятію первопрестольной, но, можно сказать, и самой войнѣ, всѣмъ бѣдствіямъ Россіи и чело-вѣчества.

— Вотъ какъ!—сказалъ Ермоловъ:—кончить войну?

— Да-съ, войну,—отвѣтилъ Фигнеръ:—и это моя тайна...

«Что онъ, этотъ чухонецъ или жидъ, нелегкая побрала бы его, сумасшедшій? или нахалъ и, себѣ на умѣ, дерзкій хватунъ?—подумалъ Ермоловъ, гнѣвно глядя на стоявшаго передъ нимъ незнакомца:—ужь, не новый ли воздушный шаръ Лепіха придумалъ, или что-нибудь въ родѣ этой галиматъи? возись еще съ этимъ штафиркою!»

— Вы произнесли такія слова, — сказалъ онъ:—легкое ли дѣло, разомъ кончить громадную войну? Тутъ ухищренія стратегіи, великихъ, сложныхъ силъ... а у васъ... Впрочемъ, въ чемъ же эта ваша, столь заманчивая, великая панацѣя?

Молча слушавшій насмѣшливыя возраженія Ермолова, Фигнеръ ступилъ ближе къ нему.

— Рѣшаясь на самоотверженное и, смѣю выразиться,—говорилъ онъ:—безпримѣрное по отвагѣ дѣло, я все обдумалъ строго

и со всѣхъ сторонъ... Но мой планъ, какъ и всякое человѣческое предпріятіе, можетъ не удался... Могу ли, повѣтому, знать напередъ, смѣю ли питать надежду, что въ случаѣ неудачи этого плана, а вслѣдствіе того и неизбѣжной моей гибели, царь и отечество не оставятъ безъ призрѣнія моей осиротѣлой семьи? Я человѣкъ недостаточный... мнѣ довольно одного вашего слова...

— Что же вамъ нужно, прежде всего, для исполненія вашего предпріятія?—спросилъ нетерпѣливо Ермоловъ.

— Мой тѣзка, Александръ Никитичъ Сеславинъ, предложилъ мнѣ вступить въ его отрядъ; онъ ждетъ отвѣта; но я надумалъ другое. На основаніи общаго устава о партизанскихъ отрядахъ, я попросилъ бы дозволить мнѣ дѣйствовать самостоятельно, а именно, предоставить въ мое распоряженіе, и по моему личному выбору, хотя бы человѣкъ семь-восемь казаковъ.

— Ваша семья будетъ обезпечена, — сказалъ, подумавъ, Ермоловъ:—теперь говорите, для чего вамъ казаки и въ чемъ вашъ планъ?

Сѣрые, круглые глаза Фигнера зажглись страннымъ блескомъ и онъ самъ оживленно вытянулся и точно выросъ. Его лицо поблѣднѣло, нижняя челюсть слегка затряслась.

— Мой планъ очень простъ и не сложенъ, — произнесъ онъ, судорожно подѣргивая рукой:—вотъ этотъ планъ... Я кровный врагъ идеологовъ. О, сколько они нанесли вреда! ихъ глава и вождь...

Онъ остановился, пристально глядя на Ермолова, и, казалось, не находилъ нужныхъ словъ.

— Я задумалъ, — проговорилъ онъ, помолчавъ:—и моя мысль безповоротна... я рѣшилъ истребить главную и единственную причину всего, что дѣлается... а именно — убить Наполеона...

— Что вы сказали?—спросилъ, привставъ, Ермоловъ.

— Убить вождя французовъ...

«Да, онъ не въ здоровомъ умѣ!—подумалъ, разглядывая Фигнера, Ермоловъ:—а впрочемъ, почему же не въ здоровомъ? Не отчаянный ли скорѣе фанатикъ, гонимый непреборимою, душевною потребностью? Да и не онъ одинъ. Луинъ тоже предлагалъ отправить его парламентаромъ къ Наполеону и вызываясь, подавая ему бумагу, заколотъ его кинжаломъ».

Ермоловъ поднялся со скамьи.

— Такъ вы дѣйствительно на это рѣшились? — спросилъ онъ, все еще недоумѣвая, что за человѣкъ стоялъ передъ нимъ въ эту минуту?

— Рѣшился и не отступлю,—отвѣтилъ Фигнеръ.

— Какъ же вы полагаете исполнить ваше намѣреніе? Одно дѣло—задумать, а другое—исполнить задуманное.

— Что Богъ дастъ; либо выручить, либо выучить! Я снова переодѣнусь, смотря по надобности, нищимъ или мужикомъ; проберусь въ Кремль, или въ другое мѣсто, гдѣ будетъ злодѣй, и глазъ-на-глазъ лично нанесу ему ударъ. Пособники мнѣ будутъ нужны только для предварительныхъ развѣдокъ и приготовленій.

— Вы говорите, у васъ семья?—спросилъ Ермоловъ.

— Жена и пятеро дѣтей, малъ-мала меньше.

— Гдѣ они?

— Рѣшась проникнуть въ Москву, оставилъ ихъ въ Моршанскѣ.

— Какъ вы проникли въ Москву?

— Съ французскимъ паспортомъ; они сами мнѣ его дали, назвавъ меня cultivateur, помѣщикомъ.

— Что вы дѣлали тамъ?

— Слѣдилъ за выходомъ оттуда непріятельскихъ фуражировъ, разбивалъ ихъ подъ Москвой, съ охотниками, и отнималъ ихъ подводы... въ дѣлахъ штаба должны быть обо мнѣ упоминанія.

— Да, о васъ доносили. И вы готовы на такой шагъ, не боитесь?

— На всякую бѣду страха не напасешься — Богъ не выдастъ, боровъ не съѣстъ! — отвѣтилъ Фигнеръ: — Брутъ убилъ своего друга Цезаря, мнѣ же корсиканскій кровопійца не другъ... Я день и ночь молился, клялся.

«Рисуется нѣмчурá, — подумалъ Ермоловъ: — а впрочемъ, посмотримъ!»

— Что же вы желаете получить, въ случаѣ удачи?—спросилъ онъ:—говорите прямо.

Фигнеръ слегка покраснѣлъ. Его глаза глядѣли холодно и спокойно.

— Ничего,—отвѣчалъ онъ:—я приношу себя въ жертву отечеству. Россія вскормила меня; душою я русскій.

— А родомъ?

— Остзеецъ.

— Есть съ вами бумаги?

— Вотъ онѣ...

XXXVIII.

«Чудеса!—раздумывалъ, просмотрѣвъ бумаги, Ермоловъ:—ферфлюхтеръ, а говорить съ пафосомъ и русскими пословицами, даже слова какъ-то особенно старательно отчеканиваетъ.

Онъ задалъ еще нѣсколько вопросовъ Фигнеру. Тотъ на все отвѣчалъ здраво и обдуманно.—«Какъ быть?—терялся въ догадкахъ Ермоловъ:—умолчать объ этомъ гусѣ передъ свѣтлѣйшимъ невозможно... Что бы ни вышло впоследствии, отвѣтственность падеть на меня перваго... ну, да его съ этою затѣей, вѣроятно, безъ уваженія славить самъ князь».

Ермоловъ кликнулъ адъютанта, сдалъ ему на руки Фигнера и, снова надѣвъ мокрую фуражку, пошелъ по лужамъ и скользкой грязи, къ главнокомандующему. Адъютантъ было предложилъ осѣдлатъ для него коня; Ермоловъ, съ досадой махнувъ рукой, отправился опять пѣшкомъ.

У воротъ квартиры Кутузова, провожатый вѣстовой наткнулся на бняжескаго денщика, шедшаго притворять ставни.

— Всѣ спать-съ!—сказалъ денщикъ, разглядѣвъ при свѣтѣ фонаря фигуру Ермолова, вынырнувшего изъ темноты.

— А самъ свѣтлѣйшій?—спросилъ Ермоловъ.

— Тоже въ постели, хотя свѣчи у нихъ еще горять.

— Доложи.

Денщикъ, черезъ сѣни, вошелъ въ темную приемную, оттуда въ спальню Кутузова. Ермоловъ былъ приглашенъ въ комнату, изъ которой вышелъ всего полчаса назадъ.

Кутузовъ, въ одной рубахѣ, сидѣлъ на постели, спустивъ на коврикъ босыя ноги, прикрытыя бухарскимъ халатомъ. Передъ нимъ на кругломъ столикѣ лежала карта Россіи, утыканная булавками, съ головками изъ краснаго и чернаго сургуча, изображавшими русскія и французскія войска. Онъ, передъ приходомъ Ермолова, разсматривалъ эту карту. Комната, по обычаю стараго князя, любившаго теплоту, была жарко натоплена.

— Что, голубчикъ? — спросилъ онъ, устремивъ навстрѣчу входившему Ермолову не совсѣмъ довольный, утомленный взглядъ:—все ли у насъ благополучно?

— Слава Богу, ничего новаго; но вотъ что случилось...

Ермоловъ, неторопливо и въ подробностяхъ, передалъ свѣтлѣйшему о прибытіи и предложеніи Фигнера.

— Я счелъ священнымъ долгомъ, — заключилъ онъ:—не мѣш-

бая, обо всемъ доложить... Что прикажете? Фигнеръ у меня; ждетъ рѣшенія.

— Такъ вотъ что, — произнесъ Кутузовъ, натягивая себѣ на плечи сползавшій съ него халатъ: — штука казусная... все ли ты терпѣливо выслушалъ и разспросилъ?

— До точности, ваша свѣтлость.

— А какъ полагаешь, онъ не на счетъ перпетуумъ-мобиле, не изъ желтаго дома? примѣтилъ ты, въ порядкѣ ли его мозги?

— Мнѣ этотъ вопросъ, прежде всего пришелъ въ голову, — отвѣтилъ Ермоловъ: — я его такъ и этакъ, на всѣ стороны допрашивалъ; говорить толково, въ глазахъ змѣйки не бѣгаютъ, нѣтъ ничего подозрительнаго... Осуществимо ли его предпріятіе, — дѣло другое. Отваженъ же онъ и смѣлъ, кажется, дѣйствительно безъ мѣры, и его рѣшимость, повидимому, искренняя и прямая.

Старчески-обрюзглое лицо Кутузова поникло. Онъ задумался. На гладко-выбритомъ, жирномъ и бѣломъ его подбородкѣ, отъ тепла комнаты или отъ душевнаго волненія, выступила испарина. Онъ нервнымъ движеніемъ пухлой руки тронулъ себя за подбородокъ и, задумавшись, устремилъ свой единственный, зрячій глазъ куда-то въ сторону, мимо этой комнаты и Ермолова, мимо этой ночи и всего того, что ей предшествовало и такъ донинѣ подавляло дряхлаго тѣломъ, но бодрого духомъ, стараго вождя.

— Вѣдь, вотъ шельма придумалъ! — разведя руками и опять хватаясь за увлажненное лицо, сказалъ князь: — а дѣло, надо признаться, изъ ряда вонъ и, во всякомъ случаѣ, необычное. Но на чемъ основаться?

Князь медленно повернулся на подосланной подъ него перинѣ.

— Разумѣется, бывали примѣры въ древности, и именно въ Римѣ, во время войны Пирра и Фабриція, — продолжалъ онъ: — только тамъ, сколько припомню, разыгралось все иначе. Ну, какъ это было? пришли и говорятъ Фабрицію, что нѣкій врачъ изъ грековъ, — это въ Римѣ было то же, что въ Россіи наши нѣмцы, — съ цѣлью разомъ прекратить войну, вызвался, безъ колебанія, отравить Пирра. Ну, Фабрицій, какъ помнишь, выслушалъ, какъ и ты, этого нѣмца, да и отослалъ врага-предателя въ распоряженіе самого Пирра. Остроумнаго лѣкаршку Пирръ, разумѣется, вздернулъ на первую осину, или тамъ, по-ихнему, смоковницу, что ли... тѣмъ дѣло и кончилось... Ты что на это скажешь?

Ермоловъ, нахмурясь, молчалъ. Догоравшія свѣчи уныло мигали на столѣ. Кутузовъ взглянулъ въ ближайшее къ кровати окно, изъ котораго въ эту ночь опять виднѣлось зарево надъ Москвою.

— Мое мнѣніе,—произнесъ онъ:—убей этотъ чухонецъ, и въ самомъ дѣлѣ, Бонапарта, всѣ скажутъ, не онъ, а я да ты, Алексѣй Петровичъ, предательски его ухлопали. Вѣдь правда?

— Положимъ, ваша свѣтлость, то было давно и въ Римѣ,— отвѣтилъ Ермоловъ, еще не угадывавшій, куда клонилъ князь:— и прошлое не всегда урокъ для настоящаго. Но я позволю себѣ; однако, только спросить, чѣмъ этотъ новый, вторгшійся къ намъ Аттила лучше какого-нибудь Стеньки Разина или Пугачева? Тѣ изверги шли изъ-за Волги, этотъ изъ Парижа, — въ томъ вся и разница; сходства же въ разрушителяхъ много... Владѣть отуманенною ими, раболѣпною толпой, двигать, при всяческихъ обманахъ, полчищами жадныхъ до наживы, одичалыхъ бандитовъ, вторгаться, для удовлетворенія собственнаго самолюбія, въ мирную страну, предавая въ ней все грабежу, огню и мечу... Чѣмъ же это не отверженецъ людскаго общества, чѣмъ не Разинъ или не Пугачевъ?

Кутузовъ отодвинулъ столъ, нащелъ босыми ногами и надѣлъ туфли, медленно поднялся съ постели и, оставя халатъ, въ одномъ бѣльѣ, началъ, залажа руки за спину, въ перевалку, прохаживаться по комнатѣ.

— Именно, отверженецъ новаго сорта!—сказалъ онъ, помолчавъ:—ты выразился вѣрно!... Но какъ разрѣшить вопросъ? подумай... Если бы я и ты, лично напавъ на Наполеона, начали съ нимъ драться явно—одинъ на одинъ... дѣло другое... А тутъ выходитъ, точно камнемъ изъ-за угла.

— Какъ угодно вашей свѣтлости, — почтительно-сухо проговорилъ Ермоловъ, какъ бы собираясь уйти.

— Да нѣтъ, погоди!—остановилъ его Кутузовъ:—мы съ тобою полководцы девятнадцатаго вѣка, вотъ что я хочу сказать. А наши противники достойны ли этого имени? Я предсказывалъ, что они будутъ ѣсть конину—ѣдятъ... говорилъ, что Москва для ихъ идола и ихъ армій станетъ могилой, — стала... ихъ силы съ каждымъ днемъ таютъ...—Князь опять прошелся по комнатѣ.—Прогонимъ ихъ, увидишь, — сказалъ онъ: — я не доживу, ты дождешься... Тѣ же французы свергнуть своего кумира и также бѣшено и легкомысленно проклянуть его и весь его родъ,

такъ свергли, казнили и проклинали своего истиннаго короля... Жалкая нація...

Кутузовъ, опершись руками о подоконникъ, глядѣлъ на небо, окрашенное заревою.

— Опять огонь... догораетъ, страдалица! вспомнить они этотъ пожаръ,—сказалъ онъ:—поплатятся за эту сожженную Москву!

— Такъ что же прикажете, ваша свѣтлость, относительно предложенія Фигнера?—спросилъ Ермоловъ:—всеякіе шатаются теперь, и чистые, и темные люди.

Кутузовъ обернулся къ нему и развелъ руками.

— Дѣло, не подходящее ни подъ какіе артикулы,—сказалъ онъ:—а впрочемъ, Христось съ нимъ! Знаешь поговорку: смѣлаго ищи въ тюрьмѣ, труса въ посахъ... Дай ему, голубчикъ, по положенію о партизанахъ, восемь козаковъ, Богъ съ нимъ. Гласъ народа—гласъ Божій; пусть творить, что хочетъ, если на то воля свыше, а приказа убивать... я ему не даю!

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, по условію, съѣхались у деревни князя Вяземскаго, Астафьева. Фигнеръ объявилъ, что ему на время разрѣшено дѣйствовать самостоятельно и просилъ наставленій и совѣтовъ у болѣе опытнаго товарища. Сеславинъ уступилъ ему изъ своего отряда двухъ кавалеристовъ, въ томъ числѣ молоденькаго юнкера, который особенно просился къ Фигнеру. Невысокій, черноволосый и сухощавый, этотъ юнкеръ, въ казачьей одеждѣ, казался робкимъ мальчикомъ, но лихо ѣздилъ верхомъ. Купленный имъ у казаковъ донской конь Зорька былъ сильно худъ, но не зналъ усталости. Фигнеръ въ ту же ночь съ этимъ юнкеромъ усккалъ по направленію къ Москвѣ.

XXXIX.

Французы окончательно покинули Москву 11 октября. Извѣстіе объ этомъ, напечатанное лишь черезъ девять дней въ Петербургѣ, въ *Сверной Почтѣ*, отъ 19 октября, достигло Паншина, гдѣ въ это время проживала съ семьей княгиня, лишь въ концѣ октября. Газетныя реляціи, впрочемъ, были уже предупреждены словесною молвой. Всѣ терялись въ догадкахъ, куда скрылась Аврора. Извѣстій отъ нея, послѣ письма изъ Серпухова, не приходило. Княгиня была въ неописанномъ горѣ. Ксенія и ея мужъ не знали, какъ ее утѣшить.

Прогремли сраженія подъ Тарутинымъ, гдѣ былъ убитъ ядромъ Багговуть, подъ Малоярославцемъ и Краснымъ, гдѣ французы потеряли почти всѣхъ своихъ, шедшихъ съ ними, плѣнныхъ. Недопущенный русскими къ Калугѣ, Наполеонъ по-неволѣ бросился на опустошенную ить самимъ дорогу къ Смоленску.

Французская армія, гонимая отдохнувшими и окрѣпшими русскими войсками, шедшими за нею по пятамъ, вдвинулась въ странство между верховьями Днѣпра и Двины. Озлобленный неудачами; Наполеонъ повелъ эту армію къ Березинѣ, теряя отъ трехъ, открытыхъ имъ въ Россіи, стихійныхъ силъ—невылазной грязи, страшнаго мороза и казановъ,—тысячи солдатъ и лошадей. Не менѣе того, на этомъ пути, вредили непріятелю и отважные партизаны.

Пронеслись вѣсти о подвигахъ полковника-поэта Давыдова, Орлова-Денисова, князей Будашева и Вадбольскаго, Сеславина, Фигнера и другихъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. Называли и другія, менѣе извѣстныя имена, въ томъ числѣ дьякона Савву Скворцова, мстившаго за похищенную у него жену. Онъ, въ какой-то вылазкѣ, подкравшись изъ лѣса, размозжилъ дубиною голову французскому артиллеристу, готовившемуся выпалить картечью въ русскій отрядъ, и небольшая французская баттарей стала добычею русскихъ безъ боя. О партизанахъ рассказывали цѣлыя легенды. Фигнеръ, по слухамъ, не заставъ Наполеона въ Москвѣ, усилилъ свой отрядъ новыми охотниками и бросился по Можайской дорогѣ. Здѣсь онъ отбилъ обширный непріятельскій обозъ, захватилъ болѣе сотни плѣнныхъ и, на глазахъ французскаго арріергарда, взорвалъ цѣлый вражескій артиллерійскій паркъ. Въ толкахъ о партизанахъ стали упоминаться и женскія имена. Въ обществѣ говорили объ отвагѣ и храбрости дѣвицы Дуровой, принявшей имя кавалериста Александрова, и о другихъ двухъ героиняхъ, не оставившихъ потомству своихъ именъ.

Предводительствуя небольшими, летучими отрядами изъ гусаровъ, казаковъ и добротныхъ разночинцевъ, смѣлые партизаны неожиданно появлялись то здѣсь, то тамъ, и день и ночь тревожили остатки великой французской арміи, отбивая у нея подводы, съ припасами и московскою добычей, артиллерію и цѣлыя транспорты больныхъ и отсталыхъ. При обозахъ отбивали и отряды плѣнныхъ, которыхъ враги гнали съ собою въ качествѣ носильщиковъ и прислуги.

Побѣды русскихъ подъ Краснымъ окончательно разстроили французскую армію. Въ этихъ сраженіяхъ, съ 3 по 6 ноября, французы потеряли болѣе двадцати шести тысячъ плѣнными, въ томъ числѣ семь генераловъ, триста офицеровъ и болѣе двухъ сотъ орудій. Началось сплошное бѣгство разбитыхъ и изнуренныхъ бездорожьемъ, голодомъ и болѣзнями остатковъ Наполеоновыхъ полчищъ.

Поля давно покрылись снѣгомъ. Начались сильные морозы, сопровождаемые вѣтромъ и метелями. Но вдругъ снова потеплѣло. Стужа смѣнилась туманами. Начало таять. По дорогамъ образовались выбоины и невылазная грязь. Бутузовъ, сопровождая свои, ободренные побѣдой отряды, ѣхалъ то въ крытыхъ саняхъ, то въ коляскѣ и даже, смотря по пути, на дрожкахъ.

На дневкѣ, шестаго ноября, князь, осматривая верхомъ биваки, часу въ пятомъ дня, приблизился къ лагерю гвардейскаго семеновскаго полка. Его сопровождали нѣсколько генераловъ и адъютантовъ. Всѣ были въ духѣ, оживленно и весело толковали объ окончательномъ пораженіи корпуса Нея, причемъ въ одномъ изъ захваченныхъ русскими обозовъ былъ даже взятъ маршальскій жезлъ грознаго герцога Даву.

Вечерѣло. Густой туманъ съ утра плавалъ надъ полями; среди него кое-гдѣ, какъ острова, виднѣлись опустѣлыя деревеньки и чернѣли вершины лѣса. Свѣтлѣйшій подъѣхалъ къ палаткѣ командира гвардейцевъ, генерала Лаврова, невдали отъ которой молоденькій офицеръ, въ артиллерійской формѣ, снималъ карандашемъ портретъ съ тяжело-раненаго, тутъ же сидѣвшаго, своего товарища. Князь и его свита сошли съ лошадей. Князю у палатки поставили скамью, на которую онъ, крехтя и разминая усталые члены, опустился съ удовольствіемъ, поглядывая на смѣшавшагося рисовальщика.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ Бутузовъ, подозвавъ его къ себѣ.

— Квашнинъ, ваша свѣтлость, — отвѣтилъ, краснѣя, офицеръ:—я это такъ-съ, карандашомъ, для его отца.

— Что же, и отлично. Я васъ гдѣ-то видѣлъ?

— Послѣ моего плѣна въ Москвѣ, и ваша свѣтлость еще тогда удивлялись, какъ я вынесъ, — заторопился, еще болѣе краснѣя, офицеръ: — я былъ тогда ординарцемъ Михаила Андреича...

— А съ кого рисовали?

— Тютинъ, товарищъ... оба мы подъ Краснымъ...

Бутузовъ болѣе не слушалъ офицера. Сопровождавшіе князя гвардейскіе солдаты-кирасиры, сойдя въ это время съ лошадей, стали вокругъ него, съ отбитыми непріятельскими знаменами, составивъ изъ нихъ, для защиты отъ вѣтра, нѣчто въ родѣ шатра. Бутузовъ смотрѣлъ на эти знамена. Туманъ вправо надъ полемъ разошелся и заходящее солнце изъ-за холма ярко освѣтило ряды палатокъ, пушки, ружья въ козлахъ и оживленные гучки солдатъ, бродившихъ по лагерю и сидѣвшихъ у разведенныхъ костровъ. Денщики полковаго командира разносили чай. Кто-то сталъ читать вслухъ надписи надъ знаменами.

— Что тамъ?—спросилъ, опять глянувъ на эти знамена, Бутузовъ:—написано Австерлицъ? да, правда, жарко было подъ Австерлицомъ; но теперь мы отомщены. Укоряютъ, что я за Бородино выпросилъ гвардейскимъ капитанамъ брилліантовые кресты... какіе же навѣсить теперь за Красное? Да осыпъ я, не только офицеровъ, каждаго солдата алмазами, все будетъ мало.

Князь помолчалъ. Онъ улыбался. Всѣ въ тихомъ удовольствіи смотрѣли на стараго князя, который теперь былъ въ духъ, а за послѣдніе дни даже будто помолодѣлъ.

— Помню я, господа, лучшую мою награду,—сказалъ Бутузовъ:— награду за Мачинъ; я получилъ тогда георгіевскую звѣзду. Въ то время эта звѣзда была въ особой чести; я же былъ помоложе и полонъ надеждъ... Есть ли еще здѣсь кто-нибудь; между вами, кто бы помнилъ тогдашняго, молодого Бутузова? нѣтъ? еще бы... ну да все равно... Вотъ и получилъ я завѣтную звѣзду. Матушка же царица, блаженной памяти Екатерина, потребовала меня въ Царское Село. Ъду я; пріѣхалъ. Вижу, пріемъ заготовленъ парадный. Вхожу въ раззолоченныя залы, полныя пышными, раззолоченными сановниками и придворными. Всѣ съ уваженіемъ, какъ и подобало, смотрятъ на храбраго и статнаго измаильскаго героя, скажу, даже красавца, да, именно красавца! потому что я тогда, въ сорокъ шесть лѣтъ, еще не былъ, какъ теперь, старою вороной, я же... ни на кого! Иду и думаю объ одномъ,—у меня на груди преславная георгіевская звѣзда! Дошелъ до кабинета, смѣло отворяю дверь... Что же со мной и гдѣ я?—вдругъ спросилъ я себя.—Забылъ я, господа, и Георгія, и Измаиль, и то, что я Бутузовъ. И ничего, какъ есть, передъ собою не взвидѣлъ, кромѣ небесныхъ, голу-

быхъ глазъ, кромя величаваго, царскаго взора Екатерины... Да, вотъ была награда!

Бутузовъ съ трудомъ досталъ изъ кармана платокъ, отеръ имъ глаза и лицо и задумался. Всѣ почтительно молчали.

— А гдѣ-то онъ, собачій сынъ, сегодня ночуетъ? — вдругъ сказалъ князь, громко разсмѣявшись: — гдѣ-то нашъ Бонапартъ? пошелъ по шерсть, самъ стриженный воротился! не везетъ ему, особенно въ ночлегахъ. Сеславинъ сегодня общалъ не давать ему ни на волосъ передышки. А ужъ Александръ Никитичъ постоитъ за себя. Молодцы партизаны, спасибо имъ!... Бѣжить отъ насъ теперь пресловутый побѣдитель, какъ школьникъ отъ березовой каши.

Дружный хохотъ присутствующихъ погрылъ слова князя.

Всѣ заговорили о партизанахъ. Одни хвалили Сеславина и Вадбольскаго, другіе Давыдова, Чернозубова и Фигнера. Кто-то замѣтилъ, что въ партіи Сеславина снова отличилась кавалеристъ-дѣвица Дурова. На это краснѣвшій при каждомъ словѣ Квашнинъ замѣтилъ, что и въ отрядѣ Фигнера, какъ онъ навѣрное слышалъ, въ одеждѣ казака, скрывается другая таинственная героиня. Квашнина стали спрашивать, чтѣ это за особа.

Онъ, робко взглядывая то на князя, то на хмурья лица огромныхъ кирасирскихъ солдатъ, сталъ по французски объяснять, что, по слухамъ, это какая-то московская барышня, которой, впрочемъ, ему не удалось еще видѣть.

— Кто, кто? — спросилъ рассказчика свѣтлѣйшій, прихлебывая изъ поданнаго ему стакана горячій чай: — еще амазонка?

— Такъ точно-съ, ваша свѣтлость! — отвѣтилъ совсѣмъ ставшій багровымъ Квашнинъ: — московская дѣвица Крамалина. Она, какъ говорятъ, являлась еще въ Леташевкѣ; ее привезъ изъ Серпухова Александръ Никитичъ Сеславинъ.

— Зачѣмъ пріѣзжала?

— Кого-то розыскивала въ приказахъ и въ реляціяхъ... я тогда только-что вырвался изъ плѣна и не былъ еще...

— Ну, и что же она? нашла? — спросилъ князь, отдавая денщику стаканъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; а, не найдя, упробилась къ Фигнеру и съ той поры состоитъ неотлучно при немъ. Изумительная рѣшимость; служить, какъ простой солдатъ... вынослива, покорна... и подаетъ примѣръ... потому что...

Окончательно смѣшавшійся Квашнинъ не договорилъ.

— Вчера, господа, этот Фигнеръ,—перебилъ его, обращаясь къ офицерамъ, генералъ Лавровъ:—чуть не наръвался на самого Наполеона; прямо было изъ-за холма налетѣлъ на его стоянку, но къ сожалѣнію сиутали проводники... ужъ вотъ была бы штука... поймали бы краснаго звѣря...

— Да, именно красный, матерой!—пріятно проговорилъ, разминаясь на свамѣ, Бутузовъ:—сегодня, встати, въ числѣ разныхъ, и въ прозѣ и шитическихъ, незаслуженныхъ мною, посланій, я получилъ изъ Петербурга отъ нашего уважаемаго писателя, Ивана Андреевича Крылова, его новую, собственноручную басню: «Волкъ на псарнѣ». Вотъ такъ подарокъ...

Бутузовъ, заложивъ руку за спину, вынулъ изъ мундирнаго кармана скомканный листъ синеватой, почтовой бумаги, расправилъ его и, будучи съ молодыхъ лѣтъ отличнымъ чтецомъ и даже, какъ говорили о немъ, хорошимъ актеромъ, отчетливо и нѣсколько нараспѣвъ началъ:

Волкъ, ночью, думая попасть въ овчарню,
Попалъ на псарню...

Онъ съ одушевленіемъ, то понижая, то повышая голосъ, картинно прочелъ, какъ, «чужа сѣраго, псы залились въ хлѣвахъ, вся псарня стала адомя» и какъ волкъ, забившись въ уголь, сталъ всѣхъ увѣрять, что онъ «старинный свать и кумъ» и пришелъ не биться, а мириться, — словомъ «уоставить общій ладъ»...

При словахъ басни:

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ—
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ!

Бутузовъ приподнялъ бѣлую, съ краснымъ околышемъ, гвардейскую фуражку и, указавъ на свою сѣдую, съ рѣдкими, зачесанными назадъ волосами голову, громко и съ чувствомъ продекламировалъ заключительныя слова ловчаго:

А потому обычай мой—
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой...
И тутъ же выпустилъ на водка гончихъ стаю!

Окружающіе князя восторженно крикнули ура, подхваченное всѣмъ лагеремъ.

— Ура, спасителю отечества!—крикнулъ, отирая слезы и съ восторгомъ смотрѣвшій на князя, Квашнинъ.

— Не мифъ, русскому солдату—честь!—завричалъ Бутузовъ, взобравшись, при помощи подскочившихъ офицеровъ, на лавку и размахивая фуражкой:—онъ, онъ сломилъ и гонить теперь подстрѣленного на смерть, голоднаго звѣря...

XL.

Снова настала стужа, подулъ вѣтеръ и затрещалъ сильный морозъ.

Голодный, раненный звѣрь, роняя клочками вырываемую шерсть и истекая кровью, скакалъ, между тѣмъ, по снова замерзшей грязи, по сугробамъ и занесеннымъ вьюгою пустыннымъ равнинамъ и лѣсамъ. Онъ добѣжалъ до Березина, остановился, замеръ въ виду настигавшихъ его озлобленныхъ гонцовъ, готовыхъ добить его и растерзать, отчаяннымъ взмахомъ ослабѣвшихъ ногъ бросилъ по снѣгу, для отвода глазъ, двѣ-три хитрыхъ, слѣдовѣхъ петли, сбилъ гонцовъ съ пути и, напрягая послѣднія усилія, переплылъ за Березину. Чтò ему было до его гибнувшихъ сподвижниковъ, которыхъ, догоняя, враги рубили и топили въ обледенѣлой рѣкѣ? Онъ убѣжалъ самъ; ему было довольно и этого.

Французы, теряя свои послѣдніе обозы, переправились по наскоро устроеннымъ, ломавшимся мостамъ, черезъ Березину, у Студянки, 14 ноября. Озадаченные ихъ нежданною переправою и уходомъ, русскіе вожди растерялись и, взваливая другъ на друга вину этого промаха, съ новою силой бросились по пятамъ вражескихъ легионовъ, бѣжавшихъ обратно за русскую границу. Партизаны и казаки, обгоняя бѣглецовъ по литовскимъ болотамъ и лѣсамъ, преслѣдовали ихъ, по выраженію Наполеона, какъ орды новыхъ аравитянъ. Сеславинъ гнался за французами слѣва, Фигнеръ справа. Оба втайнѣ стремились исправить ошибку Березины, схватить въ плѣнъ самого Наполеона. Сеславину едва не удалось достигнуть этого у села Лядъ. Онъ подкрался ночью, проникъ въ село и даже перерѣзалъ пикетъ, охранявшій путь императора. Но вспыхнувшій пожаръ предупредилъ Наполеона и онъ, со свитой, объѣхалъ Ляды сбоку. Фигнеръ, съ своимъ отрядомъ, бросился окольными лѣсами, въ перерѣзъ французамъ, на гордокъ Ошмяны. Туда же, съ другой стороны, направился и Сеславинъ. Каждый изъ нихъ составилъ свой собственный планъ и мечталъ о его успѣшномъ исполненіи.

Измученный и возмущенный рядомъ неудачъ, Наполеонъ, въ мѣстечкѣ Сморгони, неожиданно призвалъ Мюрата и другихъ, бывшихъ съ нимъ, маршаловъ и объявилъ имъ, что пожаръ Москвы, стужа и ошибки его подчиненныхъ заставляютъ его сдать войско Мюрату, и что онъ ѣдетъ обратно въ Парижъ—готовить къ веснѣ новую, трехсоттысячную армию и новый походъ противъ Россіи.

Изъ Вильны, къ которой направлялся Наполеонъ, была заранѣе, съ фельдъегеремъ, тайно вытребована, для охраны его пути, цѣлая кавалерійская дивизія Луазона. Этотъ отрядъ, не зная цѣли новаго движенія, спѣшилъ навстрѣчу бѣгущему императору, занимая по пути занесенныя снѣгомъ деревни, мызы и постоянные дворы. Слухъ о причинѣ похода изъ Вильны дошелъ наконецъ до передоваго полка этой дивизіи, на половину состоявшаго изъ итальянцевъ и саксенъ-веймарцевъ. Южные солдаты, невольные соратники великой арміи, съ отмороженными лицами, руками и ногами, въ сырыхъ и дымныхъ литовскихъ лачугахъ, чуть не вслухъ роптали за скудную овсяною похлебкой, проклиная главнаго виновника ихъ бѣдствій.

— Онъ снова позорно бѣжить, предавая насъ гибели, какъ бѣжалъ изъ Египта!—толковали солдаты и офицеры этого отряда:— не достааетъ, что бы казаки схватили и посадили его, какъ рѣдкаго звѣря, въ желѣзную клѣтку.

Было 23 ноября.

Послѣ двухдневной, непрерывной бури и метели, настала тихая, ясная погода. День стоялъ солнечный; морозъ былъ свыше двадцати градусовъ. По бѣлому, ярко-блестящему полю, столбовою, обставленною вербами, дорогой, неся на полозьяхъ, съ обитыми потертымъ волчьимъ мѣхомъ стеклами, жидовско-шляхетскій возокъ, въ какомъ тогда ѣздили зажиточные поссессоры, арендаторы и помѣщики средней руки. За нимъ слѣдовала рогожаная кибитка, съ полостью, въ видѣ зонтика. Оба экипажа охраняло конное прикрытіе, изъ нѣсколькихъ сотъ смѣнявшихся по пути, польскихъ улановъ. Снѣгъ визжалъ подъ полозьями. Красные султаны, мелькавшіе на шапкахъ прикрытія, издали казались цвѣтками мака на снѣжной равнинѣ.

Въ возкѣ, въ медвѣжьей шубѣ и въ такой же шапкѣ, сидѣлъ Наполеонъ. Съ нимъ рядомъ, въ лисьемъ тулупѣ,—Коленкуръ; напротивъ нихъ, въ буркѣ,—генераль Раппъ. На козлахъ, въ мужичьихъ, бараньихъ шубахъ, обмотавъ, чѣмъ попало, головы,

сидѣли мамелюкъ Рустанъ и, въ качествѣ переводчика; польскій шляхтичъ Вонсовичъ. Въ кибиткѣ слѣдовали оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генераль-адъютантъ Мутонъ. Наполеонъ ѣхалъ подъ именемъ «герцога Виченцскаго», то-есть Коленкура.

— Да гдѣ же ихъ проклятыя сѣла, города?—твердилъ Наполеонъ, то и дѣло высовывая изъ медвѣжьего мѣха иззябшій, покраснѣвшій носъ и съ нетерпѣніемъ приглядываясь въ одевѣнное окно:—пустыня, снѣгъ и снѣгъ... ни человѣческой души! Скоро ли стоянка, перемѣна лошадей?

Раппъ вынулъ изъ-подъ бурки серебряную луковицу часовъ и, едва держа ихъ въ окостенѣлой рукѣ, взглянулъ на нихъ.

— Перемѣна, ваше величество, скоро, — сказалъ онъ:—а стоянка, по росписанію, еще за Ошмянами, не ближе, какъ черезъ четыре часа.

— Есть съ нами провизія?—спросилъ Наполеонъ.

— Утромъ, ваше величество, за завтракомъ, — отозвался Коленкуръ:—вы все изволили кончить, фаршированную индѣйку и страсбургскій пирогъ.

— А ветчина?

— Остались кости, вы велѣли отдать проводнику.

— Сыръ?

— Есть кусокъ стараго.

— Благодарю; горькій и сухой, какъ щепка. Ну, хоть бѣлый хлѣбъ?

— Ни куска; Рустанъ подалъ за десертомъ послѣдній ломоть.

Верстъ черезъ пять, путники на бѣлой полянѣ завидѣли новый, конный пикетъ, грѣвшійся у костра, близъ пустой, раскрытой корчмы, и новую, ожидавшую ихъ смѣну лошадей. Наполеонъ, сердито поглядывая на перепряжку, не выходилъ изъ экипажа. Возокъ и кибитка помчались далѣе. Наполеонъ дремалъ, но на толчкахъ просыпался и заговаривалъ съ своими спутниками.

— Да, господа, — сказалъ онъ, какъ бы отвѣчая на занимавшія его мысли:—ко всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ здѣсь еще и явственная измѣна. Шварценбергъ, вопреки условію, отклонился отъ пути дѣйствій великой арміи; мы брошены на произволь собственной участи... И какъ сражаться при такихъ условіяхъ?

Возокъ въѣхалъ на сугробъ и быстро съ него скатился.

— А стужа? а эти казаки, партизаны?—продолжалъ Наполеонъ:—они въ конецъ добиваютъ наши обезсиленные, разрознен-

ные легионы. Подумаешь, эта дивная, негодная конница, способная производить только нестройный шумъ и гамъ... она безсильна противъ горсти мѣткихъ стрѣлковъ,—а стала грозною въ этой непонятной, бессмысленной странѣ... Наша превосходная кавалерія истреблена безкормицей; пѣхоту интендантство оставило безъ шубъ и безъ сапогъ... всѣ наконецъ голодаютъ...

На лицѣ новаго цезаря его сопутники въ эту минуту прочли, что голодъ—дѣйствительно сиверная вещь. Проѣхали еще съ десятокъ верстъ. Вечерѣло. Наполеонъ, чувствуя, какъ мучительно ноютъ изыбніе пальцы его ногъ, опять задремалъ.

— Нѣтъ, не въ силахъ, не могу! — рѣшительно сказалъ онъ, хватаясь за кисть окна:—у перваго жилья мы остановимся. Найдёмъ же тамъ хоть кусокъ мяса или тарелку горячаго.

— Но, ваше величество,—сказалъ Раппъ:—не безпокойтесь; до назначенной по маршруту стоянки не болѣе двухъ часовъ. Это замокъ богатаго и преданнаго вамъ здѣшняго помѣщика... Вонсовичъ ручается, что все у него найдёмъ...

— Чортъ съ вашимъ маршрутомъ и замкомъ; я голоденъ, шутка ли, еще два часа! не могу...

— Но намъ до ночи надо проѣхать Ошмяны...

Наполеонъ не вытерпѣлъ. Онъ съ сердцемъ дернулъ кисть, опустил стекло и высунулся изъ окна. Верстахъ въ трехъ впереди, вправо отъ дороги, видѣлось какое-то жилье.

— Мыза!—сказалъ императоръ:—очевидно, зажиточный домъ и церковь. Мы здѣсь остановимся.

— Простите, ваше величество,—произнесъ Коленгуръ:—это противъ росписанія и васъ здѣсь не ожидаютъ...

— При этомъ, возможно и нападеніе, засада, — прибавилъ Раппъ.

— Что вы толкуете! поселокъ среди открытой, ровной поляны,—сказалъ Наполеонъ:—ни лѣса, ни холма! а нашъ эскортъ? Ведите, герцогъ, захватъ.

Коленгуръ остановилъ поѣздъ и, для развѣдки, послалъ впередъ часть конвоя. Возвратившіеся уланы сообщили, что на мызѣ, повидимому, все спокойно и благополучно. Возокъ и вибитка направились въ сторону, къ небольшому, подъ череницей, домику, рядомъ съ которымъ были конюшня, амбаръ и людская изба. За домомъ, въ занесенномъ снѣгомъ саду, видѣлась деревянная церковь, — за церквою небольшой, пустой поселокъ.

Обогнувъ домъ, возожь подкатилъ къ крыльцу. Во дворѣ и возлѣ него не было видно никого. Стоявшимъ на привязи, у амбара, лошадь въ санкахъ показывала, однако, что миза не совсѣмъ пуста.

XLI.

Въ сѣняхъ дома путниковъ встрѣтилъ толстый и лысый, невысокаго роста, ксендзь. За нимъ у стѣны жался какой-то медростокъ. Одежда, видъ и комвой путниковъ смутили ксендза. Онъ, блѣдный, растерянно послѣдовалъ за ними. Войдя въ комнату, Наполеонъ сбросилъ на подставленные руки Рустана и Вонсовича шубу и шапку и, оставшись въ бархатной, на ватѣ, зеленой курткѣ, надѣтой сверхъ синяго, егерскаго мундира, присѣлъ на стулъ и строго взглянулъ на Вонсовича.

— Кумать государю! — почтительно согнувшись, шепнулъ Вонсовичъ священнику.

Пораженный вѣстью, что передъ нимъ императоръ французъ, ксендзь, въ молчаливомъ изумленіи, глядѣлъ на Наполеона, съ котораго Рустанъ стягивалъ высокіе, на волчьемъ мѣху, сапоги.

— Чего-нибудь, — продолжалъ Вонсовичъ: — ну, супу, борщу, стаканъ грѣтаго молока. Только скорѣй...

— Нѣтъ ничего! — жалостно проговорилъ ксендзь, сложивъ на груди крестомъ руки.

— Такъ бѣлаго хлѣба, сметаны, творогу.

— Ничего, ничего! — въ отчаяніи твердилъ помертвѣлыми губами священникъ: — гдѣ же я возьму? все ограбили сегодня прохожіе солдаты.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ Наполеонъ.

Вонсовичъ перевелъ слова священника.

— Они отбили кладовую, — продолжалъ ксендзь: — угнали послѣднюю мою корову и порѣзали всѣхъ птицъ... я остался, какъ видите, въ одной рясѣ и самъ съ утра ничего не ѣлъ.

— Не можно послать на фольваркъ, — замѣтилъ Вонсовичъ.

— О, панъ капитанъ, всѣ крестьяне и мои домочадцы разбѣжались и, если бы не мой племянникъ, только-что подѣбканный за мной изъ мѣстечка, я вѣроятно погибъ бы съ голоду, хотя не роинцу... О, его цезарское величество, я въ томъ убѣжденъ, современемъ, все вознаградить...

Воинович перевелъ отвѣтъ и заключеніе ксендза. Наполеонъ, при словахъ о грабѣжѣ и о томъ, что нечего ѣсть, нахмурился. Но онъ сообразилъ, что дѣлать нечего и что таковы слѣдствія войны для всѣхъ, въ томъ числѣ и для него, и рѣшилъ показать себя великодушнымъ и выше встрѣченныхъ невзгодъ. Милостиво потрепавъ ксендза по плечу, онъ сказалъ ему, черезъ переводчика, что радъ случаю видѣть его, такъ какъ въ жизни встрѣчаетъ перваго священника, который такъ покоренъ обстоятельствамъ и некорыстолюбивъ.

— Да, — вдругъ обратился онъ полатыни непосредственно къ ксендзу:—у насъ есть общій намъ, родственнѣйшій языкъ; будемъ говорить по католически, по римски.

Священникъ въ восхищеніи преклонился.

— Я никогда не разставался съ Саллюстіемъ, — сказалъ Наполеонъ:—носилъ его въ карманѣ и съ удовольствіемъ прочитывалъ войну противъ Югурты. А Цезарь? его галльская война? Мы тоже, святой отецъ, воюемъ съ новѣйшими, дикими варварами, съ галлами востока... Но надо покоряться лишеніямъ.

Говоря это, Наполеонъ прохаживался по комнатѣ. Радостно-изумленный ксендзъ и свита благоговѣйно внимали бойкимъ, хотя и не вполне правильнымъ, римскимъ цитатамъ новаго Цезаря. Въ уютной комнатѣ встать было такъ тепло. Вечернее же солнце такъ домовито и весело освѣщало скромную мебель, въ бѣлыхъ чехлахъ, гравюры по стѣнамъ и уцѣлѣвшіе отъ грабителей горшки цвѣтовъ на окнахъ, что всѣмъ было пріятно.

Наполеонъ еще что-то говорилъ. Вдругъ онъ, нагнувшись къ окну, остановился. Онъ увидѣлъ во дворѣ нѣчто, удивившее и обрадовавшее его. Въ слуховое окно конюшни выглянула пестрая, хохлатая курица. Уйдя днемъ отъ грабителей на сѣнникъ, она озадаченно теперь оттуда поглядывала на новыхъ, нахлынувшихъ посѣтителей и очевидно не рѣшалась, въ обычный часъ, пробраться въ разоренный птичникъ, на свой нашествъ, какъ бы раздумывая: а что, какъ поймаютъ здѣсь и зарѣжутъ?

— Reverendissime, esse pulla! — (почтеннѣйшій, вотъ курица!)—сказалъ Наполеонъ, обращаясь къ священнику.

Ксендзъ и прочіе бросились къ окну. Они, дѣйствительно, увидѣли курицу и выбѣжали во дворъ. Уланы справа и слѣва оцѣнили конюшню и полѣзли на сѣнникъ. Курица, съ крикомъ, вылетѣла оттуда черезъ ихъ головы, въ садъ. Офицеры, мамелюкъ Рустанъ и Мутонъ пустились ее догонять. Имъ помогалъ,

командуя и разставляя полы шубы, даже важный и толстый Дюрогъ. Наполеонъ съ улыбкой слѣдилъ изъ окна за этою охотой. Курица была поймана и торжественно внесена въ домъ.

— Si item... если ты такой же умѣлый поваръ, — сказалъ Наполеонъ ксендзу:—какъ священникъ, сдѣлай мнѣ хорошую похлебку.

— Съ великимъ удовольствіемъ, государь! (*Magna cum voluptate, Caesar!*)—нерѣшительно отвѣтилъ ксендзъ:—боюсь только, можетъ, не удастся.

Подростокъ-племянникъ священника растопилъ въ кухнѣ печь. Рустанъ иззябшими руками ощипалъ и выпотрошилъ зарѣзанную хохлатку.

— Но, ваше величество, — замѣтилъ, взглянувъ на свою луковницу, Раппъ:—мы опоздаемъ; какую тревогу забьютъ въ замѣкъ того помѣщика, гдѣ ожидаютъ васъ, и въ Ошмянахъ!

— А вотъ, погоди, уже пахнетъ оттуда! — отвѣтилъ Наполеонъ, обращая носъ къ кухнѣ:—успѣемъ, еще свѣтло... Разставлена ли цѣпь?

— Разставлена...

Похлебку приготовили. Къ дивану, на которомъ сидѣлъ Наполеонъ, придвинули столъ. Въ виду того, что вся посуда у ксендза была ограблена, кушанье принесли въ простомъ глиняномъ горшкѣ; у солдатъ достали походную, деревянную ложку.

— Дивно, прелесть! (*Optime, superrime!*) — твердилъ Наполеонъ, жадно глотая и смакуя жирный, душистый наваръ.

Мамелюкъ прислуживалъ. Онъ вынулъ куриное мясо, разрѣзалъ его на части своимъ складнымъ ножомъ и подалъ, на опрокинутой крышкѣ горшка, часть грудинки, съ крыломъ. Наполеонъ потянулъ къ себѣ всю курицу, кончилъ её и, весь въ поту отъ вкусной ѣды, оглянувшись на руки Рустана, державшаго походную флягу, съ остаткомъ бордо.

— Да это, друзья мои, не бивачная закуска, а цѣлый пиръ! — восторженно сказалъ Наполеонъ, допивъ въ нѣсколько приемовъ флягу:—я такъ не ѣлъ и въ Тюльери.

— Пора, ваше величество, осмѣлюсь сказать, — произнесъ Коленкуръ:—смеркается, мы здѣсь цѣлый часъ.

Наполеонъ улыбнулся счастливою, блаженною улыбкой, протянулъ ноги на подставленный ему стулъ, безнадежно махнулъ рукой и, какъ сидѣлъ на диванѣ, оперся головой о стѣну, закрывъ глаза и, въ теплой, уютной, полусвѣщенной комнатѣ,

почти мгновенно заснулъ. Лица свиты вытянулись. Коленкуръ дѣлалъ нетерпѣливые знаки Раппу, Раппъ—Дюроку; но всѣ работѣнно-почтительно замерли и, не смѣя шевельнуть, молча ожидали пробужденія усталого цезаря.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, верстахъ въ пяти отъ большой виленской дороги, въ густомъ лѣсу, подходившемъ къ городку Ошмянамъ, показался отрядъ всадниковъ. То была партія Фигнера. Усиленно проскакавъ сплошными трупобами и болотами, она стала бивакомъ въ лѣсной чащѣ и, не разводя огней, рѣшила до ночи собрать свѣдѣнія, кто и въ какомъ количествѣ занимаетъ Ошмяны?

Въ городѣ, въ крестьянскомъ зипунишкѣ и войлочной капелюхѣ, на дровняхъ лѣсника, прежде всѣхъ побывалъ самъ Фигнеръ. Онъ, къ изумленію, узналъ, что здѣсь стоитъ пришедшій накануне изъ Вильны отрядъ французской кавалеріи. Ломая голову, зачѣмъ сюда пришли французы, онъ поспѣшилъ обратно къ биваку, гдѣ, посоветовавшись съ офицерами, раздѣлилъ свою партію на двое и одну ея часть послалъ, также стороной и лѣсомъ, далѣе къ селенію Мѣдянкѣ, а другой велѣлъ остаться при себѣ на мѣстѣ. Въ Ошмяны же, для развѣдки, какъ великъ французскій отрядъ, онъ разрѣшилъ послать собственнаго ординарца Крама и стоявшаго долгое время въ Литвѣ, а потому знающаго мѣстный языкъ, стараго казацкаго урядника Мосевича.

Путники, уже въ сумерки, вслѣдъ за какимъ-то обозомъ, на тѣхъ же дровняхъ, въѣхали въ городъ. Улицы были почти пусты, лавки и кабаки закрыты. Изрѣдка только встрѣчались прохожіе и проѣзжіе. Окна свѣтились лишь въ немногихъ домахъ.

У крайняго, съ клѣтүшами и длинными сараями, постоялаго двора, при въѣздѣ въ городъ, оказался большой, конный, французскій пикетъ. Солдаты, какъ бы отдыхая, полулежали у забора, держа подъ уздцы наготовѣ лошадей. Они разговаривали и очевидно чего-то ожидали. Завидѣвъ ихъ еще издали и плетясь пѣшкомъ у санокъ, одѣтый дровосѣкомъ, урядникъ Мосевич шепнулъ ординарцу, лежавшему въ саняхъ на кучѣ дровъ:

— Ваше благородіе, видите, сколько ихъ? не вернуться ли?

— Ступай, — отвѣтилъ также шепотомъ ординарецъ: — авось пропустятъ... зайду на постоянный дворъ, еще кое-что узнаемъ.

— Да мнѣ не велѣно васъ бросать.

— Ну, какъ знаешь, зайъжай и самъ; только не разомъ, попозже.

Ординарецъ, миновавъ стражу, всталъ и направился на постоялый дворъ, къ смежной, съ чистыми свѣтлицами, рабочей избѣ. Урядникъ, для отвода глазъ, направился съ дровами, окольными улицами, на базарную площадь, а оттуда къ мосту и, вываливъ тамъ дрова, также потомъ завернулъ, съ саними, въ ворота постоялаго двора. Не распрягая лошади, онъ поставилъ ее къ яслямъ, подъ навѣсъ, взялъ у дворника сѣна и овса, всыпалъ овесъ въ торбу, а самъ прилегъ въ сани, прислушиваясь къ вознѣ и говору на замолгавшемъ дворѣ. Окончательно стемнѣло.

XLII.

Одѣтый мелкимъ хуторяниномъ, въ бешметѣ на заячьемъ мѣху и въ черной барашковой, литовской шапкѣ, ординарецъ Фигнера былъ—Аврора Крамалина.

Сперва скитаніе въ оставленной французами Москвѣ, потомъ почти четырехнедѣльное пребываніе въ партизанскомъ отрядѣ сильно измѣнили Аврору. Съ коротко остриженными волосами и обвѣтреннымъ лицомъ, въ казацкомъ чекменѣ или въ артиллерійскомъ шпенцерѣ, съ пистолетомъ за поясомъ и въ высокихъ сапогахъ, она походила на молоденькаго, только что выпущеннаго въ армію кадета. Фигнеръ, щадя и оберегая ввѣренную ему Сеславининъ Аврору, тщательно скрывалъ ея, извѣстные ему, прошежеденіе и полъ и, ссылаясь на молодость и слабыя силы принятаго имъ юнкера, почти не отпускалъ ее отъ себя. Офицеры сперва звали новобранца—Крамалинъ, а потомъ, со словъ казаковъ, просто—Крамъ. Иные изъ нихъ, въ началѣ знакомства, стали было трунить надъ новымъ товарищемъ, говоря о немъ: «Какой это воинъ? красная дѣвочка!»—Но Фигнеръ, намекнувъ на высокое родство и связи новобранца, такъ осадилъ насмѣшниковъ, что всѣ ихъ остроты прекратились и на юнкера никто уже не обращалъ особаго вниманія.

Состоя въ ординарцахъ у Фигнера, Аврора почти не сходила съ коня. Всѣ удивлялись ея неутомимому усердію къ службѣ. Голодная, иззябшая, являясь съ развѣдки и почти не отдохнувъ, она въ постоянномъ, непонятномъ ей самой, лихорадочномъ возбужденіи, всегда была готова скакать съ новымъ порученіемъ. Одно ее смущало: холодная, почти звѣрская жестокость ея ко-

мандира съ попадавшими ему въ руки плѣнными. Тихій съ виду и, казалось, добрый Фигнеръ, на ея глазахъ, любезно-мягко шутя и даже угощая голодныхъ, достававшихся ему въ добычу плѣнныхъ, внимательно разспрашивалъ ихъ о томъ, что ему было нужно, пересыпая шутками, записывалъ ихъ побазанія и затѣмъ безощадно ихъ разстрѣливалъ. Однажды, — Аврора въ особенности не могла этого забыть, — онъ собственноручно, послѣ такого допроса, пристрѣлилъ изъ пистолета одного за другимъ пятерыхъ молившихъ его о пощадѣ плѣнныхъ.

— Зачѣмъ такая жестокость? — рѣшилась тогда, не стерпѣвъ, спросить своего командира Аврора.

— Слушайте, Брамъ, — отвѣтилъ онъ, ероша космы своихъ волосъ: — зачѣмъ же я буду ихъ оставлять? ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга! все равно перемерзли бы... не таскать же за собой...

Аврорѣ, у ошмянскаго постоялаго двора, при видѣ жалобно жавшихся другъ къ другу, съ обернутыми тряпьемъ лицами и ногами, итальянскихъ солдатъ, вспомнилась другая сцена. За два дня передъ тѣмъ, Фигнеръ, съ частью своей партіи, также отлучился для особой развѣдки къ мѣстечку Сморгдні. Возвратясь къ остальнымъ, онъ разказалъ, что и какъ имъ сдѣлано.

— Представь, — обратился онъ къ гусарскому ротмистру, бывшему въ его отрядѣ: — только что мы выглянули изъ-за кустовъ, видимъ, у мельницы, французская подвода съ больными и ранеными, — очевидно, обломалась, отстала отъ своего обоза, и при ней такой солидный и важный, въ густыхъ эполетахъ, французскій штабъ-офицеръ. Мы вторыя сутки брели лѣсомъ, безъ дорогъ, измучились, проголодались и вдругъ что же увидѣли? — собачьи дѣти преспокойно развели костеръ и варятъ рисовую кашу. Ну, я ихъ, разумѣется, и потревожилъ; снялъ съ налета, всѣхъ перевязалъ и началъ укорять: такіе вы, сякіе, говорю, пришли къ намъ и еще хвалитесь просвѣщеніемъ, такіе, молъ, у васъ писатели — Бомаршэ, Вольтеръ... а сами что надѣлали у насъ? Ихъ командиръ, въ эполетахъ, вмѣшался и такъ заносчиво и гордо сталъ возражать. Ну, я не вытерпѣлъ и былъ принужденъ, разложивъ на снѣгу попонку, предварительно предать его тѣлесному наказанію.

— Предварительно? — спросилъ ротмистръ: — а послѣ? что ты съ ними сдѣлалъ и куда ихъ сбывъ?

Фигнеръ на это молча сдѣлалъ рукою такой знакъ, что

Аврора вздрогнула и тогда же рѣшила, при первомъ удобномъ случаѣ, опять проситься обратно къ Сеславину. Какъ она ни была возбуждена и, вслѣдствіе того, постоянно, точно приподнята надъ всѣмъ, что видѣла и слышала, она не могла вынести жестокихъ выходовъ Фигнера.

Болѣе же всего Аврорѣ остался памятенъ одинъ случай въ окрестностяхъ Рославля. Фигнеру отъ начальства было приказано, въ виду начавшейся тогда оттепели, собрать и сжечь валавшіеся у этого города трупы лошадей и убитыхъ и замерзшихъ французовъ. Онъ, давъ отдыхъ своей командѣ, поручилъ это дѣло находившимся въ его отрядѣ калмыкамъ и киргизамъ. Тѣ стащили трупы въ кучи, переложили ихъ соломой и стали поджигать. Рядъ страшныхъ костровъ задымился и запылалъ по сторонамъ дороги. Въ это время изъ деревушки, близъ Рославля, ѣхала въ Смоленскъ провѣдать о своемъ томившемся тамъ въ плѣну мужѣ помѣщика Микѣшина. Ея возокъ поровнялся съ одною изъ приготовленныхъ кучъ. Калмыки уже подожгли солому. Путница видѣла, какъ огонь быстро нобѣжалъ вверхъ по соломѣ. Вдругъ послышался голосъ кучера: «Матушка, Анна Дмитріевна! гляньте... жгутъ живыхъ людей!»— Микѣшина выглянула изъ возка и увидѣла, что солома наверху кучи приподнялась и сквозъ неѣ сперва просунулась, судорожно двигаясь, живая рука, потомъ обезумѣвшее отъ ужаса, живое лицо. Подозвавъ калмыковъ, поджигавшихъ кучи, Микѣшина, со слезами, стала молить ихъ—спасти несчастнаго француза, и за червонецъ купила его у нихъ. Они вытащили несчастнаго изъ кучи и положили къ ней въ ноги. Возокъ поѣхалъ обратно, въ деревушку Микѣшиныхъ, Платоново. Фигнеръ узналъ о сердоболіи калмыковъ. Онъ подозвалъ своего ординарца.

— Скачите, Крамъ, за возкомъ, — сказалъ онъ Аврорѣ: — остановите его и предложите этой почтенной госпожѣ—возвратить спасеннаго ею мертвеца.

— Но, господинъ штабсъ-ротмистръ, — отвѣтила Аврора: — этотъ мертвый ожилъ.

— Не разсуждайте, юнкеръ!—строго объявилъ Фигнеръ: — великодушіе хорошо, но не здѣсь; я вамъ приказываю.

Аврора видѣла, какимъ блескомъ свергнули сѣрые глаза Фигнера, и болѣе не возражала. — «Я его брошу, брошу этого жестокосердаго», — думала она, догоняя возокъ. — Настигнувъ его, она окликнула кучера. Возокъ остановился.

— Сударыня, — сказала Аврора, нагнувшись къ окну возка: — начальникъ здѣшнихъ партизановъ, Фигнеръ, просить васъ возвратить взятаго вами плѣннаго.

Изъ-подъ полсти, со дна возка, приподнялась страшно испуганная, съ отмороженнымъ лицомъ, жалкая фигура. Мертвенно-тусклые, впалые глаза, съ мольбой, устремились на Аврору.

— О, господинъ, господинъ... во имя Бога, пощадите! — прохрипѣлъ французъ: — мнѣ не жить... но не мучьте, дайте мнѣ умереть спокойно, дайте молиться за русскихъ, моихъ спасителей.

Эти глаза и этотъ голосъ поразили Аврору. Она едва усидѣла на конѣ. Плѣнный не узналъ ее. Она его узнала: то былъ ея недавній поклонникъ, взятый соотечественниками въ плѣнъ, эмигрантъ Жерамбъ. Аврора молча повернула коня, хлестнула его и поскакала обратно къ биваку. — «Ну, что же? гдѣ выкупленный мертвецъ?» — спросилъ ее, улыбаясь, Фигнеръ. «Онъ вторично умеръ», — отвѣтила, не глядя на него, Аврора.

Объ этомъ Аврора вспомнила, пробираясь, подъ лай цѣннаго пса, къ рабочей избѣ постоялаго двора. Она остановилась подъ сараемъ, въ глубинѣ двора. Здѣсь въ потьмахъ она услышала разговоръ двухъ французскихъ офицеровъ кавалерійскаго пикета, наблюдавшихъ за своими солдатами, которые среди двора поили у колодезя лошадей.

— Ну, страна, отверженная Богомъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ: — не вѣрилось прежде; Россія — это нечеловѣчскій холодъ, бури и всякое горе... И несчастные зовутъ еще это отечествомъ!... (Et les malheureux appellent cela une patrie!).

— Терпѣніе, терпѣніе, — отвѣтилъ другой, съ итальянскимъ акцентомъ.

Бъ нимъ подошелъ третій французскій офицеръ. Солдаты въ это время повели лошадей за ворота. Свѣтъ фонаря отъ крыльца избы освѣтилъ лицо подошедшаго.

— Это вы, Лапі? — спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да, это я, — отвѣтилъ подошедшій.

То былъ статный, смуглый и рослый уроженецъ Марсели, майоръ Лапі. Онъ, какъ о немъ впоследствии говорили, стоялъ во главѣ недовольныхъ сто-тринадцатаго полка и давно тайно предлагалъ расправиться съ обманувшимъ ихъ вождемъ французовъ.

— Что вы скажете? вѣдь онъ дѣйствительно бросилъ армию

и скачетъ... приноздавъ, по пути, въ замкъ здѣшняго магната; ему тепло и сыто, а намъ...

— Я скажу, что теперь настало время!... Мы бросимся, переколемъ прикрытие...

Аврора далѣе не слышала. Сторожевой пѣсь, рвавшійся съ цѣпи на Мосейча и другихъ двухъ путниковъ, которые въ это время вѣхали во дворъ, заглушилъ голосъ майора. Аврора, сказавъ нѣсколько словъ уряднику, пробралась въ черную избу. Полуосвѣщенные ночникомъ нары, лавки и печь были наполнены спящими рабочими и путниками. Снявъ шапку и въ недоумѣнии озираясь по избѣ, Аврора думала: «Отъ кого довѣдаться и кого спросить? неужели ждуть Наполеона? но, Боже! что я дала бы за часъ сна въ этомъ тихомъ, тепломъ углу!»

— Обогрѣться, паночку, соснуть? — отозвался выглянувшій съ печи бородатый, лѣтъ пятидесяти, но еще крѣпкій бѣлоруссъ-мужикъ.

— Да, — отвѣтила Аврора: — мнѣ бы до зари, пока разсвѣтѣтъ.

— Съ фольварка?

— Да...

— Можя, за рыбкой, альбо—мучицы?

— За рыбой...

— Ложись тутя... тѣсно, а мѣсто есть!—сказалъ, отодвигаясь отъ стѣны, мужикъ.

Онъ съ печи протянулъ Аврорѣ мозолистую, жесткую руку. Она влѣзла на нары, оттуда на верхнюю лежанку и протянулась рядомъ съ мужикомъ, отъ зипуна котораго пріятно пахло льняною куделью и сѣнною трухой.

— Мы мельники, а то же и куделью торгуемъ, — сказалъ, зѣвая, мужикъ.

Примостивъ голову на свою барашковую шапку и прислушиваясь, всѣ ли остальные спятъ, Аврора молчала. Смолкъ и, какъ ей показалось, тутъ же заснулъ и мужикъ. Въ избѣ настала полная тишина. Только внизу, подъ лавками, гдѣ-то звенѣлъ сверчокъ, да тараканы, тихо шурша, ползали вверхъ и внизъ по стѣнамъ и печкѣ. Долго такъ лежала Аврора, поджидая условнаго зова Мосейча, чтобы, до начала зари, выбраться изъ города. Она забылась и также задремала. Очнувшись отъ нервнаго сотрясенія, она долго не могла понять, что съ нею и гдѣ она? Понемногу она разглядѣла на лавкѣ, у стола, худого и блѣднаго итальян-

скаго солдата, которому другой солдатъ перевязывалъ посинѣвшую, отмороженную ногу. Они тихо разговаривали. Раненый, слушая товарища, злобно повторялъ «diavolo... vienì». Въ дверь вошелъ рослый, бородатый рабочий. Онъ растолкалъ спавшихъ на нарахъ и на печи другихъ рабочихъ. Всѣ встали, крестясь и поглядывая на солдатъ, обулись, одѣлись и вышли. Итальянцы также оставили избу. Изъ сѣней пахнуло свѣжимъ холодомъ. За окномъ заскрипѣлъ ночевавшій во дворѣ, съ какою-то гладью, обозъ.

— Усё имъ; поганцамъ, по наряду вязуць!—тихо проговорилъ, точно про себя, лежавшій возлѣ Авроры мужикъ.

— Откуда везуть?

— Зъ Вильны.

— Буда?

— На сустрѣчь ихъ войску. Бѣжутъ,—продолжалъ, оглядываясь, мужикъ:—ихняго Бонапарта доканали и онъ чуть пятки унесъ, увъ свои земли удравъ.

— Не убѣжалъ еще,—произнесла Аврора:—его слѣдятъ.

— Убязить! янѣ, проды, усѣ струсили; якъ огня, боятсѣ казаковъ, а особъ Сеславина, да есть еще таковой Фигнеръ. Принесъ бы ихъ Господь!

— А ты, дѣдушка, за русскихъ?

— Мы, панѣчку, изстари русскіе, православные тутъ; мельники, куделью торгуемъ.

Мужикъ опять замолчалъ. Еще какіе-то мужикъ и баба встали, крестясь, изъ угла и, подобравъ на спину котомки, вышли. Въ избѣ остались только Аврора, спавшее на печи чье-то дитя и мельникъ-мужикъ. Прошло болѣе часа.

Аврора не спала. Рой мыслей, одна тяжелѣе другой, преслѣдовалъ и томилъ ее. Она перебирала въ умѣ свой первый, неудачный шагъ въ партизанскомъ отрядѣ Фигнера, когда она поступила къ нему въ Астафьевѣ и, въ крестьянской одеждѣ, проникла съ нимъ въ Москву. Фигнеръ былъ полонъ надеждою—пробраться въ Кремль и убить Наполеона. Она надѣялась—получить аудіенцію у Даву и, если Перовскій еще живъ, вымолить у грознаго маршала помилованіе ему, а себѣ дозволеніе—раздѣлитель съ нимъ бѣдствія плѣна. Аврорѣ живо припомнилась почъ, когда она и Фигнеръ, съ телѣгою, какъ бы для продажи, нагруженною мукой, пробрались, черезъ Крымскій бродъ и Орловъ лугъ, въ Москву и до утра скрывались въ ея раз-

валинахъ. Съ разсвѣтомъ ихъ поразила мертвая пустынность сгорѣвшихъ улицъ. Они, съ телѣгой, направились въ провіантское депо, къ Кремлю. На Каменномъ мосту, какъ она помнила, ихъ оглушилъ неожиданный, громовой взрывъ; за нимъ раздались другой и третій. Громадные столбы дыма и всякихъ осколковъ поднялись надъ кремлевскими стѣнами, осыпавъ мостъ пылью и пескомъ. По набережной, выплевывая изо рта мусоръ, въ ужасѣ, бѣжали немногіе изъ обитателей уцѣлѣвшихъ сарестныхъ домовъ. Отъ нихъ странники узнали, что Наполеонъ, съ главными французскими силами, въ то утро, оставилъ Москву, уводя съ собою громадный обозъ и плѣнныхъ и приказавъ оставшемуся отряду взорвать Кремль.

XLIII.

Аврора посѣтила въ погорѣлой Бронной пепелище бабки, была и на Дѣвичьемъ полѣ. Монахини Новодевичьяго монастыря показали ей опустѣлую квартиру Даву и близь огородовъ, — у берега Москвы-рѣки, — мѣсто его страшныхъ казней. Здѣсь-то, въ слезахъ и отчаяніи, Аврора поклонилась — до послѣдней капли крови, преслѣдовать изверговъ, отнявшихъ и убившихъ ея жениха. Она было оставила Фигнера и, пріютившись у знакомой, пощаженной французами, старушки — кастелянши Воспитательнаго дома, около двухъ недѣль оставалась въ Москвѣ, разыскивая Перовскаго между русскими и французскими больными и плѣнными. Не найдя его, она рѣшила, что онъ погибъ, опять пробралась въ отрядъ Фигнера, рыскавшаго въ то время у путей отступленія французовъ къ Смоленску, и уже не покидала его.

«Но можетъ быть онъ живъ? — думалось иногда Аврорѣ о Перовскомъ: — что, если въ послѣднюю минуту, его пощадили и теперь, измученнаго, по этой стужѣ, голоднаго и безъ теплой одежды, ведутъ, какъ тысячи другихъ плѣнныхъ?» — Аврора, на походѣ, съ трепетомъ прислушивалась къ извѣстіямъ изъ другихъ отрядовъ, и, едва до нея доносился слухъ объ отбитіи у неприятеля русскихъ плѣнныхъ, спѣшила искать среди нихъ вѣстей о Перовскомъ. Никто изъ тѣхъ, кого она спрашивала, не слышалъ о немъ и не видѣлъ его, ни въ Москвѣ, ни на пути.

Исполняя порученія неутомимаго и почти не спавшаго Фигнера, Аврора часто не понимала, зачѣмъ именно она здѣсь,

среди этих лишений и в этой обстановкѣ, если ея женихъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ? Для чего, бросивъ теплый, родной кровъ и любящихъ ее бабу и сестру, и забывъ свой полъ и свое, не особенно сильное здоровье, она сегодня весь день не сходить съ Зорьки, завтра мерзнетъ въ ночной засадѣ, среди болотъ или въ лѣсной глуши? На походѣ, у переправъ черезъ рѣки и ручьи, въ дождь и холодъ, у костра, и въ бессонныя ночи—гдѣ-нибудь въ овино, или въ полуобгорѣлой, раскрытой избѣ, ее преслѣдовала одна завѣтная мечта—отплаты за любимаго человѣка... Въ минуты такого раздумья, тайкомъ отъ другихъ, Аврора вынимала съ груди крошечный медальонъ, съ акварельнымъ, на слоновой кости, портретомъ Перовскаго, и, покрывая его поцѣлуями, долго вглядывалась въ него. «Милый, милый, гдѣ ты?—шептала она:—видишь ли ты свою, любящую тебя, Аврору?» Въ эти мгновенія, ея облегченными думамъ становилось понятно и ясно, зачѣмъ она здѣсь, въ лѣсу, или на распутьи заметенныхъ снѣгомъ дорогъ Литвы, а не у бабуки въ Ярцевѣ или въ Паншинѣ, и зачѣмъ на ней грубый казацкій чекмень, или бараній полушубокъ, а не шелковое, убранное кружевами и лентами, платье?

Картины недавняго, прошлаго счастья дразнили и мучили Аврору. Мысленно видя ихъ и наслаждаясь ими, она не могла понять, что же именно ей наконецъ нужно и чего ей не достаетъ? Мучительными сравненіями и сопоставленіями не было конца.— «Какъ мнѣ ни тяжело,—разсуждала она:—но все же у меня есть и защищающая меня отъ стужи одежда, и сносная пища, и свобода... А онъ, онъ, если и вправду живъ, ежечасно мучится... Боже! каждый мигъ ждать гибели отъ разбитаго, озлобленнаго, бѣгущаго врага!...»

Аврора дремала на печи. Вдругъ ей показалось, что ее зовутъ. Она приподняла голову, стала слушать.

— Это я,—раздался, у ея изголовья, тихій голосъ мужика, лежавшаго на печи.

Въ избѣ нѣсколько какъ бы освѣтлѣло. У плеча Авроры яснѣе обрисовалась широкая, окладистая борода бѣлорусса, его худое благообразное лицо и добрые глаза, ласково смотрѣвшіе на нее. Постороннихъ, кромѣ ребенка, спавшаго на печи, не было въ избѣ.

— Паночку, а паночку!—обратился къ Аврорѣ, опершись на локоть мужикъ:—а что я тебѣ скажу?

Аврора, присѣвъ, приготовилась его слушать.

— Отвѣть ты мнѣ, — спросилъ мужикъ: — грѣшно убивать?

— Бого?

— Человѣка... ёнъ вѣдь, хоть и врагъ, тоже чувствуетъ, съ душой.

— Во время войны, въ бою, не грѣшно, — отвѣтила Аврора, вспоминая церковную службу въ Чеплыгинѣ и воззваніе Св. Синода: — надо защищать родину, ея вѣру и честь.

— Убиваютъ же и не въ бою, — со вздохомъ проговорилъ мужикъ.

— Какъ? — спросила Аврора.

— А вотъ какъ. Мы изстари мельники, — произнесъ мужикъ: — перешли сюда изъ Сѣбежа, — земляца тамъ скудна. Жили здѣсь тихо; только усѣ отняли эти ироды хлѣбушко, усякую живность, свою и чужую мукѣ; оставили, въ чемъ были. Одной кудели, оголтѣлые, не тронули, имъ на что? не слопаешь! И какъ прожили мы это, съ Успенья, не сказать... Отпустили они насъ маленько, а тутъ съ Бузьмы и Демьяна опять и пошли; видимо-невидимо, это ягъ бросили Москву. Есть у насъ тоже мельникъ и мнѣ свать, Пѣтра. Добылъ онъ дѣтямъ у сосѣда-жидка дойную козу; пусть, моля, хоть молочка попьютъ; и поѣхалъ это надняхъ сюда въ городъ, къ куму, за мучицей. Возвращается, полна хата гостей... Французы сидятъ округъ стола; въ печи огонь, а на столѣ горшки, зъ усякимъ варевомъ. Жена, сама не своя, мечется, служить имъ. Ну, — думаетъ Пѣтра, — порѣшили козу. А они завидѣли его, смѣются и его же давай угощать; сами, примѣчаютъ, пьянѣшеньки... Что же тутъ дѣлать? а у него никакого оружія.

Аврора, при этомъ, вспомнила о своемъ пистолетѣ и ощутила его на поясѣ, подъ бешметомъ.

— Посидѣлъ онъ съ ними, — продолжалъ мужикъ: — и вызвалъ хозяйку въ сѣни. Спрашиваетъ, — коза? Она такъ и залилась слезами. А дѣти? — спрашиваетъ, и самъ плачетъ. Она указала на кудель въ сѣняхъ и говоритъ: я тута ихъ спрятала. Вытащилъ онъ ребятъ изъ-подъ кудели, посадилъ ихъ и жену въ санки, а самъ приперъ полѣномъ дверь, говоритъ хозяйкѣ — погоняй къ куму, да тутъ же запалилъ кудель и сталъ съ дубиной у окна. Полохнули сѣни, повалилъ дымъ. Французы загалдѣли, ломятся въ дверь, да не одолѣютъ, и полѣзли въ окна. Какой просунетъ голову, Пѣтра его и долбанѣтъ... И недолго

возмись... Это вдругъ все затрепало, и сталъ, о, Господи, одинъ какъ есть, огненный столбъ... Это, скажи, грѣшно? накажутъ Пётру на томъ свѣтѣ?

— Богъ его, дѣдушка, видно, простить, — отвѣтила Аврора.

Опять настало молчаніе. Сверчокъ подъ лавкой также затихъ. Не было слышно ни собачьяго лая на дворѣ, ни шуршанья и возни таракановъ. Аврора прилегла и, закрывъ глаза, думала, скоро ли позоветъ Мосечъ.

— Панѣчку, а панѣчку! — вдругъ опять послышался голосъ: — что я тебѣ скажу?

— Говори, дѣдушка.

— За насильниковъ Богъ, може, простить; а какъ іонъ тебя не трогаль?

Аврора слушала.

— Было, охъ, и со мною, — продолжалъ мужикъ: — встрѣль я онѣ, идучи сюда, глазъ на глазъ, одного ихняго окаянника-солдата; шелъ онѣ полемъ, пѣшъ; вижу, отсталъ отъ своихъ, ну, и хромаль; мы пошли съ нимъ рядомъ. Онѣ все что-то лопче по своему и показывае на ротъ, голодный — молъ; а при боку сабля и въ рукахъ мушкетъ. Думаю, сколько ты, скурвинъ сынъ, загубилъ душъ!

Мужикъ замолчалъ.

— Съли мы, — продолжалъ онѣ: — я ему далъ сухарь, смотрю на него, а онѣ ѣсть. И надумаль я, — вырваль у него, будто въ шутку, мушкетъ; вижу помертвѣль, а самъ смѣется... хочеть смѣхомъ разжалобить... Ну, думаю, Богъ тебѣ судья! показаль ему этакъ-то рукою въ поле, будто кто идетъ; онѣ обернулся, а я ему тутъ, о, Господи! въ спину и стрѣльнулъ...

Мужикъ смолкъ. Молчала и Аврора.

— Грѣшно это? — спросилъ мужикъ.

Аврора не отвѣчала. Ей вспомнилось пепелище Москвы, Дѣвичье поле и мѣсто казней Даву. — «И что ему нужно отъ меня? — думала она: — не все ли равно? теперъ все погибло и все кончено... пусть же гибнуть и они». Въ избѣ стало еще свѣтлѣе; за окнами во дворѣ слышался говоръ и двигались люди.

— А я, панѣкъ, потому въ Опшяны, — началъ было, не слыша отвѣта Авроры, мужикъ: — сюда, сказываютъ, идетъ генераль Платовъ, съ казаками... и я...

Онѣ не договорилъ. Дверь изъ сѣней отворилась. Въ избу

вошелъ Мосейчъ. Осмотрѣвшись и разглядѣвъ Аврору, а возлѣ нея мужика, онъ остановился.

— Не бойся, это нашъ,—сказала Аврора, спустясь съ печи и иди за Мосемчемъ въ сѣни:—что новаго?

— Ёдемъ; они ждутъ своего Бонапарта.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Ты почему знаешь?

— Все толкуютъ «анперёръ!» и указываютъ на дорогу...

— Вывози санки; еще успѣемъ доскакать къ нашимъ.

Мосейчъ пошелъ за лошадей. Аврора вышла за ворота. Блѣдное утро едва начиналось; улица у постоялаго двора была уже однако полна народа. Всѣ, въ нѣкоторомъ смущеніи, ждали Наполеона, опоздавашаго, по росписанію, болѣе, чѣмъ на три часа.

XLIV.

Бургомистръ и другіе, назначенные отъ французовъ, начальники города стояли впереди и, не спуская глазъ съ дороги на городскомъ выгонѣ, сдержанно разговаривали. Народъ, евреи и уличные мальчишки напирали съзади или, взобравшись на заборы и крыши сосѣднихъ дворовъ, глядѣли оттуда на выстроившійся конный отрядъ.

— Да, теперь уже несомнѣнно, ждутъ самого Наполеона,—подумала Аврора: гонять его наши!

Ей вспомнился этотъ Наполеонъ, на картинѣ, убивающій оленя.

Она, пробравшись ближе къ конвою, узнала по голосу сидѣвшаго, впереди другихъ, на сѣрой лошади, итальянскаго майора, котораго вечеромъ близъ нея назвали Лапѣ и который, какъ она убѣдилась изъ его словъ, былъ готовъ посягнуть на жизнь Наполеона. Статный и смуглый, съ густыми черными бакенами, майоръ мрачно съ сѣдла смотрѣлъ въ ту сторону, куда были направлены взоры остальныхъ. Его глаза, какъ ей показалось, горѣли ненавистью и злобой; нижняя часть лица, стянутаго перевязью каски, судорожно вздрагивала.

— Такъ это герцогъ Виченцскій, а не императоръ? — спросилъ его стоявшій съ нимъ рядомъ другой французскій офицеръ.

— Терпѣніе! можетъ быть, и онъ, — сухо отвѣтилъ Лапѣ.

«О, если бы это былъ Наполеонъ! — подумала Аврора, отыс-

живая глазами Мосеича: — не струсь этотъ офицеръ, бросься онъ въ это мгновеніе на ожидаемаго злодѣя, и общими бѣдствіями наконецъ, міръ былъ бы спасенъ...»

Толпа, стоявшая у постоялаго двора, мѣшала Мосеичу выѣхать изъ воротъ. Онъ, показывая это знаками Аврорѣ, выжидалъ, пока народъ отодвинется. Аврора протиснулась еще далѣе и впереди кавалеристовъ увидѣла заготовленные для ожидаемыхъ путниковъ двѣ четверни лошадей, съ разряженными въ перья и въ ленты почтарями.

— Я узналъ, это не императоръ, а Коленкуръ, онъ ѣдетъ курьеромъ въ Парижъ! — сказалъ кто-то изъ конвоя вблизи Авроры: — стоило изъ-за того мерзнуть!

Вдругъ толпа заволновалась и двинулась впередъ. Тѣснимая напиравшими отъ забора, Аврора оглянулась на Мосеича. Того уже не было у воротъ. Съ мыслью «гдѣ же онъ? надо ѣхать, дать знать нашимъ!» — Аврора взглянула вдоль улицы. Въ красноватомъ отблескѣ зари, на бѣлой, снѣговой полянѣ выгона, показались двѣ черныя, двигавшіяся точки. Ближе и ближе. Впереди скакалъ верховой. Сталъ видѣнъ нырявшій по ухабамъ, круглый, со стеклами, возокъ, за нимъ — крытыя сани. Форреиторы, прилегая къ шеямъ измучившихся, взмыленныхъ лошадей, махали бичами. Послышалась труба скакавшаго впереди вѣстоваго.

Тысячи мыслей съ неимовѣрною быстротою пролетали въ головѣ Авроры. Ей припомнились слова старосты Клима о французяхъ, засыпанныхъ въ колодець, признанія мужика-бѣлоруса о подоженной избѣ и убитомъ голодномъ французскомъ солдатѣ. Аврорѣ казалось, что она сама, въ эти мгновенія, вынуждена и должна что-то сдѣлать, немедленно и безповоротно предпринять, а что именно — она не могла дать себѣ отчета. — «Насильникъ, насильникъ, — шептала она: надругался надъ всѣмъ, что дорого и свято намъ... отвѣтишь!» — Чувствуя непонятную, ужасающую торжественность минуты, она видѣла, какъ въ толпѣ народа, еще недавно встрѣчавшаго Наполеона восторженными криками, всѣ смотрѣли на него молча, съ испуганно-смущенными лицами. При этомъ она съ удивленіемъ примѣтила, что и статный, за мгновеніе мрачный и грозный майоръ вдругъ какъ-то преобразился и, вытянувшись, съ почтительною преданностью въ лицѣ, салютовалъ шпагою подѣзжавшему возку. — «Струсилъ!» — подумала, съ горькою усмѣшкой, Аврора. Она разглядѣла въ толпѣ

благообразное и печально-недоумѣвающее лицо мушкетера, говорившаго ей за нѣсколько минутъ на печи: «паночку, а паночку, а что я тебѣ скажу?»

Посеребренный инеемъ, съ потертымъ волчьимъ мѣхомъ на окнахъ, возокъ въ этотъ мигъ подкатилъ къ постоялому двору и остановился у заготовленной смѣны лошадей.—«Герцогъ Виценскій, или самъ императоръ?»—съ дрожью вглядываясь въ возокъ, подумала Аврора. Прямо передъ нею, въ окно возка, обрисовалось оливковое, съ покраснѣвшимъ носомъ и гнѣвными, красивыми глазами, лицо Наполеона. Аврора тотчасъ узнала его.—«Такъ вотъ онъ, плебей - цезарь, коронованный солдатъ!»—сказала она себѣ, видя, какъ важный и толстый, съ шарфомъ черезъ плечо и съ совершенно растерянными глазами, бургомистръ, подойдя къ каретѣ, сталъ, съ низкими поклонами, ломаннымъ французскимъ языкомъ говорить что-то просительное и жалобное, а ближайшіе къ нему горожане даже опустились рядомъ съ нимъ на колѣни. Почтари иззябшими, дрожащими руками наскоро отпрягали прежнихъ и впрягали новыхъ лошадей. Новый конвой, съ майоромъ Лапѣ во главѣ, молодецки строился впереди и сзади экипажа.

— Et bien, pourquoi ne partons nous pas? —(что же мы не ѣдемъ?) — громко спросилъ Наполеонъ, съ досадою высунувшись изъ колымажки и не обращая вниманія ни на бургомистра, ни на его рѣчь. Толпа, разглядѣвъ ближе императора, стояла въ томъ же мрачномъ безмолвіи. Офицеры метались, почтари торопливо садились на козлы и на лошадей.

Аврорѣ мгновенно вспомнилось ея дѣтство, деревня дяди, бѣгущая собака и крики—«бѣшеная, спасите!»—«Да, вотъ что мнѣ нужно! вотъ гдѣ выходъ!»—съ непонятною для себя и радостною рѣшимостью, вдругъ сказала себѣ Аврора:—«и неужели не казнятъ злодѣя?... Базиль! храни тебя Господь... а я...»

Она, перекрестясь, опустила руку подъ бешметъ, рванулась изъ-за тѣхъ, кто тѣснился къ экипажамъ, выхватила изъ-подъ полы пистолетъ и взвела курокъ. Бургомистръ въ это мгновеніе крикнулъ—вивать! Толпа, кинувшись за отъѣзжавшимъ возкомъ, также закричала. Аврора выстрѣлила. Клубъ дыма поднялся передъ нею и мѣшалъ ей видѣть, удаченъ ли былъ ея выстрѣлъ. Она судорожно бросилась впередъ, обгоняя толпу. Ей мучительно хотѣлось узнать, чѣмъ кончилось дѣло. Но отъѣзжавшій конвой, по командѣ майора, полуоборотясь, направилъ дула карабиновъ

въ ту сторону, гдѣ среди криковъ толпы послышался пистолетный выстрѣлъ и гдѣ бѣжалъ, въ бешметѣ, невысокій и худенькій шляхтичъ. Раздался залпъ другихъ выстрѣловъ. Въ толпѣ повалилось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ выстрѣлившій въ императора шляхтичъ. Онъ, точно споткнувшись о что-нибудь и распластавъ руки, упалъ ничкомъ и не двигался. Толпа, увидѣвъ трупы, въ безумномъ страхѣ бросилась по улицамъ. Одни запирались въ своихъ домахъ; другіе спѣшили уйти изъ города. Урядникъ Мосеичъ, оттертый толпой, успѣлъ, въ общемъ переполохѣ, доѣхать переулкомъ до выгона, подождалъ юнкера, подумалъ, что тотъ, по неосторожности, попалъ въ плѣнъ, и, причесавъ за мельницами и огородами, поскакалъ къ лѣсу.

Оставшійся за смѣною итальянскій конвой оцѣнилъ постоянный дворъ и улицу. Изъ толпы было схвачено нѣсколько человѣкъ; арестовали и хозяина постоялаго двора. Имъ стали дѣлать допросъ. Тѣла убитыхъ внесли подъ навѣсъ сарая. Между ними былъ и мельникъ-литвинъ. Полуоборотясь къ мертвой Аврорѣ, онъ лежалъ съ открытыми глазами и, какъ недавно, будто шепталъ ей:

— Панѣчку, а панѣчку!... что я тебѣ скажу?

Мосеичъ достигъ лѣса, куда незадолго передъ тѣмъ явился, съ своимъ отрядомъ, и Сеславинъ. Оба партизана бросились съ двухъ сторонъ на Ошмяны. Итальянскій конвой былъ захваченъ. Фигнеръ узналъ о смерти Брама. Ругаясь, кусая себѣ руки и проклиная неудачу, онъ рѣшилъ, тутъ-же, перестрѣлять арестованныхъ. Сеславинъ воспротивился, говоря, что выгоднѣе всѣхъ взять въ плѣнъ и отъ нихъ дознаться о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ непріятеля.

— Ну, и возись съ ними, пока на тебя же не наскочатъ другіе!—сказалъ Фигнеръ:—охъ, ужъ эти нѣженки, идеологи.

— Да чѣмъ же идеологи?—спросилъ, вспыхнувъ, Сеславинъ:—вамъ бы все крови.

— А вамъ сидѣть бы только въ кабинетѣ, да составлять сладкіе и чувствительные законы, — кричалъ Фигнеръ: — а эти законы первый ловкій разбойникъ броситъ послѣ васъ въ печь.

Сеславинъ сталъ было снова возражать. Но раздосадованный Фигнеръ, не слушая его, крикнулъ своей командѣ строиться, сѣлъ на коня и поскакалъ за городъ, въ перерѣзъ, по виленской дорогѣ.

Сеславинъ освободилъ корчмаря, разыскалъ помощника бургомистра и, пока его команда, развьючивъ лошадей, кормила ихъ и на-скоро сама закусывала, распорядился похоронами убитыхъ.

— Слышалъ?—спросилъ адъютанта Сеславина пожилой, съ съдыми усами, гусарскій ротмистръ, выйдя изъ постоялаго, гдѣ закусывали остальные офицеры.

— Что такое?

— Убитый-то ординарецъ Фигнера, ну, этотъ юнкеръ Крамъ, какъ его звали, вѣдь оказался женщиной!

— Что ты?—удивился адъютантъ.

— Ей-богу. Синтянину первому сказали, а онъ—Александрю Никитичу.

Адъютантъ Сеславина, Квашнинъ, мѣсяць тому назадъ, подъ Краснымъ, поступившій въ партизаны, обомлѣлъ при этихъ словахъ.

— Крамъ, Крамалина! Ясно какъ день!—сказалъ себѣ Квашнинъ:—и я не догадался ранѣе!

Ему вспомнилось, какъ онъ, въ вечеръ вступленія французовъ въ Москву, общалъ Перовскому отыскать домъ его невесты, Крамалиной, какъ онъ его нашелъ и получилъ отъ дворника записку этой дѣвушки и, съ цѣлью отдать ее при первой встрѣчѣ Перовскому, не разставался съ нею. Пораженный услышанною вѣстью, онъ безъ памяти бросился въ избу, куда между тѣмъ, въ ожиданіи погребенія, перенесли убитыхъ.

— Да-съ, господа, женщина и притомъ такая героиня!—произнесъ, стоя у тѣла Авроры, Сеславинъ:—теперь она покойница, тайны нѣтъ. Ея жизнь, какъ говорятъ, романъ... когда-нибудь онъ раскроется. А пока на ней найденъ вотъ этотъ, съ портретомъ, медальонъ... Вѣроятно, изображеніе ея милаго.

Офицеры стали разматривать портретъ.

— Боже! такъ и есть... это Василій Перовскій! — вскрикнулъ, взглядываясь въ портретъ, Квашнинъ.

— Какой Перовскій?—спросилъ Сеславинъ.

— Бывшій, какъ и я вначалѣ, адъютантъ Милорадовича; мы съ нимъ отъ Бородина шли вплоть до Москвы... онъ на прощаніи повѣдалъ мнѣ о своей страсти.

— Такъ вы его знаете?

— Какъ не знать!

— Гдѣ же онъ?

— Попасть, очевидно, какъ и я, въ то время, въ плѣнь, а живъ ли и гдѣ именно,—неизвѣстно.

— Ну, такъ какъ вы его знаете,—сказалъ Сеславинъ:—вотъ вамъ этотъ медальонъ; сохраните его. Если Перовскій живъ и вы когда-нибудь увидите его, отдайте ему... А теперь, господа, на коней и въ путь.

Партизанскій отрядъ Сеславина двинулся также по виленской дорогѣ. Квашининъ, при отъѣздѣ, отрѣзалъ у Авроры прядь волосъ и, отирая слезы, сироталъ ихъ съ медальономъ за лацканъ мундира.

— «Какое совпаденіе! Такъ вотъ гдѣ ей пришлось кончить жизнь!—мыслилъ онъ, миновавъ Ошмяны и снова, съ отрядомъ, въѣзжая въ придорожный лѣсъ:—думалъ ли Перовскій, думалъ ли я, что его невѣстѣ, этой московской, милой барышнѣ, танцовавшей прошлою весною на тамошнихъ балахъ, любимицѣ семьи, придется погибнуть въ литовской трущобѣ?... Никто ее здѣсь не знаетъ, никто не пожалѣетъ и родная рука не броситъ ей на безвѣстную могилу и горсти мерзлой земли».

Слезы катились изъ глазъ Квашинина и онъ не помнилъ, какъ сидѣлъ на конѣ и какъ двигался, среди товарищей, по безконечному, дремучему лѣсу, охватившему его со всѣхъ сторонъ. Всадники ѣхали молча. Косматыя ели и сосны, усыпанные снѣгомъ, казались Квашинину мрачными факельщиками, а партизанскій отрядъ, съ каркающими и перелетающими надъ нимъ воронами, безъ конца двигающеюся траурною процессіей.

XLV.

Наполеонъ проѣхалъ Вильну, въ Екатерининъ день, 24 ноября, а русскую границу 26 ноября, въ день св. Георгія. Эту границу императоръ французовъ проѣхалъ въ томъ же жидовско-шляхетскомъ возкѣ, въ которомъ по немъ былъ сдѣланъ неудачный выстрѣлъ въ Ошмянахъ.

Подпрыгивая на ухабахъ, въ этомъ возкѣ, Наполеонъ съ досадою вспоминалъ торжественную прокламацію, изданную имъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, при вступленіи въ невѣдомую для него въ то время Россію.

— «Мои народы, мои союзники, мои друзья!—вѣщалъ тогда міру новый могучій Цезарь:—Россія увлечена рокомъ. Потомки Чингисъ-хана зовутъ насъ на бой,—тѣмъ лучше; развѣ мы уже

не войны Аустерлица? Впередъ! покажемъ силу Франціи, перейдемъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи; отбросимъ эту новую, дикую орду въ прежнее ея отечество, въ Азію».

Теперь Наполеонъ, вспоминая эти выраженія, только подергивалъ плечами и молча хмурился. Его мыслей не покидалъ образъ сожженной Москвы и его вынужденный, позорный выходъ изъ ея грозныхъ развалинъ.

— За то будетъ меня помнить этотъ дикій, надолго истребленный городъ!—разсуждалъ Наполеонъ, убѣждая себя, что онъ и никто другой—сжегъ Москву.

Его путь у границы лежалъ по кочковатому, замерзшему болоту. На одномъ изъ толчковъ возокъ вдругъ такъ подбросило, что императоръ стукнулся шапкой о верхъ кузова и, если бы не ухватился за сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Коленкура, его выбросило бы въ распахнувшуюся дверку.

— Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ! — съ горькою улыбкой, сказалъ при этомъ Наполеонъ слова, повторенныя имъ потомъ въ Варшавѣ и ставшія съ тѣхъ поръ историческими:— знаете, Коленкуръ, что мы такое теперь?

— Вы тотъ же великій императоръ, а я вашъ вѣрный министръ,—поспѣшилъ отвѣтить ловкій придворный.

— Нѣтъ, мой другъ, мы въ эту минуту жалкіе, вытолкнутые за порогъ фортуной, проигравшіеся до новаго счастья, авантюристы!

А въ то время какъ, не поспѣвая за убѣгавшимъ Наполеономъ и падая отъ голода и страшной стужи, шли остатки его еще недавно бодрыхъ и грозныхъ легионовъ, въ русскихъ отрядахъ, которые безъ усталости преслѣдовали ихъ и добивали, все ликовало и радовалось.

Въ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ, куда, по пятамъ французовъ, вступали русскіе полки и батареи, шло непрерывное веселье и кутежи. Полковые хоры пѣли: «Громъ побѣды раздавайся!» Жиды-факторы, еще надняхъ увѣрявшіе французовъ, что всѣ предметы продовольствія у нихъ истощены, доставляли къ услугамъ тѣхъ, кто теперь оказывался побѣдителемъ, все, что угодно. Точно изъ-подъ земли, въ городскихъ трактирахъ, кавярняхъ и даже въ мѣстечковыхъ корчмахъ, появлялись въ изобиліи не только всякіе съѣстные припасы, но даже рѣдкія и тонкія вина. Стали хлопать пробки Ъликò; полился гдѣ-то до-

бытый и родной «шипунецъ» донское-цымлянское. Офицеры-стихотворцы, вспоминая петербургскія пирушки въ ресторации Тардива, слагали распѣваемые потомъ во всѣхъ полкахъ и ротахъ, сатирическіе куплеты на французовъ:

Пускай Тардивъ
Въ компотъ изъ сливъ
Мадеру подливаетъ;
А Бонапартъ,
Съ колодой картъ,
Одинъ въ пасьянсъ играетъ...

Ободренные удачей, солдаты не отставали въ дѣлѣ сочинительства отъ начальниковъ. — «Всѣ кузни исходилъ, некованъ воротился!» — трунили пѣхотинцы надъ гибнущими французами. — «Ай, донцы - молодцы!» — гремѣли на походѣ пляшущіе, съ бубнами и тарелками, солдатскіе хоры. У границы, вся русская армія весело пѣла на морозѣ общую, гдѣ-то и кѣмъ-то сложенную пѣсню:

За горами, за долами,
Бонапарте, съ пясунами,
Вздумалъ равонъ стать...

Сожженная, въ нашествіе французовъ, Москва стала, понемногу, оживать.

Первый ударъ колокола, послѣ пятинедѣльнаго молчанія, вслѣдъ за выходомъ французовъ изъ города, раздался на церкви Петра и Павла, въ Замоскворѣчьи. Его сперва робкій, потомъ торжественно-громкій звонъ слышали другія, уцѣлѣвшія, ближнія и дальнія колокольни и стали ему вторить. Народъ, съ радостнымъ умиленіемъ, бросился въ церкви. Преосвященный Августинъ, войдя въ очищенный отъ вражескаго святотатства Архангельскій соборъ, воскликнулъ: «Да воскреснетъ Богъ» и запѣлъ съ причтомъ: «Христось воскрес!»

Молва объ освобожденіи Москвы быстро облетѣла окрестности. Въ городъ хлынули всякаго рода рабочіе, плотники, каменщики, столяры, штукатуры и маляры; за ними явились мелкіе, а потомъ и крупныя торговцы. Толковали, что, въ первую недѣлю пожаровъ, въ Москвѣ сгорѣло, по счету полиціи, до восьми тысячъ домовъ; всего же, за пять недѣль, сгорѣло около тридцати тысячъ зданій и осталось въ цѣлости не болѣе тысячи домовъ. Изъ подгородныхъ деревень стали подвозить лѣсъ для построекъ,

припрятанные съѣстные припасы и всякій, изъ Москвы же увезенный, товаръ. Хозяева сожженныхъ, разрушенныхъ и ограбленныхъ домовъ занялись возобновленіемъ и поправкой истребленныхъ и попорченныхъ зданій. Застучалъ, среди пустынныхъ еще улицъ, топоръ: зазвенѣла пила. Цѣны на вновь подвезенные, жизненные припасы сильно вздорожали.

— За этѣтъ-то хлѣбушко, — и полтину? — шампан, говорила продавцу столько времени голодавшая, въ какомъ-то подвалѣ, старушенка: — да гдѣ же это видано? христопродавцы вы, что ли?

— А тебя за языкъ нешто канатомъ тянуть? — презрительно отвѣчалъ, постукивая на холодѣ ногой о ногу, кулакъ-продавецъ: — хочь — бери, хочь — пѣть... не придушили французы, и за то, бабушка, Богу благодарствуй!

Княгиня Шелешпанская, съ правнукомъ, на зиму осталась въ Паншинѣ. Ксенію съ мужемъ она отпустила въ Москву, поручивъ имъ осмотрѣть ея пепелище, у Патриаршихъ прудовъ, и озаботиться возведеніемъ на немъ новаго дома. Снабженные деньгами изъ доходовъ княгини, Тропинины прибыли въ Москву, въ концѣ декабря, и съ трудомъ добыли себѣ помѣщеніе, изъ двухъ комнатъ, у кого-то изъ знакомыхъ, въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домишкѣ, на Плющихѣ. Илья Борисовичъ вскорѣ нашелъ подрядчиковъ, заключилъ съ ними условіе и, хотя деньги сильно упали въ цѣнѣ, — рубль ходилъ за четвертакъ, — занялся постройкой. Служба въ сенатѣ еще не начиналась. Съѣхавшіеся чиновники приводили въ порядокъ дѣла, выброшенные французами изъ сенатскихъ зданій и уцѣлѣвшія отъ костровъ. Стали снова выходить въ свѣтъ возстановленные изъ-подъ пепла *Московскія Вѣдомости*; возвратились въ Москву графъ Растопчинъ и патриотъ-журналистъ Сергѣй Глинка, и снова появились среди москвичей разные жуиры, карточные игроки, аферисты, трактирные кутилы и покровители влюбовъ и цыгановъ.

На письма Тропининыхъ къ знакомымъ, служившимъ въ арміи и въ штабѣ Кутузова, благополучна ли и гдѣ находится Аврора, отвѣтовъ не получалось, такъ какъ русскія войска вскорѣ миновали границу и, вслѣдъ за французами, вступили въ Германію. Государь, по слухамъ, въѣхалъ въ Вильну, день въ день, черезъ полгода послѣ своего выѣзда изъ нея, при занятіи ея французами.

О Перовскомъ долго не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Возвратившійся Растопчинъ утѣшилъ, наконецъ, Илью

извѣстіемъ, что министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, какимъ-то путемъ, черезъ Англію, вошелъ въ переписку съ Талейраномъ и надѣялся вскорѣ получить точныя справки о задержанномъ въ плѣну адъютантѣ Милорадовича, Василю Перовскомъ. Растопчинъ отреагировалъ тогда, въ виду свѣжаго пепелища, отъ сожженія Москвы, затѣвая статью: «*Правда о московскомъ пожарѣ*», которую остряки называли потомъ «*Неправдою*» и пр.

Въ началѣ весны 1813 года, Тропининъ получилъ отъ одного изъ смоленскихъ знакомыхъ письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что недавно былъ въ Рославлѣ и узналъ, что въ окрестностяхъ этого города, у помѣщицы Микѣшиной, проживаетъ, спасенный ею отъ партизанскаго костра, плѣнный Шарль Вогёзъ, извѣстный москвичамъ, подъ фамиліей эмигранта Жерамбъ. Въ благодарность своей спасительницѣ, онъ, когда-то учившійся въ Италіи живописи, хотя и съ отмороженными ногами и въ чахоткѣ, нарисовалъ масляными красками портретъ ея мужа, бѣжавшаго изъ плѣна въ Смоленскѣ, не задолго до вторичнаго вступленія туда Наполеона. По словамъ Жерамба, онъ видѣлъ Перовскаго въ Москвѣ, въ день вступленія туда французовъ, но о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не зналъ.

Тропининъ, въ три мѣсяца, на обгорѣломъ каменномъ фундаментѣ, успѣлъ выстроить новый, деревянный, помѣстительный домъ и хлопоталъ о возведеніи къ веснѣ временныхъ службъ. Бѣдя ежедневно на постройку, съ Плющихи на Патриаршіе пруды, онъ направлялся напрямикъ, снѣговыми дорожками, черезъ сожженные и еще неогороженные дворы Бронной и другихъ смежныхъ улицъ, стараясь угадать и представить себѣ очертанія недавно еще стоявшихъ тутъ и безслѣдно исчезнувшихъ зданій. Извозчицы санки мчались теперь въ сумерки по мѣстамъ, гдѣ какихъ-нибудь полгода назадъ, въ стоявшихъ здѣсь, уютныхъ и красивыхъ домахъ, въ званые вечера, весело гремѣла музыка, пары танцующихъ носились въ вальсѣ и котильонѣ и гдѣ все жило беззечно и мирно. Теперь тутъ, на обнаженныхъ, покрытыхъ снѣжными сугробами пустыряхъ, раздавался у церкви и лавокъ лишь стукъ ночныхъ сторожей, да бѣгали стаями и были голодные, бродячія собаки.

Разоренное семисотлѣтнее гнѣздо, мало-по-малу, собирая своихъ разлетѣвшихся обитателей, опять ладилось, чистилось, прибиралось и оживало къ новой долготѣ, безпечной, мирной жизни. И стали здѣсь опять щеголихи рядиться и выѣзжать, муж-

чины посѣщать обновленный клубъ и цыганокъ, молодежь влюбляться и свататься, дѣвицы выходить замужъ. Дѣкаря, кушцы, модистки и анушерки стали оиать зарабатывать, какъ и прежде.

Наступилъ 1814 годъ.

Отторгнутый такъ долго отъ родины и близкихъ, Базиль Перовскій все еще находился въ числѣ плѣнныхъ, уведенныхъ французами изъ Россіи и Германіи. Плѣнныхъ, и въ первое время, содержали очень строго. Когда же пронеслась вѣсть о наступлении на Францію шедшихъ за русскою арміею, съ криками à Paris! à Paris!, союзниковъ императора Александра Павловича, ихъ подвергали всяческимъ лишеніямъ и, въ предупрежденіе сношеній съ иностранцами, постоянно переводили съ мѣста на мѣсто.

Было начало февраля. Отрядъ плѣнныхъ, въ которомъ находился Базиль, вышелъ, подъ охраной мѣстнаго гарнизона, изъ Орлеана въ Блуа и далѣе въ Туръ. Плѣнныхъ вели на западъ отъ Парижа, къ которому стремительно близились союзники.

Отрядъ шелъ берегомъ Луары. Погода стояла теплая и тихая. Солнце свѣтило привѣтливо. На южныхъ береговыхъ откосахъ пробивалась молодая трава. Съ разлившихся озеръ и заводей Луары взлетали стаи утокъ и куликовъ. Берега рѣки начинали пестрѣть первыми вѣшними цвѣтами. Блудравыя, бѣлыя облачка весело бѣжали по празднично-синему небу.

Плѣнные подошли къ городку Божансѣ. Здѣсь стало вдругъ извѣстно, что близъ Орлеана, который они только что оставили и отъ котораго отошли не болѣе двухъ переходовъ, показали русскіе, что Орлеанъ, въ тотъ же день, заняли казаки и что русскихъ вскорѣ ждутъ и въ Божансѣ. Перовскій пришелъ въ неописанное волненіе. Плѣнныхъ торопливо повели далѣе. По выходѣ изъ Божансѣ, Базиль открылъ свои мысли другому русскому плѣнному, добродушному и болѣзненному штабсъ-ротмистру Сомову, все тосковавшему о двухлѣтней почти разлукѣ съ женой и дѣтьми. Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ условился съ нимъ, выждавъ, пока отрядъ на первомъ вечернемъ привалѣ заснулъ, и оба они бѣжали обратно въ Орлеанъ.

Бѣглецы на пути встрѣтили подростка-пастуха и, увѣривъ его, что они отсталые изъ партіи новобранцевъ, упросили его быть ихъ проводникомъ до города. Наполеоновскихъ конскриптовъ всѣ тогда жалѣли. «Отсталые, или бѣглецы? какъ имъ не помочь?» — подумалъ подростокъ и повелъ ихъ виноградниками и

лѣсами. Голодные, измученные бѣглецы, къ разсвѣту слѣдующаго дня, снова приблизились къ Орлеану и, въ утреннихъ сумеркахъ, съ холма, радостно увидѣли городскіе фонари, догоравшіе на каменномъ мосту черезъ Луару.

— А далѣе, видите?—указалъ имъ за городъ проводникъ:—то биваки русскихъ! остерегайтесь!

Едва плѣнники двинулись, ихъ примѣтилъ стоявшій по сторону города французскій пикетъ. Они бросились въ рѣку, переплыли ее и скрылись въ смежномъ лѣсу. Стража, для очищенія совѣсти, дала по нимъ, въ полумгль, залпъ изъ ружей.

Императоръ Александръ Павловичъ достигъ завѣтной цѣли. Онъ, съ своими союзниками, пруссаками и австрійцами, разбивъ у воротъ Парижа послѣднихъ защитниковъ Наполеона, вступилъ въ сдавшуюся ему на капитуляцію столицу Франціи. Непрошенный визитъ Наполеона въ Москву былъ отплаченъ визитомъ Александра въ Парижъ.

Русскій императоръ, 19 марта 1814 года, въѣхалъ въ Парижъ, черезъ пачтѣнскія ворота и сенжермѣнское предмѣстье, верхомъ на свѣтлосѣромъ конѣ, по имени Эклипсъ. Этотъ конь былъ ему подаренъ Коленкуромъ, въ бытность послѣдняго посломъ въ Петербургъ. Александръ, въ противоположность Наполеону, несъ съ собою миръ.

Французы восторженно сыпали бѣлыя розы и лиліи подъ ноги русскаго царя, ѣхавшаго по бульварамъ, въ сопровожденіи прусскаго короля и пышной, дотолѣ здѣсь невиданной свиты изъ тысячи офицеровъ и генераловъ разныхъ чиновъ и народностей. Зрители махали платками и кричали:

— Vive Alexandre! vivent les Russes!

«Да неужели же это тѣ самые дикари, потомки полчищъ Чингисъ-хана, о которыхъ намъ твердили такіе ужасы?»—удивленно спрашивали себя парижане и парижанки, разглядывая нарядные и молодцоватые русскіе полки, шедшіе по бульварамъ къ Елисейскимъ полямъ:—«нѣтъ! это не татары пустыни! это наши спасители! vivent les Russes! vive Alexandre! à bas le tyran!»

Весело зажили русскіе въ Парижѣ. Начальство и офицеры посѣщали театры, кофейни, клубы и танцевальныя вечера. У дома Талейрана, гдѣ помѣстился императоръ Александръ, по цѣлымъ днямъ стояли толпы народа, встрѣчавшія и провожавшія русскаго царя радостными восклицаніями. У подѣзда этого до-

ма и на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ расположилась бивакомъ русская гвардія, по ночамъ раздавались русскіе и нѣмецкіе оклики: «кто идетъ?» и «wer da?» Въ нѣмецкомъ лагерѣ, опорожня бочками плохое парижское пиво, восторженно кричали:—«Fater Blücher, lebe!» (Да здравствуетъ отецъ Блюхеръ!).

Французы изумлялись великодушію своихъ побѣдителей. Въ оперномъ театрѣ готовили аллегорическую пьесу: *Торжество Траяна*. Русскому губернатору Парижа, генералу Сакену, на каждомъ шагѣ дѣлали шумныя оваціи. Сенатъ голосовалъ лишеніе престола Наполеона и его династіи. Все русское входило въ большую моду.

XLVI.

Стоялъ теплый, ясный вечеръ. Въ небольшомъ парижскомъ ресторанѣ, въ улицѣ Сентъ-Онорé, послѣ дружескаго, съ возліаніемъ, обѣда, засидѣлись вокругъ стола нѣсколько русскихъ офицеровъ. Всѣ были довольны хорошими винами, вкуснымъ обѣдомъ и собственнымъ отличнымъ настроеніемъ духа. Говорили, не переставая, объ испытанныхъ тревоженіяхъ похода, о сраженіяхъ въ Германіи и Франціи и о предстоявшемъ окончаніи войны. Собесѣдники угощали товарища, которому хотѣли этимъ оказать особое вниманіе. Это былъ очень худой, курчавый и сильно загорѣлый, среднихъ лѣтъ полковникъ, въ казацкомъ кафтанѣ, съ трубкою въ рукѣ, нагайкою черезъ плечо и въ гусарской фуражкѣ.

Особаго хмѣля въ присутствующихъ не замѣчалось. Они были просто счастливы и веселы. Между ними болѣе другихъ говорилъ и, размахивая руками, то и дѣло, смѣялся черноволосый, молодой офицеръ, въ адъютантской формѣ. Заговорили о женщинахъ и о любви. Черноволосый офицеръ сталъ излагать свое мнѣніе и доказывалъ, что любовь—единственное, истинное и прочное блаженство на землѣ.

— А знаете, Квашнинъ,—обратился къ нему человекъ, съ нагайкой, котораго присутствующіе угощали:—я васъ давно слушаю... Вы такъ милы, но, извините,—увлекаетесь. По моему, на свѣтѣ нѣтъ ничего прочно-существеннаго и положительнаго.

— Какъ такъ?—удивился, раздумяившійся и взъерошенный отъ волненія и собственныхъ рѣчей, Квашнинъ:—я отъ души скажу,—вы замѣчательный и храбрый офицеръ... кто те-

перь не знаетъ знаменитаго партизана Сеславина?—но вы ужъ очень мрачно смотрите на жизнь, а женщины, извините и меня, вы совсѣмъ, повидимому, не знаете...

Сеславинъ улыбнулся.

— Ничуть,—сказалъ онъ:—все въ мирѣ—однѣ грѣзы... По искреннему моему убѣжденію,—и это подтверждаютъ многіе умные люди,—все на свѣтѣ,—какъ бы это яснѣе выразить?—есть собственно... ничто.

«Гм!—подумалъ на это Квашнинъ:—твоему другу Фигнеру не удалось убить Наполеона, а тебѣ взять этого Наполеона въ извѣстныя живыя; вотъ ты и злобствуешь, хандришь».

— Позвольте, однако, а герой нашихъ дней?—произнесъ онъ, подливая себѣ и товарищамъ вина:—я говорю о созданномъ могучею здѣшней революціей, величайшемъ, хотя теперь и несчастномъ, военномъ гениі... И онъ тоже мечта? Этотъ человѣкъ былъ причиной бородинской битвы, боя гигантовъ, а Бородино вызвало появленіе русскихъ съ Дона, Оки и Невы—гдѣ же?—въ столицѣ міра, въ Парижѣ...

— Эхъ, вы, юноша, юноша!—сказалъ Сеславинъ:—вы съ похвалой упомянули о здѣшней революціи. А знаете ли, что она такое?

Сказавъ это, Сеславинъ, какъ-бы раздумавъ продолжать, молча сталъ набивать табакомъ свою пожелтѣлую, прокуренную, пенковую трубку, которую онъ, въ честь прославленнаго прусскаго генерала, назвалъ Блюхеромъ.

— Говорите, говорите, —воскликнули прочіе собесѣдники, сдвигаясь ближе къ Сеслаину.

— Ничего въ жизни я такъ не презиралъ и не ненавидѣлъ, какъ спекулянтовъ на счетъ человѣческаго блага,—произнесъ Сеславинъ:—а главные спекулянты, пока, на этотъ счетъ—французы... Не прыгайте и не машите руками, Квашнинъ; не стыжусь я этого мнѣнія, какъ и того, что обо мнѣ и о покойномъ Фигнерѣ плели столько небылицъ.

— Ахъ, Боже мой, что вы!—отвѣтилъ Квашнинъ:—я ничего ни о васъ, ни о немъ не слышалъ и не говорилъ дурнаго.

— Разберите здѣшнихъ, излюбленныхъ мудрецовъ,—продолжалъ Сеславинъ, потягивая дымъ изъ своего Блюхера:—сентиментальные съ виду сегодня, хотя вчера кровожадные въ душѣ, какъ тигры, эти прославленные герои революціи, съ мадригалами на устахъ, съ посошкомъ въ рукѣ и съ полевыми ландышами

на шляпѣ, недавно еще звали своихъ соотечественниковъ, а за ними и весь міръ, — то-есть и васъ, Квашиниъ, да и меня, — въ новую Аркадію, — пасти овецекъ и мирно наслаждаться сельскимъ воздухомъ, у ручейка, питаюсь мѣдомъ и молокомъ. А чѣмъ тогда же кончили? Маратомъ и Робеспьеромъ, всеобщю гильотиной, казнью роднаго короля и коронованіемъ ловнаго и грубаго, загадавшаго ихъ солдата, да притомъ еще и не француза, а корсиканца.

— Въ чемъ же, по вашему, истинное счастье на землѣ? — спросилъ пожилой и высочій подполковникъ, изъ штабныхъ, Синтянинъ, о которомъ товарищи говорили, что онъ, во время войны, почувствовалъ призваніе къ поэзии и сталъ, какъ партизанъ Давыдовъ, писать стихи: — въ чемъ прочныя радости на землѣ?

— Въ любви! — не выдержавъ, опять вскрикнулъ Квашиниъ: — что можетъ быть выше истинной, чистой страсти?...

— Счастья нѣтъ на свѣтѣ, — повторилъ Сеславинъ: — вы лучше спросите меня, въ чемъ главныя муки въ жизни?

— Говорите, мы слушаемъ, — отозвались голоса.

— Я объясню примѣромъ, — сказалъ Сеславинъ: — графъ РаSTOPчинъ зналъ въ молодости одну, нынѣ уже старую и вѣроятно покойную, московскую барыню. Онъ однажды, при ней, о ней выразился, что Данте, въ своемъ *Адѣ*, забылъ отвести для подобныхъ лицъ особое, весьма важное отдѣленіе.

Сеславинъ рассказалъ уже извѣстную остроуту графа о грѣшницахъ, которыя мучатся сознаниемъ того, что пропустили въ жизни случай безнаказанно согрѣшить, по оплошности, трусости или простотѣ.

Дружный хохотъ слушателей покрылъ слова рассказчика.

— Не смѣйтесь, однако, господа, — заключилъ Сеславинъ: — боль тайныхъ душевныхъ мукъ ближе всего понятна тому, кто испыталъ особенно жестокую насмѣшку судьбы... кто, какъ бѣдный, утонувшій въ Эльбѣ, нашъ товарищъ Фигнеръ, вызывался лично, глазъ-на-глазъ, избавить міръ отъ всесвѣтнаго изверга, имѣлъ къ тому случай и этого не достигъ...

Сеславинъ смолкъ. Замолчали и остальные собесѣдники.

— А могу ли я, Александръ Никитичъ, узнать, кто эта растопчинская барыня? — спросилъ, подмигивая другимъ, Квашиниъ.

— Дѣло было давно, — отвѣтилъ Сеславинъ: — когда я, въ одинъ изъ отпусковъ, гостилъ въ Москвѣ, у родныхъ, гдѣ бы-

валъ Растопчинъ... Повторяю, этой особы, повидимому, уже нѣтъ на свѣтѣ, и ее здѣсь вѣроятно не знаютъ. Это—внягиня Шелешпанская.

— Какъ? она?—удивился Квашнинъ:—да вѣдь это бабка покойнаго партизана вашего отряда, дѣвицы Крамалиной. Въ ея домѣ, у Патріаршихъ прудовъ, я былъ въ день занятія французами Москвы; помните, когда я было попалъ въ плѣнъ? А Крамалина, господа, вы, разумѣется, слышали, неудачно стрѣляла по Наполеону въ Ошмянахъ и при этомъ убита.

Тѣмъ, кто не зналъ подробностей объ этомъ событіи, Квашнинъ разсказалъ объ Аврорѣ и о Перовскомъ.

— Перовскій?—спросилъ въ свой чередъ подполковникъ Синтянинъ:—постойте, да вѣдь онъ живъ!... именно живъ!

— Живъ Василій Перовскій?—вскрикнулъ, блѣднѣя, Квашнинъ.

— Да, я видѣлъ нашего Сомова,—отвѣтилъ Синтянинъ:—онъ съ нимъ, здѣсь уже, бѣжалъ изъ Орлеана и оба вчера явились въ Парижъ, измученные, полуживые...

— Вы не ошибаетесь?—спросилъ, не вѣря своимъ ушамъ, Квашнинъ.

— Нисколько... Да вотъ что... вы знаете, гдѣ бивагъ нашего полка?

— Знаю, знаю.

— Ну, и отлично... спросите тамъ штабсъ-ротмистра Сомова; онъ тоже, повторяю, былъ въ плѣну и его теперь у насъ пріютили... онъ васъ проведетъ къ Перовскому. Какъ же, и я знаю этого Перовскаго; мнѣ и ему нашъ докторъ Миртовъ, наканунѣ бородинскаго боя, какъ теперь помню, доказывалъ, что лучше умереть сразу, въ битвѣ, чѣмъ мучиться и потомъ умереть въ госпиталѣ.

— А самъ Миртовъ, кстати, живъ?—спросилъ кто-то.

— Живъ, но полтора года валялся въ разныхъ больницахъ; все просилъ отрѣзать ему ноги, однако выздоровѣлъ, догналъ армію уже на Рейнѣ и опять у него своя отличная палатка, съ походною перинкой, чайникъ и къ услугамъ всѣхъ пуншъ... Одно горе, такой красавецъ, жуиръ, а ходитъ на костыляхъ.

Квашнинъ, дослушавъ Синтянина, бросился въ слезахъ ему на шею, на радости обнялъ и прочихъ, въ томъ числѣ и Сеславина, смотрѣвшаго на него теперь съ ласковою, снисходи-

тельною улыбкой, высочилъ на улицу и стремглавъ пустился къ биваку русской гвардіи, на Елисейскія поля.

— «Боже мой,—думалъ онъ:—я увижу наконецъ его... Но какъ ему сообщить печальную, тяжкую вѣсть? какъ передать? У меня, неразлучно на груди, ея записочка, волосы и портретъ ея жениха!.. Бѣдный! А сколько времени онъ ожидалъ этой свободы и своего возврата, мечталъ увидѣть ее, обнять! Говорить-ли? убить-ли страшною истиной человѣка, который теперь счастливъ своею любовью и надеждами, счастливъ всею тѣмъ, чему, какъ сейчасъ безпощадно увѣряли меня, имя — ничто? Нѣтъ, пусть онъ знаетъ! Пусть образъ погибшей, любимой и его любившей женщины свѣтитъ ему, въ остальной жизни, тихою, хотя и недосягаемою, путеводною звѣздой».

Квашнинъ отыскалъ Сомова и, по его указанію, отправился въ переулочекъ, у Елисейскихъ полей. Здѣсь онъ вошелъ въ небольшой дворъ, окруженный развѣсистыми каштанами. Сквозь деревья виднѣлся невысокій, подъ черепицей, уютный павильонъ, гдѣ было отведено помѣщеніе тремъ больнымъ русскимъ офицерамъ. Двое изъ нихъ, по словамъ привратника, ушли передъ вечеромъ прогуляться въ городъ; третій, особенно, повидимому, недомогавшій, былъ дома.

Квашнинъ, мимо хозяйскихъ покоевъ, робко приблизился къ двери изъ сѣней налѣво и постучалъ. Ему отвѣтили: «entrez,—войдите». Онъ отворилъ дверь въ небольшую, опрятно-прибранную комнату.

Заходившее солнце привѣтливо освѣщало, въ этой комнатѣ, столъ, съ разбросанными газетами, два простыхъ стула и кровать, подъ бѣлымъ, чистымъ одѣяломъ. На кровати виднѣлся, въ штатскомъ платьѣ, очевидно съ чужаго плеча, худой и блѣдный, съ густо-отросшею черною бородою, незнакомый человѣкъ. Онъ полулежалъ, опершись на подушки и глядя въ раскрытую передъ нимъ газету. Увидѣвъ гостя, незнакомецъ медленно поднялся, шагнулъ къ двери и замеръ. Въ его строгихъ, суходивленныхъ глазахъ, Квашнину вдругъ блеснуло нѣчто близкое, гдѣ-то и когда-то имъ видѣнное.

— Неужели Квашнинъ?—тихо спросилъ, боясь обознаться и внутренно радуясь, незнакомецъ.

— А вы... неужели Перовскій?—спросилъ, едва помня себя, Квашнинъ.

Гость и хозяинъ бросились въ объятія другъ-друга.

— Голубчикъ, ахъ, голубчикъ! — твердилъ, глотая слезы и удивляя ими растеряннаго Перовскаго, Квашнинъ: — не вѣрьте! жизнь — радость! Она выше всего, выше всякаго горя!

Онъ передалъ Перовскому о судьбѣ Авроры.

.....

XLVII.

Прошло много времени, прошло сорокъ лѣтъ.

Былъ 1853 годъ.

Русскій отрядъ направлялся въ третій, со времени Петра Великаго, рѣшительный походъ въ Среднюю Азію. Во главѣ отряда, шелъ военный генералъ-губернаторъ оренбургскаго края, шестидесятилѣтній, еще бодрый на видъ, но уже съ слабымъ здоровьемъ, страдавшій одышкой, генералъ-адъютантъ, вскорѣ затѣмъ графъ, Василий Алексѣевичъ Перовскій. Въ его отрядѣ находился молоденькій, блѣлый и еще безусый офицеръ, въ адъютантской формѣ, какъ говорили, крестникъ генералъ-губернатора. Последний, довѣряя ему часть своей переписки, оказывалъ ему особое расположеніе. Это былъ внукъ Ксеніи, Павелъ Николаевичъ Тропининъ. Недавно изъ кадетскаго корпуса, онъ былъ тайно влюбленъ гдѣ-то въ Москвѣ и, состоя при начальникѣ отряда, съ нетерпѣніемъ ждалъ конца экспедиціи, чтобы ѣхать и жениться на любимой дѣвушкѣ.

Среди невзгодъ и тягостей похода, командиръ отряда, покончивъ съ текущими приѣмами и распоряженіями, любилъ бесѣдовать съ юношей - крестникомъ о судьбахъ дикой пустыни, по которой они въ это время шли и въ глубинѣ которой, сто двадцать пять лѣтъ назадъ, разбитымъ и покореннымъ хивинскимъ ханомъ былъ такъ предательски перерѣзанъ весь русскій отрядъ князя Бековича-Черкаскаго.

Подъ войлочною кибиткой, у спасительнаго самовара, старымъ командиромъ отряда нерѣдко дѣлались поминки и болѣе близкой порѣ, — великой эпопеѣ двѣнадцатаго года, когда разскацику пришлось вынести тяжелый плѣнъ. Въ сѣдоусомъ, суровомъ, а иногда даже деспотически-желчномъ генералъ-адъютантѣ, всегда сосредоточенномъ, сдержанномъ и большею частью молчаливомъ, — въ эти мгновенія, пробуждался образъ всѣми забытаго, нѣкогда молодаго, говорливаго и юношески - откровеннаго Базилія Перовскаго. Оставшійся по смерти холостымъ, онъ любилъ вспоми-

нать немногихъ, уцѣлѣвшихъ своихъ сослуживцевъ и пріятелей двѣнадцатаго года, и диктовалъ крестнику задушевныя письма къ нимъ въ Россію.

— Неисчерпаемая, великая эпопея! — говорилъ, вспоминая двѣнадцатый годъ, Перовскій: — станеть на много лѣтъ и на много разказовъ. И, какъ подумаешь, голубчикъ Павликъ, все это нѣкогда было и жило; весь этотъ міръ двигался, радовался, любилъ, наслаждался, пѣлъ, танцевалъ, грустилъ и плакалъ. Всѣ эти, незнакомые новому времени, но когда-то близкіе намъ весельчаки и печальники, счастливые и несчастные, имѣли свое утро, свой полдень и вечеръ. Теперь они, въ большинствѣ, поглощены смертью... И намъ, старымъ караульщикамъ, отрадно заглянуть въ эту ночь и помянуть добрымъ словомъ почившихъ подъ ея завѣсой... Дорогіе, далекіе покойники!

Но не всѣхъ бывшихъ пріятелей одинаково поминалъ въ душѣ Перовскій. Никому незримая и невѣдомая, глубокая сердечная рана жгла его и сушила вѣчною, несмолгаемую болью. Эту рану и эти страданія знали только немногіе, ближайшіе его друзья, въ томъ числѣ старый его сослуживецъ, «пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» — Жуковскій. Послѣдній посвятилъ когда-то Василию Алексѣевичу Перовскому трогательное посланіе:

«Я вижу—молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умираеть,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ...
«Я часто на лицѣ твоёмъ
Ловлю души твоей движенья;
Болѣзнь любви — безъ утоленья—
Изображается на нёмъ».

Перовскій часто вспоминалъ ту, которую онъ полюбилъ въ лучшіе жизненные годы и которая, изъ-за любви къ нему, погибла. Укоры совѣсти онъ нерѣдко срывалъ на крутомъ, а подъ часъ и жесткомъ исполненіи долга: былъ безпощаденъ къ измѣнѣ и разстрѣливалъ предателей тагъ-же спокойно, какъ когда-то его самого хотѣлъ разстрѣлять Даву.

28 іюля 1853 года, послѣ неимовѣрныхъ усилій, была взята штурмомъ коканская крѣпость Акмечеть, названная впоследствии фортомъ — *Перовскій*. Путь въ Туркестанъ, Хиву, Бухару и позже къ Мерву былъ проложенъ.

Однажды вечеромъ, Павелъ Тропининъ, въ кибиткѣ главнокомандующаго, передъ этою крѣпостью, сказалъ своему крестному, что въ минувшую зиму, ѣдучи на курьерскихъ, по его вызову, оренбургскою степью, онъ едва не замерзъ и спасся отъ смерти, только благодаря сибирскому оленьему тулупу и русскимъ вѣленкамъ.

— Вѣленкамъ? — спросилъ Перовскій:—дѣло знакомое... И меня, въ двѣнадцатомъ году, также спасли вѣленки... И, представь мою радость, товарищъ по плѣну, великодушно ссудившій меня этою обувью,—живъ и здравствуетъ донныѣ.

— Кто же это?—спросилъ Павликъ.

— Бывшій крѣпостной одной графини. Онъ тогда, ранѣе меня, бѣжалъ изъ плѣна и прямо на Волгу, въ плавни; назвался другимъ именемъ, остался тамъ и теперь торгуетъ рыбой въ Самарѣ.

— Въ Самарѣ?—вотъ бы повидать, какъ поѣду назадъ.

— Что же, отыщи его. Имя ему Семенъ Никодимычъ. Годъ назадъ, онъ узналъ о моемъ назначеніи въ Оренбургъ и являлся, съ предложеніемъ подряда. Съдая бородача—по поясъ; женать, имѣеть внуковъ, сталъ раскольниковъ, начѣтчикъ и усердный богомолецъ; но подчасъ тотъ же, какимъ я его зналъ, живой, подвижной Сенька Будинычъ, и даже не забылъ одной своей пѣсни, про сову, которою потѣшалъ измученныхъ французами плѣнныхъ. Онъ тогда былъ сосватанъ и, съ горя, смѣлоотчаянно бѣжалъ къ невѣстѣ.

— Сосватанъ?—спросилъ, залившись румянцемъ и мѣняясь въ лицѣ, Павликъ.

— Да, а что, развѣ?

Павликъ собрался съ духомъ. Заикаясь, онъ объявилъ графу, что и онъ женихъ, и просилъ у него благословенія и отпуска.

Перовскій откинулся на спинку [складнаго стула, на которомъ сидѣлъ, и долго, ласково смотрѣлъ на юношу.

— Что же, Павлуша, съ Богомъ!—проговорилъ онъ:—хотя я остался всю жизнь холостымъ, понимаю тебя... съ Богомъ! завтра же можешь ѣхать. А благословеніе я тебѣ дамъ особое!

Онъ обнялъ крестника.

— Ты не помнишь, разумѣется, своей бабки, Ксеніи Валерьяновны?—сказалъ онъ.

— Она умерла, когда мой отецъ еще не былъ женатъ, — отвѣтилъ Павлуша.

— Была еще у тебя прапрабабка, княгиня Шелешпанская; все боялась грозы, а умерла мирно, незамѣтно уснувъ въ креслѣ, за пассьянсомъ, въ своей деревнѣ, когда наши входили въ Парижъ.

— О ней что-то рассказывали.

— Ну, да... а слышалъ ты, что у нея была еще другая незамужняя внучка... красавица Аврора? Знаешь ли, твой отецъ былъ похожъ на нее и ты ее слегка напоминаешь.

— Что-то помнится, говорили и о ней, — отвѣтилъ Павлуша:—кажется, она была въ партизанахъ... и чѣмъ-то отличилась...

«Кажется!—подумалъ, со вздохомъ, Перовскій: — вотъ они наши преданія и наша исторія...»

— Иди же, голубчикъ, съ Богомъ!—произнесъ онъ: — готовься, уѣдешь, а я кое-что тебѣ поищу...

Отпустивъ крестника, Перовскій на-глухо запахнулъ полы своей кибитки, зажегъ свѣчу, досталъ изъ чемодана небольшую, окованную серебромъ, походную шкатулку, раскрылъ ее и задумался. Въ отдѣльномъ, потайномъ ящичкѣ шкатулки, между особенно дорогими для него вещами, было нѣсколько засохшихъ цвѣтковъ сирени, пожелтѣвшихъ писемъ, въ бумажкѣ—прядь черныхъ, женскихъ волосъ, образокъ въ серебрѣ и оброненный на послѣднемъ свиданіи платокъ Авроры. Перовскому, какъ живая, вспомнилась Аврора, Москва, домъ и садъ у Патріаршихъ прудовъ, и послѣдняя встрѣча съ невѣстой. Онъ долго сидѣлъ надъ раскрытою шкатулкой, роняя на эти цвѣты, волосы и письма горячія и искреннія слезы.—«Владычица моя, владычица!»—шепталъ онъ, покрывая поцѣлуями бранные остатки дорогой старины. Взявъ образокъ, онъ заперъ шкатулку и, оправясь, вышелъ изъ кибитки. Павлигъ, дремля на циновкѣ, полулежалъ у входа.

— Ты еще здѣсь?—сказалъ, увидя его, Перовскій: — пойдемъ, прогуляемся.

Они миновали охранный пикетъ и, мимо лагеря, вдоль сырыхъ, глиняныхъ стѣнъ только-что разгромленной крѣпости, направились по плоскому берегу Сыръ-Дарьи.

Душный, знойный вечеръ тяжело висѣлъ надъ пустынною равниной. Въ сумеркахъ кое-гдѣ желтѣли намѣты бродячаго песку. Вокругъ зеленоватыхъ, отражавшихъ звѣзды, горько-соленыхъ лужъ, какъ воспаленныя глазныя вѣки, краснѣли болотные лишай, тощій камышъ и полынь. Высоко въ воздухѣ что-то шур-

шало и двигалось. То, шелестя сухими крыльями, неслись на жалкіе остатки травъ и камышей безчисленныя, прожорливыя полчища саранчи. Перовскому припомнилось нашествіе Наполеона.

— Вотъ тебѣ мое благословеніе, — сказалъ онъ, надѣвая на шею крестника образокъ Покрова Божіей Матери: — я этому образу усердно когда-то молился въ походѣ... молись и ты.

Перовскій и Павелъ Тропѣининъ прошли еще нѣсколько шаговъ. Цѣлый міръ мучительныхъ и сладкихъ воспоминаній наполнялъ мысли Василя Алексѣевича.

— Ты счастливъ, ты спѣшишь къ невѣстѣ, — сказалъ Перовскій, снова остановясь и слушая надъ головою пролѣтъ шуршавшихъ крыльями, воздушныхъ армій: — а мнѣ, по поводу твоего счастья, припомнилось одно сердечное горе; нѣкоторыхъ изъ пригосновенныхъ къ нему лицъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ, но мнѣ эта исторія особенно памятна и близка...

И Перовскій, бродя по песку, не называя имени, рассказалъ крестнику повѣсть любви своей и Авроры.

Григорій Данилевскій.

Свѣтла, какъ грезы вдохновенья,
Чиста, какъ слезы умиленья, —
Въ волшебно-блещущемъ вѣнцѣ
Предстала ты передо мною
Въ тревожномъ снѣ, полна тоскою,
Съ печатью грусти на лицѣ.

* *

Ты говорила: «Лгать мнѣ больно;
Я увлекла тебя невольно;
Меня своею не зови!
Съ тобой шутила я; напрасно
Бо мнѣ ты рвешься думой страстной:
Поэтъ, не вѣрь моей любви!»

* *

Я помню, въ шумномъ вихрѣ свѣта,
Съ улыбкой теплою привѣта,
Въ сіяньи гордой красоты
Передо мною ты стояла;
Твоя рука въ моей дрожала, —
Признанье мнѣ шептала ты...

* *

Но я боялся вѣрить въ счастье,
Въ твое горячее участие,
Въ признанья робкія твои;
Въ груди больное сердце ныло,
Базалось мнѣ, ты говорила:
«Поэтъ, не вѣрь моей любви!»

П. Козловъ.

ВЪ ДАЛЕКІЕ КРАЯ *).

(Путевые наброски и картинки).

IV.

Хотя кондукторъ и объявилъ, что поѣздъ пришелъ въ Нижний, но вы сдѣлаете большую оплошность, если, повѣривъ ему на слово, вообразите, по выходѣ изъ вагона, что въ самомъ дѣлѣ находитесь въ Нижнемъ. До Нижняго еще далеконько. Предстоитъ свершить цѣлое путешествіе: сперва доѣхать до рѣки, переправиться на пароходъ, снова сѣсть на извозчика, подняться версты двѣ въ гору, и только тогда вы будете въ Нижнемъ. Можно, впрочемъ, и избѣжать послѣдней пытки, т. е. не подниматься по северной дорогѣ въ городъ, а пріютиться до отхода парохода въ одной изъ гостиницъ, расположенныхъ внизу, подъ горой. Вы не увидите, правда, города, за то пароходныя «конторки» рукой подать, и, вдобавокъ, изъ оконъ гостиницы можете любоваться дѣйствительно красивымъ видомъ широкой, разлившейся рѣки, — этой «поилицы и кормилицы» биржевыхъ тузовъ, коммерсантовъ, пароходчиковъ, грузовщиковъ, промышленниковъ, комиссіонеровъ, — словомъ, кого хотите, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто далъ ей такое ласковое прозвище въ тѣ давно прошедшія времена, когда еще рѣка дѣйствительно поила и кормила бѣжавшій на Волгу народъ.

Всѣ эти путевыя мытарства, особенно неудобныя, если путешественникъ не догадается оставить тяжѣлый багажъ на станціи съ тѣмъ, чтобы поручить приѣмъ его пароходу, на которомъ придется слѣдовать далѣе, обязательны по случаю половодья. Рѣка не вошла еще въ свои берега и наплавной мостъ не на-

*) *Русская Мысль*, в. н. 1.

веденъ. Нижній, цеголяющій миллионными оборотами своей ярмарки, до сихъ поръ обходится безъ постоянного моста, хотя и давно говорятъ о немъ, имѣя на совѣсти немало несчастій съ людьми во время переправъ въ бурную погоду, при ледоходѣ весной и въ заморозки.

Разумѣется, не эта причина заставляетъ представителей ярмарочнаго купечества мечтать о постоянномъ мостѣ, а другая, болѣе могущественная и болѣе имъ понятная, — интересы торговли. Подозрѣвать ихъ въ альтруистическихъ заботахъ было бы просто несправедливо. Жизнь людская и вообще-то не особенно цѣнится въ нашемъ отечествѣ, и здѣсь, на Волгѣ, можно наглядно убѣдиться въ этомъ, пройдясь по пристанямъ и наслушавшись общеизвѣстныхъ, давно набившихъ оскомину разсказовъ о томъ, въ какой грубой формѣ эксплуатируется ближній и, что еще ужаснѣе, не всегда понимающій (рѣдко, по крайней мѣрѣ), какъ онъ жалокъ и беспомощенъ и почему именно беспомощенъ, несмотря на свои классическія добродѣтели: нечеловѣческую выносливость и терпѣніе, граничащее подчасъ съ покорностью животнаго.

Славное майское утро съ теплымъ низовымъ вѣтеркомъ дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ послѣ безсонной ночи. Обгоняя пассажировъ - пѣшеходовъ съ котомками за плечами и возы съ кладью, мы проѣзжаемъ среди невзрачныхъ построекъ, мимо запертыхъ лавокъ и амбаровъ мертваго Бунавина и минутъ черезъ двадцать достигаемъ берега, гдѣ стоитъ пароходъ съ паромомъ и толпится народъ.

У крутаго, грязнаго спуска къ парому — знакомая, родная картинка: телѣги, возы, люди и лошади смѣшались въ живописномъ беспорядкѣ, напоминающемъ отчасти беспорядокъ военнаго обоза во время паники, при преслѣдованіи непріятели, и на этомъ небольшомъ пространствѣ, гдѣ несетъ отчаянную воню не то отъ бочекъ съ соленою рыбой, не то отъ сваленнаго тутъ же навоза, сосредоточивается, главнымъ образомъ, тотъ стонъ ругани, который характеризуетъ оживленіе бойкихъ русскихъ мѣстъ. Ругаютъ другъ друга и по-русски, и по-татарски, ругаютъ лошадей, ругаютъ для краснаго словца и среди этой ругани занимаютъ мѣста на паромѣ. Вдругъ движеніе остановилось. Взрывъ привѣтствій по адресу родственниковъ раздался со всѣхъ сторонъ. Въ чемъ дѣло? Оказалось, что упавшій на бокъ возъ загородилъ дорогу.

Пока собираются поднять возъ и, призывая всеу память родителей, разсуждаютъ о причинахъ его паденія, изъ ближняго кабака выбѣгаетъ на мѣсто происшествія худенькій, маленькій, невзрачный блюститель благочинія въ затрапезной униформѣ и съ какимъ-то приливомъ злости, напоминающимъ освирипѣвшую собаченку, набрасывается на возчика и начинаетъ его бить среди равнодушныхъ зрителей этого обычнаго дароваго спектакля, неизмѣнно дающагося на всемъ протяженіи русскаго царства. Высокій, здоровенный, скуластый татаринъ, который однимъ маховеніемъ своей геркулесовской руки могъ бы отогнать тщедушнаго бутаря, какъ докучливую муху, принимаетъ порцію ударовъ съ наскока и градъ брани, словно заслуженную имъ дань, безъ малѣйшаго протеста и своею покорностью, казалось, только увеличиваетъ приливъ распорядительной злости маленькаго администратора. Ему, очевидно, хочется нанести болѣе чувствительный ударъ и онъ прицѣливается, чтобы, по возможности, повредить обывательскую физиономію и пролить кровь, но въ это время раздается, въ свою очередь, непечатная брань по его адресу со стороны какого-то подѣхавшаго господина въ фуражкѣ съ ковардой и сцена прекращается. Маленькій полицменъ начинаетъ водворять порядокъ, то-есть безцѣльно суетиться около воза, но, сообразивъ, вѣроятно, что пользы отъ его присутствія нѣтъ никакой, исчезаетъ въ питейномъ домѣ съ тою же внезапностью, съ какою и появился. Атлетъ - татаринъ сконфуженно поднялъ свалившуюся на земь вислоухую свою шапку и, прежде чѣмъ двинуть возъ, хлыщетъ по мордѣ свою лошадь при ироническомъ смѣхѣ толпы. Наконецъ, движеніе возобновилось. Паромъ быстро заполняется телѣгами, возами и экипажами.

— Всегда у васъ такъ?—спрашиваю я извозчика.

— Еще хуже бываетъ!—отвѣчаетъ возница и не безъ важности прибавляетъ:—«Провинція»! Ну, и народъ тоже... особенно татарва.

Раздается свистокъ съ парохода. Ругань сосредоточивается теперь на паромѣ. У парохода рѣдѣетъ толпа. Другой свистокъ, третій. Пароходъ отваливаетъ и, прибавивъ ходу, съ тихимъ шумомъ колесъ пересѣкаетъ рѣку.

— Каковъ городокъ?! Какова Волга-красавица? — раздается на мостикѣ, въ группѣ пассажировъ, восторженный возгласъ дамскаго ватерпруфа.

И дѣйствительно, расположенный на горѣ, среди купъ мо-

лодой яркой зелени, свергающій на солнцѣ золотистыми маговками своихъ церквей, Нижній съ рѣки живописенъ и кажется чистымъ, красивымъ городкомъ, общая издали, по обыкновенію отечественныхъ мѣстъ, несравненно болѣе того, что даетъ въ дѣйствительности.

И хваленая наша Волга, хотя и не красавица, а не дурна, особенно теперь, въ разливѣ. За то она разочаруетъ ожидавшаго увидѣть бойкую рѣку, оживленную движеніемъ, со снующими пароходами, съ массой каравановъ барокъ. Ничего этого нѣтъ. Рѣка почти пуста и не производитъ впечатлѣнія бойкаго рѣчнаго тракта. Чтобы видѣть жизнь на рѣкѣ въ полномъ проявленіи, надо, говорятъ, быть здѣсь во время ярмарки или спуститься къ Астрахани. Во время ярмарки быть въ Нижнемъ мнѣ не доводилось, но въ Астрахани я бывалъ. Оживленіе тамъ порядочное, судовъ много, но это оживленіе покажется ничтожнымъ тому, кто видалъ жизнь на бойкихъ европейскихъ рѣкахъ. Я уже не говорю про Темзу, эту царицу рѣкъ по торговому движенію, гдѣ на пространствѣ между Гревзендомъ и Лондономъ пароходъ все время идетъ между двумя рядами тѣсно стоящихъ судовъ всевозможныхъ формъ и конструкцій, среди движущихся на буксирахъ громадныхъ кораблей и маленькихъ пароходовъ, снующихъ, какъ бѣшеные, по всѣмъ направленіямъ, и, наконецъ, вступаетъ въ непроходимый, какъ кажется, дѣсь мачтъ среди внушительнаго гула напряженной жизни великаго города торговли. И это непрерывающееся движеніе, и этотъ рядъ кораблей безъ конца подавляютъ васъ: чувствуя, съ какимъ колоссальнымъ размахомъ идетъ здѣсь жизнь, вы испытываете какой-то страхъ за личность человѣка, поражаясь, въ то же время, величіемъ его коллективнаго труда, и если, глядя на эту картину торговой напряженности, на эти чудовищные доки, рядъ пристаней со всевозможными приспособленіями, на эти массы плывущихъ товаровъ, вспомнить вдругъ о нашихъ бойкихъ мѣстахъ, то они покажутся вамъ жалкою пародіей, какою-то пустынною Сахарой по сравненію съ тѣмъ, что вы видите.

Нашъ пароходъ пристаетъ къ пристани, вѣрнѣе, къ полуразвалившейся баркѣ, обращенной въ пристань. Опять такой же узкій и грязный подъездъ, снова тѣ же сцены толкотни и безпорядка, тотъ же стонъ ругани, — словомъ, все то, что вы только что видѣли на томъ берегу, съ прибавленіемъ партіи нищихъ, поджидавшихъ сердобольныхъ людей.

Коммерческая гостиница близехонько, тутъ же на берегу. Отправляемся туда. Грязная лѣстница съ претензіями на щеголеватость, спертый воздухъ въ корридорѣ и тотъ же классическій корридорный, съ грязною салфеткой въ рукахъ, который встрѣчалъ и Павла Ивановича Чичикова. За то комнаты получше и почище, есть электрическіе звонки, но воздухъ въ номерахъ, надо полагать, не особенно измѣнился съ тѣхъ поръ. Скорѣе окна настезь. Струи свѣжаго воздуха врываются въ комнаты. Изъ оконъ чудный видъ на Волгу.

Оказывается, что пароходъ въ Пермь отходить утромъ, на слѣдующій день, но когда отходятъ пароходы изъ Тюмени, объ этомъ въ гостиницѣ узнать нельзя, расписаній сибирскихъ рейсовъ не имѣется. Надо ѣхать къ пристанямъ, тамъ получить необходимыя свѣдѣнія и кстати заpastись билетами на мѣста до Перми.

Пароходныя конторки расположены по берегу, одна за другой, въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Подальше отъ другихъ, словно бы избѣгая близкаго сосѣдства, стоитъ конторка пароходства фирмы Курбатова и Игнатова. Ихъ пароходы ходятъ между Нижнимъ и Пермью и ихъ же пароходы плаваютъ по сибирскимъ рѣкамъ между Тюменью и Томскомъ. Кроме добровольныхъ туристовъ, названная фирма, по контракту съ правительствомъ, спеціально перевозитъ и невольныхъ путешественниковъ въ далекіе края. Каждый рейсъ, съ открытіемъ навигаціи, курбатовскій пароходъ ведетъ за собой спеціально приспособленную для узниковъ большую арестантскую баржу, обыкновенно биткомъ набитую. Въ ней, выражаясь казеннымъ языкомъ, «слѣдуетъ» иногда партія человекъ въ семьсотъ. Тутъ и будущіе жильцы ваторги, и поселенцы, и ссыльные, и арестанты изъ привилегированныхъ, неосторожно попавшіе въ объятія прокуроровъ, герои банковъ, жрецы хищеній и, наконецъ, такъ называемые «политическіе», ссылаемые и по суду, и административнымъ порядкомъ. Послѣдніе, равно какъ и арестанты изъ привилегированныхъ, отдѣлены отъ другихъ.

Цѣна на курбатовскихъ пароходахъ между Нижнимъ и Пермью значительно ниже цѣнъ на легкихъ пассажирскихъ пароходахъ, совершающихъ свои рейсы безъ плавучаго «мертваго дома» сзади, но большинство классныхъ пассажировъ, по крайней мѣрѣ, не имѣющихъ особенной причины быть близко отъ арестантской баржи, предпочитаютъ, разумѣется, легкіе пароходы. Они и хо-

дять скорѣй, и не отравляютъ путешествія созерцаніемъ этого мрачнаго спутника и подчасъ тяжелыхъ сценъ. За то при путешествіи по сибирскимъ рѣкамъ выбора нѣтъ. Только курбатовскіе пароходы содержатъ болѣе или менѣе правильное пассажирское сообщеніе по рѣкамъ Западной Сибири, и, слѣдовательно, вамъ обязательно придется плыть цѣлыхъ десять дней неразлучно съ плавучею тюрьмой сзади и видѣть иногда близко невольныхъ путешественниковъ, во время остановокъ на нѣкоторыхъ пристаняхъ, когда баржа становится борть о борть съ парохомъ.

Объ этомъ, впрочемъ, послѣ, а теперь намъ предстоитъ попасть на «конторку», противъ которой остановился извощикъ. Это вовсе не легкое дѣло и, чтобы свершить его, необходимо вооружиться немалою рѣшительностью, рискуя при этомъ принять холодную ванну, ради пріятныхъ глазъ гг. Игнатова и Курбатова. Сходня, положенная отъ берега къ конторкѣ (причемъ разстояніе между ними было довольно значительное по случаю половодья), представляла собой весьма двусмысленный и едва ли гдѣ употребляемый, кромѣ отечества и еще болѣе дикихъ странъ, путь сообщенія, особенно для человѣка, не наострившагося ходить по двумъ узкимъ доскамъ, перекинутымъ надъ рѣкой на изрядной высотѣ, безъ какихъ бы то ни было перилъ и вдобавокъ еще при порывистомъ вѣтрѣ, дувшемъ сбоку.

Я остановился въ нерѣшительности, предпочитая вызвать съ конторки саму фирму, въ лицѣ гг. Курбатова и Игнатова, и посмотреть, какъ она пойдетъ по воздушнымъ мосткамъ. Увы, голосъ мой былъ такимъ же безнадежно-вопіющимъ, какимъ бываетъ голосъ русскаго обывателя, подвергнувшагося ночному нападенію въ провинціальномъ городкѣ. Никто не откликнулся. Ни одинъ изъ представителей фирмы не показывался. Дѣлать было нечего. Сообразивъ, что въ худшемъ случаѣ мнѣ предстоитъ лишь рискъ купанья, я двинулся рѣшительно впередъ по изгибавшимся подъ ногами доскамъ и благополучно добрался до конторки.

Тамъ никого не было, кромѣ сладко спавшаго сторожа.

— Неужели у васъ нѣтъ лучше сходни? — спросилъ я этого единственнаго представителя пароходной администраціи, когда онъ окончательно проснулся и, присѣвъ на лавку, не совсѣмъ ласково взиралъ на виновника своего пробужденія.

— Зачѣмъ нѣтъ? Есть!

— Такъ отчего-жь вы не кладете ее?

— Владамъ, когда нужно.

— А когда нужно?

— Когда пароходъ отходить, тогда и владемъ!

— А въ остальные дни можно падать въ Волгу?

Этотъ вопросъ приводитъ сторожа въ веселое настроеніе. Онъ усмѣхнулся и, оживляясь, замѣтилъ:

— Мы привычные, а изъ чистой публики рѣдко, рѣдко кто ходитъ сюда. Оно точно, что можно выкупаться (и опять на его добродушномъ лицѣ играетъ улыбка). Доска положена узкая. Долго ли до грѣха? Я докладывалъ Кузьмѣ Митричу, довѣренному. «Ничего,—говорить.—Зачѣмъ хорошую сходню портить?» Да вамъ что требуется?

Я объяснилъ, что требуется, и сторожъ указалъ мнѣ пальцемъ на росписаніе. Оказалось, что тюменскій пароходъ отходить въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ.

— Отчего такой поздній часъ отхода?

— А это ужъ не наше дѣло. Такое, значить, положеніе.

— И отсюда ваши пароходы уходятъ по ночамъ?

— И отсюда по ночамъ. Сегодня на разсвѣтѣ вотъ побѣжалъ пароходъ съ арестантскою баржей. А вы, видно, на нашемъ пароходѣ хотѣли ѣхать? Такъ раньше недѣли опять не побѣжить! Вы лучше на легкомъ. Завтра... И часъ не ночной, настоящій часъ, не то, что у насъ. Всю ночь вотъ не спалъ!

Хотя онъ раньше и объявилъ, что не знаетъ, почему курбатовскіе пароходы отходятъ въ такіе таинственные часы, но, разговорившись, не замедлилъ сообщить свое мнѣніе по этому поводу, а именно, что всему «причинна арестантская баржа». По ночамъ удобнѣе проводить «такого пассажира», народъ извѣстно какой. Чего его среди бѣла дня всѣмъ показывать? И для вольнаго пассажира меньше безпокойства: онъ и не увидитъ, какъ приведутъ, разсадятъ, замкнутъ голубчига и гайда! Опять же и любопытныхъ нѣтъ. Кому ночью-то охота глазѣть?

— А партія сегодня большущая была. Одинъ генералъ въ ней былъ!—значительно прибавилъ словоохотливый сторожъ.

— Какой генералъ?

— Настоящій, изъ Питера... Запоматовалъ, какъ звать-то его... Въ Сибирь засудили. Сказывали, будто за то, что ка-

кую-то банку неправильно ограбилъ. Только, поди, врутъ. Нешто за это генерала пошлютъ въ Сибирь? Вѣрно, за что-нибудь другое.

Я замѣтилъ, что за это иногда посылають.

— Богъ его знаетъ!—недовѣрчиво покачалъ головой сторожъ, закуривая папироску. — Сказывали, важный былъ прежде генералъ... Старый такой, престарѣлый и одѣтъ въ хорошую одежду. Ему и каютку отдѣльную отвели на баржѣ. Сиди, молъ, не тужи... и всякой провизіи и вина съ нимъ взято. Деньги-то, видно, припрятаны. А слѣдомъ за нимъ барышня молодая пріѣхала съ нянькой... Дочь евойная. Такая молоденькая, изъ себя аккуратная, только худа больно. Плачетъ, бѣдная, слезки такъ и текутъ, какъ стала проситься, чтобы пустили съ нимъ на баржѣ... Одначе, не пустили. Такъ это она на пароходъ. Отдѣльную себѣ каюту въ первомъ классѣ взяла съ нянькой. Я вещи ей носилъ. Вещей много, и все фасонистые такіе чемоданчики, да ящички, и пахнутъ духомъ какимъ-то. Только принеси это я послѣднія вещи, она дастъ мнѣ рубль, а сама такъ и заливадается. «Богъ милостивъ, говорю, сударыня, а сокрушаться грѣхъ. Иногда, говорю, и безвинно люди терпятъ!» Она это взглянула на меня съвось слезы ласково такъ, кротко, словно малое дитя, а сама вся дрожить. «Премного, говорить, благодарна за ваши слова, — и ручку протянула, — но только не въ примѣръ было бы мнѣ легче, ежели бы папенька безвинно принялъ крестъ!» Проворковала это она и ничкомъ въ подушку! Только головка вздрагиваетъ. Тутъ нянька махнула сердито рукой на меня, чтобы уходилъ. Потомъ выбѣжала за водой и на ходу говоритъ: «Это ты, сиволапый, барышню такъ разстроилъ!» А я что? Пожалѣлъ только.

Онъ помолчалъ, сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ и прибавилъ:

— Нянька послѣ сказывала, что онѣ съ барышней-то этой издалека пріѣхали. Въ чужой землѣ гдѣ-то были по той причинѣ, что у барышни какая-то болѣзнь въ груди. Такъ, значить, пользовалась тепломъ. Она, видишь ли, и не знала, что отецъ-то набѣдокурить, скрывали отъ нея, а какъ узнала, запросилась къ отцу. Отецъ не допустилъ сперва, чтобы она ѣхала домой. Такъ она самовольно. Въ Москвѣ отца-то и встрѣтила. Да. У него и другія дочки есть, но только не такія жалостливыя, какъ эта, меньшинькая. Нянька сказывала, что на рѣдкость барышня. Отца-то своо, небойсь, пожалѣла! — одобрительно заключилъ сторожъ.

— Давно вы здѣсь сторожемъ?

— Я-то? Второе лѣто. Да ну ихъ совсѣмъ... Уйду! — неожиданно проговорилъ онъ съ сердцемъ. — Одна тутъ неприятность.

— Мѣсто худое?

— Мѣсто ничего бы, еслибъ не эти проклятые арестанты. Тутъ, братецъ ты мой, всего насмотришься. Лучше бы и не видать. Особенно когда это бабы да дѣти провожаютъ. Ревъ идетъ. Ну, и ежели опять объ этихъ самыхъ арестантахъ подумать...

Онъ махнулъ рукой и умолкъ.

Я собрался уходить. Добрый человекъ предложилъ было проводить меня обратно, но я уже съ меньшимъ страхомъ смотрѣлъ на обратное путешествіе и отправился одинъ, посоветовавъ сторожу еще разъ доложить «Кузьмѣ Митричу», что если онъ прикажетъ положить хорошую сходню, то избавить фирму гг. Курбатова и Игнатова отъ многихъ лишнихъ проклятій.

— Имъ что... не имъ ходить. Извѣстно, хозяева! — проговорилъ вслѣдъ сторожъ.

Конторка пермскаго пароходства, къ которой подвезъ меня извозчикъ, оказалась легко доступною. Тутъ же стоялъ пароходъ, готовившійся къ рейсу. Его мыли и чистили. Капитанъ, любезно показывавшій мнѣ его, съ гостинодворскою бойкостью, обыкновенной на Волгѣ, выхвалялъ всевозможныя удобства своего парохода и, перечисляя рядъ предстоящихъ наслажденій, старался дать понять, что умѣетъ при случаѣ говорить болѣе или менѣе высокимъ слогомъ.

Мой нѣсколько прозаическій вопросъ относительно персидскаго порошка, казалось, озадачилъ этого щеголяющаго обращеніемъ толстаго, мягкотѣлаго и сіяющаго здоровьемъ молодого человека. Онъ только что, между прочимъ, «кстати» разсказалъ, какіе все хорошіе пассажиры были у него въ послѣднемъ рейсѣ (генералъ, два исправника и нѣсколько богатыхъ купцовъ съ женами) и какъ они всѣ даже жалѣли, что доѣхали до мѣста назначенія, а его вдругъ спрашиваютъ о такомъ низкомъ предметѣ!

Выраженіе презрительнаго изумленія и чего-то юпитерскаго засвѣтилось въ маленькихъ, заплывшихъ глазкахъ капитана, смѣнивъ любезную улыбку, не сходявшую до моего злополучнаго вопроса съ его сочныхъ устъ, и, вѣроятно, единственно изъ снисхожденія къ невѣжеству пассажера, вдобавокъ, пасса-

жира, собирающагося занять шесть мѣстъ, онъ не сразилъ его гордымъ молчаніемъ, а отвѣчалъ не безъ достоинства оскорбленнаго величія, что «неприличный звѣрь», на котораго я намекаю, *анакронизмъ*, по крайней мѣрѣ, у нихъ на пароходахъ (за пароходы другихъ хозяевъ онъ не отвѣчаетъ), и что пароходная администрація, въ заботахъ о пассажирахъ, не упускаетъ изъ вида никакихъ мелочей и щедро посыпаетъ персидскимъ порошкомъ каюты послѣ каждаго рейса.

— Позволительно думать, вы никогда не изволили свершать *экскурсії* на нашихъ пароходахъ?—заклучилъ онъ вопросомъ.

— Не свершалъ.

— Это и видно!—проговорилъ капитанъ, взглядывая на меня съ сожалѣніемъ, какъ на несчастнаго человѣка, до сихъ поръ не испытавшаго такого удовольствія.—За то теперь увидите!—торжественно закончилъ онъ, пропуская меня въ одну [изъ семейныхъ каютъ второго класса.

Грязь, которую я увидѣлъ, и вонь, которую обонялъ, повидимому, показалиь чрезмѣрными даже и почтенному капитану волжскаго парохода и онъ успѣшилъ замѣтить:

— Каюты еще не совсѣмъ приведены въ порядокъ, и потому не производятъ надлежащаго впечатлѣнія, но къ завтрашнему дню вы ихъ не узнаете, могу васъ увѣрить!

Онъ, конечно, увѣрилъ меня, какъ увѣрилъ бы и васъ, если бы вы спѣшили ѣхать, чтобы попасть къ тюменскому пароходу, и потому я послушно отправился въ агентство брать билеты до Перми.

— Въ которомъ часу отходить пароходъ?

— Въ одиннадцать!—отвѣчалъ капитанъ безъ малѣйшей запинки и такъ рѣшительно, что даже агентъ, выдававшій мнѣ билеты, какъ-то стыдливо опустилъ глаза. — Насчетъ отваловъ мы аккуратны-съ, какъ англійскій хронометръ! Другіе пароходы запаздываютъ, не мы не придерживаемся такихъ правилъ!—не безъ игривости прибавилъ капитанъ, придерживающійся, какъ оказалось, дурнаго правила врать пассажиру по вдохновенію и рѣшительно безъ всякой необходимости.—Ровно въ одиннадцать!—повторилъ капитанъ, раскланиваясь не безъ граціи.

— Быть можетъ, развѣ что задержать на полчаса!—проговорилъ мнѣ вслѣдъ стыдливый агентъ.

Ну, разумѣется, «ровно въ одиннадцать» нашъ пароходъ не только не отправился по назначенію, а его даже и не было у

пристани. Онъ ушелъ на тотъ берегъ за пассажирами съ желѣзной дороги, почему-то замѣшкался (хотя поѣздъ приходитъ въ 8 часовъ утра) и еще не возвращался. Пассажиры «этого берега», собравшіеся на конторкѣ, терпѣливо поджидали парохода; очевидно, болѣе знакомые съ волжскими «нравами», они считали подобное запаздываніе обычнымъ явленіемъ. Часомъ раньше, часомъ позже... не все ли равно?

Вмѣсто одиннадцати, пароходъ нашъ, наконецъ, отвалилъ въ исходѣ перваго. Палуба парохода была набита пассажирами, которымъ предоставлялось полное право изображать собой сельдей въ боченгѣ. Большинство такого «живаго груза» составляли крестьянскія семьи со множествомъ дѣтей. Это все переселенцы, направлявшіеся съ разныхъ безземельныхъ мѣстъ Россіи на «вольныя мѣста» Сибири, преимущественно въ южные округа Томской губерніи и (незначительная часть) на Амуръ.

Съ этого дня мы уже не переставали видѣть переселенцевъ. Проѣхавши съ ними до Перми, видѣли ихъ цѣлые вагоны по уральской желѣзной дорогѣ, обгоняли ихъ между Екатеринбургомъ и Тюменью, плыли вмѣстѣ девять дней до Томска и на пути обогнали два парохода съ баржами, специально нанятыми переселенцами. Это усиливающееся въ послѣдніе годы движеніе въ страну ссылки начинается съ открытія навигаціи и заканчивается осенью. Двигаются партіи до Тюмени предпочтительно воднымъ путемъ *).

Труденъ и скорбень бываетъ иногда долгій путь этихъ будущихъ колонизаторовъ Сибири, хотя они и пробираются по какимъ-нибудь лѣснымъ дебрямъ или непроходимымъ пустынямъ, а передвигаются цивилизованнымъ способомъ — на пароходахъ и баржахъ, на глазахъ у публики, иногда даже на глазахъ у петербургскихъ сановниковъ, отправляющихся изъ столицы вносить миръ и цивилизацію въ классическую страну пустопорожнихъ мѣстъ, взятки и безправія. Прежде чѣмъ добратъ переселенцамъ до этого самаго завѣтнаго «пустопорожняго мѣста», ради котораго они отправляются въ невѣдомый край, бросая свои насиженные гнѣзда, имъ предстоитъ перенести немало серьезныхъ невзгодъ и лишеній. Цѣлыя толпы народа по нѣсколькимъ днямъ стоятъ лагеремъ подъ городами въ ожиданіи парохода, не зная куда двинуться. Тифъ нерѣдко коситъ этихъ людей.

*) Изъ 5,589 переселенцевъ, прослѣдовавшихъ съ мая по октябрь настоящаго года черезъ Томскъ, 4,639 человекъ прибыли въ Томскъ водою и только 950 человекъ сухимъ путемъ.

У.

Даже и днемъ, когда человѣкъ относительно легче переносить неудобство прессованія, тѣснота помѣщенія палубныхъ пассажировъ бросается въ глаза и могла бы смутить иностранца, не знающаго нашей поговорки, что въ тѣснотѣ люди живутъ. На обоихъ пароходахъ, на которыхъ довелось мнѣ плыть (на пермскомъ и сибирскомъ), на небольшомъ пространствѣ, остающемся свободнымъ между рубкой, вторымъ классомъ, складомъ дровъ, дымовою трубой, машиной и бортами, было скучено множество людей, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, безъ всякаго соображенія о правѣ пассажира хотя на нѣкоторую свободу движенія (безъ преувеличенія люди сидѣли одинъ на другомъ) и, разумѣется, безъ какихъ бы то ни было приспособленій, намекающихъ на удобства, исключая, впрочемъ, покрывки на кормѣ, защищающей отъ дождя, если только онъ не хлещетъ наискось. Изъ пароходовъ плавающихъ по Волгѣ, только на американскихъ пароходахъ нѣмца Зевеке, да на пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій» существуютъ приличныя помѣщенія для палубныхъ пассажировъ, въ видѣ удобныхъ крытыхъ наръ для каждаго пассажира. На остальныхъ такимъ пассажирамъ предоставляются лишь узенькія скамейки по бортамъ и проходы на палубѣ. Скамейки обыкновенно занимаютъ пассажиромъ «почище», а въ распоряженіи «сѣрыхъ» остаются проходы, разные закулки и свободныя пространства подъ скамьями. Затѣмъ, классныхъ пассажировъ берутъ обыкновенно по числу имѣющихся на пароходѣ мѣсть, а палубныхъ, и особенно переселенцевъ, — «сколько влѣзетъ», и такъ какъ жулачество пароходчиковъ ничѣмъ не отличается отъ самаго первобытнаго и варварскаго, то, по ихъ мнѣнію, «влѣзть» можетъ народу много. По закону, разумѣется, должно быть опредѣлено, сколько [можетъ «влѣзть» на каждый пароходъ для безопасности его плаванія и для удобства пассажировъ, и такой списокъ, за подписью надлежащихъ лицъ, долженъ находиться на каждомъ пароходѣ, но даются ли такія удостовѣренія, я не знаю, а что законъ не соблюдается пароходчиками и что за этимъ никто не смотритъ — это фактъ общеизвѣстный. Берутъ на пароходы гораздо болѣе, чѣмъ «влѣзетъ».

Ночью палуба такого парохода представляетъ воистину жалкій видъ. Въ повалку, тѣсными рядами, имѣя на рукахъ дѣтей,

валяются эти «пассажиры» нерѣдко хуже собакъ, и страшно проходить въ это время по палубѣ, такъ какъ въ темнотѣ легко наступить на челоуѣка и отдавить ручонку спящаго ребенка. При ночныхъ остановкахъ для приѣма дровъ людямъ, валяющимся на палубѣ, приходится убираться, чтобы не быть раздавленными или ушибленными; днемъ не позволяютъ загромождать проходовъ и заставляютъ убирать подстилки, служащія постелями, проникаясь заботами о «чистотѣ и порядкѣ» особенно въ томъ случаѣ, когда, на бѣду, въ числѣ пассажировъ находится какая-нибудь «особа». Въ заботахъ объ удобствахъ особы, парходная администрація старается «очистить» возможно болѣе пространство вокругъ рубки перваго класса, и тогда палубнаго пассажира сбиваютъ совсѣмъ въ невозможную кучу на корму, подалеже отъ «большаго свѣта».

Долгій сухопутный путь въ санитарномъ отношеніи оказывается удобнѣе переѣзда на пароходахъ *). Особенно терпятъ дѣти и нерѣдко гибнутъ во время пути. Изъ числа нѣсколькихъ подобныхъ фактовъ, оглашенныхъ въ печати (а сколько не оглашенныхъ?), приведу слѣдующій, бывшій на пароходѣ *Ермакъ*. На этомъ пароходѣ прибыло изъ Тюмени въ Томскъ 37 семействъ переселенцевъ, у которыхъ было 18 дѣтей, больныхъ скарлатиной, и, кромѣ того, въ пути умерло трое дѣтей **). На обоихъ пароходахъ, на которыхъ мнѣ пришлось ѣхать, были больныя дѣти въ переселенческихъ семьяхъ, оставшіяся, разумѣется, безъ всякой помощи, пока кто-то изъ пассажировъ случайно не узналъ объ этомъ и не обратилъ на нихъ вниманія случившагося на пароходѣ врача. Ходилъ даже слухъ, будто одинъ ребенокъ на сибирскомъ пароходѣ умеръ отъ дифтерита и былъ поспѣшно похороненъ на ближайшей пристани. Парходная администрація тщательно отрицала этотъ фактъ, чтобы не смущать «чистую» публику, тѣмъ болѣе, что въ числѣ послѣдней былъ одинъ важный административный «чинъ», ѣхавшій на службу въ Сибирь съ семействомъ. Вообще говоря, плаваніе въ невозможной тѣснотѣ и особенно при неблагоприятной погодѣ въ осеннее время является отличнымъ средствомъ для развитія заразныхъ болѣзней. Именно эти болѣзни вмѣстѣ

*) Изъ общаго числа переселенцевъ, прослѣдовавшихъ въ 1885 г. черезъ Томскъ, изъ переселенцевъ, прибывшихъ водой, пользовались врачебною помощью около 13%, а изъ числа прибывшихъ сухимъ путемъ—8%.

***) *Памяти. книжка Том. губ. на 1885 г.*, стр. 25.

съ болѣзнями (желудочно-кишечными) отъ дурнаго питанія господствуютъ между переселенцами. На такіе факты, разумѣется, никто не обращаетъ вниманія. Да и кому дѣло до переселенцевъ? Господа капитаны, внимательные къ «хорошему» пассажиру, съ которымъ можно закусить и выпить, и лебезящіе передъ пассажиромъ, котораго, въ качествѣ «чина», можно трепетать, обращаютъ ноль вниманія на остальныхъ и въ особенности на безотвѣтныхъ «сѣрыхъ», привыкшихъ бояться всякаго начальства. Я, по крайней мѣрѣ, ни разу не видалъ, чтобы кто-нибудь изъ пароходнаго начальства, хотя бы для вида, позаботился взглянуть, какъ размѣщаются на ночь палубные пассажиры, спросить объ ихъ удобствахъ и т. п. Повидимому, подобныя заботы никогда не приходятъ никому въ голову, и когда одинъ нервный господинъ, изъ такъ называемыхъ «безпокойныхъ пассажировъ» (чѣмъ дальше отъ столицъ, тѣмъ рѣже встрѣчается этотъ типичный русскій «безпокойный пассажиръ»), поднялъ было вопросъ о тѣснотѣ помѣщенія переселенцевъ и возмутился, что съ нихъ берутъ за кипятокъ по 5 к., то сіяющій и щеголеватый нашъ капитанъ даже вытаращилъ свои маленькіе глазки, очевидно, удивленный подобному вмѣшательству не въ свое дѣло и едва ли понимавшій, какъ это тѣснота можетъ безпокоить палубнаго пассажира, да еще сиволопаго.

— Помилуйте! Чѣмъ имъ не хорошо?—воскликнулъ онъ.— На другихъ пароходахъ не такъ тѣснятся, а унасъ довольно даже помѣстительно. У насъ, съ позволенія сказать, на Волгѣ всякія такія «филантропіи» вовсе неизвѣстны. Никто изъ переселенцевъ не заявляетъ претензіи и вы только себя напрасно безпокоите пылкимъ «воображеніемъ фантазіи»,—ядовито прибавилъ капитанъ.

Замѣьте, что все это происходитъ на пассажирскихъ пароходахъ (гдѣ капитанъ, все-таки, «почище»), на глазахъ у публики,—правда, публики въ большинствѣ случаевъ равнодушной къ подобнымъ фактамъ и не любящей впутываться въ «исторіи», но среди которой нѣтъ-нѣтъ да и объявится вдругъ «безпокойный пассажиръ» съ сильно развитыми альтруистическими наклонностями и подыметъ «исторію». Что же дѣлается на буксирныхъ пароходахъ и на баржахъ, гдѣ, кромѣ переселенцевъ, никого нѣтъ? Тамъ ужъ вовсе не церемонятся съ людьми и нерѣдко обходятся совсѣмъ варварски. Такъ, напримѣръ, въ 1883 году, въ концѣ іюня мѣсяца, прибыла въ Томскъ на букси-

рованной пароходомъ *Ершъ* баржѣ *Тура* огромная партія переселенцевъ въ 2,500 человекъ, втиснутыхъ въ пространство, на которомъ едва бы могло помѣститься 800 человекъ. Подвергаясь всякаго рода притѣсненіямъ со стороны пароходовладѣльца и, главное, терпя недостатокъ въ продовольствіи, партія эта привезла съ собою 80 дѣтей, больныхъ скарлатиною, корью, дифтеритомъ и кровавымъ поносомъ. На самой баржѣ найдено 5 труповъ и въ первые сутки по прибытіи умерло 9 дѣтей, а, по рассказамъ крестьянъ, во время перехода водой было еще 20 умершихъ. Изнуренные такими лишеніями, люди, очевидно, не могутъ устроить себѣ на зиму сносныя избы, а, скучиваясь въ самыхъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, по нѣскольکو семей вмѣстѣ, продолжаютъ бѣдствовать отъ недостатка пищи и отъ морозовъ. Всѣ эти люди составляютъ, такимъ образомъ, самую благопріятную для развитія заразныхъ болѣзней почву *).

Плохо приходится переселенцамъ и во время стоянокъ въ Тюмени, въ ожиданіи парохода. Несмотря на важность этого перевалочнаго пункта, тамъ до сихъ поръ не устроено никакихъ приспособленій, хотя въ этомъ городѣ и есть переселенческій чиновникъ. «Со слезами на глазахъ рассказываютъ переселенцы объ ужасахъ ихъ пребыванія въ Тюмени. Недостаточность помѣщенія вызвала страшную скученность. Людей валили, какъ скотъ, въ сараяхъ, въ хлѣвахъ, на открытомъ воздухѣ. О различіи половъ никто и не помышлялъ; о возрастахъ никому не приходила мысль. Въ одномъ сараѣ помѣстили до 3,000 переселенцевъ, между которыми была масса больныхъ. И въ такой обстановкѣ несчастнымъ приходилось мучиться семнадцать дней, такъ какъ пароходы ихъ не брали. Прождавъ 17 дней и испугавшись поголовной смерти, они возвратили въ пароходную контору, обратно билеты и двинулись далѣе на лошадяхъ» *).

Но мытарства переселенцевъ не кончаются и тогда, когда они послѣ всѣхъ испытаній добираются, наконецъ (случается, Христовымъ именемъ), до желанной «самары», какъ называютъ они Томскую губернію. Новыя и немалыя затрудненія ждутъ ихъ на этой «самарѣ» и особенно въ Алтайскомъ горномъ округѣ, куда, главнымъ образомъ, и стремятся переселенцы.

Л. Нельминъ (псевдонимъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Санитарное состояніе Томской губерніи въ 1883 году (Памятн. книжка Томск. губ. на 1885 г., стр. 25 и 26).

*) См. Сиб. Газету (№ 36) и Русск. Вѣд. (№ 211).

Наша участь.

Видали-ль вы жертву чахотки порою
Съ зловѣщимъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ?
Страдалецъ и грезить, и бредить весною,
Ждетъ солнца и лѣта въ мятежныхъ мечтахъ...
Еще на полянахъ снѣга и метели
И кроютъ лазурь и туманы, и мгла,
А онъ ужь, тревожно мечась на постели,
Ждетъ вешняго солнца, отрады, тепла...
Онъ вѣрить, что, лишь благодатнымъ дыханьемъ
Повѣсть на мѣръ чаровница-весна,
Простится онъ съ зимнимъ недужнымъ страданьемъ,
Воспрянетъ какъ будто отъ тяжкаго сна...
Какъ будто свѣча съ каждымъ днемъ угасая,
Онъ жаждетъ измученной грудью своей
И жизни, и воли, и солнца, и мая...
Вздохнуть бы скорѣй на просторѣ полей!...
Но вотъ и рѣка расторгаетъ оковы,
А онъ ужь угасъ, не дождавшись весны...
О, братья! Не точно ли также суровы
И жребіи наши?... Мятежные сны
Рисуютъ намъ истины юные всходы,
Что въ мѣрѣ духовномъ наступитъ весна;
Мы вѣримъ, что скоро воспрянуть народы
Для свѣта и правды отъ тяжкаго сна,
Что царство Мессіи уже недалеко,

Что сѣмя, которое бросили мы,
Взойдетъ уже скоро, хоть сила порока
Упорно кичится средь мрака и тьмы...
Страдая, мы вѣримъ и ждемъ обновленья...
Но, Боже! дождемся ли свѣтлыхъ лучей?
Нѣтъ! Прежде мы станемъ добычею тлѣнья,
Угаснемъ безслѣдно съ мечтою своей...
Для правды и свѣта, возстануть народы,
Но мы не услышимъ ужь ихъ голосовъ,
И вѣтеръ споетъ пѣснь любви и свободы,
Волнуя зеленые вешніе всходы
Надъ прахомъ отъ нашихъ заросшихъ гробовъ.

Л. Пальминъ.

Романъ хорошаго человѣка *).

Эдмонда Абу.

ГЛАВА IV.

П р о б у ж д е н і е.

Заводъ Симоне, извѣстный больше подъ именемъ фабрики, представлялъ массу скученныхъ, примыкавшихъ одно къ другому новыхъ и старыхъ зданій. Фабрика занимала площадь въ три десятины. За исключеніемъ жилаго, чистенькаго, высокаго домика въ два этажа, остальные строенія имѣли видъ старыхъ полусгнившихъ сараевъ. Все это строилось безъ предначертаннаго плана, по мѣрѣ надобности, въ отдаленномъ кварталѣ, гдѣ метръ земли стоилъ всего пять франковъ. Дешевый товаръ шелъ ходко, поэтому работали наскоро, кое-какъ. Вслѣдствіе этой поспѣшности были упущены самыя необходимыя предосторожности. Такъ, на примѣръ, сушильни были покрыты соломой, дрова для топки валялись прямо на дворѣ. Мнѣ столько разъ приходилось слышать, что все состояніе Симоне находится въ зависимости отъ одной, неосторожно брошенной спички; большинство прибавляло также, что онъ хорошо сдѣлалъ бы, еслибъ снисходительнѣе относился къ бѣдному люду. Рассказывали, что въ 1835 году онъ призвалъ вооруженную силу, чтобъ заставить рабочихъ возвратиться къ покинутымъ работамъ на фабрикѣ. Фабричныя устроили стачку, требуя, по праву ли, нѣтъ ли, часть изъ его барышей. Все это пришло мнѣ въ голову, пока я съ товарищами бѣжалъ къ пожарищу.

Дѣйствительно, горѣла фабрика. Общій говоръ утверждалъ,

*) *Русская Мысль*, кн. I.

что это был поджогъ, и указывалъ даже на виновника, испанца-работника, уволеннаго утромъ зрителемъ, г. Бонафипоромъ, за незначительную кражу. При наступленіи ночи онъ пробрался въ бывшую свою мастерскую и поджогъ стружки, чтобъ сжечь виновника своего несчастія: зритель съ семействомъ занималъ весь первый этажъ. Сосѣдъ видѣлъ, какъ онъ вошелъ туда, но не зналъ, вернулся ли онъ назадъ.

Было десять часовъ, когда я съ товарищами пришелъ на фабрику. Обширное зданіе горѣло съ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ оконъ выбрасывало огонь, густой дымъ пробивался мѣстами чрезъ черепичную кровлю и пламя красными языками прорѣзывало черные клубы дыма. Изъ пяти пожарныхъ трубъ только одна была въ исправности и работала, защищая уголь дома, до котораго еще не коснулось пламя. Толпа, около двухъ тысячъ человѣкъ съ мѣромъ и подпрефектомъ во главѣ, съ сопровождавшими ихъ жандармами и полиціей, напряженно смотрѣла на уцѣлѣвшій уголь перваго этажа.

Въ толпѣ на площади послышался всеобщій крикъ, и я увидѣлъ отца въ горящемъ домѣ; онъ держалъ въ рукахъ человѣка огромнаго роста. На помощь къ нему бросились вверхъ по лѣстницѣ человѣкъ десять. Скоро тѣло, переходя изъ рукъ въ руки, было опущено внизъ и отправлено въ больницу. Между тѣмъ, отецъ знаками показывалъ товарищамъ, чтобъ его облили водой изъ трубы, и потомъ снова исчезъ въ дыму. Чрезъ минуту онъ появился снова, неся въ рукахъ женщину, ужасно стонавшую. Громкія рукоплесканія привѣтствовали его возвращеніе и я впервые услышалъ крикъ:

— Да здравствуетъ Дюмонъ!

Жаръ былъ невыносимый. У всѣхъ потъ катился градомъ, но никто не покидалъ своего мѣста. Передъ глазами зрителей разыгрывалась страшная драма. Вотъ отецъ снова показался въ открытомъ окнѣ; теперь онъ держалъ двухъ маленькихъ дѣтей, потерявшихъ сознание. Казалось, теперь все. Всѣ знали, что здѣсь жило семейство начальника мастерскихъ, состоявшее изъ четырехъ членовъ. Когда замѣтили, что спаситель снова намѣревался войти въ это горнило, отовсюду послышались крики:

— Довольно, конецъ, сойди, Дюмонъ!

Я, увлеченный общимъ примѣромъ, закричалъ изъ всѣхъ силъ:

— Папа!

Онъ узналъ мой голосъ и ласково кивнулъ мнѣ. Въ это вре-

мя капитанъ Мите, наблюдавшій за дѣйствіями пожарныхъ, подошелъ къ лѣстницѣ и повелительно закричалъ:

— Пожарный Дюмонъ, я приказываю вамъ сойти!

— Капитанъ, долгъ обязываетъ меня остаться.

— Да тамъ ужъ никого нѣтъ.

— Нѣтъ, я вижу на полу, въ узкомъ проходѣ человѣка.

— Это невозможно!

— Нѣтъ, я видѣлъ.

— Еще разъ говорю вамъ, слѣзайте оттуда! Огонь поднимается все выше!

— Тѣмъ болѣе я долженъ спѣшить.

Лишь только замеръ въ моихъ ушахъ его голосъ, какъ изъ всѣхъ отверстій дома пламя вырвалось, крыша рухнула со страшнымъ трескомъ и все пространство между четырьмя стѣнами слилось въ сплошную массу огня.

Я бросился, сломя голову, черезъ толпу и не знаю, какъ прибѣжалъ домой. Я засталъ мать въ столовой; она спокойно, съ улыбкой на губахъ, стояла у стола и помогала Катеринѣ вытирать стаканы. Я бросилъ ей одежду отца.

— На, возьми, она больше не нужна отцу, онъ умеръ въ огнѣ, на него обрушился домъ.

Несчастная женщина, слушая меня и ничего не понимая, продолжала вытирать стаканъ. Она смотрѣла мнѣ въ упоръ, машинально повторяя:

— Ты говоришь... ты говоришь... ты сказалъ, сказалъ...

— Я говорю, онъ спасъ четырехъ человѣкъ, а его никто не могъ спасти. Ты вдова, а я сирота. Теперь я одинъ долженъ заботиться о тебѣ.

— Замолчи, несчастный!—вскричала она.—Ребенокъ не знаетъ, что такое жизнь, что смерть. Отецъ слишкомъ любитъ насъ, чтобъ покинуть такимъ образомъ. Такіе люди не умираютъ; они слишкомъ нужны!

— Но, вѣдь, я самъ былъ тамъ и видѣлъ его въ горящемъ домѣ.

— Вѣдь, не въ первый разъ онъ на пожарѣ. Скажи, что онъ раненъ, я повѣрю, но что убить Дюмонъ—никогда.

Она говорили такъ убѣдительно, что я начиналъ вѣрить. Катерина вмѣшалась въ нашъ разговоръ:

— Посмотрите, сударыня, какой онъ красный. Ты выпилъ за обѣдомъ много вина, и у тебя, злой мальчишка, закружилась голова!

Въ отвѣтъ на это я пробормоталъ:

— Можетъ быть, я ошибся, но я навѣрное знаю, что онъ вошелъ въ горящій домъ, а потомъ крыша обрушилась на него. Я не знаю, упалъ ли отецъ, и никто не можетъ этого сказать. Только господинъ Доръ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «бѣдный мальчикъ».

Я желалъ снова возвратиться на фабрику, какъ вдругъ мать вскрикнула:

— Идемъ туда!

Катерина пошла за нами слѣдомъ. Но не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ послышался скрипъ тяжелыхъ воротъ съ лѣснаго двора и ужасная истина стала несомнѣнна.

Друзья, сосѣди, нѣсколько должниковъ отца, рабочіе по очереди входили одинъ за другимъ и безмолвно цѣловали насъ.

При этомъ нѣмомъ доказательствѣ мать не выдержала, залилась слезами и бессильно опустилась на стулъ, протянувъ ко мнѣ руки. Спрятавъ лицо въ складкахъ ея платья, я стоялъ передъ ней на колѣнахъ, едва сдерживая рыданія. Я раздѣлялъ ея муку, выслушивая въ продолженіе двухъ часовъ банальныя, монотонныя утѣшенія, которыя никогда не успокоиваютъ. Изъ разсказовъ мало-по-малу выяснились подробности пожара. Бонафипоръ съ семействомъ былъ въ безопасности. Всѣ отдавали дань удивленія хладнокровію Симоне, бдительности жандармовъ и разумнымъ распоряженіямъ подпрефекта. Публика терялась въ догадкахъ относительно лица, погибшаго вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. Пожарные намѣревались провести ночь на мѣстѣ катастрофы.

Уже начинало свѣтать, когда утѣшители оставили насъ. Катерина принялась за работу, а мы съ матерью остались въ столовой, гдѣ на маленькомъ столикѣ красовалась еще моя наградная книга.

Разбитые, усталые, мы забыли о снѣ. Мать ходила по комнатѣ и бормотала сквозь зубы:

— Ничего, ничего!

Я не понималъ ея словъ и робко спросилъ:

— Что ты говоришь?

Она плакала, нервно вздрагивая.

— Ничего, ничего не осталось. Я даже не могу похоронить его тѣло, омыть его слезами! Когда умеръ твой дѣдушка Уссе, горе было сильно, но, по крайней мѣрѣ, мы могли похоронить его какъ слѣдуетъ. Да, къ тому же, онъ былъ старъ и болѣнъ;

я во время его болѣзни свыклась съ мыслью о его смерти. А, вѣдь, этоть скрылся въ одну минуту, здоровый, крѣпкій, веселый, не оставивъ по себѣ даже и слѣдовъ на песокъ. Ты видѣлъ, онъ бѣжалъ на пожаръ, какъ на какой-нибудь праздникъ. Я даже не помню, поцѣловалъ ли онъ насъ, когда уходилъ?

— Да, мама, — отвѣтилъ я не медля, хотя самъ не былъ вполне въ томъ увѣренъ.

Несчастливая женщина снова сѣла, посадила меня къ себѣ на колѣна и прижала мою голову къ своей груди.

— Ты, вѣдь, не зналъ его, и потому не можешь понять, что мы потеряли, — продолжала она глухимъ, подавленнымъ голосомъ. — Я одна только знаю все величіе его души, глубину его любящаго сердца. Ты видишь, онъ пожертвовалъ жизнью для спасенія посторонняго человѣка. Умереть, вѣдь, минута... а сколько онъ при жизни сдѣлалъ добра! Какъ я любила его... о! какъ любила... милый, безцѣнный!

Такъ баюкала меня мать до самаго разсвѣта, изливая предо мной свою горечь и нѣжность, не возвышая голоса, безъ отчаянныхъ жестовъ и бурныхъ вспышекъ. Она рассказала мнѣ всю свою счастливую жизнь; хвалила терпѣніе, кротость, нѣжность, предупредительность потеряннаго мужа. Все было сказано такъ спокойно и я самъ слушалъ съ такимъ спокойствіемъ, что время отъ времени провѣрялъ себя, дѣйствительно ли насъ постигло такое страшное горе. Но одно слово разъяснило, наконецъ, все.

— Въ концѣ-концовъ, какъ хочешь, — сказала она, — это его долгъ. Вспомни его послѣднія слова здѣсь. Онъ долженъ былъ умереть за другихъ, и мы должны остаться одни. Я не знаю, заплатятъ ли намъ добромъ когда-нибудь тѣ, ради которыхъ онъ обрекъ себя на смерть, но все равно. Поступай, какъ онъ; поступи такъ, какъ приказываетъ тебѣ долгъ.

Около восьми часовъ утра, въ сопровожденіи бабушки и дяди Жозефа, пришелъ дѣдушка «патріотъ»; старики, казалось мнѣ, постарѣли на двадцать лѣтъ. Старинный доброволецъ армейскаго виттенбургскаго полка не плакалъ. Онъ хорошо владѣлъ собою, что замѣтно было по его измѣнившемуся лицу. Поцѣловавъ насъ, онъ обратился съ утѣшительнымъ привѣтствіемъ къ моей матери:

— Этоть день траура, дочь моя, великій день! Поступки мужества и самопожертвованія, все равно, что бы ни случилось, не должны быть предметомъ слезъ! Не плачутъ, вѣдь, о солдатахъ,

убитыхъ непріятелемъ, а мы потеряли человѣка, умершаго на полѣ чести; онъ оставляетъ по себѣ добрую память и слава его поступка отразится на имени, которое я ему... которое вы... которое сынъ...

Добрый старикъ не зналъ, какъ окончить составленное по дорогѣ утѣшеніе. Страшныя, подавляемыя до сихъ поръ рыданія огласили комнату. Онъ бѣгалъ по залѣ крича: «Мой дорогой сынъ, мой бѣдный Дюмонъ, я никогда больше не увижу тебя!» Бабушка, тихонько плакавшая всю дорогу отъ Лони, набросилась на своего мужа.

— Вы надорвете себѣ грудь, — сказала она старику. — Сами довели сына до такого печальнаго конца. Я васъ предупреждала сто разъ, что, благодаря вашимъ принципамъ и примѣрамъ, у меня не останется ни одного сына. Ваши сыновья сумасброды! Вы вбили имъ въ голову, что ихъ жизнь принадлежитъ всѣмъ, только не ихъ женамъ и дѣтямъ. Вотъ два несчастныхъ существа, оставленные на произволъ судьбы, благодаря героизму. Кто ихъ будетъ теперь содержать? Они бѣдны, а привычки у нихъ широкія.

Мать хотѣла ей что-то возразить на это, но она не дала ей:

— Оставь, пожалуйста. Я хочу только сказать, что пока я жива, и мать и сынъ всегда будутъ имѣть поддержку въ старомъ домѣ въ Лони. Къ несчастію, я не могу сдѣлать для тебя и половины того, что дѣлалъ мнѣ сынъ. О, милое дитя, гдѣ ты теперь?!

Болѣе практическій умъ, чѣмъ мой, несмотря на огорченіе, обратилъ бы вниманіе на наше матеріальное положеніе. Но я, какъ всѣ дѣти, не знавшіе никогда недостатка, не понималъ этого и, кромѣ того, слишкомъ былъ огорченъ, чтобы ощущать какое-нибудь другое горе. Напротивъ, дядя Бернаръ повторялъ нѣсколько разъ подрядъ, что онъ только потому обращался къ отцу, что считалъ его богатымъ, что покойный Дюмонъ просилъ его самъ не стѣсняться денежными одолженіями, поэтому онъ знаетъ, что ему теперь слѣдуетъ предпринять.

Къ вечеру всѣ дяди съ ихъ семьями были въ полномъ сборѣ, за исключеніемъ дяди винодѣла въ Люнѣ. Ихъ размѣстили по всему дому, рабочіе охотно уступили свои помѣщенія, а сами расположились спать на стружкахъ.

А въ три часа пополудни пришелъ Басе, весь въ золѣ, чернѣйшій отъ дыма, и объявилъ, что между обломками найденъ трупъ

отца. Его узнали только по каскѣ; тѣло все обуглилось и представляло безформенную сплошную массу. Честный малый спрашивалъ, желаетъ ли мать взглянуть на эти жалкіе останки? Она тотчасъ же отвѣтила, какъ бы предвидѣла вопросъ:

— Нѣтъ, Бассе, благодарю васъ. Образъ моего мужа запечатлѣнъ у меня въ глубинѣ сердца; я вѣчно буду представлять его себѣ высокимъ, прекраснымъ, гордымъ, улыбающимся, т.-е. такимъ, какимъ я знала его и какимъ уходилъ онъ вчера.

Эта разсудительная женщина, всегда тихая и сдержанная, невольно вздрогнула, узнавъ, что второю жертвой пожара былъ самъ испанецъ. Его тѣло вполнѣ сохранилось отъ огня подъ обрушившеюся на него каменную переборкой. Мать приходила въ негодованіе при мысли, что спасеніе негодяя было причиной нашихъ бѣдствій.

— Такъ вотъ долгъ!—вскричала она.—Честные люди должны обрекать себя гибели ради поджигателя! Чего бы ни стоило, а защитой челоуѣка, достойнаго плахи!

Въ то время, какъ я съ Бассе всячески старались успокоить ее, намъ доложили не безъ нѣкоторой торжественности о приходѣ городского мэра. Ему сопутствовали, во-первыхъ, его помощники, затѣмъ пять членовъ общественнаго совѣта, нѣкоторые наши друзья, въ числѣ которыхъ находился господинъ Мите, капитанъ пожарныхъ. Добрый старый суконщикъ просто и сердечно обратился къ дѣдушкѣ и остальнымъ нашимъ родственникамъ, прося его выслушать.

Онъ только что изъ города, гдѣ совѣтъ постановилъ самыя великодушныя рѣшенія. Онъ объявилъ въ лестныхъ для насъ выраженіяхъ, что вдовѣ поручено передать о томъ, что городъ беретъ на себя всѣ издержки при погребеніи ея мужа, усыновляетъ ея сына и, кромѣ того, изъ личнаго къ ней самой расположенія просить принять пенсію въ 600 франковъ. Онъ крайне сожалѣетъ, что не можетъ вознаградить болѣе за самопожертваніе такого храбраго, полезнаго, умнаго гражданина. Мать, не ожидавшая всего этого, скоро оправилась и взволнованнымъ голосомъ, не давая воли слезамъ, поблагодарила почетныхъ представителей города.

— Мы принимаемъ съ благодарностью почесть, оказываемую мужу; почесть—не милостыня. Что касается усыновленія сына городомъ, то, мнѣ кажется, онъ долженъ сперва заслужить это, и я прошу у васъ позволенія передать это на совѣтъ родныхъ.

Лично сама, господа, я ни въ чемъ не нуждаюсь, увѣряю васъ. Покойный Дюмонъ не оставилъ меня уже совсѣмъ безъ средствъ. Заведеніе и магазинъ что-нибудь да стоятъ; кромѣ того, я надѣюсь получить съ нашихъ должниковъ. У вдовы не можетъ быть большихъ нуждъ и мнѣ хватить на всю жизнь. А ужъ если сказать вамъ всю правду, то знайте, что если бы даже у меня не было пристанища, то я и въ томъ случаѣ не припала бы отъ васъ помощи. Кровь и жизнь не оплачиваются, господа; вы добрые люди и поймете меня. Я заѣлинаю васъ, прошу, прошу на колѣнахъ, избавьте меня отъ вашихъ денегъ!

При послѣднихъ словахъ она залилась слезами и ея волненіе сообщило всѣмъ присутствующимъ. Городской мэръ, скрывавшій подъ грубою наружностью честный умъ и гуманныя чувства, сталъ извиняться, вмѣсто того, чтобы настаивать. Дѣдушка, зная, что не можетъ избавиться отъ выбора въ мои опекуны, просилъ нѣкоторыхъ разъясненій относительно усыновленія меня городомъ. Морякъ объяснилъ, что до окончанія курса городъ обязывается платить и за право ученія, содержаніе и одежду, — словомъ, «чтобъ я ни копѣйки не стоилъ моимъ родителямъ».

Печальная церемонія положила конецъ разговору. Наши мастеровые привезли на дрогахъ останки отца. Крышка дубоваго гроба была украшена знаменемъ полка, въ которомъ служилъ отецъ.

— Не такъ ждала я тебя, бѣдный Дюмонъ, но все равно: будь желаннымъ гостемъ! — проговорила мать при видѣ гроба.

Гробъ поставили посреди комнаты и вся семья, за исключеніемъ дѣтей, провела у него всю ночь. Эти долгіе часы полной тишины, лишь изрѣдка прерываемой отрывочными рыданіями, не были для меня потеряннымъ временемъ. Примостившись на кончикѣ ковра и закрывъ лицо руками, я мысленно разговаривалъ съ тѣмъ, кто уже не могъ меня слышать. Въ эту памятную ночь я постигъ всю высоту его человѣколюбія, самопожертвованія и чувства братства, примѣръ которыхъ онъ не разъ показывалъ на дѣлѣ. Нѣсколько разъ утомленіе, голодъ и сонъ прерывали мои размышленія, я забывалъ несчастье и видѣлъ отца живымъ, веселымъ. Но часто страшная дѣйствительность всплывала наружу и мнѣ казалось, что я вижу черезъ плотно сбитыя доски черную, обугленную массу человѣка, сплюсненнаго въ комокъ; это ничто, даже меньше чѣмъ ничто. А когда-то онъ былъ

нашъ вполне. Я пробуждался, содрогаясь, и только нѣжное прикосновеніе матери успокоивало мой взволнованный умъ. Съ наступленіемъ дня къ намъ, точно съ неба, свалился мѣшокъ денегъ отъ господина Симоне, богатаго владѣльца фабрики, до сихъ поръ не показывавшаго признаковъ существованія. Онъ сопровождалъ свою посылку письмомъ, въ которомъ пространно и напыщенно излагалъ, что это только первый взносъ, что онъ не оставитъ насъ и на будущее время, считаетъ себя должникомъ той семьи, опора которой умеръ, оказывая ему услугу. У матери еще съ вечера дрожали руки, она не могла писать сама и продиктовали мнѣ холодный и гордый отвѣтъ:

«Милостивый государь, мой мужъ умеръ не за васъ, а за челоуѣчество, — это большая разница. Вы ничѣмъ не обязаны ни предо мной, ни предъ моимъ сыномъ; къ тому же, мы ни въ чемъ не нуждаемся. Я вчера отказалась отъ пенсіи, предлагаемой мнѣ городомъ не для того, чтобы принять сегодня отъ васъ 1,000 франковъ. Посѣщеніе, сочувственное слово были бы приняты отъ васъ съ благодарностью и не обошлись бы вамъ такъ дорого. Остаюсь съ уваженіемъ вашей слугой».

И она четко подписала: *Вдова Дюмонъ*.

Погребальная церемонія началась въ десять часовъ и кончилась въ полдень. Изъ пяти тысячъ жителей нашего города едва ли четвертая часть осталась стеречь дома, и то при проходѣ погребальной процессіи они составили какъ бы живую изгородь у своихъ домовъ.

Подпрефектъ въ полной формѣ, жандармскій начальникъ, судья, мэръ и члены городского совѣта наполняли весь нижній этажъ нашего дома. Пожарные въ полной формѣ и съ крепомъ на рукавахъ стояли съ музыкой на дворѣ. Дѣдушка принималъ выраженія соболѣзнованій, а мать, окруженная важнѣйшими дамами города, тихо плакала въ сторонѣ.

Приносили много вѣнковъ, маленькихъ, большихъ, то изъ бусъ, бумаги, иммортелей, а то изъ лучшихъ цвѣтовъ времени года. Я замѣтилъ одинъ чудесный вѣнокъ; его несли двое дѣтей. На черной лентѣ золотыми буквами было написано: *Нашему спасителю*.

Это было приношеніе четырехъ несчастныхъ, спасенныхъ моимъ отцомъ. Они только что вышли изъ больницы; ихъ родители, смуглые провансальцы, похожи были на выходцевъ съ

того свѣта. Маленькій мальчикъ, имѣвшій на видъ не болѣе десяти лѣтъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Я Жанъ Бонафипоръ. Твой отецъ умеръ за насъ; если ты захочешь, чтобы мы умерли когда-нибудь за тебя...

Я посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Ты славный малый, если самъ дошелъ до этого!

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, указывая на сестру, — она мнѣ приказала сказать это.

Сестра, дѣвочка лѣтъ восьми, маленькая, черная, какъ галка, причесанная такъ, точно кошка лапой проводила по ея волосамъ, была бы безобразна, еслибъ не ея чудесные глаза. Она, заикаясь, проговорила на убійственномъ южномъ нарѣчьи:

— Да, я сказала потому, что это правда и истина.

Я не нашелся, что отвѣтить, а только молча крѣпко обнялъ ихъ.

Тронулись въ путь. Музыка открывала шествіе, затѣмъ шель господинъ Мите съ своими подчиненными.

Гробъ несли Басе и остальные наши работники; они ни за что не хотѣли уступить никому этотъ послѣдній долгъ.

Когда мы проходили по большой улицѣ, гдѣ всѣ магазины были закрыты, дѣдушка, замѣтивъ, что на меня нашелъ столбнякъ, какъ это бываетъ отъ сильной усталости и возбужденія, дотронулся тихо до моего плеча и сказалъ:

— Не отчаявайся, Дюмонъ (это первый разъ онъ назвалъ меня этимъ именемъ, принадлежавшимъ до сихъ поръ моему отцу). Подыми голову, дитя, смотри на меня; докажи этой маскѣ, что ты понимаешь ея мысль и что торжественное выраженіе ея горя будетъ великимъ поученіемъ твоей жизни.

Мой удивленный и тревожный взглядъ показалъ, что ему слѣдуетъ разъяснить смыслъ его словъ:

— Какъ, развѣ тебѣ кажется естественнымъ, что городъ и деревня воздають такія почести скромному плотнику, сыну какого-то несчастнаго крестьянина? Тебѣ не приходило на умъ, что ни начальника департамента, ни графа Талемона, предокъ котораго участвовалъ въ крестовомъ походѣ, ни банкира Пулярда, ни Симоне, однимъ словомъ, всѣхъ этихъ богачей не будутъ такъ хоронить и оплакивать, какъ твоего отца. Подражай ему во всемъ, что бы ни случилось! Смерть—ничего, но тяжеле и ненавистнѣе переживать ее. Отчего я не могу быть на его мѣстѣ!

На кладбищѣ было сказано три надгробныхъ слова: подпрефектомъ, мѣромъ и капитаномъ пожарныхъ Мите. Двое ораторовъ были мало опытные, но такъ какъ они говорили просто, то растрогали всѣхъ. Г. Мочинъ, старый суконщикъ, взялъ тему о наследственномъ правѣ добра. Онъ въ яркихъ краскахъ изобразилъ исторію Дюмоновъ, которые въ десяти поколѣніяхъ не совершили ни одного проступка. Онъ показалъ, что сохраненіе чести, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе между бѣдными, почти безграмотными людьми, можетъ выработать рѣдкихъ работниковъ, услужливыхъ сосѣдей, примѣрныхъ гражданъ, а подчасъ даже героевъ. Онъ окончилъ, говоря, что эта кровь не обманетъ ихъ въ лицѣ ребенка, усыновленнаго городомъ.

Бѣдный дѣдушка «за отечество», возбужденный прославленіемъ его рода, не помня себя отъ избытка чувствъ, схватилъ меня въ свои могучія объятія и быстро перебросилъ мѣру, который на виду у всѣхъ крѣпко поцѣловалъ меня, показывая этимъ, что беретъ меня подъ свое покровительство. Я былъ такъ разбитъ, что во всей послѣдующей жизни никогда не чувствовалъ себя такимъ усталымъ, какъ въ этотъ день. Когда кончилась вся церемонія и мы уже возвращались домой, я вырвался изъ толпы, сопровождавшей мать, и пустился бѣгомъ въ поле, какъ школьникъ, избѣгающій урока. Черезъ нѣсколько минутъ бѣшенаго бѣга я устыдился и, боясь, что своимъ отсутствіемъ обезпкою родныхъ, возвращался домой. При поворотѣ изъ одного переулка, между садами, лежавшими за кладбищемъ, я столкнулся носъ съ носомъ съ господиномъ Симоне, проклятымъ владѣльцамъ фабрики. И что же? Этотъ безжалостный, черствый человѣкъ плакалъ навзрыдъ, сидя одиноко на голомъ камнѣ.

ГЛАВА V.

К о л л е г і я .

Послѣ семейнаго совѣта, происходившаго въ городской ратушѣ, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, мой опекунъ и дяди имѣли продолжительное совѣщаніе съ матерью. Родные опасались, что, любя меня, мать не захочетъ разстаться со мной, но она удивила всѣхъ своимъ быстрымъ и мужественнымъ рѣшеніемъ. Съ Басе она уже условилась передать ему мастерскую съ заготовленнымъ товаромъ и сдала ему домъ съ тѣмъ,

чтобы онъ выкупилъ его изъ залога. Относительно устройства нашихъ матеріальныхъ средствъ мать вполнѣ полагалась на усердіе судебного пристава, преданнаго намъ человѣка, взявшаго на себя взысканіе съ нашихъ должниковъ. Когда счета привели въ порядокъ и четвертая часть движимаго имущества была продана, оказалось, что составился капиталъ въ тридцать тысячъ франковъ, вполнѣ достаточный для скромной вдовы. Батерина не хотѣла оставить свою госпожу и довольствовалась небольшимъ жалованьемъ, работая за двоихъ, такъ, что она не была матери въ убытокъ, мое содержаніе—и то стоило бы дороже; пожалуй, пришлось бы тронуть капиталъ, который долженъ былъ остаться неприкосновеннымъ. Эти деньги составляли святыню, такъ какъ были добыты цѣною цѣлой трудовой жизни. Эти два добрыхъ существа впередъ наслаждались тѣмъ, что жертвовали для меня всѣмъ. Предложеніе города относительно моего поступленія въ школу было принято матерью. Я рѣшился быть твердымъ и даже выказывалъ радость по случаю переменъ жизни, но въ душѣ страшно страдалъ при одной мысли, что не могу ежедневно видѣться съ матерью.

Монастырская жизнь школы была мнѣ не по вкусу; я любилъ просторъ и всегда сожалѣлъ о несчастныхъ пансіонерахъ, не разъ жаловавшихся мнѣ на свою горькую долю. Но уваженіе къ старшимъ взяло верхъ; у меня не выходила изъ головы фраза мэра: «надо устроить, чтобъ мальчикъ ни копѣйки не стоилъ своимъ родителямъ». Вотъ почему я сдѣлался пансіонеромъ съ апрѣля мѣсяца.

Всѣ, начиная съ директора и его жены до дворника Ломбарда, всѣ ученики, большіе и маленькіе, привяли меня хорошо, ласкали, жалѣли. Вслѣдствіе такого приѣма, пребываніе въ пансіонѣ было, если не вполнѣ приятно, то, все-таки, сносно. Если я страдалъ, прежде нежели освоился съ своимъ положеніемъ, то причиной этому были не личности, а обстоятельства.

Все мнѣ не нравилось: и классная комната, и дортуаръ, и столовая, и даже рекреационный дворъ.

При строгой дисциплинѣ пансіона мои привычки казались чуть ли не преступными. Напримѣръ, я училъ уроки вслухъ, шагая по комнатѣ. Какая дерзость нарушать тишину и безмолвіе такимъ образомъ! Бывало, кончу урокъ и бѣгу въ садъ, рву орѣхи, или отправляюсь на дровяной дворъ и кувyraюсь на опилкахъ. Сама природа внушила мнѣ это

средство заставить отдохнуть умъ физическимъ упражненіемъ. Въ школѣ кончишь ты одинъ урокъ, бери слѣдующій въ томъ же родѣ, и такъ проходятъ три часа, назначенные для приготовления уроковъ. И вотъ въ 12 лѣтъ я былъ обреченъ на то, чтобы сидѣть три часа подрядъ, не говоря ни слова съ своими сосѣдями и не имѣя возможности читать какую-нибудь книгу, не относящуюся къ предмету урока, слѣдовательно, запрещенную. Я зналъ несчастныхъ пансіонеровъ, которые, за неимѣніемъ другихъ книгъ, читали словари, подобно тому, какъ лошади съ голоду грызутъ дерево яслей.

Старый монастырь, преобразованный въ коллегію, было огромное зданіе, болѣе обширное, чѣмъ слѣдовало. Въ немъ свободно могли помѣститься всѣ наши профессора съ семействами и, такимъ образомъ, живя между нами, занялись бы нашимъ воспитаніемъ; но это никому не пришло въ голову. Мы сами, дѣти, открыли бы до пятидесяти чистенькихъ келій, удобныхъ и требующихъ самого незначительнаго ремонта, такъ что каждый почти имѣлъ бы отдѣльный уголокъ, вмѣсто общаго огромнаго дортуара, холоднаго зимой, душливаго лѣтомъ, — словомъ, вреднаго въ продолженіе круглаго года. Но въ этомъ заведеніи было правило, чтобы всѣ спали вмѣстѣ. Будили насъ барабаномъ, потомъ мы мылись передъ небольшимъ умывальникомъ съ тонкою струей холодной воды, которой едва доставало умыть лицо и руки. Отецъ пріучилъ меня каждый день съ головы до ногъ обтираться губкой, обмокнутой въ холодную воду, что занимало не болѣе двухъ минутъ. Но я принужденъ былъ оставить эту привычку, такъ какъ она не согласовалась съ установленными порядками, и только по воскресеньямъ вознаграждалъ себя за цѣлую недѣлю.

Что я перенесъ легче всего, несмотря на опасенія матери, это перемѣну пици. Но за то всею душой ненавидѣлъ дворъ, куда насъ выпускали въ часы отдыха. Это была безобразная, голая, всегда пыльная или топкая, смотря по времени года, площадка; кругомъ нея шли дряхлыя каменные стѣны съ воротами, запертыми тяжелымъ засовомъ, какъ въ тюрьмахъ. Хотя дворъ былъ и очень малъ для тридцати учениковъ, но для порядка и лучшаго наблюденія за учениками его раздѣлили сквозною рѣшеткой на двѣ части. Но въ свободномъ мѣстѣ недостатка не было: невдалекѣ виднѣлись большія деревья сада, теперь находившагося въ распоряженіи одного директора. Однажды я спро-

силъ нашего молодого учителя, почему пансіонеровъ не пускаютъ туда. Онъ, ни капли не затрудняясь, отвѣтилъ:

— Потому, дитя мое, что они бы все это какъ разъ разрушили; отъ этого не посадили деревьевъ и здѣсь, на дворѣ.

Это открытіе удивило меня: я посѣщалъ много садовъ, но ни въ одномъ не дѣлалъ ни малѣйшихъ опустошеній; у меня въ собственномъ распоряженіи дома было нѣсколько деревьевъ и я не покушался ни разу уничтожить ихъ. Положимъ, я тогда еще не былъ пансіонеромъ и, значить, не могъ считаться зловреднымъ существомъ.

На нашемъ узкомъ, скучномъ, пустомъ дворѣ мы не могли даже въ волю набѣгаться, потому что буйныя игры и различныя тѣлесныя упражненія были запрещены. Всѣ мои усилія подбить товарищей ни къ чему не приводили; многіе уже освоились съ своею монотонною жизнью. А, между тѣмъ, какъ бы хорошо мы могли порѣзвиться подъ тѣнистыми липами бульвара или на площади ратуши!

О, я могъ менѣе чѣмъ въ четверть часа, при средней скорости, добѣжать до лѣса Лезори, гдѣ мохъ вокругъ старыхъ дубовъ мягокъ, какъ бархатъ. Все это было такъ хорошо съ недѣлю тому назадъ; директоръ, профессора и наставники находили естественнымъ, чтоходящіе могутъ пользоваться этимъ воздухомъ, здоровымъ для легкихъ и мускуловъ; но пансіонеру предписывается совсѣмъ другой образъ жизни. Мать приходила поцѣловать меня въ часы отдыха, въ пріемную, а мнѣ не позволяли сбѣгать къ ней за тѣмъ же. Какъ можно! Это противно правиламъ заведенія, это бы развлекло меня!

По четвергамъ, послѣ завтрака, мы совершали прогулку или, лучше сказать, маршировку по улицамъ въ продолженіе трехъ или четырехъ часовъ. Шли парами, подъ скучнымъ наблюдениемъ наставника, старшіе впереди, младшіе сзади, безъ малѣйшаго интереса и желанія, безъ всякой опредѣленной цѣли, и возвращались тѣмъ же путемъ. Мы ненавидѣли эту барщину и возвращались всѣ въ пыли, недовольные и усталые.

Такой образъ жизни не могъ не вліять на меня. Я уже не такъ усердно училъ свои уроки, не съ такимъ жаромъ писалъ сочиненія. Меня уже не считали примѣрнымъ ученикомъ, мое хорошее расположеніе духа, дѣятельность, излишнее здоровье были приняты за неисправимую легкомысленность, а быстрые отвѣты на замѣчанія нашихъ надзирателей составили мнѣ репу-

тацію дурнаго характера. Меня строго наказывали за нарушение порядка: то задавали лишнія задачи, то лишали отдыха на рекреационномъ дворѣ, чему, впрочемъ, я былъ очень радъ. Дѣйствительнымъ, ошутительнымъ для меня наказаніемъ было лишеніе отпуска въ праздникъ. Я жилъ только по воскресеньямъ. Я опрометью пускался къ маленькому домику, на бѣгу цѣловалъ Катерину, затѣмъ нѣжился до полудня въ объятіяхъ матери, которая прихорашивалась въ ожиданіи меня. Послѣ сытнаго завтрака мы отправлялись съ ней гулять или посѣщали нашихъ друзей; если же стояла очень хорошая погода, то отправлялись въ поле или лѣсъ, гдѣ я бѣгалъ, отдыхалъ на травѣ, бесѣдовалъ по душѣ, строя предположенія о будущемъ; такъ я проводилъ этотъ счастливый день, увы, такой короткій! Иногда съ утра мы отправлялись въ Лони, гдѣ старики оживали при видѣ насъ. Бабушка «за отечество» дѣлала по этому случаю небывалые пиры; мы истребляли неизмѣримое количество малины и жирнаго творога. Но я наслаждался уже тѣмъ, что снова могу видѣть дорогіе уголки стараго дома, поласкать собаку, кошку, корову и даже свинью. Я каждый разъ заставлялъ дѣдушку показать мнѣ все его хозяйство. Я всецѣло завладѣвалъ имъ, таскалъ его по саду, по огороду, винограднику. Бывали минуты, когда и въ эти праздничные дни мы невольно вспоминали о дорогомъ намъ чловѣкѣ и воспоминанія о немъ невольно вызывали слезы у всѣхъ насъ, но, все-таки, было хорошо.

Такъ какъ я долженъ былъ возвращаться ровно въ девять часовъ, то мы обѣдали рано; бабушка съ дѣдушкой набивали мнѣ карманы разными сладостями, давали въ руку корзину съ провизіей и въ 8 часовъ мы отправлялись въ путь.

Посудите сами, что я почувствовалъ, когда въ первый разъ учитель бросилъ мнѣ слѣдующія слова:

— Безъ отпуска!

Я не говорю, чтобъ это наказаніе было несправедливо и чрезмерно; я поколотилъ одного товарища при выходѣ изъ столовой. Это былъ Огюсть Пулярдъ, дурной ученикъ и вообще существо посредственное во всѣхъ отношеніяхъ; онъ осмѣлился назвать меня насмѣшливымъ прозвищемъ моего отца: *добрый самарянинъ*. Эта насмѣшка надъ отцомъ, всего послѣ двухъ мѣсяцевъ его смерти, показала мнѣ не только оскорбительной, но и святотатственной.

Мой сосѣдъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Назови его сыномъ ростовщика.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я не знаю, что за человѣкъ его отецъ; вѣдь, онъ мнѣ ничего дурнаго не сдѣлалъ; но я помѣряюсь съ его сыномъ.

Какъ только насъ выпустили на дворъ, я подбѣжалъ къ Пулярду и закричалъ:

— А ну-ка, кто изъ насъ одержитъ верхъ?

Онъ сталъ въ оборонительную позу, призывая другихъ на помощь. Когда его вырвали изъ моихъ рукъ, я уже успѣлъ нанести ему 12 ударовъ кулакомъ, такъ что все лицо его было въ крови.

Нашъ учитель былъ бы, вѣроятно, гораздо снисходительнѣе, если бы зналъ, за что я побилъ Огюста. Я не желалъ оправдываться и предпочелъ подвергнуться наказанію; случись это полугодомъ раньше я, конечно, рассказалъ бы все, какъ было, но школа привила мнѣ свои недостатки и, въ то же время, выработала качества, которыя пріобрѣтаются только въ школьной обстановкѣ, развило чувство дружбы, товарищества. Иногда драка можетъ даже сблизить дѣтей, какъ, напримѣръ, было въ моей исторіи съ Огюстомъ; онъ простилъ мою жестокость и вскорѣ наслѣдникъ 24 тысячъ ливровъ и бѣдный стипендіатъ сдѣлались друзьями. Когда онъ узналъ, что его отецъ, весьма вліятельный человѣкъ, главный совѣтникъ и депутатъ общественнаго совѣта, отзывался обо мнѣ, какъ о сорви-головѣ, не заслуживающемъ благодѣяній города, онъ взялъ вину на себя и такъ горячо ходатайствовалъ за меня, что получилъ позволеніе пригласить меня на всѣ каникулы въ замокъ Ларси. Я былъ очень тронутъ этимъ пріемомъ, но мнѣ было не по себѣ въ замкѣ; настоящій отдыхъ для меня могъ быть только въ домѣ у дѣдушки съ бабушкой. Въ тотъ же вечеръ, какъ насъ распустили, я отнесъ книги домой, положилъ на могилу отца вѣнокъ и, вмѣстѣ съ матерью и Катериной, отправился въ деревню. Тамъ уже ожидали насъ и впередъ распредѣлили намъ занятія, такъ какъ мы располагали провести тамъ два мѣсяца.

Матушка занималась починкой и шитьемъ бѣлья, а Катерина должна была помогать бабушкѣ по хозяйству. На мою долю выналь лучший жребій: дѣдушка задался мыслью научить меня лучшему въ мірѣ ремеслу, по его мнѣнію, и, дѣйствительно, онъ вполне достигъ своего, потому что я, благодаря его урокамъ, крестьянинъ до мозга костей. Заключение, спертый воздухъ колле-

ги надломили мое здоровье. Я вытянулся, раздался въ плечахъ, но цвѣтъ моего лица былъ блѣднѣе прежняго. Жизнь въ открытомъ полѣ, сѣнокосъ, сборъ винограда, работа заступомъ и лопатой, охота за перепелами,—все это вскорѣ влило новую кровь въ мои жилы.

Школьная форма съ золотыми пуговицами на лѣто отъ моли была убрана въ шкафъ и уступила мѣсто нанговой курткѣ. Конечно, часть времени шла и на приготовленіе заданныхъ уроковъ. Въ продолженіе лѣта я, по собственному желанію, выучилъ сорокъ басенъ Лафонтена.

Въ первый понедѣльникъ октября, когда я, въ числѣ прочихъ несчастныхъ, возвратился въ коллегію, старый профессоръ поздравилъ меня съ цвѣтущимъ здоровьемъ, пересмотрѣлъ мои работы и замѣтилъ, что я сдѣлалъ успѣхи въ орѳографіи и латинскомъ языкѣ.

— Удивительно,—сказалъ онъ при мнѣ директору,—этотъ ребенокъ сдѣлалъ больше въ два мѣсяца, чѣмъ въ продолженіе цѣлой четверти учебнаго года.

— Это, можетъ быть, потому, что я былъ какъ заключенная птица,—замѣтилъ я робко.

Господинъ Доръ ласково потрепалъ меня за ухо и сказалъ:

— Глухая голова! Ты пожалѣешь впоследствии эту бѣдную старую тюрьму.

Пока мнѣ въ ней было пріятно, я съ удовольствіемъ встрѣчался съ прежними товарищами и знакомился съ новыми. Однажды я проходилъ мимо младшаго класса, какъ вдругъ оттуда выбѣжалъ новый приходящій ученикъ и бросился обвинять меня. Это былъ мальчикъ-провансалець, спасенный мной отцомъ. Я часто встрѣчался съ нимъ у моей матери, а иногда у его родителей. Семейство Бонафиноръ устроилось порядочно въ одномъ изъ новыхъ помѣщеній фабрики. Они принимали меня всегда съ радостью, но мнѣ не нравилась ихъ чрезмѣрная суетливость и любовь къ изліянію чувствъ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ. Къ тому же, на мои нервы дурно дѣйствовали ихъ предательскій акцентъ и пряныя кушанья г-жи Бонафиноръ. Дочь ихъ, Барбара, приобрѣла два зуба со времени нашей первой встрѣчи; волосы у нея были обрѣзаны въ кружокъ. Она ни капли не похорошѣла и, сознавая свое безобразіе, нерѣдко потѣшалась сама надъ собой. Съ ней нельзя было соскучиться, и мы всегда весело проводили вмѣстѣ время. Я

часто бралъ ихъ съ собою въ садъ дѣдушки въ Лони, а они, въ свою очередь, водили меня по всей фабрикѣ, и вскорѣ я изучилъ ее до мельчайшихъ подробностей. Но если случайно во время нашихъ веселыхъ игръ появлялась угловатая фигура Симоне съ воробьинымъ носомъ и краснымъ лицомъ, мы, какъ мыши, прятались, куда попало. Я и мои маленькіе друзья дрожали передъ этимъ безобразнымъ человѣкомъ, хотя отецъ ихъ, да и всѣ прочіе, отзывались о немъ хорошо.

Глава VI.

Новый директоръ.

Весною 1844 года исполнилось четыре года послѣ смерти моего отца и пребывания въ коллегіи. Всѣ говорили въ одинъ голосъ, что я черезъ-чуръ ужь высокъ для шестнадцатилѣтняго мальчика. Профессора относились ко мнѣ съ уваженіемъ, воспитанники любили меня и никто уже не оспаривалъ у меня первенства въ классѣ. Мать все еще носила трауръ; она совсѣмъ не измѣнилась и, благодаря друзьямъ, устроившимъ наши дѣла, не нуждалась ни въ чемъ. Басе выкунилъ нашъ домъ; прочіе долги также были уплачены. Тридцать пять тысячъ франковъ давали 1,600 франковъ дохода. Все шло благополучно въ нашемъ маленькомъ уголкѣ, какъ вдругъ непредвидѣнное обстоятельство взволновало коллегію и весь городъ: нашъ старый директоръ, Доръ, подалъ въ отставку. Шестидесятилѣтній старикъ, прослужившій сорокъ лѣтъ, нажилъ себѣ ревматизмъ въ стѣнахъ нашей общей тюрьмы и теперь отправлялся на покой. Онъ приобрѣлъ достаточныя средства, чтобы жить довольно широко у себя на родинѣ; тамъ все было дешево, такъ какъ фунтъ масла стоилъ тамъ восемь су, а сотня устрицъ четыре. У г-жи Доръ было на родинѣ, въ Бретани, небольшое имѣніе.

Отъѣздъ директора встревожилъ не только его сослуживцевъ, но и весь городъ.

Изъ учениковъ коллегіи, можетъ быть, двое или трое образовались этому обстоятельству, остальнымъ было жалко разставаться съ добрымъ начальникомъ. Видъ его преемника, котораго онъ выбралъ самъ, привелъ насъ въ изумленіе. Насколько г. Доръ былъ опрятенъ, изысканъ и представительенъ съ его сѣдыми небольшими баками, въ ловко сшитомъ платьѣ съ стоячимъ воротникомъ, настолько г. Матцельманъ показался намъ неуклюжимъ и строгимъ.

Длинные волосы, густая борода, широкое пальто и мягкая шляпа, — все чисто, но такъ просто, что онъ своимъ видомъ невольно напоминалъ дунайскаго мужика. Ходили слухи, что новый директоръ—креатура Виктора Бузена. Этотъ философъ будто бы нашелъ его умирающимъ съ голода въ какой-то промышленной школѣ, взялъ его къ себѣ для переводовъ нѣмецкихъ писателей и въ вознагражденіе за это послалъ на три года въ Англию, Пруссію и Швейцарію, а потомъ выхлопоталъ своему прежнему сотруднику мѣсто въ коллегіи, бывшей на плохомъ счету и подъ вѣдѣніемъ добродушныхъ попечителей. Подъ впечатлѣніемъ этой молвы учителя и ученики простились съ г. Дорь. Въ день его отъѣзда дворъ былъ полонъ посѣтителями; всѣ хотѣли позать руку отъѣзжавшему. Г. Матцельманъ съ своими тремя сыновьями храбро присутствовалъ при этомъ выраженіи сожалѣнія, не обѣщавшимъ ему ничего хорошаго. Когда дорожная карета скрылась изъ вида, мэръ съ новымъ директоромъ направились вмѣстѣ въ коллегію, и г. мэръ уже поздно вечеромъ возвратился оттуда. На другой день, въ 9 часовъ вечера, возвращаясь изъ отпуска въ свою тюрьму, я съ горечью думалъ, что вотъ сейчасъ тяжелая дверь снова захлопнется за мною на цѣлую недѣлю, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что нѣтъ болѣе ни двери, ни привратника. На порогѣ трое товарищей стояли, удивленные этою неожиданностью. Вошелъ еще ученикъ съ фруктами и соленымъ масломъ въ рукахъ и объявилъ, что г. Матцельманъ приказалъ поновить ворота и на мѣсяць далъ отпускъ нашему церберу Ломбарду. Это еще не все: входя въ переднюю, мы увидѣли, что барьеръ, отдѣлявшій въ залѣ старшихъ отъ младшихъ, уничтоженъ, оба двора соединены вмѣстѣ, а дверка въ дотолѣ недоступный садъ отворена на обѣ половинки.

— Пойдемъ туда,—сказалъ одинъ большой ученикъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—это было бы низко, потому что онъ не занерть.

Всѣ были того мнѣнія, что теперь какая-либо выходка неумѣстна при настоящемъ положеніи вещей, и мы отправились въ дортуаръ, гдѣ насъ ожидалъ еще новый сюрпризъ.

Нашъ молодой наставникъ, писавшій изрѣдка стихи, а впоследствии составившій себѣ извѣстное имя въ литературѣ, ждалъ, чтобы мы собрались всѣ, и тогда только обратился къ намъ:

— Новый начальникъ, зная, что мнѣ приходится работать по

вечерамъ, былъ такъ любезенъ, что далъ въ мое распоряженіе отдѣльную комнату. (Тутъ онъ указалъ на пустое мѣсто, гдѣ прежде стояла его кровать). Но онъ сдѣлалъ это одолженіе временно, желая, въ то же время, угодить и вамъ. Отъ вашего поведенія зависитъ, придется ли мнѣ пользоваться даннымъ разрѣшеніемъ, или нѣтъ. Поэтому прошу васъ, докажите, что вы можете вести себя хорошо въ дортуарѣ безъ всяческаго надзора.

Ученики отвѣчали хоромъ, что съ этихъ поръ будутъ слѣдить одинъ за другимъ.

— Если вы сдержите ваше слово, то обяжете не меня одного: имѣю основаніе думать, что и вы будете вознаграждены за это.

Никто не понялъ тогда сокровенности этихъ словъ. Въ домѣ царилъ духъ свободы; двое или трое шалуновъ, вздумавшіе злоупотребить ею, были быстро поставлены на должный путь.

Утромъ на другой день два старшихъ воспитанника втораго класса нашли у себя на пюпитрахъ приглашеніе позавтракать съ г. и г-жей Матцельманъ. Они возвратились къ классу совершенно очарованные директорскою семьей и съ восторгомъ рассказывали о прекрасномъ садѣ, по которому ихъ водилъ директоръ, покуривая изъ фарфоровой трубки. Два другихъ были приглашены къ обѣду, и, такимъ образомъ, въ продолженіе недѣли тамъ перебивалъ весь пансіонъ и ознакомился съ директоромъ, его семьей и ихъ образомъ жизни. Когда г-жа Матцельманъ съ дочерью выходили для прогулки въ рекреационный дворъ, каждый изъ насъ подходилъ къ нимъ съ такою вѣжливостью, точно дѣло происходило въ гостиной. Онѣ проводили насъ въ глубину сада, куда не отваживался проникнуть безъ приглашенія ни одинъ ученикъ. Тамъ насъ ждалъ самъ директоръ, хвалилъ насъ за сдержанность и просилъ менѣе стѣсняться на будущее время. Этотъ земной рай представлялъ рѣдкій и любопытный образецъ стариннаго французскаго садоводства. Тамъ можно было встрѣтить и водоемы изъ шлифованнаго камня, и статуи фавновъ на украшенныхъ мхомъ подставкахъ, и стойки для иллюминаціи вродѣ пирамидъ, огромный ливанскій кедръ и многія другія деревья, которыхъ больше уже не сажаютъ, какъ, напримѣръ, розовое вишневое дерево съ своими маленькими красными плодами на длинномъ стебелькѣ. Старыя деревья длинными шпалерами тянулись вдоль стѣнъ огорода, а грядка овощей была обрамлена сплошною массой цвѣтовъ. Все это немного заглохло,

пока привратникъ и подмастерье садовника были въ отпуску. Сыновья директора сами взялись за скребки и лопатки; мы послѣдовали ихъ примѣру и это занятіе столько же понравилось намъ, какъ игра въ кубарь или кегли; а профессора и учителя съ любовью смотрѣли на нашу работу и даже сами принимали въ ней участіе. Директоръ и его семья были добрые люди, безъ всякихъ предразсудковъ, принимали радушно всѣхъ безъ различія, такъ что скоро нашъ садъ сталъ соперничать съ общественнымъ. Сюда приходила иногда моя мать; г-жа Бонафипоръ приводила свою дѣвочку; самыя благовоспитанныя дѣвицы, дочери Симоне, сестра моего друга Пулярда, три дочери г. Фондринъ, принесли съ собой вышиванье или вязанье.

Г. Матцельманъ воспользовался случаемъ, чтобы ввести въ коллегіи доселѣ не приходившее никому въ умъ преподаваніе. Онъ отправился къ г. Андре, лучшему городскому садовнику, добродушному человѣку патриархальнаго нрава.

— Мнѣ надо,—сказалъ директоръ,—преподавателя по садоводству, знающаго свое дѣло и безкорыстнаго, такъ какъ бюджетъ коллегіи не даетъ ни одного су за эти уроки. Общественная молва совѣтовала мнѣ обратиться къ вамъ. Вы согласны?

— Весьма охотно,—согласился добрякъ.—У меня мало работы, а торговля идетъ тихо.

Это безвозмездное преподаваніе обогатило самого Андре. Наслѣдники славнаго учителя владѣютъ теперь самыми лучшими разсадниками на всемъ земномъ шарѣ; округъ населенъ любителями всѣхъ родовъ: одни сами колеруютъ розы, другіе подводятъ плодовые деревья, третьи разсаживаютъ камеліи и бегоніи безъ всякой посторонней помощи. Садовые работы уничтожили, какъ по волшебству, воровство и мотовство, привившіяся къ намъ въ пансіонѣ.

Можно сказать, что земля у того, кто воздѣлываетъ ее, развиваетъ духъ безграничной бережливости. Мы, напримѣръ, если бы это было возможно, скорѣе прибавили бы сто штукъ земляники, чѣмъ сорвать хотя одну тайкомъ. Дѣло въ томъ, что мы мечтали набрать цѣлую корзину ягодъ для директора, и это ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ событіе наступило въ первыхъ числахъ іюня. Г. Матцельманъ встрѣтилъ наше посольство съ широкою улыбкой на добродушномъ лицѣ.

— Какіе вы милые, но только мы не въ состояніи съѣсть это одни, тутъ хватить на всю коллегію, и вы лучше сдѣлаете,

если пригласите насъ завтра къ себѣ въ столовую. Ягоды будутъ вкуснѣе, когда простоятъ ночь, мы дадимъ сахару и принесемъ наше блюдо.

Это было событіе государственное. Мысль, что мы будемъ принимать за своимъ столомъ директора съ семьей, взбудоражила нашъ умъ. Мы безпокоились и мучались, какъ хозяинъ дома при первомъ опытѣ. Насъ смущали тарелки, стоявшія пять су, приборы наглядной мѣды. Мы выпросили изъ города бѣлье и серебро, сдѣлали складчину и заказали слоеный пирогъ умѣлому челоуѣку, хозяину гостиницы подъ названіемъ «Вѣнокъ». Мы воспользовались для этого любезностью приходящихъ, потому что никто изъ насъ еще не отважился переступить за ворота: нравственная ограда останавливала насъ.

За четверть часа до обѣда большіе и малые отправились по дортуарамъ, чтобы вымыть руки и пригладить волосы, чего прежде никогда не бывало. Учителя также немного занялись своимъ туалетомъ, а когда семья г. Матцельмана вошла въ столовую при звукѣ колокола, мы замѣтили, что на директорѣ, вмѣсто обыкновеннаго широкаго скюртука, была надѣта синяя куртка. Поваръ не взялся увеличить число блюдъ противъ обыкновеннаго; но онъ за то постарался надъ супомъ и двумя другими блюдами; обѣдъ на этотъ разъ былъ лучше, хотя стоилъ то же самое, но нашъ учитель самъ присматривалъ за приготовленіемъ. Матцельманы сдѣлали честь нашему слоеному пирогу, а земляники хватило для всѣхъ. Когда директоръ замѣтилъ, что мы всѣ находимся въ хорошемъ расположеніи духа, онъ сказалъ:

— У васъ здѣсь хорошо, дѣти; я еще приду какъ-нибудь.

— Мы всѣ тоже, — прибавила въ одинъ голосъ вся семья.

— Вы всегда будете дорогими гостями, — сказалъ старшій изъ учениговъ, 17-ти лѣтній мальчикъ.

Директоръ, по всей вѣроятности, только и ждалъ этого отвѣта, потому что тотчасъ же сталъ рассказывать, что въ Англии, Швейцаріи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ ученики два раза въ день садятся за столъ вмѣстѣ съ учителями и ихъ семействами, что только этимъ способомъ можно подвинуть впередъ образованіе и воспитаніе, эти двѣ равныя части педагогики. Онъ не выговаривалъ слово педагогика, но мы не насмѣхались надъ его произношеніемъ.

Съ этого дня г. Матцельманъ съ семьей обѣдалъ съ нами.

Пища была превосходная, каждый ѣлъ сколько хотѣлъ, ненавистный напитокъ — вода съ кислымъ виномъ — былъ совсѣмъ изгнанъ, никто не пренебрегалъ ни хлѣбомъ, ни мясомъ. Новый строй жизни способствовалъ расширенію нашихъ познаній, зародилъ въ насъ тысячи мыслей и мало-по-малу приучалъ къ правильному мышленію. Въ великую заслугу директора должно поставить то, что онъ позволялъ намъ разговаривать. Онъ какъ будто безъ видимой преднамѣренности перемѣнялъ предметъ нашихъ разсужденій, хотя, развертывая салфетку, онъ уже зналъ, о чемъ поведетъ рѣчь. Одинъ день мы завтракали исторіей, а обѣдали нравоученіями; на другой день онъ намъ преподносилъ блюдо политической экономіи и, какъ добавочную приправу, грамматику, лакомое явство у всѣхъ французовъ. Онъ хотѣлъ, чтобы въ разговорѣ принимали участіе и большіе, и маленькіе, и, дѣйствительно, ему всегда удавалось заинтересовать и тѣхъ, и другихъ. До этихъ семейныхъ уроковъ я не могъ опредѣлить величину пробѣла классическаго образованія. Сколько разъ я задавалъ себѣ вопросъ, какими судьбами лѣнивый ученикъ дѣлался адвокатомъ, извѣстнымъ докторомъ, а получившіе премію ученики нерѣдко считались въ свѣтѣ слабоумными простаками? Только изъ разговоровъ г. Матцельмана объяснилось мнѣ это видимое противорѣчіе и я увидѣлъ, что collegія въ наше время не давала ни малѣйшаго понятія о житейскихъ дѣлахъ. За столомъ десятилѣтній мальчикъ, первый ученикъ въ классѣ, не могъ отвѣтить директору, хлѣбное ли зерно дѣлается изъ муки, или мука изъ зерна.

Г. Матцельманъ зналъ хорошо два языка, французскій и нѣмецкій, въ латинскомъ былъ слабъ, а за свѣдѣнія по греческому языку, я увѣренъ, Филоментъ не поцѣловалъ бы его въ награду. Но онъ, какъ человѣкъ, много мыслившій и работавшій надъ приобрѣтенными имъ знаніями, говорилъ обо всемъ съ видомъ человѣка компетентнаго. Его сужденія отличались утонченными вѣсомъ, глубокимъ взглядомъ даровитаго, талантливаго человѣка. Онъ въ немногихъ словахъ, часто своеобразныхъ и оригинальныхъ, обрисовывалъ видъ страны, цѣлую націю или какого-нибудь знаменитаго человѣка древней и средней исторіи. Странности этого ума доходили до парадоксовъ; онъ никогда не навязывалъ ученикамъ своихъ взглядовъ, а, наоборотъ, всегда старался вызвать насъ на возраженія. Одинъ изъ товарищей, отличавшійся памятью, хотѣлъ отличиться передъ нимъ, повто-

ривъ слово въ слово высказанныя когда-то директоромъ желчныя мнѣнія относительно политики Цицерона.

— Замолчи, попугай, — остановилъ его директоръ, — я спрашиваю твое мнѣніе, а не свое. — Онъ намъ всѣмъ говорилъ ты, также какъ госпожа Матцельманъ и ихъ четырнадцатилѣтняя дочка Гребель, обращающаяся съ нами, какъ съ лучшими товарищами.

Нѣсколько почетныхъ лицъ города, въ томъ числѣ г. Моранъ и мэръ, вошли въ дружескія сношенія съ директоромъ. Этотъ странный человѣкъ, пропитанный до мозга костей новыми идеями, сначала взволновалъ весь городъ и съумѣлъ расположить къ себѣ всѣхъ, кто имѣлъ къ нему какое-нибудь дѣло. Онъ за просто то у себя, то за нашимъ общимъ столомъ принималъ властей. Подпрефектъ часто сталъ заходить на нашъ дворъ и смотрѣлъ на наши работы и игры.

Коммиссія, состоявшая изъ членовъ городского совѣта по нашимъ дѣламъ, имѣла съ директоромъ два, три совѣщанія, и все съ хорошими результатами.

Такъ, разъ утромъ явился въ коллегію мой другъ Басе, завладѣлъ однимъ угломъ двора, выкопалъ ямы, поставилъ въ нихъ толстые большіе шесты, одинъ вертикальный, потоньше, еще горизонтальный, нѣсколько параллельныхъ перекладинъ, небольшую площадку и, такимъ образомъ, устроена была цѣлая гимнастика. Начальникъ пожарныхъ Мите, осмотрѣвъ ее, остался очень доволенъ. Вслѣдъ за этимъ появились штукатуры и маляры; необитаемая до сихъ поръ старая келья отдѣлала заново, починили потолки, побѣлили всѣ стѣны и зданіе приняло веселый, свѣтлый видъ. Особая комната была назначена для стрѣльбы въ цѣль, по швейцарской методѣ. Кромѣ этихъ комнатъ, былъ особый залъ для гимнастическихъ упражненій и образцовый дортуаръ, гдѣ каждый ученикъ имѣлъ особое отдѣленіе и чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ.

Показывая намъ эти чистенькія, уютныя, свѣтлыя комнаты, г. Матцельманъ объявилъ, что мы можемъ привезти свою мебель, если это позволятъ средства нашей семьи. Онъ прибавилъ, что такъ какъ при новомъ размѣщеніи прислугѣ трудно теперь будетъ управляться, то онъ, зная нашу точность и благоразуміе, вполне увѣренъ, что мы не откажемся сами стлать постели, чистить сапоги, носить себѣ воду, — словомъ, содержать все въ полной чистотѣ и аккуратности. Его сыновья подавали намъ въ этомъ хорошій примѣръ.

Мы всё съ восторгомъ приняли это новое постановленіе, и даже избалованный, богатый наслѣдникъ Пулярда, увлеченный новою программой, предположенной директоромъ, воскликнулъ:

— Да я готовъ даже каминъ самъ чистить, если бы онъ былъ тамъ!

Добрый эльзасецъ продолжалъ:

— Чтобы уютнѣе убрать эти скамейки, вы пойдете къ родителямъ и въ лавки, когда захотите, и вообще не считайте коллегію тюрьмой. Я долженъ объявить вамъ, что я уволилъ привратника и ворота теперь всегда будутъ открыты. Но знайте, что если кто-нибудь изъ васъ пропуститъ время урока, я отмѣню свое постановленіе.

Еъ этому заявленію мы отнеслись равнодушно. Съ тѣхъ поръ, какъ родные и друзья свободно стали посѣщать нашъ садъ и дворъ, выходъ за ворота не былъ запретнымъ плодомъ и семья директора обѣдала вмѣстѣ съ нами, насъ болѣе интересовала внутренняя жизнь пансіона, чѣмъ все остальное. Мало того: приходящіе сами пожелали раздѣлить наше заключеніе. Имъ это было охотно разрѣшено. Число учениковъ, занимавшихся гимнастикой, скоро дошло до ста; сначала давалъ уроки г. Мите, а затѣмъ онъ передалъ ихъ двумъ своимъ подначальнымъ пожарнымъ, смѣтливымъ и проворнымъ молодцамъ. Сорокъ человекъ учениковъ выучились отлично стрѣлять; оружіе было выписано изъ Баля. Дѣятельность учениковъ и учителей не дремала: каждый день у насъ являлось новое занятіе. Достали ульи съ пчелами и устроили пчельникъ. Нѣсколько яичекъ шелковичнаго черея, принесенныхъ однимъ изъ приходящихъ, положили основаніе маленькому шелководству. У насъ развелось много домашнихъ животныхъ; благодаря добровольнымъ приношеніямъ всѣхъ лицъ, расположенныхъ къ коллегіи, устроился скотный дворъ, гдѣ гуси, утки, куры, индѣйки и цесарки жадно подбирали остатки нашего стола. Тамъ же находились нѣсколько семействъ кроликовъ, коза, двѣ овцы, свинья; чтобы пополнить наше хозяйство, не доставало коровы и лошади.

Директоръ и его семья знакомы были не съ однимъ наружнымъ видомъ своихъ новыхъ пансіонеровъ, а говорили о нихъ съ научной стороны. Г. Матцельманъ бралъ кролика или ципленка, разрѣзалъ ихъ, давая намъ урокъ анатоміи. Подъ старымъ, но довольно вѣрнымъ микроскопомъ мы разсматривали растительно-животное царство, разные кристаллы, нѣкоторыя

жидкости, кишачія роемъ неугомонныхъ инфузорій. Когда мы благодарили его въ концѣ урока, онъ говорилъ намъ съ угрюмымъ видомъ:

— Я не обладаю большими познаніями. Надо бы, по настоящему, хорошаго профессора естественной исторіи, но его нѣтъ, и я стараюсь, насколько могу, замѣнить его.

Въ концѣ-концовъ, г. Матцельманъ открылъ въ одномъ изъ кварталовъ, недалеко отъ дома, гдѣ жила моя мать, стараго рисовальщика, уволеннаго съ фабрики въ 72 году съ пенсіей въ тысячу экю. Сосѣди считали его за бывшаго коммерсанта, потому ли, что онъ выдавалъ себя за такого, или потому, что у этихъ добрыхъ людей понятіе о томъ, кто рисуетъ, заготавливаетъ для этого бумагу и продаетъ, смѣшивалось въ одно понятіе. Скромный старикъ, когда директоръ, осмотрѣвъ его папки, сталъ просить открыть при коллегіи небольшую мастерскую, отказался, ссылаясь на свою старость и недостатокъ образованія, полученнаго имъ въ ліонской школѣ св. Петра.

— Я учился только орнаментамъ и коллеру, — отговаривался онъ.

— Все-таки, это лучше, чѣмъ ничего, — отвѣтилъ директоръ. — Я никогда и не воображалъ, что мои мальчуганы будутъ артистами, какъ Ингрей, Делакруа и Орасъ Верне. Научите ихъ, чтобъ они могли изображать выпуклости на плоскости такъ, какъковы предметы въ дѣйствительности. Вы сдѣлали бы полезное, доброе дѣло, для чего собственно мы и живемъ на свѣтѣ.

Онъ сразу не сдался, потребовался новый приступъ, но у г. Матцельмана былъ въ запасѣ еще одинъ аргументъ.

— Вы не можете отказаться, потому что это будетъ добрымъ дѣломъ.

И Дюло долженъ былъ отправиться въ коллегію.

Нельзя безнаказанно преступить святыя законы рутины, и новыя идеи всегда встрѣчаютъ препятствія на своемъ пути. Въ концѣ учебнаго года въ городѣ поднялась реакція противъ затѣй г. Матцельмана, такъ что мэръ не на шутку взволновался и былъ вынужденъ, несмотря на то, что самъ поощрялъ всѣ предпріятія директора, вызвать его въ собраніе родителей учениковъ, гдѣ предсѣдательствовалъ г. Пулярдь.

Нравы нашей страны мягки и уступчивы; завтракъ у г. Морана смягчилъ строгость этого судебного засѣданія. Разсужденія и

пренія велись послѣдовательно съ добродушіемъ, не исключавшимъ, однако, извѣстной твердости, и г. Пулярдъ въ такихъ словахъ изложилъ содержаніе преній:

— Городъ выдаетъ средства на содержаніе коллегіи не для того, чтобъ наши дѣти получали какое-то фантастическое образованіе, а съ тѣмъ, чтобы они могли поступить на курсъ риторики и философіи въ императорскую коллегію, съ цѣлью получить степень бакалавра и избрать гражданскую или военную карьеру.

Обвиняемый, нашъ бѣдный дорогой эльзасецъ, плохо защищался въ теченіе спора. Но послѣ десерта, за чашкой чая, онъ заговорилъ горячо и краснорѣчиво. Онъ воздавалъ хвалы юношеству, сравнивая воспримчивость учениковъ съ прекрасными флорентійскими кабинетами, въ которые сколько ни помѣщай драгоценностей, медалей, картинъ, все-таки, найдется пустое мѣсто.

— Повѣрьте моей опытности—говорилъ онъ имъ,—молодой человѣкъ посредственнаго ума, учась десяти предметамъ заразъ, сдѣлаетъ больше успѣховъ въ каждомъ изъ нихъ, чѣмъ если онъ будетъ сидѣть надъ однимъ. Также профессора ваши, мои дорогіе, почтенные коллеги, утверждаютъ, что новое направленіе не мѣшаетъ ни латинскому, ни греческому. Самолюбіе, сословный духъ, можетъ быть, заставляютъ ихъ молчать. Въ несчастію, я самъ плохой словесникъ, чтобъ провѣрить ихъ сужденія, но я нашелъ средство измѣрить уровень ихъ знаній. Я просилъ у директора академіи доставать намъ темы на сочиненія изъ императорской коллегіи. Наши дѣти, не зная этого, помѣрялись съ учениками въ Вилль-Віеннѣ. Теперь ихъ работы тамъ; ихъ исправлять и распредѣлять по достоинству; сегодня я долженъ получить ихъ обратно, и даю вамъ слово, господа, каковы бы ни были послѣдствія, я ихъ сообщу вамъ.

Эта идея была въ то время новостью. Всѣ слушатели одобрили, только мэръ испугался, что его протѣже поступилъ неосторожно, потому что уже давно установилось плохое мнѣніе объ упадкѣ знаній нашего заведенія. Но радость была всеобщей, когда, два дня спустя, пришла оффиціальная бумага за подписью директора академіи, возстановившая доброе имя учениковъ, преподавателей и дѣятельнаго директора. Мы получили ровно половину наградъ первой степени и часть второстепенныхъ. Что касается меня, я былъ поставленъ первымъ въ латинскомъ переводѣ и

третьимъ въ греческомъ. Ректоръ обратилъ на наши успѣхи вниманіе министра, который осыпалъ похвалами учителей, а намъ прислалъ книги съ золоченымъ обрѣзомъ. Съ этихъ поръ нашъ директоръ еще болѣе возвысился въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Этотъ оригиналь, самозванецъ, котораго профессора не рѣшались признать за дѣйствительнаго ученаго, получилъ вдругъ безграничную власть. Вы увидите, какъ онъ воспользовался ею для своихъ учениковъ, а, главное, для моего благополучія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Повѣсть.

I.

Въ 188* году, въ одинъ изъ жаркихъ дней юня мѣсяца, тѣсный ростовскій вокзалъ былъ переполненъ народомъ. Обычные звуки хлопотливой станціонной суеты, — визгъ и грохотъ багажныхъ телѣжекъ, унылое гудѣнье паровозовъ, лязганье желѣзныхъ колесъ по рельсамъ, протяжные переливы сигнальнаго рожка, — вторгаясь въ широко распахнутыя окна вокзала, нестройно смѣшивались съ гуломъ, топотомъ, шарканьемъ и непрестаннымъ говоромъ толпы, похожимъ на жужжанье. Внутри шумъ казался сплошнымъ и съ великою трудностью можно было разобрать въ немъ. Раскатистый дребезгъ подъѣзжавшихъ экипажей усиливалъ его до размѣровъ безпощадныхъ. Въ залѣ господскихъ классовъ быстро носились лакеи, потрясая фалдами своихъ замызганныхъ фраговъ; сновали во всѣ концы шустрые артельщики, съ изумительною готовностью угождая хорошо одѣтымъ пассажирамъ. Люди въ шляпахъ и пальто, въ англійскихъ каскахъ и лѣтнихъ костюмахъ, съ сумками черезъ плечо, съ зонтиками и мелкимъ багажомъ въ рукахъ, съ выраженіемъ заботы на лицахъ торопливо ходили взадъ и впередъ, сталкиваясь, извиняясь на ходу, перебрасываясь краткими сообщеніями, осаждая буфетъ и кассы, обременяя назойливыми запросами равнодушныхъ жандармовъ, съ видомъ величественнаго напряженія стоявшихъ тамъ и сямъ. Женщины сидѣли, точно насѣдки, окруженныя баулами и дорожными мѣшками. Иныя изъ нихъ тупо безмолвствовали, точно ошеломленныя обружающею суматохой; другія волновались, звонко и

безтолково трещали, сбивая съ ногъ артельщиковъ противорѣчивыми приказаніями, и во всѣхъ своихъ движеніяхъ проявляли снѣдавшее ихъ безпокойство. И посреди мятущейся толпы нѣсколько самоувѣренныхъ фигуръ всѣмъ своимъ видомъ обозначали, что онѣ путешествуютъ въ первомъ классѣ, что у нихъ есть слуги и что имъ чужды суетливыя дорожныя заботы.

Черезъ 45 минутъ отходилъ почтовый поѣздъ на «Минеральныя воды».

Въ уголку отдаленнаго дивана, склонившись надъ стаканомъ давно остывшаго чая, въ застѣнчивой и какъ будто принужденной позѣ сидѣлъ довольно еще молодой человѣкъ. Онъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы, гдѣ въ такомъ изобиліи преобладали удивительныя нахичеванскіе носы, черные, какъ уголь, волосы, острые и блистающіе взгляды, лица и фигуры греческихъ, еврейскихъ и другихъ очертаній. Во всѣхъ подробностяхъ его облика сказывалась подлинная, черноземная Русь: свѣтлые глаза, русая бородка, рыхлый носъ и мясистыя, нѣсколько оттопыренныя губы, наивная простота въ движеніяхъ, какая-то тяжеловатая плотность во всемъ складѣ. Отличался онъ и своею одеждой. Ни у кого здѣсь не было черной войлочной шляпы съ такими преувеличенными полями, такого не въ мѣру длиннаго, мѣшковатаго пальто цвѣта недозрѣлой рябины, такихъ широконосыхъ лаковыхъ ботинокъ. И молодой человѣкъ какъ будто постигалъ это различіе. Еще бы ему не постигать! Какой-то армянинъ, лишь косвенно взглянувъ на него, сдвинулъ со стола его зонтикъ и, не сказавъ ни слова въ извиненіе, положилъ на мѣсто зонтика картонку съ жениною шляпкой; кокетливый жинокъ въ широкополой панамѣ безцеремонно притиснулъ его своимъ щегольскимъ чемоданомъ; вертлявый лакей двадцать разъ промчался мимо его стола и, двадцать разъ отозвавшись: «сею минутку», все-таки, не приносилъ ему порцію давно заказаннаго «антрекота». И, вмѣстѣ съ накопленіемъ этихъ знаговъ явнаго пренебреженія, молодой человѣкъ все болѣе и болѣе сжимался въ своемъ уголку и нервически хмурился.

— Pardon, monsieur, вы сидите на моемъ пледѣ, — произнесъ надъ его ухомъ рѣшительный женскій голосъ.

Онъ вскочилъ, покраснѣлъ, какъ только могъ покраснѣть сквозь сильный загаръ, покрывавшій его лицо, и, смущенно отвративъ глаза, пробормоталъ:

— Извините... извините, пожалуйста.

Пледъ взяли, кому - то сказали «тегсі». Молодой человекъ посмотрѣлъ изподлобья и встрѣтился съ насмѣшливымъ, тусклымъ взглядомъ, устремленнымъ на него въ упоръ; точно туманъ разостлался передъ нимъ; въ этомъ туманѣ онъ успѣлъ различить кокетливаго жидка, любезно склонившагося съ пледомъ, и около него щеголевато одѣтую дѣвушку, низенькую, стройную, съ лицомъ не то надменнымъ, не то скучающимъ и съ яркими, — ему бросилась въ глаза эта яркость, — странно искривленными губами. Она быстро отошла, унося пледъ и оставивъ за собой тонкій запахъ необыкновенно дразнящихъ благоуханій. Молодой человекъ, преодолевая смущеніе, хотѣлъ снова занять свое тѣсное мѣсто, но, замѣтивъ пристальный взглядъ сосѣда, съ обиднымъ любопытствомъ обращенный на него, вышелъ изъ-за стола и вмѣшался въ толпу, съ напускною развязностью переставляя свои ноги въ лаковыхъ ботинкахъ.

И, пробираясь къ выходу, онъ снова замѣтилъ смутившую его дѣвицу. И вдругъ ему стало любопытно рассмотреть ее поближе, узнать съ кѣмъ онъ ѣдетъ, угадать «какого полета эта птица», — у него именно сложились въ головѣ такія слова. Онъ сѣлъ къ длинному столу, настойчиво попросилъ «порцію антрекота» и, въ ожиданіи этой порціи, сталъ наблюдать. Рядомъ съ дѣвицей сидѣла другая, черноволосая, румяная, съ крупными и мужественными чертами лица, въ длинномъ плащѣ, небрежно накинутаго на широкія плечи, съ открытою, плохо причесанною головой. Онъ обѣ завтракали. Отъ празднаго вниманія молодаго человека не скрылось, что первая ѣла точно нехотя, изысканно отставляя блѣдный мизинецъ, украшенный камеемъ, односложно отвѣчая наклонившемуся надъ ней пожилому господину въ цилиндрѣ; другая работала ножомъ и вилокъ съ неутомимою подвижностью, широко разставивъ локти, громко и отчетливо выбрасывая слова, не обращая ни малѣйшаго вниманія на кипѣвшую вокругъ суету. Она не понравилась молодому человеку излишнею рѣзкостью своихъ движеній и своею преувеличенною самоувѣренностью; по его мнѣнію, эти «манеры» въ такомъ людномъ мѣстѣ были странны и неуместны. Но еще болѣе не понравился ему, хотя и совсѣмъ по другому поводу, господинъ въ цилиндрѣ: костлявый, прилизанный, съ внимательною улыбкой на измятыхъ губахъ, онъ точно ощупывалъ своимъ неприятно-проникающимъ взглядомъ; гладко выбритое лицо его съ узенькою полоской сѣрыхъ бакенбардъ казалось заостреннымъ; въ прилич-

ной улыбкѣ сквозила какая-то затаенная плотоядность. Въ дѣвушкѣ, съ которой говорилъ этотъ господинъ, примѣтно было нѣкоторое сходство съ нимъ: тотъ же слишкомъ правильный носъ съ тонкими и чуткими ноздрями, та же сѣровая блѣдность въ лицѣ. Но на ея пунцовыхъ губахъ не лежало предупредительной улыбки и глаза были равнодушны. И отецъ, и дочь, — молодой человѣкъ рѣшилъ, что между ними именно такія отношенія, — были одѣты съ большою изысканностью: въ ея ушахъ свѣтились брилліанты, въ каждой подробноти костюма сказывались модные вкусы и художественное усердіе дорогой портнихи; длинный темносиній «реденготъ» съ необыкновенною солидностью облакалъ тщедушныя тѣлеса господина въ цилиндрѣ, на его лѣвой рукѣ висѣло легонькое пальто изъ шершавой англійской матеріи.

«Надо полагать, иностранцы», — подумалъ про себя молодой человѣкъ, прикасаясь къ тощему «антрекоту», наконецъ-то благоволившему явиться передъ его очами.

— Жако! Жако! — закричала черезъ столъ простоволосая, шумно отодвигая тарелку и отирая влажныя губы скромканною салфеткой, — идите сюда, Жако!

И, расталкивая толпу, къ ней развязно подлетѣлъ нескладный, бородастый, несоразмѣрно большаго роста человѣкъ.

— Что *завзгодно* вашей чести, сударыня Марѳа Петровна? — воскликнулъ онъ, съ блаженною игривостью оскабляя лицо и низко кланяясь.

— Когда поѣдемъ?... Узнали, съ которой станціи горы видны?... Много ѣдетъ народу на минеральныя воды? — громко и быстро спрашивала Марѳа Петровна.

Жако мгновенно сталъ серьезенъ. Крутой лобъ его избородился вдругъ набѣжавшими морщинами; во взглядѣ проявилась важность.

— Изъ Таганрога былъ уже звонокъ. А горы... сейчасъ, — онъ торопливо отстегнулъ свою сумку и, вынувъ изъ нея книгу, прочиталъ: — «въ ясную погоду со станціи Невинномысской можно уже замѣтить отдѣльныя вершины горъ... А далѣе, со станціи Курсавки, въ ясную погоду виднѣется снѣжная цѣпь Кавказскаго хребта».

— Ну, погода-то, кажись, ясная. А во сколько приходитъ поѣздъ на ту... какъ ее?

— Невинномысскую?... Сейчасъ. — Жако снова порылся въ

сумкѣ и досталъ оттуда другую книжку, поменьше:—въ Невин-
номысской... въ 3 ч. 53 мин. утра.

— А въ этой... ну, въ другой?

— Въ Курсавкѣ въ 5 ч. 43 мин.

— Раненько; и спать некогда. А въ какіе часы теперь сол-
нышко встаетъ?

Жако заметался, досталъ еще какую-то книжку, но требуе-
мыхъ свѣдѣній въ ней не нашелъ и, чтобы скрыть смущеніе,
сдѣлалъ смѣшную гримасу.

— Въ этихъ широтахъ въ 4 часа съ нѣсколькими минута-
ми восходить солнце,—сообщилъ господинъ въ цилиндрѣ, обстоя-
тельно процѣживая слова.

— Какой вы астрономъ, однако!—небрежно проронила дочь
и, обращаясь къ Жако, сказала:—Яковъ Мионовичъ, узнайте,
пожалуйста, можно ли достать отдѣльное купе.

Жако раскланялся, прикащицкимъ жестомъ приподымая фу-
ражку, игриво подпрыгнулъ и исчезъ.

«Вотъ юродивецъ!» — съ изумленіемъ подумалъ молодой че-
ловѣкъ.

— Вы, Юлія, доставляете много трудовъ господину Пленуш-
кину,—нѣрѣшительно вымолвилъ господинъ въ цилиндрѣ.

Дочь только шевельнула губами высокоомѣрно.

— Онъ малый услужливый,—вмѣшалась Марѳа Петровна,—
его безъ этихъ услугъ скука одолѣветъ.

Господинъ въ цилиндрѣ оборотился къ ней.

— Но согласитесь, *ma-am-selle*,—сказалъ онъ съ преувели-
ченною любезностью,—согласитесь, что господинъ Пленушкинъ,—
онъ понизилъ голосъ,—имѣетъ очень странныя манеры и что...

— Всякъ на свой ладъ,—хладнокровно отрѣзала Юлія и про-
должала по-французски:—вы находите у него странныя манеры,
я нахожу, что онѣ прелестны и, главное, искренни. Это главное.

Господинъ въ цилиндрѣ промолчалъ, слегка пожавъ плечами.

— Ну, кривляться-то онъ здоровъ, это точно,—произнесла
Марѳа Петровна,—тѣлько, вѣдь, и каждый на свой ладъ крив-
ляется. Онъ у насъ «вьюношъ» молодой... исправится. — И до-
бавила, подымаясь:—Пойдемте, Юлія, пройдемтесь: тощица тутъ
въ этой толкотнѣ.

Юлія безпрекословно встала, оправива свой огромный тур-
нюръ и молча послѣдовала за Марѳой Петровной. Господинъ въ
цилиндрѣ неприязненно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

«Значить, не отецъ. Кабы отецъ, не стала бы называть «мосье», — сказалъ себѣ молодой человѣкъ. — Кто же?... Мужъ? — и не будучи въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, обратилъ свое вниманіе на публику.

Въ массѣ стертаго, слизаннаго, отполированнаго люда, въ массѣ соломенныхъ шляпъ и шляпъ - котелковъ, жакетовъ и пиджаковъ странно и рѣзко выдѣлялись люди и костюмы, напоминавшіе близость Азіи. Жестко остриженный кабардинецъ, украшенный непомѣрнымъ количествомъ серебра и оружія, съ осторожностью переступалъ въ своихъ тонкихъ чувакахъ, важно и подозрительно озираясь; эрзерумскій армянинъ въ зеленой шелковой нухѣ и высокой тегеранкѣ изъ фіолетоваго бархата высокомерно оглядывалъ своихъ нахичеванскихъ собратій, затянутыхъ въ узкое европейское платье; щеголь-грузинъ въ бѣлой, какъ снѣгъ, черкескѣ и низенькой кудрявой папахѣ, обшитой галунами, медлительно поводилъ своими прелестными бархатными глазами; подкрашенные персіяне въ шапкахъ, похожихъ на поповскія камилавки, и въ просторныхъ цвѣтныхъ архалукахъ гнусаво стрекотали на своемъ неуволимо быстромъ нарѣчій. Молодой человѣкъ, разумѣется, не понималъ этихъ персіанъ, но впередъ былъ увѣренъ, что толкъ идетъ о какой-нибудь торговлѣ. Еще задолго до Ростова, также какъ и въ самомъ Ростовѣ, его слухъ постоянно былъ обременяемъ такими толками. Виды на пшеницу, надежды на пшеницу, свѣдѣнія о пшеницѣ, цѣны въ Лондонѣ, цѣны въ Марсели, цѣны въ Таганрогѣ... франки, шилинги, пенсы, фрахтъ, дисконтъ, курсъ, вексель, талонъ, барышъ, убытокъ, Скараманга, Вальяно, кули, мѣшки, выгрузка, тарифъ, доставка, — эти и подобныя имъ слова непрерывно мелькали въ его ушахъ и порядкомъ-таки опротивѣли ему.

Онъ расплатился за «антрекотъ» и направился къ выходу. Крики извозчиковъ встрѣтили его у подъѣзда: «Со мной пожалуйте, на рысачкѣ!» — «Со мной, господинъ, вы со мной ѣздили! — «Господинъ, господинъ, обратите свое вниманіе!» — «Куда, дьяволъ, суешься на флячѣ?» — «Не плошѣй тебя, желтоглазая морда!» — «Господинъ, господинъ...» Изъ - за угла вывернулся околоточный и строго погрозилъ пальцемъ; извозчики смолкли. Тогда молодой человѣкъ разсѣянно посмотрѣлъ въ даль. Грязные, закоптѣлые домишки въ тѣсномъ безпорядкѣ облѣпляли холмы. Вправо высилось неуклюжее зданіе собора. Тамъ и сямъ непривѣтливо

краснѣли кирпичныя стѣны, темнѣла запыленная зелень рѣдкой и чахлой растительности, тянулись улицы, обозначаемыя пестрыми рядами крышъ. Высоко стоящее солнце освѣщало городъ сѣрымъ и скучнымъ свѣтомъ. Было жарко.

Молодой человѣкъ съ досадой зѣвнулъ и, снова встрѣтивъ выжидательные взоры безчисленныхъ извожиковъ, торопливо возвратился въ вокзалъ. Онъ кстати припомнилъ, что ему нужно купить билетъ.

— Послушайте, гдѣ помѣщается касса для продажи билетовъ? — спросилъ онъ, вѣжливо касаясь спины стоящаго артельщика.

Тотъ неопредѣленно махнулъ рукой. Молодой человѣкъ не удовлетворился этимъ, — онъ ничего не понялъ, — но, внезапно ощутивъ какую-то неловкость, не рѣшился повторить вопроса. И вдругъ онъ увидѣлъ рѣшетку кассы и жандарма, стоящаго около нея.

— Вамъ который классъ?... Третій классъ направо, — небрежно произнесъ жандармъ, обращая недоброжелательный взглядъ на подходящаго молодого человѣка.

Тотъ вспыхнулъ, смѣрилъ жандарма съ головы до ногъ необыкновенно презрительнымъ взоромъ и, подойдя къ окошку кассы, заявилъ съ легкою дрожью въ голосъ:

— Перваго класса... до станціи Минеральныя воды...

Казалось, онъ кому-то угрожалъ этимъ заявленіемъ и остался ужасно доволенъ, когда жандармъ слегка вытянулся и выразилъ въ лицѣ своемъ почтительное недоумѣніе.

Между тѣмъ, звонокъ возвѣстилъ о приходѣ поѣзда изъ Таганрога. Длинная вереница новыхъ лицъ потянулась по платформѣ. Обмѣнивались привѣтствіями, зывали къ сторожамъ и носильщикамъ; прошла рота солдатъ торопливымъ, равномерно грузнымъ шагомъ. И опять посыпались слова: «Скараманга, Вальяно, фрахтъ, Лондонъ, Марсель, нагрузка, выгрузка, курсъ, дисконтъ»..

У дверей первокласснаго вагона молодой человѣкъ снова увидѣлъ занимавшихъ его пассажировъ. Господинъ въ цилиндрѣ, волнообразно преклоняя спину, пожималъ руку ясноглазого, грудастаго барина, удивительно вымытаго, удивительно благоухающаго, великолѣпно одѣтаго въ лѣтній костюмъ изъ бѣлой шелковой матеріи.

— Очень радъ, очень радъ, господинъ Зиллоти, — пріятнымъ гортаннымъ баритономъ говорилъ баринъ, съ видомъ благосклон-

ной снисходительности отвѣчая на пожатіе, — я ожидалъ васъ встрѣтить... Дѣла идутъ... Но объ этомъ послѣ, послѣ!... Вы тоже въ Есентуки?... Да, батенька, лудить надо наши желудки, лудить, — онъ искоса посматрѣлъ на дѣвицъ, стоявшихъ подлѣ.

— Позвольте познакомить васъ, — встрепенулся господинъ въ цилиндрѣ, осторожно подхватывая барина подъ руку, — дочь моя, Юлія Богдановна... Юрій Константиновичъ Содомцевъ... та-аш-сelle Вохина... господинъ Пленушкинъ.

Содомцевъ, въ свою очередь, привелъ спину въ волнообразное состояніе. Съ его розовыхъ губъ тотчасъ же слетѣли безукоризненныя французскія фразы; дѣвицамъ онъ пожалъ руки, Пленушкину учтиво поклонился, но руки не подалъ. Вохина отвѣтила ему по-русски, Пленушкинъ, видимо, обидѣлся и надулъ губы и одна m-lle Зиллоти поддержала его обращеніе французскою же рѣчью и любезными разсужденіями о предстоящемъ Кавказѣ. Господинъ въ цилиндрѣ сладостно млѣлъ, но въ разговоръ не вступалъ и только почтительно вслушивался, наклонивъ на бокъ голову.

«Стало быть, отецъ», — подумалъ молодой человѣкъ и пошелъ прискивать артельщика.

II.

Поѣздъ отошелъ изъ Ростова. Въ вагонѣ перваго класса, выбравъ уединенное мѣстечко за дверью, въ углу салона, сидѣлъ знакомый намъ молодой человѣкъ. Когда вагонъ былъ еще пусть, онъ занялъ этотъ уголокъ и первымъ дѣломъ снялъ съ себя пальто. Но теперь имъ овладѣло нестерпимое смущеніе: въ салонѣ сидѣли и г-нъ Зиллоти съ дочерью, и великолѣпный Содомцевъ, и Марѳа Петровна Вохина, и Жако Пленушкинъ. И молодому человѣку казалось, что вся компанія неотступно смотритъ на него, дивится его дерзости и съ внутреннимъ негодованіемъ осуждаетъ и его грязноватыя манжеты, застегнутыя серебряными полтинниками, и этотъ проглатый «твиновый» пиджачекъ, и нелѣпыя ботинки, возмутительность которыхъ онъ давно усвоилъ себѣ. Какимъ обворожительнымъ пятномъ должны выдѣляться всѣ эти прелести на зеленомъ бархатѣ дивана и на цвѣтистомъ коврѣ, лежащемъ подъ его ногами! Какъ подходитъ его смѣшное обличье и уморительныя попытки спрятать свои ноги къ этимъ благовоспитаннымъ господамъ съ такими свободными манерами и въ такихъ

неимоვნю изящныхъ одеждахъ! О, какъ проклиналъ молодой человекъ свой необдуманнй порывъ и внезапно возгорѣвшееся желаніе доказать жандарму, что и онъ имѣетъ возможность ѣздить въ первомъ классѣ.

Однако же, только одинъ Пленушкинъ хихикнулъ, окинувъ насмѣшливымъ взглядомъ застѣнчиваго молодаго человека, да м-ле Зиллоти мелькомъ взглянула на него и выразила легкое недоумѣніе. Остальные не обратили ни малѣйшаго вниманія. Вохина стояла у окна и съ любопытствомъ смотрѣла на окрестности, — смотрѣла, какъ мачты безчисленныхъ судовъ толпились у пристани, какъ суетился и двигался рабочій людъ, казавшійся отсюда ничтожными козявками, какъ пересѣкали мутный Донъ крошечныя лодочки и приплюснутые, плоскодонные пароходы съ баржами на буксирѣ, какъ, по мѣрѣ удаленія поѣзда, мало-по-малу умалаялись безпорядочно нагроможденные дома и сливались въ одинъ сѣрый цвѣтъ пестрыхъ крыши. Между другими быстро возникалъ разговоръ. Рѣчь вертѣлась на искусствахъ, на Петербургѣ. Припоминали петербургскіе театры, концерты, выставки, симфоническія собранія. Оказалось, что Содомцевъ, посѣщая Петербургъ, бываетъ только въ итальянской оперѣ да въ Михайловскомъ театрѣ, слушаетъ только г. Рубинштейна да заѣзжихъ изъ-за границы знаменитостей, російскую же музыку не признаетъ и видитъ въ ней жестокіе признаки нашего духовнаго оскуднѣнія.

— Наша музыка—дидактическая музыка, — съ мягкой язвительностью говорилъ онъ, — дидактическая! *Quelle épigme absurdité!*

— Однако, г. Неуважай-Корыто хвалить, — вскользь замѣтила Юлія.

— *Qu'est-ce que se...* — недоумѣвая, произнесъ Содомцевъ. — Она напомнила ему одну изъ фельетонныхъ статей Щедрина. — А, Щедринъ! — засмѣявшись, сказалъ Содомцевъ.

— Что до меня, то я предпочитаю оперетку, — вымолвила Юлія, точно уклоняясь отъ соглашенія съ Содомцевымъ.

— О, да! о, конечно! — подтвердилъ Содомцевъ и съ живостью распространился объ игрѣ гг. Ру и Родона и м-ле Жюдиць («несравненной м-ле Жюдиць»). Господинъ Зиллоти поддакивалъ Содомцеву, но безъ жара: видимо, въ предметъ разговора не было свойствъ, для него привлекательныхъ. Пленушкинъ нѣсколько разъ воспламенялся и какъ будто порывался опровергать, но, вмѣсто того, несвязно бормоталъ имена артистовъ, ве-

личая самыхъ выдающихся по имени-отчеству, и... погасаль, внутренно негодуя. Впрочемъ, когда дѣло коснулось живописи, его такъ и подхватило. Онъ стремительно вскочилъ и, размахивая неуклюжими руками, закричалъ, что и Петръ Ивановичъ великій талантъ, и Иванъ Петровичъ, и Семенъ Ивановичъ великіе таланты, и что у него есть ихъ этюды съ собственноручною надписью, и что... стѣитъ только посмотрѣть, какіе это этюды!... Но Содомцевъ возразилъ на это, что онъ и не думаетъ оспаривать талантливости этихъ господъ, имени которыхъ не имѣетъ чести знать, но направленіе, направленіе!... Тогда Пленушкинъ согласился, что точно, въ направленіи есть изъянъ, и что онъ долго спорилъ объ этомъ съ Петромъ Ивановичемъ, но Петръ Ивановичъ, — удивительно упрямаго характера человѣкъ! — съ нимъ не согласился и, чтобы только прекратить неприятный споръ, подарилъ ему прелестнѣйшій эскизъ акварелью, на которомъ своею ручною написалъ: *Въ знакъ нашихъ прекословіи любезнѣйшему Якову Миронычу Пленушкину.* При этихъ словахъ Яковъ Миронычъ умиленно посмотрѣлъ на Содомцева и проглотилъ слюни. Тотъ даже глаза опустилъ.

— По моему мнѣнію, — сказалъ онъ, нѣсколько оправившись, — таланты еще не дѣлаютъ искусства. Нужно общество, которое давало бы тонъ. А чтобы давать тонъ живописи, нужно богатое и образованное общество. Нуженъ классъ, который бы... который бы... направлялъ.

— Кажется, у насъ есть любители, галлерей... — неувѣренно произнесъ г-нъ Зиллоти.

— Купцы-съ, почтеннѣйшій Богданъ Мемнонычъ, лабазники, — проговорилъ Содомцевъ, слегка раздражаясь, — вновь испеченные провозвѣстники культуры.

— Вы тоже купецъ, Яковъ Миронычъ? — съ усмѣшкой спросила Юлія.

Пленушкинъ стыдливо опустилъ глаза.

— О, есть старая пословица... — и, любезно обращаясь къ Пленушкину, Содомцевъ выразилъ по-французски, что о присутствующихъ не говорятъ. Я самъ люблю наше торговое сословіе, — воскликнулъ онъ, — я, если хотите, самъ купецъ и глубоко уважаю такую сметку, какъ, на примѣръ, у почтеннѣйшаго Петра Петровича. Я самъ твердилъ ему это неоднократно... Но, согласитесь, искусство требуетъ иныхъ попеченій... не правда ли?

— Разумѣется, разумѣется, — бормоталъ Яковъ Миронычъ.

— Покупай, я это понимаю. Покупай гравюру, олеографію, поощри, наконецъ, бѣдняка какого-нибудь, закажи... Но приобрѣтать гуртомъ, дѣлать направленіе, извращать искусство, давать ему тонъ подѣ влияніемъ невѣжественныхъ критиковъ!... Дворяне разорены; это фактъ, но у меня есть очень богатый родственникъ, у него очень дорогія картины и, однако же, онъ убѣгаетъ русскихъ живописцевъ... все извращено, сбито съ толку, приняло несвойственный искусству характеръ... не правда ли?

Поощренный внимательностью Содомцева, Пленушкинъ снова и немедленно согласился.

— Листики, листики,—залепеталъ онъ, широко и сладостно осклабясь,—я говорю Петру Иванычу: пишите листики, пишите фоны, пятна, ну, пожалуй, фигурки, съ сочкомъ этакъ, съ колоритцемъ, вотъ на манеръ Фортуни или Маккарта. Содержаніе придетъ... и культура придетъ, и содержаніе придетъ... Я говорю Петру Иванычу: вы мѣхи-то сдѣлайте, Петръ Иванычъ! За виномъ дѣло не станеть, а пока листики, листики пить фѣль, пить фѣль,—неизвѣстно для чего добавилъ онъ по-французски.

Содомцевъ поднялъ брови и вымолвилъ съ внезапною сухостью:

— Vous avez raison.—Онъ почему-то вообразилъ, что Пленушкинъ надъ нимъ подсмѣивается.

Юлія все время говорила кратко и, видимо, только изъ приличія; казалось, ни театръ, ни живопись, ни музыка ея ни мало не интересовали. Иногда, однако, въ ея глазахъ, странно заслоненныхъ наружною тускlostью, проскользало едва уловимое выраженіе не то надобдливой скуки, не то какой-то ироніи, проскользало и скрывалось безслѣдно, и она, какъ ни въ чемъ не бывало, произносила ходячія безучастныя фразы, отъ которыхъ такъ и отдавало учебникомъ. Но дѣло нѣсколько измѣнилось, когда Содомцевъ ловкимъ и немного безцеремоннымъ оборотомъ, въ дѣйствительную суть котораго такъ и не проникъ бѣдняга Пленушкинъ, свелъ рѣчь на политику и литературу. Онъ и въ той, и въ другой области изъяснилъ умѣренно-свободолюбивыя взгляды, обнаружилъ приверженность къ либерализму «въ европейскомъ смыслѣ слова», осудилъ Петербургъ за его пренебреженіе «къ мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ», тонко и вскользь посмѣялся надъ «кабинетными реформаторами», съ прискорбіемъ отозвался о дѣйствіяхъ, «мало сходныхъ съ духомъ современности», но тутъ же строго осудилъ «неумѣстные порывы и сумасбродныя мечта-

нія», обозвавъ ихъ «дикимъ и глухимъ мальчишествомъ». Тогда m-ле Зиллоти попросила его высказаться пояснѣе, попросила опредѣлить признаки и свойства «неумѣстности» и, выслушавъ отвѣтъ, съ язвительностью стала доказывать, что Содомцевъ противорѣчить себѣ, что одна часть «неумѣстностей» принадлежитъ «компетенціи уголовного права» и о ней нечего распространяться, что другія «неумѣстности» давно получили «право гражданства» въ Европѣ, на которую онъ ссылается. И она безпрестанно прерывала эти небрежныя доказательства будто бы добродушными восклицаніями:

— О, да вы, дѣйствительно, въ европейскомъ смыслѣ либераль, monsieur Содомцевъ! Да «основы» должны трепетать вашихъ взглядовъ! Да ваши любопытныя понятія очень драгоценны!

Эти проницескіе возгласы повергли въ смущеніе г. Зиллоти; онъ открывалъ уже ротъ, чтобы умиротворить злостное краснорѣчіе дочери, но когда посмотрѣлъ на Содомцева, сразу успокоился и даже одобрительно кивнулъ головой. Содомцевъ возражалъ игриво, улыбался съ пріятностью и съ почтительнымъ восхищеніемъ любовался лицомъ Юліи Богдановны, которое было очень красиво подъ вліяніемъ внезапно возникшаго задора. И, конечно, онъ освѣдомился, когда Юлія Богдановна изволила заниматься исторіей. М-ле Зиллоти, точно между строкъ, отвѣтила на это, что жила въ Парижѣ двѣ зимы, посѣщала національную бібліотеку, знакома съ г. Тэномъ, бывала у г-жи Аданъ и, замѣтивъ изумленіе Содомцева, которое онъ не успѣлъ скрыть, внезапно расхохоталась страннымъ визгливымъ смѣхомъ и съ такою же внезапностью снова сдѣлалась серьезна и холодна.

Тогда Юрій Константиновичъ успѣшилъ намекнуть, что размѣры его свободомыслія, въ сущности, весьма обширны, но, во-первыхъ, position oblige, а онъ предводитель дворянства, а, во-вторыхъ... во-вторыхъ, политика въ вагонахъ вещь неудобная (онъ незамѣтно кивнулъ въ сторону застѣнчиваго молодого чловека), и заговорилъ о Парижѣ, о тамошнихъ развлеченіяхъ, о тамошнихъ порядкахъ, о чрезвычайномъ развитіи промышленныхъ предпріятій во Франціи, о свободѣ, о равенствѣ, о братьяхъ Ротшильдахъ, о блистательныхъ дивидендахъ французскихъ желѣзно-дорожныхъ компаній. Тутъ г. Зиллоти вставилъ два-три замѣчанія, сообщилъ о состояніи французскихъ бумагъ на берлинской биржѣ. Содомцевъ же не приминулъ поглумиться надъ жал-

кимъ положеніемъ нашей «желтенькой бумажки» и выразилъ многоходомъ глубокую мысль, что либерализмъ есть синонимъ капитализма и что, чуждаясь перваго, немудрено лишиться благодѣянія послѣдняго. Однако же, добавилъ, что воспретилъ бы «газетчикамъ» оуждать предпріятія, имѣющія силу въ акціяхъ, ибо паденіе таковыхъ несовмѣстно съ пользами государства, и добавилъ это съ видомъ явнаго и большаго раздраженія.

— Святѣйшая истина, — согласился г. Зиллаоти.

Юлія Богдановна промолчала, равнодушно разрѣвая апельсинъ.

Только лишь зашла рѣчь о политикѣ, Пленушкинъ смиренно сократился и, отойдя къ Вохиной, завелъ съ ней длиннѣйшую матерію о русской беллетристикѣ. Впрочемъ, опять-таки не столько о беллетристикѣ, — что съ его стороны было добродушнымъ подвохомъ, — сколько о томъ, что у него есть книжки и карточки извѣстныхъ писателей съ «собственноручною подписью» и что записка «Ивана Сергѣича», начинающаяся словами: «любезный г. Пленушкинъ...» покоится у него въ особомъ ковчегѣ. И тутъ же прибавилъ, что, все-таки, искуснѣй г. Флобера никто въ Россіи не писалъ и не пишетъ и что *La tentation de Saint Antoine* («вещь, запрещенная къ переводу») постоянно хранится у него подъ подушкой. Вохина вяло произнесла на это: «вотъ какъ!» и согласилась, что Флоберъ точно хорошій писатель, но ужасно трудный.

— А, вѣдь, вы, Жако, скверно по-французски-то говорите, — сказала она, — какъ же это вы Флобера одолѣваете?

Но на это Пленушкинъ пренебрежительно повелъ носомъ.

Между тѣмъ, лицо застѣнчиваго молодаго человѣка рѣшительно измѣняло свой видъ. По мѣрѣ того какъ до слуха его стали достигать нѣкоторыя имена и нѣкоторыя разсужденія возвышеннаго свойства, замѣшательство покидало его и особенно сти костюма, повидному, перестали возбуждать въ немъ беспокойство. Онъ смѣло вытянулъ ноги, усѣлся поудобнѣе и весь превратился въ олицетворенное вниманіе. Иногда, казалось, слово готово было сорваться съ его языка, даже губы начинали шевелиться невятно, но онъ сдерживалъ себя или, лучше сказать, слово само по себѣ замирало въ беззвучномъ лепетѣ и онъ продолжалъ слушать съ неимоверною жадностью. И чувство боязливой непріязни къ своимъ спутникамъ мало-по-малу замѣнялось въ немъ боязливымъ благоговѣніемъ. И, конечно, не до

критики ему было. Правда, многое не нравилось ему въ разговорѣ Содомцева, рѣшительно отталкивало подобострастiе г. Зиллоти, показалось неловкимъ поведенiе Пленушкина, когда объяснилось, что онъ купецъ, въ замѣчанiя m-lle Зиллоти не разъ подмывало его внести поправку, то-есть не въ самыя замѣчанiя, а въ этотъ тонъ ея, не соответствующiй серьезному ихъ смыслу, но громкiя имена, произносимыя съ такою привычною простотою, слова и соображенiя, которыя степная глушь привыкла встрѣчать только въ книгахъ, и, наконецъ, присутствiе людей, которые сами, самолично, собственными своими глазами видѣли Парижъ, видѣли г. Тэна и г-жу Аданъ, видѣли «Ивана Сергѣича», и мало того что видѣли,—знакомы, имѣютъ записки, имѣютъ книжки съ надписями,—все это ошеломляло молодого человѣка, повергало его въ пучину своеобразнаго наслажденiя.

«Вотъ тебѣ и юродивецъ!»—съ тайною завистью восклицалъ онъ про себя, поглядывая на Пленушкина, небрежно ковырявшаго въ зубахъ. И онъ не жалѣлъ уже теперь о своемъ вторженiи въ вагонъ перваго класса.

А въ открытыя окна вагона мелькали станицы съ бѣлыми хатами, обозы съ пшеницей, медлительные волю, хохлы въ рубахахъ, заправленныхъ въ шаравары, толпы мужиковъ съ сумками за спиной и съ косами за плечами, длинные зеленые фургоны съ кургузыми нѣмцами на облучкѣ. Вдали величаво крутились вихри, гонимые вѣтромъ. Непрерывная степь широко простиралась во всѣ стороны.

Смеркалось. Дѣвицы простились и ушли въ отдѣльное купѣ. Пленушкинъ помѣстился въ другомъ, которое предложилъ ему любезный оберъ-кондукторъ (этотъ же оберъ-кондукторъ съ особенною подозрительностью посмотрѣлъ билетъ застѣнчиваго молодого человѣка). Содомцевъ и старикъ Зиллоти остались въ салонѣ. И тогда цѣлая сѣть едва знакомыхъ словъ и условныхъ выраженiй раскинулась передъ умственнымъ взоромъ молодого человѣка. Иногда онъ запутывался въ этой сѣти, начиналъ скучать, утомляться, помышлять о снѣ, но вдругъ точно лучъ свѣта падалъ передъ нимъ, и въ мгновенiе ока разговоръ, освѣщенный этимъ лучемъ, возбуждалъ любопытство молодого человѣка и чудодѣйственно прогонялъ его дремоту. И ему начинало казаться, что онъ въ первый разъ попалъ за кулисы, гдѣ блоки и картонныя деревья, облака и полотняныя волны странно перемѣшаны между собою и суетливый режиссеръ выдвигаетъ

еть ихъ въ извѣстный порядокъ, дабы очаровать зрителя видомъ обольстительнаго пейзажа.

Дѣло шло о предполагаемой постройкѣ какой-то желѣзной дороги. Упоминались земства, ходатайства, мѣстные нѣжды, гарантіи, министерства, инспекторскій комитетъ, акціи, облигаціи, авансы, котировка, проекты въ профилѣ, проекты съ экономической, проекты съ стратегической, проекты съ торговой и даже проекты съ нравственной точки зрѣнія. Мелькали фамиліи высокопоставленныхъ лицъ, имена инженеровъ, банкировъ, маклеровъ, дворянскихъ предводителей, земцевъ и, между ними, французскія влички женщинъ извѣстнаго сорта, названія газетъ и, между ними, всего чаще газеты Ксенофонта Пустопорожняго, слова: патриотизмъ, политическая необходимость, подъятіе дворянскаго класса, подъемъ производительности и т. д., и т. д. Г-нъ Зиллоти вертѣлся, точно его поджаривали на медленномъ огнѣ. Онъ то проницательно вглядывался въ лицо Содомцева, какъ бы изловляя какую-то недающуюся ему суть, то сочувственно причмокивалъ языкомъ и, съ видомъ заговорщика понижая голосъ, живо вставлялъ свои замѣчанія.

— Но я предоставилъ въ ея распоряженіе десять акцій,—съ достоинствомъ возразилъ Содомцевъ на одно изъ такихъ замѣчаній.

— О, это, конечно!... Но вы знаете привычки женщинъ, Юрій Константиновичъ: привычки женщинъ, это—деньги... И я вамъ откровенно скажу: акціи котировать теперь невозможно... и, притомъ, это не акціи, но бумажки, бумажки...

— Кредитъ, почтеннѣйшій, кредитъ расширяйте! Самъ знаю, деньги нужны, но, вѣдь, это пропасть какая-то, бочка Данаидъ!

— О, конечно!—уклончиво воскликнулъ г-нъ Зиллоти,—но что вамъ сказалъ Саламатовъ? Въ чьихъ рукахъ находится дѣло?... Директоръ Сладцовъ?... О, я вамъ откровенно скажу, это отличнѣйшій человекъ, прекраснѣйшій!... Но отчего же такой неопредѣленный отвѣтъ Саламатова?

— Стратегія, батенька, вся задача въ стратегіи!... Мутноводскому земству я писалъ. У нихъ великолѣпнѣйшій членъ управы Зюзинъ... Вотъ проектъ—пальчики оближешь. Сто тринадцать статистическихъ таблицъ! Обзоръ историческій, агрономическій, экономическій, торговый, финансовый... и, наконецъ,—это удивительно!—нравственно-назидательный обзоръ. Убѣдительнѣй невозможно. Это чародѣйство какое-то, волшебные замки!... И Зюзину всего только подрядъ на двѣ дистанціи.

— Но авансы, авансы! — тоскливо перебилъ г-нъ Зиллоти.

— Теперь послѣдній проектъ и затѣмъ двинемъ ходатайства.

— Крутогорское дворянство?

— Крутогорское дворянство съ сословной точки зрѣнія будетъ ходатайствовать. Большерѣцкое тоже съ сословной... Ксенофонтъ Пустопорожній статью на эту тему... вы понимаете: «нежелательное преобладаніе грубаго класса, абсентеизмъ по неволѣ, мироѣдство, кулачество, отсутствіе просвѣщеннаго руководства, крайне прискорбныя явленія упадка крестьянскихъ нравовъ»... однимъ словомъ, всѣ онеры! Это уже на мази, затѣмъ купечество...

— Удешевленіе транспорта, облегченіе экспорта, подавленіе иностранной конкуренціи, — быстро и однообразно проговорилъ г-нъ Зиллоти, точно отвѣчая хорошо выдолбленный урокъ.

— И водвореніе фабрикатовъ добавьте. И затѣмъ приударятъ земства вкупѣ отъ всѣхъ сословій. Вы видите... приутовлено, смѣло могу сказать! Но кредитъ, кредитъ, почтеннѣйшій Богданъ Мемноныч!

— О, если бы то было при Макушкинѣ! — жалостно восклицалъ г-нъ Зиллоти, — я вамъ откровенно скажу, Юрій Константиновичъ, если бы это было при Макушкинѣ!... Это все превосходно, что вы говорите, прекрасно... Но отчего же такой неопредѣленный отвѣтъ Саламатова? И почему такіе превосходные проекты и такой неопредѣленный отвѣтъ?... Я вамъ очень откровенно скажу...

— Но поймите же... стратегія!

И разговоръ затихалъ, превращаясь почти въ шепотъ, а собесѣдники все болѣе и болѣе утрачивали свою благовоспитанную сдержанность.

— Это невозможно, — точно уязвленный вскрикивалъ Содомцевъ, — я никогда... («Тсс...» — остерегалъ его г-нъ Зиллоти). Невозможный куртажъ! невѣроятный куртажъ! — шипѣлъ Содомцевъ. — Дѣло ладится, всѣ согласны, препятствія въ пустягахъ, и вдругъ... что вы, батенька!

— Но Юнкеръ не рѣшится, я знаю, что не рѣшится, и, притомъ, Саламатовъ... и я откровенно вамъ скажу, есть другіе соискатели, князь Глинской... И какъ же вы хотите, ежели такой рискъ?

— Но князю не дадутъ концессіи... никогда не дадутъ! — громко произнесъ Содомцевъ.

Г-нъ Зиллоти снова забормоталъ съ изумительнымъ проворствомъ, ласково касаясь руки Содомцева. И Содомцевъ успокоивался, въ свою очередь понижалъ голосъ, вызывая на лицо обычную благосклонную улыбку.

«Вотъ зубы-то другъ другу заговариваютъ!» — подумалъ молодой человѣкъ.

Наконецъ, собесѣдники совершенно утомились, прекратили дѣловой шепотъ, закурили сигары и возвысили голоса.

— Кто это m-lle Вохина?—полюбопытствовалъ Содомцевъ.

— Вохина? Бурсистка. У ея матери, кажется, есть имѣніе въ вашей губерніи, скромное имѣніе.

— Не помню,—процѣдилъ Содомцевъ, будто вспоминая.

— О, это все капризы Юліи,—улыбаясь, сказалъ г-нъ Зиллоти.—Знаете, я вамъ откровенно скажу: одна дочь и нельзя же... Она теперь пригласила ее въ Желѣзноводскъ съ собой.

Содомцевъ въ отиѣнныхъ выраженіяхъ изъяснилъ похвалу Юліи Богдановнѣ.

— Вѣроятно, m-lle Вохина дѣвица безъ состоянія, — замѣтилъ онъ,—и, притомъ, вы въ Есентуки, онѣ—въ Желѣзноводскъ; это очень удобно.—И освѣдомился о Пленушкинѣ.

Богданъ Мемнонычъ насильственно разсмѣялся.

— Капризы, капризы... Господинъ Пленушкинъ—московский и сынъ купца, но вотъ познакомились, говорить объ искусствѣ, о журналистикѣ... Нельзя же, знаете.

Содомцевъ значительно насупилъ лобъ.

— И онъ богатъ, этотъ господинъ?—спросилъ онъ.

— О, да! Отецъ его извѣстный въ Москвѣ. Недавно я дисконтировалъ его вексель, и государственный банкъ съ величайшею готовностью,—и продолжалъ, будто желая въ чемъ разувѣрить Содомцева:—Я вамъ откровенно долженъ сказать: молодой человѣкъ нѣсколько легокъ... нѣсколько балуетъ Юлію... знаете, посылки эти, порученія... нѣсколько... un domestique... Я смотрю на это равнодушно. Но отчего же не позволить? Одна дочь и, притомъ, я вамъ скажу, у ней удивительное образованіе.

Юрій Константиновичъ снова и въ отиѣннѣйшихъ выраженіяхъ одобрилъ Юлію Богдановну.

Настала ночь. Въ окна вѣялъ свѣжій вѣтеръ, раздувая широкимъ парусомъ синія занавѣски. Тускло освѣщенный вагонъ мягко колыхался и вздрагивалъ. Содомцевъ и Зиллоти спали. Изъ отдѣльнаго купэ долго еще доносился живой говоръ дѣвицъ

и даже раза два сухой и короткій смѣхъ Юли послышался оттуда, сопровождаемый громкимъ восклицаніемъ: «Oh, c'est un vrai lourdaud!» Но, наконецъ, и тамъ все смолкло. Молодой человѣкъ облокотился на окно и внимательно смотрѣлъ въ темную даль. Разбиралъ ли онъ что въ этой дали—трудно сказать, но подѣяться къ ней, подѣяться къ ея сумраку и простору въ немъ бродили тихія и тоскливыя мысли. Новыя встрѣчи, новыя впечатлѣнія, предстоящій Кавказъ, недавнюю игру излишней нервности и преувеличеннаго самолюбія,—все мало-по-малу забылъ онъ съ глазу на глазъ съ этою теплою ночью, съ этими высокими небесами, въ которыхъ ярко трепетали звѣзды, съ этою безмятежною тишиною, въ которую такъ странно и такъ кстати вторгался мѣрный, убаюкивающій гулъ поѣзда. Онъ думалъ о томъ, что былъ одинокъ, что вокругъ него точно пустота какая зіяла, за которой совершалась *настоящая*, недоступная ему жизнь, играя чуждыми красками. Онъ думалъ, отчего бы не переступить ему этой пустоты, отчего бы не вѣшнаться въ толпу, не стать въ ряду съ другими, не понести общихъ заботъ, общихъ печалей, общихъ смятеній жизни? Отчего бы? «Аль у сокола крылья связаны?» И онъ начиналъ припоминать свое прошлое, пережитые дни и дѣла, глубокое затишье, гдѣ плавно и глухо протекла его юность, вспоминалъ людей, оберегавшихъ эту юность, вносившихъ въ нее свои взгляды и понятія, и не могъ объяснить себѣ, точно ли связаны его крылья, да и есть ли они у него.

И странное чувство жалости къ самому себѣ шевельнулось въ немъ. Изъ своей глуши онъ, точно въ отвлеченіи, точно посторонними глазами, увидѣлъ себя въ этомъ вагонѣ, гдѣ такъ загадочно колеблется его тѣнь, на пути въ дальній край, боже-о-боже съ людьми чуждаго склада. И словно какой свѣтъ озарилъ передъ нимъ его печальную, уединенную безпріютность. Онъ точно очнулся... и ему захотѣлось плакать. Но онъ не заплакалъ, а, крѣпко стиснувъ голову, воскликнулъ: «Совершенно, совершенно одинъ!» и тотчасъ же прислушался въ испугъ; въ вагонѣ спали; г-нъ Зилоти трогательно и затѣйливо выводилъ пискливыя рулады; дыханіе Содомцева вырывалось съ внушительнымъ хрипомъ.

Тогда молодой человѣкъ легонько вздохнулъ и, въ свою очередь, примостился на узенькомъ диванчикѣ.

А степь тянулась себѣ да тянулась, слегка возвышаясь. Стремительно выдвигались изъ темноты и опять пропадали въ ней

будки, мосты, телеграфные столбы, красные и зеленые огоньки сигналовъ, убогія ногайскія деревни, пугливо притаившіяся въ лощинахъ, крѣпкіе козачьи хутора. Уныло гудѣлъ паровозъ, оглашая молчаливое степное пространство, глухо и сердито фыркалъ поршень, торопливо гремѣли крутящіяся колеса, точно догоняя другъ друга, дребезжали звонки, выкрикивали заспанные кондуктора названія станцій, свистѣли пронзительные свистки. Небо сѣрѣло, свѣтлѣло, уходило въ глубину, тьма раздвигалась, звѣзды погасали одна за другой, точно утопая въ безднѣ. Въ воздухѣ пронеслось влажное дыханіе предразсвѣтныхъ вѣяній, лощины задымились.

Надо, однако, покороче познакомиться намъ съ застѣчивымъ молодымъ человѣкомъ.

III.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ купецъ третьей гильдіи Григорій Шигаевъ совершилъ три поступка: послалъ Ѳ. В. Булгарину ругательное письмо за подписью *Деллеттантъ*, выписалъ *Отечественныя Записки*, начиная съ 40 года, и вступилъ въ бракъ съ мелкопомѣстною дѣвицей дворянскаго званія. Всѣ три поступка казались ему одинаково важными, и точно: всѣ три были увѣнчаны серьезными для него послѣдствіями. Первый—навсегда оставилъ въ немъ горделивое сознаніе доблестно совершеннаго подвига (онъ долго послѣ того трепеталъ при встрѣчѣ съ безрукимъ городничимъ); второй—сдѣлалъ его горячимъ приверженцемъ г-на Краевскаго, котораго онъ, вплоть до разъясненія, почиталъ авторомъ не подписанныхъ критическихъ обзорѣній; третій—принесъ ему пустошь Шукавку, двадцать лѣтъ волюющей домашней ваторги и пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ остался въ живыхъ одинъ лишь сынъ Максимъ, рожденный послѣднимъ.

Странный и несообразный по тому времени человѣкъ былъ Григорій Шигаевъ. Въ то время, когда захолустный бытъ переживалъ чуть ли еще не звѣриное состояніе; когда, вмѣсто клубовъ и трактировъ, горожане собирались по праздникамъ на сборную площадь и играли въ чехарду въ сообществѣ убѣжденныхъ сѣдинами старцевъ; когда деньги имѣли видъ монеты и сберегались въ кубышкахъ и шерстяныхъ чулкахъ; когда губернаторамъ слагались авафисты, причислявшіе ихъ къ лику не-

достигаемыхъ, а городничіе не вѣдали предѣловъ своимъ дерзновеніямъ; когда крѣпостное право твердо почиталось установленіемъ божественнымъ, а взятка—неотъемлемымъ свойствомъ всякой власти; когда книга, оттиснутая «гражданскою» печатью, проникала только въ дворянскіе дома и винушала другимъ сословіямъ презрѣніе, смѣшанное съ боязнью; когда прямо за рубежомъ Воронежской губерніи начинался для обывателей сплошной мракъ, въ которомъ только смутно и неувѣренно мерцали просвѣты: Питеръ, Москва, Магарые, Кавказъ, Одеста, Кіевъ, орда, козаки и затѣмъ тянулась невѣроятная путаница какихъ-то иностранныхъ народовъ, хитрыхъ и пройдошливыхъ, но жидкихъ, слабосильныхъ, живущихъ на нашемъ хлѣбѣ и чуть ли не подъ рукою нашего царя. Въ это-то время молодой купчикъ, въ промежуткахъ дальнихъ поѣздокъ на ярмарки и въ степи, собиралъ книжки и журналы, пописывалъ стишки, почитывалъ Полеваго, Надоумко, Бѣлинскаго, осмѣливался «мыслить инако».

Чуткіе обыватели не упустили праздно такой странности. Шигаева они прозвали «французомъ», хотя длиннополаго сюртука изъ рыжеватой нанки онъ по своему званію и не скидалъ, и затѣмъ каждый пасквиль, ходившій по городу, каждое суесловіе насчетъ полиціи или тѣхъ людей, которые для обывателя пуще огня, приписывали ему. И съ теченіемъ времени этотъ обывательскій поклепъ до того насытилъ воздухъ, что Шигаеву стало не въ переносъ. Отставной драгунъ, уѣздный исправникъ точно котъ за мышенкомъ слѣдилъ за нимъ; птицеловъ и борзятникъ, уѣздный судья питалъ къ нему какую-то до-бѣла распаленную злобу; храбрый городничій, получившій свой удѣлъ въ воздаяніе руки, потерянной на Гроховомъ полѣ, только о томъ и мечталъ въ часы досуга, какъ бы ему искоренить «Гришку-виршеплета». И точно, если не искоренилъ, то обременилъ жизнь Шигаева жестокими испытаніями. Шигаевскій домъ не зналъ отдыха отъ воинскаго поста. Ветхій старикъ, отецъ Григорія, то и дѣло призывался въ полицію для усвоенія теплыхъ словъ. И, наконецъ, послѣ одного, дѣйствительно мерзѣйшаго пасквиля на судейскихъ дочерей, — и даже не въ стихахъ, а въ прозѣ, — оголѣлый ветеранъ съ великимъ шумомъ вломился въ домъ Шигаева, учинилъ въ немъ строгій обыскъ (съ расковыряніемъ половъ, какъ послѣ жаловались хозяева), требовалъ къ себѣ на глаза «купческаго сына Григорія Пахомова, яко сочинителя зло-вредныхъ пасквилей», и, не дождавшись, пригрозилъ изловить,

а какъ только изловить, нещадно исполосовать розгами. Конечно, угроза произнесена была въ запальчивости. Конечно, пороть купца городничій права не имѣлъ, но былъ, однако же, случай въ городѣ Шацкѣ, — и злополучный пѣнта, не уповая на свои привилегіи, будто бы охраняющія гильдейскую поясницу отъ истязаній, сначала затаился въ глубокіе родительскіе погреба, а оттуда, переодѣвшись въ драный мужицкій азямъ, убѣжалъ въ имѣніе покровителя своего, лейтенанта въ отставку Потевни. Лейтенантъ Потевня далъ ему защиту и покровъ.

Но насколько обыватели были правы въ своихъ поклепахъ и въ своемъ опредѣленіи шигаевскихъ поступковъ? Нужно созваться, что во многомъ были они правы. Григорій Шигаевъ, если и носилъ длиннополый сюртукъ и плисовый картузъ, похожій на тыкву, если и ходилъ по субботамъ въ баню, если и соблюдалъ обычай ѣсть пироги по праздникамъ, если и посѣщала раннюю и позднюю обѣдню, — то, все-таки, въ его поведеніи, въ его пріемахъ, въ его фразистыхъ, туманно-изысканныхъ рѣчахъ очень ясно сквозила странная чужбина, непохожая обывателей. Это сказалось еще яснѣе въ пору его полной возмужалости. Не столько изъ почтенія, сколько изъ тайнаго желанія насолить, выбрали его, напр., словеснымъ судьей; онъ надѣлалъ переполоха, осудивъ на взысканіе купца первой гильдіи; поставили его ратманомъ — онъ сталъ настаивать на изъятіи какихъ-то городскихъ суммъ изъ торговыхъ оборотовъ городского головы. И, уже будучи женатымъ, на смѣхъ и удивленіе всего города, привезъ изъ лебедянской ярмарки «непотребную дѣвку» съ цѣлью обратить ее на путь истинный. Кроме того, по средамъ и пятницамъ и даже въ Петровки многіе видали ночью дымъ, воровски выползающій изъ трубы шигаевской кухни, и многіе утверждали, что отъ того дыма несло скбромью. Ясно, что Шигаевъ былъ особливый отъ прочихъ, зловредный, на купца непохожій, — человекъ, вносившій разладъ и смуту, потрясавшій устои правильного житья, затемнявшій безоблачное небо обывательскаго созерцанія и даже способный внушать тревогу.

— Какъ бы намъ не стряслось чего отъ фертика-то отъ эфтаго! — почесывая поясницу, говорили нѣкоторые обыватели.

А люди дряхлые, пожившіе, тѣ, что еще своими глазами видѣли великое безсудное время на Руси, своими руками осязали язвы и увѣчья тайной канцеляріи на отцахъ и дѣдахъ

своихъ, помнили ужасъ, неразрывно соединенный съ словомъ «нашквиль», съ горячностью примыкали къ этому говору, въ свою очередь заражая атмосферу, въ которой суждено было «дышать» Шигаеву.

— Да упаси меня Матерь Божія!—съ невѣроятнымъ видомъ испуга, оглядываясь по сторонамъ, шамкали они своими беззубыми ртами,—и костей-то вашихъ, которые только кости бывають, и костей-то не соберете! Въ задъ Сибири загонють, по суставамъ розымуть и праваго, и виноватаго! А-ахъ, а-ахъ... Да можно ли этакое дѣло?... Да ежели теперича учнуть разбирать, и-и-и...

Кромѣ серьезныхъ обвиненій, Шигаевъ служилъ и предметомъ смѣха. Его разговоры обыватели понимали туго и подлинно только *чутьемъ* проникали въ ихъ враждебность установленному порядку, но его порывистыя движенія, такъ не идущія къ степенному купеческому обиходу, его пылкая готовность ко всякой безразсудной новизнѣ, его диковинныя причуды возбуждали въ нихъ хохоть. Такъ, когда онъ еще былъ молодъ и не женатъ, улица потѣшалась надъ нимъ слѣдующимъ образомъ:

— Что-я вамъ, судари вы мои, расскажу... умора!—захлебываясь отъ восторга, повѣствовала въ воскресный день какая-нибудь чуйка, изобильно умащенная коровинымъ масломъ.—Вечоръ пошелъ я грѣшнымъ дѣломъ въ баню, а «французъ» мнѣ и встрѣтился въ огородахъ. Что, думаю, за оказія! Съ какой такой стати ему на огороды ходить? Дай, думаю, притулюсь. Сѣлъ за плетень, сижу. Вотъ, братцы вы мои, сижу я, выходитъ дѣвка. Гляжу, какая это дѣвка? Чтой-то, молъ, ровню бы изъ рожи знакома она мнѣ, анъ это Оомы бондаря дочь... такъ, рябая изъ себя, сутулая.

— Оенька?

— Во-во! Взвидѣлъ «французъ» эту самую Оеньку, да фертомъ къ ней, да на колѣнки, да руку ея чмогъ!

— Ну, что ты, что врешь?

— Лопни глаза! Да погоди, до чего дѣло дойдетъ. Какъ заведеть, эта, глазищи, какъ залопочеть... и такъ-то и этакъ-то, и вродѣ приговоромъ какихъ, вонъ что подъ картинками приговорки бывають. «Пламень,—вричить,—психей! амуръ безумный!»... Причиталъ, причиталъ, такъ я, братцы мои, чуть не околялъ со смѣху. Какъ выскочу, какъ заору: улю-лю-лю!... Французъ какъ подбереть полы, да стрекача. Оенька въ коноплю.

— Го-го-го!—загрохотали другія чуйки, схватываясь за животы, и тутъ же безъ дальнихъ словъ рѣшили подъучить «Еремку-дурачка» вымазать Оомѣ-бондарю ворота дегтемъ.

Спустя много лѣтъ, та же чуйка, но уже пузатая и осанистая, рассказывала слѣдующее:

— Встрѣтился я, этта, съ Григоріемъ; остановилъ онъ меня. «Здорово, — говоритъ, — Петровичъ!» — Здравствуй, мошь. — «Ты бы, — говоритъ, — Петровъ, поопасался маненько!» — Чего, — говорю, я буду опасаться? Я на всякій часъ опасуюсь передъ Господомъ Богомъ и передъ начальствомъ. — «Твое, — говоритъ, — съ хавскими однодворцами дѣло неправильное». — Какъ такъ? — «Снялъ, — говоритъ, — ты у нихъ степь?» — Снялъ. — «Водкой поилъ при съемкѣ?» — Попоилъ стариковъ. — «Дешево снялъ?» — Благодарю Создателя, — говорю. Какъ забрызгаетъ онъ слюнями, какъ вскинется: «Не человекъ ты, — кричитъ, — обсурантъ!»

— Какъ, какъ?

— Обсурантъ!

— Го-го-го!

— Ты, — говоритъ, — всячески мужичку лишній рубль долгонъ предоставитъ.

— Ого-го-го-го!...

— Онъ тебѣ, — говоритъ, — меньшей братъ; онъ все царство своимъ плечомъ сдерживаетъ.

— Ахъ, пусто тебѣ... а-ахъ! Да что ему засвербѣло, путанному чорту?

— Поди ты! Думалъ я, признаться, ругнуть его, да подсолнухъ отъ бахчей остался; ему же, ироду, придется продавать. Такъ и стерпѣлъ!

— Нѣтъ, я вамъ что расскажу, — перебивала съ засосомъ другая чуйка помоложе, — повадился онъ по ночамъ на погостъ ходить...

И до поздняго вечера благодушевствовала захолустная улица, перемывая косточки Григорію Пахомычу.

Потѣшались надъ нимъ и помѣщики, съ которыми по торговымъ своимъ дѣламъ онъ водилъ знакомство. Нѣкоторые изъ нихъ, хотя и съ трудомъ, но различали сущность его разсужденій: мысли и намеки тогдашней журналистики выражались въ этихъ разсужденіяхъ хотя и смутно, но съ большою настоятельностью, и, однако, ужасно смѣшилъ ихъ этотъ бунчигъ, съ заромъ заявляющій, что онъ «западникъ».

— Можете себѣ вообразить: три пуда пера у меня купилъ и вдругъ: я, говорить, «западникъ». А? хорошъ западникъ? Любой городничій можетъ выпоротъ!

— Нѣтъ-съ, воля ваша, но онъ презабавный! Вы знаете, гувернеръ у меня? Пьяница, изъ семинаристовъ, но что голова, могу похвастаться. Вотъ съ помощью сей головы сочинилъ я слѣдующій буффонадъ. Надо вамъ доложить, этотъ философъ у меня овчины скупаетъ («Хи, хи, хи... Ха, ха, ха»). Ну, замѣчаючи въ маломъ такую прыть, я и говорю: вотъ, молъ, голубь ты мой, человекъ ты тямкой, и я по твоимъ мудренымъ словесамъ тебѣ не подъ пару: отведи ты свою душу, побесѣдуй съ господиномъ учителемъ, а я, дурачекъ, васъ, умныхъ людей, слушать радъ («Ха, ха, ха... хо, хо, хо. Охъ! оставь, Павелъ Иванычъ!»). Вѣдь, что же, я вамъ доложу, разбойники: душу у меня вымотали! За лѣкаремъ хотѣлъ посылать! Одинъ ковырнетъ словцо, другой еще лучше. «Абсолютъ выявляется въ феноменъ,—оретъ мѣщанишка,—а феноменъ суть я, слѣдственно абсолютъ тоже суть я! А коли ежели абсолютъ суть я»...

— Врешь!—хрипятъ мой бурсащище,—онъ, знаете, здорово врѣзалъ: ты не суть абсолютъ, но суть «нумень». И пошло! Мало этого, одинъ говоритъ: романтизмъ, а другой ему Ломоносова тычетъ, Державина. Одинъ стихами начнетъ отчеканивать, другой ему на встрѣчу тоже стихи. Такъ и принужденъ былъ прекоротъ сдѣлать: баста, говорю, ребята, расходитесь по мѣстамъ, у меня отупѣніе мыслей произошло!

— Ха, ха, ха! Хо, хо, хо! Хи, хи, хи!—на всѣ лады раскатывались господа помѣщики, распуская животы, не въ мѣру нагруженные параднымъ обѣдомъ, и посасывая длиннѣйшіе чубуки.

Какимъ же чудомъ въ дикой и совершенно оголѣлой жизни тогдашняго уѣзднаго купечества могъ возникнуть Григорій Шигаевъ? Ключъ къ этому чуду превосходно подбирали сами обыватели. «У нихъ ужъ родъ такой непутевый,—говаривали они,—у нихъ и дѣдъ-то за цыфирь чорту душу продалъ, лишь бы ему въ цыфирь вникнуть!» Дѣло въ томъ, что торговые люди Шигаевы изстари хранили связи съ Воронежемъ, гдѣ еще Петръ Первый «ради великихъ государственныхъ нуждъ» раздвинулъ кромѣшную тьму первобытныхъ представлений, созывая служилыхъ людей и указуя прежнимъ служилымъ людямъ и купечеству перспективы невиданныхъ дотогѣ дѣлъ и познаній. Петръ

Первый умеръ; заботы послѣдующихъ правителей устремились на другія дѣла; Воронежъ хотя и почитался еще важнымъ мѣстомъ, хотя и строилъ плоскодонные баркасы по ордерамъ Миниха, но въ «просвѣтительномъ» отношеніи былъ забытъ и даже захудалъ. Тѣмъ не менѣе, свѣтъ, когда-то въ немъ объявившійся, какимъ-то чудомъ долго еще не угасалъ подъ напоромъ вновь восторжествовавшей дикости и съ грѣхомъ пополамъ сложившійся быть своеобразно носилъ въ себѣ зачатки реформаторскихъ построеній. Григорій Шигаевъ недаромъ имѣлъ въ числѣ своихъ книгъ книгу Юста Липсіа *Утепцанія и приклады политическіе* и *На Аргеніи*, Іоанна Барклая дискурсъ; эти рѣдкости, переведенныя въ царствованіе Петра Перваго, изстари хранились въ родѣ Шигаевыхъ. Отецъ Григорія, Пахомъ Шигаевъ, былъ права слабаго, а подъ старость и крѣпко испивалъ, но, все-таки, и онъ въ свое время читывалъ *Живописца*, восторгался одами Державина и таилъ въ укромныхъ уголкахъ своихъ лабазовъ списокъ княжнинскаго *Вадима* и опальную книгу Пнина, добытую за великія по тогдашнему времени деньги.

Въ то время въ глубину Россіи съ неимовѣрною медленностью достигало печатное слово. Въ столицахъ, на примѣръ, уже упрочилась слава Карамзина, возникала и укрѣплялась извѣстность Жуковскаго, возбуждалъ восторги Батюшковъ въ ограниченномъ кружкѣ тонкихъ любителей, подымалъ свою голову необузданный «романтизмъ», появились *Русланъ и Людмила*, а Пахомъ Шигаевъ такъ и застылъ на своей старинѣ. Тогда безпорядочныя волны бѣжавшаго сверху просвѣщенія начали покорять впечатлительную душу Григорія. Чего-чего не поглотилъ онъ, руководимый только случайностью и неимовѣрною жаждой чтенія! И захватывавшіе ужасы г-жи Радклифъ, и *Душенька* Богдановича, и *Обольщенная Генріэта* и *Бѣдная Лиза*, и *Исторія бѣдной Марьи*, и слезливые романы Дюкре-Дюмениля, и *Путешествіе Пинягора*, и неистовыя повѣсти Греча, Полеваго, Фанъ-Дима, Каменскаго, Булгарина, и словарь Плюшара, и балагуръ *Благонамѣренный*, и напыщенный Марлинскій, и безнравственный *Кумъ Матвѣй*, отъ котораго отрещивался самъ Вольтеръ, и плѣнительная чертовщина Жуковскаго, и тяжеловатый Нарѣжный, и даже исторія Роллена въ переводѣ блаженной памяти Тредьяковскаго, — все вторгалось въ его пылкую голову, каждое на свой ладъ волнуя и перемѣщая вкусы. Потомъ вынырнулъ обворожительный баронъ Брам-

беусъ и приучилъ его заглядывать въ отдѣлъ «критики» попалъ и двѣ-три статейки рьянаго *Телеграфа*. Григорій отростилъ себѣ волосы, завивалъ ихъ по ночамъ на раскаленномъ гвоздѣ, началъ являть во взглядѣ «поэтическій экстазъ» и, покоряясь бѣсу вдохновенія, приготовилъ фунтовъ двадцать растопыренныхъ стиховъ *Къ ней, Къ лунѣ, Къ призраку*, къ А. Б. В. и А. Б. Г. И уже долго спустя, онъ недоброжелательно познакомился съ странною простотою Баратынскаго и Пушкина, прочиталъ съ снисходительнымъ смѣхомъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и съ рѣшительнымъ пренебреженіемъ—пѣсни своего земляка Кольцова.

Еще бы! Онъ тогда на-яву бредилъ звономъ и трескомъ новой знаменитости—Бенедиктова; онъ тогда почиталъ патриотическія драмы Кукольника неизмѣримо выше *Бориса Годунова*; онъ тогда носился съ *Мазеной* Булгарина, ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ *жарты* Гоголя, хотя имнилъ подражать *Сорочинской ярмаркѣ*, составляя пасквиль на судейскихъ дочерей (увы, это былъ, дѣйствительно, его пасквиль). Трудно вообразить себѣ, что за сумятица стояла тогда въ головѣ Григорія! И кудри, и сверхъестественный экстазъ, и блѣдная луна, и безплотная дѣва, и демоническій хохотъ, и кинжалъ, обогранный въ крови, и презрѣніе къ толпѣ, и нечеловѣческія страсти, и пламенные упованія, красота, добро, любовь, правда,—все совмѣщалось и перепутывалось между собою въ странномъ и затѣйливомъ сочетаніи.

Но благодѣтельный переворотъ не замедлилъ. На первый разъ попалась ему подъ руку статейка, совершенно уничтожавшая возвышеннаго барда Бенедиктова. Какъ взбѣсился Григорій отъ этой неожиданной дерзости! Какъ вскипѣлъ онъ! Съ какою стремительностью вышвырнулъ за окно несчастную книжку! Но прошло лѣто, наступила зима и на самое Рождество поѣхалъ онъ съ прикащикомъ на ярмарку въ Лебедянь. Обыкновенно бывало такъ, что прикащикъ безотлучно стоялъ у товара, вель торговья дѣла, хозяинъ же днемъ рыскалъ, изыскивая книжки, вывозимыя иногда на продажу вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ изъ деревенскихъ усадьбъ, а ночью предавался чтенію. На этотъ разъ за 10 ф. балыка и 4 бутылки кашинской мадеры вымѣнялъ онъ нѣсколько дюжинъ разрозненныхъ московскихъ журналовъ и тутъ же на ярмаркѣ поглотилъ добрую половину. Перечиталъ «изящную словесность», перебралъ съ пятое на десятое

духаго Никодима Надоумко, съ наслажденіемъ повторилъ знакомыя статейки Полеваго и съ изумленіемъ, съ неожиданнымъ восторгомъ, со всею страстью пылкаго своего характера перечиталъ нѣсколько разъ подрядъ *Литературныя мечтанія*. Баронъ Брамбеусъ торжественно былъ свергнутъ!

Дома все было повторено; основательно, хотя и съ большимъ трудомъ, перебралъ онъ снова весь *Телескопъ* и единственную книжку туманнаго *Наблюдателя*, повторилъ тѣ изъ своихъ книгъ, которыя одобрялись въ этихъ журналахъ, но *нигъ* обрѣдалась въ его рукахъ и онъ не зналъ, гдѣ искать ея продолженія. Порылся онъ въ библиотекѣ своего покровителя Потебни, но тамъ были только французскія книжки, а изъ русскихъ все несообразующія, все такія, которыми пользовался уже Шигаевъ, да ненавистная уже ему теперь рыхлая, наглая, глумливая *Библиотека для Чтенія*. Выписывать? Во-первыхъ, онъ не зналъ, что выписывать, а, во-вторыхъ, и при жизни отца, и долго спустя послѣ его смерти (старикъ умеръ въ 1842 г.), онъ не рѣшался на такой смѣлый шагъ. Дѣло въ томъ, что получать съ почты, «у всѣхъ на глазахъ» не что-либо дѣльное, а какія-то книжки—считалось обстоятельствомъ несслыханнымъ въ тогдашнемъ купеческомъ быту уѣзднаго городка и, помимо всего прочаго, могло рѣшительно подорвать коммерческій кредитъ.

Но вотъ въ старомъ номерѣ *Пчелки*, опять-таки *случайно* забредшемъ въ руки Шигаева,—газетъ онъ не получалъ и не любилъ ихъ,—посреди брани и шутовскихъ глумленій по адресу *Отечественныхъ Записокъ* попался ему отрывокъ изъ критической статьи, униженный вопросительными и восклицательными знаками; и въ мигъ сообразилъ Григорій Пахомычъ, что «тутъ будто бы сходить на московское», а сообразивъ, презрѣлъ свое малодушіе и, какъ уже сказано, сразу выписалъ журналъ съ 40 года (*Пчелка* именно была отъ этого года) и написалъ Ѡ. В. Булгарину ругательное письмо за подписью *Деллентантъ*.

Необходимо теперь присовокупить, что въ помѣщицкѣй средѣ были люди и расположенные къ Шигаеву, серьезно вступавшіе съ нимъ въ споры и даже заводившіе философическую переписку, гдѣ вопросы о душѣ, о бытіи и небытіи, о субстанціи и абсолютѣ перемѣшивались съ переговорами о салѣ и о конскихъ шкурахъ. Въ огромной области, состоящей изъ трехъ уѣздовъ, таковыхъ насчитывалось: сначала одинъ лейтенантъ въ отставкѣ Потебня, а къ концу сороковыхъ годовъ—и неслужащій дворянинъ Ипполитъ Говорухинъ.

Феофанъ Потембня былъ старый человѣкъ. Онъ служилъ еще подъ начальствомъ адмирала Сенявина и хорошо помнилъ времена Екатерины; помнилъ «пугачевщину», во время которой его отецъ былъ торжественно удушенъ на колодезномъ журавцѣ, а мать, переодѣтая крестьянкой, притаилась во ржи и спаслась. Загать *Съверной Семирамиды* засталъ его хотя и въ молодыхъ еще лѣтахъ, но уже съ абшидомъ и раздраженнаго служебными неудачами. И за то онъ питалъ непонятную склонность къ Павлу Первому. Онъ и Вольтера не могъ терпѣть за его переписку съ Екатериной. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, превозносилъ Ламетри и барона Гольбаха. Россійскую литературу презиралъ онъ основательно, говорилъ, что предпочитаетъ подлинникъ «малограмотному переводу», называлъ «индѣйскимъ пѣтухомъ» Державина, позднѣйшихъ писателей не зналъ даже и по именамъ, но для забавы приказывалъ крѣпостному своему чтецу покупать у разнощиковъ романы и выписывать журналъ, считая это обязанностью русскаго дворянина. Шигаева онъ любилъ, но, внушая ему съ юныхъ лѣтъ правила «аеизма», руки, однако же, не подавалъ, не говорилъ «вы» и за столъ съ собой не саживалъ. Былъ благодущный и попечительный помѣщикъ, не присутствовалъ на тѣлесныхъ истязаніяхъ, никогда не дрался, но, несмотря на свою дряхлость, имѣлъ цѣлую галерею картинъ невѣроятно распутнаго содержанія и обширный гаремъ изъ крѣпостныхъ. И немудрено: крошечные томики иллюстрированнаго маркиза де-Сада, переплетенные въ желтую кожу, хранились у него рядомъ съ Гольбахомъ и съ *Contrat Social* Жанъ - Жака Руссо.

Молодой Говорухинъ былъ помѣщикомъ совершенно иной заправки. Отъ всякихъ попеченій надъ своими крестьянами онъ уклонялся съ очень послѣдовательною стыдливостью. Замѣнивъ въ своей воронежской деревнѣ «яремъ старинной барщины оброкомъ легкимъ», онъ этимъ и ограничился. Въ усадьбѣ владѣчествовалъ у него «земскій» убогій старикъ, искалѣченный еще дѣдомъ Говорухина «за упущеніе краснаго звѣря». Но и этой безобидной развалинѣ онъ строго-на-строго наказывалъ мужиковъ не тѣснить и бразды отнюдь не натягивать. Среди крестьянъ ходилъ, однако же, слухъ, что ихъ баринъ мягокъ не проста: въ крѣпость ихъ взяли всѣми неправдами; прадѣдъ Говорухина былъ воеводой и селилъ на своихъ земляхъ вольныхъ людѣй, которымъ по суду выходило идти за разныя провинности въ и-

бирь. Впрочемъ, они были имъ довольны и ходоковъ разыскивать волю съ самаго его управленія къ батюшкѣ-царю не посылали, — все, чего могъ достигнуть яростный почитатель Фурье и Пьера Леру. Съ Шигаевымъ онъ держалъ себя на равной ногѣ и добросовѣстно старался насадить въ немъ правила либерализма. Въ теоріи эти правила были весьма туманны, можетъ быть, и потому, что самъ Говорухинъ нѣсколько путался, перелагая ихъ на удобопонятный языкъ; но за то онъ просвѣщалъ Шигаева насчетъ дѣйствительнаго смысла различныхъ событій, о которыхъ въ тогдашнемъ захолустьи имѣли самое превратное понятіе. Отъ него перваго Шигаевъ узналъ имя Бѣлинскаго, отъ него узналъ о частныхъ занятіяхъ Оадѣя Булгарина, о картофельныхъ бунтахъ и военныхъ поселеніяхъ, о смерти Пушкина, «затравленнаго» золотою молодежью съ попушенія «голубаго графа», о ссылкѣ Надеждина въ Усть-Сысольскъ, о мнимомъ сумасшествіи Чаадаева, о подвигахъ А. И. Красовскаго, о петрашевцахъ, о братствѣ «Кирилла и Меодія», о вечеринкѣ, за которую заплатился Герценъ съ товарищами, и т. д., и т. д. Отъ него же впоследствии получалъ онъ замызганные листочки *Колокола* и книжки *Полярной Звѣзды*.

Всѣ эти разговоры и сообщенія крѣпко западали въ душу «бушца третьей гильдіи». И вотъ сквозь затѣйливую паутину старыхъ и новыхъ философическихъ построеній въ немъ явственно и непреодолимо стали пробиваться свободолюбивыя вождедѣнія. Онъ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ, о широкомъ просвѣщеніи, о томъ, чтобы была надѣта узда на городничихъ, чтобы отошли въ область преданій розги и плети. Но эти мечты свои онъ выкладывалъ съ великою осторожностью. И обыкновенно добродушный Потемкинъ кратко опровергалъ ихъ, называя «химерой» (онъ, впрочемъ, скоро умеръ внезапною и загаочною смертью), а Говорухинъ одобрялъ и подтверждалъ; и вдвоемъ съ нимъ они сладостно смаковали грядущія прелести гражданственности и подавляющаго изобилія всякихъ благъ, имѣющихъ быть на Руси. Тьма, окрестъ стоящая, не повергала ихъ въ уныніе, несмотря на свои зловѣщія эволюціи, все-таки, казалась имъ гъмою преходящей.

IV.

Когда наступили шестидесятые годы, когда помѣщикъ Говорухинъ, вызванный въ Петербургъ въ качествѣ представителя

«меньшинства», возвратился вспять мировымъ посредникомъ, когда въ самую вопіющую глушь стали достигать слухи о новыхъ правительственныхъ предпріятіяхъ, странно сходящихся съ тѣми самыми разсужденіями Григорія Шигаева, надъ которыми въ былое время «помирали со смѣху» простодушные обыватели, любопытное превращеніе совершилось въ ихъ мнѣніяхъ. Внезапно «французъ» прослылъ умникомъ и, главное, человѣкомъ себѣ на умѣ. Все еще недоумѣвая въ глубинѣ души, его стали почитать и едва не гордиться имъ. Это было курьезное примиреніе притаившагося холопства съ явленіемъ дикимъ и неприятнымъ, но которому явно мирволила сама власть.

Посмѣляль и Шигаевъ. Скинулъ длиннополый сюртукъ; завелъ круглую шляпу; началъ употреблять скоромное въ среду и пятницу (хотя къ обѣднѣ продолжалъ ходить попрежнему, а также ѣлъ въ установленные дни пироги и посѣщалъ баню); игралъ съ гг. помѣщиками въ преферансъ; не стѣсняясь, трубилъ о порокахъ властителей, восходя даже до министровъ; завелъ нѣсколько знакомствъ съ людьми новыми и либеральными; напропалую проводилъ свои дни въ разговорахъ съ ними, почерпая матеріалъ изъ книжекъ и журналовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ долго испытывалъ чувство обжоры, внезапно окруженнаго несслыханными яствами, и долго не зналъ, какой журналъ ему выписать. Заглянетъ ли въ *Современникъ* или *Русскій Вѣстникъ*, развернетъ ли *Отечественныя Записки* или *Русское Слово*, всюду пишутъ такъ, что и не оторвешься, и удивительное свободомысліе насквозь просачиваетъ всѣ страницы. Но, однако, по долгомъ совѣщаніи съ заѣзжимъ изъ Петербурга студентомъ, онъ остановился на журналѣ Благосвѣтлова и съ тѣхъ поръ трогательно слѣдовалъ за тѣмъ, кто, по его мнѣнію, изрекалъ *последнее слово*.

Между тѣмъ, наступало время, когда Григорію Пахомычу предлежало съ удивительною быстротой возстановить свою старую репутацію. Городъ удостоился реформы. Открылось самоуправленіе. Обыватели, ни мало не замедливъ, избрали въ головы Шигаева. И вотъ тутъ-то, говоря ихъ словами, и произошла «осѣчка». Хозяйство новый голова разумѣлъ плохо; сухія подробности обыденныхъ городскихъ дѣлъ были ему чужды; въ статьяхъ и приложеніяхъ *Положенія* онъ путался; ладить съ исправникомъ не умѣлъ и склоненъ былъ по старой памяти почитать его взяточникомъ (явный анахронизмъ!); но за то ни од-

ного засѣданія думы не пропускалъ безъ того, чтобы не излиться въ высокопарныхъ выраженіяхъ; говорилъ «о преуспѣяніи гражданскихъ порядковъ и о насажденіи такихъ учреждений, чтобы способствовали оному преуспѣянію»; говорилъ о необходимости «общественнаго банка для расширенія процессовъ обмѣна и для способствованія народному благосостоянію»; говорилъ объ открытіи женской гимназіи, «чтобы въ нашемъ быту женщина была подвержена эмансипаціи и была своимъ дѣтямъ настоящая мать»; говорилъ, чтобы завести воскресную школу, бібліотеку, ремесленное училище, «ибо невѣжество притупляетъ естественную природу дарованій и способствуетъ суевѣріямъ и рабскимъ чувствіямъ», — однимъ словомъ, говорилъ «неподобныя рѣчи», какъ съ прежнею язвительностью отзывались о немъ вновь начинавшіе коснѣть обыватели. Изъ всѣхъ его предложеній выгорѣло лишь одно: городской банкъ (и какъ же потомъ онъ проклиналъ себя за него!) да школу для дѣвочекъ открыли, благодаря вмѣшательству какихъ-то постороннихъ филантроповъ. Всѣ остальные его проповѣди праздно потревожили пространство и только насмѣшили обывателей.

— Нонѣ мы надъ французомъ животики надорвали! — возвращаясь изъ думы, рассказывалъ тотъ же самый Петровичъ, теперь уже гласный отъ гражданъ перваго разряда. — Удумалъ накупить книжекъ и чтобы былъ приставленъ къ эфтимъ книжкамъ человекъ... и, какъ кто пожелаетъ, давалъ бы читать эфти книжки. А за все за это триста цѣлковыхъ... Умора!

И аккуратные сюртуки въ глянцевитыхъ сапогахъ, драповые пиджаки въ штіблетахъ, ловкія моднаго покроя визитки также радостно гоготали надъ французомъ, какъ и длинныя чуйки тому назадъ лѣтъ тридцать.

Немного спустя, къ новому *Положенію* быстро пріобыкли люди ловкіе, подлиннаго обывательскаго склада. Имъ, поприглядѣвшись, ничего не стоило «смять» и спутать Шигаева, уличить его въ незнаніи самыхъ простыхъ вещей и, въ концѣ-концовъ, приписать ему растрату какихъ-то суммъ, невѣдомо у кого хранившихся и неизвѣстно кому принадлежащихъ. Огорченный Шигаевъ, разумѣется, подалъ въ отставку, уступивъ, такимъ образомъ, мѣсто дружной шайкѣ ловкачей, связанныхъ узами родства и впоследствии великолѣпно обработавшихъ городской банкъ и опустошившихъ обывательскіе карманы.

Вмѣстѣ съ отставкой, въ торговыхъ дѣлахъ Шигаева про-

явилась большая неурядица. Во-первыхъ, умеръ его старый прикащикъ, воротила всѣхъ дѣлъ и честнѣйшая душа, до самозабвенія преданный хозяйскимъ интересамъ; во-вторыхъ, самъ Григорій Пахомычъ, разлакомленный преферансомъ и либеральными разговорами, ослабъ къ дѣлу и попустился. Затѣмъ ни онъ, ни его прикащики не сумѣли приспособиться къ новому складу экономическаго быта, не сумѣли уловить новыхъ запросовъ, новыхъ «отношеній обмѣна и непредвидѣнныхъ колебаній рынка», выражаясь языкомъ Григорія Пахомыча, усердно вникавшаго въ мудреные термины политико-экономическихъ статей, наводнявшихъ тогдашніе журналы. Обильно хлынувшій банковый кредитъ расплодилъ шаткія и рискованныя предпріятія; солидное шигаевское дѣло и отъ нихъ пострадало, будучи не въ силахъ бороться съ шальной конкуренціей. Пришлось прекратить торговлю, распродать лабазы и другія постройки, за исключеніемъ дома, поступившаго въ часть дѣвицы Маланьи, сестры Григорія Пахомыча, и переѣхать съ сыномъ въ давно уже отстроенную Шугавку.

Къ тому времени, мать Максима умерла,—со злости, какъ увѣрялъ Григорій Пахомычъ, — и хуторскій ихъ бытъ сложился на холостую ногу. Домомъ заправляла смуглая солдатка Митродора, которая никакъ не могла поблѣвъть и нагулять жиру на сладкихъ харчахъ хозяйской «сударки»; «посѣвную частью» руководилъ прикащикъ изъ мѣщанъ, удивительный плутъ и удивительно учтивый человѣкъ Илья Евсѣичъ. Отецъ же съ сыномъ шли каждый по своей стезѣ. Отецъ съ чувствомъ необыкновеннаго сладострастія распаковывалъ новыя книжки и медлительно разрѣзалъ ихъ, прочитывая то, что казалось особенно «забористымъ», часто ѣздилъ въ городъ, гдѣ состоялъ членомъ клуба, игралъ въ карты, безъ умолку говорилъ. Трудно рѣшить, почему, въ противность прежнимъ мечтаніямъ Григорія Пахомыча, Максимъ не попалъ въ гимназію и остался вкушать сладости беспорядочнаго домашняго воспитанія. На первый разъ произошло это оттого, что покойная его мать только о томъ и мечтала, «какъ бы произвести Максимушку въ благородные» (весь свой вѣкъ она злобилась и роптала на судьбу, связавшую ее «съ купчишкой»), а отецъ въ пику ей не хотѣлъ того; затѣмъ случился недосугъ; затѣмъ старый пріятель Говорухинъ вызвался взять Максима къ себѣ и совокупно съ дѣтьми своими дать ему образованіе, свободное отъ ненавистнаго

классицизма. И дѣйствительно, въ теченіе съ небольшимъ двухъ лѣтъ мальчикъ одолѣлъ русскую грамоту, усвоилъ начатки географіи и ариѳметики, научился слагать простыя французскія фразы, хотя произношеніемъ Господь его и обидѣлъ, понялъ, отчего изъ горячей воды дѣлается паръ и почему масло въ водѣ не тонетъ. Но подоспѣвшіе порядки, — кислые плоды благоуханнаго цвѣтенія, — выкурили Говорухина изъ его гнѣзда и онъ со всею семьей перебрался въ столицу, гдѣ, на соблазнъ и искушеніе всѣхъ свободномыслящихъ дворянъ, уже выпекался желѣзнодорожный пирогъ и оглады министерства юстиціи и департамента неогладныхъ сборовъ возвышались до размѣровъ соблазнительныхъ. Максимъ возвратился въ Шугавку. Отцу это было на руку. Во время, свободное отъ занятій, — отъ пульки въ преферансъ или отъ стучолки, тогда уже водворенной, — ему было любо, разрѣзая вновь прибрѣтенную книжку или только что полученный журналъ, расточать по ихъ поводу слова, насыщенные гражданскою скорбью, — расточать, имѣя въ виду не голыя стѣны и не Митродору, невмѣняемую по этой части, а живое существо, плоть отъ плоти своей. Кромѣ того, онъ считалъ это довершеніемъ воспитанія.

И мальчикъ вырасталъ въ странной, бездѣятельной, фразистой обстановкѣ. Едва не съ восьми лѣтъ онъ получилъ неограниченный доступъ къ книгамъ, и воображеніе его было заткано цѣлою сѣтью яркихъ образовъ и фантастическихъ представленій. Онъ поочереди мечталъ видѣть себя то великимъ полководцемъ, покоряющимъ міръ, начитавшись исторіи Наполеона съ картинками Гораса Верне; то великодушнымъ разбойникомъ на манеръ Кирджали или Дубровскаго; то таинственнымъ и своеправнымъ богачемъ подобно графу Монте-Кристо; то удалымъ запорожцемъ вродѣ Тараса Бульбы. Дикая глушь заброшеннаго гумна часто видала, какъ онъ, съ пламеннымъ лицомъ и съ деревянною саблей въ рукахъ, бросался въ высокую крапиву и нещадно рубилъ ее. Это неустрашимый д'Артаньянъ обрабатывалъ «фрондеровъ» или красавецъ Амалать-Бекъ сражался съ русскими. Крутой степной курганъ изображалъ иногда городъ Дубно въ его безконечной эпопее, и какъ же загаралось маленько сердце воображаемаго «Остапа», когда, истребивши цѣлыя коши допуховъ и колючаго татарника, — regimenty польскихъ уланъ и жолнеровъ, — красный и вспотѣвшій, влеталъ онъ на во вышенность и кричалъ: «Ратуйте, панове-братья!» — и си-

няя даль разверзалась передъ нимъ, покорно безмолвствуя. Иногда же курганъ становился островомъ св. Елены. Максимъ воображалъ передъ собой длиннаго, какъ глисту, и зеленого Гудсона Лова и, скрестивши на груди руки, съ горькимъ достоинствомъ восклицалъ: «Сэръ! исторія заклеить ваши жестокости» — и въ виду жаворонковъ, неподвижно трепетавшихъ въ сіяющемъ небѣ, въ виду захватывающаго духъ степнаго простора и стройныхъ церковныхъ колоколенъ, разбросанныхъ въ отдаленнѣ, — гордо приподнявъ голову, шелъ писать съ г. Монтолономъ свои мемуары. Это былъ послѣдовательный рядъ фантазій, сумасбродныхъ и восхитительныхъ.

Дальше наступила пора неопредѣленныхъ ощущений. Появились робкіе и тоскливые порывы, зажглось едва замѣтнымъ пламенемъ желаніе, сладко и томительно волнуя молодую душу. И степь, и заря, и тихій лѣтній вечеръ съ вьющимися ласточками и съ внушительнымъ жужжаніемъ жука, и золотистые просвѣты въ темной роцѣ, и звонкая соловьиная пѣсня въ особыхъ краскахъ и въ особомъ сочетаніи предстали предъ нимъ; во всемъ засквозила тайная и задумчивая прелесть и кабая-то оживотворяющая теплота разлилась повсюду.

Но и на эту пору безпредметной любви не замедлила налечь властительная литературная окраска. Лермонтовская Бѣла вытѣсняла пушкинскую Татьяну изъ воспаленнаго Максимова сердца, тургеневская Зинаида колебала владычество Бѣлы. И только мало-по-малу въ головѣ юноши начиналъ слагаться свой образъ женщины, плѣнительный и дразнящій; образъ этотъ уже не походилъ на какую-нибудь литературную героиню: очертанія его были измѣнчивы и разсѣвались словно тонкій утренній туманъ подъ внезапными лучами пышно восходящаго лѣтняго солнца, но, тѣмъ не менѣе, въ немъ трепетала несомнѣнная жизнь и настаивала ожиданія Максима на высокой ладѣ. И, разумѣется, ничего похожаго на него Максимъ не находилъ вокругъ: бабы и дѣвки вовсе не соответствовали его мечтаніямъ; женщины другаго быта были ему недоступны по причинѣ чрезмѣрной его дикости и необыкновенной боязни передъ ними, да и мало ихъ было въ уѣздной глуши.

Такъ онъ застылъ въ этой наружной дикости, до конца тая въ нѣдрахъ своего существа пылкое и стыдливое влеченіе къ «настоящей» женщинѣ.

Уединенная жизнь въ глухой Шукавкѣ да «на графской

степи», гдѣ у нихъ была земля на арендѣ, вѣчныя книги, отсутствіе общества и всякаго товарищества образовали изъ Максима неловкаго и угловатаго человѣка. Двѣ-три дѣловыхъ поѣздки въ Москву не могли измѣнить этого.

— Ты у меня, батюшка, кикимора какая-то!— съ сокрушеніемъ говаривала ему тетка Маланья Пахомовна, къ которой онъ заѣзжалъ иногда по дорогѣ изъ хутора въ Шукавку.

Между тѣмъ, за романами пошли книги иного склада. И вотъ, когда пылкая проповѣдь Писарева и другихъ публицистовъ вторглась въ сознаніе Максима, когда явились переложенные на упрощенный ладъ и Бокль, и Огюсть Контъ, и Дарвинъ, и Ласкаль,— все больше заднимъ числомъ и въ беспорядочномъ сочетаніи,— Максимъ не то, чтобы ошалѣлъ, но какъ-то расплылся и жестоко затосковалъ. Онъ то пытался писать стихи съ непремѣнною гражданскою скорбью, то принимался сочинять разсужденіе *О социальной республикѣ, гдѣ каждому республиканцу причиталось бы согласно его трудамъ*, то сладостно помышлялъ о самоубійствѣ, отпѣвалъ «погибшую» свою молодость, плакался на отца, рвался въ даль, въ столицы, въ Петербургъ, гдѣ, казалось ему, не было конца ослѣпительнымъ перспективамъ и плодотворному сіянію, исходящему отъ просвѣщенныхъ мужей.

Какъ нарочно, эта мучительная пора въ жизни молодаго Шигаева совпала съ лихою зимой. Онъ жилъ одинъ на хуторѣ, гдѣ въ то время кормились гурты. На дворѣ безпрестанно рыдали вьюги, заматая сугробами пустынное степное жильѣ. По ночамъ отчаянно выли и рвались на лязгающихъ цѣпяхъ собаки, отвѣчая голодному завыванью волговъ, бродящихъ вкругъ околицы. Ясные дни ужасали своимъ холоднымъ блескомъ и тѣмъ по истинѣ мертвымъ безмолвіемъ, въ которое погружалась тогда снѣжная степь.

Но лѣтомъ, — лѣтомъ Шукавка такъ была тиха, такъ вротко и любовно склонялось надъ ней теплое синее небо, такъ умиротворялись всякія тревоги пространнымъ видомъ ея полей и ласковымъ лепетомъ липъ и березъ тѣнистой рощи, такъ вкрадчиво пѣли соловьи и, виѣстѣ съ тѣмъ, такъ хороша и статна была Грушка, племянница Митродоры, что Максимъ снова возникалъ духомъ и снова мирился съ своимъ положеніемъ; и снова жизнь проходила передъ нимъ въ своеобразномъ, неправдоподобномъ освѣщеніи.

Тѣмъ временемъ Григорій Пахомычъ сталъ прихварывать,

началъ желтѣть, хирѣть, жаловаться на «желотье подъ ложечкой». Долго обходился онъ съ помощью Митродоры, которая, засучивъ по локоть руки, облѣпляла его горчишниками, оттирала шерстяными чулками, но потомъ явились доктора, рецепты, микстуры, порошки, пожиманія рукъ съ затиснутою въ кулакѣ кредиткой. Старикъ упалъ духомъ; читалъ по секрету отъ сына проповѣди Филарета и творенія св. отцовъ; пересталъ интересоваться книгами; остылъ къ либеральнымъ бесѣдамъ; иногда же ругался съ видомъ неизъяснимаго изступленія; щипалъ и толкалъ Митродору; проклиналъ весь свѣтъ вкупѣ со всякими благими начинаніями; утверждалъ, что Россія только и жаждетъ новаго Аракчеева, который вымелъ бы всю эту... Онъ не доканчивалъ, встрѣчая упорный взглядъ сына, но за то начиналъ жалобно хныкать и причитать, что человѣчество со всѣми упованіями своими достойно подлой, зловонной ямы, что ничего оно не придумало и ничему со времянь Каина и Авеля не научилось. И Максимъ уже понималъ, что старикъ подразумѣваетъ здѣсь и Митродору, пересушившую ему котлетку, и книгопродавца Вольфа, не сдѣлавшаго 20 процентовъ скидки, и убытокъ отъ гуртовъ, и Илью Евсѣича, продешевившаго на овсѣ, и дрянное тявканье російскаго прогресса, смѣнившее побѣдоносный гулъ памятныхъ старику шестидесятихъ годовъ, и, больше всего, докторовъ, безсильныхъ совладать съ его болѣзнью.

И точно, болѣзнь двигалась неслышными, предательски медленными, но роковыми шагами. Явились острые боли, пронизывающія насквозь, какъ стрѣла; явился нестерпимый зудъ во всемъ тѣлѣ; усилилась и упорно держалась рѣзко выраженная желтуха. И, наконецъ, одинъ изъ докторовъ увелъ Максима въ дальнюю аллею сада и рѣшительно заявилъ ему, что надежды нѣтъ.

Не забыть Максиму этого заявленія! Словно какая бездна разверзлась передъ нимъ, враждебно зіяя и переполняя всю его душу нестерпимымъ чувствомъ ужаса; все похолодѣло въ немъ и мучительно сжалось. И тогда только онъ понялъ во всей силѣ, какъ любилъ отца и какія крѣпкія связывали все его существованіе съ этимъ «болтуномъ», съ этимъ «нытикомъ», какъ иногда называлъ онъ его въ порывѣ раздраженія.

А въ тонъ и гармонию съ внутреннимъ холодомъ, обнимавшимъ Максима, грустно и томительно умирала природа. Липы и березы опали; голыя поля простирались печально; въ бѣлесова-

томъ небѣ съ жалобнымъ крикомъ тянулись запоздавшіе журавли; тоскливый вѣтеръ визжалъ въ деревьяхъ, неприятно сквозящихъ; высокій старый дубъ сиротливо стоялъ надъ сморщеннымъ прудомъ, медлительно роняя въ него свои послѣдніе, рыжіе, подернутые болѣзненнымъ багрянцемъ листья.

Наступило тягостное время. Снова, какъ и въ ту памятную для молодого Шигаева зиму, заголосили безпрестанныя вьюги и крутые сугробы отрѣзали усадьбу отъ всего міра. Въ низенькихъ комнатахъ, бывало, заваленныхъ книгами, теперь поселилось уныніе. вмѣсто свободныхъ рѣчей и однообразнаго шелеста печатной бумаги подъ руками отца или сына, слышался мѣрный стукъ маятника, печально отбивающаго тактъ, скрипѣли ставни подъ напоромъ буйной погоды, да завывалъ въ трубѣ вѣтеръ. Изсохъ, сморщился, истерзался Григорій Пахомычъ. По цѣлымъ часамъ лежалъ онъ недвижимо на широкой двуспальной кровати краснаго дерева и точно прислушивался къ чему-то, точно слѣдилъ за постепеннымъ ходомъ внутренняго разложенія, за ослабленіемъ мысли. Иногда же начиналъ шептать, бормотать невнятные слова. Максимъ быстро подходилъ къ кровати, наклонялся, прислушивался, пересмягшія губы больного слабо шевелились, по лицу, точно выкрашенному охрой, пробѣгала легкая судорога.

— Вы звали, папенька?—тихо спрашивалъ Максимъ.

— Нѣтъ, дѣточка, это я такъ, — отзывался больной, медленно размыкая слезящіеся глаза, — вспомнилъ я кое-что. Стариную свою вспомнулъ. А? Максимушка? Жизнь - то какъ пробѣжала? Неужто, подлинно, садъ она заглохшій, какъ у Шекспира сказано? Садъ! Репьевъ-то, репьевъ-то сколько въ нашемъ русскомъ саду. Расчистить бы, искоренить бы!—И послѣ краткаго молчанія вдругъ странно оживлялся и говорилъ скоро и тревожно:—Тлѣнность, суета! «Умъ нашъ не шагаетъ міра за границу!» Ничего не доказано, ничего неизвѣстно! Брось, Максимушка, брось, прилѣпляйся къ людямъ. Ахъ, сколь трудно отъ людей отбиваться!—И, немного спустя, разражался громкими стонами.

Наступали взрывы отчаянія, страха и слезъ, богохульнаго ропота и злобнаго ожесточенія, боязливой покорности и тоски. Голова мутилась у Максима. Что дѣлать? За что взяться? Куда броситься за помощью? Сердце его истекало кровью отъ несказанной жалости. Нужны были усилія, чтобы самому сдержать

отчаянные крики. И онъ выбѣгалъ на крыльцо, подставляя въ упоръ морозному вѣтру воспаленное лицо свое и съ застывшими слезами, съ голосомъ, охрипшимъ отъ заглушенныхъ рыданій, возвращался.

— Максимушка! — подзывалъ его робкій и дрожащій голосъ отца, — аль намъ за знахаркой послать въ Долгушу? аль ужъ не надо докторовъ-то? Можетъ, и полегчаетъ, можетъ, мнѣ и отлежаться отъ знахарки-то, а? Вотъ и Митродора говорить... Такъ ты говоришь, дюже помогаетъ, Митродорушка?

— Да чего-жь, коли сомовскаго дьякона съ смертной постели подняла! Что-жь не помогаетъ! — отвѣтствовала Митродора, сурово сдвигая свои косматыя брови.

— Воля! такъ какъ, Максимушка? Помнишь, милушка, Гамлетъ-то, принцъ датскій: «естъ много на свѣтѣ, пріятель Гораций»... а?

И на Максима обращались глаза, безпомощные, испытующіе, будто вымаливающіе пощады, — глаза человѣка, мучительно со-знающаго приближеніе смерти.

Въ ночь подъ Крещенье Григорій Пахомычъ умеръ на рукахъ знахарки изъ Долгуши и Максимъ сначала переѣхалъ въ городъ къ теткѣ, потомъ на хуторъ. Все существо его было потрясено и несказанная тоска ходила за нимъ слѣдомъ. Докторъ, угадавшій болѣзнь отца, посылалъ его на Кавказъ, совѣтовалъ пожить въ Кисловодскѣ, предписывалъ развлечения.

— Въ нашемъ волчьемъ углу и безъ причины заболѣешь, — говорилъ онъ, злобно сжимая зубы и вспоминая при этомъ безконечную войну свою съ предсѣдателемъ земской управы, — тамъ хоть людей настоящихъ увидите, не папуасовъ!

Максимъ сначала отмахивался съ какимъ-то испугомъ, ссылался на запутанныя дѣла, на хозяйство, но кончилъ тѣмъ, что самъ прилѣпился къ этой мысли, заказалъ жидку Шехтеру новую пару платья, купилъ чемоданъ, упросилъ тетушку навѣщать Шувавку и хуторъ и, съ грѣхомъ пополамъ, дождавшись начала покоса, уѣхалъ въ Кисловодскъ.

— Ступай, опамятуйся на людяхъ! — благословила его тетушка и съ обычною своею суровостью добавила, украдкой смахивая непослушную слезинку: — Больно ужъ вы передъ часомъ-то смертнымъ жидки, погляжу я на васъ.

А. Эртэль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К Л И Т І Я *).

Историческая повѣсть изъ временъ реформаци.

Тейлора (профессора Гаусрата).

Г л а в а VI.

Художникъ удался, глубоко оскорбленный въ своихъ братскихъ чувствахъ и разочарованный въ ожиданіяхъ, возлагавшихся на свиданіе съ Паоло. Священникъ проводилъ брата грустнымъ взоромъ, сѣлъ на одинъ изъ камней въ концѣ улицы и заглядѣлся на темную воду рѣки, въ которой отражались ели Беништулла. Тихое журчаніе рѣки напомнило ему мрачныя волны канала, много лѣтъ сряду докучавшія его взору въ Венеціи; вспомнилось ему то печальное утро, когда изъ вѣчно зеленыхъ садовъ *Kiayi* и изъ цвѣтущихъ апельсинныхъ рощ Неаполя онъ вдругъ очутился въ мрачныхъ и сырыхъ переходахъ іезуитской коллегіи. Въсто вида на Неаполитанскій заливъ, сверкавшій всеми переливами опала и смарагда, онъ съ отвращеніемъ видѣлъ передъ собой темную пѣну лагуны. Глазъ, привыкшій любоваться широкимъ просторомъ моря, зубчатыми скалами острова Капри и отдыхать на величавыхъ очертаніяхъ Везувія, упирался тутъ въ голую сплошную стѣну, по ту сторону грязнаго рва. Тамъ на родинѣ онъ въ часы отдыха игралъ въ саду съ сестрой подъ любящими взорами матери, тутъ его окружала полсотня мальчиковъ, такихъ же запуганныхъ и блѣдныхъ, какъ и онъ; во время рекреаций ихъ высылали гулять въ длинный мрачный корридоръ, а вечеромъ водили на Лидо подъ присмотромъ учителя, причемъ онъ долженъ былъ идти въ концѣ

*) *Русская Мысль*, кн. I.

длиннаго ряда товарищей, не смѣя глазъ поднять на развертывавшіяся передъ нимъ красоты величественнаго города. Онъ плакалъ цѣлыя ночи напролетъ, а дни проводилъ въ безплодной тоскѣ по родинѣ.

Лишь въ молитвѣ паходилъ онъ отраду, такъ какъ ему сказали, что молитвою онъ можетъ освободить души матери и сестры отъ вѣчной муки. Скоро онъ сообразилъ, однако, что во время уроковъ скорѣе другихъ понимаетъ учителя, а выученное отвѣчаетъ яснѣе и тверже товарищей. Сами учителя непрерывно повторяли, что Паоло Лауренцано лучшей ученикъ. Сначала это примирило его немного съ новою жизнью. Какъ горчичное сѣмя въ *Евангеліи*, запалъ зародышъ самолюбія въ сердце ребенка, и маленькое зернышко выросло въ большое дерево, въ которомъ гнѣздились опасныя страсти. Оторванный отъ всего, что было дорого его дѣтскому сердцу, онъ не зналъ иного счастья, какъ ученье и похвалу учителя. Всѣ его стремленія, всѣ мысли сосредоточивались на урокахъ. Въ то время, какъ другія дѣти играли въ мячъ на дворѣ коллегіи или на билліардѣ, въ любимую игру святаго Игнатія, или же въ домино, причемъ обычно ставкой было прочтеніе «Отче нашъ» и Ave Maria проигравшимъ за выигравшаго,—въ это время онъ безъ разгиба сидѣлъ надъ своими книгами и тетрадами. Имъ руководило только желаніе превзойти другихъ и между лучшими учениками быть лучшимъ. Оспаривающій у него первенство становился его заклятымъ врагомъ. Еще дома онъ отличался ораторскими способностями, а занятія въ іезуитской школѣ были, главнымъ образомъ, направлены къ развитію краснорѣчія и діалектики. Здѣсь обучали тому, чѣмъ можно блеснуть и поразить въ необразованной средѣ: латинской декламациі, діалектикѣ, поэтикѣ, классической драмѣ, философіи софистовъ и напыщенной риторикѣ. Во всемъ этомъ Паоло не имѣлъ соперниковъ. Когда въ публичныхъ состязаніяхъ, часто устраиваемыхъ въ интересахъ коллегіи, Паоло въ своей латинской рѣчи съ увлеченіемъ истаго неаполитанца нападалъ на слабѣйшаго противника, когда онъ декламировалъ своимъ мягкимъ звучнымъ голосомъ тирады изъ *Виргилія* и *Лукана*, когда онъ съ кафедры произносилъ высокопарныя рѣчи, обращаясь къ знатному обществу, которое съ живостью, свойственно каждому итальянскому собранію, шумно выражало одобреніе всякому остроумному сопоставленію, апплодировало всякому ѣдкому заключенію, бурно восхищалось всякою мальчишескою галиматьей,—тогда Паоло ка-

задось, что онъ необыкновенный человѣкъ, и его гордой походкѣ могъ бы позавидовать любой римскій триумфаторъ. Такимъ образомъ, воспитаніе святыхъ отцовъ развило въ богато одаренномъ мальчикѣ непомерное честолюбіе, которое бушевало въ немъ и не давало ему ни минуты покоя. Онъ стремился постоянно пріобрѣтать все новыя и новыя познанія и превзойти всѣхъ; только тогда онъ былъ счастливъ, когда сознавалъ, что съ каждымъ днемъ увеличивается пропасть между нимъ и его товарищами, когда не оставалось мѣста даже для отдаленнаго сравненія между нимъ и его сверстниками. Главною цѣлью ордена было воспитаніе честолюбивыхъ юношей и направленіе къ преобладанію надъ сонливою посредственностью воспитанниковъ другихъ школъ, и эта цѣль была блистательно достигнута въ лицѣ Паоло. Его можно было назвать примѣрнымъ воспитанникомъ заведенія. Съ одной стороны, доведенное до безумія самолюбіе талантливаго юноши, съ другой—рабское подчиненіе его воли,—таковы были плоды іезуитскаго воспитанія. Отцы ордена основали воспитаніе учениковъ на психологически вѣрномъ соображеніи, что ничто не подчиняетъ такъ безусловно человѣка, какъ сознаніе, что начальство знаетъ все его прошлое, всѣ проступки, сокрытныя влеченія и пороки и насквозь видитъ всѣ его помыслы и слабости. По заведенному обычаю, отъ Паоло, при поступленіи въ коллегію, потребовали откровенной исповѣди, въ которой онъ долженъ былъ выставить и свои недостатки, и достоинства. Дѣтскою рукой вписалъ онъ свои пороки и при своей пылкой южной фантазіи и нравственномъ возбужденіи послѣ смерти сестры и любимой матери задумчивый мальчикъ изобразилъ себя настоящимъ чудовищемъ. Ректоръ похвалилъ его правдивость и строгость къ самому себѣ и назначилъ ему духовника и нравственнаго руководителя между учителями заведенія. Отъ своихъ товарищей Паоло узналъ, что соблюдается тайна исповѣди не въ стѣнахъ коллегіи и на основаніи ея положеній духовникъ обязанъ передавать свои свѣдѣнія ректору. Несмотря на это, онъ вынужденъ былъ давать ежедневный отчетъ въ своихъ поступкахъ, мысляхъ и расположеніи духа, такъ какъ надъ воспитанниками былъ организованъ постоянный присмотръ, не скрываютъ ли они чего-нибудь. Къ каждому изъ нихъ былъ приставленъ особый шпионъ, который долженъ былъ наблюдать, исправлять и доносить о немъ. Въ отношеніяхъ мальчиковъ между собою эта система была тѣмъ пагубнѣе, что обвиненный товарищъ

всегда могъ избѣжать наказанія, уличивъ своего обвинителя въ подобномъ же преступленіи, а въ противномъ случаѣ, онъ получалъ наказаніе отъ болѣе сильнаго товарища, «брата исправителя». Подъ такимъ неусыпнымъ надзоромъ выросъ Паоло Лауренца но и привыкъ самъ подсматривать за другими. Разговаривая, онъ въ то же время, не переставалъ слушать, что говоритъ сосѣди и ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ умолчать о томъ, что узнавалъ. Начальство достигло такого шпионства между воспитанниками, что большаго нельзя было и желать. Однимъ ухомъ выслушивая исповѣди и самообвиненія учениковъ, другимъ доносы и наушничанья ихъ товарищей, оно видѣло насквозь характеръ каждаго.

Дома Паоло отличался открытымъ, честнымъ характеромъ, но въ пылу честолюбія, которое посѣяли въ немъ учителя, заглохли въ немъ добрые начатки. Онъ усердно подглядывалъ, подслушивалъ, доносилъ и, если ему удавалось ловкими доносами посадить соперника на злополучную скамью или въ позорный уголокъ, онъ испытывалъ величайшее удовольствіе. Товарищи заискивали въ немъ, и данное ему прозвище Accusativus доказываетъ, съ какою смѣсью страха и недоброжелательства смотрѣли на него въ коллегіи. Только въ послѣдствіи понялъ молодой человѣкъ, что каждаго самообвиненіемъ онъ налагалъ на себя новыя цѣпи, приковывавшія его къ обществу іезуитовъ. На основаніи этихъ самообвиненій ректоръ доставлялъ свѣдѣнія провинціалу ордена, и съ этими постоянно дополняемыми свѣдѣніями воспитаникъ не разставался уже во всю жизнь. Куда бы онъ ни направился, въ Старомъ ли, Новомъ ли Свѣтѣ, онъ не могъ скрыть своего прошлаго. Всюду за нимъ слѣдилъ взоръ ордена, всюду сопровождали его исповѣди, въ которыхъ написаны были всѣ темныя дѣла его, и всюду, безъ перерыва, велась записная книга его поступковъ. Если бы у одного изъ запутанныхъ въ этихъ сѣтяхъ явилось желаніе освободиться, онъ отлично зналъ, что орденъ каждую минуту въ состояніи уничтожить его нравственно. Но Паоло не сразу соображалъ это. Онъ сознавалъ величіе ордена и зналъ, что въ союзъ съ могущественнымъ обществомъ ему вездѣ открытъ путь къ блистательной дѣятельности. Послѣ полученнаго имъ воспитанія онъ былъ глубоко убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ надъ простодушною и ребячески довѣрчивою толпой. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ привыкши наблюдать за окружающими и постоянно сознавать, что за нимъ подсматри-

вають, онъ выработалъ въ себѣ самообладаніе, которое защищало его отъ всякихъ нападеній, подобно непроницаемой бронѣ. У него въ привычку обратилось, его второю натурой стало никогда не говорить ни одного слова, могущаго ему повредить, и не пропускать ни одного слова, могущаго выдать ему головой другаго.

Добрые побужденія и интересы были чужды ему. Подъ вліаніемъ всепоглощающаго честолюбія умерли въ его сердцѣ вынесенныя изъ родительскаго дома любовь къ семейству и къ отечеству и дружба къ брату. Свѣжимъ, увлекающимся, добрымъ и хорошенькимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ коллегію, а вышелъ оттуда блѣднымъ, честолюбивымъ, раздражительнымъ и до совершенства вышколеннымъ защитникомъ церкви. Ему шелъ двадцатый годъ, когда ректоръ коллегіи объявилъ его воспитаніе оконченнымъ и школа осыпала его всѣми наградами, которыя она могла дать. Понятно, что внутренняго довольства, которымъ обыкновенно сопровождается достиженіе цѣли, этотъ блестяще окончившій курсъ молодой человекъ не испытывалъ. Цѣлью жизни его до сихъ поръ было быть *primus omnium*, и благо было бы ему, если бы та же цѣль осталась навсегда задачей его жизни.

У него не было семьи, которая нуждалась бы въ его способностяхъ. Лишенный родины, онъ выразилъ желаніе сдѣлаться монахомъ и былъ причисленъ въ разрядъ «индифферентныхъ», для которыхъ еще не рѣшено, останутся ли они въ мірѣ, или будутъ посвящены служенію церкви. Занятія въ коллегіи теологіей и философіей продолжались, прерываясь занятіями въ госпиталѣ Венеціи, паломничествами всею коллегіей къ ближайшимъ святымъ мѣстамъ и прошеніями милостыни по городу, противъ чего постоянно возмущалось честолюбіе Паоло и его презрѣніе къ людямъ и жизни. Ректоръ сказалъ ему по прошествіи перваго года испытанія, что онъ можетъ избрать для своей дѣятельности округъ внѣ коллегіи и что прибывшій изъ Рима генералъ укажетъ ему подходящій.

Тотчасъ же послѣ этого сообщенія Паоло привели въ ораторію коллегіи, гдѣ было собрано все училище; правильными рядами сидѣли воспитанники передъ тою кафедрой, съ которой Паоло такъ часто говорилъ юношескими устами старческаго рѣчи. Блестящее общество Венеціи тѣснилось на назначенныхъ для публички скамьяхъ, а у стѣнъ стояли мѣщане, дворяне и даже многіе члены высшаго городского управленія. У кафедры многочис-

ленное собраніе высшихъ покровителей и почетныхъ членовъ коллегіи почтительно привѣтствовало прибывшаго изъ Рима генерала, выслушивавшаго съ суровымъ достоинствомъ представителей сѣната. За ними выступилъ ученикъ и въ звучной латинской одѣ славилъ добродѣтели и доблести генерала. По программѣ за этой рѣчью должна была слѣдовать другая, но всѣ эти формальности быстро прискучили брюзгливому старику: повелительнымъ жестомъ онъ прервалъ рѣчь и самъ взошелъ на каеедру.

Гордый князь римской церкви, высокій, худой, съ строгими чертами и горящимъ взоромъ, жесткимъ сильнымъ голосомъ началъ проповѣдь на тему: «жатва велика, а жнецовъ мало». Онъ начертилъ картину задачъ церкви въ странѣ вѣрующихъ и еретиковъ, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, у турокъ и идолопоклонниковъ. Переходя къ частностямъ, онъ объяснялъ, что посольство въ Малабаръ вслѣдствіе народнаго возстанія потеряло половину недавно посланныхъ миссіонеровъ. Того, кто пожелаетъ замѣнить недостающихъ, ожидаетъ мученическій вѣнецъ и жизнь вѣчная. Потомъ вызвалъ по имени десять воспитанниковъ и спросилъ:

— Хотите ли вы отправиться въ страну язычниковъ, проповѣдывать Христа, наставлять и умереть?

Десять юношей встали и въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Мы готовы, генераль!

Въ благоговѣйномъ ужасѣ дрогнуло собраніе передъ величіемъ этой сцены и на глазахъ женщинъ выступили слезы.

Старикъ продолжалъ:

— Въ Вѣра-Бруцѣ желтая лихорадка истребила три четверти нашей миссіи. Коллегія пуста. Болѣзнь прекратилась, но весною возвратится съ удвоенною силой. Для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ ректоръ назначаетъ слѣдующихъ послушниковъ, — и снова суровымъ голосомъ прочелъ старикъ нѣсколько именъ. — Готовы ли вы ѣхать, распространять слово Божіе и умереть, если на то воля Божія?

Юноши поднялись и сказали:

— Готовы, генераль!

— Яростнѣе язычниковъ и чумы, — продолжалъ старый монахъ, — свирѣпствуетъ идолопоклонничество у дикихъ германцевъ по ту сторону Альпъ. Тѣ, которыхъ мы посылаемъ туда, должны быть вооружены всѣми силами души; можетъ быть, вамъ придется даже на время снять одежду св. Игнатія, и каждаго изъ васъ ожидаютъ особенныя опасности.

Нѣсколько именъ были названы для этого назначенія, и между ними имя Паоло Лауренцано.

И эти юноши на вопросъ, готовы ли они, отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Готовы, генералъ!

— Вы поклялись, возлюбленные дѣти, — продолжалъ старикъ, — умереть за нашу св. церковь. Но это еще не самое трудное. Напротивъ, это — самая легкая часть вашей задачи. Незиѣримо труднѣе жизнь для блага церкви, которая съ этой минуты начинается для васъ. Вамъ предстоитъ жить, навсегда отказавшись отъ личной жизни. Вы знаете обѣты, исполненію которыхъ вы подчинялись во дни пройденнаго вами искуса. Теперь же, вмѣсто бѣдности, нѣкоторымъ изъ васъ придется жить во дворцахъ, въ богатыхъ аббатствахъ, вамъ можетъ быть приказано на нѣкоторое время раздѣлять эту роскошь. Среди видимой роскоши вы должны остаться вѣрными вашему обѣту бѣдности. По слову блаженнаго отца нашего Игнатія, будьте подобны статуѣ, позволяющей одѣвать себя и раздѣвать, украшать себя тряпьемъ и драгоценными камнями, не замѣчая этого и какъ бы не зная, ничего не желая и не требуя. Тогда за обильными столами, въ пурпурѣ и шелкѣ, вы, все-таки, будете исполнять вашъ обѣтъ бѣдности. Другіе, напротивъ, въ плетеныхъ хижинахъ индѣйцевъ или кибиткахъ монголовъ едва будутъ имѣть чѣмъ прикрыть свою наготу и утолить голодь. Можетъ случиться, что камень при дорогѣ будетъ служить подушкой и горсть моха пищей. Если они въ этой тяжелой жизни будутъ стараться чѣмъ-либо скрасить эту бѣдность, если они днемъ и ночью не будутъ думать о своей задачѣ и сердце ихъ будетъ все еще живо къ какимъ-либо земнымъ привязанностямъ, то они нарушатъ обѣты бѣдности, хотя они и бѣдны. Надо забыть желанія, не звать собственности, вотъ чего требуютъ обѣты. Во-вторыхъ, великій основатель нашего ордена завѣщалъ ученикамъ своимъ обѣтъ послушанія. Но подъ этимъ разумѣется не только наружное и безусловное исполненіе приказаній. Такъ повинуются и собака своему господину; въ томъ не велика заслуга. Для того, чтобы послушаніе обратилось въ добродѣтель, подчиненный долженъ считать желанія начальника своими собственными, долженъ принести въ жертву свою волю и намѣренія, не долженъ смѣть хотѣть и даже думать долженъ такъ, какъ того требуетъ начальникъ, долженъ все, что тотъ приказываетъ и думаетъ,

считать истиннымъ и правильнымъ. Въ простодушіи вашего слѣпаго повиновенія заключается вся ваша сила. «Неполное послушаніе, — говоритъ св. Игнатій, — къ своему собственному вреду имѣетъ два глаза; полное послушаніе слѣпо, но въ этомъ именно заключаются его мудрость и совершенство». Вы должны быть исполнены слѣпымъ стремленіемъ къ повиновенію, какъ Авраамъ готовъ былъ заколотъ своего сына, потому что имъ руководило свободное желаніе повиноваться. Это-то повиновеніе и сдѣлало его праведникомъ, такъ какъ онъ исполнилъ то, что казалось ему злымъ; но повиновался повелѣнію Божию, ибо зналъ, что добро не само по себѣ добро, но потому, что Богъ приказалъ въ своемъ законѣ. Кто противопоставляетъ свой маленькій внутренній свѣтъ свѣту ордена, тотъ безумецъ, ищущій ночью солнца... Если ты въ повиновеніи не подчинишь свой умъ, также какъ и свою волю, то твое послушаніе не будетъ совершенною жертвой, потому что лучшую часть себя, свой умъ, ты не принесешь въ жертву Богу, а жертва, въ которой лучшую часть ты удержи- вавашь, Богу негодна.

Тотчасъ же за этимъ напутствіемъ Паоло покинулъ домъ ордена и въ сопровожденіи старшаго посланника ордена, доктора Антоніо, отправился черезъ Альпы въ резиденцію епископа Шпейера. Все представлялось ему точно во снѣ; неожиданное освобожденіе испугало его. Молодой монахъ не видалъ даже, какъ промелькнули передъ нимъ роскошные города Италіи и веселыя равнины Вероны.

Онъ углубился въ себя и въ назначенныя ему задачи. Чувства неудовлетворенности и страха за будущее въ первый разъ закрались въ душу юноши. Чтобы ободрить его, веселый спутникъ, съ хитрымъ, оживленнымъ лицомъ, рассказывалъ о важныхъ привилегіяхъ, которыми будетъ онъ пользоваться какъ членъ ордена іезуитовъ, объ особенномъ покровительствѣ, съ самаго начала оказанномъ Пресвятою Дѣвой ученикамъ блаженнаго Игнатія Лойолы, и о чудныхъ видѣніяхъ, въ которыхъ Она являлась основателю ордена и достойнѣйшимъ изъ его членовъ.

Докторъ Антоніо почти выбился изъ силъ, прославляя св. Дѣву Марію и не зная, чему приписать замкнутую молчаливость своего товарища. Только миновавъ Альпы, за Инспрукомъ, спутники вступили въ оживленный споръ. Нѣсколько дней провели они въ городѣ, гдѣ у брата Антоніо были дѣла. Его дорожная касса, какъ онъ говорилъ, опустѣла. Однажды раннимъ утромъ

Антонио разбудилъ молодаго человѣка и сталъ уговаривать бѣжать, не расплатившись съ хозяиномъ гостиницы. Монахъ промолчалъ, но какъ только его руководитель вышелъ за дверь, положилъ на столъ для уплаты хозяину одинъ изъ золотыхъ, данныхъ ему въ Венеціи на непредвидѣнные расходы. Вѣроятно, отецъ Антонио предчувствовалъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ воротился въ комнату, будто что-то позабылъ, и когда они вышли на улицу, онъ спокойно развязалъ свой платокъ и прибавилъ деньги Паоло къ своимъ тремъ золотымъ. Разсерженный Паоло настаивалъ вернуться и отдать хозяину слѣдовавшую ему плату. Антонио на это сказалъ:

— Такъ по вашему лучше замедлить нашу миссію, рискуя, что тысячи душъ отираются въ адъ, чѣмъ лишитъ этого трактирщика одного гульдена? Обманывая негодяя, мы выбираемъ меньшее зло и, конечно, совершаемъ дѣло, вдвойнѣ угодное Богу.

— А если этотъ человѣкъ догонитъ насъ и подастъ жалобу?—съ сердцемъ спросилъ Паоло.

— Тогда мы поглянемся, что оставили на столѣ червонецъ.

— Но, вѣдь, вы солжете... вы спрятали его?

— Если мнѣ придется погляться, то къ слову «спряталъ» я прибавлю «въ кошелекъ», а, вѣдь, вы же видѣли, что я завернулъ его въ платокъ.

— Всѣмъ давно извѣстны эти доминиканскія хитрости, и потому отъ васъ потребуютъ клятву безъ увертокъ и добавленій.

— А въ такомъ случаѣ я могу погляться *безъ неправильныхъ оговорокъ*, потому что я совершенно правъ, дѣйствуя такъ на пользу св. церкви.

— И такими низкими хитростями вы думаете снова обратиться къ Богу еретиковъ?—мрачно спросилъ Паоло.

— Нѣтъ, мой сынъ, я не такъ глупъ; мы будемъ обращаться германцевъ, распространивши по Германіи такой пожаръ, отъ котораго ангелы подожмутъ ноги и звѣзды на небѣ расплавятся.

— У васъ довольно своеобразный способъ заботиться о благѣ Германіи.

Старикъ засмѣялся.

— Такъ вы воображаете, что я пустился въ эту дичь и глушь за тѣмъ только, чтобы осчастливить кимвровъ и тевтоновъ? Я хочу просто возстановить тамъ господство, предоставленное папамъ императоромъ Константиномъ, чтобы достойно

встрѣтить Христа, когда онъ придетъ во славу подобно Цезарю, какъ изобразилъ его Микель-Анджело въ своемъ страшномъ судѣ, и не быть поставленнымъ въ необходимость привѣтствовать его словами: *Salve semper Auguste*, объ Германіи мы потеряли. Если вы хотите хлопотать о счастья населенія, то отправляйтесь къ вальденцамъ.

Паоло молчалъ. Онъ не могъ относиться серьезно къ словамъ своего собесѣдника, но сердце его разрывалось отъ сознанія, что такія рѣчи говорить человѣкъ, носящій одежду его ордена. Когда въ ближайшей деревнѣ они сидѣли за завтракомъ, за дверью шинка послышался шумъ. Путники узнали голосъ разыскивавшего ихъ инспрукскаго трактирщика.

— Дайте мнѣ вашъ кошелекъ, — совершенно спокойно сказалъ братъ Антоніо, — я заплачу ему.

Паоло бросилъ ему кошелекъ и Антоніо исчезъ. Немного спустя, явился старшина съ хозяиномъ и потребовалъ уплаты долга. Тутъ только замѣтилъ Паоло, что товарищъ обманулъ его и скрылся съ его деньгами; спокойно досталъ онъ изъ дорожнаго плаща спрятанныя тамъ оставшіяся деньги и расплатился, очень довольный тѣмъ, что счастливо отдѣлался отъ ареста и тѣлеснаго наказанія. Онъ, конечно, не подумалъ догонять убѣжавшаго товарища и, вмѣсто того, чтобы отправиться на сѣверъ черезъ Мюнхень, какъ предполагалъ его спутникъ, направился къ западу черезъ Форарльбергъ, къ Рейну, и до назначеннаго срока явился въ коллегію въ Шпейеръ. Ректоръ холодно выслушалъ его рассказъ.

— Ты плохо выдержалъ испытаніе, братъ Паоло, — сказалъ онъ, — и вдвойнѣ нарушилъ правила: ты знаешь, что братья нашего ордена обязательно путешествуютъ по двое, подобно тому, какъ Господь посылалъ своихъ учениковъ по двое. Кромѣ того, ты нарушилъ обътъ послушанія. Ты осмѣлился противопоставить твою совѣсть, разумъ и волю желанію твоего старшаго. Но св. отецъ Игнатій не безъ основанія говоритъ: «Если Богъ поставитъ надъ тобой безсловесное животное, то не отказывайся слѣдовать за нимъ, какъ за руководителемъ и учителемъ, потому что Богъ приказалъ тебѣ это». Онъ также пишетъ: «Если католическая церковь считаетъ бѣлымъ то, что тебѣ кажется чернымъ, то ты не долженъ вѣрить своимъ глазамъ, но глазамъ св. церкви». Вмѣсто этого, ты, какъ еретикъ, противопоставилъ свой внутренній свѣтъ боговдохновенной заповѣди блаженнаго

отца нашего. Теперь мы знаемъ, чего ждать отъ тебя и какъ поступать съ тобой.

Паоло началъ свое пребываніе въ Шпейерѣ подѣ тяжелою дисциплинарною карой, наказывающей его за то, что казалось совершенно естественнымъ и понятнымъ всякому здравомыслящему человѣку. Однако, ректоръ зналъ, что не слѣдуетъ слишкомъ сильно налегать на молодого человѣка, и ему былъ назначенъ руководителемъ и духовникомъ всѣми любимый отецъ Алоизъ, мягкость и снисходительность котораго быстро снискали ему довѣріе юноши. О неприятномъ происшествіи во время дороги Паоло больше ничего не говорилъ. Онъ зналъ, что монахъ обязанъ безъ ропота сносить обиды и несправедливости. Его не то мучило, онъ ли правъ или братъ Антоніо. Наконецъ, онъ собрался съ силами и открылъ на исповѣди доброму отцу Алоизу, что съ нимъ дѣлается; онъ жаловался на удручающее его чувство пустоты и неудовлетворенности, на совершенное отсутствіе дружбы и охватившую его безнадежность. Духовникъ кротко выслушалъ его и дружески сказалъ:

— Утѣшься, сынъ мой! Печальныя мысли, будто впереди жидаетъ необыкновенно тяжелое и грустное, мучили уже многихъ юношей, стоящихъ въ началѣ ихъ блестящей жизни; вѣрнѣе, для насъ это предрасвѣтннй туманъ, мракъ котораго разгонитъ лучъ денницы...

Эти ободряющія слова успокоительно подѣйствовали на измученное монашествомъ сердце и никогда еще онъ не получалъ такого утѣшенія отъ исповѣди, какъ въ этотъ разъ. Къ тому же, отецъ Алоизъ собой лично подалъ блестящій примѣръ строгаго исполненія обязанностей. Паоло искренно желалъ бы походить на этого слабого старца, каждую минуту своей жизни посвящающаго ближнимъ и проводящаго ее въ заботахъ о своихъ духовныхъ дѣтяхъ, больныхъ и бѣдныхъ. Простосердечно высказалъ онъ эти завѣтныя мысли въ слѣдующей бесѣдѣ съ духовникомъ. Послѣдствіемъ этой исповѣди было переселеніе Паоло въ Гейдельбергъ. Настоятель нашелъ, что молодой братъ Паоло, не имѣя опредѣленной задачи въ жизни, предается бесполезнымъ разсужденіямъ; молодое вино надо наливать въ новыя бочки, если не хотять, чтобы оно испортилось, также миролюбивыя свойства отца Алоиза не должны служить образцомъ для юношей въ это время борьбы. Поэтому Паоло получилъ приказаніе принять только что полученное приглашеніе на службу въ Гейдельбергъ.

— У тебя будетъ тамъ почти свѣтскій начальникъ, — сказалъ на прощаніе отецъ Алоизъ, — докторъ Пигаветта, какъ его называютъ въ міру, и я сильно опасаюсь, что такими же мірскими стали желанія и что сердцемъ онъ привязался къ свѣту, но онъ живѣе меня и, можетъ быть, его бодрость будетъ тебѣ полезнѣе, чѣмъ однообразныя бесѣды со мной, старикомъ, который, можетъ быть, и теперь уже надоѣлъ тебѣ. Но если тебѣ когда либо понадобится духовное утѣшеніе, ты всегда будешь радостно принять отцомъ Алоизомъ.

Отправляясь въ Гейдельбергъ, Паоло твердо рѣшилъ, согласно обѣтамъ, слѣпо повиноваться своему новому начальнику. Осторожно постучалъ онъ у двери дома. Съ перваго же шага его рѣшимость подверглась тяжелому испытанію: когда отворилась дверь, передъ нимъ стоялъ его бывший спутникъ, докторъ Антоніо. Онъ былъ въ той же бархатной шапочкѣ и темномъ плащѣ, какъ и во время путешествія, и съ видимымъ удовольствіемъ наслаждался смущеніемъ молодого монаха. Паоло оправился и сухо спросилъ доктора Пигаветту.

— Идите наверхъ, онъ тамъ, — холодно отвѣчалъ отецъ Антоніо.

По витой лѣстницѣ Паоло взшелъ на верхній этажъ башни и увидалъ на двери надпись: «Пигаветта». «Войдите», — крикнулъ на его стукъ знакомый звонкій голосъ; и передъ юношей былъ опять тотъ же Антоніо, но уже въ широкомъ домашнемъ костюмѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ и казался углубленнымъ въ книги и бумаги.

Молодой человѣкъ былъ окончательно сбить съ толку. Какой же изъ двухъ настоящій Антоніо? Паоло опустилъ голову и покорно стоялъ, пока странный незнакомецъ не заговорилъ съ нимъ.

— Ваши удостовѣренія! — холодно спросилъ начальникъ.

Паоло дрожащими руками подалъ шифрованную бумагу. Прочитавъ ее, онъ насмѣшливо сказалъ:

— Я думаю, *fratello*, что наше первое знакомство облегчить вамъ на будущее время повиновеніе вашему новому начальнику. Вы можете быть увѣрены, что если я даю удивляющія приказанія, то имѣю на то достаточныя основанія. Надѣюсь, вы отнынѣ будете осторожнѣе относиться къ собственной, весьма умѣренной житейской мудрости. Вы догадались бы, что такой человѣкъ, какъ я, не изъ-за двухъ грошей хлопоталъ въ Инспрукъ, если

бы вы не были жалкимъ книжнымъ червемъ. Разобравши этотъ поучительный опытъ въ собственномъ умѣ, быть можетъ, вы не станете уже забывать о данномъ вами обѣтѣ послушанія. Во всякомъ случаѣ, мы теперь достаточно знакомы, чтобы довѣряться другъ другу.

Пигаветта замолчалъ и саркастическая улыбка скользнула на его губахъ. И такъ, Пигаветта и докторъ Антоніо, съ которымъ онъ путешествовалъ, одно и то же лицо и ему-то во власть онъ отданъ теперь. Въ душѣ Паоло кипѣлъ страшный гнѣвъ, но молодой человѣкъ не хотѣлъ дать своему начальнику новаго повода упрекать его въ неповиновеніи. Онъ остался въ той же почтительной позѣ, приличествующей послушнику передъ старшимъ. Но въ начальникѣ быстро сказался шутникъ по природѣ. Весело похлопалъ онъ молодого человѣка по плечу и сказалъ:

— Веселѣе, веселѣе, fratello. Веселые люди вдвое лучше грустныхъ, говоритъ св. Игнатій. И вашъ обѣтъ ордену не требуетъ, чтобы вы опускали голову. Добро пожаловать въ Гейдельбергъ! И первымъ дѣломъ вы обязаны отдавать мнѣ отчетъ во всемъ.

Съ этими словами онъ взялъ графинъ съ водой, вылилъ въ сосудъ, вдѣланный въ стѣну, и открылъ кранъ, изъ котораго потекло красное вино.

— Выпейте нашего утѣшенія! — сказалъ онъ, какъ будто въ этомъ не было ничего особеннаго.

Паоло пилъ маленькими глотками, но вино было слишкомъ ерѣвко и ароматично; онъ выпилъ до половины стакана, поставилъ его на столъ и сказалъ:

— Простите, уважаемый отецъ, я не могу пить вина.

— Какъ хотите, — отвѣчалъ докторъ.

Онъ взялъ стаканъ и вылилъ обратно въ сосудъ, открылъ тотъ же кранъ, изъ котораго только что текло вино, наполнилъ стаканъ чистою водой, вымылъ его и поставилъ къ сторонѣ. Паоло чувствовалъ, что у него голова идетъ кругомъ отъ всего только что перечувствованнаго. Онъ опустился на стоящій передъ нимъ стулъ; тотъ заигралъ и запѣлъ.

— Вамъ дурно, — сказалъ докторъ Пигаветта, — выйдите на воздухъ, а вечеромъ приходите въ коллегію; я познакомлю васъ съ учителями.

Паоло не зналъ, что подумать обо всѣхъ этихъ шуткахъ. Когда онъ, точно во снѣ, спустился на подѣздъ, передъ нимъ

опять стоялъ докторъ Антоніо въ своемъ дорожномъ платьѣ, дѣлавъ видъ, будто возвращается съ прогулки.

— Хорошо, что я васъ встрѣтилъ, — спокойно проговорилъ онъ, — вотъ вамъ золотые, которые я занялъ у васъ въ Инспрукѣ, — и спокойно повернулъ назадъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ, точно дурманомъ опоенный, стоялъ Паоло передъ дверями загадочнаго дома. Безъ привычки выпитое вино опьянило его. Онъ подошелъ направо къ колодцу и освѣжилъ голову. Обсудивши все спокойно, онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что докторъ Антоніо его просто дурачить. Фокусъ обращенія воды въ вино и вина обратно, играющій стулъ, — все это были слишкомъ дѣтскія штучки, чтобы задумываться надъ ними. Всего подозрительнѣе показался ему расчетъ за выманенный у него обманомъ кошелекъ. Такъ какъ Антоніо не заплатилъ хозяину въ Инспрукѣ, то онъ долженъ былъ ему два золотыхъ и нѣсколько мелкихъ монетъ, а не одинъ. Предположеніе, что отданный ему могъ быть волшебнымъ, неразбѣннымъ червонцемъ, не подкрѣплялось только что видѣнными опытами чародѣйства доктора Антоніо, показавшимися монаху очень сомнительными. Двойное его появленіе въ прихожей и на подъѣздѣ Паоло объяснялъ себѣ устройствомъ, часто видѣннымъ имъ въ постройкахъ брата. Очевидно, въ башнѣ былъ подъемъ, по которому Пигаветта могъ спускаться и подниматься скорѣе, чѣмъ его посѣтители, идущіе по витой лѣстницѣ. Когда успокоился суевѣрный страхъ молодого человѣка, то еще больше увеличилась непріятность, — въ чужомъ городѣ быть подъ властью человѣка, который носитъ два имени, обсчитывается и притворяется, или на самомъ дѣлѣ имѣетъ способность являться двойникомъ.

Новая должность, въ которую вступилъ Паоло, хотя на нѣкоторое время разсѣяла его тоску. Нѣсколько мѣсяцевъ все шло хорошо, но по прошествіи первой зимы, когда изъ Италіи пахнуло опять тепломъ, къ одинокому юношѣ снова вернулась и его прежняя тоска. Печальныя мысли, разсѣянные бесѣдами съ добрымъ отцомъ Алоизомъ, овладѣли имъ съ удвоенною силой. Онъ блуждалъ въ глубокомъ отчаяніи, надрывавшемъ его лучшія силы и способности. Въ такомъ состояніи засталъ его Феликсъ, когда, наконецъ, они свидѣлись послѣ долгой разлуки.

Феликсъ вмѣстѣ съ Паоло былъ въ Венеціи, но на него коллегія произвела совершенно иное впечатлѣніе. Здѣсь архитекторъ изучилъ теорію своего искусства, математику, геометрію, меха-

ниву, безъ которыхъ онъ не могъ бы сдѣлаться архитекторомъ, а остался бы простымъ рабочимъ. Онъ увлекался риторикой и поэзіей, а когда могъ отбросить рѣзецъ и рабочій фартукъ, то отдыхалъ и наслаждался, слушая ясныя, поучительныя рѣчи о философіи, о литературѣ и повѣи, разбираемыя какъ разъ съ его точки зрѣнія. Въ немъ не было ни тѣни честолюбивыхъ стремленій, не дававшихъ покоя его брату.

Послѣднее время пребыванія въ коллегіи казалось особенно мучительнымъ Паоло. Его, привыкшаго къ успѣху, уже не удовлетворяли даже высшія похвалы, доступныя послушнику. Ясность изложенія наукъ, такъ восхищающая его брата, казалась ему уже неудовлетворительной; общество, не разъ посѣщаемое братомъ, тяготило его, и онъ, въ душѣ гораздо менѣ брата преданный ордену, всѣми силами стремился служить ему, ради того только, что утомительнымъ внѣшнимъ дѣломъ онъ надѣялся заглушить чувство недовольства и зарождающуюся въ немъ жажду счастья. Поэтому въ Гейдельбергѣ, не заботясь о Пигаветтѣ, онъ съ особеннымъ рвеніемъ взялся за назначенную ему дѣятельность. Наконецъ то, послѣ столькихъ лѣтъ приготовленія ему предстала задача, казавшаяся ему такою серьезной. Для свѣта подвластный членъ богословской школы, самому себѣ онъ казался историческимъ рычагомъ, которому суждено обратить цѣлое население на иной религиозный путь. Довольно фантастична была мысль, что филологъ-репетиторъ на своемъ незначительномъ мѣстѣ можетъ низвергнуть церковь, поддерживаемую курфюрстомъ; но Паоло вѣрилъ словамъ основателя ордена: «если Богъ пошлетъ тебя за море, то поѣзжай на корабль, или на доскѣ, если нѣтъ корабля». Уже въ Шпейерѣ онъ получилъ приказаніе приобрести при университетѣ курфюрста званіе магистра и эту задачу онъ исполнилъ шутя. Пигаветта приказалъ ему разыграть роль преданнаго кальвиниста, для чего достаточно было дурно отзываться о лютеранахъ. И это онъ сдѣлалъ очень охотно. Наконецъ, его начальникъ передалъ ему шифрованный неожиданный приказъ провинціала—выдержать при реформаторскомъ церковномъ совѣтѣ экзамень *pro ministerio* и поступить проповѣдникомъ въ Гейдельбергѣ. Въ первый разъ онъ возмутился душою. Честный человѣкъ возставалъ въ немъ противъ этой подневольной лжи. Онъ согласился на время разыграть роль кальвиниста, но этой комедіей наполнить всю свою жизнь не позволяла ему врожденная гордость. Приказаніе сдѣлаться реформаторскимъ свя-

щепишкомъ, чтобы проповѣдывать католическіе догматы, пробудило въ немъ чувство, которое онъ испытывалъ, только теоретически раздѣляя мнѣнія своихъ учителей, что цѣль оправдываетъ всякое средство, служащее истинному благу—пользѣ св. церкви. Цѣлыя ночи, не смыкая глазъ, метался онъ на своей кровати, сознавая, что вступаетъ на скользкій путь. Ораторскій талантъ, жажда аудиторіи, кафедры и рукоплесканій въ самой его душѣ были могущественными союзниками тѣхъ, кто сдѣлалъ ему столь возмутившее его предложеніе.

Ему уже давно надоѣло объяснять латинскихъ авторовъ сонливымъ ученикамъ Сапиенць-коллегіи, безсмысленно дремавшимъ подъ звуки его увлекательныхъ лекцій. Какъ разъ въ это время получился неожиданный приказъ провинціала ордена перенести дѣятельность на церковную кафедру. Досада на неудачу у тупой молодежи и жажда похвалы въ равной мѣрѣ повліяли на его рѣшеніе принять двусмысленную роль, навязанную ему орденомъ. Даже сомнѣнія смолкли въ его душѣ, когда онъ испыталъ успѣхъ своего краснорѣчія. Звучный голосъ итальянца, его изящество, прелесть иностраннаго произношенія трогали сердца, и Паоло казалось, что начинаютъ сбываться его мечты о противуреформации, когда онъ видѣлъ, что съ каждымъ воскресеньемъ все тѣснѣе и тѣснѣе становились ряды его слушателей. Опьяняіе успѣхомъ заглушало въ немъ предостерегающій голосъ сердца, говорившій, что онъ занимается двусмысленнымъ дѣломъ, и потому его нисколько не обрадовало, когда пфальцграфиня обратила на него свое милостивое вниманіе и лишила его виднаго поприща. Сначала ему казалось, что обращеніе какого-то монастыря слишкомъ ничтожная задача для его способностей, и ему почти противно было снова выучивать почти забытую литургію, совершать тайное богослуженіе, за которое, вслѣдствіе ненависти курфюрста къ «проклятому идолопоклонству», онъ могъ, все-таки, дорого заплатить. Не привлекательными казались ему и исповѣди старыхъ монахинь, однообразныя исторіи ихъ печальнаго настроенія духа, душевныхъ тревогъ и искушеній. Онъ самъ былъ молодъ и его тянуло къ молодежи. Преподаваніе молодымъ дѣвушкамъ въ монастырской школѣ пришлось ему болѣе по душѣ, чѣмъ занятія въ Сапиенць-коллегіи. Свѣжія и красивыя, какъ только что развернушіеся цвѣты, сидѣли передъ нимъ внимательныя дѣти и дѣвушки, не сводя глазъ съ его устъ и какъ будто чутьемъ угадывая его желанія. Здѣсь какъ бы вѣяло

любовью и воодушевлениемъ, и ему казалось, что его застывшее сердце снова начинает биться, и въ немъ снова пробуждались чувства, забытыя съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился матери, которая дѣляла его дѣтство и юность. Насколько въ Сапиенцъ-коллегіи онъ радъ былъ поскорѣе отдѣлаться отъ своихъ учениковъ, настолько же охотно становился онъ теперь во главѣ дѣтей и гулялъ съ ними по монастырскому лугу. Сидя подъ высокимъ букомъ у фонтана, онъ училъ дѣтей строить маленькіе алтари и связывать кресты. Онъ рассказывалъ имъ, какъ ангелы невидимо присутствуютъ при ихъ играхъ и молитвахъ, или въ видѣ облака спускаются съ неба, и отъ каждого ребенка возносили молитву къ Божіей Матери. Иногда онъ отправлялся съ дѣтьми на богомолье и устраивалъ процессіи, заставляя ихъ пѣть незамысловатыя пѣсни на забытый католическій напѣвъ.

Однажды монастырская мельничиха испугалась, что ея дочка вытравила у себя на рукѣ имя Пресвятой Маріи и ея Рейнгартъ вырѣзалъ его на яблонѣ. Но игуменья успокоила ее, увѣривши, что это предохраняетъ отъ лихорадки и удваиваетъ плодovitость яблони.

Съ старшими воспитанницами магистръ велъ также нравственные бесѣды и проходилъ уроки закона Божія, и молодыя дѣвушки были въ восторгѣ отъ ангельски добраго магистра, умѣвшаго ихъ утѣшить и ободрить. Но въ то же время какъ-то такъ случилось, что Лидія Эрасть стала задумываться; ей съ нѣкоторыхъ поръ во время игръ стали выпадать на долю самыя неприятыя роли, и это устраивали Клара и Берта, бывшія прежде ея лучшими подругами.

Случилось еще и то, что прежде всегда задумчивый и серьезный магистръ часто выходилъ теперь изъ класса съ такою счастливою улыбкой, какой никто не видалъ на его лицѣ въ Сапиенцъ-коллегіи; ему душно становилось въ кельи, и онъ уходилъ къ старымъ букамъ за монастыремъ, гдѣ, вмѣсто молитвъ, декламировалъ оды Анакреона. Какъ это случилось, онъ и самъ не зналъ. Сначала глаза его лишь невзначай останавливались на бѣлокурой головкѣ... потомъ, устремленные на него съ трогательнымъ благоговѣніемъ, голубые глазки стали притягивать къ себѣ, и скоро онъ долженъ былъ сознаться, что только для этого милаго ребенка-дѣвушки даетъ онъ уроки, что для нея одной заботится о своемъ костюмѣ, на нее смотритъ, о ней думаетъ и слышитъ только ея отвѣты... Его охватило непонятное

желаніе ее одну только видѣть передъ собой во время уроковъ. Такъ начались страданія, не дававшія ему покоя днемъ и сна ночью и доведшія его до того болѣзненного и мрачнаго располженія духа, въ которомъ засталъ его братъ.

ГЛАВА VII.

Когда касаются тайны, которую человекъ хотѣлъ бы скрыть отъ самого себя, то результатъ получается сходный съ тѣмъ, что происходитъ отъ произнесенія магическаго слова сказки, уничтожающаго заколдованный сонъ спящей царевны. Это магическое слово, пробудившее Паоло, раздавшееся въ рѣзкомъ утреннемъ воздухѣ и при яркомъ свѣтѣ дня, въ этотъ злополучный день два раза достигло слуха молодого священника. Еще больше, чѣмъ подобающее монахамъ равнодушіе къ родственникамъ, это было причиной, почему Паоло Лауренцано принялъ такъ холодно брата. Феликсу не было надобности передавать ему насмѣшки относительно его и прекрасной Лидіи. Какъ ученикъ коллегіи, приученный держать на сторожѣ слухъ и зрѣніе, Паоло слышалъ названіе «придорожникъ», когда утромъ направлялся домой; и такъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ часто встрѣчалъ на дорогѣ бѣлокурую дѣвушку и обмѣнивался съ нею ласковыми словами, то онъ тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло, и отправился обратно лѣсомъ на деревенскую дорогу, не заходя на этотъ разъ домой. Нанрасно старался онъ забыть ненавистное слово «придорожникъ». Ясно, что всѣ дѣти монастыря знаютъ, что произошло между нимъ и Лидіей и въ чемъ самъ онъ боялся сознаться. Братъ неосторожно въ первую же минуту коснулся тщательно скрываемой имъ тайны; онъ холодно оттолкнулъ его руку, можетъ быть, потому, что она была единственная, имѣвшая право сдернуть покрывало. Одинокое стояніе онъ на улицѣ, съ выраженіемъ унынія и горечи, и печально смотрѣлъ на рѣку. Если бы онъ могъ ясно выразить свои мысли, то приблизительно онъ сказалъ бы себѣ нѣчто подобное:

— Любезный магистръ Лауренцано, благочестивые отцы въ коллегіи учили тебя, что притворство есть орудіе, которымъ одинъ умный человекъ побѣждаетъ тысячу дураковъ. Но это орудіе обоюдоострое и часто ранитъ носящихъ его тайно и себя. Если бы ты открыто явился тѣмъ, что ты есть, священникомъ своей церкви, никогда бы это бѣлокурое дитя Ге

маніи не взянуло на тебя такимъ взоромъ и не похитило бы твоего сердца. Или если бы ты былъ тѣмъ, кѣмъ ты кажешься, проповѣдникомъ кальвинистовъ, завтра же ты могъ бы явиться къ ея отцу просить руки его дочери и не получилъ бы отказа. Бому же повредилъ ты больше всѣхъ своимъ притворствомъ? Себѣ, только себѣ. Но отчего же ты не положишь конца этимъ недомолвкамъ и неясностямъ?

Если бы онъ потрудился дать себѣ на это отвѣтъ, то онъ сказалъ бы:

— Я, Паоло Лауренцано, *primus omnium* въ Венеціанской коллегіи, слишкомъ хорошъ для этихъ людей. Неужели для того трудился я день и ночь, отказывался отъ всѣхъ радостей молодости, чтобы пожертвовать всею своею будущностью этой хорошенькой дѣвочкѣ? Всякій священникъ послѣ посвященія получаетъ ореолъ святыхъ. О генеральствѣ, тіарѣ и мученическомъ вѣнцѣ твердили мнѣ... Такъ неужели я долженъ оставаться учителемъ этихъ неотесанныхъ медвѣжатъ въ ненавистномъ нѣмецкомъ городишкѣ? Даже тоска по голубомъ небѣ Италіи удержитъ меня отъ принятія вѣры, уничтожающей возможность вернуться на родину.

Такия мысли пробудили его изъ задумчивости, а свѣжій восточный вѣтеръ, дувшій ему на встрѣчу, придалъ бодрости.

— Славнымъ побѣдителемъ я долженъ возвратиться въ Италію, а не погибнуть въ мрачномъ Оденвальдѣ. Что, если бы удалось мнѣ произвести здѣсь великій переворотъ? Если бы, подобно благородному архіепископу Борромео въ Белглинѣ, удалось мнѣ обратить еретиковъ, и въ особенности женщинъ?

Эта мысль придала ему бодрости.

— Ты долженъ дѣйствовать, а не мечтать! Долженъ приступомъ брать, а не выжидать. Прогонять они тебя, убьютъ,—тѣмъ лучше. И чего бы стоила эта жизнь, если бы не было въ ней борьбы за счастье?

Онъ представлялъ себѣ, въ какую ярость придетъ неуклюжий нѣмецкій герцогъ, когда узнаетъ, что всѣ дочери его дворянъ обратились къ католической церкви. Онъ быстро соображалъ, какими средствами лучше всего достигнуть цѣли. Слѣдуетъ ввести въ монастырѣ «*Exercitia*» Лойолы; молитвами, созерцаніемъ и ясновидѣніемъ можно достигнуть болѣе блестящихъ результатовъ, чѣмъ нескончаемыми проповѣдями и зубреніемъ катехизиса. «Католическая вѣра должна распространяться ка-

толическими средствами, а не скучнѣйшими еретическими. Живѣе надо вести дѣло. Только штурмомъ можно взять крѣпость». Но съ кого начать? Съ старыхъ монахинь? Онѣ слишкомъ неприступны. Молодые, одаренныя богатою фантазіей и восприимчивостью, скорѣе увлекутся чистою Мадонной со св. Младенцемъ, а ихъ примѣръ увлечетъ остальныхъ. Быстро направился онъ къ монастырю, захвативъ въ своей комнатѣ маленькую книжечку, и приказалъ привратницѣ доложить настоятелюницѣ. Пфальцграфиня, пожилая дама съ пріятными, нѣжными чертами, приняла его съ спокойнымъ радушіемъ, вошедшимъ у нея въ привычку, и спросила, что ему угодно. Привлекательное лицо ея носило отпечатокъ строгой монашеской жизни и хотя она принуждена была снять бѣлое монашеское покрывало, она держала голову все такъ же прямо, какъ будто тяжелыя бѣлыя складки ниспадали на ея плечи. Ея холодныя манеры еще больше возбудили взволнованнаго молодого человѣка. Горячій неаполитанецъ съ страстью высказалъ ей всѣ муки бездѣтельности. Тишь на морѣ опаснѣе шторма, говоритъ св. Игнатій. Не имѣть враговъ—страшнѣе, чѣмъ имѣть ихъ много. Паоло не затѣмъ пришелъ сюда, чтобы совершать тайныя богослуженія въ полу-заброшенномъ монастырѣ и учить дѣтей греческимъ склоненіямъ. Онъ долженъ видѣть результаты или совсѣмъ оставить это мѣсто. «Уже нѣсколько недѣль,—закончилъ онъ свою горячую рѣчь,—какъ я излагаю католическіе догматы, проповѣдую монашество и превозношу безбрачіе. При каждомъ удобномъ случаѣ, какъ мнѣ предписано въ инструкціяхъ, я проповѣдую благодать св. мощей, почитаніе и поклоненіе святымъ, пилигримство къ св. мѣстамъ, воздержаніе, посты, отпущеніе грѣховъ, возжиганіе свѣчей, и толкую о другихъ предметахъ нашего благочестія и богопочитанія. Но что же вышло изъ этого? Ничего; все то же, что и прежде. Если вы не рѣшитесь принять болѣе дѣятельныхъ мѣръ, то я отказываюсь отъ борьбы. Этимъ путемъ мы не достигнемъ никакой цѣли».

Пфальцграфиня спокойно и пристально смотрѣла на молодого оратора, перебирая четки. Если бы юношеское возбужденіе и яркій румянецъ, разлившійся по блѣдному лицу Паоло, не шли такъ къ его прекраснымъ, словно выточеннымъ чертамъ, старая графиня холодно успокоила бы возбужденнаго оратора, потому что она была врагъ всякихъ волненій. Но къ этому красивому молодому человѣку она чувствовала материнскую симпатію, а изъ

собственного опыта она знала, что если положиться на ожиданія, то можно прождать всю жизнь. На ея вопросъ, что собственно подразумѣваетъ онъ подъ болѣе дѣтельными мѣрами, магистръ положилъ передъ ней маленькую книжечку съ простымъ заглавіемъ: «*Exercitia Spiritualia*».

— Католическую вѣру нельзя вводить протестантскими средствами, для этого необходимы и средства католическія, и вотъ испытанная на практикѣ дисциплина, которою нашъ славный генераль, св. Игнатій, думаетъ скорѣе возвратить души св. церкви, чѣмъ проповѣдями и преподаваніемъ.

Настоятельница перелистovala книгу и недовѣрчиво спросила:

— Чѣмъ отличаются эти «*Exercitia*» отъ другихъ священныхъ книгъ?

— Молитвенники еретиковъ, — отвѣтилъ Паоло, — учатъ познавать Бога, потому что протестанты хотятъ судить и разумѣть Его. Св. Игнатій, напротивъ, указываетъ въ этой книжкѣ путь, которымъ можно чувствовать Бога духомъ, воспринимать Его благодать. Не знаніемъ, говоритъ онъ, удовлетворится стремленіе души къ Богу, а собственнымъ внутреннимъ опытомъ; достиженіе внутренняго познанія — цѣль «*Exercitia Spiritualia*». Эти духовныя упражненія дѣйствительная молитва; напряженіемъ ума, стояніемъ на колѣнахъ, prostираніемъ рукъ мы приближаемся къ Богу. Св. отецъ указываетъ здѣсь въ краткихъ чертахъ на факты, требующіе особеннаго вниманія человѣка и признаваемые также и еретиками, а именно: паденіе ангела, искупленіе, воплощеніе слова, лишеніе созерцанія Божія и вѣчныя муки ада. Но вы поймите, уважаемая мать игуменья! Лютеранинъ вѣритъ этому, думаетъ и старается понять. Только слушаніе и чтеніе этого не приближаетъ насъ къ божественному. Необходимо видѣть это душою, понять умомъ всю истину и возвыситься до яснаго представленія. Эта книжка заключаетъ въ себѣ наставленія, какъ проникнуть въ невидимое, какъ сознать, чувствовать всѣми силами души вѣчное блаженство. Совершенно противоположно кальвинистской воздержности, эта книжка хочетъ дать бѣднымъ закосяблымъ душамъ вкусить всю сладость прежней вѣры. Только тотъ, кто видѣлъ Матерь Божию и святыхъ, какъ видѣли св. Францискъ и св. Катерина, принадлежитъ намъ. Вотъ божественное ученіе о «приложеніи ума», составленное св. Игнатіемъ. Такъ позвольте мнѣ, уважаемая пфальц-

графиня, приложить этот единственно плодотворный методъ къ нашимъ воспитанницамъ.

Игуменья Сабина молчала и недовѣрчиво вертѣла въ рукѣ книжку.

— И въ этомъ только заключается вся ваша дисциплина?— спросила она магистра, думая, въ то же время, о слышанныхъ разнообразныхъ соблазнахъ въ подобныхъ экзерциціяхъ.

— Бичеванія, покаянныя процессіи, даже посты мы не можемъ ввести опять,— отвѣчала Лауренцано,— по крайней мѣрѣ, теперь. Но благочестивыя дѣвушки своими молитвами у ногъ распятія, поцѣлуями орудій мученій, слезами и вздохами могутъ искупить оскорбленіе, нанесенное древу жизни на Голгоѣѣ и распятому Царю царей. Въ женскихъ слезахъ источникъ благодати, и потому дѣвушка, плакавшая о страданіяхъ Божіей Матери, избавлена отъ проклятія еретиковъ. Если я что-нибудь прибавлю, то все это невинные предметы: картины, мощи, цвѣты, нѣкоторыя напоминанія о жизни и смерти. Вы знаете, что посвященный въ элевзинскія тайны достигалъ истины черезъ вѣщныя и ясныя символы. Нѣкоторыя пособія въ этомъ родѣ дозволяете также и мнѣ. Символь есть языкъ нашей церкви; только еретики довольствуются голымъ словомъ.

— Кого изъ ученицъ назначаете вы для этихъ занятій?— съ любопытствомъ спросила игуменья.

— Мы можемъ выбрать по старшинству.

— По старшинству первая фонъ-Эппингенъ, вторая фонъ-Штейнахъ и третья Либлеръ.

Паоло равнодушно кивнулъ головой.

— Я боюсь только,— сказала настоятельница, машинально ища рукою четки, забывъ, что она ихъ сняла,— я боюсь, что вы вовлечете молодыя души въ фанатизмъ, вредный *sanitudo corporis*. Мнѣ поручили этихъ дѣвочекъ не для того, чтобы я сдѣлала изъ нихъ энтузіастокъ и ясновидящихъ.

— Если игуменья этого монастыря замѣтитъ вредныя послѣдствія,— сказала Паоло покорнымъ тономъ,— то во всякое время можете прекратить эти «*Exercitia*». Но я убѣжденъ, что когда вы проникнетесь благодатью, заключающеюся въ этой книгѣ, то вы сами и ваши монахини займетесь этими экзерциціями.

— Ну, такъ начинайте съ Божіею помощью. Какимъ образомъ хотите вы устроить дѣло?

— По предписанію самого св. Игнатія, человѣкъ долженъ

каждый день утромъ и вечеромъ прочитывать по одному изъ указанныхъ здѣсь отрывковъ. Окна и двери должны быть заперты, огонь потушенъ. Стоя на колѣнахъ, молящійся долженъ сосредоточить всѣ силы своей души на событіи, рассказанномъ здѣсь въ краткихъ чертахъ. Я буду читать дѣвушкамъ эти отрывки и попрошу ихъ оставаться до тѣхъ поръ въ молитвенномъ настроеніи, пока ихъ не посѣтитъ благодать.

— Въ комнатахъ неудобно заниматься этимъ, лучше въ церкви.

— Но, въ такомъ случаѣ, — отвѣчалъ Паоло, — церковь должна быть заперта и огонь потушенъ. Всѣ предметы, отвлекающіе помыслы, должны быть удалены, иначе невозможно какъ слѣдуетъ сосредоточиться.

— Наружную дверь я запру, — возразила настоятельница, — но дверь, ведущая въ мое помѣщеніе, останется отворенной, чтобы я могла свободно входить и выходить. Мѣшать я не буду.

Паоло поклонился.

— Когда думаете вы начать?

— Съ заходомъ солнца.

Доброй игуменьѣ, правда, пришло въ голову, что черный неаполитанецъ выбралъ орудіями церкви именно самыхъ бѣлокурныхъ дѣвушекъ Оденвальда; но она поборола въ себѣ недовѣріе, позвала ихъ къ себѣ и объявила, что магистръ хочетъ заниматься съ ними по вечерамъ молитвами для ихъ душевнаго совершенствованія. Если онѣ согласны, то пусть останутся въ церкви сегодня послѣ вечерни. Всѣ три дѣвочки покраснѣли, но ни одна не отказалась.

Въ продолженіе дня магистръ нѣсколько разъ заходилъ въ церковь, тайно пронося туда различные предметы, частію изъ своей комнаты, частію изъ привезенныхъ изъ города въ монастырскую капеллу. Въ обычное время была вечерня. Едва умолкли послѣдніе звуки органа, Паоло вышелъ изъ алтаря и приблизился къ переднему ряду скамей, гдѣ, склоненныя на колѣна, стояли три взволнованныхъ дѣвушки. Таинственный полумракъ разливался по церкви, и безъ того довольно мрачной. Молодой священникъ прочелъ молитву и затѣмъ обратился къ своимъ тремъ ученицамъ съ коротенькою рѣчью приблизительно уже извѣстнаго намъ содержанія изъ разговора его съ матерью Сабиной. Онъ говорилъ, что необходимо не только думать о Высшемъ Свѣтѣ, но чувствовать, понимать и сознать его присутствіе. Что для этого

одинъ св. мужъ изобрѣлъ средство, и онъ теперь же хочетъ заняться этимъ съ ними. Ихъ души должны въ этотъ часъ говорить съ Иисусомъ Христомъ о ихъ вѣрѣ, какъ другъ бесѣдуетъ съ другомъ, какъ слуга съ господиномъ. Онъ поможетъ имъ въ этомъ.

Старшую дѣвушку поставилъ онъ на колѣна въ тѣни за алтаремъ, заднюю стѣну котораго украшала картина, рѣзкими и яркими красками изображающая св. семейство въ Виолесмѣ. Затѣмъ взялъ дрожащую отъ волненія фонъ-Штейнахъ за руку и повелъ въ мрачную боковую капеллу. Передъ алтаремъ, гдѣ онъ приказалъ ей стать на колѣна, стояла большая корзина съ розами.

— Молись здѣсь, милая моя,—сказалъ онъ,—и послѣ того, какъ ты прочтешь наизусть Pater noster, Ave Maria, Salve Regina, Gloria и Magnificat, вынь отсюда цвѣты весны и подумай о томъ, что скрывается за розами жизни.

Оставивъ ее здѣсь, онъ повелъ Лидію по лѣстницѣ, слегка поддерживая ее за руку, на хоры, гдѣ въ темномъ углу стоялъ закрытый занавѣсомъ великолѣпный ящикъ съ круглымъ зеркаломъ. Надъ нимъ была латинская надпись: «зеркало напоминанія брату Паоло о его истинномъ положеніи».

— Когда вы помолитесь,—сказалъ магистръ, ставя ее на колѣна ласковымъ прикосновеніемъ къ ея нѣжнымъ плечамъ,—смотрите въ это зеркало; оно покажетъ вамъ, что васъ ожидаетъ.

Самъ онъ взоспелъ на каѳедру и прочелъ медленно и съ перерывами изъ своей книжки разсужденія, написанныя въ грубыхъ, фантастическихъ чертахъ и экзальтированно-сбивчивымъ языкомъ, дѣйствующимъ на фантазію молящихся.

— Я вижу,—читалъ онъ таинственнымъ, пониженнымъ голосомъ,—какъ три лица божества осматриваютъ землю, наполненную людьми, которыхъ ожидаютъ муки ада. Я вижу,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—какъ св. Троица рѣшаетъ, что второе лицо для спасенія несчастныхъ грѣшниковъ должно принять человѣческое естество. Я вижу,—читалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ паузы,—всю округность земли, и вотъ въ одномъ углу пещера Маріи. Св. родители стоятъ у яслей въ Виолесмѣ. Лучъ свѣта падаетъ на божественнаго младенца и я слышу хвалу силъ небесныхъ, поющихъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе»

Въ церкви настала тишина; заходящее солнце бросало въ окна свои догорающіе золотистые лучи; изъ алтаря распространился по церкви одуряющій запахъ ладона. Вдругъ сверху раздались тихіе, жалобные звуки органа, играющаго мотивы ихъ *Misereere* и *Tenebra*. Въ нихъ каждую минуту повторялся одинъ мотивъ, тяжелымъ свинцомъ ложившійся на сердца молодыхъ слушательницъ, парализуя ихъ души. Аккорды вѣпли и разливались въ сумракъ съ стихійною силой. Голоса раздѣлялись и снова сливались. Глубокое отчаяніе грѣшника и сокрушенное смиреніе слышались въ рыданіяхъ одного голоса, другой громко прославлялъ величіе Божіе. Затѣмъ все снова сливалось въ хаотической борьбѣ, точно земля отверзла уста для горькихъ жалобъ и небо вторить ей.

Клара фонъ-Эппингенъ, бѣлокурая, полная швабка, стоя на коѣняхъ за алтаремъ, хорошо запомнила лица св. семейства. Съ какою любовью склонится Мадонна ко Христу-младенцу, обнимающему ее своими пухлыми рученками! Съ какою отеческою гордостью стоитъ рядомъ св. Іосифъ, а св. Анна, заботясь о Матери и Младенцѣ, любитъся группой. Ласково и весело смотрятъ святые на толстую Клару. Рѣзкія черты и яркія краски картины отъ пристального смотрѣнія ясно запечатлѣлись въ душѣ уносящейся въ блаженныхъ мечтахъ дѣвушки. Здоровая, вѣпкая дѣвушка отлично бы чувствовала себя, если бы не пугали изрѣдка ревъ и визжаніе органа и не слышались ей одинъ разъ крикъ ужаса изъ капеллы и крики о помощи съ хоръ.

Въ капеллѣ слабенькая и нервная Берта фонъ-Штейнахъ склонила свою кудрявую головку на душистыя розы и читала молитвы. Окончивъ, она, по приказанію магистра, вынула изъ корзины всѣ цвѣты и рука ея прикоснулась къ чему-то круглому, холодному. Испуганная, она схватила и въ рукахъ ея обгазился человѣческій черепъ, смотрящій на нее своими впалыми глазами и насмѣшливо ухмыляющійся оскаленными зубами. Дрожа, хотѣла она положить его обратно; вдругъ по рукѣ ея скользнуло что-то живое. Это былъ ужъ, положенный магистромъ въ корзину; быстро скользя, онъ исчезъ за алтаремъ. Вздошная дѣвушка испустила крикъ ужаса, который услышала ея подруга Клара. Придя въ себя, она увидѣла на днѣ корзины окровавленные гвозди, иглы съ висящими клоками шерсти, бичи съ маленькими узлами и свинцовыми пулями на концахъ, острые зубья и дру-

гя орудія умерщвления плоти. Такъ вотъ что, по словамъ магистра, скрывалось за цвѣтами жизни. Въ глубокомъ отчаяніи лежала она передъ корзиной, откуда насмѣшливо скалилъ на нее зубы черепъ, и невольно поддавалась вліянію чарующихъ звуковъ органа.

Не болѣе посчастливилось и Лидіи съ задачей магистра. Стоя на колѣнахъ передъ «зеркаломъ напоминанія», она съ трудомъ старалась сосредоточить мысли для молитвы. Темное круглое стекло страшно смѣрѣло на нее и ей казалось, что если она взглянетъ только, то увидитъ въ немъ всѣхъ убитыхъ женъ Синей Бороды. Звуки органа успокоили ее и она рѣшилась послѣдовать приказанію магистра. Страшный крикъ вырвался изъ ея груди, едва она взглянула въ зеркало. Какъ разъ передъ собой она увидала монаха въ рясѣ и въ капюшонѣ; она узнала собственное лицо, блѣдное, испуганное, съ страшными глазами. Съ нею сдѣлалась лихорадочная дрожь. Долго пролежала она на полу, прежде чѣмъ собралась съ духомъ еще разъ взглянуть на видѣніе. Та же картина: монахъ сидитъ строго и спокойно, а изъ капюшона смотреть ея блѣдное лицо. Снова вскрикнула она; двойникъ ея въ капюшонѣ тоже открылъ ротъ. Стекло затуманилось и она должна была протереть его платкомъ. Тутъ она увидала, что въ капюшонѣ отражается ея рука съ платкомъ. Тогда ей стало ясно, что она видитъ собственное отраженіе въ зеркалѣ. Разсерженная этою ужасною шуткой, она отдернула занавѣсъ, чтобы съ дѣвичьимъ любопытствомъ изслѣдовать дѣло до основанія. За занавѣсомъ она увидала нарисованнаго монаха, а въ его капюшонѣ вставленное зеркало, такъ что, кто смотритъ въ круглое стекло, находящееся какъ разъ напротивъ зеркала, тотъ видитъ въ капюшонѣ отраженіе своего лица, обрамленное монашескимъ капюшономъ. Удоставившись въ этомъ, она опустила занавѣсъ. Впечатлѣнія, ожидаемаго магистромъ, это не произвело на нее. Гораздо больше ее беспокоила латинская надпись, противъ ожиданій магистра понятая ею, потому что монашеская одежда указывала на истинное положеніе брата Паоло. Самыя странныя мысли пронеслись въ ея отуманенной головкѣ. Вдругъ она вскочила; звуки органа оборвались такъ внезапно и рѣзко, точно смерть схватила играющаго своими острыми когтями. Другихъ молящихся дѣвушекъ это также испугало и прервало ихъ молитвенное настроеніе. Почти тотчасъ же раздался въ мрачной церкви мелодичный голосъ итальянца.

— Я вижу всю окружность земли и въ одномъ углу пещеру Маріи...

Дочитавъ до конца, онъ тихо подошелъ въ первой дѣвушкѣ, стоявшей у алтаря; обративъ картину лицомъ къ стѣнѣ, онъ нѣжно прикоснулся рукой къ глазамъ дѣвушки и спросилъ:

— Ясно ли представляешь ты въ своемъ умѣ святыхъ?

— Кажется, ясно,—прошептала толстая дѣвушка.

— Представь себѣ пещеру святыхъ, ихъ лица и одежду. Ты должна припомнить, какія лица освѣщены, какія въ тѣни, какого цвѣта ихъ платья. Ты должна видѣть ихъ слѣды, слышать шелестъ ихъ платья, чувствовать дыханіе ихъ на своемъ лицѣ. Раньше этого ты не можешь встать. Если же ты достигла этого, то скажи «аминь» и съ знаменіемъ креста выйди отсюда, пока душа не ослабѣла.

Онъ наклонился къ хорошенькой дѣвушкѣ и запечатлѣлъ на лбу ея отеческій поцѣлуй. Потомъ онъ подошелъ къ другой молящейся, къ красивой, нервной Бертѣ фонъ-Штейнахъ; лихорадочно вздрагивая, лежала она, распростертая на холодномъ полу передъ черепомъ и орудіями умерщвленія плоти. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на впечатлѣніе, произведенное его экзерциціями; видя, что душа ея похожа теперь на мягкій воскъ въ рукѣ, онъ обратился къ ней:

— Знаешь ли, гдѣ блуждаетъ теперь душа, смотрѣвшая когда-то изъ этихъ пустыхъ глазныхъ впадинъ?—спросилъ онъ.

Дѣвушка покачала головой, не вставая съ колѣнъ.

— Она находится въ мѣстѣ мученій и мечется въ неугасяемомъ огнѣ ада. Закрой глаза и представь себѣ обширную преисподнюю, гдѣ царствуетъ вѣчное пламя. Слышишь ли ты мольбы о помощи осужденныхъ душъ, ихъ жалобы и вопли, крики и богохульства? Чувствуешь ли ты сѣрный чадъ, запахъ гніенія, тины и сырости, несущійся снизу? Чувствуешь ли ты на языкѣ соляную горечь слезъ, проливаемыхъ въ аду? Осязаешь ли ты пальцами пламя, сожигающее души осужденныхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—простонала испуганная дѣвушка.

Тогда рядомъ съ ней склонилась на колѣна мрачная фигура. Она чувствовала его дыханіе на своей щекѣ, видѣла его конвульсивныя вздрагиванія и слышала, какъ въ фанатическомъ экстазѣ онъ шепталъ:

— Милліоны людей вижу я; вотъ они кружатся и корчатся въ вѣчномъ пламени. Глаза ихъ выворачиваются отъ невырази-

мага ужаса, изувѣченные члены содрогаются отъ страшныхъ мученій. О, какъ страшно корчатся ихъ тѣла и раздаются отчаянные крики ужаса, но небеса холодно сияютъ надъ ихъ головами. Только эхо ихъ собственныхъ криковъ отдается вверху. Вотъ тутъ, и тутъ и тамъ, въ углу скалятъ зубы черти съ птичьими лицами, туловищемъ лягушекъ и орлиными когтями. Подобно летучимъ мышамъ кружатся они надъ осужденными и радуются ихъ мукамъ. Вонъ подхватили они толпу грѣшниковъ и опустили въ ящикъ съ кипящею смолой. Видишь ли ты, вонъ, взвилось синее пламя? Если несчастные стараются вылѣзти, то черти толкаютъ ихъ обратно бичами изъ гадовъ. Видишь ли ты, какъ онъ змѣей обвился вокругъ женщины, какъ жабы впились въ ея тѣло и чортъ цѣлуетъ ее своею мышиною мордой? Вонъ черти снова слетѣлись; какъ скрежещутъ ихъ зубы и раздается насмѣшливый хохотъ. Новые мученія, страшнѣйшія пытки придумываютъ они. Смотри, вонъ вливаютъ они черную смолу и поднимается огненный столбъ. Дымъ и чадъ скрываютъ красное пламя, крики ужаса усиливаются. Смотри, они обращаютъ къ намъ умоляющіе взоры, простираютъ руки; мы должны помочь имъ, должны молиться за нихъ...

— О, я не могу больше, — стонала дѣвушка, — какъ пахнетъ смолой! Мнѣ дурно! Пустите меня!...

— Такъ иди, дочь моя, но запечатай въ своемъ сердцѣ то, что ты видѣла.

Клара и Лидія Эрасть все еще лежали въ своихъ углахъ. Молодой священникъ сѣлъ къ органу и заигралъ нѣжныя, трогательныя мелодіи, успокоительно дѣйствующія на души молящихся. Вотъ раздались тихіе шаги и вторая дѣвушка вышла изъ церкви. Только одна Лидія еще безмолвно лежала. Къ ней также приблизилась высокая фигура.

Неизвѣстно, на кого больше походила она, на архангела Господня, или на ангела, отпавшаго отъ Бога въ гордомъ высокомѣрїи, когда медленно приближалась во мракъ къ молящейся. Никогда не былъ Паоло красивѣе. Его черные глаза еще блестя огнемъ экстаза, а обыкновенно блѣдное лицо горѣло яркимъ румянцемъ.

— Понимаешь ли ты сладость божественной любви? — шепталъ онъ. — Лидія, видишь ли улыбающіяся, нѣжныя губы Спасителя?

Колѣнопреклоненная Лидія чувствуетъ, какъ онъ склоняетъ

свое лицо къ ея головѣ, дыханіе ея усиливается и щеки ~~искривля-~~ются яркимъ румянцемъ. Какъ будто въ увлеченіи молитвой онъ беретъ ея руки и дѣвушка чувствуетъ, какъ дрожать его руки.

— Неужели ты ничего не видишь?—шепталъ онъ.

— Ахъ, куда я ни взгляну, вездѣ вижу устремленные на меня черные глаза.

Смущенная и взволнованная, она поднялась. Тутъ исчезло и его самообладаніе. Страстно привлекъ онъ ее къ себѣ и его горяція, лихорадочныя губы прижались къ ея устамъ. Безсилно лежала она въ его объятіяхъ. Минуты блаженства проходили, какъ секунды. Вдругъ раздался холодный, строгій голосъ.

— Такъ вотъ каковы ваши экзерциціи, магистръ Лауренцано? — холодно спросила игуменья, подходя къ нимъ. — Иди въ свою комнату, Лидія,—обратилась она къ дрожащей дѣвочкѣ.

Оставшись наединѣ съ магистромъ, она отдернула занавѣсъ съ окна, чтобы угасающій дневной свѣтъ освѣтилъ темный уголь. Молодой священникъ, погруженный въ думы, сидѣлъ на ближайшей скамьѣ, опустивъ голову на налой. Онъ ни слова не возразилъ игуменьѣ, когда она, разсерженная, обратилась къ нему со словами:

— Такъ вотъ зачѣмъ вкладываете вы въ душу невинныхъ дѣтей эти мистическія, чувственныя картины и возбуждаете въ нихъ низкую страсть, чтобы довести ихъ до паденія? Стыдно, тысячу разъ повторяю: стыдно. Лучше бы вы употребили силу для достиженія вашихъ низкихъ замысловъ, чѣмъ развращать такимъ образомъ невинныя души.

Стонъ, похожій на стenanія раненаго стрѣлой оленя, коснулся слуха разгнѣванной игуменьи. Она увидала лицо молодого священника, искаженное судорожными страданіями. Въ сердцѣ ея проснулася жалость къ несчастному молодому человѣку.

— Я вѣрю, магистръ Паоло,—сказала она ласковѣе,—что вы не имѣли намѣренія сдѣлать то, за чѣмъ я васъ застала, и благодарю святыхъ за то, что они привели меня сюда раньше, чѣмъ случилось большее несчастіе. Вы видите, что выходитъ изъ скоморошества, которое изобрѣлъ самъ врагъ... Пусть садовникъ завтра же унесетъ отсюда картины и вещи обратно въ вашу комнату. Если подобныя экзерциціи должны быть, то я допущу ихъ только въ такомъ видѣ, какъ то позволяютъ правила всякаго порядочнаго монастыря. Вы же возвращайтесь въ Гейдельбергъ, если это возможно безъ вреда вамъ и намъ. Я до-

рожу доброю славой монастыря во всѣхъ отношеніяхъ и не хочу, чтобы на насъ клеветала Fama publica.

Затѣмъ добрая игуменья простилась съ нимъ и оставила его одного въ церкви; только часъ спустя, Паоло вышелъ оттуда, шатаясь, какъ больной, и держась за стѣну.

Мать Сабина отправилась къ Лидіи; она нашла ее менѣе разстроенной, чѣмъ ожидала. Скорѣе лучъ радости свѣтился въ добрыхъ глазахъ дѣвушки.

— Что сказать мнѣ вамъ, — начала игуменья строгимъ тономъ, — относительно вашего поведенія? Относительно того, что вы позволяете цѣловать себя священнику?...

— Ахъ! — Дѣвушка вздохнула и покраснѣла. — Простите меня, добрая матушка игуменья. Увѣрю васъ, это въ первый разъ. Магистръ имѣетъ честныя намѣренія и отецъ ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы мы обвинялись.

Старая монахиня сухо засмѣялась.

— Глупая дѣвочка, развѣ ты не знаешь, что Лауренцано католическій священникъ и не можетъ жениться?

Едва она произнесла эти слова, какъ раскаялась въ нихъ. Кровь отхлынула отъ лица дѣвушки, глаза неестественно расширились, и въ упоръ смотрѣли въ лицо игуменья. Наконецъ, Лидія разразилась истерическимъ рыданіемъ.

— Это неправда! Неправда, матушка! Вѣдь, неправда?

Старуха ласково прижала ее къ своему сердцу. Душу надрывающія жалобы молодой дѣвушки возбуждали ее жалость.

— Успокойся, дитя, успокойся. Несчастіе не такъ велико, какъ ты себѣ представляешь. Вѣдь, ты же совсѣмъ не знаешь этого священника, забывшаго свой долгъ. Ты любишь чернаго мужчину, говорящаго съ каеэдръ; истиннаго Лауренцано ты никогда не видала. Ты любишь фантастическій образъ, созданный твоимъ воображеніемъ. Ты должна стереть въ душѣ этотъ глупый образъ. Вотъ и все. Изъ этого ничего не можетъ выйти. Лауренцано пришелъ, чтобы обратить насъ въ католичество... Вѣдь, его осмѣютъ, если его побѣдятъ твои голубые глаза.

— Я хочу назадъ, къ отцу, — просила бѣдная дѣвушка, рыдая. — Я не хочу здѣсь оставаться.

— Ты должна прежде успокоиться, дитя мое. Въ такомъ видѣ я не могу отпустить тебя къ отцу. Онъ никогда не долженъ знать о томъ, что здѣсь случилось. Курфюрстъ изгналъ бы Лауренцано изъ страны.

Со страхомъ взглянула дѣвушка на пфальцграфиню; та поцѣловала ее и помогла раздѣться и лечь.

Долго еще просидѣла она у постели больной, рассказывая о своей молодости, о надеждахъ выйти замужъ. Доброта всегда строгой монахини благодѣтельно подѣйствовала на бѣдную Лидію. Когда игуменья отворила дверь, чтобы уйти, она увидала, какъ быстро удалялись по корридору двѣ старыя монахини, очевидно, подслушивавшія; въ сосѣднихъ кельяхъ также слышались тихіе шаги. Поэтому мать Сабина созвала собраніе, чтобы заставить молчать старыхъ монахинь. Когда утѣшительница ушла изъ комнаты, Лидія сказала:

— Такъ вотъ зачѣмъ зеркало напоминанія, данное его тиранами! Зачѣмъ, чтобы онъ никогда не забывалъ, что онъ монахъ.

Она представляла себѣ, каковъ онъ въ капюшонѣ, въ которомъ сегодня она видѣла свое испуганное лицо. Но впечатлѣнія были слишкомъ сильны; глаза слипались и скоро она погрузилась въ глубокой сонъ. Въ сосѣдней комнатѣ Клара фонъ-Штейнахъ видѣла страшные сны: адъ, мученія грѣшниковъ. Нѣсколько разъ она вскрикивала во снѣ, что гѣритъ, говорила, что слышать запахъ сѣры.

— Примите отсюда черепъ, — кричала она, — посмотрите, какъ черви ползутъ изъ глазъ!

Магистръ Лауренцано, своими экзерциціями причинившій столько бѣдъ, сидѣлъ въ своей комнатѣ, облокотившись на открытое окно. Онъ и не пробовалъ ложиться спать. Когда разсвѣло, онъ взялъ книжку св. Игнатія и прочелъ на послѣдней страницѣ: «Возьми, о, Господи, мою свободу, память, волю и разумъ...» Напрасно, онъ не могъ молиться. Разстроенный, съ безумнымъ взглядомъ побѣжалъ онъ въ горы.

Г л а в а VIII.

— Вѣроятно, въ концѣ-концовъ, мнѣ придется разыскивать брата въ гостиницѣ «Олень», — сказалъ однажды вечеромъ художникъ Феликсъ, напрасно прождавши Паоло цѣлый день въ замкѣ. Онъ отбросилъ рѣзецъ и рабочій фартукъ и спустился на площадь; черезъ хорошо знакомыя ему ворота онъ вошелъ въ гостиницу, въ послѣднюю комнату, гдѣ обыкновенно собирались гейдельбергскіе проповѣдники. Ихъ еще не было. Низкая, сводчатая комната освѣщалась единственною лампой; у стола сидѣлъ пол-

ный старикъ съ зеленымъ лицомъ и краснымъ носомъ. Почти-тельно поклонившись, Феликсъ сѣлъ около старика, съ ногъ до головы одѣтаго въ черное, припоминая, что гдѣ-то уже встрѣчалъ его.

— Вы одинъ выпили эту кружку, уважаемый господинъ?— спросилъ онъ молча пьющаго сосѣда.

— Человѣкъ—робкое и малодушное созданіе,—отвѣчалъ тотъ назидательно.—Я тоже думалъ сначала, что не одолѣю ее, а теперь съ Божіею помощью, я готовъ приняться за вторую.

— Но вы едва ли найдете тогда двери своей квартиры,— смѣясь, отвѣчалъ художникъ.

— Какъ можете вы знать это?—отвѣчалъ проповѣдникъ, строго взглянувъ на художника.—Если милосердый Богъ назначилъ кому-нибудь выпить четыре кружки бергштрасскаго, тотъ выкажетъ неблагодарность Творцу всѣхъ благъ, если выпьетъ только три.

Съ этими словами онъ громко постучалъ оловянную крыш-кой каменной кружки; изъ сосѣдней комнаты раздался осипшій голосъ: «Сейчасъ, господинъ проповѣдникъ».

Тотчасъ же за этими словами появился маленькій, толстый человѣкъ съ краснымъ лицомъ и взялъ кружку проповѣдника.

— А вамъ, г. итальянецъ, опять прикажете подать бочку воды и наперстокъ вина?—спросилъ толстякъ, знакомый Феликсу со времени его прежняго пребыванія въ гостиницѣ.

— Какъ и тогда, Клаусъ,—смѣясь, отвѣтилъ Феликсъ.—Ему подали маленькій стаканчикъ вина и графинъ воды.

Разсмотрѣвши поближе своего сосѣда и бросивъ еще разъ взглядъ на страннаго слугу, Феликсъ внезапно вспомнилъ, что на этихъ дняхъ гдѣ-то видѣлъ ихъ вмѣстѣ.

— Не Клауса ли я недавно видѣлъ въ вашемъ обществѣ въ приемной новаго двора?—спросилъ онъ проповѣдника.

Г. Адамъ Нейзеръ скорчилъ отчаянно-кислую мину.

— Онъ былъ прежде придворнымъ шутомъ,—отвѣчалъ проповѣдникъ,—но новомодные ханжи упразднили должность веселаго совѣтника. Итальянскіе господа придворные проповѣдники хотятъ самого всемилостивѣйшаго государя сдѣлать шутомъ. Пенсіи ему не дали; на это онъ и хотѣлъ жаловаться курфюрсту. Да ничего не вышло! Кто знаетъ, можетъ быть, и мнѣ придется когда-нибудь сдѣлаться затычкой въ бочкѣ, если не захочу умереть съ голода.

И онъ со злостью допилъ кружку краснаго вина.

— Ну, Нейзеръ, какъ-то вы теперь рано встаете?— произнесъ низкій басъ, принадлежащій только что вошедшему священнику.— А, вѣдь, это была чудесная выдумка нашего общаго друга Олевiana назначить вамъ въ наказаніе раннія службы, ха, ха, ха!

— Ужъ я зарубилъ у себя на носу насчетъ этого, г. инспекторъ,—отвѣчалъ красный Нейзеръ,—и я думаю, что придетъ время, когда мы снова выгонимъ французовъ, силезцевъ и трирцевъ изъ южной Германіи, гдѣ имъ нечего дѣлать.

— Итальянцевъ вы забываете,—подсказалъ Феликсъ.

— На вашего брата еще никто не можетъ пожаловаться,—отвѣчалъ вошедшій съ инспекторомъ Сильваномъ священникъ Виллингъ, худой блондинъ, съ красивымъ, но безжизненнымъ лицомъ, заставляющій предполагать, что онъ лучше играетъ въ шахматы, чѣмъ проповѣдуетъ.—Магистръ Лауренцано ведетъ себя скромно, онъ добрый товарищъ и не больше насъ любитъ кальвинистовъ; это я давно знаю. Десять епископовъ не надоѣдали намъ такъ, какъ одинъ Олевіанъ.

— Да, да!—перебилъ Нейзеръ,—я говорю о немъ и о всѣхъ голодныхъ, приходящихъ въ нашъ прекрасный Пфальцъ, какъ о свиньяхъ, лѣзущихъ къ мѣшку съ овсомъ; теперь они такъ разѣблись, что имъ все кажется невкуснымъ. Знаете ли вы, что сказалъ курфюрсту пришлый силезецъ Урсинъ, когда его высочество недавно былъ въ Амбергѣ? Онъ просто-на-просто заявилъ, что въ цѣломъ Пфальцѣ не наберется и шести порядочныхъ проповѣдниковъ. Это его подлинныя слова.

Нейзеръ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что стаканы зазвенѣли и вино пролилось.

— Го, го, го!... Какъ горячо, товарищъ!—воскликнулъ маленькій, толстенный господинъ съ смѣшною наружностью, представленный Феликсу какъ проповѣдникъ Сутеръ изъ Фейденгейма.

Онъ сѣмъ рядомъ съ Сильваномъ и любезно обратился къ нему:

— Подъ крыломъ моего инспектора лютцельсаксонское вино покажется мнѣ ингельгеймскимъ. Но развѣ не позорно такъ обращаться съ нашимъ Адамомъ,—прибавилъ онъ, хлопая Нейзера по плечу,—съ человѣкомъ, безъ котораго «Олень» не могъ бы существовать?

— И у котораго больше всего прихожанъ въ Гейдельбергѣ,—пробормоталъ Клаусъ.

— Какимъ образомъ больше?—спросилъ инспекторъ.

— Да всё тѣ, которые не ходятъ въ церковь.

Всѣ засмѣялись. Нейзеръ, злобно взглянувъ на него, пробормоталъ:

— Убирайся къ твоей бочкѣ, затычка!

Въ это время изъ глубины комнаты выступила блѣдная фигура магистра Лауренцано; онъ граціозно подавъ свою узкую, бѣлую руку брату, вѣжливо поклонился красноносому Нейзеру и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ толстякъ ядовито, — и желаю святому отцу того же.

Паоло пропустилъ мимо ушей намекъ и сѣлъ между инспекторомъ и братомъ. Вѣроятно, онъ слышалъ часть разговора, такъ какъ обратился къ Сильвану съ дружескимъ смѣхомъ:

— Ваши товарищи каждый день заставляютъ меня выслушивать, что они съ неудовольствіемъ видятъ здѣсь иностранцевъ и не хотятъ ни кальвинистовъ, ни лютеранъ, ни папистовъ. Кого же они хотятъ?. Мнѣ кажется, необходимо быть гейдельбергцемъ, пить много пива и вина, чтобы въ ихъ глазахъ казаться хорошимъ проповѣдникомъ.

Инспекторъ покачалъ головой.

— Я самъ не изъ Пфальца, но никто еще не сказалъ мнѣ, что я стою ему поперекъ дороги.

Иезуитъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Вы баварецъ?

— Нѣтъ, я тиролецъ, былъ папистомъ и даже очень ревностнымъ.

— Можно ли узнать, что охладило ваше рвеніе?—спросилъ Паоло съ любопытствомъ.

— Почему же нѣтъ?—сказалъ Сильванъ. — Это не очень интересная исторія, но поучительная для васъ и вамъ подобныхъ, и мнѣ не можетъ повредить, потому что уже много времени прошло съ тѣхъ поръ. Родомъ я изъ Триента, воспитывался въ Инспрукѣ аббатомъ Альтхеромъ и послѣ посвященія былъ посланъ капелланомъ въ округъ Зальцбургъ, гдѣ приходъ былъ слишкомъ великъ для одного стараго священника. И такъ, я вышелъ изъ семинаріи въ свѣтъ, мечтая улучшить людей и обратить ихъ на путь истинный. Я пришелся очень по душѣ толстому священнику. Онъ жилъ съ своею хозяйкой и каждое послѣ-обѣда отправлялся въ Зальцбургъ и пилъ старое вино въ гостиницѣ

св. Петра. Для меня это было очень удобно, такъ какъ онъ предоставлялъ мнѣ одному заниматься приходомъ. Я ревностно принялся было проповѣдывать крестьянамъ, пока не замѣтилъ, что они только смѣются надо мной. Я обидѣлся и рѣшилъ запереться въ проповѣдической библиотекѣ, съ тѣмъ, чтобы написать толстую книжицу, способную удивить свѣтъ. Но единому Богу извѣстно, какія сочиненія нашель я въ библиотекѣ священника! Аммадиса фонъ-Галліена, сатиры Эразма и Гуттена, сочиненія Боккачіо, эпиграммы Поджіо и романы Рабле! Тутъ я понялъ, почему мой товарищ пилъ столько вина, чтобы только забыться. Я воспылаъ священнымъ негодованіемъ и рѣшилъ разомъ уничтожить этотъ соблазнъ. Однажды послѣ обѣда, когда священника не было дома, а хозяйка отправилась навѣстить своихъ племянниковъ и племянницъ, я собралъ всю антихристову библиотечку, отнесъ на дворъ, разложилъ аккуратными связками и зажегъ съ четырехъ угловъ... Но въ своемъ рвеніи я и не сообразилъ, что дуетъ южный вѣтеръ. Горящая бумага взвилась надъ дворомъ, и не успѣлъ я опомниться, какъ уже загорѣлась крыша свинныхъ хлѣвовъ... за ними вспыхнула соломенная крыша церковнаго дома. Я бѣгу въ церковь и бью въ набатъ. Сбѣгается народъ. Св. Флоріанъ! Оборачиваюсь назадъ: вся страна объята пламенемъ. Вѣтеръ перекидываетъ солому съ крыши на крышу. Я уже не сталъ дожидаться награды за свое благочестіе, взялъ палку и безъ оглядки пустился бѣжать. Ночи проводилъ я въ полѣ, лежа на голой землѣ. Такъ возвратился я въ Инспругъ къ моему аббату и чистосердечно ему во всемъ покаялся.

— Ты усердствовалъ, не понимая,—сказалъ онъ.—Въ Тироля тебѣ нельзя оставаться.

— Я долженъ былъ покинуть свои горы и идти въ какую-нибудь изъ шестнадцати сторонъ, откуда дуетъ вѣтеръ надъ Мюнхенскою пустыней. Въ Вюрцбургѣ бисовъ Цобель, думая, что я природный тиронецъ, назначилъ меня каноникомъ и придворнымъ проповѣдникомъ. Тамъ не было штроейна, за то былъ штейнвейнъ. Я нашель свою Терезу и мы зажили ни шатко, ни валко, какъ Богъ велить. Наконецъ, думалъ я, вѣдь, это выходитъ дѣлать дѣло только на половину, и обратился въ Пфальцъ съ вопросомъ, не примутъ ли туда меня. Моя Тереза приставала ко мнѣ, чтобы я женился на ней, да и мнѣ хотѣлось имѣть дѣтей при себѣ. Такимъ образомъ пришелъ я въ Лоденбургъ. вмѣсто крѣпкаго

штейнвейна, я пью лютцельсаксонское. Оно не такъ хорошо, за то здоровѣе. Однимъ словомъ, инспекторъ Сильванъ счастливѣе, чѣмъ былъ каноникъ въ Вюрдбургѣ. Вотъ моя исторія, молодой человекъ, и я думаю, что вамъ она можетъ служить примѣромъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Паоло, смѣясь,—вы можете быть увѣрены, что я не подожду вашъ Гейдельбергъ. Онъ и безъ меня горитъ каждый мѣсяць.

— Мѣсто канцлеру Пробу и господину церковному совѣтнику!—засуетился Нейзеръ, когда вошелъ Эрастъ съ красивымъ, виднымъ господиномъ, который сѣлъ за столъ проповѣдниковъ.

Все тѣснѣе становились ряды; дочь придворнаго шута, румяная пфальцская дѣвушка, весело прислуживала. Только магистра Лауренцано она, казалось, не замѣчала. Онъ сидѣлъ безъ вина до тѣхъ поръ, пока самъ хозяинъ гостиницы не подалъ ему.

— Кто этотъ взъерошенный господинъ съ высокимъ лбомъ?—спросилъ художникъ.—Я говорю вонъ про того, который такъ быстро вливаетъ въ себя стаканъ за стаканомъ и каждое слово котораго возбуждаетъ шепотъ одобренія въ сосѣдяхъ.

— Это нашъ великій филологъ Ксиландръ.

— Гм!—проворчалъ Феликсъ,—великіе гуманисты иначе выглядятъ у насъ. А вотъ этотъ худощавый господинъ, который снисходительно держится, какъ будто боится раздавить насъ, смертныхъ, своею львиною лапой?

— Замолчи же,—прошепталъ Паоло,—это знаменитый Питопей, великій послѣдователь Аристотеля изъ Девентера.

— Священники должны быть готовы къ очень трудной задачѣ,—громко заговорилъ канцлеръ Пробъ.—Введеніе женевскаго церковнаго управленія—дѣло рѣшеное. Будутъ устроены консисторіи, которыя вмѣстѣ съ церковнымъ управленіемъ будутъ вѣдать дѣла, подлежащія церковному суду. Выметать соръ изъ избы отнынѣ станетъ похвальнымъ занятіемъ. «Обязанности декана,—гласятъ «ордонансы» Кальвина,—состоятъ въ томъ, чтобы слѣдить за жизнью cadaго». Кварталы города будутъ раздѣлены между деканами; они должны будутъ осматривать дома и удостовѣряться, ввели ли отцы и матери новый катехизисъ, мирно ли живутъ семейства, не напивается ли мужъ, жена не бранится ли съ сосѣдкой, ходятъ ли всѣ въ церковь и причащаются ли, нѣтъ ли въ домахъ картъ и костей, не танцуютъ ли дочери въ

хоровахъ. За искорененіемъ этихъ пороковъ должны слѣдить священники. Вообще охраненіе общественнаго порядка переходитъ отъ полицейской власти къ церковному вѣдомству.

— Ну, ужь насчетъ общественнаго-то порядка не даромъ говорить пословица: гдѣ дыра была, тамъ дыра и будетъ.— Выкрикнулъ хриплый голосъ хозяина.

Канцлеръ сдвинулъ брови.

— Ага! нашъ Клаузъ возвращается къ своей шутовской роли,—замѣтилъ инспекторъ.

— Онъ правъ. Только дѣти и дураки говорятъ правду,—заговорилъ Эрастъ, потирая своюю желтою кожаную перчаткой больную руку.—Проповѣдники обладаютъ слишкомъ малыми силами для того, чтобы охранять общественный порядокъ. Безъ полиціи, все-таки, не обойдутся, только подчинять ее господамъ богословамъ. Если полицейскій Гартманъ Гартмани можетъ охранять порядокъ по приказанію Олевіана, то я не вижу, почему бы онъ не могъ сдѣлать этого и безъ его приказаній. Вѣрно только то, что нельзя дольше выносить въ Гейдельбергѣ эту распутную жизнь, уличный шумъ до глубокой ночи, вѣчную стрѣльбу и музыку. Всему этому могъ бы помѣшать полицейскій и безъ помощи проповѣдниковъ, если бы онъ самъ не гонялся за юбками, не воображалъ бы себя великимъ гуманистомъ и не занимался бы риемплетствомъ, вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности.

— Да, порядокъ въ Гейдельбергѣ оставляетъ желать многихъ улучшеній,—подтвердилъ Пробъ,—и вотъ теперь приходится расплачиваться за прежнія упущенія.

Проповѣдники молчали и сконфуженно смотрѣли передъ собой. Тихій ангелъ пролетѣлъ по комнатѣ,—успѣли пролетѣть, можетъ быть, даже два ангела, прежде чѣмъ философъ Питопей далъ разговорю другое направленіе, сказавши насмѣшливо:

— Значить, мы не увидимъ больше въ «Оленѣ» духовныхъ лицъ, потому что если богословы хотятъ отучить свою паству отъ сидѣнія въ гостиницахъ, то сами должны показать примѣръ.

— Пропадаетъ, г. Нейзеръ, вся выгода раннихъ службъ,—сказалъ, улыбаясь, Бсиландръ.

— Если предложенія Олевіана будутъ приняты,—замѣтилъ канцлеръ Пробъ,—то вы избавлены будете и отъ этой заботы, г. профессоръ. Гостиницы запрутся для насъ, за то будутъ аббатства, гдѣ будутъ собираться холостые бюргеры по вечерамъ подъ наблюденіемъ Олевіана, Урсина и Цанхи. Никому не дастся

тамъ ѣсть и пить, раньше чѣмъ не прочтеть молитвы или поученія... Количество выпиваемыхъ стакановъ будетъ установлено указомъ консисторіи.

Общее выраженіе неудовольствія послѣдовало за этимъ невѣроятнымъ извѣстіемъ.

— Господинъ канцлеръ шутить, — сказалъ проповѣдникъ Сутеръ съ изумленнымъ выраженіемъ лица.

— Э!—отвѣчалъ Пробъ. — Развѣ вы не читали женевскіе «ордонансы», предписывающіе, что женевцамъ позволяется ѣсть, что нѣтъ? Не запретилъ развѣ Кальвинъ своимъ женевцамъ сущенные южные плоды? Не запретилъ онъ развѣ платящимъ низкую подать ѣсть печенье, жареную дичь и птицу? Не установилъ онъ развѣ, что ни одинъ женевецъ не смѣетъ приглашать къ себѣ болѣе десяти человекъ гостей? Не приказалъ онъ развѣ, чтобы никто не носилъ бархата, шелка и яркихъ цвѣтовъ, хотя въ самой Женевѣ величайшія красильни и фабрики бархата? Консисторія же обязана заботиться о томъ, чтобы Гансъ не перевязывалъ букета для своей Гретхенъ дорогою лентой или золотымъ шпуркомъ, какъ буквально предписываютъ женевскіе «ордонансы». Такъ почему бы той же консисторіи не обратить своего отеческаго вниманія на количество стакановъ, выпиваемыхъ каждый вечеръ господиномъ проповѣдникомъ Нейзеромъ? Если, томимый жаждой, онъ переступитъ назначенное количество, то на другой день долженъ въ церкви на колѣнахъ просить прощенія у прихожанъ.

— Такъ выпьете же сегодня еще кружку, — воскликнулъ проповѣдникъ Сутеръ своимъ пискливымъ голосомъ. — Эй! Блаусъ!

— Я былъ въ Женевѣ, — началъ проповѣдникъ Виллингъ съ дипломатическою улыбкой, лукаво посматривая на канцлера, — и по опыту знаю, что тамъ творится. Если живешь слишкомъ хорошо, то за это въ наказаніе сѣкутъ и выставляютъ къ позорному столбу... Живешь слишкомъ строго — и это не хорошо! Въ мое время одинъ крестьянинъ былъ посаженъ въ тюрьму за то, что по пятницамъ не ѣлъ мяса, потому что Кальвинъ заподозрилъ, что онъ тайный папистъ. Одна несчастная вдова была призвана въ консисторію за то, что на могилѣ мужа сказала: «requiescat in pace». Молодыхъ женщинъ, прическа и платье которыхъ не нравились Кальвину, сѣкли розгами... мало того, онъ засадилъ въ тюрьму даже портниху, шившую платье, и подругу, помогавшую одѣваться. Хорошо будетъ въ Гейдельбергѣ, когда чахоточныя лица, окружающія Урсина и Цанхи, будутъ

совать свои носы во всё горшки. Я еще живо помню; какъ они заставляли меня, точно школьника, отвѣчать катехизисъ, осматривали книги, заставляли почтенныхъ дамъ и стариковъ утверждать на память молитвы, и засадили насъ на цѣлый годъ въ классныя, чтобы мы провѣрили свой взглядъ на предопредѣленіе.

Тягостная пауза, послѣдовавшая за этими словами, свидѣтельствовала о впечатлѣніи, произведенномъ рассказомъ многоиспытавшаго проповѣдника.

— И воскресныя прогулки,—продолжалъ онъ,—игры въ кегли и карты, танцы и пѣніе,—все должно быть забыто жителями нашего Пфальца, такъ какъ за все это потянуть къ церковному суду, а судъ приговорить либо къ заключенію въ тюрьмѣ, либо къ изгнанію изъ страны.

— Судить чужеземцамъ меня не придется, — съ злостью сказалъ Нейзеръ,—я и такъ ухожу.

— Куда же вы хотите идти?—отвѣчалъ Ксиландръ.—Къ гугенотамъ? Такъ вамъ придется еще раньше вставать, потому что службы ихъ начинаются съ восходомъ солнца. Къ саксонцамъ? Вспомните плохое пиво и ученіе о вездѣсущи. Въ Ганзейскіе города? Тамъ у Хезхузена и Вестфалы вы попадете изъ кулъка въ рожаю. Ничто не поможетъ, братъ, надо покориться.

— Я уже знаю куда; и инспекторъ, и мой другъ Сутеръ знаютъ также это мѣсто. Найдутся и послѣдователи, если здѣсь будетъ такъ же продолжаться. Мы уѣзжаемъ.

— Клаусъ также принадлежитъ къ вашей компаніи?—за смѣялся Ксиландръ.

— Клаусъ сдѣлается туркомъ, — отвѣчалъ слуга.

— Придержите свой злой языкъ, — остановилъ его Пробъ.

— Еще вопросъ, лучше ли быть туркомъ, или находиться при пфальцскомъ дворѣ подъ властью Олевіана и Фридриха Благочестиваго, — проворчалъ Нейзеръ.

— Толстякъ Нейзеръ,—шутилъ Ксиландръ,—готовъ промѣнять трехъ праотцевъ на бочку вина; подумайте, въ Турціи не дадутъ ни капли вина: у пророка былъ плохой желудокъ.

Банцлеръ поднялся; разговоръ показался ему слишкомъ тривіальнымъ, да, къ тому же, онъ уже достигъ своей цѣли: настроилъ противъ церковнаго управленія. Черезъ минуту вышли Эрастъ и оба профессора, затѣмъ священникъ Виллингъ.

Остались только оба брата итальянца, да немногія духовныя лица, выжидавшія, повидимому, ихъ ухода. Сильванъ спросилъ даже художника, не пойдетъ ли онъ провожать брата до монастыря при чудномъ лунномъ свѣтѣ. Но Паоло какъ будто рѣшилъ сегодня пересидѣть всѣхъ. Онъ спросилъ у Клауса еще стаканъ вина, и Феликсъ, обрадованный, что подольше увидитъ брата, охотно остался съ нимъ. Наконецъ, инспекторъ всталъ и пересѣлъ на другой конецъ стола, гдѣ его тотчасъ же окружили Сутеръ, Нейзеръ и третій проповѣдникъ, называемый ими Веге, діаконъ изъ Лаутерна.

Въ то время, какъ Паоло рассказывалъ брату о своихъ занятіяхъ, инспекторъ вынулъ нѣсколько писемъ и въ полголовса обратился къ остальнымъ:

— Я былъ въ Шпейерѣ. Каспаръ Бекхеръ, канцлеръ воеводы, дружески принялъ меня. Ему будетъ приятно, если зрѣлые и опытные богословы поступятъ на службу семиградской церкви. Онъ думаетъ, что его единовѣрцы немного недовѣрчивы; они боятся, что прибывшіе туда нѣмцы причинятъ имъ столько же хлопотъ, сколько Пфальцу итальянцы, бельгійцы и французы. Поэтому намъ бы слѣдовало коротко и ясно отказаться отъ ученія о трехъ ипостасяхъ; иначе суперинтендентъ Давидисъ не согласится насъ принять.

— Отказаться отъ Св. Троицы?—сказалъ Веге.—Это слишкомъ!

— Я зналъ, — смѣясь, сказалъ Сильванъ, — что вы струсите и потому я достану вамъ каштаны изъ огня. Я уже написалъ маленькій трактатъ противъ ученія о св. Троицѣ и пошлю его Бландарату, лейбъ-медику воеводы. Прибавлю только, что и вы того же мнѣнія, и, думаю, Давидисъ останется доволенъ. Вотъ бумага.

Веге взялъ протянутые ему листы и прочелъ ихъ.

— Это, однако, уже черезъ-чуръ рѣшительно!—сказалъ онъ, подозрительно поглядывая на итальянца.

— Чѣмъ рѣшительнѣе, тѣмъ лучше,—отвѣчалъ Сильванъ.— Посланныкъ воеводы и наши друзья въ Трансильваніи должны убѣдиться, что мы серьезно относимся къ переходу, иначе мы не получимъ порядочныхъ мѣстъ. Я ухожу отсюда, потому что они оттерли меня на задній планъ и посадили мнѣ на носъ этихъ сѣверо-германскихъ и французскихъ нищихъ. Нищенскій

приходъ въ Трансильваніи не удовлетворить меня. Я лучше бы остался тогда въ Лоденбургѣ. Нейзеръ, вы какого мѣнія?

Тотъ поднялъ немного свою отяжелѣвшую отъ вина голову.

— Опять суперинтендентъ, требующій признаній! — воскликнулъ Нейзеръ. — Неужели вся земля такъ переполнена этою дрянью, что никогда нельзя жить въ Клаузенбергѣ такъ, какъ хочется? Клаусъ правъ: лучше турки, чѣмъ суперинтенденты. Бъ чорту Давидиса и Бландарата! Я иду къ туркамъ. Сегодня же напишу прошеніе султану Селиму. Покоя хочу я отъ этихъ кровопійць! Для того развѣ ухожу я изъ Пфальца, чтобы позволить мучить себя въ Клаузенбергѣ?

— Да не кричите такъ, — сказалъ Сильванъ, — этотъ іезуитъ дѣлаетъ только видъ, что оживленно разговариваетъ съ братомъ; я отлично вижу, какъ онъ наострилъ уши. Этихъ людей я знаю съ Вюрцбурга.

— Клаусъ! — закричалъ Веге хриплымъ голосомъ, — отчего у ослось такія длинныя уши?

— Потому что ихъ матери не надѣваютъ на нихъ маленькіхъ чепчиковъ.

— Невѣрно отгадалъ.

— Чтобы они съ улицы могли слышать проповѣди, если г. проповѣдникъ не пускаетъ ихъ въ церковь.

— Еще лучше, — сказалъ Веге, злобно взглянувъ на итальянца, — чтобы подслушивать.

— Прочь, прочь отъ этой дряни! — вскричалъ Нейзеръ. — Нигдѣ нѣтъ покоя. Вездѣ подслушиваютъ, подсматриваютъ, шпионятъ, считаютъ у каждаго капли въ кружкѣ. Я хочу свободы!

— Мы мѣшаемъ здѣсь, — сказалъ Феликсъ брату, повидимому, не обращавшему никакого вниманія на разговоръ на другомъ концѣ стола. Глаза его не отрывались отъ губъ художника, а весь слухъ направленъ былъ на разговоръ священниковъ.

— Пускай они уйдутъ сначала, — отвѣчалъ Паоло по-итальянски, — лучше будетъ.

Проповѣдники встали и шумно вышли изъ комнаты, не удостоивъ братьевъ поклономъ.

— Нѣмецкая вѣжливость! — засмѣялся Паоло.

— Светы! — сказалъ художникъ. — Если бы я могъ отпилить фасады и отправить во Флоренцію, это было бы хорошимъ дѣломъ.

Запивъ неприятное впечатлѣніе послѣднимъ глоткомъ воды, Феликсъ взялъ брата за руку и они вышли на площадь, залитую луннымъ свѣтомъ; близъ стоящія церкви выступали величественными темными массами. Феликсъ направился по дорогѣ въ замокъ, а Паоло къ мосту. Молодой священникъ не замѣчалъ серебристаго блеска рѣки, освѣщенной луною, ни тумана, причудливо разстилающагося по равнинѣ; онъ не могъ забыть только что слышаннаго имъ поношенія религіи этими нечестивыми попами. Ему казалось весьма правдоподобнымъ, что всѣ эти вліятельные и сильные люди, собиравшіеся здѣсь за столомъ, тайные сторонники аріанъ. Но онъ уже поклялся однимъ ударомъ разорить это гнѣздо еретиковъ. Придя въ свою комнату, Паоло сталъ шифромъ, составленнымъ для него орденомъ, писать подробный отчетъ объ этомъ достопамятномъ вечерѣ.

— До сихъ поръ, — сказалъ молодой іезуитъ, вытирая перо, — я стрѣлялъ только по мелкой дичи, опустошавшей вертоградъ Господа моего, сегодня же стрѣла пущена въ сердце крупному оленю.

Съ чувствомъ торжества легъ Паоло спать, думая завтра же утромъ послать письмо въ Шпейеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ.

(Очеркъ музыкальной дѣятельности).

I.

Замѣчательную особенность встрѣчаемъ мы у нашихъ композиторовъ: въ то время, какъ иностранные авторы обыкновенно посвящаютъ себя одному какому-нибудь роду музыкальнаго творчества, наши композиторы берутся сразу за различные роды композиціи. Начиная съ Глинки (исключая отчасти Сѣрова), мы находимъ на ряду съ оперною дѣятельностью развитіе и разработку другихъ отраслей композиціи: романсовъ, симфонической музыки, камерной и др. Разнородность дарованія и разнохарактерность творчества—отличительная черта нашихъ музыкальных дѣятелей; но между ними особеннымъ разнообразіемъ блещутъ Рубинштейнъ и Чайковскій. Можно смѣло сказать, что нѣтъ такого отдѣла композиціи, въ которомъ они не испытали бы своихъ силъ.

Авторъ пяти оперъ, изъ которыхъ нѣкоторыя шли и идутъ съ большимъ успѣхомъ на разныхъ сценахъ, еще болѣе извѣстный въ качествѣ даровитѣйшаго симфониста, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей современной композиціи въ обширномъ смыслѣ слова, Петръ Ильичъ Чайковскій въ настоящее время не только въ Россіи, но и во всей европейской музыкальной литературѣ занимаетъ весьма видное мѣсто.

Кромѣ композиторской дѣятельности, Чайковскій имѣетъ неоспоримое право на вниманіе критики въ качествѣ педагога, составившаго нѣсколько музыкальныхъ учебниковъ, принятыхъ какъ руководства въ нашихъ консерваторіяхъ.

Сынъ окружнаго горнаго инженера, П. И. Чайковскій родился въ Воткинскомъ заводѣ, въ Вятской губерніи, 25 апрѣля

1840 г. Вскорѣ отецъ его переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто директора технологическаго института. Въ Петербургѣ десятилѣтній Чайковскій поступилъ въ училище правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1859 году.

На его музыкальное развитіе имѣли вліяніе два обстоятельства: во-первыхъ, въ школѣ правовѣдѣнія, находившейся подъ покровительствомъ принца Ольденбургскаго, большаго любителя музыки, обращалось серьезное вниманіе на преподаваніе музыки. Г. Стасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ училищѣ (*Русская Старина*) рассказываетъ, что воспитанники занимались музыкой и часто устраивали домашніе концерты.

Во-вторыхъ, частое посѣщеніе театровъ и въ особенности итальянской оперы, бывшей въ то время, почти при отсутствіи русской, въ самомъ апогеѣ своего разцвѣта въ Петербургѣ, куда стекались лучшія европейскія вокальныя силы, также оставило слѣдъ на его музыкальномъ развитіи; итальянская музыка играла немаловажную роль въ развитіи нашихъ первоклассныхъ музыкальныхъ дѣятелей; на ней воспитывались Глинка и Сѣровъ; на ней же воспитывался и Чайковскій. Конечно, каждый изъ нихъ пошелъ своимъ путемъ, приобрѣлъ свою индивидуальную фizioномію, но на каждомъ изъ нихъ несомнѣнно отразилось вліяніе итальянской оперы.

Начало музыкальной карьеры Чайковскаго почти совпадаетъ съ открытіемъ консерваторіи въ Петербургѣ въ 1862 г. Ранѣе того онъ занимался подъ руководствомъ А. Г. Рубинштейна, въ музыкальныхъ классахъ, существовавшихъ при Михайловскомъ дворцѣ. Съ открытіемъ консерваторіи Чайковскій тотчасъ поступилъ въ нее, и такъ какъ онъ былъ достаточно подготовленъ, то прямо поступилъ въ классъ контрапункта, находившагося въ вѣдѣніи профессора Зарембы, сразу счумѣвшаго отличить въ молодомъ человѣкѣ недюжинный талантъ. Въ консерваторіи будущій композиторъ пробылъ три года; здѣсь онъ подъ руководствомъ названнаго профессора основательно ознакомился съ классическою музыкой и въ 1865 г. окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ.

Вскорѣ по окончаніи курса консерваторіи, Чайковскій получилъ мѣсто профессора теоріи въ только что открывшейся въ Москвѣ консерваторіи. Въ настоящее время, оставивъ преподавательскую дѣятельность, П. И. Чайковскій состоитъ директоромъ московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества и, живя

въ деревнѣ, близъ Москвы, всецѣло посвятилъ себя композиторству.

Первой по времени оперой Чайковскаго слѣдуетъ считать *Воеводу* на сюжетъ драмы Островскаго. Опера эта была поставлена въ Москвѣ въ февралѣ 1869 года, съ г-жею Меншиковой въ главной роли; успѣха она не имѣла, выдержала только три представленія и была снята съ репертуара. Вторая его опера, *Ундина*, была послана изъ Москвы въ Петербургъ и по дорогѣ *пропала*; при господствовавшихъ тогда театральныхъ порядкахъ все было возможно; возможно было, чтобы и цѣлая опера какъ-то «затерялась». Правда, она потомъ отыскалась, но композиторъ былъ занятъ другими произведеніями, къ тому же, онъ нашелъ ее недостойной того, чтобы хлопотать объ ея постановкѣ. Къ группѣ оперныхъ произведеній слѣдуетъ отнести *Снѣгурочку*, музыку къ весенней сказкѣ Островскаго того же названія (на этотъ же сюжетъ написана опера г. Римскимъ-Корсаковымъ), состоящую изъ интродукціи, антрактовъ къ дѣйствіямъ, хороводовъ и плясокъ, пѣсенъ Леля (три) и нѣсколькихъ ансамблей; всѣхъ нумеровъ къ сказкѣ 19. Хотя *Снѣгурочка* должна считаться *pièce d'occasion*, такъ какъ она была написана по просьбѣ и наскоро, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ такія достоинства, что нельзя обойти ее молчаніемъ.

Снѣгурочка была издана въ 1873 г. и поставлена въ томъ же году въ февралѣ на сценѣ Большаго театра у насъ при участіи г-жъ Федотовой и Кадминой въ главныхъ роляхъ Снѣгурочки и Леля; музыка, иллюстрирующая ее, не имѣла самостоятельнаго характера, а скорѣе была какимъ-то придаткомъ къ драмѣ; это не есть нѣчто законченное, цѣльное, а отдѣльные моменты изъ «весенней сказки», обрисованные музыкальными штрихами; *Снѣгурочка*, какъ занимающая среднюю ступень между оперой и драмой, не могла произвести особенно сильнаго впечатлѣнія, тѣмъ не менѣе, выдержала нѣсколько представленій при полномъ театрѣ.

Въ этихъ музыкальныхъ отрывкахъ уже свазываются особенности дарованія композитора; во всѣхъ нумерахъ на первомъ планѣ мелодія, то русская, въ народномъ духѣ, то общелирическая, навѣянная настроеніемъ даннаго момента; музыкальныя мысли ясны и невымучены; гармонизація изящна и оригинальна; любимый приемъ Чайковскаго, — педаля на секундѣ, — уже и здѣсь имѣетъ мѣсто; основательное знакомство компози-

тора съ классическою музыкальною литературою обнаруживается уже и тутъ; кое-что попадаетъ въ шумановскомъ стилѣ (антрактъ къ 4 дѣйствию № 17 и слова Весны, обращенныя къ Снѣгурочкѣ: «Зорь весеннихъ цвѣтъ душистый»); почти въ каждомъ № встрѣчается нѣчто свѣжее, самобытное. Кое-гдѣ видна недодѣланность, замѣтна торопливость работы, не всегда полное соотвѣтствіе между содержаніемъ дѣйствія и предпосылаемымъ къ нему антрактомъ (ко 2 дѣйствию), не всегда выдержанъ характеръ музыки, относящейся къ тому или другому моменту; въ танцахъ бьеть въ глаза частое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же темъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя разработка народныхъ мелодій. Возьмете ли вы хоръ проводовъ масляницы («Веселенко намъ тебя встрѣчать-привѣчать»), слѣпыхъ гусяровъ («Вѣщія громкія струны рокочать»), хороводъ, пѣсенки Леля, или въ финалѣ «Богъ Ярила, свѣтъ и сила»,—вездѣ вы слышите народный мотивъ, но вы его слышите обработаннымъ; композиторъ сумѣлъ на канвѣ народной мелодіи дать образчикъ народнаго характера музыки, опоэтизированный и вылившійся въ художественную форму; тутъ народный мотивъ не является въ томъ первобытномъ состояніи, въ какомъ онъ созданъ народною фантазіей. Композиторъ, идя по стопамъ Глинки, придаетъ самобытному народному мотиву изящество и прелесть.

Изъ №№ *Снѣгурочки* лучшими мы находимъ перечисленные выше и тѣ, которые сопровождаютъ фантастическіе моменты сказки (появленіе Лѣшаго и тѣни Снѣгурочки, № 16); къ сожалѣнію, ихъ сравнительно немного. Есть, однако, и совсѣмъ слабыя мѣста, напр., пляска скомороховъ.

Опера *Опричникъ* была поставлена въ первый разъ въ Петербургѣ, на Маріинской сценѣ, 12 апрѣля 1874 г., въ бенефисъ капельмейстера г. Направника. Опера эта имѣла большой успѣхъ; дирекціей петербургскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго Общества автору присуждены были проценты (300 р.) съ капитала М. А. Кондратьева, пожертвованнаго для поощренія композиторской дѣятельности; опера въ продолженіе 16 дней (отъ 12 по 28) дана была при полномъ театрѣ и при возрастающемъ успѣхѣ шесть разъ; такой же успѣхъ имѣлъ *Опричникъ* въ Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, гдѣ онъ выдержалъ много представленій.

Всѣмъ, вѣроятно, извѣстна драма Лажечникова *Опричникъ*, откуда взять сюжетъ оперы Чайковскаго. Либретто составлено умѣлою рукою; сцены распланированы съ знаніемъ дѣла и не

лишены необходимыхъ для оперы, какъ сценическаго произведе-
 нія, эффектовъ; встрѣчаемые контрасты въ положеніяхъ героевъ
 только усиливаютъ впечатлѣніе и *Опричникъ*, какъ либретто,
 удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Нужно отдать справедли-
 вость композитору: онъ воспользовался имъ, какъ нельзя лучше.
 Въ *Опричникъ* композиторъ далъ намъ образецъ драматической
 музыки, которой мы не встрѣчаемъ въ его послѣдующихъ опе-
 рахъ.

Вообще въ оперной дѣятельности Чайковскаго замѣчается не-
 устойчивость взглядовъ автора на оперу и ея идеалы. При
 громадномъ талантѣ и technikѣ, при необычайной способности
 выразить иногда весьма многое даже въ малозначительной по
 объему формѣ, при рѣдкомъ умѣннн пользоваться массами орке-
 стровыми и вокальными и при необыкновенномъ богатствѣ мело-
 дическаго изобрѣтенія, Чайковскій до сихъ поръ не вырабо-
 талъ самостоятельнаго и индивидуальнаго пути въ оперѣ. Почти
 въ каждой изъ своихъ оперъ онъ является въ новомъ фазисѣ
 и адептомъ новой теоріи. Если проведемъ параллель въ смыслѣ
 направленія между пятью его операми, то найдемъ, что общее
 между ними только — авторъ ихъ съ его яркимъ талантомъ;
 если онъ въ *Опричникъ* выказалъ себя сторонникомъ драмати-
 ческой музыки, то этого направленія вы уже не встрѣтите въ
Евгениі Онегинѣ, гдѣ композиторъ стоитъ на почвѣ чистаго ли-
 ризма, или въ *Кузнецѣ Вакулѣ*, въ которомъ авторъ поддался
 вліянію радикальнаго направленія.

Несмотря на такія неоспоримыя достоинства *Опричника*, поль-
 зовавшагося вездѣ успѣхомъ и дававшаго повсюду отличные
 сборы, онъ почему-то скоро былъ снятъ съ репертуара и, если
 не ошибаемся, уже съ 1875 года больше не появлялся на афишѣ.
 Это тѣмъ болѣе жаль, что у насъ вовсе не такъ много драма-
 тическихъ оперъ чисто русскаго характера.

Опера эта состоитъ изъ четырехъ дѣйствій и пяти картинъ
 и предшествуема, по обыкновенію, увертюрой, заключающей три-
 четыре момента, иллюстрирующіе извѣстные эпизоды драмы;
 вмѣстѣ эффектной оркестровой разработкѣ этихъ моментовъ, уло-
 жившихся въ общепринятую форму, въ увертюрѣ нѣтъ ничего
 особеннаго; главнѣйшія ея темы потомъ повторяются въ самой
 оперѣ.

Первое дѣйствіе открывается бесѣдой князя Жемчужнаго съ
 Митьковымъ, сватающимся за его дочь Наталью; Жемчужный

угощает Митькова и общается ему руку дочери. Эта сцена сватовства выражена прекрасными речитативами, совершенно выдержанными въ русскомъ характерѣ, и отличается спокойствіемъ настроенія участвующихъ; отецъ убѣжденъ, что отдастъ свою дочь хорошему человѣку, а женихъ, вышедшій уже изъ лѣтъ увлеченія и пылкой страсти, доволенъ судьбой; музыка этой сцены очень рельефно рисуетъ русское добродушіе и прекрасное расположеніе духа бесѣдующихъ. По ихъ уходѣ, въ садъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, являются дѣвушки, а вслѣдъ за ними и Наталья, съ типичною старухой-няней, Захарьевной. Хоръ ихъ обь «у́тушкѣ», нѣсколько ниже повторяющійся въ вариационной формѣ, интересенъ по мастерской разработкѣ народнаго мотива, положеннаго въ основу его; хоръ этотъ граціозенъ и отличается лирическимъ характеромъ. Арія Натальи «Споку про злую тоску» очень элегична; въ ней видно вліаніе Глинки на нашего композитора; отдавая преимущество голосу надъ оркестромъ, Чайковскій, кажется, нѣсколько злоупотребилъ въ этой аріи такимъ приѣмомъ: сопровожденіе вышло слишкомъ жидкимъ въ сравненіи съ широкою мелодіей. Сцена эта до удаленія хора слишкомъ длинна и ее пришлось подвергнуть нѣкоторымъ купюрамъ при постановкѣ. Вслѣдъ затѣмъ являются Басмановъ, Андрей Морозовъ и нѣсколько опричниковъ.

Андрей Морозовъ хочетъ чѣмъ-либо смыть обиду, нанесенную Жемчужнымъ ихъ дому; Басмановъ предлагаетъ ему сдѣлаться опричникомъ; Андрей соглашается и опричники общаются ему свое содѣйствіе. Въ аріозо Басманова (контральтъ) «Житье у насъ и умирать не надо» оркестръ ярко рисуетъ оргіи опричницы и буйную, развеселую жизнь ея; удивительно, что сама мелодія, будучи очень красивой, написана въ минорѣ; контрастъ между текстомъ и сопровождающею его музыкой бросается въ глаза. Слѣдующая за этой сценой каватина Натальи, любящей Андрея и любимой имъ, начинающаяся речитативомъ «Почудились мнѣ будто голоса», во время котораго віолончели въ оркестрѣ ведутъ главный мотивъ, появляющійся въ голосѣ на словахъ «Ахъ, вѣтры буйны», производитъ сильный музыкальный эффектъ, хотя необходимо сознаться, что на основной темѣ отразилось вліаніе итальянской музыки, мало, на нашъ взглядъ, подходящей для пѣсни боярышни времянь грознаго царя; но сама по себѣ арія красива и выразительна. Закачивается дѣйствіе хороводомъ, написаннымъ не безъ нѣкотораго вліанія Глин-

ки («Дивный теремъ стоитъ»); хоръ этотъ граціозенъ, народнаго характера и отлично гармонизованъ. Весь первый актъ не заключаетъ въ себѣ элементовъ драматизма, за исключеніемъ появленія Андрея, а поэтому и музыка носить чисто-бытовой характеръ (сватовство Митькова, фразы няни Захарьевны, хоры, аріозо и пр.)

Сильнымъ контрастомъ ему является второе дѣйствіе, состоящее изъ двухъ картинъ: первой, происходящей у матери Андрея, и второй—въ царскихъ хоромъ въ Александровской слободѣ.

Въ первой картинѣ всего двѣ сцены: Морозовой и Андрея съ нею. Въ небольшомъ антрактѣ композиторъ сумѣлъ выразить безпокойное душевное состояніе ожидающей матери. Морозова—глубоко-религіозная женщина, терпѣливо переносящая нанесенныя ей обиды; каждая музыкальная ея фраза дышетъ простотью и теплотою; ея речитативы правдивы и искренни; аріозо ея «Я предъ волей Господнею склоню покорную главу», повторяемое при концѣ сцены второй разъ, есть настоящій образецъ религіозной музыки, гдѣ въ каждой фразѣ слышится смиреніе и покорность. Андрей приноситъ деньги, взятые у Басманова; Морозова и слышать о нихъ не хочетъ, такъ какъ Басмановъ «любимецъ царскій» (какъ умѣстенъ при этихъ словахъ мотивъ Басманова въ оркестрѣ); но Андрей успокоиваетъ ее, прося благословенія идти искать суда у самого царя. Удивительно смѣлыми штрихами очертилъ Чайковскій широкую русскую удалъ въ своемъ героѣ; его молодецкому сердцу не въ терпѣжь обида и онъ рѣшается скрыть отъ матери свою рѣшимость сдѣлаться опричникомъ; зная, что мать ненавидитъ опричину, онъ не говорить ей о своемъ рѣшеніи и ссылается на голосъ отца, призывающаго его отомстить Жемчужному. Его арія «Снѣга бѣлѣй» благородна и совершенно выдержана въ народномъ духѣ. Дуэтомъ Морозовой и Андрея, страдающимъ нѣкоторою длиннотою, завершается картина, оставляющая прекрасное впечатлѣніе какъ по выдержанности тона дѣйствующихъ лицъ, такъ и по колоритной музыкѣ.

Хоръ опричниковъ à capella «Камо отъ грѣховъ утаеся» церковнаго характера, прерываемый оркестровыми фразами, какъ бы разоблачающими въ глазахъ зрителей всю фальшь и лицемеріе молящихся,—которымъ начинается вторая картина,—лучшія страницы всей оперы. Эффектъ сценическій и музыкальный по-

лучается поразительный при сопоставленіи этихъ двухъ частей— молитвы хора и оркестровыхъ фразъ; контрастъ между произносимыми словами и развратомъ опричниковъ такъ удачно выраженъ музыкально, что несоотвѣтствіе между тѣми и другимъ доведено до очевидности; нуженъ былъ громадный талантъ нашего композитора, чтобы такъ вѣрно въ музыкальной формѣ обрисовать лицемѣріе, которое съ перваго раза, кажется, и не поддается музыкальнымъ краскамъ. И какъ реально, именно— художественно-реально, выражено оно звуками; здѣсь авторъ *Опричника* достигъ замѣчательной высоты музыкальнаго эффекта.

Но вотъ Вязьминскій, снимая рясу, говорить: «Довольно, братья, потрудились Богу мы, человекѣи»; всѣ опричники слѣдуютъ его примѣру и уже хотятъ направиться въ царскіе покои, какъ Басмановъ сообщаетъ о желаніи Андрея Морозова вступить въ опричину и дать клятву. Вязьминскій не можетъ забыть ненависти къ отцу Андрея и намѣренъ отомстить сыну; онъ велитъ ввести Андрея. Отрывочныя фразы хора, контрастирующаго съ оркестромъ, какъ нельзя болѣе здѣсь умѣстны. Всѣ душевныя перипетіи, переживаемыя Морозовымъ во время отреченія отъ земщины, отъ матери и любимой дѣвушки, во время клятвы, даваемой имъ подъ ножами опричниковъ, переданы композиторомъ превосходно; тутъ не только сильныя драматическія речитативы, но и характеры дѣйствующихъ лицъ, — Андрея, Вязьминскаго, «злаго опричника» Басманова, преданнаго Морозову, и опричниковъ, подхватывающихъ хоромъ каждую фразу присяги, — чудесно обрисованы. У композитора нашлись прелестныя фразы какъ въ голосахъ, такъ и въ оркестрѣ для выраженія той борьбы и того трагическаго положенія, въ которомъ находится герой. Здѣсь Чайковскій уже является не бытописателемъ въ музыкѣ, а мастеромъ характеристики и выраженія паѳоса.

Если въ чемъ-либо слѣдуетъ упрекнуть автора за эту сцену, то развѣ только за арію Андрея: «Какъ передъ Богомъ, такъ передъ тобой», — арію, не подходящую по характеру мелодіи для русскаго молодца XVI столѣтія. Хотя мелодія очень красива, но Андрею Морозову, поступающему въ опричину ради «суда праваго» не до итальянскихъ кантиленъ. Другое дѣло его послѣдующіе речитативы, дышащіе глубокою правдой, также какъ и всѣ фразы Вязьминскаго, которому композиторъ нигдѣ не даетъ широкаго цѣнія, понимая хорошо особенности характера изображаемаго лица; вся партія Вязьминскаго построена на речитати-

вахъ, и въ этомъ нельзя не видѣть глубокаго пониманія Чайковскимъ рисуемыхъ имъ героевъ. Каждая фраза Вязьминскаго дышетъ жестокостью человѣка, привыкшаго къ крови; свирѣность его характера, злоба и цинизмъ ярко выплываютъ на фонѣ его музыкальной характеристики.

Заключительный ансамбль этой сцены «Славень, славень, какъ солнце въ красный день, нашъ отецъ и царь», такъ эффектно заканчивающій это дѣйствіе, производитъ успокоительное впечатлѣніе послѣ волненія, охватившаго слушателя въ сценѣ глѣтвы. Весь второй актъ, являющійся такимъ контрастомъ первому, написанъ энергично, правдиво и ни на минуту не ослабляетъ возрастающаго интереса; какъ трагическое положеніе Андрея, такъ и чудесно выражающая его музыка достигаютъ своего кульминаціоннаго пункта. Остальныя дѣйствія *Опричника*, имѣя свои достоинства, слабѣе втораго.

Антрактъ къ третьему дѣйствію, происходящему на площади, весьма удачно подготавливаетъ слушателя къ первому хору, жалующемуся на тяжкія времена («Времена настали злыя»). Этотъ большой хоръ, дважды повторяемый и заканчивающійся прелестнымъ *andante religioso* «Боже, сжапись ты надъ нами», содержитъ въ себѣ богатыя народныя темы, прекрасно разработанныя композиторомъ; грустное настроеніе жалующихся и молитвенный характеръ заключительныхъ фразъ выдержаны отъ начала до конца; впрочемъ, элегическій фонъ — одинъ изъ любимѣйшихъ нашего композитора. Удивительно красива заключительная фраза оркестра: послѣдніе 8 тактовъ (*rosso più mosso*). На площадь является Морозова, жалующаяся на свое одиночество; надъ ней начинаютъ издѣваться мальчишки; въ это время вбѣгаетъ Наталья, просящая у нея пріюта отъ опостылѣвшихъ ей отца и старика-жениха. Речитативы старухи «Какъ одинока я теперь» снова напоминаютъ намъ Морозову, горячо любящую своего сына, который ее теперь оставилъ, ея теплую вѣру въ лучшее будущее и покорное, безропотное перенесеніе ударовъ судьбы; снова мы слышимъ въ ея пѣніи смиреніе и ожиданіе чего-то лучшаго. Поэтому намъ кажется, что напрасно композиторъ нарушилъ это прекрасное настроеніе руганью мальчишекъ, пристающихъ къ ней, тѣмъ болѣе, что реализмъ этотъ ничѣмъ существеннымъ по пьесѣ не вызванъ; да и хорикъ этотъ, какъ музыкальный номеръ, не представляетъ изъ себя ничего значительнаго.

Сцена и дуэт Морозовой съ Натальей изобилуютъ красивыми мелодіями, хотя, на нашъ взглядъ, онѣ идутъ въ ущербъ драматическому теченію пьесы и расхолаживаютъ его. Дуэтъ этотъ, въ которомъ мать Андрея совѣтуетъ Натальѣ покориться судьбѣ, вернуться домой и забыть любимаго человѣка, а Наталья проситъ о пріютѣ, нѣсколько напоминаетъ по сценической ситуациі сцену Фидесъ и Берты въ мейерберовскомъ *Пророкѣ*; какъ музыкальный номеръ, онъ совершенно законченъ и удобенъ для исполненія въ концертѣ. Потерявшая голову Наталья уже хочетъ укрыться съ Морозовой въ церкви, какъ является Жемчужный. Аріозо Натальи «Отецъ, какъ передъ Богомъ, такъ передъ тобой», переходящее на словахъ «Но я его» (*andante espressivo*) въ красивую кантилену, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ оперы. Отецъ остается непреклоннымъ и въ выразительныхъ речитативахъ изъявляетъ свою волю, не обращая вниманія на увѣщанія Морозовой (мелодично очень ея *andante* на словахъ: «Свою вину, свой тяжкій грѣхъ»).

Жемчужный приказываетъ силой взять Наталью. Въ оркестрѣ слышится характерная фраза опричниковъ и послѣдніе, во главѣ съ Андреемъ и Басмановымъ, при крикахъ «гайда, гайда», появляются на сцену. Морозова узнаетъ въ Андрѣ одного изъ ненавистныхъ ей опричниковъ; напрасно Басмановъ съ опричниками напоминаетъ Андрею о клятвѣ и зовутъ въ слободу; Андрѣ увидѣлъ свою мать, увидѣлъ Наталью, увидѣлъ врага Жемчужнаго; душа его переполнена разными чувствами и онъ бросается, прежде всего, къ матери. Но тутъ слѣдуетъ одна изъ самыхъ сильныхъ по драматизму сценъ оперы,—сцена проклятія Морозовой сына, производящая потрясающее впечатлѣніе по музыкальной интензивности и начинающаяся словами: «Прочь, прочь, ты мнѣ не сынъ». Чудная музыка этой сцены,—сцены проклятія и отреченія матери отъ сына,—хотя и напоминаетъ снова, по своему положенію, *Пророка*, но, благодаря своей красотѣ, заставляетъ забыть о не совсѣмъ русскомъ характерѣ. Еще больше усиливается впечатлѣніе при словахъ Андрея «Я не могу еще понять», повторяемыхъ Басмановымъ и Натальей (на подобіе извѣстнаго канона въ *Русланѣ*) въ то время, какъ хоръ опричниковъ продолжаетъ напоминать Андрею о клятвѣ. Ансамбль сильно разрастается къ концу и заканчивается грандіознымъ *fortissimo*; музыкальный эффектъ получается полный; интересъ идетъ *crescendo* въ финальномъ хорѣ «Къ царю,

къ царю» и блестяще завершаетъ актъ, окончаніемъ своимъ поддерживающій драматическое напряженіе главныхъ лицъ. Финаль акта слишкомъ длиненъ, и поэтому пришлось его также урѣзать при постановкѣ оперы на сценѣ.

Гридница въ царскихъ хорахъ. Андрей празднуетъ свою свадьбу съ Натальей. Свадебный пиръ. Хоръ поетъ: «Слава, слава доброму молодцу»; въ основу его снова положена народная тема; здѣсь композиторъ блещетъ мастерствомъ гармонизации и тематической разработки. Если что-либо можно поставить на видъ композитору, то развѣ только троекратное повтореніе этого хора. Очень умѣстна здѣсь пляска опричниковъ и женщинъ; танцы живы и интересны по изящному развитію темъ и по строго выдержанному русскому характеру. Изъ нихъ пляска женщинъ интереснѣе, благодаря своей рѣдкой граціозности. Большой дуэтъ Андрея и Натальи, состоящій изъ двухъ прекрасныхъ само по себѣ темъ («Ахъ, скорѣй бы конецъ пированью» и отвѣтъ Андрея на эти слова Натальи: «Ты мнѣ жизнь и свѣтъ»), мало, кажется намъ, гармонируетъ съ народнымъ духомъ, что было бы важно для цѣльности произведенія. Выдающійся по красотѣ кантленъ, дуэтъ этотъ не можетъ быть названъ вполне умѣстнымъ въ устахъ Андрея и Натальи. Неровность стиля искупается рѣдкою мелодичностью, составляющею всегда отличительную, характерную черту творчества Чайковского. Этотъ номеръ по своей цѣльности и законченности можетъ быть исполняемъ на концертной эстрадѣ.

До входа встревоженнаго Басманова съ извѣстіемъ объ угрожающей Андрею бѣдѣ, такъ какъ онъ преступилъ клятву,—моментъ, съ котораго начинается вторая половина этого дѣйствія, являющаяся рѣзкимъ контрастомъ по настроенію первой половинѣ,— гости поютъ заздравный хоръ, обыкновенно пропускавшійся, какъ замедляющій теченіе пьесы; но хоръ этотъ («Чтобы сто лѣтъ вашъ не стариться») въ музыкальномъ отношеніи имѣетъ интересъ. Въ немъ Чайковскій подпалъ подъ вліяніе *Русалки* Даргомыжскаго, гдѣ, какъ извѣстно, заздравный хоръ («Да здравствуетъ нашъ князь молодой») написанъ въ ритмъ мазурки ($\frac{3}{4}$). Хоръ, о которомъ идетъ рѣчь, также написанъ въ этомъ же ритмѣ. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь подобный характеръ хоровъ не соответствуетъ средѣ и эпохѣ, въ которыхъ развивается дѣйствіе оперы; рассматриваемый же внѣ оперы, онъ очень граціозенъ.

Тревожное извѣстіе Басманова, выраженное рельефнымъ речи-

тативомъ, даетъ сильный толчекъ ходу драмы. Пораженный Андрей еще не понимаетъ словъ друга: «Ты еще опричникъ»; изъ недоумѣнія выводитъ его появляющийся Вязьминскій, сообщающій о томъ, что царь, наслышанный о красотѣ Натальи, желаетъ видѣть ее одну. Ансамбль, начинающійся (andante) со словъ Басманова «Ради матушки родимой», рисующій душевное состояніе Андрея и Натальи, Басманова и хора опричниковъ, совѣтующихъ покориться волѣ царской, и злорадствующаго Вязьминскаго, идетъ все сильнѣе и сильнѣе, и со словами послѣдняго «Гляди, гроза идетъ изъ тучи грозной», раздающимися громовымъ ударомъ надъ головой Андрея, ансамбль достигаетъ высшей степени паюоса и напряженности. Этотъ номеръ въ высокой степени художественъ и поражаетъ силою своей выразительности, хотя фразы Натальи страдаютъ нѣкоторою мелодическою вычурностью для такого драматическаго момента. Но блестящее фортиссимо, въ которомъ участвуютъ всѣ оркестровыя и вокальныя силы, вытекающее какъ бы прямымъ слѣдствіемъ изъ постепенно развивавшейся музыкальной мысли, такъ богато и эффектно завершаетъ этотъ ансамбль, что остается только впечатлѣніе красоты и силы.

Этотъ номеръ служитъ естественнымъ переходомъ къ трагической развязкѣ: Вязьминскій приказываетъ схватить Андрея, не соглашающагося добровольно отпустить одну Наталью; послѣднюю уводятъ. Небольшая сценка проклятія Андреемъ опричины (речитативъ, сильно сопровождаемый оркестромъ)—настоящій образецъ художественнаго речитатива; это верхъ правдивости. Андрея, по повелѣнію того же Вязьминскаго, уводятъ при хорѣ опричниковъ «Твой часъ насталь», аккомпанируемомъ фразами оркестра, съ характеромъ которыхъ мы уже познакомились во второмъ дѣйствіи при первомъ появленіи опричниковъ. Но ненасытный въ своей злобѣ, Вязьминскій этимъ не довольствуется; онъ вспоминаетъ о старухѣ Морозовой, за которой и отправляется. Оркестръ подготавливаетъ насъ къ ужасной картинѣ, ожидающей старуху и какъ нельзя болѣе подходящей для полной обрисовки «злаго опричника». Подводя ее къ окну, изъ котораго видна плаха, онъ говоритъ съ торжествующимъ злорадствомъ: «а вотъ и сынъ твой на почетномъ мѣстѣ». Морозова не выдерживаетъ послѣдняго удара судьбы и умираетъ.

Въ *Опричники* есть недостатки, но громадное преимущество на сторонѣ достоинствъ. Мы уже видимъ тутъ небезуспѣшныя попытки автора къ музыкальной характеристикѣ въ

лицѣ Вязьминскаго, порою Андрея; мы говоримъ о характерныхъ музыкальныхъ фразахъ, вытекающихъ изъ пониманія музыкально изображаемаго типа. Но попытка эта не всегда еще удается Чайковскому: его Наталья блѣдна въ этомъ отношеніи; также не видимъ мы Басманова «съ змѣиной душой и дѣвичьей улыбкой»; тѣмъ не менѣе, очерченныя фигуры Вязьминскаго, Морозовой, няни Захарьевны и отчасти Андрея безусловно доказываютъ способность композитора къ яркой характеристикѣ.

Еще ярче сказанъ талантъ Чайковскаго въ средствахъ выраженія своей мелодической изобрѣтательности; его оркестръ разнообразенъ богатствомъ эффектовъ и орнаментики; авторъ владѣетъ имъ вполне и еще до появленія *Опричника* успѣлъ отвоевать себѣ имя прекраснаго оркестратора; сдѣланное имъ въ разсматриваемой оперѣ могло только болѣе утвердить это мнѣніе; здѣсь попадаетъ много остроумной находчивости для выраженія того или другаго сценическаго положенія. Далѣе, композиторъ обнаружилъ въ *Опричникѣ* большую склонность къ мелодическому речитативу, къ сильной и правдивой музыкальной рѣчи; многія фразы Андрея, матери его, Басманова и др. служатъ доказательствомъ тому. Хотя хору удѣлено въ этой оперѣ не особенно много мѣста, однако, нельзя не признать, что онъ у него живое лицо, дѣйствующее и живущее на сценѣ; если можно еще говорить о невыдержанности характера у нѣкоторыхъ героевъ, которымъ композиторъ далъ несоотвѣтственную музыку, то этого нельзя сказать о хорѣ, являющемся вездѣ колоритнымъ и національнымъ. Всѣ номера хоровъ написаны въ русскомъ духѣ; дѣвушки ли на сценѣ съ хороводомъ, забитый ли и запуганный народъ, оргія ли опричниковъ,—вездѣ слышится русская народная мелодія; исключеніемъ является заздравный хоръ въ $\frac{3}{4}$, о которомъ мы выше говорили (четвертое дѣйствіе).

Выборъ либретто и обработка его самимъ композиторомъ также свидѣтельствуютъ о пониманіи условій сценическаго произведенія и умѣнии пользоваться сценическими эффектами и контрастами, которыхъ немало въ *Опричникѣ* и которые, на нашъ взглядъ, составляютъ *conditio sine qua non* для каждаго драматическаго произведенія. Недостатки оперы, по нашему мнѣнію; слѣдующія: 1) несоотвѣтствіе музыки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ положеніемъ героевъ. Сюда относятся: первый выходъ Андрея (мотивъ взятъ изъ оперы *Воевода*), дуэтъ Андрея и Натальи въ послѣднемъ актѣ (мотивъ заимствованъ изъ его же

Фатума, впоследствии уничтоженнаго), почти вся партія Натальи, носящей скорѣе итальянскій характеръ, чѣмъ русскій, и, наконецъ, Басмановъ, слишкомъ идеализированный безъ всякой мотивировки. 2) Тесситуры нѣкоторыхъ партій слишкомъ высоки и требуютъ исключительныхъ силъ для исполненія; таковы, напримеръ, партіи Андрея и Морозовой. Наконецъ, 3) невыдержанность стиля.

В. Басинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Практическіе результаты земской статистики.

Одна недѣльная газета, распространенная довольно значительно, благодаря предлагаемымъ къ ней ежемѣсячно книжкамъ романовъ и повѣстей, воспользовалась смертью извѣстнаго земскаго статистика В. И. Орлова, чтобы оказать медвѣжьёю услугу тому дѣлу, которому покойный посвятилъ всѣ свои силы.

Помѣстивъ въ одномъ изъ своихъ номеровъ некрологъ покойнаго, въ которомъ говорится, между прочимъ, о томъ, что В. И. «содѣйствовалъ болѣе уравнительной раскладкѣ земскихъ сборовъ въ Московской губерніи, организовавъ для этого оцѣнку имущества въ городахъ и фабрикахъ въ губерніи», та же газета въ слѣдующемъ номерѣ помѣщаетъ статью подъ заглавіемъ *Пропащій трудъ*, въ которой говоритъ буквально слѣдующее: «Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никакой практической пользы земская статистика не принесла. До сихъ поръ не было еще случая, чтобы земско-статистическія работы вызвали какое-либо мѣропріятіе со стороны земства на пользу населенія». Выразивъ, однако, это категорическое утвержденіе: «не было еще случая», газета сейчасъ же добавляетъ, что единственное исключеніе изъ этого небывалаго случая представляетъ устройство кустарнаго музея въ Москвѣ, а затѣмъ опять продолжаетъ: «не было примѣра, чтобы подъ вліяніемъ данныхъ, собранныхъ земскими статистиками, земства вносили какія-либо измѣненія въ веденіи своихъ финансовыхъ и хозяйственныхъ дѣлъ». Отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что газета не видитъ практической пользы въ той болѣе уравнительной раскладкѣ, о которой говорено въ предшествующемъ номерѣ ея, и не считаетъ это примѣромъ измѣненій, вносимыхъ земствомъ въ веденіе его финансовыхъ дѣлъ подъ вліяніемъ данныхъ, собранныхъ земскими статистиками. Но мы пока воздержимся отъ такого заключенія. «Еще ни разу,—продолжаетъ смѣлая газета далѣе,—земства, при разсмотрѣніи и разрѣшеніи какого-либо вопроса, не пользовались указаніями, заключающимися въ толстыхъ статистическихъ сборникахъ. Все идетъ совершенно такъ же, какъ шло и до возникновенія земской статисти-

ки». Далѣе оказывается, что «со времени возникновенія земской статистики правительствомъ принято немало финансовыхъ и экономическихъ мѣръ и ни при одной изъ нихъ не были приняты во вниманіе данныя, добытыя земскою статистикою». И такъ,—заключаетъ газета торжественно,—«мы имѣли полное основаніе поставить вопросъ: для чего существуетъ земская статистика, для чего на нее ежегодно тратятся сотни тысячъ рублей?»

Приводя эти разглагольствованія газеты, мы употребили выраженіе «смѣлая газета». Изъ послѣдующаго читатель убѣдится, что мы имѣли полное основаніе выразиться не только такимъ образомъ, но даже приписать болѣе сильный эпитетъ, чего, однако, не пожелали сдѣлать изъ уваженія къ печатному слову. Это уваженіе къ нему требуетъ весьма осторожнаго обращенія съ нимъ. Одно изъ коренныхъ условій, соблюденіе которыхъ необходимо въ силу такого уваженія, состоитъ въ томъ, чтобы, выражая тѣ или другія сужденія и приступая къ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ явленій общественной жизни, писатель имѣлъ для того фактическія основанія и не выдавалъ за вѣрное то, чего онъ или вовсе не знаетъ, или въ чемъ даже сомнѣвается, пока не провѣрилъ этихъ сомнѣній. Въ особенности это существенно важно, когда рѣчь идетъ о такомъ учрежденіи, сохраненіе котораго признается желательнымъ и въ принципѣ полезнымъ, коль скоро при этомъ еще у этого учрежденія существуютъ сознательные или бессознательные враги. Земская же статистика представляетъ собою именно такое учрежденіе. Не проходитъ года, чтобы въ какомъ-либо изъ земствъ земская статистика не подвергалась болѣе или менѣе неосновательнымъ нападкамъ съ разныхъ сторонъ. И вотъ, при такихъ-то условіяхъ подъ громкимъ заглавіемъ *Пропавшій трудъ* появляется статья о практической безрезультатности статистическихъ изслѣдованій, и появляется въ газетѣ, какъ мы уже отмѣтили, значительно распространенной, и именно въ провинціи, хотя бы и вслѣдствіе причины, указанной нами выше. Не значить ли это подрывать авторитетъ статистики въ глазахъ тѣхъ лицъ, которыя незнакомы съ значеніемъ ея, но которымъ приходится рѣшать вопросъ о томъ: быть или не быть ей? Въ послѣднюю сессію казаскаго губернскаго земскаго собранія, напримѣръ, нѣкоторые изъ гласныхъ высказывали сомнѣніе въ производительности расходовъ на статистику, именно въ виду незначительности практическихъ результатовъ отъ статистическихъ изслѣдованій: «жили же 20 лѣтъ безъ статистики,—говорили они,—и еще годъ проживемъ» (*Волжск. Вѣстн.* 1885 г., № 282). По счастью, однако, тѣ же гласные не читали той статьи, о которой мы говоримъ, и затратили свое время гораздо производительнѣе на знакомство съ статистическими трудами, вслѣдствіе чего обратились изъ противниковъ расхода на статистику въ сторонниковъ его (тамъ же, № 284).

Мы нисколько не думаемъ отрицать цѣлесообразности и необходи-

мости указаний на практическую безрезультатность статистических исследований, если только таковая безрезультатность существует. Но в настоящем случае для убеждения в противном редакция той газеты, о которой идет речь, как мы видели, не должна была лишь забывать в последующем номере того, что говорилось в предыдущем; не лишнее было также помнить, что в той же газете и при той же редакции в конце 70 годов сообщалось о переоценке земель в Борзенском уезде, Черниговской губернии, в основу которой легли статистические исследования, произведенные закрытым перед принятием этой переоценки статистическим бюро черниговского земства. Помнить это было тем легче, что один из почтенных деятелей этого статистического бюро, до сих пор не оставляющий деятельного участия в работах существующего теперь статистического отделения черниговского земства, состоял в то время почти постоянным сотрудником так отличившейся теперь газеты. Или, может быть, и та переоценка, поведшая к снятию обложения с земель ниже известного размера и облегчившая тем податную тягость наименее надельных земель, также не считается практически полезной? И так, мы видим, что редакции нужно было иметь большую смелость, чтобы писать: «не было примера», «не было случая», когда она, не выходя из пределов своей газеты, могла найти три примера: два только что указанных и один, отмечаемый ею как случай, представляющий исключение из небывалого случая.

Если газета не воспользовалась, таким образом, для того, чтобы не подвергать своих читателей чтению завѣдомой неправды, теми указаниями, которые ею самою своевременно были напечатаны, и одно из них, притом, на расстоянии лишь недели, то для нея было совершенно последовательно вообще игнорировать всякое печатное слово, а в том числе и то, к которому ей специально следовало обратиться для разъяснения вопроса, именно земские доклады и журналы, которые, конечно, легко было найти в Петербурге, хотя бы в публичной библиотеке. Тогда бы газета убедилась, что все сказанное ею представляет собою сущую неправду.

Не касаясь деятельности других земств, в которых практические результаты земских исследований и не могут быть особенно велики, пока не закончено исследование всей губернии, остановимся на московском, где оно, как известно, уже закончено и где, следовательно, воспользоваться статистическими исследованиями было вполне возможно и целесообразно. Что же мы видим здесь? А вот что. Не только губернское земство, но и уездные воспользовались земскими статистическими исследованиями, и не по окончании лишь исследования всей губернии, но тотчас же, и не только для практических мероприятий на пользу населения, и не для одних изменений в ведении своих финансовых и

хозяйственныхъ дѣлъ, но и для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, по которымъ имѣются данныя въ статистическихъ сборникахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть доклады и журналы засѣданій московскаго губернскаго земства за послѣднія 10 лѣтъ, т.-е. за все время существованія въ немъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій.

Укажемъ, прежде всего, что ближайшая практическая цѣль, вызывающая организацію земскихъ статистическихъ изслѣдованій, осуществлена въ московскомъ земствѣ вполнѣ. Въ 1881 г. московскимъ земствомъ для раскладки губернскаго земскаго земельного сбора принята новая оцѣнка земель, основанная всецѣло на работахъ и изслѣдованіяхъ статистическаго отдѣленія губернской земской управы. По этой новой оцѣнкѣ доходность земель исчислена въ 4,107 т. р., вмѣсто прежней цифры въ 4,367 т. р., т.-е. на 260,000 р. или на 5,9% менѣе. Количество десятинъ земли исчислено при этомъ въ 2,806 т. дес., вмѣстѣ 2,781 т. дес., т.-е. на 25,000 дес. болѣе. По отдѣльнымъ категоріямъ владѣльцевъ земель принята болѣе высокая норма доходности: для земель частныхъ владѣльцевъ (на 3,6%) и земель казны (на 8,7%), доходность же крестьянскихъ земель признана меньшею противъ признаваемой ранѣе (до статистическихъ изслѣдованій) на 298 т. р., т.-е. на 11,8%, причѣмъ по отдѣльнымъ уѣздамъ доходность принята высшая противъ прежней, по другимъ — низшая. Такимъ образомъ, измѣнилось не только участіе различныхъ уѣздовъ въ платежѣ губернскаго земельного сбора, но и различныхъ категорій владѣльцевъ. Но вслѣдъ за губернскимъ земствомъ и уѣздныя приняли новую раздѣлку для раскладки уѣзднаго налога (докладъ моск. губ. земск. управы 1881 года, № 26). Это уже представляетъ собою примѣръ 14 земствъ (13 уѣздныхъ и одного губернскаго), измѣнившихъ веденіе финансовыхъ дѣлъ подъ вліяніемъ данныхъ, собранныхъ земскими статистиками. Это представляетъ собою, въ то же время, и практическое мѣропріятіе на пользу населенія, такъ какъ, помимо глубокаго практическаго значенія болѣе уравнительной раскладки налога, самое подраздѣленіе земель на извѣстныя категоріи, въ основаніе чего легли точныя статистическія данныя, должно отразиться и на веденіи хозяйства на этихъ земляхъ.

Но, воспользовавшись статистическими изслѣдованіями для переоцѣнки земель и болѣе уравнительной раскладки налога съ нихъ, земство пошло и далѣе. Въ томъ же году была принята новая переоцѣнка фабрикъ и заводовъ губерніи. По этой новой переоцѣнкѣ, основанной на статистическихъ изслѣдованіяхъ, доходность фабрикъ, заводовъ и торгово-промышленныхъ заведеній исчислена въ 5,092 т. р., вмѣсто прежней въ 3,257 т. р., для однихъ же фабрикъ и заводовъ въ 3,656 т. руб., вмѣсто прежней въ 1,825 т. руб.; т.-е. измѣнилась ровно вдвое. И въ этомъ случаѣ по нѣкоторымъ уѣздамъ общая доходность фабрикъ понизилась, по другимъ повысилась, что повело къ болѣе равномерной раскладкѣ налога. Чтобы

судить о томъ, какія несправедливости устранены этимъ путемъ, достаточно указать, что въ въ одномъ случаѣ, напримѣръ, доходность фабрики, исчислявшаяся въ 700 р., по новой оцѣнкѣ опредѣлилась въ 13,611 р., т.-е. почти въ 20 разъ или на 1,844% выше; въ другомъ случаѣ, вмѣсто 3,996 р., она опредѣлилась въ 46,526 р. и т. д. Такихъ примѣровъ встрѣчается весьма много, хотя есть и обратные, представляющіе доходность по новой оцѣнкѣ, низшей противъ прежней, какъ, напримѣръ, вмѣсто 1,000 р., она опредѣлена въ 317 р. и т. п. И въ этомъ случаѣ оцѣнка, произведенная статистическимъ отдѣленіемъ губернскаго земства, повела къ измѣненію ея и для уѣздныхъ (докладъ 1881 г., № 22). Этотъ практическій результатъ статистическихъ изслѣдованій представляется также достаточно выразительнымъ, чтобы не быть просмотрѣннымъ.

Произведенная тѣмъ же отдѣленіемъ оцѣнка недвижимыхъ имуществъ въ городахъ также значительно измѣнила долю участія, принимавшагося отдѣльными городами въ платежъ казеннаго налога съ недвижимыхъ имуществъ.

И такъ, здѣсь имѣются налицо весьма существенныя измѣненія въ веденіи финансовыхъ и хозяйственныхъ дѣлъ земства, причѣмъ переоцѣнка земель составлена на основаніи данныхъ, заключающихся въ «толстыхъ» томахъ сборниковъ. Этотъ практическій результатъ имѣется прямо въ виду всѣми земствами при учрежденіи статистическихъ изслѣдованій, слѣдовательно, этотъ практическій результатъ не есть что-либо случайное, принятое безсознательно. Въ двухъ остальныхъ случаяхъ переоцѣнка явилась результатомъ спеціальной задачи, возложенной на статистическое отдѣленіе, что оказалось возможнымъ вслѣдствіе существующей уже организациіи его и что доказываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что статистическія изслѣдованія учреждаются не ради моды, а съ тѣмъ, чтобы предъявлять къ нимъ требованія, имѣющія существенное практическое значеніе, и пользоваться результатами изслѣдованій. Такъ земства взглянули на статистику съ самаго начала и еще по поводу 1 вып. *Сборника статистич. свѣдѣній по Московск. губ.*, т.-е. черезъ годъ послѣ начала статистическихъ работъ, извѣстный земскій дѣятель В. Ю. Скалонъ отмѣтилъ то значеніе этихъ работъ, что онѣ «съ перваго же момента могутъ служить для цѣлей земства» (*Журн. засѣданія моск. губ. земск. собр.* 11 января 1877 г.). Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, при обсужденіи доклада по народному продовольствію, прямо уже дѣлались ссылки на результаты статистическихъ изслѣдованій, причѣмъ постановлено было образовать комиссію для изслѣдованія причинъ упадка сельскаго хозяйства въ Московской губ. и изысканія средствъ для улучшенія его (*Журн. засѣданія моск. губ. земск. собр.* 11 декабря 1877 г.). Въ слѣдующую сессію земское собраніе, при обсужденіи вопроса объ осушеніи болотъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, прямо уже пользовалось данными статистическихъ сборниковъ для рѣшенія вопроса о вліяніи этихъ болотъ на хо-

зайтвенное положеніе крестьянъ, и вслѣдствіе существованія этихъ данныхъ, давшихъ возможность составить ясное, точное и полное представленіе о значеніи этихъ болотъ, земство избѣгло весьма значительнаго расхода на предпріятіе, практическая польза котораго представлялась сомнительной. Еще черезъ годъ, въ сессію 1879 года, собранію было представлено ходатайство московскаго уѣзднаго земскаго собранія о содѣйствіи крестьянамъ къ пріобрѣтенію земель. Представленный при этомъ докладъ уѣздной управы, предсѣдателемъ которой въ то время былъ В. Ю. Скалонъ, весь основанъ на результатахъ статистическихъ изслѣдованій Московской губерніи. Пренія по этому докладу повели къ передачѣ его въ комиссію по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія. Самое образованіе такой комиссіи вызвано было тою картиною упадка крестьянскаго хозяйства, которую дали статистическія изслѣдованія. Черезъ годъ комиссіа представила уже отъ себя докладъ въ томъ же смыслѣ. При этомъ практическое значеніе данныхъ, заключавшихся въ толстыхъ томахъ сборниковъ, выразилось въ томъ еще, что многіе изъ членовъ комиссіи, высказывавшіеся ранѣе противъ необходимости содѣйствія къ пріобрѣтенію земель, послѣ знакомства съ статистическими изслѣдованіями, предлагали и отстаивали именно эту мѣру. Въ концѣ-концовъ, собраніе утвердило докладъ и ассигновало 50,000 руб. на выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ для пріобрѣтенія земель. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время до 20 сельскихъ обществъ получили въ ссуду до 50,000 руб. и пріобрѣли при содѣйствіи земства болѣе 2,000 дес. земли. Но и эта мѣра не удовлетворила земство. Потребность крестьянъ въ землѣ представлялась по даннымъ сборниковъ настолько значительной, что 50,000 не могли считаться достаточными для удовлетворенія ея. Поэтому черезъ годъ послѣ того, какъ началась выдача ссудъ, губернская управа предложила собранію 1882 г. ходатайствовать о разрѣшеніи позаимствовать 100,000 руб. изъ губернскаго продовольственнаго капитала на тотъ же предметъ. Въ 1883 г. было признано, что и этой суммы недостаточно на выдачу ссудъ для пріобрѣтенія земель, и возбуждено ходатайство о распространеніи дѣйствія крестьянскаго поземельнаго банка на Московскую губернію. Въ январѣ 1885 г. было постановлено возобновить такое ходатайство, которое, наконецъ, и уважено (докладъ 1885 г., № 34). Такимъ образомъ, именно земско-статистическія изслѣдованія, именно данныя, заключающіяся въ толстыхъ томахъ сборниковъ, вызвали весьма существенное мѣропріятіе на пользу населенія, продолжали вызывать со стороны земства стремленіе расширить это мѣропріятіе и повели, наконецъ, къ распространенію на Московскую губернію дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка съ 1886 г. Всего этого нельзя не знать, обо всемъ этомъ надо помнить (вѣдь, это сообщалось въ свое время въ газетахъ и во внутреннемъ обзорѣнн той же газеты, которая ничего этого не знаетъ), когда задается вопросъ: для чего существуетъ земская статистика?

Но, помимо того, что указанное мѣропріятіе со стороны земства было вызвано прямо и непосредственно земско-статистическими изслѣдованіями, самыя правила о выдачѣ ссудъ и, наконецъ, рѣшеніе въ каждомъ данномъ случаѣ вопроса о томъ, выдавать или не выдавать просимую тѣмъ или другимъ сельскимъ обществомъ ссуду, имѣли въ своемъ основаніи тѣ же земско-статистическія изслѣдованія. Но и этою мѣрой земство не ограничилось; въ томъ же году, по докладу той же комиссіи, основывавшейся на тѣхъ же изслѣдованіяхъ, была организована выдача ссудъ на покупку улучшенныхъ сѣмянъ для крестьянъ и на организацию молочнаго хозяйства. Хотя эти двѣ мѣры не имѣли большихъ практическихъ результатовъ, но онѣ, все-таки, представляютъ собою мѣры со стороны земства на пользу населенія, вызванныя земско-статистическими изслѣдованіями, и, стало быть, свидѣтельствуютъ, что земства хорошо сознаютъ, для чего существуетъ статистика, и пользуются доставляемыми ею данными. Тогда же, на основаніи добытыхъ уже статистическими изслѣдованіями данныхъ, обращено было вниманіе на кустарные промыслы въ губерніи, результатомъ чего было учрежденіе кустарнаго отдѣла на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 года и затѣмъ торгово-промышленнаго музея кустарныхъ издѣлій въ Москвѣ, практическія послѣдствія чего не могутъ сказаться въ одинъ годъ, но, несомнѣнно, существуютъ. Въ 1882 году губернское земство руководствовалось тѣми же статистическими работами при разверстаніи суммы на пониженіе выкупныхъ платежей. Затѣмъ уже изъ году въ годъ по вопросамъ о продовольствіи населенія, по народному образованію собраніе руководилось данными статистическихъ изслѣдованій. Въ только что окончившуюся сессію 1885 года доклады по страхованію, по продовольствію, по народному образованію, по учрежденію пенсіонной кассы для учителей и учительницъ основаны на тѣхъ же трудахъ, что видно изъ самыхъ докладовъ. Стоитъ только просмотрѣть съ 1876 г. хотя за одинъ годъ журналы засѣданій губернскаго земскаго собранія и доклады, чтобы убѣдиться, что земско-статистическія изслѣдованія постоянно служатъ основаніемъ для тѣхъ или другихъ мѣропріятій, что на нихъ зачастую ссылаются. Страховое дѣло въ московскомъ земствѣ подвергается, на примѣръ, въ настоящее время коренному преобразованію всецѣло на основаніи результатовъ изслѣдованія по взаимному земскому страхованію, представляющему собою послѣдній трудъ покойнаго В. И. Орлова (VIII т. *Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ.*). На основаніи этого труда земство не только ввело иную организацию страховой агентуры, т.-е. повело дѣло совсѣмъ не такъ, какъ оно шло до статистическихъ изслѣдованій, но и принимаетъ новыя нормы оцѣнокъ застраховываемыхъ строеній, измѣняетъ страховую премію, сообразно заключающимся въ сборникѣ указаніямъ на частоту и опустошительность пожаровъ въ связи съ положеніемъ селенія, его размѣрами, занятіями населенія и т. д.

Но, помимо пользованія данными земской статистики для чисто-земских дѣлъ, по вопросамъ, вѣдаемымъ и возбуждаемымъ самимъ земствомъ, последнее прибѣгаетъ къ тому же матеріалу и въ томъ случаѣ, когда правительство обращается къ нему съ тѣмъ или другимъ запросомъ. Такъ, когда правительство выработывало новый питейный уставъ, то данныя по питейной торговлѣ, по влиянію пьянства на благосостояніе крестьянъ и т. д. были представлены московскимъ земствомъ въ томъ видѣ, какъ они были сгруппированы покойнымъ В. И. Орловымъ на основаніи тѣхъ же статистическихъ изслѣдованій. По вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, который, встаети замѣтить, врядъ ли бы даже былъ возбужденъ или получилъ такое рѣшеніе, если бы земско-статистическія изслѣдованія не освѣтили значеніе этихъ сборовъ, земства также доставили матеріалъ, заключающійся въ статистическихъ сборникахъ. По рѣшеніи этого вопроса въ правительственныхъ сферахъ, земство при разверсткѣ по уѣздамъ суммы, назначенной на пониженіе выкупныхъ платежей, также руководствовалось всецѣло статистическими данными. Изъ этихъ примѣровъ видно, что и правительство не совсѣмъ игнорировало земско-статистическія изслѣдованія и не могло обойтись безъ пользованія ими въ своихъ финансовыхъ и экономическихъ мѣропріятіяхъ. Къ этому можно добавить еще, что по вопросу о переселеніи крестьянъ коммиссія свѣдущихъ людей пользовалась также докладомъ рязанскаго земства по переселенческому движенію, — докладомъ, всецѣло основаннымъ на статистическихъ изслѣдованіяхъ В. Н. Григорьева. Нельзя игнорировать также и того обстоятельства, что учрежденіе крестьянскаго земельного банка врядъ ли бы имѣло мѣсто, если бы земско-статистическія изслѣдованія разныхъ мѣстностей, въ разныхъ полосахъ Россіи не констатировали безспорнымъ образомъ нужду въ землѣ и влияніе малоземелья. До этого момента вопросъ о малоземельи былъ фактомъ, не освѣщеннымъ настолько рельефно, чтобы не давать повода для возраженій тѣмъ, кто хотѣлъ закрывать глаза на дѣйствительность. Съ момента же констатированія его значенія безспорными данными, добытыми на мѣстахъ, безсиліе возражающихъ стало очевиднымъ. Въ рѣшеніе вопроса о фабричномъ законодательствѣ земскія санитарно-статистическія изслѣдованія также, конечно, внесли свою лепту. Относительно практическаго значенія этихъ послѣднихъ изслѣдованій можно было бы указать также многое, но мы не считаемъ себя въ правѣ сдѣлать это, такъ какъ этого рода изслѣдованія стоятъ внѣ сферы нашей компетенціи. Укажемъ, однако, что почти образцовая организація земской медицины во многихъ мѣстностяхъ Московской губерніи въ значительной мѣрѣ обусловлена тѣмъ, что даютъ для этого санитарно-статистическія изслѣдованія губерніи. Распредѣленіе лечебныхъ участковъ, различныя мѣропріятія относительно эпидемій, опредѣленіе мѣстъ для постройки лечебницъ, мѣръ для борьбы съ сифилисомъ и т. п., — все это имѣетъ въ своемъ основаніи тѣ данныя относительно

распределенія населенія, густоты его, различныхъ условій его быта, которыя заключаются въ сборникахъ статистическихъ изслѣдованій Московской губерніи, какъ по хозяйственной, такъ и санитарной статистикѣ.

Изъ этого бѣглаго перечня видно, что съ момента организаціи въ московскомъ земствѣ статистики года не проходило, чтобы какъ губернское, такъ и уѣздныя земства Московской губерніи не пользовались результатами статистическихъ изслѣдованій и, притомъ, тотчасъ же, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Только что закончено было предварительное изслѣдованіе и изображеніе условій губерніи, причѣмъ самое изображеніе явилось по преимуществу въ неудобочитаемой формѣ таблицъ, какъ земства, несмотря на эту табличную форму, тотчасъ же воспользовались и не перестаютъ пользоваться при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ «указаніями, заключающимися въ толстыхъ статистическихъ сборникахъ». На основаніи этихъ данныхъ они тотчасъ же не только измѣняютъ прежнее веденіе дѣлъ, но и принимаютъ различныя новыя мѣры. Тотчасъ же была принята новая оцѣнка по всемъ основнымъ предметамъ земскаго обложенія, тотчасъ же выбрана коммиссія для изысканія мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія, причѣмъ эта коммиссія, не въ примѣръ многимъ, работала весьма дѣятельно и черезъ годъ по избраніи ея уже принять рядъ выработанныхъ ею мѣръ, дѣйствующихъ и до сихъ поръ. Какъ только обработаны были данныя по народному образованію, тотчасъ же былъ возбужденъ вопросъ (въ сессію 1885 г.) о пересмотрѣ всей постановки дѣла начальнаго народнаго образованія въ губерніи и о преобразованіи его согласно указаніямъ, заключающимся въ IX т. *Сборника* (предложеніе гласнаго А. А. Оленина). Только что появился VIII т. *Сборника по статистикѣ земскаго страхового дѣла*, какъ уже приняты и принимаются преобразованія и въ этой сторонѣ земскаго хозяйства и опять-таки согласно указаніямъ толстаго *Статистическаго сборника*. Данныя статистики народнаго образованія, указавшія на составъ учащихся, побудили принять мѣры къ поднятію образовательнаго уровня учителей и учительницъ; статистическія данныя о составѣ училищныхъ библіотекъ вызвали мѣропріятія и въ этомъ отношеніи. Только что положено было начало текущей статистикѣ и появился сельско-хозяйственный обзоръ губерніи, какъ земство воспользовалось заключающимися въ немъ данными при рѣшеніи вопроса о размѣрѣ выдачи ссудъ на продовольствіе. Практическій результатъ этого пользованія рельефно иллюстрируется однимъ примѣромъ. Губернская управа, согласно даннымъ сельско-хозяйственнаго обзора за 1884 г., вычислила необходимую продовольственную ссуду на одинъ изъ уѣздовъ въ 24 т. р.; по донесеніямъ же волостныхъ правленій, она опредѣлялась въ 10 т. р. Въ дѣйствительности на этотъ уѣздъ пришлось израсходовать 22 т., т.-е. почти ту самую сумму, какую управа опредѣлила, пользуясь данными *Статистическаго сборника*. Какъ видимъ, и здѣсь практическій результатъ является весьма выразительнымъ.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что московское губернское земство, а также и уѣздныя изъ года въ годъ пользовались и пользуются данными земской статистики. Можно, конечно, говорить о томъ, что такое пользованіе могло бы быть болѣе значительнымъ, но, во-первыхъ, это уже совсѣмъ не то, что полное отрицаніе практической пользы земской статистики, а, во-вторыхъ, и тутъ надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство. Извѣстно, насколько тощи земскіе бюджеты вообще, насколько велика податная тягость населенія и насколько велики также земскія недоимки. Извѣстно и то, какую значительную долю обремененія земскаго бюджета представляютъ собою обязательные расходы и, слѣдовательно, какой незначительный просторъ остается для остальныхъ расходовъ. При такихъ условіяхъ какія-либо рѣшительныя мѣропріятія со стороны земствъ, требующія значительныхъ расходовъ, могутъ явиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Кромѣ того, такія мѣропріятія по самому кругу земской дѣятельности могутъ имѣть замѣтное вліяніе въ томъ только случаѣ, когда они не идутъ въ разрѣзъ съ общими государственными мѣрами и когда, притомъ, эти послѣднія касаются дѣйствительно коренныхъ причинъ упадка благосостоянія населенія. Беря въ расчетъ всѣ эти условія, по поводу которыхъ можно было бы сказать очень многое, нельзя не признать, что московское губернское земство, напр., воспользовалось и пользуется существующими при немъ статистическими изслѣдованіями почти настолько, насколько это при существующихъ условіяхъ представляется возможнымъ. Но это все касается московскаго земства, которое стоитъ во многихъ отношеніяхъ въ болѣе исключительномъ положеніи, нежели остальные, а потому намъ могутъ сказать, что примѣръ одного земства, если даже причислить сюда и 13 уѣздныхъ, которыя пользуются почти въ такой же мѣрѣ статистическимъ матеріаломъ, мало убѣдительно. Но, во-первыхъ, мы останавливаемся на московскомъ земствѣ только какъ на наиболѣе знакомомъ намъ. Кромѣ того, примѣръ этого земства во всякомъ случаѣ вполнѣ отрицаетъ тѣ упреки, которые приведены раньше. Затѣмъ полное обслѣдованіе губерніи до сихъ поръ произведено лишь въ одной Московской губ. и потому только здѣсь и возможно было болѣе разнообразное пользованіе статистическими данными. Наконецъ, если ограничиться даже только отрывочными газетными свѣдѣніями, то и тогда можно указать не мало примѣровъ пользованія для практическихъ цѣлей результатами статистическихъ изслѣдованій и со стороны другихъ земствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы уже указали на примѣръ черниговскаго земства и можемъ добавить къ этому, что тамъ самая программа и планъ изслѣдованій намѣчается особою комиссіей, въ составъ которой входятъ представители земской управы, которые хотя бы только этимъ путемъ, но, все-таки, знакомятся съ результатами изслѣдованій, что не можетъ не вліять и на ихъ земскую дѣятельность. Въ дѣйствительности же, коль скоро представители земства настолько заинтересованы въ статистическихъ изслѣдова-

ніяхъ, что принимаютъ въ нихъ почти непосредственное участіе, то это уже одно доказываетъ, что они дѣйствуютъ такъ не изъ моды, а ради практическихъ земскихъ цѣлей. То же приходится сказать о херсонскомъ земствѣ. Напомнимъ еще, что когда черниговское губернское земство прекратило было изслѣдованіе губерніи, образовавшійся составъ статистиковъ продолжалъ работать не въ одномъ Борвенскомъ уѣздѣ по приглашенію уѣздныхъ управъ. Наконецъ, при возобновившейся организаціи губернскихъ земско-статистическихъ изслѣдованій Черниговской губерніи, нѣкоторыя уѣздныя земства дѣлали добавочныя затраты на статистику ради собиранія необходимыхъ для нихъ свѣдѣній, не вошедшихъ въ общую программу изслѣдованія по губерніи. Всего этого не могло бы быть, если бы уѣздныя земства въ данномъ случаѣ не имѣли въ виду достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, и все это, въ то же время, было легко узнать, заглянувъ въ толстые томы сборниковъ по Черниговской губерніи, чего, очевидно, смѣлый публицистъ, о которомъ говорено выше, не сдѣлалъ, разсыпая земскимъ дѣятелямъ упреки въ незнакомствѣ съ статистическими сборниками и въ отсутствіи пользованія результатами изслѣдованій. Пермское земство, гдѣ изслѣдованіе организовано по другому типу, отличающемуся и отъ московскаго, и отъ черниговскаго, когда ему потребовалось выяснитъ причины ежегодныхъ дефицитовъ въ урожаѣ и вообще бѣдственнаго положенія Енапаевской волости и потребовалось это сдѣлать прямо для практическихъ цѣлей, также поручило произвести мѣстное изслѣдованіе своему статистическому отдѣленію. Это также въ свое время можно было знать изъ газетъ и это также доказываетъ, что земства понимаютъ практическое значеніе статистическихъ изслѣдованій и пользуются ими. Въ курскомъ земствѣ работы статистическаго бюро тоже служатъ уже не первый годъ для рѣшенія продовольственныхъ вопросовъ и въ послѣднюю сессію земскаго собранія докладъ управы по вопросу о продовольствіи населенія основанъ на трудахъ того же бюро (*Русскія Вѣдомости* 1885 г., № 353). Въ воронежскомъ земствѣ, гдѣ изслѣдованія производились два года и гдѣ изслѣдовано пока еще два уѣзда, въ земское собраніе уже вносится и принимается предложеніе о собираніи текущихъ статистическихъ данныхъ по изученнымъ уже уѣздамъ (тамъ же, № 354), что опять-таки указываетъ на признаніе практическаго значенія за изслѣдованіями. То же принято въ орловскомъ земствѣ, гдѣ изслѣдованія производятся первый годъ и лишь обработаны матеріалы по одному уѣздѣ. Самарское земство еще въ 1884 г. ассигновало особую сумму на организацію текущей статистики въ дополненіе къ общему изслѣдованію губерніи. А всѣ данныя текущей статистики по вопросамъ хозяйственнымъ прямо необходимы какъ основанія для практическихъ мѣропріятій и это представляетъ единственную цѣль, съ какою земства основываютъ текущую статистику. Въ Вятской губерніи земство тотчасъ же воспользовалось трудомъ Н. Н. Романова по изслѣдо-

ванію земскихъ раскладокъ, представляющимъ собою одинъ изъ первыхъ земско-статистическихъ трудовъ. Въ казанскомъ земствѣ, гдѣ статистическія изслѣдованія тоже почти только что начаты, организована уже текущая сельско-хозяйственная статистика въ виду насущной потребности въ ней земства при рѣшеніи вопроса о продовольствіи. Все это не только свидѣтельствуеетъ о практической важности для земствъ въ ихъ собственномъ сознаніи статистическихъ изслѣдованій, но и указываетъ на нѣчто другое еще. Мы видимъ, что земства сознаютъ особое значеніе статистическихъ данныхъ при рѣшеніи вопросовъ о продовольствіи. Конечно, странно было бы не пользоваться въ этомъ вопросѣ такимъ матеріаломъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, продовольственный капиталъ не есть земскій капиталъ: въ томъ или другомъ его употребленіи большинство изъ земскихъ дѣятелей прямо и непосредственно не заинтересовано. Слѣдовательно, если здѣсь они считаютъ нужнымъ пользоваться трудами статистиковъ, то въ вопросахъ, ближе касающихся ихъ интересовъ, они тѣмъ болѣе не могутъ игнорировать эти труды. И дѣйствительно, то же казанское земство весьма горячо отнеслось къ трудамъ статистическаго отдѣленія по оцѣнкѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Положимъ, оно не согласилось съ этою оцѣнкой вслѣдствіе сильнаго протеста гласныхъ г. Казани, которымъ показалась оцѣнка домовъ въ Казани слишкомъ высокою, но въ этомъ случаѣ никто уже, конечно, не можетъ заподозрить гласныхъ въ отсутствіи пониманія практическихъ результатовъ статистическихъ трудовъ. Но то же земство воспользовалось трудами статистической экспедиціи 1883 г. и продовольственно-экономическая комиссія его, на основаніи ихъ, представила земскому собранію цѣлый докладъ о средствахъ къ поднятію кустарныхъ промысловъ въ Казанской губерніи. Та же комиссія воспользовалась данными трудовъ для доклада объ экономическомъ разстройствѣ губерніи и докладъ этотъ принятъ земскимъ собраніемъ (*Волжскій Вѣстникъ* 1885 г., № 291).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что даже земства, гдѣ статистическія изслѣдованія существуютъ лишь годъ, два, три, слѣдовательно, почти только что начаты, тотчасъ же пользуются результатами ихъ для практическихъ мѣропріятій разнаго рода.

И все это не трудно видѣть изъ простаго бѣглаго перечня, руководствуясь почти только отрывочными газетными сообщеніями. Независимо отъ всего этого, самая уже горячность нападокъ на статистику, появляющихся отъ времени до времени въ земскихъ собраніяхъ, о чемъ своевременно сообщается въ газетахъ, свидѣтельствуеетъ, что статистика дѣйствительно имѣетъ практическое значеніе, иначе бы она отвергалась или принималась съ гораздо болѣшимъ хладнокровіемъ. Да и самый вопросъ о томъ, для чего существуетъ земская статистика, несмотря на всю неосновательность сдѣланной постановки его, могъ явиться лишь потому, что существующія уже, на основаніи статистическихъ трудовъ, практиче-

скія мѣропріятія со стороны земствъ вызываютъ стремленіе подвести итоги дѣятельности земствъ въ этомъ отношеніи.

Но подвести эти итоги совѣтъ не такъ легко, какъ представляется съ перваго взгляда. Ихъ нельзя измѣрять одними только видимыми результатами. А, между тѣмъ, все указанное нами представляетъ собою именно только видимые, такъ сказать, осязательные результаты, которые невозможно проглядѣть каждому, кто сколько-нибудь внимательно слѣдилъ и слѣдитъ за земскимъ дѣломъ, хотя бы только по газетамъ. Ближайшее же знакомство съ дѣломъ указываетъ и на другія послѣдствія, которыя невидимы, неосязаемы, не бросаются въ глаза, не сообщаются въ газетахъ, не могутъ быть подсчитаны и съ точностью опредѣлены, но, несомнѣнно, существуютъ. Эта практическая сторона сказывается въ тѣхъ безпрестанныхъ справкахъ, за которыми обращаются разныя правительственныя, общественныя, частныя учрежденія и лица въ статистическія отдѣленія управъ. Казенныя палаты, податные и фабричныя инспектора обращаются за свѣдѣніями о числѣ фабрикъ, заводовъ, торгово-промышленныхъ заведеній, за данными объ оцѣнкѣ ихъ и т. п., военный штабъ справляется о количествѣ заливныхъ луговъ и объ урожайности ихъ, нотаріусъ спрашиваетъ о разстояніи до такой-то или такой-то пустоши, студентъ, нуждающійся въ свидѣтельствѣ о бѣдности, обращается, по указанію полиціи, за справкой относительно принадлежности или непринадлежности лицу земельного имущества, членъ дворянскаго или крестьянскаго земельного банка справляется о цѣнности, положеніи земель, торговецъ—за свѣдѣніями о торговыхъ фирмахъ и т. д., и т. д. Канцелярія управы, члены управы, какъ губернской, такъ и уѣздныхъ, также постоянно пользуются тѣми или другими статистическими данными для выясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ, для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ при исполненіи тѣхъ или другихъ постановленій собранія. Все это работа, совершающаяся внутри стѣнъ канцеляріи, все это справки, никому, кромѣ получающихъ и дающихъ ихъ, невидимыя, незамѣтныя, но все это несомнѣнные практическіе результаты и настолько существенные, что прекратись сегодня дѣятельность статистическаго отдѣленія тамъ, гдѣ оно существуетъ и упростилось, уничтожись сборники, и земство почувствуетъ отсутствіе тѣхъ основаній, которыми руководствуется оно въ своихъ предначертаніяхъ и при исполненіи этихъ предначертаній.

Но и указанное, такъ сказать, справочное значеніе статистическихъ изслѣдованій, которыми въ этомъ смыслѣ пользуется и администрація, и члены управъ, и гласные, чему можно быть свидѣтелемъ, присутствуя на земскихъ собраніяхъ, опять-таки не опредѣляетъ еще всего пракческаго значенія земско-статистическихъ изслѣдованій. Каждому, знающему дѣло, ясно, что нельзя измѣрять это значеніе только тѣмъ, относительно чего прямо указано, что это вотъ принимается на основаніи такихъ-то и такихъ-то статистическихъ данныхъ. Каждому понятно, что земство, имѣя

статистическія изслѣдованія, при рѣшеніи того или другаго вопроса, при выработкѣ той или другой мѣры, волей - неволей опирается на то, что ему извѣстно. И вотъ здѣсь, въ томъ, *что* оно знаетъ и *какъ* знаетъ, имѣютъ большое практическое значеніе земско-статистическія изслѣдованія. Всѣ они касаются самыхъ основныхъ вопросовъ земскаго хозяйства и земскаго вѣдѣнія, всѣ они измѣняютъ представленіе о дѣйствительности по столыку, по скольку оно было не точно и основывалось на данныхъ, подлежащихъ непосредственному наблюденію того или другаго лица и касающихся какой-либо отдѣльной мѣстности. Этими послѣдними данными нельзя уже ограничиваться, ими одними нельзя уже руководиться въ своихъ сужденіяхъ о дѣйствительности, нельзя уже потому, что самое представленіе о послѣдней измѣнилось, стало болѣе полнымъ, всестороннимъ подѣ влияніемъ статистическихъ изслѣдованій. А въ такомъ случаѣ, если даже не происходитъ ссылки на статистическія труды, послѣдніе уже проявляютъ свои практическія послѣдствія, вліяютъ на ходъ дѣла, на сужденія, на мѣропріятія. Въ этихъ случаяхъ измѣрить практическія результаты совсѣмъ нельзя, но они, несомнѣнно, существуютъ. Существуютъ даже тогда, когда значительная часть гласныхъ незнакома съ самыми сборниками, такъ какъ о результатахъ статистическихъ изслѣдованій сообщается въ газетахъ, журналахъ; каждая толковая газета, каждый солидный журналъ не только на основаніи ихъ помѣщаютъ спеціальныя статьи, но и въ своихъ руководящихъ статьяхъ, въ своихъ сужденіяхъ объ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ нашего быта пользуются земско-статистическими изслѣдованіями. Все это болѣе или менѣе читается и воспринимается или лицами, состоящими гласными, или будущими гласными и все это такимъ путемъ имѣетъ свои практическія результаты. Все это вліяетъ такъ или иначе и на земскую дѣятельность, и на правительственныя мѣропріятія. Наконецъ, не надо забывать и того, что труды эти изучаются, читаются учащеюся молодежью, т.-е. будущими общественными дѣятелями, ими пользуются и при различныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ по вопросамъ русской жизни, и этимъ путемъ они опять проходятъ въ жизнь. Все это надо имѣть въ виду и не ставить вопроса такъ, какъ онъ поставленъ въ статьѣ *Пропашій трудъ*. Если ставить вопросъ такимъ образомъ, то можно подвергнуть сомнѣнію вообще практическую пользу всякой статистики, а между тѣмъ, въ каждомъ учебникѣ по послѣдней говорится о томъ, что «еще въ древности» и т. д., а, вѣдь, теперь уже послѣдняя четверть XIX в. отъ Р. X. Такъ, пожалуй, можно отрицать и практическое значеніе изученія исторіи или географіи, примѣръ чего, впрочемъ, и констатированъ въ русской литературѣ.

Такимъ образомъ, если бы даже нельзя было привести ни одного осязательнаго примѣра практическихъ результатовъ земско-статистическихъ изслѣдованій, то и тогда было бы, по меньшей мѣрѣ, смѣло утверждать, что такія изслѣдованія представляютъ «пропашій трудъ» съ практической

точки зрѣнія и что земства не руководствуются ими вовсе. Что же надо сказать въ томъ случаѣ, когда всё отрицанія примѣровъ основаны на одномъ лишь грубомъ невѣдѣніи того, что дѣлается, когда смѣлый публицистъ выходитъ на поученіе публики, не озаботившись предварительно навести хотя маленькую справочку о томъ, дѣйствительно ли онъ можетъ категорически отрицать существованіе тѣхъ результатовъ, которыхъ онъ и не подозрѣваетъ? Не есть ли это высшая степень неуваженія къ печатному слову и къ своимъ читателямъ, не говоря уже о характерѣ отношенія къ тому предмету, котораго касается такой публицистъ?

Иное дѣло, если бы, вмѣсто голословнаго и противорѣчающаго истинѣ утвержденія, что вся земская статистика представляетъ собою пропащій трудъ, провозглашающій это публицистъ указалъ бы, что практическіе результаты, при бѣльшемъ вниманіи къ земскимъ трудамъ, могли бы быть болѣе значительны. Тогда бы, конечно, можно было согласиться съ нимъ, что они изучаются мало, что ихъ не знаютъ подчасъ даже и тѣ, которые пишутъ о нихъ (въ этомъ, впрочемъ, съ нимъ можно согласиться и теперь), что ими пользуются далеко не всё, кому бы слѣдовало, и т. д., и т. д. Но и тутъ нужно имѣть въ виду, что полное пользованіе статистическими изслѣдованіями возможно лишь тогда, когда имѣется налицо уже всестороннее изслѣдованіе данной мѣстности, тогда только можно опредѣлить относительную важность и значеніе разныхъ условій и принять соотвѣтственно съ этимъ тѣ или другія мѣры. Кроме того, практическіе результаты не могутъ быть и въ этомъ случаѣ измѣряемы лишь тѣмъ, что сдѣлано теперь, такъ какъ чѣмъ долѣе существуютъ статистическія изслѣдованія данной мѣстности, чѣмъ полнѣе она изслѣдована, тѣмъ болѣе и болѣе возрастаетъ практическое значеніе такихъ изслѣдованій. Только при полномъ и всестороннемъ изслѣдованіи всей губерніи, напр., возможна правильная организація текущей статистики по всей губерніи, правильная регистрація цѣлой массы явленій, относящихся къ области земской дѣятельности, правильное выясненіе измѣненій, совершающихся въ жизни народа, правильное сужденіе о направленіи въ этихъ измѣненіяхъ и, слѣдовательно, принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ. Имѣя это въ виду, каждому, кто указалъ бы на малую долю практическихъ результатовъ земско-статистическихъ изслѣдованій въ настоящій моментъ, можно отвѣтить, не рискуя ошибиться, что результаты эти нельзя измѣрять однимъ настоящимъ временемъ, что констатированіе того, что есть теперь, будетъ имѣть свое практическое значеніе и черезъ десять лѣтъ, такъ какъ и тогда нельзя будетъ обойтись безъ данныхъ, относящихся къ настоящему времени, для того, чтобы опредѣлить, какъ измѣняются явленія общественной жизни, какое теченіе принимаютъ они, какое вліяніе оказываютъ тѣ или другія мѣропріятія. Имѣй мы за время существованія крѣпостнаго права такого же рода изслѣдованія, какія представляетъ современная земская статистика, мы могли бы теперь точно измѣрить,

какія измѣненія произошли въ народной жизни за 25 лѣтъ, протекшихъ съ отиѣны крѣпостнаго права. Начни земскія учрежденія свою дѣятельность съ статистическаго изслѣдованія того, что подлежитъ ихъ воздѣйствію, многія ошибки въ ихъ дѣятельности не имѣли бы мѣста и самая дѣятельность ихъ была бы болѣе плодотворна. Лучшія изъ земствъ поняли это весьма скоро и нѣкоторыя изъ нихъ почти съ самаго начала предприняли попытки ознакомленія съ мѣстными условіями путемъ статистическихъ изслѣдованій. Въ московскомъ губернскомъ земствѣ, напр., вопросъ объ этомъ поднимался еще въ 1866 г. (въ засѣданіи собранія 10 марта), т.-е. на другой же годъ по открытіи дѣятельности земствъ, и единогласно было принято постановленіе объ организаціи статистическаго комитета при управѣ. Въ 1869 г. былъ уже сдѣланъ опытъ статистическаго изслѣдованія губерніи, пока, наконецъ, съ 1875 г. это дѣло не упрочилось окончательно. Въ тверскомъ земствѣ статистическія изслѣдованія существуютъ также уже 15 лѣтъ и преслѣдовали долгое время почти исключительно чисто-практическія цѣли, что, однако, при отсутствіи общаго описанія губерніи оказалось не цѣлесообразнымъ, такъ что и тамъ пришли къ заключенію о необходимости предварительнаго общаго изслѣдованія основныхъ факторовъ народной жизни. Но такого изслѣдованія еще нѣтъ и, слѣдовательно, и здѣсь полнаго практическаго значенія статистическія изслѣдованія еще не могли получить. Отсюда не трудно видѣть, что если практическіе результаты земской статистики и не столь велики, какъ могли бы быть, то причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что статистическія изслѣдованія въ ихъ настоящемъ видѣ существуютъ еще сравнительно недавно, большинство губерній еще далеко не изслѣдовано, текущая же земская статистика только что получила свое начало и, слѣдовательно, для полнаго проявленія практическихъ послѣдствій земской статистики не было еще благопріятныхъ условій. Остается, стало быть, пожелать, чтобы дѣло земской статистики крѣпло и расло; тогда будетъ прогрессивно возрастать и ея значеніе для жизни.

Н. Кабуковъ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ АНАБАПТИЗМА *).

У.

Мюнцеръ простился съ Цвиккау въ концѣ апрѣля 1521 года и, до прибытія въ Виттенбергъ, нѣкоторое время путешествовалъ по средней Германіи «слова ради», какъ онъ писалъ одному изъ своихъ друзей **).

Предъидущая его дѣятельность уже составила ему нѣкоторую извѣстность, и потому всюду къ нему примыкали люди изъ партіи движенія. Въ сентябрѣ того же года мы видимъ его въ Богеміи и именно въ Заацѣ, гдѣ ютились «богемскіе братья» или, какъ ихъ тогда называли, «пикарды». Тутъ были и другія подобныя секты, искавшія здѣсь убѣжища отъ преслѣдованій. Слухи о Лютерѣ достигли уже и сюда; всѣ ждали, что нѣмцы будутъ содѣйствовать поднимавшемуся религіозному движенію. Такимъ образомъ, эта мѣстность вообще давала, повидимому, хорошую почву для религіозной пропаганды и агитаціи. Вслѣдствіе этого неудивительно, что Мюнцеръ былъ сначала принятъ въ Богеміи хорошо. Это обстоятельство дало ему смѣлость дѣйствовать прямо и открыто. Уже 1 ноября въ Прагѣ появляется его *Anschlag*, гдѣ онъ, объявляя, что онъ не могъ научиться истинной вѣрѣ отъ монаховъ и поповъ, излагаетъ свои взгляды на откровеніе Божіе и на изученіе слова Божія и грозитъ наказаніемъ всѣмъ, обманывающимъ народъ. Довольно многословный и спутанный по слогу, этотъ документъ отличается рѣзкостью по мысли, но это еще не революціонная прокламація. Затѣмъ, въ концѣ ноября Мюнцеръ издаетъ въ Прагѣ свой манифестъ, обращенный къ жителямъ Богеміи. Въ этомъ манифестѣ уже вполне сказались радикальные взгляды Мюнцера. Онъ пишетъ: «Возлюбленные братья Богеміи! Я хочу согласно съ великимъ поборникомъ Христа, Іоганномъ Гусомъ, огласить храмъ новымъ гимномъ. Горе живымъ священнослужителямъ, не признававшимъ никогда сущно-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

**) *Seidemann*, 122.

***) *Ibid.* Beil. 14.

сти христіанства! Самъ Богъ проклинаетъ ихъ и ихъ кражу его слова и придетъ судить ихъ, такъ какъ они обманывали Его народъ. Въ самомъ скоромъ времени обрушится на нихъ страшный гнѣвъ Божій за то, что они оскверняли цѣль вѣры—свободу; а они должны были бы быть твердою стѣной для народа Божія. Евангелія ради, разгромить Онъ ихъ Своимъ громомъ, такъ какъ никто въ мірѣ не вредитъ такъ святому духу и живому слову, какъ бесполезные священнослужители христіанъ. Долго голодали и жаждали люди святой справедливости и сбылось на нихъ пророчество Іереміи: «Дѣти просили хлѣба и никто не далъ имъ его». Эти несправедливые, нечестные домоправители подобны аистамъ, жадно собирающимъ въ поляхъ и лужахъ лягушекъ, чтобы высыпать ихъ въ гнѣзда своимъ дѣтенышамъ; такъ они собираютъ слово Божіе изъ книгъ, проглатываютъ сырыя буквы и набиваютъ ими желудки. Они не знаютъ, что означаетъ Богъ, вѣра, христіанская добродѣтель, добрая дѣла. Вѣчно ссылаются они на мертвую букву. «Такъ сказалъ Христосъ, такъ у Павла, такъ у апостоловъ», говорятъ они, вмѣсто стремленія убѣдиться разумомъ. Нелѣпый обычай бросать ищущимъ и вопрошающимъ мертвую букву введенъ лѣнью священнослужителей. Полный скорби и состраданія, оплакиваю я отъ всей души гибель истинной церкви Божіей. Среди ея развалинъ христіанство не видитъ египетской тьмы, охватившей его. Болѣе Господь не можетъ наказать церковь, развѣ только стереть ее съ лица земли. Я часто и много читалъ исторіи древнихъ отцовъ; я находилъ церковь не запятнанной и дѣвственной послѣ смерти непосредственныхъ учениковъ апостольскихъ. Запятнана и осквернена она была среди ремесленничества и торгашества невѣрныхъ, приносящихъ жертвы священнослужителей. Когда народъ отказался отъ избранія священниковъ, тогда начался обманъ, тогда перестало ученіе церкви соотвѣтствовать слову Божію. Оно вдалось въ дѣтскіе крики, въ фантастическія обрядности, во все, достойное грудныхъ ребятъ. Не радуйтесь! Всходы вашихъ полей склоняются и бѣлѣютъ, готовые для жатвы. Небо наняло меня въ поденщики по грошу въ день и я точу свой серпъ, чтобы жать колосья. Голосъ мой возвѣститъ величайшую истину и уста мои проклянутъ безбожниковъ, для обличенія и истребленія которыхъ я переступилъ ваши границы, о, возлюбленные божескіе братья! Я стремлюсь только къ тому, чтобы вы восприняли живое слово, въ которомъ я живу и дышу, чтобы оно не было бесплоднымъ. Не мѣшайте и помогите мнѣ, чтобы ваши молебствующие священнослужители утрапились. Я обещаю вамъ великія почести и славу. Здѣсь возникнетъ и распространится въ мірѣ апостольская церковь. Спѣшите же на встрѣчу не мнѣ, я не ищу отъ васъ никакой пользы, но ея слову, распространеніе котораго будетъ быстро. Церковь молится не нѣмому Богу, но живому и говорящему. Если я союгу въ живомъ словѣ Господа, исходящемъ нынѣ изъ моихъ устъ, то пусть постигнетъ меня

участъ Иереміи, и я самъ отдаю себя на муки въ настоящей и будущей жизни» *). Въ наше время какъ-то непривычно читать воззванія, написанныя съ такою рѣзкостью; но, какъ мы уже указали, въ то время и языкъ Лютера отличался не меньшею грубостью; этотъ тонъ былъ въ духѣ времени, это былъ тогдашній «способъ выраженія». Тѣмъ не менѣе, нужно было имѣть немало рѣшимости, чтобы обратиться съ подобнымъ манифестомъ даже и въ то время, къ чужому народу, въ чужой странѣ. «Но,—говоритъ Циммерманъ,—Мюнцеръ—вполнѣ юноша, полный довѣрія къ себѣ, безрасудно-отважный юноша; у него нѣтъ ничего, кромѣ самого себя, вѣры въ свое предназначеніе и убѣжденія, что настало время дѣйствовать **). Только съ этою вѣрой и можно было вести ту жизнь, которую велъ онъ, безъ отдыха, среди нужды, безъ своего угла. Но Мюнцеръ обманулся въ своихъ расчетахъ; его манифестъ встрѣтилъ въ Прагѣ не только ревнивый отпоръ со стороны каликстинцевъ, но даже навлекъ на автора гоненіе. Вліятельные люди въ Прагѣ испугались и рѣчей Мюнцера, и его самого: здѣсь могли мечтать о реформаціи, но революція вызывала только страхъ. Мюнцеръ долженъ былъ удалиться изъ города.

Отправившись въ дальнѣйшее путешествіе, Мюнцеръ посѣтилъ Бранденбургъ, потомъ въ 1522 году Виттенбергъ, гдѣ и произошли уже извѣстные намъ безпорядки, куда дважды долженъ былъ являться Лютеръ для усмиренія волненія. Здѣсь Мюнцеръ тѣсно сблизился съ Карлштадтомъ, окончательно порвалъ связь съ Лютеромъ и удалился въ Нордгаузенъ. Въ 1523 году онъ получилъ мѣсто священника въ маленькомъ городкѣ Алшtedтѣ въ Тюрингіи. Онъ нашелъ въ городкѣ преданную ему паству и товарища по службѣ, Симеона Гаферица, раздѣлявшаго его убѣжденія. Мало того, онъ нашелъ здѣсь семейное счастье съ любимою подругой жизни, монахиней, оставившей монастырь ***). Но, несмотря на возможность устроиться здѣсь болѣе или менѣе спокойно, несмотря на свою женитьбу, Мюнцеръ продолжалъ стремиться къ агитаціи, стараясь теперь, главнымъ образомъ, подорвать авторитетъ Лютера, чтобы добиться широкихъ реформъ. Никогда не сознавалъ Мюнцеръ такъ ясно, какъ теперь, что Лютеръ является не только самымъ главнымъ, но и самымъ сильнымъ врагомъ этихъ реформъ; значить, прежде всего, нужно было подорвать его авторитетъ, развѣнчать и свергнуть его съ пьедестала. Этимъ и занялся теперь Мюнцеръ. Тайныя типографіи печатали его летучіе листки, тайные агенты разносили ихъ повсюду; эти же агенты вербовали ему сообщниковъ; въ самомъ Алшtedтѣ онъ вводилъ реформы. Лютеру доносилось обо всемъ и онъ, властный, распоряжающійся дѣлами церкви, обуздывающій увлеченія забѣгавшихъ слишкомъ далеко новаторовъ, потребовалъ Мюнцера къ отвѣту въ Виттенбергъ. Мюнцеръ не явился.

*) *Seidemann*, 122.

**) *В. Циммерманъ*, I, 180.

***) *Seidemann*, 21—22.

Тогда Лютеръ, по своему обыкновенію, обратился съ жалобой къ властямъ. Власти колебались: курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый оказывался всегда нерѣшительнымъ, когда приходилось быть судьей въ религиозныхъ спорахъ; ему все казалось, что онъ въ этихъ случаяхъ идетъ противъ самого Бога. Народъ же стекался въ Алштедтъ слушать проповѣди Мюнцера, какъ на богомолье.

Въ началѣ 1524 года въ алштедтскій замокъ прибыли самъ курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый и его братъ, герцогъ Іоаннъ. Мюнцеръ воспользовался случаемъ, чтобы сказать передъ ними проповѣдь и призвать ихъ къ себѣ на помощь. Именно въ это время у него еще было горячее убѣжденіе, что въ борьбѣ противъ старыхъ золь должны участвовать всѣ. «Правителей и господъ нужно также приглашать вступать въ союзъ. Должно братски вспоминать о нихъ. Изгонять и убивать ихъ слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если бы они отказались вступить въ союзъ и сдѣлаться гражданами новаго царства». «Драгоценные и любезнѣйшіе правители,—говорилъ онъ курфюрсту Фридриху и герцогу Іоанну,—если вы видите и понимаете бѣдствія христіанства, то вами должно овладѣть такое же рвеніе, какъ царемъ Іиуемъ. Поэтому долженъ возстать новый Даниилъ и показать вамъ откровеніе и пророкъ. Этотъ долженъ, какъ учить Моисей, стать во главѣ народа. Онъ примиритъ гнѣвъ государей и негодующаго народа. Господь говоритъ: «Я пришелъ не съ миромъ, а съ мечомъ». Но на что вамъ мечъ? На то, чтобы истреблять и удалять злыхъ, препятствующихъ Евангелію; вотъ что вы должны дѣлать, если хотите служить Богу. Христосъ воистину приказалъ: «Возьмите моихъ враговъ и умертвите ихъ предо мною!» *). За что? А за то, что они испортили правленіе Христа. Противящихся откровенію Божію слѣдуетъ истребить безъ всякой пощады, какъ истребили Гискій, Іосія, Даниилъ и Ілія жрецовъ Вааловыхъ; иначе христіанская церковь не возвратится къ прежнему положенію своему. Необходимо во время жатвы вырвать дурную траву изъ вертограда Божія. Богъ сказалъ: «Не жалѣйте безбожниковъ, разбейте алтари ихъ, разсѣйте идоловъ ихъ и сожгите ихъ, дабы Я не разгнѣвался на васъ!» **). Въ этомъ духѣ была проповѣдь Мюнцера въ алштедтскомъ замкѣ. Онъ убѣждалъ истребить идолослуженіе и ввести силу Евангеліе. «Если государи не истребятъ безбожниковъ, то Богъ отниметъ у нихъ мечъ. Вся община имѣетъ силу меча, который хочетъ править самъ, и ему дана вся власть на небѣ и на землѣ. Земля полна тщеславными лицемѣрами и нѣтъ ни одного смѣлаго человѣка, который рѣшился бы высказать истину. Указывая въ очень прозрачныхъ и рѣзкихъ намекахъ на нерѣшительность и лицемеріе Лютера, подразумевая его подъ именемъ «тихони» и «откорм-

*) *Ев. отъ Луки*, 19, 27.

**) *Циммерманъ*, I, 181—182.

ленной свиньи», Мюнцеръ требовалъ не полумѣръ, а радикальнаго переворота *). Намъ странно теперь читать эти обращенія къ князьямъ и властителямъ, призывающія ихъ самихъ [принять горячее участіе въ дѣлѣ оттачиванія оружія противъ нихъ же. Но таковы были тогда времена: мы указывали, что говорилъ Лютеръ о князьяхъ и властителяхъ, а, между тѣмъ, въ ихъ средѣ нашлись искренніе его друзья. Вслѣдствіе этого нечего удивляться наивности Мюнцера и нечего удивляться снисходительности его слушателей-князей. Нерѣшительный курфюрстъ не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ Мюнцера послѣ проповѣди послѣдняго, не посадилъ его въ тюрьму, не изгналъ изъ города. Можно даже было думать, что смѣлая выходка сошла совершенно безнаказанно для проповѣдника. Но гроза была уже близка. Лютеру пересылали печатаемыя Мюнцеромъ брошюры и доносили о преслѣдованіи иконъ, начатомъ Карлштадтомъ въ Орламюнде, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто Карлштадтъ. Дошла до Лютера и проповѣдь Мюнцера. Она не могла не возмутить великаго реформатора, оберегавшаго свое собственное дѣло отъ всякихъ крайнихъ выходокъ. Молчать Лютеръ не могъ. Онъ писалъ: «Кулакамъ воли не давать или вонъ изъ государства! Вотъ что должны сказать государи пророкамъ. Дьяволъ дѣйствуетъ черезъ смятеніе умовъ». Меланхтонъ писалъ: «Они обращаютъ Евангеліе на служеніе мірской политикѣ». Правители волей-неволей должны были уступить. Они запретили Мюнцеру печатать его летучіе листки и въ маѣ 1524 года призвали его къ отвѣту въ Веймаръ. Мюнцеръ выпутался на этотъ разъ довольно счастливо. Но уже въ іюнѣ близъ Алштедта въ Малдербахѣ произошло новое тревожное событіе; возмутившійся народъ сжегъ часовню, гдѣ было чудотворное изображеніе св. Маріи. Во время борьбы противъ иконъ вообще борьба противъ чудесъ, совершаемыхъ иконами, конечно, была еще ожесточеннѣе и фактъ сожженія этой часовни не былъ единичнымъ, не могъ быть приписанъ исключительно вліянію Мюнцера. Но теперь ему все уже ставилось на счетъ. Въ то же время, разнеслись слухи, что Мюнцеръ основалъ тайный союзъ, что заговоръ охватилъ всю Тюрингію, что предполагается истребить папистовъ и власти. Этотъ слухъ не былъ ложью. Въ Мюнцерѣ произошелъ извѣстный переворотъ; какъ послѣ посѣщенія Виттенберга, онъ убѣдился, что нельзя надѣяться на Лютера, что, прежде всего, нужно пошатнуть его авторитетъ, такъ послѣ встрѣчи съ курфюрстомъ и его братомъ Мюнцеръ убѣдился, что ему нечего надѣяться и на правителей. Теперь онъ уже понималъ, что правители и господа никакъ не стануть дѣйствовать съ нимъ за одно, и уже прямо взывалъ къ народу и только къ народу: «Любезные товарищи, я хочу порасширить дыру, чтобы весь міръ могъ черезъ нее увидѣть и понять, каковы наши большіе Иваны, что это за гадкія

*) *Koestlin*: „Martin Luther“, 1875. I, 709.

чучела». Онъ пишетъ, что Богъ говорить его устами, что онъ поставленъ надъ людьми и царствами, чтобы онъ «кололъ, разбивалъ и опустошалъ, сооружалъ и сѣялъ». «Міру приходится выдержать великій ударъ; начнется игра, которая ниспровергнетъ безбожныхъ съ престола и возвыситъ униженныхъ» *). Опасность отъ подобныхъ воззваній была велика. Это долженъ былъ сознавать даже курфюрстъ саксонскій. Дѣло шло не о религіи, а прямо о политической революціи.

Мюнцеръ долженъ былъ снова явиться 1 августа въ Веймаръ на допросъ. Этотъ допросъ, должно быть, былъ тяжелъ: изъ залы совѣта Мюнцеръ вышелъ блѣдный, какъ мертвецъ. Изъ замка вышли каноники, смѣясь надъ нимъ; мальчишки-копюхи кричали ему: «Гдѣ же твой духъ и твой Богъ?» Алштедтскій амтманъ Гансъ Цейсъ спросилъ его: «Ну, что?»— «Да то,—отвѣтилъ Мюнцеръ,—что мнѣ приходится отправиться въ другое государство». И онъ направился въ Алштедтъ, питая надежду на поддержку горожанъ. Однако, Алштедтъ не вступился за своего проповѣдника; преданъ ему былъ только простой народъ; бюргеры, смущенные и испуганные, требовали его удаленія. Была минута, когда Мюнцеръ думалъ еще остаться въ городѣ и защищаться вооруженною силой, если на него нападутъ; онъ даже вооружился для этой цѣли; но онъ тотчасъ же понялъ невозможность борьбы и направился въ Мюльгаузенъ. Едва онъ прибылъ туда, какъ городской совѣтъ получилъ письмо Лютера, предостерегавшее власти противъ бунтовщика **).

Послѣдніе дни болѣе или менѣе спокойной жизни кончились для Мюнцера: за нимъ уже зорко слѣдили; противъ него предостерегали еще не знавшихъ его людей. Онъ самъ уже не надѣялся ни на Лютера, ни на князей, а ждалъ спасенія только отъ народнаго возстанія.

VI.

Какъ тревожно было настроеніе умовъ въ эту тяжелую эпоху, это мы видимъ изъ суевѣрныхъ разсказовъ того времени, передаваемыхъ Циммерманомъ. Разсказывали, что въ 1523 году въ Мюльгаузенѣ на небѣ показывались чудесныя явленія, а въ позднюю осень вторично цвѣли розы и деревья. Въ другихъ мѣстахъ говорили, будто бы видѣли на солнцѣ три круга и внутри ихъ горящій факель; на лунѣ представлялись два круга, а внутри крестъ. Въ Венгріи будто бы видѣли ночью на небѣ двѣ вѣнчанныя головы, сражавшіяся другъ съ другомъ; на Рейнѣ слышали въ самый полдень въ воздухѣ смѣтаніе и громъ оружія, какъ будто отъ сраженія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у животныхъ рождались необыкновенные уроды. Въ одномъ мѣстѣ видѣли бой между анстами, въ дру-

*) Циммерманъ, I, 186—187.

***) А. Schmid: „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft“. IV. 1845. S. 365—394. Ст. Гольцгаузена.

гомъ между воронами и галками. Распространился слухъ о землетрясеніяхъ въ южныхъ земляхъ; въ Швабіи, Баваріи и Австріи свирѣпствовали повальные болѣзни; въ Кемптенѣ, въ Альгау, отъ 1521 до 1523, умерло болѣе 1,600 человекъ. Ко всему этому прибавились еще проливные дожди и кометы; времена года перепутались: въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ зима была однажды такъ тепла, что бѣдный народъ ходилъ на босу ногу, какъ въ Михайловъ день; червяки и бабочки ползали и летали точно лѣтомъ; въ февралѣ цвѣли вишни, а на деревьяхъ всѣ почки разбухли и начали развертываться. Къ Святой же вдругъ настала холодная зима; вслѣдствіе сильныхъ бурь и непогодъ плоды были значительно побиты и во всемъ Оберландѣ простой народъ впалъ въ крайнюю нужду. Все это считали предзнаменованіемъ чего-то необыкновеннаго. Но и безъ всякихъ явленій и пророчествъ весь порядокъ вещей, продолжавшійся уже много лѣтъ, предвѣщала важный переворотъ. Предсказаніями занимался не только народъ, но и сама высокая наука, которую тогда уважали и которой удивлялись,—сама астрологія признала 1524 г. за предѣлъ, послѣ котораго долженъ совершиться неслыханный доселѣ переворотъ. «Астрологи, быть можетъ, говорятъ правду,—писаль въ началѣ 1520 г. баварскій канцлеръ Экъ своему герцогу.—Трудно предполагать, чтобы огонь, воспламеняющійся повсюду въ настоящее время, утихъ, не произведя никакого опустошенія. Одна народная поговорка, распространенная издавна, говорила слѣдующее: кто въ 1523 г. не умретъ, въ 1524 г. не утонетъ, а въ 1525 г. не будетъ убитъ, скажетъ, что съ нимъ случилось чудо»). Не трудно понять, какое впечатлѣніе производили на народъ всѣ эти явленія, если мы вспомнимъ, что въ тѣ времена самъ Меланхтонъ писалъ: «въ Римѣ родилась лошачиха... въ окрестностяхъ Аугсбурга родился двуголовый ребенокъ, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на великую перемѣну въ нашемъ обыкновенномъ строѣ жизни». Потомъ онъ же, излагая біографію Іоанна Регимонтануса, говорить: «такъ какъ я знаю, что на человека вліяютъ небесныя явленія, то я долженъ указать, подъ какимъ созвѣздіемъ онъ родился» **).

Такое настроеніе умовъ бываетъ только въ самыя смутныя времена, когда броженіе дѣлается повсемѣстнымъ и всеобщимъ; близость грозы предчувствовалъ Лютеръ. Уже въ 1522 году онъ писалъ: «Народъ всюду волнуется и все видитъ; онъ не хочетъ, не можетъ позволить такъ угнетать себя долѣе». Дѣйствительно, куда бы мы ни взглянули въ области, гдѣ совершалось реформаціонное движеніе, вездѣ мы увидимъ вспышки народныхъ волненій и возстаній. Въ однихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Мюльгаузенѣ, произошла безкровная революція, свергнувшая въ городѣ аристократію и замѣнившая ее демократіей въ управ-

*) *Hast*: „Geschichte der Wiedertaeufer“. Muenster, 1836. S. 37.

**) *Циммерманъ*, I, 190, 247, 248.

вленія; въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Вальдгута, открыто возставшіе крестьяне создаютъ «евангельское братство», положившее цѣлью повиноваться только императору и никому болѣе. Не перекрещенцы, не Мюнцеръ начали это движеніе: народъ страдалъ такъ сильно, что могъ возстать и безъ подстрекателей. Но именно въ это время изгнанный изъ Алштеда Мюнцеръ и его ученики проходятъ по волнующимся областямъ и принимаютъ участіе въ дѣлѣ народа.

Пробывъ недолго въ Мюльгаузенѣ, Мюнцеръ тѣсно сблизился съ Пфейферомъ, бывшимъ монахомъ въ рейффенштейнскомъ монастырѣ, краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, только что произведшимъ переворотъ въ Мюльгаузенѣ. Изъ Мюльгаузена Мюнцеръ направился въ Нюрнбергъ «не для возмущенія народа, а для печатанія книгъ», въ которыхъ беспощадно побивался Лютеръ—*Вавилонская блудница, Дьявица Мартинъ, Докторъ Враль, Виттенбергскій папа, Драконъ, Левъ, Василискъ*; подрывать авторитетъ Лютера было теперь нужнѣе всего въ началѣ возстанія. Изгнанный изъ Нюрнберга, Мюнцеръ входитъ въ сношенія съ швейцарскими перекрещенцами, только что возникающею сектой. Затѣмъ мы видимъ его въ Клетгау и Гегау и, можетъ быть, именно въ это время онъ входитъ въ сношенія съ Гюбмейеромъ, вальдсгутскимъ реформаторомъ. Въ своихъ признаніяхъ передъ смертью Мюнцеръ говоритъ, что онъ «избралъ эту страну, чтобы узнать тамошнее положеніе дѣлъ, воспользоваться оберландскимъ возстаніемъ и распространить границы преданныхъ ему областей; возстаній же здѣсь онъ не производилъ, такъ какъ они уже произошли раньше» *). Пфейферъ прибылъ сюда нѣсколько раньше, Мюнцеръ—поздиѣ. Всюду подготавливая почву къ возстаніямъ, раздувая уже вспыхнувшій пожаръ. Мюнцеръ является вдохновителемъ крестьянъ и если не диктуетъ имъ программы требованій, то во всякомъ случаѣ является «вдохновителемъ», при помощи котораго составились знаменитые двѣнадцать тезисовъ крестьянъ, обобщившіе въ одно болѣе или менѣе стройное цѣлое всѣ требованія народа. Прежніе тезисы, представляемые народомъ, были менѣе сжаты и ясны, чѣмъ эти. Кто написалъ ихъ? Одни утверждаютъ, что Пфейферъ **). Но тезисы появились въ мартѣ 1525 года, когда Пфейферъ и даже Мюнцеръ уже удалились изъ Швабии. Другіе говорятъ, что авторомъ ихъ былъ бывший пфальцграфскій канцлеръ Фуксштейнеръ ***). Веберъ замѣчаетъ, что эти тезисы «во всякомъ случаѣ были набросаны въ кружкѣ Мюнцера и Гюбмейера» ****). Но какъ бы то ни было, Мюнцеръ въ своемъ предсмертномъ признаніи заявилъ, что онъ не составлялъ этихъ тезисовъ, но «выписалъ изъ Еван-

*) *Seidemann*, 152.

***) *Циммерманъ*, II, 98.

****) *Jörg*: „Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522—1526“. Freiburg, 1851. S. 180 und fol.

*****) *G. Weber*, 57.

гелія нѣкоторыя положенія относительно управленія», т.-е. внесъ въ эти тезисы свою лепту и, конечно, внесенное имъ было самымъ существеннымъ. Другимъ принадлежала только редакція.

Обращаясь къ христіанскому читателю, этотъ манифестъ говоритъ: «Многіе лицемерныя христіане по поводу настоящаго соединенія крестьянъ изрыгаютъ хулы на Евангеліе и говорятъ: «вотъ каковы плоды новаго Евангелія: никому не повиноваться, повсемѣстно безчинствовать и возмущаться, собираться шайками и мятежническими скопищами для того, чтобы реформировать, гонять, даже, быть можетъ, умерщвлять духовныя и свѣтскія власти». Отвѣтомъ на эти безпутныя и лживыя обвиненія должны служить нижеслѣдующіе тезисы, написанные съ цѣлью снять клевету съ слова Божія. Во-первыхъ, Евангеліе не виновато въ мятежахъ и волненіяхъ, потому что оно вышло изъ устъ Христа, обѣтованнаго Мессіи, котораго слово и жизнь поучаютъ только любви, миру, долготерпѣнію и единенію («Римл.» 2); всѣ вѣрующіе во Христа должны жить въ любви, мирѣ и согласіи, а потому всѣ тезисы крестьянъ, какъ всякій ясно увидитъ, направлены только къ тому, чтобы внушить крестьянамъ истинныя евангельскія правила и научить ихъ жить сообразно съ этими правилами. Какимъ же образомъ лицемерныя христіане могутъ считать Евангеліе причиной неповиновенія? Если есть между христіанами такіе лицемеры и враги Евангелія, которые съ упорствомъ возстаютъ противъ всѣхъ нашихъ требованій и желаній, то въ этомъ виновато не Евангеліе, а виноваты дьяволъ, заклятый врагъ Евангелія; онъ-то и вовлекаетъ своихъ сыновъ въ преступленія, возбуждая въ нихъ невѣріе для того, чтобы слово Божіе, — слово любви, мира и единенія, — окончательно заглохло и было предано забвенію. Во-вторыхъ, отсюда слѣдуетъ ясно и безспорно, что крестьяне, желающіе въ своихъ тезисахъ строго придерживаться евангельскихъ правилъ, не могутъ быть названы непокорными и мятежными. Если Господь услышитъ молитвы крестьянъ, желающихъ только одного — жить по Его слову, то кто осмѣлится тогда порицать волю Божію? («Римл.» 11). Кто осмѣлится вмѣшиваться въ Его судъ? («Ис.» 40). Кто осмѣлится противиться Его величію? («Римл.» 8). Если Онъ внялъ моленіямъ сыновъ израилевыхъ, взывавшихъ къ Нему о помощи, и освободилъ ихъ отъ руки Фараона, то развѣ Онъ не можетъ и теперь спасти своихъ людей? Да, Онъ пошлетъ имъ свое спасеніе, и пошлетъ немедленно (2 «Моис.» 3, 14; «Лука» 18, 8). И такъ, христіанинъ, читай внимательно эти тезисы и глубже вникай и обсуждай ихъ. Во-первыхъ, мы покорнѣйше просимъ и единодушно желаемъ, чтобы отнынѣ насъ не лишали нашихъ правъ и преимуществъ, чтобы всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника (1 «Тимоф.» 3) и чтобы прихожане имѣли право смѣщать его, если онъ поступаетъ не по закону («Тит.» 1). Выбранный пастырь долженъ проповѣдывать Евангеліе ясно и разумно, безъ всякихъ своихъ прибавленій, мудрствованій и выпусковъ («Дѣян. Апост.» 14). Когда намъ будетъ по-

стоянно проповѣдуема истинная вѣра, мы приобретаемъ право просить у Господа, чтобы Онъ снискалъ насъ своею благодатію, поселилъ и усугубилъ въ насъ живую вѣру (5 «Моис.» 31). Если благодать Божія не вселилась въ насъ, то мы навсегда останемся только никуда негодною плотью и кровью (5 «Моис.» 10; «Іоанн.» 6); въ писаніи ясно говорится, что только истинная вѣра можетъ приблизить насъ къ Богу и что спасеніе наше въ его милосердіи («Галат.» 1). Мы нуждаемся въ достойномъ предстателѣ и духовномъ отцѣ, который былъ бы наученъ писанію такъ, какъ это мы высказали. Во-вторыхъ, несмотря на то, что справедливая десятина, установленная въ *Ветхомъ Заветѣ*, была отмѣнена въ *Новомъ*, мы, все-таки, охотно будемъ выплачивать ее зерномъ, но только тамъ, гдѣ это нужно. Поэтому мы жертвуемъ ее Богу, въ пользу Его служителей («Евр. Ис.» 109). Если въ ней будетъ нуждаться священникъ, проповѣдующій, какъ слѣдуетъ, слово Божіе, то мы спорить не станемъ; пусть тогда эту десятину собираютъ и получаютъ церковные сборщики, назначаемые общиной, а священникъ, выбранный приходомъ, со всѣми своими домохозяевами будетъ пользоваться изъ сбора соответственной частью, по распоряженію всего прихода; остатокъ долженъ быть поделенъ между бѣдными прихожанами той же деревни, по мѣрѣ ихъ нужды и по усмотрѣнію прихода (5 «Моис.» 25; 1 «Тимое.» 5; «Мате.» 10 и «Корине.» 9), а все, что затѣмъ останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастія или войны; изъ этого-то избытка и слѣдуетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ, не обременяя бѣднаго населенія налогами. Если бы случилось, что одна или нѣсколько деревень продали свою десятину по какой-нибудь надобности, то купившій долженъ, прежде всего, доказать дѣйствительность покупки, и тогда мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, смотря по важности дѣла («Лука» 6; «Мате.» 5). Но кто не самъ купилъ деревни, десятину, а получилъ ее отъ предковъ, присвоившихъ ее себѣ силою или хитростью, тому мы не хотимъ и не должны ее давать; мы только обязываемся, какъ сказано прежде, содержать священниковъ и, по писанію, раздавать милостыню нищимъ. Кромѣ того, мы не хотимъ платить ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ никакой малой десятины, такъ какъ Богъ предоставилъ скотину въ полное распоряженіе человека (1 «Моис.» 1). И потому эту десятину мы считаемъ несправедливою, выдуманною людьми, и давать ее больше не будемъ. Въ-третьихъ, до сихъ поръ было въ обыкновеніи считать насъ чужою собственностью, но это противно священному писанію, потому что Христосъ своею божественною кровью всѣхъ насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе («Ис.» 53; 1 «Петр.» 1; 1 «Корине.» 7; «Римл.» 13), начиная отъ послѣдняго пастуха до могущественнѣйшаго монарха. Вотъ почему священное писаніе говоритъ, что мы свободны, и мы хотимъ быть на самомъ дѣлѣ свободными («Премудр.» 6; 1 «Петр.» 2.). Это не значитъ, что мы хотимъ необузданной воли и не признаемъ никакихъ влас-

тей. Мы должны жить по заповѣдямъ, а не по внушеніямъ грѣховной плоти (5 «Моис.» 6; «Мате.» 4); мы должны любить Бога, какъ своего Творца, и признавать Его въ ближнихъ, которымъ мы обязаны доставлять все то, что сами желали бы имѣть, по слову Спасителя на тайной вечери («Лука» 4, 6; «Мате.» 5; «Іоанн. 13»). Поэтому мы не будемъ нарушать заповѣди Божіей, которая вовсе не говоритъ намъ, чтобы мы не повиновались властямъ. Не только предъ властями, но предъ всякимъ мы должны смиряться («Римл.» 31). Мы не думаемъ сопротивляться выбраннымъ и установленнымъ правителямъ, потому что законъ Божій («Дѣян. Апост.» 5) запрещаетъ намъ это. И такъ, мы не нарушаемъ покорности, потому и вы должны, съ своей стороны, поспѣшить освободить насъ изъ-подъ ига крѣпостнаго рабства или евангельскимъ словомъ доказать намъ, что мы должны оставаться рабами. Въ-четвертыхъ, до сихъ поръ велось обыкновеніе, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ни охотиться на птицъ, ни ловить рыбъ въ господскихъ владѣніяхъ. Это кажется намъ совершенно несправедливымъ, несогласнымъ съ братскою любовью и словомъ Божиимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знатные господа нарочно держатъ животныхъ, чтобы только повредить намъ и увеличить нашу бѣдность. Эти безсмысленныя твари жадно пожираютъ у насъ все, что Богъ далъ человѣку для его пропитанія, а мы должны молчать, хотя этимъ явно наносится оскорбленіе и Богу, и людямъ. Создавши человѣка, Господь далъ ему власть надъ всякими животными, надъ птицами, въ воздухѣ летающими, и рыбами, въ водахъ плавающими («Моис.» 1; «Дѣян. Апост.» 19; 1 «Тим.» 4; 1 «Коринт.» 10; «Колос.» 2.). Поэтому мы желаемъ, чтобы всякій, владѣющій рѣкою или озеромъ, представилъ достаточныя письменныя доказательства своего права владѣнія, и тогда пусть владѣетъ; мы не станемъ употреблять противъ него насилія: надобно поступать со всякимъ по правиламъ христіанской любви и братства. Тотъ же, кто не представитъ удовлетворительныхъ доказательствъ своего права владѣнія, пусть отступится отъ захваченнаго въ пользу общины. Въ-пятыхъ, мы считаемъ себя также обиженными и въ отношеніи владѣнія лѣсомъ: наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса, и если бѣдный человѣкъ нуждается въ деревѣ, онъ принужденъ платить за него вдвое дороже, чѣмъ дѣйствительно желалъ получить. По нашему мнѣнію, лѣса, на владѣніи которыми духовные и свѣтскіе господа не могутъ представить доказательствъ, должны быть отданы въ распоряженіе общины; каждый, въ случаѣ нужды, можетъ получать отъ общины бесплатно дрова и лѣсъ, даже и для столярнаго производства, разумѣется, только съ вѣдома лицъ, выбранныхъ общиною, въ видахъ предупрежденія истребленія лѣсовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ приобрѣтетъ собственность честнымъ путемъ, община должна войти въ соглашеніе съ собственниками, по законамъ христіанской и братской любви. Если же лѣсное имущество было сначала куплено однимъ, а потомъ перепродано другому

лицу, то съ покупщиками надобно войти въ соглашенія, какія укажетъ дѣло, по духу братской любви и священнаго писанія. Въ-шестыхъ, мы считаемъ себя горько обиженными тяжелою службой, которая съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе и невыносимѣе. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено вниманіе и чтобы насъ не обременяли такъ жестоко; пусть насъ заставляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ Божескимъ писаніемъ («Рим.» 10). Въ-седьмыхъ, мы не хотимъ больше и слышать о поборахъ и несправедливостяхъ господъ: всякій долженъ неприкосновенно пользоваться своими правами, какъ они опредѣлены въ условіяхъ между господиномъ и крестьяниномъ. Господинъ не долженъ болѣе мучить и прижимать крестьянина, не долженъ требовать отъ него ни службы и ничего другаго даромъ («Лук.» 3; «Фес.» 6), такъ чтобы крестьянинъ могъ свободно и спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянинъ долженъ служить охотно и покорно, впрочемъ, за известное вознагражденіе и только въ опредѣленное время, для устраненія всякихъ потерь и убытковъ. Въ-восьмыхъ, многіе изъ насъ, имѣющихъ собственность, отягчены высокими податнымъ окладомъ, котораго не могутъ вносить изъ имущества; отсюда, крестьянамъ часто приходится терять свое достояніе. Мы желаемъ, чтобы господа послали для оцѣнки такихъ имуществъ честныхъ людей и взымали бы оброкъ, смотря по ихъ стоимости. Крестьянинъ не долженъ работать для себя безъ выгодъ, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы («Матѣ.» 10). Въ-девятыхъ, мы чувствуемъ себя глубоки обиженными тою безбожною несправедливостію, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія; очень часто насъ наказываютъ несоразмѣрно съ виною, по злобѣ, а иногда ради пристрастнаго снисхожденія къ другимъ. Мы желаемъ, чтобы насъ наказывали согласно съ древнимъ писаннымъ закономъ, соразмѣрно съ виною, а не пристрастно («Ис.» 10; «Ефес.» 6; «Лук.» 3; «Иерем.» 16). Въ-десятихъ, мы считаемъ себя и тѣмъ еще обиженными, что нѣкоторые лица присвоили себѣ пашни и дуга, принадлежащія общинамъ. Если эти земли приобрѣтены въ собственность нечестнымъ путемъ, то мы опять отберемъ ихъ въ пользу нашихъ общинъ; но если за нихъ заплачены слѣдующія деньги, то мы вступимъ въ дружеское и братское соглашеніе съ ихъ владѣльцами, смотря по важности дѣла. Въ-одиннадцатыхъ, мы хотимъ совершеннаго отмѣненія обычая, называемаго посмертнымъ отобраніемъ; мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобы у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и Божьей волѣ, такъ безсовѣстно отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ подъ разными видами. Въ-мѣсто того, чтобы защищать и оберегать насъ, многіе обдираютъ, грабятъ поселянъ, и если бы было у нихъ достаточно силы, то они обобрали бы ихъ до послѣдней нитки. Господь не хочетъ этого болѣе терпѣть и обычай посмертнаго отобранія долженъ быть отмѣненъ: съ этихъ поръ по

смерти лица семейство его никому и ничего не платить—ни много, ни мало (5 «Мои.» 13; «Мат.» 8, 23; «Ис.» 10). Въ двѣнадцатыхъ, мы пришли къ такому рѣшенію: если одинъ или нѣсколько изъ нашихъ тезисовъ не согласны съ словомъ Божиимъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это намъ докажутъ по писанію. И если даже какой-нибудь изъ нашихъ тезисовъ будетъ признанъ достойнымъ вниманія и названъ справедливымъ, а въ послѣдствіи окажется неправильнымъ, то мы немедленно отъ него откажемся, какъ отъ мертваго и недѣйствительнаго члена. Если даже многіе тезисы будутъ найдены противными Богу и вредными для ближняго, то мы всѣ ихъ возьмемъ назадъ и будемъ молить Господа, чтобы онъ далъ намъ разумъ поступать и жить по христіанскому ученію, потому что этотъ разумъ исходитъ только отъ Бога, а не отъ кого другаго. Благодать Господа нашего Иисуса Христа буди со всѣми вами». Мы выписали весь этотъ характерный манифестъ, такъ какъ тутъ важно не одно его содержаніе,—важенъ и его тонъ. Въ этихъ тезисахъ въ сжатомъ видѣ высказалось все то, чего требовали крестьяне. Текстъ манифеста былъ, какъ мы видимъ, написанъ въ умѣренномъ тонѣ, очевидно, не рукою Мюнцера, всегда рѣзкаго въ своихъ выраженіяхъ и вдающагося въ безконечныя повторенія. Самыя требованія, въ сущности, сводились на то, что теперь не составляетъ предмета споровъ: люди требовали освобожденія отъ рабства, отъ безправія. Тѣмъ не менѣе, власть, духовенство и дворяне, стоявшіе за старое положеніе вещей, не могли согласиться ни на какія уступки. Этихъ уступокъ стали добиваться вооруженною силой.

Мюнцеръ, видя вездѣ возстающій народъ, спѣшилъ изъ Швабіи и съ Дуная въ Мюльгаузенъ. Онъ не могъ стать во главѣ крестьянскихъ возстаній въ чужой странѣ и надѣялся захватить власть въ свои руки на родинѣ. Аресты, преслѣдованія, нищета, —ничто не смущало его. Онъ просилъ у своихъ друзей куска хлѣба, говоря имъ, что онъ не возьметъ у нихъ ни одного талера: только бы не умереть съ голода,—вотъ все, что было нужно ему. Нуждаясь въ самомъ необходимомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, бодро и смѣло проповѣдывалъ на пути. Выносливость его была изумительна. Когда онъ прибылъ въ Мюльгаузенъ, почва здѣсь уже была подготовлена Пфейферомъ, прибывшимъ въ городъ гораздо раньше Мюнцера. Революція въ Мюльгаузенѣ была произведена быстро, безъ кровопролитія. Здѣсь былъ избранъ новый совѣтъ, носившій названіе «вѣчнаго». Пфейферъ занялъ мѣсто священника въ церкви св. Николая, Мюнцеръ—священника въ церкви св. Маріи. Вліятельные люди, представители стараго порядка, прежнее духовенство бѣжали. Начались разсужденія о составленіи совершенно новаго «христіанскаго правительства», административная и судебная дѣятельность на новыхъ началахъ.

Какой же новый строй вводило это новое правительство? Проповѣдь Мюнцера была проповѣдью коммунизма. Мюнцеръ понималъ коммунизмъ

только въ томъ смыслѣ, какъ его понимали въ первыя времена христіанства: кто имѣлъ много, тотъ обязанъ былъ дѣлиться съ тѣмъ, кто не имѣлъ ничего. Дать необходимое, ѣду и одежду неимущимъ, не поощрять даровыми подачками тунеядства, не побуждать людей ни къ праздности, съ одной стороны, ни къ роскоши—съ другой,—вотъ о чемъ мечталъ Мюнцеръ. Онъ самъ подавалъ примѣръ умѣренности и скромности въ жизни. Къ несчастію, все это было превосходно въ теоріи, а на практикѣ пришлось встрѣтиться съ алчностью, съ празднолюбіемъ, съ буйными страстями народа. Масса черни, испорченной и развращенной при старомъ порядкѣ вещей, видѣла въ новомъ строѣ только возможность ничего не дѣлать, грабить монастыри, бражничать. Правда, не изъ одного этого отребья состоялъ народъ, но врагамъ бросались въ глаза безчинства только этой горсти людей, и потому на Мюнцера обрушились воплѣдствіи упреки «за разнузданіе страстей». Обвинители, конечно, не могли въ эту эпоху кровавой борьбы хладнокровно взглянуть на дѣло и понять, что предшествовавшій порядокъ дѣлъ былъ здѣсь нисколько не лучше: теперь грабили дворянъ и богатыхъ духовныхъ лицъ, прежде грабили дворяне и богатые духовныя лица; теперь бражничала городская чернь, прежде бражничала городской beau monde; измѣнились только роли, и измѣнились вовсе не по желанію, хотя и по винѣ Мюнцера. Изъ Мюльгаузена возстаніе быстро стало распространяться по окрестностямъ. Ученики Мюнцера разносили новое ученіе. Пфейферъ велъ списки вступающихъ въ союзъ членовъ.

Видя повсюду возстающихъ крестьянъ, противъ вліянія Мюнцера стали поднимать громкіе голоса люди, желавшіе водворить миръ. Докторъ Штраусъ, священникъ Вицель, проповѣдникъ Эберлинъ дѣйствовали въ этомъ духѣ, уговаривая крестьянъ положить оружіе и общая имъ, въ случаѣ новиновенія власти, льготы и милости. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали и нѣкоторые князья и дворяне, не рѣшавшіеся вступить по той или другой причинѣ въ открытый бой съ народомъ: народная сила на первыхъ порахъ казалась слишкомъ грозною и непобѣдимую, тѣмъ болѣе, что въ раздробленной Германіи между властями было очень мало согласія и единодушія. Иногда эти попытки съ мирными сдѣлками съ крестьянами удавались. Мюнцеръ болѣе всего боялся этихъ миролюбивыхъ соглашеній. «Хитрость, лицемеріе и предательство, — вотъ самые страшные враги народа», какъ думалъ Мюнцеръ. Онъ удваивалъ свою энергію, обращаясь съ воззваніями къ тѣмъ, кого онъ называлъ: «дорогіе товарищи въ лохмотьяхъ и съ пустыми желудками, съ челомъ, сморщеннымъ отъ нищеты, и съ загрубѣлыми отъ работы руками». Имъ онъ писалъ: «Чистый страхъ Божій прежде всего. Долго ли вы будете еще спать? Долго ли вамъ не понимать воли Божіей? Какъ часто я говорилъ вамъ, что такъ должно быть. Богъ не можетъ болѣе открываться. Вы должны стоять. Не сдѣлаете этого — тщетны будутъ ваши над-

рывающія сердце жертвы. Вы должны будете снова терпѣть страданія. Говорю вамъ: не хотите пострадать по волѣ Божіей, будете мучениками по волѣ дьявола. Берегитесь же! Не унывайте, будьте бдительны, не льстите больше безсмысленнымъ мечтаніямъ, безбожнымъ злодѣямъ. Дѣлайте дѣло и боритесь во имя Господа. Время настало. Привлекайте своихъ братьевъ, чтобы они не издѣвались надъ словомъ Божиимъ, иначе они всѣ погибнутъ. Вся Германія, Франція и Италия поднялись. Начнется музыка, погибнутъ злодѣи. На святой недѣлѣ разрушены четыре монастырскихъ церкви на Фульдѣ. Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда возстали въ числѣ 30,000 и ихъ рать прибываетъ съ каждымъ днемъ. Я боюсь только, чтобы глупыхъ людей не увлекли фальшивыми договорами, въ которыхъ они не разглядятъ злаго умысла. Если васъ будетъ хоть трое, твердо вѣрующихъ въ Бога, одушевленныхъ однимъ желаніемъ прославить Его имя и честь, вы не побойтесь и сотни тысячъ человѣкъ. За дѣло, за дѣло! Пора! Злодѣи струсилы, какъ псы. Возбуждайте вашихъ братьевъ къ согласію и уговаривайте ихъ снаряжаться. Горе выше мѣры теперь. Скорѣй же, скорѣй за дѣло, за дѣло! Не склоняйтесь, если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ дружески молить, стонать, плакать передъ вами,—плакать, какъ дѣти. Не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ черезъ Моисея *). Намъ Онъ открылъ то же. Возбуждайте села и города, въ особенности же горцевъ и другихъ бодрыхъ людей. Мы не должны болѣе спать. Мы должны приняться за дѣло, за дѣло! Пора! Ко мнѣ пришло извѣстіе изъ Зальца, что народъ хотѣлъ выбросить изъ замка амтмана герцога Георга за то, что онъ замышлялъ тайно погубить троихъ. Крестьяне Эйхсфельда справились съ своими дворянами; они не хотятъ жить ихъ милостью. Со всѣхъ сторонъ передъ вами много примѣровъ; принимайтесь же за дѣло; пора, Бальтазаръ и Бартель, Крупфъ, Фельтенъ и Вишофъ, беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашимъ товарищамъ-горцамъ. Хотѣлъ бы такъ наставить всѣхъ братьевъ, чтобы ихъ мужество было тверже всѣхъ замковъ безбожныхъ злодѣевъ, во всей странѣ. За дѣло, за дѣло! Желѣзо горячо, куйте! Пусть ваши мечи не охлаждаются отъ крови. Выковывайте ихъ на наковальнѣ Нимврода; пусть падетъ его башня. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха. Вамъ нельзя говорить о Богѣ, покуда они управляютъ вами. И такъ, за дѣло, покуда еще не ушло время. Вами предводительствуетъ Богъ. Слѣдуйте за Нимъ. Прочитайте, что сказано у Маттея. Не робѣйте же, съ вами Богъ,—написано во 2 хрон.—Богъ говоритъ вамъ: не бойтесь, вамъ нечего пугаться этой толпы. Не ваша идетъ война, а Господня. Не за себя вы боретесь. Мужайтесь. Вы увидите надъ собою руку Господню. Когда Юсафать услы-

*) Моисей, 5, 7.

халь эти слова, онъ палъ ницъ. Не страшитесь же и вы людей, а вѣруйте въ Бога, крѣпко вѣруйте: Онъ подкрѣпитъ васъ. Аминь. Писано въ Мюльгаузенѣ въ 1525 г. Томасъ Мюнцеръ, Божій воинъ противъ безбожниковъ» *). Это были страшные призывы, которыми только и можно было въ этотъ критическій моментъ остановить крестьянъ отъ миролюбивыхъ сдѣлокъ.

Но не одинъ Мюнцеръ страшно боялся миролюбивыхъ сдѣлокъ.

Кромѣ него, былъ еще одинъ человекъ въ Германіи, не допускавшій этихъ сдѣлокъ и соглашеній. Это былъ Лютеръ. Видя возставшій народъ, слыша съ ужасомъ, что это результаты начатаго имъ самимъ движенія, могучій реформаторъ испугался и примкнулъ къ крайней правой сторонѣ. Это былъ почти паническій страхъ. Если призывы Мюнцера въ возстанію, обращенные къ угнетенному народу, пугаютъ насъ своимъ необузданною рѣзкостью, то возванія Лютера, обращенныя къ князьямъ и проникнутыя не меньшей кровожадностью, пробуждаютъ просто отвращеніе. Лютеръ писалъ: «Ну, ну! ступайте истреблять всѣхъ этихъ крестьянъ, всѣми вашими оружіями, какими располагаете, явно или тайно; убивайте всѣхъ этихъ бѣшенныхъ псовъ скорѣе! Христіанское крещеніе даетъ свободу не смертному тѣлу, но только безсмертной душѣ. Ну, ну! Князь демоновъ, вышедшій изъ ада, вселился въ крестьянъ. Каждый воинъ Христовъ, убитый возставшими, ввидетъ въ рай, а каждый крестьянинъ сойдетъ въ адъ... Горе тѣмъ, кто проситъ меня быть умѣреннымъ относительно безсовѣстныхъ крестьянъ: крестьянина, какъ осла, нужно бить, чтобы заставить идти. Положите ваши мечи, негодные бунтовщики, склоните ваши преступныя головы до окровавленной земли и кричите о прощеніи, иначе ваши тѣла разорвутся въ клочья воинами Господними, а ваши души адскими дьяволами **). Кто чувствуетъ состраданіе къ людямъ, которыхъ самъ Богъ не жалѣетъ, а хочетъ покарать и погубить, тотъ самъ дѣлается бунтовщикомъ. Когда они погибнуть, крестьяне научатся благодарить Бога, если имъ придется отдать одну корову, чтобы мирно съѣсть другую, а князья узнаютъ, благодаря возстанію, что кроется въ народѣ, которымъ можно управлять только посредствомъ насилія» ***). Эта страшная проповѣдь рѣзни не имѣла другаго оправданія, кромѣ страха за тѣ церковныя реформы, которыхъ добился Лютеръ. Каспаръ Швенкфельдъ замѣтилъ про него: «Лютеръ хочетъ подражать Моисею, но это ему не удастся; онъ вывелъ народъ изъ Египта на середину Чернаго моря, но онъ не доведетъ его даже до пустыни». Эразмъ Роттердамскій въ томъ же сатирическомъ тонѣ писалъ: «Дорогой саксонскій реформаторъ, ты не правъ, сердясь такъ сильно; твоя духовная реформа была причиной плотской реформы». Лютера приводили въ еще большую

*) Циммерманъ, 200—201; А. Weill, 321—324.

**) Ewerbeck, 340.

***) Циммерманъ, III, 295.

ярость подобныя замѣчанія, можетъ быть, именно потому, что онъ со- знавалъ ихъ справедливость *). Лютеръ въ своей злобѣ на крестьянъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, что рабство проповѣдуется Евангеліемъ и, грубо полемизируя съ крестьянами, ссылаясь на ту же 5 главу Евангелія отъ Маттея, на которую такъ любятъ ссылаться всѣ новаторы, ищущіе себѣ опоры въ Евангеліи. Онъ говорилъ, что крестьяне не смѣютъ противиться злomu. «Кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. Кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Это говорилось нищему народу, говорилось тѣмъ самымъ человѣкомъ, который менѣе всего былъ способенъ поступать такъ, какъ онъ совѣтовалъ поступать другимъ **). Онъ даже съ какимъ-то мелочнымъ злорадствомъ говорилъ: «меня радуешь, что Богъ лишилъ народъ такого великаго дара и утѣшенія, какъ пѣсня». Дѣло въ томъ, что у возставшихъ крестьянъ не было своихъ пѣсень ***).

Но не Лютеръ былъ виновникомъ страшной развязки всей этой кровавой драмы. Мюнцеру суждено было погибнуть именно отъ того обоюдоостраго оружія, которымъ онъ самъ пользовался, чтобы властвовать надъ толпой...

Помѣстившись въ іоганнитскомъ монастырѣ, Мюнцеръ приготовлялъ оружіе для борьбы, боевые снаряды, военные запасы и ждалъ удобной минуты, чтобы вступить въ бой. Онъ зналъ свой народъ. Надѣяться на стойкость и боевыя способности мюльгаузенцевъ и тюригенцевъ онъ не могъ. Надежды могли возлагаться на швабовъ, выросшихъ среди войнъ, на стрѣлковъ ихъ Альпъ и Эльзаса, на франконцевъ, составившихъ черную рать знаменитаго крестьянскаго вожака Флоріана Гейера. Прежде всего, нужно было поднять всѣхъ, заставить отдѣльныя группы одержать верхъ надъ тѣми или другими князьями, приучить народъ къ войнѣ, закалить его въ боевомъ огнѣ, окрестить въ крови сраженій. Потомъ уже можно было стать во главѣ этого народа и одержать окончательную побѣду. Такъ думалъ Мюнцеръ. Не такъ думалъ Пфейферъ. Пфейферъ былъ, можетъ быть, умнѣе Мюнцера; онъ, во всякомъ случаѣ, былъ краснорѣчивѣе его, умѣлъ яснѣе выражать свои мысли на бумагѣ, не былъ крайнимъ мистикомъ; но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ узко-практическихъ людей, которые всегда болѣе склонны захватить лежащее подъ рукой, чѣмъ хладнокровно обдумывать, нельзя ли приобрести большаго при помощи выжиданія. Онъ видѣлъ только выгоды данной минуты, тогда какъ Мюнцеръ ясно сознавалъ бѣдственныя послѣдствія этихъ выгодъ. Произошла роковая распря между двумя вождями движенія, тѣмъ болѣе опасная для дѣла Мюнцера, что Пфейферъ пользовался большимъ вліяніемъ въ родномъ городѣ и своимъ планомъ возбуждалъ низкія страсти черни, чужавшей добычу. Она думала не о побѣдѣ, а о грабежѣ. Но, мо-

*) *Ewerbeck*, 340.

**) *Plitt*: „Martin Luther“. S. 302—306.

**) *R. Koenig*, 233.

жетъ быть, Мюнцеру удалось бы какъ-нибудь одержать верхъ надъ Пфейферомъ, доказать несостоятельность плановъ послѣдняго, если бы Пфейферъ не прибѣгнулъ къ крайнему средству. Въ одно прекрасное утро Пфейферъ объявилъ, что ему было во снѣ внушеніе свыше, откровеніе, повелѣніе Божіе идти войной. Противъ этого заявленія не могло быть возраженій. Самъ Мюнцеръ такъ часто ссылался на откровеніе Божіе, на свои бесѣды съ Богомъ. Онъ самъ твердо вѣрилъ въ возможность подобнаго откровенія и училъ другихъ вѣрить въ это. Никто не удивлялся, заставая его во время громкихъ разговоровъ съ Богомъ. Да тутъ нечего было и удивляться. Вѣдь, бесѣдовалъ же Лютеръ съ дьяволомъ, въ знакъ презрѣнія къ нечистому духу показывая ему даже заднюю часть тѣла *). Въ эти сношенія съ Богомъ и нечистою силой вѣрили тогда всѣ. На этой почвѣ не могло быть никакихъ споровъ. Тутъ нельзя было даже уличать человѣка во лжи. Вѣдь, не уличали же во лжи самого Мюнцера, когда онъ велъ діалоги съ Богомъ? Нужно было и теперь подчиниться не Пфейферу, а Богу. Пфейферъ это понялъ и воспользовался этимъ.

И вотъ, 26 апрѣля, окруженный 400 тѣлохранителей съ бѣлымъ знаменемъ съ изображеніемъ радуги, Мюнцеръ вышелъ съ мюльгаузенцами на помощь крестьянамъ, возставшимъ и въ Лангезальцъ; Пфейферъ направился въ другія мѣстности. Начало похода было удачно, т.-е. можно было легко разрушать и грабить, и одушевленный успѣхами народъ уже видѣлъ приближеніе того желаннаго времени, когда всѣ нѣмцы, свободные, безъ различія званій и состояній, соберутся вокругъ одного главы. Идея объединенной Германіи, осуществленная только черезъ триста лѣтъ, носилась тогда въ воздухѣ. Она была непосредственнымъ плодомъ реформаціи, когда всюду писали и говорили: «Прежде мы управляли Римомъ, потому Римъ управлялъ нами; порвемъ же всякую связь между нимъ и нами и пусть Германія управляетъ сама собою **). Мюнцеръ мечталъ именно о такой, управляющей сама собою Германіи, объединенной, имѣющей одного главу, не номинальнаго, какимъ былъ тогда императоръ, а настоящаго, связаннаго непосредственно съ народомъ. Управлять сама собою Германія могла, дѣйствительно, только сплотившись въ одно цѣлое, имѣя одного императора, а не массу деспотовъ, князей и герцоговъ. Этого могъ желать народъ, къ этому могъ стремиться Мюнцеръ, но не нѣмецкіе князья и господа, привыкшіе къ полному произволу въ одну сторону, къ страшному деспотизму—въ другую. Если бы только это объединеніе должно было явиться плодомъ крестьянскаго возстанія, они и тогда употребили бы всѣ силы, чтобы задушить это возстаніе. Такое объединеніе было для нихъ хуже даже освобожденія крестьянъ. Изъ среды

*) *G. Freitag*, loc. cit., 117.

**) *Ewerbeck*, 328.

этих князей особенно выдѣлялся тогда двадцатилѣтній энергичный ландграфъ гессенскій, Филиппъ. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ отдѣльными шайками крестьянъ, онъ двинулся къ Франкенгаузену на помощь осажденному графу Альбрехту фонъ-Мансфельду. По дорогѣ къ нему должны были присоединиться герцогъ брауншвейгскій, герцогъ саксонскій и другіе владѣтельные князья. Графъ фонъ-Мансфельдъ былъ въ довольно критическомъ положеніи, стоя лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ лагеремъ крестьянъ. Чтобы выиграть время, онъ велъ съ крестьянами переговоры, обманывая противниковъ и давая имъ лживыя обѣщанія.

Но если къ графу фонъ-Мансфельду спѣшило подкрѣпленіе, то и къ противникамъ тоже шла помощь. Мюнцеръ хорошо понималъ, что настаетъ рѣшительная минута, что франкенгаузенцамъ грозитъ опасность. Онъ писалъ имъ, чтобы они не поддавались въ ловушку графа, не слушали его обѣщаній, такъ какъ это погубитъ общее дѣло. Къ окрестнымъ вооружившимся крестьянамъ онъ отправлялъ гонцовъ, требуя, чтобы всѣ стекались къ Франкенгаузену. То же писалъ онъ къ Пфейферу, ссылаясь на «откровеніе», на «повелѣніе Божіе», чтобы Пфейферъ и всѣ мюльгаузенцы пришли къ нему на помощь. Въ то же время, тономъ, близкимъ къ безумію, онъ угрожалъ въ письмахъ графамъ Альбрехту и Эрнсту фонъ-Мансфельдъ, призывая ихъ къ покаянію и пророча имъ гибель *). «Брату Альбрехту къ обращенію (отъ идолопоклонства). Ну, что ты такъ бесовѣстно злоупотребляешь апостоломъ Павломъ? Ты хочешь утвердить свою тиранію такъ же, какъ и папа свой стулъ, на апостолахъ Петрѣ и Павлѣ? Но неужели ты думаешь, что Богъ неразумно поступаетъ, когда въ своемъ гнѣвѣ возбуждаетъ народъ отложиться отъ тирановъ? («Осіа», XIII, 3). Не о тебѣ ли и тебѣ подобныхъ пророчествовала Матерь Божія: «низложи сильныя со престоловъ и вознесе смиренныя»? Ужели ты представляешь себѣ, что Богъ создалъ птицъ небесныхъ и скотовъ земныхъ для того, чтобы утолщать плоть князей-тирановъ? Ты думаешь, что Богъ не столько прилежитъ своему народу, сколько вамъ? Именемъ Христа ты хочешь прикрыть свое язычество и Павломъ свою власть? Но послушай! Тебѣ одно изъ двухъ: или ты долженъ признать, что Богъ далъ народу власть управлять, и тогда явись передъ нами, мы облобызаемъ тебя, какъ брата, или, если не хочешь, нѣтъ тебѣ пощады, какъ злѣйшему врагу Христовой вѣры! Знай же это!» Къ графу Эрнсту фонъ-Мансфельду въ замокъ гельдрунгенскій Мюнцеръ писалъ: «Крѣпость и сила, страхъ Божій и непоколебимое исполненіе воли Господней да будетъ съ тобою, братъ Эрнстъ. Я, Тома Мюнцеръ, извѣщаю тебя, ради живаго Бога, оставить твое тиранское неистовство и не напрашиваться больше на гнѣвъ Божій. Ты мучишь христіанъ, ты обращаешь христіанскую вѣру въ варварство. Но посмотри, что ты такое? Вѣдь, ты ничтожный чер-

*) Циммерманъ, III, 361.

вякъ! Подумай, кто тебя поставилъ княземъ народа, который Господь искупилъ честною Своею кровію! Ты обязанъ на дѣлѣ доказать, христіанинъ ты или нѣтъ... Дѣлай же это, или, если не хочешь, я скажу народу о твоёмъ упорствѣ, и всѣ братья съ радостью прольютъ кровь свою за христіанство, какъ нѣкогда проливали ее въ войнѣ съ турками. Не смиришься ты предъ нами—вѣчное поношеніе тебѣ предъ всѣмъ христіанствомъ; ты будешь въ аду, ты мученикъ демона!... Мы хотимъ имѣть отвѣтъ отъ тебя сегодня, или сейчасъ же толпа воиновъ у тебя во дворцѣ. Такъ повелѣваетъ намъ Богъ... Данъ во Франкенгаузенѣ. Пятница по юбилеѣ 1525 г. Тома Мюнцеръ съ мечомъ Гедеона *). Эти угрозы были угрозами отчаянія. Впрочемъ, обезумѣть было отъ чего; приближалась многочисленная рать враговъ, привычныхъ къ войнѣ; свои не шли на помощь; подъ руками были небольшія банды людей, вовсе не знавшихъ военного дѣла; самъ ихъ вождь никогда не видалъ сраженія, а, между тѣмъ, не сегодня, такъ завтра нужно было вступить въ бой. Во все время пропаганды и агитаціи Мюнцера, одушевляла фанатическая вѣра въ справедливость проповѣдуемыхъ имъ идей; теперь у него должно было явиться горькое сознаніе своего полного неумѣнья воевать. Мечты были спугнуты страшною дѣйствительностью. Когда прибылъ неприятель, Мюнцеръ расположился на возвышенности противъ Франкенгаузена за баррикадами изъ повозокъ, окруженный рвомъ. Въ его распоряженіи было не болѣе 8,000 человекъ. Но далеко не всѣ эти люди готовы были стоять за свое дѣло. Храбрые и задорные, когда дѣло шло о разрушеніи и ограбленіи замковъ и монастырей, когда въ виду имѣлась добыча, крестьяне трусили, видя грозныя силы враговъ. Въ своего вождя вѣрила только горсть преданныхъ ему людей; у остальныхъ не было даже этой поддержки. Враги понимали, какое настроеніе должно было быть въ крестьянскомъ лагерѣ, и вступили въ переговоры, предлагая помиловать бунтовщиковъ, если они смирятся. Требовали только выдачи Мюнцера. На это не согласились приверженцы Мюнцера, но на это готовы были согласиться тѣ, которые только недавно присоединились къ нему. Нужно было много энергіи, много силы, много отчаяннаго краснорѣчія, чтобы возстановить въ лагерѣ единодушіе и побудить это войско или пастъ, или побѣдить. Пришлось даже прибѣгнуть къ двумъ казнямъ... Ихъ потомъ поставили Мюнцеру на счетъ... Мюнцеръ совершилъ чудо: покорилъ непокорныхъ, укрѣпилъ сомнѣвающихся; сама природа помогла ему въ этомъ дѣлѣ: на безоблачномъ небѣ въ полдень, передъ самой битвой появилась радуга, и Мюнцеръ указалъ на нее, какъ на знаменіе Божіе. «Въ бой!»—крикнули приверженцы Мюнцера.—«Нѣтъ пощады кровопійцамъ!» Такъ какъ бой долженъ начаться не тотчасъ, а послѣ отсрочки, данной на размышленіе врагами, то всѣ инсургенты опусти-

*) Вишняковъ, стр. 382 - 383.

лись на колѣна для молитвы. Въ эту-то торжественную минуту грянулъ залпъ изъ всѣхъ непріятельскихъ орудій: враги не дождались условнаго срока для начала битвы. Въмѣсто битвы, начались бѣгство, преслѣдованіе бѣгущихъ, взятіе ихъ въ плѣнъ, казни...

Голова скрывшагося Мюнцера была оцѣнена.

«Послѣ того какъ сраженіе у Франкенгаузена было проиграно,—говоритъ Зейдеманъ,—Мюнцеръ былъ схваченъ однимъ изъ рейтеровъ *) въ одномъ городскомъ домѣ у Нордгаузскихъ воротъ, гдѣ Мюнцеръ спрятался, притворившись больнымъ. На вопросъ всадника, кто онъ такой, Мюнцеръ отвѣтилъ, что у него лихорадка, что онъ слабъ и не принималъ участія въ возстаніи. Но сумка у постели, въ которой были письма Альбрехта фонъ-Мансфельда къ Мюнцеру, выдала послѣдняго и всадникъ предалъ Мюнцера во власть князей. Это произошло если не въ понедѣльникъ же, то во вторникъ, 16 мая **). Первымъ вопросомъ князей былъ вопросъ о томъ, какъ могъ Мюнцеръ развращать бѣдный народъ и зачѣмъ онъ допустилъ кровопролитіе. Мюнцеръ отвѣтилъ, что съ самой ранней юности его наставлялъ духъ, повелѣвавшій жертвовать отдѣльными личностями ради великаго дѣла и спасенія всего человѣчества. «Вѣдь, жертвовали же людьми вы, князья, ради своего эгоизма, причудъ и потѣхи? Этотъ духъ нисходитъ на меня и поддерживаетъ меня,—говорилъ Мюнцеръ.—Наказать тирановъ требовала сама справедливость; они были всегда врагами Евангелія, врагами христіанской свободы; на нихъ слѣдовало надѣть узду и удила». Отчего при этомъ пострадали крестьяне, онъ не знаетъ, но, должно быть, господа сами того пожелали. Молодой ландграфъ гессенскій началъ разъяснять Мюнцеру обязанности подданнаго. Вожакъ народа, проповѣдникъ новыхъ идей даже не отвѣтилъ надменному юношѣ. Тогда началась пытка. «Тяжело тебѣ, Тома,—говорилъ ему герцогъ Георгъ Саксонскій,—но подумай, каково было тѣмъ, которые были казнены по твоей милости». Мюнцеръ отвѣтилъ: «Не я, а вы того хотѣли». Пытка не вызвала у него никакихъ признаній ***). Но не такое было тогда время, чтобы удовольствоваться этимъ. Мюнцера приволали къ телѣгѣ и повезли къ жестокому брату графа Альбрехта фонъ-Мансфельда, графу Эрсту, въ Гельдрунгенъ. Здѣсь его посадили на нѣсколько дней въ башню. «Упрѣленный Гельдрунгенъ и его глубочайшая башня обезсилили Мюнцера»,—говоритъ Зейдеманъ ****). Послѣ страшныхъ пытокъ написалъ онъ 17 мая своимъ «братьямъ» въ Мюльгаузенъ трогательное, отправленное съ Христофоромъ Ламбленомъ письмо, призывая ихъ къ благоразумію, отрекаясь отъ всего земнаго, признавая себя очистительною жертвой за грѣхи, несправедливости и своекорыстіе

*) Слугою дворянина фонъ-Эббе.

***) *Seidemann*, 86—87.

****) *Циммерманъ*, III, 386.

*****) *Hast*, loc. cit., 88—90.

другихъ и прося пощады Мюльгаузену, а также женѣ и ребенку его, Мюнцера, и о сохраненіи за ними ихъ небольшой собственности «вродѣ книгъ и одежды» *). Онъ не отрешался, въ сущности, ни отъ чего, онъ признавалъ свое дѣло справедливымъ и необходимымъ, но, въ то же время, признавалъ, что оно погублено корыстными и личными расчетами людей; что оно должно послужить горькимъ урокомъ.

Измученный пытками, израненный, протомившійся въ тюрьмѣ, Мюнцеръ былъ привезенъ въ Мюльгаузенъ для казни. Здѣсь увѣщевалъ онъ князей не поступать жестоко съ бѣдными людьми и сознался, что онъ взялъ на себя «слишкомъ великое, несоразмѣрное съ его силами—*shajoga justo*—дѣло». Нѣкоторые писатели говорятъ, что его охватилъ страхъ передъ смертью, что онъ все время пилъ воду, что онъ не могъ прочесть даже символъ вѣры, который былъ прочтенъ за него герцогомъ Гейнрихомъ Брауншвейгскимъ, что онъ причащался по обряду католической церкви, но все это едва ли вѣрно, такъ какъ подъ вліяніемъ трусости не говорятъ длинныхъ рѣчей, убѣждающихъ враговъ быть кроткими и милосердными съ народомъ **). Прочитать символъ вѣры было несравненно легче, чѣмъ произнести подобную рѣчь; но Мюнцеръ въ послѣднія минуты думалъ и заботился не о себѣ. Взятый въ плѣнъ, Пфейферъ былъ также казненъ: онъ не произнесъ ни слова, не потупилъ глазъ, не дрогнулъ передъ казнью. Тѣла и головы казненныхъ были выставлены на поруганіе. Есть извѣстія, что даже несчастная жена Мюнцера, оставшаяся беременной, не избѣжала насилій и оскорбленій ***).

Первый актъ этой драмы переkreщенства закончился со смертью Мюнцера, но, прежде чѣмъ перейти къ продолженію дальнѣйшаго ея развитія, нужно остановиться на личности Мюнцера, такъ какъ и послѣдовавшія событія тѣсно связаны съ нимъ, хотя пришедшіе на смѣну ему дѣятели нерѣдко отказывались отъ него, отъ его идей.

VII.

Довольно долгое время въ Германіи имя Мюнцера было какимъ-то пугаломъ и, подъ вліяніемъ страстей, на него взводили всякія небывалыя обвиненія, его смѣшивали съ грязью. Только въ нашъ вѣкъ настало время, когда историки нашли возможнымъ относиться къ Мюнцеру болѣе хладнокровно и потому болѣе справедливо. Скажемъ даже болѣе: въ нашъ вѣкъ нѣкоторые историки, на которыхъ не безъ основанія нападаетъ Шлоссеръ, вдалились въ другую крайность и стали безусловно хвалить все, что исходило отъ Мюнцера. Въ числу такихъ писателей принадлежатъ Циммерманъ, Вейлль и другіе. Преувеличенія и въ ту, и въ другую сторону одинаково ошибочны.

*) *Seidemann*, 89.

***) *Seidemann*, 92—93; *Циммерманъ*, III, 274—275; *Hast*, 90.

***) *Seidemann*, 91—92.

Вглянемъ, прежде всего, на Мюнцера, какъ на личность.

Какъ бы враждебно ни относились теперь люди къ сущности проповѣди Мюнцера, они уже не могутъ не сознавать, что, какъ нравственная личность, онъ стоялъ очень высоко, едва ли не выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ исполнялъ то, что проповѣдывалъ, отличался суровымъ образомъ жизни, былъ воздержанъ почти до аскетизма, ничего не желалъ лично для себя и имѣлъ въ виду только благо народа. Такіе послѣдовательные люди встрѣчаются рѣдко; это исключительныя натуры. Защищая его отъ взводимыхъ на него клеветъ, Циммерманъ говоритъ: «Юноша, чужестранецъ, онъ заставилъ преклоняться предъ собою гордыхъ гражданъ большого свободнаго города. По словамъ достовѣрнаго лѣтописца, рассказывающаго то, что онъ видѣлъ собственными глазами, Мюнцеръ такъ крѣпко держалъ въ рукахъ свой народъ, что еще долго послѣ его смерти народу казалось, что Мюнцеръ, какъ всевидящій и карающій духъ, постоянно стоитъ за его спиною. Безспорно, это была сильная личность, съ характеромъ, достойнымъ полного удивленія. Объ этомъ свидѣлствуютъ даже его смертельные враги, конечно, совершенно невольно, безъ всякаго желанія съ своей стороны. Не только Меланхтонъ, великолѣпный филологъ и «отличный органонъ» Лютера, человѣкъ, необходимый для реформаціи, но, конечно, менѣе всего способный написать исторію Мюнцера и его дѣятельности, даже и самъ Лютеръ, — оба они, сами того не замѣчая, противъ воли, высказываютъ самое высокое понятіе о могуществѣ и силѣ духа Мюнцера. Сквозь всякую строчку, написанную ими о Мюнцерѣ, такъ и просвѣчиваетъ тайный страхъ, что вотъ-вотъ онъ войдетъ и предстанетъ предъ ними въ то время, какъ они упоминаютъ его имя, говорятъ о немъ. Тѣнь давно умершаго Мюнцера оказывала на нихъ такое вліяніе, которое и при жизни бываетъ удѣломъ только немногихъ сильныхъ личностей. Почти въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ ихъ о Мюнцерѣ видно, что онъ давитъ ихъ, какъ альпъ, что ихъ постоянно преслѣдуетъ тайный ужасъ; что Мюнцеръ, какъ духъ, «намалеванный на стѣнѣ», вдругъ явится предъ ними въ ту минуту, какъ они произносятъ его имя. Клевета не разъ пыталась очернить самоотверженныхъ, строгихъ и безкорыстныхъ бойцовъ свободы прошлаго вѣка; но теперь даже наука придворныхъ философовъ не рѣшается отказать имъ въ римскихъ добродѣтеляхъ. Томасу Мюнцеру пришлось испытать то же: клеветники пытались унижить достоинство его личнаго характера, затоптать въ грязь его прахъ. Его жизнь была такъ же строга, какъ и его ученіе; Мюнцеръ былъ постоянно воздержанъ въ пищѣ и питьѣ. Его любовь къ подругѣ его юности была такъ сильна, что даже среди мученій пытки, передъ лицомъ смерти, онъ думалъ только о ней и о ея будущности. Несмотря на это, послѣ его смерти клевета коснулась даже и этой добродѣтели; она пыталась приписать Мюнцеру развратъ сумасбродныхъ швейцарскихъ перекрещен-

цевъ, въ особенности же одну скандальную исторію, случившуюся въ Сентъ-Галленѣ. Въ кружкахъ виртембергскихъ теологовъ тѣшились постоянно разказами о томъ, какъ Мюнцеръ каждый разъ, когда онъ собирался произнести какую-нибудь блестящую народную рѣчь, собиралъ около себя красивѣйшихъ женщинъ города, говоря, что онъ чувствуетъ божественное дыханіе въ ихъ кругу. То же самое говорили и о Сократѣ, и о Магометѣ, и о многихъ другихъ «великихъ людяхъ». Такимъ образомъ, взводимыя на Мюнцера клеветы скорѣе возвышаютъ, чѣмъ унижаютъ его» *). Если бы кто заподозрилъ отзывъ Циммермана въ пристрастіи, тотъ можетъ найти подобные же, хотя и болѣе краткіе отзывы о личности Мюнцера у Трейчке, Шлоссера, Эвербека, Эрбгама, Вебера, Кольба, Вейлля, Ранке, Штерна и множества другихъ писателей совершенно различныхъ лагерей. Тутъ, въ этомъ вопросѣ нѣтъ и уже не можетъ быть споровъ: клеветы и инсинуаціи давно разсѣяны строгимъ и безпристрастнымъ изученіемъ того времени.

Но если такова была личность Мюнцера, то каковы же были его идеи?

Изъ крестьянскихъ тезисовъ, навѣянныхъ Мюнцеромъ, мы видѣли, что Мюнцеръ желалъ для народа всего того, что въ теченіе послѣдующихъ трехъ вѣковъ дали народу или приобрѣтены народомъ, за которыми признали человѣческія права. Идеи, высказанныя въ этомъ документѣ, далеко опередили свое время. Но Мюнцеръ шелъ и далѣе, высказывалъ и болѣе радикальныя требованія. Трейчке говоритъ **), что каждая изъ идей Мюнцера, осмѣянныхъ его современниками, нашла въ послѣдствіи представителя, нашла послѣдователей. За нѣсколько вѣковъ Мюнцеръ высказалъ то, что потомъ осуществлялось на практикѣ выдающимися гуманистами Англіи, Франціи и Германіи. Все это даетъ право Мюнцеру на выдающееся мѣсто въ исторіи.

Но, не отрицая ни высокой нравственности въ Мюнцерѣ, ни возвышенности и глубины его идей, всѣ, и друзья, и враги его, должны сознаться, что ему не удалось при жизни осуществить ничего изъ того, что онъ проповѣдывалъ, къ чему онъ стремился. Этого мало. Нужно даже признать, что онъ немало способствовалъ усиленію на время реакціи, возбудилъ противъ требованій народа не только князей и дворянъ, но заставилъ и такихъ людей, какъ Лютеръ и Меланхтонъ, кричать о подавленіи народнаго возстанія. Народъ бунтовалъ и до Мюнцера, но тогда Лютеръ говорилъ: «народъ не можетъ болѣе терпѣть»; когда народъ бунтовалъ подъ вліяніемъ Мюнцера, Лютеръ писалъ: «бейте этихъ бѣшеныхъ псовъ». Этотъ крутой поворотъ отъ симпатій къ народу къ страху передъ народною бурей очень легко прослѣдить въ то время.

*) Циммерманъ, III, 174—176.

**) Трейчке: „Исторія Мюнцера въ архивѣ всеобщей исторіи“.

Гдѣ искать причинъ всего этого?

Дѣло въ томъ, что умъ Мюнцера обладалъ замѣчательною способностью доходить до крайнихъ логическихъ выводовъ, не останавливаясь никогда на половинѣ дороги, не ставя себя впереди извѣстныхъ предѣловъ— «до этой точки и не дальше». Это была совершенная противоположность Лютеру, который могъ сказать себя: «нужно добиться того-то и бороться противъ всего, что представится дальше». Вслѣдствіе этого мы видимъ Мюнцера начертывающимъ человечеству крайне широкую программу, къ осуществленію которой оно должно стремиться. Основы созданнаго имъ идеальнаго государства слѣдующія: «перерожденные и святы, и совершенны»; значить, они не подчинены никакимъ законамъ. Если свободные не подчинены людямъ, то они не исполняютъ никакихъ гражданскихъ повинностей, десятинъ и пошлинъ не платятъ. Совершенно самостоятельные, они не входятъ ни въ какія служебныя отношенія съ другими людьми. Условія земнаго родства и дружбы не должны быть принимаемы въ расчетъ передъ обязанностями и условіями духовными и небесными. Всѣ люди—духовные братья и сестры. У перерожденныхъ не можетъ быть собственности. Имущество есть общее достояніе братьевъ и сестеръ. Начальства нѣтъ» *). Это теорія. Но какъ осуществить ее на практикѣ? Здѣсь-то мы и встрѣчаемся съ самою слабою стороною Мюнцера. Онъ не говоритъ, что все это, можетъ быть, совершится постепенно, въ далекомъ будущемъ, до мѣрѣ развитія и роста человечества. Онъ не ограничивается воспитательною проповѣдью своего ученія, подобно проповѣдникамъ Евангелія, говорившимъ при вопросѣ о податяхъ, что нужно давать «цесарево цесарю, а Божіе Богу», и при вопросѣ о раздачѣ имущества, что «человѣку это невозможно, а Богу возможно». Они знали, что политическій и социальный строй не ломается разомъ, что для его ломки нужно подготовить сначала людей, которые прониклись бы извѣстнымъ ученіемъ. Не такъ смотрѣлъ Мюнцеръ на дѣло. Ему нѣтъ дѣла до того, что въ социальной жизни не можетъ быть скачковъ, что ея развитіе совершается постепенно. Нѣтъ, онъ мистикъ, онъ фанатикъ, онъ пророкъ. Что значать для него разные естественные законы, когда онъ вѣритъ во всемогущество Бога: Богъ захочетъ, и все измѣнится? Но захочетъ ли Богъ? Да, захочетъ. Кому же и знать волю Божію, какъ не ему? Онъ вѣритъ въ «небесное откровеніе», въ «непосредственное вдохновеніе», и возглашаетъ смѣло, что «время новаго царства настало». Чѣмъ страшнѣе были воззванія и угрозы Мюнцера, тѣмъ сильнѣе сплочивалась толпа его враговъ. Даже тѣ, кто могъ бы стоять на его сторонѣ, отрешивались отъ него и если не примыкали къ его врагамъ, то держались въ сторонѣ отъ него. Въ такомъ положеніи трудно было ждать успѣха. Но если бы онъ даже не ошибся, если бы его партію

*) *Schenkel*: „Das Wesen des Protestantismus“. Schaffhausen, 1851. В. III, S. 164.

ждалъ успѣхъ, то что могло бы выйти? Нигдѣ мы не находимъ у него какого бы то ни было строго выработаннаго плана новаго царства, не видимъ даже строгаго плана подготовительныхъ дѣйствій, такъ какъ разбрасываніе прокламацій, горячая проповѣдь, призывъ къ возстанію не есть еще подготовительный планъ дѣйствій. Безграничная вѣра въ помощь свыше дѣлала ненужными всякіе планы и мѣры предосторожности. Мы видѣли, къ какимъ результатамъ привела эта вѣра. Но если бы даже можно было ожидать побѣды непривычныхъ къ войнѣ крестьянъ подъ предводительствомъ никогда не видавшаго битвъ вождя надъ привычными къ войнѣ солдатами, имѣющими во главѣ опытныхъ предводителей-князей, то и тогда, послѣ этого «чуда», Мюнцеру, конечно, не удалось бы создать ничего съ имѣвшимся у него подъ руками «материаломъ». Только въ послѣднія минуты жизни, томимъ въ тюрьмѣ, готовясь къ смерти, онъ, можетъ быть, вполне ясно понялъ, что тотъ народъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло,—народъ, деморализованный долгимъ рабствомъ, оступившій отъ вѣчныхъ лишеній, не имѣвшій понятій о Богѣ и считавшій свободою своеволіе, не могъ переродиться внезапно. Въ пору своего полного развитія и кипучей дѣятельности Мюнцеръ ни разу не остановился на этой мысли, ни разу не закралось, какъ мы видѣли, сомнѣніе въ его душу. Онъ слишкомъ беззавѣтно вѣрилъ въ свое призваніе, чтобы поддаться духу сомнѣнія. Если бы сомнѣніе хоть разъ закралось въ его душу, Мюнцеръ пересталъ бы быть Мюнцеромъ. Мюнцеръ былъ менѣе всего практикъ. Онъ не заботился о практичности въ своей жизни, онъ недумалъ о практичности и при созданіи своихъ теорій, при развитіи своихъ идей, и дѣйствительная жизнь жестоко насмѣялась надъ нимъ. Что долженъ былъ чувствовать Мюнцеръ, когда Пфейферъ заявилъ ему, что голосъ свыше приказываетъ имъ выступить изъ города въ открытое поле и идти на враговъ? Что долженъ былъ чувствовать Мюнцеръ, когда послѣ показавшейся на безоблачномъ небѣ радуги, когда послѣ торжественной молитвы всего его войска, подъ залпъ вражескихъ орудій, онъ увидалъ только бѣгущихъ въ паническомъ страхѣ людей? И сколько, какъ мы увидимъ дальше, страшныхъ событій и злодѣйствъ произошло подъ предлогомъ голоса свыше.

Вотъ главная причина, почему Мюнцеру, нравственная личность котораго выше личности Лютера, пришлось умереть со словами:

«Я взялъ на себя слишкомъ великое, непосильное дѣло!»

А. Михайловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Четвертное землевладѣніе.

(По даннымъ рязанской земской статистики).

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, описаніе нынѣшнихъ порядковъ землевладѣнія у такъ называемыхъ четвертныхъ крестьянъ и тѣхъ измѣненій, которымъ подвергались эти земельные порядки. Но прежде чѣмъ приступить къ такому описанію, необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи самаго разряда четвертныхъ крестьянъ или однодворцевъ, какъ назывались эти крестьяне еще до недавняго времени, а мѣстами называются и теперь.

Въ большинствѣ селеній четвертнаго владѣнія описываемой мѣстности въ памяти нынѣшняго населенія еще довольно живо сохранились переходившіе изъ рода въ родъ рассказы и воспоминанія «стариковъ» объ ихъ далекомъ прошломъ. При разъѣздахъ по изслѣдуемымъ уѣздамъ намъ приходилось слышать множество такихъ рассказовъ. Всѣ они по большей части очень кратки, однообразны и сводятся къ тому, что предки нынѣшнихъ четвертныхъ владѣльцевъ (однодворцевъ) принадлежали къ служилому сословію («были дворянами», говорятъ крестьяне) и за свою службу, «за отличие», получили отъ правительства землю, которая и стала переходить по наслѣдству отъ отца къ сыну. «Наши дѣды,—рассказываютъ крестьяне,—перестали являться на службу, не захотѣли служить и за то при Петрѣ I были обложены подушною податью и разжалованы въ крестьянъ-однодворцевъ». Несмотря, однако, на разжалованье, все однодворцы еще до 40 годовъ настоящаго столѣтія сохранили право владѣть крѣпостными, хотя въ дѣйствительности пользовались этимъ правомъ лишь немногіе и въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Въ 40-хъ годахъ однодворческіе крѣпостные были освобождены правительствомъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ по 75—100 руб. за каждую душу и съ тѣхъ поръ однодворцы по своему юридическому положенію перестали отличаться чѣмъ-либо отъ остальныхъ государственныхъ крестьянъ. Таковъ смыслъ крестьянскихъ рассказовъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ намъ удалось найти много старинныхъ документовъ, изъ которыхъ воплѣ

ясно видно, что предками однодворцевъ были служилые люди, владѣвшіе землей на помѣстномъ, а иногда и на вотчинномъ правѣ, во всякомъ случаѣ на правѣ частнаго, а не общиннаго владѣнія. Приведемъ нѣсколько выписокъ изъ такихъ документовъ. Въ с. Ярославыхъ, Данковскаго уѣзда, у крестьянина Спицына (фамилія очень распространенная въ селѣ) хранится жалованная грамота нѣкоему Борису Спицыну, очевидно, родоначальнику всѣхъ Спицыныхъ с. Ярославъ; грамота начинается такъ: «Милостію Божіей мы, великіе государи и цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя Россіи самодержцы, по своему царскому мудрому разсмотрѣнію пожаловали данковца Бориса Елистратова сына Спицына за его многую службу»... Далѣе идетъ длинное перечисленіе его заслугъ во время войны «съ салтаномъ турскимъ и съ ханомъ крымскимъ, какъ они сами особами своими съ войски и со ордами приходили подъ нашего царскаго величества малороссійскіе города». Далѣе упоминается, что Спицынъ вѣрно служилъ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу и участвовалъ въ разныхъ бояхъ, «будучи въ полкахъ съ нашего царскаго величества бояры и воеводы»... «и мы, великіе государи... за тѣ службы его, Бориса Спицына, жалуемъ, милостиво похваляемъ; и пожаловали, похваляя его службу, промыслы и храбрость, въ роды и роды съ помѣстнаго оклада 230 четвертей, со 100 по 20 четвертей, итого 46 четвертей изъ его помѣстья въ вотчину... и по нашему, великихъ государей, царскому жалованію та вотчина ему, Борису Спицыну, и его дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ въ роды ихъ недвижно; и вольно имъ та вотчина продати, и заложити, и въ приданыя дати». Смыслъ грамоты ясенъ: у Бориса Спицына было 230 четвертей помѣстной земли и 46 изъ нихъ пожалованы ему за его многую службу въ вотчину. «Въ другомъ документѣ, найденномъ въ дер. Мякшевъ, Скопинскаго уѣзда, описываются владѣнія всѣхъ домохозяевъ («помѣщиковъ») этой деревни; документъ носитъ названіе: «Выпись съ ярскихъ (ряжскихъ) книгъ писма и меры Григорья Кирѣвскаго съ товарищи». Въ 1629, 1630 и 1631 году въ Пехлецкомъ стану въ помѣстьяхъ написано: «за Калиною за Кирѣвымъ сыномъ Хомуцкимъ, да за его племянницею за дѣвкой за Анюткою за Ивановой, дочерью Хомуцкаго, жеребій деревни Мякишево, а Никулино тожь, себѣ за грани (т.-е. въ особыхъ границахъ, въ отдѣльномъ участкѣ *), а на ихъ жеребій дворъ ихъ помѣщиковъ да за ними крестьянскихъ дворовъ: дворъ Сенка Филиппевъ, дворъ Пронка Осиповъ,—пашни паханые 5 четей, перелогу 10 четей и дикаго поля 30 четей, обоего пашни паханые

*) Такъ объяснилъ намъ это выраженіе (себѣ за грани) проф. В. О. Ключевскій. Мы и впредь позволимъ себѣ ссылаться на разъясненія уважаемаго профессора по предмету нашей статьи. Эти разъясненія сдѣланы въ засѣданіи статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества, по поводу прочитаннаго тамъ реферата о четвертномъ землевладѣніи.

и перелому и дикаго поля 45 четей въ полѣ, а въ дву по тому-жь. Вода и лѣсъ и выпускъ ко всей деревнѣ, всѣмъ помѣщикомъ вопче; сѣна косить всей деревнѣ 600 копенъ, а съ живущаго имъ платитъ въ сошное письмо съ полуосмины». Далѣе слѣдуетъ описаніе владѣній остальныхъ «помѣщиковъ» деревни. Изъ документа видно, что пахотная земля не только находилась въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ хозяевъ, но была даже отмежевана каждому въ особые участки, и только лѣсъ, выгонъ и сѣнокосъ были нарѣзаны «всѣмъ помѣщикомъ вопче»; основаніе количественнаго распредѣленія луга и лѣса не выяснено. Какъ видно изъ приведенныхъ документовъ и изъ разсказовъ крестьянъ, перешедшая во владѣніе однодворцевъ земля измѣрялась когда-то четвертями; отсюда и названіе ея—четвертная, въ отличіе отъ остальной крестьянской земли, общинной, которая всегда измѣрялась десятинами. Четверть составляла около $\frac{1}{2}$ десятины въ каждомъ полѣ, всего около $1\frac{1}{2}$ десятины.

Приведенныя свѣдѣнія о происхожденіи четвертныхъ крестьянъ и господствующей у нихъ формы землевладѣнія въ главномъ вполне согласуются какъ съ данными другихъ мѣстныхъ изслѣдованій, такъ и изслѣдованій специально историческихъ. Въ *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Курской губ.* (т. I, стр. 41—44) приводятся совершенно тождественные съ сообщенными нами разсказы четвертныхъ крестьянъ объ ихъ происхожденіи и выписки изъ сохранившихся среди нихъ старинныхъ документовъ. Сходныя же, но болѣе точныя свѣдѣнія мы находимъ и въ исторической литературѣ объ однодворцахъ; укажемъ, напр., на сочиненіе г. Семеновскаго о казенныхъ крестьянахъ при Екатеринѣ II (*Русская Старина* 1879 г., кн. I—VI). «Разрядъ однодворцевъ,—говоритъ г. Семеновскій,—образовался изъ прежнихъ служилыхъ людей: дѣтей боярскихъ, козаковъ, стрѣльцовъ, рейтаръ, драгунъ, солдатъ, конейщиковъ и др., поселенныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ на окраинахъ Россіи для защиты отъ нападений крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Этимъ служилымъ людямъ, изъ давнихъ лѣтъ учрежденнымъ, даны были помѣстныя земли по ихъ овладѣмъ, съ которой они по нарядамъ конную и пѣшую службу служили и пограничныя мѣста охраняли». «Съ 1719 года тѣ изъ этихъ служилыхъ людей, которые не вошли въ число дворянъ, получаютъ названіе однодворцевъ. Часть прежнихъ дѣтей боярскихъ вошла въ составъ дворянства, но большинство изъ нихъ не могло или не хотѣло нести постоянной службы, а другіе служилые люди,—пушкари, стрѣльцы, козаки и т. п.,—по самому званію своему не могли войти въ составъ дворянства. Съ того времени (т. е. съ 1719 г.) положеніе всѣхъ этихъ служилыхъ людей значительно измѣнилось». Измѣнился порядокъ службы и система денежнаго податнаго обложенія однодворцевъ; въ этихъ отношеніяхъ они постепенно все болѣе и болѣе приближались къ государственнымъ крестьянамъ. «Вскорѣ послѣ присоединенія Крыма однодворцы были сравнены въ отправленіи рекрутской повинности, также какъ и въ платежѣ по-

датеи, съ прочими вѣнными крестьянами» (*Русская Старина* 1879 г., кн. I. *Казенные крестьяне при Екатерине II.*)

Не менѣе, чѣмъ прошлое самихъ однодворцевъ, интересно прослѣдить историческія судьбы находившейся въ ихъ пользованіи земли, выяснитъ отношенія къ ней и къ формамъ владѣнія ею со стороны правительства и самихъ крестьянъ. Привода далѣе нѣкоторыя черты изъ исторіи однодворческаго землевладѣнія, мы пользуемся, какъ источниками, упомянутыми выше изслѣдованіемъ г. Семева и разъясненіями профессора В. О. Ключевскаго и статьями Я. Соловьева: *О поземельномъ владѣніи въ Россіи (Отечественныя Записки 1858 г., кн. I, II, VI)* и *Объ однодворцахъ (Отечественныя Записки 1850 г., т. LXIX).*

До 1727 года не встрѣчается никакихъ особыхъ правительственныхъ постановленій объ однодворческой землѣ. До образованія дворянскаго сословія и выдѣленія не попавшихъ въ дворяне служилыхъ людей въ разрядъ однодворцевъ всѣ служилые люди владѣли землею на одинаковыхъ основаніяхъ: преимущественно на помѣстномъ правѣ, отчасти на правѣ полной собственности—вотчинномъ. Какъ извѣстно, въ первой половинѣ XVIII вѣка дворянскія помѣстья по правамъ распоряженія ими (продажи, наслѣдованія и проч.) были приравнены особыми правительственными указами къ вотчинамъ. Но на однодворческія земли эти указы не распространялись; для однодворцевъ помѣстья никогда не становились вотчинами, т.-е. полною ихъ собственностью; законъ не возбуждалъ вопроса объ этомъ. Такимъ образомъ, однодворцы остались какъ бы на старомъ помѣстномъ правѣ; но такъ какъ съ отиѣной обязательной службой, съ обложеніемъ однодворцевъ подушною податью помѣстное право не могло сохраниться въ цѣлости, то отсюда «не могли не возникнуть, какъ выражается г. Соловьевъ, нѣкоторыя затрудненія»—значительная шаткость и неопредѣленность юридическихъ основаній владѣнія однодворцевъ, отсутствіе твердыхъ правъ каждаго изъ нихъ на землю. Этому обстоятельству нѣкоторые придаютъ очень важное значеніе, признавая, что юридическая неопредѣленность однодворческаго землевладѣнія послужила главною причиною обращенія впоследствии земель однодворцевъ въ государственную собственность и замѣны четвертнаго землевладѣнія общиннымъ. Ниже мы возвратимся еще къ этому вопросу; теперь же замѣтимъ, что, не опредѣляя точно юридическихъ основаній и правъ однодворцевъ на ихъ земли, правительство съ XVIII вѣка выказываетъ вполне опредѣленное и постоянное стремленіе закрѣпить эти земли за однодворцами, воспрепятствовать отчужденію ихъ даже лицамъ своего сословія. Съ другой стороны, среди самихъ однодворцевъ замѣчается сильное стремленіе продавать землю, и хотя она и не составляла полной ихъ собственности, но свободно и въ очень большихъ размѣрахъ «перепродавалась жителямъ всѣхъ городовъ и лицамъ всѣхъ сословій».

Правительство принуждено было признать совершенныя уже продажи;

издавъ объ этомъ указъ 1727 г., оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретило дальнѣйшую продажу; предписано было «однодворческую землю (кроме купленной и пожалованной въ вотчину) никому не продавать и никакимъ образомъ не рѣшить и не записывать, чтобы оттого въ платежъ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилицкихъ полковъ помѣшательства не было». Запрещеніе это нисколько не достигло своей цѣли и инструкціей 1766 г. вновь были утверждены не только всѣ продажи земель дворянамъ, совершонныя послѣ запретительнаго указа 1727 г., но даже оставлялись за владѣльцами тѣ изъ однодворческихъ земель, которыя были захвачены помѣщиками самовольно. За однодворцами признано было право продажи только лицамъ своего сословія и лишь собственной ихъ земли, каковою признавалась купленная и пожалованная въ вотчину. Всѣ же остальные земли были признаны какъ бы государственными и ихъ запрещено было продавать даже равнымъ себѣ однодворцамъ, а также передавать по наслѣдству вышедшимъ замужъ въ другія села, хотя бы и за однодворцевъ же. Тѣмъ изъ однодворцевъ, которые вовсе не имѣли своей земли, по инструкціи предположено было отводить казенную, по 32 десятины на дворъ или по 8 дес. на душу, считая во дворѣ по 4 души, а гдѣ представится возможность, увеличивать надѣль до 60 дес. на дворъ *). И послѣ этой инструкціи (1766 г.), также какъ и послѣ указа 1727 г., однодворцы, все-таки, попрежнему, продолжали продавать землю не только членамъ своего сословія, но и помѣщикамъ-дворянамъ. «Это значительно уменьшало,—говоритъ г. Семейскій,—общее количество однодворческихъ владѣній и развивало среди нихъ сильное имущественное неравенство. Въ однодворческихъ наказахъ часто упоминается о томъ, что часть однодворцевъ вовсе не имѣла земли вслѣдствіе того, что ихъ предки или они сами распродали свои участки помѣщикамъ или другимъ однодворцамъ. Очень часто продажа участка однодворческой земли помѣщику влекла за собою самое беззастѣнчивое съ его стороны пользованіе крестьянскими лѣсами и прямыя захваты крестьянской земли. Наказы однодворцевъ полны жалобами на насильственные захваты ихъ земель соседними владѣльцами».

Мы можемъ прибавить, что подобныя захваты нерѣдко повторялись и въ позднѣйшее время. Въ очень многихъ селеніяхъ крестьяне и теперь еще рассказываютъ, какъ когда-то «господа» самовольно отрѣзали отъ

*) Вслѣдствіи, по инструкціи 1798 года, рѣшено было распространить распоряженіе о надѣленіи всѣхъ казенныхъ крестьянъ 15-ти десятинною пропорціей земли (на душу) и на однодворцевъ, а если былъ излишекъ, оставлять его за однодворцами. Затѣмъ было постановлено распространить распоряженіе о 15-ти десятинной пропорціи только на тѣхъ однодворцевъ, которые нуждаются въ землѣ (*Я. Соловьевъ*: «Объ однодворцахъ». *Отчественныя Записки* 1850 г., т. LXIX). Нѣкоторымъ селеніямъ въ нашей мѣстности, дѣйствительно, были сдѣланы прирѣзки къ надѣламъ изъ казенной земли.

ихъ земель значительные участки, какъ селили на такихъ участкахъ цѣлыя деревни своихъ крѣпостныхъ, какъ все это сопровождалось самыми возмутительными насиліями. «Еще лѣтъ 50 тому назадъ, — говорили намъ въ с. Подовечьемъ, Скопинскаго уѣзда, — прѣдутъ, бывало, господа со своими крестьянами, прогонять однодворцевъ и даже хлѣбъ ихъ снимутъ: наша-де земля; чуть не до смерти убивали, бывало (за сопротивление). Луга наши долгое время (до сороковыхъ годовъ) косили помѣщики-сосѣди, косили съ бою: ихъ сила! Лѣсу теперь ничего не осталось, а было много; весь господа отбили». Во время размежеванія съ череполосными помѣщиками послѣдніе едва не отсудили у крестьянъ села Подовечья всю ихъ землю; въ продолженіе нѣкотораго времени они могли пользоваться своею землею лишь въ качествѣ помѣщичьихъ арендаторовъ. Подобный же фактъ имѣлъ мѣсто и въ деревняхъ Бахаровкѣ и Борщевкѣ. Въ с. Шелемишевѣ, Скопинскаго у., отъ крестьянъ отошло десятинъ 300 лѣсу; при размежеваніи подкупленные понятые на вопросъ: «кто владѣеть» (лѣсомъ)? — отвѣтили: «господа». «Раньше у насъ было лѣсъ, — говорили въ дер. Яблоневоу, — да отбили господа». Въ селахъ Догомъ, Никольскомъ и Ярославѣхъ (Данковскаго уѣзда), по увѣреніямъ крестьянъ, во время размежеванія у нихъ отняты значительные участки земли, а много раньше того помѣщикъ графъ Зубовъ поселилъ, говорятъ, на землѣ села Ярославы цѣлую деревню своихъ крѣпостныхъ (дер. Натальино). «Графъ съ бою отбилъ у насъ участокъ, — рассказываютъ ярославцы. — Наши старики повыѣзжали на пашни, хотѣли отстаивать, да сила была у графа; самыхъ упорныхъ привязывали будто бы къ колесамъ запряженныхъ телѣгъ и тѣмъ сбивали съ постовъ. Съ тѣхъ поръ и пашутъ нашу землю мужики зубовскіе». Разказовъ о подобныхъ захватахъ и насиліяхъ можно было бы привести еще много. Отсутствие солидарности между четвертными крестьянами, разрозненность ихъ, на которую указываютъ всѣ наблюдатели и которая находится въ несомнѣнной зависимости отъ формы землевладѣнія, много способствовали описанному самоуправству помѣщиковъ. Помимо всѣхъ перечисленныхъ послѣдствій, наследственное право однодворцевъ на землю порождало среди нихъ массу ссоръ, раздоръ и тяжбныхъ дѣлъ, что и теперь составляетъ отличительную черту четвертныхъ крестьянъ.

Вышеописанное положеніе дѣлъ въ однодворческихъ селеніяхъ въ XVIII в. сильно озабочивало тогдашнее правительство, всѣ усилія котораго были, какъ мы видѣли, направлены къ тому, чтобы земля не уходила изъ рукъ однодворцевъ, чтобы не появлялось среди нихъ большаго числа безземельныхъ или обѣднѣвшихъ до неспособности отбывать государственныя повинности. Очевидно, что для достиженія этой цѣли однихъ запретительныхъ указовъ было недостаточно, потому что причина указанныхъ печальныхъ явленій среди однодворцевъ заключалась въ наследственномъ правѣ ихъ на землю, дѣлавшемъ отчужденіе ея фактически

возможнымъ, несмотря ни на какія запрещенія. Въ виду этого, при Екатеринѣ II правительство начало замѣтно склоняться къ признанію пользы измѣненія самой формы землевладѣнія однодворцевъ въ смыслѣ обращенія ея въ общинную или, по крайней мѣрѣ, приближенія къ общинной. Первый важный шагъ къ этому былъ сдѣланъ инструкціей 1766 г., которой предписывалось межевать однодворческую землю не каждому владѣльцу порознь, а ко всему селенію сообща, въ одну общую межу. «Правительство въ царствованіе Екатерины II, — говоритъ г. Семеновскій, — доказало многими своими постановленіями, что оно ясно сознавало преимущественнаго общиннаго землевладѣнія съ передѣлами земли надъ другими формами поземельныхъ отношеній. Необходимость введенія передѣловъ начинаютъ сознавать въ началѣ первой половины XVIII в. и сами однодворцы, хотя желаніе это встрѣчаетъ, разумѣется, сильный отпоръ со стороны разбогатѣвшихъ кулаковъ, скупившихъ земли у своихъ обѣднѣвшихъ товарищей. Несмотря на такое сопротивленіе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ однодворцы выражали въ своихъ наказахъ пожеланія, чтобы повелѣно было «земли ихъ во всѣхъ селеніяхъ и погостахъ раздѣлить по написанному въ подушный окладъ числу душъ, поскольку на каждую душу достаться можетъ по наличности всей однодворческой земли, отчего всякій можетъ быть безобиденъ и въ платежахъ состоятеленъ». Одновременно съ такими заявленіями самихъ однодворцевъ раздаются голоса въ пользу введенія передѣловъ и среди мѣстной администраціи. Такъ, директоръ курской экономіи, изучивъ по собственнымъ наблюденіямъ вредныя послѣдствія четвертнаго владѣнія, пишетъ въ своемъ докладѣ высшему правительству: «Настойтъ немалая надобность, чтобы между рода сего людьми послѣдовало во владѣніи земель уравниеніе на подобіе дворянскихъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ въ каждомъ особо по ровну, т.-е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ мужского пола душъ, такъ какъ однодворцы несутъ равную съ ними подать» (*Русская Старина* 1879 г., кн. IV, стр. 32, 38, 42. *Казенные крестьяне при Екатеринѣ II*).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что уже въ первой половинѣ XVIII в. какъ у самихъ однодворцевъ, такъ и у центрального правительства и мѣстной администраціи является стремленіе превратить четвертное землевладѣніе въ общинное. Какъ по приведеннымъ заявленіямъ крестьянъ и администраціи, такъ и по существу дѣла очевидно, что упомянутое стремленіе было вызвано крайне вредными для интересовъ населенія и правительства послѣдствіями наследственнаго права однодворцевъ на землю. Мы видѣли эти послѣдствія — продажа, закладъ и вообще отчужденіе въ большихъ размѣрахъ однодворцами своихъ земель, обиліе между ними раздоровъ и тяжбъ, неравномѣрное распредѣленіе земли и вообще сильное имущественное неравенство, обезземеленіе и обѣднѣніе значительной

части населенія и неспособность его къ уплатѣ повинностей. Ясно, что ни само населеніе, ни правительство не могли спокойно и безразлично относиться къ такимъ явленіямъ и что именно эти явленія были причиною стремленія измѣнить форму землевладѣнія, такъ какъ сами они обусловливались, главнымъ образомъ, именно формой землевладѣнія: среди остальныхъ государственныхъ крестьянъ, владѣвшихъ землей на общинномъ правѣ, подобныхъ явленій не замѣчалось.

Описанное отношеніе правительства и крестьянъ къ господствовавшей среди нихъ формѣ землевладѣнія привело впоследствии къ замѣнѣ ея общинною во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Отягчая подробное изслѣдованіе этого явленія на дальнѣйшее изложеніе, когда будутъ сообщены данныя мѣстныхъ изслѣдованій, мы приступимъ теперь къ описанію нынѣшней формы четвертнаго землевладѣнія.

Четвертное владѣніе встрѣчается въ настоящее время во всѣхъ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Поселенія четвертныхъ крестьянъ, не составляя сплошнаго района, разбросаны въ разныхъ частяхъ уѣздовъ среди селеній крестьянъ другихъ разрядовъ. Нижеслѣдующая таблица даетъ понятіе о распространенности изслѣдуемой формы землевладѣнія въ тѣхъ 3 уѣздахъ, относительно которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія.

Названіе уѣздовъ.	Всѣхъ государств. крест.			Ч е т в е р т н ы хъ .					
	Общинъ.	Домохозяевъ.	Десятинъ земли.	Общинъ.	% къ общему числу.	Домохозяевъ.	% къ общему числу.	Десятинъ земли.	% къ общему числу.
Раненбургскій	52	7,876	89,466	25	48	1,639	21	21,236	24
Данковскій	39	5,262	64,295	21	54	2,180	41	32,539	50
Скопинскій	87	14,338	132,675	36	41	682	4	6,317	5
Итого..	178	27,476	286,436	82	46	4,501	61	60,092	20

Изъ приведенной таблицы ясно, что четвертная форма землевладѣнія занимаетъ видное мѣсто въ изслѣдованныхъ нами уѣздахъ какъ по числу селеній и домохозяевъ, такъ и по количеству земли, на которую она раскростраивается. Только въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ селенія четвертныхъ крестьянъ болѣею частью очень малы, послѣдніе составляютъ небольшой процентъ (4) общаго числа государственныхъ крестьянъ. Въ Данковскомъ уѣздѣ половина общаго количества земли, принадлежащей государственнымъ крестьянамъ, состоитъ въ четвертномъ владѣніи и около $\frac{2}{3}$ всѣхъ государственныхъ крестьянъ составляютъ четвертные крестьяне. Селенія ихъ здѣсь обыкновенно довольно крупнаго размѣра. Ранен-

бургскій уѣздъ занимаетъ среднее мѣсто какъ по относительному числу четвертныхъ крестьянъ, составляющихъ $\frac{1}{2}$ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, такъ и по количеству принадлежащей имъ земли, которая составляетъ $\frac{1}{4}$ владѣній всѣхъ государственныхъ крестьянъ.

Земельные порядки четвертныхъ крестьянъ представляютъ сочетаніе чертъ, свойственныхъ двумъ формамъ землевладѣнія—подворно-наслѣдственной и общинной: при наслѣдственномъ правѣ отдѣльныхъ домохозяевъ на болѣе или менѣе значительную часть находящихся въ ихъ пользованіи угодій многія стороны земельного устройства имѣютъ чисто-общинный характеръ. Остановимся сначала на этихъ чертахъ сходства четвертнаго землевладѣнія съ общиннымъ. Во всѣхъ селеніяхъ четвертныхъ крестьянъ изслѣдованныхъ 3 уѣздовъ на ряду съ наслѣдственной четвертною землею извѣстная часть угодій находится въ общинномъ уравнительномъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ вся земля значится по владѣнной записи наслѣдственной. По относительному количеству общинной и наслѣдственной земли и по роду угодій, изъ которыхъ состоитъ та и другая, можно различать нѣсколько разновидностей четвертной формы владѣнія и соотвѣтственно этому селенія четвертныхъ крестьянъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Сдѣлаемъ это подраздѣленіе.

Въ первую группу выдѣлимъ селенія, гдѣ въ общинномъ владѣніи находится только выгонъ, составляющій обыкновенно лишь небольшой ключекъ, вся же остальная земля—пашня, лугъ, лѣсъ—наслѣдственно-четвертная. Хотя лугъ и лѣсъ обыкновенно передѣляются ежегодно для уравненія по качеству, но доля отдѣльныхъ домохозяевъ остается при этомъ изъ году въ годъ одинаковой; въ этой группѣ она всегда пропорціональна количеству пахотной земли, принадлежащей каждому домохозяину. Такая форма владѣнія распространена преимущественно въ поселкахъ малаго размѣра; она существуетъ въ большинствѣ селеній четвертныхъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, въ 2 волостяхъ (Шителинской и Вѣдновской) Раненбургскаго уѣзда и въ 3 селеніяхъ уѣзда Данковскаго.

Вторую группу составляютъ: большая часть (14) четвертныхъ селеній Данковскаго уѣзда, значительная часть (9) Скопинскаго уѣзда и 5 селеній Раненбургскаго. Здѣсь, кромѣ выгона, въ общинномъ владѣніи состоятъ лугъ и лѣсъ, вся же пахотная земля—наслѣдственно-четвертная. Лугъ и лѣсъ при общинномъ владѣніи ими въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ распределяются по дворамъ, т.-е. поровну на каждый дворъ; всякій вновь образующійся дворъ получаетъ долю, равную со всѣми остальными. Въ нѣсколькихъ селеніяхъ лѣсъ и лугъ распределяются по числу ревизскихъ душъ или на смѣшанномъ основаніи: часть (напр., лѣсъ) по дворамъ, часть (лугъ) по душамъ или по «по четвертямъ», т.-е. пропорціонально количеству принадлежащей каждому пахотной наслѣдственно-четвертной земли.

Третья группа состоитъ изъ большинства (10 наиболѣе крупныхъ) селеній Раненбургскаго уѣзда и 6—Данковскаго и Скопинскаго. Въ нихъ, кромѣ выгона, луга и лѣса, въ общинномъ владѣннн находится также и часть пашни. Вся общинная земля при этомъ распредѣляется по ревизскимъ душамъ, кромѣ 4 селеній, гдѣ основаніемъ распредѣленія служить дворъ. Въ первомъ случаѣ земля передѣляется обыкновенно во время ревизій, и хотя въ настоящее время вслѣдствіе долгаго отсутствія ревизій и ощущается надобность въ передѣлѣ, но у четвертныхъ крестьянъ она гораздо слабѣе, чѣмъ у владѣющихъ на общинномъ правѣ: количество общинной земли у первыхъ гораздо меньше, чѣмъ у послѣднихъ, и, къ тому же, при очень неравнобѣрномъ распредѣленнн четвертной земли, передѣлъ одной общинной можетъ лишь усилить общую неравнобѣрность распредѣленія. Въ виду этого, среди четвертныхъ крестьянъ и не замѣчается особенно оживленнаго движенія въ пользу передѣловъ; они довольно спокойно ожидаютъ ревизіи. При подворномъ распредѣленнн общинной земли коренные передѣлы ея производятся почти ежегодно, такъ какъ вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ число раскладочныхъ единицъ дворовъ ежегодно измѣняется.

Подворное распредѣленн части угодій и обыкновенно сопровождающая его, какъ увидимъ далѣе, подворная раскладка нѣкоторыхъ платежей представляють любопытную и едва ли не исключительную особенность четвертнаго владѣнн; при общинномъ оно, какъ извѣстно, почти не встрѣчается, если не считать крайне рѣдкихъ исключеній *). По объясненн проф. В. О. Ключевскаго, подворное распредѣленн земли и платежей у четвертныхъ крестьянъ представляетъ собою архаическую черту, сохранившуюся еще съ XVII вѣка. Еще тогда низшіе слои служилыхъ людей, предки нынѣшнихъ четвертныхъ владѣльцевъ, въ мирное время облагались подворнымъ налогомъ и соотвѣтственно этому часть земли уже тогда распредѣлялась иногда по дворамъ. Такихъ архаическихъ чертъ въ порядкахъ нынѣшняго четвертнаго владѣнн можно указать еще нѣсколько; такъ, напримѣръ: сохранившееся въ нѣкоторыхъ селеніяхъ измѣренн земли четвертями, порядокъ наследованія, съ которымъ мы ознакомимся ниже, вполне тождественный съ существовавшимъ у мелкихъ помѣщиковъ XVII в.

Упомянутыя выше разновидности четвертной формы землевладѣнн или различія селеній по относительному количеству и роду угодій, распредѣляемыхъ уравнительно между домохозяевами, настолько существенны, по нашему мнѣнн, что при группировкѣ статистическихъ ма-

*) Какъ на такое исключенн, можно указать на нѣсколько селеній государственныхъ душевыхъ крестьянъ Данковскаго уѣзда, распредѣляющихъ подворно лѣсъ; мотивируется это тѣмъ, что потребности въ отопленн почти одинаковы у всѣхъ домохозяевъ. На томъ же основанн повинность найма сельскихъ сторожей распределяется часто по дворамъ.

теріаловъ о четвертныхъ крестьянахъ *) . необходимо подраздѣленіе ихъ на разряды: необходимо выдѣлять селенія, въ которыхъ на ряду съ наследственной пашней существуетъ и общинная, отъ остальныхъ четвертныхъ селеній, какъ это сдѣлано во II т. *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губ.* Тамъ крестьяне, владѣющіе на общинномъ правѣ лишь выгономъ, лугомъ и лѣсомъ, составляютъ какъ бы подразрядъ «четвертныхъ»; тѣ же, у которыхъ, кромѣ упомянутыхъ угодій, въ общинномъ владѣніи находится также и часть пашни, выдѣлены въ подразрядъ общинно или душево-четвертныхъ. Поводомъ къ такому подраздѣленію послужило, во-первыхъ, то обстоятельство, что у крестьянъ послѣдняго разряда (душево-четвертныхъ) общинная земля составляетъ 44% общаго количества ихъ владѣній, тогда какъ въ селеніяхъ, гдѣ вся пашня наследственная, лишь 12% общаго количества земли находится въ общинномъ владѣніи; во-вторыхъ, уравнительное распредѣленіе части самыхъ важныхъ угодій, полевыхъ, имѣетъ большое значеніе въ хозяйственномъ отношеніи и сильно приближаетъ эту часть четвертныхъ крестьянъ къ крестьянамъ, владѣющимъ уравнительно всѣми угодьями; такимъ образомъ, душево-четвертные крестьяне являются промежуточною, переходною ступенью между четвертнымъ владѣніемъ и общиннымъ.

Кромѣ уравнительнаго (по количеству) распредѣленія части угодій, сходство четвертнаго владѣнія съ общиннымъ проявляется еще въ техническихъ способахъ разверстки четвертной земли; эти способы въ главныхъ чертахъ почти вполне одинаковы при обѣихъ формахъ владѣнія. Только изъ пахотной и усадебной земли отведены въ пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ опредѣленные, не передѣляемые изъ года въ годъ участки; лугъ и лѣсъ почти всюду передѣляются ежегодно; выгономъ и пастбищами пользуются всѣ домохозяева сообща; уравнительность распредѣленія угодій по качеству соблюдается до извѣстной степени и при четвертномъ владѣніи.

Пахотная земля разверстана въ большинствѣ четвертныхъ селеній тѣмъ же подесятиннымъ способомъ, какой наиболѣе употребителенъ и у крестьянъ-общинниковъ изслѣдованныхъ нами уѣздовъ. Домохозяева раздѣлены на группы (сотни, десятки, жеребья) по количеству принадлежащей имъ земли, такъ, чтобы у каждой группы было одинаковое число десятинъ. При раздѣлѣ опредѣляютъ сначала по сколько сажений давать въ каждомъ участкѣ поля на десятину владѣнія и, нарэзавъ по этому расчету полосы въ ближайшей къ усадьбамъ части пашни, повторяютъ то же до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до конца поля. Такимъ образомъ, всякій домохозяинъ имѣетъ въ каждомъ полѣ по нѣсколько кусковъ земли различнаго качества и различной отдаленности отъ уса-

*) Мы имѣемъ въ виду земскія статистическія работы.

дебъ; величина этихъ кусковъ обыкновенно одинакова, какъ и вообще при разверсткѣ по подесятинному способу. Въ крупныхъ селеніяхъ, относительно которыхъ у насъ имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія, у домохозяина бываетъ болѣею частью отъ 7 до 10 полосъ въ каждомъ полѣ; ширина ихъ чаще всего 1—1½ сажени на десятину владѣнія, длина 80 сажень. Описанный подесятинный способъ разверстки полевой земли наиболѣе распространенъ у четвертныхъ крестьянъ изслѣдованной мѣстности, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ принять такъ называемый поярусный способъ; при немъ у каждаго домохозяина имѣются полосы самой различной величины; число ихъ бываетъ часто очень велико, доходить до 15—20 въ каждомъ полѣ; ширина полосъ колеблется отъ 1 сажени до 30 и болѣе. Во многихъ селеніяхъ четвертныхъ крестьянъ, въ тѣхъ именно, гдѣ переверстокъ земли не происходило съ очень давняго времени, остались теперь лишь слѣды существовавшей когда-то уравнилельности распределенія земли по качеству, по отдаленности отъ усадебъ, по величинѣ и числу полосъ. Вообще качественная уравнилельность распределенія соблюдается при четвертномъ владѣніи далеко не такъ строго, какъ при общинномъ, потому что вообще у четвертныхъ крестьянъ переверстки пашни крайне рѣдки. Подъ вліяніемъ рѣдкости или отсутствія переверстокъ у четвертныхъ крестьянъ сложился взглядъ, по которому отдѣльные домохозяева считаютъ себя собственниками не только опредѣленнаго количества земли, но и извѣстныхъ опредѣленныхъ полосъ. Понятно, что такимъ взглядомъ какъ бы закрѣпляются навсегда различныя неудобства существующей разверстки земли, а такихъ неудобствъ при четвертномъ владѣніи ничуть не менѣе, какъ мы видѣли, чѣмъ при общинномъ: черзеполосица, мелкость, чрезмѣрная разбросанность и неудобное расположеніе полосъ, отсутствіе свободнаго проѣзда на нихъ—явленія, обычныя и у четвертныхъ крестьянъ.

Въ нѣкоторыхъ селахъ, имѣющихъ на ряду съ четвертною пашней и общинную, въ послѣдней крестьяне устроили много неудобствъ существовавшей прежде разверстки: увеличили размѣръ полосъ, уменьшивъ ихъ число, провели дороги, по которымъ стало возможнымъ проѣхать на всѣ полосы; въ разверсткѣ четвертной пашни сохранились неприкосновенными всѣ прежнія неудобства.

Для устраненія ихъ многіе добиваются общей переверстки земли, но большинству жалъ разстаться съ насиженными полосами. Послѣдніе раздѣлы четвертной земли произведены въ большинствѣ селеній четвертныхъ крестьянъ при размежеваніи изъ черзеполосицы съ помѣщиками и другими владѣльцами, которое происходило въ разное время, но болѣею частью 20—40 лѣтъ тому назадъ. Послѣ размежеванія переверстки производились лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ и лишь подъ вліяніемъ какой-либо настоятельной надобности; такъ, напримѣръ, въ с. Дубовомъ съ 1860 года по 1872 годъ чуть не ежегодно переверстывали всю землю, такъ

какъ ежегодно отводили участокъ для сдачи въ аренду, чтобы добыть средства на тябу, которую вели съ сосѣдями; въ Лѣтовѣ переверстывали пашню, чтобы раздѣлить между всѣми выморочные участки. У насъ отмѣчено еще нѣсколько такихъ случаевъ, но вообще они рѣдкое исключение; во многихъ селеніяхъ, какъ мы видѣли, у крестьянъ не сохранилось и воспоминаній о переверстахъ пахотной четвертной земли.

Въ селеніяхъ, гдѣ на ряду съ четвертной существуетъ и общинная пашня, послѣдняя или выдѣлена въ особый участокъ, составляющій обыкновенно самую отдаленную часть поля, или, если количество ея незначительно, разбросана мелкими клочками среди четвертной земли. Въ обоихъ случаяхъ способы разверстки общинной пашни и четвертной въ главныхъ чертахъ одинаковы.

Способы раздѣла сѣнокоса и лѣса въ громадномъ большинствѣ селеній вполне тождественны съ существующими при общинной формѣ землевладѣнія. Сѣнокосъ дѣлится на нѣсколько кусковъ по качеству травы; каждый изъ этихъ кусковъ распределяется сначала между сотнями, жеребьями, затѣмъ между отдѣльными хозяевами; такъ же распределяются и назначенные къ вырубкѣ участки лѣса и кустарника. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ группа домохозяевъ косить или вырубаетъ доставшійся ей участокъ сообща и дѣлитъ уже готовый продуктъ; такой способъ уборки обуславливается обыкновенно трудностью раздѣлить сѣнокосъ или лѣсъ на мелкіе пайки съ достаточною степенью уравнительности. Въ очень немногихъ селеніяхъ сѣнокосъ и лѣсъ раздѣлены, подобно пашнѣ, на постоянныя, опредѣленныя для каждаго домохозяина полосы, никогда не передѣляемыя.

Наиболѣе цѣнныя угодья (усадыбы и огороды), распределяемыя при общинномъ владѣніи обыкновенно такъ же уравнительно, какъ и осталая земля, при четвертномъ распределеніи болѣею частью крайне неравномѣрно. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ селеніяхъ, при послѣднемъ раздѣлѣ пашни, всѣмъ домохозяевамъ были отведены и одинаковыя по размѣру усадыбы съ огородами; есть также селенія, гдѣ еще до недавняго времени существовалъ обычай отводить всякому вновь образуемому двору усадыбу опредѣленнаго размѣра изъ общественнаго выгона; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ распределеніи усадебной и огородной земли не существуетъ никакой уравнительности. Въ прежнее время, при сравнительномъ просторѣ, въ селеніяхъ четвертнаго владѣнія былъ очень распространенъ захватъ подъ усадыбы отдѣльными домохозяевами выгонной общественной земли; въ нѣкоторыхъ селахъ такіе захваты продолжались еще до недавняго времени, пока совсѣмъ почти не осталось свободныхъ выгоновъ. Болѣе зажиточные хозяева захватывали обыкновенно довольно крупныя участки, бѣдныя ограничивались прирѣзкой изъ выгона нѣсколькихъ сажень. При введеніи владѣнныхъ записей всѣ захваченныя такимъ образомъ участки были признаны наследственнымъ владѣніемъ

отдѣльныхъ хозяевъ. Даже тамъ, гдѣ подобныхъ захватовъ не происходило, усадебные участки успѣли сдѣлаться очень неравномѣрными, такъ какъ не уравнивались очень долгое время, а частотъ семейныхъ раздѣловъ была неодинакова въ различныхъ семьяхъ. Теперь многимъ изъ отдѣлившимся семей почти негдѣ поселиться, у нѣкоторыхъ же хозяевъ на усадьбахъ обширные огороды и даже сѣнокосы; у однихъ размѣръ усадебъ не превышаетъ 5—10 сажень, у другихъ онъ доходитъ до 3—5 десятинъ, а иногда до 10 десятинъ (с. Демино, Раненбургскаго уѣзда).

Въ способѣ пользованія выгономъ и вообще пастбищами четвертные крестьяне ничѣмъ не отличаются отъ общинниковъ; всѣ пользуются сообща выгономъ, паромъ, атавой, лѣсомъ для выпаса; количество скота у каждаго домохозяина не ограничивается.

Главные черты способа разверстки угодій и уравнительное распределение нѣкоторой части ихъ, общность пользованія пастбищами составляютъ пункты сходства четвертнаго владѣнія съ общиннымъ. Боренныя отличія четвертной формы землевладѣнія состоятъ въ наследственномъ правѣ отдѣльныхъ домохозяевъ на известную часть находящейся въ ихъ пользованіи земли, въ возможности отчужденія, перепродажи этой земли и въ основаніяхъ раскладки податей. Къ описанію этихъ сторонъ мы и перейдемъ теперь.

Такъ называемая четвертная земля переходитъ по наследству на основаніи существующихъ у крестьянъ обычаевъ, также какъ и всякое другое имущество. Между дѣтьми мужскаго пола вся земля дѣлится поровну. Вдова или дочь наследуютъ только въ томъ случаѣ, если у умершаго не осталось сыновей (братья-наследники обязаны содержать сестру до замужества и выдать ей приданое при выходѣ замужъ). За отсутствіемъ прямыхъ наследниковъ земля переходитъ къ братьямъ, сестрамъ, племянникамъ, дядьямъ; въ случаѣ же полного отсутствія родственниковъ земля поступаетъ въ общество, которое распределяетъ ее болѣею частью по дворахъ или по душамъ, но иногда, въ очень рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, выморочные участки дѣлятся между всѣми домохозяевами пропорціонально величинѣ владѣнія каждаго. Разъ земля перешла по наследству къ женщинѣ, послѣдняя становится полнымъ собственникомъ ея даже по выходѣ замужъ въ другое село или за лицо некрестьянскаго сословія. Случай «ухода земли изъ села замужъ» (мѣстное выраженіе) довольно часты; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ количество такой «ушедшей замужъ земли» доходитъ до 100 и болѣе десятинъ.

Помимо переходовъ по наследству, въ послѣдніе годы четвертная земля стала часто переходить изъ рукъ въ руки, изъ села въ село и даже къ лицамъ другихъ сословій на основаніи продажи. Продажа земли была, какъ мы видѣли, обычнымъ, очень распространеннымъ явленіемъ среди однодворцевъ еще въ XVIII вѣкѣ, но затѣмъ она временно приостановилась и, *насколько помнятъ крестьяне*, была среди нихъ очень рѣ-

внѣмъ явленіемъ еще до недавняго времени *); даже переселенцы давнихъ лѣтъ часто передавали свои участки обществу, если въ селѣ не оставалось у нихъ родственниковъ. Хотя у четвертныхъ крестьянъ практиковался, повидимому, уже издавна замаскированный способъ продажи посредствомъ заклада земли подъ сумму, превышающую стоимость ея, но до послѣдняго десятилѣтія случаи такихъ закладовъ были рѣдки. Въ послѣднее десятилѣтіе сдѣлки о продажѣ земли начинаютъ учащаться, хотя и теперь еще крестьяне считаютъ продажу «недозволенной закономъ» и замаскировываютъ ее выдачей покупщику заемнаго письма на сумму, значительно превышающую стоимость земли, которая продается послѣ этого съ аукціона якобы за долгъ. Въ самые послѣдніе годы (лѣтъ пять), съ сильнымъ развитіемъ переселенческаго движенія, случаи продажи четвертной земли сдѣлались очень часты; всѣ переселенцы продаютъ свои участки болѣею частью отдѣльнымъ домохозяевамъ-односельцамъ, но иногда и стороннимъ лицамъ; въ нѣкоторыхъ селахъ Раненбургскаго уѣзда по 100, по 200 десятинъ перешло къ купцамъ, мѣщанамъ и т. п. Въ Данковскомъ уѣздѣ, во избѣжаніе такихъ явленій, почти всѣ общества четвертныхъ крестьянъ постановили въ 1882 году приговоры: не выдавать увольнительныхъ свидѣтельствъ тѣмъ изъ уходящихъ на переселеніе домохозяевамъ, которые продадутъ землю кому-либо помимо односельцевъ; этотъ приговоръ имѣлъ полный успѣхъ: начавшаяся было въ довольно широкихъ размѣрахъ продажа земли стороннимъ обществу лицамъ послѣ приговора тотчасъ же и совершенно прекратилась. Но и при покупкѣ переселенческой земли односельцами она попадаетъ въ руки немногихъ, наиболѣе зажиточныхъ домохозяевъ; лишь при покупкѣ ея всѣмъ обществомъ переселенія могутъ оказать четвертнымъ крестьянамъ такую же существенную помощь, какую они оказываютъ при общинномъ владѣніи землею, т.-е. при подушномъ раздѣлѣ переселенческихъ участковъ между всѣми домохозяевами. Въ одномъ селѣ Раненбургскаго уѣзда (с. Юсово) общество, дѣйствительно, купило у переселенцевъ ихъ землю (около 100 десятинъ), занявъ для этого въ банкѣ на имя богача-односельца 6,000 р.; средства на уплату долга получаютъ отъ сдачи купленной земли въ аренду; по уплатѣ долга она поступить въ общинное владѣніе **).

*) Причины такой временной приостановки для насъ неясны, но что отсутствіе случаевъ продажи земли относится лишь къ новѣйшему времени,—ко времени, на которое простираются воспоминанія нынѣшняго населенія, это доказывается документами, которые намъ удалось найти въ нѣкоторыхъ четвертныхъ селеніяхъ. Документы эти—многочисленные копии сдѣлокъ о продажѣ и закладѣ въ XVIII в. земли однодворцами. Въ с. Ярославъ, Данковскаго уѣзда, мы нашли цѣлую довольно толстую тетрадь, состоящую исключительно изъ такихъ копій; достаточно было бы привести ихъ число, чтобы судить о сильной распространенности въ началѣ и концѣ XVIII в. продажи и заклада земли однодворцами нашей мѣстности. Къ сожалѣнію, упомянутая тетрадь въ настоящее время не въ нашемъ распоряженіи, и потому мы не можемъ привести никакихъ выдержекъ изъ нея.

***) Считаемо не лишнимъ привести изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ нѣ-

Продажа земли *непереселенцами* еще не сдѣлалась обычнымъ явленіемъ среди четвертныхъ крестьянъ, но случаи отдѣльныхъ продажъ приходится встрѣчать во многихъ селеніяхъ; почти всегда они вызываются крайнею бѣдностью домохозяина или запутанностью его дѣлъ. Большое число бѣдняковъ, задолженность многихъ домохозяевъ и то обстоятельство, что продажа четвертной земли *непереселенцами* началась лишь недавно и съ годами замѣтно усиливается, даютъ основаніе ожидать въ недалекомъ будущемъ сильнаго распространенія этого явленія. Въ настоящее время въ большинствѣ селеній оно не играетъ еще сколько-нибудь замѣтной роли, но въ нѣкоторыхъ селахъ и теперь уже десятинъ по 50, по 100, кромѣ переселенческой земли, продано стороннимъ лицамъ, не считая продажъ односельцамъ.

Кромѣ возможности отчужденія земли и наследственнаго права отдѣльныхъ домохозяевъ на значительную часть угодій, отличительною чертой порядковъ четвертнаго владѣнія отъ общинныхъ служить, какъ мы уже упомянули, способъ раскладки податей. При общинной формѣ землевладѣнія всѣ платежи раскладываются между домохозяевами «по землѣ», т.-е. на томъ же основаніи, на какомъ распределена между ними земля. При четвертномъ владѣніи «по землѣ», т.-е. пропорціонально количеству принадлежащей каждому земли, раскладываются лишь поземельные платежи, оброчная подать, земскій сборъ, государственный, поземельный и лѣсной налоги; та часть этихъ платежей, которая падаетъ на землю, состоящую въ общинномъ владѣніи, распределяется по дворамъ или по душамъ, смотря потому, какое основаніе принято для распределенія самой земли. Подушная подать выплачивается каждымъ по числу причитающихся къ его семьѣ ревизскихъ душъ, хотя бы онѣ и давно умерли. Подводная повинность и жалованье сельскимъ сторожамъ распределяется обыкновенно по дворамъ; остальные же сельскіе сборы и всѣ волостные въ большинствѣ случаевъ разверстываются по ревизскимъ душамъ; нерѣд-

сколько выписокъ, которыя даютъ понятіе о распространенности случаевъ продажъ земли непереселенцами. Выбираемъ селенія, гдѣ это явленіе болѣе распространено. *Пригородныя слободы Раненбургскаго уѣзда*. Десят. 50 скуплено по мелочи купцомъ и сосѣднимъ монастыремъ; кромѣ того, нѣсколько десятинъ продано односельцамъ. *Юсово, Раненбургскаго уѣзда*. Около 100 десят. продано купцу и 2 мѣщанамъ. *Мурзинка, Скопинскаго уѣзда*. Бываютъ случаи продажи земли за долги односельцамъ; въ послѣдніе годы стали продавать чаще. *Климово, Раненбургскаго уѣзда*. Начали продавать землю года 3 назадъ; продажи, кромѣ переселенцевъ, около 10 хозяевъ—бѣдняки или пьяницы. *Набережная, Раненбургскаго уѣзда*. Бѣдняки въ послѣдніе годы довольно часто стали продавать землю и закладывать. *Ярослави, Данковскаго уѣзда*. На многихъ большіе долги; опасаются продажи за нихъ земли. *Сторожевая, Данковскаго уѣзда*. Продажи довольно часты; десятинъ 100 продано за долги. *Долгое и Никольское, Данковскаго уѣзда*. Довольно часты продажи земли за долги, по бѣдности и т. п. Около 330 десят., считая и землю переселенцевъ, продано на сторону. Въ большинствѣ селеній случаи продажи земли непереселенцами или рѣдки, или ихъ совсѣмъ еще не бывало.

ко, впрочемъ, основаніемъ раскладки этихъ сборовъ или части ихъ принимается дворъ или количество наследственной четвертной земли; въ с. Ярославъ, напр., $\frac{1}{2}$ волостныхъ и мирскихъ сборовъ разложена на четвертную землю, другая половина—поровну между всѣми дворами; въ Сторожевой слободѣ волостные сборы—по четвертной землѣ, сельскіе—по душамъ; въ Долгомъ и Никольскомъ волостные—по душамъ, сельскіе—подворно; въ Крутомъ сельскіе сборы раскладываются иногда по землѣ, иногда по душамъ; въ 7 селеніяхъ Пителинской волости волостные сборы раскладывались по душамъ, но съ нѣкотораго времени ихъ разложили по землѣ. Случаевъ такихъ очень разнообразныхъ отступленій отъ подушнаго распредѣленія сельскихъ и волостныхъ сборовъ встрѣчается очень много. Усадьбы и огороды, несмотря на ихъ неравнобѣрность и на особенную цѣнность ихъ сравнительно съ остальными угодьями, въ большинствѣ случаевъ не несутъ никакихъ специальныхъ платежей; лишь въ нѣсколькихъ селеніяхъ они обложены особымъ довольно тяжелымъ посаженнымъ налогомъ, который вычитается изъ общей суммы поземельныхъ или подворныхъ, а иногда подушныхъ платежей. Солдаты пользуются обыкновенно нѣкоторыми льготами въ отбываніи податей, и сложенная съ нихъ сумма распредѣляется обыкновенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ сельскій и волостной сборы. Раскладка податей часто возбуждаетъ у четвертныхъ крестьянъ сильныя споры: малоземельные стараются обыкновенно перевести возможно большую долю платежей съ душъ и дворовъ на четвертную землю, многоземельные дѣйствуютъ въ обратномъ направленіи; этимъ и объясняется разнообразіе въ способахъ раскладки волостныхъ, мирскихъ, солдатскихъ и усадебныхъ платежей. Закончивъ этимъ описаніе нынѣшнихъ порядковъ четвертнаго землевладѣнія, мы перейдемъ къ рассмотрѣнію тѣхъ измѣненій, которыя съ теченіемъ времени происходили въ этихъ порядкахъ.

К. П—въ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ Санъ-Франциско до Гонконга.

(Путевые наброски).

I.

Американскіе города и американская жизнь вообще хотя, конечно, и представляетъ для туриста извѣстный интересъ, но въ сравненіи съ другими странами интересъ этотъ довольно ограниченъ. Дѣйствительно, во всякомъ путешествіи туристомъ руководятъ двѣ главныхъ цѣли: изученіе природы страны и ознакомленіе съ жизнью ея обитателей, между тѣмъ, путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ этимъ цѣлямъ удовлетворяетъ не вполне. Природа, во многихъ мѣстахъ и красивая, и грандіозная, кажется блѣдной въ сравненіи съ роскошью странъ тропическихъ, жизнь же американцевъ не представляетъ для европейскаго туриста выдающагося интереса уже по одному тому, что она есть ничто иное, какъ болѣе или менѣе близкая копія жизни любого изъ цивилизованныхъ народовъ Европы. Въ ней нѣтъ своеобразности и типичности жизни народовъ еще не цивилизованныхъ или стоящихъ на той переходной ступени отъ древнѣйшихъ цивилизацій къ современнымъ, на которой находятся въ настоящее время хотя бы многія страны близкаго и дальняго Востока. Затѣмъ, кромѣ интереса, представляемаго современною культурой, въ жизни каждаго народа есть еще другая сторона, не менѣе, если не болѣе важная и любопытная,—это его прошлое, весь ходъ его историческаго развитія, о которомъ могутъ свидѣтельствовать историческіе памятники или разнообразныя произведенія искусствъ. Этого-то послѣдняго условія интереса, которому такъ блистательно отвѣчаетъ весь Востокъ, не говоря уже про Европу, въ Америкѣ вовсе не существуетъ. Молодой еще народъ не успѣлъ себѣ создать исторіи, не прошелъ, да и не пройдетъ въ своей исторической жизни черезъ тѣ ступени, черезъ которыя прошли народы Стараго Свѣта и которыя оставили на всемъ старомъ континентѣ столько блестящихъ слѣдовъ.

Весь августъ мѣсяцъ 1884 года мнѣ пришлось провести въ Санъ-Франциско, столицѣ Калифорніи и всего дальняго Запада. Приѣхавъ я

туда на третій мѣсяць моего пребыванія въ Штатахъ, будучи уже знакомъ съ жизнью большихъ американскихъ центровъ и зная, что и здѣсь я найду лишь повтореніе того, что уже видѣлъ. Поэтому я и не рассчитывалъ остановиться тамъ такъ долго, но два обстоятельства измѣнили мои планы. Во-первыхъ, мое пребываніе въ городѣ совпало съ послѣдними мѣсяцами передъ выборами новаго президента, а въ такомъ большомъ центрѣ это время представляетъ интересъ, выходящій изъ ряда обыкновеннаго. Борьба двухъ партій, республиканской и демократической, бурные митинги, горячія статьи, необычное оживленіе, наконецъ, процессіи, устраиваемыя обѣими партіями, щеголяющими другъ передъ другомъ числомъ участвующихъ и роскошью организаціи,—все придавало городу какой-то праздничный, необыденный видъ. Вторымъ обстоятельствомъ, задержавшимъ меня въ Санъ-Франциско, была случайная встрѣча съ нѣсколькими соотечественниками, хотя послѣднее названіе врядъ ли къ нимъ можетъ быть примѣнено. За нѣсколько лѣтъ безвыѣзднаго пребыванія въ Америкѣ русскаго во всѣхъ нихъ осталось очень мало; измѣнились интересы, перемѣнилась и внѣшность: манеры, одежда, движенія и рѣчь,—во всемъ они стали почти неотличимы отъ природнаго американца.

Великая республика тѣмъ и удивительна, что на ея свободной почвѣ чужеземныя растенія прививаются съ изумительною быстротой. Американцы, какъ извѣстно, составляютъ агломерацию всевозможныхъ расъ и народовъ, изъ которыхъ главный элементъ состоитъ изъ расы англосаксонской. За ней слѣдуютъ представители всѣхъ другихъ европейцевъ, эмиграція которыхъ прямо пропорціональна числу благоприятныхъ социальныхъ и другихъ условій народнаго благосостоянія ихъ родины *).

Всѣ эти разноплеменники, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ переселенія, дѣлаются неузнаваемыми. Они до того входятъ плотью и кровью въ американскій строй жизни, проникаются общими цѣлями и идеями, общею національною гордостью, что окончательно забываютъ родину, перѣдко даже обижаясь при обращеніи къ нимъ съ рѣчью на ихъ родномъ языкѣ. Изъ нихъ, однимъ словомъ, дѣлаются настоящіе янки, со всѣми тѣми особенностями, которыя присущи типу свободнаго американскаго гражданина.

Такой же ассимиляціи подверглись и всѣ тѣ русскіе, съ которыми я встрѣтился въ Санъ-Франциско. Познакомился я съ ними совершенно случайно. На одномъ изъ демократическихъ митинговъ, обратившись за какии-то свѣдѣніемъ къ сосѣду, я, къ удивленію своему, узналъ въ немъ

*) При этомъ земельный вопросъ въ Ирландіи и милитаризмъ Германіи снабжаютъ и до сихъ поръ Соединенные Штаты главнымъ контингентомъ переселенцевъ. Изъ Россіи эмиграція достигла наибольшихъ размѣровъ—15,800 человекъ въ 1882 г.; наименьшихъ въ 1847 г. (первый годъ веденія статистическихъ таблицъ): всего 10 человекъ.

руссаго, нѣкоего Д., москвича по происхожденію; черезъ него впоследствии я сошелся съ остальными. Судьба Д. не лишена оригинальности; такіе типы съ такимъ разнообразнымъ прошлымъ можно встрѣтить лишь въ Америкѣ, и то преимущественно въ одномъ мѣстѣ, на дальнемъ Западѣ.

Какія причины вынудили его бросить родину и бѣжать въ Америку, я ни отъ кого добиться не могъ и имѣю только нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни съ момента его прибытія въ Нью-Йоркъ. Прибылъ онъ туда двадцати лѣтъ, не говоря почти ни слова по-англійски и имѣя лишь нѣсколько шиллинговъ въ кармаѣ. Прямо съ парохода онъ вмѣстѣ съ остальными эмигрантами отправился въ Каствль-Гарденъ, зданіе, специально для переселенцевъ приспособленное, откуда, сообразно съ ихъ способностями или ремесломъ, они направляются на тѣ или другія занятія. Д., не знающему никакого ремесла, предстоялъ выборъ между земляными работами и скромнымъ мѣстомъ чистильщика сапогъ на улицѣ. Онъ выбралъ послѣднее и на этомъ поприщѣ подвизался около полугода, пока счастливый случай не заставилъ одного изъ его кліентовъ, какого-то мясника, обратить на него вниманіе и взять его себѣ въ помощники. Послѣ мясной лавки Д. попадаетъ въ *waiter*'ы, т.-е. лакеи въ ресторанъ, и въ виду того, что мѣста лакеевъ вообще въ Америкѣ оплачиваются болѣе чѣмъ хорошо, онъ послѣ года пребыванія въ ресторанѣ успѣваетъ собрать кое-какія деньги и на нихъ открыть уже самостоятельную продажу минеральныхъ водъ на улицѣ. Затѣмъ Д. бросаетъ Нью-Йоркъ и ѣдетъ на западъ, рассчитывая найти тамъ болѣе выгодное занятіе. За это время онъ успѣлъ достаточно познакомиться съ англійскимъ языкомъ и принять американское подданство. Пріѣхавъ въ Калифорнію, онъ нѣкоторое время остается безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, пока не получаетъ возможности принять участіе въ одной ученой американской экспедиціи, отправлявшейся на два года въ полярныя страны, для астрономическихъ наблюдений. Экспедиція состояла изъ нѣсколькихъ ученыхъ астрономовъ и пяти лицъ, вызываемыхъ для помощи при работахъ, записыванія наблюдений, надзора за инструментами и т. п. занятій, не требующихъ никакихъ специальныхъ знаній. Условія были трудныя, но за то и оплачиваемы были исключительно хорошо, такъ какъ экспедиція ассигновала своимъ второстепеннымъ членамъ по 2,400 долларовъ, т.-е. около 4,800 р. въ годъ. Д., не колеблясь, въ числѣ немногихъ другихъ, вызвался охотникомъ и былъ принятъ. Послѣ долгаго и труднаго плаванія они прибыли къ мѣсту назначенія, гдѣ и пробыли безвыѣздно два года, окруженные одними эскимосами, причѣмъ за все это время къ нимъ лишь разъ пришла шкуна, привезшая имъ провизію, извѣстія и газеты за цѣлый годъ. Такъ они и читали эти газеты поочередно, каждый день, только за годъ назадъ.

Вынесъ Д. изъ этой экспедиціи отличное знаніе эскимоскаго языка, поверхностное понятіе объ астрономіи и 4,800 долларовъ, такъ какъ на

мѣстѣ, при всемъ желаніи, нельзя было истратить и цента. Съ этимъ маленькимъ капиталомъ онъ вернулся въ Санъ-Франциско и тутъ на свое несчастіе пустился въ спекуляціи, положивъ почти всѣ свои деньги въ какую-то компанію разработки каменноугольныхъ копей,—предпріятіе, обѣщавшее громадные барыши и окончившееся, какъ и много подобныхъ предпріятій, полнѣйшимъ крахомъ. Д. вновь очутился безъ денегъ и въ такомъ положеніи я его и засталъ въ Санъ-Франциско. За мое пребываніе въ городѣ онъ не успѣлъ еще найти себѣ опредѣленныхъ занятій. Лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я, уже будучи въ Японіи, получилъ извѣстіе, что онъ вновь досталъ себѣ мѣсто члена какой-то межевой комиссіи въ Техасѣ и уѣхалъ туда по контракту на полтора года.

Знакомство съ Д. привело меня, между прочимъ, къ еще одной, довольно оригинальной встрѣчѣ. Какъ-то разъ назначена была грандіозная процессія демократической партіи, въ которой долженъ былъ участвовать и Д. Вообще онъ чрезвычайно горячо относился ко всѣмъ дѣламъ своей партіи, не упуская ни митинговъ, ни процессій. Процессія назначена была на вечеръ и послѣ ея окончанія мы должны были встрѣтиться въ одномъ изъ ресторановъ и провести остатокъ вечера вмѣстѣ. Это былъ самый грандіозный праздникъ, который мнѣ удалось видѣть въ этомъ родѣ; въ немъ участвовало около 10,000 человекъ, причемъ вся эта толпа раздѣлена была на отряды, съ особыми значками каждаго изъ нихъ, и многіе отряды были одѣты въ разные средневѣковые костюмы. Все шествіе продолжалось нѣсколько часовъ и сопровождалось десятью оркестрами музыки, бенгальскими огнями и иллюминаціей всѣхъ домовъ, владѣльцы которыхъ были демократы. Во главѣ одного изъ отрядовъ увидѣлъ я, между прочимъ, и моего пріятеля Д. Самъ бы я его никогда и не узналъ, если бы онъ, случайно замѣтивъ меня въ толпѣ, не назвалъ меня по имени, будто приглашая собой полюбоваться. Молодой, красивый собой, онъ былъ одѣтъ въ блестящіе латы и шлемъ, что придавало ему фантастическій видъ какого-то средневѣковаго рыцаря! Въ одной рукѣ онъ держалъ большое знамя, наверху котораго было написано имя кандидата партіи въ президенты, а внизу большими буквами два слова: *Egality and Liberty*—равенство и свобода. Послѣ конца процессіи Д., разоблачившись отъ своихъ блестящихъ доспѣховъ, присоединился ко мнѣ въ ресторанѣ условленномъ мѣстѣ и мы пошли поужинать, причемъ за ужиномъ все время говорили съ Д. по-русски. Каково же было мое удивленіе, когда послѣ конца ужина человекъ, все время молчаливо намъ служившій, обратившись къ намъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, просилъ подождать, пока онъ покончитъ работу и затѣмъ зайти къ нему. Мы, разумѣется, согласились и черезъ полчаса очутились въ гостяхъ у нашего *waiter*'а. По наведеннымъ мной въ послѣдствіи справкамъ, этотъ *waiter*, нѣкто К., былъ въ Россіи во главѣ большого состоянія, которое потерялъ въ дѣлахъ. Послѣ многихъ скитаній онъ пріѣхалъ въ Санъ-Франциско,

гдѣ въ ожиданіи лучшаго взялъ мѣсто кельнера за 50 долларовъ въ мѣсяцъ, приче́мъ обязанъ неотлучно быть въ рестора́нѣ отъ 12 часовъ дня до 12 ночи.

Кромѣ Д. и Б., я за мѣсяцъ моего пребыванія въ городѣ сошелся еще съ пятью или шестью соотечественниками, приче́мъ судьба ихъ всѣхъ почти одинакова. Вынужденные обстоятельства оставить Россію, они пріютились въ Санъ-Франциско послѣ цѣлаго ряда неудачъ разнаго рода. За долголѣтнее пребываніе въ Америкѣ всѣ давно уже успѣли переменить подданство, а нѣкоторые и фамилію, и всецѣло отдаться всѣмъ интересамъ мѣстной жизни. Пріѣхали они туда почти всѣ молодыми и, очутившись въ чужой странѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, безъ знанія языка, должны были пройти тяжелую школу, переходя черезъ всевозможныя соціальныя положенія, пробивая себѣ дорогу среди нерѣдко весьма трудной борьбы съ голодомъ и нуждой. Всѣ они начали свое поприще съ Востока, а потомъ мало-по-малу перебрались на Западъ, слѣдуя въ этомъ общему влеченію эмиграцій. Причина же такого влеченія кроется въ исторіи быстрого промышленнаго развитія всей страны, носящей названіе *Far-West'a*.

Не далѣе, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, вся она была полудикою, малонаселенною мѣстностью, въ которой бродили шайки кочевниковъ - индѣйцевъ; немногіе же бѣлые, пробравшіеся въ эти далекія окраины, должны были съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою жизнь и свободу. И вотъ вдругъ, въ какіе-нибудь тридцать-сорокъ лѣтъ оживились и пустыни, и горы. Безконечная прерія пересѣчена была тремя линіями желѣзныхъ дорогъ, соединившими Востокъ съ дальнимъ Западомъ, появились города, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напр., Санъ-Франциско, не хуже двухъ третей европейскихъ столицъ, родилась торговля, спекуляція, повлекшая за собой грандіозныя предпріятія, и быстрое образованіе громадныя состояній, которыя нерѣдко такъ же быстро уходили. Однимъ словомъ, и здѣсь началась та горячая дѣятельность — плодъ личныхъ свойствъ, смѣшленности и неутомимой энергіи америганца, ни передъ чѣмъ не останавливающагося, не боящагося ни труда, ни лишеній, твердо и непреклонно идущаго къ своей цѣли, — накопленіе долларовъ, — средствомъ къ которой служить *business* — дѣло и всякое дѣло, какое только подъ руку попадется.

Такому быстрому заселенію способствовало, во-первыхъ, открытіе богатѣйшихъ серебряныхъ рудниковъ въ Калифорніи, которые привлекли туда массу авантюристовъ, жаждавшихъ и нерѣдко достигавшихъ быстро обогащенія; во-вторыхъ, пришествіе и водвореніе мормоновъ, обратившихъ часть неплодной преріи въ процвѣтающую нынѣ и заселенную территорию Юты и, наконецъ, вообще усиливающаяся за послѣднія десятилѣтія эмиграція изъ Европы и Китая. Европейскіе эмигранты, заселивъ мало-по-малу восточныя штаты, начали двигаться на Западъ, страну еще новую,

открывавшую обширное поле для самой разнообразной индивидуальной дѣятельности и въ которой до сихъ поръ еще чувствуется недостатокъ рабочихъ рукъ. Последнее обстоятельство и теперь замѣтно на значительной разницѣ въ рабочей платѣ между двумя окраинами республики. Вообще подневная плата рабочаго въ Америкѣ достигаетъ неслыханныхъ у насъ размѣровъ, на Западѣ же она еще выше, чѣмъ на Востокѣ. Такъ, напр., тамъ постоянно случается встрѣчаться съ требованіями въ нѣсколько сотенъ рабочихъ съ заранѣе объявленною платой отъ 3 до 4 долларовъ въ день, что составляетъ отъ 6 до 8 рублей за такую работу, которая у насъ не оплачивается и въ десять разъ меньше; хорошій же фабричный рабочій получаетъ ежедневно отъ 5 до 6 долларовъ.

Эта-то возможность людямъ, не обладающимъ никакими специальными знаніями, получать хорошо оплачиваемую простую, черную работу и служила, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ стимуловъ эмиграцій на Западъ. Вообще положеніе и условія рабочаго въ Америкѣ значительно лучше тѣхъ же условій во всѣхъ странахъ Европы, тѣмъ болѣе, что пресловутая американская дороговизна жизни, вслѣдствіе долго державшейся строго покровительственной системы торговли, отражается, главнымъ образомъ, на предметахъ роскоши и вообще на ввозныхъ издѣліяхъ иностранной мануфактуры, безъ которыхъ рабочему обойтись весьма легко. Предметы же первой необходимости и условія его обыденной жизни, хотя обходятся ему дороже, чѣмъ европейцу, но эта дороговизна далеко не пропорціональна разницѣ въ рабочей платѣ, что даетъ возможность американскому рабочему легче и скорѣе дѣлать сбереженія для достиженія конечной цѣли—земельной собственности или возможности спекуляціи.

II.

Въ первыхъ числахъ сентября я, наконецъ, рѣшился продолжать заранѣе намѣченный мной путь въ Японію и Индію и взялъ билетъ на одинъ изъ ближайшихъ пароходовъ *Pacific Mail*, единственнаго общества пароходства между Америкой и Японіей. Переездъ этотъ безспорно самый скучный, длинный и дорогой, который когда-либо мнѣ приходилось дѣлать. Билетъ перваго (единственно, впрочемъ, возможнаго) класса стоитъ 250 долларовъ, длится же все путешествіе не менѣе 19—20 дней, а иногда и гораздо болѣе. Намъ приходилось сдѣлать 4,800 морскихъ миль и въ виду того, что по пути нѣтъ ни одного клочка земли, гдѣ можно было бы остановиться и возобновить запасъ угля, а пароходъ, несмотря на свою колоссальную величину, не могъ забрать достаточнаго для болѣе скорости количества топлива, мы подвигались очень медленно, дѣлая въ день отъ 230 до 250 миль, между тѣмъ какъ пароходы Атлантическаго и Индѣйскаго океановъ легко достигаютъ скорости въ полтора

раза большей. За все время переезда мы не видали ни одного паруса, ни одного встречнаго парохода и единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было наблюденіе за дельфинами, которые каждый день, при закатѣ солнца, рѣзались у парохода, то отставая, то обгоняя его, и за морскими чайками, провожавшими насъ отъ Санъ-Франциска вплоть до Юкагамы. Гдѣ эти птицы отдыхали ночью, осталось для насъ загадкой, такъ какъ кругомъ на сотни миль не было земли, на мачтахъ же парохода никто никогда ни одной чайки не замѣтилъ, между тѣмъ, каждый вечеръ онѣ внезапно куда-то исчезали и съ восходомъ солнца вновь появлялись, жадно набрасываясь на отбросы пищи.

Мнѣ лично переездъ этотъ особенно былъ скученъ еще и потому, что моими спутниками были одни только американскіе миссіонеры, единственные обыкновенно пассажиры этой линіи. На нашемъ пароходѣ ихъ было двадцать четыре, а нужно знать, кто въ Америкѣ идетъ въ миссіонеры, чтобы дать себѣ отчетъ въ удовольствіи, которое можетъ представить подобное общество за 20 дней принужденной совмѣстной жизни на морѣ.

Великая республика, какъ я уже замѣтилъ выше, представляетъ такое обширное поле для индивидуальной дѣятельности, такое разнообразное примѣненіе рабочей силы, что въ миссіонеры, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ людей убѣжденныхъ, идутъ только люди неспособные ни къ какому другому занятію на родинѣ, во избѣжаніе простаго физическаго труда, такъ какъ недостатокъ ихъ образованія не позволяетъ имъ приступить къ спеціальнымъ, болѣе выгоднымъ, чѣмъ простой трудъ, занятіямъ. Такимъ образомъ, большая часть американскихъ миссіонеровъ состоитъ изъ людей невѣжественныхъ, не развитыхъ, отправляющихся на это поприще далеко не по призванію, а только потому, что при весьма легкихъ занятіяхъ оно представляетъ хорошее обезпеченіе. Миссіонеры получаютъ 1,200 долларовъ въ годъ, съ обязательствомъ выучить въ 4 года туземный языкъ мѣстности ихъ пребыванія; дѣти ихъ воспитываются на счетъ правительства; кромѣ того, существуетъ еще весьма странная прибавка, а именно: женатый миссіонеръ на каждаго новаго ребенка, при представленіи свидѣтельства о рожденіи, получаетъ ежегодно по 75 долларовъ, причеиъ это пособіе продолжается до совершеннолѣтія ребенка. Поэтому номинальная плата въ 1,200 долларовъ при нѣсколькихъ дѣтяхъ доходить до 1,500 и болѣе *). Браки ихъ нерѣдко совершаются весьма оригинальнымъ образомъ. Если миссіонеръ, уѣзжающій изъ Америки въ дальнія страны, ѣдетъ холостымъ и потомъ на мѣстѣ ему приходитъ охота жениться, онъ заявляетъ объ этомъ обществу, которое сначала высылаетъ ему карточку одной изъ желающихъ выйти

*) Лишнее прибавлять, что всѣ они женятся какъ можно скорѣе и обзаводятся насколько возможно многочисленными семьями.

замужъ миссіонероу. Затѣмъ, по изъявленіи согласія со стороны миссіонера, его невѣста высылается на мѣсто жительства своего неизвѣстнаго жениха, тамъ только съ нимъ знакомится и выходитъ за него замужъ.

Составъ женщинъ-миссіонероу не лучше мужчинъ. Въ миссіонерки идутъ тоже только тѣ изъ нихъ, которымъ почему-либо не посчастливилось на родинѣ: сироты, женщины безъ всякихъ другихъ средствъ къ существованію или потерявшія всякую надежду выйти замужъ. Въ послѣднемъ отношеніи миссіонерка обезпечена всегда возможностью пристроиться *).

Встрѣчался я съ этимъ обществомъ обязательно пять разъ въ день въ столовой: за утреннимъ чаемъ, раннимъ завтракомъ—*breakfast*, позднимъ—*luncheon*, обѣдомъ и вечернимъ чаемъ. Кромѣ того, на палубѣ три раза въ день, а воскресенья цѣлый день, мнѣ приходилось слушать пѣніе гимновъ и псалмовъ и чтеніе Библии, и это въ продолженіе двадцати дней!

Потому ли, что составъ американскихъ миссіонероу неудовлетворителенъ, по другимъ ли, неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, но американскіи миссіи, насколько мнѣ случалось слышать или видѣть самому, пользуются въ средѣ туземцевъ весьма незначительнымъ успѣхомъ.

Первый классъ расположенъ былъ внизу, на кормѣ парохода, причемъ у всякаго изъ насъ была своя чистая, просторная и свѣтлая каюта, и это было единственное удобство путешествія, да и то каждую ночь по насъ лазили крысы, отъ которыхъ никакимъ способомъ нельзя было избавиться. Пища наша, хотя и обильная, была ниже всякой критики. Второй классъ, въ которомъ было только два пассажира-японца, помѣщался между машинами и отдѣленіемъ для китайцевъ и состоялъ весь изъ одной каюты въ шесть коеу, безъ столовой. Къ довершенію неудобствъ несчастныхъ второклассниковъ, имъ запрещенъ былъ входъ на палубу перваго класса.

Вся передняя часть парохода была отведена для китайцевъ, которыхъ у насъ было 1,200; иногда, какъ говорятъ, бываетъ ихъ и больше. На нашу половину входъ имъ, конечно, былъ запрещенъ. У себя же они выпускались снизу на палубу не болѣе 200 одновременно и проводили цѣлый день за игрой въ кости—вторая послѣ куренія опиума страсть всякаго китайца. Кромѣ громаднaго помѣщенія между деками, отведеннаго для ихъ общей спальни, они располагали еще отдѣльною залой для куренія опиума, гдѣ можно было видѣть во всякое время дня и ночи десятки людей, валяющихся на полу въ безчувственномъ состояніи, и

*) На нашемъ пароходѣ ихъ было десять. Почти всѣ вѣншиимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, были исключительно обижены судьбой. Только три изъ нихъ, женщины лѣтъ сорока, не имѣли явныхъ физическихъ недостатковъ. Изъ остальныхъ двѣ были хромыя, двѣ косыя и три съ лицами, испорченными оспой.

большимъ отдѣленіемъ для бальзамированія труповъ. Для этого послѣдняго обряда при каждомъ пароходѣ обязательно находится китаецъ-специалистъ этого дѣла. Сыновья Небесной имперіи не допускаютъ и мысли, чтобы ихъ останки были брошены въ воду, желая непременно быть похороненными на родинѣ.

Вообще китайцы никогда не подчиняются условіямъ и образу жизни страны, въ которой они находятся; это единственные эмигранты, которые не подвергаются въ Америкѣ той ассимиляціи, о которой я упоминалъ въ прошлой главѣ. Эмиграція китайцевъ въ Соединенные Штаты за послѣдніе годы приняла такіе размѣры, что въ настоящее время приняты всевозможныя мѣры для ея ограниченія. Началась она лѣтъ тридцать тому назадъ и сначала принесла всему Западу неизмѣримую пользу. Громадныя работы, сопряженныя съ проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ черезъ прерію, правильною разработкой калифорнскихъ рудниковъ, изумительно-быстрою постройкой Санъ-Франциско, были исполнены болѣею частью китайцами, причемъ тысячамъ изъ нихъ стоили жизни, что, однако, ни мало эмиграціи не остановило.

Китаецъ вообще обладаетъ исключительною пригодностью ко всевозможнымъ работамъ. Въ воздѣлываніи земли, осушеніи болотъ, работахъ фабричныхъ, мелкой торговлѣ,—вездѣ онъ сдѣлаетъ не только заработать свой насущный хлѣбъ, но и отложить въ сторону, тамъ, гдѣ ни европеецъ, ни американецъ этого сдѣлать не могутъ. Кромѣ того, онъ трудолюбивѣе, гораздо менѣе взыскателенъ и трудъ его значительно дешевле, такъ что, водворившись на Западѣ, онъ началъ дѣлать громадную конкуренцію американскому рабочему и мало-по-малу окончательно его замѣнилъ во многихъ мелкихъ ремеслахъ. Это-то и послужило, главнымъ образомъ, къ принятію противъ китайской эмиграціи разнаго рода ограничительныхъ мѣръ. Кромѣ того, китаецъ, зарабатывая деньги, на мѣстѣ ихъ не тратитъ, а дѣлая сбереженія, помышляетъ лишь о томъ, чтобы скорѣе вернуться на родину и имѣть возможность вести безбѣдную жизнь.

Въ настоящее время китайская эмиграція захватила весь Индо-Китай и перешла уже въ Цейлонъ, гдѣ грозитъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усилиться.

Почти на половинѣ нашего путешествія мы переѣхали черезъ 180° долготы, т.-е. черезъ Гринвичскій меридіанъ, что насъ заставило пропустить одинъ день, перескочивъ съ четверга прямо на субботу. Удаляясь отъ Европы все время на западъ, мы постепенно отставали во времени, пока при переходѣ въ другое полушаріе эта разница не дошла до 24 часовъ, пропускъ же одного дня ее уничтожилъ.

Въ послѣднюю недѣлю нашего переѣзда была все время сильная боковая качка, такъ что все содержимое нашихъ тарелокъ и стакановъ, несмотря ни на какія приспособленія, болѣею частью разливалось на скатерть.

Наконецъ, на двадцатый день, рано утромъ, мы въ подзорныя трубы разглядѣли далекія, неясныя еще очертанія гористаго берега Японіи. Легко понять, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ мечтали стать на твердую землю, какъ она казалась заманчива послѣ этой однообразной трехнедѣльной скуки, этого отсутствія всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, всякихъ извѣстій. Проходить еще нѣсколько томительныхъ часовъ, мы все ближе и ближе, и вотъ уже ясно видимъ громадный заливъ, усѣянный мачтами, рыбацкими лодками, форма которыхъ поражаетъ своею оригинальностью, парходами, приходящими со всѣхъ сторонъ міра, вдалекѣ городъ Йонагама, красиво пріютившійся у подошвы горъ, которыя будто поясомъ его окружаютъ, а еще далѣе паритъ надъ всѣмъ въ своей бѣлой мохнатой шапкѣ великолѣпная Фу-Зіама. Давно перестала великанъ-гора извергать пламя и метать каменья, но не потеряла она своей могучей красоты, не потеряла и поклонниковъ-пилигримовъ, которые лѣтомъ тысячами восходятъ на нее, чтобы помолиться въ храмѣ, воздвигнутомъ на ея вершинѣ въ честь красавицы-богини Фуджи-Сенгенъ.

Нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, — гласитъ легенда, — въ одну ночь вулканъ самъ собою вышелъ изъ земли и непоколебимо стоитъ съ тѣхъ давнихъ поръ, служа предметомъ почитанія, предметомъ законной гордости всякаго истиннаго японца. Изображеніе горы можно встрѣтить во всѣхъ произведеніяхъ японскаго искусства; вырѣзываютъ ее и изъ слоновой кости, и изъ черепахи, ее увидишь и въ углу коробочки изъ золотого лака, она же красуется и на фонѣ японскихъ картинъ, старинныхъ и новыхъ. Да и дѣйствительно волшебною представляется Фу-Зіама, когда на десятки миль рѣзко выдѣляются ея тонкіе контуры; она первая встрѣчаетъ далекаго странника, она же посылаетъ ему и прощальный привѣтъ.

III.

Многочисленная кучка человѣческихъ семействъ, которая словно убѣгаетъ отъ фрулы цивилизаціи, осмѣливаясь жить своимъ умомъ, своими уставами, которая упрямо отвергаетъ дружбу, религію и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими попытками ее просвѣтить и т. д., — писалъ Гончаровъ про японцевъ въ 1857 году. Но не прошло съ тѣхъ поръ и тридцати лѣтъ, какъ Японія сдѣлалась неузнаваема. Изъ страны, упорно державшейся своей особой цивилизаціи, выработанной вѣками замкнутой обособленной жизни, она открылась благотворному вліянію европейской культуры и съ той поры гигантскими шагами пошла впередъ по пути прогресса, быстро заимствуя и перенимая отъ европейцевъ плоды современной цивилизаціи, примѣняя къ себѣ ихъ государственный и общественный строй. Вотъ какимъ образомъ совершилась эта внезапная перемѣна.

Насильное вторженіе иностранцевъ, прихѣръ котораго первые показали американцы въ 1854 году, нанесло смертельный ударъ феодальному строю старой Японіи и, какъ одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій, повлекло за собой возстановленіе императорской власти, утраченной микадо еще въ XII столѣтіи. Потому ли произошло паденіе этой власти, что въ средѣ императоровъ не было въ то время людей, способныхъ удержать ее за собой, потому ли, что, съ другой стороны, нашлись люди, умѣвшіе воспользоваться тѣмъ почти божескимъ почитаніемъ, которымъ пользовались императоры, вслѣдствіе своего божественнаго происхожденія, чтобы еще болѣе усилить его и, такимъ образомъ, обособить императорскую власть, придавъ ей какой-то неземной характеръ, по отсутствію ли въ то время вѣвшихъ войнъ и завоеваній, требующихъ присутствія верховнаго вождя и ставящихъ его въ непосредственныя отношенія съ войскомъ и народомъ,—по тѣмъ или другимъ причинамъ, съ этихъ поръ мало-по-малу микадо начинаютъ вести тотъ замкнутый образъ жизни во дворцѣ ихъ столицы Кіото, который продолжался нѣсколько вѣговъ и окончился лишь въ весьма недавнее время. Особа императора за этотъ періодъ считалась слишкомъ священной, чтобы приходить въ соприсношеніе съ обыкновенными смертными. Только представители высшей знати могли изрѣдка видѣть лицо властелина. Одаренные по закону высшимъ могуществомъ, они фактически не располагали собственными дѣйствіями и не принимали никакого участія въ народныхъ дѣлахъ. Управление же страной сосредоточивается въ рукахъ тайкуновъ (китайское слово, которое значитъ великій правитель), которые мало-по-малу, будучи сначала только родомъ мажордомовъ, забрали въ свои руки всю власть и продержали ее за собой вплоть до переворота 1868 года, причѣмъ столицей тайкуновъ былъ сначала городъ Камакура, а потомъ Іеддо. Отъ нихъ зависѣли всѣ назначенія, они получали налоги и были настоящими властелинами страны, хотя каждое ихъ дѣйствіе дѣлалось отъ имени микадо, номинальная власть котораго оставалась неприкосновенной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вся страна получаетъ феодальное устройство, подобное устройству средневѣковой Европы. Тайкуны или шогуны были сначала только *primi inter pares* между своими главными вассалами, даймио-сами. Послѣдніе, которыми могли быть только люди, владѣвшіе доходомъ свыше 10,000 коку *), въ свою очередь, отдавали свои земли своимъ вассаламъ, самураямъ, обязаннымъ за это нести у нихъ военную службу. Служба эта была обязательна для каждаго землевладѣльца; когда вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ или болѣзни вассаль становился неспособнымъ ее нести, онъ долженъ былъ отказываться отъ земли въ пользу сына, а если у него такового не было, земля вновь отходила къ его сюзерену,

*) Цѣна коку—извѣстной мѣры ржи измѣнялась сообразно съ урожаемъ и другими мѣстными условіями.

что, между прочимъ, подавало поводъ къ частымъ усыновленіямъ. Каждый даймюсъ вмѣстѣ съ своими самураями жилъ въ управляемой и принадлежащей ему провинціи въ укрѣпленномъ стѣнами мѣстѣ города, непосредственно за стѣнами жили купцы и ремесленники, а затѣмъ земледѣльцы, разсѣянные по разнымъ частямъ Даймюта.

Открытие свободного доступа въ Японію европейцамъ, послѣ договора 1854 года съ американцами, — договора, заключеннаго съ тайкуномъ, возбуждало противъ него сильную партію недовольныхъ, желавшихъ, вмѣстѣ съ приверженцами микадо, сверженія тайкунства и соединенія всей власти, номинальной и фактической, въ лицѣ законнаго императора.

Между обѣими партіями начались распри и раздоры, длившіеся съ промежуткомъ около 14 лѣтъ и кончившіеся короткою, но кровавою междуусобною войной 1868 года, послѣ которой императорская власть была окончательно возстановлена. Послѣдній тайкунъ Кенки отрекся отъ тайкунства и микадо, перенесъ свою столицу изъ города Кіото въ городъ Іеддо, переименованный въ Токио, сталъ единственнымъ властелиномъ страны.

Возстановленіе императорской власти было началомъ значительныхъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ Японіи. Вся страна для административныхъ цѣлей была раздѣлена на нѣсколько областей, во главѣ которыхъ были поставлены губернаторы. Обязанности послѣднихъ возложены были, главнымъ образомъ, на прежнихъ даймюсовъ, которые отказались или вынуждены были отказаться отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ. Затѣмъ учреждены были разныя министерства: финансовъ, военное, морское, народнаго просвѣщенія, публичныхъ работъ, земледѣлія и торговли, юстиціи, дворцовое, колонизаціи острова Іеддо, сенатъ, законодательное собраніе и высшій совѣтъ. Старая система законовъ была уничтожена и замѣнена новой, основанной, главнымъ образомъ, на *Code Napoléon*, причемъ отмѣнены всѣ тѣлесныя наказанія. Образована была новая армія, обучаемая французскими офицерами и одѣтая по прусскому образцу, причемъ введена общая воинская повинность; численность ея равняется въ мирное время 35,000, въ военное 50,000 человекъ, наконецъ, основанъ былъ и военный флотъ, состоящій приблизительно изъ 30 кораблей, по образцу англійскаго флота. Затѣмъ улучшены были пути сообщенія проложеніемъ трехъ линій желѣзныхъ дорогъ, устройствомъ правильнаго пароходства какъ въ водахъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, телеграфовъ и почтъ. Торговля приняла тройные размѣры, значительно подвинулось также и дѣло народнаго образованія.

Вмѣстѣ съ водвореніемъ европейцевъ и началомъ европейской цивилизаціи взгляды всѣхъ народовъ обратились на Японію, какъ потому, что свободный доступъ въ страну открывалъ широкое поле для международной торговли, такъ и потому, что почти неизвѣстное до тѣхъ поръ прошлое новаго народа, его обычаи и образъ жизни представляли обильный

материалъ для всякаго рода исследованийъ. Последнія имѣли слѣдствіемъ появленіе, особенно въ иностранной литературѣ, подробныхъ сочиненій, всесторонне разбирающихъ бытъ этой интересной страны. Въ настоящихъ моихъ замѣткахъ, говоря о Японіи, я поэтому и не имѣю претензій сказать что-нибудь, что не было бы сказано до меня, а задаюсь лишь цѣлью дать возможность, не обращаясь къ специальнымъ работамъ, получить общее понятіе объ исторіи, религіи и современномъ образѣ жизни и положеніи страны.

Съ измѣненіемъ государственной жизни Японіи, подъ вліяніемъ европейцевъ во многомъ измѣнился и внутренній бытъ ея жителей. Многие обычаи, освященные вѣковымъ употребленіемъ, исчезли или замѣнились другими, даже національная одежда во многихъ случаяхъ уступила мѣсто одеждѣ европейской. Самураи и дайміосы должны были переѣннить свои блестящіе латы и шлемы на узкіе мундиры и фуражки, а въ большихъ городахъ нерѣдко можно видѣть даже широкополый японскій халатъ, замѣненный европейскимъ сюртукомъ и цилиндромъ.

Самый характеристическій обычай или обрядъ, уничтоженіе котораго совпало съ упомянутыми выше переѣннами въ государственномъ и общественномъ строѣ страны, есть извѣстный характеръ или самоубійство, посредствомъ вскрытія живота, японскаго рыцаря, т.-е. всякаго имѣющаго право носить оружіе, которое онъ совершалъ надъ собой или за какой-нибудь проступокъ по волѣ сюзерена, или вслѣдствіе несмыслимой кровной обиды, или оскорбленія его чести отъ равнаго или высшаго ему по положенію лица.

Обрядъ характеръ былъ обставленъ весьма сложнымъ церемоніаломъ, который каждый носящій оружіе долженъ былъ знать, такъ какъ всегда долженъ былъ имѣть въ виду возможность играть въ немъ если не главную, то второстепенную роль. Во-первыхъ, важно было опредѣлить мѣсто совершенія обряда, измѣняющееся сообразно съ положеніемъ виновнаго: во дворцѣ ли дайміоса, въ другомъ ли, меньшемъ дворцѣ, въ простой комнатѣ, въ саду, въ мѣстѣ, занимаемомъ стражей дворца, или въ одномъ изъ храмовъ, которые нерѣдко специально нанимались для совершенія обряда. Особо отведенное для этого мѣсто должно было имѣть 36 квадратныхъ футовъ, къ нему устроивалось два входа, одинъ къ сѣверу, другой къ югу, и на землю клались двѣ циновки изъ плетеной соломы съ бѣлыми краями, одна перпендикулярно къ другой, въ формѣ молотка. Циновка, положенная вдоль, устилалась шестью футами бѣлаго шелка четырехъ футовъ ширины, а на четырехъ углахъ были приспособлены мѣста для занавѣси. Впереди обѣихъ циновокъ устраивалась дверь изъ лучшаго бамбука, обвернутаго тоже въ бѣлый шелкъ; этотъ цвѣтъ считается траурнымъ въ Китаѣ и Японіи. Бѣлыя занавѣси четырехъ футовъ ширины вѣшались на четырехъ углахъ съ четырьмя шести-футовыми знаменами, на которыхъ было написано четыре изреченія изъ священныхъ

книгъ. Если дѣло было ночью, то по обѣимъ сторонамъ цыновокъ ставились свѣчи на бамбуковыхъ подсвѣчникахъ четырехъ футовъ вышины, тоже обвернутые въ бѣлый шелкъ.

Тотъ, который долженъ былъ совершать надъ собой харакири, входилъ черезъ сѣверную дверь и садился на бѣлый шелкъ той цыновки, которая была обращена къ сѣверу. Помощникъ его, въ то же время, входилъ въ южную дверь и занималъ мѣсто на другой цыновкѣ.

Но, кромѣ внѣшней обстановки, подсудимый или тотъ, который совершалъ надъ собой харакири, долженъ былъ имѣть свидѣтелей, которые могли бы засвидѣтельствовать впоследствии, какъ о его смерти, такъ и о правильности совершенія обряда, и помощниковъ или секундантовъ. Послѣ прочтенія приговора, если былъ таковой, особо назначеннымъ для этого человекомъ и въ известномъ опредѣленномъ разстояніи отъ подсудимаго, послѣдній могъ выразить какое-нибудь предсмертное желаніе и если онъ его выражалъ спокойно и съ достоинствомъ, оно, по возможности, исполнялось. Затѣмъ на одномъ изъ секундантовъ лежала обязанность подавать на блюдѣ тотъ короткій ножъ или кинжалъ, которымъ онъ долженъ былъ совершить надъ собой харакири, а на другомъ—еще болѣе не-пріятная обязанность: наносить послѣдній ударъ. Когда главный участникъ садился на свое мѣсто, секундантъ скидывалъ съ своего праваго плеча церемональное платье и, вынувъ свою саблю изъ ноженъ, такъ, чтобы она не была видна осужденному, становился какъ разъ около него, по его лѣвой сторонѣ. Когда второй секундантъ подносилъ блюдо съ кинжаломъ, первый долженъ былъ приготовиться наносить ударъ; когда блюдо положено и осужденный приготавлился скидывать свое верхнее платье, онъ поднималъ саблю, когда же тотъ наклонялъ немного туловище и голову, чтобы взять кинжалъ съ блюда, которое должно было находиться на известномъ отъ него разстояніи, ударъ долженъ былъ наносимъ.

Въ прежнее время этотъ послѣдній ударъ наносился только послѣ того, какъ совершающій харакири въ дѣйствительности распорѣтъ себѣ животъ; впоследствии же болѣею частью главный участникъ ограничивался только предуготовительными для нанесенія себѣ раны дѣяніями и секундантъ отрубалъ ему голову въ то время, когда осужденный брался за кинжалъ.

Самый известный случай примѣненія этого обряда, сдѣлавшійся до того популярнымъ, что сталъ любимымъ сюжетомъ японской драмы и пѣсни, произошелъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Вотъ какъ говорить о немъ преданіе:

Весной 1701 года молодой знатный даймюсъ Асано-Такуми-но-ками, которому поручено было тайкуномъ принять и содержать посланника ми-

радо, имѣлъ несчастіе навлечь на себя нерасположеніе стараго Кира-Котзукэ-но-сукэ, бывшаго его наставникомъ въ дѣлѣ придворнаго этикета. Долго Асано-Такуми спокойно выдерживалъ выходки старика, наконецъ, послѣ одного особенно грубаго обращеннаго къ нему замѣчанія онъ не выдержалъ, выхватилъ свой клижалъ и бросился къ нему съ намѣреніемъ его убить. Онъ былъ удержанъ отъ этого присутствующими, но въ виду того, что эта сцена произошла въ самомъ дворцѣ тайкуна и была сочтена высшимъ оскорбленіемъ ему самому, Асано-Такуми былъ присужденъ къ смерти посредствомъ харакири. Дворецъ его былъ конфискованъ и всѣ его самураи или вассалы были объявлены ронинами, т.-е. людьми безъ господина, безъ сюзерена. Нѣкоторые изъ нихъ перешли на службу къ другимъ дайміосамъ, другіе бросили военное ремесло, сдѣлавшись купцами, сорокъ семь же изъ нихъ, подъ предводительствомъ одного Оки-Кураносукэ, наиболѣе вѣрные своему покойному господину, поклялись отомстить за его смерть. Это было не такъ легко, такъ какъ старый Кира предвидѣлъ, что самурай Асано-Такуми не оставитъ смерть своего господина не отомщенной, и окружилъ себя сильною стражей. Поэтому ронины рѣшились отложить на время месть и дать успокоиться подозрѣніямъ старика. Они всѣ разсѣваются въ разныя стороны и вождь ихъ Кураносукэ поселяется въ городѣ Кіото, гдѣ, чтобы отвлечь подозрѣнія посланныхъ за нимъ шпионовъ, начинаетъ вести самую веселую и безобразную жизнь: прогоняетъ свою семью, беретъ наложницъ, пьянствуетъ и т. п. Однажды, когда онъ пьяный валялся на улицѣ, одинъ самурай изъ провинціи Сатсума увидѣлъ его въ такомъ положеніи и, подойдя къ нему, сказалъ, что онъ недостойнъ носить званіе самурая, такъ какъ, вмѣсто того, чтобы отомстить смерть своего дайміоса, онъ ведетъ такую жизнь. Сказавъ это, сатсумскій самурай плюнулъ на лежавшаго въ безчувственномъ состояніи Кураносукэ.

Между тѣмъ, въ Іеддо, старый Кира, успокоенный донесеніями шпионовъ о той жизни, которую ведетъ главный изъ рониновъ Асано-Такуми, такъ и тѣмъ, что остальные ронины, повидимому, не намѣревались мстить за смерть ихъ господина, отпустилъ изъ своего дворца почти всю свою стражу. Когда Кураносукэ узналъ о послѣднемъ, онъ рѣшилъ, что настала часъ мести, тайно отправился въ Іеддо, куда собралъ и остальныхъ своихъ товарищей, и ночью, избивъ часть стражи старика Кира-Котзукэ, ворвался въ его дворецъ. Долго они не могли найти хозяина, наконецъ, въ какомъ-то углубленіи стѣны увидѣли спрятавшаго старика, блѣднаго и испуганнаго. Въ виду знатности его рода, они хотѣли сдѣлать ему смерть почетной и Кураносукэ, ставъ на колѣна, сказалъ: «Господинъ, мы самураи Асано-Такуми, того самаго, который присужденъ былъ изъ-за васъ къ харакири, и пришли отомстить за его смерть, какъ вѣрные и честные слуги. Вы сами должны сознать правоту нашего дѣла.

Поэтому мы просимъ васъ совершить надъ собой харакири и я самъ буду вамъ въ этомъ помощникомъ».

Но старикъ стоялъ блѣдный и ничего не отвѣчалъ на это предложеніе. Тогда Кураносукэ, видя, что онъ недостойнъ умереть славною смертью, отрубилъ ему голову. Между тѣмъ, разсвѣло и сорокъ семь рониновъ съ окровавленными еще платьями и мечами и съ головой Кира-Ботзукэ пошли черезъ городъ на могилу ихъ господина и принесли ему въ жертву голову врага. Народъ, узнавъ, что они ночью сдѣлали, торжественно слѣдовалъ за ними, громко восхваляя ихъ дѣяніе. Когда они пришли въ храмъ Сенъ-гаку-дзи, гдѣ былъ похороненъ ихъ даймюсъ, Кураносукэ, обмывъ голову Кира-Ботзукэ въ до сихъ поръ находящемся при храмѣ колодезь и, возложивъ ее на могилу Асано-Такуми, обратился къ мѣстному священнослужителю и сказалъ: «Когда мы всѣ совершимъ харакири, я прошу васъ прилично насъ похоронить. Вотъ вамъ наше приношеніе».

Затѣмъ всѣ спокойно начали ожидать заранѣе предвидѣнной неминуемой участи. Высшій судъ Іеддо присудилъ ихъ, какъ они и ожидали, къ смерти посредствомъ харакири. Всѣ храбро исполнили надъ собой приговоръ и были похоронены около могилы ихъ даймюса.

Когда это событіе разнеслось по Японіи, со всѣхъ сторонъ народъ приходилъ молиться на ихъ могилу. Между молящимися пришелъ и сатсумскій самурай, тотъ самый, который обидѣлъ Кураносукэ въ Кіото, и, распростершись передъ его могилой, сказалъ: «Когда я видѣлъ тебя лежащимъ пьянымъ въ Кіото, я думалъ, что ты человѣкъ безчестный, не имѣешь достаточно храбрости, чтобы отомстить за смерть своего господина. Теперь прихожу просить прощенія и даю мою жизнь въ искупленіе обиды». Съ этими словами самурай тоже совершилъ надъ собой харакири и былъ тутъ же похороненъ.

Послѣдній разъ обрядъ этотъ былъ примѣненъ въ 1868 году. Вотъ что о немъ разсказываетъ очевидецъ Митфордъ въ своей интересной книгѣ *Tales of old Japan—Преданіе старой Японіи*.

Въ февралѣ 1868 года за нападеніе на резиденцію европейцевъ въ городѣ Кобе одинъ изъ главныхъ предводителей, по имени Таки-Зензабу-ро, былъ присужденъ самимъ микадо къ совершенію надъ собой харакири, причѣмъ свидѣтелями обряда были выбраны семь иностранцевъ и столько же японцевъ. Дѣло должно было происходить въ храмѣ.

«Передъ высокимъ алтаремъ,—говоритъ Митфордъ,—на полу на возвышеніи были разложены двѣ бѣлыхъ циновки и все мѣсто было объято какимъ-то таинственнымъ полумракомъ, такъ какъ всего горѣли двѣ свѣчи, поставленныя на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы расположились на отведенныхъ намъ мѣстахъ, спокойно, съ достоинствомъ, вошелъ въ залу осужденный, въ сокій человѣкъ, лѣтъ 32, одѣтый въ большое церемоніальное платье.

Онъ былъ сопровождаемъ своимъ секундантомъ, который былъ его приемышемъ и выбранъ былъ секундантомъ его же друзьями за свое искусство владѣть мечомъ; кромѣ того, за нимъ слѣдовали три офицера. Осужденный съ секундантомъ подошли сначала къ японскимъ свидѣтелямъ и оба низко имъ поклонились, тоже сдѣлали и съ иностранными свидѣтелями. Затѣмъ медленно, съ большимъ достоинствомъ Таки-Зензабуро взошелъ на возвышеніе передъ алтаремъ, дважды простерся передъ послѣднимъ и сѣлъ на свое мѣсто, такъ, чтобы колѣна и ноги касались пола, имѣя по своей лѣвой сторонѣ секунданта. Тогда одинъ изъ трехъ офицеровъ вышелъ, неся на блюдѣ *вокизани*, короткій и острый, какъ бритва, японскій кинжалъ около 9 дюймовъ длины. Распростершись передъ осужденнымъ, онъ подаль ему этотъ ножъ, который тотъ принялъ съ глубокимъ уваженіемъ, поднявъ его обѣими руками къ головѣ и положивъ впереди себя. Затѣмъ, поклонившись, Таки-Зензабуро безъ всякаго признака смущенія сказалъ: «Я и я одинъ далъ приказаніе стрѣлять въ иностранцевъ въ Кобе. За это преступленіе я совершаю надъ собой харакири и прошу всѣхъ присутствующихъ сдѣлать мнѣ честь быть этому свидѣтелями».

«Поклонившись еще разъ, онъ обнажилъ себя до пояса. Осторожно, по обычаю, онъ подложилъ оба рукава своего платья подъ колѣна, чтобы падать впередъ, а не назадъ, такъ какъ послѣдняя смерть недостойна японскаго рыцаря. Свободно, твердою рукой онъ взялъ ножъ, почти любовно посмотрѣлъ на него, на минуту, казалось, собралъ послѣднія предсмертныя мысли и затѣмъ нанесъ себѣ глубокую рану на лѣвой сторонѣ живота, медленно провелъ ножъ къ правой сторонѣ, вернулъ его назадъ по ранѣ и сдѣлалъ легкій надрѣзъ вверхъ. Ни одинъ мускулъ не шевельнулся на его будто окаменѣломъ лицѣ. Когда онъ вынулъ ножъ, онъ слегка наклонился впередъ и выставилъ, такимъ образомъ, шею. Въ первый разъ выраженіе страданія мелькнуло на его лицѣ, но онъ не произнесъ ни одного звука. Въ этотъ же моментъ его секундантъ, который все время зорко за нимъ слѣдилъ, на секунду замахнулся, поднявъ свою саблю. Раздался тяжелый ударъ и голова несчастнаго покадилась по полу, однимъ махомъ отдѣленная отъ туловища».

«Настало мертвое молчаніе, прерываемое лишь шумомъ крови, текущей изъ этой безжизненной массы, которая за минуту передъ тѣмъ была храбрымъ и доблестнымъ рыцаремъ. Зрѣлище было по истинѣ ужасное».

IV.

Переходя къ современному образу жизни японцевъ, нельзя не замѣтить, что стремленіе къ подражанію во всемъ европейцамъ особенно проявляется въ такихъ центрахъ, которые послѣдніе выбрали своею резиденціей, или въ приморскихъ городахъ, служащихъ торговыми складами

и мѣстами отправленія продуктовъ мѣстной производительности. Такие города, какъ въ Японіи, такъ и на всемъ дальнемъ Востоку, раздѣляются обыкновенно на два квартала: европейскій, состоящій изъ каменныхъ домовъ, правильныхъ мощеныхъ улицъ, освѣщенныхъ газомъ, отелей и т. д., и мѣстный, гораздо большій, чѣмъ первый, но теряющій мало-помалу, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ европейцами, свой своеобразный характеръ. Такой типъ восточно-европейскаго города представляетъ, на примѣръ, въ Японіи Юкагамо, новый морской портъ, лежащій въ часѣ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Токио, столицы и резиденціи микадо. Европейецъ и его жизнь играютъ въ такихъ мѣстностяхъ главную роль и здѣсь уже всего скорѣе исчезаютъ мѣстные обычаи, которые иногда еще весьма долго держатся внутри страны, менѣе подверженной вліянію европейской цивилизаціи. Такому уничтоженію или переимѣнѣ подвергаются не только разные обычаи, какъ, на примѣръ, запрещенныя въ городахъ публичныя бани, гдѣ прежде въ одной громадной кадкѣ мылись всѣ, безъ различія пола и возраста, или лакировка зубовъ чернымъ лакомъ и бритье бровей у женщинъ при выходѣ ихъ замужъ,—обычай, все болѣе и болѣе выводящійся, или нѣкоторыя празднества, сопровождаемыя процессіями, которыя, по водвореніи европейцевъ, сочтены были безнравственными, но и мѣняется даже національная одежда, нерѣдко уступающая мѣсто одеждѣ европейской.

Туземная одежда состоитъ у мужчинъ изъ длиннаго темно-синяго, спускающагося до пола халата, съ очень широкими рукавами, перевязаннаго посрединѣ кушакомъ, на которомъ висятъ: кистеть, трубочка, кошелекъ и маленькій металлическій ящикъ съ тушью и кистью. За кушакъ засунута также пачка квадратныхъ бумажекъ, замѣняющихъ у японцевъ носовой платокъ. Простые чернорабочіе одѣты въ узкіе синіе штаны, такого же цвѣта рубашку, на слинѣ которой бѣлою краской выведенъ какой-нибудь рисунокъ, чаще всего китайскій или японскій знакъ. Лѣтомъ японцы ходятъ болѣею частью съ открытою головою, въ остальные же времена года они надѣваютъ маленькія круглыя шапки. Костюмъ женщины сложнѣе. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ халатовъ, надѣтыхъ одинъ на другой; всѣ они разноцвѣтны и иногда съ богатыми и красивыми вышивками. Последній халатъ, или *кимоно*, обыкновенно синій, перевязанъ широкимъ поясомъ, опускающимся сзади большимъ плоскимъ бантомъ. Туго завязанный у талии и плотно обхватывая ноги, онъ не позволяетъ дѣлать большихъ шаговъ; отъ этого японка всегда ходитъ частыми мелкими шагами и слегка покачиваясь въ стороны. Этому особенно способствуетъ оригинальная и неудобная, какъ у мужчины, такъ и у женщины, обувь, которая состоитъ изъ довольно широкой деревянной горизонтальной дощечки, поддерживаемой двумя маленькими вертикальными, прикрѣпленными къ первой во всю ея ширину. Къ этой послѣдней кресто-

образно пришиты ремешки, черезъ которые продѣвается большой палецъ ноги, обутой въ родъ бѣлаго, очень толстаго чулка. При ходьбѣ эта обувь не подымается, а волочится по землѣ, что производитъ особаго рода звукъ, похожій на щелканіе.

Внѣшностью своею японецъ напоминаетъ монгола: овальное темно-желтаго цвѣта лицо, маленькій ростъ, рѣдко превышающій нашъ средній, выдающіяся скулы, плоскій носъ, узкіе темные глаза и темные же волосы, въ большинствѣ случаевъ торчащіе щетиной на головѣ. У людей, сохранившихъ старую моду, вся передняя часть головы гладко выбрита, причѣмъ волосы оставлены лишь по бокамъ и на затылкѣ; тутъ они собираются, свертываются въ трубочку и въ такомъ видѣ поднимаются съ нижней части затылка приблизительно до середины темени. Усовъ и бороды обыкновенно японцы не носятъ.

У женщинъ черты лица естественно мягче и красивѣе; кромѣ того, японки вообще чрезвычайно граціозны, такъ что своеобразная ихъ грація вполне выкупаетъ недостатки въ правильности лица. Но, главнымъ образомъ, во внѣшности японской женщины привлекаетъ вниманіе ея сложная, не поддающаяся никакому описанію прическа. Волосы причесываются разъ или во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, такъ какъ эта работа требуетъ особыхъ специалистовъ, женщинъ-парикмахеровъ, и беретъ около четырехъ часовъ времени. При этомъ главное вниманіе обращается на заднюю часть головы, изъ волосъ которой, при помощи кокосоваго масла, дѣлается весьма хитрое сооруженіе, столько же неудобное, сколько и трудное. Волосы поднимаются съ затылка на темя, а оттуда рядомъ затѣйливыхъ выступовъ вновь падаютъ на затылокъ, образуя нѣсколько какъ бы отдѣльныхъ шиньоновъ. Чтобы не смять своей прически, японка спитъ на особаго рода подушкѣ—мокурѣ. Она состоитъ изъ деревяннаго блока, верхняя часть котораго около восьми дюймовъ длины и полутора ширины слегка вогнута и обита шерстяною подушечкой, наверхъ которой привязывается бумажка, мѣняющаяся по шѣрѣ надобности. Весь блокъ имѣетъ отъ шести до восьми дюймовъ вышины и его нижняя часть или основаніе больше верхней. Сдѣланъ онъ для того, чтобы спящая могла опираться на мокуру нижнею частью затылка, не разстраивая своей прически. Головныхъ уборовъ японки не носятъ, онѣ ходятъ лѣтомъ или съ открытою головою, или съ зонтикомъ изъ толстой масляной бумаги, зимой же укрываются платкомъ. Маленькія дѣти японцевъ еще оригинальнѣе своихъ родителей. Вся голова у нихъ гладко выбрита, за исключеніемъ клочка волосъ, оставленныхъ, смотря по возрасту, или на макушкѣ, образующихъ родъ вѣника, или на передней части головы, опускающихся бахромой на лобъ, или же, наконецъ, что выгладитъ еще страннѣе, двухъ маленькихъ клочковъ волосъ на обонихъ вискахъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія ребенка мать призываетъ его старшаго братишку или сестренку, отвертываетъ имъ сзади ихъ халатъ такъ, чтобы онъ образовалъ родъ мѣшка, сажаетъ туда своего Венямина, плотно перевязываетъ халатъ носильщика и пускаетъ обоихъ на всѣ четыре стороны, запрещая лишь старшему, или старшей падать на спину. Этому самому иногда не болѣе дѣтъ шести, хочется побѣгать, повеселиться, а тутъ въ полночь смыслѣ слова такая обуза на плечахъ. Она, однако, мало его стѣсняетъ; помня лишь одно данное ему запрещенію, онъ во всемъ остальномъ поступаетъ такъ, какъ будто бы у него ничего за спиной не было. И смѣшно смотрѣть на ребенка, которой сзади за спиной брата или сестры невольно и покорно слѣдуетъ за малѣйшими движеніями послѣднихъ. Кланяется братишка, кланяется и ребенокъ, бѣжить ли тотъ, ребенокъ трясется сзади, какъ будто сейчасъ выскочить изъ своего мѣшка, и такими двуутробками кишатъ всѣ улицы японскихъ деревень и городовъ.

У дѣтей есть и свои особые дѣтскіе праздники. Такъ, для дѣвочекъ самый большой праздникъ въ году—праздникъ куколъ, Хина-Матсури. Въ этотъ день каждая дѣвочка, смотря по состоянію, получаетъ одну или двѣ деревянныхъ куклы, великолѣпно разодѣтыхъ и изображающихъ императрицъ, богинь и разныхъ другихъ личностей изъ исторіи и мифологіи Японіи. Затѣмъ куклы эти бережно хранятся въ семьѣ и при выходѣ замужъ переносятся въ домъ мужа, такъ что у нѣкоторыхъ семей цѣлыя ихъ коллекціи, собранныя нѣсколькими поколѣніями.

Мальчики на свой праздникъ получаютъ тоже разныя игрушки, посвящія болѣею частью воинственный характеръ: солдатиковъ, боговъ войны, силы и храбрости. Но, кромѣ того, надъ каждымъ домомъ, гдѣ въ прошломъ году родился мальчикъ или даже просто гдѣ есть ребенокъ мужскаго пола, на шесть прикрѣпляется сдѣланная изъ бумаги, пустая внутри и выкрашенная въ свой естественный цвѣтъ, какая-то мѣстная рыба. Воздухъ, проходя въ нее, приводитъ ее въ движеніе, похожее на дѣйствительность. Символическое значеніе этого обычая заключается въ томъ, что какъ эта рыба извѣстна своимъ искусствомъ преодолевать быстрыя теченія, такъ и мальчикъ долженъ преодолевать всѣ встрѣчающіяся въ жизни препятствія и достигнуть желаемого успѣха.

Внѣшнія отличительныя черты японскаго характера заключаются въ постоянномъ расположеніи къ веселью и смѣху, крайней беззаботности и вѣжливости. Они себя сравниваютъ и называютъ французами Востока и очень гордятся этимъ названіемъ. Вѣжливость вообще они доводятъ до крайнихъ предѣловъ, что производитъ особенно странное впечатлѣніе въ ихъ взаимныхъ привѣтствіяхъ. Когда два японца встрѣчаются, они оба, снимая шапки, низко другъ другу кланяются. Оставшись въ такомъ согнутомъ положеніи довольно долгое, опредѣленное или усталостью,

или сознаниёмъ исполненной вѣжливости время, одинъ изъ нихъ слегка подымаетъ голову, чтобы искоса посмотрѣть, не измѣнилъ ли своего согбеннаго положенія его пріятель; если тотъ остается наклоненнымъ, первый стремительно тоже наклоняется и, притомъ, если возможно, еще ниже. Только послѣ неоднократныхъ подобныхъ наклоненій и выпрямленій, оба рѣшаются принять вновь свое естественное положеніе, и тогда только начинается разговоръ, но и то своеобразный. Японецъ передъ каждою фразой сначала громко втягиваетъ въ себя воздухъ, что производитъ впечатлѣніе звука вродѣ шипѣнія. Затѣмъ, послѣ каждаго пріятнаго собесѣднику слова или комплимента, тѣ же поклоны опять повторяются. Подобная сцена возобновляется и при прощаніи.

В. Верещагинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Матеріалы для исторіи уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи.

Четверть вѣка прошло съ великаго дня 19 февраля 1861 года. Крѣпостное право становится уже только преданіемъ, мрачнымъ и тягостнымъ, хотя порожденныя имъ привычки и отношенія продолжаютъ еще жить въ нашемъ обществѣ. Наступила пора для безпристрастной и всесторонней разработки историческихъ матеріаловъ, для правильной оцѣнки событія, имѣющаго необычайное всемірно-историческое значеніе. Извѣстный трудъ профессора Иванюкова: *Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи* положилъ прочное основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Г. Иванюковъ пользовался для своего сочиненія малодоступными источниками, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ *Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II*, изданные въ Берлинѣ въ 1860—1862 гг. Мы уполномочены заявить, что матеріалы эти были напечатаны Д. П. Хрущовымъ, бывшимъ товарищемъ министра государственныхъ имуществъ и находившимся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Н. А. Милютинымъ. Мы помѣщаемъ ниже отрывокъ изъ его любопытнаго труда *). Отрывокъ этотъ относится къ началу великаго преобразования и ярко показываетъ, какими случайностями было обставлено благотворное дѣло отмѣны крѣпостнаго права. Знать въ подробностяхъ, какъ оно совершилось, необходимо каждому русскому.

Ред.

Историческая записка, составленная т. с. Левшинымъ, одобренная Государемъ, возбудила вопросъ: какой избрать дальнѣйшій путь для введенія крестьянскаго дѣла въ движеніе? Ланской предлагалъ образовывать, по прежнимъ примѣрамъ, особый комитетъ изъ довѣренныхъ лицъ. Вслѣдствіе сего Государь назначилъ секретный комитетъ, подъ личнымъ своимъ предѣтельствомъ, изъ слѣдующихъ лицъ: кн. Орлова

*) Сынъ покойнаго Д. П. Хрущова въ скоромъ времени приступаетъ къ перепечатанію труда своего отца въ Россіи.

съ правомъ предсѣдательства при отсутствіи Государя, министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго, гр. Блудова, министра финансовъ Брока, министра государственныхъ имуществъ Муравьева, главноуправляющаго путями сообщенія Чевкина, генераль - адъютанта Ростовцева, члена государственнаго совѣта барона Корфа, члена государственнаго совѣта кн. Гагарина, графа В. Ф. Адлерберга, князя В. А. Долгорукова, а въ отсутствіи его ген.-адъют. Тимашева. Производителемъ дѣлъ комитета назначенъ государственный секретарь Бутковъ. Ланской не умѣлъ или не хотѣлъ оставить обязанности дѣлопроизводителя за Левшинымъ *), который по предшествовавшимъ занятіямъ имѣлъ полное на это право и, конечно, былъ бы гораздо полезнѣе, какъ опытъ показалъ, Буткова, совершенно къ дѣлу сему не приготовленнаго и сдѣлавшагося, вѣроятно, изъ угожденія князю Орлову и другимъ, явнымъ недоброжелателемъ упраздненія крѣпостнаго права.

Комитетъ открытъ 3 января 1857 г. подѣ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Государь обратился къ членамъ съ вопросомъ: признають ли они своевременнымъ заняться крестьянскимъ дѣломъ?

За исключеніемъ кн. Гагарина, всѣ члены отвѣчали, что находятъ это своевременнымъ. Мнѣніе кн. Гагарина осталось безъ уваженія. Засимъ прочтена была историческая записка Левшина и Государь пригласилъ комитетъ приступить къ самому дѣлу.

Нельзя не выразить удивленія, что правительство, приступая къ столь важному дѣлу, нисколько не было къ оному приготовлено и не составило себѣ никакого предварительнаго плана дѣйствія. Порученіе, данное въ Москвѣ Назимову, кажется, оставалось тайною для комитета. Историческая записка была вообще довольно слабаго содержанія и ничего не разрѣшала **).

Первымъ распоряженіемъ комитета было вытребовать обратно изъ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ сосредоточенныя въ ономъ производства по крестьянскому дѣлу, а также производства знаменитаго сек-

*) Отсюда начало разлада Левшина съ Ланскимъ, кончившагося тѣмъ, что Левшинъ оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ весною 1859 г.

***) До открытія комитета министръ внутреннихъ дѣлъ въ докладной запискѣ Государю, 23 декабря 1856 г., объясняя нѣкоторыя свои соображенія по крестьянскому вопросу, говорилъ, между прочимъ, что выкупъ земли для крестьянъ запутаетъ наши финансы и что лучше, чтобы люди приобрѣтали имущество своими трудами, нежели надѣлять ихъ на счетъ государства безъ всякой ихъ заботы и свергнуть ихъ тѣмъ въ безпечность, къ которой помѣщичьи крестьяне и безъ того причлены крѣпостнымъ правомъ. Здѣсь же министръ внутреннихъ дѣлъ изяснялъ, что, несмотря на слова, сказанныя Государемъ въ Москвѣ предводителямъ дворянства, и на подобныя же выраженія, обращенныя Его Величествомъ съ тѣхъ поръ къ нѣкоторымъ другимъ предводителямъ, являвшимся въ Петербургъ, а равно и на собственныя его неоднократныя внушенія предводителямъ, что пора принятыя за дѣло, до сихъ поръ всѣ эти приглашенія остаются тщетными и дворяне продолжаютъ отговариваться тѣмъ, что не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами они придумать не могутъ.

ретнаго комитета 6 декабря 1826 г. Собраны были также нѣкоторые частные проекты, которые въ то время начинали сильно появляться въ рукописяхъ, изъ коихъ замѣчательнѣйшіе были проекты Кошелева, Самарина, Кавелина и друг.

Изъ всѣхъ этихъ проектовъ и записокъ Бутковъ началъ составлять синоптическую вѣдомость, а комитетъ призналъ, что общее его присутствіе не можетъ ничего сдѣлать прежде рассмотрѣнія всѣхъ частныхъ проектовъ. Поэтому предположено было поручить эту предварительную работу особой комиссіи, составленной изъ членовъ комитета: г.-а. Ростовцева, б. Корфа и кн. Гагарина.

Г.-а. Ростовцевъ и б. Корфъ начали съ того, что докладными записками, поданными Государю, стали отказываться отъ участія въ дѣлахъ комитета, ссылаясь первый на совершенное свое незнаніе крестьянскаго быта *), а второй на то, что, не имѣя помѣстій собственно въ русскихъ губерніяхъ, онъ не можетъ судить о ихъ нуждахъ. На этихъ запискахъ послѣдовали высочайшія резолюціи, которыми Государь просилъ означенныхъ членовъ комитета остаться въ ономъ и исполнять возложенныя на нихъ обязанности по мѣрѣ силъ и возможности.

Вслѣдствіе сего г.-а. Ростовцевъ, б. Корфъ и кн. Гагаринъ занялись рассмотрѣніемъ переданныхъ имъ проектовъ, коихъ набралось очень много, кажется, болѣе 100. Въ этомъ рассмотрѣніи прошла почти вся зима 1857 г. Въ концѣ оной означенные три члена сообщили другъ другу свои работы и заключенія. Оказалось между ними такое разногласіе во взглядахъ, что ничего общаго нельзя было составить, и потому три записки ихъ внесены въ общее присутствіе комитета. Комитетъ не зналъ, что дѣлать, да и большой охоты не имѣлъ спѣшить, а потому положилъ передать записки 3 членовъ прочимъ членамъ для прочтенія и соображенія, съ тѣмъ, чтобы когда всѣ члены прочтутъ, то вновь собраться и разсудить.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда весною 1857 г. Государь отправился за границу, приказавъ прислать къ себѣ записки 3 членовъ.

Въ теченіе этого лѣта въ литературѣ начали проявляться первые признаки того движенія, которымъ въ скоромъ времени она ознаменовала свое горячее и полезное участіе въ крестьянскомъ вопросѣ. Завязалась полемика о поземельной собственности и общинномъ пользованіи землею между *Современникомъ* и *Экономическимъ Указателемъ*, въ которой скоро въ приняли участіе и другіе журналы, *Русская Бельда*, *Русскій Вѣст-*

*) Баронъ Корфъ имѣлъ, кажется, тайную надежду сдѣлаться производителемъ дѣлъ, а, слѣдовательно, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ комитета. Назначеніе въ сію должность государственнаго секретаря Буткова было ему неприятно и послужило главною причиною его отказа. Въ началѣ 1858 г. онъ возобновилъ свое желаніе выйти изъ комитета, будто бы по незнанію дѣла, и былъ уволенъ.

никъ (см. № 22 *Рус. Вѣст.* 1857, ст. Гүфѣйзенберга). Въ этомъ же № 22 и 23 *Рус. Вѣст.* явились статьи барона Гакстгаузена объ отиѣнѣ и выкупѣ помѣщичьихъ господскихъ правъ въ Пруссіи и Австріи.

Во время отсутствія Государя комитетъ почти ничего не дѣлалъ или занимался второстепенными вопросами, относящимися болѣе до ограниченія нѣкоторыхъ изъ существующихъ правъ помѣщиковъ. Вслѣдствіе сего и чтобы возбудить сужденіе по главнымъ, кореннымъ вопросамъ, министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ 26 іюля составленную т. с. Левшинымъ записку, въ коей поставленъ былъ рядъ вопросовъ, долженствовавшихъ вести къ опредѣленію основныхъ началъ будущаго устройства крестьянъ. Вопросы эти относились главнѣйше къ усадьбамъ и къ отпуску крестьянъ съ землею или безъ земли. Въ семъ послѣднемъ отношеніи большинство членовъ, и въ особенности кн. Гагаринъ, не соглашались давать крестьянамъ пахотную землю даже за вознагражденіе, которое должно было быть сопряжено съ финансовою операціей.

Между тѣмъ, Государь возвратился изъ-за границы на короткое время. Убѣжденіе его въ необходимости дать дѣлу рѣшительное движеніе еще болѣе усилилось. По ходившимъ въ это время слухамъ вліяніе это приписывалось королю прусскому, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, бывшей въ это время на водахъ, бар. Гакстгаузену, извѣстному прусскому публицисту, писавшему нѣкогда о Россіи, и другимъ лицамъ, съ которыми Государь видѣлся въ Германіи. Какъ бы то ни было, Государь остался весьма недоволенъ бездѣйствіемъ комитета и, чтобы пробудить его дѣятельность, въ началѣ августа назначилъ членомъ онаго великаго князя Константина Николаевича, правившаго, во время отсутствія Государя, государствомъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ министровъ.

Великій князь съ свойственнымъ ему усердіемъ принялся за дѣло. Начались отдѣльныя совѣщанія съ главнѣйшими членами комитета, Чевкинѣмъ, Ланскимъ, кн. Орловымъ, г.-а. Ростовцевымъ. Кн. Долгорукій въ это время находился за границей съ императрицей, гр. Блудовъ купался въ морѣ въ Ревелѣ, а Муравьевъ объѣзжалъ государственныя имуществы, увѣряя вездѣ дворянство, что ничего не будетъ.

Комитетъ начиналъ приходить къ слѣдующимъ заключеніямъ. Предполагалось: дать на имя министра внутреннихъ дѣлъ рескриптъ, съ выраженіемъ рѣшительной воли Государя—покончить крестьянское дѣло, но при содѣйствіи и участіи дворянства. Въ этомъ случаѣ комитетъ имѣлъ въ виду примѣръ прибалтійскихъ губерній. Въ рескриптѣ указать главные начала, на коихъ правительство считаетъ возможнымъ и справедливымъ устроить крестьянское дѣло, а предводителей особымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ пригласить обсудить и развить эти начала въ частныхъ совѣщаніяхъ съ опытнѣйшими помѣщиками въ теченіе срока, который будетъ имъ назначенъ. Главныя начала принять слѣдующія: 1) опредѣлить отъ изданія новаго положенія 10-ти лѣтній срокъ, по исте-

ченіи котораго крестьяне будутъ совершенно свободны; 2) въ теченіе этого 10-ти лѣтнаго переходнаго періода надѣлить крестьянъ усадьбою, т.-е. огородомъ, коноплянникомъ и выгономъ въ полную личную собственность, съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ помѣщикамъ, которое опредѣлится положеніемъ. Надѣлъ усадьбы въ черноземныхъ губерніяхъ сдѣлать небольшою и увеличить оный въ сѣверныхъ губерніяхъ, на томъ основаніи, что въ сихъ послѣднихъ главное значеніе имѣеть не земля, а трудъ, а, слѣдовательно, крестьянину легче сдѣлать большее вознагражденіе; 3) въ теченіе того же переходнаго періода часть пахотной земли оставить во временномъ владѣніи крестьянъ на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены положеніемъ, т.-е. за оброкъ или барщину; послѣ же 10 лѣтъ вся пахотная земля должна оставаться въ рукахъ помѣщиковъ, съ которыми крестьяне насчетъ пользованія ею могутъ дѣлать какія угодно условія. По обсужденіи лучшаго способа примѣненія сихъ началъ къ разнымъ мѣстностямъ, предводители представляютъ соображенія свои министру внутреннихъ дѣлъ, который изъ всѣхъ ихъ составитъ новое положеніе, внесетъ оное въ государственный совѣтъ на высочайшее утвержденіе. Независимо отъ сего и не ожидая новаго положенія, внести немедленно въ государственный совѣтъ проектъ измѣненія разныхъ статей *Св. Законовъ*, до помѣщичьяго права относящихся, съ цѣлью смягченія и ограниченія помѣщичьей власти.

Наконецъ, послѣ бурныхъ засѣданій 14, 17 и 18 августа комитетъ постановилъ: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ (слово упраздненіе крѣпостной зависимости или просто освобожденіе крестьянъ въ это время еще не допускалось) произвести съ должною осторожностію и постепенностію и для сего исполненіе онаго раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, не достоящихъ у комитета и безъ которыхъ невозможно составить предположенія на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ чрезъ сношеніе съ мѣстными властями и опытными по его усмотрѣнію помѣщиками, но безъ огласки. При этомъ возбужденъ былъ вопросъ: слѣдуетъ ли для этого назначить министру внутреннихъ дѣлъ какой-либо срокъ? Комитетъ призналъ, что назначеніе срока было бы стѣсненіемъ для министра, а потому предоставлялъ исполненіе этого порученія его полному усмотрѣнію. Въ теченіе же перваго періода издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ ихъ на волю цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ, по добровольному взаимному соглашенію съ утвержденія правительства, для чего подготовить проекты условій и представить въ государственный совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Третій

періодъ названъ окончательнымъ, т.-е. окончательнаго устройства крестьянъ. На этомъ журналѣ послѣдовала слѣдующая собственноручная резолюція Государя: «Исполнить. Что касается до разногласія, то я раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ повести это важное дѣло съ должною осторожностію къ желаемой цѣли. Благодарю гг. членовъ за этотъ первый ихъ трудъ и надѣюсь на ихъ помощь въ будущемъ къ разрѣшенію этого жизненнаго вопроса».

Помянутое въ этой революціи меньшинство состояло изъ одного кн. Гагарина, который, между прочимъ, предлагалъ дать помѣщикамъ немедленно право отпускать крестьянъ на волю, не спрашивая ихъ согласія, безъ земли, съ одною усадьбой *).

Въ журналѣ 18 августа, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ, какому вѣдомству слѣдуетъ подчинить крестьянъ, которые будутъ увольняемы на условіяхъ? Комитетъ разсуждалъ, что хотя бы и слѣдовало подчинить ихъ министру государственныхъ имуществъ, подобно свободнымъ хлѣбопашцамъ и обязаннымъ крестьянамъ, но какъ такое распоряженіе могло бы удержать многихъ крестьянъ отъ заключенія условій (намекъ на дурную будто бы репутацію министра государственныхъ имуществъ), то и представляется необходимымъ подчинить ихъ общимъ полицейскимъ властямъ имперіи. Какъ видно, графа Киселева не было налицо.

И такъ, послѣ долгихъ преній и колебаній правительство, въ сущности, откладывало рѣшеніе крестьянскаго вопроса на неопредѣленное время, т.-е. до полученія какихъ-то многочисленныхъ свѣдѣній, на собраніе коихъ даже не назначалось срока. Затѣмъ оно ограничивалось нѣкоторыми смягченіями помѣщичьей власти, которыя, вѣроятно, оставались бы безъ исполненія, и расширеніемъ возможности отпускать крестьянъ на волю, которая, вѣроятно, была бы обставлена такими условіями и стѣсненіями, отъ коихъ мѣра сія потеряла бы все свое значеніе.

Копія съ журнала 18 августа была послана Муравьеву, который получилъ ее въ Нижнемъ-Новгородѣ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, онъ представилъ записку, въ которой утверждалъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ на мѣстахъ практическихъ наблюденій, что дѣло это, хотя по началу и полезное, но преждевременное, и что настоящее положеніе вещей можетъ продлиться еще на многіе годы.

Помѣщаемъ еще одну замѣтку, которая покажетъ, каково было въ это время усердіе и намѣреніе тѣхъ, которые стояли во главѣ крестьянскаго вопроса. Одному члену комитета подана была, между прочимъ, записка о великой пользѣ, которую могла бы принести печатная гласность для

*) Въ это время наиболѣе либеральные изъ членовъ комитета затруднялись оставить за крестьянами болѣе, нежели усадьбы, и, во всякомъ случаѣ, допускали лишь уменьшенный надѣлъ прочими угодьями, дабы дать крестьянину осѣдность, но не болѣе, и тѣмъ оставить противъ него понудительное средство къ найму на господскія работы.

разъясненія начатаго дѣла, для котораго, какъ самъ комитетъ сознавалъ, правительство не имѣеть необходимыхъ данныхъ. Записка эта признана революціонною и заключающею въ себѣ конституціонныя стремленія.

Вообще кн. Орловъ рѣшительно не хотѣлъ давать крестьянамъ земли, кромѣ усадебъ, говоря, что онъ на старости лѣтъ не хочетъ рассориться съ дворянствомъ. Чевкинъ также соглашался дать одну усадьбу. Кн. Меншиковъ иначе не соглашался на освобожденіе, какъ съ разсрочкою на 70 лѣтъ. Онъ же говорилъ, что если допустить печатаніе въ журналахъ статей о крѣпостномъ правѣ, то писать будутъ не помѣщики, а профессоры и студенты, и что добра не будетъ, а только большое зло. Тимашевъ тоже былъ противъ гласности.

Государь въ это время въ особенности желалъ расширенія правилъ объ обязанныхъ крестьянахъ, что и поручилъ комитету сообразить. Послѣ рескриптовъ министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ секретное повелѣніе не давать болѣе хода просьбамъ о заключеніи съ крестьянами разныхъ условий. Только одинъ проектъ великой княгини Елены Павловны для полтавскаго имѣнія Карловка былъ впоследствии допущенъ и высочайше одобренъ.

Но великій русскій Богъ, такъ часто поступающій съ дорогою Россіей, какъ выразился однажды московскій митрополитъ Филаретъ, не по правосудію, а по милосердію, не дозволилъ совершиться дѣлу нечестивыхъ, и 1857 г. не долженъ былъ кончаться такъ бесплодно для предпринятаго важнаго преобразования. Вскорѣ произошелъ совершенно неожиданный и рѣшительный поворотъ.

Для исполненія журнала 18 августа и указанія тѣхъ мѣръ, кои должны были быть приняты какъ для смягченія и облегченія крестьянскаго состоянія, такъ и для успѣха взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, составлены были и разсланы членамъ комитета слѣдующіе 14 вопросовъ:

- 1) Можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ браки безъ согласія помѣщика?
- 2) Можно ли дать помѣщикамъ крестьянамъ права пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика?
- 3) Можно ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами?
- 4) Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказанія крестьянъ?
- 5) Должно ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь?
- 6) Слѣдуетъ ли ограничать права помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты?
- 7) Должно ли лишить помѣщиковъ права вмѣшательства въ отправленіи крестьянскихъ повинностей и податей?

8) Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ?

9) Можно ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ?

10) Можно ли дать помѣщикамъ крестьянамъ право выкупаться на волю за опредѣленную цѣну?

11) Какія мѣры должно принять нынѣ же для уменьшенія числа дворовыхъ людей?

12) Какія принять мѣры для болѣе успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

13) Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ выше мѣръ, не слѣдуетъ ли принять нынѣ же еще нѣкоторыя мѣры для облегченія какъ крѣпостнаго состоянія, такъ и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

14) Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ мѣръ, кои комитетомъ будутъ окончательно избраны и Государемъ утверждены?

Члены комитета приглашены были доставить отвѣты на сіи вопросы къ половинѣ ноября. Нѣкоторые отзывы, вообще весьма между собою несогласные, вскорѣ поступили и сужденія по онымъ уже начались, когда прибылъ въ С.-Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ.

Присутствовавшіе въ Москвѣ на коронаціи предводители дворянства сѣверо-западнаго края, повидимому, были согласны на упраздненіе крѣпостнаго права, но когда они объяснились съ дворянствомъ о намѣреніяхъ правительства, то оказалось, что дворянство, хотя и недовольное инвентарями, не было, однако же, расположено лишить себя обязательнаго труда крестьянъ и, во всякомъ случаѣ, не хотѣло идти далѣе положенія крестьянъ сосѣдней Курляндской губерніи. Въ особенности противилось видамъ правительства дворянство виленское и ковенское, такъ что послѣ долгихъ споровъ и сужденій положено было ограничиться посылкою за границу комиссіи изъ специалистовъ для изученія крѣпостнаго вопроса въ Германіи и другихъ странахъ. Съ этимъ-то неудовлетворительнымъ результатомъ и пріѣхалъ г.-а. Назимовъ въ Петербургъ во второй половинѣ ноября.

Три субботы кряду (комитетъ собирался обыкновенно по субботамъ) комитетъ занимался разсмотрѣніемъ предложеній, привезенныхъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, и не былъ далекъ отъ принятія оныхъ. Но Государь былъ недоволенъ, требовалъ другихъ началъ и приказалъ непремѣнно и немедленно сдѣлать что-нибудь другое. О журналѣ 18 августа какъ будто забыли. Какая-то невѣдомая, таинственная сила толкала дѣло въ другую сторону, на новые, невѣдомые пути.

Комитетъ и министерство внутреннихъ дѣлъ принялись сочинять общими силами, кажется, сами хорошенько не зная, чего хотѣть. Писали,

передѣлывали, опять сочиляли; сосчитано, что работало до 18 человекъ. Наконецъ, послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя виленскаго военнаго, гродненскаго и ковенскаго генералъ-губернатора, подписанный въ Царскомъ Селѣ 20 ноября 1857 г., слѣдующаго содержанія:

«Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для рассмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

«Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ 3 губерній.

«Одобривъ вполне намѣренія сихъ предводителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соответствующія моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

«Для сего повелѣваю:

«1) Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ 3 губерній вмѣстѣ одну общую комиссію въ г. Вильнѣ.

«2) Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

«3) Общей комиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3 губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору, б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ комиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

«Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соответственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

«1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, приобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для

выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

«2) Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

«3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обеспечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

«Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ 3 означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

«Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую комиссію, которая, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по сему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ 3 губерній положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

«Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во вѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать какъ губернскимъ комитетамъ сихъ 3 губерній, такъ и общей комиссіи нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею комиссіей проектъ вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе.

«Открывая, такимъ образомъ, дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполне оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участию въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

«Вы и начальники вѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго соблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и ложнымъ толкамъ.

«Пребываю вамъ навсегда благосклонный Александръ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ къ генералъ-адъютанту Назимову слѣдующее секретное отношеніе отъ 21-го ноября, за № 36:

«Я имѣлъ счастье всеподданнѣйше представить Государю Императору доставленные вашимъ превосходительствомъ свѣдѣнія объ изъявленномъ

комитетами, учрежденными въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской изъ предводителей дворянства и помѣщиковъ для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ, желаніи, въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости.

«Его Величество, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о такомъ благородномъ желаніи представителей дворянскаго сословія означенныхъ 3 губерній, высочайшимъ рескриптомъ, вамъ даннымъ, изволилъ разрѣшить дворянству оныхъ приступить, посредствомъ особо учреждаемыхъ въ каждой губерніи комитета и для всѣхъ 3 губерній одной общей комиссіи, къ составленію проектовъ надлежащихъ по сему предмету положеній, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ сихъ работъ, такъ и главныя основанія, на которыхъ дѣло это можетъ быть приведено въ исполненіе.

«Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ этомъ рескриптѣ, относительно состава и порядка дѣйствій учреждаемыхъ по настоящему предмету комитетовъ и комиссіи, Государь Императоръ высочайше соизволилъ повелѣть:

«1) При выборахъ членовъ въ губернскіе комитеты отъ каждаго уѣзда предоставить дворянамъ, если пожелаютъ, выбрать и уѣзднаго предводителя дворянства.

«2) Вънѣнть въ обязанность дворянамъ, при выборѣ сихъ членовъ, избрать для каждаго изъ нихъ кандидата, который могъ бы заступать его мѣсто въ случаѣ болѣзни или отпуска.

«3) Членовъ и кандидатовъ, избираемыхъ дворянствомъ, утверждать вашему превосходительству; увольнять же ихъ въ отпуска: по губернскимъ комитетамъ—начальникамъ губерній, а по общей комиссіи—вамъ, милостивый государь.

«4) Предоставить дворянству назначить изъ своихъ суммъ содержаніе членамъ, имъ избираемымъ въ губернскіе комитеты и общую комиссію.

«5) Начальники губерній, имѣя постоянное наблюденіе за засѣданіями губернскихъ комитетовъ, могутъ требовать сообщенія имъ журналовъ оныхъ.

«6) Общая комиссія обязана свои журналы представлять вашему превосходительству. Если вы будете несогласны съ комиссіею, то предлагайте ей ваши замѣчанія. Когда сіи замѣчанія будутъ приняты, то комиссія перемѣняетъ свое заключеніе, не стѣняясь прежнимъ. Если же комиссія съ вами не согласится, то вы имѣете сообщить о семъ мнѣ тогда, когда вся работа комиссіи будетъ кончена, или же немедленно, смотря по важности случая.

7) Губернскимъ комитетамъ кончить порученныя имъ работы въ 6-ти мѣсячный срокъ со дня ихъ открытія. Для окончанія возлагаемаго на общую комиссію труда назначить также 6-ти мѣсячный срокъ со времени поступленія въ оную всѣхъ составленныхъ губернскими комитетами проектовъ и

«8) Если который-либо изъ губернскихъ комитетовъ или общая коммиссія уклонятся отъ своего назначенія и войдутъ въ разсмотрѣнiе предметовъ, не подлежащихъ ихъ сужденію, то предоставляется вашему превосходительству немедленно закрыть ихъ и о такомъ случаѣ сообщать мнѣ, для доклада Его Императорскому Величеству:

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить вашему превосходительству мои соображенія, могущія служить пособіемъ губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

«Во исполненіе таковой высочайшей воли, сообразивъ подробно какъ тѣ правила, кои были приняты для освобожденія крѣпостнаго сословія въ остзейскихъ губерніяхъ, такъ и тѣ мысли и предположенія, кои изложены въ сообщенныхъ мнѣ вами мнѣніяхъ инвентарныхъ комитетовъ, бывшихъ въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я, съ своей стороны, нахожу, что вновь учреждаемымъ въ сихъ губерніяхъ, для составленія проектовъ положеній объ освобожденіи крѣпостнаго сословія, комитетамъ необходимо при этой работѣ имѣть въ виду, сообразить и разсмотрѣть въ подробности, примѣнивъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и особенностямъ каждой губерніи, слѣдующія правила и предположенія:

«I. Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно быть совершено не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне сначала должны быть въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ переходы изъ одной мѣстности на другую съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнію губернскихъ комитетовъ, не выше 12 лѣтъ.

«II. На основаніи началъ, указанныхъ въ высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдность, приобретаемая ими въ теченіе опредѣленнаго срока въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и примѣненіи сихъ основаній необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

«1) Усадебную осѣдность крестьянина составляютъ изба или хата, въ которой онъ живетъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородамъ и землею подъ оными.

«2) Права свободного состоянія и право собственности на эту осѣдность приобретаются крестьянами не иначе, какъ по взносу ими, въ продолже-

ніе переходнаго срока, выкупа, сумма коего не должна превышать цѣнности приобрѣтаемой ими въ собственность осѣдлости.

«3) Уплата сія можетъ быть произведена или деньгами, или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать за земли, имъ отводимыя въ пользованіе на основаніи п. 5 сей статьи.

«4) Вся остальная затѣмъ земля должна быть раздѣлена по способу пользованія оной на господскую и на отведенную въ пользованіе крестьянамъ.

«5) Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна постоянно оставаться въ пользованіи крестьянъ вообще, или за отбываніе ими для помѣщика натуральныхъ повинностей и работъ, или же за плату помѣщику оброка деньгами или произведеніями.

«6) Количество земли, предоставляемой, на этомъ основаніи, въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и исполненія обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, слѣдуетъ опредѣлить по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ.

«7) Порядокъ пользованія этою землею устанавливается также сообразно мѣстнымъ обычаямъ. Тамъ, гдѣ существуетъ общинное устройство, слѣдуетъ, не нарушая онаго, сохранить каждому семейству право на надѣлъ землею, стараясь не допускать частнаго дробленія или передѣла полей. Тамъ, гдѣ существуетъ подворное пользованіе землею и гдѣ земля, отведенная въ пользованіе крестьянъ, раздѣлена на поселки или фермы съ хозяевами и батраками, надо принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣдлости батраковъ и къ положительному опредѣленію отношеній ихъ къ хозяевамъ.

«8) Отправленію натуральныхъ повинностей и работъ или платѣ оброка въ пользу помѣщика могутъ подлежать только тѣ крестьяне, кои надѣлены землею; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ крестьяне раздѣляются на хозяевъ и батраковъ или безземельныхъ работниковъ, сіи послѣдніе не могутъ быть требуемы на работу иначе, какъ за вознагражденіе.

«9) Размѣръ какъ оброка, такъ и натуральныхъ повинностей и работъ долженъ быть положительно опредѣленъ соотвѣтственно пространству и качеству отведенной въ пользованіе крестьянъ земли.

«10) Натуральныя повинности и работы отправляются на основаніи особыхъ урочныхъ положеній, кои должны быть составлены губернскими комитетами на основаніяхъ сколь возможно простыхъ и несложныхъ, и

«11) Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, помѣщику предоставляется право обращать неисправности плательщика на работы натурою; при неисправности же крестьянина въ исполненіи работъ натурою помѣщикъ можетъ лишать его того участка земли, коимъ сей крестьянинъ пользуется.

«III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распределены на сельскія общества. Завѣдываніе мирскими дѣлами

каждаго общества и мірская расправа предоставляется сходящъ или составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюдениемъ и съ утверждения помѣщиковъ.

«IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствія. Для сего было бы полезно примѣнить, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, постановленія, существующія въ остзейскихъ губерніяхъ, сколько примѣненіе ихъ окажется возможнымъ и удобнымъ по мѣстнымъ особенностямъ, составу управленія и порядку судопроизводства вообще въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской.

«V. Со введеніемъ новаго положенія, когда оно будетъ утверждено:

«1. Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно и переселеніе крестьянъ противъ воли ихъ въ другія имѣнія, должны быть прекращены, а, съ другой стороны, крестьянамъ, до окончательнаго вступленія ихъ въ свободное состояніе, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ коего они водворены.

«2) Обращеніе крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ прекратить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять мѣры къ постепенному сначала уменьшенію, а потомъ и уничтоженію этого класса людей, посредствомъ обращенія ихъ въ крестьяне съ надѣломъ землею или перечисленія въ свободное состояніе съ согласія помѣщиковъ. Подробности по сему предмету требуютъ особаго на мѣстѣ развитія и рассмотрѣнія, и

«3) Во все время переходнаго состоянія помѣщикамъ предоставляется право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты или отдавать въ распоряженіе правительства, для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія.

«VI. Въ составляемыхъ губернскими комитетами проектахъ должны быть опредѣлены и указаны:

«1) Правила отправленія крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена самимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщика.

«2) Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей. Для сего, можетъ быть, было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запасекъ и мірскихъ капиталовъ, и

«3) Мѣры, необходимыя для распространенія между крестьянами грамотности и полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п.

«Сообщая о всемъ этомъ вашему превосходительству, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, всѣ изложенныя выше

соображенія мои передать въ свое время губернскимъ комитетамъ. Если комитеты по мѣстнымъ уваженіямъ признаютъ неудобнымъ принять которыя-либо изъ сихъ соображеній, то я просилъ бы ваше превосходительство поручить комитетамъ, въ своихъ окончательныхъ мнѣніяхъ, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ».

Вотъ съ какимъ неожиданнымъ сюрпризомъ Назимовъ долженъ былъ возвратиться въ Вильну.

Разсматривая эти акты, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства:

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ - губернатору *секретно*. Какъ будто можно было держать въ секретѣ главныя основанія, на которыхъ дворянство приглашалось составить проектъ новаго крестьянскаго положенія.

Цѣль предпріятія означается слѣдующими словами: «устройство и улучшение быта крестьянъ»; выраженіе «освобожденіе отъ крѣпостной зависимости» является въ первый разъ лишь ярезъ нѣсколько дней, въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній и предводителямъ дворянства отъ 24 ноября, но дѣлается обычнымъ лишь гораздо позже, кажется, только со времени учрежденія редакціонной комиссіи.

О правахъ состоянія говорится, что они приобрѣтаются не иначе, какъ уплатою владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока. Это условіе вскорѣ было отмѣнено.

Наконецъ, вотчинная полиція оставляется за помѣщиками. Эта мысль также впоследствии отвергнута.

Но таинственныя судьбы, присутствовавшія при составленіи и подписаніи рескрипта на имя г.-а. Назимова, не остановились на этомъ первомъ шагѣ. Вдругъ родилась мысль сообщить объ этомъ событіи во всѣ губерніи для свѣдѣнія и возбужденія дворянства. Кажется, мысль эта принадлежит великому князю Константину Николаевичу. Многие изъ членовъ не соглашались, совѣтовали идти постепенно, выждать результатовъ виленскаго рескрипта. Но таинственная сила превозмогла и рѣшено написать циркуляръ.

22 ноября представлялся Государю воронежскій губернаторъ Синельниковъ. Государь, между прочимъ, сказалъ ему о рескриптѣ г.-а. Назимову и присовокупилъ: «Я рѣшился дѣло это привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь». Удивленный губернаторъ отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, пересказалъ ему слова Государя и спросилъ, что это значитъ и будетъ ли объ этомъ предписаніе? Ланской, по обыкновенію, засмѣялся и отвѣчалъ только: «да получите, получите».

И дѣйствительно, 24 ноября, за №№ 37 и 38, подписанъ министромъ внутреннихъ дѣлъ слѣдующій циркуляръ къ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства:

«Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской учрежденные тамъ изъ предводителей дворянства и помѣщиковъ особые для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ комитеты признали необходимымъ, для улучшенія и упроченія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости. Государь Императоръ, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о такомъ благородномъ намѣреніи представителей дворянства означенныхъ 3 губерній, рескриптомъ, даннымъ 20 сего ноября виленскому военному, гродненскому и ковенскому генераль-губернатору, изволилъ разрѣшить дворянству оныхъ приступить къ составленію надлежащихъ по этому предмету проектовъ, учредивъ для сего въ каждой губерніи особые изъ дворянъ-помѣщиковъ комитеты и одну общую для всѣхъ 3 губерній комиссію, съ тѣмъ, чтобы они при этой работѣ руководствовались началами Его Императорскаго Величества, въ рескриптѣ указанными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, сообщилъ означенному генераль-губернатору нѣкоторыя мои соображенія въ пособіе и руководство губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ. Сіи бумаги имѣю честь въ копіи препроводить къ вашему превосходительству, для вашего, милостивый государь, свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство ввѣренной вамъ губерніи изъявило подобное желаніе».

Говорятъ, что кн. Орловъ и другіе члены хотѣли было остановить разсылку сего циркуляра, но было поздно: легkokрылая почта уже несла великую вѣсть по всему пространству обширной имперіи. *Alea jacta est!* *).

*) Циркуляръ этотъ составленъ въ секретномъ комитетѣ и отданъ Ланскому для подписи уже высочайше утвержденный. Ланской послѣдшне приказалъ напечатать оный ночью и на другой день отправилъ. Левшинъ отказался скрѣпить оный, находя мѣру эту преждевременною.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Борьба съ вредными насѣкомыми.

Еще никогда вредныя насѣкомыя не обращали на себя такого вниманія во всей Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ, какъ это случилось въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Можно положительно сказать, что отъ Португаліи и до Урала не найдется въ настоящее время ни одной страны, которой бы вредныя насѣкомыя, эти «маленькіе враги», какъ ихъ принято называть, не причиняли далеко «не малые» убытки. Достаточно указать на знаменитую истребительницу виноградниковъ, *филлоксеру*, которая рано или поздно можетъ лишить Европу цѣлой огромной отрасли хозяйства, именно винодѣлія. Международные конгрессы, которые уже нѣсколько разъ собирались, начиная съ 1877 года изъ-за филлоксеры; частныя съѣзды, которые изъ-за той же причины собирались въ отдѣльныхъ странахъ (у насъ ихъ было два: одинъ въ Севастополѣ въ 1882 году и другой въ Тифлисѣ въ 1885 г.); миллионныя средства, которыми затрачивались и затрачиваются на борьбу съ этимъ насѣкомымъ, наконецъ, еще неслыханное въ лѣтописяхъ литературы посвященіе одному насѣкомому цѣлаго періодическаго изданія (*Revue antiphyloxérique internationale* издается проф. Леонардомъ Рёслеромъ въ Клостернайбургѣ близъ Вѣны),—всѣ эти факты показываютъ, что «маленькіе враги» очень могущественны и меньше всего можно будетъ отъ нихъ отдѣлаться игнорированіемъ ихъ. Другія вредныя насѣкомыя по величинѣ причиняемыхъ ими убытковъ очень мало уступаютъ филлоксерѣ.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что общее количество вредныхъ насѣкомыхъ-индивидовъ постепенно увеличивается по мѣрѣ усиленія и распространенія культуры отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ растений. Помимо прямыхъ данныхъ, которыя подтверждаютъ указанную сейчасъ мысль, можно указать и на общія біологическія соображенія, вполне уясняющія необходимость существованія такой зависимости между усиленіемъ культуры отдѣльныхъ растений и размноженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, живущихъ насчетъ даннаго культурнаго растенія. Выра-

жаясь языкомъ математиковъ, мы можемъ сказать, что число особей какого-нибудь вида есть функція трехъ переменныхъ: 1) количества пищи, 2) количества враговъ и 3) метеорологическихъ условій (особенности организаціи, какъ-то плодовитость, неразборчивость въ пищу, способность къ передвиженію и распространенію и проч., составляють для каждаго даннаго вида величину приблизительно постоянную). Законъ борьбы за существованіе придаетъ особенное значеніе первымъ двумъ изъ указанныхъ переменныхъ. По этому закону, животное будетъ тѣмъ сильнѣе размножаться, чѣмъ больше оно находитъ для себя пищи и чѣмъ лучше оно можетъ обезпечить пищей свое потомство.

Какъ на факты, подтверждающіе наши теоретическія соображенія, укажемъ на слѣдующіе два, взятые изъ практики нашего сельскаго хозяйства. Въ нашей южной полосѣ, гдѣ нынѣ въ большихъ размѣрахъ воздѣлывается сахарная свекла, уже издавна обитала небольшой сѣрый жучекъ, называемый свекловичнымъ долгоносикомъ или свинкой, бурлакомъ. Эта свинка ничѣмъ не давала о себѣ знать. Она питалась дикорастущими травами и по преимуществу лебедой. Никто прежде не замѣчалъ, чтобы она появлялась въ большихъ количествахъ. Но вотъ около конца 1 четверти, текущаго столѣтія у насъ приступили въ этой мѣстности къ культурѣ сахарной свеклы. Такъ какъ свекловица принадлежитъ къ одному ботаническому семейству съ лебедою (сем. Chenopodeae), то свинка очень охотно стала ѣсть свекловицу и нашла ее, можетъ быть, даже болѣе себѣ по вкусу, чѣмъ дикорастущую лебеду. Уже въ самомъ началѣ 50 годовъ стали раздаваться громкія жалобы на вредъ, причиняемый свинками свекловицѣ, и вредъ этотъ, благодаря чрезвычайному размноженію свинокъ, съ того времени сталъ принимать все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Такимъ образомъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ возникъ новый видъ вредныхъ насѣкомыхъ, обязанный своимъ чрезмѣрнымъ размноженіемъ намъ же самимъ.

Другое подтвержденіе мы находимъ въ рапсовомъ пилильщикѣ. Личинки этого насѣкомаго повреждаютъ рапсъ и близкія къ нему растенія, напримѣръ: сурѣпицу, рѣпакъ, рапшу, объѣдая листья, ростки и стручки. Насѣкомое это распространено во всей Западной Европѣ и знаменито, въ особенности, опустошеніями, которыя оно многократно производило въ Англіи, еще начиная съ середины прошлаго столѣтія. У насъ это насѣкомое до послѣдняго времени не выдавалось своимъ вреднымъ вліяніемъ. Но когда въ концѣ 70 годовъ, изъ страха предъ знаменитою хлѣбною кузькой, на югѣ стали, по возможности, сокращать посѣвы колосовыхъ хлѣбовъ и принялись за воздѣлываніе масличныхъ растеній и, между прочимъ, рапса, рѣпава и проч., то и рапсовый пилильщикъ сталъ у насъ появляться въ неслыханныхъ массахъ и на весьма обширныхъ пространствахъ. Имѣлось въ виду, что посѣвомъ масличныхъ растеній, какъ не подверженныхъ нападеніямъ кузьки, наши поля нѣсколько освободятся

отъ вредныхъ насѣкомыхъ, а, между тѣмъ, оказалось, что мы нашли себѣ новаго опаснаго врага въ лицѣ рассоваго пилильщика. И здѣсь опять мы сами призвали врага на свою голову.

Такъ какъ необходимо согласиться съ тѣмъ, что съ теченіемъ времени, съ одной стороны, умножилось число видовъ культурныхъ растений въ той или другой мѣстности, а съ другой стороны—усиливалась культура отдѣльныхъ хозяйственныхъ растений, то приходится также признать справедливость высказаннаго выше мнѣнія, т.-е. что число вредныхъ насѣкомыхъ съ теченіемъ времени значительно возрастало и что это возрастаніе не есть явленіе случайное, которое, слѣдовательно, можетъ пройти само собою, а что оно глубоко коренится въ созданныхъ нами условіяхъ хозяйства и самымъ тѣснымъ образомъ съ ними связано.

Хотя для насъ и понятно, отчего жалобы на вредныхъ насѣкомыхъ особенно усилились въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, тѣмъ не менѣе, во многихъ случаяхъ жалобы эти являлись уже черезъ-чуръ неожиданными. Объясняется это тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ ту или другую мѣстность дѣйствительно занесено было то или иное вредное насѣкомое, которое прежде тамъ не водилось, но чаще всего случилось, что вредъ отъ насѣкомыхъ приписывался прежде не этимъ послѣднимъ, а различнымъ метеорологическимъ причинамъ. Весьма часто, особенно когда насѣкомое, приносящее вредъ, очень мелкое или живетъ скрытно, вовсе не такъ легко опредѣлить, въ чемъ кроется причина вреда. Только благодаря новѣйшимъ успѣхамъ естественныхъ наукъ и въ частности энтомологіи, стало возможно болѣе точное изученіе разсматриваемыхъ нами здѣсь явленій. Прежде, за исключеніемъ только немногихъ случаевъ, бѣдствій, причиняемыхъ насѣкомыми, почти всеми приписывались метеорологическимъ причинамъ, противъ которыхъ ничего и предпринять невозможно. Масса еще и теперь повсюду такъ думаетъ. Спросите любого земледѣльца, даже и хозяина подчасъ «интеллигентнаго», чѣмъ объяснить ненормальный ростъ его хлѣба, странный видъ листьевъ въ его саду или огородѣ и проч., и вы всегда услышите въ отвѣтъ или «соленый» (!) туманъ, или солнце съ дождемъ, или вѣтеръ, то сухой, то сырой, то холодный. Вліяніе насѣкомаго онъ признаетъ только тогда, когда вредъ отъ него очевиденъ, когда, напримѣръ, нападаютъ саранча, хлѣбный жукъ и т. п. и на глазахъ же хозяина пожираютъ плоды его трудовъ. Но огромный вредъ причиняетъ хлѣбамъ также цѣлый рядъ весьма мелкихъ насѣкомыхъ, очень распространенныхъ въ Западной Европѣ и у насъ. Можно сказать, на основаніи отчасти уже теперь собранныхъ свѣдѣній, что въ наступающемъ году и, вѣроятно, въ цѣломъ рядѣ ближайшихъ лѣтъ, очередь, по крайней мѣрѣ, на югъ, за этими именно очень мелкими врагами. Это именно гессенская муха, особенно прославившаяся въ Сѣверной Америкѣ, шведская муха, хлѣбная муха или зеленоглаза, хлѣбный пилильщикъ, толстоножка и нѣкот. друг.

Вамъ не придется наблюдать, какъ они пожираютъ растенія, но, тѣмъ не менѣе, они портятъ цѣлыя поля, оголяютъ цѣлыя пространства, задерживаютъ ростъ растеній, коверкаютъ ихъ, уродуютъ, губятъ. Все это производится мелкими личинками упомянутыхъ мелкихъ насѣкомыхъ. Эти личинки живутъ всегда скрытно или внутри стеблей, или глубоко въ пазухахъ листьевъ, или въ нокѣ колоса, рѣже въ самомъ колосѣ. Большая часть ихъ была у насъ, такъ сказать, *открыта* только въ сравнительно недавнее время. Поэтому неудивительно, если хозяева теперь и, вѣроятно, еще въ будущее время, — если только не будутъ приняты мѣры къ распространенію свѣдѣній о вредныхъ насѣкомыхъ среди массы хозяевъ, — будутъ приписывать причины гибели хлѣбовъ соленымъ дождямъ, туманамъ и подобнымъ небылицамъ.

Большинство смотритъ всегда на вредныхъ насѣкомыхъ, какъ на явленіе случайное, и даже тотъ хозяинъ, который настолько просвѣщенъ, что знаетъ, что въ природѣ нѣтъ ничего случайнаго, который желалъ бы вѣрить, что явленія, представляемыя вредными насѣкомыми, не заключаютъ въ себѣ ничего случайнаго, не можетъ не видѣть тѣхъ фактовъ, которые, повидимому, убѣждаютъ его въ совершенно противоположномъ. Мы именно имѣемъ въ виду въ высшей степени важный и знаменательный *фактъ исчезновенія вредныхъ насѣкомыхъ*. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, въ виду такого факта, оставаться при убѣжденіи въ законной связи явленій? Какую же вѣру послѣ этого хозяинъ можетъ придавать словамъ энтомологовъ и какъ вообще онъ долженъ относиться къ ихъ предостереженіямъ, когда видимый интересъ, — интересъ кармана, — побуждаетъ его сообразоваться съ болѣе наглядными для него выгодами, въ надеждѣ, что, можетъ быть, все сойдетъ благополучно... И, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что хозяинъ въ своемъ скептицизмѣ идетъ гораздо дальше и склоненъ признать, что слова энтомологовъ однѣ лишь выдумки. Одно влечетъ за собою другое, и разъ предостереженія ученыхъ, вслѣдствіе ихъ неполноты, не производятъ надлежащаго дѣйствія на хозяина, то они игнорируются уже совсѣмъ и признаются недостойными никакого вниманія.

Весьма интереснымъ поэтому является отношеніе земствъ, которыя въ лицѣ своихъ представителей участвовали въ областныхъ энтомологическихъ сѣздахъ, къ постановленіямъ этихъ сѣздовъ. Изъ всей массы постановленій всѣхъ пяти сѣздовъ приведено въ исполненіе приблизительно... ничего. Такъ какъ постановленія не исполнялись, то ихъ отъ одного года до другаго просто *забывали*, такъ что на одномъ сѣздѣ заново рѣшали и постановляли то, что уже было рѣшено и постановлено на предъидущемъ сѣздѣ. Это, наприм., случилось съ постановленіями относительно энтомологическихъ комиссій. На четвертомъ сѣздѣ было рѣшено «упрочить и расширить кругъ дѣйствія бывшихъ до сего одесской и харьковской энтомологическихъ комиссій». На эти послѣднія воз-

ложено было (разумѣется, пока только въ постановленіи) множество обязанностей и было рѣшено въ каждую комиссію пригласить по одному постоянному энтомологу, которому назначено известное содержаніе. И все это было постановлено не просто, а была избрана изъ членовъ же съѣзда особая комиссія изъ 9 лицъ, которая разработала по пунктамъ вопросъ о необходимости поддержать дѣятельность упомянутыхъ комиссій и точно опредѣлила размѣръ средствъ, которыя должны доставить заинтересованныя земства *). Въ теченіе года постановленіе, не будучи приведено въ исполненіе, было забыто, а потому на 5 съѣздѣ было рѣшено (см. *Труды V областного съѣзда въ Харьковѣ*, протоколъ 5 засѣданія, стр. 96): «*Просить земства о снабженіи энтомологическихъ комиссій одесской и харьковской необходимыми для поддержанія ихъ дѣятельности средствами; относительно же размѣра средствъ предложить самимъ комиссіямъ высказаться передъ заинтересованными земствами чрезъ своихъ предсѣдателей*». Кроме того, что рѣшеніе одного съѣзда было забыто на слѣдующемъ, въ данномъ случаѣ еще также интересно то, что точно формулированное и вполне опредѣленное рѣшеніе 4 съѣзда относительно столь важныхъ для съѣздовъ органовъ, каковы энтомологическія комиссіи, на 5 съѣздѣ успѣло расплыться въ самое неопредѣленное постановленіе о томъ, чтобы «*просить земства*» о поддержкѣ, а комиссіямъ «*предложить самимъ высказаться*» и проч. Большая часть постановленій съѣздовъ вовсе не докладывалась земскимъ собраніямъ или, какъ выражались представители земствъ, они *оставались не заслушанными*, а другія хотя и заслушивались, но нельзя сказать, чтобы земцы ими *заслушались*. Вѣроятно же всего, что всѣ эти постановленія пропускались мимо ушей, такъ какъ большинство хозяевъ, — члены земскаго собранія, отъ котораго зависитъ судьба постановленій, — не можетъ же измѣнить своихъ взглядовъ на предметы, которыхъ эти постановленія касаются, лишь потому, что одинъ изъ нихъ или двое побывали на съѣздѣ и прониклись тамъ другими взглядами. Полное, можно сказать, игнорированіе постановленій съѣздовъ со стороны земствъ вполне понятно, такъ какъ хозяева-земцы не понимали, къ чему это нужны мѣры и постановленія противъ врага, который вотъ-вотъ самъ исчезнетъ.

Наши энтомологи и энтомологическіе съѣзды удѣляли (выражаясь умѣренно) очень мало вниманія указанному нами явленію исчезновенія вредныхъ насѣкомыхъ, а потому на нихъ падаетъ известная доля вины въ томъ, что масса такъ небрежно отнеслась къ ихъ благимъ совѣтамъ и не удостоивала вниманія совершенно вѣрную и истинную половину ихъ напоминаній изъ-за невыясненнаго цѣлаго. Такъ какъ мы въ теченіе пос-

*) См. *Труды IV энтомологическаго областного съѣзда представителей земствъ южной Россіи*. Одесса, 1884 г., стр. 100—101.

лѣднихъ лѣтъ занимались разработкой нѣкоторыхъ вопросовъ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ затронутому нами здѣсь важному явленію, то мы постараемся въ общедоступной формѣ уяснить здѣсь это явленіе читателю.

Какъ ни кажется удивительнымъ внезапное исчезновеніе мириадъ страшныхъ насѣкомыхъ, явленія эти въ достаточной степени уже теперь могутъ быть хорошо объяснены. Мы говоримъ «въ достаточной степени» и не употребляемъ болѣе рѣшительнаго выраженія не потому, чтобы мы сами или другія лица, близко знакомыя съ дѣломъ, не вѣрили въ истинность тѣхъ фактовъ, которые служатъ основаніемъ для объясненія. Нѣтъ. Говоря такъ, мы желали бы лишь обратить вниманіе лицъ и учреждений, которыя могли бы оказать свое содѣйствіе дальнѣйшей разработкѣ столь важнаго вопроса, что имѣется еще много относящихся сюда фактовъ, которые было бы полезно разрабатывать дальше. Пусть тѣ, для которыхъ разсматриваемый вопросъ имѣетъ интересъ и которые при случаѣ даже общаются прямо содѣйствіемъ,—пусть они знаютъ, что и для нихъ есть много простора, чтобы развернуть полезную дѣятельность и выполнить данныя обѣщанія.

Мы уже выше видѣли, что колебанія въ численности особей какого-нибудь вида животныхъ зависятъ, главнымъ образомъ, 1) отъ количества пищи, 2) количества враговъ и 3) метеорологическихъ условій. Для объясненія причинъ внезапнаго исчезновенія миллиардовъ насѣкомыхъ, мы, очевидно, не можемъ искать основаній въ постоянныхъ признакахъ даннаго вида, какъ-то въ способности или неспособности къ распространенію и передвиженію, въ болѣе или меньшей степени плодовитости или въ какихъ-нибудь другихъ особенностяхъ организаціи. Постоянныя величины, какъ бы мы ихъ ни комбинировали, никогда не дадутъ въ результатѣ величины переменной, слѣдовательно, постоянные признаки вида никоимъ образомъ не заключаютъ въ себѣ причинъ, почему число индивидовъ даннаго насѣкомаго то вдругъ достигаетъ чуть ли не безконечности, то опять падаетъ почти до нуля. Остается, значитъ, искать объясненія въ другомъ разрядѣ явленій,—въ явленіяхъ переменныхъ, на которыя указано выше. *Въ этихъ явленіяхъ объясненіе немислимо.* Но явленія этого разряда, какъ мы видѣли, распадаются на три категоріи. Изъ нихъ первая категорія въ нашемъ случаѣ должна быть исключена, такъ какъ рѣчь идетъ объ исчезновеніи насѣкомыхъ, которое для хозяевъ явилось неожиданнымъ сюрпризомъ. Значитъ, появилась какая-то болѣе могущественная сила, которая сразила жука, *несмотря на то, что пища, которую онъ располагалъ, вовсе не оскудѣвала.* Эту силу, слѣдовательно, мы должны искать въ остальныхъ двухъ категоріяхъ явленій, т.-е. въ количествѣ враговъ и въ метеорологическихъ условіяхъ. Что касается послѣднихъ, т.-е. метеорологическихъ условій, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить условія почвы и вообще среды, то имъ въ нашемъ случаѣ принадлежитъ

сравнительно ничтожная роль. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и особенно начиная съ 60 годовъ біологическая наука стала отрицать то преобладающее значеніе, какое прежде приписывали физико-химическимъ дѣятелямъ въ капитальнѣйшихъ явленіяхъ органической жизни. Въ нашемъ частномъ случаѣ, если мы остановимся на исчезновеніи кузьки, мы также убѣждаемся въ томъ, что никакихъ такихъ явленій не случилось,—будь то страшные холода, продолжительные дожди, сильные засухи или что-нибудь въ этомъ родѣ,—которые могли бы объяснить замѣченное исчезновеніе. И мы приходимъ къ тому несомнѣнному выводу, что причины исчезновенія въ разсматриваемомъ нами случаѣ насѣкомыхъ кроются единственно во второй категоріи перечисленныхъ явленій, т.-е. во врагахъ этихъ насѣкомыхъ. Мы поэтому позволимъ себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе. Насѣкомыя вообще и вредныя насѣкомыя въ частности имѣютъ массу враговъ какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствахъ. Враги эти причиняютъ имъ преждевременную смерть, и замѣчательно что чѣмъ врагъ съ виду невзрачнѣе, ничтожнѣе, мельче, тѣмъ онъ опаснѣе. Во главѣ этой лѣстницы враговъ стоитъ самъ человекъ во всеоружіи своей изобрѣтательности, ловкости и находчивости. Это самый неопасный, самый слабый врагъ насѣкомыхъ. У подножія лѣстницы стоятъ мельчайшіе грибки, которыхъ простымъ глазомъ не увидишь. Это—бичъ насѣкомыхъ, чума, моровое повѣтріе, отъ которыхъ они гибнутъ милліардами.

Естественные враги насѣкомыхъ принадлежать къ типамъ позвоночныхъ, членистоногихъ и червей изъ міра животныхъ и къ низшимъ грибкамъ и бактеріямъ изъ міра растительнаго. Изъ позвоночныхъ млекопитающія сравнительно неважные враги насѣкомыхъ. Свинья, напр., охотно поѣдаетъ саранчу и ея яички, но за то онѣ очень плохія охотники, такъ что приходится болѣею частью преподносить имъ уже готовую добычу, собранную чужими руками. Болѣе дѣятельными являются кроты, которые поѣдаютъ множество личинокъ и гусеницъ, живущихъ въ землѣ. За летающими формами очень успѣшно охотятся летучія мыши, которыя уничтожаютъ много ночныхъ бабочекъ и хрущей. Кромѣ того, имѣется еще цѣлая группа низшихъ млекопитающихъ—*Insectivora*, т.-е. насѣкомоядные; но эти преимущественно питаются полезными насѣкомыми, напр., муравьями. Изъ пресмыгающихся змѣи и въ особенности ящерицы пожираютъ очень много насѣкомыхъ. То же, въ гораздо болѣе еще степени, дѣлаютъ лягушки и жабы (*амфибіи*). Но на первомъ планѣ стоятъ птицы; это—самые дѣятельные и самые опасные враги насѣкомыхъ изъ типа позвоночныхъ. Дѣятельность птицъ по истребленію насѣкомыхъ уже давно обратила на себя всеобщее вниманіе и народъ различныхъ странъ на всемъ земномъ шарѣ не только издавалъ постановленія и законы къ охраненію этихъ птицъ, но даже прибѣгалъ къ дорого стоющимъ средствамъ, чтобы ихъ охранять, а мѣстами извѣстные

виды птицъ за ихъ очевидную пользу и благодѣяніе, которыя они оказываютъ людямъ истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, почитались и еще теперь почитаются священными. Конечно, не всѣ птицы питаются насѣкомыми, но за то и число насѣкомоядныхъ птицъ очень значительно. Иныя изъ нихъ, питаясь сами зернами, ягодами и т.-п., кормятъ своихъ птенцовъ насѣкомыми, причеиъ, разумѣется, истребляютъ послѣднихъ изрядными массами. Въ таковымъ птицамъ принадлежатъ воробьи, овсянки, зяблики и др. Болѣе опасными для насѣкомыхъ являются птицы, которыя сами отчасти или почти исключительно питаются насѣкомыми. Сюда принадлежатъ скворцы, синицы, грачи, много пѣвчихъ птицъ, дрозды, дятлы, кукушки, чайки и множество другихъ. Будучи очень проворными и отличными охотниками, эти птицы истребляютъ массы какъ летающихъ насѣкомыхъ, такъ и пѣшихъ. Можно сказать, что уже однѣ птицы способны удерживать въ достодолжныхъ границахъ чрезмѣрное размноженіе насѣкомыхъ, если бы не существовало условій, которыя, съ своей стороны, препятствуютъ ихъ дѣятельности. Самыми знаменитыми истребителями насѣкомыхъ у насъ являются скворцы: обыкновенный или шпакъ и розовый или каменный. При появлении саранчи въ большомъ количествѣ скворцы истребляютъ ее очень энергично и нерѣдко въ короткое время освобождаютъ отъ нея цѣлыя пространства. Замѣчали даже, что эти птицы не столько поѣдаютъ насѣкомыхъ, сколько калѣчатъ и убиваютъ. Вообще скворцы уничтожаютъ множество другихъ насѣкомыхъ, не только саранчу.

Изъ типа членистоногихъ врагами насѣкомыхъ являются различныя ракообразныя, которыя поѣдаютъ массы насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, которыя живутъ въ водѣ, но сравнительно съ другими классами этого же типа, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, ракообразныя не представляются столь страшными врагами. Также не особенно важны пауковыя, хотя и они убиваютъ множество насѣкомыхъ. Несравненно болѣе опасными являются хищныя и паразитическія формы изъ класса насѣкомыхъ же. Дѣло въ томъ, что хотя въ классѣ насѣкомыхъ преобладающее большинство видовъ питается растительными продуктами или разлагающимися органическими веществами, однако, большая масса ихъ въ зрѣломъ состояніи или въ состояніи личинки является настоящими хищниками или же паразитами, причеиъ жертвами, главнымъ образомъ, бываютъ насѣкомыя же болѣе мирнаго нрава (замѣтимъ въ скобкахъ, что подъ «паразитами» здѣсь и дальше, когда рѣчь будетъ идти о грибахъ, не слѣдуетъ понимать того, что въ общежитіи называется этимъ именемъ). Наши паразиты *постоянно и неминуемо* причиняютъ *смерть* своимъ *хозяевамъ*, т.-е. организмамъ, въ которыхъ они *поселились*, въ теченіе *большаго или меньшаго періода времени*, тогда какъ хищники *нападаютъ* на свою *жертву* и убиваютъ ее *сразу*. О паразитахъ, которые причиняютъ своимъ хозяевамъ лишь болѣшія или меньшія разстройства, мы

не говоримъ. Между паразитами въ нашемъ смыслѣ слова и хищниками разница лишь относительная. Не останавливаясь на тѣхъ случаяхъ, когда жертвою насѣкомыхъ становятся животныя изъ другихъ классовъ, напр., черви, моллюски, даже мелкія позвоночныя, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію наиболѣе интересующихъ насъ фактовъ, когда въ качествѣ жертвъ фигурируютъ насѣкомыя же. Каждый отрядъ класса насѣкомыхъ, кромѣ отряда бабочекъ, заключаетъ достаточное число представителей разсматриваемыхъ нами формъ и изъ этихъ послѣднихъ почти исключительно состоитъ цѣлый отрядъ сѣтчатокрылыхъ насѣкомыхъ. Слѣдовательно, среди своихъ же родичей растеніядица насѣкомыя имѣютъ достаточно смертельныхъ и опасныхъ враговъ, каковы, напримѣръ, жулици и особенно красотѣлы, различныя осы, стрекозы, муравьи, божьи коровки и проч. Но особеннаго нашего вниманія заслуживаютъ двѣ группы насѣкомыхъ, — это именно группа *наѣздииковъ* изъ отряда перепончатокрылыхъ и группа *ктырей* (*Tachina*) изъ отряда двукрылыхъ; о другихъ сравнительно неважныхъ группахъ мы упоминать не станемъ. Дѣятельность наѣздииковъ и ктырей въ разсматриваемомъ нами отношеніи особенно подробно изучена знаменитымъ германскимъ энтомологомъ, покойнымъ Рацебургомъ. И другіе энтомологи удостоивали эти группы не меньшаго вниманія.

Опасными для всѣхъ прочихъ насѣкомыхъ наѣздиики и ктыри бываютъ только въ личиночномъ состояніи. Абсолютно *всѣ* прочія насѣкомыя, какъ въ зрѣломъ состояніи, такъ и въ состояніи куколки, личинки или яйца, подвергаются пагубному дѣйствию этихъ паразитическихъ личинокъ. Ихъ варварскій нравъ доходитъ даже до того, что личинки одного вида наѣздииковъ становятся добычею личинокъ другаго вида наѣздииковъ. Число видовъ ктырей и особенно наѣздииковъ очень велико. Обыкновенно каждый видъ имѣетъ свои излюбленныя жертвы въ средѣ прочихъ насѣкомыхъ, причемъ они часто сортируются по величинѣ хозяина. Порядокъ паразитизма состоитъ въ томъ, что самка, откладывая яички, старается ихъ пристроить къ личинкамъ или къ другимъ формамъ какого-нибудь насѣкомаго. Мелкіе наѣздиики пристраиваютъ свои яички къ мелкимъ насѣкомымъ или къ ихъ яичкамъ, болѣе крупныя — къ болѣе крупнымъ формамъ насѣкомыхъ. Если хозяинъ довольно объемистый, напр., большая гусеница или личинка жука, то на немъ помѣщается нѣсколько яичекъ, если же онъ малый — одно. Когда изъ яичка вылупится молодая личинка наѣздиика, то она принимается за хозяина, проникаетъ все глубже внутрь его и понемногу выѣдаетъ его содержимое. Насчетъ этой пищи личинка растетъ, окукливается и потомъ вылетаетъ, когда она уже сформировалась въ зрѣлое насѣкомое. Развитіе же хозяина сначала только задерживается, но потомъ онъ умираетъ. Живыя насѣкомыя, которыя носятъ внутри себя этихъ незванныхъ гостей, своими ненормальными, судорожными движеніями подають знакъ о постигшей ихъ бѣдѣ.

Роль этих паразитических личинок, как укротителей чрезмерно размножившихся других насекомых, была хорошо изучена упомянутым выше Рацебургом, особенно по отношению къ насекомымъ лѣснымъ. По отношенію къ полевымъ насекомымъ аналогичные факты были найдены и изучены другими энтомологами. Изъ этихъ фактовъ оказывается, что когда въ какой-либо мѣстности успѣлъ значительно размножиться какой-нибудь видъ насекомыхъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, наѣзники и ктыри получаютъ возможность пристроить надежно сравнительно большее потомство, чѣмъ когда питающихъ насекомыхъ было меньше. Черезъ это въ слѣдующемъ году въ данной мѣстности возрастетъ число наѣзниковъ и ктырей и такъ какъ послѣдніе обыкновенно гораздо болѣе плодовиты, чѣмъ ихъ хозяева, то уже въ томъ же году, а иногда лишь въ третьемъ, перевѣсъ наѣзниковъ надъ питающими формами будетъ настолько великъ, что изъ послѣднихъ останется въ живыхъ и дастъ потомство въ ближайшемъ году лишь самое ничтожное число уцѣлѣвшихъ особей. Такимъ образомъ, несмѣтное число питающихъ насекомыхъ *вдругъ* упадетъ до минимума, это насекомое *исчезнетъ* въ данной мѣстности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезнетъ для наѣзниковъ масса хозяевъ, масса пищи и такъ какъ ко времени исчезновенія хозяевъ количество наѣзниковъ достигло своего максимума, то огромное большинство личинокъ останется непристроеннымъ и черезъ годъ уже количество наѣзниковъ упадетъ почти до нуля. При этихъ условіяхъ насекомья-хозяева опять, что называется, подымутъ голову и начнутъ опять быстро размножаться. Это опять, въ свою очередь, усилитъ размноженіе наѣзниковъ и повторится то, что мы сейчасъ видѣли. Изъ сказаннаго явствуетъ извѣстная періодичность въ появленіи насекомыхъ массами и въ ихъ исчезновеніи. Разумѣется, правильности въ этой періодичности довольно трудно ожидать, такъ какъ можетъ быть масса побочныхъ обстоятельствъ, хотя бы, напр., паразитизмъ грибовъ, — о чемъ ниже, — которые такъ или иначе вліяютъ на продолжительность этихъ періодовъ. Впрочемъ, знаменитый Рацебургъ вывелъ трехлѣтнюю (для лѣсныхъ насекомыхъ) продолжительность и, главное, то, что онъ эти трехгодичные періоды въ размноженіи лѣсныхъ гусеницъ несмѣтными массами дѣйствительно наблюдалъ, онъ даже изъ этого обстоятельства сдѣлалъ прекрасный практическій выводъ. Въ годъ сильнаго размноженія лѣсныхъ гусеницъ прибѣгаютъ, за неимѣніемъ лучшихъ средствъ, къ собиранію ихъ руками, для чего наряжаются рабочіе, взрослые и дѣти, съ посудинами въ рукахъ, подъ присмотромъ надзирателей. Хлопотъ, разумѣется, много, а результатовъ мало. Въ виду этого совѣтуютъ, по мысли Рацебурга, обращать вниманіе на то, какой процентъ гусеницъ уже пораженъ паразитическими личинками наѣзниковъ, т. е. въ какой средѣ находится отношеніе числа послѣднихъ къ размножившимся гусеницамъ. Если окажется, что уже 40% гусеницъ поражено ими, то *дальнѣйшее копотливое собираніе руками можно*

прекратить, такъ какъ приближается конецъ періода размноженія гусеницъ или, другими словами, такъ какъ скоро гусеницы исчезнутъ сами собою. Насколько выведенныя Рацебургомъ отношенія между паразитическими личинками и лѣсными насѣкомыми, оказались приложимыми въ другихъ случаяхъ, видно изъ слѣдующихъ словъ немало потрудившагося на пользу отечественной прикладной энтомологіи, члена-основателя русскаго энтомологическаго общества К. Г. ф.-Гернста. «Положивъ ими (т. - е. своими изслѣдованіями надъ чужеядностью насѣкомыхъ), можно сказать, первое основаніе рациональной прикладной энтомологіи, — говоритъ ф.-Гернстъ, — Рацебургъ въ сравнительно короткое время успѣлъ приобрести себѣ такую популярность, какою въ свое время не пользовались ни Реомюръ, ни Де-Гееръ. Хотя изысканія Рацебурга собственно ограничиваются однимъ только семействомъ чужеядныхъ перепончатокрылыхъ, семействомъ наѣздниковъ, и изложениемъ отношеній ихъ къ вреднымъ лѣснымъ насѣкомымъ, но открытыя имъ общіе для наѣзниковъ біологическіе законы оказались удобоприложимыми въ тѣхъ вообще случаяхъ, въ коихъ требовалось принятіе самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ какихъ-либо насѣкомыхъ, вредящихъ полямъ, садамъ и пр.» (Труды Русскаго Энтомологическаго Общества, т. IV, стр. 87).

Въ типѣ червей насѣкомыя имѣютъ лишь ограниченное число смертельныхъ враговъ и въ сравненіи съ только что разсмотрѣнными паразитическими личинками ихъ роль совершенно блѣднѣетъ и ступшевывается. Одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ, которые сюда относятся, это болѣзнь личинокъ жука кузьки, описанная И. И. Мечниковымъ. Найденныя имъ червячки принадлежатъ къ чрезвычайно мелкимъ струновиднымъ червямъ (нематодамъ). Нападая на личинокъ жука, они обыкновенно выбираютъ наиболѣе тонкія мѣста кожи, пробуравливаютъ ее, проникаютъ внутрь личинки и начинаютъ поѣдать ея содержимое. Червячки достигаютъ половой зрѣлости и начинаютъ здѣсь быстро размножаться. Черезъ нѣсколько дней содержимое личинокъ кузьки превращается въ *блвоватую массу*, которая подъ микроскопомъ оказывается состоящею изъ безчисленнаго множества экземпляровъ червячка самыхъ различныхъ стадій развитія. Нечего, конечно, и говорить, что, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, подобная болѣзнь можетъ производить огромныя опустошенія среди насѣкомыхъ, которыя бы этой болѣзни подверглись.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію враговъ насѣкомыхъ изъ царства растительнаго, т. - е. къ насѣкомоубивающимъ или паразитическимъ грибамъ и къ бактеріямъ. Здѣсь мы встрѣтимся съ самыми страшными смертельными врагами насѣкомыхъ, съ врагами, которые для нихъ опаснѣе, чѣмъ всѣ уже перечисленные враги, вмѣстѣ взятые, съ врагами, которые нерѣдко заставляютъ исчезать несметныя полчища насѣкомыхъ на пространствахъ въ сотни и тысячи квадратныхъ верстъ.

Но съ этою чрезвычайною силой природы большинство совсѣмъ незнакомо и если масса знаетъ объ отношеніи птицъ къ насѣкомымъ, а энтомологи знаютъ объ отношеніи къ нимъ наѣздииковъ и ктырей, то за то объ отношеніи къ насѣкомымъ грибовъ и бактерій даже и известная часть энтомологовъ ничего не знаетъ. Иные имѣютъ о нихъ лишь самыя смутныя понятія, что объясняется тѣмъ, что къ уразумѣнію затронутыхъ здѣсь явленій пришли сравнительно недавно и меньше чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ наука совершенно не знала, почему и какимъ образомъ грибки становятся столь опасными для насѣкомыхъ. Такъ какъ грибки принадлежатъ къ растеніямъ, то эту область занимаютъ почти исключительно ботаники, которымъ мы, главнымъ образомъ, обязаны изученіемъ интересующихъ насъ теперь фактовъ. Какъ совершенно новый, этотъ вопросъ продолжаетъ разрабатываться еще въ настоящую минуту и каждый годъ, каждый мѣсяцъ приноситъ съ собою все новые факты и все новые труды, посвященные уразумѣнію этихъ фактовъ. Неудивительно поэтому, что всѣ необходимыя свѣдѣнія по нашему вопросу составляютъ пока удѣлъ лишь очень немногихъ *).

Слѣдуетъ, прежде всего, обратить вниманіе на то, что насѣкоубивающіе грибки (ихъ можно еще также называть мюскардинными грибами, такъ какъ самая типичная и наиболѣеобратившая на себя вниманіе болѣзнь этого рода, именно грибная болѣзнь шелковичныхъ червей, известна подъ наиболѣе распространеннымъ французскимъ названіемъ «мюскардина») всегда и неизменно влекутъ за собою въ результатъ болѣзни насѣкомаго его смерть, которая наступаетъ раньше или позже, смотря по обстоятельствамъ, по роду грибка и проч., но во всякомъ случаѣ отъ начала заразы и до смерти насѣкомаго проходитъ всего лишь нѣсколько дней, иногда 1—2 дня. Въ виду этого, къ нашимъ грибкамъ не относятся тѣ группы, которыя хотя и нападаютъ всегда на живыхъ и здоровыхъ насѣкомыхъ, но никогда имъ смерти не причиняютъ. Это именно очень мелкіе грибки, которые живутъ на наружныхъ покровахъ насѣкомыхъ; здѣсь они достигаютъ полной зрѣлости, размножаются, болѣе или менѣе покрываютъ собою насѣкомое, но внутрь его не проникаютъ, и хотя, конечно, они тягостны для насѣкомаго, но, однако, смерти ему никогда не причиняютъ (группа Лабубеній). Это—внѣшніе не смертельные паразиты. Другая группа, тоже очень мелкихъ формъ (группа *Entogryus* и др.), попадаетъ съ пищею въ кишечный каналъ насѣкомаго, гдѣ они живутъ, прикрѣпившись особою ножкой къ стѣнкамъ канала. Послѣдняго они не пробуравливаютъ, въ другіе органы не проникаютъ и смерти хозяину не причиняютъ. Это—внутренніе, не смертельные

*) Желающихъ узнать подробности и литературу нашего вопроса мы отсылаемъ къ пьющей появиться въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ *Записокъ Новороссійскаго Общества Естествоиспытателей* нашей статьи подъ заглавіемъ: *О грибныхъ болѣзняхъ у насѣкомыхъ*.

паразиты. Другая важная особенность мюскардинныхъ грибковъ заключается въ томъ, что ихъ нападенію обыкновенно подвергаются только насѣкомыя, отчасти и пауки. Другія животныя и всё растенія отъ ихъ нападенія свободны. Третья, еще болѣе важная особенность состоитъ въ томъ, что мюскардинные грибки не трогаютъ не только уже мертвыхъ насѣкомыхъ, но даже и такихъ, которыя изуродованы или заняты уже паразитами изъ животнаго царства (личинками наѣздивиковъ, ктырей и пр.), или бактеріями, или же просто больныхъ. Чѣмъ насѣкомое здоровѣе, живѣе, прытче, тѣмъ легче и скорѣе оно становится добычею мюскардины. Слабыя и больныя насѣкомыя обыкновенно умираютъ гораздо скорѣе, чѣмъ успѣваютъ заразиться. Понятна поэтому та громадная сила опустошеній, какія производятъ среди насѣкомыхъ разсматриваемые грибки: выбирая то, что есть самаго лучшаго и здороваго среди насѣкомыхъ, они, такъ сказать, щадятъ лишь тѣхъ, которыя уже и безъ того обречены на гибель.

Мюскардинѣ насѣкомыя подвержены во всѣхъ состояніяхъ и возрастахъ: и яйцо, и личинка или гусеница, и куколка, и имаго, — все можетъ стать добычею этихъ грибковъ. Съ наиболѣе характерными признаками выступаетъ эта болѣзнь на тѣхъ формахъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе мягкіе покровы и мягкую консистенцію, какъ-то: на личинкахъ, гусеницахъ и куколкахъ. Эти послѣднія, послѣ того какъ они умерли отъ мюскардины, принимаютъ твердую консистенцію, что обусловливается разросшимися въ ихъ органахъ и внутренностяхъ вегетативныхъ элементовъ мюскардиннаго гриба. Мягкія гусеницы и личинки отвердѣваютъ, какъ отвердѣваетъ гибкая папирсная гильза, набитая табакомъ; онѣ становятся ломкими или хрупкими, смотря по роду гриба, который послужилъ причиною смерти. Разломивши такую гусеницу или личинку, мы уже внутренностей не замѣчаемъ, кромѣ одного только кишечнаго канала и остатковъ трахей, т.-е. дыхательныхъ трубокъ насѣкомаго. Въмѣсто внутренностей, мы видимъ компактную грибную массу того или другаго цвѣта, той или другой плотности, смотря по роду гриба. У насъ земледѣльцы, вниманіе которыхъ было обращено на эти трупы, стали ихъ называть окаменѣвшими червями. Въ этомъ смыслѣ можно называть окаменѣвшими и лички насѣкомыхъ, и куколокъ, и тѣ зрѣлыя формы (imagines), которыя не имѣютъ твердыхъ покрововъ. Зато у взрослыхъ жуковъ, которые и безъ того достаточно тверды, окаменѣніе трупа не бросается въ глаза. Такъ какъ при всѣхъ другихъ случаяхъ смерти мягкокожія формы насѣкомыхъ теряютъ тѣ нормальныя очертанія тѣла, которыми они обладали при жизни, и такъ какъ они эти очертанія сохраняютъ и, такъ сказать, фиксируютъ только послѣ смерти отъ мюскардины, то, конечно, очень легко простымъ осмотромъ констатировать, умерла ли данная форма отъ мюскардины, или нѣтъ.

Что касается наружныхъ, т.-е. накожныхъ проявленій мюскардины,

то здѣсь существуетъ уже извѣстное разнообразіе, которое находится въ зависимости только отъ рода грибка, но уже не дѣлаетъ различія между формами съ мягкими и формами съ твердыми покровами. Разнообразіе это исчерпывается 4 типами, которые соотвѣтствуютъ четыремъ различнымъ группамъ грибковъ. Каждая группа распадается на большее или меньшее число родовъ или только видовъ грибка.

Въ случаяхъ перваго типа, по смерти и отвердѣніи насѣкомаго, элементы грибка начинаютъ мѣстами прорастать наружу сквозь кожу, въ видѣ отдѣльныхъ ножекъ, которыя достигаютъ большой длины, нерѣдко превосходящей въ нѣсколько разъ трупъ насѣкомаго. На вершинѣ ножки или нѣсколько сбоку образуется такъ называемое плодовое тѣло, по своей функціи соотвѣтствующее шляпкѣ шляпнаго гриба, такъ что въ общемъ получается самый типичный грибокъ (называется онъ *Cordyceps*), т.-е. такой, что его грибную натуру узнаетъ любой наблюдатель, даже неспециалистъ. Такихъ грибковъ на тѣлѣ умершаго насѣкомаго вырастаетъ одинъ или нѣсколько, въ большемъ или меньшемъ отдаленіи другъ отъ друга.

Во второмъ типѣ (грибки *Isaria* и *Botrytis*), по смерти и отвердѣніи насѣкомаго, элементы грибка тоже прорастаютъ наружу сквозь кожу, но уже не отдѣльными мѣстами, а сплошь, по всей поверхности, которую и покрываютъ какъ бы легкимъ пушкомъ. На этомъ пушкѣ, который есть ничто иное, какъ масса тончайшихъ развѣтвленныхъ ниточекъ грибка, на отдѣльныхъ вѣточкахъ образуются круглыя или овальныя микроскопическія клѣточки, такъ называемыя споры, т.-е. сѣмячки грибка. Только въ немногихъ случаяхъ эти спороносныя вѣточки мѣстами сплываются въ компактныя ножки, — на подобіе грибовъ предъидущаго типа, — которыя высоко поднимаются надъ общимъ пушкомъ, покрывающимъ всю поверхность трупа. Несмотря, однако, на это внѣшнее сходство настоящаго случая съ предъидущимъ, ихъ смѣшивать нельзя, во-первыхъ, потому, что эти грибки никогда не достигаютъ такихъ большихъ размѣровъ, какъ предъидущіе, а, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь, хотя спороносныя вѣточки и поднялись въ гору, однако, споры на нихъ образуются, попрежнему, на вѣточкахъ, тогда какъ у предъидущихъ грибковъ онѣ образуются въ особыхъ вмѣстителяхъ *внутри* плодового тѣла.

Въ третьемъ типѣ (грибки *Entomophthora*), по смерти и отвердѣніи насѣкомаго, трупъ иногда покрывается нѣжнымъ пушкомъ, на которомъ образуются споры, какъ въ предъидущемъ случаѣ, иногда же пушка не образуется, т.-е. спороносныя вѣточки грибка еле-еле пробиваются наружу сквозь кожу и, едва только высунувшись, уже начинаютъ образовывать споры, которыя онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отбрасываютъ отъ себя на нѣкоторое разстояніе. Такой случай представляетъ мюскардина обыкновенной комнатной мухи. Каждый, вѣроятно, имѣлъ случай наблюдать, начиная съ конца лѣта и до зимы, какъ мухи на оконныхъ стек-

лахъ или зеркалахъ стоять мертвыми, прилепившись хоботкомъ къ стеклу, съ распухшими брюшками бѣловатаго цвѣта и окруженныя небольшимъ полемъ бѣлой пыли. Эта послѣдняя есть ничто иное, какъ масса споръ, отброшенныхъ грибомъ, который разросся внутри мухи и выступилъ наружу съвозъ кожу брюшка. Грибныхъ ножекъ, какъ въ предыдущихъ двухъ случаяхъ, здѣсь никогда не образуется.

Въ четвертомъ типѣ (грибки *Tarichium*), по смерти и отвердѣніи насѣкомаго, трупъ снаружи ничѣмъ не покрывается. Кожа остается совершенно чистой и гладкой, какъ у совершенно здороваго насѣкомаго, и никакихъ признаковъ грибка снаружи не замѣчается. Только цвѣтъ кожи становится ненормальнымъ, напр., чернымъ, краснымъ и проч., и не походить на цвѣтъ здороваго насѣкомаго. Споры, т.-е. сѣмена гриба, образуются внутри трупа и, притомъ, въ такомъ изобиліи, что рѣшительно всѣ элементы гриба расходятся на образованіе этихъ споръ. Поэтому споры остаются не связанными другъ съ другомъ никакими скрѣпленіями, такъ какъ, кромѣ споръ, ни ниточекъ, ни вѣточекъ грибка не осталось, и онѣ лежатъ другъ возлѣ друга такъ, какъ лежали бы песчинки въ папиросной гильзѣ, набитой пескомъ. Изъ сказаннаго будетъ понятно, почему трупы, умершіе отъ мюскардины этого четвертаго типа, въ высшей степени хрупки и при малѣйшемъ неосторожномъ дотрогиваніи рассыпаются въ порошокъ.

Хотя, какъ мы уже говорили, истинное пониманіе разсматриваемыхъ здѣсь фактовъ началось менѣе чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, именно съ 1867 года, когда вышло первое точное изслѣдованіе по насѣкомоубивающимъ грибамъ одного изъ корифеевъ современной микологіи, германскаго профессора Де-Бари, тѣмъ не менѣе, самые факты, которые сюда относятся, наблюдаемы были очень давно и, какъ это всегда бываетъ съ научными истинами, то, что прежде возбуждало удивленіе и самыя нелѣпыя объясненія, мало-по-малу подъ вліяніемъ все расширявшагося знанія переставало удивлять и объясненія, сначала только на половину истинныя, понемногу исправлялись, дополнялись и усовершенствовались, пока не пришли въ полное соотвѣтствіе съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Какъ и слѣдовало ожидать, интересующіе насъ здѣсь факты и были открыты въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ сейчасъ изложили, подраздѣливъ на типы, т.-е., прежде всего, были открыты насѣкомоубивающіе грибки перваго типа, затѣмъ втораго и третьяго, а грибки четвертаго впервые описалъ извѣстный ботаникъ, профессоръ Бреславльскаго университета Фердинандъ Конъ (въ 1874 году). Объясняется это тѣмъ, что наружное проявленіе грибка, которое въ первомъ типѣ бросается въ глаза, въ другихъ типахъ все упрощается и, наконецъ, въ четвертомъ типѣ вовсе не проявляется наружу, если не считать измѣненія окраски кожи, которое легко приписать какой-нибудь другой причинѣ. И дѣйствительно, еще въ 1727 году былъ найденъ и описанъ въ

первый разъ (Вайллантомъ) грибокъ *Cordyceps*; потомъ сходные грибки находили и описывали другіе. Мы ихъ перечислять здѣсь не станемъ. Только въ 1824 году американецъ Яковъ Сясть первый высказалъ ту мысль, что *въ грибокъ лежитъ причина смерти наѣкомаго*. А его соотечественникъ, Гальсей, первый констатировалъ фактъ несомнѣнной мюскардины, и ему принадлежитъ честь открытія, что живое наѣкомое умираетъ *подъ вліяніемъ* извѣстныхъ паразитныхъ грибовъ, которые уже послѣ его смерти разрастаются и проявляются наружу.

Въ изученіи явленій, касающихся мюскардины, вскорѣ наступаетъ новый періодъ, а именно вскорѣ узнали, что мюскардинные грибки не только причиняютъ смерть наѣкомымъ, но что эта смерть является эпидемическою и сразу на очень обширныхъ пространствахъ. Въ этомъ отношеніи особенно обратила на себя вниманіе эпидемическая болѣзнь шелководныхъ червей, которая къ началу 30 годовъ нынѣшняго столѣтія въ Западной Европѣ стала принимать особенно угрожающіе размѣры. Шелководству Франціи и Италіи опустошенія мюскардины угрожали гибелью; болѣзнь все усиливалась и распространялась все шире и дальше. Никто не могъ себѣ объяснить причинъ этой эпидеміи. Но, начиная съ 1835 года, благодаря цѣлому ряду работъ итальянскихъ и французскихъ ученыхъ, стало понемногу выясняться истинное положеніе дѣла. Во-первыхъ, убѣдились въ грибной природѣ какъ налета, такъ и содержимаго червя; во-вторыхъ, убѣдились, что этотъ грибокъ заразителенъ; въ-третьихъ, нашли, что и другія наѣкомыя заражаются этою болѣзнію, если они находятся въ обществѣ больныхъ шелководныхъ червей или если ихъ окружить спорами грибка, взятаго съ этихъ червей. Последнихъ опытовъ, т.-е. опытовъ искусственнаго зараженія наѣкомыхъ, въ томъ числѣ и шелководныхъ червей, грибомъ мюскардины было произведено довольно много.

Какъ и слѣдовало ожидать, открытія, сдѣланныя въ этомъ отношеніи, побудили ученыхъ обратить вниманіе и на то, являются ли грибныя болѣзни въ видѣ эпидемій также и у свободно живущихъ наѣкомыхъ, или нѣтъ? Можно было предположить, что одомашненный шелководный червь, вслѣдствіе жизни въ неволѣ, настолько измѣнился и изнѣжился, что легко погибаетъ подѣ вліяніемъ такихъ факторовъ, которые для свободно живущихъ формъ вовсе не такъ опасны, не такъ страшны. Что наѣкомыя и на свободѣ погибаютъ отъ грибовъ, это, какъ мы видѣли, уже знали хорошо, но что болѣзни отъ этихъ грибовъ и здѣсь обыкновенно имѣютъ эпидемическій характеръ, что онѣ и здѣсь сразу выступаютъ на огромныхъ пространствахъ и производятъ большія опустошенія среди наѣкомыхъ огородовъ, полей, лѣсовъ и садовъ,—это стало извѣстно лишь начиная съ 30 годовъ.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на отдѣльныхъ случаяхъ грибныхъ эпидемій у свободно живущихъ наѣкомыхъ. Ихъ очень много. До сихъ

поръ въ точности извѣстны 135 видовъ различныхъ насѣкомыхъ, которые подвержены грибнымъ эпидеміямъ. Въ числѣ уже извѣстныхъ видовъ имѣется около 50 видовъ *вредныхъ насѣкомыхъ*, между которыми находятся почти всѣ заглѣтые враги сельскаго хозяйства, какъ-то: саранча (лички), прусики, ржапой червь, жукъ кузька, майскій жукъ, свежловичный жукъ (всѣ эти жуки съ ихъ куколками, личинками и яичками), гусеница капустница, непарный шелкопрядъ, гесенская муха, рапсовый пилильщикъ и цѣлое множество другихъ. Нѣтъ ни одного отряда въ классѣ насѣкомыхъ, который былъ бы свободенъ отъ мюскардины. Больше всего страдаютъ отъ нея гусеницы и куколки, рѣже яйца и *imagines* бабочекъ; ихъ 57 различныхъ видовъ. За ними слѣдуютъ различные жуки съ ихъ куколками, личинками и яичками; они принадлежатъ къ 19 различнымъ видамъ. За этимъ слѣдуютъ двукрылыя—17 видовъ; полужесткокрылыхъ 14 видовъ, прямокрылыхъ и перепончатокрылыхъ по 12 видовъ и всего только 4 вида сѣтчатокрылыхъ. Здѣсь интересенъ контрастъ, который существуетъ между бабочками и сѣтчатокрылыми. Послѣднія исключительно хищныя насѣкомыя и очень мало подвержены мюскардинѣ; въ числѣ первыхъ хищныхъ совсѣмъ нѣтъ, онѣ по преимуществу растеніеядны и, въ то же время, онѣ составляютъ главную массу жертвъ мюскардины. По наблюденіямъ доктора Байля въ Пруссіи, который много занимался вопросомъ о грибныхъ эпидеміяхъ у насѣкомыхъ, нерѣдко огромные лѣса, занимающіе *цѣлыя тысячи десятинъ*, освобождались, благодаря грибнымъ эпидеміямъ, отъ несмѣтныхъ полчищъ гусеницъ, которыя эти лѣса объѣдали.

Несмотря, однако, на то, что еще до 1867 года успѣлъ накопиться огромный матеріалъ по вопросу о грибныхъ эпидеміяхъ, несмотря на то, что уже хорошо было извѣстно, что грибки суть причина этихъ эпидемій, тѣмъ не менѣе, подробности этого замѣчательнаго явленія не были выяснены, хотя, конечно, въ предположеніяхъ и догадкахъ, подчасъ выдаваемыхъ за чистую монету, недостатка не было. Какъ мы уже видѣли, Сиасть, который первый категорически высказался въ томъ смыслѣ, что причина смерти насѣкомаго лежитъ въ грибкѣ, въ то же время, первый высказался, что гусеница, вѣроятно, принимаетъ внутрь начало заразы, т.-е. сѣмячко (спору) грибка. Это воззрѣніе Сиаста, которое было, конечно, не больше, какъ предположеніе, тѣмъ не менѣе, продолжало держаться до послѣдняго времени, да еще и теперь иными признается, что зараженіе если не всегда, то иногда происходитъ этимъ путемъ, т.-е. чрезъ кишечный каналъ. И въ самомъ дѣлѣ, кишечный каналъ каждому покажется съ перваго взгляда самымъ подходящимъ мѣстомъ для вступленія въ тѣло заразнаго начала. Животное въ теченіе всей своей жизни вводитъ въ свой кишечный каналъ такую массу постороннихъ веществъ, что кажется очень вѣроятнымъ, что оно иногда вмѣстѣ съ этими веществами проглатываетъ и сѣмячко (спору) смертоноснаго

грибка. Если же не чрезъ кишечный каналъ, думали другіе, то трудно найти еще пути для проникновенія въ тѣло посторонняго сѣмьчка, и порѣшили, что еще возможно, что спора проникаетъ чрезъ пораненіе кожи. Однако, всѣ точныя наблюденія, произведенныя въ этомъ отношеніи, начиная съ 1867 года, показами, что ни то, ни другое не вѣрно, что кишечный каналъ не есть путь проникновенія заразы и что пораненія кожи не нужно. Точныя наблюденія показали, что зараженіе происходитъ слѣдующимъ образомъ. Если спора мюскардиннаго грибка попадаетъ на поверхность тѣла совершенно здороваго насѣкомаго, то эта спора прорастаетъ въ видѣ ниточки, которая тутъ же внидряется въ кожу насѣкомаго. Ниточка эта все растетъ въ глубь, пока не продырявитъ окончательно кожу и не достигнетъ внутреннихъ органовъ. Здѣсь на ниточкѣ начинаютъ выростать особаго рода образованія, которыя мы, для простоты, будемъ называть почками. Эти послѣднія теченіемъ крови во внутреннихъ органахъ насѣкомаго отрываются отъ мѣста своего образованія и разносятся во всѣ закоулки кровеносной системы. Въ это время насѣкомое съ виду еще совершенно живо и здорово; оно ѣстъ, ходитъ и, по-видимому, еще чувствуетъ себя очень хорошо. Но если его вскрыть, то (разумѣется, съ помощью микроскопа, такъ какъ и споры, и почки грибка очень мелки) легко видѣть, что насѣкомое уже носитъ въ себѣ, — въ крови или въ жировомъ тѣлѣ, — множество почечъ и что его смерть уже близка и неминуема. При тщательномъ изслѣдованіи его кожи всегда удастся найти мѣсто, гдѣ спора проложила себѣ путь внутрь тѣла: съ каждымъ часомъ и съ каждымъ днемъ число почечъ увеличивается и ненормальное состояніе насѣкомаго становится очевиднымъ: оно становится вялымъ, движенія дѣлаются неровными и насѣкомое перестаетъ ѣсть. Вскорѣ оно умираетъ, но развитіе грибка продолжается. Тотчасъ послѣ смерти тѣло насѣкомаго мягко, дрябло, такъ какъ всѣ мускулы расслаблены, но вскорѣ всѣ почки внутри тѣла начинаютъ прорастать, образуя ниточки, простыя или вѣтвящіяся, и, такимъ образомъ, быстро наполняютъ собою какъ бы мѣшокъ, составляемый кожей насѣкомаго. Всѣ внутренніе органы послѣдняго послужили почвой для разросшагося грибка и отъ нихъ остался только болѣе или менѣе сохранившійся кишечный каналъ да остатки трахей; все прочее потреблено грибомъ. Ниточки его, достигши кожи, въ одномъ мѣстѣ или на всей поверхности пробуравливаютъ ее (съ грибами четвертаго типа, какъ читателю уже извѣстно, этого не бываетъ) и здѣсь, смотря по роду гриба, — о чемъ мы уже имѣли случай говорить, — такъ или иначе достигаетъ до образованія споръ. Эти споры или разбрасываются самимъ грибомъ, или же еле держатся на концахъ вѣточекъ, на которыхъ образовались, такъ что обыкновенно достаточно малѣйшаго толчка или самаго легкаго движенія воздуха, чтобы оторвать ихъ и понести на какое угодно разстояніе. Попадая на тѣло здороваго насѣкомаго, спора продѣлываетъ, въ свою очередь, то, что уже сдѣлала спора,

произведшая ее на свѣтъ. Теперь читатель понимаетъ, почему и какъ мюскардина заразительна. Чтобы оцѣнить по достоинству силу мюскардины, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что, во-первыхъ, въ силу изумительной плодовитости грибовъ, на каждомъ трупѣ (мюскардинированномъ) образуется, по крайней мѣрѣ, одна сотня тысячъ отдѣльныхъ споръ, и, во-вторыхъ, эти споры, какъ микроскопическія, легко поднимаются движеніемъ воздуха и, конечно, для невооруженнаго глаза незамѣтны. Интересно поэтому, да и понятно, что нигдѣ насѣкомое не можетъ скрыться отъ дѣйствія мюскардины: на поверхности земли, внутри земли, подъ корою деревьевъ, въ сердцевинѣ кустарниковъ,—словомъ, какъ бы скрытно насѣкомое ни жило, для микроскопически малой споры мюскардины всегда найдется достаточно мѣста, чтобы пробраться къ своей жертвѣ, гдѣ бы она ни скрывалась.

Нѣкоторое отступленіе отъ вышеописаннаго порядка зараженія представляетъ часть грибовъ втораго типа. Они (*Isaria*), по изслѣдованіямъ Де-Бари, попадая на кожу насѣкомаго, тоже прирастаютъ, но не врастаютъ тотчасъ же внутрь кожи, а тянутся по ея поверхности, пока не доберутся до одного изъ дыхательныхъ устьицъ насѣкомаго. Здѣсь они проникаютъ въ устьице, пробуравливаютъ трахею, но во всемъ прочемъ продѣлываютъ все то, что уже выше изложено. Иные грибки того же типа представляютъ еще большее отступленіе, а именно, прорастая на кожѣ насѣкомаго, грибокъ хотя и видѣруется въ кожу, но не проникаетъ вглубь до мускуловъ, а разрастается *въ самой кожѣ и на кожѣ*, пока не причинитъ, такимъ образомъ, смерть насѣкомому. Послѣ этого грибокъ уже проникаетъ внутрь. Но эти послѣдніе случаи еще очень рѣдки и мало изслѣдованы. Однако, такъ или иначе, но въ результатъ мюскардины всегда получается одно, а именно: *смерть насѣкомаго, да еще въ придачу къ ней такой матеріалъ, который гарантируетъ еще сотню тысячъ подобныхъ же смертей*. Это достаточно рекомендуетъ мюскардину и объясняетъ всю ея силу. Мы поэтому можемъ уже ее оставить и перейти къ разсмотрѣнію послѣдней группы враговъ насѣкомыхъ, именно къ бактеріямъ.

Прежде всего, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить очень важную заразительную болѣзнь—*небрину*, которая причиняется организмами, весьма похожими на бактеріи (называются *псороспермиями* у зоологовъ). Въ 30 и 40 годахъ шелковичные черви сильно страдали отъ мюскардины, а на смѣну ей въ 50 и 60 годахъ явилась небрина, которая свирѣпствовала съ такою же, если не съ большею силой, чѣмъ ея предшественница. Та же небрина была найдена у многихъ другихъ насѣкомыхъ и вообще у членистоногихъ. Но еще болѣе интересно то, что съ 60 годовъ небрина шелковичныхъ червей уступила мѣсто другой болѣзни, причиняемой уже настоящими бактеріями и называемой *флашери*. Эта послѣдняя тоже найдена у многихъ свободно живущихъ насѣкомыхъ, напримѣръ, у

личиногъ жука кузьки, свекловичнаго и другихъ жуковъ, у прусиковъ, гусеницъ, различныхъ бабочекъ и многихъ другихъ. Она же съ большою силой и на большихъ пространствахъ истребляетъ массы яичекъ саранчи, такъ что послѣдняя не появляется въ такихъ мѣстахъ, хотя ее ожидали, судя по заложеннымъ яичкамъ. Наиболее общій и характерный признакъ для насѣкомыхъ, убитыхъ бактеріальными болѣзнями, состоитъ въ томъ, что тѣла ихъ становятся дряблыми и мягкими; кожа покрывается пятнами, потомъ измѣняетъ свою нормальную окраску и становится рыхлой; внутренности насѣкомаго наполняются цвѣтною жидкостью свернаго запаха и кишмя кишатъ бактеріями. Отвердѣнія тѣла, какъ при мюскардинѣ, здѣсь не бываетъ.

И такъ, послѣ всего сказаннаго здѣсь о врагахъ насѣкомыхъ читатель видитъ, что внѣ метеорологическихъ условій, внѣ условій голодной смерти отъ недостатка пищи, въ природѣ имѣются чрезвычайныя и колоссальныя силы, даже болѣе чѣмъ достаточныя, чтобы заставить исчезнуть миллиарды *способныхъ къ размноженію насѣкомыхъ* въ самую идеальную майскую погоду и при самой богатой и изобильной пищѣ. Эти силы—враги насѣкомыхъ. Слѣдовательно, исчезновеніе жука кузьки не случайность, онъ самъ собою не погибъ. Никакое насѣкомое само собою не погибаетъ. Мы видимъ тому отличное доказательство въ филлоксерѣ, на которую мы уже указывали. Тотъ, кто знакомъ съ грозой филлоксерною, знаетъ, что достаточно занести въ виноградную мѣстность одну единственную особь филлоксеры (онъ преимущественно размножаются дѣвственнымъ путемъ, т.-е. безъ участія самцовъ) и оставить ее на достаточно продолжительное время, чтобы съестъ весь данный районъ обреченнымъ на гибель, такъ какъ никакія человѣческія усилія не въ состояніи будутъ справиться съ филлоксерой. Тутъ уже никому и въ голову не придетъ предположить, что, «можетъ быть, ея въ будущемъ году не будетъ, можетъ быть, она исчезнетъ сама собою». Она, дѣйствительно, будетъ идти crescendo съ каждымъ годомъ, какъ того и слѣдуетъ ожидать теоретически на основаніи способности размноженія (законъ Мальтуса). И все это оттого, что она, будучи обезпечена пищею, не имѣетъ почти никакихъ враговъ, а, главное, не имѣетъ ихъ среди грибовъ и бактерій.

То, что мы до сихъ поръ узнали, поможетъ намъ ориентироваться въ вопросѣ о мѣрахъ противъ вредныхъ насѣкомыхъ. Прежде всего, мы должны помириться съ тою мыслью, что истребить, въ буквальномъ смыслѣ слова, хотя бы одинъ видъ вредныхъ насѣкомыхъ намъ не удастся. Достаточно указать на то, что это не удастся ни личинкамъ наѣзниковъ, ни даже мюскардинѣ и бактеріямъ. Къ тому же, для насъ было бы совершенно достаточно, если бы мы могли свести число особей каждаго вида вредныхъ насѣкомыхъ до такихъ размѣровъ, чтобы *присутствіе ихъ не могло для насъ сдѣлаться тягостнымъ*, и когда мы дальше бу-

демъ говорить о мѣрахъ истребленія насѣкомыхъ, то на это истребленіе и слѣдуетъ смотрѣть съ только что указанной точки зрѣнія.

Сознавая свое безсиліе въ дѣлѣ истребленія вредныхъ насѣкомыхъ, человѣкъ уже давно сталъ обращать свои взоры къ своимъ естественнымъ союзникамъ и употреблялъ все свое знаніе и умѣніе, чтобы такъ или иначе вызывать къ дѣятельности естественныхъ враговъ насѣкомыхъ въ такіе періоды, когда ихъ помощь человѣку нужна. И должно, дѣйствительно, сказать, что на этомъ наиболѣе благодарномъ полѣ человѣческой дѣятельности возможно достигнуть самыхъ положительныхъ результатовъ, и если, къ тому же, принять во вниманіе, что во многихъ странахъ, преимущественно вслѣдствіе экономическихъ причинъ, еще долго нельзя будетъ принять существенныхъ мѣръ предупрежденія, то окажется, что нашу главную работу должно составлять изысканіе наилучшихъ способовъ дѣйствія въ указанномъ направленіи, т.-е. въ установкѣ нами тѣхъ путей, которые дадутъ намъ возможность *распоряжаться въ известной мѣрѣ силою нашихъ союзниковъ. Человѣку гораздо легче заставить за себя дѣйствовать ту или другую огромную силу природы, чѣмъ самому взять на себя выполнение хотя бы только тысячной доли той работы, которую эта сила производитъ.* Мы это видимъ на каждомъ шагѣ, мы знаемъ, что порабощеніе человѣкомъ силъ природы является самою характерною и, притомъ, самою важною чертой нашего времени, и потому остается только удивляться тому, что нѣкоторые наши энтомологи недружелюбно встрѣтили наиболѣе блестящія попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи въ самое новѣйшее время.

Изъ всѣхъ естественныхъ враговъ насѣкомыхъ вниманіе человѣка послѣдовательно останавливалось на птицахъ, на паразитическихъ личинкахъ наѣздивковъ и на паразитическихъ грибахъ. Цѣлымъ рядомъ законовъ въ различныхъ государствахъ эти птицы оберегаются и сдѣлались, такъ сказать, неприкосновенными: за ними нельзя охотиться, нельзя ловить силами и проч., нельзя ни покупать, ни продавать. Почти такъ же строго охраняются птицы, которыя только своихъ птенцовъ кормятъ насѣкомыми. Однако, однимъ только покровительствомъ не ограничиваются. Многіе устраиваютъ спеціальныя помѣщенія для птицъ, куда стараются ихъ всячески привлечь, иные даже прибѣгаютъ къ лѣснымъ насажденіямъ и вообще къ посадкѣ деревьевъ, чтобы привлечь этихъ птицъ и дать имъ пріютъ и жилище. Дѣло не обошлось безъ увлеченій, такъ какъ стали рѣшительно на всѣхъ птицъ смотрѣть какъ на полезныхъ, а, между тѣмъ, есть такія, которыя насѣкомыхъ ни въ какомъ возрастѣ не ѣдятъ и изъ нихъ иные даже вредны. Заботы о птицахъ занимали и будутъ продолжать занимать всѣ государства. На первомъ международномъ конгрессѣ сельскихъ хозяевъ и лѣсоводовъ въ Вѣнѣ, во время всемірной выставки 1873 года, *первый вопросъ*, который подлежалъ обсужденію конгресса, былъ вопросъ «о мѣропріятіяхъ для защиты полезныхъ для земледѣлія птицъ»

(см. протоколы конгресса, стр. 4). Государства Европы не удовольствовались тѣмъ, что каждое въ отдѣльности заботится объ этихъ птицахъ, и порѣшили принять мѣры для взаимнаго содѣйствія въ этомъ отношеніи. Какъ велико сознаніе важной пользы, приносимой птицами, очевидно изъ слѣдующаго. На конгрессѣ выяснилось, что самому безпощадному истребленію птицы подвергаются въ Италіи, гдѣ законы ихъ совсѣмъ недостаточно охраняютъ. Такъ какъ много полезныхъ птицъ перелетны и такъ какъ массы ихъ истребляютъ въ Италіи какъ весной, такъ и осенью, т.-е. во время прилета и отлета, то сѣверныя государства, разумѣется, заинтересованы въ томъ, чтобы итальянцы запретили у себя такое отношеніе къ птицамъ. Представитель Италіи, графъ Босси-Федриготти, самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ конгрессу, что для Италіи птицы не только не полезны, но даже крайне тягостны и вредны. Италія для этихъ птицъ не больше, какъ станція. Лѣтомъ, когда страна терпитъ отъ насѣкомыхъ, ихъ нѣтъ, онѣ на сѣверѣ. Осенью, когда дѣятельность насѣкомыхъ окончилась, они прилетаютъ въ страшныхъ массахъ со всей Европы. Не находя насѣкомыхъ, вся эта орава кормится зернами, ягодами, плодами и проч., которые еще не собраны съ полей и садовъ, чѣмъ причиняютъ громадныя убытки. Подъ тяжестью птицъ ломаются кусты и деревья; особенно сильно страдаютъ виноградныя и оливковыя сады. Поэтому неудивительно, что итальянскій народъ всячески губитъ этихъ птицъ и особенно истребляетъ ихъ гнѣзда весной. *Тѣмъ не менѣе*, графъ Босси-Федриготти приходитъ къ заключенію, что итальянцы должны птицъ охранять (!), хотя въ пользу такого вывода онъ не умѣетъ привести ни одного рѣшительно факта.

Какъ бы то ни было, птицы вполнѣ заслужили и заслуживаютъ того высокаго вниманія, котораго ихъ удостоиваютъ, и мы не сомнѣваемся, что того же заслуживаютъ и прочіе серьезные враги вредныхъ насѣкомыхъ, конечно, по мѣрѣ того, какъ наблюденіе ихъ полезной дѣятельности станетъ доступнымъ для темныхъ глазъ массы.

Когда ближе познакомились съ дѣятельностью паразитическихъ личинокъ наѣздниковъ и втырей, то нѣкоторые возымѣли желаніе воспользоваться ихъ полезною дѣятельностью, для чего и остановились на мысли объ устройствѣ особыхъ помѣщеній (Raupenzwinger у нѣмцевъ) для воспитанія этихъ полезныхъ насѣкомыхъ. Знаменитый Рацебургъ, со словъ котораго мы познакомимъ читателя съ этимъ интереснымъ предметомъ, подвергъ вопросъ о Raupenzwinger'ахъ (мы не находимъ подходящаго русскаго выраженія для перевода этого слова; собственно оно значитъ ограда, помѣщеніе для гусеницъ; мы же переводимъ его словомъ *гусеничникъ*) строжайшей критикѣ и отвергъ его, но, въ то же время, онъ показалъ намъ плодотворность и важность этой идеи, но только при другой формѣ ея выполненія (ср. его *Forst Insekten*, т. II, общ. часть). Мы рекомендуемъ тѣмъ изъ нашихъ энтомологовъ, которые отвергаютъ идею объ употребленіи грибныхъ

эпидемій противъ насѣкомыхъ лишь потому, что эта идея не исходитъ отъ компетентныхъ энтомологовъ, обратить вниманіе на то, что нѣчто совершенно подобное предлагаетъ самъ Рацебургъ, а ужъ такихъ компетентныхъ энтомологовъ, конечно, немного.

«Люди не довольствуются тѣмъ,—говоритъ Рацебургъ,—что имъ приносятъ личинки наѣздинокъ и ктырей, а хотятъ, чтобы эти послѣднія *никогда* не допустили объѣданія лѣсовъ гусеницами, хотятъ, чтобы личинки стали въ такія же отношенія къ вреднымъ насѣкомымъ, какъ и птицы, а, между тѣмъ, забываютъ, что только *многочисленности* насѣкомыхъ личинки обязаны *своею* многочисленностью, тогда какъ птицы отъ насѣкомыхъ совершенно независимы... Подъ гусенятниками понимаютъ небольшія пространства въ лѣсахъ, окруженныя со всѣхъ сторонъ рвами или проволочною рѣшеткой. Когда собираютъ гусеницъ, объѣдающихъ лѣсъ, то ихъ не умерщвляютъ, а приносятъ въ гусенятникъ, гдѣ ихъ продолжаютъ кормить и откуда онѣ уйти не могутъ. При этомъ имѣется въ виду двоякая цѣль: 1) хотятъ, чтобы яички или уже зрѣлыя личинки наѣздинокъ и ктырей, которыхъ, конечно, немало въ собранной массѣ гусеницъ, не погибли, что непременно случилось бы, если бы собранныя гусеницы, какъ это обыкновенно дѣлается, были сожжены или зарыты въ землю, и 2) хотятъ воспитать и размножить такую массу наѣздинокъ и ктырей, чтобы съ ихъ помощью *предупредить* возможное появленіе гусеницъ въ массахъ. Противъ устройства гусенятниковъ съ первою цѣлью,—говоритъ Рацебургъ,—я ничего не имѣю, хотя пользы отъ нихъ будетъ немного, но вторая цѣль недостижима, такъ какъ, во-первыхъ, собираніе, храненіе и кормленіе гусеницъ дѣло очень трудное, а, во-вторыхъ, и это главное, *идь вы будете брать гусеницъ, безъ которыхъ невозможно развитіе этихъ наѣздинокъ и ктырей, когда вамъ удастся размножить число послѣднихъ и уменьшить число первыхъ?* Если же съ уменьшеніемъ гусеницъ у васъ уменьшится число наѣздинокъ, то, вѣдь, это самое происходитъ и въ природѣ. Къ чему же въ такомъ случаѣ сводится вашъ трудъ и зачѣмъ было гусенятникъ горючить?» Приблизительно въ такихъ выраженіяхъ Рацебургъ отвергаетъ идею о гусенятникахъ, и было бы желательно, чтобы и противники идеи о мюскардинѣ противъ насѣкомыхъ съ такою же простотой и ясностью отвергли эту послѣднюю, если, разумѣется, она въ самомъ дѣлѣ не вѣрна. «Но,—продолжаетъ дальше Рацебургъ,—есть способъ, который впервые предложилъ г. Циммеръ и который я предлагаю называть *способомъ перенесенія гусеницъ*. Этотъ способъ основанъ на наблюденіи, которое и я сдѣлалъ независимо отъ него и которое состоитъ въ томъ, что наѣздики нападаютъ на гусеницъ отдѣльными роями, а не рассыпаются равномерно по всему лѣсу. Поэтому на небольшихъ участкахъ лѣса почти всѣ гусеницы до единой поражены наѣздиками, тогда какъ въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ разстоянія отъ нихъ гусеницы *совершенно*

но цѣлы и свободны отъ наѣздивковъ. Поэтому г. Циммеръ совѣтуетъ, вмѣсто того, чтобы собирать здоровыхъ гусеницъ, собирать больныхъ, пораженныхъ наѣздивками, и переносить ихъ туда, гдѣ здоровыя. Въ 1838 году *успѣхъ этого приѣма превзошелъ всякія ожиданія: тѣ мѣстности, въ которыхъ къ нему прибѣгаи, были совершенно очищены отъ гусеницъ. Это средство,—заканчиваетъ Рацебургъ,—сдѣдуетъ рекомендовать каждому, кто способенъ научиться отличать здоровыхъ гусеницъ отъ больныхъ».*

Нѣчто совершенно аналогичное этому совѣту Рацебурга было и у насъ предложено въ недавнее время, но не энтомологомъ, а зоологомъ И. И. Мечниковымъ. Когда къ концу 60 годовъ ботаникамъ—удалось выяснить подробности процесса зараженія грибами мюскардины, то вскорѣ,—во всякомъ случаѣ не раньше середины 70 годовъ,—возникла мысль объ употребленіи этого грознаго бича насѣкомыхъ противъ тѣхъ изъ нихъ, которыя вредны для сельскаго хозяйства. Мысль эта была высказана Тюменомъ въ Австріи, Кономъ въ Германіи и особенно пропагандируема Пастѣромъ во Франціи, у насъ—г. Мечниковымъ (Пастѣръ, впрочемъ, имѣлъ въ виду бактеріальныя болѣзни). Такъ какъ читатель, полагаемъ, изъ предъидущаго уже достаточно выяснилъ себѣ сущность мюскардины, то мы здѣсь можемъ въ немногихъ словахъ указать на то, что собственно имѣютъ въ виду защитники идеи мюскардины. На нашихъ глазахъ природа производитъ огромные опыты истребленія насѣкомыхъ мюскардиною. Результаты этихъ опытовъ до того громадны и проявляемая въ нихъ сила до того велика, что *стѣдуетъ того, чтобы мы напрягли все свои усилія для разоблаченія этой, теперь уже не столь сокровенной силы природы, и постарались овладѣть ею.* То, чего защитники мюскардины добиваются, настолько важно, настолько для насъ необходимо нужно, что отказаться отъ него мы въ правѣ лишь тогда, когда уже въ самомъ дѣлѣ испытаны будутъ всѣ пути и средства и успѣха нельзя будетъ достигнуть. Но отказаться отъ этой идеи, ничего не сдѣлавши, хоронить ее заживо и грѣшно, и неразумно. Отъ такого отношенія къ этой идеѣ абсолютно никто не будетъ въ выигрышѣ, ни даже теоретическіе ея противники.

Что касается судьбы этой идеи у насъ, то она, начиная съ 1878 года, когда она впервые предложена была г. Мечниковымъ, и по настоящее время хотя крайне медленно и туго, но, все-таки, приблизилась къ своему осуществленію. Въ началѣ, когда кузъка еще сидѣла у насъ на шеѣ, къ мюскардинѣ отнеслись съ полнымъ вниманіемъ, если не считать нѣкоторыхъ энтомологовъ, которые съ перваго же дня сдѣлались смертельными врагами новорожденной мюскардины. Особенное вниманіе оказали мюскардинѣ нѣкоторые представители земства и сельскаго хозяйства. Съ исчезновеніемъ кузъки, однако, исчезло и вниманіе къ мюскардинѣ.

Хотя, разумѣется, при лучшихъ условіяхъ мюскардиннй вопросъ былъ

бы у насъ давно рѣшенъ, тѣмъ не менѣе, и то, что уже сдѣлано до сихъ поръ, довольно близко придвинуло этотъ вопросъ къ его рѣшенію и, что самое главное, даетъ полное основаніе надѣяться, что это рѣшеніе будетъ въ нашу пользу. Трудami г. Мечникова, отчасти и нашими, дѣло культивированія мюскардинныхъ грибовъ стоитъ на прочномъ основаніи и въ всякой зависимости отъ насѣкомыхъ. Произведенный нами въ 1884 г. (въ Смѣлѣ, Кіевской губ.) опытъ фабричнаго производства мюскардинныхъ грибовъ показалъ, что матеріала заразы, т. е. грибовъ, мы можемъ приготовить въ какомъ угодно количествѣ, притомъ, настолько надежнымъ и дешевымъ способомъ, что стоимость этого матеріала будетъ совершенно ничтожна. Что же касается второй половины мюскардинной задачи, т. е. испытанія искусственно приготовленнаго матеріала относительно его дѣйствія на насѣкомыхъ, то и въ этомъ отношеніи получены самые лучшіе результаты, но эти испытанія, по необходимости, были пока произведены въ небольшихъ размѣрахъ, такъ какъ фабричный способъ приготовленія мюскардины, который одинъ только позволяетъ приготовить тѣ массы грибка, которыя нужны для огромныхъ опытовъ, былъ разработанъ лишь въ самое недавнее время. Пока было сдѣлано много лабораторныхъ опытовъ съ различными насѣкомыми въ ящикахъ и результаты всегда получались отличные. Кроме того, мы въ Смѣлѣ произвели нѣсколько довольно большихъ опытовъ надъ зараженіемъ свекловичныхъ жуковъ *подъ открытымъ небомъ* и тоже получили отличные результаты (отъ 55 до 80% смертности жуковъ). Но и этотъ опытъ былъ произведенъ въ ящикахъ, и хотя ихъ поверхность равнялась нѣсколькимъ квадратнымъ метрамъ, однако, въ сравненіи съ тѣмъ опытомъ, который слѣдуетъ сдѣлать въ открытомъ полѣ, для окончательнаго рѣшенія нашего вопроса, и этотъ опытъ слѣдуетъ считать очень малымъ.

Въ виду того, что нашъ обзоръ и безъ того растянулся, мы не находимъ возможнымъ останавливаться здѣсь на большихъ подробностяхъ относительно того, что уже сдѣлано по мюскардинному вопросу. Интересующаго подробностями мы отсылаемъ къ нашему сообщенію: *Грибная эпидемія, какъ средство въ борьбѣ съ насѣкомыми, повреждающими свекловичныя плантаціи*, которое мы сдѣлали во время прошлогоднихъ контрактовъ въ Кіевѣ обществу сахарозаводчиковъ и которое напечатано въ № 3, т. XV *Записокъ кіевскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества*, отъ 15 февраля 1885 года. Тамъ читатель найдетъ нѣкоторыя подробности о томъ, что нужно для осуществленія идеи о мюскардинѣ, о способѣ дѣйствія мюскардиной противъ свекловичныхъ жуковъ на свекловичныхъ плантаціяхъ, о достоинствахъ и недостаткахъ мюскардины, о пользѣ, какую мы въ правѣ отъ нея ожидать, о фабрикаціи мюскардины, о количествѣ ея, потребномъ на одной десятинѣ, объ опытѣ, который долженъ рѣшить нашъ вопросъ, о расходахъ на этотъ опытъ и проч. *).

*) Если читателю желательно знать, въ какомъ положеніи наше дѣло находится

Когда въ 1878 году у насъ впервые предложена была идея мюскардины, то одинъ изъ нашихъ энтомологовъ (см. *Земледѣльч. Газету* 1878 г., стр. 696), очевидно, не столько недовольный самою идеей, сколько ея авторомъ, прежде всего, указалъ на то, что давать совѣты противъ вредныхъ насѣкомыхъ дѣло однихъ только энтомологовъ (!), а не зоологовъ, затѣмъ относительно мюскардины вопрошаетъ: «развѣ мы можемъ при настоящемъ состояннн нашихъ познаній развивать на поляхъ или въ почвахъ эпидемическія болѣзни, истребляющія насѣкомыхъ?» Мы позволимъ себѣ отвѣтить, что не слѣдуетъ забывать, что человѣческія познанія не стоятъ на одномъ мѣстѣ, и то, что мы не могли въ прошломъ году, то мы можемъ теперь или сможемъ чрезъ годъ, слѣдовательно, нельзя забросить благотворной идеи лишь потому, что въ настоящую минуту намъ трудно съ нею управиться. Да, наконецъ, развѣ всѣ прочія мѣры, которыя были предложены противъ насѣкомыхъ, легки? Развѣ онѣ не представляютъ, въ сущности, несравненно болѣшихъ трудностей, чѣмъ мюскардина? Развѣ легко бороться съ насѣкомыми путемъ собиранія? Развѣ легко съ ними бороться путемъ выпаживанія, запахиванія, путемъ приманокъ, выжиганія и проч., и проч.? Разница между этими мѣрами и мюскардиной та, что первыя съ виду легки, просты, общедоступны, и кажется, что тутъ трудностей никакихъ и быть не можетъ, но когда пробуешь приложить ихъ къ дѣлу, на практикѣ, то убѣждаешься, что существуютъ непреодолимые затрудненія и препятствія, такъ что съ ними нельзя и шагу сдѣлать впередъ. Напротивъ того, мюскардинное дѣло сразу показалось гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Разсмотримъ теперь тѣ мѣры борьбы съ вредными насѣкомыми, при которыхъ имѣется въ виду не прямое ихъ истребленіе въ какомъ бы то ни было состояннн, а уменьшеніе ихъ числа косвеннымъ путемъ, — путемъ лишенія ихъ пищи и пристанища или путемъ такихъ приѣмовъ, которые

въ настоящую минуту, то мы можемъ сообщить ему слѣдующее. Въ прошломъ году на контрактахъ нѣкоторые кievскіе сахарозаводчики очень заинтересовались мюскардиной. Они порѣшили сдѣлать складчину и собрать 10,000 руб., которые, по выработанной нами смѣтѣ, нужны были для большаго окончателнаго опыта, и поручили одному изъ своихъ, Вас. Фед. Симиренкѣ, отправиться послѣ контрактовъ въ Смѣлу для разслѣдованія на мѣстѣ всего дѣла. Ему же поручили извѣстить насъ о результатахъ разслѣдованія. Результатъ въ общемъ слѣдующій: „ростъ мюскардины по вашему способу идетъ довольно успѣшно; мюскардина гибельно дѣйствуетъ на жучковъ, но одного годоваго опыта (какъ предполагалось по смѣтѣ) совершенно недостаточно для опредѣленія дѣйствія мюскардины въ большомъ видѣ въ открытомъ полѣ“. Въ другомъ письмѣ г. Симиренко извѣстилъ насъ, что въ виду недостаточности одного годоваго опыта и въ виду того, что для опытовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ требуется гораздо болѣшая сумма, чѣмъ первоначально предполагалось, то все дѣло нужно отложить до будущихъ контрактовъ (т.-е. до февраля нынѣшняго года).

не даютъ насѣкомымъ воспользоваться тою пищею, которая лежитъ у нихъ передъ глазами. Эти мѣры можно назвать мѣрами предупрежденія.

Въ природѣ масса животныхъ можетъ быть лишена пищи (въ известной степени), потому что въ данной мѣстности появлялись соперники-потребители той самой пищи, которою прежде пользовались одни эти животные. Понятно, что первоначальные потребители терпятъ вслѣдствіе этого нужду, которая такъ или иначе отражается на ихъ численности въ данной мѣстности. Въ отношеніи къ вреднымъ насѣкомымъ подобный фактъ у насъ наблюдалъ энтомологъ г. Порчинскій, который нашелъ, что мѣстами въ Харьковской губерніи знаменитая кузька была вытѣснена другимъ вреднымъ насѣкомымъ, хлѣбнымъ пилильщикомъ. Очевидно, однако, что въ сферѣ этихъ явленій мы не можемъ искать средствъ противъ вредныхъ насѣкомыхъ, такъ какъ намъ одинаково нежелательны и кузька, и прочіе вредители.

Что касается прочихъ мѣръ, изъ которыхъ большая часть относится къ разряду тѣхъ, которыя принадлежать къ мѣрамъ культурнымъ, то мы, желая познакомить читателя по возможности со *всѣми* мѣрами, къ которымъ прибѣгаютъ противъ вредныхъ насѣкомыхъ, не можемъ не упомянуть о такихъ, которыя подчасъ просто курьезны. Такъ, иные, чтобы не допускать вредныхъ насѣкомыхъ на свои поля, сѣютъ вокругъ нихъ такія растенія, которыя «должны» своимъ сквернымъ запахомъ удерживать насѣкомыхъ въ приличномъ отъ нихъ разстояніи. Съ такою цѣлью часто высѣваютъ коноплю. Мы даже видѣли (въ Венгріи) виноградникъ, который хозяинъ хотѣлъ спасти отъ *филлоксеры* при помощи конопли. Разумѣется, виноградникъ погибъ до послѣдняго кустика. Другія средства не допускать насѣкомыхъ къ растеніямъ (однолѣтнимъ, преимущественно злакамъ) заключаются въ томъ, что сѣмена передъ посѣвомъ намачиваются въ настоѣ чеснока или въ растворѣ мѣднаго купороса. Большинство относится скептически къ этимъ средствамъ, хотя нѣкоторые утверждаютъ, что растенія, выросшія изъ такихъ сѣмянъ, не трогаются насѣкомыми, вслѣдствіе особаго запаха или ядовитыхъ свойствъ, которыя эти растенія получаютъ. Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ являются дегтярныя кольца, которыми обмазываютъ стволы деревьевъ, чтобы воспрепятствовать гусеницамъ, находящимся на землѣ, взбираться наверхъ къ листьямъ и плодамъ. Къ этому дорогому средству прибѣгаютъ иногда даже въ лѣсахъ, напр., противъ гусеницы соснового шелкопряда. Въ защиту сахарной свеклы отъ гусеницъ нѣкоторыхъ бабочекъ, которыя объѣдаютъ ботву свеклы, послѣднюю окучиваютъ землею, такъ что въ распоряженіи гусеницъ, которыя объѣдаютъ лишь надземныя части свеклы, остаются лишь верхушки листьевъ. Когда опасность миновала, ботву опять отырываютъ. Часто также устраиваютъ рвы или канавы съ цѣлью лишь задержать насѣкомыхъ, которыхъ въ такомъ случаѣ не убиваютъ.

Болѣе важными являются болѣе общія мѣры, культурныя, которыя,

въ свою очередь, могутъ быть раздѣлены на общія и частныя. Основная идея, на которой зиждятся эти мѣры, по существу своему совершенно вѣрна, но за то самыя мѣры выбраны уже черезъ-чуръ, такъ сказать, прямолинейно и для осуществленія ихъ на практикѣ болѣею частью встрѣчаются чрезвычайныя и непреодолимыя трудности. Основное разсужденіе здѣсь заключается въ слѣдующемъ. Обширными культурами однородныхъ растений изъ года въ годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ мы вызвали чрезвычайное размноженіе живущихъ насчетъ данныхъ растений насѣкомыхъ, которыя успѣли отлично приспособиться и къ условіямъ нашей культуры, и къ условіямъ мѣстности, а потому, *vice versa*, чтобы избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ, мы должны уменьшить однородные посѣвы, разнообразить нашу культуру, измѣнить старинныя приемы и вообще создать новыя условія, къ которымъ насѣкомыя еще не приспособлены. Отъ этихъ мѣръ всего одинъ шагъ къ другимъ, еще болѣе общаго свойства и высшаго порядка,—къ мѣрамъ поднять нашу культуру вообще до той высоты, на которой она находится въ передовыхъ странахъ Запада, въ Германіи, Франціи и Англии, гдѣ вредныя насѣкомыя не причиняютъ столько хлопотъ, сколько, напримѣръ, у насъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Конечно, тотъ, кто будетъ у насъ пропагандировать необходимость улучшенія нашей культуры, тотъ, кто будетъ этому улучшенію содѣйствовать, напередъ можетъ быть увѣренъ въ сочувствіи всѣхъ. Дѣло это уже само по себѣ настолько важно, улучшеніе культуры есть настолько желанная вещь, что къ нему слѣдуетъ стремиться, даже если бы на свѣтѣ вовсе не существовало ни одного вреднаго насѣкомаго. Но смѣшивать улучшеніе культуры съ средствомъ противъ насѣкомыхъ, полагать, что улучшеніе культуры есть смерть насѣкомыхъ, рѣшительно невозможно.

Часто бываетъ полезно удалить съ межъ, полей и проч. сорныя травы, въ которыхъ многія вредныя насѣкомыя находятъ себѣ пріютъ и временную пищу и съ которыхъ они потомъ переходятъ на культурныя растенія. Противъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, напр., противъ ржаного червя, иногда прибѣгаютъ къ частому разрыхленію поля, дабы мѣшать бабочкамъ этого червя отложить на это поле свои яички. Болѣе общео мѣрой являются такъ называемыя смѣшанныя насажденія въ лѣсахъ. Такъ какъ много насѣкомыхъ имѣютъ свои излюбленныя растенія, которыми они преимущественно или иногда исключительно питаются, то при насажденіи деревьевъ стараются на одномъ участкѣ садить различныя породы, чѣмъ достигается двоякая цѣль: 1) въ случаѣ размноженія какого-либо вида насѣкомыхъ, порчѣ подвергается лишь одна или нѣсколько породъ, но не весь лѣсъ, и 2) ни одно изъ вредныхъ насѣкомыхъ не можетъ размножаться такъ сильно, какъ оно размножалось бы, если бы весь лѣсъ состоялъ изъ одной породы. Въ тѣхъ же видахъ со- вѣтуютъ придерживаться разнообразія посѣвовъ и вообще плодоперемѣн-

ной системы. Но послѣднее часто бываетъ невыполнимо вслѣдствіе различныхъ экономическихъ причинъ. Болѣе трудно бороться съ насѣкомыми путемъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью достиженіе несоответствія между сроками развитія насѣкомаго и сроками, когда растенія годны въ пищу или самимъ насѣкомымъ, или ихъ личинкамъ, или же когда они годны для того, чтобы насѣкомыя пристроили къ нимъ свои яички. Въ переводѣ на простой языкъ эти мѣры значатъ: заморить голодомъ или самихъ насѣкомыхъ, или ихъ ближайшее потомство. Но на дѣлѣ случаи примѣненія этихъ мѣръ до того ограничены, что можно сказать, что онѣ вовсе не примѣняются. Объясняется это тѣмъ, что въ основаніи идеи этихъ мѣръ лежатъ слишкомъ сложныя и непостоянныя явленія, она требуетъ отъ прибѣгающихъ къ ней множества свѣдѣній, которыхъ часто не достаютъ даже въ наукѣ. Но, прежде всего, эти мѣры непримѣнимы противъ множества насѣкомыхъ, которыя питаются не только культурными растеніями, но и сорными. Кромѣ того, онѣ почти также непримѣнимы въ тѣхъ случаяхъ, когда насѣкомое питается различными культурными растеніями, такъ какъ тогда пришлось бы построить сложнѣйшія комбинаціи «несоответствій» для того, чтобы лишить насѣкомое возможности воспользоваться тѣмъ или другимъ изъ этихъ растеній. Остаются, слѣдовательно, насѣкомыя одноядныя или, во всякомъ случаѣ, такія, которыя пользуются ограниченномъ числомъ культурныхъ растеній. Но и относительно этихъ рекомендуемыхъ мѣръ болѣею частью невыполнимы.

Тѣмъ не менѣе, энтомологи постоянно и, если хотите, исключительно рекомендуютъ подобнаго рода мѣры. Объясняется это очень просто. У насъ нѣтъ ни такихъ учреждений, ни такихъ лицъ, которыя были бы обязаны заниматься изученіемъ вредныхъ насѣкомыхъ и которыя были бы обставлены всѣмъ, что нужно для выработки мѣръ, въ действительномъ смыслѣ этого слова. Когда на насъ обрушивается какая-нибудь бѣда въ видѣ вреднаго и опаснаго насѣкомаго, то министерство государственныхъ имуществъ или какое-нибудь земство отрываютъ то или другое лицо, свѣдущее въ энтомологіи, отъ его обычныхъ занятій и командируютъ на мѣсто происшествія, чтобы изучать врага и изыскать мѣры. Эти лица постоянно живутъ въ Москвѣ или Петербургѣ, гдѣ у нихъ достаточно своего дѣла, въ видѣ служебныхъ обязанностей, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ прикладной энтомологіи. Вслѣдствіе слабого развитія у насъ энтомологіи, большая часть насѣкомыхъ у насъ оказывается еще не изученной и нерѣдко приходится еще только «открывать» вредителя. При такихъ условіяхъ наѣзжее лицо должно сначала ориентироваться насчетъ врага: кто такой, откуда, что и какъ? Предложить «мѣры», не узнавши предварительно всего этого, конечно, невозможно. И вотъ все лѣто тратится энтомологомъ на изученіе насѣкомаго, на опредѣленіе числа его генераций, на опредѣленіе сроковъ появленія его въ той или другой стадіи, на изученіе всего сложнаго цикла его развитія, на

опредѣленіе растеній, которыми оно питается, на опредѣленіе поврежденій, которыя оно причиняетъ, на условія культуры въ данной мѣстности, которыя способствовали его размноженію, и на цѣлое множество другихъ вопросовъ, знаніе которыхъ необходимо для уразумѣнія жизни и дѣятельности насѣкомаго. Энтомологъ счастливъ, если ему за лѣто удалось болѣе или менѣе основательно изучить врага въ указанныхъ отношеніяхъ. Читатель понимаетъ, что работа эта не легкая. Но энтомологъ окончилъ свой трудъ и на зиму вернулся во-свояси. Гдѣ же ваши мѣры?—спрашиваютъ его. Вѣдь, его, главнымъ образомъ, посылали за мѣрами. И кого, въ самомъ дѣлѣ, интересуютъ тѣ подробности, надъ которыми тотъ трудился въ глуши? Да, но откуда же взять эти мѣры? Что никакихъ мѣръ нельзя предлагать, ничего не узнавши о насѣкомомъ, это совершенно вѣрно, но отсюда не слѣдуетъ, что, обратно, достаточно узнать самое главное относительно жизни даннаго насѣкомаго, чтобы уже предлагать мѣры. Изученіе жизни насѣкомаго, которое удалось сдѣлать энтомологу въ теченіе лѣта, есть лишь основаніе, почва, на которыхъ еще только нужно изыскивать и провѣрять тѣ пути, которые могутъ привести къ дѣйствительнымъ мѣрамъ. Но тѣ, которые посылали энтомолога, ничего этого не знаютъ и *требуютъ* у него мѣръ. И, нечего дѣлать, энтомологъ беретъ свою памятную книжку, на страницы которой онъ еще лѣтомъ заносилъ потомъ и кровью добытые факты въ глуши, въ полѣ, и начинаетъ ихъ, такъ сказать, перекладывать на музыку, т. е. на мѣры. Такого-то числа и мѣсяца,—говоритъ онъ,—я замѣтилъ относительно насѣкомаго то-то и то-то, оно массами накинудось на хлѣба и проч. и проч., слѣдовательно, на языкѣ «мѣръ» *это* значитъ, что если бы того же числа и мѣсяца хлѣба были такими-то, или если бы ихъ вовсе не было, то... и т. д. Шагъ за шагомъ онъ всѣ добытые имъ и, безъ сомнѣнія, важные и необходимые факты переводитъ по прямой *линии* въ разрядъ мѣръ, и «мѣры» готовы. Но ихъ, разумѣется, никто не примѣняетъ, такъ какъ онѣ и не могли разсчитывать на то, чтобы ихъ кто-нибудь примѣнялъ даже еще тогда, когда ихъ писалъ авторъ. Въ будущемъ году энтомолога уже больше не посылаютъ, такъ какъ насѣкомое уже изучено, мѣры уже найдены, но оказались неудобопримѣнимыми. Дѣло изысканія мѣръ считается законченнымъ, тѣмъ болѣе, что «все возможное» уже сдѣлано.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ культурными мѣрами или, вѣрнѣе сказать, совѣтами высшаго порядка. Дѣло въ томъ, что тѣ, которые намъ совѣтуютъ брать примѣръ съ Англіи, Франціи и пр., уіускаютъ изъ вида, что одно улучшеніе культуры, взятое само по себѣ, не въ состояніи избавить насъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Мы перечислили уже всѣ тѣ мѣры, которыя способны уменьшить число насѣкомыхъ, но изъ нихъ лишь одна, двѣ или, во всякомъ случаѣ, очень немногія косвенно скрыты въ томъ, что понимаютъ подъ улучшеніемъ культуры, какъ, напр., удаленіе сорныхъ растеній, разнообразіе посѣвовъ и еще нѣкоторыя. Цѣ-

ли, которыя преслѣдуются улучшеніемъ культуры, какъ-то: получение высокихъ и равномѣрныхъ урожаевъ, хорошихъ продуктовъ, сохраненіе плодородія почвы и проч., и проч., вовсе не совпадаютъ съ тѣмъ, что нужно для противодѣйствія насѣкомымъ. Если вамъ, вслѣдствіе экономическихъ причинъ, *нужно* засѣвать ежегодно огромныя пространства однородными растеніями, то уже этого достаточно, чтобы плодить насѣкомыхъ до крайне вредныхъ размѣровъ, хотя вы можете вести свое хозяйство образцово, по всемъ правиламъ науки и ничуть не хуже, чѣмъ лучший хозяинъ въ Англіи или Франціи. Вы можете обрабатывать свои поля самымъ совершеннымъ образомъ, при помощи лучшихъ орудій, можете придерживаться самаго рациональнаго по мѣстнымъ условіямъ многопольнаго сѣвооборота, употреблять лучшія сѣмена, достаточное удобреніе, сѣять во-время, не скупиться работой и проч., и проч., а отъ насѣкомыхъ вы, все-таки, не избавитесь. Мы лично знакомы съ нѣкоторыми наиболѣе образцовыми въ Россіи свекловичными хозяйствами и знаемъ, что они сильно терпятъ отъ свекловичныхъ жуковъ. Въ смыслѣ образцовой и высокой культуры эти хозяйства еще надолго останутся у насъ недосягаемыми идеалами для прочихъ однородныхъ хозяйствъ, а, между тѣмъ, во вредныхъ насѣкомыхъ здѣсь такъ же мало недостатка, какъ и въ другихъ, которыя стоятъ гораздо ниже. Въ этихъ хозяйствахъ борются съ насѣкомыми самыми примитивными «мѣрами» — собираемъ ихъ руками. Въ *одномъ* хозяйствѣ ежегодно собираютъ однихъ жуковъ 800, 900 и 1,000 и даже больше *пудовъ*, т.-е. ежегодно уничтожаютъ около *ста милліоновъ* штукъ этого насѣкомаго! А черезъ годъ число ихъ опять то же или гораздо больше, и все это оттого, что въ каждомъ такомъ хозяйствѣ ежегодно засѣваютъ свеклой *нѣсколько тысячъ десятинъ*, и хотя остальные десятки тысячъ десятинъ, въ то же время, согласно сѣвообороту, заняты культурными злаками, кормовыми травами или паромъ, но и тѣхъ тысячъ десятинъ, которыя ежегодно засѣваются свеклой, совершенно достаточно, чтобы удерживать въ данномъ хозяйствѣ нѣсколько сотъ милліоновъ штукъ вредныхъ насѣкомыхъ. Да и вообще не слѣдуетъ думать, что во Франціи и Англіи хозяева гарантированы отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Можно привести немало примѣровъ тому, какъ и тамъ культурныя растенія подвергаются опустошеніямъ со стороны этихъ повсемѣстныхъ враговъ хозяйства. Можно указать на опустошенія, которыя производила въ 60 годахъ въ сѣверной Франціи на свекловичныхъ плантаціяхъ гусеница, извѣстная у насъ подъ названіемъ ржанаго червя. Можно указать на воздѣлываніе рапса, которое въ той же Франціи все болѣе и болѣе распространялось, но которое пришлось во многихъ мѣстахъ совершенно прекратить, потому что растеніе это сдѣлалось предметомъ нападенія мириадъ различныхъ насѣкомыхъ. Можно бы привести еще и еще примѣровъ, которые подтверждаютъ нашу мысль. Если же, дѣйствительно, и вѣрно, что государства Европы, съ которыхъ

намъ совѣтуютъ брать примѣръ, меньше нашего страдаютъ отъ насѣкомыхъ, то это достаточно объясняется тѣмъ, что они по своимъ климатическимъ и экономическимъ условіямъ могутъ гораздо больше разнообразить свои культурныя растенія, чѣмъ мы, и не имѣютъ ни надобности, ни возможности покрыть однородными посѣвами такія поверхности, какъ у насъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ проповѣдниковъ улучшения культуры, которые видятъ въ этомъ улучшеніи единственное средство избавиться отъ вредныхъ насѣкомыхъ, но которые, въ то же время, видятъ, что ихъ проповѣдь остается безъ послѣдствій, приписываютъ это обстоятельство отсутствію у насъ инициативы и предприимчивости, а, главное, отсутствію у насъ капиталовъ. Мы, конечно, не станемъ доказывать, что у насъ есть и предприимчивость, и капиталы, и пр., но мы, все-таки, думаемъ, что эти лица ошибаются. Мы уже выше указывали, что къ отличной культурѣ слѣдуетъ стремиться, но отдѣльно отъ этого надо бороться съ вредными насѣкомыми. Здѣсь мы хотимъ указать на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, который можетъ намъ кое-что выяснить. Никто, конечно, не станетъ упрекать американцевъ въ отсутствіи у нихъ предприимчивости и инициативы, а капиталы... кто же не знаетъ про американскіе капиталы? У нихъ и культура гораздо выше нашей, а, между тѣмъ, по обилію вредныхъ насѣкомыхъ они стоятъ на одномъ уровнѣ съ нами. Очень многіе указываютъ на это обстоятельство и этимъ указаніемъ и ограничиваются: у насъ, молъ, да въ Сѣверной Америкѣ вредныхъ насѣкомыхъ гибель, а вотъ въ Англіи ихъ совсѣмъ мало. Но отчего бы предприимчивымъ и богатымъ американцамъ не взять примѣра съ образцовой Англіи? Вы не думайте, читатель, что американцы такъ же мало интересуются своими вредными насѣкомыми, какъ мы своими. Никонимъ образомъ. Въ каждомъ штатѣ у нихъ состоитъ на государственной службѣ правительственный энтомологъ, кромѣ того, они имѣютъ центральную энтомологическую комиссію и при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (Department of the interior) состоитъ особое отдѣленіе по энтомологіи. А если хотите знать, какого рода мѣры эта комиссія предлагаетъ своимъ согражданамъ, то мы укажемъ вамъ на выработанныя комиссіей въ 1878—79 гг. мѣры противъ саранчи. «Правительство должно принять мѣры, — приходитъ къ заключенію комиссія, — чтобы засѣять тѣ территоріи, гдѣ постоянно живетъ саранча; оно должно построить тамъ каналы и искусственное водоснабженіе и должно тамъ проводить желѣзныя дороги; оно должно охранять существующіе лѣса и разводить новые; оно должно устроить цѣлую систему постоянного надзора и наблюденія за этою мѣстностью и т. п.», — словомъ, мѣры все чисто-американскія, не нашимъ чета. А, между тѣмъ, тамъ вовсе не совѣтуютъ, съ кого слѣдуетъ примѣръ брать, и тамъ никто не думаетъ, что стоить перенять образцовую англійскую культуру, чтобы избавиться отъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ не трудно заключить, каковы тѣ труды, которые вытекаютъ изъ отношенія нашего земледѣлія къ вреднымъ насѣкомымъ. Не преувеличивая значенія послѣднихъ для хозяйства страны, мы, въ то же время, должны помнить, что выплачивать ежегодно десятокъ милліоновъ рублей (а это есть минимумъ того, что въ дѣйствительности платитъ Россія) въ видѣ контрибуціи маленькимъ неприятелямъ, къ тому же, выплачивать такую дань въ годы и безъ того тяжелые, выплачивать эту дань и *мириться съ нею*, это — положеніе, котораго никомъ образомъ невозможно допустить. Такое положеніе мыслимо лишь при одномъ условіи, — при условіи, что вредныя насѣкомыя представляютъ собою какую-то непонятную, слѣпую стихійную силу, которая то появляется, то исчезаетъ и съ которой ничего не подѣлаешь. Впрочемъ, и тогда отношеніе къ нимъ не должно было бы быть такимъ, какимъ является *наше* отношеніе къ нимъ, т. е. отношеніемъ полнѣйшаго игнорированія. Вѣдь, трудятся же теперь люди надъ тѣмъ, чтобы если не совладать, то, по крайней мѣрѣ, точнѣйшимъ образомъ познакомиться съ такою стихійною силой, каковы циклоны. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, мы не должны мириться съ грозой, которую мы не только можемъ хорошо знать и до тонкостей изучить, но которою мы можемъ еще вполне овладѣть. Если массѣ это неизвѣстно, если она большею частью даже не знаетъ, кто погубилъ ея хлѣбъ, свеклу, ленъ и проч., если она, наконецъ, узнавши врага, смотритъ на него какъ на какую-то неуловимую силу, то обязанность всякаго, особенно земствъ и прессы, открыть ей глаза на эти вещи, тѣмъ болѣе, что обстоятельства таковы, что наши счеты съ вредными насѣкомыми не то что, не кончены, а еще только начинаются. Мы можемъ быть увѣрены, что по мѣрѣ расширенія нашего земледѣлія (а этого слѣдуетъ ожидать), по мѣрѣ усиленія экспорта хлѣба, сахара, льна, продуктовъ масличныхъ растений и проч., у насъ *по необходимости* будетъ возрастать число вредныхъ насѣкомыхъ. Слѣдовательно, нельзя оставлять большинства въ невѣдѣніи относительно того, съ чѣмъ оно до сихъ поръ успѣло лишь отчасти познакомиться и съ чѣмъ оно должно будетъ въ ближайшемъ будущемъ вѣдаться еще чаще. Въ свѣдѣніяхъ о вредныхъ насѣкомыхъ нуждается не только земледѣлецъ, но даже и образованный землевладѣлецъ, и не столько важно, чтобы хозяинъ зналъ примѣты жучка или мухи, сколько то, чтобы *каждый хозяинъ* имѣлъ болѣе или менѣе ясное понятіе объ основныхъ явленіяхъ въ жизни вредныхъ насѣкомыхъ. Эти основныя явленія вовсе не такъ непонятны, и зная ихъ, хозяинъ, засѣдающій въ земскомъ собраніи, будетъ понимать, что не энтомологи выдумываютъ мушекъ. Онъ также будетъ понимать, почему насѣкомыя появляются во множествѣ, почему они исчезаютъ, и придетъ къ сознанію, что насѣкомыя будутъ наносить намъ вредъ до тѣхъ поръ, пока мы не примемъ противъ нихъ дѣйствительныхъ мѣръ. Но однимъ лишь распространеніемъ свѣдѣній среди хозяевъ невозможно,

конечно, ограничиваться. Обстоятельства не ждуть и жуки не дремлют. Вредныя насѣкомыя сдѣлались для насъ хроническимъ недугомъ. Свекловичныя плантаторы, наприм., знаютъ, что имъ *ежегодно* нужно возиться съ жучками, строить канавки, собирать жучковъ и проч. Они *ежегодно* высѣвають большіе излишки сѣмянъ, чтобы и жука накормить, и чтобы и хозяину осталось; но неблагодарный жучекъ постоянно поѣдаетъ и то, что предназначалось для хозяина, и если хозяинъ произведетъ вторичный посѣвъ, то жучекъ тоже вторично поѣстъ его всходы. Ежегодно также терпигъ отъ различныхъ мушекъ хлѣбопашецъ. Очень часто бываетъ такъ. Хозяинъ засѣялъ известное число десятинъ пшеницей. Черезъ нѣсколько дней пшеница взошла, поле зазеленѣло и такъ весело на него смотрѣть. Но еще черезъ нѣсколько дней поле начинаетъ желтѣть, сначала мѣстами, затѣмъ все и вскорѣ становится совсѣмъ чернымъ, какъ до посѣва. Трудъ хозяина, конечно, пропалъ, пропали и сѣмена, но хозяинъ не хочетъ, чтобы поле, да еще обработанное, гуляло. Онъ принимается за посѣвъ на томъ же полѣ другаго хлѣба, такого, который по расчету еще успѣетъ созрѣть, несмотря на поздній посѣвъ. Но часто и этотъ второй хлѣбъ, въ свою очередь, подвергается нападению насѣкомыхъ, что приводитъ хозяина въ отчаяніе. Встрѣчаясь сплошь и рядомъ и повторяясь изъ года въ годъ, эти явленія перестаютъ уже кого-либо поражать и каждый хозяинъ утѣшаетъ себя мыслью, авось въ будущемъ году этого не будетъ.

Но сознание необходимости положить предѣлъ столь ненормальному порядку вещей начинаетъ уже пробуждаться и въ насъ. Сознание это будили энтомологическіе съѣзды, и какъ ни вяло они это дѣлали, но они, все-таки, будили и кое-кого уже разбудили. Недавно въ Одессѣ состоялось собраніе членовъ энтомологической комиссіи (одесской), которое и порѣшило привести, наконецъ, въ исполненіе дважды рѣшенный съѣздами вопросъ о томъ, чтобы имѣть при комиссіи *одного* областного энтомолога на весь Новороссійскій край и Бессарабію. Вопросъ этотъ, наконецъ, рѣшенъ, и Херсонская, Таврическая, Екатеринославская и Бессарабская губерніи отнынѣ уже будутъ имѣть *одного* энтомолога. Про харьковскую энтомологическую комиссію пока еще ничего не слышно. Ей тоже предстоитъ назначить у себя *одного* энтомолога на Харьковскую, Полтавскую, Воронежскую и Курскую губерніи. Какъ бы полагая, что одному энтомологу будетъ мало дѣла въ четырехъ губерніяхъ, пятый съѣздъ присоединилъ къ харьковскому, такъ сказать, энтомологическому округу еще Область Войска Донскаго. Надо ли говорить о томъ, что одного энтомолога на такія огромныя пространства слишкомъ мало? Самое большее, что при такихъ условіяхъ энтомологи могутъ сдѣлать, это—опредѣлить и изучить тѣхъ насѣкомыхъ, которыя въ данномъ районѣ особенно вредятъ; но этого одного, какъ мы уже видѣли, недостаточно, чтобы найти дѣйствительныя мѣры противъ насѣкомыхъ, чтобы найти то, что

одно только интересуеть хозяевъ. Не трудно видѣть, что такое положеніе въ своемъ родѣ очень опасно, такъ какъ хозяева, не получивъ того, что «одно только ихъ интересуеть», очень легко разочаруются въ своемъ предпріятіи, которое они начали такъ робко и нерѣшительно. Допустить же, чтобы по истинѣ полезное дѣло, вслѣдствіе плохо обставленнаго начала, потеряло кредитъ въ глазахъ большинства, въ тысячу разъ опаснѣе, чѣмъ ничего не начинать и ничего не дѣлать. Пора понять всю серьезность этого положенія, пора понять, что въ странѣ по преимуществу земледѣльской невозможно поставитъ рѣшеніе вопроса, имѣющаго первостепенную важность для земледѣлія, въ зависимость отъ всякихъ случайностей самаго опаснаго свойства, пора понять, что интересы земледѣлія не ограничиваются райономъ нѣсколькихъ южныхъ губерній. Передъ нашими глазами примѣръ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, которые въ отношеніи разсматриваемаго нами вопроса стоятъ всего ближе къ намъ. Американцы не довольствуются тѣмъ, что дѣлаетъ въ отдѣльности каждый штатъ,—противъ общаго врага они борются соединенными силами, силами государства. Пора и намъ послѣдовать этому примѣру, пора признать, что дольше нельзя ограничиваться назначеніемъ одного энтомолога на безконечное пространство; пора признать, что *на изысканіе мѣръ долженъ быть положенъ особый трудъ, что должны быть даны средства предварительно повѣрять на дѣлѣ всякую рекомендуемую мѣру и предлагать хозяевамъ то, что на самомъ дѣлѣ оказалось природнымъ и полезнымъ.* Иначе мы разувѣримся во всемъ, и не будетъ намъ никакого выхода изъ этого положенія.

И. Красильщикъ.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ *).

II.

Материалъ, которымъ я располагаю, не великъ по времени — газеты не больше какъ за два мѣсяца, но и за эти два мѣсяца набралось столько самыхъ разнообразныхъ фактовъ, что въ нихъ можно растеряться, какъ въ дремучемъ лѣсу. Тутъ и грабежи, и убійства, и драки, и воровство, и голодъ, и холодъ, подати и недоимки, дворянскій банкъ, сѣзды сельскихъ хозяевъ, сѣздъ горнозаводчиковъ, сѣздъ желѣзозаводчиковъ, безработица, мельницы, остановившіяся потому, что имъ молотъ нечего, и мельницы, остановившіяся потому, что они намолотили ужъ слишкомъ много, уголовные процессы, знаменитые и не знаменитые, юбилей училища правовѣдѣнія, назначенія новыхъ лицъ на высшія правительственныя должности и т. д. Съ какихъ же фактовъ начать, что важно, что не важно — или все важно? Чтобы распутаться въ этомъ хаосѣ многообразія, я распредѣлилъ факты по рубрикамъ и ихъ (т.-е. рубрикъ) получилось 44. Первой въ хронологическомъ порядкѣ явилась хлѣбная торговля; конечно, это только случайности; начни я свою работу, когда газеты описывали съ такою подробностью юбилей училища правовѣдѣнія, въ первой рубрикѣ могло бы стоять и «училище правовѣдѣнія». Вторую рубрику заняли юридическіе вопросы, третью — звѣрство, въ слѣдующихъ рубрикахъ распредѣлились: дворянскій банкъ, земская статистика, тюрьмы, желѣзные заводы, грамотность, общественное невѣжество, разбои, промышленность, женское образованіе, народное здравіе, печать и гласность, школы, грубость и насиліе, люди дѣла, т.-е. теперешніе дѣятели—дѣльцы и т. д. = 44. Съ какой же рубрики начать? Если держаться хронологическаго порядка, то почему хлѣбная торговля (вопросъ по преимуществу купеческій) важнѣе народной нужды или податей? Чтобы при установленіи очереди вопросовъ не руководиться личнымъ вкусомъ и симпатическими чувствами, нужно было найти основаніе болѣе разсудочное и определенное. И такимъ болѣе определеннымъ основаніемъ мнѣ показалось число фактовъ той или другой рубрикъ. Самую богатой оказалась рубрика 16-я — «грубость и насиліе», а за ней 40-я—«уголовные процессы».

*) *Русская Мысль*, кн. I.

Не дѣлая преждевременнаго, а потому и рискованнаго обобщенія и не сводя всю русскую провинціальную жизнь только къ грубости и насилию, нельзя, однако, не чувствовать, что грубость одно изъ главныхъ явленій нашей жизни. Грубости есть всякихъ видовъ: неуваженіе къ личности и свободѣ ближняго, физической и нравственной, то отсутствіе чувства законности, которымъ полна русская жизнь, начиная съ почипка, теряющагося въ лѣсной трущобѣ, и кончая городами съ газовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ. Если бы о русской жизни не было извѣстно ничего, то одного объявленія отъ магазина Вильгельма Шульца въ Кіевѣ совершенно достаточно, чтобы не ошибиться въ общемъ заключеніи о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ № 258 *Зари* Вильгельмъ Шульцъ публикуетъ, что у него можно купить дешево къ празднику мужское и дамское платье и бѣлье, и въ концѣ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «прошу обратить вниманіе на то, что мой магазинъ помѣщается только на Фундуклеевской улицѣ и *что обращеніе мое съ посетителями магазина самое вѣжливое*». Не знаю, было ли бы возможно подобное объявленіе въ какомъ-нибудь самомъ забытомъ провинціальномъ городкѣ Франціи; но если бы оно явилось у насъ даже въ Петербургѣ, то никто не нашелъ бы страннымъ, что хозяинъ магазина общается покупателямъ въ видѣ преміи быть съ ними вѣжливымъ. Одна возможность подобнаго объявленія показываетъ, что въ нашихъ нравахъ вѣжливость не есть правило и, слѣдовательно, грубость не составляетъ исключенія.

Въ видѣ вступленія я расскажу читателю уголовное дѣло на романической подкладкѣ, разбиравшееся 28 ноября прошедшаго года окружнымъ судомъ въ Чигиринѣ. Двадцатилѣтній парень Крикуненко ухаживалъ за молодою дѣвушкой Агафьей Гончаривной. Крикуненко ходилъ «до Гончаривны»—онъ жилъ отъ нея въ четырехъ верстахъ—почти цѣлый годъ, ласкалъ ее, цѣловалъ не разъ и считалъ ее своею невѣстой. Но скоро за Агафьей сталъ ухаживать и другой парень—Зинченко, болѣе красивый и зажиточный. Новый, болѣе блестящій женихъ сразу привлекъ къ себѣ симпатіи Агафьи и ея родителей. Крикуненко началъ ревновать и, считая за собою право первенства, не переставалъ посѣщать Агафьи. Разъ онъ засталъ ее въ объятіяхъ Зинченко и пришелъ въ такую ярость, что ударилъ ее сапогомъ. Зинченко хотѣлъ вступиться за свою возлюбленную, но Крикуненко убѣжалъ въ лѣсъ и спрятался у лѣснаго сторожа. На утро Крикуненко стало стыдно и досадно на свою грубость. Онъ рѣшилъ вечеромъ сходить къ Агафьѣ, попросить у нея прощенія и переговорить съ нею въ послѣдній разъ—любить ли она его? Когда наступилъ вечеръ, Крикуненкъ пошелъ къ Агафьѣ, но домой не вернулся и утромъ нашли его трупъ привѣшеннымъ къ забору Гончара. Трупъ былъ страшно изуродованъ и исцарапанъ. Всѣ истязанія были сдѣланы еще надъ живымъ Крикуненко и когда мучители натѣшились, они задушили свою жертву.

Судь приговорилъ Зинченко, Гончара и его жену къ каторжной работѣ, а Агафью оправдалъ.

Въ этомъ дѣлѣ, прежде всего, бросается въ глаза несоотвѣтствіе аффекта вызвавшей его причинѣ. Какъ бы больно Крикуненко ни ударилъ Агафью сапогомъ, во всякомъ случаѣ мучительства, которыя ему пришлось испытать, уже никакъ не соотвѣтствовали силѣ этого удара. Людми овладѣлъ дикій страстный порывъ, челоуѣка оказывалось нѣжнымъ проучить, а что изъ этого выйдетъ и чѣмъ все это кончится, никто не думалъ; между расхोдившимся инстинктомъ и рефлексомъ дѣйствія не оказалось ничего промежуточнаго, ничего сдерживающаго и уравновѣшивающаго. Люди озлились и стали тиранить свою жертву, и чѣмъ они больше ее тиранили, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе расло въ нихъ скрытое чувство и просило все большаго и большаго удовлетворенія. Крикуненко избить, измять, переломанъ, озлившіяся фуріи всего его исцарапали, но и этого мало: его душать и вѣшаютъ на ворота. И никто ничего не понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ, а менѣе всѣхъ Зинченко. Если ему было нужно устранить соперника, чтобы овладѣть Агафьей, которая и безъ того любила его больше, то ужъ никакъ въ его планы не могло входить отправиться одному въ каторжную работу. Все въ этомъ дѣлѣ глупо и людей нельзя назвать даже сумасшедшими. Сумасшедшими управляютъ безумныя идеи, но здѣсь нѣтъ ни умной, ни безумной идеи, а есть только страстный инстинктъ безъ малѣйшей тѣни разсудочности. Первобытное, природное чувство, завладѣвъ безраздѣльно людьми, не встрѣчаетъ поправки ни въ какихъ другихъ сдерживающихъ чувствахъ; да ихъ уже и нѣтъ; они или затемнѣны этимъ болѣе сильнымъ чувствомъ, или и сами перешли въ него. Моментъ просвѣтленія наступилъ, когда Крикуненко былъ уже мертвъ, но тогда уже было поздно. И въ наступившемъ свѣтломъ моментѣ, когда люди призадумались надъ тѣмъ, что они сдѣлали, и въ нихъ заговорило чувство самосохраненія; у нихъ, все-таки, оказались очень слабыя разсудочныя средства: избитый и искалѣченный трупъ Гончаръ съ женой подвѣшиваютъ къ воротамъ своей избы! И именно эта слабость разсудочныхъ средствъ, а чаще всего полное ихъ отсутствіе, но за то непомерное и быстрое развитіе инстинктивныхъ чувствъ, совсѣмъ заслоняющихъ или вытѣсняющихъ все остальное, что есть въ душѣ челоуѣка,—вотъ основа душевныхъ процессовъ первобытнаго обитателя нашихъ первобытныхъ починковъ, когда въ этомъ обитателѣ какія-нибудь обстоятельства нарушатъ его душевное равновѣсіе.

Или вотъ такой случай и въ томъ же Чигиринскомъ уѣздѣ. Въ 10 ч. вечера крестьянинъ Гродижскій возвращается съ своимъ пріателемъ, Иваномъ Сигидой, изъ гостей. Увидѣвъ, что шинюкъ освѣщенъ, они заглянули въ него, но, не найдя знакомыхъ, пошли своею дорогой. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ шинкѣ парней, Ващенко, узнавъ Гродижскаго, сказалъ

своимъ товарищамъ Мацаку и Кочергѣ: «пойдемъ его бить». Предложеніе было принято и всѣ трое вышли изъ шинка, а за ними пошла и вся остальная компанія, засѣдавшая въ шинкѣ, человѣкъ въ пятнадцать. Выломавъ изъ забора колья, молодцы пошли въ догонку за Гродижскимъ и, когда сравнялись съ нимъ, Ващенко его повалилъ и съ остальными своими товарищами началъ бить его по головѣ кольями и топтать каблуками. Сигида бросился было на помощь Гродижскому, но Мацакъ схватилъ его и приперъ къ забору. Сигида, вырвавшись, вновь бросился къ Гродижскому. Въ это время одинъ изъ парней сказалъ другому: «убьемъ его—не будетъ свидѣтелей» — и ударилъ Сигиду коломъ въ голову, а другой парень ткнулъ Сигиду коломъ въ нижнюю часть живота. Сигидѣ, однако, удалось убѣжать и его не преслѣдовали. Гродижскаго же били кольями и каблуками до того, что онъ пересталъ и хрипѣть. Тогда Мацакъ командуетъ: «довольно!» а Кочерга въ отвѣтъ на это говоритъ Ващенко: «онъ только притворяется, бей его!» и снова начинаютъ бить его каблуками. Наконецъ, молодцы, должно быть, устали и разошлись по домамъ. Гродижскій еще дышалъ. Его перенесли въ хату, пригласили священника, но было уже поздно. Чѣмъ же Гродижскій вызвалъ этотъ самосудъ? Гродижскій былъ четыре года сельскимъ старостой и, какъ говорятъ, не давалъ потачки молодежи и въ особенности деревенскимъ буянамъ и они-то теперь и устроили съ нимъ расправу. Вотъ и все. Не правда ли, какъ просто? Да, просто, но именно въ этой простотѣ и весь ужасъ. «Пойдемъ его бить»,—говоритъ Ващенко—и идутъ, и бьютъ, но бьютъ такъ, что черепъ оказывается расколотымъ на 6 частей. Когда Ващенко сказалъ: «пойдемъ его бить», никто, конечно, не думалъ, что это такъ случится. Гродижскаго не хотѣли убивать, а ужъ это случилось какъ-то само собою. Когда Сигида вздумалъ вступитья, одинъ изъ парней говоритъ товарищамъ: «убьемъ его—не будетъ свидѣтеля» и Сигиду бьютъ коломъ по головѣ, тычутъ въ животъ. И Сигиду никто не хотѣлъ убивать въ серьезъ, потому что когда онъ убѣжалъ, за нимъ никто и не подумалъ погнаться. Бояться Сигиды, какъ свидѣтеля, не было тоже причины, потому что кромѣ его тутъ были и другіе крестьяне. Какъ же случилось смертоубійство, а могло быть ихъ и два? Случилось, и только, и никто не знаетъ какъ. Тутъ, какъ и въ убійствѣ Крикуненко, аффектъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ причинѣ, и между возбужденнымъ инстинктомъ и рефлексомъ дѣйствія не оказалось никакого разсудочнаго промежутка. Инстинктъ здѣсь былъ меньше возбужденъ, чѣмъ при истязаніи Крикуненко, страстный порывъ былъ слабѣе и потому вся драма имѣетъ болѣе спокойный, повидимому, характеръ, но отъ этого-то она еще ужаснѣе, тѣмъ болѣе, что и моральныя побужденія были слабѣе. При истязаніи Крикуненко главнымъ мотивомъ была ревность, оттого и истязаніе его имѣло особенный характеръ. Въ убійствѣ же Гродижскаго, если корреспондентъ не пропустилъ ничего, только одинъ мотивъ—излишняя строгость Гродижскаго и накопившаяся противъ

него злоба, оттого и болѣе сосредоточенная и, повидимому, безстрастная, что она давно копилась. Очень можетъ быть, что если бы парви не были въ кабацѣ, ничего бы и не случилось. Водка, вообще, хороший пособникъ въ подобныхъ случаяхъ, потому что совсѣмъ уничтожаетъ всякій промежутокъ между возбужденнымъ инстинктомъ и его рефлексомъ.

Вотъ пьетъ въ кабацѣ здоровенный мужикъ и подлѣ него стоятъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати. Видя, что отецъ не перестаетъ пить, мальчикъ началъ уговаривать его идти домой. Надоѣлъ ли мужику ребенокъ, или ему хотѣлось показать свою родительскую власть, но онъ хватилъ его своимъ могучимъ кулакомъ надъ машь съ такою силой, что мальчикъ ударился вискомъ объ уголъ прилавка и упалъ безъ чувствъ, облитый кровью. У мальчика выскочилъ глазъ. Умеръ ли мальчикъ, или остался живъ, корреспондентъ не говоритъ. Или въ Одессѣ американецъ, г. Гинзманъ, платитъ извозчику за конецъ по таксѣ 20 к., а извозчикъ требуетъ 30 к., американецъ же не даетъ больше; тогда озлившійся извозчикъ ударяетъ его по лицу кнутовищемъ съ такою силой, что у американца совсѣмъ вываливается глазъ.

Я знаю, что нельзя обобщать одного-двухъ фактовъ, но тотъ фактъ, который я теперь приведу, допускаетъ обобщеніе. Фактъ этотъ, впрочемъ, не изъ фактовъ послѣдняго времени. Одинъ изъ подмастерьевъ петербургскаго золотыхъ дѣлъ мастера Беннга, финляндецъ Вальквистъ, убилъ съ цѣлью грабежа 14-ти лѣтняго мальчика, находившагося у г. Беннига въ ученьи. Убіеніе это было ненужное и Вальквистъ могъ бы сдѣлать воровство, не усиливая его такимъ страшнымъ концомъ. Когда Вальквистъ рѣшилъ ограбить магазинъ, Редлихъ (мальчикъ) сидѣлъ въ маленькой комнатѣ, прилегающей къ магазину, и читалъ газету. Чтобы избавиться отъ соглядатая, Вальквистъ вошелъ въ мастерскую, увидѣлъ молотокъ и задумался. Но, однако, онъ взялъ молотокъ и подошелъ сзади къ Редлиху. Опершись лѣвою рукой о плиту, Вальквистъ правою рукой занесъ молотокъ надъ головой мальчика, но ему стало жаль его и онъ опустилъ руку; немного постоявъ, онъ занесъ молотокъ во второй разъ и опять ему стало жаль мальчика. Заноситъ Вальквистъ молотокъ въ третій разъ—и теперь уже никакое постороннее чувство не помѣшало ему. Редлихъ упалъ. Проснулось ли въ Вальквистѣ чувство жалости, заговорила ли совѣсть, ужасенъ ли былъ для него видъ жертвы, но онъ взялъ одѣяло, покрылъ имъ голову трупа и, разбивъ стекло въ двери, вошелъ въ магазинъ. Тоже убійство, но въ убійцѣ вы чувствуете живаго человѣка, который хотя и довелъ свое дѣло до конца подъ влияніемъ болѣе сильнаго мотива, но въ его болѣе сложной душѣ есть мѣсто и для другихъ чувствъ. Но вотъ случай въ Томскѣ, одновременный съ этимъ убійствомъ. Два солдата мѣстнаго батальона завели польскаго переселенца въ глухое мѣсто, задушили и, чтобы «совѣсть ихъ не мучила»,

прокололи мертвецу грудь противъ сердца и напились его крови. Опять слишкомъ просто, безъ всякихъ осложнений... Вальквистъ получилъ нѣкоторое образованіе; онъ учился читать, писать, географіи, исторіи, ариметикѣ и закону Божію; это не удержало его отъ убійства, и, все-таки, какое громадное нравственное разстояніе между убійцей, который не можетъ смотрѣть на свою жертву, и убійцей, пьющего кровь. Конечно, это дѣлается въ Томскѣ, городѣ, прославившемся своими уголовными ужасами и, главное, ихъ простотой. Подобною простотой отличается и вся Сибирь и вообще наши восточныя окраины; чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ уголовной простоты меньше.

У насъ пока дѣйствуютъ культурныя и просвѣтительныя вліянія отдаленнаго прошлаго, не то время крещенія Руси, не то время Домостроя, не то время Русской Правды. Во всякомъ случаѣ, то *Уложение о наказаніяхъ*, которое составляетъ для народа его неписанный законъ, принадлежитъ ко временамъ самыхъ первобытныхъ юридическихъ понятій. Если народъ судить—онъ судить всегда жестоко, а наказаніе его—всегда месть; это даже и не библейское «око за око», а что-то ужасное, для чего не существуетъ никакого сравненія. Вотъ на деревенскомъ выгонѣ находятъ нагаго и избитаго солдата; весь онъ жестоко изсѣченъ кнутьями, а голова пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вся залита кровью. Солдатъ показалъ, что вечеромъ, будучи подъ хмѣлькомъ, онъ вышелъ на выгонъ освѣжиться и на него напали какіе-то мужики, заподозрившіе въ немъ неблагонамѣреннаго человѣка. Мужики раздѣли его и начали бить палками и кнутьями; сколько времени его били, онъ не знаетъ (!), но били его долго и жестоко и онъ, наконецъ, лишился чувствъ. Избитому солдату хотя и было оказано медицинское пособіе, но жизни оно ему, конечно, не вернуло. Или заподозрѣннаго въ кражѣ крестьянина привели въ сборную избу, и толпа порѣшила его «проучить». Затѣмъ наступило исполненіе общественнаго приговора и несчастнаго принялись бить всѣ, кто хотѣлъ и чѣмъ попало. Битый тутъ же подъ побоями и умеръ. Но образцомъ жестокости можетъ служить мужицкій самосудъ, разбиравшійся недавно тамбовскимъ окружнымъ судомъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ самосудѣ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*: «Слушая рассказы очевидцевъ объ ужасающихъ подробностяхъ этого дикаго самосуда, просто не вѣрилось, что онъ происходилъ въ цивилизованной странѣ, въ концѣ XIX вѣка. Осенью прошедшаго года, въ день храмоваго праздника, въ селѣ Коровинѣ загорѣлся домъ сельскаго старосты. Сбѣжавшійся на пожаръ уже *изрядно подвыпившій* народъ заподозрилъ въ поджогѣ одного бобыля, находившагося тутъ же на пожарѣ. Его схватили, били по чѣмъ попало и затѣмъ, по приказанію старосты, мнимому поджигателю связали руки и ноги, запрягли въ телѣгу почти необъезженную лошадь, позади телѣги привязали несчастнаго бобыля и во всю мочь поскакали въ станovou квартиру, отстоящую отъ мѣста пожара за

6 верстѣ. Напрасно несчастный молилъ дорогою сопровождавшаго его сотскаго развязать его и позволить ему сѣсть на телѣгу, напрасно клялся, что въ поджогѣ онъ не виновенъ: исполнительный сотскій до самаго стана тащилъ его «волокомъ» по кочкамъ, и когда прѣхали, лицо Р. (бобыля) представляло безформенный кусокъ окровавленнаго мяса; у него положано нѣсколько реберъ, вывихнуты руки и ноги,—словомъ, онъ искалѣченъ такъ, какъ въ старину истязали по приговору суда инквизиціи. На другой день несчастный умеръ, а противъ его мучителей ставнымъ приставомъ было возбуждено уголовное слѣдствіе...» Корреспонденту не вѣрилось, что этотъ дикій самосудъ произведенъ въ цивилизованной странѣ, въ концѣ XIX вѣка. Почему же не вѣрилось? Во-первыхъ, эта форма самосуда совсѣмъ не рѣдкость и случай этотъ далеко не единственный. Крестьяне поступили такъ, какъ они слышали, что поступаютъ и другіе,—«по бывшимъ примѣрамъ». Да и тѣ факты, которые мы приводили, ничѣмъ не отличаются отъ этого самосуда. Развѣ истязаніе Крикуненко напоминаетъ цивилизованную страну и XIX вѣкъ, развѣ убійство Гродижскаго фактъ изъ цивилизованной страны? А отецъ, бьющій наотмашъ сына, или извощикъ, выбивающій глазъ у сѣдока изъ-за гривенника, или убійцы, пьюшіе кровь ими убитаго? Если творятъ самосудъ американцы, они вѣшаютъ на фонарь или убиваютъ изъ револьвера. Это скверно, потому что насилие, а не судъ; но тутъ нѣтъ ни истязанія, ни пытки. Люди, все-таки, держатся немножко въ уровень съ господствующими уголовными понятіями своего вѣка. Но когда приходится говорить о нашемъ народномъ самосудѣ, тутъ уже нельзя вспоминать «цивилизацию» или «XIX вѣкъ», а, напротивъ, ихъ нужно совсѣмъ забыть. Чтобы найти корень русскаго самосуда, нужно углубиться во «мракъ времени». И дѣйствительно, только во мракѣ времени можно найти объясненіе тѣмъ фактамъ жестокости и насилія, которыми такъ богата наша уголовная и неуголовная хроника. Культурному челоуѣку факты подобной народной жестокости должны казаться ужасающими и дикими. Но, вѣдь, они таковы и въ дѣйствительности. Да и почему имъ быть иными? Давно ли отмѣнено у насъ крѣпостное право, съ его практикой помѣщичьяго произвола и съ его свѣжими преданіями о Солтычихѣ, Куролесовѣ и тысячахъ имъ подобныхъ? Да и не одни преданія живы, а живо еще цѣлое поколѣніе, выросшее на крѣпостныхъ порядкахъ и на куролесовской практикѣ. Каждый мужикъ, которому теперь сорокъ лѣтъ, расскажетъ вамъ такіе случаи «отеческаго обращенія» помѣщиковъ, что у васъ встанутъ волосы дыбомъ. Свѣжо преданіе и о «зеленой улицѣ», когда четыре тысячи ударовъ палками считалось наказаніемъ «среднимъ». Лѣтъ сорокъ назадъ въ Казани гоняли сквозъ строй черезъ 12 т. челоуѣкъ въ одинъ разъ двухъ разбойниковъ, Чайкина и Быкова. Это было наказаніе на-смерть. Одинъ изъ наказываемыхъ умеръ подъ палками, другой увезенъ въ больницу еще дышавшимъ. Это послѣ 12-ти-то

тысячъ. Вотъ какіе были изумительные организмы и что они могли выносить! И на такіе изумительные организмы было рассчитано и наказаніе, конечно, въ видѣ maximum'a, чтобы повадно не было. На такихъ порядкахъ и слагались привычки народа. Кнутъ и плети, торговая казнь ради «устрашенія», знаменитая уголовная формула: «чтобы и другимъ не повадно было», «зеленая улица» были тою практическою школою, въ которой воспиталось не одно поколѣніе и сложились ихъ общественные нравы и уголовныя понятія. Теперь, правда, пошло въ деревнѣ новое поколѣніе, выросшее на свободѣ, но понятія этого свободнаго поколѣнія, судя по такимъ фактамъ, какъ убійство Гродижскаго, такъ же жестоки, какъ и понятія его отцовъ. Да едва ли оно и могло быть иначе, потому что не явилось никакихъ новыхъ цивилизующихъ воздѣйствій, которыя могли бы создать въ народѣ внезапно гуманность и мягкость нравовъ. Русскій народъ вовсе не жестокъ по природѣ, онъ скорѣе жалостливъ, его жестокость въ самосудахъ есть жестокость юридическая, созданная понятіемъ, что нужно учить и проучить, чтобы человѣкъ впередъ не дѣлалъ. Тутъ не сердце жестоко, а жестоки понятія, жестокъ бессознательный рефлексъ страстнаго порыва, вызваннаго такимъ же бессознательнымъ мышленіемъ, въ свою очередь, создавшимъ наглядною школою жизни и грубыми привычками. Недостатокъ гуманности, въ которой мы, образованные, упрекаемъ народъ, нами же, образованными, въ немъ и поддерживается.

Вотъ хотя бы такой случай. Лѣтъ пять тому назадъ въ Вяткѣ была назначена публичная казнь трехъ осужденныхъ на каторгу. Утромъ въ назначенный часъ изъ воротъ тюремнаго замка, лежащаго въ концѣ города, вышла печальная процессія. Впереди ѣхалъ козакъ, за нимъ шель взводъ солдатъ съ барабаннымъ боемъ, подъ командою офицера, чиновникъ полиціи, полицейская стража, товарищъ прокурора, священникъ и, наконецъ, высокія черныя дроги, и на нихъ, на высокой скамьѣ, спиною къ лошадямъ и лицомъ къ толпѣ зѣвакъ, слѣдовавшей за дрогами, трое осужденныхъ. По мѣрѣ того, какъ печальная колесница проѣзжала черезъ болѣе населенныя улицы, число любопытныхъ расло и на мѣстѣ казни превратилось въ густую толпу. Процессія остановилась у эшафота, преступниковъ стащили съ колесницы, ввели наверхъ и привязали къ позорному столбу. Блѣдные, исхудалые, съ страдальческимъ выраженіемъ въ лицѣ, осужденные ждали конца этой тяжелой для нихъ выставки. Проходятъ положенныя закономъ десять минутъ, проходятъ двадцать, тридцать минутъ, цѣлый часъ, другой, и, наконецъ, завѣдывающій всею этою церемоніей прокуроръ заявляетъ, что, «по случаю неприбытія секретаря окружнаго суда, исполненіе приговора отлагается до другаго времени». Толпа разошлась въ недоумѣніи и арестантовъ снова отправили въ тюремный замокъ. И все это случилось по канцелярскому недоразумѣнію. Вѣдь, тоже фактъ, повидимому, невозможный въ цивилизованной странѣ и въ XIX вѣкѣ, и не только онъ ока-

зался возможнымъ, но и прошелъ совершенно незамѣтнымъ. Появилась о немъ одна корреспонденція и ни газеты, ни общественное мнѣніе не обратило на нее никакого вниманія. А, между тѣмъ, фактъ возмутительный, и больше всего по общественному равнодушію. И мы молчимъ совсѣмъ не потому, что „ничего не подѣлаешь“. Нѣтъ. Сами факты проходятъ для насъ безслѣдно, ничего не шевелятъ внутри, по привычкѣ къ подобнымъ фактамъ.

Вообще, когда русскій человѣкъ считаетъ себя въ своемъ „правѣ“, его великодушіе уменьшается пропорціонально увеличенію его права. Кромѣ того, осложняющимъ мотивомъ (производящимъ вообще большую путаницу въ понятіяхъ) является „власть“, выражающаяся внѣшнимъ образомъ всегда большею или меньшею грубостью. Ближайшею иллюстраціей къ этому обобщенію можетъ служить провинціальная городская и деревенская полиція. Что обобщеніе не апіорно, приведу приказъ житомирскаго полицеймейстера, напечатанный въ *Вольнскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*. Вотъ что пишетъ житомирскій полицеймейстеръ: „Во мнѣ неоднократно доходили и доходятъ свѣдѣнія о грубомъ и невѣжливомъ обращеніи подвѣдомственныхъ мнѣ чиновъ житомирской городской полиціи съ публикой. Жители города нарекаютъ не только на городовыхъ, но даже и на полицейскихъ чиновниковъ, которые, при исполненіи обязанностей службы, превышаютъ предоставленныя имъ закономъ уполномочія. Прискорбно мнѣ это, но еще прискорбнѣе, послѣ разслѣдованія фактовъ по получаемымъ свѣдѣніямъ, выносить убѣжденіе въ томъ, что связь чиновъ вѣренной мнѣ полиціи съ мѣстнымъ населеніемъ не только правильно не установилась, но даже является для нихъ какою-то непонятною обязанностью; что интересы общества, защиту которыхъ законъ возложилъ на полицію, составляютъ для нея тягость, что ровности, солидности, вниманія, вѣжливости, той вѣжливости, которая не оскорбляетъ чужаго достоинства (?), но вселяетъ убѣжденіе въ законности направляемыхъ требованій, и въ поминѣ нѣтъ, и что небрежное отношеніе къ чужому достоинству приняло даже характеръ обыденнаго явленія въ дѣятельности чиновъ полиціи, вызывая нежелательныя столкновенія съ населеніемъ и совершенно справедливый ропоть послѣдняго; а дѣятельность чиновъ полиціи въ этомъ случаѣ сильно компрометируется. Такія отношенія къ публикѣ въ будущемъ невозможны...“ И какъ бы въ параллель къ приказу житомирскаго полицеймейстера, въ № 297 *Волжскаго Вѣстника* напечатано распоряженіе (или отношеніе, что ли, трудно опредѣлить названіе этого любопытнаго документа) полицейскаго урядника 1 участка 1 стана Осинскаго уѣзда, посланное урядникомъ въ мужскую и женскую ильинскія школы. Достопочтенный урядникъ 1 участка 1 стана Осинскаго уѣзда является блюстителемъ того, что вовсе ему не поручено. Любопытный документъ гласитъ: „Сего числа (документъ приводится съ сохраненіемъ орѳографіи оригинала) въ церкви во время службы, замѣтилъ я, что ученики произ-

водить шалости и разговоры почему на основаніи 7 и 10 ст. Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій т. XIV Св. Зак.; изд. 1876 г. прошу преподавателя внушить ученикамъ какъ должно держать себя въ церкви, не позволять имъ ставать въпереди церкви, а ставить ихъ парадомъ къ лѣвой сторонѣ, а главное не позволять, имъ разговоровъ, переходить съ мѣста на мѣсто и вообще не отвращать вниманія отъ службы ни словомъ или движеніемъ, но пребывать со страхомъ, въ молчаніи, въ тишинѣ и во всякомъ почтеніи“. Приказъ этотъ характеренъ въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ поползновеніе къ „превышенію власти“, о которомъ говоритъ житомирскій полицеймейстеръ. Въ первое время послѣ введенія этой низшей деревенской полицейской инстанціи, урядники долго не могли найти своего мѣста въ природѣ и все выскакивали изъ границъ, покушаясь расширять предѣлы предметовъ своего вѣдѣнія. Хотя для обузданія урядниковъ и были приняты мѣры и ихъ, все-таки, немножко обуздали, но, какъ видно, и до сихъ поръ урядники еще не нашли окончательно своего мѣста въ природѣ. Судить о всѣхъ деревенскихъ подвигахъ урядниковъ печати, конечно, трудно, потому что мужики корреспонденцій въ газеты не пишутъ. Правда, что мужикъ съ урядникомъ почтителенъ, а почтеніе обезоруживаетъ. Но въ деревнѣ есть и еще люди, кромѣ мужика, считающіе себя не подвѣдомственными урядникамъ. Такое очевидное непочтеніе урядникъ вынести не можетъ, вотъ и возникаютъ разныя «недоразумѣнія», кончающіяся или подобными приказами, какой приведенъ выше, или другими столыковеніями. Былъ, напримеръ, такой случай. Сельскія учительницы вздумали на святкахъ устроить домашній спектакль. Урядникъ узналъ объ этомъ и донесъ становому. Что и какъ онъ донесъ, неизвѣстно. Но когда наступилъ день спектакля, всѣ участницы собрались и оставалось только начать спектакль, явился урядникъ (вѣдь, зналъ когда) и предъявилъ бумагу отъ становаго, въ которой объявлялось участвующимъ, что «любительскіе спектакли не могутъ быть устраиваемы безъ разрѣшенія». Уряднику объясняли, что это вовсе не «любительскій» спектакль, а «домашній», но урядникъ не убѣждался и стоялъ на своемъ. Только благодаря тому, что между участвующими были родственники вліятельныхъ въ уѣздѣ лицъ, удалось урезонить урядника и онъ согласился допустить спектакль, но съ условіемъ, чтобы играющіе дали ему росписку, что они читаютъ отношеніе становаго. Волостной старшина, онъ же и попечитель народной школы въ одномъ изъ селъ Барачевскаго уѣзда, сначала не въ мѣру благоволилъ къ учительницѣ этой школы, а затѣмъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ, началъ всячески и усиленно ее преслѣдовать и даже наблюдать за нею въ ея частной жизни. Придя разъ вечеромъ къ учительницѣ и увидѣвъ, что у нея сидитъ законоучитель сосѣдней школы, кончившій курсъ семинаріи, старшина заперъ квартиру учительницы и пошелъ въ деревню собирать властей и народъ для изобличенія запер-

тыхъ въ какомъ-то якобы преступленіи. Преступленія никакого не оказалось; а учительница подала мировому судья на старшину жалобу, котораго судья и приговорилъ къ заключенію на два мѣсяца. Но старшина, должно быть, считалъ себя въ законномъ правѣ, потому что обжаловалъ приговоръ судьи съѣзду; съѣздъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Тогда старшина подалъ кассационную жалобу и по указу сената дѣло поступило на пересмотръ брянскаго съѣзда. Этотъ съѣздъ тоже призналъ старшину виновнымъ, но наказаніе уменьшилъ до одного мѣсяца. Старшина не угомонился и подалъ новую кассационную жалобу, по которой дѣло его передано орловскому мировому съѣзду.

Въ городахъ, гдѣ населеніе скученнѣе и разнообразнѣе, случаевъ для грубости и насилія хотя и больше, но за то сильнѣе и контроль, сдерживающій всякій произволъ, да и деревенскій мужикъ обнаруживаетъ уже болѣшую независимость, чувствуя поддержку. Разъ въ Москвѣ,—это было не болѣе 5—6 лѣтъ назадъ,—на Каменномъ мосту долго шумѣла толпа народу, человекъ триста. Городовые куда-то исчезли. Народъ толпился около лужи свѣжей крови на мосту, у самыхъ рельсовъ конно-желѣзной дороги. Когда проходившіе спрашивали: «что случилось?» изъ волновавшейся толпы слѣдовалъ отвѣтъ въ нѣсколько голосовъ: «сейчасъ городской убилъ ломоваго извощика». Дѣло, по рассказамъ, произошло такъ. Въ проѣзжавшемъ по мосту обозѣ ломовыхъ былъ одинъ подвыпившій извощикъ, который на крикъ городского не хотѣлъ своротить въ сторону. Городовой, озлившись, подбѣжалъ къ нему и «ударилъ въ зубы», да такъ, что извощикъ упалъ навзничь и ударился головой о рельсы. Истекавшаго кровью ломовика подняли замертво и увезли въ пріемный покой. Даже на другой день по Замоскворѣчью только и было разговоровъ, что объ этомъ несчастномъ происшествіи. Но въ городѣ и меньшіе случаи не проходятъ такъ безслѣдно, какъ въ деревнѣ. Недавно, напримѣръ, въ Николаевѣ были собраны на полицейскомъ дворѣ извощики для осмотра экипажей. Одинъ изъ извощиковъ оказался пьянымъ и дежурный надзиратель, обругавъ его «по-извощичьи», повелъ въ караульную и на пути далъ ему нѣсколько подзатыльниковъ. Извощики зашумѣли и дѣло кончилось тѣмъ, что, по распоряженію полицеймейстера, было произведено дознаніе и представлено Николаевскому военному губернатору.

Въ этомъ клубкѣ, гдѣ право и насиліе спутались до того, что ихъ не размежуеть, смутность понятій о законности можетъ приводить даже къ слѣдующимъ невѣроятнымъ фактамъ. Любопытно, что этотъ фактъ перепечатанъ изъ *Недѣльной хроники Восхода Виленскимъ Вѣстникомъ*, не принадлежащимъ къ числу «органовъ», особенно сочувствующихъ евреямъ. «Во многихъ городахъ,—пишетъ *Хроника Восхода*,—заведенъ такой порядокъ, что призывныхъ евреевъ, послѣ вынутаго жребія, отводятъ въ особое, специально еврейскимъ обществомъ нанимаемое помѣщеніе (?!), гдѣ они остаются подъ полицейскою стражей до пріема ихъ на

службу. Такие приемы практиковались у нас уже несколько летъ (въ Новоалександровѣ, Ковенской губ.). Въ этомъ году (за отсутствіемъ ли средствъ, либо по другимъ причинамъ) подобный арестный домъ еврейскимъ обществомъ отведенъ не былъ; поэтому мѣстный исправникъ поручилъ полицейскому надзирателю отвести призывныхъ евреевъ подъ арестъ въ общественную синагогу (!). Когда транспортъ призывныхъ, съ надзирателемъ во главѣ, прибылъ къ общественной синагогѣ и она оказалась закрытою, то надзиратель распорядился взломать замки, старосту же молитвеннаго дома, отказавшагося открыть синагогу, предназначенную только для богослуженія, а не для арестнаго дома, надзиратель отправилъ подъ арестъ на съѣзжую при полиціи». Что за невѣроятныя вещи! Арестъ въ молитвенномъ домѣ, т.-е. въ церкви.

Странность взаимно неясныхъ отношеній, когда каждый дѣйствуетъ на свой страхъ, какъ положить ему Богъ на сердце и насколько онъ гораздъ что-нибудь выдумать, не могла не привести къ своеобразнымъ отношеніямъ народа къ полиціи, отношеніямъ нежелательнымъ и нетерпимымъ ни въ какомъ правильномъ гражданскомъ обществѣ. Полиція до сихъ поръ не могла создать себѣ авторитета и только законъ строгостью взысканій за неисполненіе распоряженій полиціи еще поддерживаетъ ея полицейское достоинство. Должно прибавить, что и населеніе провинціи не даетъ особенныхъ поводовъ ставить высоко его гражданское развитіе и пониманіе своихъ личныхъ и общественныхъ обязанностей. И возникаетъ изъ этой двусторонней неразвитости путаница отношеній, равновѣсіе которыхъ устанавливается только судомъ. Въ поясненіе приведу слѣдующее дѣло. Въ началѣ декабря въ одесскомъ окружномъ судѣ и, конечно, безъ участія присяжныхъ, слушалось дѣло купца Фельдмана и сына его, провизора И. Фельдмана, обвинявшихся въ оскорбленіи полиціи. Изъ полицейскаго протокола видно, что лѣтомъ, во время пожара въ домѣ г. Фельдмана, послѣдній оскорбилъ бывшаго помощника полицеймейстера, сказавъ: «что это за полиція, это разбойники, а не полиція», а другой подсудимый, И. Фельдманъ, ударилъ городоваго. На судѣ же выяснилось вотъ что: когда загорѣлась табачная лавка въ домѣ г. Фельдмана, то онъ, послѣ неоднократныхъ вызывовъ по телефону пожарной команды, приказалъ своему дворнику и кучеру разбить двери и окна лавки и тушить пожаръ. Когда вслѣдъ за этимъ пріѣхала пожарная команда, а съ нею и помощникъ полицеймейстера, то пожаръ былъ уже потушенъ домашними средствами. § Такъ какъ у горѣвшей лавочки столпилось много публики, то Фельдманы (отецъ и сынъ) потребовали, чтобы ихъ впустили, потому что они владѣльцы этого дома. Какъ показалъ свидѣтель Подлевскій (городовой), помощникъ полицеймейстера велѣлъ ему «дать имъ въ шею», что онъ и успѣлъ исполнить только относительно младшаго Фельдмана.

— Почему же вы, свидѣтель, на предварительномъ слѣдствіи показали иначе, что не вы ударили Фельдмана, а, напротивъ, онъ васъ?—спросилъ предсѣдатель свидѣтеля.

— Потому что мнѣ такъ велѣли сказать помощникъ полицеймейстера, — отвѣтилъ свидѣтель.

Что городской ударилъ г. Фельдмана, а не г. Фельдманъ городского, подтвердили и другіе свидѣтели.

Кто, читатели, виноваты въ этой исторіи? Судя по тому, что г. Фельдмана, за оскорбленіе словами помощника полицеймейстера, приговорили къ десятидневному аресту при полиціи, нужно думать, что виноватый г. Фельдманъ. Но если г. Фельдманъ и виноватъ, что сказалъ: «это не полиція, а разбойники», то, вѣдь, и городской, «успѣвшій исполнить приказаніе помощника полицеймейстера только относительно младшаго Фельдмана», не поступалъ по-джентльменски, также какъ и его начальникъ, приказавшій «дать въ шею» обоимъ Фельдманамъ. Если г. Фельдманъ, отсидѣвъ десять дней, и не будетъ высказывать на улицѣ своего мнѣнія о полиціи, то насколько устранился этимъ фактъ, установленный такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ житомирскій полицеймейстеръ, что небрежное отношеніе полиціи (конечно, вообще, потому что въ Одессѣ повторяется то же, что и въ Житомирѣ) къ чужому достоинству приняло даже характеръ обыденнаго явленія? Еще меньше можно ожидать, что скромное поведеніе г. Фельдмана въ Одессѣ послужитъ примѣромъ для Кіева и у кіевлянъ явится желаніе относиться къ своей полиціи съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ они это дѣлаютъ теперь.

Надняхъ въ виленскомъ окружномъ судѣ судился еврей, воръ-рецидивистъ, за восьмую кражу. Защитникъ былъ ему назначенъ отъ суда. Дѣло было безнадежное и только однимъ обстоятельствомъ еще можно было воспользоваться защитнику—отсутствіемъ прямыхъ уликъ взлома. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался защитникъ. Обвиняемый упорно отрицалъ свою виновность. Присяжные не признали взлома, а воровство признали доказаннымъ и вынесли обвинительный вердиктъ. Еврей его не ожидалъ и, когда ему былъ объявленъ приговоръ суда, онъ «обратился къ своему защитнику со словами, далеко не выражающими сердечной благодарности», какъ выражается *Виленскій Вѣстникъ*, а затѣмъ, проходя мимо присяжныхъ, ударилъ кулакомъ одного изъ нихъ, пригрозивъ, что онъ съ ними еще раздѣляется, и выругалъ судъ. Тутъ важенъ не этотъ, собственно, случай,—мало ли какіе могутъ быть случаи,—тутъ важна та общественная атмосфера, которая этому случаю едва ли можетъ сообщить характеръ исключительности.

Что въ нашей общественной атмосферѣ заключается главная причина всѣхъ нашихъ общественныхъ неурядицъ и тѣхъ «уголовныхъ уклоненій», факты которыхъ были приведены въ этомъ обзорѣ провинціальной жизни, доказывать едва ли нужно. Общественный характеръ жизни зависитъ отъ тона, который она получаетъ отъ господствующаго общественнаго мнѣнія. Теперешній тонъ нашей общественной жизни слишкомъ низокъ, чтобы создать какія-нибудь выдающіяся общественно-куль-

турныя вліянія. Разъ только, въ эпоху освобожденія крестьянъ, да и то на короткое время, поднялся было тонъ нашей общественной жизни, благодаря реформаціоннымъ идеямъ, а затѣмъ опять упалъ и вліятельною общественною силой явились второстепенные элементы общественности. Не берусь рѣшить, на сколько наше образованное общественное мнѣніе можетъ вліять на жизнь деревни, но несомнѣнно, что сельское духовенство и общественные органы, приходящіе въ соприкосновеніе съ народомъ, не могутъ не подчиниться общему тону жизни и не могутъ не проводить его въ народъ. Но за то можно съ увѣренностью въ безошибочности утверждать, что многіе изъ фактовъ были бы невозможны при болѣе высокомъ подъемѣ общественнаго чувства и при болѣе строгомъ отношеніи общественнаго мнѣнія къ противуобщественнымъ явленіямъ. Укромшающая дисциплина общественнаго мнѣнія заключается, конечно, не въ строгости уголовныхъ наказаній (на мягкость нашихъ наказаній, кажется, пожаловаться нельзя), а въ томъ серьезномъ взглядѣ на всѣ общественныя отношенія, въ томъ постоянномъ стремленіи къ болѣе правильной ихъ организаціи, которыми единственно и создается упорядоченная жизнь.

Можно думать, что даже подобныя факты, какъ опубликованный въ *Новостяхъ*—убійство акушерки, при иныхъ условіяхъ общественности были бы невозможны. Одинъ мѣстный житель,—говоритъ корреспондентъ (о «мѣстномъ жителѣ» извѣстно только, что онъ Витебской губерніи, но ни уѣзда, ни города, ни мѣстечка не означено),—обольстилъ молодую дѣвушку и затѣмъ обратился къ акушеркѣ съ просьбой о средствѣ для изгнанія плода. Акушерка съ негодованіемъ наотрѣзъ отказала и бросила ловеласу деньги въ лицо. Ловеласъ поклялся отомстить. Разъ вечеромъ приглашаютъ акушерку къ родильницѣ, акушерка поѣхала и нашла въ постели одѣтаго въ женское платье мужчину. Скандаль удался и мужская компанія, бывшая при этой сценѣ, проводила акушерку крикомъ «ура». Оскорбленная акушерка подала жалобу въ судъ. Кончилась эта исторія тѣмъ, что акушерка была приглашена въ ближайшую деревню къ какой-то помѣщицѣ, а на другой день найдена въ лѣсу мертвою съ веревкой на шеѣ. Помимо убійства, мерзость этого факта въ скандаль приглашенія акушерки къ мужчинѣ. И что любопытно, скандаль этотъ имѣетъ традиціонную живучесть. Отъ времени до времени онъ повторяется то тамъ, то здѣсь и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ подобный скандаль—и вовсе не по злому чувству, а такъ, для шутки—учипенъ былъ въ одномъ уѣздномъ городѣ Вологодской губерніи и авторъ скандала хохоталъ отъ души, что ему удалось обмануть такъ ловко акушерку. Изъ всего общества уѣзднаго города только немногіе были возмущены этою «шуткой», а остальные хохотали вмѣстѣ съ ея авторомъ.

Скандальныя побоища, драмы и дебошъ продолжаютъ въ провинціи и

до сихъ поръ свое традиціонное существованіе, точно въ эти послѣднія тридцать лѣтъ не произошло въ русской жизни никакихъ нравственныхъ перемѣнъ. У мужиковъ въ деревняхъ происходятъ побоища по причинамъ «существеннымъ», обыкновенно по недоразумѣніямъ въ землевладѣніи; но образованные люди провинціи дерутся и дебоширятъ изъ причинъ «нравственныхъ». Драки обыкновенно происходятъ въ клубахъ, маскарадахъ (столицы этотъ героическій періодъ, кажется, уже пережили), но происходятъ побоища и на открытомъ воздухѣ. Въ Дубовкѣ, на одной изъ окраинъ, произошла на площади настоящая битва, героями которой были, съ одной стороны, сынъ купца и сынъ фабриканта, съ другой — толпа мѣщанъ. Молодые люди возвращались верхами съ охоты; у одного въ рукахъ была плеть, у другаго арапникъ. Вотъ все, что извѣстно о причинахъ свалки; но свалка была отчаянная и съ одной стороны были пушечныхъ въ ходъ плеть и арапникъ, а съ другой — каменя и палки. Верхъ одержали каменя и палки и охотникамъ досталось порядочно, хотя потерпѣли и мѣщане. Въ Камышинѣ два купеческихъ сына произвели въ кафе-ресторанѣ дебошъ, съ полнымъ разрушеніемъ всего, что только можно было разрушить; ломалась даже мебель, а нѣсколько стульевъ было выброшено изъ окна на улицу. Дебоширили купчики новѣйшей формаци: одинъ изъ нихъ, сынъ крупнаго виноторговца, окончилъ курсъ реального училища, а другой — въ уѣздномъ училищѣ. Въ Кіевѣ произошла такой случай. Въ ресторанъ пришелъ обѣдать начальникъ казатинской телеграфной станціи. Сидя за столомъ въ ожиданіи обѣда, онъ слышалъ изъ-за сосѣдняго стола ругательства, обращенныя къ нему человѣкомъ, ему совсѣмъ незнакомымъ. Начальникъ телеграфной станціи не обращалъ сначала вниманія на задорнаго субъекта, но такъ какъ онъ и не думалъ переставать браниться, то телеграфистъ подошелъ къ нему и замѣтилъ, что его выходки неприличны. «А, такъ я тебя книжалою», — отвѣтилъ на это храбрый воинъ (герой былъ отставной офицеръ) и, вынувъ изъ голенища какой-то острый желѣзный пруть, бросился на своего противника. Присутствующіе хотѣли было обезоружить воина, но ничего не могли съ нимъ подѣлать; онъ размахивалъ своимъ пруткомъ во всѣ стороны и, наконецъ, вонзилъ его въ руку своего противника и пригвоздилъ ее къ столу. Въ Харьковѣ тоже было употреблено въ трактирѣ смертоносное оружіе. Въ общемъ залѣ заспорили какой-то молодой человѣкъ и еврей, споръ перешелъ въ ссору и молодой человѣкъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, почти въ упоръ выстрѣлилъ въ еврея. На этотъ выстрѣлъ прибѣжалъ изъ другой комнаты братъ стрѣлявшаго и не прошло мгновенія, какъ расходившійся стрѣлецъ далъ два выстрѣла и по брату. Этотъ выхватилъ изъ рукъ стрѣльца револьверъ и, въ свою очередь, выпустилъ въ него двѣ пули. Къ счастью, никто изъ троихъ не оказался раненымъ. Въ Одессѣ уличный мальчишка обозвалъ одного потомственного почетнаго гражданина (русскаго)

«нѣмецкой колбасой» и «кадетомъ», и почетной гражданинъ (почтенный человекъ 50-ти лѣтъ), ворвавшись въ квартиру матери мальчишки, набросился на мать съ нецензурною бранью и пустилъ въ ходъ руки, такъ что у побитой женщины была на другой день сильно опухшая, синяя щека. Я не составляю букета изъ фактовъ, да и перечисляю не всё, но и изъ этихъ можно судить довольно безошибочно о нѣкоторыхъ пріятностяхъ жизни въ провинціи. Вы приходите въ ресторанъ обѣдать и вашу руку пригвозждаютъ къ столу желѣзнымъ прутомъ; вы вступаете съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ, не сходите въ мнѣніяхъ и противникъ палитъ въ васъ изъ револьвера. Былъ случай, когда въ патріотическомъ спорѣ одинъ господинъ отрубилъ ухо учителю французскаго языка.

Кромѣ этихъ фактовъ физическаго насилія при посредствѣ болѣе или менѣе смертоносныхъ орудій, бывають еще и «коллизіи»; по крайней мѣрѣ, подъ этимъ заглавіемъ *Одесскій Вѣстникъ* рассказываетъ такой случай. У портнаго Фельдмана заболѣла жена опаснымъ нарывомъ въ горлѣ. Фельдманъ пригласилъ врача Юзефовича, который, осмотрѣвъ больную, рѣшилъ, что ей нужно сдѣлать операцію, и сталъ раскладывать инструменты. Въ это время явился другой врачъ, г. Дрей, приглашенный тоже Фельдманомъ. Увидѣвъ г. Юзефовича, г. Дрей сталъ упрекать хозяина, что онъ его напрасно тревожилъ, и г. Юзефовичъ выразилъ тоже неудовольствіе. Фельдманъ, почувствовавъ бѣду, сталъ умолять докторовъ остаться и оказать совмѣстную помощь. Но явилось новое усложненіе. Г. Юзефовичъ настаивалъ на операціи, а докторъ Дрей находилъ ее не только излишней, но и вредной... Вотъ тутъ и начинается «коллизія». Д-ръ Дрей рассердился и ушелъ; д-ръ Юзефовичъ тоже рассердился и сталъ дѣлать Фельдману упреки. Растерявшійся портной, возбужденный всею этою исторіей и испуганный за больную жену, сказалъ г. Юзефовичу, что доктора хуже ремесленниковъ и ведутъ себя, какъ извошники и какъ разбойники. «Васъ зовутъ,—заключилъ Фельдманъ свою рѣчь,—къ больной для помощи, а вы спорите и ссоритесь у постели умирающей». Д-ръ Юзефовичъ считалъ себя настолько въ правѣ дѣлать у постели умирающей все, что ему вздумается, что подалъ на Фельдмана жалобу къ мировому. Еще одна «коллизія» имѣла мѣсто въ кievской судебной палатѣ въ залѣ судебныхъ засѣданій. Присяжный повѣренный Виноградовъ хотѣлъ было ударить присяжнаго повѣреннаго Левинскаго сверткомъ дѣловыхъ бумагъ, но такъ какъ ему это не удалось, то онъ пустилъ портфельный свертокъ изо всей силы въ г. Левинскаго и крикнулъ ему: «мерзавецъ! жидъ!» «Коллизія» произошла по поводу иска ослѣпшаго на службѣ общества ю.-з. желѣзныхъ дорогъ кочегара Кухты къ этому обществу о пенсіи. Г. Левинскій доказывалъ, что Кухта, ослѣпъ на службѣ и что по расчету жалованья въ 240 р. ему слѣдуетъ пенсія 91 р. 56 к., а г. Виноградовъ доказывалъ, что Кухта ослѣпъ не на

службѣ, что размѣръ пенсіи ему преувеличенъ и ее слѣдуетъ опредѣлять или въ 60 р. 61 к., или въ 30 р. 30½ коп. въ годъ.

Еще о двухъ «коллизіяхъ» печатаетъ *Саратовскій Листокъ* въ корреспонденціи изъ Бамышина. «Мнѣ рассказываютъ,—пишетъ корреспондентъ,—про одного учителя (?) одного изъ здѣшнихъ училищъ (?), воздвигнушаго гоненіе на своихъ учениковъ за то, что они не желаютъ быть его нахлѣбниками». Почтенный педагогъ предложилъ ученикамъ не изъ горожанъ жить у него и платить ему за это по 13 руб. въ мѣсяцъ. Ученикамъ это показалось дорого, потому что у обывателей они платятъ по 8 и 9 руб., и вотъ тутъ-то и послѣдовала «коллизія»: ученики отказались отъ предложенія педагога, и педагогъ началъ ставить имъ за это единицы и двойки, вмѣсто прежнихъ четверокъ и пятерокъ.

Чтобы ввести эти факты въ связь съ общею русскою жизнью (тѣмъ болѣе, что герой, о которомъ будетъ рѣчь, человекъ провинціи), я расскажу, какъ въ Москвѣ присяжный повѣренный Браунъ научилъ выломать двери въ квартирѣ вдовы священника Лаврова. Участковый приставъ нашелъ квартиру г-жи Лавровой совершенно открытой со двора, даже двери, ведущія въ квартиру, были выломаны; въ квартирѣ вещи были въ беспорядкѣ и вдова Лаврова находилась въ крайне возбужденномъ состояніи. Все это было сдѣлано по распоряженію домовладѣлицы и присяжнаго повѣреннаго Адольфа Адольфовича Браунъ. Кто же это Адольфъ Адольфовичъ Браунъ? *Саратовскій Листокъ*, дѣлая перепечатку извѣстія, снабжаетъ ее такимъ вступленіемъ: «Московскія газеты передаютъ слѣдующій фактъ возмутительнаго самоуправства, однимъ изъ героевъ котораго является извѣстный саратовцамъ А. А. Браунъ». Значитъ, г. Браунъ перѣхалъ въ Москву, уже сдѣлавшись въ Саратовѣ извѣстностью. Жаль, что *Сарат. Листокъ* не объяснилъ, какую извѣстность приобрѣлъ въ Саратовѣ г. Браунъ... Въ 340 № *Русскихъ Вѣдомостей* напечатано письмо въ редакцію г. Брауна, что въ снятіи дверей въ квартирѣ г-жи Лавровой не было никакого самоуправства. «На вопросъ г-жи Чистяковой (домовладѣлицы), вполнѣ ли законны будутъ ея распоряженія о снятіи всѣхъ дверей, требующихъ передѣлки, я,—пишетъ г. Браунъ,—какъ юристъ, долженъ былъ отвѣтить, что снятіе дверей домовладѣлицей не съ цѣлью принудить жильца къ выѣзду изъ квартиры, а для поправокъ (какова юриспруденція!), не подходитъ подъ понятіе о самоуправствѣ (слѣдуютъ разныя статьи закона, какъ и у осинскаго урядника, въ доказательство, что поступлено по закону и что для передѣлки можно было снять зимю въ морозъ всѣ рѣшительно двери, не исключая и наружныхъ). Заключаетъ свое письмо г. Браунъ такъ: «Считаю долгомъ добавить, что я самъ передамъ объ этомъ случаѣ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, и что я привлеку лицо, написавшаго статью въ *Современныхъ Извѣстіяхъ*, къ уголовной отвѣтственности».

Во всѣхъ этихъ фактахъ любопытнѣе всего мужество ихъ героевъ,

а затѣмъ, что всѣ эти мужественные герои (другими, кажется, герои не бывають) принадлежали къ устоямъ общества и его гражданственности. Это или хранители нашего физическаго здоровья и гражданской безопасности—доктора, адвокаты, или творцы нашей личной и общественной нравственности, руководители нашего поведенія, любви и уваженія къ достоинству ближняго. Какъ же эти столпы личной и общественной нравственности понимаютъ свои обязанности? Докторъ Юзевовичъ бросаетъ умирающую на произволь судьбы и когда ему говорятъ, что такъ не поступилъ бы «никакой ремесленникъ и никакой извозчикъ», г. Юзевовичъ имѣетъ мужество отправиться съ жалобой на человека, котораго онъ самъ вынудилъ сказать ему это. «Извѣстный Саратову» адвокатъ Браунъ крючкотворствуетъ и, ссылаясь на законъ, старается доказать, что можно снять зимою всѣ двери у квартиры и это не будетъ самоуправствомъ, если только заявить жильцу, что двери снимаются для передѣлки. Еще адвокатъ, г. Виноградовъ, защищая интересы богатой железнодорожно-дорожной компании, распинается изъ всѣхъ силъ, чтобы уменьшить пенсію слѣпому кочегару на 30 руб. въ годъ, и когда ему возражаютъ, что расчетъ его невѣренъ, онъ идетъ въ драку и ругаетъ противника «мерзавцемъ». Учитель предлагаетъ у себя квартиру ученикамъ и тѣмъ, кто отказывается, ставитъ единицы. И всѣ эти господа, поступая такъ, чувствуютъ себя на высотѣ своего гражданского достоинства, и не только они это чувствуютъ, но они и убѣждены, что ихъ принципы насилія безошибочны и что они найдутъ поддержку не только въ общественномъ мнѣніи, но и оправданіе своего поведенія въ судѣ. Вѣдь, иначе г. Юзевовичъ ужъ, конечно, не пошелъ бы съ жалобой въ мировой судъ, а Адольфъ Адольфовичъ Браунъ не сталъ бы привлекать репортера *Современныхъ Извѣстій* за фактъ, сообщенный имъ съ полною достоверностью, къ уголовной отвѣтственности. Что же это такое? Откуда такая смѣлость? Въ какой части общественнаго мнѣнія эти мужественные господа надѣются найти поддержку и защиту?

Н. Ш.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

19 февраля 1861—1886 гг.

Четверть вѣка тому, какъ по Россіи раздался благовѣсть о «свободномъ трудѣ, залогѣ домашняго благополучія и блага общественнаго». Это былъ великій день! Впечатлѣніе, произведенное манифестомъ 19 февраля, прочитаннымъ 5 марта въ церквахъ, намъ нельзя выразить, нельзя передать молодымъ поколѣніямъ иначе, какъ сказавъ имъ, что весь народъ русскій, безъ различія состоянія и образованія, вздохнулъ въ этотъ день отъ глубины души, тѣмъ великимъ вздохомъ облегченія, какой вырывается изъ груди послѣ тяжелой болѣзни, по избавленіи отъ опасности жизни или отъ гнетущей боли, мѣшавшей намъ жить.

Базалось, свѣтлая будущность безусловно была обезпечена Россіи великимъ дѣломъ освобожденія. Сбылись давнишнія, завѣтныя думы лучшихъ русскихъ людей, совершалъ высокій подвигъ личнаго своего призванія великодушный Государь, народу возвращена была «воля», которой онъ былъ лишень два вѣка, и данъ былъ надѣлъ въ той землѣ, которая стала его собственностью по естественному праву, какъ распаханная его трудомъ, какъ видимая часть этого труда.

Новыя поколѣнія не знали подневольной работы. Мало уже осталось хозяевъ-земледѣльцевъ, испытавшихъ на себѣ моментъ освобожденія. Еще менѣе осталось тѣхъ, кто за народную свободу боролся и помогалъ ея осуществленію. Новое поколѣніе земледѣльцевъ живѣе ощущаетъ недостатки своего положенія, чѣмъ хранить преданіе о великой народной радости. Точно такъ и новые работники на полѣ русской мысли яснѣе могутъ себѣ представить тѣ надежды, которыя не сбылись, чѣмъ тѣ ожиданія, которыя оправдались.

Дальнѣйшее развитіе, открывавшееся Россіи въ просвѣтѣ освобожденія крестьянъ, не пошло шагами ровными, по линіи неуклонной, въ строгомъ согласіи съ основною мыслью перваго и самаго великаго акта освобожденія. Но чѣмъ болѣе труда намъ еще предстоитъ впереди для исправленія ошибокъ и устраненія недостатковъ, тѣмъ поучительнѣе для насъ возвратиться мыслью къ тому времени, когда блестящимъ образомъ

засвидѣтельствовались преданность русской интеллигенціи дѣлу народа, умѣнье ея въ исполненіи практической государственной работы, плодотворность труда, который правительство въ ту эпоху раздѣляло съ нею, а, наконецъ, и окончательная побѣда общественной мысли надъ множествомъ затрудненій, какія преграждали путь освобожденія.

Возвратимся же къ воспоминаніямъ о томъ, какъ не стало на Руси крѣпостнаго права, благодаря дружной работѣ правительства съ представителями мысли общественной, — работѣ, о которой вѣчную память сохранить русская исторія, какъ народъ съ благодарственной молитвой 19 февраля всегда будетъ провозглашать вѣчную память Освободителю.

При Екатеринѣ впервые явились планы освобожденія крестьянъ, но въ ея царствованіе не только не было принято никакой практической мѣры къ этой цѣли, но, наоборотъ, самая область крѣпостнаго права, какъ извѣстно, расширилась — распространеніемъ его на Малороссію. Первые шаги законодательства по ограниченію крѣпостнаго права начались при Императорѣ Павлѣ. Такъ, указъ 1797 г. воспретилъ помѣщикамъ заставлять крестьянъ работать по праздникамъ и впервые ограничилъ барщину тремя днями въ недѣлю; указъ же 1798 года воспретилъ продажу крестьянъ безъ земли въ Малороссіи.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Императора Александра возбудился вопросъ о «постепенной» отмѣнѣ крѣпостнаго права. Это условіе «постепенности», предполагавшее, что освобожденіе крестьянъ можетъ быть достигнуто не иначе, какъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ, держалось какъ при Императорѣ Александрѣ I, такъ и въ слѣдующее царствованіе, и до того неразрывно, повидимому, связалось съ мыслью объ освобожденіи, что даже при приступѣ къ выработкѣ самой мѣры освобожденія при Императорѣ Александрѣ II еще упоминалось о «постепенности».

Въ царствованіе Александра I внесено было много проектовъ «постепенной отмѣны рабства». Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., проекты Аракчеева и Канкринна, были составлены по порученію самого императора, другіе, какъ, напр., проекты гр. Стройновскаго и Н. И. Тургенева, были представлены Государю чрезъ посредство близкихъ къ нему людей. Отмѣтимъ, что Сперанскій уже въ это время, — въ своемъ планѣ государственныхъ учреждений, — рѣшительно высказывался противъ безземельнаго освобожденія. Между тѣмъ, именно безземельное освобожденіе было осуществлено въ прибалтійскихъ губерніяхъ указами 1804 и 1816 годовъ.

Императора Александра лично болѣе всего занималъ вопросъ о запрещеніи отдѣльной («розничной», какъ выражались въ то время) продажи людей. Она происходила открыто и объявленія о ней печатались въ газетахъ. Подобныя объявленія императоръ запретилъ помѣщать въ *Спб. Вѣдомостяхъ*, а въ *Сенатскихъ* велѣлъ «пріостановить». Въ это время людей еще приводили для продажи на ярмарки. Воспользо-

вавшись однимъ частнымъ случаемъ (рѣшеніемъ рязанской палаты, признавшей торгъ людьми на ярмаркѣ незаконнымъ), Императоръ Александръ повелѣніемъ, изданнымъ въ 1808 году, запретилъ продажу крестьянъ на ярмаркахъ, въ видѣ общей мѣры. Самою же важною законодательною мѣрой о крестьянскомъ состояніи собственно въ русскихъ губерніяхъ, изданной въ это царствованіе, остался указъ 20 февраля 1803 годѣ «о свободныхъ хлѣбопашцахъ», дѣйствія котораго, впрочемъ, были очень ограничены, такъ какъ къ началу общаго освобожденія свободныхъ хлѣбопашцевъ числилось всего 100 тысячъ душъ. Большаго результата, конечно, и быть не могло, такъ какъ освобожденіе въ силу этого закона могло совершиться не иначе, какъ съ обоюднаго согласія владѣльцевъ съ крестьянами. Владѣльцы же не только безъ особаго давленія, но безъ прямого принужденія могли соглашаться на подобныя сдѣлки лишь въ единичныхъ случаяхъ.

Такъ, при Александрѣ I, подъ вліяніемъ отчасти извѣстнаго желанія императора, отчасти гуманитарныхъ идей времени, совершались сдѣлки съ крестьянами княземъ Куракинымъ, графомъ Стройновскимъ, Румянцевымъ, Петрово-Соловово и др.; изъ совокупности этихъ отдѣльныхъ соглашеній и были выведены основанія указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Но большинство дворянства очень крѣпко держалось за крѣпостное право, такъ крѣпко, что Императоръ Александръ I, по особенностямъ его личнаго настроенія и положенія, не могъ сдѣлать серьезнаго приступа къ освобожденію. Хотя ближайшій къ нему въ то время человекъ, гр. Строгановъ, и увѣрялъ его сперва, что стоило только Государю сдѣлать рѣшительный шагъ, и дворянство выскажетъ готовность къ уступкѣ, но тому же Строганову, ведшему протоколы такъ называемаго «неофициальнаго» комитета, пришлось потомъ записать результатъ, совсѣмъ не похожій на его ожиданія.

Въ комитетѣ обсуждалась въ ноябрѣ 1803 г. мысль, поданная адмираломъ Мордвиновымъ, о дозволеніи свободнымъ крестьянамъ покупать земли,—мысль, которую самъ Государь развилъ, предложивъ, чтобы недворянамъ дозволено было покупать населенныя имѣнія съ освобожденіемъ въ такихъ имѣніяхъ крестьянъ. «Императоръ,—такъ записалъ Строгановъ въ протоколѣ неофициальнаго комитета,—повторилъ свои обычные слова, что слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, волнуясь и сознавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною». Замѣтимъ, что этотъ же самый аргументъ служилъ и при слѣдующихъ двухъ царствованіяхъ главнымъ практическимъ доводомъ въ пользу необходимости не откладывать дѣла. Но въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, положеніе было еще таково, что возраженія, какія сдѣлали крѣпостники на этой же самой почвѣ «опасности», казались болѣе убѣдительными, чѣмъ аргументъ, употребленный монархомъ. «Ему отвѣчали,—продолжаетъ Строгановъ,— что не слѣдовало бы слишкомъ обижать дворянъ, составлявшихъ также

значительную массу, весьма легко могшую приобрести влияние, что общественное мнѣніе шатко и не слѣдуетъ нарушать ни чьихъ интересовъ *)).

Вслѣдствіе подобной же оппозиціи не могъ состояться внесенный въ государственный совѣтъ проектъ закона о воспрещеніи продажи людей безъ земли, составленный братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми, причемъ Шишковъ произнесъ рѣчь о революціи.

Императоръ Николай находился уже въ иномъ положеніи, а, главное, настроеніе его было иное. Уже чрезъ годъ по вступленіи на престолъ, а именно 6 декабря 1826 г., онъ назначилъ секретный комитетъ для обсужденія крестьянскаго дѣла и затѣмъ такихъ комитетовъ въ его царствованіе было нѣсколько. Въ первомъ же комитетѣ, котораго членомъ былъ и Сперанскій, разсматривалась записка этого бывшаго министра о мѣрахъ для приравненія положенія помѣщичьихъ крестьянъ къ положенію казенныхъ и проектъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли. Этотъ послѣдній проектъ уже прошелъ въ 1830 году въ государственномъ совѣтѣ, но предварительнаго утвержденія императоръ отправилъ его на просмотръ къ великому князю Константину Павловичу, который предложилъ отдать это дѣло «на судъ времени». Тѣмъ не менѣе, мысль Сперанскаго объ опасности освобожденія крестьянъ безъ земли перешла и въ дальнѣйшіе комитеты, и потому, замѣтимъ, было естественно, что она легко была принята къ соображенію правительствомъ при окончательной постановкѣ въ послѣдствіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ.

Надо замѣтить, что опасенія, какія удерживали Императора Николая отъ рѣшенія крестьянскаго вопроса, были совсѣмъ иного рода, чѣмъ тѣ, какія могли останавливать Императора Александра I въ началѣ царствованія послѣдняго. Новыя опасенія относились именно «къ мятежному духу времени». Императоръ Николай искренно желалъ освобожденія крестьянъ и, какъ сказалъ покойный Государь въ своей рѣчи при открытіи 14 января 1861 г. обсужденія *Положеній* **), «постоянно былъ занятъ мыслью освобожденія крестьянъ». Но есть поводъ думать, что Императоръ Николай, именно въ виду революціонныхъ движеній на Западѣ, съ самаго начала не полагалъ, что ему суждено дѣйствительно совершить это дѣло, т.-е. рѣшить вопросъ въ общихъ, а не въ частныхъ мѣропріятіяхъ. Извѣстно, что главнымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу при Императорѣ Николаѣ былъ графъ Киселевъ. Но вотъ что сказалъ императоръ Киселеву при первомъ съ нимъ разговорѣ объ этомъ дѣлѣ, въ 1834 г. Въ воспоминаніяхъ Киселева приведены слѣдующія слова Государя: «Занимаясь подготовленіемъ труднѣйшихъ дѣлъ, которыя могутъ пасть на наследника, я признаю необходимѣйшимъ преобразование

*) Извлеченіе изъ засѣданій неофициальнаго комитета. В. С. Иконниковъ: „Графъ И. С. Мордвиновъ“, стр. 35.

***) В. И. Семеновскій: „Крест. вопр. въ царств. Имл. Николая“. *Русская Мысль* 1884 г., кн. X.

крѣпостнаго права, которое въ настоящемъ положеніи болѣе оставаться не можетъ. Я,—продолжалъ Государь,—говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (вел. кн. Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ) были совершенно противны. Несмотря на то, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ; я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о княжествахъ (дунайскихъ) я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія. Помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ *передать сыну* съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу» *).

Хотя Киселевъ и сказалъ на это Государю, что такое предложеніе «при удачномъ совершеніи можетъ возвысить Россію и ея царствованіе», т.-е., иными словами, что дѣло могло быть совершено при самомъ Николаѣ Павловичѣ, но мы не видимъ повода сомнѣваться, что императоръ именно въ это время, т.-е. въ 1834 году, уже не считалъ возможнымъ рѣшить крестьянскій вопросъ окончательно въ свое царствованіе. Онъ могъ такъ думать въ 1826 году, иначе не возбуждалъ бы этого вопроса въ первый годъ послѣ своего вступленія на престолъ. Но въ 1834 году взгляды его уже измѣнились и прежней рѣшимости онъ могъ не имѣть. Какое впечатлѣніе было произведено въ высшихъ сферахъ того времени революціями 1830 и 1831 годовъ во Франціи, Бельгіи, Польшѣ, движеніями въ Германіи и Италіи, объ этомъ сохранилось немало показаній. Такъ, Канкринъ **) въ 1831 году, желая оправдать въ глазахъ Государя дефицитъ, ссылался на «невѣроятный переворотъ дѣлъ въ Европѣ», на возрожденіе революціоннаго духа въ Европѣ съ 1830 года и распространеніе «необузданнаго либерализма».

Впрочемъ, Императоръ Николай и лично сдѣлалъ самое категорическое заявленіе въ смыслѣ, на который мы указываемъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ государственномъ совѣтѣ 30 марта 1842 года, при послѣднемъ обсужденіи составленнаго Киселевымъ же проекта закона «объ обязанныхъ крестьянахъ». Государь прямо началъ съ слѣдующихъ словъ: «Крѣпостное право есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впоследствии самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевре-

*) А. Заблоцкий-Десятовскій: „Графъ П. Д. Киселевъ“, гл. XXXV, стр. 208.

**) Отчетъ за 1831 годъ. И. Блюкъ: „Финансы Россіи“, т. I, стр. 190.

менной и невозможной къ исполненію. Я также *никогда* на сіе не рѣшусь; если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о сѣмъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства *)). Вотъ это опасеніе насчетъ общественнаго спокойствія, сказавшееся въ дальнѣйшихъ словахъ, — въ ссылкѣ на Пугачевскій бунтъ, преобладало рѣшительно надъ всѣмъ въ то царствованіе и оно же отразилось на крестьянскомъ дѣлѣ въ томъ смыслѣ, что были предприняты только частныя мѣры, нисколько не подвинувшія впередъ общій вопросъ.

Законъ 2 апрѣля 1842 года объ «обязанныхъ» крестьянахъ былъ главною изъ этихъ мѣръ. Этотъ законъ, какъ его охарактеризовалъ самъ Императоръ въ той же рѣчи, «давалъ каждому благонамѣренному владѣльцу средства улучшить положеніе его крестьянъ и, отнюдь не налагая сего по принужденію или съ стѣсненіемъ правъ собственности, предоставлялъ все единственно доброй его волѣ и влеченію собственнаго сердца». Дѣйствительно, законъ предоставлялъ только помѣщикамъ заключать съ своими крестьянами, по взаимному соглашенію, договоры, съ отводомъ крестьянамъ участковъ земель въ пользованіе за условенныя повинности. Немудрено, что къ 1861 году крестьянъ «обязанныхъ» оказалось еще менѣе, чѣмъ «свободныхъ» хлѣбопашцевъ, какъ о томъ упомянулъ Императоръ Александръ II въ рѣчи, на которую мы уже ссылались. Упомянемъ еще о законѣ 8 ноября 1847 года, которымъ крестьянамъ имѣній, продаваемыхъ съ аукціона, предоставлялось выкупаться вмѣстѣ съ землею, принимая на себя уплату долга. Но уплата представлялась имъ не съ разсрочкою или хотя бы съ требованіемъ только части долга наличными деньгами, нѣтъ; въ теченіе мѣсяца со дня объявленія имъ о продажѣ, они обязаны были внести всю выкупную сумму, а въ противномъ случаѣ имъ предстояло быть проданными вмѣстѣ съ имѣніемъ въ другія руки. Въ случаѣ же выкупа, земля имъ предоставлялась на общинномъ правѣ, между тѣмъ какъ у «свободныхъ хлѣбопашцевъ» установлено было владѣніе подворное. Впрочемъ, и законъ 1847 г. былъ впоследствии такъ переделанъ, что можно было счесть его отмѣненнымъ.

Не упоминая о другихъ законахъ, коснувшихся крестьянскаго быта въ царствованіе Императора Николая, мы остановимся еще на трехъ обстоятельствахъ, относящихся къ этому времени: на сохраненіи той мысли, что когда наступитъ освобожденіе, то оно должно совершиться съ землею, на волненіяхъ среди крестьянъ и на отношеніи общества къ мысли объ освобожденіи. Мысль о земельномъ надѣлѣ или, лучше сказать, о невозможности освобожденія безъ земли и въ то время уже преобладала. Такъ, даже министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, который на дѣлѣ былъ противникомъ освобожденія, въ проектѣ о «постепенномъ» освобожденіи

*) В. И. Семевскій: „Крестьянскій вопросъ“. *Русская Мысль* 1884 г., кн. XI.

посредствомъ долговременнаго ряда отдѣльныхъ мѣръ заявлялъ о вредѣ освобожденія безъ земли. Что касается волненій среди крѣпостныхъ, то волненія эти шли почти непрерывнымъ рядомъ чрезъ весь періодъ царствованія Императора Николая и противники освобожденія (Перовскій, Васильчиковъ, Орловъ), конечно, пользовались этимъ, чтобы поддерживать въ умѣ императора опасенія.

Наконецъ, въ сознаніи общественномъ именно въ эпоху царствованія Николая I мысль объ освобожденіи крестьянъ стала краеугольнымъ камнемъ стремленій собственно интеллигенціи, несмотря на то, что самая «интеллигенція» была въ то время преимущественно дворянскою; явленіе это встрѣчалось, правда, и во время Александра I. Такъ, въ «союзѣ благоденствія» однимъ изъ главныхъ положеній и одной изъ основъ проектовъ *) была мысль объ освобожденіи крестьянъ. Были и тогда люди, которыхъ нравственно «зло это мучило въ продолженіе всей жизни», — какъ сказалъ о себѣ впоследствии Николай Тургеневъ **).

Въ періодъ Императора Николая Павловича, можно сказать, уже вся интеллигенція относилась къ крѣпостному праву именно такъ, какъ это опредѣлилъ Н. Тургеневъ. Литература въ этомъ смыслѣ непрерывно продолжала славную традицію Радищева. Достаточно упомянуть только имена Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Григоровича, И. С. Тургенева. Но настроеніе интеллигенціи не мѣшало тому, что когда вопросъ въ какомъ бы то ни было видѣ переходилъ на сословное обсужденіе дворянъ, то въ этой средѣ онъ встрѣчалъ отпоръ со стороны большинства. Такъ, въ статьяхъ В. И. Семеваго, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ, рассказана, между прочимъ, характерная по всѣмъ своимъ подробностямъ исторія обсуждения самаго принципа освобожденія въ средѣ дворянства смоленскаго, по непосредственной инициативѣ Императора Николая, въ 1848 году. Императоръ въ концѣ какъ бы согласился съ возраженіями противъ «современности», какія представило большинство. А въ то же время изъ среды того же смоленскаго дворянства вышелъ замѣчательный проектъ А. Вонярярскаго, въ которомъ была изложена операція выкупа, довольно сходная съ тою, какою была дѣйствительно осуществлена впоследствии.

Покойный Государь, вступая на престолъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что освобожденіе крестьянъ должно было совершиться въ его царствованіе. Мы видѣли выше, что такъ должно было случиться даже по мысли Императора Николая. Не говоримъ уже, что мысль эта вполне созрѣла въ сознаніи русской интеллигенціи, что людямъ образованнымъ, любившимъ свою страну, стало къ тому времени просто тяжело мысль о существованіи крѣпостнаго права. Положимъ, сознаніе интеллигенціи не составляетъ еще достаточной силы безъ правительственнаго почину. Но

*) А. Н. Пытинъ: „Очерки общ. движ. при Александрѣ I“.

***) И. С. Тургеневъ: „Некрологъ Н. И. Тургенева“. *Вѣст. Европы*, декабрь 1871 стр. 916.

волненія крестьянъ, происходившія въ теченіе всего предшествовавшаго царствованія, послѣдній завѣтъ его, наконецъ, постигшее всю дореформенную систему, державшуюся одною мыслью о дисциплинѣ, крушеніе въ войнѣ внѣшней, — все это дѣлало неотложнымъ приступъ къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, безъ которой немислимо было начало и какихъ-либо иныхъ преобразованій.

Волненія среди крестьянъ, ожиданіе ими «воли» въ близкомъ времени сказались и въ оба послѣдніе годы предшествовавшаго царствованія. Указы объ ополченіи 1854 и въ началѣ 1855 г. вызвали въ цѣлыхъ девяти губерніяхъ значительные беспорядки, такъ какъ крестьяне массами заявляли желаніе вступить въ ополченіе, считая службу въ ополченіи за переходъ къ «волѣ». Особенно сильны были волненія въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще сохранялись преданія о козачествѣ. Въ Каневскомъ уѣздѣ дѣйствовала противъ войскъ толпа въ 4 тысячи крестьянъ.

Всѣ эти обстоятельства обуславливали необходимость рѣшить, наконецъ, крестьянскій вопросъ. Посѣтивъ Москву чрезъ нѣсколько дней послѣ манифеста 19 марта 1856 года о заключеніи мира, Государь принялъ предводителей дворянства Московской губерніи по просьбѣ генералъ-губернатора графа Закревскаго, одного изъ рѣшительнѣйшихъ противниковъ освобожденія, доложившаго, что разнеслись слухи о волѣ и что необходимо успокоить дворянъ. Предводителямъ Государь сказалъ слѣдующія памятные слова: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право *сверху*, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться *снизу*. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній» *). Съ этихъ знаменательныхъ словъ, произнесенныхъ тридцать лѣтъ тому назадъ, начался пятилѣтній періодъ, въ теченіе котораго совершилась отмѣна крѣпостнаго права.

Въ томъ же году былъ назначенъ, а 3 января 1857 года имѣлъ первое засѣданіе секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ императора, въ которомъ состояли: князь Орловъ, Ланской, графъ Блудовъ, министръ финансовъ Брокъ, графъ В. Ѳ. Адлербергъ, кн. Василій Андр. Долгоруковъ (шефъ жандармовъ), министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, Чевкинъ, князь П. П. Гагаринъ, баронъ М. А. Корфъ и Я. И. Ростовцевъ. Въ первомъ засѣданіи комитетъ опредѣлилъ положеніе дѣла совершенно согласно съ тѣмъ, какъ оно представлялось въ то время, и опредѣленіе это весьма важно, чтобы уяснить себѣ, во-первыхъ, точку

*) Тамъ же, стр. 8.

зрѣнія правительства при самомъ приступѣ къ дѣлу, а, во-вторыхъ, и возможность той неопредѣленности самыхъ разнѣровъ задачи и тѣхъ колебаній разнаго рода, какія проявлялись вполнѣдствіи. Комитетъ призналъ, что «уже помимо того, что крѣпостное состояніе само по себѣ есть зло, требующее исправленія, безотлагательная необходимость въ преобразованіи быта крѣпостныхъ людей вызывается еще тѣмъ, что крестьяне находятся въ настоящее время въ какомъ-то ожиданіи и что вообще въ Россіи замѣчается броженіе умовъ относительно освобожденія крестьянъ. Поэтому комитетъ вполнѣ убѣжденъ, что для упроченія благосостоянія государства необходимо немедленно приступить къ составленію предположеній о началахъ, на которыхъ можетъ совершиться въ Россіи освобожденіе крестьянъ, впрочемъ, освобожденіе *постепенное*, безъ крушныхъ и рѣзкихъ переворотовъ, по плану, тщательно и зрѣло во всѣхъ подробностяхъ обдуманному» *). И такъ, комитетомъ не могла не быть признана мысль самого императора, что «крѣпостное состояніе само по себѣ есть зло», — мысль, которую неоднократно высказывали въ этой самой формѣ и Императоры Николай и Александръ I. Сверхъ того, комитетомъ было признано не только «какое-то ожиданіе» со стороны крестьянъ, но и «общее броженіе умовъ» въ смыслѣ освобожденія крестьянъ. Наконѣцъ, оговорка о «постепенности» зависѣла уже отъ самаго состава комитета.

Комитетъ приступилъ къ занятіямъ и выработалъ рядъ вопросовъ объ отдѣльныхъ мѣрахъ собственно для облегченія положенія крѣпостныхъ; далѣе большинство не хотѣло идти, а меньшинство, желавшее дѣйствительнаго освобожденія, представлялось только Ланскимъ, Блудовымъ, Ростовцевымъ и Бутковымъ, который управлялъ дѣлами комитета. Государь былъ недоволенъ ходомъ дѣлъ и назначилъ членомъ комитета великаго князя Константина Николаевича. Между тѣмъ, Ланской еще во время коронаціи внушалъ предводителямъ дворянства, чтобы дворянство выступило, съ своей стороны, съ заявленіями о готовности отнѣмать крѣпостное право на опредѣленныхъ условіяхъ. И вотъ, въ то время, когда секретный комитетъ положительно сводилъ все дѣло на мѣры облегченія, поступило 18 августа ходатайство дворянства трехъ литовскихъ губерній «объ освобожденіи крестьянъ», съ сохраненіемъ, однако, неприкосновеннымъ права помѣщиковъ на землю. Въ отвѣтъ на это появился, 20 ноября 1857 года, памятный рескриптъ, въ которомъ первымъ пунктомъ выражалось уже слѣдующее основаніе для будущей реформы: сохраненіе помѣщикамъ права собственности на всю землю, но выкупъ крестьянами въ ихъ собственность усадебной осѣдлости и предоставленіе имъ, сверхъ того, въ пользованіе, за оброкъ или обязанную работу, «надлежащаго по мѣстнымъ удобствамъ количества земли для обезпеченія ихъ быта и исполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками». Та-

*) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія“ въ выпискахъ пров. Иванюкова: *Паденіе крѣпостнаго права*, стр. 13.

кимъ образомъ, въ первый разъ было установлено верховною властью основаніе великой мѣры освобожденія; въ рескриптѣ еще сохранилась оговорка о «постепенности», но имъ уже предписывалось открытіе въ трехъ литовскихъ губерніяхъ дворянскихъ комитетовъ и одной общей комиссіи въ Вильнѣ, для составленія самыхъ проектовъ освобожденія*).

Вторымъ поступилъ адресъ отъ петербургскаго дворянства, въ которомъ преобразование называлось «улучшеніемъ быта» крестьянъ,—выраженіе; сдѣлавшееся потомъ официальнымъ, какъ бы прикрывая собою слово «освобожденіе». Отвѣтомъ на этотъ адресъ былъ рескриптъ 5 декабря 1857 г. объ учрежденіи губернскаго комитета, и затѣмъ на поступавшіе постепенно адреса изъ всѣхъ губерній посылались такіе же рескрипты объ учрежденіи комитетовъ; во всѣхъ этихъ рескриптахъ говорилось о выкупѣ только усадебной земли и въ числѣ основаній реформы упоминалось о предоставленіи помѣщикамъ вотчинной полиціи въ сельскихъ обществахъ. Въ числѣ мѣръ «осторожности» было цензурное запрещеніе (въ апрѣлѣ 1858 г.) статей объ освобожденіи крестьянъ, съ допущеніемъ только чисто-ученыхъ статей о предметахъ «сельскаго благоустройства», не противныхъ, къ тому же, той инструкціи, которая была дана губернскимъ комитетамъ. Въ числѣ основаній, положенныхъ въ инструкціи, данной губернскимъ комитетамъ, находимъ «присвоеніе помѣщику званія начальника сельскаго общества».

Такииъ образомъ, дѣло, хотя и на узкихъ еще основаніяхъ, но уже вступило на путь практическаго движенія. Секретный комитетъ былъ преобразованъ 8 января 1858 г. въ «главный комитетъ по крестьянскому дѣлу», въ составъ котораго вошелъ еще гр. Панинъ, министръ юстиціи. Этотъ комитетъ, какъ увидимъ ниже, въ дѣйствительности только тормазилъ дѣло. Но затѣмъ, въ мартѣ того же года, образованъ былъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ скромнымъ названіемъ «земскаго отдѣла центральнаго статистическаго комитета» чисто-административный органъ, который игралъ во всемъ движеніи дѣла до самаго его конца роль возбудителя и руководителя. Въ земскомъ отдѣлѣ сосредоточилась, можно сказать, «политика» правительства по проведенію дѣла освобожденія. А такъ какъ въ составъ отдѣла вошли Н. А. Милютинъ и Я. А. Соловьевъ, то «политика» въ земскомъ отдѣлѣ явилась не только исполнительною, но и самодѣятельною, то-есть пользовавшеюся всѣми обстоятельствами, чтобы увлечь самое правительство далѣе, чѣмъ предполагалось первоначально. Милютинъ былъ «правою рукою» Ланскаго и, не опредѣляя нашими собственными словами вліянія Милютина на ходъ крестьянской реформы, мы приведемъ только слова Н. И. Тургенева по окончаніи ея, произнесенныя имъ на молебствіи за Государя въ церкви русскаго посольства въ Парижѣ, когда пришло извѣстіе о манифестѣ 19

* См. въ этой же книгѣ статью „Матеріалы для исторіи уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи“.

февраля 1861 г. Слова эти передаетъ Ив. Серг. Тургеневъ. «Я не думалъ,—сказалъ Н. И., по щекамъ котораго бѣжали слезы,—чтобы послѣ Штейна я могъ полюбить кого-нибудь такъ, какъ я любилъ Николая Милютина» *).

Дѣло въ томъ, что, какъ уже замѣчено выше, несмотря на разность въ іерархическомъ положеніи, Милютинъ, Соловьевъ, Бутковъ и его помощникъ С. М. Жуковский, члены назначенныхъ впослѣдствіи редакціонныхъ комиссій и просвѣщенное меньшинство въ дворянскихъ губернскихъ комитетахъ были представителями русской интеллигенціи,—той интеллигенціи, которая хранила завѣтъ «людей сороковыхъ годовъ», воспитанныхъ отрицательно—бывшимъ гнетомъ, а положительно—либеральною литературой, въ смыслѣ чаяній освобожденія. Наиболее типичною въ этомъ отношеніи могла служить свѣтлая личность покойнаго К. Д. Кавелина, одного изъ неофициальныхъ сотрудниковъ освобожденія, который былъ въ буквальномъ смыслѣ ученикомъ Бѣлинскаго.

И вотъ, идея исправленія двухвѣковой неправды, глубокая преданность прямымъ интересамъ народа сосредоточивались именно въ этой, столь часто третируемой нынѣ свысока средѣ, въ кружкахъ русской интеллигенціи. Собственно она одна искренно готова была помочь осуществленію великодушныхъ намѣреній Государя и разработанная въ этой средѣ реформа получила размѣры большіе, чѣмъ предполагалось сперва, когда еще не было приступлено къ практической работѣ, а былъ налицо только благородный починъ Освободителя. Въ этомъ стремленіи интеллигенціи были солидарны члены меньшинства въ губернскихъ комитетахъ—помѣщики, и члены земскаго отдѣла Милютинъ и Соловьевъ, высшіе чиновники и члены редакціонныхъ комиссій, составленныхъ изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и изъ экспертовъ, которыми были отчасти прогрессивные, губернскіе члены, отчасти ученые.

И вотъ русская интеллигенція, образованные либеральные люди въ дворянствѣ, на службѣ, въ литературѣ расширили неопредѣленную задачу объ «улучшеніи быта крестьянъ» и выработали коренное рѣшеніе крестьянскаго вопроса съ тремя основными его началами—личнаго освобожденія, земельного надѣла и выкупа надѣловъ при помощи государства. Налицо была только несомнѣнная воля Государя, всякая же иная среда, кромѣ либеральнаго меньшинства общества, была настроена неблагоприятно для дѣла. А, между тѣмъ, оно рѣшилось гораздо шире, чѣмъ было поставлено въ первоначальныхъ рескриптахъ дворянству,—рѣшилось такъ, именно благодаря усиліямъ интеллигенціи. Въ рѣшеніи этомъ, какъ оно окончательно вышло, заключается немало недостатковъ, но недостатки эти зависѣли отъ враждебныхъ дѣлу освобожденія вліяній.

Была воля Государя и безъ твердости, проявленной имъ, дѣло, конечно, состояться бы не могло. Но широкое осуществленіе благаго намѣре-

*) Некролозь (Вѣстн. Евр., дек. 1871 г., стр. 918).

нія монарха составило исключительную и несомѣнную заслугу интеллигенціи. «Мѣстные охранительные элементы» приложили всякія старанія къ обезземеленію крестьянъ, а большинство главнаго комитета, состоявшее изъ Орлова, Панина, Вас. А. Долгорукова, М. Н. Муравьева и В. Θ. Адлерберга, относилось прямо враждебно ко всему дѣлу освобожденія.

Самъ Ростовцевъ, на чью долю выпала важная роль въ проведеніи крестьянской реформы, приступалъ къ этому дѣлу случайно и совершенно неприготовленный. Человѣкъ не аристократическаго происхожденія, но лично извѣстный Государю по управленію военно-учебными заведеніями, онъ былъ включенъ въ составъ главнаго комитета и началъ съ того, что просилъ Государя уволить его отъ этого занятія, именно какъ неприготовленнаго для его исполненія. Чтобы пояснить нашу мысль примѣромъ, сопоставимъ съ Ростовцевымъ Кавелина. Первый не былъ приготовленъ, не могъ имѣть убѣжденія, но былъ случайно призванъ къ дѣлу въ качествѣ официального руководителя. Второй не былъ официально призванъ къ дѣлу, могъ дѣйствовать только въ литературѣ, но былъ совершенно приготовленъ и глубоко убѣжденъ. Положеніе его такъ мало походило на положеніе Ростовцева, что за свою статью въ *Современникѣ* весной 1855 года Кавелинъ былъ призываетъ къ шефу жандармовъ и получилъ внушеніе, а министру народнаго просвѣщенія вмѣнено было въ обязанность издать по поводу той статьи предупредительный на будущее время циркуляръ о недонушеніи впредь такихъ статей, такъ какъ «главная мысль автора состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются». Статья Кавелина заключала въ себѣ записку его, которая раньше ходила по рукамъ и въ которой указаны были тѣ самыя начала, какія впоследствии были защищаемы и проводимы проевѣщенной частью нашего общества, всѣми вліятельными литературными органами и окончательно легли въ основаніе трудовъ редакціонныхъ комиссій *).

Выше мы замѣтили, что Милютинъ, Соловьевъ и Жуковскій «агитировали» въ пользу крестьянъ; первый изъ нихъ въ особенности находился въ выгодномъ для этого положеніи; онъ былъ близокъ къ министру, игралъ главную роль въ земскомъ отдѣлѣ и, вмѣстѣ, былъ членомъ редакціонныхъ комиссій. Земскій отдѣлъ входилъ въ сношеніе съ членами либеральнаго меньшинства въ губернскихъ комитетахъ, онъ выдвигалъ проекты либеральныхъ комитетовъ, какъ тверскаго и нижегородскаго, онъ присоединялъ свои записки къ присылавшимся изъ другихъ комитетовъ отдѣльнымъ мнѣніямъ, благоприятнымъ дѣлу крестьянъ, онъ снабжалъ Ланскаго практическими данными для борьбы въ главномъ комитетѣ съ

*) И. Иванюковъ: „Паденіе крѣпостнаго права“, стр. 92.

противниками реформы, онъ указывалъ министру на тѣхъ людей, которыхъ полезно было пригласить въ качествѣ членовъ-экспертовъ въ редакціонныя комиссіи.

Но, все-таки, земскій отдѣлъ только пользовался тѣми силами, которыя помимо его оказались налицо въ русскомъ обществѣ, тѣми мнѣніями, какія были заявляемы не имъ, не земскимъ отдѣломъ, но университетскими людьми въ губернскихъ комитетахъ и русскою литературой.

Безъ поддержки со стороны литературы эти послѣдніе, въ свою очередь, не могли бы ни рѣшиться на заявленіе своихъ отдѣльныхъ мнѣній, ни устоять при этихъ мнѣніяхъ въ сословной средѣ комитетовъ. Ихъ запугало бы, принудило бы къ молчанію большинство крѣпостниковъ, приверженцевъ «птичей свободы» и вотчинной полиціи. Журналистика бичевала крѣпостниковъ; многія имена дѣлались въ ней «притчей во языцѣхъ» и страхъ, положительно страхъ осмѣянія часто удерживалъ крѣпостниковъ отъ крайнихъ выходокъ. Они чувствовали себя сильными только въ своихъ сословныхъ кружкахъ; являясь же какъ отдѣльныя лица, они «стыдились» осужденія просвѣщенной части общества. Нѣкоторые изъ представителей крѣпостническаго большинства въ комитетахъ, вызванные впоследствии въ Петербургъ, выказали гораздо болѣе умѣренности.

Роль тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые защищали интересы крестьянъ и составляли проекты въ пользу обязательнаго выкупа надѣловъ, и даже безвозмезднаго предоставленія полевой земли крестьянамъ, была весьма важна, и несправедливо было бы думать, что всю реформу, какъ она состоялась, выработали «чиновники въ Петербургѣ», то-есть Милютинъ и правительственные члены редакціонныхъ комиссій, какъ гласило крѣпостническое «послѣсловіе». Редакціонныя комиссіи сперва имѣли назначеніемъ только дѣлать сводъ проектовъ, которые присылались изъ комитетовъ; впоследствии, правда, тѣмъ же комиссіямъ поручено было составленіе самаго проекта *Положеній*. Но, все-таки, весь матеріалъ для сужденія редакціонныхъ комиссій доставлялся изъ губернскихъ комитетовъ и комиссіи могли почерпнуть въ трудахъ именно меньшинства этихъ комитетовъ разработку всѣхъ тѣхъ началъ, которыя, выйдя изъ литературы и изъ знанія мѣстныхъ условій, пройдя чрезъ бурные споры въ комитетахъ, постепенно совершенно измѣнили самыя взгляды правительства и легли въ основаніе реформы. Благодаря именно трудамъ комитетовъ, *Положенія* вышли столь полными, столь хорошо соображенными съ многообразіемъ мѣстныхъ условій, что никогда одни чиновники не были бы въ состояніи составить ничего подобнаго.

Мы далеки отъ того, чтобы закрывать глаза на недостатки какъ самыхъ *Положеній*, такъ и людей, участвовавшихъ въ ихъ выработкѣ. Недостатки закона объясняются противодѣйствіемъ, какое основныя мысли его встрѣчали въ средѣ вліятельныхъ, высокопоставленныхъ защитни-

ковъ крѣпостнаго права или обезземеленія, урѣзыванія размѣровъ надѣла. Недостатки людей обусловливались тѣмъ, что въ назначеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ игралъ роль случай, а къ личнымъ качествамъ другихъ, при всей ихъ глубокой преданности интересамъ народа, примѣшивалась, все-таки, привычка къ бюрократическому деспотизму. Не были вполнѣ свободны отъ этого недостатка и члены земскаго отдѣла, какъ мы сейчасъ увидимъ это въ заключительной фазѣ выработки *Положеній*, въ приемѣ, оказанномъ въ Петербургѣ депутатамъ, вызваннымъ отъ губернскихъ комитетовъ въ редакціонныя комиссіи передъ окончаніемъ ихъ трудовъ. Но прежде мы должны связать нашу характеристику съ самымъ фактическимъ ходомъ дѣла въ главныхъ его хронологическихъ моментахъ.

Дѣло это, то-есть правильное и мирное его разрѣшеніе, могло быть прервано еще въ самомъ началѣ, если бы не положительная воля Государя. Уже послѣ того, какъ нѣсколько губерній прислали свои адреса, въ дворянствѣ нѣкоторыхъ губерній и, между прочимъ, Московской большинство надѣялось на вліяніе Орлова, Панина, Муравьева и не спѣшило съ работами въ комитетахъ. Но послѣ извѣстной рѣчи Государя, обращенной къ московскому дворянству 31 августа 1858 года, въ которой были слова: «Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю... Я готовъ всегда сдѣлать для васъ что могу, дайте же мнѣ возможность стоять за васъ»,—въ настойчивости его не могло уже быть сомнѣнія, и къ концу года нѣкоторые комитеты уже представили свои работы, другіе оканчивали ихъ.

Затѣмъ 17 февраля 1859 года объявлено было повелѣніе объ учрежденіи «редакціонныхъ комиссій», которыхъ предсѣдателемъ былъ назначенъ Ростовцевъ. Къ двумъ первымъ комиссіямъ присоединена была 27 апрѣля третья, финансовая. Правительственныхъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ было 18, членовъ-экспертовъ, назначенныхъ по выбору министерства внутреннихъ дѣлъ, 20. Въ члены-эксперты были приглашены преимущественно члены губернскихъ комитетовъ, выказавшіе преданность свою интересамъ крестьянъ, какъ, напримѣръ, Самаринъ, князь Черкасскій, а также и изъ постороннихъ лицъ, напримѣръ, П. П. Семеновъ, генераль-провіантмейстеръ Булгаковъ и др.; изъ нихъ дѣйствительно принимали участіе въ трудахъ комиссій только 18. Редакціонныя комиссіи распредѣлялись по отдѣламъ, сливъ всѣ три комиссіи въ одну. На общее число 36 членовъ только 11 принадлежали къ защитникамъ помѣщичьихъ интересовъ. Главными представителями послѣднихъ были въ комиссіяхъ кн. Паскевичъ, графъ Шуваловъ и Позень.

Въ самомъ повелѣніи 17 февраля объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій имъ уже было предоставлено не только сдѣлать сводъ мнѣній губернскихъ комитетовъ, какъ то было предположено главнымъ комитетомъ въ проектѣ объ учрежденіи этихъ комиссій, но и самое составленіе проектовъ *Положеній*. Такимъ образомъ, суть дѣла была взята отъ глав-

наго комитета, выказывавшаго намѣреніе тормазить разработку реформы, и поручена редакціоннымъ комиссіямъ, въ которыхъ большинство было намѣрено самымъ энергическимъ образомъ вести дѣло впередъ. Вопреки журналу главнаго комитета 4 декабря 1858 г., въ которомъ за основаніе освобожденія было принято оставленіе за крестьянами одной только усадебной осѣдности, редакціонныя комиссіи, несмотря на сильнѣйшее сопротивленіе вн. Паскевича, гр. Шувалова и Позена, признали начало выкупа крестьянской полевой земли «главнымъ исходомъ вопроса» и Государь одобрилъ эту мысль.

Мы не можемъ, конечно, даже и попытаться изобразить здѣсь ходъ разработки въ самыхъ комиссіяхъ многочисленныхъ вопросовъ, которые были соединены съ дѣломъ освобожденія. Къ лѣту 1859 г. комиссіи окончили составленіе систематическаго свода изъ проектовъ, присланныхъ 21 губернскимъ комитетомъ, и затѣмъ предстояло составить заключеніе по каждому отдѣльному вопросу. А такъ какъ еще положеніемъ главнаго комитета отъ 18 октября 1858 г. постановлено было, что для содѣйствія выработкѣ проектовъ будутъ вызваны депутаты отъ губернскихъ комитетовъ, то въ іюнѣ 1859 г. министерство назначило срокомъ для прибытія депутатовъ въ Петербургъ 1—15 августа.

Здѣсь проявилось одно изъ тѣхъ непосредственныхъ вмѣшательствъ министерства, то-есть земскаго отдѣла, въ самый процессъ разрѣшенія вопроса, котораго, далеко не составляя собою созданія самой сущности рѣшенія, положительно выработаннаго самимъ обществомъ, подвигали, однако, дѣло въ извѣстномъ направленіи. Не министерству принадлежало теоретическое рѣшеніе великаго вопроса, въ которомъ Милютинъ и Соловьевъ принимали такое же участіе, какъ другіе члены редакціонныхъ комиссій и какъ лучшіе дѣятели губернскихъ комитетовъ, но министерству безспорно принадлежало практическое проведеніе дѣла среди тѣхъ, такъ сказать, политическихъ трудностей, какими оно было обставлено. Первымъ стратегическимъ, если можно такъ выразиться, шагомъ съ его стороны было испрошеніе повелѣнія о передачѣ составленія самыхъ проектовъ изъ главнаго комитета редакціоннымъ комиссіямъ. Вторымъ, неоднократно повтореннымъ шагомъ была защита губернскихъ меньшинствъ и самыхъ редакціонныхъ комиссій передъ Государемъ отъ обвиненій въ опасныхъ и даже прямо революціонныхъ замыслахъ. Третьимъ шагомъ былъ тотъ, о которомъ мы должны упомянуть теперь. Это было исходатайствованіе согласія Государя на распоряженіе въ такомъ смыслѣ, чтобы отъ каждаго губернскаго комитета вызвать по два депутата, изъ которыхъ одного избрало бы большинство, а другой явился бы по соглашенію между членами меньшинства для поддержки проекта послѣдняго.

Такое доставленіе представительства меньшинствомъ не представляло собою сколько-нибудь произвольной передѣлки дѣла губернскихъ комитетовъ, такъ какъ большая часть этихъ комитетовъ представила именно по два проекта, и, притомъ, комитеты имѣли лишь совѣщательное значеніе.

Стало быть, естественно было быть въ представительствѣ комитетовъ мѣсто именно мнѣніямъ, а не большинству членовъ. Такимъ образомъ, это было хотя и политическій собственно шагъ для устраненія изъ представительства дворянства господства одного только большинства этого дворянства, но такой шагъ оправдывался самымъ совѣщательнымъ характеромъ этого представительства.

Но четвертое вмѣшательство министерства въ ходъ дѣла, а именно совершенное устраненіе отъ работъ редакціонныхъ комиссій депутатовъ, когда они прибыли въ Петербургъ, это уже было шагомъ чисто-бюрокритическаго характера, за которымъ послѣдовали явленія не вполне сочувственныя. Правда, большинство 36 депутатовъ «перваго призыва» оказывалось, все-таки, представителями большинства въ комитетахъ, то-есть противниками выкупа надѣловъ и предоставленія сельскимъ обществамъ полной самостоятельности. Но лучше было не вызывать ихъ вовсе, чѣмъ дѣлать то, что сдѣлало министерство.

Оно приняло слишкомъ много предосторожностей противъ депутатовъ. Прежде всего, оно раздѣлило депутатовъ на два призыва, чтобы уменьшить число ихъ. Потомъ министръ представилъ докладъ, въ которомъ самъ охарактеризовалъ мнѣнія депутатовъ, вмѣсто того, чтобы ихъ выслушать. Онъ доложилъ, что большинство ихъ держится или мнѣнія враждебнаго самому освобожденію, изъ-за матеріальныхъ интересовъ, или интереса «сословнаго», причемъ объ этомъ «интересѣ» министръ доложилъ, что депутаты «желаютъ создать дворянскую поземельную аристократію подобно англійской и замѣнить привилегію крѣпостнаго права иною, но не меньшею — привилегіей «началь феодальныхъ». Доложилъ онъ еще, что «для спокойствія государства» необходимо, чтобы мнѣнія, «разсѣянно выраженные въ разныхъ комитетахъ, не слились въ разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа». «Правительству, — продолжалъ министръ, — полезно имѣть отъ нихъ (депутатовъ) отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о приимѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ».

Такимъ образомъ, министерство, чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, — устраненія депутатовъ, — приписывало имъ не только враждебные реформѣ взгляды, но еще и инныя намѣренія. Докладъ былъ утвержденъ и сообщенъ только одному Ростовцеву, и то съ посланнымъ, который далъ ему прочесть и тотчасъ увезъ *). Ни Орлову, предсѣдателю, ни членамъ главнаго комитета утвержденный докладъ сообщенъ не былъ, даже Жу-

*) И. Иванюковъ: „Паденіе крѣп. права“, стр. 177.

ковскій не зналъ о немъ; стало быть, и въ земскомъ отдѣлѣ знали только тѣ, кто составлялъ *одинъ* докладъ.

Когда 25 августа депутаты явились въ засѣданіе общаго присутствія редакціонныхъ комиссій, то имъ объявлена была утвердительная инструкция, въ которой говорилось, что «общія начала по крестьянскому дѣлу указаны уже правительствомъ, мѣстнымъ же комитетамъ было предоставлено примѣненіе общихъ началъ къ особенностямъ каждой губерніи». Между тѣмъ, если здѣсь говорилось о тѣхъ общихъ началахъ, которыя были уже указаны въ рескриптахъ, то начала эти были совершенно измѣнены, благодаря трудамъ тѣхъ же комитетовъ и редакціонныхъ комиссій. Во всякомъ случаѣ, новыя начала, которыя затѣмъ и легли въ основаніе великаго дѣла освобожденія, не были еще 25 августа 1859 года «указаны правительствомъ». Указанными правительствомъ они стали лишь тогда, когда правительство ихъ себѣ усвоило и утвердило, т.-е. не въ 1859, а въ 1861 году. Если же тѣ начала, которыя легли въ основаніе *Положеній*, не были указаны правительствомъ въ рескриптахъ, которые повелѣвали учредить въ губерніяхъ комитеты, то очевидно, что задача комитетовъ вовсе не исчерпывалась однимъ только «примѣненіемъ общихъ началъ къ особенностямъ каждой губерніи».

Наоборотъ, всему дѣлу освобожденія былъ сначала приданъ такой видъ, какъ будто разсмотрѣніе крестьянскаго вопроса даже возникло по почину самого дворянства, и рескриптъ давался каждой губерніи только вслѣдъ за адресомъ. Наконецъ, редакціонныя комиссіи были сами первоначально назначены для составленія свода мнѣній комитетовъ и заключеній по нимъ. Сводъ былъ готовъ въ то время, когда явились депутаты, а затѣмъ проектъ *Положенія* долженъ былъ составляться съ ихъ участіемъ. Легко было измѣнить первоначальное предположеніе о вызовѣ, какъ отмѣнилась большая часть первыхъ предположеній. Между тѣмъ, депутатовъ вызвали для формы; но когда они явились, имъ было объявлено, что они могутъ подавать только письменные отзывы въ комиссіи по отдѣльнымъ вопросамъ и, къ тому же, примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ своей губерніи, что въ засѣданія комиссій ихъ будутъ приглашать только порознь и по мѣрѣ надобности и что, по вытребованіи отъ нихъ нужныхъ председателю комиссій свѣдѣній, занятія ихъ «сочтутся оконченными» *).

Естественно, что это вызвало большое неудовольствіе среди депутатовъ, и, притомъ, среди депутатовъ либеральныхъ не менѣе, чѣмъ среди консерваторовъ. Нѣкоторые депутаты скоро уѣхали; остальные подали адресъ, чтобы имъ дозволено было представить свои соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій, до внесенія ихъ въ главный комитетъ, что, конечно, не имѣло успѣха. Либеральные депутаты совершенно основательно жаловались на бюрократизмъ, на «стремленіе водворить въ сельскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ чиновничье вмѣшательство».

*) Тамъ же, стр. 179.

Такимъ образомъ, депутатамъ не дали высказаться и это было маневромъ земскаго отдѣла, внушеннымъ, положимъ, преданностью дѣлу реформы, но едва ли не ошибочнымъ. Въ брошюрѣ, изданной А. И. Кошелевымъ въ 1860 году, такое распоряженіе не только осуждалось, но и сообщалось, что большинство депутатовъ въ то время было уже настроено иначе, чѣмъ въ губернскихъ комитетахъ; они пожили съ тѣхъ поръ въ деревняхъ и мнѣнія ихъ во многомъ измѣнились, желаніе ими скорѣйшаго окончанія реформы было несомнѣнно; что консерваторы во многомъ сошлись съ либералами, что почти всѣ депутаты сознавали необходимость надѣла, а большинство депутатовъ, вопреки заключеніямъ редакціонныхъ комиссій, требовало обязательнаго выкупа,—однимъ словомъ, что собраніе депутатовъ, будь только допущены официальные засѣданія, составило бы проектъ законоположеній о преобразованіи лучшей сравнительно съ предначертаніями редакціонной комиссіи.

Но если бы даже большинство собранія депутатовъ, замѣтимъ мы, выказало противодѣйствіе комиссіямъ, то послѣднимъ нечего было уже опасаться въ виду очевидной воли Государя. Если не могли затормозить дѣла Орловъ, Долгоруковъ, Муравьевъ,—однимъ словомъ, главный комитетъ, если помимо комитета утверждались важнѣйшіе доклады, то какъ же могли воспрепятствовать дѣлу или испортить его губернскіе депутаты?

А ошибка состояла въ томъ, что, съ одной стороны, было брошено на первыхъ депутатовъ, прибывшихъ изъ губерній, подозрѣніе свойства политическаго, слѣды котораго не могли не остаться, а съ другой—въ депутатахъ, самыхъ преданныхъ дѣлу народа, было возбуждено неудовольствіе, даже разочарованіе, которое побудило нѣкоторыхъ изъ нихъ выступить съ непосредственнымъ заявленіемъ, помимо комиссій, что, уже въ силу возбужденнаго подозрѣнія, не могло быть принято въ томъ простомъ и законномъ смыслѣ, въ какомъ заявленіе это было сдѣлано. Мы разумѣемъ адресъ, поданный депутатами Унковскимъ, Хрущевымъ, Шретеромъ, Дубровинымъ и Кошелевымъ, въ которомъ испрашивались дарованіе крестьянамъ полной свободы, съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа, образованіе земскихъ учреждений, учрежденіе независимой судебной власти съ гласнымъ судопроизводствомъ и судомъ присяжныхъ и предоставленіе болѣе свободы печати.

Какъ видитъ читатель, въ этомъ ходатайствѣ не было ничего, что не было бы дано впоследствии самимъ правительствомъ. Но, вслѣдствіе обострившихся отношеній, депутатамъ, подписавшимъ адресъ, сдѣланъ былъ, по положенію главнаго комитета, выговоръ съ поставленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ особый надзоръ мѣстнаго начальства. Это распоряженіе главнаго комитета, въ свою очередь, произвело неблагоприятное впечатлѣніе на все общество и вообще съ конца 1859 года, казалось, уже какъ бы повѣяло инымъ духомъ, что не могло не отразиться на окончательной выработкѣ самой крестьянской реформы. Было даже приказано цензурѣ совѣтъ не допускать въ печати разбора трудовъ редакціонныхъ комиссій.

Депутаты второго призыва, прибывшіе въ Петербургъ черезъ четыре мѣсяца въ числѣ 45, оказались уже въ много численномъ соотношеніи консерваторовъ съ либералами. Въ первомъ призывѣ было 27 консерваторовъ противъ 9 либераловъ, но первые, по свидѣтельству Кошелева, являлись сговорчивыми. Во второмъ призывѣ было уже 37 консерваторовъ противъ 8 либераловъ и консерваторы, видя нерешѣну въ настроеніи, выказались совершенно несговорчивыми и, пользуясь болѣе благоприятными для себя условіями, успѣли-таки повліять въ смыслѣ урѣзки предложенныхъ надѣловъ. Такъ-то отозвалась ошибка, сдѣланная земскимъ отдѣломъ съ хорошею цѣлью, но въ духѣ чисто-бюрократической ревнивости.

Редакціонныя комиссіи уже оканчивали свое дѣло къ концу 1859 г., когда опасно заболѣлъ Ростовцевъ; онъ умеръ 6 февраля 1860 г. Настроеніе уже такъ измѣнилось, что на его мѣсто назначенъ былъ графъ Панинъ, одинъ изъ рѣшительныхъ противниковъ реформы. Назначеніе это ободрило консерваторовъ въ числѣ депутатовъ второго призыва. Въ обществѣ же думали, что все дѣло будетъ затянута, что комиссіи будутъ распущены и т. д. Но воля Государя освободить крестьянъ была несомнѣнна и тверда. А распустить комиссіи значило начать все это многосложное дѣло снзнова. Панинъ только держалъ себя холодно и высокомерно, но не помѣшалъ окончанію дѣла.

Редакціонныя комиссіи, составивъ *Положенія*, были закрыты 10 октября 1860 г. Онѣ работали 19 мѣсяцевъ и имѣли, по всѣмъ отдѣленіямъ вмѣстѣ, 409 засѣданій *). Въ тотъ же день возобновлены были засѣданія главнаго комитета подъ предѣтельствомъ великаго князя Константина Николаевича, такъ какъ съ Орловымъ, какъ разъ наканунѣ, случился ударъ. Главному комитету объявлена была воля Государя, чтобы онъ окончилъ свои занятія къ январю 1861 г., что и было исполнено. Благодаря вліянію новаго предѣдателя и самой скорости рассмотрѣнія, проектъ редакціонныхъ комиссій прошелъ въ главномъ комитетѣ безъ существенныхъ измѣненій. Государь открылъ лично 28 января первое засѣданіе государственнаго совѣта по рассмотрѣнію *Положеній* рѣчью, которой нѣкоторыя мѣста мы приводили выше; въ ней же было сказано: «Откладывать этого дѣла нельзя, почему и требую отъ государственнаго совѣта, чтобы оно было ишъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую отвѣтственность предѣдательствующаго. Повторяю, и это моя непремѣнная воля, чтобы дѣло это теперь же было кончено».

Въ силу воли Государя, государственный совѣтъ, большинство котораго въ то время раздѣляло гораздо болѣе взгляды главнаго комитета, чѣмъ редакціонныхъ комиссій, рассмотрѣлъ все дѣло въ теченіе 2½ недѣль, подъ предѣтельствомъ гр. Блудова; послѣднее засѣданіе про-

*) Тамъ же, стр. 374.

исходяща 17 февраля. Но, тѣмъ не менѣе, государственный совѣтъ успѣлъ уменьшить въ проектѣ *Положеній* большую часть высшійхъ размѣровъ крестьянскаго надѣла по мѣстностямъ и внесъ въ *Положенія* такъ называемый «даровой» надѣлъ, который нынѣ, впрочемъ, называется обыкновенно иначе.

Оглядываясь теперь на дѣло, совершенное 25 лѣтъ, назадъ, мы неизбежно находимся, все-таки, болѣе подъ вліяніемъ того, что видимъ, чѣмъ того, о чемъ вспоминаемъ. Сопоставимъ два названія, съ какими великое преобразование 1861 года выступало еще во время его выработки, когда оно при началѣ было озаглавлено «освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости», а затѣмъ «улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ». Которое изъ этихъ двухъ названій болѣе оправдалось послѣдствіями, которое болѣе согласуется съ тѣми недостатками въ крестьянскомъ быту, какіе и въ настоящее время озабочиваютъ людей мыслящихъ? Если «улучшеніе быта» разумѣть въ смыслѣ первоначально матеріальномъ, въ смыслѣ количества обезпеченной пищи, то, пожалуй, пришлось бы сказать, что скорѣе оправдалось только названіе «освобожденіе», чѣмъ задача «улучшенія быта», хотя это второе названіе дѣла считалось прежде болѣе скромнымъ, чѣмъ первое.

Напрасно и говорить, конечно, какъ велико вообще то благо, которое называется свободой, о томъ благодѣяніи, какое представлялось возвращеніемъ милліонамъ людей свободы хотя бы только въ домашнемъ быту и въ ежедневной работѣ. Свобода передвиженія явилась, впрочемъ, и экономическимъ факторомъ улучшенія, развивая отхожіе промыслы тамъ, гдѣ они были и прежде, заводя ихъ вновь тамъ, гдѣ ихъ до освобожденія не существовало. Но, вѣдь, самая необходимость отхожихъ промысловъ есть уже въ нѣкоторомъ смыслѣ несостоятельность крестьянскаго землевладѣнія для прокормленія земледѣльца съ оплатою податей крестьянина.

Что надѣлъ, если бы онъ былъ вездѣ и всегда достаточенъ, могъ обезпечить благосостояніе крестьянъ, несмотря на тяжелыя условія выкупа, это доказывается всѣми данными. Напомнимъ въ краткихъ чертахъ основныя условія надѣла и выкупной операціи. Крестьянамъ отводились въ собственность угодья, а въ пользованіе — количество удобной полевой земли по числу душъ 10 ревизіи, причемъ размѣръ надѣла на душу опредѣлялся различно по мѣстностямъ, съ назначеніемъ высшаго и низшаго размѣра, сдѣланнымъ, по возможности, прихвѣнительно къ тому надѣлу, какой состоялъ въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ; при этомъ низшій размѣръ былъ установленъ въ одну треть высшаго, назначеннаго для каждой мѣстности отдѣльно. За норму повинностей былъ принятъ тотъ оброкъ, какой крестьяне платили при крѣпостномъ правѣ, также съ опредѣленіемъ различнаго по мѣстностямъ высшаго предѣла; а тамъ, гдѣ оставалась повинность издѣльная, назначено было за высшій

душевой надѣль 40 мужскихъ и 30 женскихъ рабочихъ дней. Затѣмъ эта земля, съ согласія помѣщика, могла быть выкуплена при содѣйствіи правительства. Для полученія этого содѣйствія казна выкупу надѣла требовалось, чтобы крестьяне были переведены на оброкъ; годовая сумма этого оброка, въ установленныхъ по мѣстностямъ предѣлахъ, капитализировалась изъ 6⁰/₀, т.-е. помножалась на 16²/₃; такимъ образомъ, получалась «выкупная сумма», согласно съ которой опредѣлялись ежегодные выкупные платежи, включавшіе въ себя 5⁰/₀ интереса, ¹/₂⁰/₀ на погашеніе долга и ¹/₂⁰/₀ на расходы и потери операціи. Изъ этой суммы, при предоставленіи крестьянамъ полнаго надѣла, казна выдавала въ ссуду крестьянамъ для выдачи помѣщику 80 коп. на рубль, а при уменьшенномъ надѣлѣ 75 к. на рубль. Погашеніе должно было совершиться въ 49 лѣтъ. Таковы были главные экономическія условія, касавшіяся собственно крестьянъ.

Капитализація изъ 6 процентовъ суммы существовавшаго оброка была, какъ оцѣнка земли, въ среднемъ размѣрѣ, очевидно, слишкомъ высока, потому что оброкъ опредѣлялся помѣщикомъ по соображенію собственной его выгоды. Но, сверхъ того, размѣръ надѣловъ былъ установленъ слишкомъ низко, такъ что въ большинствѣ случаевъ произошли отрѣзки прежней земли. Включено было правило, что за отмежеваніемъ крестьянскихъ надѣловъ у помѣщика должно оставаться не менѣе ¹/₃ прежней его земли, а это и повело къ пониженію размѣра вышшаго надѣла противъ дѣйствительно существовавшаго прежде. Разсчитывая пространство земли, необходимое для обезпеченія крестьянъ продовольствіемъ и, сверхъ того, средствами къ исправному взносу податей, редакціонныя комиссіи встрѣтили затрудненія къ опредѣленію теоретически того размѣра душеваго надѣла, какой дѣйствительно соответствовалъ бы обоимъ этимъ условіямъ. Затрудненія эти представлялись въ томъ, что для достиженія этой цѣли пришлось бы назначить въ первой (не черноземной) и второй (черноземной, нестепной) полосахъ такіе размѣры надѣла, что оказалось бы неизбѣжнымъ въ нерѣдкихъ случаяхъ отрѣзать у помѣщика всю землю. Второе затрудненіе комиссіи усмотрѣли еще въ опасности ломки существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ надѣловъ, полагая, что это могло повести къ нарушенію общественнаго спокойствія.

Между тѣмъ, разбирая данныя о существовавшихъ надѣлахъ, доставленныя губернскими комитетами, и провѣряя ихъ съ официальными свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ, комиссіи не могли не убѣдиться, что *такихъ* надѣловъ будетъ недостаточно въ дѣйствительности для того, чтобы отведенная земля обезпечила и быть крестьянъ, и ихъ исправность въ платежахъ казнѣ и помѣщику, какъ того требовалъ рескриптъ 1857 года. Поэтому комиссіи были принуждены утѣшать себя мыслью, что у крестьянъ есть, кромѣ земли, еще промыслы, и рѣшили дѣло въ смыслѣ сохраненія по возможности только надѣловъ существующихъ, впрочемъ, обставленныхъ высшими и низшими размѣрами, чтобы избѣгнуть

слишкомъ большаго различія, какое могло быть между прежними надѣлами, зависѣвшими отъ доброй воли помѣщиковъ.

Такимъ образомъ, еще въ самое основаніе надѣла въ собственность легла мысль, что отводимой крестьянамъ земли во многихъ мѣстностяхъ будетъ даже и въ самомъ началѣ недостаточно для обезпеченнаго быта и взноса платежей,—иными словами, что собственно землевладѣніе крестьянское окажется несостоятельнымъ и что за землю придется зарабатывать еще дома или на сторонѣ промыслами.

Къ этому присоединялись въ самыхъ *Положеніяхъ* еще два крайне неблагоприятныхъ условія. Какъ уже сказано выше, государственный совѣтъ еще понизилъ установленные для многихъ мѣстностей размѣры высшихъ (а, стало быть, и низшихъ) надѣловъ, а, сверхъ того, ввелъ въ *Положенія* такое правило, что если помѣщикъ подарить крестьянамъ часть надѣла, которая составляетъ вмѣстѣ съ усадебною осажденностью не менѣе на каждую ревизскую душу одной четверти высшаго надѣла, то въ такомъ случаѣ помѣщикъ сохраняетъ за собой всю остальную землю. Эта статья *) повела къ установленію такъ называемыхъ нынѣ «нищенскихъ» надѣловъ. Возьмемъ въ примѣръ изъ нечерноземной полосы, напримѣръ, хоть Московскій уѣздъ; высшій надѣлъ здѣсь 3 десятины, низшій 1 десятина, а «даровой» надѣлъ—всего $\frac{3}{4}$ десятины. Положимъ, $\frac{3}{4}$ десятины вдобавокъ къ усадьбѣ здѣсь могутъ имѣть значеніе хотя только уже промысловое. Но что дѣлать съ 1 дес. 300 сажень ($\frac{1}{4}$ четырехъ съ пол. дес.), напримѣръ, въ Грязовецкомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи?

Въ самыхъ *Положеніяхъ* введено было еще одно отягчительное условіе, которымъ размѣръ оброка, а, стало быть, и выкупныхъ платежей, хотя и уменьшается болѣе, чѣмъ пропорціонально количеству душеваго надѣла, но уменьшается, все-таки, несоотвѣтственно съ уменьшеніемъ самой доходности участка. По этой статьѣ, если крестьяне въ первый и во второй полосахъ получаютъ въ пользованіе менѣе установленнаго для той мѣстности высшаго надѣла, то они облагаются оброкомъ въ размѣрѣ меньшемъ высшаго душеваго оброка. Возьмемъ примѣръ изъ самой статьи закона: «имѣніе въ 500 душъ состоитъ въ южной части Порѣчьскаго уѣзда, Смоленской губерніи; въ пользованіи крестьянъ 1,950 десят.; высшій душевой оброкъ 8 руб., высшій душевой надѣлъ 4 $\frac{1}{2}$ дес.» Такъ какъ на 500 ревизскихъ душъ придется менѣе высшаго надѣла, то повинность опредѣляется на первую десятину въ половинѣ высшаго душеваго оброка—4 р., на другую—2 р., остальные же 2 р. раздѣляются на остальные 2 $\frac{1}{2}$ дес., т.-е. по 80 коп. за десятину **). Выходитъ, что душевой оброкъ составитъ по 7 р. 52 коп. Но допустимъ, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, что въ пользованіе крестьянъ отведено въ этомъ имѣніи только 750 дес., т.-е. низшій размѣръ надѣла. Тогда получимъ

*) *Мѣстн. полож. для губ. великор., новорос. и блорусск.*, ст. 23.

***) *Полож. для губ. великор.*, ст. 169.

душевой оброкъ въ 4 р. 50 коп. И такъ, въ то время, когда надѣль уменьшился до трети высшаго надѣла, душевой оброкъ, а соответственно и выкупной платежъ, не понизились въ своемъ размѣрѣ и до половины. А, между тѣмъ, $1\frac{1}{2}$ десятины даютъ менѣе дохода, чѣмъ третья часть отъ $4\frac{1}{2}$ дес., такъ какъ чѣмъ значительнѣе надѣль, тѣмъ онъ производительнѣе, не только относительно, но и безусловно, потому что на немъ можно держать больше скота.

Оцѣнка земель, основанная на капитализаціи obroka, оказалась столь высокою, что во многихъ мѣстностяхъ она превышала арендную плату за землю даже въ ближайшіе къ намъ годы, когда цѣны земли значительно поднялись. Конечно, самыя суммы рублей, представляемыя цифрами выкупныхъ платежей, упали въ цѣнѣ, т.-е. упала цѣнность денегъ, а, стало быть, сдѣлалось легче добывать ихъ. Но легче это стало для того, кто имѣеть излишнее количество хлѣба для продажи, а для того, кому не хватаетъ своего хлѣба на прокормленіе, и для того, кто долженъ нанимать землю, эта выгода не существуетъ. Однимъ словомъ, малоземелье, сравнительно съ количествомъ земли, нужнымъ собственно для прокормленія земледѣльцевъ, было установлено еще самими *Положеніями*, такъ какъ надѣль въ среднемъ размѣрѣ пришелся менѣе 3 дес. на душу.

Еще самыя редакціонныя комиссіи, подъ напоромъ депутатовъ «второго призыва», понизили противъ своего первоначальнаго предположенія размѣры высшихъ надѣловъ для значительнаго числа мѣстностей. Государственный же совѣтъ произвелъ дальнѣйшее пониженіе болѣе чѣмъ для цѣлой трети мѣстностей, отнесенныхъ къ двумъ первымъ полосамъ.

Что размѣры высшихъ надѣловъ, установленные *Положеніями*, были недостаточны, это было удостовѣрено впоследствии самимъ правительствомъ, такъ какъ *Положеніемъ* 1866 года о земельномъ надѣлѣ въ пользованіи государственныхъ крестьянъ размѣры были установлены гораздо высшіе. По изслѣдованіямъ проф. Янсона *), относящимся къ восьми черноземнымъ губерніямъ, даже высшіе надѣлы примѣрно въ $\frac{2}{3}$ уѣздовъ этой болѣе плодородной мѣстности не обеспечиваютъ первоначальныхъ потребностей крестьянскаго быта, не говоря уже о податяхъ, а подъ вліяніемъ «дароваго» надѣла въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отъ 26 до 39% числа крестьянъ имѣютъ надѣль менѣе одной десятины. Вообще же надѣловъ въ 1 и 2 десятины считается въ этой полосѣ 21%. И такъ, надѣлы въ среднемъ размѣрѣ вышли, все-таки, не «существующими», какъ было предположено въ комиссіяхъ, но значительно меньшими, чѣмъ тѣ, какіе находились въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ.

Но эти отношенія еще значительно измѣнились въ неблагоприятномъ смыслѣ вслѣдствіе прироста населенія. Такъ, трехдесятинные надѣлы въ настоящее время обратились въ двухдесятинные, а если

*) *Опытъ стат. изслѣд. о крестьян. надѣлахъ и платежахъ.*

считать 1 и двухдесятинные надѣлы вмѣстѣ съ этими послѣдними, то въ 8 черноземныхъ губерніяхъ окажется въ настоящее время мало-земельныхъ надѣловъ 71%. Тамъ, гдѣ крестьяне были зажиточны еще при крѣпостномъ правѣ, они въ первое десятилѣтіе послѣ освобожденія дѣйствительно улучшили свой бытъ, несмотря даже на недостаточность надѣла, тѣмъ, что занялись промыслами, а недостающую землю нанимали. Но впоследствии приростъ населенія ухудшилъ положеніе и такихъ крестьянъ, находившихся въ особенно благоприятныхъ условіяхъ; а приростъ населенія естественно шелъ тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ благоприятнѣе были первоначальныя условія. П. П. Семеновъ, подробно анализируя условія, существующія въ одной благоприятно поставленной волости Рязанской губерніи *), даетъ въ нѣсколькихъ цифрахъ любопытную исторію одной изъ общинъ въ этой волости, — той общины, которая по благосостоянію своему занимаетъ тамъ первое мѣсто. Община эта до освобожденія была на оброкѣ и пользовалась въ то время земельными надѣлами свыше 6 десят. на душу; крестьяне были зажиточны, хотя богатыхъ между ними не было. По уставной грамотѣ у нихъ было отрѣзано болѣе половины земли, такъ какъ надѣлъ былъ по $2\frac{3}{4}$ десят., но они эту землю контрактировали на 12 мѣтъ. У нихъ развились промыслы; пять дворовъ перешли въ разрядъ богатыхъ, два изъ нихъ купили земли въ 1864 г. въ той же волости по 17 и 14 дес., третій — 33 дес. въ 1877 г.; одинъ же дворъ обѣднѣлъ. Населеніе общины увеличилось въ 16 лѣтъ на цѣлыхъ 73%, что объясняется, между прочимъ, хорошимъ уходомъ за дѣтьми. Но съ теченіемъ времени экономическія условія ухудшились. Надѣлъ въ 2,73 на ревизскую душу, вслѣдствіе увеличенія населенія, уменьшился до 1,8 дес. на душу наличную; срокъ контракта на оставшуюся за надѣломъ землю истекъ и владѣлецъ продалъ ее въ другія руки, а, наконецъ, раздѣлы уменьшили рабочую силу крестьянъ. Своей земли крестьяне имѣютъ 63 дес. сверхъ надѣла, да нанимаютъ еще 90 дес. подъ посѣвы и 20 дес. луговъ. Въ таблицѣ процентнаго отношенія дворовъ зажиточныхъ и достаточныхъ, составленной авторомъ, показано, что въ этой общинѣ въ первой категоріи принадлежитъ 94%. Вотъ примѣръ благосостоянія общины при надѣлѣ менѣе 3 дес. на ревизскую душу, который обратился въ около $1\frac{1}{2}$ дес. на душу наличную. Притомъ, крестьяне этой общины занимаются, главнымъ образомъ, именно земледѣліемъ.

Но такіе примѣры составляютъ исключеніе. Здѣсь была еще при крѣпостномъ правѣ зажиточность, при отмѣнѣ его данъ, все-таки, высшій мѣстный надѣлъ, наконецъ, имѣется достаточно земли для найма. Общее же положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ лучше всего характеризуется фактомъ уменьшенія въ Россіи числа рабочихъ лошадей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и скота. Проф. Янсонъ такъ характеризуетъ

*) Сборникъ матеріаловъ для изуч. сельск. поземел. общины. Т. I. Муравинская волость, стр. 74.

настоящій быть крестьянъ въ черноземной нестепной полосѣ: «Въ 62% уѣздовъ всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать съ своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба, а въ остальныхъ 38% уѣздовъ въ такомъ положеніи находится значительнѣйшая часть этихъ крестьянъ. Особенно тяжело положеніе тѣхъ, которые получили надѣлы ниже средняго и низшіе; четвертные и меньше платятъ, и свободны идти куда угодно; имѣющіе же низшіе надѣлы, немногимъ превышающіе четвертные, все равно существовать изъ надѣла не могутъ, платятъ они болѣе и прикрѣплены къ землѣ на 49 лѣтъ». Положеніе крестьянъ въ полосѣ нечерноземной, конечно, не лучше.

Каковы бы, впрочемъ, ни были недостатки самыхъ *Положеній*, теперь, черезъ 25 лѣтъ, въ вопросѣ естественно выступаетъ на первое мѣсто другое соображеніе, а именно, что хотя при болѣшемъ размѣрѣ надѣловъ положеніе крестьянства въ настоящее время было бы несомнѣнно лучше, какъ то доказывается примѣромъ государственныхъ крестьянъ, однако, приростъ населенія, все-таки, долженъ былъ сдѣлать и еще болѣе сдѣлаетъ недостаточными надѣлы первоначальные. Практическій вопросъ представляется теперь въ слѣдующемъ видѣ: достигнетъ ли дѣло 19 февраля 1861 года своей цѣли въ будущемъ, обезпечить ли оно въ Россіи существованіе крестьянскаго землевладѣнія?

Наиболѣе точную постановку крестьянскаго вопроса въ Россіи далъ въ послѣдніе годы покойный К. Д. Кавелинъ *), какъ онъ же чуть ли не первый предугадалъ главныя условія освобожденія съ надѣломъ землею въ запискѣ, составленной почти тридцать лѣтъ тому назадъ. Кавелинъ говоритъ: «Когда возбуждается вопросъ о малоземельи крестьянъ и о средствахъ ему помочь, рѣчь идетъ не объ идеальномъ снабженіи всѣхъ и каждаго землею, не о постоянномъ расширеніи крестьянскихъ пашенъ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія. Задача несравненно проще и скромнѣе: надо доставить той части населенія, которая теперь кормится отъ земли, возможность имѣть ее въ крайне необходимомъ количествѣ и удобную для воздѣлыванія. Есть ли вообще такая возможность, или нѣтъ? Если она есть, то какимъ способомъ доставить землю нуждающимся въ ней крестьянамъ?»

Мѣриломъ достаточности землевладѣнія Кавелинъ принимаетъ просто высшіе размѣры душеваго надѣла, установленные по разнымъ мѣстностямъ *Положеніями*. Онъ положительно отвергаетъ принципъ, что, по мѣрѣ умноженія народонаселенія, должно быть увеличиваемо и количество земли, состоящее въ крестьянской собственности, и предлагаетъ расширеніе крестьянскаго землевладѣнія только въ видѣ мѣры временной, «вызываемой не общими теоретическими соображеніями, а единственно настоящимъ положеніемъ извѣстной части крестьянъ-землевладѣльцевъ». Однимъ словомъ, Кавелинъ признавалъ достаточнымъ, чтобы крестьянамъ

*) *Крестьянскій вопросъ. Вѣстникъ Европы* 1881 г., мартъ-декабрь.

было оказано со стороны государства пособіе на пріобрѣтеніе того количества земли, какового имъ теперь не достаесть до вышлага размѣра по *Положеніямъ* и, притомъ, по числу ревизскихъ душъ.

Для достиженія этой близкой цѣли авторъ предлагаетъ три способа: отводъ земель изъ сосѣднихъ казенныхъ ненаселенныхъ земель и оброчныхъ статей, пособіе со стороны казны на покупку земель крестьянамъ по добровольному соглашенію съ частными владѣльцами и добровольное переселеніе крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ казны.

Сверхъ такихъ постепенныхъ исправленій надѣла, предстояла бы уже только одна возможная забота, а именно, чтобы земля, отведенная земледѣльцамъ, продолжала оставаться въ ихъ собственности, не могла бы, какъ съ самаго начала этой операціи, такъ и по окончаніи ея, дѣлаться товаромъ, переходить въ руки скупщиковъ, что разрушало бы въ корнѣ самую основу преобразованія. Вотъ эта-то мысль о *неотчуждаемости* земли, принадлежащей земледѣльцамъ, заявленная Кавелинымъ, положительно уже выходитъ изъ узкаго круга задачи, какъ ее опредѣлилъ самъ Кавелинъ. Эта мысль о созданіи ненарушимаго ядра крестьянскаго землевладѣнія уже прямо заглядываетъ въ будущее и осуществленіе ея, котораго требовалъ Кавелинъ, уже представляло бы мѣру вовсе не временную, а, стало быть, съ ней не согласуется и мысль объ окончательности того надѣла, какой предлагалъ авторъ.

Необходимость узаконенія въ смыслѣ установленія неотчуждаемости очевидна, если только мы хотимъ, чтобы буква *Положеній* 1861 года не убивала ихъ смыслъ, не разрушила ихъ главной цѣли — обезпеченія крестьянъ землею. По буквѣ *Положеній* окончаніе выкупной операціи, къ которому общины теперь уже приблизились гдѣ на треть, а гдѣ и почти на половину срока, произвело бы переходъ земли въ полную собственность крестьянъ, подлежащую залогу и продажѣ. Сверхъ того, въ *Положеніяхъ* есть еще статьи, которыя даютъ возможность, посредствомъ досрочныхъ взносовъ и т. д., выдѣлять надѣлы изъ общинной земли еще и до срока и передавать ихъ въ чужія руки, тѣ именно, которыя въ дѣйствительности дали общиннику средства на взносы. Не будемъ останавливаться на этой сторонѣ дѣла, съ научною точностью и съ замѣчательною ясностью разработанной въ статьѣ г. Ходскаго *). Несомнѣнно одно, что необходимо своевременное предупрежденіе такого печальнаго результата надѣла по *Положеніямъ*, каковъ былъ бы тотъ, если бы крестьянская земля въ значительномъ количествѣ мобилизовалась, обратилась бы въ предметъ торга и спекуляціи и вышла бы изъ владѣнія тѣхъ рукъ, которыя призваны ее обрабатывать.

Несоразмѣрность выкупныхъ платежей съ дѣйствительною цѣною зем-

*) См. статью Л. В. Ходскаго: „Основные вопросы крестьянскаго землевладѣнія“. *Русская Мысль* 1885 г., кн. XI.

ли и, сверхъ того, недостаточность надѣла, эти два главныхъ недостатка великаго дѣла 1861 года, произвели немало разстройствъ, которое до такой степени бросалось въ глаза, что вовсе не одними крѣпостниками, но и друзьями народа многа ставился вопросъ: лучше ли крестьянину въ матеріальномъ отношеніи при такихъ условіяхъ, чѣмъ было при существованіи крѣпостнаго права?

Какъ передъ освобожденіемъ, такъ и послѣ него, немалую услугу оказала народу печать, стараясь, по мѣрѣ предоставленной ей возможности, выяснять темныя стороны крестьянскаго быта и дѣйствительныя средства къ его улучшенію. Въ послѣдніе годы было принято нѣсколько мѣръ именно въ смыслѣ постоянныхъ и почти единогласныхъ указаній печати. Пониженіе выкупныхъ платежей (въ особенности специальное, такъ какъ общее пониженіе на 1 р. имѣло только податное значеніе), установленіе обязательнаго выкупа для крестьянъ, еще остававшихся въ положеніи «обязанныхъ», учрежденіе крестьянскаго банка, отмена подушной подати и преобразованіе ея въ выкупные платежи для государственныхъ крестьянъ, — все это мѣры весьма недавнія, которыя нѣтъ нужды пояснять теоретически и которыя практически еще не вполне выказали свое вліяніе.

Заключая нашъ очеркъ, оговоримся, что въ него, по необходимости, не могли быть включены всѣ многообразныя стороны «крестьянскаго вопроса», который продолжаетъ еще быть «вопросомъ» во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ важное дѣло о переселеніяхъ еще не тронуто, для народнаго образованія и здоровья, несмотря на всѣ усилія земства, сдѣлано еще слишкомъ мало, а самое крестьянское управленіе остается въ одно и то же время и замгнутымъ въ себѣ, сословнымъ, и слишкомъ зависимымъ отъ мѣстной администраціи. Но всѣхъ сторонъ невозможно было даже и коснуться на нѣсколькихъ страницахъ.

Въ виду важности и сложности крестьянскаго вопроса, необходимо составить точное понятіе о томъ, что уже сдѣлано у насъ для его разрѣшенія, какія данныя, историческія и статистическія, находятся у насъ въ распоряженіи, какія направленія ссылаются въ русской жизни, какими принципами они руководствуются. Съ цѣлью облегчить такое изученіе, редакція *Русской Мысли* вступила въ соглашеніе съ извѣстнымъ библіографомъ В. И. Межовымъ для изданія подробнаго и систематическаго указателя книгъ и статей по вопросу объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и по крестьянскому дѣлу со времени освобожденія. Трудъ г. Межова значительно превысилъ своимъ размахомъ предположеніе редакціи, вслѣдствіе чего *Русская Мысль* предполагаетъ напечатать его отдѣльною книгой. Знакомство съ этимъ указателемъ убѣдитъ каждаго въ томъ, что русская печать принимала великую и благотворную долю участія въ освобожденіи крестьянъ и въ устройствѣ ихъ быта на новыхъ основаніяхъ.

Современное искусство.

А. Г. Рубинштейнъ и его историческіе концерты.

Самое выдающееся явленіе современной музыкальной жизни представляютъ несомнѣнно историческіе концерты А. Г. Рубинштейна. Концерты эти представляютъ выдающееся явленіе не только для Москвы, но и для всего цивилизованнаго міра. Предпріятіе А. Г. Рубинштейна имѣетъ совершенно исключительный, небывалый еще характеръ и врядъ ли пройдетъ безъ послѣдствій для существующей организациі занятій музыкой и изученія музыки. Дѣло въ томъ, что тогда какъ въ области пластическихъ искусствъ существуютъ учрежденія вродѣ выставокъ, музеевъ, галлерей, дающія возможность обозрѣть историческое развитіе того или другаго искусства,—въ музыкѣ нѣтъ, да и не можетъ быть, ничего подобнаго. Музыка принадлежитъ къ числу тѣхъ искусствъ, произведенія которыхъ для своего осуществленія нуждаются еще въ ихъ *исполненіи*, и потому историческая точка зрѣнія въ ней можетъ сказываться лишь въ составленіи концертныхъ программъ и организациі оперныхъ спектаклей. Между тѣмъ, эта точка зрѣнія для музыки, быть можетъ, существеннѣе, чѣмъ для какого-либо другаго искусства, такъ какъ,—по совершенію вѣрному замѣчанію Ганслика,—ни въ одномъ искусствѣ формы такъ быстро не изнашиваются, какъ именно въ музыкѣ. Историческіе концерты Рубинштейна служатъ нагляднымъ тому доказательствомъ, и, на нашъ взглядъ, Рубинштейнъ поступилъ съ большимъ тактомъ, отдавши изъ семи концертовъ только одинъ, первый, фортепіанной музыкѣ до девятнадцатаго столѣтія (т.-е. XVI, XVII и XVIII, цѣлымъ тремъ столѣтіямъ). Шесть остальныхъ концертовъ посвящены музыкѣ нашего вѣка.

Такимъ образомъ, значеніе концертовъ Рубинштейна въ высшей степени разнообразно и мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ рассчитывать исчерпать его въ нашемъ краткомъ обзорѣніи, тѣмъ болѣе, что концерты эти еще далеко не кончены. Въ слѣдующей книжкѣ *Русской Мысли* мы еще вернемся къ нимъ и тогда, надѣемся, будемъ въ состояніи дать болѣе полный очеркъ. Прослушать выдающіяся произведенія всей фортепі-

анной литературы въ исполненіи величайшаго изъ современныхъ виртуозовъ, да еще въ двухкратномъ исполненіи (А. Г. Рубинштейнъ каждый изъ своихъ концертовъ повторяетъ бесплатно для специалистовъ въ залѣ Нѣмецкаго клуба), — это равносильно ознакомленію съ полною школою фортепианной игры. Объ одной технической сторонѣ игры Рубинштейна можно было бы написать цѣлую книгу; а, между тѣмъ, художественная сторона въ ней гораздо важнѣе технической. Правда, безъ полного усвоенія техники немислимо было бы то выполненіе художественныхъ требованій, которое въ такой высокой степени удовлетворяется Рубинштейномъ, но тѣмъ разностороннѣе, повторяемъ, выступаетъ значеніе его концертовъ. Но этого еще мало: концерты эти даютъ массу матеріала для выясненія отношенія музыки къ другимъ искусствамъ и къ жизни, т.-е. для основнаго вопроса музыкальной эстетики. Наконецъ, концерты Рубинштейна даютъ богатѣйшій матеріалъ для выясненія личности одного изъ величайшихъ художниковъ нашего времени.

Антонъ Рубинштейнъ совершенно своеобразный художественный типъ, заслуживающій особаго изученія; но если бы вы попробовали составить себѣ сколько-нибудь опредѣленное представленіе объ отличительныхъ особенностяхъ этой личности на основаніи современной музыкальной хроники, то это вамъ врядъ ли бы удалось. Странное впечатлѣніе производитъ большинство критическихъ отзывовъ объ его теперешнихъ концертахъ: повидимому, къ Рубинштейну-исполнителю современная критика совершенно неспособна относиться именно *критически*, такъ какъ, кромѣ восторженныхъ восклицаній, въ отзывахъ этихъ ничего рѣшительно не встрѣчается. Но восторженные восклицанія еще не дѣлаютъ оцѣнки дѣятеля; они совершенно не объясняютъ, чѣмъ именно силенъ Рубинштейнъ и въ чемъ его отличіе отъ другихъ виртуозовъ. Объяснять это тѣмъ, что современникамъ трудно судить современника, невозможно: виртуозная карьера Рубинштейна обнимаетъ уже около 50 лѣтъ (первый разъ онъ игралъ публично въ 1838 году, будучи всего 9 лѣтъ отъ роду), а въ пятьдесятъ лѣтъ можно высказаться человѣку со всеми его сильными и слабыми сторонами. Намъ кажется, что единственною причиною тутъ можетъ быть лишь крайняя шаткость основаній современной музыкальной эстетики: въ данномъ случаѣ исполнская личность великаго-художника давитъ собою критику, коренящуюся на этихъ шаткихъ основаніяхъ, и ставитъ ее окончательно въ тупикъ.

Читатель нашей прошлой музыкальной хроники не забылъ, быть можетъ, какую видную роль въ искусствѣ играютъ личные идеалы художника. Все то нравственное значеніе, какое только можетъ имѣть искусство, находится въ тѣсной связи съ качествомъ идеаловъ художника. Художникъ — не ученый, главная задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы ясно показать, каковы отношенія, существующія въ дѣйствительности; задача художника показать не то, что есть, а то,

что должно быть. Поэтому въ художественной дѣятельности творчество играетъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ въ научной, и это относится въ равной степени какъ къ автору, такъ и къ исполнителю. Конечно, и въ искусствѣ существуетъ своя объективная сторона: сюда относятся всѣ тѣ техническіе приемы, полное усвоеніе которыхъ необходимо для исполнителя прежде всего. Сюда не принадлежатъ различные вопросы относительно примѣненія вкуса въ художественной области. Какъ то, такъ и другое можетъ быть подчинено до извѣстной степени законамъ чисто-объективнаго характера,—мы говоримъ до извѣстной степени, такъ какъ у художника съ сильною индивидуальностью всегда найдется соотвѣтствіе даже между его техникой и субъективными сторонами исполненія. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы строго ни были выполнены эти объективные законы, исполненіе не будетъ еще художественнымъ, если оно не согрѣто искреннимъ чувствомъ, если въ немъ такъ или иначе не сказывается личное отношеніе исполнителя къ исполняемому имъ произведенію. Ясно, такимъ образомъ, что за предѣлами объективныхъ сторонъ исполненія слѣдуетъ еще обширная область творческой, субъективной дѣятельности.

Антонъ Рубинштейнъ великъ именно тою силой творчества, которую онъ обнаруживаетъ за фортепiano. Каждая исполняемая изъ пьеса есть не безстрастное воспроизведеніе нотъ, написанныхъ авторомъ, а субъективное истолкованіе ихъ пианистомъ съ личной, своеобразной точки зрѣнія. Въ ряду похвалъ, расточаемыхъ Рубинштейну, иногда приходится слышать, будто онъ обладаетъ удивительною способностью проникать въ духъ исполняемыхъ имъ авторовъ. Замѣчаніе это въ такой же степени невѣрно, въ какой неоснователенъ совершенно противоположный упрекъ, что Рубинштейнъ играетъ даже произведенія величайшихъ композиторовъ какъ бы свои собственныя, т.-е. что онъ слишкомъ мало отрѣшается при ихъ исполненіи отъ своей индивидуальности. Дѣло въ томъ, что исполнитель-творецъ и не можетъ поступать иначе. Разъ навсегда необходимо признать, что художникъ импонируетъ именно тою силой, которую представляетъ его индивидуальность, именно красотой и высотой своихъ личныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ, въ исполненіи артиста-творца важно, повторяемъ, не столько его проникновеніе въ духъ произведенія, сколько его личное отношеніе къ нему; и въ исполненіи Рубинштейна это связывается съ особенною силой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ старается быть объективнымъ, безличнымъ, онъ становится почти безцвѣтнымъ, какъ это было въ первомъ его концертѣ при исполненіи композицій Баха, къ которому онъ, видимо, старался отнестись почему-то самымъ безстрастнымъ и спокойнымъ образомъ; онъ достигаетъ, наоборотъ, потрясающаго впечатлѣнія, когда даетъ полную волю своимъ личнымъ чувствамъ, когда даетъ себѣ свободу увлекаться чуть не до самозабвенія, какъ то было въ концертѣ, посвященномъ Шуману. Разнообразный характеръ впе-

чатаѣннѣй, производимыхъ игрой Рубинштейна, обуславливается разносторонностью его богатой природы, а отнюдь не способностью отрѣшаться отъ своей личности и переноситься въ духъ того автора, котораго онъ въ данномъ случаѣ исполняетъ.

Вообще, слушая такого артиста, какъ Рубинштейнъ, чувствуешь невольно, какъ велика сила крупной художественной индивидуальности и какъ могущественно могло бы быть ея вліяніе при цѣлесобразномъ направленіи художественной дѣятельности. При этомъ необходимо замѣтить, что индивидуальность Рубинштейна совсѣмъ не та крайне первая и воспримчивая, но, въ то же время, и крайне болѣзненная индивидуальность, которая является преимущественнымъ порожденіемъ девятнадцатаго вѣка. Натура его, наоборотъ, цѣльная и здоровая: въ личности его особеннаго вниманія заслуживаетъ то обаяніе, которое онъ производитъ на массу. Обаяніе это сопровождаетъ его всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся,—въ качествѣ ли виртуоза, въ качествѣ ли композитора, или, наконецъ, въ качествѣ дирижера оркестра,—ездѣ онъ проявляетъ такую жизнь, которая способна возбудить подчасъ самыя апатичныя натуры. Въ этой способности производить воздѣйствіе на массу заключается чуть ли не самая замѣчательная и характерная особенность личности Рубинштейна, хотя врядъ ли здѣсь есть что-либо преднамѣренное: скорѣе онъ тутъ просто отдается безотчетно требованіямъ своей природы. Въ натурѣ этойъ есть какъ бы что-то стихійное: недаромъ въ своихъ композиціяхъ онъ съ такою любовью останавливается на моментахъ эпическаго характера и они, видимо, болѣе интересуютъ его, чѣмъ моменты лирическіе, и въ операхъ его обыкновенно наиболѣе удаются хоры; недаромъ онъ такъ любитъ воспроизводить коллективныя, массовыя чувства и взаимодѣйствіе героя и толпы. Точно также въ его исполненіи, при всей его разносторонности, подчасъ слышатся такіе страстные, могучіе порывы, которые какъ бы выходятъ за предѣлы ощущеній отдѣльной личности. Въ такія минуты Рубинштейнъ особенно увлекается и увлекаетъ за собой слушателей; въ такія минуты всего сильнѣе сказывается въ немъ эта способность объединять людей, заставлять сердца многихъ биться въ унисонъ и проникаться однимъ общимъ настроеніемъ; въ такія минуты онъ особенно великъ.

Конечно, черта эта не составляетъ исключительной принадлежности музыканта; она сопровождала бы Рубинштейна и на всякомъ другомъ поприщѣ. Сюда не относятся его колоссальная энергія, его невѣроятная неутомимость, его способность страстно, до самозабвенія предаваться излюбленной идеѣ. Но здѣсь было необходимо отмѣтить эту черту, такъ какъ въ ней заключается, на нашъ взглядъ, главнымъ образомъ, тайна обаянія Рубинштейна; изъ подобныхъ натуръ вырабатываются при соответственныхъ условіяхъ демагоги и народные вожди (кстати, одинъ изъ любимѣйшихъ типовъ нашего художника въ его операхъ, таковъ: Іуда въ

Маккавейскъ, Виндексъ въ *Неронъ*, Моисей въ его позднѣйшемъ произведеніи). Кроме того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что музыка—искусство, въ которомъ субъективныя качества художника должны сказываться сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и что въ музыкѣ наибольшее впечатлѣніе произвести всегда тотъ, кто обладаетъ наиболѣе крупными индивидуальными чертами.

По поводу игры Рубинштейна не разъ высказывалось замѣчаніе, что какъ ни колоссальна его техника, она совсѣмъ не обращаетъ на себя вниманія: до такой степени онъ умѣетъ подчинять ее тѣмъ цѣлямъ, которыхъ достигаетъ при ея помощи. Слушатели его словно не замѣчаютъ ни тѣхъ чудесъ фортепианной техники, которыя онъ проявляетъ иногда, ни тѣхъ техническихъ промаховъ, которые иногда у него встрѣчаются: въ его игрѣ ищутъ обыкновенно чего-то другаго, ищутъ выраженія извѣстнаго характера, представляемаго тою или другою пьесой, ищутъ общаго впечатлѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ совершенную противоположность своему высокодаровитому брату, такъ хорошо знакомому Москвѣ. Игра Н. Г. Рубинштейна отличалась по преимуществу удивительною рельефностью: ни у одного изъ другихъ извѣстныхъ намъ пианистовъ вся музыкальная конструкція пьесы не выступала съ такою отчетливостью и выпуклостью; гармонія пьесы, отдѣльные самостоятельные голоса, встрѣчающіеся въ ней, взаимное отношеніе частей пьесы другъ къ другу,—все это съ удивительною ясностью обрисовывалось въ исполненіи покойнаго Рубинштейна. Въ противоположность такому аналитическому, если можно такъ выразиться, исполненію, игра А. Г. Рубинштейна имѣетъ преимущественно синтетическій характеръ. Въ своемъ исполненіи онъ, видимо, ищетъ, прежде всего, *общаго* и готовъ пренебречь *частностями*; не говоря уже о грѣхахъ противъ технической безукоризненности, въ немъ иногда замѣтна явная готовность пожертвовать выдѣленіемъ того или другаго голоса, даже спеціальною красотой гармоніи, если это сколько-нибудь мѣшаетъ выраженію общаго характера, найденнаго имъ въ данной пьесѣ. Такъ, напримѣръ, *Berceuse* Шопена онъ исполняетъ въ такомъ быстромъ темпѣ, съ такою легкостью и въ такомъ *piuissimo*, что гармоническія красоты пьесы никакъ ужъ не могутъ при этомъ ясно выдѣлиться: по его собственному объясненію, онъ слышитъ въ этой пьесѣ наряду съ однообразнымъ ритмомъ, выражающимся въ убаюкиваніи колыбели, тѣ фантастическія грезы, которыя рождаются у ребенка во время засыпанія, отсюда и своеобразный характеръ его исполненія. Вообще, слушая игру А. Г. Рубинштейна, невольно чувствуешь, что о всякой пьесѣ онъ составляетъ извѣстное представленіе и съ точки зрѣнія этого представленія онъ ее и исполняетъ. Слушая его, невольно кажется, что во время исполненія у него дѣятельно работаетъ фантазія; повидимому, голова его полна въ это время идеями, образами, даже цѣлыми картинами, иначе трудно объяснить то впечатлѣніе, которое онъ

производить. Присутствовавшимъ въ его третьемъ концертѣ, вѣроятно, памятно его исполненіе *Invitation à la valse* Вебера, для слушателя съ сколько-нибудь развитымъ воображеніемъ не могли не рисоваться по ассоціаціи съ этими звуками цѣлая сцена; тутъ слышался и блестящій балъ, и любовное объясненіе съ его первыми, еще робкими выраженіями невысказавшейся страсти, постепенно затѣмъ разрастающейся и охватывающей все существо влюбленныхъ. Точно также особеннаго вниманія въ томъ же отношеніи заслуживаютъ пѣсни безъ словъ Мендельсона (Бартольди, исполненныя также въ третьемъ концертѣ. Всѣ эти *Gondolieder* (пѣсни венеціанскихъ рыбаковъ), *Spinnerlied* (пѣснь за прялкой), *Volkshied* (народная пѣсня; въ могучихъ звукахъ, извлекаемыхъ; {пианистомъ изъ клавишъ, при исполненіи этой пѣсни слышалось дѣйствительное одушевленіе народной толпы) представляли каждая цѣлую жанровую картину въ доступныхъ для музыки предѣлахъ. Даже такія пьесы, которыя не носятъ опредѣленныхъ названій, исполняются Рубинштейномъ настолько характерно, что невольно заставляютъ искать и въ нихъ извѣстныхъ конкретныхъ представлений. Было бы особенно интересно въ виду этого, если бы Рубинштейнъ издалъ свои комментаріи къ исполняемымъ имъ пьесамъ. Дѣло въ томъ, что музыка—искусство безсловесное, и поэтому само по себѣ не выражающее никакихъ опредѣленныхъ представлений; но всѣмъ прекрасно извѣстно, что музыка обладаетъ исключительною способностью воспроизводить внутреннія душевныя настроенія, которыя у всякаго связываются съ личными, ему одному принадлежащими, чисто-субъективными представленіями. Поэтому-то и было бы въ высшей степени интересно узнать, какія именно представленія связываются съ настроеніемъ, вызываемымъ тою или другою пьесой, такимъ художникомъ, каковъ А. Г. Рубинштейнъ. Притомъ же, давая толчекъ фантази слушателя въ опредѣленномъ направленіи и доставляя, такимъ образомъ, работу большому количеству его душевныхъ силъ, подобная программа могла бы лишь увеличить его наслажденіе, и, наконецъ, что особенно важно, могла бы установить большее общеніе между исполнителемъ и слушателемъ. Только въ такомъ случаѣ, повторяемъ, и возможно нравственное воздѣйствіе художника на массу, какъ это уже и было замѣчено въ прошлый разъ. Къ сожалѣнію, этой цѣли совсѣмъ не достигаютъ комментаріи къ концертамъ Рубинштейна, изданные фирмой Юргенсона и составляющіе переработку книжки Тапперта, сдѣланную для русской публики неизвѣстнымъ лицомъ.

Склонность Рубинштейна истолковывать значеніе пьесы извѣстными представленіями, ассоціирующимися съ данными звуковыми формами, подтверждается, между прочимъ, любовью его къ характернымъ, звукоподражательнымъ пьесамъ. Съ большою охотой воспроизводитъ онъ на фортепiano разныя щebetанья и порханья птичекъ, журчанье ручейковъ и т. п. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно наблюдать, какъ фор-

тепiанная музыка, начавъ съ подражанiя природѣ и затѣмъ отклонившись отъ этого въ перiодъ развитiя формъ классической музыки, съ теченiемъ времени снова вернулась къ тому же. Такъ, въ первомъ концертѣ мы слышали, между прочимъ, *Ténébreuse* и *Le réveil-matin* (сумерки и разсвѣтъ) Куперена, а въ четвертомъ—*Abendst, Nacht* и *Traumesswirren* (т.-е. настроенiя, появляющiяся вечеромъ, ночью и грезы во снѣ) Шумана. Точно также въ первомъ концертѣ было сыграно: *Le Ruyffel d'oiseaux* Рамо, а въ четвертомъ—*Vogel als Prophet* Шумана. Сюда же относятся и «кудахтающая курица» Рамо, и «кошачья fuga» Скарлатти.

Всѣ эти пьесы исполняются Рубинштейномъ чрезвычайно характерно: слушая его, совершенно не замѣчаешь специальныхъ свойствъ фортепiано и особенностей фортепiанной техники, хотя тутъ онѣ налицо; но то, что у другаго пианиста служить само себѣ цѣлью, у Рубинштейна исключительно обращается въ средство.

Далѣе, особеннаго вниманiя заслуживаетъ то, какъ воспроизводитъ Рубинштейнъ фантастическiй элементъ въ музыкѣ, такъ удивительно развитой Шуманомъ въ его *Kreisleriana* и *Карнавалъ*. Но объ этомъ удобнѣе будетъ повести рѣчь въ слѣдующий разъ.

Точно также мы не станемъ распространяться теперь объ отличительныхъ качествахъ техники Рубинштейна. Замѣтимъ здѣсь только, что, какъ было выше указано, между художественною стороною его игры и технической не можетъ не быть извѣстнаго соответствiя. Такъ, въ техническомъ отношенiи въ игрѣ его преимущественное вниманiе обращаютъ на себя широкiя арпеджи, полные аккорды, сильно развитой тонъ и т. д., т.-е. все то, что способствуетъ бурному, порывистому, страстному характеру исполненiя. Если наряду съ этимъ легкiе, нѣжные пассажи, ровность туше при едва слышномъ *pianissimo* и другiя, противоположныя первымъ, качества удаются Рубинштейну болѣе, чѣмъ кому-либо, все же не они составляютъ характернѣйшия черты его техники.

При всѣмъ томъ необходимо замѣтить, что красота и звучность тона и та удивительная способность разнообразить сухой звукъ фортепiано, которою такъ поражаетъ обыкновенно Рубинштейнъ, въ значительной степени обуславливаются физическими данными его организаци. Безъ этихъ счастливыхъ данныхъ у него не могло бы быть ни такой исключительной полноты звука, ни такой мягкости и нѣжности, которыя не встрѣчаются болѣе ни у кого изъ другихъ извѣстныхъ пианистовъ. Къ этому присоединяется мастерское владѣнiе педалями, въ которомъ Рубинштейнъ точно также совершенно не знаетъ себѣ соперниковъ. Благодаря рѣдкому соединенiю такихъ исключительныхъ средствъ, Рубинштейнъ увлекаетъ изъ фортепiано почти оркестровыя краски. Кто слышалъ, на примѣръ, какъ онъ играетъ вариаци Генделя или Гайдна, многiя изъ сонатъ Бетховена, упомянутое уже выше *Invitation à la valse* Вебера, тотъ помнитъ, вѣроятно, какого разнообразiя въ тембрѣ (въ характерѣ

звука) фортепiano достигаетъ онъ во всѣхъ этихъ пьесахъ. Въ менуэтъ Шуберта онъ заставляетъ одинъ тонъ звучать въ теченіе нѣсколькихъ тактовъ (обыкновенно фортепiano издаетъ только короткіе звуки), пока съ этимъ дѣющимся тономъ не соединятся другіе голоса.

Точно также по полнотѣ и ширинѣ звука фортепiano Рубинштейна иногда положительно можетъ соперничать съ оркестромъ. Помимо такихъ блестящихъ пьесъ, какъ полонезъ Вебера (получающій, впрочемъ, особенный блескъ только въ исполненіи Рубинштейна: онъ играетъ его съ такимъ огнемъ и задоромъ, что сообщаетъ ему совершенно національный польскій отпечатокъ, котораго въ обыкновенномъ исполненіи полонезъ Вебера не имѣетъ), въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его собственныя переложенія: увертюры *Элмонтъ* Бетховена и свадебнаго марша изъ музыки къ *Сну въ летнюю ночь* Мендельсона, исполненные имъ въ двухъ концертахъ сверхъ программы. Переложенія эти, которые въ печати не существуютъ, звучатъ настолько полно, что получается впечатлѣніе, какъ будто бы въ нихъ всѣ подробности сложной оркестровой партитуры воспроизводятся и на фортепiano. Говорятъ, что на вопросъ, почему онъ не запишетъ и не издастъ этихъ переложеній, Рубинштейнъ отвѣчалъ, что они неудобны для записыванія, такъ какъ двухъ нотныхъ системъ, обыкновенно употребляющихся при фортепiанномъ письмѣ, для этой цѣли было бы недостаточно и что понадобились бы еще лишнія системы. Тѣмъ не менѣе,—хотя немного нашлось бы пианистовъ, которые могли бы выполнить эти транскрипціи,—жаль, что ихъ не существуетъ въ печати: онѣ могли бы послужить однимъ изъ памятниковъ виртуозной дѣятельности А. Г. Рубинштейна, такъ какъ никто и никогда еще не дѣлалъ такихъ фортепiанныхъ переложеній оркестровыхъ произведеній.

Н.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Февраль

1886 года.

Содержаніе: I. Книги: Беллетристика. — Философія. — Исторія. — Статистика и политическая экономія. — Юридическія книги. — Публицистика. — Языкознаніе. — Естествознаніе и медицина. — Педагогика, учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія. — Сельское хозяйство. — Лубочная литература. — Плоды книгопродавческой спекуляціи. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», январь. — «Сѣверный Вѣстникъ», январь. — «Русскій Вѣстникъ», январь. III. Указатель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Объявленія.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Скорбный путь“. К. В. Назарьевой. — „Мракъ“. Дм. Муравина. — „Мелкіе рассказы“. Переводъ С. А. Гумишамбаровою.

✕ Скорбный путь. Романъ въ двухъ частяхъ. К. В. Назарьевой. Спб., 1886 г. Мы съ удовольствіемъ прочли романъ г-жи Назарьевой потому, во-первыхъ, что онъ написанъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, во-вторыхъ, потому, что это настоящій романъ. Двѣ сестры Муратовы, Вѣра и Зина, остались сиротами послѣ смерти отца. Ихъ матери умерли еще ранѣе. Мать Вѣры, дочь отцушника, была очень богата. Вторая жена Муратова имѣла тоже хорошее состояніе, но происходила изъ знатнаго рода. Въ домѣ бабушки, старухи Муратовой, на рукахъ которой остались осиротѣвшія дѣвочки, любимцей и баловницей была младшая, Зина. За нѣсколько минутъ до смерти отецъ, прощаясь съ дочерьми, взялъ съ четырнадцатилѣтней Вѣры клятву въ томъ, что она „всегда, во всѣхъ случайностяхъ жизни будетъ охранять Зину, замѣнить ей мать и отца“. Всѣ преимущества, матеріальныя и нравственныя, — богатство, красота, умъ, образованіе, — были на сторонѣ Вѣры и „являлись мотивомъ для постоянныхъ уступокъ“ Зинѣ. Клятва, данная умирающему отцу, заставила молодую дѣвушку подавить въ себѣ „жажду личнаго счастья“ и отказаться отъ соперничества съ Зиной, когда имъ обвѣимъ понравился одинъ молодой человѣкъ, Борисъ Петровичъ Славцовъ. „Увлекающаяся, довѣрчивая Зина призналась сестрѣ, что любитъ Бориса, и Вѣра покорно сошла съ дороги“. Зина вышла замужъ за Славцова; Вѣра уѣхала съ бабушкой въ деревню. Прошло болѣе года, умерла старушка Муратова. Вѣра рѣшилась исполнить просьбу Зины, горячо умолавшей сестру поселиться у нея. Вѣра считала себя совершенно излечившейся отъ не-

счастной привязанности. Она видѣла въ Славцовѣ безусловно-хорошаго человѣка. Въ семейномъ счастьи Зина она не сомнѣвалась. Рядъ мелочныхъ сценъ и вспышекъ показали Вѣрѣ ея ошибку и вскорѣ дѣвушка поняла, какая громадная пропасть существуетъ между Славцовыми. Взгляды, убѣжденія, характеры и идеалы,—все было различно у этихъ людей, связанныхъ „цѣпью брака“. Случилось то, что должно было случиться. Славцовъ сблизился съ свояченицей, полюбилъ ее глубокою любовью, такою, которая приходитъ исподволь и шагъ за шагомъ захватываетъ сердце и умъ, все существо человѣка. Вернулась и угасшая было любовь Вѣры. Но дѣвушка твердо помнитъ клятвы и дѣлаетъ всевозможныя усилія возстановить миръ, согласіе и счастье въ семьѣ сестры, принося все въ жертву „долгу“, держась стойко и неуклонно избраннаго для того „скорбнаго пути“. Свѣтская кокетка Кравцова пытается отбить мужа у Зины. Та горючится и плачетъ, готова надѣлать непоправимыхъ промаховъ. Славцовъ уже почти окутанъ сѣтями бойвой красавицы. Зина увлечена свѣтскимъ франтомъ и, отчасти по легкомыслию и непониманію опасности, отчасти изъ-за досады на мужа, попадаетъ въ крайне рискованное положеніе. Вѣра вступаетъ одновременно въ борьбу съ кокеткою Кривцовой, съ обожателемъ Зины, Огарковымъ, и одерживаетъ полную побѣду, не безъ существенныхъ потерь, однако же. Во-первыхъ, побѣда достается ей цѣною обоюднаго признанія въ любви между ею и зятемъ; до сихъ поръ это слово не было произнесено и постоянно замѣнялось словомъ „дружба“. Во-вторыхъ, въ побѣжденныхъ она нашла себѣ непримиримыхъ враговъ, рѣшившихся жестоко отомстить ей во что бы то ни стало. Несмотря на призваніе въ любви, отношенія Славцова и Вѣры ни въ чемъ не измѣнились и самоотреченіе дѣвушки пошло еще дальше. Громаднымъ усиліемъ воли и находчивостью ума она добилась и другой, еще болѣе трудной побѣды,—возстановленія добраго согласія между супругами и невозмутимаго счастья сестры. Это, по нашему мнѣнію, лучшее мѣсто въ романѣ. Съ большою тонкостью пониманія *мужского* сердца авторъ изображаетъ „раздвоеніе“ любви Славцова одновременно къ женѣ и къ ея сестрѣ. Онъ ихъ обѣихъ любитъ „по разному“, одну—какъ женщина, другую—какъ человѣкъ; въ одной онъ любитъ прелестную женщину, въ другой—превосходнаго, почти идеальнаго человѣка. Въ его интимной жизни онъ восполняютъ другъ друга и онъ почти счастливъ; онъ можетъ быть счастливъ совершенно, для этого нужно только время. Пройдутъ года, Зина подрастетъ, поднимется нравственно; убаюканныя мирнымъ довольствомъ, чувства Славцова къ женѣ окрѣпнутъ подъ вліяніемъ привычки и безысходности, любовь къ Вѣрѣ мало-по-малу перейдетъ въ вѣрную, глубокую дружбу... Такъ рассчитывала Вѣра и, быть можетъ, вѣрно рассчитала, когда рѣшила на лѣто увести Славцовыхъ къ себѣ въ деревню, подальше отъ Петербурга и того общества, которое на каждомъ шагѣ сбивало Зину и мѣшало осуществленію заветнаго плана молодой дѣвушки. Но не дремали враги Вѣры, и ихъ вѣрнымъ помощникомъ явилось это самое общество, то все извиняющее, то ничего не прощающее, все знающее и все истолковывающее во своему, вѣчно путающееся въ чужія дѣла, всего же охотнѣе—въ семейныя, и всегда ихъ путающее съ особеннымъ усиліемъ. Не други бросили камень въ воду, друзья бросились его вытаскивать и погубили всѣ плоды великихъ жертвъ и усилій Вѣры Муратовой. Кривцова и Огарковъ распустили сплетню о ея любовной связи съ зятемъ;

друзья Зины сочли своимъ священнымъ долгомъ „предостеречь“ молодую женщину, „открыть ей глаза“. Легкомысленная, пылкая и честная Зина не повѣрила слетнѣ; но сомнѣніе было брошено, и она рѣзко объявила, что въ деревню не поѣдетъ и мужъ ея не поѣдетъ, а если Вѣра желаетъ ѣхать, то она ее не „удерживаетъ“. Вѣра рѣшилась уѣхать; другаго выхода не было. Все сразу рухнуло. Славцовъ не могъ съ ней разстаться; вся любовь его вспыхнула съ новою, всеокрушающею силой. Въ объясненіи съ Вѣрой онъ говоритъ ей: „Я хорошо знаю васъ, я не предложу вамъ нелегальнаго счастья, не стану молить о взаимности подъ покровомъ обмана... лжи... Нѣтъ! Я говорю о полномъ счастьи... Я упрошу Зину согласиться на разводъ“... Но Вѣра не можетъ согласиться кушить себѣ личное счастье цѣною разбитой жизни сестры. „Нѣтъ, Борисъ, — отвѣчаетъ она, — лучше погибнуть на этомъ скорбномъ пути, чѣмъ наслаждаться *такимъ* счастьемъ!“ — „Значить, по вашему, я мертвецъ, не имѣющій права на жизнь? — страстно возражаетъ Славцовъ. — Значить, я жалкій рабъ, навсегда прикованный къ очагу, потерявшему для меня всякій смыслъ? Я *долженъ* любить жену?... *Мому ли* я — это васъ, людей нравственныхъ, поклоняющихся долгу, не интересуется. *Долженъ*, и конецъ! А знаете ли, на что вы толкаете человѣка? Нѣтъ?!... На преступленіе... да, на самое звѣрское, дикое преступленіе“... — И преступленіе совершилось, не въ смыслѣ материальномъ, — для этого у автора достаточно художественнаго чувства, — а въ смыслѣ нравственномъ. Славцовъ сталъ *желать* смерти жены. Несчастная случайность исполнила это преступное желаніе. Во время катанья по взморью Славцова съ Зиной ихъ лодка опрокинулась. Борисъ спасся, Зина утонула. Городскія слетни, глупая болтовня пріятельницы Славцовой, Алѣевой, анонимныя письма Кравцовой къ слѣдователю въ одинъ голосъ обвиняли Бориса въ „предумышленномъ убійствѣ“ жены. Подъ вліяніемъ всего этого односторонне произведенное слѣдствіе повело за собою преданіе суду Славцова. Отъ обвинительнаго приговора его спасло только показаніе на судѣ Огаркова, подоспѣвшаго въ самую послѣднюю минуту и объяснивашаго, что онъ былъ на берегу во время катастрофы, видѣлъ, что все произошло совершенно случайно и что Славцовъ дѣлалъ невѣроятныя усилія спасти жену, выпустивъ ее изъ рукъ лишь тогда, когда самъ лишился чувствъ. Раньше онъ не могъ заявить этого потому, что въ тотъ же день уѣхалъ за границу и поспѣшилъ вернуться, узнавши о страшномъ обвиненіи, тяготѣвшемъ надъ Славцовымъ. Борисъ былъ оправданъ... На всѣ мольбы Бориса сдѣлаться его женою, — выхлопотать разрѣшеніе, которое ему обѣщали, или обвѣнчаться за границей, — Вѣра отвѣтила отказомъ. Она взяла къ себѣ малютку-сына сестры и уѣхала въ деревню. Отдавая ей ребенка, Славцовъ „видѣлъ возможность сохранить этимъ дружескія отношенія, и, кто знаетъ, можетъ быть, любовь къ Павлику сроднить ихъ настолько, что Вѣра измѣнитъ рѣшеніе“. Муратова не противорѣчила. „Можетъ быть, — говоритъ авторъ отъ себя, — ожиданія Славцова исполнятся и, хотя не скоро, но лучъ счастья освѣтитъ скорбный путь Вѣры Муратовой“.

Въ романѣ г-жи Назарьевой, какъ видитъ читатель, еще разъ поднимается очень старый вопросъ, для котораго не найдено никакого рѣшенія, да едва ли и можетъ быть найдено. Въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ, безъ особенной надобности, усложненъ тѣмъ, что женатый человѣкъ любить сестру своей жены. Но если бы Вѣра и не

была свояченицей Славцова, а дальнею родственницей или пріятельницей Зины, то дѣло отъ того измѣнилось бы мало и измѣненіе вышло бы въ пользу романа, идея его не затемнялась бы родственными отношеніями дѣйствующихъ лицъ. Для такой дѣвушки, какъ Вѣра, „нелегальное счастье“ невозможно потому уже, что оно „нелегально“ и основывается на обманѣ и лжи, независимо отъ того, это главная жертва обмана. Вѣра не соглашается взять и легальное счастье, разбивши жизнь сестры; но она едва ли могла бы захватить личное счастье, разбивши жизнь и всякой другой женщины. Правда, будь эта женщина ей совсѣмъ чужая, Вѣра не стала бы такъ оберегать ее отъ всякой случайности. Только опять-таки лучше бы, если бы Зина была другомъ ея дѣтства, дочерью благодѣтельствовавшаго ее человѣка и т. п. Это было бы потому лучше, что не было бы „легальнаго“ препятствія къ браку Вѣры съ Славцовымъ, а было бы только нравственное препятствіе, какъ результатъ характера и убѣжденій героини. Положеніе не было бы безвыходнымъ по закону писанному; оно оказалось бы таковымъ по закону нравственному. Такія ненужныя осложненія только путаютъ вопросъ, и безъ того неразрѣшимый въ отдѣльных, частныхъ случаяхъ. И если можно искать его разрѣшенія, то единственно въ общихъ положеніяхъ, не осложняемыхъ близкимъ родствомъ, которое всегда будетъ неодолимымъ препятствіемъ для счастья влюбленныхъ. Въ прошедшемъ году, напримѣръ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ романъ, разыгравшійся между родными братомъ и сестрой, рожденными отъ разныхъ матерей. Такіе же романы возможны и случались въ дѣйствительной жизни, гдѣ героями были вотчимъ и падчерица, пасынокъ и мачиха... Это все частности, отнимающія у романа или умаляющія его общественное значеніе. Въ романѣ г-жи Назарьевой положенія очерчены правильно, характеры дѣйствующихъ лицъ выражены съ достаточною ясностью и полнотою; преувеличеній почти нѣтъ даже въ изображеніи главной героини—Вѣры Муратовой. Вообще, повторяемъ, романъ хорошъ, хотя написанъ и не безъ крупныхъ промаховъ, заключающихся въ томъ, что дѣйствующія лица не столько говорятъ между собою, сколько думаютъ вслухъ, оставаясь одни; когда же они находятся въ обществѣ и „вслухъ“ думать имъ неудобно, тогда авторъ сообщаетъ читателю съ большою точностью всѣ ихъ сокровенныя мысли. Для авторовъ такой пріемъ представляетъ своего рода удобства; но, во всякомъ случаѣ, онъ свидѣтельствуетъ о недостаточной литературной опытности писателя и о неумѣннн его выяснить желаемое, не подказывая читателю. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно трудно избѣжать такихъ „разговоровъ въ сторону“, выдержекъ изъ дневниковъ и писемъ; но къ нимъ прибѣгать слѣдуетъ какъ можно рѣже, и уже отнюдь не должно отводить „мыслямъ про себя и вслухъ“ такого преобладающаго мѣста, какое оно занимаетъ въ романѣ г-жи Назарьевой.

Мракъ. Дм. Муравлина. Спб., 1886 г. „Скоро—да не споро“, говорить старая пословица. Наши молодые писатели знать ее не хотятъ, и очень дурно дѣлаютъ. Первый самый маленькій и самый сомнительный успѣхъ производитъ на нихъ какое-то опяняющее впечатлѣніе; необдуманная похвала какого-нибудь газетнаго рецензента сразу вскруживаетъ имъ голову и разстраиваетъ нервную систему до своеобразнаго психоза, до своего рода литературной витговой пляски, заставляющей одержимыхъ ею грамотныхъ людей строчить безъ удержа романъ за романомъ. Г. Муравлинъ — человѣкъ довольно грамотный;

судя по его первымъ двумъ романамъ, *Теноръ* и *Баба*, и при нѣкоторой снисходительности критики къ начинающему писателю, можно было находить въ его писаніяхъ проблески таланта. Легкомысленное сравненіе его въ одномъ газетномъ фельетонѣ съ Тургеневымъ и Толстымъ такъ губительно повліяло на молодаго человѣка, что онъ съ небольшимъ въ годъ своей литературной карьеры дописался до *Мрака*. И мы опасаемся, что теперь уже его никакая сила не удержитъ отъ дальнѣйшаго уничтоженія бумаги. Положимъ, занятіе это вполнѣ безобидное и для поддержанія бумажной торговли даже полезное; тѣмъ не менѣе, все-таки, жаль; вѣдь, что ни говори, а проблески таланта у него были и погасли въ обуявшемъ его *мракъ* тяжкаго недуга— „scripturiosis“ a“. На другихъ, занемогающихъ тѣмъ же недугомъ, могутъ имѣть отрезвляющее вліяніе отказы редакцій журналовъ печатать плоды ихъ прискорбнаго психоза. Къ сожалѣнію, это спасительное средство непримѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда авторы, подобно г. Муравлину, печатаютъ свои произведенія не въ журналахъ, а собственнымъ изданиемъ, отдѣльными книжками. Фабула новаго романа г. Муравлина годилась бы, пожалуй, для водевиля, для небольшой комедіи и совершенно свободно умѣстилась бы въ два коротенькихъ акта. Дѣло вотъ въ чемъ: милліонеръ и крупный петербургскій чиновникъ Іоасафъ Николаевичъ Варжинъ пятидесяти лѣтъ женился на молоденькой и очень хорошенькой барышнѣ Александрѣ Дмитріевнѣ. Года два или три они жили пречудесно: Варжинъ нѣжно любитъ жену, она обожаетъ своего Сафу, считаетъ его умнѣйшимъ, ученѣйшимъ, дѣльнѣйшимъ, добрѣйшимъ, — словомъ, превосходнѣйшимъ изъ людей. Въ немъ молодая женщина видитъ полное олицетвореніе идеала мужчины. Въ обществѣ красавица Варжина пользуется самою завидною репутаціей милой, умной и безукоризненно „честной“ женщины. Этотъ послѣдній эпитетъ она принимаетъ въ высшей степени серьезно, дорожитъ имъ и гордится. Въ нее влюблены трое: ея двоюродный братъ, Зябловъ, студентъ-дуракъ, бредящій оперой, говорящій только фразами изъ оперныхъ либретто; влюбленъ и тайнѣ страдаетъ Нарѣзовъ, подчиненный ея мужа, умный и хитрый, но замѣчательно безобразный собою молодой человѣкъ, и красивый, пользующійся большимъ успѣхомъ у женщинъ Константинъ Григорьевичъ Раховскій, секретарь Варжина; всѣ трое—отъявленные мерзавцы. Героиня добродушно смѣется надъ влюбленностью кузена и совѣтуетъ ему побольше заниматься лекціями. не подозрѣваетъ любви Нарѣзова и сама не совсемъ равнодушна къ Раховскому. Но она „честная женщина и любитъ своего мужа“, какъ подбаиваетъ „честной женщиной“. Эта фраза повторяется постоянно, точно припѣвъ къ водевильнымъ куплетамъ. Нарѣзовъ втирается въ Варжину въ качествѣ управляющаго имѣніемъ и, хорошо сознавая свое безобразіе, возлагаетъ смутную надежду на время лѣтнаго пребыванія Александры Дмитріевны въ деревнѣ; а пока онъ подготавливаетъ почву тѣмъ, что подрываетъ въ умѣ молодой женщины авторитетъ и обаяніе мужа. Нарѣзовъ такъ расхваливаетъ Іоасафа Николаевича, что Варжиной вдругъ становится ясно все ничтожество, пустота и негодность супруга, котораго „она обязана любить, какъ честная женщина“. Это происходитъ въ двѣ-три минуты, совсемъ по водевильному. Нарѣзовъ почву приготовилъ, однако же, не для себя; подвернулся Раховскій и объяснился въ любви. Варжина отвѣтила, что тоже его любитъ, но, „какъ честная женщина“... и т. д. Начинается длиннѣйшее и довольно скучное

„flirtation“, не прекращающееся и въ деревнѣ, гдѣ собралась вся компанія. Александра Дмитріевна сначала позволяет цѣловать себя Раховскому, потомъ сама его цѣлуетъ, потомъ оба цѣлуются, но все это она продѣлываетъ „какъ честная женщина“. Она сходится съ нимъ на ночныя свиданія, не забывая, все-таки, своего любимаго припѣва къ „докучной“ пѣсенкѣ. Наконецъ, эта канитель надоѣла обоимъ и, повидимому, автору тоже... А ужь если бы онъ зналъ, какъ намъ-то надоѣла!... И вотъ г. Муравлинъ ведетъ дѣло къ развязкѣ. Ночью на балконѣ Варжина объявляетъ Раховскому, что она — „честная женщина“... и что отношенія ихъ не измѣнятся, „пока живъ ея мужъ“. Нарѣзовъ подслушалъ этотъ разговоръ и, дѣлая видъ, что ничего не подозреваетъ, внушаетъ Раховскому мысль о возможности отравить Варжина, нисколько не рискуя попасть въ отвѣтъ. Идея понравилась Раховскому; онъ подѣлился ею съ Александрой Дмитріевной. Та было испугалась сначала, но скоро согласилась, и такъ ей захотѣлось поскорѣе „измѣнить ихъ отношенія“, что она стала настоятельно требовать отъ Раховскаго добыть ей мышьяка. Тутъ уже струсилъ Раховскій и, вмѣсто мышьяка, далъ ей въ бумажкѣ толченаго сахару. Варжина завернула сахаръ въ облатку и, подъ видомъ лѣкарства дала мужу, страдавшему ревматизмомъ. Продѣлавши это, она прибѣгаетъ въ ужасѣ. „Вотъ до чего ты меня довелъ! — говоритъ она Раховскому. — Я отравила мужа изъ-за тебя“... — „Успокойся, милая, дорогая, — шепнулъ онъ, — я тебя обманулъ. Онъ не умретъ; это вовсе не ядъ“. — „Ахъ! — восклицаетъ она. — Какъ я счастлива! Теперь я твоя, твоя навѣки!“ Вѣчно поддарауливавшій ихъ Нарѣзовъ явился было помѣшать ихъ счастью; но Раховскій уличилъ его въ воровствѣ, выгналъ по шеѣ и... Александра Дмитріевна перестала повторять всѣмъ прискучившій припѣвъ: „я честная женщина“... „Она стояла на порогѣ террасы, счастливая, взволнованная, и думала: глупо быть честной, одной, среди нечестныхъ людей... На дворѣ было темно... Отъ горизонта до горизонта стался непроглядный мракъ“... Такъ кончается этотъ водеvilный романъ. Нѣтъ, виновать, онъ кончается словами: „Амъ! амъ! амъ!“ Такое подражаніе собачьему лаю встрѣчается нѣсколько разъ; это даетъ сумасшедшая сестра Варжина, вводное и ни на что не нужное лицо. Кромѣ этой безумной старухи, есть и еще нѣсколько вводныхъ лицъ, болѣе или менѣе каррикатурныхъ и не имѣющихъ никакого отношенія къ роману. Между ними слѣдуетъ отмѣтить нѣкую г-жу Жерикову, жену архитектора, страшнѣйше лицомъ, крайне грубую, грязную, пишущую какія-то ученныя книжки съ дикими заглавіями и находящуюся въ любовной связи съ Нарѣзовымъ. Ихъ грязная связь не скрашивается ни искрою чувства, ни намекомъ на какую-либо иллюзію. Смыслъ ея тотъ, что Жерикова, по своему безобразію, не нашла другаго самца, кромѣ Нарѣзова, а ограничиваться мужемъ не желаетъ; Нарѣзовъ такъ дурень, что не встрѣтилъ другой самки, кромѣ этой уродливой, которую оставила на его долю „конкуренція“. Какой же смыслъ во всемъ романѣ и какой изъ него выводъ? Мы думаемъ, что изъ романа г. Муравлина нельзя сдѣлать никакого вывода, потому что въ немъ нѣтъ никакого смысла. Авторомъ изображено стадо свиней, злыхъ и не имѣющихъ понятія о человѣческихъ чувствахъ, умныхъ ровно настолько, чтобы снискивать себѣ обильный кормъ, ничѣмъ не брезгуя, и грызться изъ-за самокъ, не признавая ни родства, ни дружбы. Попала въ это стадо молодая свинка, бѣленькая и чистенькая, выхолонная въ обратномъ

хлѣвъ; но, увидавши, что всё валяются въ грязи и чавкаютъ всякую дрянь, понемногу и сама ползла въ грязную лужу, нашла, что тамъ мягко, и забралась по уши, стала свинья свиньей, какъ ей то суждено самою природой. Во всемъ разсказанномъ авторомъ нѣтъ даже намека на нравственную борьбу, на драму. Герония Варжина твердитъ, что она „честная женщина“, не понимая значенія этихъ словъ, и перестаетъ быть „честной“ при первомъ представившемся къ тому случаѣ. Избранный ею любовникъ, Раховскій, отличается отъ ея мужа только молодостью; во всемъ же остальномъ они похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды или, вѣрнѣе, какъ двѣ свиньи. О любви только пустые разговоры ведутся, и собственно то, что разумѣется подъ словомъ „любовь“, въ романѣ г. Муравлина можетъ быть наблюдаемо въ любомъ стадѣ. Заблужденный, потерявшій полную неудачу въ ухаживаніи за кузиною, идетъ въ прачечную искать любви прачки, за что и побить ея мужемъ, любви не добившись. Нарѣзовъ „покончилъ съ своею любовью“ еще проще—разозлился и плюнулъ. Раховской, видя, что его „честная“ возлюбленная тянетъ скучную канитель, готовъ послѣдовать примѣру Нарѣзова. „Саша ему надоѣла,—говоритъ авторъ.—Онъ не зналъ, какъ съ ней быть“... „Положимъ,—думалъ Раховскій,—она очень хороша, никто мнѣ такъ не нравился; я даже одно время могъ сказать, что влюбленъ въ нее до безразсудства... Она удивительно красивая женщина, но глупа“... „Вылинула вся его любовь; одна сукка осталась... Развѣ весело ждать?“ Онъ, однако же, подождать еще немного и, какъ мы видѣли, дождался хорошенькой, но глухой женщины, при водевильной развязкѣ. Все это мелко, грязно и грубо. Характеровъ нѣтъ; есть только внѣшніе образы. Драмы нѣтъ; есть лишь разсказъ о свинскомъ житіи нѣсколькихъ негодныхъ людей. Если авторъ думалъ написать на что-то и на кого-то сатиру, такъ это ему не удалось; онъ написалъ плохую каррикатуру на нѣсколькихъ чиновниковъ одного изъ многочисленныхъ департаментовъ по вѣдомству „переливанія изъ пустаго въ порожнее“. Г. Муравлинъ чрезвѣрно торопится завоевать себѣ славу романиста и выходитъ: „скоро, да не споро“. А, вѣдь, искорки таланта у него были; во *Мракѣ* ихъ уже незамѣтно.

Мелкіе разсказы. Переводъ Софьи Александровны Гулишамбаровою (Даниловой). Тифлисъ, 1886 г. Въ этой книжкѣ собрано 23 разсказца извѣстныхъ французскихъ мастеровъ писать „мелочи“ для ежедневныхъ и еженедѣльныхъ парижскихъ газетъ. Тутъ есть имена Теодора де-Банвиля, Гюи де-Мопассана, Л. Кладеля, Э. Зола, Кат. Мендеса и др. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали своею спеціальностью „мелкіе разсказы“ и достигли въ нихъ высокой степени совершенства. Главное достоинство произведеній этого рода заключается въ превосходной отдѣлкѣ слога, въ необыкновенной тонкости, нѣжности и гибкости языка. У французовъ такіе разсказы представляютъ собою своего рода миниатюры, прелестныя своимъ изяществомъ и граціозностью. При переводѣ на русскій языкъ, какъ бы хорошъ ни былъ переводъ, непременно кое-что утрачивается по самому свойству нашего языка, менѣе податливаго, чѣмъ французскій, на недомолвки и „легкіе“ намеки на очень „грубыя“ вещи. Въ переводѣ такіе разсказы возможны лишь тогда, когда переводчикъ владѣетъ русскимъ языкомъ въ такомъ же совершенствѣ, въ какомъ авторы оригинала владѣютъ французскимъ, и когда переводчикъ не уступаетъ этимъ послѣднимъ

въ знаніи ихъ роднаго языка. Переводчикъ этихъ художественныхъ „бездѣлушекъ“ долженъ быть самъ художникомъ. Софья Александровна Гулишамбарова взялась рѣшительно не за свое дѣло и перевела прелестные французскіе рассказы такъ, что съ оригиналомъ въ нихъ не осталось ни малѣйшаго сходства. Въ ея переводѣ выходятъ иногда совершенная чепуха. Напримѣръ, одинъ господинъ играетъ въ Монако и выигрываетъ каждую ставку въ рулетку. „Теперь,—читаемъ мы въ переводѣ,—передъ нимъ лежала грудa золота и депозитокъ, и вотъ онъ принялся *неистово метать банкъ*“. Переведено это весьма *неистово*: авторъ, Фр. Коппе, въ рулетку играетъ и знаетъ, что въ этой игрѣ никто никакого банка *не мечетъ*; а вотъ Софья Александровна этого не знаетъ и хватила „не изъ той оперы“. На той же страницѣ: „Теперь же, *позетируя* по двѣсти и по триста лудировъ заразы“... Выдумывать такія „неистовыя“ слова, какъ *позетируя*, совсѣмъ непроизвольно и напрасно дѣлаетъ Софья Александровна такія *неистовства*; слѣдовало просто сказать: *ставя*. Въ переводахъ Софьи Александровны часто нельзя доискаться никакого смысла, не говоря уже о ихъ грубости. Вотъ примѣръ на выдержку: „Мари безсильно упала въ объятія своего любовника... Когда ихъ восторги стихли, оставивъ послѣ себя сладкую нѣгу въ изнеможенномъ тѣлѣ, Мишель только тогда увидѣлъ слезы на глазахъ своей любовницы, но онъ былъ увѣренъ, что это были слезы счастья. Онъ повлялся! Когда слава объ его блестящемъ успѣхѣ разнеслась по всему Парижу, друзья и покровители Мишеля обозвали его любовь палостью, заговорили о Мари, какъ о „погибшемъ созданіи“, и упрекали его своими благодѣянiami. Онъ мужественно протестовалъ, пока дѣло касалось его и Мари, но упреки въ поданной ему милостынѣ поколебали его, сломили его силу“... Не понимаете, читатель? И немудрено, Софья Александровна тоже не понимаетъ. Чтобы понять, надо перевести обратно на французскій языкъ, тогда ясно будетъ, что Мишель „не влялся“, а „у него вырвалось рѣзкое слово“. Это напоминаетъ намъ, какъ одна барышня перевела солдатскій „югон“: *Nom d'une pipe!*... словами: „Названіе одной трубки“...

ФИЛОСОФІЯ.

„Прошедшее философiи“. *E. de-Roberti*. — „*Les principes de la morale*“. *E. Beauissire*.

Прошедшее философiи. Е. де-Роберти. Томъ I. М., 1886 г. Г. де-Роберти приступилъ къ изданію обширнаго труда, первая часть котораго, теперь вышедшая, заключаетъ въ себѣ *историческія данныя*. Авторъ извѣстенъ уже своими сочиненіями, одно изъ которыхъ переведено имъ для международной библіотеки на французскій языкъ *) и вызвало сочувственные отзывы въ иностранной научной печати (напримѣръ, въ книгѣ Гумпловича **). Въ предисловіи къ французскому изданію своей *Соціологии* г. де-Роберти рѣзко заявилъ, что въ Россіи его книгу не сумѣли оцѣнить, что русскіе рецензенты не высказали ни одного дѣльнаго замѣчанія, которымъ авторъ могъ бы воспользоваться. При такой неподготовленности нашей къ разбору сочиненій

*) *Соціология*, Спб., 1880.

**) *Русская Мысль* 1885 г., кн. XI, „Научный обзоръ“.

г. де-Роберти, мы рѣшаемся, все-таки, привѣтствовать его новую работу, какъ очень утѣшительное явленіе въ нашей философской литературѣ, бѣдной самостоятельными трудами.

„Философія, — говоритъ г. де-Роберти, — разсматриваемая съ исторической точки зрѣнія, составляетъ продуктъ общественной культуры и входитъ въ обширный кругъ явленій, изучаемыхъ частною наукою — соціологіей“. Исторія философіи для философской спекуляціи имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Г. де-Роберти ссылается въ этомъ случаѣ на Ланге и указываетъ на то, что философы не могли избѣжать крупной ошибки, заключавшейся въ томъ, что о мнѣніяхъ своихъ предшественниковъ они высказывались съ точки зрѣнія собственныхъ теоретическихъ положеній. Авторъ признаетъ, что соціологія, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, доставляетъ философіи необходимый для нея матеріаль. Для насъ въ этомъ разсужденіи г. де-Роберти представляется нѣкоторая неясность. Онъ утверждаетъ, что „научное изслѣдованіе прошлаго философіи возможно только на почвѣ соціологіи и съ помощью ея методовъ“. Между тѣмъ, въ первой части его сочиненія мы имѣемъ, какъ намъ кажется, живо и талантливо написанную исторію философіи съ точки зрѣнія положительной философіи. Собственно соціологической почвы мало замѣтно въ этомъ изслѣдованіи. Разъясненію нашего недоумѣнія послужать, быть можетъ, слѣдующія книги *Прошедшаго философіи* *).

Г. де-Роберти разъясняетъ, что матеріализмъ и идеализмъ, съ исторической точки зрѣнія, составляютъ двѣ крайности, два противоположныхъ полюса одного и того же умственного состоянія, порождаемаго неполнотою и отрывочностью нашихъ знаній о природѣ, человѣкѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Какъ идеализмъ, такъ и матеріализмъ отпращиваются отъ непровѣряемыхъ общихъ гипотезъ.

Третьей группой философскихъ системъ является сенсуализмъ. „Частною, по своему происхожденію, биологической гипотезой, не ожидая провѣрки ея въ предѣлахъ специальной науки, сенсуализмъ смѣло, но, разумѣется, крайне поверхностно объясняетъ всю совокупность явленій“. Это ученіе приписываетъ происхожденіе идей дѣйствию чувствъ, всѣ психологическіе процессы старается объяснить матеріальною чувствительностью. „Для настоящаго сенсуалиста все есть ощущеніе и чувственное воспріятіе, фактъ біо-психической, какъ для настоящаго матеріалиста все есть движеніе и матерія, фактъ механико-физическій, или для чистаго идеалиста все есть идея, концептъ ума, фактъ наиболѣе сложной части психологіи, а также, въ извѣстной степени, и соціологіи“. Г. де-Роберти полагаетъ, что „матеріализмъ и въ особенности сенсуализмъ содѣйствовали несравненно болѣе, — чтобъ не сказать, мѣшали несравненно менѣе, — чѣмъ идеализмъ, установленію правильныхъ взглядовъ на характеръ и задачи обществознанія“. Сенсуализмъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ философіей, всегда являлся, наряду съ идеализмомъ и матеріализмомъ, самостоятельнымъ міропониманіемъ. Занимая въ отвлеченной классификаціи философскихъ системъ среднее мѣсто между двумя названными, исторически сенсуализмъ является послѣ нихъ, составляя послѣднее звено метафизическихъ ученій, все болѣе и болѣе отступающихъ передъ развивающимся точнымъ знаніемъ.

*) Общее заглавіе труда г. де-Роберти: *Философія наукъ и научно-философскія системы*.

Положительныя научныя стремленія существовали во всё періоды исторіи философіи; но въ XVIII столѣтіи, не переставая еще быть смутными и не вполне сознанными, стремленія эти уже дѣлають громадный шагъ впередъ къ окончательному своему уясненію. Великая заслуга Конта и его преемниковъ состоитъ „въ превращеніи элементарнаго и неяснаго позитивизма прошедшаго въ опредѣленный, сознательный позитивизмъ настоящаго“.

„Философія наукъ,—такъ кончаетъ свою книгу г. де-Роберти,—не можетъ быть ни общею наукой,—терминъ, приложимый къ ней только метафизически,—ни тѣмъ менѣе наукою частной. Она основана на полномъ, завершившемся циклѣ отвлеченнаго знанія, и потому не можетъ ни слиться съ этимъ, ни войти въ него, какъ составное звено“. Философія наукъ „ни въ какомъ смыслѣ не можетъ сдѣлаться наукою; она должна оставаться міропониманіемъ“.

Мы вернемся къ замѣчательному труду г. де-Роберти, когда выйдетъ второй томъ *Прошедшаго философіи*. Его появленіе обѣщано авторомъ въ непродолжительномъ времени.

Les principes de la morale. Émile Beaussire. 1885. Въ современной французской литературѣ пробуждается сильный интересъ къ разработкѣ вопросовъ морали. Все чаще и чаще начинаютъ появляться сочиненія, специально посвящаемыя названнымъ вопросамъ. Въ подтвержденіе этого достаточно припомнить вышедшія въ послѣднее время работы Маріона, Фуиле, Гюйо, Секретана, не говоря уже объ отдѣльныхъ статьяхъ, разсѣянныхъ въ повременныхъ изданіяхъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что вопросы морали становятся любимой темой, на которой пробуютъ свои силы наличные представители философской мысли во Франціи. И любопытное явленіе, котораго нельзя не отмѣтить, ибо оно, повидимому, служить знаменіемъ времени: въ послѣднихъ сочиненіяхъ по морали ярко обнаруживается движеніе противъ утилитарныхъ доктринъ. Это движеніе замѣчается не только въ лагерѣ идеалистовъ-метафизиковъ, довольно многочисленныхъ на родинѣ Декарта, но и въ лагерѣ позитивистовъ, еще такъ недавно чаявшихъ видѣть въ ученіи Бентама-Милля научную теорію нравственности. Одинаково недовольные этою теоріей, оба лагеря ищутъ новыхъ рѣшеній стараго вопроса. Въ своихъ поискахъ идеалисты, естественно, обращаютъ взоры назадъ, къ классическимъ временамъ философіи, и тамъ находятъ основанія для своихъ построеній, носящихъ по большей части характеръ реставрируемой старины. Наоборотъ, позитивисты (Гюйо), повернувшись спиною къ прошлому, дѣлають новый шагъ впередъ.

Недавно вышедшая книга Боссира, заглавіе которой приведено выше, принадлежитъ къ работамъ первой категоріи. Боссиръ—старый и правотѣрный идеалистъ, уже давно извѣстный во французской литературѣ своими философскими трудами, среди которыхъ можно указать, между прочимъ, рядъ этюдовъ, появившихся въ разное время и посвященныхъ вопросамъ морали. Его новая книга является, такимъ образомъ, завершеніемъ многолѣтнихъ занятій, результаты которыхъ, вновь пересмотрѣнные и продуманные, сгруппированы въ ней въ одно стройное цѣлое. Она ставитъ себѣ цѣлью выяснить основные принципы морали, изъ которыхъ вытекають общія и частныя ея предписанія, и касается этихъ послѣднихъ лишь настолько, насколько они помогаютъ рѣшенію главной задачи. Нося на себѣ критико-догматиче-

скій характеръ, книга распадается на четыре отдѣла, которымъ предшествуетъ обширное введеніе, констатирующее современный нравственный кризисъ во Франціи. Въ первомъ и самомъ важномъ отдѣлѣ *формальной морали* авторъ устанавливаетъ основной принципъ нравственности, который онъ характеризуетъ абсолютною независимостью (отъ исторіи, метафизики, религіи и т. д.). Этотъ принципъ онъ выводитъ, слѣдуя Канту, изъ опредѣленія воли, причѣмъ повторяетъ безъ измѣненій знаменитую теорію нѣмецкаго философа. Категорическій императивъ автономной воли: „поступай такъ, чтобы правило твоего поведения могло стать всеобщимъ закономъ“, составляетъ, по мнѣнію Боссира, послѣднее основаніе нравственности. Но этотъ формальный принципъ, истинность котораго повѣряется далѣе критикою другихъ моральныхъ теорій, самъ по себѣ недостаточенъ вслѣдствіе своей абстрактности и оторванности отъ реальныхъ условій жизни; онъ нуждается въ дополнительныхъ началахъ, которыя авторъ разсматриваетъ въ дальнѣйшихъ частяхъ своего труда. Второй отдѣлъ онъ посвящаетъ *субъективной морали*, гдѣ излагаетъ ученіе о личности и условіяхъ нравственнаго вмѣненія, захватывая попутно многіе другіе философскіе вопросы. Третій отдѣлъ, *мораль объективная*, содержитъ въ себѣ ученіе о нравственно-добротѣ, т.-е. о томъ, что можетъ и должно быть предметомъ моральнаго дѣйствія. Здѣсь авторъ, обсуждая различныя теоріи, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на утилитарной доктринѣ и, подвергая ее въ лицѣ Спенсера строгой критикѣ, старается указать истинное мѣсто, какое долженъ занимать принципъ пользы въ области нравственности. Отдѣлъ оканчивается изложеніемъ ученія объ обязанностяхъ. Наконецъ, четвертый и послѣдній отдѣлъ книги носитъ названіе *морали метафизической и религіозной*. Какъ можно догадаться по самому названію, авторъ пытается здѣсь доказать, что защищаемая имъ нравственная догма, самостоятельная и независимая сама по себѣ, находить, однако, свое естественное завершеніе въ идеѣ Бога, которая является вмѣстѣ и наиболѣе совершеннымъ воплощеніемъ этическаго идеала, и высшею санкціей моральнаго закона.

Изъ этого краткаго обзора содержанія книги читатель видитъ, что она обнимаетъ собою всѣ существенныя части этики, располагая ихъ въ обычномъ порядкѣ. Чего-либо новаго и важнаго она не вноситъ въ разсматриваемые ею вопросы; но, умѣло пользуясь позднѣйшими работами, она даетъ болѣе широкое толкованіе великой мысли кенигсбергскаго философа, ученіе котораго, къ слову сказать, излагается въ ней съ большою ясностью и, въ качествѣ основной идеи, проводится отъ начала и до конца съ похвальною послѣдовательностью. Лучшая сторона книги—ея критическія страницы, а наиболѣе слабая ея часть—отдѣлъ, посвященный метафизической и религіозной морали. Въ общемъ новая работа Боссира, проникнутая искреннимъ убѣжденіемъ, читается съ интересомъ, который, независимо отъ достоинствъ труда и высокой важности темы, немало поддерживается живымъ изложеніемъ автора.

И С Т О Р И Я.

„Переходъ Россіи къ регулярной арміи“. П. О. Бобровскаго. — „Полное собраніе сочиненій“ кн. П. А. Вяземскаго. — „Die Hanse und ihre Handelspolitik“. Prof. Dr. Dietrich Schäfer.

Переходъ Россіи къ регулярной арміи. Изслѣдованія П. О. Бобровскаго. Спб., 1885 г. Не входя въ подробное разсмотрѣніе названнаго труда, мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей хотя бы съ программой новаго историческаго изслѣдованія П. О. Бобровскаго, пользующагося извѣстностью въ военно-юридическомъ мірѣ уже по самому своему положенію (П. О. Бобровскій состоитъ начальникомъ военно-юридической академіи). П. О. Бобровскій задался цѣлью разсмотрѣть подробно ту часть *Артикула воинскаго* (отъ главы V до XII включительно), которая наиболѣе близко касается быта постояннаго войска въ государствѣ, выяснивъ, главнымъ образомъ, тѣ мотивы, которыми руководился Петръ Великій, стараясь улучшить солдатскую жизнь и точными военно-уголовными законами оградить интересы государства отъ злоупотребленій въ довольствіи войскъ; злоупотребленія эти неминуемо вносятъ въ военный бытъ деморализацію; сильно подрываютъ авторитетъ власти и распатываютъ дисциплину, столь необходимую для всякой правильно организованной арміи. Разсматриваемый нами трудъ, составляя, однако, только вступленіе къ разбору вышеупомянутыхъ главъ, заключаетъ въ себѣ три главныхъ отдѣла: 1) переходъ къ регулярнымъ войскамъ въ Европѣ, 2) характеристику устройства и содержанія русскихъ войскъ въ XVI и XVII стол. и 3) учрежденіе регулярной арміи въ Россіи и составленіе для нея новыхъ законовъ. Кромѣ того, въ началѣ сочиненія мы находимъ перечень источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ при составленіи своего труда, причемъ онъ даетъ имъ краткую оцѣнку; изъ этого перечня усматривается, что авторъ, помимо извѣстныхъ до сихъ поръ сочиненій, имѣлъ подъ рукою большое количество различныхъ историческихъ памятниковъ и архивнаго матеріала, послужившихъ главнымъ основаніемъ для его изслѣдованій и давшихъ ему возможность представить читателю весьма интересную картину нашей русской старины съ ея своеобразными законами и учрежденіями.

Такъ какъ военное и бытовое устройство западно-европейскихъ армій неминуемо отражалось и на нашей военной организаціи, то авторъ въ первой главѣ своего сочиненія представляетъ, въ общихъ чертахъ, тѣ условія и причины, подъ вліяніемъ которыхъ большая часть государствъ Западной Европы стала постепенно отказываться отъ устарѣлыхъ средневѣковыхъ способовъ организаціи и содержанія войскъ и устанавливала новые военные законы. Затѣмъ, охарактеризовавъ войска Западной Европы XVI и XVII стол. и разсмотрѣвъ ихъ комплектованіе, организацію и всякаго рода довольствіе, авторъ переходитъ къ описанію условій, опредѣлившихъ въ послѣдствіи переходъ къ постояннымъ національнымъ войскамъ; при этомъ онъ излагаетъ наиболѣе характерныя взгляды на этотъ вопросъ Макіавели и Густава-Адольфа, выразившіяся у перваго въ его сочиненіи *Dell'Guerra*, а у втораго въ изданныхъ имъ законахъ и въ устройствѣ всего военнаго быта шведской арміи, которая рядомъ блестящихъ побѣдъ въ Германіи въ 30-ти лѣтнюю войну показала все превосходство системы Густава-Адольфа.

Во второй главѣ авторъ, представивъ довольно подробный очеркъ какъ общаго, такъ и военнаго управленія Московскаго государства и его администраціи (приказы, разряды, избы, намѣстники, волостели, воеводы, головы, избные старосты и т. п.), переходитъ къ описанію всѣхъ своеобразныхъ особенностей нашей военной системы XVI и XVII стол. (помѣстная, иноземная), послѣ чего уже описываетъ организацію и составъ вооруженныхъ силъ нашего государства (войска: а) постоянныя и временныя, б) національныя, татарскія, козаки степные и иноземцы, в) помѣстныя, поселенныя и непоселенныя), причѣмъ особенно подробно разсматриваетъ принятые тогда способы содержанія войскъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Многія изъ приводимыхъ авторомъ подробностей по части военнаго хозяйства той эпохи еще не появлялись до сихъ норъ въ печати. При разсмотрѣніи различныхъ способовъ снабженія нашей арміи и тѣхъ расходовъ, которые несло государство по содержанію вооруженныхъ силъ, авторъ указываетъ и на тѣ источники, откуда казна почерпала нужныя для этого средства, равно какъ и на мѣры, принимавшіяся правительствомъ для покрытія экстренныхъ военныхъ расходовъ. Въ концѣ этой главы приводятся причины постепеннаго паденія и разстройства помѣстныхъ и поселенныхъ войскъ, равно какъ и упадка моральнаго духа во всей русской арміи; въ заключеніе же разсматриваются законы той эпохи, служившіе для охраны порядка и благоустройства русскихъ войскъ.

Глава третья посвящена описанію собственно перехода Россіи къ регулярной арміи. Въ началѣ представлены мѣры Петра I по устройству высшаго военнаго управленія (до учрежденія военной коллегіи), причѣмъ особенное вниманіе обращено на выясненіе значенія въ то время должностей генераль-крюгсъ-коммиссара и генераль-фельдцейхмейстера, какъ главныхъ распорядителей по военному хозяйству. Затѣмъ, описавъ учрежденіе первой регулярной пѣхоты и тѣ преобразованія, которыя сдѣланы были Петромъ I въ системѣ содержанія войскъ, авторъ представляетъ мѣры, предпринятыя послѣ нарскаго пораженія великимъ преобразователемъ для кореннаго переустройства русской арміи съ цѣлью противопоставить хорошо обученной и боевой арміи Карла XII войска, способныя съ ней сразиться, а не беспорядочныя толпы прежнихъ войскъ, созывавшихся только въ случаѣ необходимости. Здѣсь же авторъ изображаетъ мѣры, принятыя Петромъ I для увеличенія средствъ государства и для упорядоченія снабженія войскъ жалованьемъ и продовольствіемъ, причѣмъ весьма рельефно рисуетъ всѣ невыгоды приказной системы управленія русскихъ войскъ XVII стол. Въ концѣ этой главы авторъ довольно подробно излагаетъ, какимъ образомъ составлялся нашъ первый сводъ военныхъ законовъ (*Уставъ воинскій, Артикулы воинскій*), указывая и характеризуя какъ русскій, такъ и иностранный законодательный матеріалъ, послужившій основаніемъ для этого свода. Послѣдній, по мнѣнію автора, представляетъ какъ бы зачатокъ военнаго правосудія въ Россіи, признававшася въ эпоху Петра I необходимымъ условіемъ благоустройства арміи.

Представивъ, такимъ образомъ, нашимъ читателямъ только какъ бы программу труда г. Бобровскаго, позволяемъ себѣ прибавить, что онъ составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу военную литературу и, вѣроятно, съ удовольствіемъ и пользою будетъ прочитанъ не только специалистами, но и всѣми интересующимися нашею стариною.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ X. 1853—1878 гг. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб., 1886 г. Въ этомъ только что вышедшемъ томѣ напечатаны 15—32 записныя книжки покойнаго князя. Говоря о IX томѣ *Полнаго собранія* его сочиненій (*Русск. Мысль* 1885 г., кн. III, стр. 22, „Библ. отд.“), мы уже объясняли, что кн. Вяземскій не вель запсокъ или мемуаровъ, а вносилъ свои „замѣтки“ въ небольшія записныя книжки, не соблюдая хронологической послѣдовательности. Въ этихъ книжкахъ встрѣчаются иногда какъ бы отрывки настоящихъ мемуаровъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, напримѣръ, цѣлый днѣвникъ, веденный авторомъ во время довольно продолжительнаго пребыванія его въ Венеціи. Въ другихъ книжкахъ мы находимъ тоже дневники поѣздокъ князя по Германіи и Франціи, но въ отрывочной формѣ памятныхъ замѣтокъ; такъ, въ „книжкѣ 19“, подъ 1854 г., мы читаемъ: „Баденъ-Баденъ, 13 апрѣля. Писалъ Горчакову. Послалъ стихи Гани.—16. Пріѣзжала Столыпина изъ Карлсруэ. Холодъ, дождь, вѣтеръ.—20. Пишу Булгакову: второстепенныя и маленькія нѣмецкія державы вообще за насъ. За то двѣ большія державы ставятъ себѣ за честь стоять гайдуками на запяткахъ кареты, въ которой изволятъ прогуливаться ихъ величества Гришка Отрепьевъ и Марина-Викторія. Смѣшеніе тѣней и сіяній на горахъ меня всегда восхищаетъ.—Май 1. Писалъ Булгакову съ вѣтвой Жуковской“ и т. д. въ томъ же родѣ. Кн. Вяземскій называетъ Гришкой Отрепьевымъ и самозванцемъ Наполеона III, Мариною—то имп. Евгенію, то англійскую королеву. Наполеона онъ обзываетъ иногда „Наполеошкой“ и разъ или два совсѣмъ непечатнымъ словомъ („кур...нымъ сыномъ“), которое, однако же, сполна напечатано на 98 страницѣ. Въ періодъ, предшествовавшій крымской войнѣ, кн. Вяземскій рѣзко осуждаетъ нашу дипломатію и дипломативъ. „Съ турками,—говоритъ авторъ,—должна быть у насъ и дипломативъ азіатская, которая намъ, впрочемъ, очень сродна. А мы отезынаемся отъ своей полу-азіатской природы и дипломатизируемъ на французскій и англійскій ладъ“... „Недаромъ есть у насъ татарщина, которая должна была бы сблизать насъ съ турками. Русская тонкость, лукавство, смелливость сами собою изъ каждаго умнаго русскаго дѣлаютъ дипломата. А мы свою дипломатію вѣрили совершенно анти-русскимъ началамъ. Что можетъ быть противоположнѣе русскому какому-нибудь Брунову? Можетъ быть, онъ не продастъ Россію, но вѣрно выдастъ ее, частью вѣдѣніемъ, частью невѣдѣніемъ, невѣдѣніемъ потому, что онъ не понимаетъ Россіи... Вѣдѣніемъ потому, что гдѣ ему... огрызаться зубъ за зубъ съ Пальмерстономъ, который долженъ давить его и сгибать въ три погибели своимъ барствомъ и высокохвріемъ? Ему ли... У Нессельроде есть, по крайней мѣрѣ, русскіе мериносы, „но у этого... бобыля Брунова нѣтъ“. Достается отъ кн. Вяземскаго не одному Брунову и не однимъ дипломатамъ. Въ книжкѣ 17. подъ 14 мая 1853 г., мы читаемъ: „Дивлюсь, что у насъ не учредятъ ордена гражданскія шпаги за храбрость, или гражданскаго Георгія, для вознагражденія смѣльчаконъ, подобныхъ, напримѣръ, Норову, который, никогда не занимавшисъ фивансовою частью, пошелъ прямо въ товарищи министра финансовъ. Это по мнѣ еще смѣлѣе, чѣмъ первому пойти на приступъ“. Подъ 18 мая: „Вечеромъ узналъ изъ газетъ о смерти Шихматова... Неужели послѣ него будетъ министерствовать Норовъ? А почему же нѣтъ? Была пословица: что городъ, то норовъ. Теперь

можно сказать: что министерство, то Норовъ. Не говорю о министерствахъ, которыя хотя и безъ Норовыхъ, а съ норовомъ". Не шадить кн. Вяземскій и нашего посла въ Парижѣ, гр. Киселева. Позднѣе онъ смягчился относительно императрицы Евгении, которая такъ очаровала князя въ 1875 г., что его супруга телеграфировала ему: *ne vubisse*. Онъ отвѣчалъ: „*pas amour, mais grande sympathie*“.

Между замѣтками личнаго характера, выраженіями мыслей по поводу разныхъ лицъ и современныхъ событій въ „книжкахъ“ попадается много копій съ писемъ, полученныхъ кн. Вяземскимъ и имъ писанныхъ ко многимъ высокимъ и коронованнымъ особамъ, встрѣчаются выписки изъ прочтенныхъ имъ книгъ, выдержки изъ нѣкоторыхъ любопытныхъ документовъ, бывшихъ въ его рукахъ. Все это, по болѣе части, на французскомъ языкѣ и, къ сожалѣнію, безъ перевода.

Въ 1858 г. вотъ что писалъ кн. Вяземскій о нашемъ театрѣ: „25 мая. Былъ въ Михайловскомъ театрѣ. *Бѣдность не пороки* комедіи Островскаго. Игралъ Садовскій. Успѣхъ этой комедіи и восторгъ публики доказываютъ совершенное паденіе искусства и вкуса. Садовскій хорошо, т.-е. вѣрно игралъ, но что онъ представлялъ? Купца, который промотался и спился, но остался добрымъ человѣкомъ. Что тутъ за характеръ? Гдѣ творчество и художественность автора? Всѣ сцены сшиты на живую нитку и шиты лоскутъя. Единства, полноты, развитія нѣтъ“. „14 іюля. Русскій театръ наводитъ на меня всегда уныніе. Драматическая часть, игра актеровъ, все носитъ какой-то отпечатокъ пошлости и холопства, не исключая и публики“. Прошло съ тѣхъ поръ 28 лѣтъ и „отпечатокъ“ превратился, кажется, въ настоящее клеймо. „9 декабря (1859 г.). Давали *Грозу* Островскаго. Драма производить сильное впечатлѣніе. Мастерски разыграно“.

Очень большой интересъ представляетъ „книжка 29“ (1864 г. и слѣд.), заключающая въ себѣ: *Отвѣты М. П. Погодину на вопросы о Карамзинѣ*. Изъ письма къ Погодину отъ 23 апрѣля 1869 г. считаемъ не лишнимъ, для характеристики взглядовъ кн. Вяземскаго на людей, занимающихъ первыя мѣста въ нашей литературѣ, привести слѣдующую выписку: „Оставимъ Тургеневу превозносить Бѣлинскаго, идеалиста въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ онъ говорить. Мы съ вами въ такомъ случаѣ останемся *реалистами* въ смыслѣ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина. Эта статья Тургенева утвердила меня еще болѣе и окончательно въ моемъ предположеніи, что вездѣ, а навначе на Руси, *дарованіе* и умъ не близнецы и часто даже не свойственники и не земляки. У Тургенева, у Толстаго (*Война и миръ*) есть, безъ сомнѣнія, богатое дарованіе, но нѣтъ хозяина въ домѣ. Приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго въ глазахъ моихъ человѣкъ отпѣтый и просто сказать отпѣтый дуракъ“. Такіе взгляды на Бѣлинскаго и его почитателей, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще не перевелись и заявляются во всеобщее свѣдѣніе однимъ крупнымъ русскимъ журналомъ. Десятый томъ *Полнаго собранія сочиненій кн. Вяземскаго* заканчивается его переводомъ романа Бенжамена-Констана *Адольфъ*. - Переведенъ романъ въ 1829 г., что видно изъ письма кн. Вяземскаго къ Ал. Серг. Пушкину. Письмо это и переводъ давно забытаго романа очень любопытны, какъ образцы языка, которымъ писали передовые люди русскаго образованнаго общества 57 лѣтъ тому назадъ. Въ полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго можно почти шагъ за шагомъ прослѣдить постепенное измѣненіе языка въ теченіе 60 лѣтъ постоянной литературной дѣя-

тельности автора отъ начала текущаго столѣтїя до нашего времени. Въ „записныхъ книжкахъ“ князя Петра Андреевича мы, кромѣ того, имѣемъ богатый матеріалъ для характеристики многихъ лицъ, занимавшихъ видное положеніе въ обществѣ и литературѣ, взглядовъ того общества и кружка, къ которымъ принадлежалъ авторъ, на событія того времени, на явленія общественной жизни и на литературу. Вниманія достойно то обстоятельство, что такой фактъ громадной важности, какъ отмѣна крѣпостнаго права, прошелъ почти совершенно неотмѣченнымъ въ „запискахъ“ и „замѣткахъ“ кн. Вяземскаго.

Книга издана прекрасно; къ ней приложенъ „алфавитный указатель собственныхъ именъ“ съ обозначеніемъ страницъ, на которыхъ они упоминаются въ текстѣ.

Die Hanse und ihre Handelspolitik. Vortrag von Prof. Dr. Dietrich Schäfer. Iena, 1885. Германія въ настоящее время переживаетъ одинъ изъ тѣхъ крупныхъ моментовъ, которые не только не проходятъ безслѣдно для историческихъ судебъ страны, но и указываютъ совершенно новый путь развитїя. Германія одна изъ немногихъ великихъ странъ, которая до сихъ поръ обходилась безъ колоній, безъ обезпеченныхъ и безспорныхъ рынковъ, на которыхъ она могла бы сбывать свои товары; она не имѣла флота и не могла конкурировать въ торговлѣ съ другими морскими державами. А, между тѣмъ, ограничиться своими рынками она не можетъ, производство ея растетъ гигантски, внутреннее потребленіе не въ состояніи поглотить всю ту массу товаровъ, которую выкидываютъ на рынокъ ея фабрики. Нужно искать рынковъ, нужно послѣдовать примѣру другихъ великихъ европейскихъ державъ, тѣмъ болѣе, что по мѣстоположенію Германія могла бы создать себѣ болѣе самостоятельное положеніе въ морской торговлѣ. Было время, когда Германія не только конкурировала съ другими странами, но даже вытѣснила ихъ совершенно и нѣкоторое время имѣла монополию на всѣ важные тогда рынки. Это было время Ганзы. Теперь весьма естественно является вопросъ: какъ Ганза лишилась того значенія, которое имѣла, какъ нѣкогда владычица всѣхъ рынковъ, проникавшая даже въ глубь Россіи, Ганза потеряла свою силу и погибла?

Съ этой именно стороны интересно выяснитъ исторію Ганзейскаго Союза и показать, какими причинами обуславливалось процвѣтаніе, а потомъ паденіе нѣкогда богатыхъ и сильныхъ торговыхъ республикъ. Съ этою цѣлью профессоръ Шеферъ представилъ въ краткомъ очеркѣ *Исторію Ганзы*. Ганза, — говоритъ Шеферъ, — это средневѣковая Германія на морѣ; ея возникновеніе связано съ великими колонизаціонными періодами въ эпоху борьбы папы съ нѣмецкими королями, въ эпоху крестовыхъ походовъ. Нѣмцы были свѣжимъ, молодымъ народомъ; они устремились на сѣверъ и востокъ къ берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. Колонизація совершалась болѣе мирнымъ, чѣмъ военнымъ путемъ. Если при первомъ появленіи германцамъ приходилось вступать въ борьбу съ туземцами-язычниками, то послѣ покоренія язычниковъ наступала мирная политика основанія городовъ, а въ земледѣліи вытѣсненіе деревянной славянской кирки нѣмецкимъ желѣзнымъ плугомъ. Всѣ города нѣмѣцкой восточной Германіи нѣмецкаго происхожденія, вся область за Одеромъ и Вислой пріобрѣла нѣмецкое населеніе. Эта колонизація превратила нѣмцевъ въ приморскій народъ, такъ какъ дала имъ въ ихъ владѣніе всю длинную, богатую устьями полосу моря отъ Шлезвига до Финскаго залива. Надо принять во вниманіе,

что обладаніе Сѣвернымъ моремъ въ то время равносильно было владычеству надъ моремъ вообще; и дѣйствительно, всѣ народы поочередно переставали владѣть моремъ, когда переставали владѣть Сѣвернымъ моремъ (ганзейцы, голландцы, англичане). До сихъ поръ находятъ на сѣверѣ очень много слѣдовъ распространенія нѣмцевъ еще въ очень раннюю эпоху. Такъ, въ Готландѣ въ ратушѣ наравнѣ съ готами заѣдали нѣмцы, нѣмецкій языкъ былъ тамъ распространенъ, а въ первой трети XIII вѣка существовала даже нѣмецкая церковь. Кромѣ осѣдлыхъ нѣмцевъ, на сѣверѣ существовалъ многочисленный классъ странствующихъ торговцевъ въ Висби; они заключали договоры со Смоленскомъ и Новгородомъ, проникали въ глубь Россіи, въ Англію и Фландрію. Еще до основанія Ганзейскаго Союза частныя товарищества нѣмецкихъ купцовъ усильно боролись съ готами и вытѣснили ихъ со всѣхъ торговыхъ пунктовъ. Въ серединѣ XIV вѣка образовалась Ганза, главнымъ образомъ, для болѣе успѣшной заграничной торговли; это былъ союзъ торговыхъ городовъ, поддерживавшихъ другъ друга въ борьбѣ съ чужими торговыми соперниками, подчинявшихся общимъ торговымъ постановленіямъ, преслѣдовавшихъ ту же торговую политику. Въ теченіе XIV и XV вѣковъ они опутали Европу, отъ Пиринейскаго полуострова до Финскаго залива, сѣтью торговыхъ договоровъ, которые всѣ преслѣдовали одну цѣль — открыть нѣмецкой торговлѣ новые пути и всѣми средствами сохранить за собой исключительное или преимущественное право торговли. Когда они вступали въ торговые сношенія съ какимъ-нибудь народомъ, они начинали съ того, что просили только защиты отъ грабежей по законамъ страны, освобожденія отъ жестокихъ правилъ аваріи судовъ, освобожденія отъ круговой поруки, содѣйствія властей при взысканіи долговъ, уменьшенія пошлинъ, дозволенія раздробительной продажи, облегченій въ нагрузкѣ и выгрузкѣ судовъ, дозволенія рубить лѣсъ для починки судовъ и проч. Но на этомъ они никогда не останавливались, ибо главная и конечная цѣль ихъ было учрежденіе постоянной конторы съ самостоятельной юрисдикціей; они добивались, кромѣ того, права участія въ судѣ на случай споровъ между нѣмцами и туземцами, не упускали случая завоевывать себѣ льготы въ торговлѣ сравнительно съ другими пришлыми торговцами и проч. Въ завоеваніи этихъ преимуществъ они дѣйствовали дружно, сами подчиняясь суровому режиму, прочно охраняя свою самостоятельность и не допуская ни въ какомъ случаѣ сліянія съ туземцами. Такъ, браки съ туземными дѣвушками были запрещены, всякія сношенія внѣ торговыхъ дѣлъ затруднены, — все это съ цѣлью предотвращенія сліянія съ туземцами. Благодаря такой политикѣ, для проведенія которой они не колебались никогда въ выборѣ средствъ, они въ XIV вѣкѣ овладѣли всею торговлей, вытѣснили скандинавовъ, старыхъ владѣтелей морей, прогнали русскихъ, вѣдшихъ прежде съ торговыми цѣлями въ Готландъ и Любекъ, — однимъ словомъ, были почти единственными торговыми посредниками. Стоитъ вспомнить договоры Ганзы съ Новгородомъ, сохранившіеся въ нашихъ памятникахъ, чтобы получить представленіе о значеніи и силѣ ихъ въ теченіе XIV вѣка и позже.

Чѣмъ же объясняется ихъ сила? Многіе приписывали это военному значенію, какое имѣли города, но такое объясненіе невозможно уже потому, что ганзейцы, какъ купцы, по самой природѣ вещей должны были избѣгать войнъ, нарушавшихъ мирное теченіе торговли и тяжело отражавшихся на благосостояніи. Экономическіе интересы слишкомъ

преобладали, чтобы пускаться въ войны. Кромѣ того, Ганзѣ приходилось для веденія войны имѣть дѣло съ наемными войсками, управлять которыми торговому союзу было труднѣе, чѣмъ королямъ. Конечно, если этого требовали торговые интересы, они съ честью могли поддерживать свои привилегіи, какъ это было въ войнѣ съ Даніей, когда имъ пришлось отстаивать жизненный вопросъ—владычество въ Сѣверномъ морѣ, но, прежде чѣмъ начинать войну, они поступали совершенно по-купечески, десятки лѣтъ вели переговоры и старались дипломатическимъ путемъ обходить затрудненія. Преобладаніе Ганзы Шеферъ приписываетъ не военной ихъ силѣ, а *удачной политикѣ и дипломатіи*. Надо принять во вниманіе, что *средневѣковые* города были центрами ремесла и торговли и изъ всѣхъ городовъ, возникшихъ изъ королевскихъ и епископскихъ резиденцій, только тѣ получили значеніе, которые находились въ удобномъ для торговыхъ сношеній мѣстоположеніи. Мы теперь знаемъ множество городовъ, выросшихъ какъ административные центры; такихъ городовъ не знала средневѣковая Германія. Разъ какое-нибудь мѣсто могло воспользоваться удобнымъ своимъ положеніемъ, первое, что обращало его въ городъ, это выдѣленіе изъ окружающихъ деревень, самостоятельный судъ и управление, созданіе рыночныхъ правилъ и порядковъ, забота объ охранѣ мира и спокойствія. Органы, вѣдавшіе эти дѣла, есть зародыши городскихъ коллегій; они были хранителями торговыхъ обычаевъ, вѣсы и мѣры были специальной ихъ работой, въ ихъ рукахъ скоро сосредоточилась забота о выполненіи долговыхъ обязательствъ, долги вносились in des Rates Buch, въ присутствіи членовъ совѣта производились торговые сдѣлки, платежи и проч. Ueber das Buch geht kein Zeuge, гласитъ средневѣковая поговорка. Все управленіе въ ганзейскихъ городахъ было въ рукахъ купцовъ. In den Rat soll nicht kommen wer seine Nahrung mit Handwerk erwirbt, торговые интересы вытѣсняли всѣ другіе, а купцы—всѣ другія сословія. Засѣдавшіе въ ратушѣ купцы вырастали въ торговыхъ дѣлахъ, странствовали въ молодости много лѣтъ; молодыхъ людей воспитывали для того, чтобы приучить ихъ къ управленію торговыми городами. Нѣкоторые города, какъ, напр., Любекъ, были центрами, въ которыхъ всѣ жгучіе вопросы подвергались обсужденію, въ которыхъ всѣ важныя для торговаго сословія свѣдѣнія были извѣстны.

Настоящаго патриціата ганзейскіе города не знали и если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ городской совѣтъ былъ въ рукахъ торговыхъ компаній или обществъ, то послѣдніе не носили замкнутаго характера, ибо всякій купецъ съ незапятнаннымъ (по тогдашнимъ понятіямъ и требованіямъ) именемъ могъ имѣть туда доступъ, если только при этомъ былъ богатъ. А богатѣли они быстро, особенно въ торговлѣ съ нашимъ отечествомъ, такъ что, когда въ 1494 г. была закрыта новгородская контора, ганзейцы очень сожалѣли, что лишились мѣста, гдѣ „съ маленькими деньгами всего легче можно было разбогатѣть“.

Исключительное преобладаніе торговыхъ интересовъ давало Ганзейскому Союзу преимущество предъ скандинавами и англичанами. Въ то время какъ въ другихъ странахъ часто велись войны изъ-за династическихъ интересовъ и корона отстаивала свои права передъ сословіями, выростающими въ городахъ, ганзейцы пользовались этою борьбой и, совершенно не заботясь о національномъ единствѣ и созданіи государственной жизни, пользовались всѣми случаями распространять свою торговлю. Въ такомъ же положеніи находились въ средніе вѣка еще

только города въ Италіи, что такъ тяжело потомъ отразилось на національномъ единствѣ Германіи и Италіи. Когда Англія вела съ Франціей свои безконечныя войны, налогъ на шерсть въ Англіи былъ заложенъ у ганзейскихъ купцовъ, въ ихъ же рукахъ были англійскіе оловянные рудники и другія регалии, у нихъ въ закладъ была драгоцѣнная корона королевы, на итальянскія и ганзейскія деньги снаряжали англичане флотъ. Когда въ Даніи были внутреннія смуты, ганзейцы сдѣлались хозяевами Даніи и съ этою цѣлью соединились съ туземными дворянами. Такъ владычествовали они съ конца XIII до начала XVI вѣка, неуклонно преслѣдуя свои торговые интересы. Они сдѣлались главными посредниками въ торговлѣ шерстью и сукномъ, солью и виномъ между Англіей, Фландріей и Франціей, въ ихъ рукахъ была лѣсная и хлѣбная международная торговля, въ теченіе XIV вѣка въ ихъ рукахъ былъ ловъ сельдей и рыбная ловля Норвегіи и масса второстепенныхъ предметовъ тогдашняго мѣноваго оборота.

Ганзейцевъ часто упрекали въ жестокосердіи и въ алчности, въ особености по отношенію къ норвежцамъ, но при этомъ упускають изъ вида, что такая политика была въ духъ времени, что съ ганзейцами на улицахъ Лондона или Новгорода поступали не лучше, что тѣ же норвежцы кроваво мстили за себя. Это было время, когда можно было быть либо наковальней, либо молотомъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что ганзейцы предпочитали быть молотомъ.

Въ началѣ XVI вѣка ганзейцы потеряли свое значеніе. Шеферъ паденіе ихъ объясняетъ политическими причинами, другія же причины носятъ, по его мнѣнію, второстепенный характеръ. Ганзъ не доставало политической силы поддерживать свое положеніе, въ то время какъ другіе народы политически окрѣпли и въ силахъ были сбросить иго торговыхъ республикъ. Самые опасные ихъ соперники, голландцы, захватили въ свои руки торговлю въ Сѣверномъ морѣ, какъ только вышли побѣдителями въ борьбѣ съ Филиппомъ Испанскимъ и отстаили свою политическую независимость. За потерей торговли въ Сѣверномъ морѣ послѣдовало изгнаніе ихъ изъ Даніи, Норвегіи и Англіи. Въ Англіи Елизавета уничтожила привилегіи Ганзы, въ Норвегіи—Христіанъ IV, такъ что ганзейцы были сведены на торговлю по Везеру, Эльбѣ и Одеру. Изъ Швеціи они были изгнаны при Густавѣ Вазѣ; у нихъ была отнята столь выгодная для нихъ торговля съ Россіей. Отсутствіе территоріальныхъ связей въ теченіе трехъ вѣковъ содѣйствовало свободному развитію экономическихъ силъ, теперь же настало время, когда безъ сильныхъ территоріальныхъ связей нельзя было больше поддерживать своего положенія. Ганзейскій Союзъ могъ избрать только одинъ путь для своего спасенія, это—слияніе со всею Германіей, созданіе сильнаго нѣмецкаго государства. Но такого государства тогда Германія уже не представляла. Кромѣ того, узкая политика ганзейскихъ городовъ покоилась на порабоженіи деревни, съ которой города обращались не лучше, чѣмъ съ иностранцами. Тогда-то пришлось испытать на дѣлѣ, что здоровое и постоянное процвѣтаніе городовъ можетъ быть построено только на экономическомъ развитіи всей страны. На ихъ паденіе въ Германіи смотрѣли съ такимъ же злорадствомъ, съ какимъ на него смотрѣли въ Голландіи или Швеціи.

Исторія Ганзы,—заключаетъ Шеферъ,—должна была научить нѣмцевъ, что процвѣтаніе страны невозможно безъ политической силы, безъ прочнаго государственнаго строя. Если поэтому въ настоящее

время нѣмцы хотять распространить свою торговлю и расширить свою промышленность, то они должны, прежде всего, отстаивать политическое значеніе Германіи.

Къ такому заключенію Шефера мы, съ своей стороны, должны прибавить, что если политическими причинами въ значительной степени можно объяснить паденіе Ганзы, то къ этого рода причинамъ присоединились другія причины, дѣйствовавшія не менѣе сильно въ томъ же направленіи. Причины эти заключаются въ измѣненіи направленія всемірной торговли съ открытіемъ Америки и морскаго пути въ Индію. Открытіе новыхъ путей создало для западныхъ странъ Европы большія преимущества, для защиты которыхъ у нихъ тогда было уже достаточно силы. Италия и Ганза должны были тогда уступить мѣсто Англій и Голландіи. Исторія Ганзы могла бы научить насъ не только тому, что безъ прочной политической силы страна не въ состояніи на долгое время сохранить свое торговое значеніе, но и тому, что богатство, построенное на порабощеніи сосѣдей и на эксплуатаціи всей страны, непрочно. Прочное благосостояніе можетъ основываться только на полномъ развитіи всѣхъ производительныхъ силъ страны. Если же страна обращаетъ больше вниманія не на увеличеніе потребленія внутри самой страны, не на возвышеніе спроса въ массѣ населенія, а на огражденіе себя каменною стѣной отъ сосѣдей, въ угоду незначительной группѣ купцовъ или фабрикантовъ и въ ущербъ остальнымъ классамъ, тогда рано или поздно непрочное зданіе, построенное на такой экономической политикѣ, должно будетъ рухнуть.

СТАТИСТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Краткій очеркъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій“. Н. О. Осипова.—„Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Коломенскаго уѣзда“. Е. М. Деметтьева.—„Die Verstaatlichung des Grundkredits“. Н. F.

Краткій очеркъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Н. О. Осипова. Изданіе уфимской губернской земской управы. Казань, 1885 г. Уфимская управа, прежде чѣмъ приступить къ статистическому обслѣдованію своей губерніи, возъмѣла похвальное намѣреніе ознакомиться съ постановкою земской статистики въ другихъ губерніяхъ. Для такого ознакомленія и составленъ очеркъ г. Осиповымъ, бывшимъ статистикомъ при уфимской управѣ.

Очеркъ состоитъ изъ восьми главъ. Въ первой главѣ разсматриваются задачи земской статистики. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ автора (мнѣніе это довольно распространенное), что доходность земель даетъ всегда возможность судить объ ихъ цѣнности и, наоборотъ, цѣнность—о доходности; это было бы такъ, если бы для каждой мѣстности былъ дѣйствительно извѣстенъ множитель капитализаціи. Пять отдѣловъ, на которые авторъ дѣлитъ земскую статистику, сгруппированы, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно; эти отдѣлы (стр. 4) суть слѣдующіе: 1) общеэкономическая, 2) санитарная, 3) страховая, 4) школьная и 5) ветеринарная статистика. Если не выдѣлять оцѣнку земель въ особый отдѣлъ, то едва ли основательно выдѣлять страхованіе—явленіе эконоическаго характера. Вторая глава описываетъ основные способы статистическихъ изслѣдованій. Здѣсь какъ будто недостаточно разграничены понятія о научной и о практической статисти-

стикѣ (стр. 7). Характеристическія черты земскихъ статистическихъ изслѣдованій (отличающія ихъ отъ административной статистики) разобраны весьма подробно и основательно. Типами земской статистики авторъ признаетъ работы шести земствъ: московскаго, черниговскаго, нижегородскаго, пермскаго и рязанскаго (начала 70 годовъ). О пермскомъ, впрочемъ, не говорится дальше ни слова, а разбору трудовъ остальныхъ поименованныхъ земствъ посвящены пять слѣдующихъ главъ. Какъ выдающіеся недостатки петербургской статистической работы (по Петергофскому уѣзду), справедливо указаны излишняя подробность подворной переписи, технические недостатки программъ и скудость разработки; достоинствомъ этой работы признано изученіе вліянія общины на хозяйство. Нижегородскія работы авторъ считаетъ пригодными для качественной оцѣнки почвъ, но не дающими представленій о количественномъ распредѣленіи различныхъ почвъ по губерніи. Въ рязанской работѣ (по кадастраці земель) г. Осиповъ указываетъ на большія затрудненія при установкѣ типовъ и при подведеніи отдѣльныхъ почвъ подъ эти типы; но это затрудненіе—общее для всѣхъ кадастральныхъ работъ и съ нимъ довольно успѣшно справляются прусскіе и саксонскіе приемы бонитировки земель. Къ черниговскому типу авторъ, видимо, особенно расположенъ; въ заслугу черниговскимъ статистикамъ онъ справедливо ставитъ, кромѣ краткости программы и остроумныхъ приемовъ таксаціи, первый починъ въ дѣлѣ подворной разработки свѣдѣній. Всего больше мѣста отведено, какъ и слѣдовало ожидать, московскому типу. Здѣсь мы позволимъ себѣ не согласиться съ заключеніемъ г. Осипова, будто бы „въ отношеніи разработки московскія работы отличаются поразительною бѣдностью“ (стр. 84). Въ примѣчаніи на стр. 99 дѣлается упрекъ московскимъ статистикамъ за выводъ губернской цифры урожая травъ, какъ средней ариметической изъ 13 поуѣздныхъ цифръ; приемъ, конечно, не точный, но единственно возможный, когда нельзя знать количества луговой земли по уѣздамъ. Спрашивать вслѣдствіе этого, не получены ли всѣ московскія среднія цифры подобнымъ же приемомъ, по меньшей мѣрѣ неопозволительно. Въ послѣдней главѣ г. Осиповъ дѣлаетъ попытку исчислить стоимость статистическихъ изслѣдованій: по его вычисленіямъ, въ Петербургской губерніи подворная перепись обошлась въ 21,3 коп. на дворъ, въ Черниговской 5,9 коп. *); оцѣночныя работы на десятину обошлись въ Петербургской губ. 0,9 коп., въ Рязанской 0,4 коп., въ Нижегородской 0,12 и въ Черниговской 1,8 коп.

Во всякомъ случаѣ книжка г. Осипова, какъ добросовѣстное изложеніе методовъ земской статистики, составляетъ цѣнное приобрѣтеніе для нашей литературы, еще весьма небогатой произведеніями подобнаго рода.

Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Коломенскаго уѣзда. Е. М. Дементьева. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва, 1885 г. Это уже тринадцатый выпускъ результатовъ статистическаго изслѣдованія фабрикъ, предпринятаго санитарною комиссіей при московскомъ земствѣ. Общій планъ работы таковъ же, какъ въ предъидущихъ выпускахъ, составленныхъ гг. Эриманомъ, Погожевымъ и Дементьевымъ. Отличительная черта работъ г.

*) Не слѣдуетъ забывать, что въ Черниговской губерніи подворная опись пока произведена лишь въ небольшомъ числѣ уѣздовъ.

Дементьева—измѣренія силы фабричныхъ рабочихъ, произведенныя съ помощью динамометра. Это чрезвычайно важный отдѣлъ антропометрическихъ изслѣдованій, могущій современемъ дать весьма цѣнные результаты въ дѣлѣ измѣренія работы.

Коломенскій уѣздъ подтверждаетъ выводъ, ранѣе сдѣланный нашими санитарными статистиками, относительно того, что обработка волокнистыхъ веществъ особенно вредно отражается на ростѣ, на обхватѣ груди и на силѣ рабочихъ. Изъ монографическихъ описаній отдѣльныхъ фабрикъ главный интересъ представляетъ описаніе крупнаго коломенскаго машиностроительнаго завода, на которомъ работаютъ 3,196 рабочихъ. Почти половинѣ этихъ рабочихъ приходится работать до 19 часовъ въ сутки! Праздниковъ всего 86, т.-е. меньше, чѣмъ у чиновниковъ. Больница на коломенскомъ заводѣ, подобно многимъ другимъ фабрикамъ, представляетъ изъ себя доходную статью: такъ, на примѣръ, въ 1881 году расходъ по больницѣ былъ 6,072 р. 25 к., а приходъ (вычеты изъ жалованья рабочихъ) 7,398 р. 37 к. При изслѣдованіи рабочихъ 55 человекъ (изъ 2,465) оказались искалѣченными на заводѣ.

Жаль, что громадный матеріалъ, накопленный нашими санитарными статистиками, пока еще такъ мало утилизируется въ общей литературѣ.

Die Verstaatlichung des Grundkredits. Ideen zu einem nationalen Verwaltungsrecht des Grundbesitzes von H. F. Jena, 1885. Организация поземельнаго кредита до сихъ поръ составляетъ открытый вопросъ, а, между тѣмъ, отъ его рѣшенія зависятъ интересы многочисленнаго класса, — того именно сословія, которое по экономическому значенію и роли занимаетъ въ государствѣ видное мѣсто. Было время, когда обладаніе землею было критеріемъ для опредѣленія политическаго значенія, когда земля была главнымъ или преимущественнымъ богатствомъ, а все остальное подчинялось землѣ. Время это прошло, власть земли смѣнила власть капитала, вслѣдствіе чего на сцену выступаетъ необходимость особой защиты землевладѣнія отъ посягательствъ капитала. При современной организаціи поземельнаго кредита земля получила такое же значеніе для мѣноваго оборота, какое имѣетъ капиталъ; она подвергается постоянной мобилизаціи, задолженность изъ года въ годъ увеличивается, земля мѣняется владѣльцевъ до того часто, что всякая прочная привязанность къ землѣ дѣлается невозможной. По самой природѣ вещей земля должна была бы отличаться отъ капитала, а, между тѣмъ, мѣновой оборотъ совершенно приравняетъ ее къ послѣднему. Поземельный кредитъ при современной организаціи не облегчаетъ землевладѣнія, а порабощаетъ землю капиталу. Нельзя ли кредитъ обратить изъ злой силы въ добраго генія? Нельзя ли такъ организовать его, чтобы онъ содѣйствовалъ не мобилизаціи поземельной собственности, а упроченію и улучшенію ея? Когда во Франціи учреждался *Credit foncier*, общество вѣрило въ возможность спасенія отъ долговъ путемъ этого кредитнаго учрежденія. „*Grâce à vous, sire, —* сказалъ герцогъ Персинья Наполеону III, — *on peut, des ce moment prévoir le jour où le sol sera affranchi de la dette hypothécaire, que lui ont leguées les siècles*“. Наивная вѣра въ благодѣтельную силу кредита! Время скоро показало, что банки вткнули землевладѣльцевъ въ гораздо большіе долги, чѣмъ тѣ, которые лежали на нихъ до учрежденія банковъ. Акціонерные банки даютъ хорошіе дивиденды своимъ акціонерамъ, но тяжело приходится заемщикамъ, соблазненнымъ дешевиз-

ной кредита. Поземельный кредитъ слишкомъ опасное орудіе, чтобы его можно было дать въ руки акціонерамъ. Оно должно находиться въ рукахъ государства, которое не будетъ руководиться гоньбой за большимъ дивидендомъ, а будетъ стараться создать изъ кредита средство для сохранения и упроченія землевладѣнія. Эту идею старается провести авторъ разсматриваемой нами брошюры. Между движимую и недвижимую собственность, — говоритъ онъ, — существуетъ юридическое и экономическое различіе, изъ чего вытекаетъ необходимость особой оцѣнки земли и особой оцѣнки капитала. „Землевладѣніе, — говоритъ Родбертусъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о причинахъ задолженности землевладѣнія („Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes), — имѣетъ свою особую природу, какъ капиталъ и трудъ. Сущность капитала заключается въ подвижности, земля же есть часть національной почвы, что прямо указываетъ на неподвижность. Капиталъ можетъ подвергаться всякаго рода превращеніямъ, для него не существуетъ національныхъ границъ; земля остается всегда землей, она связана съ страной. Законодательство навязало землѣ, этому самому неподвижному имуществу, постановленія, прямо противорѣчащія его природѣ, — постановленія, заимствованныя отъ капитала, этого самаго подвижнаго имущества“. Второстепенное значеніе землевладѣнія, — думаетъ авторъ брошюры, — явленіе преходящее, земля скоро должна будетъ получить болѣе важное значеніе, она должна ступить на новый путь и въ правѣ расчитывать на поддержку государства. Въ переживаемомъ въ настоящее время германскими землевладѣльцами тяжеломъ кризисѣ онъ различаетъ *земледѣльскій кризисъ* и *землевладѣльскій*. Первый происходитъ отъ паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія, благодаря всемірной конкуренціи и опредѣленію цѣнъ на мировомъ рынкѣ. Низкія цѣны на хлѣбъ приводятъ къ паденію ренты и цѣнности земли, какъ возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ эпоху отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ Англій привело къ возвышенію ренты и цѣнности земли въ Германіи. Несмотря на пониженіе ренты, землевладѣльцамъ приходится платить высокіе проценты по своимъ раньше заключеннымъ гипотечнымъ займамъ. Хлѣбными пошлинами, по мнѣнію автора, нельзя предотвратить паденія. Гораздо опаснѣе *землевладѣльскій кризисъ*; это предвѣстникъ крупныхъ переворотовъ во всемъ государственномъ строѣ, — тѣхъ переворотовъ, какіе переживала Греція при Солонѣ, Римъ при Гракхахъ. Понятно поэтому, почему государство не можетъ и не должно оставаться безучастнымъ зрителемъ. Участіе государства должно выразиться въ томъ, что оно возьметъ въ свои руки организацію поземельнаго кредита. Въ основу должны, по мнѣнію автора, быть положены слѣдующіе три принципа: 1) кредитъ долженъ сдѣлаться доступнымъ *всѣмъ сословіямъ безразлично*, какъ мелкимъ крестьянамъ, такъ и купцамъ и крупнымъ помѣщикамъ; 2) кредитъ долженъ имѣть въ виду не только *землевладѣніе*, но и *земледѣліе*, и 3) управленіе должно находиться не въ рукахъ акціонерной компаніи или общества взаимнаго поземельнаго кредита, а въ *рукахъ государства*. Существующія кредитныя учрежденія построены на другихъ началахъ; они рѣдко выдаютъ ссуды мелкимъ собственникамъ, они содѣйствуютъ тому, что капиталы идутъ не на земледѣліе, а, напротивъ, капиталы чрезъ посредство банковъ извлекаются изъ земли и идутъ на всякія постороннія предпріятія. Авторъ думаетъ, что истребъ въ государственномъ социализмѣ не долженъ останавливать законодателя

въ проведеніи столь благодѣтельной мѣры. По отношенію къ крестьянамъ онъ даже думаетъ примѣнить принудительныя мѣры и запретить совершенно частныя закладныя. Въ проведеніи идеи огосударствленія поземельнаго кредита самымъ труднымъ представляется переходъ частныхъ гипотекъ въ руки государства, для полнаго выполненія котораго авторъ считаетъ необходимымъ растянуть операцію на 10—20 лѣтъ, выпуская государственныя облигаціи взамѣнъ выкупленныхъ частныхъ обязательствъ. Переходъ акціонерныхъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита не представляетъ такихъ трудностей. Мы опускаемъ детали, на которыхъ авторъ останавливается очень долго, такъ какъ онѣ не имѣютъ общаго интереса и касаются исключительно Германіи. Мы оставляемъ также въ сторонѣ цѣлый рядъ разсужденій о необходимости реорганизациіи мѣстнаго управленія Германіи, такъ какъ они только затемняютъ основную мысль—*переходъ ипотечнаго дѣла и поземельнаго кредита въ руки государства*. Огосударствленіе кредита, думаетъ авторъ, будетъ имѣть послѣдствіемъ прекращеніе мобилизациіи земли. Таково содержаніе брошюры. Въ примѣненіи къ Россіи идея эта могла бы быть очень плодотворной, осуществленіе же ея было бы гораздо легче, чѣмъ въ другихъ странахъ. При существованіи крестьянскаго и дворянскаго банковъ государству оставалось бы только распространить дешевой кредитъ и на другія сословія путемъ превращенія существующихъ теперь акціонерныхъ банковъ и обществъ взаимнаго поземельнаго кредита въ общій государственный поземельный банкъ. Считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что мы далеки отъ мысли, чтобы проведеніе этой мѣры спасло землевладѣніе отъ всѣхъ бѣдствій, потому что не думаемъ, чтобы одно удешевленіе поземельнаго кредита привело къ такимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ. Для прекращенія мобилизациіи земли и упроченія класса землевладѣльцевъ одного дешеваго кредита еще недостаточно. Мы не станемъ останавливаться здѣсь подробнѣе на этой идее, такъ какъ желали только показать, что теперь, можетъ быть, насталъ удобный моментъ для такой реорганизациіи поземельнаго кредита. Придавать чрезмѣрное значеніе поземельному кредиту и видѣть въ надлежащей его организациіи лѣварство отъ всѣхъ бѣдствій мы не считаемъ возможнымъ уже потому, что даже идеальная организациія поземельнаго кредита не можетъ исправить то, что создается дурною организациіей поземельной собственности. Въ лучшемъ случаѣ поземельный кредитъ не создастъ новыхъ бѣдствій, какія создаетъ теперь, но никогда онъ не въ состояніи будетъ исправить тѣ пороки, которые лежатъ глубже, въ самомъ порядкѣ поземельной собственности и наследственнаго права.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ“. Проф. А. Градовскаго.—„Юридическій лексиконъ, объясняющій термины и институты всѣхъ правъ, судопроизводства, судоустройства и нотаріата“. Я. Гурлянда.

Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Томъ первый. Часть историческая. Проф. А. Градовскаго. Спб., 1886 г. Первый томъ обширнаго, въ высшей степени полезнаго труда г. Градовскаго заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ развитія и распространенія въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій. Осо-

блѣ интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ Англія, которой и отведено въ книгѣ петербургскаго профессора значительное мѣсто. Авторъ предпосылаетъ своему сочиненію введенье, въ которомъ изложенъ ходъ развитія политическихъ идей въ XVIII столѣтія, конституціонная же исторія Европы доведена до прочнаго установленія представительныхъ учреждений въ Австро-Венгріи.

„Установленіе границъ для государственнаго всемогущества въ противоположность безграничной власти античнаго и особенно римскаго государства—такова идея новаго государства, по единогласному почти мнѣнію историковъ и публицистовъ“. Этой цѣли европейскіе народы достигаютъ раздѣленіемъ властей и другими гарантіями личныхъ правъ гражданина. Профессоръ Градовскій указываетъ на то, что переходъ отъ старыхъ политическихъ учреждений къ новымъ государственнымъ формамъ совпалъ съ глубокимъ переломомъ въ экономическихъ отношеніяхъ. „Развитіе демократическихъ началъ и социальнаго вопроса составляетъ характеристическій признакъ нашего времени“. Объясняя значеніе буржуазіи, авторъ говоритъ, что „изъ всѣхъ формъ правленія меньше всего устойчивости имѣетъ та, въ которой власть дѣлается достояніемъ одного класса и является орудіемъ его своекорыстныхъ стремленій. Противъ нея будетъ народное чувство и она часто находится въ опасности отъ происковъ честолюбцевъ, стремящихся къ высшей власти и обращающихъ въ свою пользу народное неудовольствіе“. Политическимъ средствомъ, разрѣшающимъ общественныя противорѣчія и дающимъ правильный исходъ борьбѣ между классами, служитъ всеобщее избирательное право. Г. Градовскій не скрываетъ и тѣхъ опасностей, которыя сопряжены съ введеніемъ всеобщей подачи голосовъ, главнѣйшая изъ которыхъ заключается въ слабости еще распространеніи образованія среди народныхъ массъ. Само собою разумѣется, что новое демократическое государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ тѣхъ страданій, которыя приходится переживать рабочимъ классамъ, и поэтому задачи управленія значительно расширяются.

„Если всеобщая подача голосовъ и дѣйствіе государства въ области экономическихъ отношеній являются способами общей политики, чрезъ которыя новыя учрежденія могутъ быть утверждены въ новыхъ общественныхъ условіяхъ, то преобразование *мысленныхъ* учреждений является средствомъ къ проведенію общихъ началъ во всѣхъ частяхъ государственной организаціи“. Но въ этомъ отношеніи конституціонныя государства континентальной Европы, за немногими исключеніями, далеко отстали отъ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Много печальныхъ явленій вызывается именно господствующимъ еще въ нѣкоторыхъ странахъ бюрократическимъ способомъ управленія, крайностями административной централизаціи и недостаточнымъ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія.

Книга г. Градовскаго отличается живымъ и яснымъ изложеніемъ, массою поучительныхъ фактовъ изъ политической жизни европейскихъ народовъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, наконецъ, широтою взгляда и вѣрнымъ пониманіемъ тѣхъ юридическихъ условій, безъ которыхъ невозможно правильное развитіе современныхъ народовъ.

Юридическій лексиконъ, объясняющій термины и институты всѣхъ правъ, судопроизводства, судоустройства и нотариата. Три выпуска (А—Б). Составилъ Яковъ Гурляндъ. Одесса,

1885 г. Въ пользу юридическаго словаря не можетъ быть сомнѣнiя, но позволительно сомнѣваться, чтобы г. Гурляндъ удалось, какъ слѣдуетъ, довести до конца свое обширное предпрiятiе. Одному лицу, при самой настойчивой работѣ и многосторонней подготовкѣ, мудрою овладѣть въ надлежащей полнотѣ и точности всѣмъ содержанiемъ права. Къ тому же, г. Гурляндъ усложняетъ свою задачу, вводя въ *Юридическiй лексиконъ* такiя, на примѣръ, выраженiя, какъ *аббатство*, *афиши биржесвѣтъ*, *башкиры*, *безвинно* и *безвиновно* и т. д. Мы сомнѣваемся даже въ существованiи нѣкоторыхъ словъ, которыя г. Гурляндъ признаетъ за юридическiе термины. На примѣръ, „*безвозрастный* *), *малолѣтнiй* или *несовершеннолѣтнiй*, т. е. лицо, не достигшее установленнаго возраста“. Изъ этого примѣра можно видѣть, что изложенiе въ *Юридическомъ лексиконѣ* не отличается правильностью. Въ *Лексиконѣ* помѣщены свѣдѣнiя объ юристахъ, старыхъ и новыхъ; но составитель и въ этомъ отношенiи не мѣшало бы собрать болѣе точныя свѣдѣнiя. Такъ, академикъ Владимiръ Павловичъ Безобразовъ названъ у г. Гурлянда Владимiромъ Ивановичемъ. Въ перечисленiи трудовъ этого ученаго есть и ошибки, и грубыя опечатки, и пропуски. Немало у г. Гурлянда забавныхъ опредѣленiй. Такъ, на стр. 137 читаемъ: „*Анархистъ*, — поборникъ анархiи. Цѣль этихъ лицъ произвести въ государствѣ безпорядки, поколебать основы правленiя и низвергнуть законныхъ правителей. Такiя лица въ настоящее время носятъ разныя наименованiя: нигилисты, социалисты, *пропагандисты*, *агитаторы*, *народники* и т. д. Они преслѣдуются во всѣхъ государствахъ, какъ вредные члены общества, какъ враги порядка и законности“. Вотъ до чего можно доболтаться! Г. Гурляндъ не усмотрѣлъ, что его самого можно назвать пропагандистомъ, то-есть, по его опредѣленiю, анархистомъ, такъ какъ онъ въ своемъ *Юридическомъ лексиконѣ* пропагандируетъ собственныя взгляды на адвокатуру и т. п. Вотъ еще обращенiе опредѣленiй г. Гурлянда: „Бентамъ, Иеремiа, знаменитый англiйскiй юристъ (1748—1832 г.), основатель системы *утилитаризма*, по которой возможна общая польза, предпочитаемая праву и закону“.

ПУБЛИЦИТИКА.

„Почему Лодзь и Сосновицы побѣждаютъ Москву?“ С. Ѳ. Шарпова.

Почему Лодзь и Сосновицы побѣждаютъ Москву? Публичная лекцiя, читанная въ Москвѣ 1—8 декабря и 15 декабря въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ С. Ѳ. Шарповымъ. Москва, 1886 г. Тяжелый экономическiй кризисъ, переживаемый нашею промышленностью, — кризисъ, грозящiй обратиться въ хроническiй недугъ, между прочимъ, приводитъ къ тому, что всякiй смѣлый говорунъ держаетъ выступать публично съ проектами спасенiя отечества. Повидимому, стоить только обладать нѣкоторою долей нахальства и имѣть громкiй голосъ, тогда найдется и пресса, которая будетъ поддерживать новоиспеченнаго самозванца — спасителя отечества, найдется публика, которая будетъ рукоплескать ему. Чѣмъ смѣлѣе выступаетъ такой ораторъ, тѣмъ надежнѣе его успѣхъ, особенно если онъ бьетъ на невѣжество

*) Или бездѣтство.

своихъ слушателей и на ихъ эгоистическіе барышническіе инстинкты. Между такими говорунами новѣйшаго пошиба г. Шараровъ безспорно принадлежитъ выдающееся мѣсто. У него хватило смѣлости выступить въ Москвѣ, въ залѣ городской думы, съ рѣчью, потомъ, въ упоеніи славы, повторить ее еще разъ и, въ заключеніе, произнести ту же рѣчь въ третій разъ въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ. Посмотримъ же, съ чѣмъ такъ смѣло выступилъ г. Шараровъ. Его сильно беспокоитъ, что наши доморослыя, сверхныя, но дорого стоющія произведенія вытѣсняются съ „старинныхъ и законныхъ рынковъ“ хорошими и дешево стоющими произведеніями. Въ этомъ, кажется, бѣды еще нѣтъ никакой, но дѣло-то все въ томъ, что хорошіе и сравнительно дешевые товары производятся не въ московскомъ и владимірскомъ фабричномъ районѣ, а на окраинахъ, что коренные московскіе фабриканты сильно страдаютъ отъ такой конкуренціи. Сколько бы ни бился г. Шараровъ, онъ никого не могъ бы убѣдить, что въ такой конкуренціи коренится какое-либо зло. Поэтому онъ сейчасъ же переходитъ съ экономической почвы на *національную* и ставитъ слѣдующіе вопросы: „Кто составляетъ западную промышленную группу? Что такое эти Лодзь и Сосновицы въ *національномъ* отношеніи?“ „Будь эта промышленность, наносящая намъ такія пораженія, создана братнимъ намъ славянскимъ племенемъ“, то г. Шараровъ не рѣшился бы посягать на нее, не угнеталъ бы культурнаго развитія польскаго народа, но такъ какъ она создана чуждымъ племенемъ, пришельцами нѣмецкаго происхожденія, то для нея не должно быть пощады, она должна быть истреблена. Кажется, поляки всего больше и прежде всего должны были бы почувствовать, что ихъ вытѣсняютъ нѣмцы, но они, однако, гордятся сильнымъ промышленнымъ развитіемъ Лодзи и Сосновицъ, считаютъ эту промышленность своею, не кричатъ о томъ, что нѣмцевъ нужно изгнать изъ польскихъ „старинныхъ и законныхъ“ рынковъ, что нужно употреблять противъ нихъ репрессивныя мѣры и т. д. Г. Шараровъ даетъ простой и ясный отвѣтъ на это. „Поляки, эти несчастные фантазеры и фразеры (sic), — говоритъ онъ, — держались за нѣмецкую промышленность только потому, что она боролась съ Россіей и приносила ей убытки, нѣмцы же вели тонкую и умную политику“. Коротко и ясно. Такой отвѣтъ настолько же выясняетъ дѣло, насколько его выяснила бы знаменитая фраза: „французъ подгадилъ“.

Ничтожная деревушка Сосновицы въ нѣсколько лѣтъ развилась въ большой промышленный центръ, съ каждымъ годомъ тамъ возникаютъ все новыя и новыя фабрики, деревушка обратилась, наконецъ, въ сплошную фабрику и растетъ съ быстротой, напоминающей ростъ американскихъ городовъ. Дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ. Когда съ введеніемъ металлическихъ пошлинъ иностраннымъ фабрикамъ, работавшимъ на Россію, сдѣлалось затруднительнымъ конкурировать съ русскою промышленностью, нѣмцы пришли къ заключенію, что гораздо выгоднѣе перевести свои фабрики въ Россію близко къ границѣ и, такимъ образомъ, не только избавились отъ металлическихъ пошлинъ, но получили въ свои руки русскіе рынки. Такъ какъ фабрики выстроены у самой границы, то нѣмецкіе фабриканты имѣютъ возможность пользоваться всѣми преимуществами, созданными германскою культурой, и работать при тѣхъ же, часто даже болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ работали прежде на родинѣ. Г. Шараровъ хочетъ объяснить, почему такъ быстро разраслась промышленность въ погранич-

ной области, и рассматриваетъ послѣдовательно разницу въ условіяхъ производствѣ московско-владимірскаго и лодзинско-сосновицкаго округовъ. Условія эти заключаются, по его мнѣнію, прежде всего, въ *различной организаціи кредита* въ Лодзи-Сосновицахъ и въ Россіи. Нѣмцы создали крупныя промышленныя центры, сосредоточили свои фабрики въ немногихъ мѣстахъ, поддерживаютъ другъ друга и потому пользуются полнымъ довѣріемъ въ Германіи въ германскихъ банкахъ и у германскихъ банкировъ. Понятно, что это даетъ возможность располагать чужимъ капиталомъ изъ низкаго процента, тогда какъ въ Россіи учетный процентъ гораздо выше, свободныхъ капиталовъ сравнительно мало. Нѣмецкій промышленникъ можетъ достать сколько ему угодно денегъ изъ 4% годовыхъ, тогда какъ русскій не достанетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ даже изъ 7—8%. Такое неравенство въ условіяхъ пользованія чужими капиталами, безъ которыхъ вообще невозможно вести дѣла, даетъ нѣмцамъ огромныя преимущества. Безспорно, что западно-европейскіе порядки, касающіеся кредита, гораздо лучше нашихъ, что тамъ учетный процентъ ниже, что тамъ больше свободныхъ капиталовъ и т. д., но неужели это обстоятельство играетъ первостепенную роль? Кромѣ того, изъ 4% можетъ въ Польшѣ получить деньги только крупный промышленникъ, а не всякій мелкій торговецъ и фабрикантъ, а весьма немногимъ больше приходится въ настоящее время платить солидному купцу и фабриканту и въ центрѣ Россіи Г. Шараровъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на то, что именно слишкомъ *широкій* кредитъ не мало способствовалъ кризису нашей промышленности. Фабриканты, благодаря широкому кредиту, непомѣрно расширили производство и рѣшительно не руководствовались дѣйствительнымъ спросомъ. Солидный торговецъ можетъ учитывать свои векселя изъ 5% годовыхъ, т. е. ему приходится платить почти столько же, сколько платитъ его польско-нѣмецкій конкуррентъ. И такъ, различныя условія кредита хотя и играютъ нѣкоторую роль, но ими еще нельзя объяснить роста Сосновицъ. Обратимся къ другимъ причинамъ, указываемымъ г. Шараровымъ; можетъ быть, онъ объяснить намъ больше.

Онъ указываетъ на *легкость досмотра на таможенныхъ*, на развитіе *контрабанды*, на дешевизну комиссіонныхъ услугъ, за которыя живущіе тамъ еврей-комиссіонеры сбили цѣну до-нельзя, и т. д. Едва ли можно придавать серьезное значеніе такого рода причинамъ. Мыслили ли, чтобы промышленность края основывалась на такомъ фундаментѣ? Не считаемъ нужнымъ останавливаться на этомъ и переходимъ къ *юридическимъ* условіямъ. Нѣмцы себя чувствуютъ очень хорошо въ Польшѣ, потому что платятъ мало налоговъ, имъ не запрещаютъ приобретать недвижимость, они въ лицѣ своихъ консуловъ имѣютъ энергичныхъ заступниковъ, наконецъ, съ заключеніемъ конвенціи о взаимномъ признаніи акціонерныхъ компаній между Германіей и Россіей ихъ положеніе окончательно окрѣпло. Все это безспорно важныя условія, но одни эти условія, равно какъ и вышеуказанныя, могутъ способствовать процвѣтанію уже народившейся промышленности, но не въ силахъ были бы создать ее. То же самое примѣнимо къ *налогамъ* и *платежамъ*, падающимъ на промышленниковъ Царства Польскаго. Съ каждаго милліона рублей производства приходится платить въ центральной Россіи около 3,600 руб., въ Лодзи и другихъ большихъ городахъ Царства Польскаго 1,400 руб., а въ уѣздахъ Царства Польскаго 109 руб. Толь-

ко совершенно непосвященный можетъ придавать значеніе этимъ налогамъ. Мы не колеблемся прямо утверждать, что даже такой сравнительно крупный налогъ, какъ 3%, налогъ съ чистой прибыли, проходить совершенно безслѣдно для крупныхъ предпріятій, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ и приходится платить до 50,000 рублей ежегодно. Даже болѣе высокій налогъ былъ бы для крупныхъ предпріятій не обременителенъ. Что же можно послѣ этого сказать о какихъ-нибудь гильдейскихъ сборахъ для миллионнаго предпріятія?

И такъ, указанными г. Шараловымъ причинами еще невозможно объяснить процвѣтанія Сосновицъ и переживаемаго теперь въ Россіи кризиса промышленности. Дѣло въ томъ, что наша промышленность выросла подъ сильною охраною высокихъ тарифовъ и могла безпрепятственно разрастаться тамъ, гдѣ естественныя условія всего меньше, кажется, должны были бы способствовать возникновенію промышленности.

Въ центрѣ московскаго фабричнаго района фабрики расположены вдали одна отъ другой, такъ какъ онѣ принуждены работать не углемъ, а деревяннымъ топливомъ. На это не разъ уже указывала даже преса. Пока лѣса не были вырублены, недостатокъ въ топливѣ еще не ощущался, теперь же топливо обходится чрезвычайно дорого, между тѣмъ какъ одно изъ существенныхъ условій процвѣтанія фабрики есть дешевое и обильное топливо. Наша промышленность въ техникѣ мало прогрессировала; она богатѣла при самыхъ элементарныхъ условіяхъ техники, такъ какъ высокія пошлины изгоняли всѣ иностранные товары изъ русскихъ рынковъ. Нельзя себѣ представить болѣе грубыхъ приемовъ, чѣмъ тѣ, которыми пользовались и часто еще теперь пользуются русскіе фабриканты, но барыши у нихъ были, несмотря на это, непомерно большіе. Полная апатія и невѣжество, отсутствіе западно-европейской подвижности и быстрога приноровленія къ измѣняющимся условіямъ рынка не мѣшали нашимъ фабрикантамъ, такъ какъ они были ограждены отъ конкуренціи. Чѣмъ труднѣе становилось конкурировать съ иностранцами, тѣмъ настойчивѣе становились фабриканты въ просьбахъ и хлопотахъ о возвышеніи пошлинъ, тѣмъ чаще посылали они депутаціи для охраны „національной“ промышленности; они достигли введенія золотой пошлины, добились того, что на Финляндію стали смотрѣть, какъ на иностранную державу, добились добавочной пошлины въ 20%. Хотя сначала дѣла ихъ процвѣтали, но съ теченіемъ времени становились тѣмъ хуже, чѣмъ выше были пошлины на заграничные товары. Это произошло потому, что иностранные промышленники, убѣдившись въ невозможности бороться съ ними, стали переносить свои фабрики въ Россію. Тогда наступило тяжелое время для нашихъ промышленниковъ; ихъ беспощадно начали побивать и вытѣснять со всѣхъ рынковъ. Кажется, опытъ полной неудачи таможенной политики долженъ былъ научить нашихъ невѣжественныхъ и сонныхъ фабрикантовъ, что приходится перейти къ другимъ мѣрамъ, что пора посмотрѣть и на себя, приглядѣться, какъ русскіе ведутъ дѣло и какъ ведутъ его нѣмцы. Стоило, напримѣръ, только ввести золотую пошлину и нѣмцы безъ всякихъ колебаній перевели свои фабрики въ Сосновицы, быстро освоились съ новымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что сосновицкій округъ очень богатъ прекраснымъ каменнымъ углемъ, желѣзною и цинковою рудой и глиной высокаго качества.

Наши фабриканты богатѣли непомерно, потому что ихъ искусствен-

ными мѣрами охраняли отъ конкурентовъ. Теперь охрана дѣлается невозможной, надо во что бы то ни стало перейти на другой путь. Что же дѣлаютъ наши фабриканты? Они посылаютъ новую депутацію въ Петербургъ и просятъ новыхъ льготъ для себя, но уже не возвышенія иностранныхъ пошлинъ, которое ихъ не спасло, а внутреннихъ заставныхъ пошлинъ; они хотятъ построить высокія стѣны вокругъ центра московскаго и владимірскаго фабричнаго районовъ и такимъ путемъ предохранить себя отъ необходимости изысканія болѣе рациональныхъ и действительныхъ мѣръ борьбы. Мы думаемъ, что путь, по которому они идутъ, не надого спасетъ ихъ отъ неминуемой гибели. Имъ удастся еще нѣкоторое время твердо держаться, но, въ концѣ-концовъ, они должны будутъ уступить мѣсто.

Что же предлагаетъ г. Шарановъ для избавленія отъ кризиса? Онъ говоритъ фабрикантамъ: спите попрежнему, продолжайте снабжать отечество гнилыми товарами, а чтобы вамъ не мѣшали иностранцы, постарайтесь добиться измѣненія паспортныхъ условій и затруднить иностранцамъ пребываніе въ Россіи, хлопочите въ Петербургѣ о запрещеніи иностранцамъ пріобрѣтать земли и строить фабрики на окраинахъ, добивайтесь введенія дифференціальнаго таможенныхъ пошлинъ и проч. Онъ исходитъ отъ положенія, что „Россія, какъ страна православная и славянская, не можетъ и не должна сравнивать родныхъ ей по племени или по вѣрѣ народовъ съ народами чуждыми“, и на этомъ основномъ положеніи выработалъ правила о гербовомъ паспортномъ сборѣ съ иностранцевъ и о специальномъ налогѣ съ иностранцевъ, по которымъ налогу не подлежатъ „лица славянскихъ національностей и лица православнаго вѣроисповѣданія“. Въ этомъ же духѣ онъ выработалъ правила о принятіи иностранцами русскаго подданства, по которымъ всѣ, кромѣ евреевъ и магометанъ, могутъ переходить въ русское подданство.

Въ заключеніе онъ предлагаетъ цѣлый рядъ ограниченій въ пріобрѣтеніи и арендованіи иностранцами недвижимой собственности и основаніи ими фабрикъ и заводовъ. Передавать содержаніе этихъ возмутительныхъ, бессмысленныхъ и до жестокости грубыхъ правилъ мы считаемъ излишнимъ. Достаточно вспомнить исходный моментъ всѣхъ этихъ правилъ и ограниченій. Онъ предлагаетъ, на примѣръ, обложить иностранцевъ не славянскаго происхожденія и не православнаго вѣроисповѣданія, имѣющихъ дохода свыше 10 тысячъ рублей, налогомъ въ 25%. По нашему мнѣнію, рациональнѣе и проще было бы изгнать всѣхъ иностранцевъ и евреевъ и на будущее время окончательно воспретить имъ въѣздъ въ Россію.

Подобнаго рода брошюры не только не выясняютъ затрогиваемаго ими вопроса, но еще больше затемняютъ его; они бьютъ на самыя скверныя инстинкты, прикрывая эгоистическіе барышническіе интересы ограниченной группы фабрикантовъ маской національной выгоды, національной производительности и даже національной чести. Передъ кѣмъ читалъ г. Шарановъ свою лекцію? Передъ фабрикантами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что она пришлась имъ по вкусу, что они съ шумомъ рукоплескали выразителю своихъ интересовъ. Кто можетъ выгадать отъ проведенія предлагаемыхъ имъ мѣръ? Опять-таки фабриканты и только они. Фабриканты, фабриканты и фабриканты, но, вѣдь, ограниченная группа крупныхъ промышленниковъ и фабрикантовъ еще

не вся Россія, ихъ интересы еще не всегда совпадаютъ съ народною пользою, а, напротивъ, часто построены на порабощеніи потребителей.

Въ заключеніе замѣтимъ еще слѣдующее. Весь сосновицкій округъ производитъ ежегодно товаровъ на 50 милл. рублей. Если исключить мелкія заведенія и мельницы, работающія не для вывоза, а для мѣстнаго потребленія, и каменно-угольныя копи, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ это извѣстно и г. Шарлапову, вырабатываютъ по нѣскольку милл. руб. ежегодно, то изъ 50 милл. останется не очень много. Неужели же ввозъ товаровъ на какихъ-нибудь 20—30 милл. могъ погубить всю нашу промышленность и привести ее въ кризису?

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

„Введеніе въ общее языкознание“. А. Ф. Потта.— Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ.— Поэмы Гомера: „Иліада“ и „Одиссея“. Перев. В. Краузе.

Введеніе въ общее языкознание. А. Ф. Потта. Переводъ Г. Генкеля и А. Васильева. Спб., 1885 г. Сравнительное языковѣдѣніе болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая наука, представляетъ собою *terra incognita* для непосвященныхъ. Особенно же эта наука непопулярна у насъ, въ Россіи. Поэтому весьма желательно появленіе у насъ такихъ лингвистическихъ сочиненій общаго характера, которыя могли бы въ доступной формѣ изложить для неспециалистовъ результаты и задачи этой науки. Оригинальныхъ сочиненій такого рода, заслуживающихъ вниманія, до сихъ поръ нѣтъ и, вѣроятно, еще долго придется ждать ихъ; изъ переводныхъ заслуживаетъ полнаго вниманія книжка Дельбрюка (*Delbück*: „*Einleitung in das Sprachstudium*“), переводъ которой напечатанъ въ *Филологическихъ Запискахъ*; сочиненія Макса Мюллера уже устарѣли; прекрасная же книга Уитнея (*Whitney*: „*Life and growth of language*“) все еще ждетъ перевода.

Но, несмотря на такую бѣдность нашей лингвистической литературы, нельзя, все-таки, остаться благодарными переводчикамъ, подарившимъ русскую литературу названнымъ въ заглавіи сочиненіемъ Потта. Надо полагать, что сами переводчики имѣютъ крайне смутное представленіе о наукѣ языковѣдѣнія; иначе имъ не пришло бы и въ голову тратить время на этотъ переводъ. Правда, въ предисловіи они увѣряютъ, что „предлагаемая брошюра... представляетъ въ себѣ, такъ сказать, квинтэссенцію новѣйшихъ фактовъ и результатовъ, достигнутыхъ наукою о языкѣ за послѣдніе десятилетия“; но это увѣреніе, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Поттъ? Несомнѣнно—„извѣстный ученый“, написавшій очень много въ своей жизни и пишущій до сихъ поръ. Бѣда только въ томъ, что его время прошло: онъ имѣлъ значеніе, и, пожалуй, большое, раньше, въ первые годы своей дѣятельности, какъ послѣдователь и продолжатель Боппа; въ настоящее же время Поттъ является вполне отсталымъ лингвистомъ: ему совершенно чужды тѣ коренныя преобразованія, которыя произошла въ наукѣ языковѣдѣнія и которыя совершились на его глазахъ.

Къ такому выводу относительно значенія Потта переводчики легко могли бы придти и сами, если бы сочли нужнымъ обратить должное вниманіе на введеніе, предисланное имъ своему сочиненію: въ немъ

самъ же Поттъ говорить, что ему, при обработкѣ этого труда, написаннаго уже давно, *тщательно невозможно было лично познакомиться со всюю громадною массою вновь появившихся сочиненій по языковѣднѣю*; ясно, кажется, выразилъ авторъ, что онъ ничего общаго съ новѣйшимъ языковѣднѣемъ не имѣетъ. Какая же „квинтесенція“ можетъ заключаться въ его произведеніи?

Въ этой замѣткѣ было бы неумѣстно подвергать подробному анализу эту „квинтесенцію“; можно только дать слѣдующую общую характеристику сочиненія Потта: во-первыхъ, въ него входитъ значительная часть того метафизическаго хлама, который накопленъ въ теченіе вѣковъ великими усиліями филологовъ и логиковъ, отождествлявшихъ грамматику съ логикой; во-вторыхъ, сюда входятъ многія изъ тѣхъ мистическихъ воззрѣній на языкъ, которыя возникли у первыхъ лингвистовъ, какъ результатъ ихъ усилій объяснить посредствомъ прежнихъ схоластическихъ теорій поразительные факты, открытые путемъ сравненія между собою самыхъ разнообразныхъ языковъ; въ этой-то туманной массѣ лишь изрѣдка мелькаютъ свѣтлыя точки—дѣйствительно научные выводы языковѣднѣя. Такимъ образомъ, Поттъ въ своемъ сочиненіи иногда выставляетъ такія задачи, отъ которыхъ современное языковѣднѣе уже отказалось; другія задачи, которыя и теперь служатъ предметомъ изслѣдованій, у него получаютъ неправильное рѣшеніе; наконецъ, многія основныя задачи, выставленныя современною наукой и отчасти уже рѣшенныя, остаются неизвѣстными автору. Ко всему этому надо добавить крайне тяжелую форму изложенія: существенные вопросы авторъ излагаетъ слишкомъ сжато и неудобопонятно для неподготовленнаго читателя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ нестаети часто входить въ подробнѣйшія разсужденія относительно фактовъ, вовсе не важныхъ, иллюстрируетъ свое изложеніе болѣею частью такими примѣрами, которые для обыкновеннаго читателя должны остаться совершенно загадочными.

Напрасно также увѣряютъ переводчики, что въ этой брошюрѣ „читатель найдетъ полный обзоръ историческаго развитія лингвистики“: исторія лингвистическихъ ученій и не входила въ планъ автора; если же онъ иногда цитируетъ различныхъ писателей, то лишь по отдѣльнымъ вопросамъ, и, притомъ, обыкновенно такихъ писателей, которые съ научнымъ языковѣднѣемъ ничего общаго не имѣютъ. Библиографическій отдѣлъ у Потта представляетъ простое перечисленіе, безъ всякаго выбора и порядка, массы книгъ, болѣею частью не имѣющихъ никакого значенія въ наукѣ.

И такъ, кажется, ясно, что брошюра Потта никоимъ образомъ не можетъ дать читателю „вполнѣ вѣрнаго понятія о результатахъ и состояніи лингвистики въ наше время“, какъ увѣряютъ переводчики; слѣдовательно, она ни въ какомъ случаѣ уже не можетъ служить „не только хорошимъ пособіемъ, но и руководительницею“ при занятіяхъ студентовъ, на которыхъ, встаети замѣтимъ, переводчики, кажется, *особенно* рассчитываютъ; наконецъ, тщетны надежды переводчиковъ и на то, что эта брошюра можетъ развить „интересъ“ къ лингвистикѣ въ неспециалистахъ: Поттъ и самъ много сдѣлалъ, чтобы достигнуть противоположнаго результата, а переводчики еще весьма усердно помогли ему въ этомъ по отношенію къ русскимъ читателямъ, какъ сейчасъ увидимъ.

Дѣло въ томъ, что переводчики, благодаря своему незнакомству съ

языковѣдѣніемъ, не могли справиться даже съ тѣмъ немудренымъ содержаніемъ, которое они нашли въ книгѣ Потта. При этомъ надо замѣтить, что переводчики выказали еще крайне непохвальное свойство: они сваливаютъ всѣ тяжкіе грѣхи своего перевода на Потта, у котораго, по ихъ увѣренію, языкъ „сжатый, своеобразный, тяжелый, мѣстами крайне темный“. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти особенности языка Потта заставили переводчиковъ допускать въ переводѣ такую небрежность, какъ, напримѣръ, „у насъ въ нѣмецкомъ языкѣ“ (стр. 49); *Безценбергерическій журналъ* (Bezenbergerische Zeitschr.), вм. жур. Безценбергера (стр. 27); „какъ желательно бы это и было“ (стр. 62), вм. какъ бы ни было желательно; „предметъ виною времени затмѣнный“ (eine durch Schuld der Zeit verdunkelte Sache) (стр. 71); „благосклонныя обстоятельства“ (die Gunst der Umstände) (стр. 89); „присвоеніе языка“ (Aneignung des Idioms) (стр. 92), и масса другихъ промаховъ такого же рода? Небрежность въ переводѣ простирается до того, что сплошь и рядомъ встрѣчается такъ называемый обратный порядокъ словъ и другія особенности нѣмецкаго синтаксиса; что же это за переводъ? Переводчики сплошь и рядомъ *искажаютъ* до невозможности смыслъ подлинника. Примѣровъ *искажений* мы не приводимъ: они встрѣчаются на каждой страницѣ, не говоря уже объ искаженіи смысла отдѣльныхъ словъ и о многочисленныхъ промахахъ корректуры, искажающихъ смыслъ фразы. Что же это такое? Неужели виновать тутъ опять языкъ Потта? Нисколько; виновато здѣсь, очевидно, полнѣйшее незнаніе переводчиковъ съ наукой, по которой они, съ одной стороны, взялись просвѣщать *любезнательныхъ неспеціалистовъ*, съ другой—*руководить занятіями студентовъ*. Въ концѣ-концовъ, не найдешь достаточно словъ, чтобы охарактеризовать вполнѣ такое позорное дѣло, какъ этотъ переводъ!

Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. I. П. Овидій Назонъ. Превращенія. Перевелъ А. Алексѣевъ. Спб., 1885 г. Передъ нами лежитъ прозаическій переводъ одного изъ самыхъ типичныхъ представителей латинской классической поэзіи. Яркая пластика формы, выуклость и художественная сила образовъ, пылая, какъ бы созданная для выполненія мифологическихъ сюжетовъ фантазія,—все это настолько выступаетъ на первый планъ въ сочиненіяхъ Овидія, что мы, знакомясь съ ними, кажемся, наслаждаемся высоко-художественнымъ скульптурнымъ произведеніемъ. Не ищите у него глубокой мысли, вдумчивой созерцательности. Его отношенія къ внѣшнему міру не идутъ далѣе облеченія въ поэтическую форму повѣствованій, его отношенія къ внутреннему міру—далѣе очень картиннаго описанія разнообразныхъ стадій чувственной страсти. Онъ много играетъ словами, поражаетъ насъ умѣньемъ говорить красивымъ, разнообразнымъ, иногда сильнымъ языкомъ обо всемъ, но онъ насъ не трогаетъ, потому что истинное альтруистическое чувство ему незнакомо, и не будить въ насъ мысли, потому что онъ самъ гналъ отъ себя всякую мысль.

Изъ сказаннаго ясно, какія обязанности возлагаетъ на переводчика переводъ Овидія. Какъ замѣчательный мастеръ формы, Овидій требуетъ отъ переводчика очень тонкаго знакомства съ латинскимъ языкомъ и, кромѣ того, способности въ совершенствѣ пользоваться всѣми ресурсами, представляемыми языкомъ роднымъ. Тотъ только долженъ браться за Овидія, кто чувствуетъ въ себѣ силы для передачи его

изящнаго иногда до вычурности языка, его легкаго, звучнаго, игриваго стиха, почему прозаическій переводъ Овидія не имѣетъ смысла; онъ умѣстенъ лишь для писателей сильныхъ содержаніемъ, а не формой. Переводить Овидія прозой значить не чувствовать, гдѣ лежить центр тяжести его вліянія на читателей. Писателя формы переводить, убивая эту форму, по меньшей мѣрѣ бесполезно.

На подобнаго рода соображенія натолкнула насъ выписанная въ заглавіи книга. Вѣря вполне въ искренность намѣреній автора „принести посильную лепту дѣлу классическаго образованія“, мы должны, однако, отрицательно высказаться о томъ, какъ выполнены эти намѣренія. Прежде всего, не можемъ не остановиться на чудовищномъ введеніи, которое обнаруживаетъ въ авторѣ крайнюю неряшливость и неподготовленность къ „совершенно новому для него поприщу“ переводчика древнихъ авторовъ. Произвольное искаженіе латинскаго текста, напримѣръ, цитаты изъ Сенеки (стр. 3), перепутываніе именъ и лицъ, напримѣръ, Ареллія съ Авреліемъ (ib.) или мифическаго *Менеція* Агриппы съ *Маркомъ* Випсаніемъ Агриппой, извѣстнымъ современникомъ Августа (стр. 4), помѣщеніе города Сульмо въ Лаціумъ, странѣ Пелигновъ (стр. 1), переводъ *Solutum carmen*—неотдѣланные стихи (стр. 3) *) и проч.,—все это плохо рекомендуетъ автора, какъ филолога. Мы уже не говоримъ о его историко-литературныхъ и эстетическихъ соображеніяхъ. Овидій оказывается у него „лучшимъ по языку римскимъ поэтомъ“, нуждающимся, однако, въ извиненіи, что онъ „не могъ тратить много времени на отдѣлку стиховъ“. Овидій былъ и „тонкій знатокъ человѣческаго сердца“, и писатель, „въ произведеніяхъ котораго чувственность находила богатую пищу, почему (sic!) строгіе и нравственные критики читали его съ жадностью“. Идиллія *Филемона и Бавкида* считается за изображеніе жизни бѣдняковъ (sic!). *Дошедшія* до насъ подложныя сочиненія Овидія вродѣ *Nux*, *Consolatio ad Liviam* называются авторомъ „къ сожалѣнію, утерянными“. Наконецъ, врядъ ли его можетъ согласиться даже аргіогі съ заключительною фразой г. Алексѣева, будто всѣ произведенія Овидія носятъ отпечатокъ его безпокойной, исполненной невгодъ жизни, такъ какъ извѣстно, что двѣ трети ихъ посвящено или амурамъ во всевозможныхъ видахъ и періодахъ, или изложенію мнѣологическихъ сюжетовъ. Да и взятыя-то этому отпечатку у Овидія было не откуда, такъ какъ, кромѣ амурныхъ невгодъ, до 50 слишкомъ лѣтъ, т.-е. до изгнанія, онъ, кажется, не испытывалъ никакихъ.

Что касается самаго перевода *Метаморфозъ*,—этой неисчерпаемой сокровищницы поэтическихъ образовъ,—то, прежде всего, его дѣлаетъ неудобочитаемымъ отсутствіе примѣчаній. Для Овидія примѣчанія хотя бы плохенькаго нѣмецкаго *Schulausgabe* обязательны. Иначе пониманіе Овидія почти невозможно, и мы, напримѣръ, съ удивленіемъ спрашиваемъ себя, почему Кадмъ (стр. 62 перев.) *быстро* (*presso gradu*—умѣреннымъ шагомъ, собственно *подавленнымъ*) идетъ за идущей *медленно* коровой. Будь у насъ подъ рукой примѣчанія, мы въ правѣ были бы потребовать отъ г. Алексѣева объясненія этой оригинальной поправки Овидія.

Переводъ выполненъ весьма не точно и не литературно. Не имѣя

*) *Solutum carmen*, т.-е. распущенное стихотвореніе, лишнее метрическихъ оковъ, стихи въ прозѣ.

возможности, да и, признаться сказать, желанія останавливаться на подробностяхъ, мы наудачу возьмемъ два мѣста (нач. 1 и 7 книгъ) и укажемъ наиболѣе крупныя неловкости перевода. Фразы вроде „раньше (чего?) море, земля и небо составляли одинъ видъ (?) природы во всей вселенной; его называли хаосомъ“, или: „послѣ того какъ природа разъединила ихъ и исторгла изъ неясной груды, то, разъединенныхъ мѣстами, соединила единодушнымъ спокойствіемъ“, или: „рѣки достигаютъ моря и, вливаясь, вмѣсто болѣе свободныхъ береговъ, въ водяную равнину, бьютъ въ утесы“, или: „требованія моего отца кажутся мнѣ черезъ-чуръ суровыми, хотъ (sic!) они и очень суровы“—говорятъ сами за себя. И все это на какихъ-нибудь двухъ страницахъ.

Не утомляя читателей дальнѣйшимъ перечисленіемъ болѣе или менѣе грубыхъ отступленій отъ подлинника и отъ русскаго языка въ разбираемой книгѣ, мы съ искреннимъ удовольствіемъ отмѣтимъ лишь то, что, повидимому, и самъ авторъ присоединился уже заранѣе къ нашему отрицательному отзыву о его трудѣ. Онъ сознаетъ (стр. I), что „не можетъ имѣть ни *малѣйшей* претензіи“ на названіе, какъ онъ выражается, „творца“, который одинъ можетъ дать хорошій переводъ, т.-е. „не перевести, а переложить“ подлинникъ. Пожелаемъ же отъ всей души, чтобы это сознание привело автора къ тому убѣжденію, что безъ *основательныхъ* „претензій“ на имя хорошаго переводчика не слѣдуетъ тратить времени на переводы и отнимать время у другихъ на ихъ прочтеніе.

Поэмы Гомера. Илиада и Одиссея. I. Одиссея въ точномъ переводѣ на русскій языкъ В. Краузе. Рапсодія 1—6. Казань, 1885 г. Нельзя не сочувствовать доброй попыткѣ автора передать Гомера въ переводѣ, „близкомъ по духу и строю къ языку эпической литературы“ русскаго народа. Переводъ сдѣланъ добросовѣстно, написанъ на языкѣ живомъ и легко читается. Мѣстами, хотя далеко не вездѣ, языкъ приближается къ торжественному, художественному языку нашихъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ и былинъ. Но авторъ много пользуется и книжною рѣчью, съ причастіями, придаточными предложеніями и даже иностранными словами (штаги, форштевень и т. д.). Намъ кажется, что этого можно бы было и даже слѣдовало бы избѣгнуть. Да оно такъ и случилось бы, еслибъ авторъ больше вникъ въ нашъ былинный и вообще народно-поэтическій языкъ. Тогда и самый стиль его перевода былъ бы болѣе высокимъ, болѣе художественнымъ. Вообще же говоря, слѣдуетъ желать г. Краузе докончить начатое имъ трудное, но благотворное дѣло. Окончательный приговоръ надъ переводомъ автора теперь рановремененъ, въ виду того, что имъ издано еще только шесть пѣсенъ *Одиссеи*.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МЕДИЦИНА.

„Популярная лекція объ электричествѣ и магнитизмѣ“. *Д-ра физики О. Хвольсона.*—„Фотографія на бромо-желатинныхъ пластинкахъ“. *Делюжа.*—„Электрические аккумуляторы“. *В. Чиколева.*—„Примѣненіе электричества къ домашнему быту“ *М. Демисовскаго.*—„Справочная книжка по электротехникѣ“. *В. Чиколева.*—„Труды комиссіи при Импер. русскомъ технич. обществѣ по вопросу о нефтепроводахъ и мѣрахъ къ развитію нефтянаго дѣла въ Россіи“.—„Труды перваго съѣзда нефтепромышленниковъ въ г. Баку“.—„С.-Петербургская городская комиссія общественнаго здравія“.—„Медицинскій очеркъ села Вербовца“. *Студента Борисова.*—„Лекція о бактеріяхъ“. *Д-ра А. Де-Барри.*—„Лекція по частной патологіи и терапіи“. *Либермейстера.*

■ Популярная лекція объ электричествѣ и магнитизмѣ. Доктора физики О. Хвольсона. Съ 220 рисунками. 2 изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. Цѣль труда доктора Хвольсона—„представить въ возможно общепонятной формѣ, доступной неспециалистамъ, и, притомъ, строго научно, главныя основанія ученія объ электричествѣ и его примѣненіяхъ“. Быстрое развитіе электротехники, рельефно выразившееся въ цѣломъ рядѣ быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ специальныхъ выставокъ въ Парижѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ, вызвало въ публикѣ желаніе ближе ознакомиться съ успѣхами электричества.

Для удовлетворенія этой потребности появились популярныя сочиненія и, кромѣ того, были организованы публичныя общедоступныя лекціи. Зимой 81—82 г. докторъ Хвольсонъ прочиталъ рядъ такихъ лекцій при Императорскомъ петербургскомъ техническомъ обществѣ (въ Соляномъ городкѣ), а затѣмъ слѣдующей зимой специально для служащихъ въ телеграфномъ департаментѣ. Записанныя стенографомъ, значительно дополненыя и обработанныя, онѣ печатались сначала въ *Телеграфномъ Сборникѣ*, а затѣмъ въ 1884 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ.

Книга обратила на себя общее вниманіе и разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ,—успѣхъ, крайне рѣдко выпадающій у насъ на долю научныхъ сочиненій. Второе изданіе также состоитъ изъ 13 лекцій, какъ и первое, но оно значительно полнѣе какъ по количеству текста, такъ и по числу рисунковъ. Между прочимъ, во второмъ изданіи описанъ, хотя и вкратцѣ, новый элементъ Степанова, представляющій собою видоизмѣненіе даніелевскаго элемента и весьма пригодный для устройства домашняго электрическаго освѣщенія.

Сочиненіе доктора Хвольсона пользуется несомнѣнно заслуженнымъ успѣхомъ. Но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не указать почтенному автору на крайне неравномѣрное распредѣленіе матеріала и недостаточную обработку нѣкоторыхъ частныхъ. Одни отдѣлы развиты авторомъ очень обстоятельно и подробно, тогда какъ другіе отличаются неполнотой и очень частыми недомолвками, тѣмъ болѣе странными, что книга, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, предназначается для публики, а не для специалистовъ. Такъ, напр., лекція IV, трактующая о сохраненіи энергіи и о потенциалѣ, написана настолько ясно, общедоступно и, въ то же время, увлекательно, что журналъ *Электричество* цѣликомъ перепечаталъ ее изъ книги г. Хвольсона, тогда какъ такой важный отдѣлъ, какъ гальваническіе элементы, изложенъ поверхностно и черезъ-чуръ кратко. О столь распространенныхъ элементахъ, каковы бунзеновскій и Грене, авторъ говоритъ всего нѣ-

сколько словъ, удѣляя имъ не больше вниманія, чѣмъ рѣдкимъ и малоупотребительнымъ элементамъ Миното, Грове, де-ла Рива и т. п. Въмѣсто того, чтобы вдаваться въ подробный разборъ всевозможныхъ формъ элемента Даниеля, слѣдовало бы возможно ближе ознакомить читателей съ тѣми элементами, которые имѣютъ наибольшій практической интересъ. Не достаточно полно изложены также статьи о физиологическихъ дѣйствіяхъ тока и объ атмосферномъ электричествѣ. Только вскользь упоминается объ электротерапіи, гальванокаустициѣ, гальванопластицѣ, тогда какъ всѣ эти примѣненія особенно интересуютъ публику.

Мы очень хорошо понимаемъ, что почтенный авторъ болѣе стремился уяснить научныя основы электротехники, чѣмъ многоразличныя ея приложенія, и что подробное разсмотрѣніе всего, что сдѣлано до сихъ поръ въ области электричества, потребовало бы не 13, а 30 лекцій. Но, тѣмъ не менѣе, столь отрывочныя свѣдѣнія, какъ, напр., о гальванопластицѣ или объ аккумуляторахъ, никому существенной пользы не принесутъ, а потому о нихъ слѣдовало бы или говорить болѣе обстоятельно, или вовсе не говорить.

Изложеніе г. Хвольсона въ общемъ отличается сжатостью и ясностью, въ особенности тамъ, гдѣ требуется научное освѣщеніе фактовъ, теоретическое ихъ истолкованіе. Слабѣ другихъ въ этомъ отношеніи изложена глава о химическихъ дѣйствіяхъ тока, а именно та часть ея, которая трактуетъ объ электролизѣ. На стр. 150 читаемъ, что при разложеніи воды для увеличенія ея электропроводности прибавляютъ до 10% сѣрной кислоты. Мы сомнѣваемся, чтобы была какая-нибудь необходимость подкислять воду такимъ количествомъ кислоты; да это будетъ уже и не вода, а кислота, разбавленная водой. На стр. 151 и 152 находимъ недостаточно асное толкованіе явленій, происходящихъ при электролизѣ солей. Говоря о разложеніи мѣднаго купороса токомъ, авторъ пишетъ слѣдующее: „если возьмемъ мѣдный купоросъ и будемъ разлагать его между платиновыми электродами, то на отрицательномъ электродѣ будетъ появляться мѣдь, а всѣ остальные части купороса, сѣра и кислородъ, должны были бы выдѣляться на положительномъ. Но такое вещество (т.-е. какое же?) само по себѣ не можетъ существовать: изъ воды къ этому тѣлу будетъ присоединяться водородъ, замѣняющій мѣдь, такъ что образуется сѣрная кислота, а кислородъ воды будетъ выдѣляться. Слѣдовательно, въ результатѣ на одномъ электродѣ будетъ появляться мѣдь, а на другомъ кислородъ“. Объясненіе довольно туманное даже и для тѣхъ, кто знакомъ съ явленіями электролиза, а для непосвященной публики оно и вовсе непостижимо. Очень жаль также, что авторъ почти ничего не говоритъ объ электрическихъ дорогахъ и мелкихъ примѣненіяхъ электричества, доступныхъ въ домашнемъ быту, тогда какъ это-то именно особенно интересуетъ публику. Такъ, наприм., полученіе электрическаго свѣта посредствомъ элементовъ почти не затронуто г. Хвольсономъ, а, между тѣмъ, для публики это вопросъ очень важный и далеко не безынтересный. Кто не мечтаетъ теперь объ освѣщеніи своего кабинета электричествомъ? Положимъ, что все это мелочи и мы не въ правѣ требовать отъ серьезнаго научнаго труда, чтобы онъ служилъ намъ для забавы и развлечения. Мы сочли нужнымъ сдѣлать эти замѣчанія потому, что книга предназначается „для публики“, которая естественно будетъ искать въ ней того, что именно ее интересуетъ. Въ общемъ трудъ почтеннаго доктора

представляет богатый вкладъ въ русскую научную литературу и достоинъ полного вниманія со стороны всѣхъ, кто интересуется успѣхами электротехники.

Помимо всѣхъ вышеуказанныхъ достоинствъ, въ книгѣ доктора Хвольсона отведено весьма видное мѣсто русскимъ ученымъ и изобрѣтателямъ, которые совершенно справедливо поставлены у него наряду съ наиболѣе знаменитыми европейскими именами.

Какъ большинство изданій г. Павленкова, книга издана прекрасно. Цѣна также не высока.

Фотографія на бромъ-желатинныхъ пластинкахъ. Краткое руководство къ употребленію ихъ, рецепты, способъ печатанія на хлористо-серебряной бумагѣ, увеличенія и пр. Составилъ Деложъ, преемникъ Ширла. Эта небольшая брошюрка не научный трактатъ, а прямо практическое руководство для лицъ, достаточно уже знакомыхъ съ основами фотографическаго искусства. Никакихъ общихъ теоретическихъ свѣдѣній здѣсь нѣтъ. Но, тѣмъ не менѣе, книжка составлена очень толково и съ полнымъ знаніемъ дѣла, хотя и носить несомнѣнно рекламный характеръ. Приложенное къ брошюрѣ краткое извлеченіе изъ преісъ-куранта фотографическаго магазина, принадлежащаго автору, достаточно выясняетъ цѣль и назначеніе этого труда.

Электрическіе аккумуляторы. Составилъ Чиколевъ, электротехникъ главнаго артиллерійскаго управленія. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1886 г. Книжка содержитъ всего 19 страницекъ, на которыхъ весьма поверхностно трактуются объ аккумуляторахъ Плате, Фора и Ренье, въ примѣненіи ихъ для электрической стрѣльбы и военно-электрическихъ освѣтительныхъ аппаратовъ. Вопросъ о томъ, какъ запастись и хранить безъ потери электрическую энергію, очень живо интересуетъ электротехниковъ, но надъ соизнаться, что въ этомъ направленіи многое еще совсѣмъ не разработано и всѣ усилія создать хорошей, экономически выгодный и удобный для практическихъ цѣлей аккумуляторъ до сихъ поръ не приводили къ желаемымъ результатамъ. И въ литературѣ по этому предмету существуетъ значительный пробѣлъ; объ аккумуляторахъ вообще очень мало подробныхъ и обстоятельныхъ статей. Брошюра г. Чиколева для лицъ, недостаточно знакомыхъ съ электротехникой, слишкомъ специальна, а для специалистовъ слишкомъ поверхностна, и потому она врядъ ли можетъ имѣть какое-нибудь серьезное значеніе.

Примѣненіе электричества къ домашнему быту. Составилъ М. Денисьевскій. Съ 47 рисунками. Спб., 1885 г. Ц. 80 к. Въ брошюрѣ г. Денисьевского описаны наиболѣе простые и удобные электрическіе приборы для домашняго обихода. До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не существовало ни одного изданія, посвященнаго примѣненіямъ электричества въ домашнемъ быту. Только въ специальныхъ журналахъ можно было найти кое-что по этому предмету. Желая облегчить любителямъ электротехники отысканіе необходимыхъ приборовъ и дать имъ, въ то же время, возможность самимъ устраивать и устанавливать электрическіе аппараты, авторъ въ самой общедоступной формѣ изложилъ все наиболѣе существенное, что относится къ примѣненіямъ электричества въ домашней жизни.

Всего на 53 страницахъ г. Денисьевскій даетъ понятіе объ электричествѣ вообще, объ энергіи, потенциалѣ, о законѣ Ома, объ элемен-

тахъ Даниѣля, Лекланше, Мейдингера, Лаланда и Шаперона, объ электрическихъ звонкахъ, контактахъ, различнаго устройства зажигаельницахъ, электрическихъ часахъ, электрическихъ ящикахъ для писемъ, телефонахъ и пр. Особенно хорошо изложена статья объ электрическихъ звонкахъ. Описанныя въ книжкѣ зажигаельницы Ранка и Лаузо довольно сложны: существуютъ приборы этого рода болѣе простаго устройства. Въ упрекъ автору можно поставить нѣсколько пристрастное отношеніе къ собственнымъ изобрѣтеніямъ, которыя составляютъ въ книжкѣ добрую половину всѣхъ описанныхъ приборовъ. Читателямъ остается думать что-нибудь одно: или что аппараты г. Денисьевскаго самыя лучшіе, или что онъ, въ качествѣ автора, злоупотребляетъ своимъ правомъ и рекомендуетъ свое собственное, какъ нѣчто наиболѣе совершенное. Такъ, напр., зажигаельница г. Денисьевскаго ничего особаго собою не представляетъ, а, между тѣмъ, авторъ обстоятельно ее описываетъ, какъ бы желая выставить свой товаръ на самое видное мѣсто. Эта навязчивость съ своими изобрѣтеніями производитъ на читателя крайне непріятное впечатлѣніе рекламы. Кромѣ того, цѣна книжки черезъ-чуръ высока. Въ общемъ, однако, брошюрка г. Денисьевскаго очень полезное изданіе и можетъ имѣть значительный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что авторъ общается при послѣдующихъ изданіяхъ постоянно пополнять книжку новостями домашней электротехники.

Справочная книжка по электротехникѣ. Составилъ В. Чиколевъ, электротехникъ при главномъ артиллерійскомъ управленіи. Спб., 1885 г. Изданіе Ф. Павленкова. Какъ видно изъ предисловія, справочная книжка г. Чиколева, справедливо названная имъ „краткою“, составляетъ „отдѣльные оттиски“ изъ его же сочиненія объ электрическомъ освѣщеніи. Если этотъ первый опытъ окажется удачнымъ, то авторъ общается въ будущемъ второе изданіе въ значительно ббльшемъ объемѣ. Хотя г. Чиколевъ хорошо извѣстенъ русской публикѣ, какъ знающій свое дѣло электротехникъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ думаетъ, что большаго успѣха его справочная книжка имѣть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому и на что нужна „краткая“ справочная книжка, въ которой уже потому одному, что она краткая, неизбежно должны быть пробѣлы, а разъ въ ней не достаетъ то одного, то другаго, она теряетъ свой справочный характеръ и является просто-на-просто наборомъ различныхъ цифровыхъ данныхъ, имѣющихся во всякомъ серьезномъ сочиненіи по электротехникѣ. Книжка г. Чиколева занимаетъ всего 52 страницы, но изъ нихъ нужно еще выкинуть таблицы магнитическія, таблицы мѣръ и вѣса, какъ совершенно бесполезный балластъ. Эти данныя можно найти во всякой справочной книжкѣ и во всякомъ техническомъ календарѣ, а многоаго того, что необходимо всякому электротехнику, у г. Чиколева нѣтъ. Напр., какъ надо расположить фонари, въ какомъ числѣ и на какой высотѣ для освѣщенія данной площади, объ этомъ не имѣется свѣдѣній, но за то о двигателяхъ, о передачахъ и т. п. сообщается очень подробно, хотя обыкновенно машины устанавливаются не электротехниками, а механиками. Въ книжкѣ вове нѣтъ данныхъ относительно сращиванія кабелей, но за то указано, какъ окрашивать дерево подъ орѣхъ. На стр. 17 приводится стоимость передачи силы на разстоянія различными способами, хотя такого рода данныя имѣютъ только условное значеніе, такъ какъ стоимость вообще есть величина непостоянная, измѣняющаяся въ зависимости отъ многихъ условий.

Не мѣшало бы внимательнѣе просмотрѣть и самыя таблицы. На стр. 19 указано, напр., что керосинъ имѣетъ уд. вѣсъ 0,8. Цифра эта собственно ничего не выражаетъ, такъ какъ плотность этого матеріала измѣняется, главнымъ образомъ, сотыми и тысячными долями. Точно такую же неопредѣленностью отличается указаніе, что минеральная масла имѣютъ уд. вѣсъ до 0,96, а насыщенный растворъ поваренной соли имѣетъ плотность = 1,208 (при какой температурѣ—это необходимо указать). Положимъ, что не самъ авторъ составлялъ эти таблицы, а заимствовалъ ихъ изъ разныхъ источниковъ, но все же пробѣды эти бросаются въ глаза, и было бы очень желательно, чтобы составители справочныхъ книжекъ не ограничивались однимъ заимствованиемъ, а провѣряли и дополняли бы устарѣвшія и малоудовлетворительныя данныя. Не вдаваясь въ болѣе подробный разборъ книги г. Чиголева, ограничимся пожеланіемъ, чтобы во второмъ изданіи авторъ далъ не „краткую“, а хорошую и непремѣнно полную справочную книгу по электротехникѣ, которую можно бы было пользоваться при всѣхъ проектахъ и расчетахъ.

Труды комиссіи при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ по вопросу о нефтепроводѣ и мѣрахъ къ развитію нефтянаго дѣла въ Россіи. Спб., 1885 г. Въ декабрѣ 1884 г. въ русскомъ техническомъ обществѣ въ Петербургѣ И. П. Илимовъ сдѣлалъ докладъ о состояніи нефтяной промышленности въ Баку и нефтепроводѣ. Для подробнаго обсужденія реферата и для окончательнаго выясненія вопроса о мѣрахъ къ развитію нефтянаго дѣла въ Россіи при техническомъ обществѣ была организована специальная комиссія, въ составъ которой вошли лица, хорошо знакомыя съ положеніемъ нашей нефтяной промышленности. Труды этой комиссіи, вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ, представляютъ богатый матеріалъ для безпристрастнаго сужденія о дѣйствительномъ значеніи баку-батумскаго нефтепровода и о желательности или нежелательности его сооруженія. Мнѣнія о пользѣ нефтепровода раздѣлились какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и между нефтепромышленниками. Особенно много противниковъ нефтяной баку-батумской трубы между бакинскими заводчиками, которые, въ виду всеобщаго кризиса, давно уже господствующаго въ нефтяномъ дѣлѣ, готовы видѣть въ сооруженіи нефтепровода свою окончательную гибель. Изъ Трудовъ вышеуказанной комиссіи выяснилось, что сооруженіе нефтепровода является не только желательнымъ, но и существенно необходимымъ. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы были доклады гг. Менделѣевымъ, Ивановымъ, Карловичемъ и др. Русскіе нефтяные продукты при своихъ прекрасныхъ качествахъ, все-таки, не находятъ сбыта за границу, вслѣдствіе дороговизны фрахта. Переполненіе внутреннихъ рынковъ вызываетъ постоянное паденіе цѣнъ, поддерживающихъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ тяжелый кризисъ въ нашей нефтяной промышленности. Въ 1884 г. по Закавказской дорогѣ за границу было отправлено всего 4 милл. пудовъ керосина и др. продуктовъ. А, между тѣмъ, по сообщенію газеты *Каспій*, съ 1 января по 1 сентября 1885 г. добыто нефти около 100 милл. пудовъ,—цифра небывалая. Закавказская дорога окончательно не въ состояніи перевезти такой массы грузовъ, а увеличеніе ея провозоспособности потребуетъ со стороны правительства новыхъ и очень большихъ затратъ. Нефтепроводъ же, построенный на частныя средства, во-первыхъ, удешевитъ доставку, во-вторыхъ, послужитъ вѣрнымъ и по-

стояннымъ источникомъ дохода для казны. Въ случаѣ истощенія бакинскихъ источниковъ, нефтепроводъ можетъ быть перенесенъ на друга мѣста, гдѣ будутъ открыты новые обильные источники. При пониженіи фрахта на 18 — 20 коп. съ пуда, русскіе нефтяные продукты легко займутъ европейскіе рынки. По расчету г. Иванова, провозъ по желѣзной дорогѣ отъ Баку до Батума (842 вер.) обходится не менѣе 20 коп. съ пуда, а доставка по нефтепроводу всего 10 коп.; по его мнѣнію, въ Батумѣ имѣются всѣ условія для конкуренціи съ Баку. Нефтяные остатки съ черноморскихъ нефтяныхъ заводовъ непременно найдутъ вѣрный сбытъ не только какъ топливо (имѣющее особую цѣну для черноморскаго флота), но и какъ прекрасный суррогатъ для замѣны дорогаго древеснаго дегтя и какъ цѣнный матеріалъ для выработки смазочныхъ маселъ, вазелина и ароматическихъ углеводородовъ. Рынки Средиземнаго моря только тогда откроются для русскихъ нефтяныхъ продуктовъ, когда цѣны на нихъ будутъ понижены, а этого можно достигнуть только нефтепроводомъ и новыми заводами на берегахъ Чернаго моря. *Труды комиссиі*, въ высшей степени интересные по глубокому знанію и пониманію дѣла, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ. Нефтепроводъ—выгодное предпріятіе, но онъ непременно долженъ быть частнымъ; онъ облегчитъ конкуренцію кавказскаго керосина съ американскимъ въ портахъ ливанскихъ и Средиземнаго моря. Заводы могутъ совмѣстно существовать и въ Баку, и въ Батумѣ; первые займутъ внутренніе, сѣверо-европейскіе и азиатскіе рынки; вторые—южно-заграничные и южно-внутренніе рынки. Въ Батумѣ дешевле химическіе матеріалы, для очистки есть прѣсная вода, дешевый постоянный транспортъ къ мѣстамъ потребленія и относительно высокая цѣна остатковъ. На сторонѣ Баку дешевизна сырья и топлива. И такъ, сооруженіе нефтепровода является самымъ энергическимъ, самымъ рациональнымъ и совершенно безубыточнымъ для государственнаго казначейства и всего народнаго хозяйства средствомъ поощрить дальнѣйшее процвѣтаніе нефтяной промышленности. Желательно при этомъ, чтобы сооруженіе не имѣло характера монополіи, а было строго нейтральное. Нефтепроводная компанія должна заниматься только транспортомъ, а нефтепроводъ долженъ быть одинаково доступенъ какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ промышленникамъ. По проекту, помѣщенному въ запискѣ члена совѣта министерства государственныхъ имуществъ И. П. Архипова (*Мѣры для развитія кавказской нефтяной промышленности*), сооруженіе 6 дюйм. трубы, могущей перегнать до 40 милл. пудовъ нефти, обойдется въ 15 милл. 700 тысячъ рублей. Стоимость прогона будетъ зависѣть, во-первыхъ, отъ платы въ пользу казны, а, во-вторыхъ, отъ періода погашенія стоимости сооруженія; максимальный тарифъ предполагается въ 11 коп. за все разстояніе отъ Баку до Батума. Къ *Трудамъ комиссиі* приложены расчеты нефтепровода. Такъ какъ взгляды министерства путей сообщенія довольно благоприятны сооруженію нефтепровода, то министерству государственныхъ имуществъ, вѣроятно, скоро удастся осуществить это предпріятіе.

Труды перваго сѣзда нефтепромышленниковъ въ г. Баку съ 26 октября по 8 ноября 1884 г. Баку, 1885 г. Съ цѣлью способствовать всѣми мѣрами возможно широкому развитію нашей нефтяной промышленности русскимъ нефтепромышленникамъ, по инициативѣ г. министра государственныхъ имуществъ разрѣшены періодическіе сѣзды для совмѣстной разработки наиболѣе существенныхъ вопро-

сбѣвъ. Отчеты о первомъ съѣздѣ печатались первоначально въ *Бакинскихъ Извѣстiяхъ*, а затѣмъ въ болѣе полномъ объемѣ и значительно обработанные они вышли отдѣльнымъ изданiемъ. Въ составъ съѣзда вошли нефтедобыватели, заводчики, представители управленiя горною частью на Кавказѣ, уполномоченные отъ пароходныхъ обществъ и желѣзныхъ дорогъ, а также и члены бакинскаго техническаго общества, не имѣющiе своихъ промысловъ и заводовъ; эти послѣднiе, впрочемъ, были допущены на съѣздъ только съ совѣщательнымъ голосомъ. Такимъ образомъ, въ трудахъ съѣзда принимали участiе преимущественно лица, эксплуатирующiя нефть, какъ доходную статью. Это обстоятельство естественно не могло гарантировать вполне безпристрастнаго обсужденiя, а потому въ нѣкоторыхъ рѣчахъ и мнѣнiяхъ бакинскихъ промышленниковъ невольно проскальзывали часто торгашескiя стремленiя. Одна мѣстная газета прямо заявляла, что съѣздъ занимался „всестороннимъ и безпристрастнымъ обсужденiемъ своихъ кармановъ“. Въ Америкѣ и Англии за послѣднее время стали сильно интересоваться судьбами нашей нефтяной промышленности. Въ прошломъ году въ англiйскомъ техническомъ журналѣ *Engineering* была напечатана подробная и весьма обстоятельная статья о кавказской нефти. Авторъ этой статьи говоритъ, что американцы сильно побаиваются конкуренци со стороны Россiи, которая вывозитъ нефть и нефтяные продукты не только въ Германiю, но и въ Австрию. Въ лондонскомъ *Times* печатались статьи о современномъ положенiи русской нефтяной промышленности и письмо о 1 съѣздѣ нефтепромышленниковъ. Чарльзъ Марвинъ напечаталъ даже цѣлое обстоятельное сочиненiе на англiйскомъ языкѣ о кавказской нефти. Въ виду всего этого, бакинцы сильно опасаются, что въ Европѣ скоро появятся заводы для переработки кавказской нефти. Поднятый на съѣздѣ вопросъ о полномъ запрещенiи вывоза русской нефти за границу (или, по крайней мѣрѣ, объ обложенiи ея весьма высокою пошлиною) вызвалъ продолжительныя и весьма оживленныя пренiя. Желанiе запрещенiя исходило, главнымъ образомъ, изъ среды заводчиковъ; большинство же нефтедобывателей въ союзѣ съ представителями желѣзныхъ дорогъ стояло на сторонѣ свободнаго вывоза. По нѣкоторымъ вопросамъ были высказаны весьма курьезныя мнѣнiя. Такъ, по поводу доклада „о необходимости особой комисси изъ ученыхъ и техниковъ для разработки вопроса о рациональномъ добыванiи нефти“, одинъ изъ членовъ съѣзда возражалъ слѣдующими знаменательными словами: „мы имѣемъ практику, а технологи развели такую плантацiю, что приходится закрывать лавочку; намъ не нужно новыхъ ученыхъ; для насъ было бы гораздо лучше, если бы убрали и тѣхъ, которые теперь сидятъ въ Баку“. Другой почтенный бакинскiй гражданинъ, тоже членъ съѣзда, возражалъ противъ установленiя нормы воспламеняемости керосина, говоря, что *девизъ Россiи гореть*, и что нѣтъ еще особый бѣды въ томъ, что въ годъ сгоритъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей и обожжется нѣсколько человѣкъ. Вообще изъ всѣхъ дебатовъ какъ нельзя лучше выяснилось, что бакинцы понимаютъ содѣйствие правительства только въ смыслѣ обереганiя ихъ кармановъ. Однако, нельзя не замѣтить, что засѣданiя съѣзда, отличавшiяся большимъ оживленiемъ, закончились нѣкоторыми весьма дѣльными резолюцiями. Такъ, бакинцы добровольно отказались отъ привилегiи безнаказанно торговать огнеопасными сортами керосина и единогласно почти признали необходимымъ ходатайствовать объ устано-

вленіи нормы вспышки въ 25° Ц. Дебатировался также вопросъ о нефтепроводѣ, относительно котораго съѣздъ высказался въ томъ смыслѣ, что хотя нефтепроводъ представляетъ собой самый дешевый способъ транспортированія нефти, но что пока можно обойтись закавказскою желѣзною дорогою, если провозная способность будетъ увеличена до необходимыхъ размѣровъ; кромѣ того, были сдѣланы и весьма интересные доклады объ устойчивѣ батумскаго порта, о нефтяномъ банкѣ и варрантныхъ складахъ, объ упорядоченіи нефтянаго промысла вообще, объ устройствѣ специальной лабораторіи въ Баку и нѣкоторые другіе Предсѣдательствовалъ на съѣздѣ уполномоченный министра государственныхъ имуществъ И. И. Тахъевъ. *Труды* составлены по стенографическимъ отчетамъ и редактированы В. Неручевымъ.

С.-Петербургская городская коммиссія общественнаго здравія. Спб., 1885 г. Учрежденная с.-петербургскою городскою думой 9 февраля 1879 г. временная исполнительная коммиссія общественнаго здравія, въ первый періодъ своей дѣятельности ограничивавшаяся преимущественно подготовительными работами, издала въ концѣ прошлаго года весьма интересный отчетъ о своей дѣятельности, начиная съ 1881 г. по 1885 г., по организаціи общедоступной врачебной помощи населенію и мѣръ для оздоровленія города. Съ передачею въ вѣдѣніе города больницъ, съ 1 сентября 1884 г., одновременно поступили на изживеніе города также и санитарный надзоръ по прекращенію эпидемическихъ и вообще заразныхъ болѣзней при помощи особо назначенныхъ съ этою цѣлью врачей. Такимъ образомъ, съ 1885 г. въ вѣдѣніи городской коммиссіи общественнаго здравія состоятъ слѣдующія санитарно-врачебныя учрежденія: 1) созданные самимъ городскимъ управленіемъ *общедоступная врачебная помощь* на дому и амбулаторно, съ даровымъ отпускомъ лѣкарствъ бѣднымъ больнымъ, и врачебно-санитарный надзоръ за учащимися въ городскихъ училищахъ, чрезъ посредство 25 думскихъ врачей, *санитарный надзоръ по городу* чрезъ окружныхъ попечителей, *городская барачная больница* для заразныхъ больныхъ (300 штатныхъ кроватей); 2) принятые городомъ отъ постороннихъ вѣдомствъ городскіе *родильные пріюты*, числомъ 11 съ 60 кроватями, *10 городскихъ больницъ* разнаго рода, имѣющихъ въ общей сложности около 4 тыс. кроватей, *городскія богадѣльни* на 2,700 штатныхъ мѣстъ и, наконецъ, *врачебно-санитарный надзоръ* по прекращенію эпидемическихъ и заразныхъ болѣзней при помощи 11 санитарныхъ врачей (въ лицѣ помощниковъ полицейскихъ врачей). Названный выше отчетъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія лишь объ учрежденіяхъ первой группы, а именно: 1) общій обзоръ дѣятельности думскихъ врачей для нуждающагося населенія, съ указаніемъ болѣзней, пользовавшихся врачами на дому и у себя на приемѣ приходившихъ больныхъ, а равно свѣдѣній о размѣрахъ и характерѣ оказанныхъ больнымъ пособій въ 1883 и 1884 гг.; 2) врачебно-санитарный надзоръ за учащимися въ городскихъ начальныхъ училищахъ; 3) общій санитарный надзоръ и мѣры къ оздоровленію города (общія свѣдѣнія, очистка рѣчекъ въ санитарныхъ видахъ, обязательныя постановленія по охраненію общественнаго здравія, санитарный надзоръ за фабриками, заводами и мастерскими); 4) городская барачная больница для заразныхъ больныхъ (историческія свѣдѣнія, описание устройства, продовольствіе больныхъ, краткій медицинскій отчетъ за 1882—84 гг. и пр.). Что касается второй, еще не появившейся въ печати части отчета, то она будетъ содержать въ себѣ свѣдѣнія объ учрежде-

ніяхъ, принятыхъ городомъ отъ стороннихъ вѣдомствъ. Въ короткой библиографической замѣткѣ невозможно исчерпать всего богатаго содержания книги, которая заслуживаетъ вполне непосредственнаго съ ней знакомства и внимательнаго разбора данныхъ, въ ней заключающихся, въ особенности въ связи съ предполагаемымъ проектомъ организаціи санитарно-врачебной дѣятельности какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ Россіи.

Медицинскій очеркъ села Вербовца, Кіевской губерніи. Студента Борисова. Кіевъ, 1885. (Рефератъ, прочитанный въ обществѣ кіевскихъ врачей.) Почему этотъ очеркъ названъ медицинскимъ, понять трудно, такъ какъ, кромѣ самыхъ общихъ и бѣглыхъ замѣчаній о гигиеническихъ условіяхъ села Вербовца, мы имѣемъ дѣло съ составомъ населенія по полу и возрасту, съ рождаемостью и смертностью. Повидимому, авторъ очень мало знакомъ съ тѣмъ, что надо разумѣть подъ статистикою медицинской и статистикою народонаселенія.

Весь очеркъ свидѣтельствуетъ о добрыхъ чувствахъ автора: онъ сѣтуетъ на то, что рязанское земство рѣшило уничтожить *Статистическій сборникъ* и т. д.; но, въ то же время, мы наталкиваемся въ очеркѣ на невѣроятныя курьезы. Напримѣръ, возрастной составъ села Вербовца сравнивается съ возрастнымъ составомъ Западной Европы и Россіи, какъ будто сравниваются три страны.

Выводы, понятно, вполне на высотѣ такого сравненія. Изъ сопоставленія данныхъ авторъ заключаетъ, что „дѣтей въ Вербовцѣ больше, чѣмъ въ Западной Европѣ и Россіи“, что „въ Вербовцѣ потребляющій возрастъ преобладаетъ надъ возрастомъ производительнымъ, а въ Россіи и Западной Европѣ—наоборотъ“. Подобнаго рода сравненія представляютъ наглядное доказательство легкаго отношенія автора къ задачамъ статистическаго изслѣдованія. Не рано ли онъ вздумалъ печатать свои труды и поучать другихъ?

Лекціи о бактеріяхъ. Д-ра А. Де-Бари. Переводъ подъ редакціей д-ра Хр. Гоби. Спб., 1886 г. Изданіе К. Риккера. Вопросы о причинахъ болѣзней принадлежать и будутъ принадлежать къ числу интереснѣйшихъ вопросовъ практической жизни. Эти вопросы почти ежедневно занимаютъ cadaго изъ насъ въ приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ будничной жизни. У большинства имѣются и готовые отвѣты на эти вопросы. Отвѣты эти сводятся къ тремъ главнымъ категоріямъ (смотря по развитію и уровню знаній); категоріи эти суть: сглазь, простуда и бактеріи. Третья категорія еще только начинаетъ завоевывать себѣ права гражданства. Въ послѣдніе годы интересъ къ бактеріямъ, какъ причинамъ болѣзней, быстро возрасталъ въ русской публикѣ, доказательствомъ чего служатъ многочисленныя изданія, болѣею частью переводныя, посвященныя бактеріямъ.

Новая книга Де-Бари будетъ не лишнею въ ряду подобнаго рода сочиненій. Имя Де-Бари давно уже пользуется почетною извѣстностью въ наукѣ и литературѣ. Приятно видѣть, что авторитетъ первой величины берется въ сжатой и ясной формѣ сдѣлать общій обзоръ всего ученія о бактеріяхъ. Книга Де-Бари требуетъ отъ приступающаго къ ней лишь самыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ области естествознанія. Большая часть книги посвящена описанію строенія бактерій, развитія ихъ, условій жизни и отношеній къ виѣшней средѣ. Заключительныя главы разсматриваютъ причинную связь паразитныхъ бактерій съ заразными бактеріями; здѣсь въ краткихъ чертахъ сообще-

ны всѣ вновь открытыя существенныя факты, служащія доказательствомъ паразитной теоріи заразныхъ болѣзней. Указатель важнѣйшей литературы приложенъ отдѣльно.

Переводъ выполненъ хорошо, хотя, подобно другимъ переводамъ той же редакціи (д-ра Гоби), слишкомъ испещренъ оригинальностями. Къ чему, напримѣръ, употреблять слово „облигатный“, когда его безъ всякаго ущерба для пониманія можно замѣнить словомъ „обязательный“?

Лекціи по частной патологіи и терапіи. Томъ первый. Инфекціонныя болѣзни. Либермейстера. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра М. В. Гиршфельда. Книга эта состоитъ изъ общей части и спеціальной. Въ общей части авторъ знакомитъ читателя съ новѣйшими воззрѣніями на сущность инфекціонныхъ болѣзней, съ ихъ общественнымъ значеніемъ и мѣрами для ихъ предупрежденія и леченія. Въ спеціальной же части онъ описываетъ каждую инфекціонную болѣзнь въ отдѣльности. За Либермейстеромъ всегда останется заслуга въ томъ, что онъ, въ качествѣ выдающагося нѣмецкаго клинициста, всегда являлся горячимъ и умѣлымъ защитникомъ идеи, впервые высказанной Генле, что въ основаніи всѣхъ инфекціонныхъ болѣзней лежитъ ядъ живой, способный, при внѣдреніи въ человѣческой организмъ, воспроизводиться въ немъ и передаваться отъ одного индивидуума къ другому. Это воззрѣніе на сущность инфекціонныхъ болѣзней получило фактическое подтвержденіе въ великихъ открытіяхъ Давена, Пастѣра, Обермейера, Коха и другихъ и съ этого времени начинается эра раціональной этиологіи заразныхъ болѣзней съ ея благодѣтельными для общественнаго здоровья послѣдствіями въ смыслѣ предупрежденія и леченія инфекціонныхъ болѣзней. Было время, когда врачи и не врачи считали вполне возможнымъ, что чума составляетъ слѣдствіе дурнаго погребенія человѣческихъ труповъ и проистекающей отсюда порчи воздуха; сыпной тифъ—слѣдствіе скопленія массы людей въ дурнопровѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ и голода; холера — слѣдствіе употребленія испорченной или незрѣлой растительной пищи; брюшной тифъ — слѣдствіе испареній гнѣющихъ экскрементовъ и т. д. Но, благодаря трудамъ вышеупомянутыхъ изслѣдователей, мы знаемъ теперь, что каждая инфекціонная болѣзнь обусловливается ей одной свойственнымъ и морфологически отличнымъ микробомъ въ видѣ, напр., точки, запятой, палочки, прямой или виагообразно изогнутой. Также доказано уже, что вышеупомянутыя антигигіеническіе моменты оказываются дѣйствительными лишь тамъ, гдѣ имѣется уже или куда занесенъ специфическій микробъ, какъ зародышъ болѣзни, и тогда могутъ обусловить чрезмѣрное распространеніе послѣдней. Но произвольнаго зароденія болѣзнетворнаго зародыша при этомъ никогда не бываетъ.

Съ открытіемъ микробовъ, лежащихъ въ основаніи заразныхъ болѣзней, возникъ случайно важный въ практическомъ отношеніи вопросъ о томъ, могутъ ли вообще болѣею частью невинныя, но вездѣсущіе микробы перейти когда-либо въ болѣзнетворныя или, въ частности, одинъ видъ болѣзнетворныхъ микробовъ перейти въ другой. Хотя а priori и нельзя отвергать возможности такого превращенія, но на основаніи строго-научныхъ клиническихъ и экспериментальныхъ фактовъ приходится придти къ заключенію, что виды болѣзнетворныхъ микробовъ теперь такъ же стойки, какъ и виды высшихъ организмовъ, и что въ наше время они не переходятъ

другъ въ друга. И на самомъ дѣлѣ, никѣмъ еще до сихъ поръ не наблюдался, напр., переходъ брюшнаго тифа въ сыпной тифъ и обратно, точно также, какъ никому еще до сихъ поръ не удалось, при помощи цѣлаго ряда культуръ, превратить невинную сънную бациллу въ схожую съ ней по формѣ болѣзнетворную бациллу сибирской язвы. Это положеніе нисколько не противорѣчитъ, однако, теоріи происхожденія видовъ, а указываетъ только на то, что специфическія особенности, которыми отличается каждый изъ болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, не приобретаются ими въ теченіе короткаго періода времени.

Благодаря введенному въ науку Кохомъ методу чистыхъ культуръ, сдѣлалось возможнымъ выдѣлить каждый болѣзнетворный микроорганизмъ и, получивъ его въ чистомъ видѣ, изучить его морфологическия особенности и болѣзнетворныя свойства. Этимъ-то путемъ и заложено твердое основаніе для рациональной этиологіи, потому что бороться съ успѣхомъ можно только съ тѣмъ врагомъ, который изученъ всесторонне. Гигіена получила, такимъ образомъ, твердую точку опоры въ своихъ мѣропріятіяхъ для предупрежденія, а терапія для леченія заразныхъ болѣзней. Если же теченіе послѣднихъ до сихъ поръ не можетъ похвалиться особенными успѣхами, да и мало обѣщаетъ ихъ впереди, то это объясняется тѣмъ, что легче бороться съ инфекціей внѣ организма, чѣмъ по выдреніи ея въ послѣдній, когда въ большинствѣ случаевъ активная борьба съ ней невозможна безъ ущерба для самаго организма.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ заразными болѣзнями на первомъ планѣ должна стоять цѣлесобразная профилактика, которая современемъ сдѣлаетъ излишней всякую терапію. Въ то время, какъ на войнѣ даже въ новѣйшее время опустошенія, производимыя искусственными разрушающими средствами, всегда незначительны въ сравненіи съ опустошеніями, производимыми инфекционными болѣзнями, война 1870 и 1871 г. представляетъ въ этомъ отношеніи пова единственное исключеніе. Здѣсь, благодаря строго произведеннымъ санитарнымъ мѣрамъ, основаннымъ на новѣйшемъ ученіи общественнаго здравоохраненія, въ нѣмецкихъ войскахъ число смертныхъ случаевъ отъ заразныхъ болѣзней было значительно меньше, чѣмъ отъ внѣшняго насилія.

То обстоятельство, что разъ перенесенная заразная болѣзнь застраховываетъ индивидуума отъ вторичнаго заболѣванія ею и что человѣческая оспа, если она переносится черезъ прививку, обыкновенно протекаетъ легко и благопріятно, привело въ прошломъ столѣтіи къ тому, что стали прививать человѣческую оспу для полученія иммунитета. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи представляетъ собою открытіе Дженнера, сдѣланное еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Англійскій врачъ Дженнеръ показалъ, что и коровья оспа, которая въ нѣкоторомъ отношеніи аналогична человѣческой оспѣ, но протекаетъ легко, даетъ иммунитетъ противъ человѣческой оспы. Великій успѣхъ, достигнутый въ этомъ отношеніи относительно борьбы съ оспой, которая въ послѣднее столѣтіе похитила больше людей, чѣмъ чума, побудилъ Пастѣра предпринять цѣлый рядъ изслѣдованій въ этомъ направленіи по отношенію къ сибирской язвѣ. Результаты, полученные прививкой животнымъ ослабленнаго посредствомъ особой культуры яда сибирской язвы, далеко не безуспѣшны и позволяютъ надѣяться, что въ будущемъ получатся такіе же результаты и для человѣка.

Не всегда болѣзнетворный ядъ, введенный искусственно, какъ, напр., оспенный ядъ, вызываетъ свойственную ему болѣзнь. Для этого необходимо извѣстное предрасположеніе организма, приобретаемое различными ослабляющими моментами вродѣ голода, простуды, нервнаго потрясенія. Поэтому всякія рациональныя мѣры, предпринимаемыя противъ распространенія заразныхъ болѣзней, должны также считаться и съ этими фактами.

Вотъ приблизительно взглядъ на сущность инфекціонныхъ болѣзней и мѣры борьбы съ ними, котораго придерживается авторъ и старается проводить при изложеніи каждой инфекціонной болѣзни въ отдѣльности. Кромѣ содержательности и критическаго отношенія къ дѣлу, приобѣтвеннаго многолѣтнимъ опытомъ, книга Либбермейстера отличается живостью изложенія и поэтому легко читается. Переводъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

ПЕДАГОГИКА, УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

„Народная школа“. Инженера И. Павлова.—„Уроки христіанскаго ученія“. Ав. О. Соколова.—„Начала русской грамматики“. О. О. Луцковича.—„Краткая русская грамматика и упражненія къ правиламъ правописанія“. В. Сумскаго.—„Добро-азбука“. А. Дмитрескаго.—„Краткій практическій курсъ растительной гистологии для начинающихъ“. Д-ра Э. Страсбургера.—„Краткое руководство для практическихъ занятій по микроскопической ботаникѣ и введеніе въ микроскопическую технику“. Д-ра Э. Страсбургера.—„Основныя начала химіи“. Д-ра Р. Арендта.—„Полный курсъ коммерческой корреспонденціи“. С. М. Бараца.—„Загадки (дѣтская игра). Деркачева.—„Свардамскій плотникъ“. Фурмана.—Изданія „Народной Библіотеки“: „Король Лиръ“ и „Первая помощь до прихода лѣкаря“.—„Путешествіе въ сѣверной край Россіи“. Яхонтова.—„Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ“. В. Острогорскаго.—„Дѣти львовъ“. А. Крулова.—„Приключенія Яси“. Елизы Ожешко.

Народная школа. Опытъ разработки вопроса о народной школѣ со стороны технической, гигиенической и экономической. Инженера И. Павлова. Спб., 1886 г. Ц. 1 р. Хотя содержаніе этой книжки и не вполне соответствуетъ ея заглавію, книжку можно рекомендовать какъ полезное руководство для всѣхъ лицъ, соприкасающихся съ практикою народнаго образованія, въ особенности для земскихъ дѣателей. О гигиенической сторонѣ дѣла кое-что говорится, хотя и не особенно подробно разъясняется; экономическая же сторона въ самой книжкѣ почти вовсе не затрогивается, такъ что содержаніе книжки, главнымъ образомъ, техническое. Литература наша весьма небогата руководствами къ возведенію сельскихъ школъ, такъ что нельзя не привѣтствовать сочиненія, написаннаго только и, притомъ, не дорогого, если принять во вниманіе девять таблицъ съ чертежами и рисунками.

Въ началѣ авторъ ставитъ справедливое положеніе, что „чѣмъ бѣднѣе школа, тѣмъ болѣе она нуждается въ гигиенической помощи“ (стр. 2). Но „нуждаться“ еще не значитъ имѣть средства для удовлетворенія нужды, и намъ кажется, что авторъ не указалъ выхода изъ того заколдованнаго круга, о которомъ онъ упоминаетъ на стр. 7: для поднятія экономическаго уровня нужно поднимать умственный, а для поднятія умственнаго уровня нужны матеріальныя средства. Въ произведеніи г. Павлова разсѣлено немало симпатичныхъ пожеланій; та-

ково пожеланіе, чтобы при каждой школѣ были огородъ и садъ. Гигіеническое и педагогическое значеніе этихъ придатковъ школы очевидно и они особенно умѣстны при сельской школѣ. Какъ на примѣръ осуществленія этого пожеланія, можемъ указать на питомникъ, открытый при ташировской школѣ въ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губерніи (см. *Статистическій ежегодникъ московскаго губернскаго земства за 1885 годъ*). Совѣтъ употреблять въ школьныхъ отхожихъ мѣстахъ сухую землю для обезвреживанія экскрементовъ (стр. 94) нельзя не назвать цѣлесообразнымъ. Изъ списка источниковъ видно, что авторъ пользовался прекраснымъ трудомъ покойнаго В. И. Орлова и И. П. Боголѣпова—описаніемъ сельскихъ школъ Московской губерніи.

Уроки христіанскаго ученія. Концентрической учебникъ закона Божія для народныхъ школъ съ трехгодичнымъ курсомъ. Составилъ А. Е. Соколовъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное примѣнительно къ нормальной программѣ, съ рисунками и 5-ю географическими картинами. М., 1886 г. Авторъ *Уроковъ* извѣстенъ въ нашей педагогической литературѣ по своимъ трудамъ въ дѣлѣ разработки метода обученія закону Божію. Книга выдается среди массы распространенныхъ руководствъ по этому предмету, которыя, признаться сказать, почти всѣ очень неудовлетворительны. Языкъ разсказовъ гораздо проще того полу-славянскаго, полу-русскаго, мало вразумительнаго нарѣчія, на которомъ изъясняются составители рутинныхъ руководствъ. Печать крупная, приспосабливаемая къ возрасту маленькихъ учащихся. Помѣщенные въ книгѣ пять географическихъ картъ представляютъ удобство въ томъ отношеніи, что въ нихъ, не въ примѣръ картамъ другихъ учебниковъ закона Божія, отсутствуетъ лишній матеріалъ, а помѣчено только то, о чемъ упоминается въ *Урокахъ*. Эти карты послѣдовательно, параллельно съ движеніемъ событій священной исторіи, пополняются новыми географическими данными и, такимъ образомъ, одна карта является подробнѣе другой. Это вполне соответствуетъ педагогическому принципу движенія отъ простаго къ сложному въ дѣлѣ обученія школьнымъ предметамъ. Цѣна очень недорога въ сравненіи съ обширнымъ объемомъ книги (35 коп.).

Начала русской грамматики для домашнихъ и воскресныхъ школъ, церковно-приходскихъ и сельскихъ народн. училищъ. Составилъ Э. Э. Пуцыковичъ. Спб., 1886 г. Эта небольшая книжка переполнена задачами на списываніе, вставленіе пропущенныхъ буквъ, подчеркиваніе сомнительныхъ начертаній, исправленіе нарочито сдѣланныхъ ошибокъ и тому подобныя упражненія, мало естественныя, а потому и мало цѣлесообразныя въ педагогическомъ отношеніи. Автору не мѣшало бы вспомнить, что, вѣдь, и типографскіе наборщики вставляютъ пропущенныя буквы, исправляютъ по заказу орфографическія ошибки, а, между тѣмъ, рѣдкій изъ нихъ научается правильно пользоваться нормальнымъ письмомъ, т. е. письменнымъ изложеніемъ своихъ мыслей, лишеннымъ орфографическихъ ошибокъ. Не цѣлесообразны также вопросы и задачи, требующія письменныхъ отвѣтовъ, потому что въ этихъ отвѣтахъ учащійся можетъ надѣлать невольно орфографическія ошибки, вынужденный писать такіа слова, о правописаніи которыхъ ему еще не было сообщено учителемъ. А, вѣдь, извѣстно, что стобитъ ученику разъ или два написать ошибочно какое-нибудь слово, и онъ приобретаетъ привычку къ такому

начертанію,—привычку, съ которой бороться не легко. Между свѣдѣніями, сообщаемыми въ *Началахъ*, встрѣчаются совсѣмъ невѣрные: напр., будто частица *наи*, при образованіи превосходной степени прилагаемаго, присоединяется къ положительной степени (стр. 15) и др. Немало также и совсѣмъ лишняго балласта, т.-е. такихъ свѣдѣній, которые либо сами собою разумѣются, либо легко усваиваются на практикѣ. Таково, напр., сообщеніе, что въ родительномъ падежѣ мужскаго рода единственнаго числа слышится *ава*, *ева*; или, напр., что буква *о*, если не имѣетъ надъ собою ударенія, выговаривается за *а*; или многословное наставленіе учащемуся (которое могъ бы сдѣлать самъ учитель), какъ пользоваться таблицей словъ, въ которыхъ пишется *ь*, и т. д. Не всегда правиленъ языкъ автора: напр., вмѣсто просклонять, онъ говоритъ пересклонять (стр. 42) и т. д. Въ виду всего вышеизложеннаго, не считаемъ полезнымъ рекомендовать *Начала* г. Пущикова.

Краткая русская грамматика и упражненія къ правиламъ правописанія (3-й годъ обученія). Для сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ и для домашняго обученія. Составилъ В. Сумскій, учитель 1-го московск. город. училища М., 1885 г. Удобство этого учебника заключается въ томъ, что грамматическія правила и опредѣленія помѣщены отдѣльно отъ упражненій, которыми занята вторая половина его. Грамматикой г. Сумскаго слѣдуетъ пользоваться какъ конспектомъ или общимъ сводомъ тѣхъ свѣдѣній, которые предварительно усваиваются учениками въ классѣ, подъ руководствомъ учителя. Надо только выпустить нѣкоторыя излишнія свѣдѣнія, которымъ мѣсто скорѣе въ средней, чѣмъ въ начальной школѣ. Таковы, напр., опредѣленія флексій и суффикса. Есть и упущенія: напр., въ перечисленіи мѣстоименій, имѣющихъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа окончаніе *ю*, пропущены слова: *такой* и *этотъ*. Цѣна книги недорогая (15 к.).

Добро-азбука. Обученіе грамотѣ по способу фонетическому (звукочуву, въ точномъ смыслѣ этого слова). Съ приложеніемъ руководящаго письма къ народному учителю. А. Дмитревскаго. Москва. *Nabent sua fata libelli*. Книга г. Дмитревскаго потерпѣла не заслуженную ею, печальную участь: она не пользуется распространеніемъ въ нашихъ школахъ. А, между тѣмъ, на нее стоило бы обратить вниманіе дѣятелямъ народной школы. Она вноситъ существенное измѣненіе, весьма рациональное и согласное съ фонетикой,—измѣненіе въ господствующемъ звуковомъ методѣ обученія чтенію. Обыкновенно народный учитель становится въ тупикъ при вопросѣ, какъ уяснить чтеніе такихъ словъ, въ которыхъ заключаются мягкія гласныя или *э* и *ё*. Дѣло въ томъ, что, при разложеніи слова, наприимѣръ, *тѣну*, ученика обыкновенно заставляютъ перечислять звуки: *тѣ+я+н+у*. Ну, и выходитъ затрудненіе для учащагося, не понимающаго, какимъ образомъ сочетаніе звуковъ *тѣ+я* обращается при произношеніи въ *тѣ*, а не въ *тѣя*. Благодаря этому недоразумѣнію, дѣти долго ошибаются и въ чтеніи, и на письмѣ, путая *тѣя* или *тѣя* съ *тѣ* и т. п.

Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ приверженцы звуковаго метода игнорировали тотъ фактъ, свидѣтельствуемый наукою, что почти каждая согласная буква въ русскомъ языкѣ имѣетъ два выговора: твердый и мягкій. Такъ, въ словѣ *валъ* буква *в* произносится твердо и все со-

четаніе звуковъ его можно разложить на звуки: *sz*+*a*+*sz*. А въ словѣ *szaz* буква *z* произносится мягко: *sz*, и все слово слѣдуетъ разложить на звуки *sz* (то-есть мягкое *z*)+*a*+*sz* (т.-е. твердое *z*). Такимъ образомъ, ученика слѣдуетъ приучать передъ мягкою гласной произносить предшествующую согласную мягко. Это значительно облегчитъ обученіе чтенію.

Признавая вполне рациональнымъ, какъ съ научной точки зрѣнія, такъ въ особенности и въ практическомъ отношеніи, достоинство метода объясненія звуковыхъ сочетаній, который предлагается г. Дмитревскимъ, считаемъ не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. При практическомъ примѣненіи этого метода, которому желаемъ успѣха, учителю слѣдуетъ быть самостоятельнымъ, не придерживаясь строго всего, находящагося въ этой книгѣ. Такъ, мы считаемъ не совсѣмъ удачнымъ подборъ матеріала для чтенія въ *Добръ-азбуку*. Есть тамъ трудныя для пониманія дѣтей и не всегда складныя поговорки, пословицы и статейки, которыя слѣдуетъ выпускать. Кромѣ того, нѣкоторыя положенія, высказываемыя въ „письмѣ къ учителю“, заслуживаютъ прѣвѣри.

Краткій практической курсъ растительной гистологии для начинающихъ Д-ра Э. Страсбургера. Переводъ съ нѣмецкаго С. Навашина, съ предисловіемъ проф. К. Тимирязева. М., 1886 г. — Краткое руководство для практическихъ занятій по микроскопической ботаникѣ и введеніе въ микроскопическую технику. Д-ра Э. Страсбургера. Перев. Л. Рейнгарда и Л. Рихави, съ многочисленными дополненіями и измѣненіями текста, сообщенными авторомъ. Одесса, 1885 г. Изд. Шлейхера. Странное явленіе для нашей небогатой естественно-научной переводной литературы одновременный выходъ въ свѣтъ двухъ различныхъ переводовъ одного и того же руководства. Явленіе это говорить, конечно, въ пользу самаго руководства, но едва ли сно утѣшительно для издателей и переводчиковъ. Такихъ двойныхъ переводовъ можно было бы избѣжать, еслибъ поставить за правило сноситься съ авторомъ передъ изданіемъ перевода, чего въ данномъ случаѣ московскій переводчикъ, очевидно, не сдѣлалъ. Оба перевода исполнены недурно, оба выпущены въ свѣтъ не для спекуляціи, и потому мы отъ души желаемъ успѣха обоимъ изданіямъ, хотя, по правдѣ сказать, сомнѣваемся, чтобъ они быстро разошлись: очень ужъ не великъ спросъ на специальную научную литературу.

Московскій переводъ изданъ изящнѣе, какъ и слѣдуетъ столичному изданію; рисунки выполнены отчетливѣе. За то одесскій переводъ до извѣстной степени авторизированный; въ немъ имѣются нѣкоторыя дополненія, сдѣланныя самимъ авторомъ для втораго изданія, еще не вышедшаго въ свѣтъ; значить, одесскій переводъ какъ бы новѣе московскаго, хотя второй помѣченъ 1886 годомъ (оба перевода вышли въ свѣтъ осенью). Число рисунковъ въ одесскомъ переводѣ больше на одинъ номеръ (фиг. 67 на стр. 167, схематическое изображеніе хода сосудистыхъ пучковъ въ хвощѣ). Въ обоихъ переводахъ встрѣчаются мѣстами небольшія шероховатости, которыя, впрочемъ, не должны повредить полезному употребленію новаго руководства.

Основныя начала химіи, методически изложенныя докторомъ Рудольфомъ Арендтомъ. Переведено съ нѣмецкаго преподавателемъ химіи А. В. Дамскимъ, подъ редакціей профес-

сора с.-петербургскаго технологическаго института Н. И. Та-вилдарова. Спб., 1885 г. Основныя начала химіи представляютъ со-бой краткій но изложенію, но полный по содержанію учебникъ химіи, заключающій не только неорганическую, но и органическую химію. Изложеніе химіи ведется авторомъ не систематически, а методически, и, притомъ, онъ главное вниманіе обращаетъ на объясненія сущности совершающихся процессовъ. Начавъ съ описанія тяжелыхъ металловъ, измѣненія ихъ при нагрѣваніи въ присутствіи воздуха, авторъ устанавливаетъ понятія о реакціяхъ окисленія, затѣмъ переходитъ къ реакціямъ восстановленія; подготавливъ, такимъ образомъ, ученика, онъ разсматриваетъ количественныя отношенія изученныхъ соединений и излагаетъ атомистическую теорію. Затѣмъ онъ описываетъ гидраты и соли. Переходя къ изложенію органической химіи, онъ начинаетъ съ ознакомленія ученика съ природой и классификаціей органическихъ соединений, явленіями изомеріи и теоріей строенія органическихъ соединений, послѣ чего онъ описываетъ вѣрять углеводороды, спирты и т. д. Въ заключеніи помѣщена глава о броженіи, гніеніи и тлѣніи. При изложеніи неорганической химіи всѣ выводы основаны на опытахъ. Изъ вышесказаннаго можно видѣть, что книга Арента представляетъ собою прекрасный учебникъ химіи и вполне можетъ быть рекомендована для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Полный курсъ коммерческой корреспонденціи. Теоретическое и практическое руководство къ изученію корреспонденціи, относящейся къ банковому, товарному, торгово-промышленному, поземельно-кредитному, желѣзно-дорожному и страховому дѣлу. Сост. С. М. Бараць. Спб., 1885 г. *Курсъ* этотъ, составленный преподавателемъ коммерческой корреспонденціи въ с.-петербургскоѣ коммерческоѣ училищѣ, есть ничто иное, какъ собраніе лекцій, читанныхъ составителемъ въ этомъ училищѣ въ 1884—5 г. Главнѣйшій мотивъ, побудившій издать эти лекціи, былъ чисто-педагогическаго свойства, какъ говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, а именно: „облегчить слушателей въ ихъ занятіяхъ и избавить ихъ отъ необходимости переписывать лекціи, составлять конспекты и проч.“, но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ не видитъ основанія, почему его попытка не могла бы быть вообще приспособлена для самообученія и курсъ его не могъ бы сдѣлаться настольною справочною книгой корреспондента. Курсъ, составленный съ этими цѣлями, распадается на 2 части: теоретическую и практическую; 1-я содержитъ 112 страницъ, 2-я—723 страницы, кромѣ приложений. Теоретическая часть вполне основательно знакомитъ съ сущностью коммерческой корреспонденціи, ея цѣлю и особенностями стиля; даетъ понятіе о циркулярахъ и различіи ихъ съ письмами; знакомитъ съ векселями, вексельными и курсовыми операціями, кредитомъ и вкладами, текущими счетами, контокоррентами, ссудами подъ залогъ процентныхъ бумагъ и проч. Вторая часть, практическая, заключаетъ въ себѣ образцы циркуляровъ, писемъ, довѣренностей, ручательствъ, телеграфной корреспонденціи относящихся до всѣхъ видовъ дѣятельности коммерческой, банковской поземельно-кредитной, страховой, желѣзно-дорожной и др.; всего 1576 образцовъ. Многіе отдѣлы образцовъ снабжены при этомъ примѣчаніями и общими замѣчаніями, основательно знакомящими съ предметомъ. Въ приложеніяхъ и дополненіяхъ помѣщенъ краткій словарь иностранныхъ техническихъ выраженій и сокращеній, употребляемыхъ въ *Курсѣ*;

списокъ конторъ и отдѣленій госуд. банка; формы разныхъ образцовъ, квитанцій, векселей и проч.; сравнительная таблица гербоваго сбора для векселей, заграничныхъ траттъ и документовъ; таблица расчетовъ стоимости купоновъ за вычетомъ 5⁰/₁₀₀ сбора, а также и положенія объ этомъ сборѣ.

Изъ только что изложеннаго перечня видно то обиліе матеріала, которое даетъ *Курсъ*.

Загадки (дѣтская игра). Деркачева. Девяносто шесть загадокъ, помещенныхъ въ особой книжкѣ, служатъ для игры въ лото. Въ теченіе нѣкотораго времени, покуда дѣти не запомнятъ разгадокъ, игра эта можетъ доставлять имъ удовольствіе. Только стоить эта хорошо изданная коробка съ таблицами и цифрами довольно дорого (1 руб. 50 коп.).

Дѣтская историческая бібліотека. Саардамскій плотникъ. Фурмана. Съ десятию гравюрами. Спб., 1885 г. Для дѣтей средняго возраста повѣсть эта представляетъ занимательное и полезное чтеніе. Помимо вѣрности историческихъ свѣдѣній и живости разсказа, она имѣетъ то достоинство, что проводитъ честную и бодрую мысль о благотворности труда. Напрасно только напечатана на страницѣ 21 молитва Господня: кто же изъ дѣтей не знаетъ ее, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ дѣтей, которыя будутъ читать повѣсть Фурмана? Немножко странно и то, что французъ, сначала правильно произнесшій фамилію *Михайловъ*, потомъ начинаетъ на разный ладъ коверкать ее. Но это мелочи и перепечатку старой повѣсти Фурмана нельзя не одобрить. Сомнительно только, чтобы голландцы называли себя *рабами* Петра Великаго.

Народная бібліотека: Король Лиръ. М., 1885 г.—Первая помощь до прихода лѣкаря. М., 1886 г. Первая книжка составлена по Ламбу. Цѣль изданія, по словамъ предисловія, — „познакомить съ Шекспиромъ самую обширную публику и заставить ее обратиться уже къ подлиннику (?), т.-е. къ лучшимъ переводамъ произведеній Шекспира на русское языкѣ“. Эта цѣль представляется намъ неосуществимой, между прочимъ, и потому, что у насъ нѣтъ дешеваго изданія шекспировскихъ трагедій и комедій. Изложеніе *Короля Лира* не приравнено въ достаточной степени къ пониманію того обширнаго круга читателей, на который рассчитываетъ *Народная бібліотека*. Другая брошюра, *Первая помощь до прихода лѣкаря*, бесполезна въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Путешествіе въ сѣверный край Россіи. Яхонтова. Изданіе спб. комитета грамотности. Спб., 1886 г. Эта хорошо изданная книжка заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о природѣ края, объ его жителяхъ и ихъ бытѣ. Въ ней находятся и полезныя историческія данныя. *Путешествіе въ сѣверный край Россіи* украшено удовлетворительно исполненными рисунками и стоить недорого (20 копѣекъ за книжку въ 135 страницъ).

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. В. Острогорскаго. Спб., 1885 г. (второе, значительно измѣненное и дополненное изданіе). Книгу г. Острогорскаго должно рекомендовать какъ одно изъ полезнѣйшихъ пособій для правильнаго истолкованія лучшихъ нашихъ писателей. Г. Острогорскій говоритъ о произведеніяхъ Кольцова, Крылова, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, Лермонтова, Майкова, Мея, Никитина, Тургенева, Григоровича, графа Л. Н. Толстаго,

Погосскаго, Шевченко. „Не говоря уже о томъ,—замѣчаетъ составитель,—что дѣти на своихъ родныхъ писателяхъ невольно усваиваютъ *духъ языка*, на нихъ же они пріучаются честно мыслить и чувствовать изъ честныхъ мыслей и чувствъ лучшихъ людей родины“. Книга г. Острогорскаго имѣетъ цѣлью помочь родителямъ и воспитателямъ внести серьезность и порядокъ въ знакомство съ сочиненіями наиболѣе даровитыхъ нашихъ писателей-художниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое знакомство благодарительно отзовется на томъ, какъ будутъ впоследствии писать и говорить дѣти, прошедшія подобную школу. Мы вполне присоединяемся къ сожалѣнію г. Острогорскаго о рѣдкости у насъ людей, умѣющихъ толково, одушевленно и красиво говорить и читать. Г. Острогорскій останавливается на доказательствахъ пользы и необходимости художественныхъ книгъ для народа и указываетъ, какія именно произведенія особенно пригодны для этой цѣли.

Книга г. Виктора Острогорскаго принадлежитъ къ числу наиболѣе отрадныхъ явленій въ нашей педагогической литературѣ. Написана она съ большимъ знаніемъ дѣла, съ теплою любовью къ человѣку и съ рѣдкимъ художественнымъ тактомъ.

Дѣти лѣсовъ. Повѣсть для дѣтскаго чтенія. Александра Круглова. Въ повѣсти обрисовывается бытъ зырянъ. Авторъ искусно пробуждаетъ въ дѣтяхъ любовь и жалость къ бѣдному, голодному люду, питающемуся корою древесной и пихтою. Прекрасно поступаетъ г. Кругловъ и въ томъ отношеніи, что, при разсказахъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ у зырянъ, онъ всегда даетъ дѣтскимъ понять, что эти явленія происходятъ отъ темноты и невѣжества народа и что подаваться имъ не слѣдуетъ. Только намъ кажется, что повѣсть ничего бы не потеряла, если бы авторъ выпустилъ изъ нея сказку о Ягъ-Мортѣ, гдѣ разсказывается о рѣзаніи людей и закапываніи живаго человѣка въ яму. Мы желали бы также большей полноты и подробностей въ обрисовкѣ разныхъ отличительныхъ чертъ въ бытовой жизни зырянъ. Правда, въ приложеніи къ повѣсти, помѣщенномъ въ этой же книгѣ, авторъ изображаетъ бытъ зырянъ со многихъ сторонъ. Но этотъ отрывокъ изъ какого-то очерка составленъ сжато, написанъ сухо, безъ присутствія той художественности, которая присуща дѣтскимъ разсказамъ г. Круглова. Вообще же говоря, книга читается дѣтскими съ живымъ интересомъ, особенно тѣ мѣста, гдѣ описываются картины изъ дѣтской и охотничьей жизни. Слѣдовало бы автору объяснить встрѣчающіяся въ книгѣ непонятныя для дѣтей слова, каковы: лонысь, мережи, метеорологія, стержень, сулема и др.

Приключенія Яси. Съ польскаго. Разсказъ для дѣтей Елизы Ожешко. Спб., 1886 г. Всѣмъ извѣстенъ литературный талантъ Элизы Ожешко, какъ автора прекрасныхъ повѣстей. Въ *Приключеніяхъ Яси* она является симпатичною раскащицей для дѣтей. Основная задача разсказа—изобразить благотворное вліяніе простой среды бѣдныхъ людей на ребенка, вышедшаго изъ богатой семьи и пріученнаго къ роскоши. Въ началѣ разсказа въ яркихъ, художественныхъ краскахъ изображается счастливый, разряженный мальчикъ, собирающійся на костюмированный балъ къ своей богатой тетѣ. Мальчикъ этотъ,—именемъ Ясь,—отъ природы добръ, но боится нищихъ стариковъ, закаявается имъ помогать, такъ какъ въ раннемъ дѣтствѣ его страшили этими стариками, и, вообще говоря, ни о чемъ и ни о комъ не помышляетъ, кромѣ себя и своихъ удовольствій. Случайно пришлось ему

заблудиться, потерявшись въ толпѣ зѣваекъ, смотрѣвшихъ на шарманщика съ обезьяной, и онъ набрелъ на жилище бѣднаго гончара. Тутъ онъ спознался съ бѣдностью, воочію убѣдился, что и среди нищихъ есть добрые и честные люди, пересталъ дичиться нищихъ стариковъ, и любимымъ наслажденіемъ для него стало посѣщать бѣдныхъ и убогихъ.

Сильное впечатлѣніе, благодаря своей художественной правдивости, производить то мѣсто, гдѣ описываются всѣ страхи Яси, которые ему мерещились на дорогѣ во время его блужданія; прекрасно изображены маленькій сынъ гончара, съ своею простою, но глубокою привязанностью къ родной сестренкѣ, и симпатичный образъ старой бабуся, жившей у гончара, предоброй, хотя и ворчливой старухи. Здоровое дѣйствіе на душу юнаго читателя производитъ также и самая атмосфера бѣдной, гостепримной семьи,—атмосфера труда, упорнаго, честнаго, и духа любви и взаимопомощи, которымъ пронизана вся жизнь этой среды. Наконецъ, трогательна рѣчь стараго „дзядя“, гдѣ онъ въ печальныхъ, но правдивыхъ краскахъ выставляетъ Ясѣ причины, доводящія бѣднаго труженика до пристрастія къ вину. Хорошо выдержанъ вообще контрастъ между картинами роскоши и богатства, съ одной стороны, и бѣдности съ ея атрибутами—съ другой.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Къ вопросу о причинахъ паденія цѣнъ на пшеницу“. В. И. Касперова.—„Молочное хозяйство въ Финляндіи“. Д. Е. Карпенкова.—Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1886 г.“ О. А. Баталина.

Къ вопросу о причинахъ паденія цѣнъ на пшеницу. В. И. Касперова. Харьковъ, 1886 г. Эта брошюра представляетъ собою докладъ, прочитанный съ большимъ успѣхомъ на областномъ сельско-хозяйственномъ сѣздѣ, который происходилъ въ Харьковѣ въ нынѣшнемъ январѣ. Въ краткомъ предисловіи авторъ упоминаетъ, что онъ беретъ за вопросъ не какъ специалистъ, а какъ землевладѣлецъ, въ числѣ другихъ лично пострадавшій отъ кризиса; смѣемъ думать, что это упоминаніе было со стороны автора только ловкимъ стратегическимъ маневромъ передъ собраніемъ землевладѣльцевъ; самая брошюра ясно показываетъ, что автору совершенно чужды узкіе землевладѣльческіе интересы, что для него на первомъ мѣстѣ стоитъ поднятіе народнаго благосостоянія и что онъ вполне владѣетъ научными приемами.

Первая часть брошюры является отвѣтомъ на вопросъ, заданный въ программѣ сельско-хозяйственнаго сѣзда: есть ли современное паденіе цѣнъ явленіе временное, скоропреходящее, или же оно вызвано причинами, дѣлающими невозможнымъ поднятіе цѣнъ на продукты, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ? Авторъ признаетъ пониженіе пшеничныхъ цѣнъ явленіемъ характернымъ для всего экономическаго строя текущаго столѣтія. Къ сожалѣнію, разобравъ колебанія цѣнъ въ Англіи въ нынѣшнемъ вѣкѣ, авторъ не дѣлаетъ того же для другихъ европейскихъ странъ; еслибъ онъ сдѣлалъ это, ему пришлось бы измѣнить указываемый имъ срокъ перехода отъ повышенія цѣнъ къ пониженію: во Франціи, Пруссіи и Австріи цѣна на пшеницу поднималась до шестидесятихъ годовъ. Обзорніе международной хлѣбной торговли г. Касперовъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „такъ какъ насъ не-

радушно принимаютъ на международномъ рынкѣ: съ одной стороны, понижаютъ цѣны, съ другой—повышаютъ пошлины, то не лучше ли и не толкаться въ эти негостепріимныя двери?”

Вторая часть брошюры указываетъ единственный выходъ изъ временнаго затруднительнаго положенія въ увеличеніи производительности труда. Лучшимъ употребленіемъ производимаго въ Россіи хлѣба должно быть, по мнѣнію автора, улучшение продовольствія нашего рабочаго населенія; безъ такого улучшенія невозможно поднять производительность труда.

Въ заключеніе указывается на необходимость широкаго изслѣдованія (на государственный счетъ) кореннаго вопроса нашей сельско-хозяйственной производительности: какъ велики наши избытки въ жизненныхъ припасахъ?

Въ своей брошюрѣ г. Касперовъ сумѣлъ удержаться на высотѣ научныхъ обобщеній, не впадая, въ то же время, въ таеъ называемыя „общія мѣста“. Нельзя не пожалѣть, что высокая цѣна брошюры (50 коп.) послужитъ препятствіемъ къ широкому распространенію, котораго брошюра заслуживала бы и по своему содержанию, и по искусному, сжатому и общедоступному изложенію.

Молочное хозяйство въ Финляндіи. Описаніе хозяйства Н. Гротенфельда, сдѣланное Д. Е. Карпенковымъ. Спб., 1886 г. Несмотря на свой монографическій характеръ, брошюра г. Карпенкова достойна вниманія со стороны хозяевъ сѣверной Россіи, для которой въ настоящее время молочное дѣло является одною изъ важнѣйшихъ отраслей хозяйства. Корова финской породы, обладающая немалою удоиливостью (около 150 ведеръ у г. Гротенфельда) и весьма значительною удоиностью (т. - е. отношеніемъ даваемого молока къ живому вѣсу), должна имѣть будущее въ нашихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, которыя по естественнымъ условіямъ мало отличаются отъ Финляндіи. Авторъ подробно описываетъ финляндскіе приемы кормленія и ухода за скотомъ, приводитъ интересныя формы журналовъ скотнаго двора и въ заключеніе касается молочнаго дѣла въ крестьянскихъ хозяйствахъ Финляндіи.

Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1886 годъ. Составилъ Ѡ. А. Баталинъ. Спб. Изданіе Девріена. Цѣна 2 руб. Календарь Девріена давно уже пользуется большимъ распространеніемъ въ средѣ русскихъ хозяевъ. Каждый годъ въ изданіи дѣлаются нѣкоторыя перемѣны, въ сущности, небольшія, такъ что едва ли кому стоитъ приобрѣтать книжку непрерывно по годамъ; но лѣтъ черезъ 5 ее положительно необходимо мѣнять всякому, кто постоянно нуждается въ справочныхъ свѣдѣніяхъ по сельскому хозяйству. Сдѣлаемъ бѣглое сравненіе календаря на нынѣшній годъ съ календаремъ на 1881 годъ.

Цѣна книжки увеличилась на 25 коп., и, все-таки, календарь не можетъ быть названъ дорогимъ ни абсолютно, ни по сравненію съ другими специальными календарями. Списокъ сотрудниковъ, значащихся на заглавномъ листкѣ, измѣнился въ составѣ и въ общемъ выводѣ не къ худшему; съ удовольствіемъ можно привѣтствовать присутствіе въ этомъ спискѣ такихъ специалистовъ, какъ, напримеръ, П. Н. Кулешовъ. Подъ памятный листокъ теперь отводится гораздо меньше бумаги, безъ нужды прежде увеличивавшей толщину книги. Адресный отдѣлъ нѣсколько расширенъ. Въ метроло-

гн важное добавление составляют свѣдѣнія о мѣрахъ и вѣсахъ, употребляемыхъ въ международной хлѣбной торговлѣ, и объясненія къ извѣстиямъ съ товарныхъ рынковъ. Приятное впечатлѣнiе производитъ исправленiе нѣкоторыхъ серьезныхъ опечатокъ въ метрологiи; напримеръ, величина метрическаго центнера показывалась прежде въ 9 пудовъ (вмѣсто 6). Календарь работъ добавленъ работами въ крымскихъ садахъ и виноградникахъ; лѣсныя работы раздѣлены по полосуамъ Россiи. Для рыбодоводовъ и рыболововъ указано время нереста рыбъ. Глава о системахъ хозяйства, которую прежде составлялъ г. Ермоловъ, значительно сокращена и составлена теперь по руководству Людоговскаго. Напрасно выпущенъ прекрасно составленный параграфъ объ основанiяхъ плодосмѣна. Списокъ примѣрныхъ сѣвооборотовъ, теперь измѣненный и сокращенный, попрежнему, едва ли удовлетворяетъ какой-нибудь цѣли: нѣтъ смысла перечислять сѣвообороты, если не прилагаются подробные комментарiи относительно тѣхъ условiй, при которыхъ эти сѣвообороты введены. Статья о сельско-хозяйственныхъ капиталахъ, и прежде не безупречная, измѣнилась едва ли къ лучшему. Въ этомъ отдѣлѣ желательно было бы видѣть опытные данныя изъ русской практики по исчисленiю расходовъ на капиталъ. Уточное положенiе работъ по отдѣльнымъ культурамъ нѣсколько измѣнено, хотя, къ сожалѣнiю, не варіировано по мѣстностямъ. Отдѣлъ полеводства и луговодства составленъ В. И. Ковалевскимъ; здѣсь приняты во вниманiе послѣднiя статистическiя данныя, собранныя въ департаментѣ земледѣлiя по инициативѣ и при энергическомъ участiи самого В. И. Ковалевскаго. Въ отдѣлѣ о скотоводствѣ интересныя таблицы породъ скота составлены г. Кулешовымъ; опредѣленiе возраста животныхъ по зубамъ значительно пополнено. Отдѣлы птицеводства и шелководства составлены заново специалистами (г-жею Гриневой и г. Шавровымъ). Полезный списокъ земледѣльческихъ машинъ и орудiй (составленный В. В. Чернаевымъ) много выигралъ отъ иллюстрацiи многочисленными рисунками.

Къ сказанному позволимъ себѣ прибавить, что опечатки, которыя были указаны въ прошлогодней библиографической замѣткѣ *Русской Мысли*, исправлены въ календарѣ нынѣшняго года.

ЛУБОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

„Князь Серебрянный“ *.Е. Свѣшниковой.* — „Князь Серебрянный“. Изд. книжпр. А. Абрамова. — „Ермакъ или покоренiе Сибирскаго царства“. В. Шмитановскаго. — „Русскiй бояринъ или смерть князя Михаила Ивановича Воротынскаго“. В. Суворова. — „Царь Иоаннъ IV Грозный въ эпоху опричникъ“. Изд. Д. И. Присьмова. — „Японча, татарскiй нахздникъ, или страшная смерть безъ вины“. Изд. П. Н. Шаратова. — „Японча, татарскiй нахздникъ, или покоренiе Казани“. С-ва. — „Михаилъ Новгородскiй или нарушенная клятва“. Н. Зрягова. — „Черный воронъ или „по дѣломъ вору и мука“. Изд. Д. И. Присьмова. — „Атамалъ-разбойникъ Чортовъ-усъ“. Изд. Д. И. Присьмова. — „Могила Марiи или притонъ подъ Москвою“. Изд. Е. В. Манухиной. — „Могила Марiа“. Изд. И. Д. Сытима. — „Дочь разбойница или любовникъ въ бочкѣ“. Изд. Д. И. Присьмова. — „Марина Мнишекъ, дочь сендомѣрскаго воеводы и жена Дмитрiя Самозванца“. Изд. И. Д. Сытима. — „Нищiй или избавленная жертва“. И. Николаевича. — „Гражданинъ Мининъ и князь Пожарскiй“. С. Извольскаго. — „Панъ Сапѣга или 16-ти мѣсячная осада Троицкой лавры“. Изд. Д. И. Присьмова. — „Рука Всевышняго отечество спасла или освобожденiе Москвы отъ поляковъ въ 1612 г.“. Изд. А. А. Абрамова. — „Аскольдова могила“. И. Глазова. — „Воевода Волчiй-Хвостъ“. Кондратьева.

Князь Серебрянный. По роману графа А. К. Толстаго. Сокращено Е. Свѣшниковой. Изд. «Русскаго книжнаго магазина».

Спб., 1886 г. Январская книжка *Русской Мысли* была уже закончена, когда мы получили эту новую переработку знаменитаго романа, подвергшагося столькимъ изуродованіямъ на Никольской улицѣ. Передѣлка г-жи Свѣшниковой удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія мы въ правѣ предъявить къ такого рода произведеніямъ „народной“ или *любочной* литературы. Можно, конечно, желать лучшаго, но удовлетвориться должно тѣмъ, что далъ „Русскій книжный магазинъ“ въ Петербургѣ. Романъ гр. Толстаго переданъ вѣрно, съ большими и умѣло сдѣланными сокращеніями, нисколько не изуродованъ, не изрѣзанъ въ такую ни на что не похожую окрошку, какъ это мы видѣли въ изданіи И. Д. Сытина. Изъ всего, что мы до сихъ поръ имѣемъ на *любочномъ* книжномъ рынкѣ, *Князь Серебрянный* въ сокращеніи г-жи Свѣшниковой есть, несомнѣнно, выдающееся произведеніе, по цѣнѣ (20 коп. за 4 печатн. листа) немного дороже, но, все-таки, доступное для массы грамотнаго люда.

Князь Серебрянный. Историческій романъ изъ временъ княженія Іоанна Калиты. Изд. книгопродавца А. А. Абрамова. Москва, 1884 г. Еще одинъ *Серебрянный*, надѣмся, послѣдній, сработанный на книжной „толкучкѣ“. Къ роману гр. Толстаго этотъ *Князь Серебрянный* не имѣетъ никакого отношенія. Герой повѣствованія—кн. Ѳеодоръ Верейскій, родственникъ вел. кн. московскаго Ивана Калиты. Листъ печатной бумаги, носящій громкое названіе романа, занятъ какими-то, ничѣмъ не связанными между собою обрывками, не интересными, написанными малограмотно, какимъ-то дикимъ языкомъ. Вотъ, напри- мѣръ, какъ описывается нѣкій пустынный: „Наступившіяся брови, скользившая временами судорожная дрожь мускуловъ лица, неровная, хотя и бодрая походка, все говорило ясно, что на душѣ путника было тяжело, невыносимо тяжело и грустно. Да, хотя и рѣдко, но за всѣмъ этимъ, бывають подобныя ощущенія съ человѣкомъ и въ большей части случаевъ, подобныя тяжелыя ощущенія случаются съ людьми, вполне сознающими свое прошедшее“... и т. д. въ томъ же родѣ. Бояринъ потчуетъ своихъ гостей чаемъ... Это въ началѣ-то XIV вѣка! Жаль, авторъ не пояснилъ, изъ тульскаго ли самовара боярышня чай заваривала.

Ермакъ или покореніе Сибирскаго царства. Историческая повѣсть въ 2 частяхъ. Соч. В. Шмитановскаго. Изданіе П. Н. Шарапова, у него же можно получать картины Разнаго достоинства въ лавки... Ну, а что касается путныхъ книгъ, такъ ихъ у него же въ лавки едва ли можно получить, и сомнительно, чтобы такія могъ „сочинять“ г. Шмитановскій. „Ужасно бушевалъ вѣтеръ,—такъ сочиняетъ г. В. Шмитановскій.—Блестящая молнія ярко освѣщала тѣсь, въ срединѣ котораго, вокругъ горящаго костра, лежало нѣсколько человѣкъ, завернутыхъ въ охобни; одни были изъ нихъ (это изъ охобней-то), повидимому, казаки, потому, что казацкія шапки торчали изъ охобней; а другіе, въ старинныхъ костюмахъ, съ татарскими остроко- нечными шапками, не доказывали своего званія“... Не доказалъ и г. Шмитановскій своей грамотности, повѣсть же о Ермакѣ Тимофѣевичѣ обезобразилъ „ужасно“.

Русскій бояринъ или смерть князя Михаила Ивановича Воротынскаго, воеводы царя Ивана Васильевича Грознаго. Историческій романъ изъ временъ XVI вѣка. В. Суворова. Изд. П. Н. Шарапова. М., 1883 г. На романъ книжка эта болѣе похожа,

чѣмъ двѣ предъидущія; въ грамотности же г. Суворовъ не далеко ушелъ отъ г. Шмитановскаго; онъ пишетъ: „*Сшибивъ съ ногъ двухъ или трехъ человекъ, Воропай вбѣжалъ на дворъ*“.

Царь Іоаннъ IV Грозный въ эпоху опричниковъ. Историческій романъ въ 3 частяхъ. Изд. Д. И. Прѣснава. Двѣпричастія, измышляемыя авторомъ этого романа, еще превосходнѣе суворовскихъ: „Кто бы это такой и откуда?—думалъ князь, печально *идя* впереди охотниковъ“ (ч. I, стр. 24). Во второй части, на стр. 52, мы читаемъ такую фразу: „Въ большомъ слободскомъ дворцѣ, въ *одномъ* изъ его палатъ, за столомъ, гдѣ недавно обѣдалъ, теперь только сидѣли двое“... Кто обѣдалъ?... На слѣдующей стр.: „Любимецъ поклонился съ низкимъ поклономъ“. Кстати уже сдѣлаемъ выдержку и изъ третьей части: „Многіе не вѣрятъ, но положительно (?) можно сказать, что у рѣдкаго человека передъ какимъ-нибудь *особеннымъ переломомъ* его жизни не существуетъ какое-то предчувствіе. Въ это время какъ-то *особенно* волнуется кровь и трепещетъ нервная система“. Эта сплошная и безграмотная чепуха достойно заканчивается такимъ сообщеніемъ объ участи героя: „Несчастный Воротыньскій ушелъ къ Курбскому и тамъ на чужой сторонѣ, *противъ своего желанія*, сложилъ свои кости, еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, томась тоскою по родинѣ и по утраченной невѣстѣ“.

Японча, татарскій наѣздникъ, или страшная смерть безъ вины. Историческій романъ изъ временъ царствованія Іоанна Грознаго. Въ 3 частяхъ. Изд. П. Н. Шарапова.— Японча, татарскій наѣздникъ, или покореніе Казани. Повѣсть изъ временъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Соч. С—ва. Изд. Д. И. Прѣснава. Которая изъ этихъ двухъ книжонокъ нелѣпѣе, скучнѣе и безграмотнѣе, рѣшить трудно. Въ первой есть такіа прелести: „Я теперь исполнилъ свои желанія и слѣдовательно могу возвратиться къ долгу своего отечества“. Героиня романа говоритъ храброму князю Япончѣ: „Знай, что я благородная россиянка, дочь боярина московскаго, воспитанная въ ученіи Христовомъ, которое за одинъ нескромный взглядъ на соблазнительный предметъ назначаетъ справедливое наказаніе; а ты, какъ воинъ и врагъ моего отечества, привелъ меня въ искушеніе! Я никогда не краснѣла отъ взоровъ мужчинъ, а теперь ты заставилъ покраснѣть меня“. Въ другомъ мѣстѣ „соблазнительный предметъ“, т.-е. татарскій наѣздникъ, „изумленный неожиданнымъ свиданіемъ съ своей *любезной*, подбѣжалъ къ ней, поцѣловалъ руку, потомъ у матери ея“. О томъ, шаркалъ ли онъ ножкой, въ романѣ не упомянуто. Что касается г. С—ва, то онъ, кажется, похвывается, будто „сочинилъ“ повѣсть *Японча*; во всякомъ же случаѣ, хвалиться нечѣмъ, такъ какъ „сочинена“ она прескверно, особливо въ томъ, что несомнѣнно принадлежитъ „сочинительству“ г. С—ва, напримѣръ: „Княжна какъ *электрическая пружина* выпрямилась“... Картинно, безъ запятыхъ и совсѣмъ ни на что не похоже.

Михаилъ Новгородскій или нарушенная клятва. Россійско-историческій романъ въ 3 частяхъ. Сочиненія Н. Зряхова. Изданіе пятое книгопродавца Д. И. Прѣснава. Романъ этотъ написанъ, по всей вѣроятности, въ двадцатыхъ годахъ, а можетъ быть, и раньше. Имя Зряхова, автора *Битвы русскихъ съ кабардинцами*, пользуется очень давнею извѣстностью; но И. Зряхова не слѣдуетъ смѣшивать съ Н. Зряховымъ, авторомъ *Михаила Новгородскаго*. Языкъ

и томъ повѣствованія обоихъ очень сходны. Г. Прѣсновъ хорошо сдѣлалъ, что издалъ эту книгу во всей ея первобытной неприкосновенности, не обращаясь къ такимъ уродователямъ старыхъ повѣстей, какъ г. В. С. и безыменные молодцы съ Никольской и отъ Проломныхъ воротъ. Языкъ Н. Зряхова устарѣлъ, разсказъ его наивнень, но онъ своеобразенъ и дорогъ намъ, какъ остатокъ старины. Вотъ обращикъ слога Н. Зряхова: „Между сими гражданами (новгородскими), какъ величественный дубъ, растущій на неприступной скалѣ и пренебрегающій бурями, возвышался своимъ благоразуміемъ, геройскими подвигами и убѣдительнымъ на вѣчахъ гласомъ, юный Михаилъ Новгородскій, воспитанный знаменитымъ изъ гражданъ Андреемъ Сильнымъ, который, при кончинѣ своей, завѣщалъ Михаилу все свое великое богатство, съ добродѣтелями и высокими чувствами души въ наслѣдство ему доставленное“. Къ сожалѣнію, ни „высокихъ чувствъ души“, ни „небесныхъ чувствъ состраданія“, ни даже умѣнья грамотно и толково для своего времени писать И. и Н. Зряховы не оставили въ наслѣдство никому изъ теперешнихъ литературщиковъ, снабжающихъ Никольскій рынокъ своими „сочиненіями“.

Черный воронъ или «по дѣломъ вору и мука», или сынъ разбойникъ. Историческій романъ въ 3 частяхъ изъ временъ Бориса Годунова. Изд. Д. И. Прѣснова. Время царствованія Бориса Годунова отразилось въ народной или „дубочной“ литературѣ много слабѣе, чѣмъ эпоха Грознаго, несмотря на то, что событія конца XVI и начала XVII вѣка даютъ богатый матеріалъ и открываютъ широкій просторъ роману. Изъ временъ Годунова мы имѣемъ въ рукахъ, кромѣ только что названнаго, еще два „дубочныхъ“ романа, о которыхъ скажемъ ниже. Во всѣхъ нихъ о самомъ царѣ Борисѣ упоминается только вскользь. Собственно историческаго въ этихъ повѣствованіяхъ ничего нѣтъ; это простыя „разбойничьи“ романы, которые безразлично можно перенести на какое угодно время, когда на Руси водились большія разбойничьи шайки и отъ ихъ грабежей не были свободны даже ближайшія окрестности Москвы. *Черный воронъ*—прозвище, данное герою романа. Онъ ребенкомъ былъ похищенъ разбойниками, выросъ въ яхъ шайкѣ, сдѣлался потомъ атаманомъ, похитилъ красавицу-еврейку и обольстил ее; а когда она ему надоѣла, онъ бросилъ ее въ Днѣпръ. Спасшаяся еврейка мститъ „злѣдѣю“. Въ концѣ романа отецъ героя, богатый московскій купецъ, по ладонѣ на груди разбойника узнаетъ сына. Но „вора“ въ это время схватываютъ стрѣльцы. Его казнятъ; другіе злѣдѣи раскаяваются; еврейка выходитъ замужъ за любимаго человѣка; дочь купца, похищенная разбойниками и спасенная влюбленнымъ въ нее бояриномъ, дѣлается женою боярина; добродѣтельные торжествуютъ, порочные обращаются на путь истинный, закоренѣлые „злѣдѣи“ наказаны. Романъ наивно глупъ, но написанъ не очень безграмотно. Маленькій куръезъ въ немъ заключается въ томъ, что авторъ часто путаетъ имя своей героини и называетъ ее то Есфирью, то Рахилью.

Атаманъ разбойникъ Чортовъ-усъ или буйный набѣгъ подь Москвою. Историческій романъ временъ Бориса Феодоровича Годунова. Изд. Д. И. Прѣснова. 1885 г. — Могила Маріи или притонъ подь Москвою. Изд. четвертое. Е. В. Манухиной. 1886 г.—Могила Маріи. Романъ XVI столѣтія. Изд. И. Д. Сытина. 1884 г. Подь первыми двумя заглавіями издана гг. Прѣсновымъ и

Манухиной дословная перепечатка одной и той же книжки, скучной, бессмысленной и написанной такимъ языкомъ: „Эти слова она сказала такъ торжественно, сила невыразимаго вдохновенія блистала въ пламенныхъ взорахъ и уподобляла ее неземной посланницѣ, жительницы сферы другаго міра. Владиміръ стоялъ подобно изступленному; непостижимый огонь пожиралъ всю его внутренность; сильная борьба чувствъ волновала душу, нѣсколько разъ онъ силился что-то выговорить, но слова замирали на устахъ, и наконецъ сила страстей побѣдила все“... „Пылкіе восторги ихъ смѣшались, души слились въ одну гармонию наслажденій! Это былъ первый мигъ ихъ блаженства!... Но, ахъ!... какъ близокъ часъ упоенія къ заблужденію воли!... О!... еслибъ этотъ волшебный сонъ, эта фантазмагорія сладкихъ, дивныхъ химеръ, не пробудила ихъ никогда въ жертву грусти и раскаянія“. Такой-то нескладный вздоръ гг. Прѣсновы и Манухины перепечатываютъ въ 1886 году, а г. Сытинъ находитъ даже нужнымъ посредствомъ сокращенія сдѣлать доступною ббльшему числу читателей эту дурацкую „фантазмагорію дивныхъ химеръ“!

Дочь разбойница или любовникъ въ бочкѣ. Народное преданіе времени Бориса Годунова. Изд. одиннадцатое. Д. И. Прѣснова. 1885 г. Шутка сказать—одиннадцатое изданіе еще болѣе бессмысленной и болѣе грубой книжонки, чѣмъ *Моиша Марія!* Героиня умираетъ нечаянно застрѣленная на другой день своей свадьбы съ атаманомъ разбойниковъ. „По окончаніи похоронъ,—повѣствуетъ авторъ,—атаманъ поставилъ деревянный крестъ на могилѣ убіенной Серафимы съ слѣдующею надписью:

Здѣсь лежатъ странницы прахъ!
Поразившій нечаянный взмахъ.
Пала отъ грознаго пистолета,
Отъ руки атамана и поэта.

Это тоже своего рода „дивная фантазмагорія химеръ“ малограмотнаго писака, и къ такой чепухѣ насъ гг. Манухины и Прѣсновы уже достаточно приучили. Но въ этой книжонкѣ есть уже кое-что и новенькое—привидѣнія и чертовщина: „Какъ только онъ успѣлъ немного съ усиліемъ отворить одну половинку (шкафа), которая была точно какъ замазана, вдругъ вмѣстѣ съ раствореніемъ пахнуло оттуда пламя. Неустрашимый, отъ ужаса упалъ, лежитъ на полу отъ страха, не смѣетъ пошевелиться и смотрѣть, въ ожиданіи дальнѣйшихъ происшествій“. Поутру „добрый путешественникъ размыслилъ, что пламень ничто иное, какъ скопившіяся горячія частицы и разрѣшились при сообщеніи чистаго воздуха съ сими горячими скопленіями“. И это чепуха печатается одиннадцатымъ изданіемъ въ 1885 г.! Какъ не стыдно г. Прѣснову?!

Марина Мнишекъ, дочь сендомірскаго воеводы и жена Дмитрія Самозванца, или поляки въ Москвѣ. Историческій разсказъ. Изд. И. Д. Сытина. 1883 г. Дѣйствительная жизнь Марины Мнишекъ была сплошнымъ романомъ, полнымъ необычайныхъ событій, какихъ не выдумать самой пылкой фантазіи. Самборъ, Краковъ, коронованіе русскою царицей въ Москвѣ, разгромъ дворца, ссылка въ Ярославль, опять родина, Тушино, Калуга, козачій станъ Заруцкаго, скитанье по Яику, захватъ московскими ратными людьми, смерть въ тюрьмѣ,—съ достовѣрностью неизвѣстно, какая смерть,—

вотъ главы этого необычайнаго, но исторически-достовернаго романа хорошенькой польской шляхтянки, ставшей царицей, героиней и авантюристкой, кажется, помимо собственной воли. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагалъ покойный Н. И. Костомаровъ. Нельзя не удивляться тому, что до сихъ поръ этотъ богатый матеріалъ остается почти не тронутымъ нашими романистами. На Никольской изъ него сдѣлали недѣльный „разсказъ“, не имѣющій въ себѣ ни единого слова, сходнаго съ правдою, и очень плохо выдуманнй. Въ этомъ разсказѣ маленькая, живая и юркая „паненка“ изображена высокою и величественною дамою. Во время погрома, въ которомъ погибъ Лжедмитрій, 17 мая 1606 г., „пань Осмальскій“ спасаетъ Марину, переодѣтую въ костюмъ „нѣмецкаго латника“, и бѣжитъ съ нею изъ Москвы, тогда какъ въ дѣйствительности Осмолюскій, а не „Осмальскій“, — такогоне было, — погибъ, защищая входъ въ покои царицы Марины отъ ярости черни, Марина же спасена подосланными боярами и вмѣстѣ съ отцомъ и другими уцѣлѣвшими отъ рѣзни поляками заключена подъ стражу и потомъ отослана на житье въ Ярославль... Для чего же понадобилась г. Сытину глупая сказка, когда простая правда про Марину, безъ прикрасъ разсказанная образованнымъ человѣкомъ, была бы занимательнѣе полсотни повѣстей и романовъ гостинодворскаго издѣлія?

Нищій или избалованная жертва. Изъ времени князя Пожарскаго. Соч. И. Николаевича. Изд. Д. И. Прѣснава. 1884 г. Въ этомъ разсказѣ упоминаются кн. Пожарскій, Козьма Мининъ, Аврамій Палицынъ, Заруцкій, Марина Мнишекъ, Ходкевичъ; но всѣ они проходятъ какими-то безличными; также безличны герои повѣсти и главныя дѣйствующія лица. Это, впрочемъ, черта, общая почти всѣмъ романамъ и повѣстямъ *мубочной* литературы, ясно свидѣтельствующая о полномъ отсутствіи таланта у ихъ авторовъ. Г. Николаевичъ въ своемъ повѣствованіи перевираетъ исторію довольно умѣренно, хотя и безъ очевидной въ томъ надобности; по невѣдѣнію, онъ заставляетъ своихъ героевъ въ разговорѣ титуловать кн. Пожарскаго „вашимъ сіятельствомъ“ и, по обычаю всѣхъ никольскихъ литературщиковъ, заставляетъ ихъ часто „трепетать отъ волненія чувствъ“. Очень хороши заключительныя сентенціи г. Николаевича: „Такъ всякій человѣкъ послѣ добраго дѣла получаетъ какъ бы другое бытіе!...“ „Князь простилъ злодѣевъ и приказалъ ихъ только сослать въ отдаленныя страны. Эта черта доказываетъ великодушіе героя!“

Двумя послѣдними книжками и *Юріемъ Милославскимъ*, о которомъ мы говорили въ нашей январской книгѣ, исчерпывается весь нашъ запасъ *мубочныхъ* романовъ, относящихся къ богатому драматическимъ событіями „смутному времени“. А съ этимъ любопытнымъ и поучительнымъ временемъ было бы очень полезно познакомить массу читателей *мубочныхъ* изданій. При этомъ необходимо, чтобы повѣствованіе было написано занимательно, умно, по возможности исторически-вѣрно и грамотно. Къ этому же времени относятся уже чисто-историческіе разсказы:

Гражданинъ Мининъ и князь Пожарскій, освободители Москвы и отечества въ 1612 году. Сергѣя Извольскаго. Изд. А. И. Манухина.—Пань Сапѣга или 16-ти мѣсячная осада Троицкой лавры. Изд. Д. И. Прѣснава.—Рука Всевышняго отечество спасла или освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ 1612 г. Изд. А. А. Абрамова. Послѣдняя книжка написана въ по-

лубеллетристической формѣ. Эти три повѣствованія нельзя назвать очень плохими. Но, во всякомъ случаѣ, можно и должно желать лучшаго для ознакомленія русскаго народа съ однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ его историческаго существованія. Картины на оберткахъ этихъ книжекъ—верхъ безобразія и нелѣпости.

Аскольдова могила. Повѣсть изъ временъ княженія Владимира I Святаго въ г. Кіевѣ. Сост. И. Глазовъ. Изд. И. Д. Сытина. 1884 г. Не посчастливилось на Никольской улицѣ времени великаго князя Владимира „Красное-Солнышко“. Былины, сказки и пѣсни, бывшія когда-то достояніемъ русскаго народа, давно забыты; уцѣлѣвшія собраны и изданы въ книгахъ, по цѣнѣ недоступныхъ массамъ читателей. Пользуясь популярностью оперы Верстовскаго, г. Глазовъ „составилъ“ изъ нея повѣсть; но у автора не хватило умѣнья сдѣлать ее занимательною. Повѣсть обрвана тамъ именно, гдѣ долженъ бы начаться романъ; большая ея половина занята скучнымъ резонерствомъ и конецъ скомканъ кое-какъ въ нѣсколькихъ строкахъ.

Воевода Волчій-Хвостъ. Историческая быль. Соч. Кондратьева. Изд. Д. И. Прѣснава. 1885 г. „Сочиненная“ г. Кондратьевымъ „быль“ относится ко времени великаго князя Святослава Игоревича и „сочинена“ весьма плохо. Не дастъ это „сочиненіе“ никакого понятія о времени, о которомъ въ немъ разсказывается; слогъ какой-то деревенный, разговоры ни на что не похожіе... „А, Гуня! гридница теремовъ княжихъ, — заговорилъ онъ ласково. — Да, она самая, — прошипѣла Гуня. — Ты какъ сюда? — Такъ, надо. — Ага! — Кудесникъ? — Ну. — Кто былъ у тебя? — Кто? — Да. — А я почему знаю. — Проклятый! У тебя былъ воевода Волчій-Хвостъ. — Онъ, такъ что-жь? — Что онъ у тебя дѣлалъ? — А? — Злодѣй! Онъ у тебя гадалъ! — Гадалъ. — О чемъ? — А я почему знаю“... и т. д. на цѣлыхъ страницахъ.

ПЛОДЫ КНИГОПРОДАВЧЕСКОЙ СПЕКУЛЯЦИИ.

„Гигіено-экономическій словарь практическихъ познаній“. В. П. Левшина-Иноземцева. — „Лучи ума“. Педягои Пальховскаго. — „Законъ и правда“. Изд. книгопр. С. И. Леушина.

Гигіено-экономическій словарь практическихъ познаній, не обходимыхъ каждому для сохраненія и продленія жизни въ хозяйствѣ и экономіи. Составилъ В. П. Левшинъ-Иноземцевъ. Два тома. Москва, 1885 г. Достаточно прочесть это заглавіе, чтобы сообразить всю пригодность книги, „необходимой для продленія жизни въ хозяйствѣ и экономіи“. Тѣмъ не менѣе, мы получили о ней запросы отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ подписчиковъ и считаемъ долгомъ объяснить имъ, что это совсѣмъ не словарь въ томъ смыслѣ, какъ это понимается всѣми, т. е. „практическія познанія“ расположены въ этой книгѣ не въ азбучномъ порядкѣ, а какъ взбрѣло на умъ г. Левшину-Иноземцеву. „Первый отдѣлъ“ I тома, посвящій заглавіе „Гигіена ребенка“, начинается слѣдующими словами: „Вступленіе на степень матери (запятая) есть переворотъ въ жизни женщины, который собственно служить для возбужденія всѣхъ ея жизненныхъ силъ. Надо предположить полную потерю силъ для того, чтобы въ этотъ печальный кризисъ природы созидательницы, женщина не почувствовала того влеченія пожертвовать собою, которое бьется въ ея груди. Первый

крикъ дитяти есть оракулъ, который объявляетъ ей ея собственное величіе и узы, *отдѣляющія* отъ ея чрева безсмертное твореніе, въ которомъ она видитъ себя оживающею снова, онъ отвлекаетъ ее отъ ребяческихъ глупостей и эгоизма ея уединенной юности". Дальше— сплошь такая же галиматья, невѣжественная, бессмысленная и неграмотная. Авторъ пишетъ: „игнорируя совершенно женскимъ присутствіемъ“... „остракизмъ“, вмѣсто *остракизмъ*“, „на *волосипедахъ*“. Въ третьемъ отдѣлѣ мы читаемъ: „Сколько такихъ маленькихъ существъ возросло въ *матери*, которая, несмотря на свою бѣдность, со дня самого рожденія дитяти, начинаетъ приучать его къ роскоши, одѣвая въ *чистыя пеленки* и соперничая въ этомъ съ богатыми“. Много приходилось намъ читать всякой дряни съ Никольской, но, сколько можемъ припомнить, ни одинъ изъ тамошнихъ „гигиенистовъ“ не доверялся еще до рекомендаціи грязныхъ пеленокъ, какъ это дѣлаетъ В. П. Левшинъ-Иноземцевъ. Книга его пересыпана анекдотами самаго гостинодворскаго тона; такъ, напр., мы въ ней находимъ *средство противъ строптивости*. „Если вы строптивы,—совѣтуетъ авторъ,—то наберите себѣ *предварительно* полный ротъ воды и тогда смѣло выслушивайте кого вы хотите... Правда, при этомъ способѣ можетъ произойти тоже одна неприятность... но не для васъ!.. Если вы уже не выдержите и фыркнете... то вашему собесѣднику придется на себѣ испытать, что вы старались не выйти изъ себя, а ежели и вышли—то... то... конечно, не по своей волѣ“. Подобные цвѣты остроумія занимаютъ добрую половину книги. Въ общемъ же это—книга глупая; нието изъ нея никакихъ познаній не приобрететь; въ ней нѣтъ даже ничего забавнаго. Предупреждаемъ читателей, что та же негодная книга носить и другое заглавіе, какъ это практикуется г. Леушинымъ для большинства его нелѣпныхъ изданій съ заманчивыми заглавіями, обѣщающими раскрыть сразу всю человѣческую премудрость. Вотъ это второе заглавіе: *Друзья-спутники и руководитель всякаго возраста отъ первой минуты рожденія до старости. Полная энциклопедія примененій всего полезнаго для воспитанія, образованія, сбереженія здоровья, домоводства и развлечения. Сост. В. П. Левшинъ-Иноземцевъ*.

Лучи ума. Руководство для первоначальнаго обученія дѣтей въ училищахъ и дома. Подготовительный курсъ для поступленія дѣтей обоюго пола какъ въ гимназіи, такъ и въ другія учебныя заведенія. Съ приложеніемъ статей для воспитателей «о физическомъ, нравственномъ и умственномъ развитіи». Сост. педагогъ Пальховскій. Кромѣ этого длиннаго заглавія, на оберткѣ значится, что книга состоитъ изъ двухъ томовъ, и напечатано подробное ихъ оглавленіе. При разсмотрѣніи же труда педагога Пальховскаго оказывается, что оба тома составляютъ *одну* книгу. Съ перваго шага педагогъ даетъ „дѣтямъ обоюго пола“ ошибочное представленіе о томъ, спутавши два понятія—*томъ* и *часть*. Какъ бы то ни было, *первый томъ* нельзя назвать „объемистымъ“,—въ немъ 46 страницъ, для дѣтей совершенно непригодныхъ и предназначенныхъ для воспитателей. Воспитателямъ же этотъ *томъ* не нуженъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ пустословія. Такъ, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: *Нравственное воспитаніе*, мы читаемъ, между прочимъ: „Ставши умнымъ черезъ опытъ, человекъ старается правильно судить о томъ, что подлежитъ его наблюденію, и изъ чего состоитъ его повседневная жизнь“. Это очевидная бессмыслица: „глупый педагогъ“,

какъ бы великъ ни былъ его опытъ, умнымъ педагогомъ отъ того не сдѣлается, и сколько бы онъ ни „старался правильно судить“ о задачахъ воспитанія, ничего изъ этого не выйдетъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Пальховскій поучаетъ: „Благоденствіе и преуспѣянія *само* по себѣ не даютъ счастья“. Неграмотно и смысла нѣтъ. Такихъ курьезовъ мы могли бы привести немало какъ въ этомъ отдѣлѣ, такъ и въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: *Умственное развитіе*. Авторъ увѣренъ, что „метода Фребеля признана нынѣ лучшею“, и „требуетъ примѣненія къ условіямъ нашей жизни“ (?). Далѣе слѣдуетъ старая исторія о томъ, какъ должны воспитатели приставать къ ребенку, вмѣшиваться въ его игры подъ предлогомъ руководства, „наводить“ ребенка, надобѣтъ ему слѣдующимъ способомъ, рекомендуемымъ г. Пальховскимъ: „показывая ребенку свинью, замѣтьте: А свинья-то какъ возится въ лужѣ, или: посмотри, какъ свинья чешется объ столбъ“... Такъ называемый *Томъ II*, т.-е. четвертый листъ книги, начинается самою обыкновенною азбукою со складами и т. д. За азбукою слѣдуютъ: арифметика, грамматика, объясненіе молитвъ, священная исторія и т. д. Все это слѣплено кое-какъ изъ грошовыхъ учебничковъ, которые, само собою разумѣется, удобнѣе и много дешевле покупать каждый отдѣльно, выбирая лучшіе. На промахи г. Пальховскаго въ этомъ *второмъ томѣ* мы не станемъ указывать, такъ какъ считаемъ всю его книгу никому ненужною.

Законъ и правда. Самозащита по всѣмъ гражданскимъ, торговымъ, административнымъ и уголовнымъ дѣламъ, или полное собраніе существующихъ узаконеній и судебныхъ уставовъ Императора Александра II, со всѣми узаконеніями, дополненіями и рѣшеніями кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Сборникъ всѣхъ 15 томовъ русскіихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Руководство для веденія дѣлъ, безъ адвокатовъ и повѣренныхъ, правильно, успѣшно и безъ всякихъ издержекъ, во всѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ. Составлено обществомъ частныхъ повѣренныхъ подъ общею редакціей И. Л. Горна. Москва, 1885 г. Изданіе книгопродавца С. И. Леукина. На случай, если бы подъ этимъ широкѣйшательнымъ заглавіемъ издѣліе гг. Горна и Леукина стало залеживаться въ лавкѣ, таже книга имѣетъ и вторую обертку съ другимъ заглавіемъ: *Сборникъ всѣхъ 15 томовъ русскіихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II, со всѣми узаконеніями, дополненіями и рѣшеніями кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Три тома, 15 частей*. Только человекъ, не имѣющій никакого представленія о „15 томахъ“, о цѣлой библиотекѣ „узаконеній и дополненій“ и о нѣсколькихъ тысячахъ „рѣшеній“ кассацион. департаментовъ сената, можетъ повѣрить возможности вмѣстить въ три небольшихъ книжечки *всѣ законы, узаконенія, дополненія* и т. д. Только развязность „частныхъ повѣренныхъ“, воодушевленныхъ С. И. Леукинымъ и руководимыхъ какимъ-то И. Л. Горномъ, можетъ наобѣщать все то, что нагрозено въ приведенныхъ заглавіяхъ. Впрочемъ, относительно обѣщаній эти господа держались, повидимому, русской поговорки: „наобѣщали три короба“... и поступили соотвѣтственно этому обѣщанію: взяли три короба, изрѣзали, какъ попало, 15 томовъ и прочее, перетряхнули окрошку и распахали по коробамъ, выкинувши весь не вмѣстившійся въ нихъ ворохъ. Каждый

жоробъ пошелъ на составленіе одного тома, и вышло три книжки, приблизительно по 17 листовъ разгонистой печати. Въ этомъ сумбурѣ нельзя разобрать не только „безъ адвоката и повѣренныхъ“, но и съ цѣлымъ „совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ“ не доберешься толку. Само собою разумѣется, что веденіе какого бы то ни было дѣла по этому „руководству“ немислимо. Что же касается сенатскихъ кассационныхъ рѣшеній, то ими гг. Горнь и Леухинъ только похвалились; въ ихъ книгѣ приведено такихъ рѣшеній нѣсколько десятковъ, безъ толку и кое-какъ нацарапанныхъ изъ анисимовскихъ изданій. Подробно разбирать эту книгу мы считаемъ совершенно излишнимъ и предлагаемъ читателямъ повѣрить намъ на слово въ томъ, что она никуда не годится. Если же кто не повѣритъ, тотъ пусть купить... будетъ за недовѣріе наказанъ 4 рублями штрафа въ пользу г. Леухина.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Вѣстникъ Европы“, январь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, январь. — „Русскій Вѣстникъ“, январь.

Вѣстникъ Европы, январь. Первая книжка журнала за нынѣшній годъ начинается статью г. Скабичевского, озаглавленной: *Пѣсни о женской неволѣ въ поэзіи Ю. В. Жадовской*. Статья написана по поводу выхода въ свѣтъ мѣсяцевъ восемь тому назадъ „посмертнаго изданія“ *Полнаго собранія сочиненій Ю. В. Жадовской*, переставшей писать ровно 25 лѣтъ тому назадъ. „Въ произведеніяхъ Ю. В. Жадовской, — говоритъ г. Скабичевскій, — конечно, нельзя найти такого яркаго таланта, какъ у В. Крестовскаго (псевдонимъ) и у Марко-Вовчека. Но какъ бы ни уступала по размѣрамъ таланта Жадовская своимъ знаменитымъ сверстницамъ, имя ея не будетъ забыто, и произведенія ея, въ связи съ жизнью писательницы, всегда будутъ имѣть свой собственный интересъ, какъ весьма характерный памятникъ вѣка“. Оцѣнка литературной дѣятельности и значенія писателя, „въ связи“ съ его личною жизнью, представляется намъ неудобнымъ критическимъ приемомъ и даже недозволительнымъ. Это настолько общеизвѣстно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ, и можно только удивляться тому, что у насъ отъ времени до времени появляются въ печати критическія экскурсіи въ завѣтную область частной, интимной жизни литераторовъ. Въ данномъ же случаѣ, т.-е. при оцѣнкѣ произведеній Ю. В. Жадовской, менѣе чѣмъ когда-либо предстояла надобность вторгаться въ ея семейную жизнь. Ея произведенія съ достаточною ясностью сами за себя говорятъ и очень опредѣленно доказываютъ, что ни въ какихъ *Пѣсняхъ о женской неволѣ* г-жа Жадовская неповинна. Въ стихахъ своихъ она изливала скорбь о тяжеломъ положеніи русской „барышни“ лѣтъ 30—40 тому назадъ. И пѣсни ея было бы правильнѣе назвать *Пѣснями о неволѣ барышень*, чѣмъ *Пѣснями о женской неволѣ*, такъ какъ съ этимъ послѣднимъ выраженіемъ соединяется болѣе широкое понятіе о подневольномъ положеніи женщины вообще и безотносительно къ случайнымъ обстоятельствамъ. О „женской неволѣ“ писали Некрасовъ, Тургеневъ, въ *Мельничихѣ*, напримѣръ, Островскій — въ *Грозѣ* и т. д. Вся „неволя“, воспѣтая г-жею Жадовской, по словамъ самого г. Скабичевского, сводится къ рѣшенію вопроса о замужествѣ. Не отрицая важности для „барышни“ этого вопроса, мы на-

ходимъ, что имъ однимъ далеко не исчерпывается общій вопросъ о подневольности женщины; онъ только суживается, болѣе того—онъ превращается въ личный вопросъ, крайне разнообразно разрѣшаемый въ каждомъ частномъ случаѣ. Поводомъ къ *Письмамъ о неволь* г-жи Жадовской, какъ то выяснено статью г. Скабичевского, послужило слѣдующее обстоятельство: молоденькою дѣвушкой, пансіонеркой, она влюбилась въ учителя, дававшего уроки въ пансіонѣ. Нельзя сказать, чтобы въ жизни институтокъ и пансіонерокъ такой случай представлялъ собою что либо необыкновенное, изъ ряда выходящее. Жадовская была „барышня“, дочь зажиточнаго помѣщика, занимавшаго видное служебное положеніе въ губерніи; учитель былъ бѣднякъ изъ семинаристовъ. Отецъ дѣвушки и родные воспротивились ихъ браку. Г. Скабичевскій говоритъ: „Нынѣ подобныя драмы возможны только или въ очень высокомъ кругу, или въ купеческомъ и крестьянскомъ. Но въ старину и въ средѣ небогатаго дворянства онѣ были не рѣдкость и какъ нельзя болѣе характеризовали то подневольное положеніе полной безличности, въ какомъ находились въ то время барышни“. Ихъ,—по мнѣнію г. Скабичевского,—*выдавали* замужъ, или не выдавали наравнѣ съ крѣпостными „Машками“ и „Дашками“... „И такова была въ то время сила патріархальной власти,—заключаетъ авторъ,—что кроткая Юлія Валеріановна безпрекословно повиновалась и рѣшилась разстаться навѣки съ любимымъ человѣкомъ“. Во всемъ этомъ преувеличеніе и противорѣчіе въ глаза бросаются: если барышня „рѣшилась“,—какъ говоритъ г. Скабичевскій,—„разстаться съ любимымъ человѣкомъ“, то, стало быть, она могла принять и другое рѣшеніе—не разставаться, а, слѣдовательно, нѣтъ основанія говорить о „неволь“, и сопоставленіе „барышень“ съ крѣпостными дѣвушками смысла не имѣетъ, такъ какъ о ихъ „рѣшеніи“ никогда и рѣчи быть не могло. Мы не станемъ возражать г. Скабичевскому въ томъ, будто бы „тогда“, въ сороковыхъ годахъ, барышень *выдавали* замужъ, какъ крѣпостныхъ, а „нынѣ“ онѣ прямо изъ пансіоновъ выходякъ замужъ за перваго встрѣчнаго, имъ приглянушагося, сообщая объ этомъ родителямъ лишь „къ свѣдѣнію“. Всѣ эти натяжки и преувеличенія и возведеніе романа пансіонерки съ учителемъ на степень „драмы“, характеризующей то время, понадобились г. Скабичевскому затѣмъ, чтобы сказать слѣдующую фразу: „Такимъ образомъ, передъ нами развертывается картина постепеннаго, органическаго наростація таеъ называемаго женскаго вопроса, и мы убѣждаемся, что вопросъ этотъ вовсе не явился сразу и ех аbrupto, навѣянный со стороны, а логически и неизбежно вытекъ изъ самой нашей жизни“. Ничего подобнаго передъ нами не „развертывается“ въ произведеніяхъ г-жи Жадовской и ни въ чемъ ровно мы не „убѣждаемся“ изъ ея произведеній, даже „въ связи съ ея жизнью“, до которой литературной критикѣ нѣтъ никакого дѣла. Въ сущности же и надобности нѣтъ „убѣждать“ кого-либо въ томъ, что „таеъ называемый женскій вопросъ“ не съ неба свалился и не занесенъ, какъ какая-нибудь холера. Въ постановкѣ женскаго вопроса Жадовская, съ своимъ пансіонскимъ романчикомъ и съ своими домашними „бурами въ стаканѣ воды“, принимала очень слабое участіе, а въ попыткахъ къ рѣшенію его—и совсѣмъ никакого. Попыталась было она это сдѣлать въ повѣсти *Отсталая*, напечатанной въ журналѣ *Время* въ 1861 г., но вышло это, во-первыхъ, неудачно,—повѣсть прошла незамѣченною ни публикою, ни критикою,—во-вторыхъ, г-жа

Жадовская опоздала, сама очутилась въ положеніи „отсталой“ на 37 году отъ роду, закончила свою литературную дѣятельность и черезъ годъ вышла замужъ за старичка доктора. Поэзія и прозаическія произведенія Жадовской имѣютъ несомнѣнныя и совсѣмъ не маленькія литературныя достоинства, о которыхъ мы говорили въ нашемъ отзывѣ о посмертномъ изданіи ея сочиненій (*Русская Мысль* 1885 г., кн. VI), и нѣтъ надобности приписывать имъ какое-то особенное значеніе *Пьсенъ о женской неволѣ*, котораго они никогда не имѣли въ дѣлѣ возникновенія и развитія у насъ „такъ называемаго женскаго вопроса“, вѣрнѣе же—требованія женщинами права на трудъ и необходимой для того доли свободы.

Беллетристика *Вѣстника Европы* отърывается въ наступившемъ году „поэмою“ А. П. Языкова *Старый портретъ*. Пятьдесятъ три страницы, двѣ тысячи стиховъ!... Давненько въ нашихъ журналахъ не появлялось длинныхъ стихотворныхъ произведеній, и поэма г. Языкова не располагаетъ къ сожалѣнію о томъ, что таковыя появляются рѣдко. Она безсодержательна и скучна, а стихи... Вотъ образецъ стиховъ А. И. Языкова:

Веселиемъ старый дѣлебный травникъ.
 Согрѣлъ привославныя души;
 Исчезли соленья, румяный курникъ,
 Баранины сочныя туши —
 И много другого, чего намъ не счастье;
 Явилось и сладкое блюдо,
 Два дюжихъ холода едва могли нести
 Искусства поварнаго чудо.
 Изъ блага сахара, чище стекла,
 Стояла сквозная *храмина*,
 Теплилась въ ней свѣча и надпись была
 Во славу крещенаго сына.
 Испили боченокъ медовый до дна,
 Гостей разобрало похмѣлье.
 Венгерскаго подали въ *стклянкахъ* вина,
 Разлилося моремъ веселье...

Переносъ ударенія съ одного слога на другой допустимъ, конечно, въ стихахъ, но только въ видѣ очень рѣдкаго исключенія. Когда же онъ повторяется черезъ три стиха въ четвертомъ, тогда мы считаемъ себя въ правѣ назвать стихи уродливыми и неудобочитаемыми. Въ выписанныхъ шестнадцати стихахъ мы отмѣтили четыре произвольно измѣненныхъ ударенія, одно совершенно изуродовавшее слово, — *поварнаго*, вмѣсто повареннаго, — ради того, чтобы упрятать его въ стихъ, и одно ничѣмъ не вынужденное, неловкое выраженіе „подали въ *стклянкахъ* вино“... Почему въ *стклянкахъ* и въ какихъ такихъ *стклянкахъ*, а не „въ рюмкахъ“, или не „въ чаркахъ“? Рюмки или чарки были бы умѣстнѣе и на барскомъ пиршественномъ столѣ, и въ хоршемъ стихѣ, чѣмъ какія-то „стклянки“. Вообще стихъ г. Языкова не щеголяетъ мягкостью, гибкостью и изяществомъ; рима оставляетъ желать очень многого; тамъ, гдѣ авторъ претендуетъ, повидимому, на игривость, выходитъ грубо и неприятно, напримѣръ:

Явленье Степана Никитича въ свѣтъ
 Свершилось безъ всякаго *блеска* (?),
 Безъ знаменій *огненныхъ*, *яркихъ* *кометъ*,
Небеснаго грома и треска... (?)
 ... И попъ деревенскій въ святую купель,
 Трехкратно его погружая,

При соннѣ родныхъ и дворовныхъ людей,
 Не *прозрѣлъ* младенца геройство,
 И только о праздничной расѣ своей
 Въ душѣ ощущалъ *безпокойство*.
 Безъ *пятакъ* остылася яса его,
 Повелъ себя *мальчикъ прелестно*...

Въ поэмѣ г. Языкова нерѣдко встрѣчаются выраженія, лишенные всякаго смысла, вроде вышеприведеннаго „небеснаго треска“ или:

Нашли бы подобье немалое мы
 Съ его настроеніемъ новымъ
 Въ *окрестной холодной картинѣ* зимы
 Съ ея выраженіемъ суровымъ.

Можно указать и на еще болѣе уродливые стихи, какъ, напримеръ:

Вступать въ переписку никто не дерзнетъ
 Съ врагами, особенно *плѣнный*.
 Получить *шпіонъ приличный* расчетъ,
Свершившій поступокъ *измѣнный*.

Содержаніе поэмы нисколько не выкупаетъ всѣхъ указанныхъ нами на выдержку погрѣшностей. Весь рассказъ могъ, да и долженъ былъ бы умѣститься на нѣсколькихъ страницахъ, самое большее — на полулистѣ; авторъ развелъ его на трехъ съ половиною листахъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, три заняты упражненіями въ версификаціи. Романъ, собственно, заключается въ томъ, что герой Тагановъ во время штурма Нейшлота спасъ отъ звѣрства солдатъ красавицу-шведку, Эмму. Офицеръ влюбился въ плѣнницу, она полюбила его. Тагановъ порѣшилъ жениться на своей возлюбленной, къ немалому удивленію товарищей, разсуждавшихъ такъ:

Имѣя отъ женщины, кажется, все,
 О чемъ же Тагановъ хлопочетъ,
 Къ чему *непремѣнно* съ ней *имя* свое
 Связать онъ *женитьбою* хочетъ?

Командиръ полка убоился неудовольствія, которое могли имѣть на него богатые и вліятельные родные Таганова за допущеніе брака семнадцатилѣтняго офицера на безродной „дѣвчонкѣ“, и воспротивился женитьбѣ своего подчиненнаго, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и самъ влюбился въ красавицу. Командиръ задумалъ отбить любовницу у Таганова и, чтобы приобрѣсти ея благосклонность, послалъ ей цѣнный подарокъ. Эмма сказала объ этомъ молодому человѣку.

Когда-жъ ему дѣва раскрыла глаза,
 Мгновенно, при видѣ подарка,
 Въ груди его *страстнаго мнѣя* гроза
 Собралась и *вспыхнула жарко*.

Видя, что добромъ отъ шведки ничего не добьешься, командиръ придрался къ какому-то невинному письму дѣвушки, перехваченному развѣдомъ, приказалъ посадить Эмму въ тюрьму и назначилъ надъ нею военный судъ, какъ надъ шпіономъ; самъ же съ собою разсуждаетъ, что теперь у него

Могучія средства въ умѣлыхъ рукахъ
 Поладить съ *упрямствомъ дѣвцы*.
 Но, милая, вѣрьте, что *малой цѣной*
 Одной подаренной *мнѣ* ночи,
 Готовъ я вернуть вамъ не *медя* покой
 Отъ слезъ осушить *ваши* очи!

Эмма не дождалась, однако, приговора суда и повѣсилась въ тюрьмѣ. Тагановъ съѣздивъ въ побывку къ роднымъ, вернулся въ полкъ, служилъ усердно и долго, дослужился до большого чина и былъ убитъ въ сраженіи при Гросс-Эгерсдорфѣ. По полученіи объ этомъ извѣстія, родные

Развѣсили въ залѣ мундиръ боевой;
Съ крестами для лучшаго виду,
Наѣхали гости; соборне, съ кутьей,
Служили поны паннихиду...

На этомъ и всей „поэмѣ“ конецъ. Такія произведенія издавна называются „выстрѣлами изъ пушки по воробьямъ“; только въ настоящемъ случаѣ „выстрѣлы“ грянулъ изъ плохой „пушки“ и такимъ образомъ, который надлежало бы отчислить „въ бракъ“.

Кстати уже о стихахъ: въ той же книжкѣ журнала помѣщено четыре оригинальныхъ стихотворенія г. Фета и два имъ же переведенныхъ изъ Гёте. Въ тѣхъ и другихъ г. Фетъ остался вѣренъ себѣ; въ первомъ мы читаемъ:

Когда же вдругъ изъ тучи мглистой
Сосну ужалилъ яркій змѣй,
Я самъ затеплил сукъ смолистый
У золотныхъ ея огней...

Возвышенно и довольно смѣхотворно. „Романсъ“ мы позволимъ себѣ выписать цѣликомъ,—такой уже онъ характерно-„фетовскій“:

Я тебѣ ничего не скажу
И теби не встревожу ничуть,
И о томъ, что я молча твержу,
Не рѣшусь ни за что намекнуть.
Цѣлый день спать ночные цвѣты,
Но лишь солнце за рошу зайдетъ,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу какъ сердце цвѣтетъ.
И въ больную, усталую грудь
Влетѣть влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебѣ ничего не скажу.

Ну, и мы ничего не скажемъ, а пожмемъ только плечами и перейдемъ къ слѣдующему стихотворенію, въ которомъ А. А. Фетъ, между прочимъ, говорить:

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
Въ томеньяхъ крайняго усилья...

Въ особенности эти „крайнія усилья“ замѣтны, когда А. А. Фетъ натуживается „воспарить“ на Геликонъ во слѣдъ олимпійца-Гёте. Въ лежащей передъ нами книжкѣ переведены: *Рыбакъ* и *Зимняя поездка на Гарцъ*. Переводчикъ старается быть очень точнымъ и выходитъ это, очень плохо; такъ, въ стихотвореніи *Рыбакъ*—

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll,
Ein Fischer saß daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.“—

г. Фетъ переводить:

Неслась волна, росла волна,
Рыбакъ надъ ней сидѣлъ,

Съ душою хладною до дна
На уду онъ глядѣль.

„Ein feuchtes Frau“ онъ перевелъ: „Вся влажная жена“... Выходитъ то же, да не такъ. Во второмъ стихотвореніи мы читаемъ у Гете:

...Des ehernen Fadens,
Den die doch bittre Scheere
Nur einmal lös't.

Въ переводѣ г. Фета:

...Кованной нити,
Что все-жъ горькія ножницы
Только однажды прервуть.

Эти „горькія ножницы“ напомнили намъ одну старуху-нѣмку, которая любила кофе съ „толстыми сливками“— „mit dicker Schmant“... Обезобразилъ г. Фетъ года четыре тому назадъ *Фауста*, обезобразилъ Горация, Ювенала, Катюла... теперь опять берется за обезображеніе Гёте въ розницу. Когда же, наконецъ, онъ уймется и ограничится писаньемъ „оригинальных“ стиховъ на благодарную тему: я молчу, и ты ничего не говоришь, ты молчишь, и я не говорю ни слова; ты въ молчаніи горю, и я тоже горю; и обнимъ намъ сладко молчать и горѣть, горѣть и молчать... и т. д. пока не надоѣсть!

Беллетристика прозой въ первой кн. *Вѣстника Европы* ограничивается двумя рассказами: *Не судилъ Богъ А. Лугового* и *Городъ мертвыхъ* Максима Бѣлинскаго. Содержаніе первого рассказа таково: въ приволжскомъ селѣ живетъ богатый крестьянинъ, Матвѣй Савельичъ, и занимается торговлей. Его единственная дочь, красавица Матрена, любитъ бѣдняка-рыбака, Петра, крестьянина изъ-за Волги. Влюбленные выдаются по почамъ въ кустахъ оврага и мечтаютъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы Савельичъ согласился ихъ повѣнчать. А Матвѣй Савельичъ поровитъ отдать дочь за городского купца и даже, безъ ея вѣдома, просваталъ ее. Когда отецъ объявилъ ей о своемъ рѣшеніи, Матрена разрыдалась, сказала, что за купца не пойдетъ, и побѣжала въ кусты на свиданіе съ милымъ, несмотря на темноту ночи, грязь и бурю. Петръ поѣхалъ на условленное свиданіе и былъ такъ неостороженъ, что пустился наперерѣзъ Волги во время бури на двухъ веслахъ въ челнѣ. Само собою разумѣется, что онъ утонулъ. „А Матрена ждала“. Этими словами г. Луговой заканчиваетъ рассказъ, написанный съ большими стилистическими претензіями. „А ночью?! — сочиняетъ г. Луговой. — Какъ хорошо здѣсь ночью! Полный мѣсяцъ съ высоты небеснаго свода озаряетъ уснувшую землю. И зеленыя вѣтви, и трава, и красноватые обвалы глинистыхъ береговъ, и разбросанный то тутъ, то тамъ булыжникъ, освѣщенные луннымъ свѣтомъ, принимаютъ какую-то волшебную окраску; деревья и кусты превращаются въ величественныя, загадочныя фигуры; по темно-зеленому дну оврага журчащій, не знающій покоя, ручеекъ переливается серебряною полоской. Чу! щеленулъ соловей“... Его только и не доставало для того, чтобы вышло какъ разъ въ тонъ г. Фету, распѣвающему въ той же книжкѣ:

И видѣли мы средь вѣтвей,
Еще не укрытыхъ листьями,
Какъ, глаза закрывъ, соловей
Блаженствовалъ въ пѣснѣ надъ нами.
Къ себѣ вазывала любовь
И блескомъ, и страстью пахучей...

Насчетъ этой самой „пахучей страсти“ тоже есть у г. Луговаго: „А когда къ вечеру, послѣ жаркаго дня, благоуханіе цвѣтущей гречихи распространится въ похолодѣвшемъ воздухѣ, то такъ бы и бросился въ объятія этой чарующей дали“... Какъ есть, настоящій г. Феть, только въ прозѣ.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ повѣствуетъ Максимъ Бѣлинскій про *Городъ мертвыхъ*. Это — натуралистическо-фантастическо-французско-пошехонскій рассказъ про нѣкоего „образованнѣйшаго изъ людей въ городѣ“, учителя исторіи, готовившагося къ магистерскому экзамену и сошедшаго съ ума вслѣдствіе одновременной утраты нѣжно-любимой жены и троихъ дѣтей. Сошелъ несчастный съ ума, перебрался жить въ землянку на кладбище, сдѣлался сторожемъ и сорокъ лѣтъ оплакиваетъ „потерю дорогихъ существъ на ихъ собственныхъ могилахъ“. По этому поводу, хотя безъ всякаго отношенія къ суициднѣ повѣствованія, г. Бѣлинскій дѣлаетъ большой репримандъ кому-то: „Трудно вѣрится; — говорить авторъ, — чтобы современные счастливые люди, напр., *магистръ римскаго права, женившійся недавно на купеческой дочери* Износковой, Преображенскій, *у котораго* такой прекрасный *англійскій проборъ* и *жирное блое лицо*, столь быстро становились несчастными“. Г. Бѣлинскій высказываетъ убѣжденіе, что если такая же катастрофа постигнетъ „экстраординарнаго профессора“ Преображенскаго, то онъ потушить-потушить, да и женится въ другой разъ опять на купеческой дочери, а не сойдесть съ ума, подобно учителю исторіи. Противъ этого возражать нечего, во-первыхъ, потому, что мы не знаемъ „экстраординарнаго профессора“ Преображенскаго, котораго, повидимому, хорошо знаетъ Бѣлинскій, во-вторыхъ, потому, что далеко не всѣ люди сходятъ съ ума (и слава Богу!) отъ тяжелыхъ семейныхъ несчастій. Что же касается обобщеній, дѣлаемыхъ г. Бѣлинскимъ, то они подлежатъ большому спору. „Должно быть, — говорить авторъ, — не такъ равнодушно относились къ ударамъ судьбы люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“. Это почему же „должно быть“? Потому, что одинъ учитель съ ума сошелъ. Да развѣ нынче-то люди мало сходятъ съ ума? Правда, теперь сумасшедшихъ не дѣлаютъ кладбищенскими сторожами, а отправляютъ въ дома для умалишенныхъ; самыя же сумасшествія, сколько намъ извѣстно, въ „нашъ нервный вѣкъ“ весьма умножились, и напрасно г. Бѣлинскій сокрушается о томъ, будто бы число сумасшествій уменьшилось. Во всякомъ случаѣ, нельзя не подивиться печалованію г. Максима Бѣлинскаго на то, что въ наши дни овдовѣвшіе магистры и магистранты не сходятъ съ ума и не опредѣляются сторожами на кладбища. Вотъ такое-то кладбище, съ сумасшедшими и „образованнѣйшимъ“ сторожемъ, авторъ и называетъ *городомъ мертвыхъ* въ противоположность „городу живыхъ“, расположенному за ручьемъ. Сумасшедшій сторожъ умеръ, и г. Бѣлинскій купилъ у новаго сторожа тетрадеу, исписанную рукою его несчастнаго предшественника. Содержаніе этой рукописи авторъ передаетъ читателямъ *Вѣстника Европы*. Изъ тетрадки, по словамъ г. Бѣлинскаго, вырвано много листовъ и часть ея написана шифромъ, котораго г. Бѣлинскій не могъ разобрать. Тому и другому нельзя не порадоваться, такъ какъ, будь тетрадь въ цѣлости и сьумѣй г. Бѣлинскій прочесть шифръ, то намъ грозила немалая опасность быть вынужденными читать бредъ умалишеннаго учителя сполна. По мнѣнію автора, „въ настоящее время, когда пишеть и печатаеть свои произведенія такая

масса людей, обладающих несомненным здравым смысломъ (не всегда, впрочемъ, прибавимъ мы отъ себя) и искрой генія (чрезвычайно рѣдко!) и обнародованіе странныхъ мемуаровъ помѣшаннаго-кладбищенскаго сторожа, въ которыхъ есть крупница поэзіи, можетъ быть, окажется не очень лишнимъ дѣломъ“. Мы же находимъ, что „дѣло“ это совсѣмъ лишнее; всякаго вздора и безъ того пишутъ слишкомъ много, да и печатаютъ немало чепухи безъ разбора, а тутъ насъ угощаютъ какими-то „крупницами поэзіи“, за которыми приходится гоняться въ цѣлой лужѣ пустословія, повѣривши на слово г. Бѣлинскому и говоря высокимъ слогомъ „натуралистической“ школы. Дѣлать какія-либо выписки изъ „брѣда умалишеннаго“ мы не станемъ, такъ какъ „брѣдъ“ этотъ крайне отрывоченъ, лишентъ всякаго смысла и не представляетъ никакого интереса. Въ этомъ „брѣдѣ“ нѣтъ ни „крупницъ“, ни искры того, что мы имѣемъ въ *Запискахъ сумасшедшаго* Гоголя или въ *Красномъ цветкѣ* Гаршина. За то какъ напоминаетъ намъ весь разговоръ г. Бѣлинскаго десятки ему подобныхъ фельетонныхъ разсказовъ, печатающихся въ *Figaro*, *Gil-Bias* и другихъ французскихъ газетахъ. Во Франціи такихъ исторій не пускаютъ въ большіе журналы, хотя французы умѣютъ писать ихъ остроумно и занимательно.

Въ статьѣ *Новѣйшая исторія одной волости, очерки изъ жизни приволжскаго захолустья*, В. Н. Назарьева, разсказывается о томъ, какъ до 19 февраля 1861 г. дер. Большая-Карцовка благоденствовала подъ властью „лихаго, но, въ своемъ родѣ, гуманнаго помѣщика“ Карцева, и подъ управленіемъ „замѣчательно умнаго и дѣльнаго бурмистра Данилы, не забывавшаго, какъ говорится, ни барина, ни себя, но, въ то же время, относившаго сякъ мужику „по-божески“ и „не обижавшаго народъ“, и какъ деревня эта быстро перестала благоденствовать, получивши „волю“ и приличный земельный надѣлъ. Теперь же, черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, Карцовка совсѣмъ забѣдствовала и уже „не имѣетъ ничего общаго съ бывшею Карцовкой, представлявшей собою рядъ крѣпкихъ, тѣсно сплоченныхъ и какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга крестьянскихъ дворовъ“. Теперь ряды избъ прерываются пустырями или плохими лачугами, кое-какъ смазанными глиной. Но тутъ же рядомъ съ „кельями“ и „юртами“ красуются богатые дома и дворы. Однообразіе уступило мѣсто большому разнообразію во внѣшнемъ видѣ и въ бытѣ крестьянъ. Одни, меньшинство, конечно, стали „богатѣями“, другіе разорились, заслабѣли, дошли до безлошадности и до безземельности, отдавши свои надѣлы болѣе сильнымъ; въ деревнѣ оказалось немало пролетаріевъ и нищихъ, прозванныхъ „хивинцами“. Пояснивши все это, г. Назарьевъ переходитъ къ описанію „деревенскаго года“. Откинувши подробности, можно передать эту часть статьи въ короткихъ словахъ: въ большіе праздники и во время ярмарокъ или свадебъ крестьяне ѣдятъ и пьютъ невообразимо, пропиваютъ и проѣдаютъ не только годовые запасы, но и скотъ, и лошадей, остальное время голодаютъ и закабаливаются въ работу. Крестьяне большую часть года ничего не работаютъ, зря слоняются, лежатъ на боку и лодарничаютъ; наступаетъ уборка и они работаютъ больше всякой мѣры, такъ какъ, пропиваясь и лодарничая, нахватали работы не по силамъ. Обратившіеся въ батраковъ нанимаются, обманываютъ, берутъ задатки и убѣгаютъ съ ними и т. п.; они составляютъ сущее бѣдствіе для помѣщиковъ. Не меньшее бѣдствіе терпятъ владычцы отъ постоянныхъ потравъ. Противъ потравъ, по словамъ авто-

ра, ничего нельзя подѣлать, тѣмъ болѣе, что „житейскій опытъ съ важнымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждаетъ мужика, что въ нашемъ захолустьи нѣтъ и не можетъ быть ничего невозможнаго, обязательнаго или воспрещеннаго, и все сойдетъ съ руля, если только не поддаваться постыдному чувству робости и идти впередъ—на проломъ“. Послѣ „фетовскихъ“ стиховъ исторія г. Назарьева о потравахъ живо напомнила намъ „фетовскую гусиную войну“, а выписанная нами заключительная фраза ясно звучитъ призывомъ „властной руки“ для водворенія „спасительнаго страха“. Во второй части статьи г. Назарьевъ ведетъ читателя изъ двора во дворъ по всей дер. Карцовкѣ, знакомитъ съ вышнимъ видомъ каждаго двора, съ его внутреннею обстановкой, съ фигурой, характеромъ и времяпрепровожденіемъ каждаго изъ обывателей деревни. Это длинно, однообразно и скучно и намъ представляется довольно безцѣльнымъ. Самъ авторъ признаетъ въ концѣ статьи это дѣло „неблагодарнымъ и удручающимъ“ и заканчиваетъ такъ: „И въ самомъ дѣлѣ, изъ чего мучить себя и, можетъ быть, нагонять тоску на другихъ, когда не знаешь, какъ помочь, съ чего начать, какъ приступить, можетъ быть, уже съ запоздалою помощью, когда не вѣришь во власть земли, въ крѣпость общины и еще менѣе возлагаешь надежду на новыхъ, страстно ожидаемыхъ многими попечителей, должствующихъ положить конецъ существующему хаосу, а, главное, сократить и скрутить мужика?“ Прочитавши эту исповѣдь невѣрія въ существующее и пессимистическаго взгляда на „страстно ожидаемыхъ многими попечителей“, сократителей и крутиелей мужика, невольно какъ-то перевертываешь листы книги назадъ и ищешь, во что же вѣрить, наконецъ, г. Назарьевъ... И приходишь до „сплошнаго ряда крѣпкихъ, тѣсно сплоченныхъ крестьянскихъ дворовъ“, благоденствующихъ подъ властью „лихаго“, но гуманнаго помѣщика, — крѣпкихъ и благоденствующихъ, „отчасти благодара“ управленію умнаго бурмистра... И такъ, по вѣмецкой поговоркѣ, „вотъ гдѣ собачья-то зарыта“, — только не глубоко ее закопали...

Въ высшей степени интересная статья г. Пыпина, — *Малорусская этнографія за послѣднія 25 лѣтъ*, — посвящена, на этотъ разъ, обзору трудовъ Н. А. Мареевича, Н. В. Закревскаго, И. Я. Рудченка, В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, П. П. Чубинскаго и др. О произведеніи г. Пыпина мы надѣемся дать болѣе полный отзывъ, когда эта солидная научная работа выйдетъ въ свѣтъ отдѣльною книгой, скорѣйшаго появленія которой мы бы отъ души желали.

У *подошвы Эльборуса*, очеркъ И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевскаго, представляетъ собою описаніе путешествія нашихъ московскихъ профессоровъ въ малоизвѣстную горную страну, Сванетію. Въ напечатанной части разсказано пока только про приготовленія къ поѣздкѣ и про начало пути. Большое мѣсто отводится въ этомъ очеркѣ описанію быта и юридическихъ обычаевъ горцевъ. Авторы критически и съ большою подробностью разбираютъ происхожденіе этихъ обычаевъ и послѣдовательно ихъ видоизмѣненіе подъ вліяніемъ различныхъ народностей и вѣроисповѣданій, послѣдовательно смѣнявшихся на Кавказѣ, то господствовавшихъ въ извѣстной мѣстности, то подпадавшихъ подъ господство новыхъ пришлецовъ.

Статья: *Женскіе врачебные курсы*, — изъ воспоминаній бывшей слушательницы Ш., — даетъ краткую, но живо написанную исторію женскихъ курсовъ. „*Настоящее* женскихъ врачебныхъ курсовъ, — такъ начинается

авторъ свою статью, — настолько безотрадно, что о немъ лучше не говорить: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Курсы умираютъ тихою смертью, просуществовавъ 13 лѣтъ“. Теперь существуетъ одинъ только пятый курсъ, съ выпускомъ котораго курсы окончательно закроются. Мы считаемъ излишнимъ передавать содержаніе статьи г-жи Ш. и укажемъ на нѣкоторые очень существенные, по нашему мнѣнію, доводы въ пользу *необходимости* у насъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, пропущенные бывшею ихъ слушательницею. Объ этихъ доводахъ мы уже говорили въ прошедшей книжкѣ, но позволимъ себѣ, въ виду важности дѣла, повторить ихъ еще разъ. Доводы эти заключаются въ слѣдующемъ: при отсутствіи женщинъ-врачей нѣсколько милліоновъ живущихъ въ Россіи женщинъ — магометанокъ остаются совершенно лишенными медицинскою помощи или вынужденными обращаться къ своимъ знахаркамъ. У насъ много говорится о „цивилизаторской миссіи“ Россіи въ Средней Азій, дѣлаются постоянныя приобрѣтенія территорій, населенныхъ магометанами, мы стоимъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Афганистаномъ, російскій Императоръ становится сюзереномъ бывшихъ независимыхъ ханствъ... Англія начинаетъ серьезно тревожиться за Персидскій заливъ, за Герать и Келлатъ, за свое преобладаніе въ Афганистанѣ и, наконецъ, за свое владычество въ Индіи. Что же мы даемъ и что мы можемъ обѣщать жителямъ Мерва и Герата, подданнымъ эмировъ бухарскаго и афганскаго, такого, чего бы не могли дать имъ англичане? Тѣ высылаютъ бочки золота, оружіе и военныхъ инструкторовъ. Неужели же никто не видитъ и не понимаетъ, что русскія женщины-врачи между татарами, сартами, узбеками, бухарцами и афганцами способны сослужить Россіи неизмѣримо большую службу, чѣмъ сослужать англичанамъ скорострѣльные ружья и дальнобойныя пушки? Военный министръ, оказавшій такое покровительство бывшимъ женскимъ курсамъ, хорошо зналъ, что и для чего онъ дѣлалъ; онъ понималъ, что, обучая ихъ врачебному искусству въ „военной“ медицинскою академіи, онъ создаетъ очень серьезную боевую силу... Объ этомъ не мѣшаетъ крѣпко подумать тѣмъ, кто уничтожаетъ уже сдѣланное. Мы уже не говоримъ о томъ, насколько всякой женщинѣ и дѣвушкѣ *удобнѣе* обращаться къ женщинѣ-врачу, чѣмъ къ мужчине; мы не понимаемъ даже, почему, имѣя врачей-женщинъ, наши институты и другія женскія учебныя заведенія продолжаютъ пользоваться врачебною помощью медиковъ-мужчинъ. Вотъ эти-то пропуски мы и хотѣли указать въ статьѣ г-жи Ш., написанной, впрочемъ, весьма дѣльно и основательно въ защиту существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Сѣверный Вѣстникъ, январь. Первое мѣсто въ этой книжкѣ занимаетъ трагедія *Переяславская ночь*, написанная на „южно-русскомъ языкѣ“ (какъ значитъ въ заголовкѣ) Н. И. Костомаровымъ въ 1840 г. и „переведенная“ Александромъ Корсуновымъ. Мы полагаемъ, что правильнѣе и опредѣленнѣе было бы сказать: на малорусскомъ нарѣчій; но это, впрочемъ, не важно и догадаться не трудно, какое именно нарѣчье должно разумѣть подъ названіемъ „южно-русскаго языка“. Въ примѣчаніи редакція объясняетъ, что „трагедія эта — юношеское произведеніе нашего знаменитаго историка“. Судя по году (1840), коимъ помѣчена эта трагедія въ заголовкѣ, тоже не особенно мудрено сообразить, что это — „юношеское произведеніе“ Н. И. Костомарова. Объ этомъ можно было и не заявлять особо, да и по содержанію самой трагедіи, безъ обозначенія года ея написанія и безъ ука-

занія на возрастъ автора, понятно, что человекъ, вышедшій изъ юношескихъ лѣтъ, особливо же такой талантливый человекъ, какъ Костомаровъ, не могъ написать такой „трагедіи“. Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Переяславлѣ, наканунѣ праздника Воскресенія Христова, въ 1649 году, т. е. въ разгаръ борьбы гетмана Богдана Хмельницкаго съ поляками. Въ борьбѣ этой перевѣсъ уже склонился на сторону русскихъ украинцевъ, сломившихъ силу Іереміи Вишневецкаго. Переяславль еще находится въ рукахъ поляковъ. Великій праздникъ не въ радость угнетенному православному народу: право отправлять божественную службу приходится выкупать у жидовъ, держащихъ на откупъ православные храмы. Въ складчину собранныя деньги не удовлетворяютъ жида Абрама. Онъ врывается въ церковь во время богослуженія и требуетъ дополнительной платы за право выставить плащаницу, а получивши отказъ, отнимаетъ священное изображеніе и топчетъ ногами. Народъ страшно возбужденъ, готовъ за насиліе отплатить насиліемъ, отомстить за поруганную святыню и за свои личныя страданія. Священникъ Аванасій старается успокоить толпу, уговариваетъ ее безропотно сносить оскорбленія, униженія и позоръ рабства. „Прохожій“, оказывающійся потомъ козацкимъ атаманомъ Лысенкомъ, напротивъ, употребляетъ всѣ силы возбудить народъ къ поголовному возстанію и избіенію поляковъ и жидовъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ, не пада ни возраста, ни пола. Лысенко мститъ за родину и вѣру, стремится ихъ освободить и отплатить полякамъ за тѣ мученія, которыя онъ лично потерпѣлъ, полавшись въ плѣнъ Вишневецкому, отплатить за позоръ сестры своей Марины, которую похитилъ переяславскій староста и держитъ въ замкѣ. Народъ не слушаетъ проповѣди священника о покорности и уходитъ съ тѣмъ, чтобы при первомъ благовѣстѣ къ заутренѣ врасплохъ напасть на своихъ мучителей. Въ это время приходитъ Марина и говоритъ брату, что къ поляку она ушла доброю волей потому, что любить его и не хочетъ быть женою Семена Герцика, избраннаго ей въ женихи братомъ. Лысенко упрекаетъ сестру въ измѣнѣ своимъ, заподозриваетъ ее въ томъ, что она способна донести полякамъ о готовящемся возстаніи. „Нѣтъ!“—воскликаетъ Марина,—

Я русская—и этого не будетъ,—
 Не стану я спасать отъ смерти ляховъ;
 Не выдамъ я святаго мщеня братьевъ...
 ...Охъ, братъ! во мнѣ, вѣдь, русская душа,
 И наше горе русское терзаетъ
 На части сердце мнѣ. Ты будь спокоенъ!
 Не измѣню,—не только васъ не выдамъ,—
 Но милаго.—кого люблю, какъ душу,
 Какъ Божій свѣтъ, какъ брата моего,—
 Я не спасу!

Она обѣщаетъ заманить своего возлюбленнаго и выдать его Лысенку,—

И вмѣстѣ съ нимъ, обнявшись крѣпко, крѣпко,
 Умру подъ саблей брата...

Марина исполняетъ обѣщанное и приводитъ старосту. На его пламенные рѣчи о любви она отвѣчаетъ:

Меня ты любишь! Я люблю тебя!
 Но ты—полякъ, я—русская, Францишекъ! и т. д.

Въ заключеніе длиннаго объясненія Марина выхватываетъ у поляка саблю и выдаетъ ее въ рѣку. Вбѣгаютъ толпы возставшаго народа

нодь предводительствомъ Лысенка. Священникъ продолжаетъ уговаривать прекратить кровопролитіе, грозя Божьямъ гнѣвомъ непокорнымъ. Въ концѣ-концовъ, его увѣщанія убѣждаютъ и самого Лысенку; онъ приказываетъ остановить рѣзню и отпустить старосту. Марина прощается съ своимъ милымъ, цѣлуетъ его и объявляетъ, что идетъ въ монастырь. Староста выхватываетъ саблю у ближайшаго козака и бросается на Лысенку. Они бьются и смертельно ранятъ другъ друга. Оба падаютъ и, лежа, просятъ другъ у друга прощенья, протягиваютъ другъ другу руки и умираютъ. Священникъ говоритъ нѣчто вродѣ „прочувствованнаго надгробнаго слова“ и зоветъ народъ „славить Бога“ за освобожденіе... забывши, вѣроятно, что самъ онъ все время изъ силъ выбивался, убѣждая народъ не сопротивляться злу, не возставать противъ угнетателей и мучителей. Всѣ славятъ Бога...

Все это ходульно, неестественно, фразисто... крайне, крайне незрѣло. Печатаніе юношескихъ произведеній извѣстныхъ писателей можетъ быть допускаемо въ изданіяхъ „полныхъ собраній“ ихъ сочиненій, да и то съ извѣстнымъ выборомъ. Мы не думаемъ, чтобы для „памяти“ автора и для оцѣнки его литературнаго значенія было необходимо собирать и пропечатывать всѣ его „юношескіе грѣшки“, какъ обыкновенно называютъ разныя стихотворныя, по преимуществу, произведенія едва просыпающихся дарованій. И въ „полномъ собраніи“ они умѣстны только на томъ именно языкѣ, на которомъ они написаны; въ переводѣ же они теряютъ всякій смыслъ, а взятые въ отдѣльности, внѣ связи съ дальнѣйшею дѣятельностью писателя, вызываютъ одно недоумѣніе. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, нужно знать массѣ русскихъ читателей, изъ которыхъ добрая половина только слыхала о Костомаровѣ и ничего не читала или читала очень немногое изъ его произведеній, — для чего этой массѣ знать, что нашъ „извѣстный историкъ“ въ юности своей „согрѣшилъ“, написавши никуда негодную трагедію? Еще какое-нибудь объясненіе можно было бы дать опубликовавію этой трагедіи, если бы Костомаровъ продолжалъ писать въ этомъ же родѣ, подобно Виктору Гюго, и славу приобрѣлъ себѣ трагедіями. Тогда можно было бы сказать: вотъ какъ плохо начиналъ великій драматургъ и вотъ черезъ сколько времени послѣ дѣтскаго маранья бумаги онъ написалъ замѣчательное, прославившее его произведеніе. Такое объясненіе относительно Костомарова не можетъ имѣть мѣста, а потому неумѣстно и вытаскиваніе изъ стараго хлама того, что онъ когда-то плохо написалъ; мало ли что еще можетъ найтись въ его забытыхъ бумагахъ и навѣрное найдется, — и „пѣсни, и „думы“, и баллады... отрывки „поэмы“, быть можетъ, написанные между классомъ геометріи и латинскаго языка... такъ неужели насъ ожидаетъ напасть прочитывать все это „въ переводѣ“, потому только, что авторъ забылъ уничтожить свои „юношескіе грѣхи“ или что ему просто жаль было сжечь воспоминанія о своей юности?

Въ одной книжкѣ съ этимъ „юношескимъ произведеніемъ“ Костомарова напечатано продолженіе романа старѣйшей изъ русскихъ романистокъ, пишущей подъ псевдонимомъ В. Крестовскій. Романъ этотъ называется *Обязанности*. Его первая двѣ главы были помѣщены въ сенгябрской кн. *Свѣ. Вѣстника*; затѣмъ наступилъ перерывъ, объясненный редакціей журнала болѣзнью автора; теперь, въ январской книжкѣ, напечатаны еще три главы, изъ чего мы можемъ заключить, что, къ радости нашей, здоровье уважаемой писательницы поправилось.

О романѣ же мы, все-таки, ничего сказать не можемъ, такъ какъ имѣемъ передъ собою всего два небольшихъ отрывка: 2¹/₂ листа въ № 1 прошедшаго года и 1¹/₄ листъ въ № 1 нынѣшняго года. Повидимому, дѣло идетъ о томъ, что *обязанности* добраго и честнаго, но слабохарактернаго сына по отношенію къ негодяю родителю загубили лучшіе годы жизни молодаго человѣка; *обязанности* по отношенію къ женѣ, на которой сыновнія *обязанности* заставили его жениться, несмотря на большую разницу лѣтъ, отравили его зрѣлымъ возрастомъ; а *обязанности* по отношенію къ дочери имѣютъ наполнить горечью старческіе его годы. Въ послѣднемъ предположеніи мы высказываемъ, впрочемъ, лишь свои догадки, основанныя на первыхъ двухъ главахъ романа, въ которыхъ рассказано, какъ неожиданный пріѣздъ дочери нарушилъ мирный покой старика въ его деревенскомъ затишьи. Полный отчетъ о романѣ мы дадимъ по его окончаніи; а пока отмѣтимъ лишь фактъ, представляющій собою, на нашъ взглядъ, довольно характерный признакъ нашего времени. Въ № 3 журнала (1885 г.) напечатано слѣдующее письмо къ редактору В. Крестовскаго (псевдонимъ): „М. Г. Анна Михайловна! Къ моему величайшему сожалѣнію, болѣзнь лишила меня возможности своевременно окончить повѣсть *Обязанности*, начатую печатаніемъ въ вашемъ уважаемомъ журналѣ. Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени мнѣ удастся исправить эту невольную мою неаккуратность“. Въ былые, лучшіе годы русской литературы перерывъ въ печатаніи начатой повѣсти и заявленіе автора, что „начатая печатаніемъ повѣсть еще не окончена“, были бы немислимы. Въ тѣ *лучшіе* годы сознаніе авторами и редакторами своихъ *обязанностей* передъ публикою и ихъ уваженіе къ печатному слову не допустили бы ихъ выпустить въ свѣтъ „начало“ повѣсти, не зная ея продолженія и конца. Тогда авторы писали и дописывали свои произведенія, дописавши ихъ, исправляли, переписывали и отдѣлывали, и сдавали въ печать лишь совершенно законченными и готовыми. Не то теперь. Едва начатая вещь, вѣрнѣе, только задуманная, изъ которой „набросано“ на бумагу всего двѣ главы, сдается въ редакцію и печатается въ журналѣ, безъ думы и сомнѣній о томъ, что же изъ этого выйдетъ. Въ большинствѣ случаевъ, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, выходитъ очень нехорошо и всегда выходитъ не додѣлано, не обработано съ тою тщательностью, съ какою это дѣлалось въ лучшіе годы, по завѣту Гоголя. Авторъ, какъ бы онъ талантливъ ни былъ, какъ бы онъ глубоко ни продумалъ свой сюжетъ, рѣдко можетъ съ увѣренностью сказать, что онъ проведетъ его именно такъ, какъ первоначально задумалъ, и никогда не поручится за то, что доведетъ свою повѣсть до конца и непременно къ такому-то сроку. Если онъ это скажетъ и если онъ это исполнитъ, то онъ поступитъ какъ хорошій и добросовѣстный ремесленникъ, точно исполняющій заказы. Редакція журнала, имѣющая въ рукахъ начало романа и знающая только въ общихъ чертахъ дальнѣйшее его развитіе и конецъ, давая читателямъ начало, не можетъ поручиться за то, что на самомъ дѣлѣ „продолженіе слѣдуетъ“; въ этомъ она сама не увѣрена и сама не знаетъ, послѣдуетъ ли продолженіе, не окажется ли конецъ въ явномъ противорѣчій съ убѣжденіями редакціи и съ направленіемъ журнала и „можно ли“ будетъ его напечатать. Говоря все это, мы отнюдь не имѣемъ въ виду поставить въ вину редакціи *Свѣтнаго Вѣстника* печатаніе неоконченныхъ повѣстей и не желали бы, чтобы нашимъ словамъ было

дано невѣрное толкованіе. Мы хорошо помним „казусъ“, происшедшій съ *Русскимъ Вѣстникомъ* при печатаніи *Анны Карениной*; еще вѣрнѣе встались у насъ на памяти „казусы“, происшедшіе съ нами самими, вслѣдствіе такой же съ нашей стороны неосторожности... Мы знаемъ, что ни одна редакція въ настоящее время не застрахована отъ возможности повторенія подобныхъ „казусовъ“, по причинамъ, всякой редакціи хорошо извѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе, горькій упрекъ нами высказанъ и относится онъ къ нашимъ писателямъ, спѣшащимъ, точно въ запуски, вперегонки, печатать свои произведенія прямо *изъ-подъ пера*, начала романовъ безъ продолженій, повѣсти безъ концовъ, мелкіе рассказы и очерки... безъ начала и безъ конца, а иногда даже безъ середины, какъ, напр., *Городъ Мертвыхъ* г. Макс. Бѣлинскаго въ *Вѣстникъ Европы*.

Окончивши въ декабрьской книжѣ печатаніе „эоіопскаго“ романа г. Рускина, *Стеврный Вѣстникъ* начинаетъ въ январской „романъ изъ германской жизни“ Руслана: *На туманномъ степерь*. Особа, оградившая себя псевдонимомъ „Русланъ“, съ большимъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности могла выбрать для своего псевдонима имя „Людмилы“; но съ легкой руки Жоржъ-Зандъ повелось, что дамы-писательницы предпочитаютъ носить мужскія литературныя имена: В. Крестовскій, Весеньевъ, Северинъ, Лѣтневъ и т. д. Наша соотечественница, выбравшая себѣ поэтически-сказочно-оперное имя, писала до сихъ поръ только по-французски и печатала свои произведенія въ *Revue des Deux Mondes*, кажется, въ *Nouvelle Revue* и еще гдѣ-то. Тамъ ея повѣсти обратили на себя нѣкоторое вниманіе потому, главнымъ образомъ, что въ нихъ изображалась русская жизнь, начавшая сильно интересоваться французовъ въ послѣднее время. Изображенія русской жизни г-жею Русланъ не отличаются большою вѣрностью, какъ, напр., въ повѣсти *Le juif de Sophieska*, но на французскомъ литературномъ базарѣ и то сходитъ за истину; тамъ встрѣчаются русскія героини съ именами: Ванда Прасковна, la belle Ивановна—дочь князя Павла, Ѳедора—графиня изъ самыхъ знатныхъ; тамъ въ одномъ романѣ очень серьезно и обстоятельно разсказывается, что *Базаровъ*—„знаменитый докторъ медицины, и авторъ рѣзкаго политическаго пафлета *Отцы и дѣти*“... Повѣсти Руслана, *d'une dame russe*, владѣтельница *des immences terres noires, d'une grande baronnie*, не могли, разумѣется, не заинтересовать французовъ, жадныхъ до всякой новинки. Но для насъ, русскихъ, читавшихъ и читающихъ въ подлинникахъ и переводахъ множество нѣмецкихъ романовъ, описаніе великосвѣтской жизни въ Германіи ничего новаго не представляетъ и возбуждаетъ очень умѣренный интересъ, тѣмъ болѣе, что сама интимная великосвѣтская жизнь германскихъ графинь, князей и баронессъ мало разнится отъ интимной жизни людей соотвѣтствующаго круга въ Россіи. Что касается романа собственно, изображенія характеровъ и развитія драмы въ романѣ Руслана, то о нихъ говорить еще преждевременно, такъ какъ романъ едва только началъ; теперь можно сказать лишь одно, что пока онъ довольно скученъ, красотой слога не блещетъ и производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто писанъ онъ не по-русски, а переведенъ съ французскаго. Для доказательства мы приведемъ небольшую выписку (стр. 109): „Эта привязанность, почтительная, но упорная, и вѣчно на сторожѣ, тяготила ее; она рада была отъ нея освободиться, не сознавая даже своей неблагодарности. Но этому капризу, поглощавшему ее—суждено было недолго длиться. Лу-

иджини, однажды сдѣлавъ ей пламенное признаніе въ любви, и потребовалъ, чтобы она удовлетворила его страсть. Возмущенная наглостью этого человѣка, котораго она принимала за генія, она уничтожила его своимъ презрѣніемъ и больше не видала его... Все это — сплошь по-русски, начиная съ знаковь препинанія, разставленныхъ, впрочемъ, „ни по-каковски“. Въ переводѣ на французскій языкъ это выходитъ довольно гладко, мѣстоименія не путаютъ смысла и „требованіе“ Луиджини не рѣжетъ уха; по-русски же выходитъ... совсѣмъ не хорошо.

Рассказъ И. Полоцкаго: *Аграфена Калачева* написанъ очень недурно и выводитъ передъ читателемъ совершенно новую фигуру героини, кажется, еще ни разу не затронутую нашими беллетристами. Редакторъ одной столичной газеты, отъ имени котораго ведется рассказъ, пріѣхалъ въ убогій городъ ликвидировать маленькое наслѣдство, доставшееся ему отъ тетки. Въ домкѣ умершей старушки квартируетъ мѣщанинъ Калачевъ, мелкій торговецъ, человѣкъ стараго закала. Дочь свою, Аграфену, онъ, однако же, училъ; три года она въ школу ходила; старикъ „думалъ—помога будетъ, записать что по его торговому дѣлу“, а „она съ толку сбилась“, стала книжки, „Вѣдомости“ читать, потомъ и сама писать принялась. Сначала старикъ Калачевъ посмотрѣлъ было довольно снисходительно на писанье дочери, рассчитывая на полученія „ганарара что ли тамъ, аль просто жалованья, по-мужицки“. Онъ даже самъ сдалъ на почту письмо, въ которомъ Аграфена „описала, какъ у чиновника калоши украли“. Никакого отвѣта изъ редакціи не получилось, — „даромъ деньги потратилъ“. Тогда Калачевъ запретилъ „дѣвкѣ сочинять“. Аграфена не послушалась. Приискалъ отецъ ей и жениха хорошаго, замужъ хотѣлъ отдать, — „не идетъ. Совсѣмъ сбилась съ толку“... „Ужъ сколько разъ я ее билъ, — рассказываетъ старикъ, — даже у самого потомъ душа надрывается“. Калачевъ проситъ автора зайти къ нему, посмотрѣть на Аграфену, — „годится, не годится, самъ бы ей и сказалъ; она тебя послушаетъ“. Аграфена и сама обратилась съ такою же просьбой къ „господину редактору“ и принесла ему для прочтенія рукопись повѣсти, озаглавленной *Испорченная жизнь*. „Мнѣ жалъ было отъ души обѣдную Аграфену, — говоритъ авторъ. — Въ ея сантиментальныхъ и безграмотныхъ сочиненіяхъ видна была честная, отнюдь не вульгарная душа, но въ нихъ не было даже проблеска литературнаго дарованія“. Рассказчикъ прямо объявилъ Аграфенѣ, что повѣсть ея не годится и что изъ ея писанья ничего не выйдетъ, такъ какъ у нея нѣтъ таланта.

— Боже мой, Боже мой, что же я теперь буду дѣлать? — прошептала она въ отчаяніи.

Редакторъ совѣтуетъ бросить литературныя затѣи и выйти замужъ за порядочнаго человѣка.

— Не ожидала я отъ васъ этого, г. редакторъ! — говоритъ дѣвушка. — И почему я такъ должна быть увѣрена, что вы правы? Можетъ быть, по вашему мнѣнію, я безъ таланта, а на самомъ дѣлѣ онъ у меня есть... „Я хочу быть полезнымъ человѣкомъ, а не жить, какъ тварь!“

— Вы можете быть полезны для семьи, для родителей...

— Нѣтъ, мнѣ душно съ ними, я не могу, не могу!...

Редакторъ утѣшаетъ ее возможностью быть полезною обществу, сдѣлавшись учительницею. Когда авторъ заговорилъ объ этомъ съ старикомъ Калачевымъ, тотъ сразу осадилъ его: „Нѣтъ, ужъ лучше

своими рука задушу, чѣмъ пушу шлаться“. Дочь онъ поколотилъ. На другой день Аграфена принесла редактору новую повѣсть, въ которой рассказывалась „собственная ея исторія, сентиментально разукрашенная“. Повѣсть оказалась никуда негодною, какъ и первая. Аграфена хочетъ убѣжать отъ отца, учиться, „быть полезною“ во что бы то ни стало; она съ рыданіями на колѣнахъ молитъ завѣзлаго литератора взять ее съ собою.

— Возьмите меня, спасите меня. Я буду вашей рабой, вашей служанкой, всёмъ, всёмъ. только спасите.

— Невозможно, Аграфена Васильевна.

— Вы жестоки!... Вамъ хорошо проповѣдывать, а вотъ спасти человѣка—этого не желаете!...

Аграфена, все-таки, попыталась было убѣжать. Отецъ въ-время замѣтилъ, воротилъ ее съ вокзала и „поучилъ маленько, да, должно быть, нутро попортилъ“, ненарокомъ, какъ онъ объясняетъ въ письмѣ къ редактору, которому обѣщаетъ выслать новое „сочиненіе“ Груни, когда она его кончитъ. Рукописи не получено. Вѣроятно, несчастная Аграфена умерла, не кончивши ее.

Разсказъ написанъ просто, не безъ нѣкоторыхъ промаховъ, указывающихъ на неопытность автора. Но въ немъ есть проблески живаго, искренняго чувства,—того именно, чего не хватало бѣдной Грунѣ. Если авторъ молодой человѣкъ, то въ немъ несомнѣнно есть хорошіе задатки для литературной дѣятельности. Его имя встрѣчается намъ въ первый разъ въ печати, и мы очень рады, что можемъ привѣтствовать его добрымъ словомъ. Статья Г. И. Успенскаго: *Мечтанія о отрудовой жизни* не кончена и по напечатанному отрывочку въ девять страницъ (три стр. заняты „примѣчаніемъ“ съ выпискою изъ *Русскихъ Вѣдомостей*) нельзя судить о томъ, къ какимъ выводамъ придетъ авторъ. Въ напечатанной части статьи г. Успенскій изображаетъ картину быстро разрастающагося пролетаріата, живущаго отчасти „насчетъ разныхъ бюджетовъ“, отчасти влачащаго жалкое существованіе гдѣ попало, какъ попало, вокругъ увеселительныхъ заведеній, трактирныхъ хоровъ, увеселительныхъ садовъ, театровъ... цирковъ и т. под. „Въ прежнее время,—говоритъ авторъ,—браки въ разночинномъ кругу, вопреки увѣреніямъ, были вовсе не такъ многочисленны, какъ теперь. Масса дворянскихъ, чиновничьихъ, купеческихъ и поповскихъ *братцевъ*,—такъ и вѣкъ вѣковали холостяками при родственныхъ семьяхъ“... „Огромное количество такихъ *братцевъ*, сестрицъ, родственниковъ умирало безпотомственно, инстинктивно чувствуя невозможность заводить *свою семью*, такъ какъ для этого нѣтъ ни матеріальныхъ средствъ, ни нравственной смѣлости. Кто не помнитъ этихъ таинственныхъ личностей, жившихъ въ дворянскихъ, купеческихъ и поповскихъ домахъ гдѣ-нибудь въ углу и занимавшихся Богъ вѣсть чѣмъ?“ Не дерзалъ жениться и „Иванъ Ермолаевъ“, жившій въ прикащикахъ за грошовое жалованье у купца „Семипалова“; на уворованныя хозяйскія деньги „онъ могъ поддерживать существованіе солдатки Аксиньи, жившей въ слободѣ и торговавшей солеными огурцами“. Но вотъ, „появилось несмѣтное множество совершенно новыхъ источниковъ жизни“,—всевозможныхъ бюджетовъ, масса небывалыхъ должностей. „А такъ какъ *человѣкъ на жалованьи* дѣйствительно множится“, то и пошли жениться и плодиться, „и отовсюду слышится: „мало! мало!“ и растутъ все новыя и новыя должности и жалованья“... „Вотъ, на примѣръ,—говоритъ г. Успенскій,—въ одномъ

городѣ увеличили штатъ полиціи 20 новыми городовыми“. „Пролетаріатъ, который былъ причиною этого увеличенія штата полиціи, сразу *убавился* на 20 чел., ставшихъ городовыми“; но эти городовые, обезпечившись жалованьемъ, женились, народили дѣтей, „и, благодаря 20 новымъ окладамъ, образовалось уже 160 ртовъ“.— „Это черезъ пять лѣтъ. А черезъ 10 лѣтъ на жалованье 20 человекъ, живутъ уже 300 ртовъ, ибо городовыхъ не дремлютъ, да и свояченицы тоже иногда бывають беременны—потому „пить-ѣсть надо“...

Для насъ, признаемся, не совсѣмъ ясна мысль автора. Родятъ „городовыхъ“ потому, что онѣ замужемъ и мужа ихъ на жалованьи; но родятъ и „свояченицы“, хотя онѣ не замужемъ, а потому, что „пить-ѣсть надо“. Стало быть, если бы „городовыхъ“ не были городовыхъ и, то онѣ, все-таки, по мѣрѣ силъ способствовали бы приращенію народонаселенія, такъ какъ и имъ, безъ мужей, тоже „пить-ѣсть надо“. Если у прикащика „Ивана Ермолаева“ нѣтъ жены, а живе ть въ слободѣ „кума Аксинья“, то, вѣдь, и „кума“ можетъ родить не хуже законной жены. Если въ старые годы „дворянскіе, чиновничьи, купеческіе и поповскіе братцы, сестрицы и родственники“ жили на чужихъ хлѣбахъ и не женились, то едва ли ихъ невольное безбрачіе могло въ значительной мѣрѣ задерживать приростъ населенія „въ слободахъ“, городахъ и деревняхъ. Мысль г. Успенскаго, что приростъ населенія вызываетъ увеличеніе числа лицъ, живущихъ „на жалованьи“, совершенно вѣрна: на большее число обывателей требуется большее число городовыхъ, околоточныхъ, и большее число врачей, фельдшеровъ, акушерокъ, учителей, сторожей при больницахъ и шеолахъ и т. д. Потребность въ увеличеніи числа должностныхъ лицъ вызываетъ естественно возрастаніе *бюджетовъ*. Съ приростомъ населенія на данномъ пространствѣ земли возрастаетъ и сумма единичныхъ и масса общественныхъ потребностей, которыя необходимо удовлетворить, извлекая для того средства изъ того же неизмѣннаго и не возрастающаго пространства земли. Допустивши, что „двадцать пролетаріевъ“, — взятыхъ г. Успенскимъ для примѣра, — не сдѣлались бы городовыми и не возвели бы „законнымъ бракомъ“ двадцати дѣвицъ въ санъ „городовыхъ“, — эти двадцать дѣвицъ остались бы на положеніи „свояченицъ“, которымъ надо „пить-ѣсть“; допустимъ, что приростъ населенія пошелъ бы, при такомъ положеніи дѣлъ, медленно, чѣмъ при житьѣ „пролетаріевъ“ на жалованьи; но уже ни въ какомъ случаѣ нельзя предположить, что населеніе перестало бы совсѣмъ прибывать. И въ концѣ-концовъ, „на жалованьи“ или безъ жалованья, а отъ тѣхъ же двадцати паръ „пролетаріевъ“ заявилось бы на свѣтѣ „триста ртовъ“, требующихъ прокормленія такъ или иначе. Примѣненіе закона Мальтуса на практикѣ и въ широкихъ размѣрахъ встрѣчаеь до сихъ поръ непреодолимыя препятствія, и съ этимъ „ничего не подѣлаешь“. „Народъ“, — какъ вѣрно замѣчаетъ г. Успенскій, — ищетъ выхода изъ такого положенія и своимъ *этическимъ* великимъ смысломъ видитъ ихъ два: съ одной стороны, въ уходѣ на просторъ во что бы ни стало, съ тяжкими утратами, лишь бы уйти *отъ тѣни*; съ другой—въ упорядоченіи „своихъ личныхъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній“ путемъ нравственнаго подъема, въ стремленіи „куда-то къ свѣту, къ правдѣ, къ благообразію жизни“... „И наше интеллигентное сердце, — говоритъ г. Успенскій, — когда-то сильно рвануло

насъ впередъ, по бездорожью, отъ зла и грѣха, но ровно ничего не вышло! Этотъ ужасный опытъ камнемъ давитъ насъ всѣхъ, помнящихъ инныя времена, и умерщвляетъ малѣйшую охоту тревожить бесплодно-исковерканное сердце вопросами и началами, изъ которыхъ, мы уже знаемъ, какъ жестоко *ничего не вышло!*...“ Правда, не вышло; но не вышло не отъ того, что *не могло ничего выдти*, а отъ того, что никогда ничего не выходитъ для тѣхъ, кто опускаетъ голову и руки въ уныніи отъ первой неудачи, отъ затруднительности идти „по бездорожью“. *Народъ* не ностъ отъ боли въ „бесплодно-исковерканномъ сердцѣ“, онъ „по бездорожью“, ни на что не глядя, протаптываетъ себѣ тропы туда, гдѣ, по его мнѣнію, больше простора плодиться, жить „по-божьи“ и гдѣ меньше *грѣха*. „Народъ“ идетъ на просторъ, а „наши интеллигентныя сердца“ боятся простора; они тянутъ насъ, „дворянскихъ, чиновничьихъ, купеческихъ и поповскихъ братцевъ, сестрицъ и родственниковъ“, изъ простора въ тѣсноту, отъ трудовой жизни „на жалованье“, на мѣста, хотя бы въ увеселительныхъ заведеніяхъ и циркахъ, туда, гдѣ не особенно сытно, быть можетъ, да за то пьяно и... скверно. Мужикъ идетъ на китайскую и на турецкую границу, или ищетъ нравственнаго просвѣтленія—какъ жить „по-божески“; интеллигентные „братцы и сестрицы“ тянутся къ центрамъ, гдѣ идетъ бойкая торговля совѣстью и тѣломъ, или водворяются *на мѣста* на мѣстѣ, гдѣ можно дрыгнуть и душой, и тѣломъ!... Эта дряблая интеллигенція, раскисшая отъ неудачнаго „опыта“, который давитъ ее камнемъ“, оказалась безсильною вести народъ, а теперь у нея не хватаетъ уже силы и на то, чтобы идти за народомъ „на просторъ“ и „къ свѣту, къ правдѣ, къ благообразію жизни“...

Въ заключеніе своей статьи г. Успенскій яркими красками очерчиваетъ жалкое положеніе голодающихъ актеровъ, „*мучающихся*“ буквально изъ-за куска хлѣба молодыхъ людей обоого пола, кончившихъ высшее музыкальное образованіе“... „Это все люди, желающіе жить, работая, трудясь; люди, которые добываютъ хлѣбъ трудомъ, горбomъ, горькими слезами. Нѣтъ поэтому несчастіе этихъ несчастныхъ душъ: извольте прыгать на канатъ, зная, что на свѣтѣ есть Тургеневъ, есть Некрасовъ и т. д. Все это вложено въ душу *русой головки*, кувыркающейся на канатѣ съ раннихъ дней дѣтства... Или извольте-ка защищать пьянаго еунца, чтобы кормить старушку-мать, потому что иначе нѣтъ возможности существовать. *Нечѣмъ существовать*, — не правда ли, какъ удивительно безобразны эти слова?“—По истинѣ, „удивительно безобразны“, — тѣмъ болѣе *удивительно* и тѣмъ болѣе *безобразны*, что они раздаются въ Россіи, куда толпами являются иностранцы жить и наживаться, „существовать“ и богатѣть, и живутъ, и богатѣютъ; а у насъ все изъ рукъ валится, „ничего не выходитъ“, *русскія головки* знаютъ Тургенева и Некрасова и съ голоду на канатѣ кувыркаются, молодые люди обоого пола не находятъ примѣненія своимъ музыкальнымъ способностямъ, развитымъ высшимъ музыкальнымъ образованіемъ, актеры бродячихъ труппъ умираютъ съ голоду... А райскія палестины Кавказа лежатъ впускъ и ждутъ колонистовъ... изъ-за границы. Удивительно безобразныя слова: „нечѣмъ существовать!“

Статья Н. Селиванова: *Мировой судъ* не кончена, почему отчетъ о ней мы отлагаемъ до слѣдующей книги, равно какъ и о некон-

ченной же статьѣ Я. Абрамова *Хизаны*, или вѣчно-наслѣдственные арендаторы-крестьяне въ Грузіи.

На этотъ разъ „Областной отдѣлъ“ журнала составленъ много интереснѣе, чѣмъ въ предшествовавшихъ книжкахъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья А. С. Личкова: *Семейныя раздѣлы*. Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: семейные раздѣлы далеко не такъ вредны, какъ объ этомъ говорится въ извѣстной части общества и печати; „мизерный вредъ“ раздѣловъ съ избыткомъ выкупается приносимою ими пользою. „Причины раздѣловъ не уничтожимы“, а, слѣдовательно, не уничтожимы и раздѣлы. Стѣсненіе раздѣловъ или запрещеніе ихъ закономъ принесетъ огромный вредъ. Свои выводы авторъ основываетъ на статистическихъ данныхъ, на непосредственномъ наблюденіи крестьянской жизни и на массѣ чрезвычайно любопытныхъ „афоризмовъ“ самихъ крестьянъ о раздѣлахъ. Въ томъ же „отдѣлѣ“ помѣщена дѣльная статья Ф. Щербина: *Общественный бытъ и землевладеніе у кавказскихъ горцевъ*.

Русскій Вѣстникъ, январь. Форма повѣствованія отъ перваго лица, самая легкая для автора, представляетъ очень немалыя неудобства. Во-первыхъ, повѣствованіе почти всегда выходитъ монотоннымъ, а, стало быть, и скучнымъ; во-вторыхъ, автору приходится часто прибѣгать къ различнымъ натяжкамъ, — то дѣлать видъ, что онъ не понимаетъ того, что вполне ясно для читателя, и, слѣдовательно, разыгрывать смѣшную роль наивнаго простака, глупую роль, то насильно притягивать на выручку разныя случайности, не стѣняясь ихъ неправдоподобіемъ, для уясненія того, что въ обыденной жизни остается обыкновенно неизвѣстнымъ тому лицу, отъ имени котораго ведется рассказъ. Тутъ пускаются въ ходъ и подслушыванья, и подсматриванья, и прочтенія чужихъ писемъ, и невѣроятныя откровенности, центромъ которыхъ для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ оказывается рассказчикъ. Въ небольшихъ „рассказахъ“ можно, конечно, избѣжать такихъ неблагоприятностей и несодѣянностей, но чѣмъ повѣсть длиннѣе, тѣмъ сложнѣе ея фабула, тѣмъ это становится труднѣе и въ болѣе обширнѣе случаевъ становится невозможнымъ. Всѣ указанныя нами слабыя стороны повѣствованій отъ перваго лица бросаются въ глаза съ самаго начала повѣсти г. Орловскаго: *Дядюшка Михаилъ Петровичъ. Изъ записной книжки Сергія Васильевича Градищева*. Повѣсть написана въ формѣ дневника, который ведетъ молодой человекъ Градищевъ, туристъ, задержавшійся въ Венеціи сначала потому, что залюбовался „мертвою красавицею Адриатики“, а потомъ ради живой красавицы, княжны Козельской. По началу трудно, конечно, судить, въ чемъ тутъ суть дѣла, къ чему ведетъ повѣствованіе авторъ и что изъ этого выйдетъ. Но на насъ это начало произвело такое впечатлѣніе, что мы ожидаемъ повторенія одного изъ романовъ Всев. Крестовскаго. Молодой Градищевъ увлеченъ честными стремленіями приносить пользу обществу, „человѣчеству“, собою пожертвовать ради „всеобщаго блага“. Онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ своего роднаго дяди Михаила Петровича, сосланнаго въ 1849 г. на каторгу по дѣлу Петрашевскаго, возвращеннаго изъ ссылки и уѣхавшаго за границу. Въ Венеціи Сергій Градищевъ подпадаетъ подъ вліяніе русскаго художника-эмигранта Трухина, раздражняющаго пылкаго юношу какимъ-то таинственнымъ, „великимъ дѣломъ“, ради котораго необходимо отказаться отъ

всего, стать „своего рода монахом“, принявши посвященіе въ это „монашество“ въ Женевѣ. Красавица княжна Козельская, полька по матери и ярая польская патриотка, плѣняетъ молодаго человѣка всѣми прелестями очаровательницы и говорить ему пламенные рѣчи о величіи служенія національной идеѣ. Отъ всего этого у Градищева въ головѣ стоитъ настоящій сумбуръ. Что изъ этого выйдетъ, увидимъ и въ свое время передадимъ читателю съ возможною подробностью, тогда же вернемся и къ указанію намѣченныхъ нами выше погрѣшностей повѣсти.

Полубеллетристическій рассказъ А. А. Черкасова: *Изъ записокъ сибирскаго охотника* во многомъ напоминаетъ „сибирскіе очерки“ г. Короленко; только, по нашему мнѣнію, эти послѣдніе написаны много талантливѣе я, въ особенности, сердечнѣе и теплѣе. У г. Черкасова мѣстомъ дѣйствія является опять все та же „тайга“, съ ея неизмѣннымъ „смолистымъ запахомъ“, съ „торжественною тишиной“, съ „просторомъ“, снабженнымъ приличествующимъ прилагательнымъ... Все—какъ быть должно, по давно извѣстому „таежному“ рецепту. Авторъ рассказываетъ, какъ онъ охотился въ тайгѣ съ старымъ сибирскимъ охотникомъ Кудрявцевымъ, и передаетъ слышанное имъ отъ бывалаго охотника и видѣнное имъ самимъ. Эта часть рассказа интереснѣе второй половины, о которой скажемъ ниже. Тутъ есть любопытныя черты нравовъ сибирскихъ медвѣдей, о которыхъ мы, лично, ничего не слыхивали въ доброе старое время нашей охотничьей жизни. Дѣло вотъ въ чемъ: сидя на привалѣ, охотники услышали какіе-то странные звуки, — „ттрррынь, ттрррынь“, — доносившіеся до нихъ изъ горной чащи.

— Это что же такое, дѣдушка? — спросилъ авторъ у своего спутника.

— А это, баринъ, должно быть, медвѣдица гдѣ-нибудь ходитъ съ своими ребятишками; вотъ она и забавляетъ ихъ по своему. Вонъ слышишь, какъ наигрываетъ?

— Слышу, слышу! Ахъ, она, проелятая! Да какъ же и чѣмъ она этакъ натрыкиваетъ?

— Гмъ! чѣмъ? У ней, баринъ, свои струменты понайдены. Вотъ придетъ къ нимъ, да и забавляется на досугѣ. Ей чего? Хозяйства нѣтъ, квашня не перекиснетъ, ну, и дурить. А все же дѣти, она мать, надо и пошалить съ ними.

— Такъ все же я не пойму, чѣмъ она наигрываетъ.

— А видишь, есть въ тайгѣ такія лѣсины, которыя либо громомъ разбило, либо бурей поломало, вотъ на нихъ и останутся на стволѣ росколотыя драощепины; звѣрь-то ихъ отведетъ лапой, да и опуститъ съ маху, ну, онѣ, значить, и дребезжатъ на весь лѣсъ. Иногда утромъ по зарѣ такъ быстро далеко доносить...

— Ну, а самецъ дѣлаетъ этакія шулки?

— Играетъ и онъ; особливо вотъ въ Петровки, когда ищетъ матку и сердится, а то такъ ее забавляетъ...

По рассказу г. Черкасова, медвѣдица забавляла „своихъ ребятишекъ“ еще тѣмъ, что „подходила на самый край горы и лапами спихивала съ нея камни; только что покатыя камни, и медвѣжата, вставъ на дыбки, заглядывали внизъ и слѣдили зъ ихъ паденіемъ“. Этою сценой авторъ долго любовался въ бинокль „и благодарилъ

судьбу, что привелось видѣть то, чего не увидитъ никакой натуралистъ въ кабинетѣ и даже въ искусственныхъ звѣринцахъ“. Это точно, что не увидитъ, такъ какъ въ кабинетахъ и въ медвѣжатникахъ нѣтъ ни каменныхъ горныхъ хребтовъ, ни разбитыхъ грозой елей. Вслѣдъ за медвѣжьей идиллей, авторъ видѣлъ идиллю утиную. Утка-крохала переносила въ клювъ дѣтенышей изъ гнѣзда на воду; переносила она ихъ по одиночкѣ и, чтобы они не расплозились куда-нибудь, пока она улетаетъ за слѣдующимъ птенчикомъ, крохала зарывала принесенныхъ по шейку въ песокъ. Перетаскавши всѣхъ, она ихъ отрыла, страхнула съ нихъ песокъ и свела въ воду. Но не однѣ картины семейнаго счастья животныхъ видѣлъ авторъ въ тайгѣ, гдѣ нѣтъ ни жилья, ни дорогъ, а лишь гнѣзда и логовища, и тропы звѣриныя. На одной такой тропѣ охотники наткнулись на двухъ бѣжавшихъ каторжниковъ, умершихъ съ голода... Вторая часть разсказа, имѣющая подзаголовокъ *Разбойникъ*, какъ мы сказали, еще менѣе интересна. Она какъ бы спита изъ обрывковъ разсказовъ объ охотѣ на медвѣдей, о поимѣ одного отчаяннаго бродяги, наводившаго ужасъ на цѣлый край, и о каторжникахъ, превратившихся въ мирныхъ поселенцевъ и добрыхъ ямщиковъ. Все это отзывается чѣмъ-то знакомымъ, читаннымъ и даже немного дѣланымъ.

Романомъ г. Орловскаго и разсказомъ г. Черкасова ограничивается беллетристика первой книжки журнала. Политиѣ посвящены двѣ статьи: *Греко-бомарская распря* Р. Вителова и *Органическій статутъ Восточной Румелии, его основныя начала и практика* П. А. Матвѣева. В. В. Крестовскій продолжаетъ свое описание кругосвѣтнаго плаванія, озаглавленное: *Въ дальнихъ водахъ и странахъ*. В. Я. Фуксъ продолжаетъ свои враждебныя экспедиціи въ область существующаго суда, созданнаго „Уставами Императора Александра II“. Статья озаглавлена: *Смдователи, обвинители и защитники*. Само собою разумѣется, авторъ находитъ всѣ три учрежденія никуда негодными, какъ и всю судебную реформу 1864 года. По мнѣнію г. Фукуса, всѣ наши судебныя установленія *не государственныя суды*, что „предоставленіе непомерной самостоятельности рѣшеніямъ присяжныхъ почти упразднило активную роль государственнаго суда въ примѣненіи къ наиболее важнымъ уголовнымъ дѣламъ“. Авторъ говоритъ, что „съ общей точки зрѣнія (?), выдѣленіе суда изъ государственнаго механизма въ особое учрежденіе составляетъ самое капитальное отличіе нашей судебной реформы отъ всѣхъ подобныхъ преобразованій въ другихъ образованныхъ государствахъ. Посредствомъ этого обильнаго послѣдствіями акта составители *Судебныхъ уставовъ* вышли изъ своей спеціальной судебной задачи и выступили въ сферу политическую. Упраздняя воздѣйствіе верховной власти, ослабляя въ пользу личнаго убѣжденія судей силу издаваемыхъ верховною властью законовъ“... и т. д. идетъ старая пѣсня, на неправильный смыслъ и фальшивый тонъ которой мы не разъ указывали, и не мы одни, а большая часть нашихъ газетъ и журналовъ. Г. Фуксъ, несомнѣнно, юристъ и очень хорошій юристъ; его софизмы и парадоксы въ большинствѣ случаевъ построены ловко; а въ послѣдней статьѣ, о которой мы ведемъ рѣчь, они, къ тому же, перемѣшаны и переплетены съ нѣкоторыми основательными указаніями на несовершенства слѣдственной части и организаціи обвиненія и защиты на судѣ. Въ виду большой спеціальности предмета, мы счи-

таемъ неудобнымъ въ журнальномъ обзорѣ вдаваться въ подробный разборъ правильныхъ или неправильныхъ, по нашему мнѣнію, положеній автора и ограничимся лишь двумя указаніями. Нападая на „обособленность“ другъ отъ друга разныхъ органовъ суда, г. Фуксъ говоритъ, между прочимъ: „И всѣмъ этимъ другъ отъ друга независимымъ органамъ предоставлено право, при исполненіи своихъ обязанностей, понимать законъ по своему личному усмотрѣнію, а судить о фактѣ не по правиламъ логики, но по безотчетному убѣжденію совѣсти“. Мы находимъ, что во всей этой тирадѣ именно логики-то и не достаетъ. „Понимать“ что-либо, и въ томъ числѣ законъ, никакъ нельзя иначе, какъ по своему личному усмотрѣнію. Законъ — не математическая формула, для которой есть только одно пониманіе и быть не можетъ двухъ пониманій. Изъ „сужденія о фактѣ по правиламъ логики“ слѣдуютъ непремѣнно „убѣжденіе“; сложившееся такимъ образомъ убѣжденіе никакимъ инымъ быть не можетъ, какъ *убѣждемъ совѣсти*; и наоборотъ — „убѣжденіе совѣсти“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться „безотчетно“; таковыми бываютъ только порывы чувства. Разъ у человѣка сложилось „убѣжденіе“, то оно непремѣнно есть результатъ логическаго мышленія. Другой вопросъ правильно или не правильно само логическое мышленіе и имъ созданное логическое построеніе... Г. Фуксъ запутался и логика ему измѣнилась. Запутался же онъ, быть можетъ, потому, что не захотѣлъ высказаться опредѣленно въ такомъ, примѣрно, смыслѣ: если примѣнимое въ данному дѣлу законоположеніе представляется нелогичнымъ, тогда всѣ органы суда *должны* отказаться отъ всякихъ личныхъ умствованій, *должны* отбросить всякую логику и *обязаны* исполнить мертвую букву закона, какъ бы такое исполненіе ни противорѣчило „убѣжденію совѣсти“ исполнителей и всего общества. Это было бы ясно и логично: *fiat justitia, pereat mundus*... Но договаривать въ данномъ случаѣ до конца считается неудобнымъ. Каково бы ни было общество и въ какомъ бы положеніи оно ни находилось, оно, все-таки, можетъ возразить: не я существую для закона и юстиціи, а юстиціи и законъ существуютъ для меня, и изъ этого основнаго положенія начать строить свои выводы „по правиламъ логики“. Сознывая это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критикуя *Уставы* 1864 г. вообще и въ частности, г. Фуксъ отдаетъ передъ этими *Устами* предпочтеніе проектамъ II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи, внесеннымъ въ государственный совѣтъ графомъ Блудовымъ. „Въ этихъ проектахъ, — говоритъ г. Фуксъ, — предлагались: гласность, устность судопроизводства, ограниченіе силы формальныхъ доказательствъ, обвинительная процедура, сокращеніе инстанцій, мировой судъ и адвокатура, но на совершенно иныхъ началахъ, безъ нарушенія авторитета закона, безъ выдѣленія суда изъ государственнаго механизма, безъ превращенія суда въ атрибутъ мѣстнаго самоуправленія. Далѣе идутъ уже извѣстныя изъ прежнихъ статей того же автора фразы о „несоотвѣтствіи“ теперешняго суда „исторической почвѣ“ и „практическимъ условіямъ нашей дѣйствительности“. Мы уже разъ возражали на это, что у насъ не можетъ быть серьезной и добросовѣстной рѣчи объ „исторической почвѣ“ для судостроительства, такъ какъ въ теченіе вѣковой ломки всего государственнаго строя, почти безъ перерыва, у насъ эта почва вся переровчена, и на ней возможно только построеніе чего-либо новаго, лишь теоретически согласованнаго съ духомъ народа и потребностями его въ

настоящемъ. Г. Фуксъ признаетъ „наши прежнія судебныя нестроения“ и выражаетъ сожалѣніе о томъ, что не приняты проекты гр. Блудова, „искажены теоретиками судебной реформы“. Авторъ умалчиваетъ о томъ, что и нравящіеся ему проекты гр. Блудова созданы такими же теоретиками, какими созданы и не нравящіеся ему *Уставы Императора Александра II*; авторъ забываетъ, что первые ему нравятся только теоретически, и уже, конечно, не сознаетъ, что самъ-то онъ до глубины души теоретикъ, котораго не могъ бы удовлетворить никакой судъ, такъ какъ на практикѣ всякій человѣческій судъ очень далекъ отъ совершенства. Тѣмъ не менѣе, разсужденія этого теоретика о „слѣдователяхъ, обвинителяхъ и защитникахъ“ заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ его нападки на судъ присяжныхъ и на мировой судъ. О нихъ было бы полезно выслушать мнѣніе нашихъ юридическихъ журналовъ.

7 января въ Кіевѣ скончался на 80 году отъ роду Андрей Ивановичъ Подолинскій, поэтъ, начавшій свое литературное поприще около 60 лѣтъ тому назадъ. Смерть почтеннаго ветерана русской литературы дала поводъ нѣкому С. Кіевскому написать, а *Русскому Вѣстнику* напечатать статейку, озаглавленную: *Послѣдній изъ пушкинской плеяды*. Мы бы на это, въ сущности, пустое мѣсто не обратили вниманія, если бы на немъ не красовалось кома грязи, который С. Кіевскій нашель удобнымъ съ могилы покойнаго поэта пустить въ живыхъ литераторовъ. Въ статьѣ нѣтъ ни характеристики литературной дѣятельности А. И. Подолинскаго, ни какихъ-либо любопытныхъ подробностей объ его отношеніяхъ къ Пушкину и къ плеядѣ. Имя Подолинскаго почти неизвѣстно нашей теперешней молодежи и полузабыто людьми немолодыми, такъ какъ за послѣднія 15—20 лѣтъ его стихотворенія появлялись въ печати только два раза, если не ошибаемся, да и то въ *Русской Старинѣ*. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку произведеній покойнаго поэта, огорченнаго критиками пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ и отказомъ редакціи *Вѣстника Европы* напечатать его произведенія въ началѣ семидесятихъ годовъ. „Похороны прошли слишкомъ скромно,—говоритъ С. Кіевскій.—Быль всего одинъ вѣнокъ отъ кіевскаго дворянства“... „За то,—продолжаетъ авторъ, ни къ селу, ни къ городу, — у насъ умѣютъ съ шумною помпой чествовать всякую либерально-ноющую бездарность вродѣ, напримеръ, шиты Плещеева, знаменитаго развѣ тѣмъ, что онъ наводнилъ російскую поэзію обильнымъ потокомъ бессмысленныхъ общихъ фразъ quasi гуманнаго пошиба“... „Ему подносятся адреса, устраиваются оваціи и въ жизни, и на журнально-газетныхъ столбцахъ, въ лицѣ его гг. Скабичевскіе, Михайловскіе и К° прославляютъ служителя какой-то „идеи“. Рядомъ же тихо умираетъ отмѣченный истиннымъ дарованіемъ писатель, не стяжавшій вполнѣ заслуженной извѣстности только потому, что явился сверстникомъ титановъ, съ которыми конкурировать было слишкомъ трудно“... и т. д. въ томъ же тонѣ. Сушая челуха, по истинѣ бессмысленная и непристойная. По тому ли, по другому ли, А. И. Подолинскому не удалось „стяжать вполнѣ заслуженной извѣстности“,—его и хоронятъ какъ уважаемаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера, а не какъ литературную знаменитость. Согласно или несогласно съ мнѣніемъ г. Кіевскаго, другіе литераторы „стяжали“ извѣстность, — ихъ и чествуютъ тѣ литераторы, которые

такую известность признають „вполнѣ заслуженною“. Кажется, ясно... Да, ясно для всѣхъ, кромѣ завистливыхъ бездарностей, злобствующихъ на все и на всѣхъ за то, что имъ-то, этимъ С. Кіевскимъ, не удастся наводнить своими стишонками журналовъ и газетъ, какъ бы то, по ихъ самолюбію, было имъ желательно. Не мѣшаетъ имъ разъ навсегда убѣдиться, что истинная поэзія не уживается съ натурами, способными на грязныя выходы изъ-за низменныхъ чувствъ...

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.

Бобнинъ, В. Новая теорія происхождения міра. М., 1885. Тип. А. Маментова. 8 д., 24 стр., 600 экз.

Воробьевъ. О московск. соборѣ 1681—1682 г. Спб. Тип. дома приз. малол. бѣд. 8 д., 160 стр., 600 экз.

Догматъ о св. церков. постахъ по Стефану Яворскому. Костр., 1885. Губ. тип. 8 д., 66 стр., 1200 экз.

Елагинъ. Чего надо желать для нашей церкви. Вып. 2-й. Спб., 1885. Тип. товарищ. „Общ. Польза“. 8 д., 352 стр., 2000 экз. Ц. 2 р.

Елисейевъ, А. Съ рус. помоянками на Свят. Землѣ весною 1884 г. Спб., 1885. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 365 стр., 1200 экз. Ц. 2 р.

Густинъ (архим.). Препод. и Богоноса. отецъ нашъ Нилъ Сорскій и уставъ его о скитской жизни. Ряз. Тип. насл. Позняковой. 16 д., 175 стр., 1200 экз.

Манасеинъ, М. О ненормальности мозговой жизни современнаго культурнаго челоѣка. (Публичны лекціи). Изд. Л. Пантелеева. Спб. 8 д., 228 стр., 1200 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Павелъ (архим.). Кратк. извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ. М., 1885. Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа. 8 д., 90 стр., 2400 экз. Ц. 15 к.

Поповъ, Е. Вѣн. блаженство праведниковъ. Перм. Тип. Каменскаго. 8 д., 66 стр., 1500 экз.

Размышленія (благочестива), о внутрен. состояніи сердца челоѣчес. при жизни праведной и грѣховной. Изд. книгопр. Губанова. М., 1885. 18 д., 36 стр., 700 экз.

Родионовъ, А. Сочиненія о расколѣ Вып. I. Бесѣдованіе о расколѣ російскомъ.

Изд. Субботина. М., 1885. 8 д., 222 стр., 600 экз. Ц. 1 р.

Сказаніе о чудотвор. Иверской иконѣ Божіей Матери, почерпнутое изъ достовѣр. источниковъ. Сост. Гр. М. Т.—И. М., 1885. Тип. Югансонъ. 18 д., 72 стр., 12000 экз.

Сказаніе о жизни и подвигахъ блажен. памяти Серафима. Спб., 1885. Тип. дома призр. малол. бѣд. 8 д., 31 стр., 5000 экз.

Славинъ, А. Сказаніе о чудотворн. иконѣ Пресвят. Богородицы Казанскія. М., 1885. Тип. Югансонъ. 18 д., 36 стр., 12000 экз.

Снегиревъ, В. Психологич. сочиненія Аристотеля. Вып. I. Исслѣд. о душѣ. Пер. съ греч. Каз., 1885. Въ унив. тип. 8 д., 98 стр., 500 экз.

ВЕЛЛЕТРИСТИКА.

Альбовъ, М. Раса. Ром. Спб. и М., 1886. Тип. и изд. „Товарищ. М. О. Вольфъ“. 8 д., 385 стр., 2460 экз. Ц. 2 р. 50 к.

„Американскіе лѣса“. Ром. въ 2-хъ час. М., 1885. Изд. Лузиной. 16 д., 180 стр., 6000 экз.

Амитинъ, А. Свѣтъ великъ, да некуда дѣваться. Разказъ изъ современ. жизни рус. евреевъ. М., 1885 г. „Русская“ типо-лит. 8 д., 217 стр., 700 экз. Ц. 1 р. 20 к.

Амуриновъ. Новѣйшая любовная почта. Спб., 1886. Тип. дома призр. малол. бѣд. 16 д., 223 стр., 2000 экз. Ц. 1 р.

Бѣжецкій, А. I. Военные на войнѣ. 2. Святоч. разказы. Спб., 1885. Тип. А. Суворина. 12 д., 341 стр., 1540 экз. Ц. 1 р. 50 коп.

Верещагинъ, А. Дома и на войнѣ. 1853—1881. Воспоминанія и разказы. Спб., 1885. Тип. Н. Лебедева. 8 д., 602 стр., 1200 экз. Ц. 2 р. 50 к.

„Въ помощь!“ Литератур. сборникъ.

изд. I. Петриковскимъ. Вып. 1-й. (Въ пользу гродненцевъ). Влгд.-Церковь, 1885. Тип. М. Межибовскаго. 8 д., 45 стр., 300 экз. Ц. 50 к.

Губскій, Б. и Крыловъ. Московскія трупоби. Романтъч. хроника въ 3-хъ том. М., 1886. Тип. С. Орлова. 8 д., 265 367+175 стр., 1200 экз. Ц. 4 р.

Кротковъ, В. Част. повѣренный. Гладкія вѣтки. Первобитн. состояніе. (Дорож. библиот.). Слб., 1885. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 372 стр., 1200 экз. Ц. 1 р.

Кротковъ, В. Пиркинъ и Чепуркинъ. Послѣдняя жертва катастрофы. Во время войны—дома. (Дорож. библиот.—изд. А. Суворина). Слб., 1885. 12 д., 358 стр., 1200 экз.

Легасовъ, С. Новая сцена, рассказы и анекдоты изъ рус., евр., малорос., арм., цыг. и нѣм. быта. М., 1885. Изд. выгопр. Е. Губанова. 16 д., 214 стр., 6000 экз.

Линевъ, Д. По этапу. (Бронзовое дѣло). Рассказъ изъ тюрем. быта. Изд. библ. бнв. Лебедевой. М., 1886 г., 8 д., 165 стр., 2400 экз. Ц. 1 р.

Лѣсковъ, Н. Святочные рассказы. Слб. и М., 1886 г. Тип. и изд. „Товарищ. М. О. Вольф“. 8 д., 405 стр., 3060 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Маркевичъ, Б. Полное собраніе сочиненій. Т. 9-й. „Бездна“ (час. 2-я). Т. 10-й. „Бездна“ (час. 3-я). Слб., 1885 г. Тип. бнв. А. Котомина. 8 д., 293+283 стр., 3000 экз. Ц. за 11-ть томовъ 15 р.

Масальскій, К. Стрѣльцы. Историчес. ром. Слб., 1885. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., VII+548 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, А. Въ омутѣ. (Библиот. соврем. писателей). Изд. Губинскаго. Слб., 1886. 8 д., 298 стр., 2000 экз. Ц. 1 р. 35 коп.

Михайловъ, А. Пророкъ. Ром. (Библиотечка современ. писателей). Изд. книгопр. В. Губинскаго. Слб., 1886 г. 8 д., 267 стр., 2400 экз. Ц. 1 р. 35 к.

Мордовцевъ, Д. Дѣнадцатый годъ. Историч. романъ. Въ 3-хъ частяхъ. Слб., 1885 г. Тип. Н. А. Лебедева. 8 д., 262+175+241 стр., 1200 экз. Ц. 3 р.

Муравлинъ, Д. Мракъ. Слб., 1886 г. Тип. С. Добродѣва. 8 д., 320 стр., 2000 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Наварьева, К. Скорбный путь. Ром. въ 2-хъ част. Слб., 1885 г. Тип. Н. Лебедева. 8 д., 322 стр., 1200 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Пазухинъ, Н. Князь Серебряный. Истор. романъ. М., 1885. Тип. Вильде, 16 д., 213 стр., 6000 экз.

Перелгинъ, Н. Свѣтъ и тѣма. Правдава исторія изъ обиденной жизни.

Въ 3-хъ час. М., 1886 г. Тип. А. Карцева. 8 д., 581 стр., 2400 экз.

Петрушевскій, А. Рассказы про Суворова. Съ портретомъ. Слб., 1885 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 238 стр., 5060 экз. Ц. 60 к.

Полонскій, Я. Полное собраніе сочиненій. Т. 8-й. Крутныя горки. Ром. Ч. 1-я. Изд. Ж. Полонскій. Слб., 1885. 8 д., 371 стр., 2000 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Сенкевичъ, Г. Огнемъ и мечомъ. Истор. романъ. Пер. съ польскаго В. Лаврова. Изд. журн. „Рус. Мысль“. М., 1885. 8 д., 678 стр., 300 экз. Ц. 2 р.

ИСТОРИЯ. — БИОГРАФИЯ. — МЕМУАРЫ.

Архивъ кн. Воронцова. Кн. 31-я. М., 1885. Въ универ. тип. 8 д., XVI + 504 стр., 425 экз.

Дингельштедтъ, Н. Закавказскіе сектанты въ ихъ семейномъ и религиозн. быту. Слб., 1885. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 289 стр., 625 экз. Ц. 2 р.

Добролюбовъ, I. Историко-статистич. описаніе церквей и монастырей рязанс. епархіи, нѣмѣ существующихъ и упраздненныхъ, со списками ихъ настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографич. указаніями. Т. 2-й. Ряз., 1885 г. Тип. наслѣд. З. Позняковой. 8 д., 374 стр., 1200 экз.

Древности. Труды Императ. московск. археологич. общества, изданные подъ редак. Д. Аничина. Т. 10-й съ 23 таблиц. въ текстѣ. М., 1885. Синод. тип. 4 д.; 326 стр., и 4 таб. рисун. и плановъ. 625 экз. Ц. 6 р.

Дубровинъ, Н. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, репортажи и донесенія. Т. 1-й. 1875—1877 гг. Т. II. 1778 г. Тип. Импер. Ак. Наукъ. 8 д., стр. 904 и 944, по 1110 экз. Ц. 3 р. 50 к. и 3 р. 60 коп.

Есиповъ, Г. Тяжелая память прошлаго. Рассказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи и др. архивовъ. Слб., 1885. Изд. и тип. А. Суворина. 8 д., 385 стр., 2000 экз. Ц. 1 р. 50 коп.

Жизнеописанія русскихъ воен. дѣятелей. Подъ редак. В. Мамшева. Т. 1-й. Вып. 1-й. Изд. В. Березовскій. 8 д., 451 стр., 2230 экз. Ц. по подпискѣ 5 р.

Каблицъ, I. (I. Юзовъ). Интеллигенція и народъ въ обществен. жизни Россіи. Слб., 1885. Тип. Н. Лебедева. 8 д., 308 стр., 1000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Латкинъ, В. Земскіе сборны дров. Руси. Историко-юридич. изслѣдованіе. Слб., 1885. Изд. Л. Пантелеева. 8 д., 440 стр. Ц. 3 р.

Маракуевъ, Н. Галилей, его жизнь и ученые труды. М. 1885 г. Тип. Я. Куш-

нерева и К^о. 8 д., 176 стр., 1250 экз. Ц. 30 к.

Панковъ, А. Жизнь и труды принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Ко дню пятидесятилѣтня Импер. училища правовѣдѣнія. Спб. 1885 г. Государст. тип. 8 д., 198 стр., 1250 экз.

Петровъ, П. Исторія родовъ рус. дворянства. Т. 1-й. Спб., 1885 г. Тип. Э. Гоппе. 4 д., 408 стр., 2000 экз.

Сапуновъ, А. Витебская старина. Т. IV. Витеб., 1885 г. Тип. Г. Малкина. 8 д., 673 стр., 500 экз. Ц. 3 р.

Собраніе (Поное) рус. лѣтописей, издаи. по Высочайшему повел. археографич. комиссіею. Т. X. Спб., 1885. 4 д., 244 стр., 325 экз.

Стасюлевичъ, М. Исторія средн. вѣковъ въ ея писателяхъ и исслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. I. Періодъ первый: отъ паденія Западн. Римск. Имперіи до Карла Великаго. 476—771 гг. Изд. 2-е. Спб., 1885. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 652 стр. и 1 карта, 1200 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Тихонъ (Игуменъ). Историч. описаніе Темниковскаго Санакарскаго монастыря. Темниковъ, 1885. Тип. А. Данилова. 8 д., 71 стр., 1000 экз.

Фонъ-Фрикенъ, А. Римскія катакомбы и памятники первоначал. христіанс. искусства. Час. IV. М., 1885. Изд. К. Солдатенкова. 8 д., 403 стр., 2400 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Шильдеръ, Н. Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. Его жизнь и дѣятельность. Біографич. очеркъ. Т. 1-й. Спб., 1885 г. Тип. „Русская скоропечатня“. 8 д., 640 стр., и 7 лис. чертеж., 300 экз.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ. — ПОЛИТИКА. — СТАТИСТИКА.

Вемертъ, В. Участіе въ прибыли. Исслѣд. о заработ. платѣ и предпринимательск. прибыли. Перев. Я. Розенберга. К., 1886. Тип. И. Кушнерова. 8 д., 327 стр., 600 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Вербловскій, Г. Сборникъ законовъ. I) Объ отчѣннѣ личнаго задержанія. II) объ измѣненіи постановленій объ указан. ростѣ, III) о пошлинахъ съ имущества, переходящихъ безмезд. способами, съ таб. объ отчѣннѣ земель, IV) объ отчѣннѣ недвиж. имущества, переходящихъ по крѣпост. актамъ, V) о порядкѣ ликвидаціи дѣлъ кредит. установленій. Съ текстомъ статей, на которыя сдѣлана ссылка въ этихъ законахъ, съ прил. формъ судеб. актовъ и бумагъ, и съ разъясненіями. Воронежъ, 1885 г. Тип. В. Исаева. 8 д., 232 стр., 1200 экз. Ц. 1 р.

Градовскій, Н. Торговня и другія права евреевъ въ Россіи, въ историч. ходѣ законодательн. мѣръ, предшествов. нынѣ

дѣйствующему законодательству о евреяхъ. Спб., 1885 г. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 390 стр., 300 экз. Ц. 5 р.

Градовскій, А. Государствен. право завыѣйшихъ европейск. державъ. Т. 1-й. Час. историческая. Спб., 1886 г. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 785 стр., 1550 экз. Ц. 5 р.

Гурляндъ, Я. Юридич. лексиконъ, объясняющій терминъ и институты права, судопроизводства, судоустройства и нотариата. Вып. II. Од., 1885. Рус. тип. Исаковича. 8 д. Съ 207 по 366 стр., 1000 экз.

Иваниковъ, И. Политическая экономія какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій. Изд. Н. Мамонтова. М., 1886 г. 8 д., 488 стр., 1525 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Коріандеръ, Э. Торгово-статистич. очерк. Ливъ, въ связи съ будущаго русской торговли въ Индѣйскомъ океанѣ. Спб., 1885 г. Тип. В. Демакова. 8 д., 73 стр., 1100 экз.

Муравьевъ, Н. Кандидаты на судеб. должности. Вопросъ судоустройства и судеб. политикъ. М., 1886 г. Тип. А. Мамонтова и К^о. 8 д., 183 стр., 600 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Муромцевъ, С. Рецензія римскаго права на Западѣ. М., 1886 г. Тип. А. Мамонтова и К^о. 8 д., 157 стр., 400 экз. Ц. 2 р.

Плеске, Э. Справочн. книга для подат. инспекторовъ, казен. палатъ и казначействъ. Спб., 1885. Тип. В. Киршбаума. 8 д., 832 стр., 1200 экз. Ц. 5 р.

Рейнгардтъ, Н. О личнхъ и имуществен. правахъ женщинъ по рус. закону. Каз., 1885. Тип. губ. прав. 8 д., 43 стр., 650 экз.

Романовичъ-Славитинскій, А. Система рус. государст. права въ его историко-догматичес. развитіи, сравнительно съ государствен. правомъ Запад. Европы. Час. 1-я. Основныя государст. законы. К., 1886 г. Тип. Г. Фронкевича. 8 д., 305 стр., 800 экз. Ц. 2 р.

Смирновъ, Н. Сборникъ извлеченій изъ рѣшеній граждан. кассацион. департамента и общ. собраній: 1-го и кассацион. департаментовъ правит. сената, по нотариальн. положенію. Ков., 1885. Тип. губ. прав. 12 д., 54 стр. 1200 экз. Ц. 40 к.

Смуровъ, Г. Полицейскіе законы. Изъ гражданс. и уголов. законовъ и уставовъ Императора Александра II. Въ 3-хъ час. М., 1886. Тип. С. Орлова. 16 д., 344 стр., 2400 экз. Ц. 2 р. въ перенл. 3 руб.

Щегловитовъ, С. Судеб. уставы Императора Александра II съ комментар. и разъясненіями. Спб., 1885. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 72 стр., 3000 экз.

Этюдъ (экономическіе). I. Вліаніе колебаній курса кред. рубля на народ.

хозяйство. П. Учреждение общ. и сосл. кредита. Спб., 1885. Тип. т-ва „Общ. Польза“. 8 д., 29 стр., 1100 экз.

ГЕОГРАФИЯ. — ЭТНОГРАФИЯ. — ПУТЕШЕСТВИЯ.

Вернъ, Ж. Исторія знаменитыхъ путешествій и путешественниковъ. Открытіе материка. Съ 59 рисун. Л. Бенета и Ф. Филиппото и 58 факсимиле съ современ. гравюръ. Спб. и М. Тип. и изд. товарищ. М. О. Вольфъ. 8 д., 596 стр., 3060 экз. Ц. 3 р.

Гильдеръ, У. Вьльдахъ и сибѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга. Пер. В. Майнова. Спб., 1886. Тип. А. Суворина. 8 д., 276 стр. и 57 гравюръ, 500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешес. Нордсишльда вокругъ Европы и Азии въ 1878—1880 гг. Съ портрет. и 8 рисун. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 160 стр., 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Листовъ, Ю. Пещеры-ледники. Съ прил. плана гипсовой гор. Илецка плана и профилю пещеръ и двухъ графич. таблицъ. Подъ редак. А. Воейкова и И. Мушкетова. Спб., 1885 г. Тип. Импер. ак. наукъ. 8 д., 176 стр., 110 экз.

Реклю, Э. Земля и люди. Всеоб. географія. VIII. Индія и Индо-Китай. Изд. картограф. завод. А. Ильина. Спб., 1885 г. 8 д., 764 стр., 67 рисун. и кар. 2,100 экз. Ц. 8 р.

Теръ-Габріельянцъ, Г. Путеводитель по всемъ группамъ кавказ. минеральн. водъ. Спб., 1885. Тип. Ландау. 16 д., 63 стр., 1,500 экз.

Шляпошниковъ М. и Мандрикинъ, А. Путеводит. къ славянс. минерал. водамъ. Сост. подъ ред. К. Санжаревскаго. Изд. гор. думы. Хар., 1885. 16 д., 145 стр., 1,000 экз. Ц. 50 к.

Шмидтъ, О. Иллюстриров. географич. библиотека. Вып. I. Путешествіе вокругъ свѣта. Спб., 1885. Изд. Д. Полу-бояринова. 8 д., 138 стр. 4,045 экз. Ц. 1 р.

МЕДИЦИНА. — ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Блау, Л. Диагностика и терапія при угрожающихъ опасностяхъ симптомахъ. Пер. со 2-го испр. и доп. нѣм. изд. М. Гиршфельда. Изд. ред. журн. „Практ. Медич.“. Спб., 1885. 8 д., 519 стр., 2,500 экз. Ц. 3 р.

Богословскій, В. Эссенуки въ лѣчеб. сезонъ 1884 г. М., 1885. Тип. А. Мамонтова. 8 д., 32 стр. + 1 л. чертж. 500 экз. Ц. 20 к.

Гвоздевъ, И. Къ ученію о тѣлесныхъ поврежденіяхъ. (По случаю практикуемаго уголовного уложенія). Каз., 1885. Тип. универс. 8 д., 32 стр. Ц. 40 к.

Гейденрейхъ, Л. Методы изслѣдов. низшихъ организмовъ. Для врачей, естество-испыт., ветеринаровъ, студентовъ и др. 2-е изд. К. Риккера Съ 100 рис. въ текстѣ Спб., 1885. 8 д., 323 стр., 2,050 экз.

Изювольскій, П. Польза и вредъ бань и ихъ краткій историч. очеркъ. К., 1885. Тип. К. Милевскаго. 8 д., 54 стр., 1,800 экз. Ц. 25 к.

Никифоровъ, М. Крат. учебникъ микроскопической техники. Пособіе при практич. изученіи патологич. гистологіи И. Клейна. М., 1885 г. Тип. В. Фришъ. 8 д., 87 стр., 1,200 экз.

Панаевъ, П. Земляная система оздоровленія (земляные клеветы) и наши гигиенисты. Спб., 1885. Тип. А. Траншеля. 8 д., 96 стр. 1,200 экз.

Петровскій, И. Досуги врачебной практики. Систематич. сборникъ статей, напеч. въ разн. періодич. изданіяхъ съ 1865 по 1884 г. Харьк., 1885. Тип. губ. прав. 8 д., 140 стр. 500 экз.

Половъ, Д. Клиническій сборникъ. Наблюд. и замѣтки госпитальной терапевт. клиники варшавск. университет. Съ 9-ю табл. Варш., 1885. Тип. Ковалевскаго. 8 д., 414 стр., 900 экз.

Редецкій, И. Минерал. источники въ Виртанавъ и дѣйств. ихъ на организмъ. 2-е изд. Спб., 1885. Тип. Ф. Сушницкаго. 8 д., 99 стр., 1,000 экз. Ц. 50 к.

Руденко, Т. Къ вопросу о молочномъ леченіи. Объ усвоеніи азотистыхъ метаморфозъ при обсолютно-молочной діетѣ. Диссерт. Спб., 1885. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 76 стр., 550 экз.

Schmidt-Rimpler. Глаз. болѣзни и офтальмоскопія. Для врачей и студентовъ. Съ 163 рис. въ текстѣ и 1 хромолит. таблицей. Перев. съ нѣмец. М. Гиршфельда. Спб., 1885. Тип. Эттингера. 8 д., 650 стр., 2,500 экз. Ц. 4 р.

Смидовичъ, В. Что такое холера и какъ съ нею справиться. Чтеніе для народа. Тула, 1885. Тип. Н. Соколова. 8 д., 32 стр., 1,200 экз.

С.-Петербургская городская коммиссія общественнаго здравія. 1881—1885. Общедоступная врачев. помощь. Мѣры къ оздоровленію города. Барачная больница для зараз. больныхъ. Спб., 1885 г. Тип. Шредера. 8 д., 613 стр., 1,000 экз.

Тихомировъ, В. Курсъ фармакогнозіи. II. Отдѣльныя части растений. Съ 26 полит. въ текстѣ. М., 1885. Тип. и изд. А. Карцева. 8 д., стр. 203—378, 1,200 экз. Ц. 1 р. 15 к.

Фридрихъ. Первая помощь

раненому вою на полѣ сраженія. Съ прилож. статей проф. Эсмарха: „Первая перевязка на волѣ сраженія“. Спб., 1886. Тип. В. Аностолова. 16 д., 16 стр., 2,000 экз.

МАТЕМАТИКА. — ФИЗИКА. — ХИМИЯ. — АСТРОНОМИЯ.

Бобнинъ, В. Философское, научное и педагогич. значеніе исторіи математики. Изданіе редак. жур. „Физико-математич. науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ“. М., 1886 г. 8 д., 40 стр., 600 экз. Ц. 50 к.

Петрѣевъ, В. Материалы къ вопросу объ измѣреніи силы химич. средства. Од., 1885. Тип. „Одес. Вѣстн.“. 8 д., 61 стр., 300 экз.

Розенбергеръ, Ф. Очеркъ исторіи физики съ синхронистич. таблицами по математикѣ, химіи, описат. наукамъ и всеобщ. исторіи. Част. 2-я. Пер. съ нѣмецк. подъ редакц. И. Сѣченова. Изд. К. Риккера. Спб., 1886. 8 д., 422 стр., 1,000 экз.

Скарлато, Н. Астрономич. способн опредѣленія: широты, долготы, поправки хронометра, девиации компасовъ, приливовъ и отливовъ моря. Съ прибавленіемъ провѣрки дуги большаго круга, повѣрки секстана, теоріи штормовъ, краткой лоціи Атлантич., Индѣйск. и Тихаго океановъ, о нагрузкѣ судовъ и отличительн. огняхъ в туман. сигналахъ. Од., 1885. Тип. „Одес. Вѣстн.“. 8 д., 345 стр., 520 экз. Ц. 1 р. 50 к.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Бой лейб.-гвар. московскаго полка подъ Арабъ-Канакомъ 21-го ноября 1877 г. Съ 2 рисуи. Изд. редак. жур. „Чтеніе для солдатъ“. Спб., 1885. 8 д., 32 стр., 1,000 экз. Ц. 10 коп.

Коломацкій, С. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о квартир. довольствіи войскъ (въ алфавитномъ изложеніи). Съ дополнен. и разъяснен. по сентябрь 1885 г. Изд. С. Коломацкій. Херсонъ, 1885 г. 8 д., 695 стр., 700 экз. Ц. 4 р.

Линдестремъ, В. Руковод. для обученія минныхъ машинистовъ минамъ Уайтхеда и выбрасывающимъ аппаратамъ. Съ 40 рис. чертежей. Спб., 1885 г. Тип. морск. м — тва. 8 д., 133 стр., 600 экз.

Невскій, Г. Хлѣбопеченіе въ войскахъ и постройка печей. Изд. К. Чичвадзе. Спб., 1885 г. 8 д., 79 стр., 1,000 экз. Ц. 50 к.

Озаровскій, И. Очерки англійск. арміи. Тифл., 1885. Тип. капл. главнонач. гражд. част. на Кавказѣ. 8 д., 18 стр., 415 экз.

ТЕХНОЛОГИЯ.—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Департаментъ земледѣлія и сельск. промышленности. 1885 годъ въ сельско-хозяйствен. отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I. Спб., 1885. Тип. В. Киршбаума. 8 д., XIII+195 стр., 5,600 экз.

Котельниковъ, В. О почвѣ и ея обработкѣ. (Бесѣды по земледѣлію: I—VI). Изд. 2-е, А. Девриена. Спб., 1886 г. 8 д., 78 стр., 3,010 экз. Ц. 80 к.

Метельскій, Н. Извлеченіе сахара изъ свеклович. патоки. М. 1885. Тип. А. Карцева. 8 д., 79 стр., 300 экз. Ц. 2 р.

Никитинскій, Н. Торфъ и разработка его на топливо. Ч. I. Съ 6 табл. чертежей. Изд. политехн. о — ва. М., 1885. 8 д., 138 стр., 3,000 экз. Ц. 2 р.

Шотлендеръ, Я. Паровозъ. Руковод. для технич. желѣзнодорожн. училищъ, желѣзнодорожн. машинистовъ и ихъ помощниковъ. Съ 369 политип. въ текствѣ и 2 табл. чертежей. Спб., 1885. Тип. т-ва М. О. Вольфъ. 8 д., 224 стр., 2,060 экз. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕДАГОГИЯ.—КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Бабушка Марса, или за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. М., 1885 г. Тип. и изд. И. Ситина и К^о. 16 д., 36 стр., 7,200 экз.

Вейсманъ, А. Антигона, траг. Софокла. Греч. текстъ, съ рус. примѣч. Спб. 1885. Тип. В. Безобразова. 8 д., 94 стр., 1,000 экз. Ц. 80 к.

Веркгауптъ, Г. Пособіе къ чтенію и изуч. Гомера. П. Илиада. Пѣсни: 23-я и 24-я. М., 1885. Изд. вн. маг. насл. бр. Салаевыхъ. 8 д., 69+57 стр., 2,400 экз. Ц. по 50 к.

Виноградовъ, В. Руководство къ преподаванію по „Род. чтенію.“ Годъ первый. Изд. книж. маг. насл. бр. Салаевыхъ. М. 1885. 8 д., 40 стр., 1,200 экз. Ц. 25 к.

Воздвиженскій, Л. Вопросы при изученіи началъ уроковъ закона Божія. М., 1885. Тип. Снегирева. 8 д., 24 стр., 1,200 экз. Ц. 5 к.

Востоковъ, Н. Самоучитель закона Божія для сельск. прихожанъ и сельск. школъ. Объяснительн. и правоучительн. бесѣды на Божествен. литургію и на всеобщ. бдѣніе. Отд. 4-й. Саратов., 1885. Тип. Ищенко и К^о. 8 д., 125 стр., 1,500 экз.

Гиппиусъ, А. Три расказа для дѣтей. Спб., 1885. Тип. бр. Шумахеръ. 8 д., 141 стр., 500 экз.

Гораций. Эподы. Подсроч. переводъ со словаремъ, примѣчан. и указаніемъ размѣра каждой эподы. Пособіе для учени-

ковъ и учащися безъ помощи учителя. Изд. книгопр. Д. Газина. Од., 1886. 8 д., 28 стр., 2,000 экз. Ц. 40 к.

Гофманъ. „На дальнемъ западѣ“. Повесть для дѣтей стар. возраста. Пер. А. Энгельгардта. Съ картин. въ текстѣ. Изд. Ф. Витенажа. Спб., 8 д., 160 стр., 2,050 экз.

Гофманъ. „Новый Робинзонъ или кораблекрушеніе на тихомъ океанѣ“. Рассказъ для юношества. Пер. А. Энгельгардта. Съ карт. въ текстѣ. Изд. Ф. Витенажа. Спб., 8 д., 242 стр., 2,000 экз.

„Гришуха“. Рассказъ. Съ 5 рисун. Изд. ред. жур. „Чтеніе для солдатъ“. Спб., 1885. 8 д., 56 стр., 1,000 экз. Ц. 20 к.

Два старика. М., 1885. Тип. И. Сытина и К^о. 15 д., 35 стр., 12,000 экз.

Деркачевъ, И. Послѣ азбуки. Съ рисунками художника И. Панова. М., 1894. Тип. и изд. общ. распр. полез. книгъ. 8 д., 159 стр., 1,500 экз.

„Добрый Морозъ“. (Рождеств. сказка). Посвящается дѣтямъ. Спб., 1886 г. Тип. А. Траншеля. 32 д., 16 стр., 5,000 экз. Ц. 8 к.

Зубовъ, Д. Письменныя упражненія по русскому языку для младш. отдѣленій сельскихъ и городскихъ училищъ. Астр., 1886. Тип. губ. прав. 8 д., 52 стр., 2,000 экз. Ц. 20 к.

Мартыновъ, Д. Недостатки звуковаго метода и звуко-слагательный методъ, какъ болѣе совершенная форма обученія грамотѣ. Руковод. для обученія грамотѣ по звуко-слагательному способу для учителей народныхъ училищъ, для учительскихъ семинарій и т. п. Рыбинскъ, 1885 г. Тип. Фальшь. 8 д., 39 стр., 1,200 экз. Ц. 25 к.

Невзоровъ, Н. Русскимъ дѣтямъ. Рассказы и очерки изъ исторіи древней рус. словесности. Вып. 1-й. Отъ начала славянск. письменности до татарщины. Каз., 1885 г. Тип. В. Ключникова. 8 д., 183 стр.

Коваленская, А. Новые рассказы и сказки для дѣтей съ картинами. Изд. книж. маг. П. Луковникова. Спб., 1885. 8 д., 244 стр., 2,500 экз. Ц. 1 р. 75 к., въ палкѣ 2 руб., въ роскош. переплетѣ 2 р. 75 к.

Козьминъ. Церковно-славянск. хрестоматія, М., 1885. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 128 стр., 6,000 экз. Ц. 40 к.

Кругловъ, В. Веселые глазки. Рассказы и сказки для мален. дѣтокъ. Съ картин. въ текстѣ. Спб., тип. и изд. товар. М. Вольфъ. 4 д., 48 стр., 1,500 экз.

Кругловъ, А. Дѣти лѣсовъ. Повесть для дѣтск. чтенія. Изд. А. Панафидина. Спб., 8 д., 204 стр., 300 экз.

Логвиновъ, Ф. Пособіе къ чтенію и изученію К. Саллюстія Криспа. Слова, комментаріи и переводъ „de conjugatione Catilinae“, съ прилож. биографіи автора. Изд. книж. маг. Ф. Югансона. К., 1886 г. 12 д., 128 стр., 3,000 экз.

Лубенецъ, Т. Зернишко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практич. упраж. на рус. языкѣ. Около 150 рис. въ текстѣ. Спб., 1885. Изд. Ф. Памленкова, 8 д., 226 стр., 4,500 экз. Ц. 50 к.

Осьмакъ, А. Пособіе къ чтенію и изученію хрестоматій, приложен. при латинскихъ грамматикахъ Кюнера, дополненныхъ Кремеромъ и Носовымъ. Часть 1-я. Басни. (Для II и III клас. гимназій). К., 1885 г. Тип. К. Милевского. 8 д., 66 стр., 700 экз. Ц. 35 к.

Половъ, Д. Товарищъ. Книга для первонач. чтенія и письма. работъ по рус. яз. (По руков. „Рус. правопис.“ Грота). Изд. 2-е. Спб., 1885. Тип. Р. Голице. 8 д., 147 стр., 20,000 экз. Ц. 50 к.

Пороки (Ужасные). Рассказы въ стихахъ для дѣтей. Изд. книгопр. Ф. Морозова. М., 1885 г. 4 д., 12 стр. и 6 хромолит. картинъ, 2,500 экз.

Преданіе какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти у разбойниковъ. М., 1886 г. Тип. и изд. И. Сытина и К^о. 16 д., 36 стр., 7,200 экз.

„Проклятая свадьба“. Волшеб. сказка. Изд. Губанова. М., 1885. 16 д. 71 стр., 6,000 экз.

Романченко, И. Книга для чтенія въ народн. школахъ. Вып. II. Ростна-Дону, 1885. Тип. А. Адамовича. 8 д., 271 стр., 1,000 экз. Ц. 45 к.

„Сашурка-бѣдокурка“. Рассказы изъ дѣтской жизни, съ картинками. Изд. А. Гласовой. М., 1886 г. 8 д., 128 стр., 1,200 экз. Ц. 1 р.

Свѣшниковъ, Е. Князь Серебряный. Сокращено изъ ром. гр. А. Толстаго. Изд. „Рус. книж. магазина“. Спб., 1886 г. 8 д., 64 стр., 6,000 экз. Ц. 20 к.

Сказка о Иванѣ Царевичѣ, жарыптицѣ и о сѣромъ волкѣ. М., 1885. Тип. С. Орлова. 16 д., 36 стр., 9,000 экз.

Сказка о славномъ и сильномъ богатырѣ Бовѣ Королевичѣ. М., 1885. Тип. и изд. И. Сытина и К^о. 16 д., 36 стр., 7,200 экз.

Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Еруслаѣ Лазаревичѣ, и его храбрости и о невообразимой красотѣ царевни Анастасіи Вахрамѣевны. М., 1885 г. Тип. и изд. книгопр. И. Сытина и К^о. 32 д., 126 стр., 7,200 экз.

Сказки (Арабскія). (Народ. библіотека). М., 1886 г. Тип. тов. М. Бушвинова. 8 д., 80 стр., 600 экз. Ц. 15 к.

Странникъ. Рассказъ. М., 1885.

Тип. И. Сытина и К^о. 16 д., 35 стр., 12,000 экз.

Тонулъ да выплылъ, или похождение мужичка въ Питерѣ. Съ 4 картин. Изд. на сред. издательс. общ. при постола. ком. по устройству народ. чтеній. Спб., 1885 г. Тип. М. Хана. 8 д., 72 стр., 6,000 экз. Ц. 12 к.

Фридрихсъ, Е. Двѣмя старшаго возраста. Сборникъ разказовъ. Изд. Е. Фридрихсъ. Спб., 1886 г. 8 д., 160 стр. 1,000 экз. Ц. 1 р.

Шмидтъ, Р. Самоуч. нѣмецк. разговорнаго языка. Кн. 3 и 4. Спб., 1885. Тип. А. Таговъ. 16 д., съ 63 по 96+съ 93 по 122 стр., 1,100 экз. Ц. по 10 к.

Шмидтъ, О. Галя. Разказъ. М., 1886 г. Тип. И. Сытина и К^о. 16 д., 36 стр., 12,000 экз.

Шмидтъ, О. Какъ Нада спасла ребенка. Разказъ. Спб., 1885 г. Тип. Э. Голпе. 8 д., 16 стр., 1,000 экз. Ц. 30 к.

Шмидтъ - Москвитинова, О. Кожаный чулокъ. Пять разказ. изъ Фенимора Купера, въ передѣлкѣ для юношества. Съ 6-ю хромолит. рисунк. К. Офтердингера. Изд. А. Девриена. Спб. 4 д., 100 стр., 2,020 экз.

Шмидтъ - Москвитинова, О. Ландш. Сборникъ разказ. для дѣтей. Съ 8-мю гравирован. рисунками Н. Богданова. Изд. А. Девриена. Спб. 8 д., 187 стр., 2,010 экз.

Штудеръ, И. Курсъ географіи Европы для стар. классовъ сред. учеб. заведеній. Изд. 2-е. М., 1885. Тип. Э. Лиссера и Ю. Романова. 8 д., 182 стр., 2,400 экз. Ц. 80 к.

С М Ъ С Б .

Бусовъ, В. Школа, какъ играть въ карты, шашки и шахматы. М., 1886. Тип. С. Орлова. 16 д., 256 стр., 2,400 экз. Ц. 1 р.

Петровъ, Н. Азбука гриммировки. Спб., 1885. Тип. Д. Шеметкина и К^о. 16 д., 27 стр., 1,000 экз.

НА ПОЛЬСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.

Дружаски (Fulgenty, x.). Zywoť pobożny służy bożego, b. Izajasza Bonera. Kraków, 1885. 5. nien., 98 i 19 str. in 8.

Martin (Konrad, d-r). Etyka katolicka, przetłumaczona przez d-ra Łukasza Soleckiego. Wydanie II przerobione. Przemyśl, 1885. X i 322 str. in 8.

Raciborski (Aleksander, d-r). Przedmiot i podział filozofii. Lwów, 1885. 32 str. in 8.

Spis (Stanisław, ks.). Konferencye duchowne. Kraków, 1885. 4 nien. i 135 str. in 8.

Surz yński (Józef, ks.). Śpiewnik kościelny dla użytku parafii rzymsko-katolickich. Poznań, 1886. Część I: Laudate Dominum, zawierająca msze choralne, nabożeństwo nie-zporne i kompletę. VIII 304 str. in 8.

Wercruysse (Brunon, o.). Przewodnik prawdziwej pobożności, czyli nowe praktyczne rozmyślenia na każdy dzień roku o życiu Pana naszego Jezusa Chrystusa. Wydanie II, przejrzone. Lwów, 1886. Tom II (od Lipca do 31 Grudnia). 639 i 8 nien. str. in 8.

БЕЛЕТРИСТИКА.

Bartoszewicz (K.). Ananas. Wydawnictwo humorystyczno-illustrowane. Kraków, 1886. 93 str. in 4.

Hoffmann (Fr.). Przygody Piotra na okręcie i w więzieniu. Powieść dla młodzieży. Kraków. 104 i II str. in 8.

Kraszewski (J. I.). Na królewskim dworze. Czasy Władysława IV. Kraków, 1886. Tom I. 222 str. Tom II. 231 str. Tom III. 233 str. in 8.

(Powieści historyczne. XXIV).

Łam (Jan). Dzieła. Tom IV. Głowy do pozłoty. Lwów, 1885. Tom I. XIV i 297 str. in 8.

Mary (Juliusz). Dramat w górach. Kraków, 1885. 161—221 str. in 8. (Biblioteka najcenniejszych powieści i romanów. Zeszyt 13).

Mycielski (Jerzy, d-r). Porwana z klasztoru. Kartka z dziejów obyczajowych. Polski XVII wieku. Kraków, 1886. 220 str. in 8.

Poeche (Lzydor). Różany ogródek; historyjki i opowiadania, według Löhra-Hoffmanna. Kraków. IV i 100 str. in 8.

Poeche (Lzydor). Skarb złoty. 100 ciekawych obyczajowych powiastek, według ks. kanonika Krzysztofa Schmida. Kraków. II, 116 i III str. in 8.

Urbanowska (Zofia). Księżniczka. Powieść. Kraków, 1886. 370 str. in 8.

Walka na śmierć i życie. Powieść z czasów rewolucyi francuzkiej. Poznań. 1884. 50 str. in 8.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕМУАРЫ.

Chmielowski (Piotr). Adam Mickiewicz. Żarys biograficzno-literacki. Kraków, 1886. Tom II. 482 str. in 8.

Radziwiński (Z. L.). Słowo o namiestnikach rusko-litewskich i marszałkach wołyńskiej ziemi, wywołane pracą p. Józefa Wolfa „Senatorowie i dygnitarze wielkigo, ks. litewskiego“, poprzedzone i zakończone

uwagami i uzupełnieniami do niej. Kraków, 1885. 43 str. in 8.

W d o w i s z e w s k i (Jan). Hans Makart, jako człowiek, charakter jego sztuki i jej znaczenie. Lwów, 1885. 16 str. in 8.

ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГРАФИЯ.—ПУ- ТЕШЕСТВИЯ.

K o l b e r g (Oskar). Lud, jego zwyczaj, sposób życia, mowa, podania, przysłowia obrzędy, guśla, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Kraków, 1885. Serya XVIII: Kieleckie. Część I. II. i 242 str. in 4.

S t e c k a (Marya). Kongo. Kraków, 1885, 48 str. in 8.

ИСКУССТВО.

S t r u w e (Henryk, prof.). Album malarzy polskich z tekstem objaśniającym. Wiedeń, 1885. Zeszyt I. 24 nien. str. in folio.

ПЕДАГОГИЯ.—ДѢТСКІЯ КНИГИ.

B e e c h e r - S t o w e. Chata wuja Tomaszka, czyli Czarni i Biali. Opowiadanie dla młodzieży. Kraków. 140 i II str. in 8.

G e r m a n (Ludwik, d-r). Mitologia dla młodzieży. Kraków, 1886. XVI i 191 str. in 8.

Historyjka mamuni. Zbiór najpiękniejszych powiastek dla dzieci. Kraków. 147 i II str. in 8.

S z m i d (x., kanonik). Jaskinia Beatusa, zajmująca powiastka dla dzieci. Kraków. 224 str. in 8.

Odkrycie Ameryki (Krzysztof Kolumb), opowiedziane dla młodzieży. Kraków, 145 i III str. in 16.

Przygody Ferdynanda Korteza zdobywcy Meksyku. Opowiadanie dla młodzieży. Kraków. 179 i IV str. in 8.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФИЯ.—ПСИХО- ЛОГИЯ.

B i b e s c o (prince Georges). L'Orthodoxie et la catholicité en Orient. Paris, 1885. 16 p. in 8.

D e n i s (Léon). Pourquoi la vie? Solution rationnelle du problème de l'existence. Tours, IV et 70 p. in 24.

F i n n e y. Discours sur les réveils religieux. Genève, 1886. XXIII et 405 p. in 8.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

A m e z e u i l (C. d'). La Braconnière. Souvenirs de chasses. Paris, 1886. 338 p. in 18.

A u d e b r a n d (Philibert). Petits mémoires d'une stalle d'orchestre (Acteurs, actrices, auteurs, journalistes). Paris, 1885. 366 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

B a i s s a c (Charles). Récits créoles. Paris, 1884. XII et 428 p. in 18.

B a n v i l l e (Théodore de). Scènes de la vie. Contes bourgeois. Paris, 1885. 364 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

B a y e u x (Marc). La Fille adoptive. Paris. 333 p. in 18.

B e a u j o i n t (Jules). Les Auberges sanglantes. L'Auberge de Peirebeille (Pierre-bille Ardèche). 26 ans d'assassinat. Paris. 1-re livr., 8 p. in 4.

B e a u r e p a i r e (de). Le Poman d'un officier de fortune. Paris, 1886. VI et 346 p. in 18.

B e l l o c (M-me L. Sw.). Derniers récits. Paris, 1886. VIII—282 p. in 8.

B e r r a (Marie). Religieuse et mère. Paris, 1885. 182 p. in 18.

B o n h o m m e (Paul). Les Récits de l'oncle Paul. Paris. 1 et 276 p. in 16.

C a r n o y (Henry). Les Légendes de France. Paris. II et 308 p. in 8.

C é l i è r e s (Paul). Les Mémoires d'aventures du docteur J. B. Quiès. Paris. 284 p. in 4.

C e r e s o l e (Alfred). Legendes des Alpes vaudoises. Lausanne, 1885. 380 p. in 4.

C o e u r (Pierre). Le Petit-Roseray. L'Aventure de Jane. Le Gros lot. Paris, 1885. 340 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

C o m b e (T.). Bons voisins. Nouvelle jurassienne. Lausanne, 1886. 273 p. in 18.

C o p p é e (François). Contes et récits en prose. Paris. 290 p. in 8.

C r a f t y. La Province à cheval. Paris, 1886. X et 404 p. in 4. II. 10 p.

D a u d e t (Ernest). Aventures de femmes. Minna Taniska. La Comtesse Madeleine. Le Supplice d'une innocente. La Vengeance de l'amiral. Un Mariage manqué. Sans issue. Retrouvée. Paris, 1885. 330 p. in 18. II. 1 p. 50 k.

D e l p i t (Edouard). La Revanche de l'enfant. Paris, 1885. 281 p. in 18. II. 1 p. 75 k.

D e s b e a u x (Emile). La Maison de Mademoiselle Nicolle. Paris, 1886. 290 p. in 4.

D o m b r é a (Roger). Les Pastaré. Esquisses de la vie de petite ville. Paris. 278 p. in 8. II. 1 p. 75 k.

D u c (L. Léouzen Le). Le Serment du docteur. Histoire suédoise. Avec un avant-propos sur le cas du docteur Watelet. Paris, 1885. XXVII et 319 p. in 18.

D u p u y (Ernest). Les Parques. Paris, 1884. 61 p. in 18. II. 1 p. 15 k.

D u v i l l a r d (M-me M.). Esquisses italiennes. Paris, 1886. 398 p. in 18. II. 1 p. 15 k.

F e s s a r d (Charles). Les Récits de l'on-

cle Yanick. Nouvelles bretonnes. Les Amours d'Yonne. L'Atelier de maître Floch. Le Secret de maître Floch. Pauvre Jean. Paris, 1885. 291 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Fils de prêtre (Le). Roman posthume par l'Auteur du „Maudit“, l'abbé ***. Paris, 1885. XI et 309 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Flavien (Paul). Elvisia. Paris, 1886. 308 p. in 18.

Gallot (M-me Elisabeth-Sophie). Rome et les vallées vaudoises. Paris, 1885. 484 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Gréville (Henry). Clairefontaine. Paris, 1885. 329 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Halt (Marie et Robert). Ladies et gentleman. Battu par des demoiselles. Les Suites d'un Cook's tour. Paris. 334 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Hepp (Alexandre). Paris tout nu. Paris, 1885. 315 p. in 18. II. 1 p. 50 к.

Lapointe (Armand). Madame Margaret. Histoire parisienne. Paris, 1885. 249 p. in 18. II. 1 p. 50 к.

Launay (Alphonse de). Discipline. Paris, 1886. 325 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Lavedan (Henri). Mam'zelle Vertu. Paris, 1886. 332 p. in 18. 1 p. 75 к.

Leroy (Albert). Les Lendemain du bonheur. Paris, 1885. 324 p. in 18.

Lonlay (Dick de). Au Tonkin. 1883—1885. Récits anecdotiques. Paris, 1886. VIII et 597 p. in 8.

Mahalin (Paul). La Filleule de Lagardère. Paris, 1885. Vol. I. La Saltimbanque. 355 p. Vol. II. L'Heritière. 374 p. in 18. II. 3 p. 50 к.

Malot (Hector). Le Lieutenant Bonnet. Paris, 1885. 138 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Marmier (Xavier). Passé et présent. Récits de voyages. Paris, 1886. 333 p. in 18.

Martignat (M-lle de). Une Petite-nièce d'Amérique. Paris, 1886. 291 p. in 18.

Mélandri (A.). Les Farfadets. Conte breton. Paris, 1886. 36 p. in 4.

Mendès (Catulle). Philoméla, Paris, 1885. 100 p. in 18.

Mendès (Catulle). Les Iles d'amour. Paris, 1886. VII et 85 p. in 4.

Mendès (Catulle). Pantéléia. Sérénades. Pagode. Paris, 1885. 80 p. in 18.

Mendès (Catulle). Intermède. Paris, 1885. 127 p. in 18.

Meunier (E.). Esquisses provinciales. Paris, 1885. 342 p. in 18. II. 1 p. 50 к.

Montépin (Xavier de). P. L. M. La Belle Angèle. Paris, 1885. Tome I, 310 p. Tome II, 315 p. in 18. II. 3 p.

Moret (Eugène). Les Messagères de l'Amour. Paris. 390 p. in 18.

Naquet (Félix). Haute école. Poésies. Paris, 1886. 371 p. in 18.

Nicolet (Th.). Tribulations d'un précepteur en Russie et ailleurs. Bruxelles, 1885. 306 et 2 p. in 18. II. 1 p.

Piedagnel (Alexandre). En route. Paris, 1886. 95 p. in 16.

Poli (Oscar de). Récits d'un soldat. Paris, 1885. 353 p. in 18.

Pont-Jest (René de). Sang-maudit. Jeanne Reboul. Paris, 1886. 357 p. in 18.

Quantin (A.). Histoire de Germaine. Paris. 1 et 304 p. in 16.

Richebourg (Emile). La Fille du chanvrier. Paris. 188 p. in 24.

Roussello (Emile). Marie Letellier. Paris, 1885. 319 p. in 18.

Saint-Landri. Les Inconscients. Paris, 1885. 311 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Samarow, Gregor (Oscar Meding). Les Scandales de Berlin. Roman social contemporain. 4-me édition. Paris, 1886. XII et 450 p. in 18.

Saunière (Paul). Fleur de vertu. Paris. 351 p. in 18.

Second (Albéric). Le Tiroir aux souvenirs. Paris, 1886. 382 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Ségalas (Anaïs). Les Deux fils. Paris, 1886. 316 p. in 12.

Servièrès (Georges). Roseline. Mœurs contemporaines. Paris, 1885. 333 p. in 18.

Surville (André). Les Amis de Berthe. Paris, 1886. 234 p. in 16.

Théo-Critt. Journal d'un officier malgré lui (Septembre 1873 — Mai 1885). Paris, 1886. 372 p. in 18.

Verne (Jules). Mathias Sandorf. Paris, 1885. 552 p. in 4.

Vernier (Valery). Un Sphinx du demi-monde. Avec une notice sur l'auteur par André Theuriet. Paris, 1886. XV et 309 p. in 18. II. 1 p. 50 к.

Vidal (Jules). Un Coeur fêlé. Préface de Robert Caze. Paris, 1885. VII et 320 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Vignon (Claude). Une Etrangère. Etude de femme. Paris, 1886. 393 p. in 18.

Vincent (m-me Marie). Histoire d'un grand-père. Paris. 209 p. in 18.

Vitu (Auguste). Les Mille et une nuits du théâtre. 2-me série. Paris, 1885. 390 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Wailly (Jules de). A dix-huit ans ou Le Vicaire de Presles. 1-re étude. Paris. 353 p. in 18.

Witt, M-me de (née Guizot). Notre-Dame Guesclin. La Jacquerie. Delhi et Cawnpore. Scènes historiques. 5-me série. Paris, 1886. 293 p. in 8.

Wodzinski (comte). Vainqueurs et vaincus. Paris, 1886. 327 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

ИСТОРИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕМУАРЫ.

Amaury-Duval. Souvenirs (1829 —

1890). Paris. VI et 256 p. in 18.

Barral (comte de). Étude sur l'histoire diplomatique de l'Europe. 1-re partie. 1648—1792. 2-me édition. Paris, 1885. III et 386 p. in 8. II. 3 p. 75 к.

Bonhomme (Honoré). Madame la comtesse de Genlis, sa vie, son oeuvre, sa mort (1746—1830). D'après des documents inédits. Paris, 1885. 138 p. in 18. II. 1 p. 50 к.

Bonnières (Robert de). Mémoires d'aujourd'hui. Deuxième série. Paris, 1885. 6 et 345 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Delaborde (c-te Jules). François de Chastillon comte de Coligny. Paris, 1886. 501 p. in 4. II. 6 p.

Duverney (Jacques). Un Tour en Suisse. Histoire, science, monuments, paysages. Tours, 1884. 368 p. in 4.

Fauriel (Claude). Les Derniers jours du Consulat. Manuscrit inédit publié et annoté par Ludovic Lalanne. Paris, 1886. XXIII et 502 p. in 8. II. 3 p. 75 к.

Fontane (Marius). Histoire universelle. La Grèce (de 1300 à 480 av. J. C.). Paris, 1885. 487 p. in 8. II. 3 p. 75 к.

Ganneron (Emile). L'Amiral Courbet d'après les papiers de la marine et de la famille. Paris, 1885. VI et 372 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Goncourt (Edmond de). Madame Saint-Huberty d'après sa correspondance et ses papiers de famille. Paris, 1885. VIII et 319 p. in 18. (Les Actrices du XVIII-me siècle). II. 1 p. 75 к.

Julleville (L. Petit de). Histoire du théâtre en France. Les Comédiens en France au moyen-âge. Paris, 1885. 363 p. in 18.

Lemaître (Jules). Les Contemporains. Études et portraits littéraires. 1-re série. Théodore de Banville. Sully-Prudhomme. François Coppée. Edouard Grenier. Madame Adam. Madame Alphonse Daudet. Ernest Renan. Ferdinand Brunetière. Emile Zola. Guy de Maupassant. J. K. Huysmans. Georges Ohnet. Paris, 1886. 355 p. in 18.

Lonlay (Dick de). L'Amiral Courbet et le "Bayard". Récits, souvenirs historiques. Paris, 1886. VIII et 163 p. in 18.

Michelet (J.). Oeuvres. Histoire de France. Moyen-âge. Paris, 1885. Tome IV, 412 p. Tome V, 419 p. in 12.

Molènes (Paul de). Mélanges. Questions militaires. Littérature. Histoire. Correspondance inédite. Paris, 1885. 310 p. in 18.

Montpensier. Mémoires de M-lle de Montpensier petite-fille de Henri IV collationnés sur le manuscrit autographe avec notes biographiques et historiques par A. Chéruel. Paris, 1858. Tome I, XI et 465 p. Tome II, 560 p. Tome III, 635 p. Tome IV, 724 p. in 18.

Neucastel (Emile). Gambetta. Sa vie, ses idées politiques. Paris, 1885. VII et 370 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Pingaud (Léonce). Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien régime. L'Émigration. Les Invasions. Paris, 1886. XX et 482 p. in 8.

Quinet (Edgar). Lettres d'exil à divers amis. 2-me édition. Paris, 1886. Tome III, 467 p. in 18.

Schmidt (Charles). Précis de l'histoire de l'Église d'occident pendant le moyen-âge. Paris, 1885. XI et 452 p. in 8. II. 6 p.

Sourches (marquis de) Mémoires sur le règne de Louis XIV publiés d'après le manuscrit authentique appartenant à M. le duc des Cars par le comte de Cosnac (Gabriel-Jules) et Edouard Pontal. Paris, 1885. Tome V. Juillet 1695—Décembre 1697. 476 p. in 18.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Allard (Alph). La Crise. La Baisse des prix. La Monnaie. 2-e édition, augmentée. Bruxelles, 1885. LXI et 208 p. in 4.

Bastiat (Frédéric). Oeuvres complètes mises en ordre revues et annotées d'après les manuscrits de l'auteur. 5-e édition. Paris, 1884. Tome V. Sophismes économiques. Petits pamphlets. Tome II. 564 p. in 18. (Bibliothèque des sciences morales et politiques).

Coste (Adolphe). Les Questions sociales contemporaines. Contes rendus du concours Pereire et études nouvelles sur le paupérisme, la prévoyance, l'impôt, le crédit, les monopoles, l'enseignement. Avec la collaboration pour la partie relative à l'enseignement de Mm Aug. Burdeau et Lucien Arréat. Paris, 1886. XI et 591 p. in 8. II. 5 p.

Michaux (M. H. E.). L'Impôt. Paris, 1885. VII et 215 p. in 8.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Baur et Le Roy (les P. P.). A travers le Zanguebar. Voyage dans l'Oudoé, l'Ouzigara, l'Oukwèrè, l'Oukami et l'Ousagara. Tours, 1886. 358 p. in 8.

Chambrier (James de). Un Peu partout. D'Alger à Madrid. Paris, 1886. 312 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Flaubert (Gustave). Par les champs et par les grèves (voyage en Bretagne) accompagné de melanges et fragments inédits. Paris, 1886. III et 331 p. in 18.

Hugonnet (Léon). La Turquie incon nue. Roumélie. Bulgarie. Macédonie. Albanie. Paris, 1886. III et 308 p. in 18. II. 1 p. 75 к.

Leger (Louis). La Bulgarie. Paris, 1885. XVIII et 228 p. in 18.

Lonlay (Dick de). A travers la Bulgarie. Souvenirs de guerre et de voyage par

un volontaire au 26-e régiment de cosaques du Don. Paris, 1886. 326 p. in 8.

Marcet (Dr. A.). Le Maroc. Voyage d'une mission française à la cour du sultan. Paris, 1885. VIII et 298 p. in 18.

Moser (Henri). A travers l'Asie Centrale. Impressions de voyage. Paris, 1886. XI et 463 p. in 4.

Musset (Paul de). En voiturin. Voyage en Italie et en Sicile. Paris, 1885. 314 p. in 18.

Stanley (Henry M.). Cinq années au Congo 1879—1884. Voyages, explorations, fondation de l'état libre du Congo. Traduit de l'anglais par Gérard Harry. Paris. XVIII et 696 p. in 4.

Vambéry (Arminius). Mes aventures et mes voyages dans l'Asie Centrale de Téhéran à Khiva, Bokhara et Samarkand à travers le grand désert turcoman. Tours, 1886. 384 p. in 18.

МЕДИЦИНА. — ЕСТЕСТВ. НАУКИ.

Bernard (Claude). Leçons sur les phénomènes de la vie commune aux animaux et aux végétaux. Paris, 1885. Tome I. 2-me édition conforme à la première édition de 1878. XXXI et 404 p. Tome II. 1879. XII et 564 p. in 8.

(Cours de physiologie générale du Muséum d'histoire naturelle).

Broquère (Dr. R.). La Médecine des accidents. Premiers secours à donner. Paris. 184 et 3 p. in 32. II. 60 к.

Capus (Guillaume). L'Oeuf chez les plantes et les animaux. Paris, 1885. 342 p. in 18.

Chauvet (Emmanuel). La Philosophie des médecins grecs. Paris, 1886. LXXXIX et 604 p. in 8.

Dramard (L.). La Science occulte. Étude sur la doctrine ésotérique. 2-me édition complètement remaniée. Paris, 1886. 28 p. in 8.

Hartmann (R.). Les Singes anthropoïdes et leur organisation comparée à celle de l'homme. Paris, 1886. 232 p. in 12.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Derrécagaix (V.). La Guerre moderne. Paris, 1885. 2-me partie. Tactique. 491 p. in 8. II. 5 p.

Hauterive (A. d'). Les Grandes manoeuvres de la Garde Impériale russe en 1884. Paris, 1885. 46 p. in 18.

Montaudon (le général). Les Reformes militaires et l'armée coloniale. Paris, 1885. 437 p. in 8.

ИСКУССТВО. — ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНИЯ.

Jametel (Maurice). La Chine incon-

nue. Paris, 1886. 250 p. in 18. (Souvenirs d'un collectionneur). II. 1 p. 50 к.

Noulens (J.). Artistes français et étrangers au Salon de 1885, rangés et appréciés dans l'ordre alphabétique. Paris, 1885. XIX et 252 p. in 18.

Uzanne (Octave). La Française du siècle. Modes, moeurs, usages. Paris, 1886. XVI et 283 p. in 4.

ПЕДАГОГИЯ.

Alcott (L. M.). La Petite Pose, ses six tantes et sept cousins. Adaptation par Stahl et Lermont. Paris, 1885. 258 p. in 8.

Ambroise (V. Vattier d'). La Fille du pêcheur. Paris, 1885. 285 p. in 18. (Bibliothèque du „Jeune âge illustré“ publiée sous la direction de M-lle Lérida Geoffroy).

Andriveau (P.). Contes aux tout petits. Paris. 116 p. in 12.

Austin (S.). Boulotte. Paris, 1885. 122 p. in 18.

Belloc (M-me Louise Sw.). Les Leçons d'une jeune mère. Contes et recits. Paris, 1886. 306 p. in 8.

Bersier (M-me Eugène). Histoire d'une petite fille heureuse. Paris, 1886. VII et 292 p. in 18.

Bosguérard (Marie de). Scènes enfantines. Paris. 120 p. in 12.

Doudet (M-me). La Menagerie de bébé. Nouvel alphabet en images. Paris. 44 p. in 4.

Doudet (M-me). La Poupée de bébé. Aventures merveilleuses d'une poupée qui parle. Paris. 44 p. in 4.

Gouzy (P.). Voyage d'une fillette au pays des étoiles. Paris, 1885. 272 p. in 8.

Greenaway (Kate). Pour les enfants sages. Interprétation par J. Girardin. Paris. 60 p. in 4.

Hameau (L.). Les Mémoires de Lilette. Paris, 1885. 270 p. in 18.

Laurie (André). Scènes de la vie de collège dans tous les pays. Tito de Florentin. Paris, 1885. 272 p. in 8.

Meyrac (Albert). Histoire de la guerre de cent ans (1338—1453). Préface de M. E. Bonnemère. Paris, 1885. 290 p. in 8.

Perrault (Pierre). Les Lunettes de grand'maman. Paris, 1885. 108 p. in 18.

Rochay (J. de). Jasper ou Les Pêcheurs d'Helgoland. Paris, 1885. VI et 290 p. in 18.

Ruelle (J.). Les Refrains de la jeunesse. Recueil illustré de petits chants à une, deux et trois voix. Choisis et accompagnés par L. Lemoine. Paris. 1 cahier, 59 p. 2 cahier, 63 p. 3 cahier, 63 p. in 8.

Stahl (P. J.). Mademoiselle Lili en Suisse. Paris. XXII et XXII p. in 8.

Stahl (P. J.). Le Pauvre âne. Paris. 8 p. in 4.

Verne (Jules) et André Laurie. L'Épave du Cynthia. Paris, 1885. 266 p. in 8.

С М Ъ С Ь.

Combet (Jean-Louis). La Charité. Lyon, 1885. 51 p. in 8.

Genevay (A.). Le Style Louis XVI. Charles Le Brun, décorateur; ses oeuvres, son influence, ses collaborateurs et son temps. Paris, 1886. 1 et 258 p. in 4.

(Bibliothèque internationale de l'art).

Wyse (Lucien N. B.). Le Canal de Panama. L'Isthme américain, explorations; comparaison des tracés étudiés, négociations; état des travaux. Paris, 1886. 399 p. in 4. II. 13 p. 50 x.

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФИЯ.—ПСИХОЛОГИЯ.

Barth (E.). Die Reform der Gesellschaft durch Neubelegung des Gemeinewesens in Staat. Schule und Kirche. Lpz., 1886. VII und 167 S. in 8.

Bois-Reymond (E. du). Reden. Lpz., 1886. Erste Folge. Litteratur-philosophische Zeitgeschichte. VIII und 550 S. in 8.

Brasch (M.). Gesammelte Essays und Charakterköpfe zur neueren Philosophie und Literatur. Lpz. II Bd 266 S. in 8.

Dalton (H.). Ferienreise eines evangelischen Predigers. Bremen und Lpz., 1886. XI und 400 S. in 8.

Eucken (R.). Beiträge zur Geschichte der neuern Philosophie, vornehmlich der deutschen. Heidelberg, 1886. III und 184 S. in 8.

Frantz (A.). Die Inspiration, insonderheit die Verbalinspiration der heiligen Schrift. Bernburg, 181 S. in 8.

Gerhard (C.). Kant's Lehre von der Freiheit. Heidelberg, 1885. 84 S. in 8.

Gess (W. F.). Bibelstunden über den Brief des Apostels Paulus an die Römer (Cap. 1—8). Basel, 1886. XII und 367 S. in 8.

Hahn (F.). Ueber geistliche Erweckungen. Basel, 1885. VIII und 159 S. in 8.

Hanffe (G.). Entwicklungsgeschichte des menschlichen Geistes. Minden. XII und 480 S. in 8.

Heman (C. F.). Der Ursprung der Religion. Basel, 1886. 64 S. in 8.

Heussler (H.). Der Rationalismus des XVII Jahrhunderts in seinen Beziehungen zur Entwicklungslehre. Breslau, 1885. 160 S. in 8.

Kabbala, Die. Ihre Hauptlehren und ihr Verhältniss zum Christenthum. Innsbruck, 1885. 58 S. in 8.

König (A.). Schöpfung und Gotteserkenntniss. Freib. i./B., 1885. 381 S. in 8.

Maass (G.). Der Einfluss der Religion auf das Recht und den Staat. Gütersloh, 1886. IV und 306 S. in 8.

Mayer (J. V.). Vom Erkennen. Freib. i./B., 1885. VI und 180 S. in 8. II. 1 p. 25 x.

Preyer (W.). Die Erklärung des Gedankens. Lpz., 1886. 70 S. in 8.

Schell (H.). Das Wirken des Dreieinigten Gottes. Mainz, 1885. XV und 624 S. in 8.

Uuzulänglichkeit, Die, des theologischen Studiums der Gegenwart. Lpz., 1886. VII und 109 S. in 8.

Volckelt (J.). Erfahrung und Denken. Kritische Grundlegung der Erkenntnistheorie. Hamburg und Lpz., 1886. XVI und 556 S. in 8.

Weckesser (A.). Der empirische Positivismus in seinem metaphysischen Zusammenhang im System von E. v. Hartmann. Bonn, 1885. 74 S. in 8.

Wendt (H. H.). Die Lehre Jesu. Göttingen, 1886. I Theil. VIII und 354 S. in 8.

ВЕЛЛЕТРИСТІЯ.

Abrie (W.) und G. Kötter. In Moll und Dur. Ernestes und Heiteres. Ribnitz, 1885. 78 S. in 12.

Adelmann (Gr. A.). Was ist Glück-Novelletten. Lpz., 1885. 144 S. in 16.

Amerlan (F.). Ersungen. Eine Erzählung. Berlin, 1886. 175 S. in 8.

Anzengruber (L.). Der Sternsteinhof. Eine Dorfgeschichte. Lpz., 1885. I und II Th.: 182 und 194 S. in 8.

Ascheraden (M. v.). Numa. Eine Geschichte aus altgriechisch-italischer Sagenzeit. Lpz., 1886. IV und 347 S. in 8.

Augusti (B.). „Elisabeth“. Eine Erzählung. Stuttgart. 133 S. in 8.

Bacmeister (H.). Erlebtes und Erdachtes. Reutlingen, 1886. 153 S. in 8.

Bargen (H. R.). Don Juan Redando, der Stierkämpfer und Abenteurer. Neusalza i./S. 10 Heft: 217—240 S. in 8.

Beeg (M.). Lenzestürme. Erzählung. Stuttgart. 244 S. in 8.

Beeg (M.). Junge Freunde. Erzählung. Stuttgart. 179 S. in 8.

Benkard (Chr.). Unter Halbmond und Kreuz. Roman aus unseren Tagen. Braunschweig, 1886. 369 S. in 8.

Berlepsch (G. v.). Ledige Leute. Zwei Novellen. Lpz., 1886. 243 S. in 8.

Biller (E.). Feurige Kohlen. Eine Erzählung aus dem XVI Jahrhundert. Stuttgart. 121 S. in 8.

Blüthgen (V.). Lebensfrühling. Erzählungen. Stuttgart. 303 S. in 8.

Bodenstedt (F.). Neues Leben. Ge-

dichte und Sprüche. Breslau, 1886. 202 S. in 8.

Bonnet (J.). Der Gondolier von Venedig. Eine venezianer Geschichte. Wiesbaden, 1886. 112 S. in 16.

Bonnet (J.). Der Onkel von Vevey. Wiesbaden, 1886. 100 S. in 16.

Boy-Ed (I.). Dornenkronen. Roman. Berlin, 1886. 267 S. in 8.

Buchmann (O.). Junge Herzen in Freud und Leid. Drei Erzählungen. Stuttgart. 111 S. in 8.

Claudius (M.). Das Kind der Sorgen. Treue im Kleinen. Zwei Erzählungen. Glogau. 119 S. in 8.

Corvus (M.). Charakter-Studien. Vier Novellen. Breslau, 1886. 256 S. in 8.

Crescenzia (A.). Liebeslegenden Wien, 1886. 248 S. in 8.

Cron (C.). Das Glückskind. Eine Erzählung. Lpz., 1885. 213 S. in 8.

Dahn (F.). Die schlimmen Nonnen von Poitiers. Historischer Roman aus der Völkerwanderung. Lpz., 1885. 308 S. in 8.

Elbe (A. v. d.). Brausejahre. Bilder aus Weimars Blüthezeit. Roman. Lpz. I Bd.: VI und 256 S.; II Bd.: 244 S. in 8.

Engelhardt (L. v.). Lieschen und ihre Mutter. Zwei Geschichten. Gotha. 199 S. in 8.

Engelhardt (L. v.). Ein warmes Haus im Norden. Gotha. 196 S. in 8.

Erhard (E.). Das Meerweibchen. Novelle. Stuttgart und Lpz., 1886. 300 S. in 8.

Ernst (E.). Mainachtgeister. Erzählung. Riga. Mellin und Neldner. 1886. 154 S. in 8.

Flach (J.). Der deutsche Professor der Gegenwart. Lpz., 1886. VIII und 258 S. in 8.

Fontane (Th.). Unterm Birnbaum. Berlin, 1885. 156 S. in 8.

Frenzel (K.). Neue Novellen. Berlin, 1886. I Bd.: 293 S.; II B.: 310 S. in 8.

Friedrich (G.). Aus junger Tage und Leid. Stuttgart. 125 S. in 8.

Glaser (A.). Das Fräulein von Villecour. Roman. Dresden und Lpz., 1886. I Bd. 187 S.; II Bd. 223 S. in 8.

Grosse (J.). Der getreue Eckart. Roman. Berlin, 1885. I Bd. 388 S.; II Bd. 453 S. in 8.

Grotthuss (E. v.). Helene Grandpré. Sozialer Roman. Augsburg, 1885. 552 S. in 8.

Gumpert (Th. v.). Backfische. Vier Erzählungen. Glogau. 319 S. in 8.

Habicht (L.). Zum Schein. Lpz. und Berlin, 1886. 92 S. in 8.

Hahn (R. E.). Ehen werden im Himmel geschlossen. Roman. Dresden und Lpz., 1886. 343 S. in 8.

Haimer (V.). Müllers Lieschen. Berlin. 3—5 Heft. 81—176 S. in 8.

Haenstein (M.). Vier deutsche Märlein. Glogau. 184 S. in 8.

Heimburg (W.). Trudchens Heirath. Roman. 282 S. in 8.

Herbert (M.). Jagd nach dem Glück. Roman. Köln, 1885. 300 S. in 8.

Heyse (P.) und H. Kurz. Neuester Deutscher Novellenschatz. München und Lpz. III Serie. I Bd. (Der ganzen Reihe 13-ter Bd.). 318 S. in 8.

Hirschfeld (H.) und M. Pelzel. Die Hexe von Scharnrode.—Prinzessin Irrlicht. Köln. 400 S. in 8.

Hirschfeld (H.). Die feindlichen Brüder. Lpz. und Berlin. 1886. VI und 242 S. in 8.

Hobrecht (A.). Fritz Kannacher. Historischer Roman. Berlin, 1885. I Bd. XII und 385 S.; II Bd. 490 S. in 8.

Höcker (O.). Zwei Streiter des Herrn. Kulturgeschichtliche Erzählung aus der Zeit der Merowinger. Lpz., 1886. 176 S. in 8.

Hülßen (H. v.). Einst und Jetzt. Drei Erzählungen. Berlin, 1886. 294 S. in 8.

Jensen (W.). Aus schwerer Vergangenheit. Berlin, 1885.

Jokai (M.). Der Zigeunerbaron und andere Novellen. Breslau, 1886. 302 S. in 8.

Kaden (W.). Neue Welschland-Bilder und Historien. Lpz., 1886. VI und 418 S. in 8.

Klee (E.). Sein und Schein. Erzählung aus dem jüdischen und christlichen Leben der Gegenwart. Bremen und Lpz., 1885. 356 S. in 8.

Koch (R.). Veilchenmoos. Erzählungen. Glogau. 232 S. in 8.

Koester (H.). Hiob. Episches Gedicht. Bielefeld und Lpz. 160 S. in 8.

König (E. A.). Alle Schuld rächt sich. Roman. Berlin. 333 S. in 8.

König (E. A.). Wegen Mangel an Beweis. Roman. Berlin, 1886. I—III Bd. 206, 202 und 202 S. in 8.

Kuchmann (O.). „Der Mutter Trost“. Eine Erzählung. Stuttgart. 168 S. in 8.

Kulasch (F.). Aus den Erlebnissen eines Künstlers. Herausgegeben von A. Rodérich. Berlin und Stuttgart 76 S. in 8.

Letnew (P.). An einem Haar. Roman. München und Lpz., 1886. 200 S. in 8.

Lilientron (A. v.). Sonnenschein und Sturm. Erzählung. Gotha, 1886. 191 S. in 8.

Lindau (A.). Märchen. Berlin, 1885. 144 S. in 8.

Linke (O.). Liebeszauber. Ein Schönheitsroman aus der Zeit des Perikles. Minden i/W., 1886. VI und 156 S. in 8.

Loy (A. v.). Graf und Gräfin von Ortenegg. Roman. Wiesbaden. I Teil. 298 S. in 8.

Lublinter (H.). Die Gläubiger des Glücks. Roman. Breslau, 1886. I Bd.: 192 S.; II Bd.: 185 S. in 8.

Ludwig (J.). Aus goldener Zeit. Erzählungen. Stuttgart. 272 S. in 8.

- Marcusen (A.). Nachgelassene Gedichte, Skizzen vom Genfersee und Novellen. Bern, 1885. 163 S. in 12.
- Mayer (M. W.). Die Königin des Tages und ihre Familie. Wien und Teschen, 1885. X und 366 S. in 8.
- Niemann (A.). Das Geheimniss der Mumie. Bielefeld und Lpz., 1886. 549 S. in 8.
- Norden (E.). Saat und Ernte. Erzählung. Norden, 1885. 255 S. in 8.
- Osten (A. v. d.). Der erste Preis. Erzählung. Hamburg, 1886. 304 S. in 8.
- Pichler (L.). Diademe und Myrten. Stuttgart. 288 S. in 8.
- Rebe (M.). Am Strengbach. Karlsruhe, 1886. 205 S. in 8.
- Remmer (O.). Gedichte in Prosa. Aus den Papieren eines Pessimisten. Berlin, 1885. 170 S. in 8.
- Renatus (J.). Lebensskizzen aus ersten und heiteren Tagen. Dresden, 1885. I Bd.: 199 S.; II Bd.: 213 S. in 8.
- Rhoden (E. v.). Das Musikantenkind. Erzählung. Stuttgart. VIII und 109 S. in 8.
- Rodenberg (J.). Bilder aus dem berrlichen Leben. Berlin, 1885. VII und 248 S. in 8.
- Schlenther (P.). Frau Gottsched und die bürgerliche Komödie. Berlin. 1886. 267 S. in 8.
- Schmidt (H.). Der Grossmutter Erzählungen. Zwölf Geschichten. Stuttgart. 139 S. in 8.
- Schöler (Ch. v.). Der Rathsherr von Trier. Berlin, 1885. 250 S. in 8.
- Schönthan (P. v.). Der Maskenball und andere heitere Geschichten. Berlin, 1885. 111 S. in 8.
- Schottky (E.). Clytia. Eine Begegnung. Wiesbaden, 1885. 136 S. in 8.
- Schuch (H.). Vaterländische Erzählungen. Danzig, 1886. I Theil. 124 S. in 8.
- Schücking (L.). Recht und Liebe. Roman. Breslau, 1886. 268 S. in 8.
- Seidel (H.). Wintermärchen. Glogau. X und 327 S. in 8.
- Steen (A.). Der Glockenspieler von Gent. Bremen, 1885. VII und 268 S. in 8.
- Steinau (H.). Die Wiedenburgs. Roman. Halle a S. 1886. 517 S. in 8.
- Strebel (J. V.). Ein musikalisches Pfarrhaus. Basel, 1886. 192 S. in 8.
- Suttner (B. v.). Daniela Dormes. Roman. München und Lpz., 1886. 315 S. in 8.
- Suttner (B. v.). Ein schlechter Mensch. Roman. Lpz. und München, 1885. 247 S. in 8.
- Taylor (G.). Elfriede. Lpz., 1885. 371 S. in 8.
- Tegtmeyer (E.). Die Tochter des Bürgermeisters. Bremen, 1885. 164 S. in 8.
- Telimann (K.). Menschenschicksale. Novellen. Minden i./W., 1885. 263 S. in 8.
- Tempelhof (H. v.). Der Seeräuber. Berlin. 1—20 Heft. 640 S. in 8.
- Trinius (A.). Vom grünen Strand der Spree. Berliner Skizzenbuch. Minden i./W., 1885. 140 S. in 8.
- Tuxen (F.). Aus der Kinderwelt. Erzählungen. Uebersetzung von L. Fehr. Gotha. 226 S. in 8.
- Villinger (H.). Zenz und andere Erzählungen. Berlin und Stuttgart. 194 S. in 8.
- Wagener (B.). Strandgut. Vier Novellen. Berlin, 1886. 325 S. in 8.
- Warren (L.). Im Hörselberg. Roman. Stuttgart und Lpz., 1886. I Bd.: 228 S.; II Bd.: 204 S. in 8.
- Wener (E.). Die Blume des Glückes. Erzählung. Lpz. 299 S. in 8.
- Werder (A. v.). Professor. Irrgang. Eine Erzählung. Lpz., 1886. 336 S. in 8.
- Wereschagin (W. W.). Skizzen und Erinnerungen. Lpz., 1885. 237 S. in 8.
- Wilbrandt (A.). Der Wille zum Leben. Untrennbar. Novellen. Stuttgart, 1885. 168 S. in 8.
- Wild (R.). Zweierlei Tuch. Heitere Geschichten aus dem Soldatenleben. Lpz., 1885. I Bd.: 119 S.; II Bd.: 92 S. in 8.
- Wildermuth (O.). Die alte Freundin. Erzählungen. Stuttgart, 1883. 352 S. in 8.
- Wildeuradt (J. v.). Schön-Däweke. Eine Geschichte aus dem XVI Jahrhundert. Lpz. 232 S. in 8.
- Willigerod (L.). Aus meinem Tagebuche. Gotha. 168 S. in 8.
- Zell (B. W.). Kloster Friedlands letzte Aebtissin. Roman. Breslau, 1886. 250 S. in 8.
- Ziegler (E.). Mein Debut. Dresden, Lpz., 1886. 221 S. in 8.
- Zoege v. Manteuffel (U.). Seraphine. Lpz., 1886. I und II Bd.: 253 und 419 S. in 8.
- Zollern (H. v.). Die Rebellen. Historischer Roman. Dresden und Lpz., 1886. I und II Bd.: 290 und 260 S. in 8.

ИСТОРИЯ. — БИОГРАФИЯ. — МЕМУАРЫ.

- Biederman (K.). Mein Leben und ein Stück Zeitgeschichte. I Bd. (1812—1849). Breslau, 1886. 393 S. in 8.
- Biller (E.). Markgräfin Barbara von Brandenburg. Das Leben einer Fürstin im XV Jahrhundert. Lpz., 1886. 296 S. in 8.
- Braun (J. W.). Goethe im Urtheile seiner Zeitgenossen (1802—1812). Berlin, 1885. XX und 311 S. in 8.
- Brevern (G. v.). Zur Geschichte der Familie von Brevern. Berlin, 1885. IV Bd.: X, 173, IV und 127 S. in 8.
- Brunner (S.). Joseph II. Charakteristik seines Lebens, seiner Regierung und seiner Kirchenreform. 2-te Aufl. Freib. i./B., 1885. XX und 252 S. in 8.
- Düntzer (H.). Abhandlungen zu Goe-

thes Leben und Werken. Lpz. II Bd. 412 S. in 8.

Freund (L.). Einiges über Eduard Lasker. Lpz., 1885. IV und 63 S. in 12.

Fürst Windisch-Grätz, Feldmarschall. Eine Lebens-Skizze. Aus den Papieren eines Zeitgenossen der Sturm-Jahre 1848 und 1849. Berlin, 1886. 268 S. in 8.

Geibel's Briefe an Karl Freiherrn von der Malsburg und Mitglieder seiner Familie. Herausgegeben von A. Duncker. Berlin, 1885. VIII und 111 S. in 8.

Hahn (L.). Fürst Bismarck. Sein politisches Leben und Wirken. Berlin, 1886. IV Bd. (1879—1885). XV und 684 S. in 8.

Höcker (O.). Friedrich der Grosse als Feldherr und Herrscher. Lpz., 1886. 176 S. in 8.

Kugler (B.). Albert von Aachen. Stuttgart, 1885. 426 S. in 8.

Otto (F.). Unser Kaiser. Ein Lebensbild zum 25-jährigen Königs-Jubiläum des Kaisers Wilhelm. Lpz. und Berlin, 1886. 142 S. in 8.

Rönnecke (K.). Rom's christliche Katakomben nach den Ergebnissen der heutigen Forschung. Lpz., 1886. 78 S. in 8.

Rücklass, Der, der unglücklichen Schottenkönigin Maria Stuart. Herausgegeben von Dr. B. Sepp. München, 1885. 114 S. in 8.

Schücking (L.). Lebenserinnerungen. Breslau, 1886. I Bd. 252 S.; II Bd. 357 S. in 8.

Staatschriften, Preussische, aus der Regierungszeit Königs Friedrichs II. Herausgegeben von I. G. Droysen und M. Duncker. Berlin, 1885. II Bd. 506 S. in 4.

Wagner (W. und J.). Feldherr und Volksheld. Prinz Eugen, der edle Ritter. Lpz. und Berlin, 1886. X und 506 S. in 8.

Wiessner (E.). Johann Heinrich Pestalozzi. Bernburg. 132 S. in 8.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Graf (Fr.). Zur Frage der Organisation des Kleinwerbes und des genossenschaftlichen Creditwesens wider den Druck des Geldmonopols. Lpz. 67 S. in 8.

Pié (7. L.). Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage. Lpz., 1886. 436 S. in 8.

Prozess Graf und die Mängel unseres Gerichtsverfahrens. 2-te₁ Aufl. Lpz., 1885. 110 S. in 8.

Rodbertus. Zwei verschollene staatswirtschaftliche Abhandlungen. Neu herausgegeben von Dr. M. Quarck. Wien, 1885. 41 S. in 8.

Rohmer's Lehre von den politischen Parteien und ausgewählte kleine politische Schriften. Mit Vorwort und Einleitung von H. Schulthess. Nördlingen, 1885. XI und 596 S. in 8.

Rommel (O.). Aus dem politischen Tag-

buch eines Süddeutschen (1863—1884). Stuttgart, 1885. 206 S. in 8.

Stöpel (F.). Die Wirthschafts- und Sozialpolitik des Fürsten Bismarck. Lpz. 65 S. in 8.

Vitzthum von Eckstädt (Gr. K. F.). Berlin und Wien in den Jahren 1845—1852. Politische Privatbriefe. Mit einem Vorworte von Dr. Karl Müller. Stuttgart, 1886. XXXIII und 338 S. in 8.

Warneck (G.). Welche Pflichten legen uns unsere Kolonien auf? Heilbronn, 1885. 123 S. in 8.

ГЕОГРАФИЯ.—ЭТНОГРАФИЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Ebers (G.). Cicerone durch das alte und neue Aegypten. Stuttgart und Lpz., 1886. I Bd.: XVI und 276 S.; II Bd.: X und 355 S. in 8.

Hellwald (Fr. v.). Die Weite Welt. Reisen und Forschungen in allen Theilen der Ede. Berlin und Stuttgart. VI und 408 S. in 8.

Kaiser (K.). Reise durch Skandinavien im Sommer 1884. Barmen, 1886. 216 S. in 8.

Kobelt (W.). Reiseerinnerungen aus Algerien und Tunis. Frankf. a./M., 1885. VIII und 480 S. in 8.

Schupp (O.). Unter den Menschenfressern von Borneo. Wiesbaden, 1886. 109 S. in 16.

Stieler (K.). Natur- und Lebensbilder aus den Alpen. Stgt., 1886. VIII und 397 S. in 8.

Wörishöffer (S.). Durch Urwald und Wüstensand. Bielefeld und Lpz., 1886. 618 S. in 8.

Zöllner (H.). Forschungsreisen in der deutschen Colonie Kamerun. Berlin, Stuttgart, 1885. XII und 291 S. in 8.

Zöllner (H.). Das Togoland und die Sklavenküste. Berlin und Stuttgart, 1885. 247 S. in 8.

ПЕДАГОГИЯ.—ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Adler (H.). Ueber Waisenerziehung. Frankf. a./M., 1885. 25 S. in 8.

Jugendgarten, Der. Eine Festgabe für die deutsche Jugend. Herausgegeben von O. Wildermuth. Stuttgart. 10 Bd. VI und 424 S. in 8.

Kippenberg (A.). Deutsches Lesebuch für höhere Töcherschulen. Hannover, 1885. I—IV Theil: 192, 224, 272 und 288 S. in 8.

Knaak (H.). Methode des Geschichtsunterrichtes in Volksschulen. Paderborn und Münster, 1885. IV und 64 S. in 8.

Lohmeyer (J.). Lustige Kobold-Geschichten für die Kinderwelt. Glogau. 48 S. in 4.

Oettingen (A.). *Christliche Religionslehre auf reichsgeschichtlicher Grundlage. Ein Handbuch für den höheren Schulunterricht.* Erlangen, 1885. I Hälfte. XVI und 148 S. in 8.

Schmid (H.). *Hund und Katz.* Lpz. S. in 8.

Tante Adolphine. *Des deutschen Kindes Weihnachtsbuch. Erzählungen etc.* Berlin. 192 S. in 8.

НА АНГЛИЙСКОМЪ ЯЗЫКЪ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.

Mitchell (J. Murray). *Hinduism past and present. With an Account of recent Hindu reformers and a brief comparison between Hinduism and Christianity.* London, 1885. pp. 299 in 18.

Olcott (Henry S.). *Theosophy, Religion and Occult Science. With Glossary of Eastern words.* London, 1885. pp. XIII—384 in 18.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Alden. *The Adventures of Jimmy Brown* written by himself and edited by W. L. Alden. London, 1885. pp. IV—236 in 18.

Buchanan (Robert). *The Poetical Works.* London, 1884. pp. VIII and 534 in 18.

Burke (Olivier J.). *Anecdotes of the Connaught Circuit, from its foundation in 1604 to close upon the present time.* Dublin, 1885. pp. XXIV and 357 in 8.

Edwardes (Mrs. Annie). *A Girton Girl.* Leipzig, 1885. Vol. I. pp. 296. Vol. II. pp. 295 in 12.

(Coll. Tauchnitz ed. Vol. 2369—2370).

Field (Michael). *Callirrhoe: Fair Rosamund.* London. pp. XIII—208 in 18.

Hood (Thomas). *Whims, in Prose and Verse.* London. pp. XII and 9—148 in 12.

Hyde (James Wilson). *The Royal Mail. Its curiosities and romance.* London, 1885. pp. XIV and 391 in 18.

Molesworth (Mrs.). „Us“. *An old fashioned story.* London, 1885. pp. VI and 240 in 18.

O'Donoghue (Nannie Power). *Unfairly Won.* A novel. London. pp. VI and 375 in 18.

Ouida. *Othmar.* Leipzig, 1885. Vol. I. pp. 272. Vol. II. pp. 270. Vol. III. pp. 286 in 12.

(Coll. Tauchnitz ed. Vol. 2373—2375).

Payn (James). *The Luck of the Darrells.* A novel. Leipzig, 1885. Vol. I. pp. 279. Vol. II. pp. 279 in 12.

(Coll. Tauchnitz ed. Vol. 2371—2372).

Sanborn (Kate). *The Wit of Women.* New-York, 1885. pp. 215 in 16.

Stretton (Hesba). *The King's Servants.* I. Faithful in little. II. Unfaithful. III. Faithful in much. London. pp. VIII and 200 in 12.

Ward (Artemus). and Mark Twain. *Letters to Punch and Practical Jokes.* London. pp. VI, 2 and 17—176 in 12.

Warden (Florence). *A Vagrant Wife.* London. pp. 224 in 18.

ИСТОРИЯ.—БІОГРАФІЯ.—МЕМУАРЫ.

Brown (Cornelius). *True Stories of the Reign of Queen Victoria.* London, 1886. pp. XVI and 304 in 18.

Chamberlain (the Right Hon. Joseph). *Speeches.* With a sketch of his life Edited by Henry W. Lucy. London, 1885. pp. XII—256 in 18.

Grant (U. S.). *Personal Memoirs.* London, 1885. Vol. I. pp. 584 in 8.

Higginson (Thomas Wentworth). *A Larger History of the United States of America to the close of President Jackson's Administration.* London, 1885. pp. XII and 470 in 4.

Paul (Alexander). *The History of Reform.* A record of the struggle for the representation of the people in Parliament including the debates of the bill of 1884 in the House of Lords. Third edition. London, 1884. pp. VIII and 278 in 12.

Pompadour. *The Secret Memoirs of Madame la marquise de Pompadour* collected and arranged by Jules Beaujoint. London, 1885. pp. II and 257 in 8.

Thayer (William M.). *From the Tan-Yard to the White-House. The Story of President Grant's Life.* London, 1885. pp. XXIV and 411 in 18.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.—ПОЛИТИКА.—СТАТИСТИКА.

Dilke (Mrs. Ashton). *Women's Suffrage.* With introduction by Wm. Woodall. London, 1885. pp. 124 in 12.

Gladstone's (Mr.). *Midlothian Speeches.* London, 1885. pp. 30 in 12.

Hyndman (H. M.). *The Social Reconstruction of England.* London. pp. 30 in 18.

Maine (Sir Henry Sumner). *Popular Government.* Four essays. London, 1885. pp. XII and 261 in 8.

Rathbone (William), Albert Pell and F. C. Montague. *Local Government and Taxation.* London, 1885. pp. 139 in 18.

**ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУ-
ТЕШЕСТВІЯ.**

Brown (John Croumbie). Forestry in the Mining Districts of the Ural Mountains in Eastern Russia. Edinburgii, 1884, pp. VIII and 182 in 18.

Collingwood (H.). The Voyage of the Aurora. London, 1885. pp. VI and 307 in 18.

Hatton (the late Frank). North Borneo. Explorations and adventures on the Equator. With biographical sketch and notes by Joseph Hatton and preface by Sir Walter Medhurst. London, 1885. pp. XIV and 342 in 8.

Lovett (Richard). Norwegian Pictures drawn with Pen and Pencil containing also a Glance at Sweden and the Gotha Canal. London, 1885. pp. XII—224 in 4.

Mitchell (Mrs. Murray). In Southern India. A Visit to some of the chief Mission Stations in the Madras Presidency. London: 1885. pp. 383 in 12.

Russell (W. Clark). A Strange Voyage. London, 1885. Vol. I. pp. 297. Vol. II. pp. 289. Vol. III. pp. 266 in 18.

Vicary (John Fulford). An American in Norway. London, 1885. pp. VIII and 283 in 18.

Vincent (Mrs. Howard). Forty Thousand Miles over Land and Water. The Jo-

urnal of a Tour through the British Empire and America. London, 1885. Vol. I. pp. X and 292. Vol. II. pp. IV and 267 in 18.

ПЕДАГОГІЯ.—ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Bo-Пеер. A Treasury for the little ones. London, 1885. № 37—48. pp. 188 in 18.

Craig-Кнох (Isa). The Little Folks History of England. 9-th edition. London. pp. VII and 284 in 12.

Edgeworth (Maria). The Parent's Assistant, or Stories for Children. London. pp. VI and 472 in 18.

**МЕДИЦИНА. — ЕСТЕСТВЕННЫЯ
НАУКИ.**

Hartmann (Robert). Anthropoid Apes. London, 1885. pp. VIII and 326 in 18.

(The International Scientific Series Vol. LIII).

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ

Ruffini (G.). Un angelo tranquillo. Traduzione di Maria Repetti. Milano, 1885. 358 p. in 8.

Serao (M.). Il romanzo della fanciulla. 2-da edizione. Milano, 1886. VIII e 332 p. in 8.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ КНИГЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ. Январь. Пѣсни о женской неволѣ въ поэзіи Ю. В. Жадовской А. М. Скабичевскаго.—Старый портретъ. Поэма. А. П. Языкова.—У подошвы Эльбурса. Очеркъ И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевскаго.—Не судилъ Богъ. Волжскіе мотивы. Разск. А. Луговой. — Тѣлесная жизнь, какъ броженіе. Очеркъ. И. Р. Тарханова.—Принцъ Отто. Ром. Стивенсона. Съ англ. кн. I, I—IV, кн. II, I—II. А. Э.—Новѣйшая исторія одной волости. Очерки изъ жизни приволжскаго захолустья. В. Н. Назарьева.—Французская адвокатура, ея сильныя и слабыя стороны. К. К. Арсеньева.—Городъ мертвыхъ. Разск. Максима Бѣлинскаго.—Малорусская этнографія за послѣдніа 25 лѣтъ. А. Н. Пыпина.—Женскіе врачебные курсы. Изъ воспоминаній бывшей слушательницы. Ш.

Февраль. Безъ любви. Ром. Ч. I. Ольги Шанирь. — Съ сильнѣмъ не борись. Изъ памятной книжки бывшаго волостнаго писаря. Н. Астирева.—У подошвы Эльбурса. Очеркъ. И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевскаго.—Молодая редакция „Москвитянина“. Изъ исторіи русской журналистики. С. Венгерова.—Деревня и мировой судъ. (Очерки съ натуры). А. Зенченко.—Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. Бар. А. Г. Жомини.—Этюды изъ литературныхъ отношеній малорусско-польскихъ. А. Н. Пыпина.—Принцъ Отто. Ром. Стивенсона. Съ англійск. Кн. II, III—X. А. Э.—Романъ—орудіе регресса. Полное собраніе сочиненій В. М. Марзевича. К. К. Арсеньева.

НАВЛЮДАТЕЛЬ. Декабрь. Гроза. (Изъ охотничьихъ разсказовъ). Д. Сибиряка.—Сералисъ. (Оконч.) Ром. Георга Эберса.—Роль и значеніе Россіи въ Европѣ передъ Крымской войной. Барона А. Г. Жомини.—Яхонтовая діадема. (Оконч.) Ром. Марлитта.—Тѣни и пятна петербургской нравственности. V. Эксплуатация глухости и порока. (Оконч.) В. Михневича.—Маруха. Пов. Бретъ-Гарта.—Отъ сохи къ ружью. Вологдина.—Разсказы Катулла Мендеса: I. Телескопъ. II. Вѣтка пшоповника. Переводъ П. Лѣтнева.—А. А. Монферранъ, строитель Исаакіевскаго собора. (Оконч.) А. В. Старичевскаго.—Г. Паранъ. Гюнд-е-Мопассана.

Январь. Безъ воли. (Ром. П. Лѣтнева).—Кредитъ въ кустарномъ производствѣ. В. В.—Прожигатели жизни. (Мемуары парижанина). Альберта Вольфа.—Самобитное государство. В. П. Попова.—Изъ „Странныхъ разсказовъ“. Грентъ-Аллена.—Егоѣчасъ насталь. Разск. Г. А. Мачтета.—Свобода совѣсти въ Сѣв. Америкѣ. Л. Б. Кюгляревскаго.—На жизнь и смерть. Новелла. Пауля Гейзе.—Черные вороны. (Изъ деревенскихъ лѣтописей). Вологдина.—

Маделена. Разск. Эрнеста Додэ. — Положеніе рабочаго класса въ Италіи. К. Д—ча.—Международные тюремные конгрессы. Н. Арсеньева.—Идеаль. Романъ. Эмиля Золя.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. Декабрь. Наша сельская община. Гл. IX—XII. К. О. Головина. — Въ дальнихъ водахъ и странахъ. Гл. XVI—XVII. В. В. Крестовскаго.—Вѣшнія сношенія Россіи въ эпоху Крымской войны. С. С. Татищева.—Товарный кредитъ. А. Я. Антоновича.—Сингъ-сингъ. Домъ вѣчнаго молчанія. Оригинальный романъ изъ американской жизни. (Оконч.) Арнольда Гиллина.—Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ. (Оконч.) Д. В. Цвѣтаева.—Въ дѣвѣтахъ. Лѣтніе этюды. П. П. Грѣдича.—Одинъ изъ нашихъ шуманствоѣ. Цезарь Антоновичъ Кюи, какъ композиторъ оперъ и романсовъ. Г. А. Лароша.—Вѣдьма. А. А. Смирнова.—Сказки Андерсена, еще не бывшія въ русскомъ переводѣ. Пер. съ датскаго Ю. Н. Щербачевъ.

Январь. Дядюшка Михаилъ Петровичъ. Изъ записной книжки Сергѣя Васильевича Градищева. К. Орловскаго. — Портъ-Гамильтонъ и захватъ его англичанами. А. А. Бирлева. — Слѣдователи, обвинители и защитники. В. Я. Фукса.—Греко-болгарская распря. Гл. I. Р. Вителова.—Въ дальнихъ водахъ и странахъ. Гл. XVII. В. В. Крестовскаго. — Изъ записокъ сибирскаго охотника. А. А. Черкасова.—Послѣдній изъ пушкинской плеяды. С. Кіевскаго.—Органическій статутъ восточной Румелии, его основныя начала и практика. П. А. Матѣева.—Зоологическіе музеи, лабораторіи и институты. Н. Ю. Зоографа. — Въ приложеніи: Покойница. Октава Фэлье. Перев. съ франц.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ. Декабрь. Разсказы о бродягахъ. Разск. первый: „Соколинцъ“. В. Короленко. — Куда ни кинь, все клинь. Ром. Рускина.—Ч. II, гл. III—XVI. (Оконч.).—Местъ. (Очеркъ зрянскаго быта). Александра Круглова.—Невѣста. (Разск.). Изъ Франсуа Бопе. Н. Познякова.—Двѣ розы. Связь Эрнста Вильденбруха, перев. П. И. Вейнберга. — Русская музыка. В. Сѣровой.—Серень Киркегоръ. (Оконч.). Ганзена.—Областной отдѣлъ: Артели лодмановъ. Ф. Лазаревскаго.—Лѣсные охотники на крайнемъ сѣверѣ. Я. Лудмера. Бѣлорусское полѣсье. В. Бирюковича. — Текущая мѣстная статистика. В. В. — Изъ провинціальной печати. Стоимость пшеницы и ея значеніе для нашихъ успѣховъ на вѣшнемъ рынкѣ. М. Неручева.—Наброски о берлинскомъ, вѣнскомъ и лондонскомъ обществѣ. А. З—ча.

Январь. Переяславская ночь. Трагедія, написанная на южно-русскомъ языкѣ Н. И. Костомаровичъ. Переводъ Александра Корсунова.—Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ. А. Скабичевскаго.—На туманномъ сѣверѣ. Гл. I—IX. Руслана. — Аграфена Калачева. Разск. Полоцкаго. — Вдова синей бороды. (Неизданный святочный разсказъ). В. М. Текерера.—Мечтанія о трудовой жизни. Гл. I, Г. Успенскаго.—Обязанности. Гл. III—V. В. Крестовскаго (псевдонимъ).—Изъ американской литературы и жизни. Маъ-Гаханъ.—Письма Листа къ Луи Раншо. А. Д—вой. — Хиваны. Гл. I—V. Я. Абрамова.—Мировой судъ. Гл. I—VII. Н. Селиванова.—Областной отдѣлъ: Крестьянскіе семейные раздоры Л. С. Личкова. — Очерки полтавщины. В. Василенко. — Общинный бытъ и землевладѣніе у кавказскихъ горцевъ. Ф. Щербини.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Январь. Вѣчевой колоколъ. Д. Л. Мордочева.—Свадебный бунтъ. Истор. пов. Гл. I—VI. Гр. Е. А. Салиаса.—Воспоминанія. Гл. I. В. А. Сологуба. — Политическій дѣятель. Ром. Моріонъ Крауфорда.—Амазонская рота при Екатеринѣ II. Г. В. Есипова. (Съ иллюстр.).—Возстановленіе древняго храма въ Ростовѣ. (Съ иллюстр.). А. А. Титова.—Дѣдъ Пушкина. Траги-комедія конца прошлаго столѣтія. В. О. Михневича.—Воспо-

живанія артиста объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ. *Θ. А. Бурдина.* — Шевченко въ смилкѣ. *Е. М. Гаршина.* — Пльнине англичане въ Россіи. *А. Н. Молчанова.* — Государство Лунда. *Н. А. Б. (Съ иллюстр.).*

Февраль. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. *Д. А. Корсакова.* (Съ иллюстр.). — Свадебный бунтъ. Историч. пов. *Гл. VII—XIII. Гр. Е. А. Салиаса.* — Воспоминанія. *Гл. II. Гр. В. А. Сологуба.* — Императоръ Николай I въ Лондонѣ въ 1844 году. *Гл. I.—II. С. С. Татищева.* — Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ. *А. В. Старчевскаго.* — Неосуществившаяся газета Пушкина. *Θ. А. Бычкова.* — Послѣдній ростовскій архіепископъ Арсеній IV, Верещагинъ. *А. А. Титова.* (Съ иллюстр.). — Первые шаги академической науки въ Россіи. *П. Н. П.* — Всеобщая литература въ нашихъ университетахъ. *А. И. Кирпичникова.* — Современная Корея. *А. Н. М. (Съ иллюстр.).* — Общественная жизнь въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка. *Гл. I—II. В. Р. Зотова (Съ иллюстр.).*

РУССКОЕ БОГАТСТВО. Декабрь. Общественный организмъ. Я — а. За расчетомъ. Разск. *Н. Познякова.* — Къ вопросу объ электричествѣ. *Н. Бахметьева.* — Гигиеническіе совѣты людямъ умственнаго труда. *В. Цортугалова.* — Oh, Ses Russes! Разск. *Хруцова-Сокольниковъ.* — Царство смерти. Физиологической этюдъ. *И. А. Бутакова.* — Деревня и городъ. *Гр. Л. Н. Толстаго.* — За идеаломъ. Ром. *М. И. Красова.* — Посмертный трудъ Карла Маркса. *М. М. Ф.*

Январь. Научныя основанія ученія любви. *Л. Оболенскаго.* — Люди и собаки. Картина восточной жизни. *Кота-Мурлыкки.* — Происхожденіе міра по новымъ научнымъ даннымъ. *Льва Мечникова.* — Цвѣтокъ счастья. Ром. *Е. Вернеръ.* (Съ ил.) — Чѣмъ должна быть теорія прогресса? *Н. Карѣева.* — Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. *И. Юзова.* — Въ чемъ счастье? *Гр. Л. Толстаго.* — Къ вопросу о женскихъ врачебныхъ курсахъ.

ЕГІВСКАЯ СТАРИНА. Январь. Люди старой Малороссіи. (Кулябки и Ломповскіе). *А. Лазаревскаго.* — Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. *Н. Θ. Сумцова.* — Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ. *Д. И. Эварницкаго.* — Изъ эпохи крестьянской реформы на югѣ Россіи. *П. Е.* — Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ. *В. Горленка.* — Дневникъ новгородскаго подсудка Федора Евлашевскаго. (1564—1604). Съ предисловіемъ *В. Антоновича.*

РУССКІЙ АРХИВЪ. Январь. Записки *Н. Н. Муравьева-Карскаго.* — *А. Д. Улыбашевъ.* Биографич. очеркъ. *А. Гацискаго.* — Раскольниковы, историко-бытовая драма въ 5 дѣйствъ. *А. Д. Улыбашева.*

Февраль. Записки *Н. Н. Муравьева-Карскаго.* — По поводу „поправки“ *А. П. Брячанинова.* *А. Л. Зиссермана.* — Дворъ и правительство Россіи 100 лѣтъ назадъ. *Н. А. Ратинскаго.* — Изъ бумагъ поэта *И. И. Козлова.* Статья *А. С. Хомутова.* — Наказаніе англійскаго газетчика въ концѣ прошлаго вѣка. — Къ исторіи московскихъ учреждений Императорскаго воспитательнаго дома. — Воспоминанія о Государѣ Николаѣ Павловичѣ. *Н. Соколова.* — Дѣла давно минувшихъ дней: крестьяне села Троицкаго, отыскивающіе вольную. *Н. А. Рѣшетова.* — Отповѣдь князя *П. А. Мещерскаго* „Старухѣ изъ стени“. — Историческая поправка (о генералъ-адъютантѣ Паниютинѣ: рескриптъ ему императора Франца-Иосифа и письмо Гайнау). *Н. Н. Н.* — По поводу записокъ *Н. Н. Муравьева.* Замѣчанія *И. М. Муравьева-Апостола.* — Стихи сенатора *И. М. Муравьева-Апостола* на 14 дек. 1825 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Январь. Нравы русскаго общества въ періодъ времени отъ кончины Петра I до Екатерины II. *В. Гольцева.* — Квартирный вопросъ въ большихъ городахъ. *Николая Зибера.* — Къ реформѣ мирового суда.

И. Тютрюмова.—Дисциплинарная дѣла, разрѣшенныя въ 1884—1885 году московскимъ совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.—Раменская фабрика. И. Сидорова.—Крестьянское хозяйство въ Воронежскомъ уѣздѣ. Н. Астырева.—Международный статистическій институтъ. А. Чулова.—Протоколы засѣданій комиссіи моск. юрид. общ.

Февраль. Нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины II. В. Гольцева.—О русскихъ и другихъ православныхъ рабахъ въ Испаніи. М. Ковалевскаго.—Земскіе соборы древней Руси. Н. Карѣева.—Квартирный вопросъ въ большихъ городахъ. Н. Зибера.—Сопrotивленіе и неповиновеніе властямъ, какъ особое преступленіе. И. Щегловитова.—О первобытной круговой поруки. И. Собѣстіанскаго.—Къ вопросу о банкахъ краткосрочнаго кредита. Е. Эпштейна.—Раменская фабрика. И. Сидорова.—Земская эмеритуря. А. Тютрюмова.—По поводу прибавки содержанія членамъ окружныхъ судовъ. А. Тимановскаго.—Изъ отчета комитета помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты за 1884—1885 г.—Программа изслѣдованія крестьянскаго дѣла за истекающее двадцатипятилѣтіе.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1886 году.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

Ежемесячный журналъ «ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ», издаваемый Московскимъ Юридическимъ Обществомъ, согласно съ кругомъ дѣятельности послѣдняго и учрежденнаго въ составѣ Общества Статистическаго Отдѣленія, служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получало въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по исторіи и методологіи права, по экономическому и финансовому законодательству; международному, государственному и общественному праву; по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству и по земскимъ вопросамъ. Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника законодательной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ управленія, хроника гражданского и уголовного суда, извлеченія изъ кассационныхъ рѣшеній сената уголовныхъ и гражданскихъ, библиографія, разные извѣстія, замѣтки и т. д. Кроме того въ журналѣ помѣщаются протоколы засѣданій Юридическаго Общества и Статистическаго Отдѣленія и Отчетъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

Въ 1885 г. въ журналѣ были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ: *К. Д. Анциферова, А. И. Аммона, С. М. Будзинскаго, В. Н. Баудера, Д. И. Боброва, А. И. Башмакова, Л. И. Бълецкаго, Н. Н. Верещанина, В. А. Гольцева, М. Я. Герценштейна, В. Н. Григорьева, М. Я. Готовицкаго, А. Г. Гусакова, И. И. Дитяткина, Д. А. Дриля, Г. А. Джаншиева, В. О. Дерюжинскаго, Ю. А. Дубовицкаго, Н. И. Зибера, К. А. Змирлова, А. А. Исаева, Г. И. Иллюстрова, М. М. Ковалевскаго, гр. Л. А. Комаровскаго, Н. И. Карьева, Н. О. Куплевскаго, А. И. Кочубея, Н. Н. Любовича, В. Ф. Левитскаго, Я. А. Лудмера, С. А. Муромцева, А. И. Миттеля, А. С. Невскаго, В. С. Пруавина, Н. И. Ржондовскаго, И. М. Рева, А. Л. Рудановскаго, В. Ю. Скалона, Н. И. Селиванова, И. Н. Собствіанскаго, В. Т. Судейкина, Г. П. Сазонова, В. С. Стебницкаго, Д. Г. Тальбера, И. Т. Тарасова, А. Т. Тимановскаго, И. М. и А. М. Тютрюмовыхъ, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, С. С. Хрулева, Е. М. Эштейна, и др.*

Журналъ издается подъ редакціей С. А. Муромцева и В. М. Пржевальскаго, при ближайшемъ участіи въ редакціи Н. А. Наблюкова.

Цѣна ВОСЕМЬ р. съ пересылкою и доставкою; безъ доставки СЕМЬ р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала—Петровскія торговля лѣнія, контора Н. Н. Печновской, и въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библиотекою.

Редакція журнала помѣщается въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцевой.

1886 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1886 г.

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ)

ЖУРНАЛЬ, ИЗДАВАЕМЫЙ РУССКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до специальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и министерства, вновь разрѣшаемыя повреженныя изданія, перемѣны въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ одобренныхъ для учебныхъ заведеній и ихъ библиотекъ и проч.); свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, итѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и проч.); 4) указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ, нотъ, гравюръ, эстамповъ, картинъ); указатель содержанія русскихъ журналовъ; указатель помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ отзывовъ о книгахъ; 5) предложеніе и спросъ; 6) объявленія.

Срокъ выхода два раза въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна 3 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Страница in 8°	8 р. — к.
1/2 страницы	4 » 50 »
1/4 »	2 » 50 »
Строка петита въ ширину страницы	— » 20 »
Строка петита въ ширину столбца	— » 10 »

Объявленія и подписка на журналъ принимаются въ правленіи общества (С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, 29, квартира 7), отъ 11 часовъ утра до 4 пополудни.

Для личныхъ объясненій и справокъ правленіе и редація открыты ежедневно отъ 5 до 6 часовъ пополудни, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ.

Въ правленіи общества можно получать полные комплекты «Нижняго Вѣстника» за 1884 и 1885 годы. Цѣна по 3 руб. за годъ, съ доставкой и пересылкой.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

СТИХОТВОРЕНІЯ С. НАДСОНА.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

Цѣна 1 руб. 50 коп. Пересылка за два фунта.

Во всѣхъ московскихъ книжныхъ магазинахъ и складахъ учебныхъ пособій, а также у Н. Фену и К^о (въ Петербургѣ) находится въ продажѣ слѣдующія

ИЗДАНІЯ А. А. ПОПОВА.

Тѣньные портреты русскихъ писателей. (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ или потолкѣ).—Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Крыловъ, Бальцовъ, Тургеневъ, Некрасовъ и гр. Л. Толстой.—2-е, значительно улучшенное изданіе. Цѣна 40 н.

Бѣжинъ лугъ. Складная картинка, служащая иллюстраціей къ разсказу И. С. Тургенева, съ приложеніемъ портрета писателя-художника, краткой его биографіи и отрывка изъ разсказа „Бѣжинъ лугъ“. Цѣна 60 н.

Дядюшка Яковъ. Складная картинка, служащая иллюстраціей къ стихотворенію Н. А. Некрасова, съ приложеніемъ портрета писателя, краткой его биографіи и стихотворенія „Дядюшка Яковъ“. Цѣна 60 н.

Одобрительные отзывы объ изданіяхъ А. А. Попова были помещены въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Курьерѣ“, „Новомъ Времени“, „Газетѣ Гатцука“, „Современныхъ Извѣстіяхъ“, „Новостяхъ Дня“ и другихъ.

Выписывающіе отъ издателя А. А. Попова (Москва, 4-я Ямская, д. Баранова) за пересылку не платятъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: „Скорбный путь“. <i>К. В. Назаревой.</i> —„Мракъ“. <i>Дм. Муравлина.</i> —„Мелкіе рассказы“. Переводъ <i>С. А. Гумшамбаровою</i>	73
Философія: „Прошедшее философіи“. <i>Е. де-Роберти.</i> —„Les principes de la morale“ <i>Emile Beaussire.</i>	80
Исторія: „Переходъ Россіи въ регулярной арміи“. <i>П. О. Бобровскаго.</i> —„Полное собраніе сочиненій“ <i>кн. П. А. Вяземскаго.</i> —„Die Hanse und ihre Handelspolitik“ <i>Prof. Dr. Dietrich Schäfer</i>	84
Статистика и политическая экономія: „Краткій очеркъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій“. <i>Н. О. Осипова.</i> —„Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Коломенскаго уѣзда“. <i>Е. М. Деметъева.</i> —„Die Verstaatlichung des Grundkredits“ <i>Н. F.</i>	92
Юридическія книги: „Государственное право важѣйшихъ европейскихъ державъ“. <i>Проф. А. Градовскаго.</i> —„Юридическій лексиконъ, объясняющій термины и институты всѣхъ правъ, судопроизводства, судоустройства и нотаріата“. <i>Н. Гурлянда.</i>	96
Публицистика: „Почему Лодзь и Сосновицы побѣждаютъ Москву?“ <i>С. Ѳ. Шаранова.</i>	98
Языковѣдѣніе: „Введеніе въ общее языковѣдѣніе“. <i>А. Ф. Потта.</i> —„Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ“.—Поэмы Гомера: „Иліада“ и „Одиссея“. <i>Перев. В. Краузе.</i>	103
Естествознаніе и медицина: „Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ“. <i>Д-ра физики О. Хвольсона.</i> —„Фотографія на бромъ-желатинныхъ пластинкахъ“. <i>Делюжа.</i> —„Электрическіе аккумуляторы“. <i>В. Чиколева.</i> —„Примѣненіе электричества къ домашнему быту“. <i>М. Денисьевскаго.</i> —„Справочная книжка по электротехникѣ“. <i>В. Чиколева.</i> —„Труды комиссіи при Императ. русскомъ техн. обществѣ по вопросу о нефтепроводахъ и мѣрахъ къ развитію нефтянаго дѣла въ Россіи“.—„Труды перваго съѣзда нефтепромышленниковъ въ гор. Баку“.—„С.-Петербургская городская комиссія общественнаго здравія“.—„Медицинскій очеркъ села Вербовца“. <i>Студ. Борисова.</i> —„Лекціи о бактеріяхъ“. <i>Д-ра А. де-Барри.</i> —„Лекціи по частной патологіи и терапіи“. <i>Либермейстера.</i>	108
Педагогика, учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія: „Народная школа“. <i>Инженера И. Павлова.</i> —„Уроки христіанскаго ученія“. <i>Д-р Ѳ. Соколова.</i> —„Начала русской грамматики“. <i>Ѳ. Ѳ. Пуциковича.</i> —„Краткая	

русская грамматика и упражненія къ правиламъ правописанія“. С. Сумскаю.— „Добро-азбука“. А. Дмитриевскаю.— „Краткій практическій курсъ растительной гистологій для начинающихъ“. Д-ра Э. Страсбургера.— „Краткое руководство для практическихъ занятій по микроскопической ботаникѣ и введеніе въ микроскопическую технику“. Д-ра Э. Страсбургера.— „Основныя начала химіи“. Д-ра Р. Арендта.— „Полный курсъ коммерческой корреспонденціи“. С. М. Бараца.— „Загадки“ (дѣтская игра). Деркачева.— „Саардамскій плотникъ“. Фурмана.— Изданія „Народной бібліотеки“: „Король Лиръ“ и „Первая помощь до прихода лѣкаря“.— „Путешествіе въ сѣверный край Россіи“. Яхонтова.— „Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ“. В. Острогорскаго.— „Дѣти лѣсовъ“. А. Крумова.— „Приключенія Яси“. Елизы Ожеико 119

Сельское хозяйство: „Къ вопросу о причинахъ паденія цѣнъ на пшеницу“. В. И. Касперова.— „Молочное хозяйство въ Финляндіи“. Д. Е. Карпенкова.— „Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1886 г.“. О. А. Ваталина 126

Лубочная литература: „Князь Серебрянный“. Е. Сетшиковой.— „Князь Серебрянный“. Изд. А. А. Абрамова.— „Ермакъ или покоритель Сибирскаго царства“. В. Шмитановскаю.— „Русскій бояринъ или смерть князя Михаила Ивановича Воротынскаго“. В. Суворова.— „Царь Іоаннъ IV Грозный въ эпоху опричникъ“. Изд. Д. И. Прѣснава.— „Японча, татарскій наѣздникъ, или страшная смерть безъ винъ“. Изд. П. Н. Шарпова.— „Японча, татарскій наѣздникъ, или покореніе Казани“. С-ва.— „Михаилъ Новгородскій или нарушенная клятва“. Н. Зряхова.— „Черный воронъ или „по дѣломъ вору и мука“. Изд. Д. И. Прѣснава.— „Атаманъ-разбойникъ Чортовъ-усъ“. Изд. Д. И. Прѣснава.— „Могила Маріи или притонъ подъ Москвою“. Изд. Е. В. Манужиной.— „Могила Маріи“. Изд. И. Д. Сытина.— „Дочь разбойница или любовникъ въ бочкѣ“. Изд. Д. И. Прѣснава.— „Марина Мишець, дочь сендомірскаго воеводы и жена Дмитрія Самозванца“. Изд. И. Д. Сытина.— „Нищій или избавленная жертва“. И. Николаевича.— „Гражданинъ Мининъ и князь Пожарскій“. С. Извольскаю.— „Панъ Салѣга или 16-ти мѣсячная осада Троицкой лавры“. Изд. Д. И. Прѣснава.— „Рука Всевышняго отечество спасла или освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ 1612 г.“ Изд. А. А. Абрамова.— „Аскольдова могила“. И. Глазова.— „Воевода Волчій-Хвостъ“. Кондратьева 128

Плоды книгопродавческой спекуляціи: „Гигіено-экономическій словарь практическихъ познаній“. В. П. Левшина-Иноземцева.— „Лучи ума“. Педагога Пальховскаго.— „Законъ и правда“. Изд. С. И. Леушина 134

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, январь.— „Сѣверный Вѣстникъ“, январь.— „Русскій Вѣстникъ“, январь 137

III Указатель новыхъ книгъ 1

IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ: „Вѣстникъ Европы“.— „Наблюдатель“.— „Русскій Вѣстникъ“.— „Историческій Вѣстникъ“.— „Сѣверный Вѣстникъ“.— „Русское Богатство“.— „Кіевская Старина“.— „Русскій Архивъ“.— „Юридическій Вѣстникъ“ 18

V. Объясненія.

	<i>Стр.</i>
XV. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.—Н. Ш.	132
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: 19 февраля 1861—1886 гг. .	150
XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: А. Г. Рубинштейнъ и его историческіе концерты.—Н.	177
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Философія.—Исторія.—Статистика и политическая экономія.— Юридическія книги.—Публицистика.—Языкознаніе.—Естест- вознаніе и медицина.—Педагогика, учебники и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія.—Сельское хозяйство.—Лубочная литература.—Плоды книгопродавческой спекуляціи. II. Періо- дическія изданія: «Вѣстникъ Европы», январь.—«Сѣверный Вѣстникъ», январь.—«Русскій Вѣстникъ», январь. III. Ука- затель новыхъ книгъ. IV. Содержаніе послѣднихъ книгъ русскихъ журналовъ. V. Объявленія	1

При этой книгѣ прилагается каталогъ изданій музыкальнаго магазина
П. Юргенсона.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО МЕЖДУ 15 И 20 ЧИСЛАМИ.

Условія подписки на 1886 годъ

(седьмой годъ изданія).

Въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки 15 руб.

съ доставкою 16 руб.

Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи 17 руб.

За границу 19 руб.

За шесть мѣсяцевъ половина годовой цѣны.

Одинъ мѣсяць 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Подписывающимся въ конторѣ журнала или ея отдѣленійхъ допускается разсрочка: при подпискѣ и затѣмъ къ 15 марта, мая и июля по 3 рубля, остальные въ сентябрѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА: Москва, Леонтьевскій, 21 (открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 до 4 час. дня).

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ: Петровскія линіи, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской.

Фуркасовскій пер., д. Обидиной, при книжномъ магазинѣ А. А. Барцева.

Въ Петербургѣ: Невскій пр., д. Армянской церкви, при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о.

Отъ изданія прежнихъ лѣтъ осталось только второе полугодіе (юль—декабрь) прошлаго 1885 г. Цѣна за шесть книгъ 6 рублей, съ пересылкой 7 рублей.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

**UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY**

**Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.**

15 May 51 H P
21 Jan 52 L

ICLF (N)

JUN 9 1979

REC. JIR. JUN 5 1979

LD 21-100m-11, '49 (B7146s16) 476

C008551072

